

История
Дагестана
с древнейших времен
до наших дней

Том 1

НАУКА

9(Даг)

И 90

История Дагестана

с древнейших времен
до наших дней

Том 1

История Дагестана
с древнейших времен
до XX века

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 94(470.67)
ББК 63.3(Рос.Дар)
И90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 03-06-87089

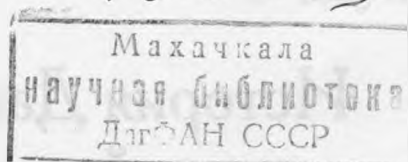
Редакционная коллегия:

М.Г. ГАДЖИЕВ, О.М. ДАВУДОВ, Г.Ш. КАЙМАРАЗОВ,
А.И. ОСМАНОВ (ответственный редактор),
Х.Х. РАМАЗАНОВ, А.Р. ШИХСАИДОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук М.Р. ГАСАНОВ,
доктор исторических наук Г.С. ФЕДОРОВ

165679

История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Ин-т истории, археологии и этнографии. – М.: Наука, 2004 – . – ISBN 5-02-009851-5

Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX века / Отв. ред. А.И. Османов. – 2004. – 627 с. – ISBN 5-02-009852-3 (в пер.)

Книга посвящена истории социально-экономического и политического развития дагестанских народов. По-новому интерпретируются важные проблемы древней, средневековой и новой истории региона: причины распространения ислама, возникновение городов и городской культуры, специфика развития сельского хозяйства и промышленности. Авторы использовали большое количество новых источников. Книга хорошо иллюстрирована.

Для историков, этнографов, археологов и более широкого круга читателей.

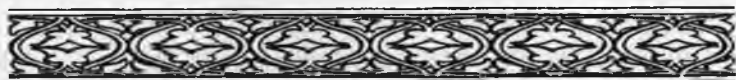
ТП-2004-II-№ 253

ISBN 5-02-009852-3

© Коллектив авторов, 2004
© Российская академия наук, 2004
© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2004
© Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2004

Раздел первый

**Первобытнообщинный
строй и зарождение
классового общества
на территории Дагестана**

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Введение

В 50-е годы прошлого века Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР впервые взялся за создание крупной обобщающей работы академического характера по истории Дагестана. Это были “Очерки истории Дагестана” в двух томах, изданные в 1957 г. Дагкнигоиздатом. Первая попытка по созданию труда, более или менее последовательно освещающего историю Дагестана с древнейших времен до середины 50-х годов, оказалась удачной. Общественность республики положительно восприняла как саму идею по написанию обобщающей работы учеными Института, так и ее реализацию.

Такое внимание общественности, имеющиеся наработки и рост научного потенциала Института позволили сразу по окончании этой работы приступить к подготовке более полной и системной истории Дагестана. Был создан авторский коллектив, подобранный из числа наиболее высококвалифицированных специалистов (Г.А. Аликберов, Д.М. Атаев, Ш.М. Ахмедов, В.Г. Гаджиев, М.Г. Гаджиев, С.Ш. Гаджиева, М.Р. Гасанов, Ч.Г. Гашимов, Г.Д. Даниялов, Н.В. Даниялова, П.М. Дебилов, Г.Ш. Каймаразов, И.К. Керимов, В.Г. Котович, В.М. Котович, А.Г. Мелешко, Г.И. Милованов, Г.Я. Мовчан, А.С. Омаров, М.-З.О. Османов, Х.Х. Рамазанов, Х.М. Халилов, А.Э. Эльмурзаев, А.И. Эфендиев, А.Р. Шихсаидов, Р.С. Шихсаидова) и возглавляемый директором Института Г.Д. Данияловым. За сравнительно короткий срок этим коллективом была создана четырехтомная “История Дагестана”, охватывающая период с древнейших времен до середины 60-х годов XX в. Все четыре тома этого труда были изданы в течение 1967–1968 гг. издательством “Наука” Академии наук СССР и получили всеобщее признание. “История Дагестана” и по сей день пользуется спросом среди студентов и преподавателей вузов и средних специальных учебных заведений, к ней обращаются все, кто интересуется прошлым своих народов, родного края.

Хорошим пополнением на исторической полке дагестановедения и в целом кавказоведения стала подготовленная в 70-е годы совместными усилиями ученых Москвы и Северного Кавказа “История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней”. Однако на издание ее в полном объеме не хватило сил и средств научных учреждений. В 1988 г. были изданы лишь первые два тома этого уникального труда, охватывающего период с древнейших времен до конца XVIII в.

В эти годы в связи с начавшейся перестройкой и радикальными реформами в жизни страны возрос интерес общественности к истории. Объяснялось это

тем, что общественность все чаще стала искать ответы на острые вопросы современности в прошлом. Удовлетворяя в какой-то мере этот спрос, Институт выпустил “Историю Дагестана с древнейших времен до конца XV в.” (Махачкала, 1996, авторский коллектив – М.Г. Гаджиев, М.Г. Давудов, А.Р. Шихсаидов).

Однако в одно из последних изданий Института не вошли периоды, по которым нет единства мнений, встречаются разночтения. В то же время широко распространяется псевдонаучная литература, фальсифицирующая историческое прошлое ряда дагестанских народов, их происхождение.

Отвечая на вызов времени, историки Института подготовили новое двухтомное издание “Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней”, которое опирается на предыдущие издания и в котором с учетом современных достижений исторической науки дается объективная картина многогранного, многомерного сложного процесса поступательного развития Дагестана.

В первом томе “Истории Дагестана” рассматривается период с древнейших времен до XX в. Второй том, который также подготовлен к изданию, посвящен целиком истории XX в.

В первом томе дается новая периодизация истории первобытного общества. Дагестан рассматривается как древнейший на территории России очаг возникновения производящего хозяйства и развития раннеземледельческой культуры по переднеазиатской модели. Показано своеобразие культурно-исторического развития Дагестана, обусловленного его географическим положением на стыке древних культур и цивилизаций Европы и Азии. Своеобразие горного края прослеживается в неравномерности темпов исторического развития отдельных областей Дагестана, пульсирующем характере исторического процесса, затяжном характере формирования цивилизации и становления раннеклассового общества. Освещается проблема этногенеза и ранней этнической истории народов Дагестана до появления первых сведений о них в сочинениях древних авторов, вовлечения их в орбиту культурно-экономических и политических связей с иранскими народами и тюркским миром, борьба дагестанских народов против агрессии иранских шахов и турецких халифов.

Особое место в работе занимают вопросы российско-дагестанских отношений, присоединения Дагестана к России. Не обойдены вниманием и такие острые проблемы, по которым существуют разные, порой противоположные оценки, как антиколониальная и антифеодальная борьба горцев Дагестана и Северного Кавказа в 20–60-х годах XIX в. Раскрывается роль административно-судебных реформ 60–90-х годов, проведенных царским правительством, в умиротворении края, в экономическом развитии дагестанских народов.

Важнейшей особенностью нового издания “Истории Дагестана” является то, что его авторы не ограничились односторонними оценками, изложением своего субъективного мнения о наиболее крупных, узловых проблемах истории, а указали на другие мнения, существующие по той или иной проблеме, выделяя из них наиболее дискуссионные.

Авторский коллектив первого тома: А.И. Османов (Введение), М.Г. Гаджиев (Гл. I, II, III разд. I), О.М. Давудов (Гл. IV, V разд. I), А.Р. Шихсаидов (Гл. I–VIII разд. II), Р.И. Сефербеков (часть § 5 главы IV разд. II), М.-С.К. Умаханов (Гл. I, II, III разд. III), В.Г. Гаджиев (Гл. IV, V разд. III, гл. I–IV разд. IV), Х.Х. Рамазанов (Гл. V–VI разд. IV), С.Ш. Гаджиева (Гл. V, разд. IV), Г.Ш. Каймаразов, М.Я. Мирзабеков, М.-З.О. Османов (гл. VII).

Глава первая

Дагестан в эпоху становления первобытного общества

§ 1. Естественно-географические условия Дагестана в четвертичном периоде

Территория Дагестана является частью Восточного Кавказа и занимает его северо-восточный склон. По характеру рельефа и особенностям природных условий она подразделяется на четыре основные геоморфологические зоны. Разнообразие естественно-природных условий Дагестана этим не исчерпывается. Каждая из указанных геоморфологических зон, в свою очередь, состоит из более мелких районов и микрорайонов, отличающихся своеобразием ландшафта и климата. Современный сильно расчлененный рельеф Восточного Кавказа, как и Кавказа в целом, начал формироваться около 10 млн лет назад¹.

В начале четвертичного периода эта часть Кавказа была поднята горообразовательными процессами на значительную высоту. Одновременно эти же процессы образовали серии ярусно расположенных поверхностей выравнивания. В дальнейшем поверхность ее подвергалась нескольким оледенениям, размыту флювиогляциальными потоками, активному воздействию речной и ветровой эрозии, трансгрессии Каспия.

В четвертичном периоде значительная часть Европы и Азии подвергалась оледенениям. Особенно быстро ледники охватили северные области и высокогорные районы, в том числе и Кавказа. Всего было четыре оледенения. Скорость их распространения, размеры покрываемых ими площадей были разными. Широкое расселение первобытных людей на Кавказе стало возможным в теплые климатические периоды. Условия в межледниковый период благоприятствовали пребыванию и передвижению людей в горных районах, их переселению в северном направлении, проникновению их в глубь гор Большого Кавказа.

В эпоху оледенений условия жизни на Кавказе сильно менялись: резко понижались границы вечных снегов, сильно перемещались по вертикали ландшафтные зоны, что приводило к большим изменениям растительных и животных миров. При таких условиях первобытные люди покидали горные районы и укрывались в естественных убежищах предгорий и межгорных котловин, в глубоких каньонах. Горно-ледниковый барьер Кавказа в тот период становился непреодолимым, и была возможна, как считают специалисты, определенная изоляция Северного Кавказа и Закавказья. В последний, наиболее суровый период вюрмского оледенения, завершившегося около 10 тыс. лет назад, зона человеческого обитания на Кавказе предельно сужается: человек оставляет горные районы и районы Восточного Кавказа².

Одновременно с оледенением происходили значительные колебания уровня Каспийского моря. Специалисты насчитывают три четвертичные трансгрессии Каспийского моря. Их следы в виде древних морских террас четко прослеживаются в Приморском Дагестане. Судя по ним, во время древних трансгрессий воды Каспия покрывали почти полностью приморскую равнину³.

Вместе с рельефом формировалась и речная сеть, которая в начале четвертичного периода напоминала современную и состояла из сложной системы продольных и поперечных речных долин. В послеледниковый период – в голоцене – в результате интенсивной водной эрозии, произошедшей вследствие аридизации климата, происходит сокращение террасированных площадей, в особенности речных террас. Со времени становления производящего хозяйства, возникновения земледелия и скотоводства, начавшихся около 9–8 тыс. лет назад, к этим природным факторам добавляется также антропогенный. Происходит обезлесение, интенсивное освоение под земледелие горных склонов, превращавшихся в искусственные земледельческие террасы, которые поднимались по склонам в виде гигантских лестниц. Они в значительной степени изменили первоначальный естественный облик горной зоны Восточного Кавказа. Так в конечном итоге сложился современный рельеф Дагестана.

Горообразовательные процессы, оледенения, наступания и отступления моря, имевшее место в четвертичном периоде, образовывали ту сложную и меняющуюся природную среду, на фоне которой протекали ранние этапы истории человеческого общества на Северо-Восточном Кавказе, на территории Дагестана.

§ 2. Эпоха праобщины

Первобытное общество было самым продолжительным по времени этапом истории человечества. В настоящее время считается, что оно возникло 2,5–1,5 млн лет назад и завершилось в пределах последних 5 тыс. лет, различаясь на разных континентах. Древнейший человек появился впервые в Африке и Азии, а классовые общества там сложились в IV–III тысячелетиях до н.э., в других же областях Старого Света – еще позднее.

Существуют различные подходы к периодизации истории первобытного общества, из которых наиболее широко используются специальная (археологическая) и общая (историческая)⁴. Согласно археологической периодизации, основанной на различиях в материале и технике изготовления орудий труда, древнейшая история подразделяется на три века: каменный, бронзовый и железный. Каменный век, в свою очередь, делится на древнекаменный (палеолит), среднекаменный (мезолит), новокаменный (неолит). Между каменным и бронзовым веками выделяется особый период, так называемый меднокаменный век (энеолит), связанный с появлением первых изделий из меди при господстве еще каменных.

Общая (историческая) периодизация основана на развитии форм собственности и распределения. Согласно этому критерию, важнейшие этапы истории первобытного общества отождествляются с основными этапами развития первобытной общины, и в этой истории выделяются три периода: эпо-

ха праобщины (первобытного человеческого стада) – становление первобытной родовой общины – время зрелости, эпоха классообразования и распад первобытнообщинного строя.

Становление первобытнообщинного строя происходит в палеолите, который охватывает время от возникновения человека на земле (более 2,5 млн лет назад) до начала геологической современности (10 тыс. лет). В палеолите, в свою очередь, выделяется несколько археологических эпох. Первая, самая древняя из них – олдувайская, затем следует абевильская. Их сменили ашельская (от 400 до 80 тыс. лет), мустьерская (от 80 до 35 тыс. лет) и верхнепалеолитическая (от 35 до 10 тыс. лет) эпохи. Эти эпохи соответствуют геологическим периодам в виде сменяющих друг друга оледенений и межледниковий⁵. Наряду с этим существуют двухчленная и трехчленная периодизации палеолита. В двухчленной периодизации первые четыре эпохи – от олдувайской до мустьерской включительно – объединяются в нижний или ранний палеолит. Согласно трехчленной периодизации, к нижнему палеолиту относятся только эпохи от олдувайской до поздней ашельской, а мустьерская выделяется в средний палеолит⁶.

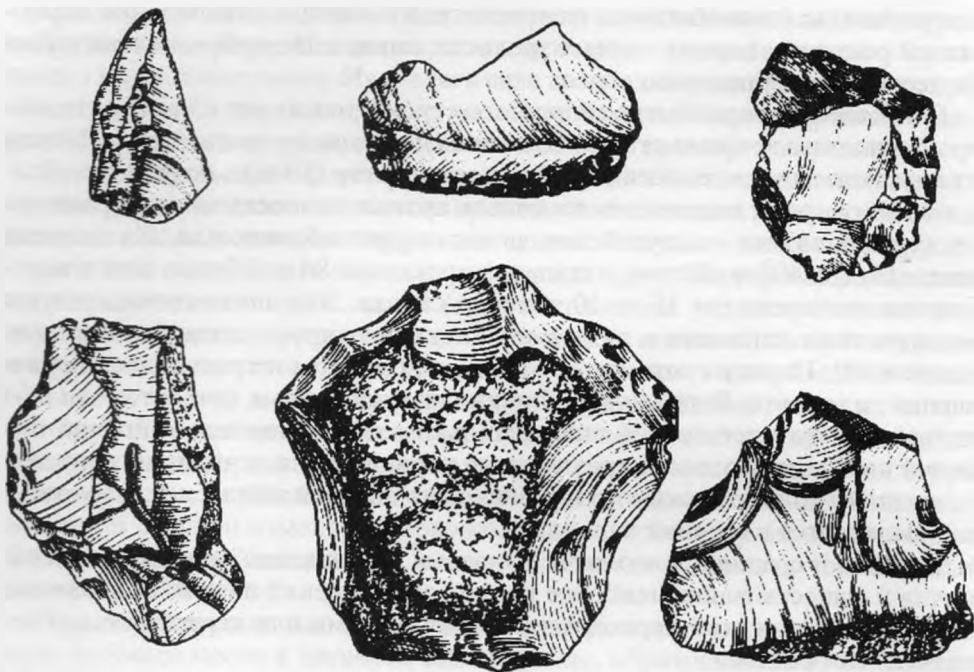
Нижний и средний палеолит – это время становления первобытного общества и существования наиболее ранних объединений людей, называемых согласно исторической периодизации праобщинами или первобытными человеческими стадами.

В силу благоприятных природно-географических условий и особенностей расположения Кавказ наиболее подходил для освоения нашими далекими предками. Его заселение происходило из Передней Азии, однако время проникновения человека в пределы Кавказа до сих пор не вполне ясно. В свете современных данных наиболее вероятным считается, что люди появились в миндель-рисское время, т.е. в период большого и теплого предпоследнего межледниковья. Широкое же освоение людьми территории Кавказа происходит во второй половине ашельской эпохи, особенно в позднем ашеле, соответствующем времени последнего (рисс-вюрмского) межледниковья (150–80 тыс. лет назад). Многочисленные следы пребывания ашельских людей известны в Закавказье, Причерноморье и Прикубанье⁷.

В позднеашельскую эпоху была заселена и часть территории Дагестана на равнине и в горах⁸. Следы деятельности ашельского человека обнаружены здесь в ущелье Чумус-Иниц, на границе Дербентского и Кайтагского районов. Здесь найдены крупные массивные кремневые отщепы и изготовленные из них грубые рубящие орудия, примитивные скребла и другие изделия, аналогичные найденным на одновременных памятниках Кавказа.

В Горном Дагестане несколько кремневых изделий – отщепов ашельского облика – обнаружено вблизи Усиша Акушинского района.

Ашельские охотники и собиратели освоили различные ландшафтные зоны Кавказа, приспособив свое хозяйство к конкретным природно-географическим условиям. В горно-лесных районах Западного Кавказа охотились на крупных нестадных хищников (пещерный медведь), в горностепных и лесостепных районах Закавказья – на стадных травоядных (бизон, лошадь, дикий козел и др.). Судя по сходству естественно-географических условий Дагестана и Закавказья аналогичная специализированная охота, вероятно, практиковалась и на Северо-Восточном Кавказе. Уже в это время появля-

Кремневые орудия ашельского времени

ются различные формы коллективной охоты с помощью загонov. Развивалось также собирательство. Эта вторая по значению отрасль хозяйственной деятельности древнейших людей была источником в основном растительной пищи, которую четвертичный Кавказ доставлял человеку в изобилии.

Наиболее характерными ашельскими каменными орудиями являлись остроконечник, скребло и в особенности ручное рубило (крупное массивное орудие длиной до 15–20 см, изготовленное из валунов, желваков, кусков породы или толстых отщепов путем их двухсторонней оббивки таким образом, чтобы один конец и продольные края изделия, т.е. острие и лезвие приострялись, а другой конец – захватываемая рукой пятка орудия – оставался утолщенным и закругленным). Указанные орудия были уже более или менее специализированными и предназначались для изготовления деревянного охотничьего оружия, разделывания туш убитых животных, обработки шкур. Тщательная обработка и устойчивые формы ашельских орудий свидетельствуют о знании человеком свойств различных пород камня, о совершенствовании техники его обработки.

Большим достижением ашельского человека стало умение пользоваться огнем, служившим для него не только источником тепла, но также для приготовления пищи и борьбы с хищными животными. Освоение огня положило начало овладению человеком силами природы.

Ашельские люди жили группами, получившими в науке наименование праобщины (первобытного человеческого стада), основу которых составляла коллективная трудовая деятельность.

Мустьерская эпоха приходится на первую половину вюрмского оледенения и охватывает время приблизительно от 80 до 35 тыс. лет от современности. Она характеризуется широким расселением первобытных людей вдоль северного склона Большого Кавказа и в Причерноморье. В климатически благоприятные времена они проникали в глубь гор Кавказского Причерноморья, а также Прикубанья и Дагестана.

В Дагестане памятники мустьерской эпохи обнаружены во всех его геоморфологических зонах. На равнине – это Чумус-Иниц, Геджух (Дербентский район), Манас-озень (Ленинский район), в предгорьях – окрестности Урцекского городища (Сергокалинский район), Карабудахкент. В горах многочисленные следы деятельности мустьерского человека выявлены неподалеку от селений Усиша и Гинта (Акушинский район), в окрестностях селения Урма (Левашинский район).

Мустьерские памятники Дагестана являются в основном остатками открытых стоянок с разрушенными культурными слоями⁹. Интересны памятники мустьерского времени, обнаруженные в Приморском Дагестане вдоль р. Манас-озень¹⁰. Манас-озень – небольшая горная речка, берущая начало в Горном Дагестане и впадающая в Каспийское море к югу от Махачкалы. По обоим берегам Манас-озени от железной дороги до Карабудахкента расположено семь местонахождений мустьерской эпохи, а далее, уже в горной зоне, в районе Айдилго в окрестностях Урма выявлено еще одно местонахождение. При этом по сырью (окремнелый известняк) и составу орудий манас-озенские местонахождения и Айдилго сходны, что, возможно, свидетельствует об одном из наиболее вероятных путей заселения Горного Дагестана в раннемустьерское время.

В мустьерскую эпоху достигнуты крупные успехи в развитии техники обработки камня. Распространенные в предыдущую эпоху приемы изготовления орудий путем раскалывания и последующей обивки камня сменяются новыми, в основе которых лежало использование для изготовления орудий сравнительно тонких отщепов, сколотых со специально приготовленных каменных ядрищ – нуклеусов дисковидной формы. В некоторых южных областях (Кавказ, Крым, Средняя Азия) зарождаются еще более прогрессивные приемы изготовления орудий из удлиненных ножевидных пластин. Такая техника, получившая название леваллуазской, широко практиковалась и мустьерцами, обитавшими на территории Дагестана.

Орудия становятся разнообразными по форме и по назначению. Отщепы и пластины служили заготовками, которым последующей тщательной обработкой придавалась форма определенного орудия. Чаще всего на мустьерских стоянках встречаются остроконечники, использовавшиеся как универсальные режущие орудия, и скребла, предназначавшиеся главным образом для обработки шкур, ножи для разделки туш животных, клювовидные изделия, рубящие орудия, рубильца, скребки, попадают и резцы – приспособления для обработки дерева и кости.

Прогрессивные изменения в технике изготовления каменных орудий свидетельствуют не только о развитии производственных навыков мустьерского человека, но и о дальнейшем развитии и усложнении его хозяйства. Основой хозяйственной деятельности была охота, дополняемая собирательством. Отдельные мустьерские общины специализируются в охоте на опре-

деленные виды животных. Основными объектами охоты в мустьерское время на Северном Кавказе были бизоны, козлы, лошади, олени, муфлонообразные бараны, пещерные медведи. Охотничью добычу составляли также некоторые птицы, грызуны и рыбы. Обитатели каждой отдельной стоянки охотились обычно на один-два вида животных.

При низком уровне развития производительных сил и обусловленной этим слабостью человека в борьбе с природой первобытное производство носило коллективный характер. Охотничьим оружием мустьерцев служили деревянные копья с обожженными на огне острыми концами. Однако, пользуясь только ими, было трудно охотиться в одиночку или небольшими группами, поэтому широко практиковалась охота с помощью загонов и облав. Испуганных животных загоняли, используя пересеченный рельеф местности, в сторону крутых обрывов, где они и становились добычей охотников.

Каменные орудия мустьерцев не были еще орудиями охоты. Они предназначались для изготовления деревянного охотничьего вооружения (копий, палиц и др.), для разделывания туш убитых животных и обработки шкур. В позднем мустье появляются такие разновидности остроконечников, которые могли использоваться в качестве наконечников копий. В это время, вероятно, начинает развиваться и индивидуальная охота, благодаря чему человек имел мясную пищу, шкуры для одежды, одеял и подстилок.

Как и прежде, собирательство было второй по значению отраслью хозяйства, удовлетворявшей потребности мустьерцев в растительной пище. Специалисты обращают внимание на то, что на Кавказе мустьерские стоянки преимущественно тяготели к районам, изобилующим растительной пищей, что указывает на важную роль собирательства в хозяйстве древнейших людей.

Одной из важнейших функций большинства каменных орудий мустьерской эпохи стала обработка шкур животных и изготовление из них одежды. Это указывает на возросшую потребность в одежде, обусловленную значительным похолоданием в связи с оледенением. Суровые условия ледниковой эпохи вынуждали мустьерцев устраивать свои стоянки в укромных местах, часто – пещерах. В этих условиях резко возрастает значение огня, который становится одним из важнейших факторов, обеспечивавших благополучие мустьерских общин. И не случайно в эту эпоху были изобретены некоторые способы искусственного добывания огня.

Человек мустьерской эпохи – неандерталец – по своему облику стоял выше людей предшествующего времени. При раскопках пещер Закавказья обнаружены костные останки людей мустьерской эпохи (зубы в пещере Джуручула, Ереван I и обломок челюсти в Сакажиа).

Прогрессивные изменения в производственной деятельности отразились и на общественном строе мустьерцев. Коллективное ведение охоты с помощью загонов и облав, более или менее длительное совместное проживание и другие обстоятельства сплачивали первобытные коллективы. На Кавказе группы сходных мустьерских памятников, которые относятся к одному времени, сосредоточены на одной территории, отличаются хорошо выраженными местными особенностями. В них имеются памятники разного вида: долговременные базовые стоянки, мастерские, охотничьи лагеря. Обнаружение искусственных жилищ в разных регионах (на Кавказе они выявлены

на Ильской стоянке в Прикубанье) и погребений неандертальцев свидетельствуют о высоком уровне развития материальной культуры в эпоху мустье, а также о возникновении уже в это время идеологических представлений.

Как считают археологи, наличие отдельных археологических культур, разнотипных памятников, искусственных жилищ, намеренных захоронений предполагает, что отдельные человеческие коллективы были самостоятельными экономическими ячейками с определенными нормами общественной жизни (коллективные производственные отношения, общая собственность на территории, где занимались охотой и собирательством, а также средства труда; половозрастное, а возможно, и более сложное разделение труда; отношения взаимопомощи и взаимной заботы и т.п.), которые характерны для зарождающейся родовой организации первобытного общества¹¹.

¹ Более подробную характеристику природных условий Дагестана в четвертичном периоде и указания на литературу см.: *Котович В.Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. С. 18–34.

² Археология СССР: Палеолит СССР. М., 1984. С. 70.

³ Критическое рассмотрение литературных источников и аналитических данных по вопросу колебания уровня Каспия в плейстоцене (классификация и системное описание) // Каспийское море: Палеогеография и геоморфология каспийского региона в плейстоцене. М., 1991. С. 5–100.

⁴ История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 8–32.

⁵ Археология СССР: Палеолит СССР. С. 18–40.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 57–62; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 28.

⁸ Подробный обзор памятников и анализ материалов ашельско-мустьерского времени в Дагестане см.: *Котович В.Г.* Указ. соч. С. 35–98.

⁹ Культурный слой – это исторически сложившиеся напластования на месте поселений, в которых встречаются остатки человеческой деятельности: орудия труда, предметы вооружения, украшения, керамика, кости, угольки и др.

¹⁰ *Амирханов Х.А.* Манас-озеньские мустьерские местонахождения в Прикаспийском Дагестане // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 5–26.

¹¹ Об общественных отношениях в эпоху нижнего и среднего палеолита см.: *Любин В.П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977. С. 202–204; История первобытного общества... С. 380–388; Археология СССР: Палеолит СССР. С. 354–355; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 32.

Глава вторая

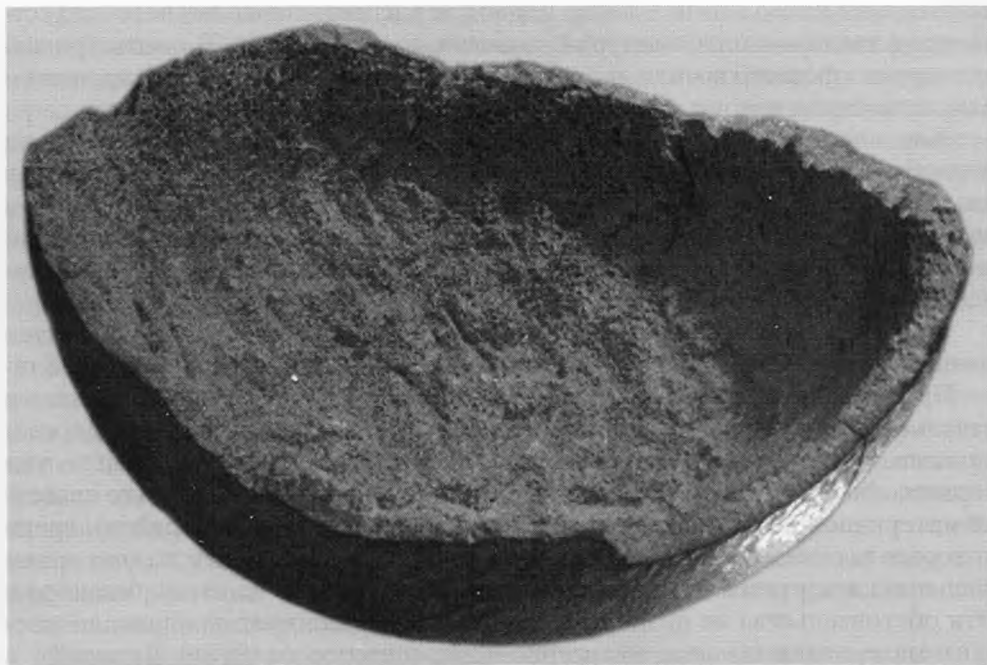
Дагестан в период расцвета первобытного общества

Наступление верхнего палеолита ознаменовано крупными сдвигами в развитии производительных сил, повлекшими за собой не менее крупные изменения в организации общества. Возросшая техническая вооруженность человека в его борьбе с природой сделала возможным существование относительно постоянных хозяйственных коллективов. Их функционирование требовало эффективного использования и дальнейшего совершенствования усложнившихся орудий, навыков труда, что было не под силу праобщине с ее сравнительно аморфной неустойчивой структурой. Поэтому праобщина уступила место более прочной форме организации общества – родовой общине, основанной на родстве (прежде всего на родстве между потомками, рожденными от одной матери, т.е. по материнской линии). Поэтому упорядоченной формой организации общества, сменившей праобщину, вероятно, был коллектив сородичей, связанных общим происхождением по материнской линии, т.е. материнский род с экзогамными брачными отношениями¹. В развитии первобытного общества зрелого периода выделяются две стадии: раннепервобытной (раннеродовой) общины и стадия позднепервобытной (позднеродовой) общины.

§ 1. Раннепервобытная община охотников и собирателей

Время существования раннепервобытной (раннеродовой) общины охотников и собирателей охватывает две археологические эпохи: верхний палеолит и мезолит.

Верхний палеолит. Эта эпоха охватывает период от 35 до 10 тыс. лет тому назад². В эту эпоху Северо-Восточный Кавказ имел почти современный геоморфологический облик. На этот период приходится заключительный этап последнего (вюрмского) оледенения со сменяющимися друг друга фазами сильных похолоданий и относительных потеплений. Главной особенностью данной эпохи стало формирование человека современного типа – кроманьонца. В верхнем палеолите происходят существенные изменения в материальной культуре: господствующей становится техника изготовления орудий из удлиненных кремневых пластин, скальывавшихся с пирамидальных и призматических нуклеусов, значительно расширяется набор самих орудий (скобели, ножевидные пластины, резцы, скребки для обработки дерева и кости, разделывания охотничьей добычи, обработки шкур, кремневые ножи, остря, проколки, использовавшиеся при изготовлении одежды), предметов вооружения (наконечники метательного оружия – копий и дротиков, наконечники стрел, в том числе и геометрические).

Белиджинская чаша из кости мамонта

765889

Совершенствование охотничьего вооружения, в особенности появление копьеметалок, увеличивших дальность полета метательного орудия, изобретение лука со стрелами в конце палеолита дали возможность разнообразить приемы ведения охотничьего хозяйства. На Северном Кавказе охотились на бизонов, быков, диких лошадей, горных козлов и баранов, благородных оленей и др. В Дагестане были распространены и муфлонообразные бараны – обитатели открытых горных плато, а в приморской зоне – мамонты, о чем свидетельствует чаша, изготовленная из кости мамонта, найденная у села Белиджи Дербентского района. Интересно, что заготовкой для нее послужила головка бедренной кости незадолго до того убитого животного. Затем она подвергалась обработке кремневым орудием, следы которого хорошо сохранились на краях и внутренней полости чаши. Белиджинская чаша является единственной и древнейшей находкой подобного рода утвари, появившейся задолго до глиняных и плетеных сосудов.

В верхнем палеолите окончательно сформировался родовой строй – основа первобытного общества и первобытной истории. Свидетельством существования в позднем палеолите материнской родовой общины являются многочисленные находки на позднепалеолитических поселениях Евразии своеобразных женских изображений, на большинстве из которых подчеркнуты признаки женщины-матери. Подобные изображения, судя по этнографическим материалам, как правило, связаны с религиозными верованиями и обрядами, характерными для материнской родовой общины³.

Верхний палеолит был также периодом расцвета первобытного искусства, представленного скульптурой, живописью и графикой. В рассматриваемое время сформировались и современные человеческие расы (европеоидная, негроидная и монголоидная).

Как видно, верхний палеолит был одним из важнейших этапов в истории первобытного общества, характеризующимся крупными достижениями в развитии производительных сил, хозяйства, родового строя, материальной и духовной культуры. Кроме того, сам человек стал иметь современный физический облик, после чего его эволюция как биологического вида практически прекратилась.

Однако в настоящее время в Дагестане неизвестны археологические памятники, которые могли бы быть бесспорно отнесены к верхнему палеолиту. Прежде к этой эпохе относили нижние слои Чохской стоянки⁴. Однако в результате новейших комплексных исследований данный памятник передатирован. Возраст его теперь определяется в рамках мезолита и неолита, а не верхнего палеолита и мезолита, как это было принято раньше⁵. Что касается материалов из местонахождения Сага Цука (Акушинский район), среди которых выделялись изделия верхнепалеолитского облика⁶, то они малочисленны и верхнепалеолитический их возраст теперь не столь бесспорен. Эти обстоятельства не позволяют проследить на конкретных археологических материалах процесс культурно-исторического развития Дагестана в рассматриваемое время.

В этой связи необходимо иметь в виду еще и то обстоятельство, что в верхнем палеолите в наиболее суровый период вюрмского оледенения зона обитания человека на Кавказе сужается, он оставляет горные районы и, возможно, районы к востоку от Сурамского хребта, включая и Дагестан. Верхнепалеолитическое население концентрируется в основном в Колхиде, в Причерноморье и в Прикубанье⁷. Возможность обитания верхнепалеолитических людей в Дагестане, по крайней мере в его горной зоне, представляется достаточно проблематичной.

Мезолит. Верхнепалеолитической эпохой заканчивается и ледниковый период. Последовавший за ним послеледниковый период, или голоцен, характеризуется общим потеплением климата, которое особенно благоприятно сказалось на естественно-географических условиях областей, подвергавшихся оледенениям. На Кавказе значительно сократились площади ледников и вечных снегов. В Дагестане они сохранились лишь в районах высокогорий. Прекратились и трансгрессии Каспия, в ходе которых почти полностью покрывались морскими водами равнинные районы Приморского Дагестана и Прикаспийской низменности. При последующих колебаниях уровня Каспийского моря, продолжающихся по настоящее время, его воды затапливали лишь узкую прибрежную полосу и не переходили ближайшего к ней уступа древней морской террасы.

Мезолит (средний каменный век, 10–8 тыс. лет тому назад) – следующий за верхним палеолитом этап археологической периодизации истории первобытного общества. В эту эпоху происходят заметные изменения в образе жизни людей и в характере их материальной культуры.

Наиболее значительным достижением данной эпохи, ознаменовавшим важный этап в развитии первобытного общества, было широкое распространение лука и стрел. Лук со стрелами обладал целым рядом преимуществ перед другими видами метательного оружия (копья, дротики, метательные палицы и т.п.). Обладая легким весом, лук с большим запасом стрел существенно повысил вооруженность и мобильность охотников. Возможность ведения быстрой и меткой стрельбы из любого положения и на значительно большие, чем прежде, расстояния, открыла чрезвычайно широкие перспективы для развития охоты, сделала ее более маневренной, дала ей доступ к ранее недоступным видам дичи. Охота приобретает более индивидуальный характер.

Важное хозяйственное значение имело рыболовство, а собирательство становится более интенсивным. В Передней Азии, в южных областях Европы и Азии в мезолите были сделаны первые шаги на пути перехода от охотничье-собирательского хозяйства к земледельческо-скотоводческому. Именно тогда началось приручение некоторых видов животных. Практиковавшиеся тысячелетиями различные формы некультурного отбора съедобных растений, особенно злаковых, способствовали появлению окультуренных видов растений. В результате в мезолите сложились предпосылки для возникновения производящего хозяйства.

Дальнейшие прогрессивные изменения претерпевают в мезолите и техника изготовления каменных орудий: ведущее место в первичном расщеплении кремня начинают занимать конические нуклеусы, большинство разновидностей орудий мельчает в размерах, получают широкое распространение составные орудия из мелких обработанных камней (микролитов).

Рост производительных сил и обусловленное им некоторое улучшение условий жизни охотничьих племен приводит к увеличению населения, освоению новых территорий. В результате возникают объединения нескольких племен, связанных общностью происхождения и культуры и говоривших на родственных диалектах, формируются этнические общности, стоявшие у истоков формирования современных крупных языковых семей. Это способствовало усилению связей между племенами, росту обмена и культурных связей, быстрому распространению важных открытий и изобретений на значительных территориях.

Все это характеризует эпоху мезолита как один из наиболее важных этапов на длительном пути культурно-исторического развития первобытного человечества и позволяет рассматривать ее вместе с последующей неолитической эпохой как период расцвета первобытнообщинного строя.

Мезолит Северного Кавказа наиболее изучен в Дагестане. Из шести известных на Северном Кавказе мезолитических памятников три расположены на территории Дагестана. Это Чох, Мекеги, Козьма-нохо, находящиеся в среднегорной части Северно-Восточного Кавказа. Последледниковые природно-географические условия не создавали каких-либо преград для расселения людей в горной части Кавказа⁸, о чем свидетельствует расположение поселений. Вряд ли оставались незаселенными и не менее благоприятные для обитания предгорные и равнинные районы, а также долины рек и побережье Каспийского моря.

Наиболее изученным памятником является Чохское поселение, находящееся на Турчидагском или Кегерском плато, примерно в 3 км к северу от селения Чох (Гунибский район)⁹. Оно расположено на высоте 1725 м от уровня моря на небольшой площади надпойменной террасы на берегу р. Бакдакули (приток р. Аварское Койсу) у подножия обращенной на юг отвесной скалы. Два нижних слоя поселения относятся к мезолиту, а верхний – к неолиту. Обширные материалы раскопок Чохского поселения послужили основанием для выделения чохской археологической культуры эпохи мезолита и неолита, распространенной в горной зоне Дагестана.

Мезолитическое поселение в Чохе существовало 10–9 тыс. лет тому назад. Культуру населения этого времени характеризуют кремневые изделия, в основном изготовленные из качественного кремня, происходящего из его месторождений в Акушинском и Левашинском районах. На поселении обнаружены разнообразные нуклеусы (призматические, конические), а также архаические (дисковидные, левалуазские, веерообразные), характерные для предшествующих эпох. Орудия в основном изготавливались на пластинах, микропластинках и отщепях, обработанных по краям разнообразными приемами ретуши (подправки). Разнообразен и набор кремневых орудий. Он включает скребки, ножи, остря, пластины с притупленной спинкой, зубчатые пластины и отщепы, резцы и другие изделия, которые использовались для разделывания охотничьей добычи, при обработке шкур, изготовлении из них одежды, обработке дерева и кости. Для мезолита характерны микропластины, и в особенности геометрические микролиты (треугольные, сегментовидные, трапециевидные). Пластины, в первую очередь микропластины и геометрические микролиты с острыми краями, использовались как съемные лезвия для оснащения метательного оружия и режущих инструментов. В случае поломки одной и даже нескольких пластинок они в короткое время и без затрат труда могли быть заменены другими. Благодаря этому оснащенные микропластинами орудия использовались длительное время, что давало им преимущества перед орудиями, изготовленными из цельных кремневых пластин. Геометрические микролиты применялись также в качестве наконечников стрел.

Чохскую культуру отличают от других культур Кавказа того времени такие особенности кремневых изделий, как устойчивое сочетание в технике обработки кремня обычных для верхнего палеолита и мезолита призматических и конических нуклеусов с архаическими их формами, восходящими к палеолиту. Имеют свою специфику остря или наконечники стрел чохского типа, низкие и высокие микролиты – трапеции с прямыми или слегка вогнутыми боковыми сторонами. Обращает на себя внимание тот факт, что инвентарь Чохского поселения находит близкие параллели среди соответствующих материалов туркменских пещерных стоянок и Южного Прикаспия (Ирана). Предполагается, что основные элементы чохской культуры сформировались на территории Южного Прикаспия в районе, расположенном на севере современного Ирана между горами Эльбурса и Каспийским морем. Носители чохской культуры поселились в горах Дагестана, вероятно, через Западный Прикаспий после отступления ледника около 10 тыс. лет тому на-

зад. Этому благоприятствовала экологическая ситуация, сложившаяся в горной зоне Северо-Восточного Кавказа после длительного вюрмского оледенения, которая вновь становится чрезвычайно удобной для обитания человека.

Основу хозяйства мезолитического населения Горного Дагестана составляла охота, главным образом на диких баранов и козлов, особенно муфлонообразных баранов, являющихся исходными для одомашненных овец и коз. Большую помощь охотникам оказывала уже прирученная собака, кости которой обнаружены на Мекегинской стоянке. Важную роль в хозяйстве обитателей Чохского поселения играло собирательство, особенно сбор дикорастущих злаков – пшеницы, ячменя, что привело к их окультуриванию. В конечном итоге длительный опыт специализированных форм охоты и собирательства стал важнейшей предпосылкой для перехода носителей чохской культуры в следующую, неолитическую эпоху к производящему хозяйству, основанному на земледелии и скотоводстве.

Судя по Чохскому поселению и Козьма-нохо в окрестностях селения Ругуджа Гунибского района, люди чохской культуры жили небольшими, довольно плотно расположенными группами, представлявшими собой раннеродовые общины охотников и собирателей¹⁰. Для своих поселений они выбирали укромные, хорошо защищенные места, как правило, на солнечной стороне гор, у реки и по возможности вблизи от охотничьих угодий.

Характеристику образа жизни людей чохской культуры следует дополнить еще одной интересной деталью. На Чохском поселении найдено множество комочков минеральной краски – охры красного, желтого и коричневого цветов. В одном из кострищ здесь обнаружены крупные обломки сферосидеритов. После обжига они растрескивались на небольших терках из речной гальки. Как показывают этнографические данные, такие краски, смешанные с жиром, применялись первобытным человеком для раскрашивания тела при совершении разнообразных ритуальных и магических обрядов. Этими же красками раскрашивались деревянные и костяные изделия. Подобными красками выполнялись и дошедшие до нас образцы наскальных изображений, характеризующих духовную культуру мезолитического населения Горного Дагестана. Здесь, в пещерах Чувалхвараб-нохо и Чинна Хитта в Гунибском районе, обнаружены группы наскальных изображений, которые, возможно, относятся к мезолиту. На их стенах краской нарисованы безоаровые козлы, зубры, многочисленные соляные изображения.

Таким образом, материальная культура Дагестана при всех своих местных особенностях имела много общих черт с памятниками культуры других регионов Кавказа, юга Средней Азии, Ближнего Востока. Это свидетельствует об определенном сходстве путей культурно-исторического развития населения указанных областей. Примечательно, что эти области стали позднее одними из древнейших очагов возникновения производящего хозяйства и ранних неолитических земледельческо-скотоводческих культур.

§ 2. Позднепервобытная родовая община земледельцев и скотоводов

На заключительном этапе развития каменного века эпоха раннепервобытной общины охотников и собирателей сменяется эпохой позднепервобытной (позднеродовой) общины. Становление и развитие позднепервобытных общин земледельцев и скотоводов в Дагестане происходит в периоды неолита и энеолита¹¹. В предшествующий период каменного века развитие человеческой культуры, хозяйства и общества в целом происходило чрезвычайно медленными темпами. Люди каменного века, несмотря на известные успехи в экономическом, культурном и социальном развитии, оставались в сильнейшей зависимости от природы. Основные виды их хозяйственной деятельности – охота и собирательство – в конечном итоге были нацелены на добычу готовых продуктов природы с использованием разнообразных орудий и оружия, изготовленных из камня, кости и дерева. Люди только присваивали готовые продукты природы и, конечно, в полной мере зависели от ее благодати. Однако с течением времени растущие потребности человеческого общества, накопление опыта и знаний при наличии необходимых экологических и социальных факторов привели к тому, что человек каменного века сделал величайший шаг на пути активного воздействия на природу и избавления от фатальной зависимости от ее капризов и щедрот. Таким шагом был переход от собирания дикорастущих злаков к их искусственному выращиванию, от охоты на диких животных к их приручению. На смену прежнему присваивающему охотничье-собирательскому хозяйству пришло производящее, основанное на земледелии и скотоводстве.

Переход к земледелию и скотоводству не был внезапным и единовременным актом. Условия для этого вызревали на протяжении длительного периода верхнего палеолита и мезолита в процессе адаптации человека к тем или иным природным условиям, освоения человеческими коллективами окружающих их природных ресурсов. В зависимости от экологических условий, их изменений, технического и социального развития первобытных коллективов в одних регионах этот переход совершался раньше, в других – позже, через много веков, а в третьих – люди на протяжении еще многих тысячелетий продолжали удовлетворять свои потребности в пище с помощью архаических, присваивающих форм хозяйства.

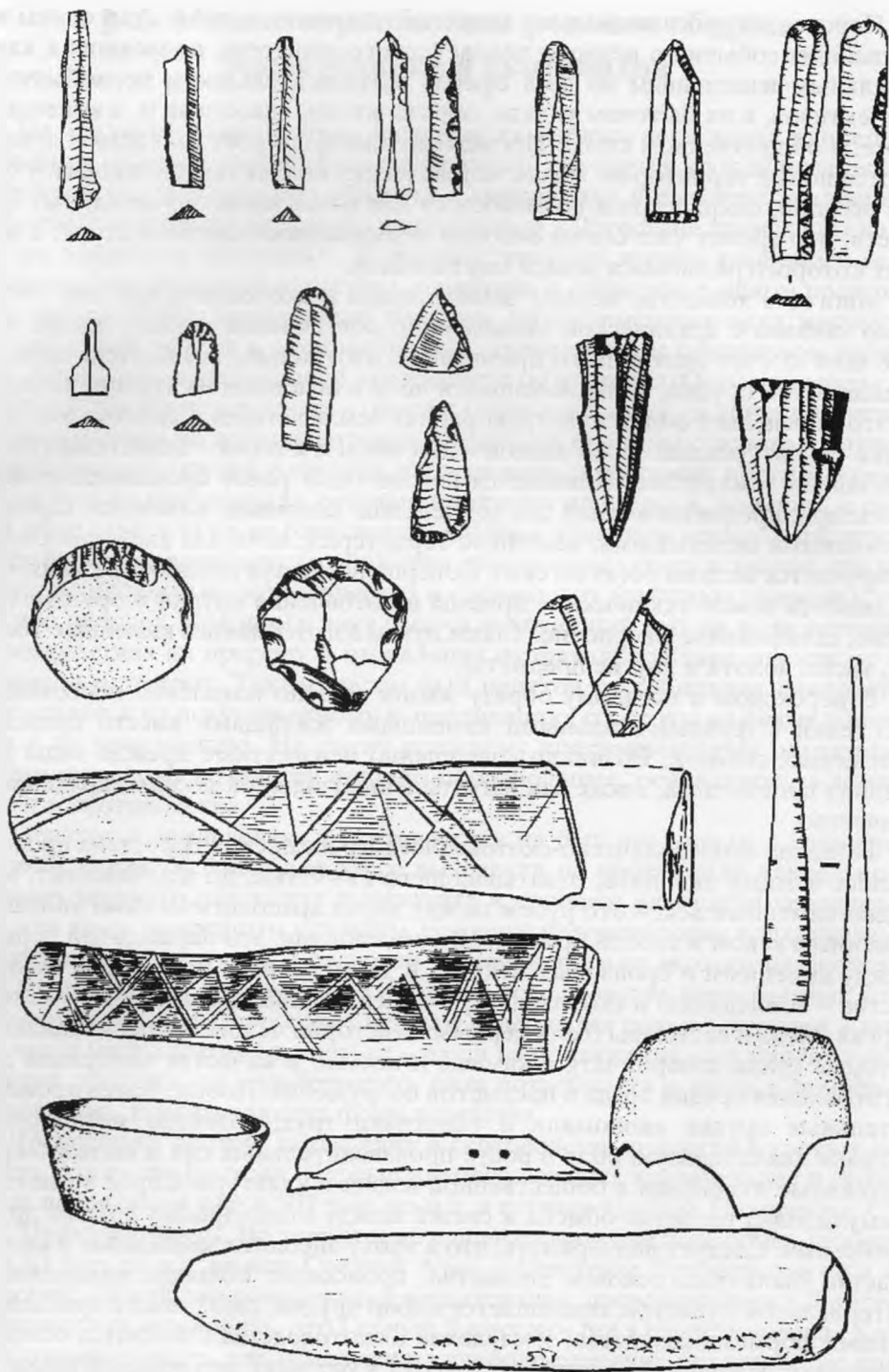
Древнейшие центры земледелия и скотоводства возникли в горных областях Ближнего Востока. Первые племена оседлых земледельцев и скотоводов появляются уже к VII тыс. до н.э. в горных долинах Палестины, Сирии, Ирака и Ирана¹². На территории нашей страны они поселились примерно в VI тыс. до н.э. на юге Средней Азии, в Северном Причерноморье и на Кавказе¹³. Новейшие комплексные исследования, проводившиеся в Дагестане, позволили установить, что Горный Дагестан – пока единственная на Кавказе горная область, где обнаружены наиболее древние человеческие коллективы, перешедшие к земледелию и скотоводству. В горных долинах Дагестана это произошло в неолите – позднем каменном веке, т.е. на рубеже VII–VI тыс. до н.э.¹⁴

Переход от присваивающего хозяйства к производящему стал одним из важнейших событий в истории человеческого общества, приведших к кардинальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности первобытных коллективов, в их бытовом укладе, образе жизни, идеологии и, в конечном итоге, в общественном строе. Происходит быстрый рост населения, осваиваются новые территории, жизнь человеческих коллективов становится более оседлой, открываются возможности для накопления значительных богатств, что грозит уже самим основам первобытнообщинного строя, в недрах которого развивался новый тип хозяйств.

Многое в хозяйстве первых земледельцев и скотоводов все еще тесно было связано с архаической экономикой: обеспечение мясной пищей все еще шло за счет охотничьего промысла, с охотничьим хозяйством связано большинство орудий, изготовлявшихся пока в основном из кремня. Однако не это определяет облик культуры ранних земледельцев и скотоводов. Находки окультуренных зерен злаков – пшеницы и ячменя – свидетельствуют о развитии земледелия. Появляется неизвестный ранее производственный инвентарь, предназначенный для земледелия: костяные, каменные серпы с кремневыми вкладышами, каменные зернотерки, печи для выпечки хлеба. Приручается мелкий рогатый скот. Совершенствуется обработка камня, открываются новые технические приемы изготовления орудий и оружия: пиление, шлифование, сверление. Таким путем изготовлялись каменные топоры, тесла, долота и другие предметы.

С переходом к оседлому образу жизни связано появление постоянных поселений с фундаментальными каменными жилищами вместо прежних охотничьих стоянок. Возникли совершенно неизвестные прежде виды домашних производств, таких как изготовление глиняной посуды, прядение и ткачество.

Развитие земледельческо-скотоводческого населения Дагестана продолжалось в эпоху энеолита, охватывающего IV–V тыс. до н.э. Энеолит, или медно-каменный век, – это рубеж между двумя археологическими эпохами: каменным веком и эпохой бронзы. Иными словами, это переходный период между каменным и бронзовым веками. К двум важным открытиям человечества – земледелию и скотоводству – теперь прибавилось третье – металлургия. Медь и ее сплавы были первыми в истории человечества металлами, которые стали соперничать с камнем и костью в качестве материала для изготовления орудий труда и предметов вооружения. Новые, более производительные орудия экономили и облегчали труд, развитие металлургии сыграло значительную роль в росте производительных сил и вызвало прогрессивные изменения в общественной жизни и культуре. Спрос на металл стимулировал развитие обмена и связей между отдаленными друг от друга племенами. Следует подчеркнуть, что в эпоху энеолита земледелие и скотоводство были уже основой хозяйства, происходят большие изменения в материальной культуре, сокращается набор орудий, связанных с присваивающими формами хозяйства; земледелие и скотоводство становятся основой экономики. К концу энеолитической эпохи в условиях дальнейшего развития земледелия и скотоводства, в особенности в связи с освоением металлургии происходит определенная деградация каменной индустрии, выразившаяся в упадке пластинчатой техники расщепления камня и в общем сокращении

Кремневые орудия Чохского поселения

ассортимента каменных орудий. Все это определяло облик культуры эпохи энеолита.

Появление устойчивых, умножающихся и полноценных источников питания, как уже отмечалось, приводит к быстрому росту населения, увеличению его плотности, происходит давление избытка населения на производительные силы, вследствие чего избыточное население начинает осваивать новые территории. В результате расселения мобильных групп земледельческо-скотоводческого населения осваиваются пригодные горные долины, где в эпоху энеолита возникают новые постоянные поселения в речных долинах, сезонные стоянки скотоводов появляются на горных склонах у летних пастбищ.

Развитие производящего хозяйства приобретало различные направления в зависимости от естественно-географических условий и культурных традиций. В одних областях оно принимало преимущественно земледельческое направление, а в других – скотоводческое. На Кавказе, в том числе и в Горном Дагестане, такое хозяйство развивалось главным образом по земледельческому пути, стимулировавшему становление оседлоземледельческого хозяйства. В то же время в степях к северу от Кавказа становление производящего хозяйства происходило преимущественно по скотоводческому направлению. В обширной зоне каспийско-черноморских степей в эпоху энеолита складываются общества подвижных скотоводческих племен. Их выделение было одним из важнейших рубежей в истории общественного разделения труда. Оно повлекло за собой множество разнообразных и радикальных перемен в истории населения Старого Света. Отношения между подвижными скотоводами и оседлыми племенами не были стабильными. В частности, можно обозначить периоды длительных мирных обменных связей, культурных взаимоотношений. Но несомненными фактами засвидетельствованы вторжения, проникновения степного населения в оседлоземледельческую кавказскую среду. Эти взаимоотношения двух различных обществ в значительной степени определили содержание и специфику процесса исторического и этнокультурного развития населения Кавказа. Особое значение имели взаимоотношения оседлых земледельцев и степного населения для истории контактных зон на окраинах раннеземледельческой ойкумены, каковым, в частности, Северо-Восточный Кавказ выступал начиная с неолитической эпохи.

Неолит. Эпоха неолита охватывает на Северо-Восточном Кавказе конец VII и VI тыс. до н.э. В этот период в горной зоне Дагестана продолжали жить потомки носителей чохской культуры эпохи мезолита. Наши представления о хозяйстве, быте и культуре неолитического населения Горного Дагестана основываются в первую очередь на материалах всесторонне изученного верхнего неолитического слоя Чохского поселения, остатков поселений с сильно нарушенными или разрушенными культурными слоями (Сага-Цука, Какала-Кадала-Хар), кремневых мастерских (Арача-бек, Дузани) в Акушинском районе, местонахождений наскальных изображений в Харитани I и других в Гунибском районе. Культура неолитического населения Горного Дагестана несколько отличается от одновременной культуры Степного (остатки стоянок Терекли-Мектеб, Гарнаир) и Предгорного (Буйнакская стоянка) Дагестана.

Наибольшее представление об изменениях, происшедших в быте, хозяйстве, культуре и социальной организации населения Горного Дагестана в неолите по сравнению с эпохой мезолита, дают материалы верхнего неолитического слоя многослойного Чохского поселения¹⁵. Неолитический слой непосредственно перекрывает мезолитический. Отсутствие между ними прослойки без культурных остатков (стерильный слой) свидетельствует об отсутствии между этими двумя слоями Чохского поселения существенного временного разрыва и соответственно сколько-нибудь ощутимого перерыва в обживании поселения. Это подтверждает и характер кремневых изделий неолитического слоя, которые связаны с инвентарем предшествующего мезолитического слоя. В неолите сохранилась традиционная техника изготовления кремневых орудий из пластин, преимущественно микропластин, с помощью краевой ретуши. Существенных изменений не претерпевает и набор типов изделий. Примечательно, что преобладает наблюдается, в частности, в таких специфических для чохской культуры периода мезолита типах кремневых орудий, как остря чохского типа, ножи с ретушированным дистальным наклонным обушком, удлиненные асимметричные тупоугольные треугольники, высокие трапеции и в своеобразных элементах техники получения заготовок для орудий из архаических нуклеусов. Это является одним из ярких показателей существования генетической связи между мезолитической и неолитической этапами развития чохской культуры. Конечно, кремневые изделия поселения от слоя к слою претерпевали и определенные изменения эволюционного характера. В частности, здесь наблюдается дальнейшая микролитизация кремневого инвентаря: в неолитическом слое появляются неизвестные в нижних слоях карандашевидные нуклеусы, рассчитанные на получение узких и тонких микропластинок для оснащения вкладышевых орудий, увеличивается количество геометрических микролитов, уменьшаются их размеры, т.е. совершенствуется микролитическая кремневая индустрия. Однако эти количественные изменения в развитии кремневого инвентаря не идут ни в какое сравнение с теми качественно новыми явлениями в культуре, которые были порождены коренными изменениями в хозяйстве и быте обитателей Горного Дагестана в неолитическую эпоху в связи со становлением производящей экономики, основанной на земледелии и скотоводстве. Комплексные исследования материалов Чохского поселения показали, что Горный Дагестан относится к числу тех горных областей, где протекала «неолитическая революция» – чрезвычайно длительный и сложный процесс вызревания земледелия и скотоводства в недрах высокоспециализированного охотничье-собирающего хозяйства¹⁶.

Переход к производящему хозяйству был обусловлен благоприятным сочетанием двух факторов – социального и природного. К первому относятся сравнительно высокий уровень развития техники, высокоразвитая экономика присваивающего типа, зачатки положительных знаний, плотность населения, затрудняющая расширение освоенной территории, на которой природные ресурсы эксплуатировались прежними методами. Оценивая в этом отношении соответствующие материалы Горного Дагестана, в первую очередь следует подчеркнуть, что техника изготовления орудий в неолите целиком базировалась на высокоразвитой пластинчатой индустрии предшествующей мезолитической эпохи, как и во всех древних очагах производящего

План неолитического жилища Чохского поселения

хозяйства. Так, один из основных инструментов ранних земледельцев, прямой жатвенный нож, представлял собой традиционное вкладышевое орудие, применявшееся в новом качестве (серпа). Растирательные свойства камней, использовавшихся в неолите и позднее в качестве зернотерок, были известны также еще в мезолите.

Обитатели Чохского поселения в эпоху мезолита стали высокоспециализированными охотниками на безоаровых козлов и муфлонообразных баранов (предков домашних овец и коз) и собирателями растительной пищи, в том числе и злаковых. В ходе длительной адаптации к природным условиям Горного Дагестана у них, естественно, должен был накопиться определенный объем знаний об окружающем их в повседневной жизни растительном и животном мире, о способах их утилизации и, может быть, и о возможностях их воспроизводства. Однако переход к земледелию и скотоводству являлся отнюдь не следствием экспериментов, а острой экономической необходимостью, возникшей вследствие увеличения плотности населения, сужения охотничьих угодий и истребления дичи. О значительной плотности населения говорит, в частности, близкое расположение стоянок мезолитических охотников и собирателей в Горном Дагестане. К тому же территория расселения людей чохской культуры была ограничена в основном Внутренним Дагестаном, а зону предгорий и равнины занимало население иной этнокультурной принадлежности. Такое сравнительно плотное заселение горной зоны Дагестана привело к тому, что здесь уже почти полностью истребили муфлонообразных баранов, ставших основными объектами охоты людей чохской культуры. Эти факторы не могли не стимулировать жителей гор к поискам новых источников пищи, способов ее добывания. Однако ни кризис охоты, ни относительное перенаселение, ни самые совершенные орудия труда в тогдашних условиях не могли сами по себе привести к становлению производящего хозяйства. Важнейшей предпосылкой и условием перехода к экономике нового типа был природный фактор, т.е. наличие растительного и животного мира, в котором представлены дикие предки культурных растений и домашних животных и природные условия, способствующие окультуриванию растений и одомашниванию животных¹⁷. По своим природным условиям Горный Дагестан отличается от центральной части Северного и Западного Кавказа и вместе с Восточным Закавказьем фактически является составной частью Передней Азии – древнейшего очага зарождения производящего хозяйства. Как и в колыбели древнейшего земледелия, в горных зонах Передней Азии, в Дагестане росли дикие сородичи культурных злаков – пшеницы и ячменя, а судя по костным остаткам из культурных слоев эпохи мезолита Чохского поселения, здесь обитали безоаровые козлы, муфлонообразные бараны и туры, которые считаются предками домашних овец, коз и крупного рогатого скота¹⁸.

Однако наличие отмеченных социальных и биологических предпосылок недостаточно для перехода к производящему хозяйству. Для его возникновения очень важно, чтобы сложились экстремальные условия, которые ставили первобытные коллективы перед неизбежной необходимостью поисков новых источников питания. В сфере социальной это были кризис охоты, относительная перенаселенность территории обживания. Что же касается природных факторов, то таковыми являлись изменения климатических ус-

ловий, которые имели место в Горном Дагестане в послеледниковую эпоху. В позднеледниковый период здесь господствовал сухой и холодный климат, исключающий возможность заселения этой зоны. В послеледниковую эпоху, около начала VIII тыс. до н.э., климат смягчился, но не сильно, а только до прохладного. Эти неблагоприятные условия нацелили людей, заселивших только что Горный Дагестан, на поиски новых источников жизнеобеспечения. Наступивший затем на рубеже VII–VI тыс. до н.э. теплый и влажный период и связанные с этим вертикальные перемещения ландшафтных зон ускорили этот процесс и одновременно создали реальные возможности для использования в этом плане ботанических и биологических ресурсов Горного Дагестана. Анализ материалов неолитического слоя Чохского поселения свидетельствует о том, что эти возможности были реализованы.

В этом слое были обнаружены совершенно неизвестные в мезолите орудия, связанные с земледелием. Это составные жатвенные орудия с прямой каменной или костяной основами, т.е. прямолезвийные серпы с кремневыми вкладышами из микропластинок и геометрических микролитов. Они типичны для племен, стоявших на пороге или только перешедших к искусственному возделыванию злаков, к земледелию. Земледельческими орудиями являются также зернотерки, камни – терочки, мотыжки для разрыхления почвы. На поселении обнаружены и сами зерна окультуренных злаков: несколько разновидностей пшеницы (“двузернянка” – *Tr. dicocum* Schrank; “однозернянка” – *Tr. monococum* L.; “мягкая карликовая” – *Tr. aestivocompositum* L.), ячменя (пленчатый *H. vulgare* L. *polystichum*, голозерный – *H. vulgare* var. *hudum*). Все это свидетельствует о том, что земледелие у обитателей Чохского поселения занимало одно из ведущих мест в хозяйстве.

Палеозоологические находки из того же слоя доказывают наличие также одомашненных животных: домашней овцы (*Ovis* cf. *aries*), козы (*Capra hircus*). Обитатели Чохского поселения, таким образом, были древнейшими на территории Восточного Кавказа земледельцами и скотоводами. Все это блестяще подтверждает взгляды выдающегося советского биолога Н.И. Вавилова, который еще в 20-х годах, опираясь только на геоботанические данные, писал, что “период великих культур предшествовал, естественно, период обособленной жизни племен и небольших групп населения в замкнутых районах, и для этой цели горные районы могли служить прекрасными убежищами... Всего вероятнее, что, так же как центром сортового разнообразия, очагами первоначальной земледельческой культуры были горные районы”¹⁹. Он указывал, что земледелие в Грузии, Армении и Дагестане является весьма древним, начало его уходит в глубь тысячелетий²⁰. Выделяя наиболее древние очаги возделывания хлебных злаков, зерновых и бобовых, Н.И. Вавилов подчеркивал, что Закавказье, Дагестан непосредственно входят в очаг происхождения данных культур²¹.

Суммируя все сказанное выше, можно заключить, что люди, заселившие Горный Дагестан в послеледниковый период, в мезолите (VIII в. тыс. до н.э.), в раннем неолите, на рубеже VII–VI тыс. до н.э., совершили крупный скачок в своем экономическом развитии, перешли от присваивающего хозяйства, основанного на собирательстве и охоте, к земледелию и скотоводству.

Однако в хозяйстве и культуре древнейших земледельцев Горного Дагестана как бы сочетаются элементы старого и нового, архаического и про-

грессивного. Здесь еще многое восходит к экономике и быту собирателей и охотников, как и у других ранних земледельческих племен Ближнего Востока. В значительной степени мясную пищу древним обитателям Горного Дагестана доставляла еще охота. Обитатели Чохского поселения охотились в основном на безоаровых козлов, диких баранов. В этом поселении обнаружены кости кабана, благородного оленя, медведя, барсука. С охотничьим промыслом связана большая часть кремневых орудий. Это различные виды скребков, применявшихся при очистке шкур, ножи для разделки туш животных, острия, использовавшиеся при шитье одежды из шкур.

Переход к земледелию и скотоводству коренным образом изменил образ жизни и быт первобытных коллективов, обитавших в горной зоне Северо-Восточного Кавказа, отразился почти во всех областях их культуры. Земледелие позволило древним обитателям Чохского поселения вести более стабильный оседлый образ жизни. Это поселение уже не временная стоянка бродячих охотников, а постоянное поселение с прочными каменными домами, рассчитанными на длительное обживание. Дальнейшее развитие получают производства, связанные с изготовлением орудий труда. Происходит резкое возрастание потребностей на качественное исходное сырье, шедшее на массовое производство орудий и большого количества режущих инструментов (ножей, жатвенных орудий, сверл, пилок, скребков и т.д.). Начинается интенсивная обработка естественных месторождений кремня, возникает множество кремневых мастерских. Такие мастерские в Дагестане обнаружены в богатых выходами качественного мелового кремня окрестных селений Акуша, Усиша, Цудахар и др.²² Здесь, на местах древних разработок кремневых месторождений, в огромном количестве встречаются отщепы, пластины, обломки и осколки кремня, представляющие собой отходы производства. Среди них попадаются заготовки орудий, иногда даже сами орудия. Первобытные коллективы, разрабатывавшие эти месторождения, снабжали кремнем население соседних районов, где отсутствуют месторождения качественного кремня. Это способствовало расширению обмена и упрочению связей между родоплеменными коллективами.

С переходом к прочной оседлости возникают и неизвестные прежде домашние производства. К ним относится в первую очередь керамическое производство – появляется первая плоскодонная глиняная посуда. Она еще весьма грубая, вылеплена на плитчатых подставках ручным способом из глины, в которую специально примешивали толченый камень (дресву).

На Чохском поселении найдена безручная плоскодонная посуда. Она представлена двумя формами: чашей и горшком со сферическим, суживающимся к горловине туловом – двумя простейшими типами кухонной и столовой посуды. Имеются также обломки баночных сосудов. Посуда орнаментировалась очень редко и скупо: шишечками, валиком с защипами. Эта архаическая посуда Дагестана имеет отдельные черты сходства с керамикой из закавказских раннеземледельческих поселений. Вместе с тем она достаточно своеобразна, показателем чего является, в частности, орнамент в виде рельефного горизонтального валика с защипами или насечками, ставший впоследствии одним из ведущих орнаментальных мотивов местной керамики Северо-Восточного Кавказа.

Какой бы архаичной ни выглядела чохская культура в неолите, ее носители сделали первый решающий шаг: они стали земледельцами и скотоводами. При этом у них полностью сохранился родовой строй, сложившийся в предшествующий период, когда господствовала еще архаическая экономика, базировавшаяся на охоте и собирательстве. В этом отношении весьма показательна планировка Чохского поселения. Оно состоит из двух крупных жилищ, как бы прислоненных к скале, под которой расположено поселение. Одно из жилищ реконструируется как наземное с дугообразной каменной стеной, концы которой упирались в скальный массив. Площадь его составляла приблизительно 40 кв. м. К востоку от него находилось другое довольно хорошо сохранившееся жилище. Остатки жилого сооружения состоят из двух взаимосвязанных частей: входного коридора и жилого помещения. Коридор длиной 4,8 м и шириной 80 см обращен входом на юг и образован двумя параллельными прямыми стенами, сложенными из крупных каменных блоков. Жилое помещение овальной формы площадью около 60 кв. м образовано дугообразной каменной стеной, концы которой упирались в скальный выступ. В центре жилища располагался углубленный в пол круглый очаг диаметром 40 см и глубиной 8–10 см, на который ставились дисковидные сланцевые плитки (обломки подобных плиток находились внутри очага). Примечательно, что подобные сланцевые плиты в Дагестане до недавнего времени использовались для выпечки лепешек. Интересно, что в ряде дагестанских языков каменная плита, чугунная печная плита и сковорода называются одним и тем же словом, означающим “каменная плита”. Предположительно жилище имело плоскую кровлю из дерева с земляным покрытием, опирающуюся на скалу, стены и продольную балку, подпираемую центральным столбом.

Исходя из размеров и по этнографическим параллелям, следует полагать, что чохские жилища занимали несколько парных семей, ведущих совместное хозяйство. Специальные подсчеты позволили вычислить вероятное количество парных семей, приблизительно 6 (одна семья на 10 кв. м площади) и общее количество большесемейной общины, в которую были объединены парные семьи числом приблизительно в 24 человека. Предположительно в двух жилищах чохского поселения могли обитать две большие семьи, объединенные в небольшую родовую общину численностью населения около 50 человек²³. Такой примерно представляется организация первичных социальных ячеек – родовых коллективов ранних земледельцев Горного Дагестана, локализованных на отдельных родовых поселениях.

Переход к производящему хозяйству вызвал переворот и в духовной жизни древнейших земледельцев, наложил свой отпечаток на их верования и культуры. Некоторое представление об этом дают памятники искусства неолитической эпохи. Весьма интересно святилище Харитани I в горах Дагестана (Гунибский район), где на стенах труднодоступного грота нанесены контурные и силуэтные рисунки, выполненные красной краской. Над всеми изображениями как бы доминирует крупная фигура человека с поднятыми вверх руками. Ее поза, обнаженные руки и грудь, ромбический рисунок – символ женского начала богини-матери, часто встречаемого в древних памятниках искусства ранних земледельцев Передней Азии. На Хаританинском панно богиня плодородия изображена в окружении быков и пятнистых

хищников, а ниже помещены значительно меньшие по размерам изображения людей, быков, оленей, собак, хищников и змей. Эта композиция обнаруживает сходство с росписями неолитических святилищ Передней Азии, Юго-Восточного Прикаспия и Северо-Восточного Кавказа, свидетельствуя о широком распространении у ранних земледельцев этих районов культа женского божества²⁴.

На Чохском поселении обнаружена единичная и очень своеобразная находка – флейта, изготовленная из трубчатой кости овцы или козы. Поверхность кости с одной стороны уплощена шлифовкой и на полученной плоскости через равные промежутки были пробиты небольшие отверстия. Это редкая находка, аналогии которой неизвестны в древних памятниках Кавказа. Обнаружение на Чохском поселении подобной вещи также свидетельствует о развитии духовной культуры и художественного творчества его обитателей.

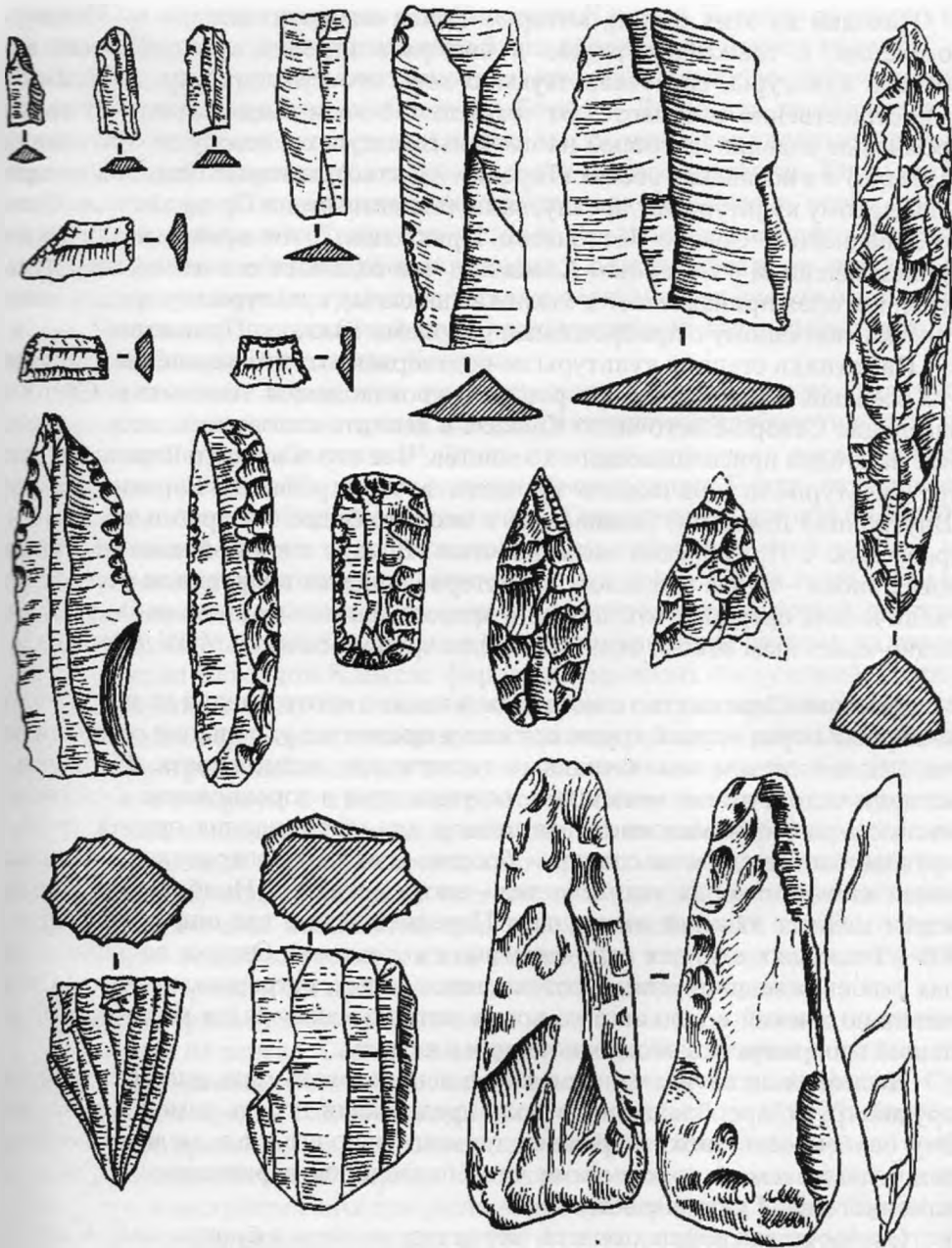
В культурном отношении неолитическое население Горного Дагестана в значительной степени имело сходство с ранними земледельцами Закавказья и Ближнего Востока, с которыми, очевидно, поддерживались тесные связи.

С переходом племен Горного Дагестана к оседлому земледелию наступает период их ускоренного прогрессивного развития. Новые формы хозяйства вели к быстрому росту населения, прогрессу во всех областях производства, культуры, земледельческому освоению все больших территорий. Однако оседлоземледельческое освоение Северо-Восточного Кавказа в неолите было еще ограничено пределами территории в основном Горного Дагестана.

Несколько отличалось от них население предгорий и степных равнин Дагестана. Некоторые представления о его культуре дают остатки селищ на окраине Махачкалы (урочище Тарнаир), неподалеку от Буйнакса, а также находки на песчаных выдувах на территории Терско-Сулакской и Приморской низменностей (Тереклимектеб, Алмало и др.)²⁵. Тарнаирское селище расположено на древней морской, а в Буйнаксе – на древней речной террасах. В обоих дагестанских селищах собраны многочисленные материалы: каменные орудия труда, заготовки для них, отходы производства. Среди них много кремневых микропластинок правильных очертаний и изготовленных на них миниатюрных орудий. Найдены небольшие нуклеусы призматической и пирамидальной формы, с которых скалывались микропластинки. Определенную часть находок составляют острия, скребки, главным образом округлой конфигурации. Все эти поделки своей формой, размерами и техникой обработки напоминают соответствующие образцы кремневого инвентаря эпохи мезолита и неолита Горного Дагестана и применялись в основном для оснащения охотничьего вооружения и обработки охотничьей добычи.

Кроме указанных изделий в этих селищах обнаружены и новые типы кремневых орудий. Среди них – длинные ножевидные пластины и орудия из них, наконечники стрел листовидной и треугольной форм. Последние тщательно обработаны с обеих сторон отжимной ретушью. Найдены и кремневые ретушеры – орудия для нанесения такой ретуши – в виде треугольных в сечении стержней с суживающимися концами.

В инвентаре обоих селищ встречаются и крупные орудия. Интересны утолщенно-клиновидные орудия с подшлифованным лезвием. Подобные орудия, также впервые появившиеся в неолите, имели универсальное назначение. Они употреблялись в качестве топоров, тесел.

Каменные изделия из Буйнакской и Тарнаирской неолитических стоянок

Находки из этих селищ, которые почти не представлены на Чохском поселении, а также отсутствие в них ряда изделий, специфичных для чохской культуры, свидетельствуют о том, что культура, представленная ими, существенно отличается от чохской. Об этом свидетельствуют также кремневые изделия из сборов на песчаных выдувах к северу от Махачкалы (Алмало) и в ногайских степях (Терекли-Мектеб), которые близки к северокавказскому культурному ареалу, включающему степи Предкавказья, Северо-Западного и Северо-Восточного Прикаспия. Этот ареал связан своим происхождением с Северным Кавказом, что отличает его от чохской культуры, которая принадлежит к южнокаспийскому культурному ареалу, генетически связанному с прибрежными районами Южного Прикаспия²⁶.

Памятники степной культуры не подтверждают, что население стало вести оседлый образ жизни и перешло к производящей экономике. Степное население Северо-Восточного Кавказа в неолите находилось, скорее всего, еще на стадии присваивающего хозяйства. Все это говорит о неравномерности культурно-исторического процесса в этом регионе. Горные области (Внутренний Дагестан) развивались в неолите более быстрыми темпами по сравнению с Приморской низменностью. Вскоре в горной зоне наступила новая эпоха – эпоха металлов, характеризующаяся появлением первых металлических орудий. Этот период в археологии называется энеолитом, или медно-каменным веком, охватывающим хронологически V–IV тыс. до н.э.

Энеолит. Знакомство с металлом и начало изготовления из него редких на первых порах орудий труда, оружия и предметов украшения открыли перед человечеством замечательные технические возможности. Первыми в истории человечества металлами, вступившими в соревнование с камнем и костью в качестве основного материала для изготовления орудий труда и оружия, были медь и ее сплавы – бронза. С их распространением началась новая эпоха в истории человечества – эпоха металлов. Наиболее ранние находки медных изделий известны в Передней Азии, где они появляются в VII–VI тыс. до н.э. почти одновременно с керамикой. Однако на ранних этапах освоения меди орудия, изготовленные из нее, встречаются редко. Сравнительно мягкий и редкий в то время металл, каким была медь, не мог успешно соперничать в этом отношении с камнем.

Несмотря на то что человек начал использовать медь для производства орудий труда, преобладающую роль продолжали играть каменные орудия. Эту особенность эпохи отражает термин “энеолит”, т.е. медно-каменный век, используемый археологами для обозначения переходного периода от каменного века к бронзовому.

Одним из важнейших очагов металлургии меди и бронзы был Кавказ с его богатыми рудными источниками. Ранние металлические изделия, относящиеся пока к V–IV тыс. до н.э., обнаружены на энеолитических раннеземледельческих поселениях Закавказья (Кюль-тепе I у г. Нахичевань и Техут в Армении). Они содержат примеси мышьяка, концентрация которого достигает до 5,4%, что не исключает его искусственной присадки²⁷. Это уже не самородная медь, из которой первые орудия делались с помощьюковки, а металл, выплавленный из руды, что свидетельствует уже о начале сознательной металлургии, литейного дела. Не позже V–IV тыс. до н.э. первые метал-

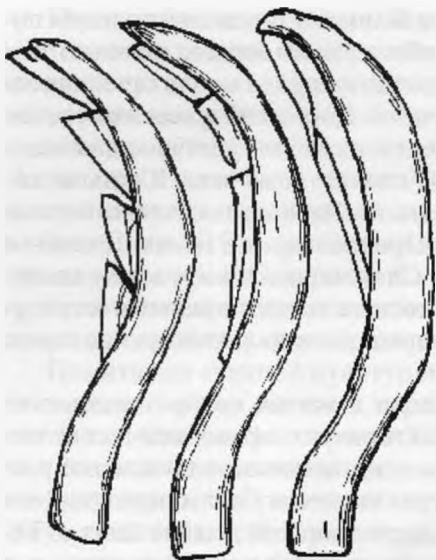
личные изделия появляются и на Северном Кавказе. В одном из ранних погребений Нальчикского могильника было обнаружено медное колечко.

В период первоначального освоения металла потомки неолитических земледельческо-скотоводческих племен Горного Дагестана расселяются по горным долинам, плоскогорьям, занимая места, наиболее удобные для ведения первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Южными соседями их были раннеземледельческие племена Закавказья, тесно связанные с Передней Азией. На севере, в степях Предкавказья и Волго-Донского междуречья жили скотоводческие племена. Сложившиеся в эту эпоху хозяйственные и культурные традиции, а также тесные связи с южными и северными соседями в значительной мере предопределили дальнейшую историю населения Северо-Восточного Кавказа.

Прогрессивные изменения, произошедшие в жизни северо-кавказских племен в эпоху энеолита, лучше всего характеризуют археологические материалы из Горного Дагестана²⁸. Здесь известно несколько поселений рассматриваемой эпохи. Но наиболее изученным является Гинчи, находящееся в центральной части Горного Дагестана, в Гидатлинской долине близ с. Тидиб Советского района. Оно расположено на верхней речной террасе и в плане имеет вид треугольника, вклинившегося между двумя скальными откосами. С третьей открытой стороны оно огорожено каменной оборонительной стеной шириной в среднем 1,5 м. Это наиболее древнее из известных сейчас на Северном Кавказе фортификационных сооружений. Появление укрепленных поселений само по себе является уже ярким свидетельством заметных перемен, произошедших в жизни древнего дагестанского общества. Прогресс наблюдается во всех областях материальной и духовной культуры, и в первую очередь в хозяйстве. Основу его составляли уже земледелие и скотоводство. Посевы производились на поймах рек и речных террасах, у подножий горных склонов, с которых смывались почвенные слои, благодаря чему поддерживалось естественное плодородие почв подгорных террас. Достаточное количество осадков в вегетационный период, наличие естественно поддерживаемого плодородия почв гарантировали получение устойчивого урожая без применения искусственного орошения.

Землю обрабатывали каменными и костяными мотыгами и, по-видимому, орудиями из дерева. Сеяли пшеницу и ячмень. Жатва производилась серпами, оснащенными кремневыми вкладышами из ножевидных пластин. Среди кремневых орудий Гинчи вкладыши серпов составляли 16%. Наряду с архаическими прямыми жатвенными ножами были известны весьма совершенные серпы изогнутой формы. На основе следов износа на вкладышевых орудиях реконструированы три разновидности серпов из Гинчи. Среди них ведущее место занимает серп изогнутой формы, лезвие которого состояло из одной крупной кремневой пластины. Такие серпы обладали самой высокой продуктивностью. Размол зерна производился на зернотерках, имевших довольно крупные размеры.

Все возрастало значение другой важнейшей отрасли хозяйства – скотоводства. Стада состояли из овец, коз, крупного рогатого скота и свиней. В начале эпохи главную роль в стаде играл мелкий рогатый скот (соотношение 1 : 9). Однако развитие животноводства в Горном Дагестане шло в сторону увеличения доли крупного рогатого скота. К концу эпохи соотно-

*Кремневые серпы (реконструкция)
из Гинчинского неолитического
поселения*

шение крупного и мелкого рогатого скота составляло 1 : 4. Скотоводство было придомным, пастушеским. Однако уже в эту эпоху часть скота в летние сезоны перегонялась на альпийские пастбища, в связи с чем в высокогорьях возникают сезонные поселения пастухов. К их числу относятся временные ругуджинские стоянки – Малинкарат, Архинда, Мучубакил-бакли на берегу р. Багар-ор близ села Ругуджа Гунибского района, а также в урочище Чинна под скальным навесом в Хунзахском районе. Они отличались от постоянных поселений отсутствием фундаментальных построек, рассчитанных на долговременное их обживание, и служили в качестве сезонных стоянок пастухов в местах летнего выпаса скота. Несмотря на развитие скотоводства, охотничий промысел продолжал играть еще большую роль. Основными объектами охоты были

олени и козы. В мясном рационе обитателей Гинчи дичь занимала в среднем 40%. Однако на протяжении эпохи неолита доля ее постепенно уменьшалась. Со скотоводством и охотой, с переработкой их продуктов связана значительная часть орудий и бытового инвентаря. Разделка туш производилась кремневыми, “мясными” ножами, для обработки шкур применялись скребки и костяные скребла. Костяные проколки употреблялись при шитье одежды из шкур. Для переработки молочных продуктов служили специальные глиняные сосуды-цедилки.

Теперь одежда изготовлялась не только из шкур, но и из тканей. О возникновении ткачества говорят отпечатки на стенках глиняных сосудов тканей, правда, как грубого, так и тонкого плетения.

Оседлая жизнь стимулировала дальнейшее развитие керамического производства. Разнообразные по назначению и форме глиняные сосуды лепились в рогожьих, матерчатых формах или ленточным способом и обжигались уже в специальных печах. Кухонная керамика изготовлялась из глины с большими примесями дресвы – толченого камня, а серые, коричневые или бурые поверхности в большинстве случаев грубо заглажены, реже залощены. Таковы горшки, нередко имеющие в нижней части подкос для установки на очажные подставки, а также жаровни с рядом сквозных проколов под закраиной. Столовая посуда, представленная мисками, горшками и кувшинами, иногда со сливными носиками, имеет лощеную поверхность красного или серого цвета. Значительную группу составляют большие сосуды для хранения зерна и других пищевых продуктов. Поверхности большинства сосудов покрывались специальной облицовкой из более качественного теста – ангобом, которая потом заглаживалась или подвергалась лощению.

Сосуды украшались нарезными, вдавленными или штампованными узорами в виде елочек, рядов насечек по закраине. Редко применялся рельефный орнамент в виде валика с вдавлениями, конусов, шишечек. Отдельные сосуды, преимущественно высококачественные, украшены расписным орнаментом в виде горизонтальных и вертикальных полос в сочетании с круглыми мазками, геометрических фигур – ромбов, треугольников, образованных перекрещивающимися полосками, нанесенными красной, коричневой красками по более светлому фону.

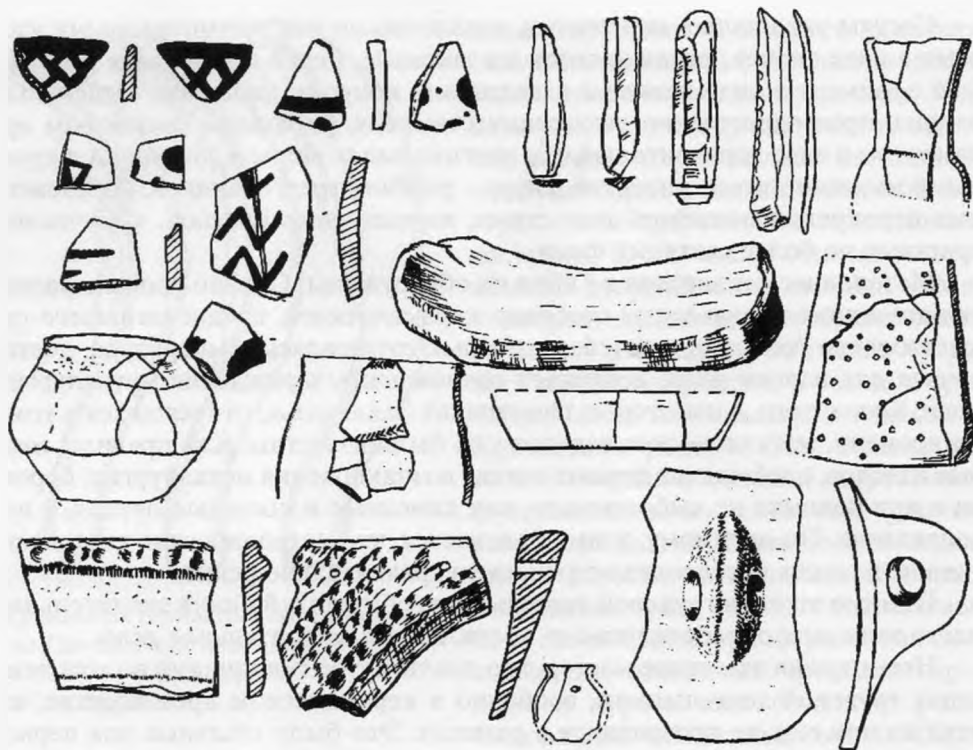
Металлические изделия в Гинчи не обнаружены. Однако уровень развития домашних производств, особенно керамического, предполагавшего существование гончарных печей, в которых создавалась температура, достаточная для плавки меди, допускает возможность зарождения металлургии меди. Кроме того, в некоторых памятниках Закавказья, относящихся к тому же времени, металлические изделия уже были известны. Как правило, медные изделия, особенно на первых этапах возникновения металлургии, берегли и при поломке не выбрасывали, как каменные и костяные орудия, а переплавляли. По-видимому, этим объясняется, что металлические изделия на неолитических поселениях встречаются сравнительно редко.

Помимо этого, в трудовой деятельности обитателей Гинчи значительное место занимали обработка камня, кости, дерева, строительное дело.

Несмотря на известное мастерство, достигнутое гинчинцами во всех этих видах трудовой деятельности, особенно в керамическом производстве, ни один из них еще не превратился в ремесло. Это были обычные для первобытно-родового строя домашние промыслы, характерные для каждой родовой общины, довольно замкнутого натурального хозяйства ранних земледельческо-скотоводческих племен. Обмен изделиями домашних промыслов носил еще ограниченный характер и осуществлялся преимущественно между соседними родовыми общинниками.

Рост населения и его расселение приводили к освоению новых территорий: долин, плоскогорий и даже высокогорий. Судя по особенностям расположения поселения Гинчи, в V–IV тыс. до н.э. происходил активный процесс освоения земледельцами новых земель, особенно речных долин Горного Дагестана, наиболее благоприятных для развития древнего земледелия. Прямым следствием этого стала возросшая плотность населения этих районов, которая вызвала нехватку пригодных для хозяйствования земель. Появляется повод для усиления межродовых столкновений, на что прямо указывают каменные укрепления поселения Гинчи. Гинчинцы жили в каменных домах и полуземлянках круглого плана диаметром 2,5–4 м. Для хранения продуктов, наряду с большими сосудами, использовались вырытые в полу ямы. Покойников хоронили на территории поселения в скорченном виде по обычаю, практиковавшемуся многими раннеземледельческими племенами.

Поселение Гинчи, по-видимому, принадлежало сравнительно небольшой родовой общине. Общий уровень хозяйственного и культурного развития их обитателей свидетельствует о том, что на Северо-Восточном Кавказе в V и первой половине IV тыс. до н.э., вероятно, еще господствовали матриархально-родовые отношения. Среди археологических материалов и в наскальных изображениях этой эпохи еще не известны изображения мужчин. Ведущим оставался еще культ богини-матери, культ плодородия, кото-

Кремневые изделия, зернотерка и керамика из Гинчинского энеолитического поселения

рый так ярко запечатлен в живописных изображениях святилищ предшествующей эпохи – Харитани I.

Наряду с земледельческими культами богини-матери, культа плодородия, у раннеземледельческих племен Горного Дагестана существовал культ предков. Своих сородичей они хоронили на территории самого поселения, как бы предоставляя “духам” умерших возможность участия в делах живых.

Археологические материалы свидетельствуют о широких культурных связях населения Горного Дагестана в эпоху энеолита. Особенно тесными были связи с Закавказьем и Передней Азией. Они нашли отражение в домостроительстве (круглоплановые жилища), керамике (использование плетенки, грубой ткани при лепке сосудов, образцы высококачественной нерасписанной керамики, спорадически встречающиеся среди грубой посуды раннеземледельческих поселений Закавказья, наличие расписных сосудов, столь характерных для раннеземледельческих культур Древнего Востока). Тесные контакты существовали и в области идеологических представлений, что нашло отражение в обычае хоронить покойников на территории поселения, практиковавшемся раннеземледельческими племенами Передней Азии и населением юго-восточных районов Закавказья²⁹. На связи со степными племенами, особенно с населением энеолити-

Наскальные изображения из Харитани 1 (поселение Чирката Гумбетовского района)

ческой зоны Азово-Днепровского ареала, указывают находки в Гинчи посуды с воротничковидным венчиком. На посуде встречается штампованный, резной, вдавленный, елочный орнамент, а также насечки по венчику, что характерно для степных культур³⁰.

Культура энеолита Горного Дагестана отражает общие закономерности развития ранних земледельческо-скотоводческих культур Евразии. Вместе с тем она весьма своеобразна. Местные особенности прослеживаются в домостроительстве (каменные жилища), каменной индустрии (использовании кремня в качестве основного сырья для изготовления орудий), наборе орудий (отсутствие долотовидных орудий, пластин с выделенной головкой и с боковой выемкой, единичность резцов), обработке кремня (отсутствие противоположающей ретуши). Локальное своеобразие культуры энеолита Горного Дагестана особенно ярко проявляется в керамике, генетически связанной с местной посудой предшествующей эпохи. В целом же археологические данные свидетельствуют о своеобразном и достаточно независимом характере культурно-исторического развития раннеземледельческого населения горной зоны Северо-Восточного Кавказа на начальных этапах освоения металлов.

§ 3. Демографические и этнокультурные процессы в Дагестане в период первобытной родовой общины

Эпоха первобытной родовой общины – это время формирования древних этнокультурных общностей, основных языковых семей, расовых типов, время интенсивных демографических и этногенетических процессов. Как свидетельствуют данные археологии, сравнительно-исторического языкознания и палеоантропологии, в эпоху первобытной родовой общины сложилась этнокультурная общность, объединившая предков носителей восточнокавказских или нахско-дагестанских языков. Изложенный выше археологический материал показывает, что отсчет времени заселения людьми территории Дагестана, стабильного и поступательного развития культуры Северо-Восточного Кавказа нужно начинать с послеледниковой эпохи, с мезолита, т.е. около 10–9 тыс. лет тому назад (VIII–VII тыс. до н.э.). К этому времени следует относить также формирование пранахско-дагестанской этнической, языковой общности, начало сложения своеобразных особенностей местной культуры, отличающих ее от культур других регионов Кавказа и сопредельных областей.

Как известно, в мезолите в Горном Дагестане была распространена очень своеобразная чохская археологическая культура со специфическими особенностями техники обработки кремня, своеобразными типами кремневых изделий, отличающаяся достаточно четко от других культур Кавказа (причерноморская, имеретинская, триалетская) и сопредельных областей Северного Кавказа (сероглазовская культура)³¹.

Для решения вопросов раннего этногенеза народов Дагестана очень важно выяснить происхождение чохской культуры³². На территории ее распространения в настоящее время не известны памятники предшествующей эпохи верхнего палеолита и, как уже отмечалось, возможность существования таковых весьма проблематична. Поэтому приходится констатировать, что чохская культура не имеет местных корней и что истоки ее следует искать за пределами Дагестана. Ее сопоставление с мезолитическими культурами других областей Кавказа, Прикаспия и Ближнего Востока показало, что при всех существенных различиях между культурами мезолита Кавказа все они по ряду признаков объединяются с мезолитом Передней Азии. К этой кавказско-переднеазиатской зоне развития мезолитических культур примыкают также памятники Юго-Восточного Прикаспия. Однако между последними и чохской культурой выявлено значительно больше общих черт, чем между ними и другими мезолитическими культурами Кавказа. Эти общие черты, сближающие культуры мезолита Горного Дагестана, Юго-Восточного и Южного Прикаспия, позволили объединить их в южнокаспийский культурный ареал в отличие от памятников Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия, составляющих северокаспийский культурный ареал, к которому близки и памятники Степного и Предгорного Дагестана. Как уже отмечалось, наиболее древние памятники южнокаспийской культурной общности находятся в Северном Иране, в районе, расположенном между горами Эльбурс и Каспийским морем.

Следовательно, именно эта область Северного Ирана была наиболее вероятной первоначальной территорией, где сформировалась данная культурная общность, которая включает и чохскую археологическую культуру.

Носители чохской культуры поселились в горах Дагестана по окончании ледниковой эпохи, когда Горный Дагестан стал более благоприятным для обитания, когда ледниковые условия, исключавшие прежде сколько-нибудь основательное заселение гор, сменились здесь к началу голоцена на сухие и умеренно холодные, и с учетом имеющегося богатства растительного и животного мира стали достаточно благоприятными для человеческой деятельности. Причиной заселения Горного Дагестана людьми, обитавшими в Южном Прикаспии, было резкое изменение климатических условий вокруг Каспия. Примерно 10 тыс. лет тому назад в околокаспийской области наступают наиболее значительный в голоценовой истории Каспия экологический кризис. Он характеризуется наиболее значительной в послеледниковой истории этого региона регрессией (Мангишлакская), когда уровень моря опустился до 50 м от уровня мирового океана, резкой перестройкой ландшафтов, образованием в Прикаспии обширных пространств полупустынных и пустынных ландшафтов. Это повлекло за собой значительное перемещение населения с юга на север вдоль восточного и западного побережья моря. В этой ситуации горные районы, в частности Восточного Кавказа, с их разнообразными ландшафтными зонами были более подходящими для человеческого обитания³³.

Люди, заселившие Горный Дагестан в эпоху мезолита, приблизительно за два тысячелетия (VIII–VII тыс. до н.э.) расселились в местах, наиболее удобных для охоты и собирательства и для жизнеобеспечения в целом, адаптировались к его природным условиям. Они жили группами, составлявшими раннеродовые общины охотников и собирателей. Судя по расположению двух поселений Чоха и Козьма-нохо на близком расстоянии друг от друга (около 20–25 км), наиболее благоприятные для жизнедеятельности районы Горного Дагестана были заселены в мезолите достаточно густо.

Какова судьба чохской культуры и ее носителей в неолите и энеолите? На рубеже VII–VI тыс. до н.э. чохская культура претерпевает изменения, вызванные коренным переломом в хозяйственной деятельности и быте ее носителей, и возвестившие начало новой исторической эпохи – эпохи производящего хозяйства. Появляются каменные жилища, рассчитанные на длительное обживание, керамика, земледельческие орудия, включающие кремневые серпы, каменные зернотерки, окультуренные зерна пшеницы и ячменя, домашние животные, т.е. люди чохской культуры совершили крупный скачок в своем экономическом развитии, перешли от присваивающего хозяйства к земледелию и скотоводству, что коренным образом изменило образ жизни и быт первобытных родовых общин горной зоны Северо-Восточного Кавказа. Появление устойчивых и все умножающихся источников питания приводит к ускоренному росту населения, более интенсивными становятся демографические процессы, связанные с расселением земледельческо-скотоводческого населения.

В энеолите, в V–IV тыс. до н.э., уже была в значительной степени нарушена замкнутость неолитических общин, земледельцы и скотоводы активно расселяются по горным долинам, они начинают осваивать высокогорья.

Имеются серьезные основания полагать, что какая-то часть населения Северо-Восточного Кавказа – носителей чохской культуры – спустилась в низменные районы Закавказья и приняла участие в формировании раннеземледельческой энеолитической культуры в северной зоне Восточного Закавказья³⁴. Культура эпоха энеолита Горного Дагестана сформировалась на базе чохской культуры поры неолита. Преемственность между этими культурами наблюдается почти во всех областях материальной культуры: в характере поселений и жилищ, развития каменной индустрии, орудийного комплекса, керамики. Энеолитическая культура Горного Дагестана, как и чохская культура эпохи мезолита и неолита, весьма своеобразна. Она достаточно четко выделяется среди других археологических памятников эпохи энеолита Кавказа и сопредельных областей. Однако развитие культуры Дагестана эпохи энеолита происходило в условиях широкого расселения земледельческо-скотоводческих групп, значительного усложнения и расширения связей и контактов с племенами сопредельных областей Кавказа, Юго-Восточной Европы и Передней Азии, что, естественно, и нашло отражение в облике энеолитической культуры Горного Дагестана. Заметное влияние на нее оказали энеолитические культуры степей юга Восточной Европы (мариупольская культурно-историческая общность), Закавказья и Передней Азии³⁵. Из кавказских культур эпохи энеолита наиболее близкое сходство с культурой Дагестана обнаруживают энеолитические комплексы северо-восточных районов Грузии (Кахетии), а также Центрального Предкавказья, что, вероятно, объясняется существованием в горной зоне Большого Кавказа пласта культуры, составляющего для них общую историко-культурную подоснову³⁶.

Такова в целом картина генезиса и развития культуры Дагестана в эпоху первобытной родовой общины, на протяжении археологических эпох мезолита, неолита и энеолита.

Как соотносится эта картина культуругенеза в древнем Дагестане с данными палеоантропологии и сравнительно-исторического языкознания?

Палеоантропологический материал для установления физического облика населения Горного Дагестана в указанные эпохи крайне скуден. Это единственный хорошо сохранившийся череп, происходящий из погребения на территории энеолитического поселения Гинчи. Судя по нему, население Горного Дагестана в период энеолита было длинноголовым, узколицым, с резко выступающим профилем и принадлежало к так называемому южному каспийскому типу, который относится к южной средиземноморской ветви европеоидной расы³⁷. К нему относится также древнее население Закавказья и Передней Азии, Ирана и Месопотамии. Наиболее ранние палеоантропологические находки, характеризующие протосредиземноморский физический тип, известны в Восточном Средиземноморье и относятся ко времени не позже VIII–VII тыс. до н.э.³⁸ Следовательно, данные палеоантропологии не противоречат основанному на анализе археологических материалов выводу, что в эпоху мезолита (VIII–VII тыс. до н.э.) Горный Дагестан, вероятно, был заселен выходцами из Передней Азии.

На каком языке говорили в Дагестане в эпоху первобытно-родовой общины, или какова была языковая ситуация на Восточном Кавказе и в сопредельных областях в мезолите–энеолите? Достигнутые к настоящему

времени успехи в области сравнительно-исторического изучения кавказских языков с привлечением данных археологии позволяют в какой-то степени осветить эту весьма сложную проблему первобытной истории. Раньше к кавказским языкам или к иберийско-кавказской семье языков относили три группы языков: нахско-дагестанскую, абхазо-адыгскую и картвельскую. Мнение об отдаленном родстве всех трех групп кавказских языков было высказано более 100 лет назад. Однако до сих пор это остается недоказанным³⁹. Более того, сейчас, по мере накопления новых материалов и исследований, становится ясным, что северокавказские языки составляют надсемью, которая делится на две семьи – восточнокавказскую (нахско-дагестанскую) и западнокавказскую (абхазо-адыгскую), в то время как картвельские языки не принадлежат к этой надсемье, а составляют свою собственную семью⁴⁰. В настоящее время считается доказанной принадлежность к восточнокавказской семье также хуррито-урартских языков⁴¹, а к западнокавказской – хаттского⁴². Согласно глоттохронологии, прасеверокавказский язык существовал до VI тыс. до н.э.⁴³ Около середины VI – начала V тыс. он распался на праабхазо-адыгский и пранахско-дагестанский, который в свою очередь распался также, по данным глоттохронологии, около III тыс. до н.э.⁴⁴ Считается также, что хуррито-урартский отделился от пранахско-дагестанского не позже IV тыс. до н.э.⁴⁵

Для определения первоначального исторического ареала общесеверокавказского языка большой интерес представляет гипотеза о генетических связях северокавказских языков с сино-тибетскими, енисейскими и афразийскими языками⁴⁶. По этой гипотезе между северокавказскими, афразийскими (семитский, берберский, кушитский), енисейскими, сино-тибетскими языками выявлены обширные и многообразные лингвистические связи. Прародину этой общности, распавшейся в IX–VIII тыс. до н.э., предположительно определяют в Западной Азии, куда входит и Южный Прикаспий, являющийся наиболее вероятной прародиной носителей чохской культуры. Следовательно, археологические данные, связанные с происхождением одной из северокавказских культур эпохи мезолита и неолита (чохская), допускает реальность существования отмеченных лингвистических связей.

Весьма важными для понимания этногенетических процессов, протекавших на Северо-Восточном Кавказе на заре его этнической истории, являются лингвистические данные об ареальных связях прасеверокавказского языка. В этом плане интересны взаимоотношения прасеверокавказского и праиндоевропейского языков, между которыми обнаружена значительная группа лексических совпадений⁴⁷. Установлено, что они являются результатами заимствования из прасеверокавказского языка праиндоевропейским, что, следовательно, их контакты имели место до распада общеиндоевропейского единства и что прасеверокавказский диалект, из которого осуществлялись заимствования в праиндоевропейский, уже несколько отличался от исходного общесеверокавказского языка. По данным глоттохронологической датировки распада этих языковых единств (для прасеверокавказского – рубеж VI–V тыс. до н.э., а для праиндоевропейского V–IV тыс. до н.э.) контакты датированы началом V тыс. до н.э.⁴⁸

По археологической хронологии, V тыс. до н.э. – это эпоха энеолита, когда в Горном Дагестане бытовали поселения Ругуджа, Гинчи, в которых

представлена культура, имеющая близкое сходство с культурой Центрального Предкавказья (Кабардино-Балкария). Это свидетельствует о существовании определенной культурной общности, распространенной на Северном Кавказе от Дагестана до Кабардино-Балкарии включительно. В археологических комплексах этой общности отчетливо прослеживаются контакты, существовавшие в ту эпоху между оседлоземледельческими племенами Северного Кавказа и степными племенами, переходившими к производящему хозяйству⁴⁹. Если последние были праиндоевропейцы (согласно одной из существующих локализаций индоевропейской прародины), то в этом нашло бы объяснение наличие в праиндоевропейском языке заимствований из пра-северокавказского.

Для соотнесения языковой общности и археологической культуры важное значение имеет характер культурной лексики. По данным сравнительно-исторического языкознания, культурная лексика северокавказского языка свидетельствует о высоком уровне хозяйственного и культурного развития его носителей. Лексический анализ позволил установить наличие у них земледелия с возделыванием пшеницы, ячменя и проса, скотоводства с разведением крупного рогатого скота, овец, коз и свиней, начальной стадии развития металлургии, прядения и ткачества, орудий труда, включающих плуг, серп, топор, долото, а также колесного транспорта⁵⁰. Этот комплекс полностью соответствует характеру земледельческо-скотоводческого хозяйства, уровню технического и культурного развития населения Дагестана в эпоху энеолита⁵¹. Это еще раз свидетельствует о том, что пранакско-дагестанские племена, вероятно, были носителями раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа эпохи неолита и энеолита.

¹ *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. М., 1990. С. 159; История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 121–124.

² Подробно о верхнем и позднем палеолите Кавказа см.: Археология СССР: Палеолит СССР. М., 1984. С. 272–288; История Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 32.

³ Археология СССР: Палеолит СССР. С. 355.

⁴ *Котович В.Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. С. 99–162; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 16–21.

⁵ *Амирханов Х.А.* Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите Горного Дагестана. М., 1987. С. 74–143.

⁶ *Котович В.Г.* Каменный век Дагестана. С. 173–176.

⁷ Археология СССР: Палеолит СССР. С. 70.

⁸ *Котович В.Г.* Каменный век Дагестана. С. 99–183.

⁹ Новая культурно-историческая интерпретация Чохского поселения см.: *Амирханов Х.А.* Указ. соч.

¹⁰ Об общественных отношениях и организации раннепервобытного родového общества см.: История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины. С. 200–226.

¹¹ В развитых обществах (в ареале ранних цивилизаций) эпоха позднепервобытной (позднеродовой) общины охватывает, как правило, период неолита, а энеолит, или халколит, относится к следующему этапу развития первобытного общества – эпохе классообразования (История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 25; *Алексеев В.П., Першиц А.И.*

- Указ. соч. С. 15–16). На окраине раннеземледельческой ойкумены общественное развитие имело более затяжной характер, как, например, на Кавказе, в особенности на Северном Кавказе. Так, в энеолите Северного Кавказа, в том числе Горного Дагестана, отсутствуют сколько-нибудь выраженные признаки, свидетельствующие о разложении родового общества. Поэтому энеолит Горного Дагестана, как и энеолит Кавказа в целом, целесообразно соотносить с эпохой позднеродовытной (позднеродовой) общины (История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины. С. 294–295).
- ¹² *Массон В.М.* Поселение Джейтун // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М.; Л., 1971. № 180. С. 111–123.
- ¹³ Там же. С. 121–126.
- ¹⁴ *Котович В.Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 127–138; *Амирханов Х.А.* Указ. соч. С. 158–181.
- ¹⁵ Подробно о неолитическом слое Чохского поселения, о жилищах, палеоботанических находках, земледельческих орудиях, его культурной интерпретации и проблеме возникновения производящего хозяйства на Восточном Кавказе см.: *Амирханов Х.А.* Указ. соч. С. 94–203.
- ¹⁶ О возникновении производящего хозяйства в Дагестане см.: *Котович В.Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. С. 127–138; *Амирханов Х.А.* Указ. соч. С. 158–181; *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991. С. 110–126.
- ¹⁷ *Массон В.М.* Указ. соч. С. 135–136.
- ¹⁸ *Амирханов Х.А.* Указ. соч. С. 143–155.
- ¹⁹ *Вавилов Н.И.* Центры происхождения культурных растений // *Избр. произв.*: В 2 т. Л., 1967. Т. I. С. 170–171.
- ²⁰ *Вавилов Н.И.* Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использование в селекции. М.; Л., 1957. Т. I. С. 121.
- ²¹ Там же. С. 87–88.
- ²² *Котович В.Г.* Каменный век Дагестана. С. 189–203.
- ²³ *Амирханов Х.А.* Указ. соч. С. 95–113.
- ²⁴ *Котович В.М.* Древнейшие писаницы Горного Дагестана. М., 1976. С. 65–90.
- ²⁵ *Марковин В.И.* Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан) // *Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры.* М.; Л., 1957. Вып. 67; *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Неолитическая стоянка близ г. Буйнакск (Дагестан) // Там же.
- ²⁶ *Амирханов Х.А.* Указ. соч. С. 202.
- ²⁷ *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 102, 107.
- ²⁸ Подробно об энеолите Горного Дагестана см.: *Гаджиев М.Г.* Указ. соч.
- ²⁹ Там же. С. 217.
- ³⁰ *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. С. 6–22.
- ³¹ *Амирханов Х.А.* Указ. соч. С. 182–204; *Археология СССР: Мезолит СССР.* М., 1980. С. 93–105.
- ³² Подробнее см.: *Амирханов Х.А.* Указ. соч. С. 182–204.
- ³³ Там же. С. 192–193.
- ³⁴ Там же. С. 208; *Джапаридзе О.М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 372.
- ³⁵ *Гаджиев М.Г.* Указ. соч. С. 102–108.
- ³⁶ Там же. С. 89–92, 108.
- ³⁷ *Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975. С. 14, 48. Каспийский антропологический тип представлен в палеоантропологическом материале Дагестана на всех последующих этапах исторического развития до средневековья включи-

тельно. Он принял участие в формировании антропологического типа населения центральных, южных и восточных районов Дагестана, представленного у лезгинской группы народов, даргинцев-кайтагцев и кумыков (*Алексеев В.П.* Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. XIII. Сер. историческая. Махачкала, 1964. С. 167–169). Следовательно, население эпохи энеолита с антропологической точки зрения можно рассматривать в качестве предка современных народов Дагестана.

- ³⁸ *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 44–45.
- ³⁹ О проблеме генетических взаимоотношений кавказских языков см.: *Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. М., 1986. С. 109–141.
- ⁴⁰ *Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 74; *Дьяконов И.Я.* Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 16.
- ⁴¹ *Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 164–201.
- ⁴² *Иванов Вяч.Вс.* Об отношениях хаттского языка к северо-западнокавказским // Древняя Анатолия. С. 26–59.
- ⁴³ *Старостин С.А.* Культурная лексика... С. 90.
- ⁴⁴ Там же; *Бокарев Е.А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. С. 17–18.
- ⁴⁵ *Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Указ. соч. С. 203.
- ⁴⁶ *Старостин С.А.* Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984. Ч. 4. С. 19–38; *Милитарев А.Ю., Старостин С.А.* К проблеме афразийско-северокавказских этнолингвистических связей // Кавказ и цивилизация Древнего Востока. С. 24; *Пейрос И.И.* Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток: этнокультурные связи. С. 319–338.
- ⁴⁷ *Старостин С.А.* Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. С. 112–156.
- ⁴⁸ Там же. С. 154.
- ⁴⁹ *Гаджиев М.Г.* Указ. соч. С. 91.
- ⁵⁰ *Старостин С.А.* Культурная лексика... С. 74–94. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в свете новых археологических данных не соответствует действительности прежнее представление, будто земледельческо-скотоводческий комплекс пришел на Северный Кавказ не ранее III тыс. до н.э. и, следовательно, в V–IV тыс. до н.э. на территории Северного Кавказа отсутствовала культура, обладающая описанным по данным лексикографии набором культурной терминологии (Там же. С. 89).
- ⁵¹ *Гаджиев М.Г.* Указ. соч. С. 34–87.

Глава третья

Дагестан в эпоху разложения первобытного общества

В позднем неолите и на ранних стадиях эпохи раннего металла начались процессы разложения первобытных обществ. Они были обусловлены ростом регулярного избыточного и появлением прибавочного продукта вследствие подъема производства, особенно развития производящего хозяйства, возникновения металлургии и других видов ремесленной деятельности, а также развития обмена. В одних областях эти процессы протекали ускоренными темпами и привели к раннему зарождению классовых обществ. В конце IV тыс. до н.э. первые цивилизации появились в Египте и Месопотамии, в III–II тыс. до н.э. в Индии, Малой Азии, Средиземноморье, Китае. На большей части территории Старого Света становление классовых обществ происходило в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Свои особенности имели процессы разложения первобытного общества на северной окраине зоны раннеземледельческих культур, в частности в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, где поступательное развитие общества было как бы прервано на ранних этапах палеометаллической эпохи. Здесь высокоразвитые ранние земледельческо-скотоводческие общества, приблизившись в разной степени к порогу цивилизации, по ряду причин исчерпали свои потенциальные возможности, после чего наступает общественный катаклизм и наблюдается культурно-исторический регресс¹. В истории Дагестана такая ситуация имела место на рубеже раннего и среднебронзового веков в конце III тыс. до н.э.², в результате чего процесс разложения первобытного общества и становления раннеклассового общества затянулся здесь на 2 тысячелетия и завершился только в железном веке в конце I тыс. до н.э.

§ 1. Земледельческо-скотоводческие племена Дагестана в бронзовом веке

Бронзовый век охватывает промежуток времени с конца IV до конца II тыс. до н.э. Он характеризуется многими важными достижениями в экономике, культуре, социальном устройстве общества, определившими его как один из важных этапов в развитии первобытнообщинного строя.

Возникшая еще в энеолите металлургия меди достигает в этот период своего расцвета. На протяжении III–II тыс. до н.э. изделия из бронзы, т.е. сплава меди с мышьяком или оловом, играют все большую роль в жизни человека. На Кавказе, как и повсеместно, где были запасы руды, складываются очаги металлургии и металлообработки.

Хозяйственная деятельность характеризуется возникновением и расширением пашенного, в том числе террасного, земледелия, непрерывным ростом скотоводства, усовершенствованием способов его ведения. Наряду с металлургией и металлообработкой дальнейшее развитие получает ряд других производств: керамическое, обработка камня, кости и др.

Происходит дальнейшее развитие материальной культуры, выразившееся, в частности, в появлении разных типов поселений и жилищ, в возникновении многих элементов архитектуры и строительной техники, доживших до наших дней.

В связи с успехами в развитии земледелия и скотоводства, различных производств, превращавшихся в общинные ремесла, происходит дальнейшее углубление общественного разделения труда, возрастает роль межплеменного обмена, благодаря чему усиливаются связи между населением различных областей. В то время когда в южных областях Евразии шел процесс дальнейшего развития оседлоземледельческих общин, в степной зоне формируются крупные племенные объединения подвижных скотоводческих племен. Взаимоотношения этих двух миров в значительной степени определили характер исторических процессов, протекавших на северных окраинах раннеземледельческой ойкумены, в том числе и на Северном Кавказе.

В эпоху бронзы складываются те этнокультурные общности, которые послужили основой для формирования многих племен и народностей, позднее известных по письменным источникам.

С ростом производительных сил, увеличением роли обмена возникает имущественная дифференциация, усиливается межплеменная борьба за пахотные и пастбищные угодья, скот и рудные базы.

Развитие пашенного земледелия, скотоводства, металлургии и других общинных ремесел, где господствовал мужской труд, определило глубокие изменения в общественном устройстве. Матриархально-родовые отношения, господствовавшие с эпохи верхнего палеолита, вытесняются новыми, патриархальными отношениями, более соответствующими возросшей роли мужского труда в общественном производстве. Значительную роль в общественной и особенно в хозяйственной жизни начинают играть наряду с родом отдельные патриархальные семьи. Накапливавшиеся богатства сосредоточивались в руках отдельных семей, что порождало имущественную дифференциацию внутри рода, отдельная семья становилась силой, которая угрожающе противостояла роду.

Все более обособлялась родовая верхушка, которой попадала львиная доля военной добычи, что еще больше углубляло имущественные различия, постепенно перераставшие в элементы социального неравенства. Все это приводило к тому, что в бронзовом веке начался процесс разложения первобытнообщинного строя.

В культурно-историческом развитии Дагестана в бронзовом веке выделяются три периода: эпоха ранней бронзы, охватывающая хронологический промежуток с конца IV тыс. до н.э. до последних веков III тыс. до н.э., эпоха средней бронзы – конец III – середина II тыс. до н.э., эпоха поздней бронзы – вторая половина II тыс. до н.э.

§ 2. Дагестан в период ранней бронзы

Расселение. Эпоха ранней бронзы Дагестана известна по многочисленным материалам более 60 археологических памятников, представляющих собой остатки древних поселений, погребения, местонахождения отдельных вещей, культовые места, т.е. наскальные рисунки³.

Значительное их число выявлено в горной зоне и в предгорьях. Это поселения у сел Гагатль, Анди, Ашали, Кижани, могильник Щебоха, у селения Гагатль (Ботлихский район), у селений Ингердах, Местерух (Ахвахский район), Чинна у села Батлаич, Арани (Хунзахский район), Чирката (Гумбетовский район), у села Хутрах (Цунтинский район), у хутора Гоно (Шамильский район), у села Кучраб (Чародинский район), у сел Ругуджа (Гунибский район), Гапшима (Акушинский район), неподалеку от селений Кули и Вачи (Кулинский район), у селений Верхние Лабкомахи, Карлабко, Мекеги, Кулецма (Левашинский район), у селений Старый Чиркей, Эрпели (Буйнакский район), Таргу (Сергокалинский район), у сел Янгикент, Карацан (Кайтагский район), у села Трисанчи (Дахадаевский район), в урочище Шаракун (Сулейман-Стальский район).

Много памятников эпохи ранней бронзы открыто на Приморской равнине. Это Хаджалкалинское и Мамрашское поселения в Магарамкентском районе, поселения и могильник у села Великент, в Дербенте (Дербентский район), Каякентские, Башликентское, Мамайкутанское поселения в Каякентском районе, у сел Карабудахкент, Манас, Ачису, зоны отдыха Маяк (Ленинский район), у г. Махачкала, у села Верхний Чирюрт (Кизилюртовский район), у села Калининаул (Казбековский район).

Приведенные данные еще недостаточно отражают действительную картину расселения дагестанских племен в III тыс. до н.э. Тем не менее по ним можно заключить, что в то время уже были заселены почти все физико-географические зоны Дагестана, достаточно широко была освоена местными племенами практически вся его территория, пригодная для развития первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства. О возросшей плотности заселения отдельных районов свидетельствует, например, археологическая карта Андийской котловины в горной зоне (Ботлихский район), где на сравнительно небольшой территории сейчас известно шесть памятников (поселения и могильник) эпохи ранней бронзы. Весьма плотно была заселена и приморская полоса Дагестана вдоль древних русел Уллучая, Гамриозени, Манасозени.

Поселения и жилища. В Горном Дагестане известны поселения двух типов: постоянные и сезонные. Последние, как правило, располагались в местах, непригодных для нормальной жизнедеятельности общин в зимних условиях. Таковы, например, продолжавшие функционировать в бронзовом веке поселения Чинна в Хунзахском районе, расположенное на высоте около 2 тыс. м над уровнем моря, на крутом склоне под скальным навесом; поселение Чирката, занимавшее пещеру и небольшой склон перед нею на высоте около 2700 м над уровнем моря; поселение у села Ашали (Ботлихский район) на вершине и крутом склоне горы. Сезонные поселения в Горном Дагестане были рассчитаны на кратковременное обитание главным образом пастухов в летние периоды в местах отгона скота на летние пастбища, чем и объясняется их топография. На таких поселениях не требовались фундаментальные каменные жилища, необходимые для постоянного обитания: пастухи, обслуживавшие стада в короткий

летний период, обходились без них, они жили в пещерах, под скальными навесами или в легких постройках, как это засвидетельствовано этнографической действительностью современного Дагестана.

Постоянные поселения горной зоны большей частью располагались в естественно укрепленных местах – мысах, на гребнях и склонах гор, скальных платформах. Длительное функционирование этого типа поселений было обусловлено оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством, появлением террасного земледелия и выработкой длительного опыта организации стационарного проживания в горах больших групп населения.

В выборе места для постоянных поселений, наряду с оборонительным фактором, важную роль играло наличие поблизости необходимых для ведения земледелия посевных площадей, т.е. естественно выровненных участков или пологих горных склонов, пригодных для террасного земледелия, наличие источников воды.

По своей планировке постоянные поселения Горного Дагестана представляли собой обычные горные селения с ступенчато расположенными друг над другом горизонтальными рядами домов. Характерным и показательным в этом отношении является Чиркейское поселение. Оно находилось на левом берегу Сулака у затопленного водохранилищем Чиркейской ГЭС селения Старый Чиркей. Поселение было расположено на горе Тадшоб – останец древней террасы высотой 70–100 м от основания в виде треугольника, вытянутого с запада на восток, с обрывистыми крутыми склонами. Останец представлял собой созданную самой природой естественную крепость, куда можно было проникнуть по крутым тропинкам и скальным ступенькам. Обитатели поселения пренебрегали всеми неудобствами, чтобы обезопасить себя. Остатки древних жилищ открыты на южном склоне верхней площадки горы. Они располагались тремя ступенчато возвышающимися друг над другом рядами на частично врезанных в склон искусственных террасах, закрепленных с нижней стороны подпорными стенами.

Чиркейское поселение застроено почти стандартными домами, состоявшими из круглопланового жилого помещения, к которому пристраивались небольшие передние – сени. Одно из таких круглоплановых жилищ имело в диаметре 5,2 м. Стены его, сохранившиеся на высоту около 1 м, были возведены из известняковых обработанных камней. Перекрытие помещения реконструируется как плоское, состоящее из рядов параллельно сложенных балок, настланных тонким хворостом, вероятно, замазывавшимся глиной. Такого рода перекрытия опирались на стены и центральные столбы, установленные на опорные базы. В центре помещения располагался круглый вкопанный в пол очаг с обмазанной стенкой и широким глиняным бортиком, слегка приподнятым над полом. Вход в помещение находился с южной стороны. Он представлял собой конически сужающийся внутрь коридор длиной около 2 м, шириной 0,9–1,7 м. Внутри помещения напротив дверного проема располагалось подпрямоугольное каменное возвышение размером 2,2 × 1,75 м, вдоль стены находилась лавка длиной 7,2 м, шириной и высотой около 0,5 м. В помещении были также хранилища в виде ямы, обмазанной глиной и заполненной обуглившимся зерном, а также вкопанных в землю крупных широкогорлых глиняных сосудов, закрытых плоскими каменными плитами.

Пристраивавшиеся к таким круглоплановым жилищам со стороны входа передние имели овальные, угловатые или прямоугольные в плане формы. В них, как правило, у стенки располагались по одной двухчастной печи (“кор”), с разделенными горизонтальными топочной и обжигательной камерами и сводчатыми глинобитными перекрытиями. Такие же свободностоящие дома, конструктивно не связанные с другими подобными же рядом находившимися домами, открыты и на других поселениях Горного Дагестана – у села Гагатль Ботлихского района, Мекеги Левашинского района.

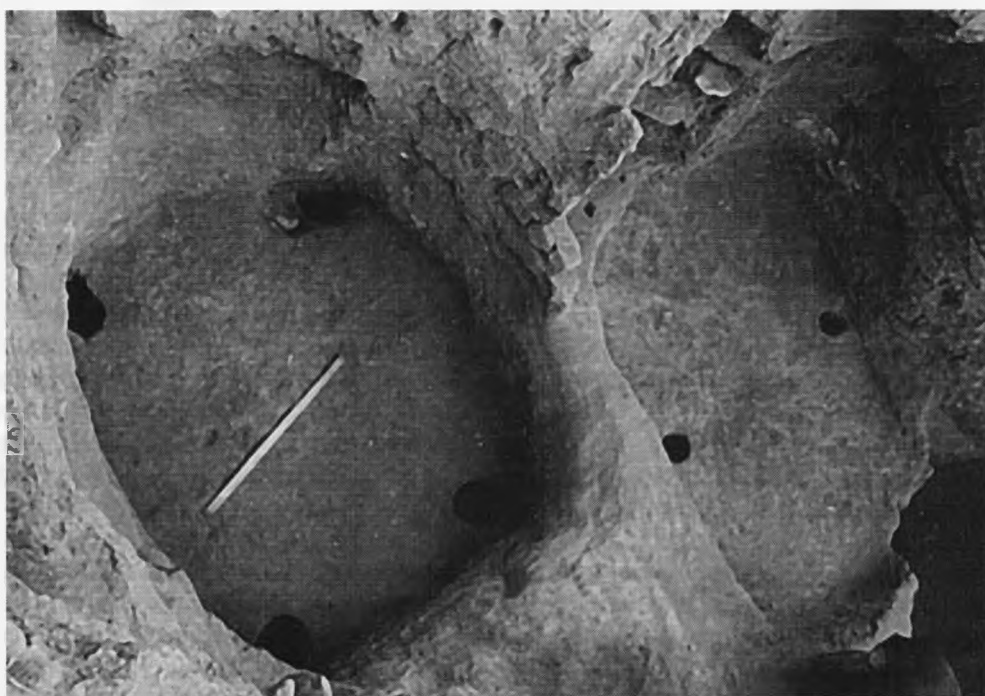
Поселение Галгалатли, в отличие от Чиркейского, находится во внутреннем Горном Дагестане у андийского селения Гагатль. Оно находилось на горе Галгалатли, доминирующей над Андийской котловиной, занимало гребень и крутой склон. Такие же, как и в Чиркее, каменные круглоплановые дома в Галгалатли также располагались на склоне друг над другом горизонтальными рядами на искусственных террасах, наполовину врезанных в склон. Круглоплановая каменная архитектура была характерна для ранних поселений бронзового века Горного Дагестана. К концу раннебронзового века древняя архитектурная традиция строительства круглоплановых домов, восходящая в Дагестане к неолиту, приходит в упадок. Начался процесс смены ее новой архитектурой, основным элементом которой становятся многокомнатные постройки прямоугольного плана. О начале этого процесса свидетельствуют остатки Сигитминского поселения, относящиеся к заключительному этапу раннебронзового века, т.е. к последним векам III тыс. до н.э. Поселение находилось на границе предгорий и степи, на правом берегу р. Сулак, к югу от селения Верхний Чирюрт. Оно расположено на горе Сигитма, на ее гребне и северном склоне. Скальная гряда, на которой расположено поселение, представляет собой хорошо укрепленное самой природой надежное убежище. По своей планировке Сигитминское поселение также представляло собой обычное горное поселение. Строения располагались по склону горы в два ряда таким образом, что верхний ряд возвышался над нижним. Верхний ряд состоял из трех жилищ и двух площадок, являвшихся основаниями легких навесов, в нижнем ряду было два жилища. Жилища и площадки были смежными и по существу составляли один комплекс. Они в плане, в отличие от жилищ Чиркея, Галгалатли, имели формы, близкие к квадратным с закругленными углами и в разной степени углублены в скалу. Кровли предположительно поддерживались столбами, закрепленными в углублениях в скале. Внутри жилища находились двухчастная печь и лежанка, высеченная в скале. Наряду с двухчастными, в сигитминских жилищах находились также центральные углубленные в пол круглые очаги. Несмотря на эти сходные с более ранними домостроениями элементы интерьера жилищ, Сигитминское поселение все же характеризует начальный этап формирования в Дагестане новой архитектурной традиции, основным элементом которой становятся прямоугольные многокомнатные смежные домостроения, сохранившиеся до современной этнографической действительности.

В эпоху ранней бронзы начинают вырисовываться некоторые зональные различия в типах поселений Дагестана, обусловленные различными природно-географическими условиями и наличным строительным материалом.

Так, в Приморской низменности и в начале предгорий поселения располагались на плоских вершинах естественных возвышенностей, а в отдельных

Двухчастная печь из Чиркейского поселения

Землянки из Каякентского поселения Геметюбе I

случаях (как, например, на хуторе Мамайкутан Каякентского района) они представляют собой зольные холмы, образованные разрушенными глинобитными постройками, золой и другими остатками человеческой деятельности.

Поселения, расположенные на естественных холмах, открыты около селения Каякент, вдоль р. Гамри-озень (Геметюбе I и II), Уллучая (у селения Великент Дербентского района). Они располагались на продолговатых или овальных холмах с плоской вершиной. Они обживались в течение длительного времени. На каждом из них выявлено несколько горизонтов, перекрывавших друг друга строительными остатками жилищ и других бытовых сооружений. Это значит, что обитатели поселений разравнивали площадки на месте пришедших в ветхость построек и строили новые. Так поступали до тех пор, пока не прекращалась жизнь на поселениях. Таким образом, на поселениях постепенно нарастал так называемый культурный слой, состоявший из строительных остатков, многочисленных каменных орудий и инструментов, пришедших в негодность, потерянных или выброшенных, костей животных, керамики, скоплений золы, угольков и т.д., – т.е. остатков человеческой деятельности. Толщина культурного слоя древних поселений зависит во многом от длительности их обживания. Так, в Приморском Дагестане толщина культурного слоя на поселениях эпохи ранней бронзы колеблется в основном от 1,5 до 5 м, что говорит о весьма длительном и стабильном обживании этой территории Дагестана на протяжении всей эпохи ранней бронзы, т.е. целого тысячелетия.

На поселениях Каякент и Великент древнейшие жилища представляли собой вырытые в толщине холмов землянки и полужемлянки круглого плана. Так, в Великенте землянка диаметром 4 м была углублена в материк на 3,5 м. Позднее на указанных поселениях появляются и наземные постройки также круглого плана с центральным очагом такого же типа, что и в горных жилищах. Стенки наземных домостроений возводились из дерева, плетня, обмазанной глины, а также из камня. В конце эпохи ранней бронзы на прикаспийских поселениях были землянки уже прямоугольных очертаний с закругленными углами, стенки которых облицованы сырцовым кирпичом.

Таким образом, несмотря на определенные различия, обусловленные особенностями физико-географической среды и характером строительного материала, поселения и жилища горной и равнинной части характеризуются определенным единством с точки зрения архитектуры (круглоплановые сооружения с центральным очагом), их эволюции от круглоплановых сооружений к прямоугольным. Это один из показателей культурного единства Дагестана в эпоху ранней бронзы.

Погребальные сооружения и обряд. В соответствии с представлениями древних о потустороннем, “загробном” мире как продолжении земного для умерших строили такие погребальные сооружения, которые воспроизводили формы реально существовавших жилищ. Так, в Горном Дагестане для этой цели строили подземные склепы круглого плана, стенки которых облицовывались каменными плитами и перекрывались такими же плитами. Подобные склепы, напоминающие реально существовавшие жилища, открытые в местности Шебоха у села Гагатль Ботлихского района, служили в качестве коллективных усыпальниц для членов большесемейных общин. Более поздние подземные каменные сооружения в виде прямоугольных склепов были исследованы у хутора Гоно близ села Тидиб Советского района.

На Приморской равнине для этой цели строили подземные катакомбы. У поселения Великент открыта катакомба, вырытая в толще естественного холма. Она состояла из двух частей: входной камеры (дромоса) в виде прямоугольной ямы, в торцевой стенке которой высечен входной лаз арочной формы, ведущий в погребальную камеру овальной формы со сводчатым потолком. В катакомбе было захоронено 48 человек в сопровождении всякой утвари, в том числе около 500 глиняных сосудов, клавшихся с погребенными, как принято было в древности, с заупокойной пищей. Великентская катакомба, как и подземные склепы Горного Дагестана, воспроизводит формы жилищ, характерных для раннебронзового века Дагестана, т.е. двухкамерных построек, состоящих из круглопланового жилого сооружения и прямоугольной пристройки к нему, как, например, на Чиркейском поселении.

Земледелие и скотоводство. Как показывают археологические данные, основу оседлого быта племен Дагестана в III тыс. до н.э. составляло земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Расселение земледельческо-скотоводческого населения в горной зоне и Приморской низменности в эпоху ранней бронзы сопровождалось расширением площадей возделываемых земель. В Горном Дагестане это происходило первоначально за счет освоения плоскогорий, а затем пологих и более крутых склонов. Земледельческому освоению горных склонов благоприятствовали, с одной стороны, преимущественно богарный (неполивной) характер горного земледелия, не требующего больших трудовых затрат на строительство ирригационных сооружений, с другой – применение для обработки почвы, наряду с мотыгами, простейших пахотных орудий – плуга, для чего в качестве тягловой силы использовались животные.

О древности пашенного земледелия в Дагестане свидетельствуют названия деревянного плуга в дагестанских языках, восходящие к общему корню (пуруцц – ав., дураз – дарг., хъарас – лак., туь – лезг., дуруц – таб., ребццу – анд. и др.), ярма (рукъ – ав., дукI – дарг., рукI – лак., вик – лезг., йурккаъ – таб., рукоь – анд.), пашни (хур – ав., хъу – дарг., хъу – лак., хуър – лезг., гьул – таб., хур – анд.), быка (оц – ав., унц – дарг., ниц – лак., йайц – лезг., йиц – таб., унсо – анд.). Не вызывает сомнений, что эта общая для дагестанских языков терминология восходит к общедагестанскому языку – основе, распад которого, по данным языкознания и других наук, произошел не позднее III тыс. до н.э., т.е. эпохи ранней бронзы⁴.

Не позднее ранней бронзы произошло формирование в Горном Дагестане искусственных земледельческих террас⁵. Это связано с тем, что к тому времени в Горном Дагестане были исчерпаны ресурсы речных террас и естественно выровненных участков и все увеличивающееся население вынуждено было осваивать под земледелие горные склоны. Остатки древних земледельческих террас бронзового века открыли около сел Верхний Гуниб⁶ и Чох Гунибского района. Известно, что Горный Дагестан – один из мировых очагов возникновения и развития террасного земледелия. Важным этапом в его становлении явилась земледельческая деятельность населения раннебронзового века. Это не было актом единовременного приложения большого коллективного труда. Становление искусственных земледельческих террас происходило постепенно, в ходе постоянной длительной и целенаправ-

Земледельческие террасы в окрестностях селения Гагатль Ботлихского района

ленной обработки горных склонов. Земледельческие террасы совершенно изменили первоначальный геоморфологический облик гор. Они производят неизгладимое впечатление на всех, кто впервые знакомится с ними. Террасы выглядят как гигантские лестницы, поднимающиеся по склонам гор и постепенно сужающиеся по мере увеличения крутизны склона. Выдающийся советский биолог Н.И. Вавилов, объездивший весь мир в поисках центров происхождения культурных растений и земледелия в целом, писал: “В Перу, Боливии и у нас в Дагестане можно видеть интересную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли. В Дагестане, около Ботлиха, можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Горном Дагестане”⁷. Известно, что посевы зерновых в Дагестане доходят до 2500 м над уровнем моря. Это объясняется тем, то в условиях Горного Дагестана благодаря террасному земледелию и длительному отбору выработались особые эндемичные сорта злаков, отличающиеся скороспелостью и укладывающиеся в своем цикле развития в короткое лето.

Обработанные мотыгой и плугом земли засеивали различными сортами злаков. На Каякентском поселении были обнаружены отпечатки чешуек твердой пшеницы, а на Мекегинском – зерна голозерного ячменя. В раздавленном сосуде на поселении у села Гильяр обнаружены обуглившиеся зерна твердой и мягкой пшеницы, голозерного и пленчатого ячменя и даже льна.

Около 15 кг обуглившейся пшеницы и ячменя было обнаружено при раскопках раннебронзового поселения у села Гагатль (Ботлихский район), большое количество зерна (пшеница, ячмень и полба) содержали ямы-хранилища и глиняные сосуды в жилищах Чиркейского поселения. Судя по этим находкам, ассортимент засеваемых злаков был довольно разнообразным. Население Дагестана, подобно закавказским земледельцам, практиковало в III тыс. до н.э. и смешанные посевы злаков.

Урожай снимались при помощи составных кремневых серпов изогнутой формы. Вероятно, дагестанские племена, судя по высокоразвитому для того времени металлообрабатывающему производству, подобно закавказским земледельцам, пользовались и бронзовыми серпами. Обмолот производился с помощью палок, вытаптыванием зерна из колосьев животными. Вероятно, что в III тыс. до н.э. уже начали применять для этой цели молотильные приспособления из каменных плит, деревянных досок, достоверность существования которых засвидетельствована для последующего периода бронзового века. Прослеживаемые в дагестанских языках общекорневые названия гумна (гъоцло – ав., уръгла – дарг., ттарацлалу – лак., рат – лезг., рацц – таб., гъинццлу – анд.), соломы (сум – ав., сума – дарг., сун – дарг., сам – лезг., швам – таб., суми – анд.), мякины (накку – ав., нег – дерг., нахв – лак., нагхв – лезг., нахъв – таб., никку – анд.) свидетельствуют о том, что терминология, связанная с обмолотом зерна, также сложилась в Дагестана не позже III тыс. до н.э.⁸

Применение в земледелии пахотных угодий, усовершенствование жатвенных орудий и в целом агротехники повысили производительность труда в этой отрасли хозяйства. Наблюдается расцвет первобытного земледелия. Забота о хранении зерна становится теперь важнейшей чертой быта. Появляются зернохранилища в виде глубоких ям, обмазанных глиной, возникает особый тип крупных глиняных сосудов с отверстиями для вентиляции, предназначенных для хранения зерна и закапывавшихся в пол жилищ.

Обмолоченное зерно подсушивали или обжаривали на специальных двухчастных печах, широко распространенных в быту народов Дагестана и поныне (кор – ав., кари – дарг., кIвара – лак., хьар – лезг., таб., корюк – кумык.). Подобные печи открыты на поселениях III тыс. до н.э. у селений Мекеги, Чиркей, Верхний Чирюрт. После сушки и обжаривания зерно размалывали на традиционных зернотерках.

Другой ведущей отраслью хозяйства в ту эпоху являлось скотоводство. Анализ остеологических материалов из поселений раннебронзового века документирует неуклонный процесс постепенного вытеснения охоты скотоводством. Доля охотничьего промысла в мясном рационе к рубежу III–II тыс. до н.э. уменьшается до 10% (в позднем энеолите она составляла около 30%). Состав стад оставался прежним – разводили крупный и мелкий рогатый скот, но изменилось их соотношение: увеличивается процент крупного рогатого скота. Практиковались различные формы животноводства: стационарная, отгонная и др. Отгонное скотоводство основано на использовании в летнее время альпийских пастбищ, где функционировали временные поселки скотоводов. Рост крупного рогатого скота объясняется не только его более высокой мясной и молочной продуктивностью, но и возможностью использовать его в качестве тягловой силы при пахоте. Упряжки быков передвигали также деревянные повозки. Их массивные колеса с сильно

выступающими ступицами изготовлялись из трех крупных кусков дерева, соединенных друг с другом шпунтами. Четыре подобных колеса были найдены в кургане у селения Утамыш. Деревянная погребальная колода здесь была установлена на четырехколесной повозке. Глиняные модели подобных колес часто встречаются на памятниках III тыс. до н.э. В качестве транспорта использовались и лошади, а для охраны стад – собаки.

Важная роль скотоводства в хозяйстве определялась также потребностями населения в молоке и молочных продуктах. При раскопках ранне-бронзовых памятников встречаются специальные формы глиняной посуды, служившие для приготовления сыра, сбивания масла (маслобойки). В дагестанских языках сохранились общекорневые названия некоторых молочных продуктов: молока, коровьего сыра, масла, позволяющие отнести подобную технологию к эпохе существования общедагестанского языка – основы, т.е. ко времени не позднее III тыс. до н.э.

Помимо земледелия и скотоводства, связанных непосредственно с производством продуктов питания, большую роль в экономике древних играли разнообразные отрасли древнего производства, которые, хотя и находились вне сферы производства продуктов питания, приобретали все большее значение по мере развития общества. Таковы металлургия и металлообработка, гончарное производство и некоторые другие отрасли, которые рано переросли из домашних промыслов в самостоятельные отрасли экономики, удовлетворявшие первоначально потребности общины, а со временем, отделившись от земледелия, превратились в специализированные ремесла⁹.

Обработка камня. Переход от каменного века к бронзовому сопровождался глубокими переменами в развитии производительных сил первобытного общества. Камень, который на протяжении длительного периода истории общества служил человеку основным сырьем для изготовления орудий труда, предметов вооружения, уступает место новому материалу – металлу. Однако процесс этот был длительным. На протяжении многих сотен лет камень продолжал успешно соперничать с металлом. Камень выдерживал эту конкуренцию до тех пор, пока в результате технического прогресса в области металлопроизводства не были выработаны специальные приемы закаливания меди с целью повышения ее твердости или же не был открыт искусственный металл – бронза и, в конечном итоге, не было достигнуто преимущество металла перед камнем, использовавшимся для изготовления орудий труда. Однако некоторые орудия труда, сделанные из камня, выдержали эту конкуренцию вплоть до появления железной металлургии. Таковыми, в частности, являлись серпы, стрелы и др. Они, как и раньше, изготовлялись из кремня, но претерпели значительное усовершенствование.

Так, на смену архаичным жатвенным ножам и примитивным серпам, употреблявшимся в неолите и энеолите, пришли специализированные типы серпов из кремневых вкладышей, отличающихся тщательной двусторонней обработкой поверхностей и рабочего края. Слегка утонченный рабочий край этих орудий имел небольшой изгиб, на котором симметрично располагались острые зубцы. Несколько таких вкладышей, закрепленных с помощью битума в деревянной или костяной оправе, образовывали зубчатое лезвие серпа. Оснащенные такими вкладышами серпы с челюстевидной оправой позволяли сравнительно быстро снимать урожай. И не случайно подоб-

ного рода серпы были широко распространены в эту эпоху не только на Кавказе, но и в рабовладельческих государствах Египта, Месопотамии и у других земледельческих народов Древнего Востока. На протяжении нескольких тысячелетий они были основными жатвенными орудиями.

Часто встречаются на раннебронзовых поселениях и такие традиционные земледельческие орудия, как зернотерки. Они, как правило, изготавливались из обкатанных валунов. Все они имеют характерную ладьевидную форму. Нижние камни отличаются большей массивностью и шириной, чем верхние. Обычные размеры зернотерок достигают 30–35 см в длину при ширине 13–17 см. Увеличение числа этих орудий является одним из важных свидетельств возрастания в эту эпоху роли земледелия.

Из камня изготавливались также различные топоры. Рабочие топоры подразделяются на молоты-кувалды и топоры-молоты. Первые сделаны грубо, посредине орудие опоясывает желобок для закрепления рукоятки, что позволяло использовать обе рабочие поверхности одинаково. Обращает на себя внимание тот факт, что подобные молоты на Кавказе находят, как правило, в местах залежей кремня и других минералов, что говорит о том, что они применялись в горных выработках. А топоры-молоты, в отличие от кувалд, имеют клиновидную форму, лезвие, обух. Желобок расположен ближе к обуху. Эти топоры стали рабочими орудиями универсального назначения. Вместе с тем эти топоры имели также и специальное назначение, т.е. они использовались в металлургическом производстве для отбивки и первичного дробления медной руды.

Наряду с рабочими топорами, в III тыс. до н.э. в Дагестане получили распространение изящные сверленные каменные полированные боевые топоры, изготовленные из различных известняковых пород. Они найдены на Чиркейском, Сигитминском, Каякентском и Великентском поселениях. Подобные топоры были широко распространены начиная с раннебронзового века у носителей самых различных культур по всей Европе, от Северного Кавказа до Скандинавии и от Волги до Рейна, а также в Малой Азии. Распространение различных форм боевых топоров является одним из показателей существования в раннебронзовую эпоху обширной культурной провинции, включающей Малую Азию, Кавказ и Европу, характеризующейся чрезвычайно активными культурно-историческими контактами. Важную роль в осуществлении этих контактов играло население Дагестана, расположенного на важнейшем кавказском пути, связывавшем издревле Европу и Азию.

Неизвестным ранее видом вооружения являются булавы, грушевидные и шаровидные навершия которых сделаны из различных пород камня – мергеля, диабаз, мрамора, известняка, гематита и др. Навершия булав, как и боевые топоры, полировались до блеска. На археологических памятниках Дагестана наряду с законченными экземплярами найдены грубые каменные заготовки булав, что свидетельствует о местном производстве этого вида вооружения.

Традиционно из кремня изготавливались также наконечники стрел, представленные несколькими разновидностями: треугольные с выемкой в основании, треугольные с прямым основанием, треугольные с черешком. Поверхности наконечников тщательно обрабатывались отжимной двусторонней ретушью.

Металлургия и металлообработка. Начало освоения местными племенами Дагестана обработки металлов восходит, как известно, к предшествующей эпохе – энеолиту, но подлинный расцвет древнего металлообрабатываю-

щего производства, как и на всем Кавказе, относится к эпохе ранней бронзы. Наиболее яркой находкой, доказывающей местное производство металлических изделий в Дагестане, является глиняная разъемная из двух половин литейная форма для отливки наиболее древних типов клиновидных проушных топоров из поселения Галгалатли (Ботлихский район), хорошо известных в ту эпоху как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. О раннем знакомстве населения древнего Дагестана с плавкой металла свидетельствует также слиток выплавленной меди из древнейшего слоя Великентского поселения.

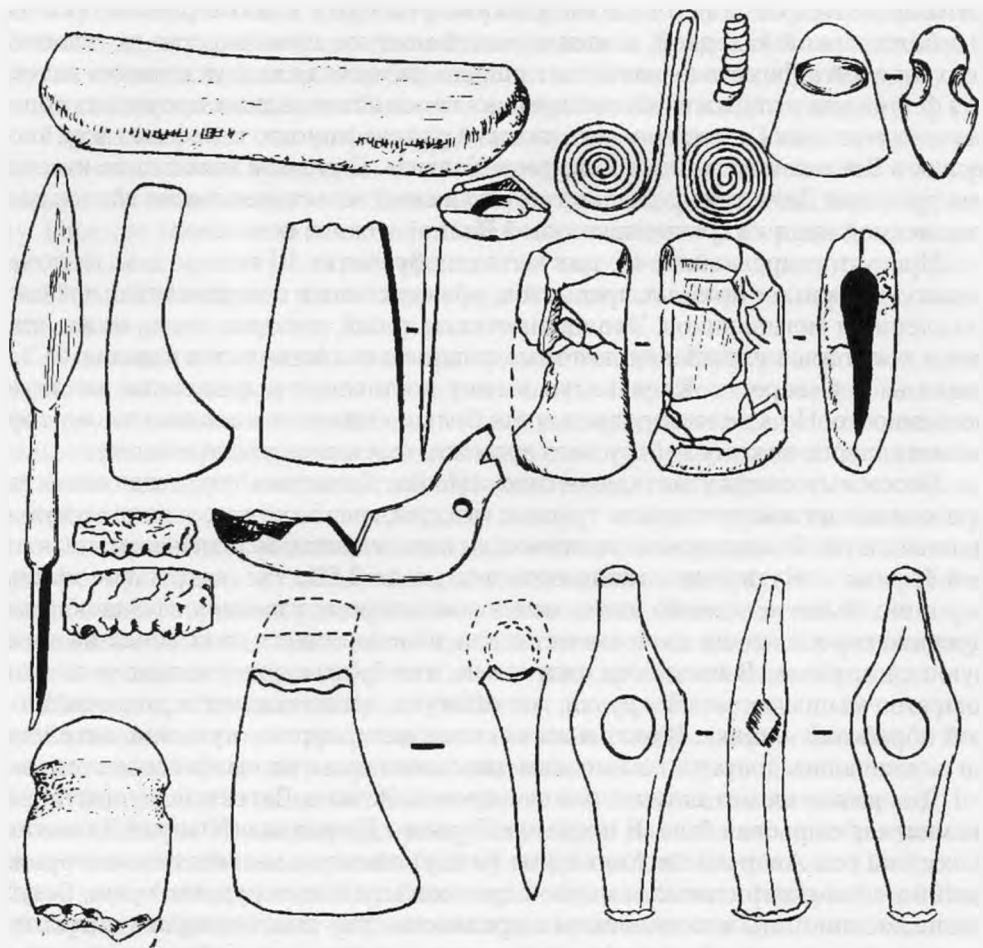
Продукция древнейшего очага металлообработки III тыс. до н.э., включает около 60 разнообразных предметов, обнаруженных при раскопках древних поселений и могильников. Это наконечники копий, топоры, тесла, ножи, шилья и некоторые украшения, которые сходны с аналогичными изделиями Закавказья и Северного Кавказа, но имеют достаточно выраженные местные особенности. Но в целом продукция эта больше тяготеет к закавказскому горно-металлургическому центру того времени, чем к северокавказскому.

По своему составу металлические изделия Дагестана подразделяются на три химико-металлургические группы: медную, мышьяко-высоконикиелевую и мышьяковую. В основном металлические изделия изготовлялись из мышьяковой бронзы – сплав меди с мышьяком в дозах до 2,5%, т.е. содержание мышьяка в них было несколько ниже, чем в аналогичных изделиях из Закавказья. Древние хорошо знали свойства металлов, изменяющиеся от количества легирующей примеси. В частности, они знали, что бронза, содержащая малое количество мышьяка, менее хрупка, мягкотягуча, легко поддается дополнительной обработке – ковке. В целом же местные металлурги – кузнецы, литейщики – отличались достаточно высоким для своего времени профессионализмом.

Для развития металлургического производства в Дагестане существовала местная сырьевая база. В пределах Горного Дагестана (Южный Дагестан, бассейны рек Аварское и Андийское Койсу) известно множество месторождений медно-сидеритовых и медно-серноколчедановых руд, которые, безусловно, могли быть использованы в древности. Это подтверждают и некоторые косвенные данные: находки каменных топоров с желобчатым перехватом, использовавшихся для отбивания и первичного дробления руды; медного топора, применявшегося также в горно-рудном деле, а также своеобразие распределения микропримесей химических элементов в металле, что отличает исходное сырье Дагестана от металлов других областей Кавказа.

Имеющиеся археологические данные свидетельствуют о выделении металлургии и металлообработки в самостоятельную отрасль производства, обслуживаемую профессиональными специалистами – металлургами, литейщиками, кузнецами, продукция которой вполне удовлетворяла потребности общин, т.е. металлопроизводство в эпоху ранней бронзы достигает в Дагестане уровня общинного ремесла.

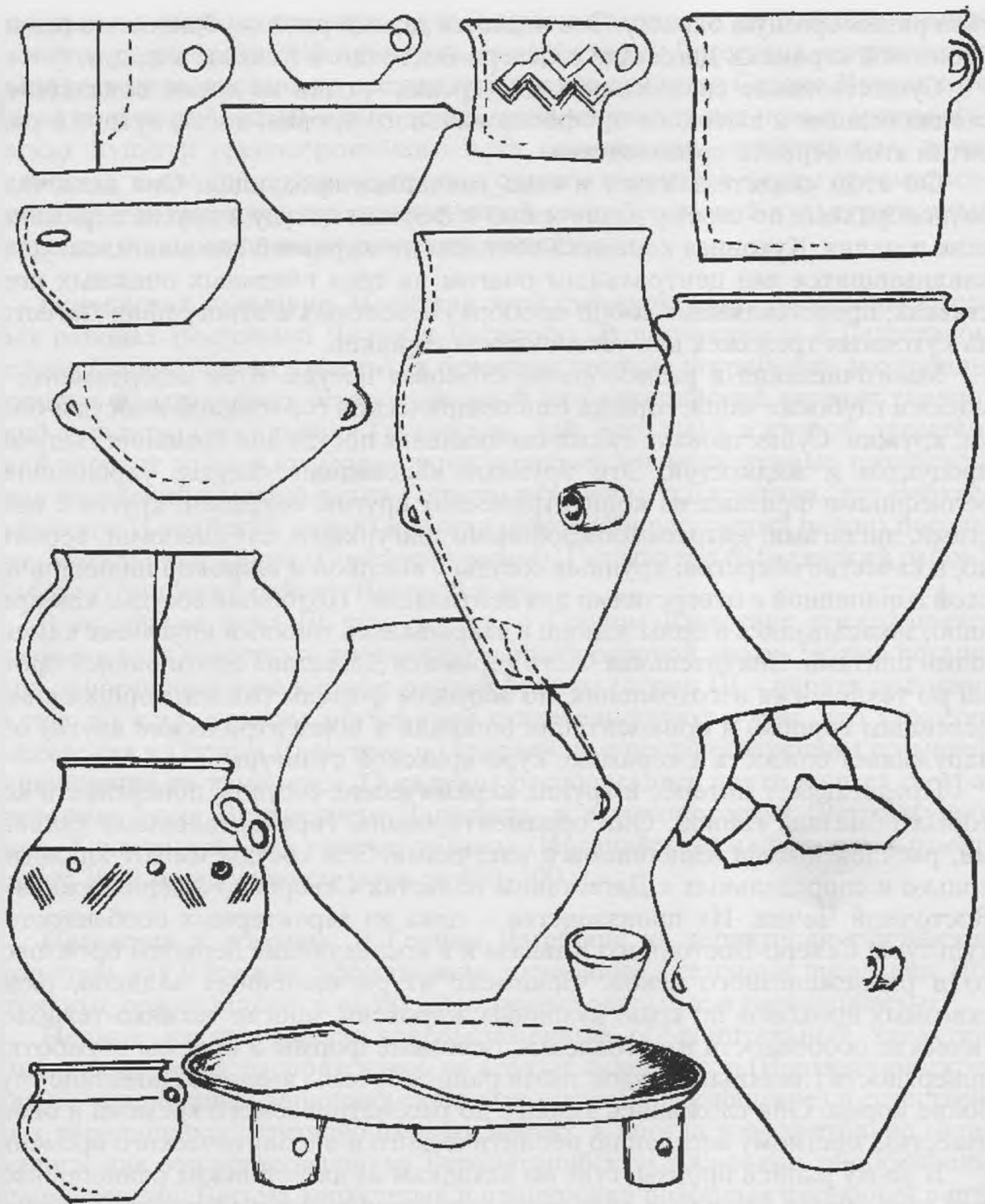
Керамическое производство. Керамическое производство, как и металлообработка, относится к числу наиболее древних специализированных производств Дагестана. По сравнению с предыдущей эпохой керамическое производство достигло довольно высокого уровня развития. Прогресс наблюдается почти во всей технологии, начиная от приготовления глиняного теста до выработки устойчивых типов изделий и их обжига. Керамика изготовлялась из тщательно отмоченной глины, содержащей исключительно неорганические

Памятники эпохи ранней бронзы

примеси – дресвы и песка. Исчезает характерная для энеолита грубая керамика, изготовленная в плетеных корзинах, циновках. Керамика, хотя и лепилась ручным способом, отличалась многообразием, устойчивостью и выработанностью форм, хорошей отделкой поверхности сосудов и высоким качеством обжига. Тщательно обрабатывалась поверхность сосудов путем ангобирования и лощения, доведенного иногда до блеска. На позднем этапе эпохи ранней бронзы появляется своеобразный способ грубого обмазывания поверхности – прием малоизвестный в других областях Кавказа. Керамика украшалась резными геометрическими узорами и рельефным, выпукло-вогнутым орнаментом из спиралей, концентрических кругов, разнообразных налепов. В зависимости от характера обжига керамика имела разноцветную пятнистую поверхность или преимущественно серый, реже красный или черный цвет.

В гончарном производстве был достигнут достаточно высокий для своего времени уровень технического развития. На окраине Великентского поселения были обнаружены гончарные печи. Одна из вскрытых печей представля-

Керамические изделия. Памятники Дагестана эпохи ранней бронзы

ла собой простое по своей конструкции круглое сооружение в грунтовой яме диаметром около 3,5 м, стены которого сложены из речного булыжника на глиняном растворе. Она реконструируется как одноярусная со сферическим сводом, камера которой служила одновременно в качестве топочной и обжигательной. Несмотря на простоту конструкции, температура в горнах достигала 1200–1300° и по мере необходимости регулировалась. Для этой цели служили специальные отверстия в их сводах. В силу того что в подобных горнах пламя неравномерно облегалo поверхность обжигаемой керамики, она приобре-

тала разнообразную окраску. Это является характерной особенностью ранне-бронзовой керамики Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом.

Существование специальных мастерских – один из ярких показателей специализации и высокого профессионального уровня, достигнутого в развитии этой отрасли производства.

Об этом свидетельствует и сама гончарная продукция. Она включала разнообразные по своему назначению и формам посуду и другие керамические изделия. Кухонная керамика состояла из жаровней или мангалов, устанавливавшихся над центральным очагом на трех глиняных очажных подставках, представлявших собой прообраз известных в этнографии Дагестана кухонных треножек для установления горшков.

Многочисленна и разнообразна столовая посуда. В ее ассортименте – миски и глубокие чаши, горшки с цилиндрической горловиной и сосуды-банки, кружки. Существовала также специальная посуда для хранения сыпучих продуктов и жидкостей. Это крупные яйцевидные сосуды, украшенные рельефными фризами из концентрических кругов, спиралей, кругов с крестами, зигзагами, антропоморфными фигурками, служившими, вероятно, в качестве оберегов; крупные сосуды с высокой и широкой цилиндрической горловиной с отверстиями для вентиляции. Подобные сосуды, как правило, закапывались в полы жилищ и закрывались тонкими круглыми каменными плитами. Значительная часть керамики Дагестана эпохи ранней бронзы по технологии изготовления, по ведущим формам (миски, горшки с выделенным горлом) и орнаментации (спирали и концентрические круги) обнаруживает близость к керамике куро-аракской культуры.

Представляет интерес и группа керамических сосудов, поверхность которых обмазана глиной. Они орнаментированы горизонтальными валиками, расчлененными вдавливаниями и насечками. Эти сосуды имеют аналогии только в сопредельных с Дагестаном областях Северного Азербайджана и Восточной Чечни. Их производство – одна из характерных особенностей культуры Северо-Восточного Кавказа и в последующие периоды бронзового и раннежелезного веков. Орнамент из расчлененных валиков, ряды сквозных проколов по краю кухонных жаровень, многие технико-технологические особенности изготовления, основные формы и приемы обработки поверхности глиняных сосудов эпохи ранней бронзы имеют в Дагестане глубокие корни. Они сложились задолго до рассматриваемого времени и были известны местному населению неолитического и энеолитического времени.

В эпоху ранней бронзы, судя по находкам на дагестанских раннебронзовых поселениях каменных пряслиц, отпечатков ткани на стенках глиняных сосудов, здесь развивались прядение и ткачество. Существовало также косторезное, деревообрабатывающее, кожевенное и другие производства.

§ 3. Эпоха средней и поздней бронзы

В последние века III тыс. до н.э. в историко-культурном развитии Дагестана произошли коренные изменения. Они затронули почти все стороны материальной и духовной культуры (архитектура, погребальные сооружения и обряд, гончарное дело, металлообработка). Была в значительной степени нарушена продолжавшаяся тысячелетиями от мезолита до раннебронзового века относительная стабильность культурно-исторического развития

Дагестана с сохранением культурной преемственности на всех его этапах. Развитие раннебронзовой культуры на территории Дагестана завершилось, распалось существовавшее прежде культурное единство Северо-Восточного Кавказа, и на рубеже III–I тыс. до н.э. здесь сложился ряд новых археологических культур среднебронзового века (гинчинская, присулакская, великентская), имеющие лишь некоторые общего характера черты преемственности по отношению к предшествующей раннебронзовой культуре и иные традиции и направления культурных связей¹⁰.

Гинчинская культура. Носители этой культуры были расселены в горных районах Восточной Чечни и Дагестана. В пограничном с Дагестаном районе Горной Чечни известны в основном древние погребения, материалы которых представляют северо-западный или ичкерийский вариант гинчинской культуры (могильники Гатынкале, Дай, Бельты)¹¹, а второй, дагестанский вариант данной культуры характеризуют многочисленные материалы ряда поселений и могильников Горного внутреннего Дагестана. Это Верхнегунибское (Гунибский район) и Ирганайское (Унцукульский район) поселения, могильники Гинчи (Советский район), Галгалатли (Ботлихский район), Хабада (Гунибский район), Ирганай и др.

В последние века III тыс. до н.э. в Горном Дагестане прекращается жизнь на всех известных поселениях раннебронзовой эпохи. Новые поселения, относящиеся уже к эпохе ранней бронзы (конец III – первая половина II тыс. до н.э.), а также могильники свидетельствуют о том, что характер расселения в Горном Дагестане по сравнению с предшествующим временем существенно не изменился. Поселения располагались почти во всех географических зонах Внутреннего Дагестана: и в высокогорьях (Верхнегунибское, Усишинское), и в горных долинах (Ирганайское) на высотных отметках от 2000 м над уровнем моря до 450–500 м.

Поселения и жилища. В Горном Дагестане на территории гинчинской культуры, как и прежде, существовали постоянные и сезонные поселения. Постоянные подразделяются на так называемые скальные и горнодолинные.

Первые из них имеют ярковыраженный оборонительный характер. Они, как правило, располагались на крутых склонах гор (Верхнегунибское) или на уплощенных вершинах скальных кряжей (Усишинское) в естественных укрепленных, труднодоступных местах, а иногда дополнительно окружались, как это установлено на Верхнегунибском поселении, оборонительными стенами. Весьма характерна и планировка подобных поселений с ступенчатым расположением рядов каменных построек по склону, как это практиковалось и прежде, в раннебронзовую эпоху¹².

В отличие от скальных горнодолинные поселения располагались на ровных, сравнительно доступных участках древних речных террас. Они не имели оборонительных сооружений. Таково Ирганайское поселение, расположенное на высоте около 500 м над уровнем моря в Ирганайской долине, на речной террасе у подножия южных склонов горы у входа в боковое ущелье¹³.

Сезонные поселения, о которых мы судим по поселению Галгалатли II, также располагались на крутых склонах гор, но, в отличие от скальных и горнодолинных, они не застраивались фундаментальными каменными жилыми и хозяйственными постройками.

Поселения сильно различаются и по своим размерам. Сезонные поселения – это фактически небольшие стоянки семейной группы, занятой скотоводством вдали от оседлых базовых поселений в летние сезоны. Это традиционная форма ведения скотоводческого хозяйства, возникшая еще в энеолите и сохранившаяся до сих пор.

Наряду с такими небольшими поселениями, состоящими из единичных временных построек в виде полуземлянок, были распространены оседлые, постоянные поселения остаточного крупного размера, площадь которых достигала 1 га (Верхнегунибское), 3 га (Ирганайское).

В горных оседлых поселениях возникает совершенно новый тип каменного жилища, отличающийся от круглоплановых жилищ с пристройкой раннебронзового века прямоугольной планировкой и многокамерностью. На Верхнегунибском поселении открыты прямоугольные, значительные по своим размерам (от 20 до 40 кв. м) смежные постройки с углубленными в скалу основаниями. Стены их сооружались из хорошо подогнанных каменных плит, уложенных без скрепляющего раствора.

Постройки имели плоскую кровлю, образованную системой опорных столбов, балок, перекрытых каменными плитами и засыпанных сверху плотно утрамбованной землей. Они соединялись друг с другом и с улицами дверными проемами, у которых нередко находятся каменные “плитки” с ячейками для закрепления осей деревянных дверей для их вращения. В горнодолинных поселениях (Ирганайское) к жилым сооружениям примыкали обширные дворы с навесами, опирающимися на многочисленные столбы, установленные в специальных ямах.

Внутри жилищ сооружались лежанки, предназначенные, очевидно, для сна. У стен располагались глинобитные сводчатые двухчастные печи для сушки зерна и выпечки хлеба. Центральные круглые очаги, характерные для предшествующего периода, в эпоху средней бронзы уже не встречаются.

Все приведенные материалы свидетельствуют о том, что круглоплановая жилая архитектура раннебронзового века сменилась совершенно новой архитектурой, сложившейся на рубеже эпохи ранней и средней бронзы, основанной на прямоугольных конструкциях. Она становится в Горном Дагестане единственной формой жилой архитектуры среднебронзового века и представлена как на скальных, так и на горнодолинных поселениях. Они застраивались компактными рядами прямоугольных, преимущественно многокамерных жилищ. В интерьере жилищ (характер дверных проемов, лежанки, устройство глинобитных печей и т.д.) прослеживается много общего с традиционным горным жилищем.

Основываясь на сказанном, можно заключить, что в конце III тыс. до н.э. в горных районах Дагестана уже сложились те главные элементы планировки и архитектуры горских поселений, которые, развиваясь, дожили до нашего времени.

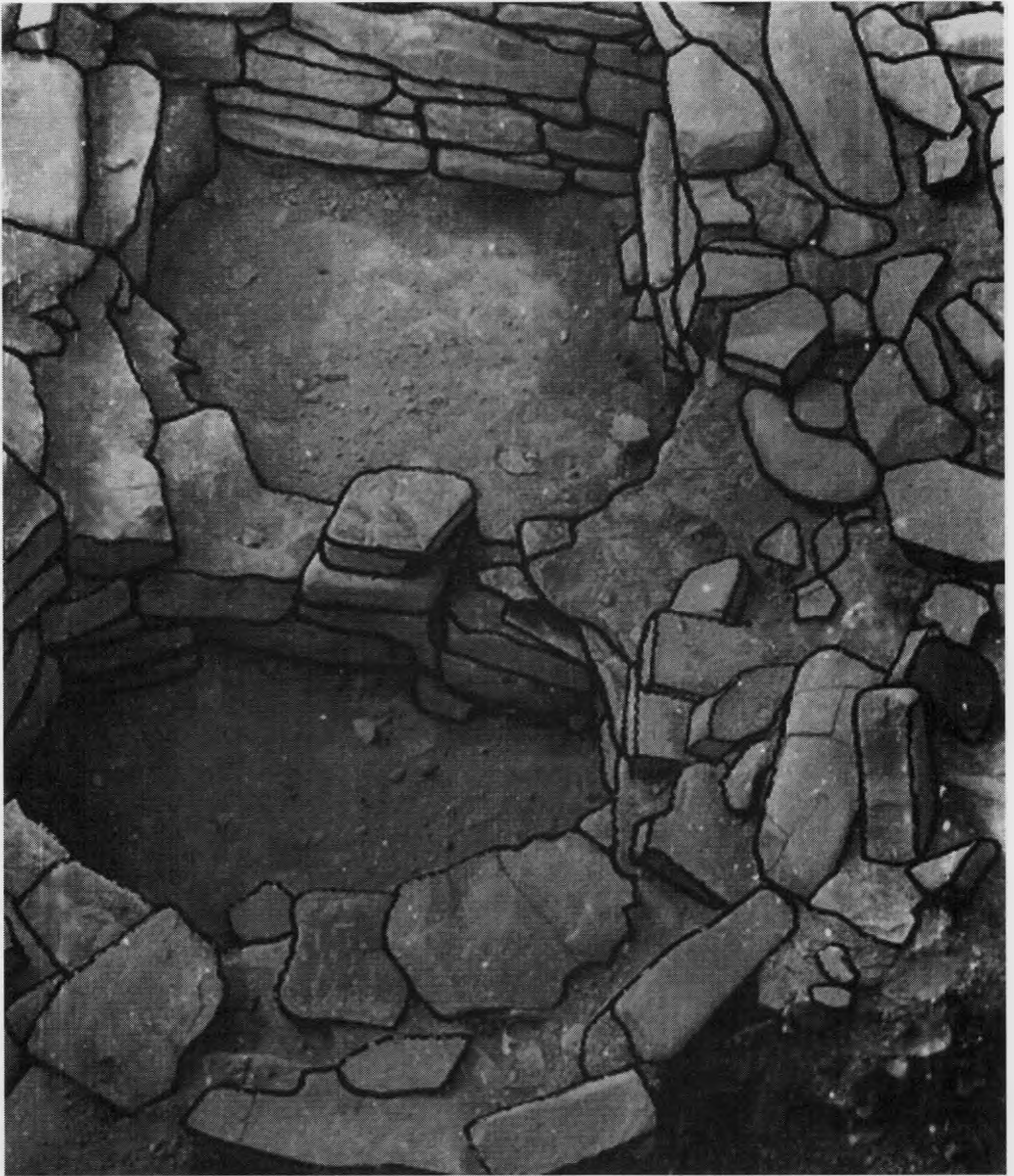
Погребения. Как и в предыдущий период, в Горном Дагестане могильники располагались за пределами поселений, как правило, на небольшом расстоянии от них. Так, Ирганайский могильник находился на той же террасе, что и поселение, на противоположной стороне оврага.

Круглоплановый склеп из Гинчинского могильника

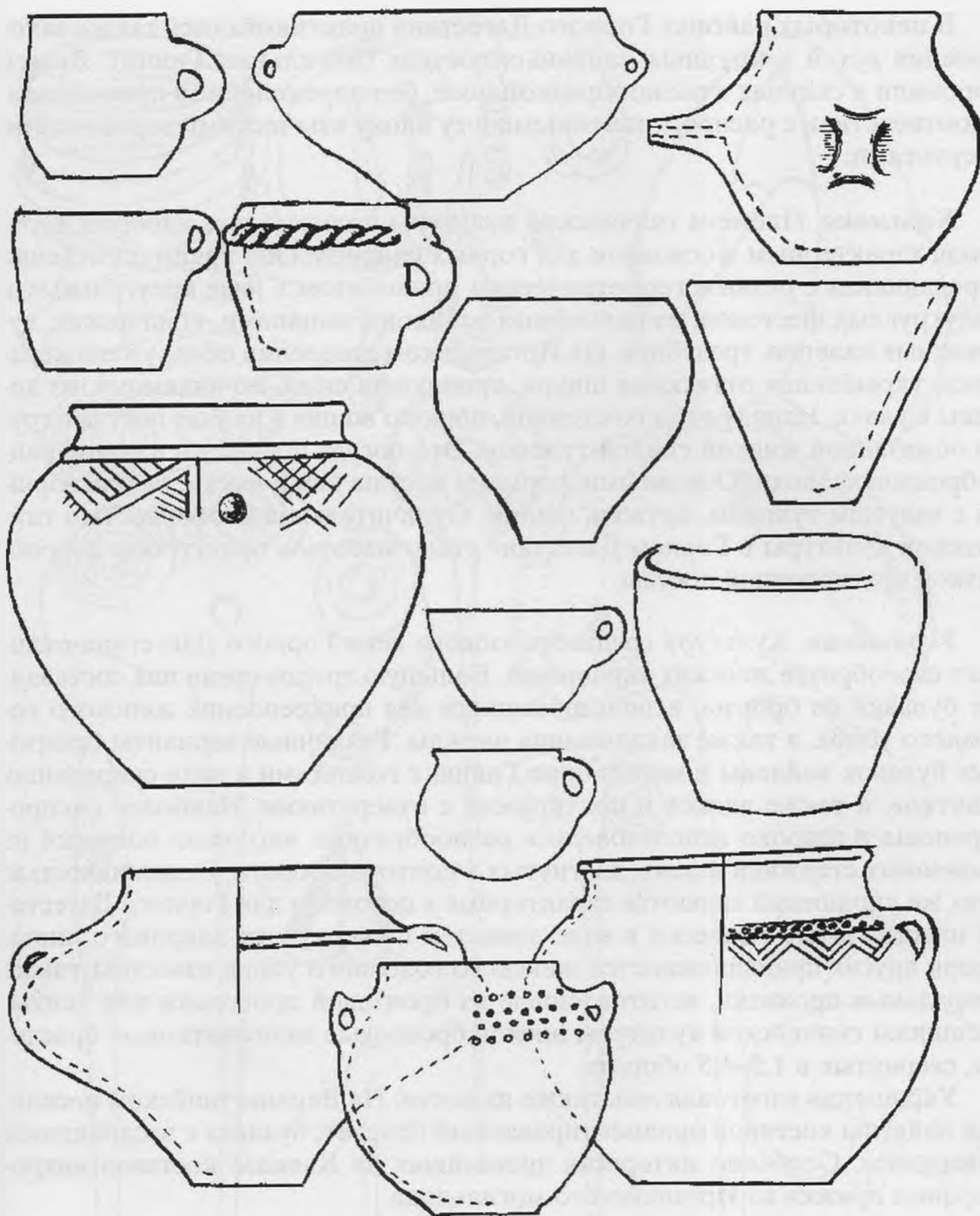
Прямоугольный склеп из Гинчинского могильника

Круглоплановые склепы из Гинчинского могильника

Могильники, как правило, состояли из нескольких склеповых сооружений¹⁴. В их устройстве, как и в эпоху ранней бронзы, отражались основные приемы местного домостроительства. Склепы были впущены в землю, стенки их возводились каменной кладкой и перекрывались каменными плитами. Захоронения в них совершались многократно через крышу или сбоку, где для этой цели устанавливались специальные лазы, закрытые каменными плитами. Выделяются склепы круглоплановой и прямоугольной формы, соответственно отражающие две различные традиции домостроительства Горного Дагестана. При этом погребальные сооруже-

Керамика гинчинской культуры

ния в силу консервативности погребальных обрядов сохранили традицию круглоплановой архитектуры, хотя в это время она была в реальной жизни полностью заменена прямоугольной. На могильнике Гинчи (Советский район) эти два типа погребальных сооружений сосуществовали. Совершенно несвойственный для Горного Дагестана обычай насыпать курганы над погребальным сооружением, характерный для степных племен, выявлен на Ирганайском могильнике, где над склепами возводились насыпи из камней вперемешку с землей.

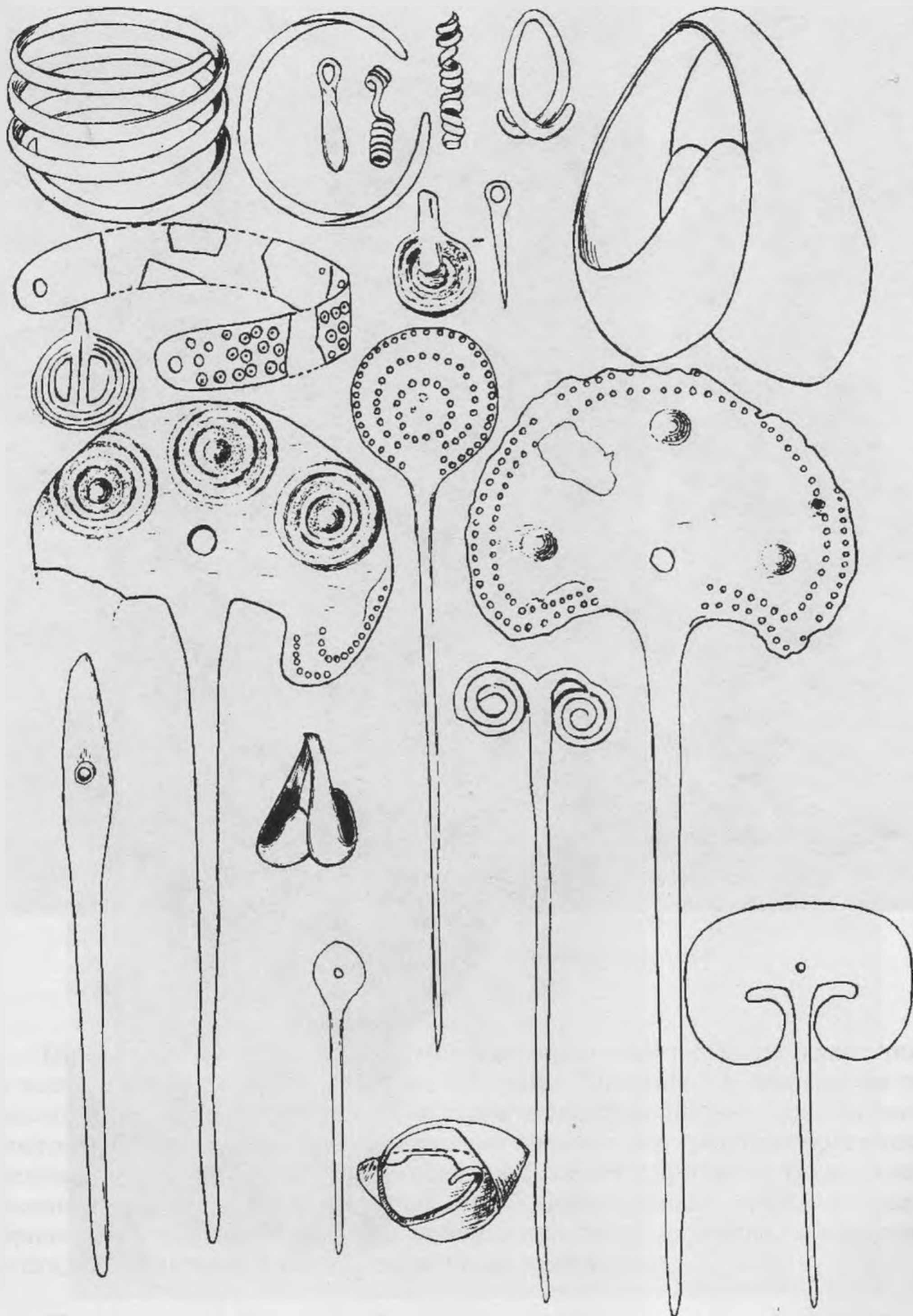
В некоторых районах Горного Дагестана практиковались также захоронения детей в крупных глиняных сосудах (могильник Гинчи). Людей хоронили в склепах в разнообразной позе, без определенной ориентации, в соответствии с распространенными в ту эпоху языческими верованиями и культами.

Керамика. Племена гинчинской культуры пользовались набором керамики, характерным в основном для горных районов. Она преимущественно сероглиняная с резным геометрическим орнаментом в виде треугольных и полукруглых фестонов, из рельефных валиков с защипами, конических, дуговидных налепов, трезубцев. На Ирганайском поселении обнаружена керамика, украшенная оттисками шнура, проникшая сюда, по-видимому, из долины Сулака. Наряду с гладкостенной, широко вошла в их быт посуда с грубо обмазанной жидкой глиной-туловом. Эта посуда появилась в конце раннебронзовой эпохи. Основными формами посуды были миски, банки, горшки с вздутым туловом, кружки, чашки. Отличительной особенностью гинчинской культуры в Горном Дагестане стало массовое присутствие своеобразной круглодонной посуды.

Украшения. Культуру среднебронзового века Горного Дагестана отличает своеобразие женских украшений. Большую группу среди них составляют булавки из бронзы, использовавшиеся для прикрепления женского головного убора, а также закалывания одежды. Различные варианты бронзовых булавок найдены в могильнике Гинчи: с головками в виде спиральных завитков, а также дисков и полукружий с отверстиями. Наиболее распространены и широко использовались разнообразные височные подвески из бронзовых стержней и лент, изогнутых в полтора оборота. Разновидностью этих же украшений являются характерные в основном для Горного Дагестана пластинчатые подвески в виде лопастей и свернутого лаврового листа. Среди других принадлежностей женского головного убора известны также спиральные пронизки, изготовленные из бронзовой проволоки или ленты. Женщины гинчинской культуры носили бронзовые многовитковые браслеты, свернутые в 1,5–4,5 оборота.

Украшения изготовлялись также из кости. На Верхнегунибском поселении найдены костяной орнаментированный браслет, булавка с весловидным навершием. Особенно интересна древнейшая на Кавказе костяная антропоморфная пряжка из Ирганайского могильника.

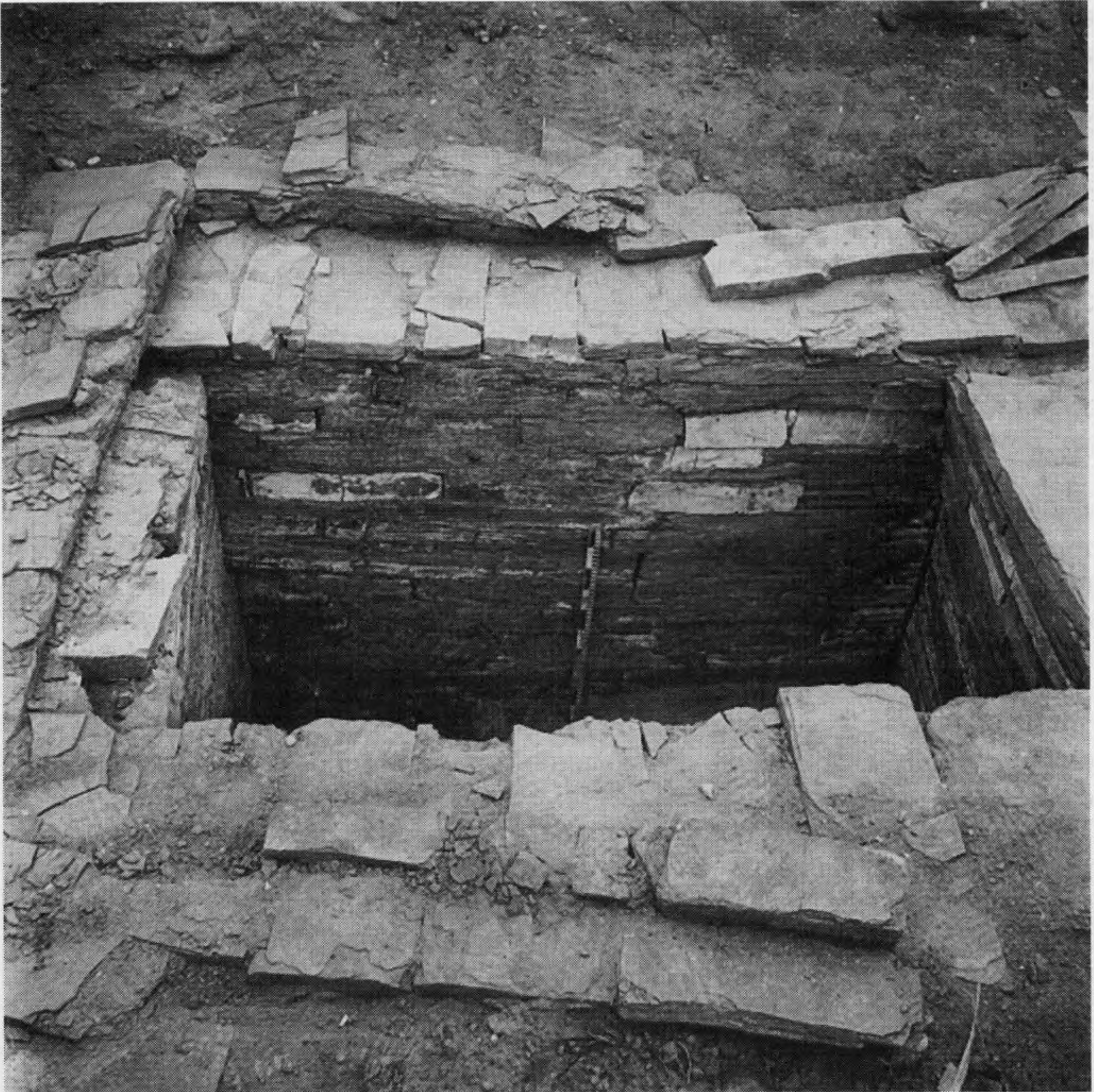
Разнообразен также набор употреблявшихся в то время в Горном Дагестане бус и подвесок. В погребениях встречаются ожерелья, состоящие из множества бус, подвесок, пронизок, изготовленных из цветных камней, кости, раковин, пасты и металла. Из розового сердолика, прозрачного хрусталя и черного гагата изготавливались круглые, шаровидные, боченкообразные, треугольные, каплевидные и многие другие формы бус, подвесок, разделителей для ожерелий. Кроме того, из бронзы сделаны подвески в виде очковидных спиралей, орнаментированных дисков – медальонов. Использовались и металлические пронизки-трубочки, спирали. Перечисленные изделия были, правда, в обиходе и в других районах Дагестана.

Украшения гинчинской культуры

Человек гинчинской культуры (реконструкция М.М. Герасимова)

Каменная гробница Чиркесского могильника

Предметы вооружения. Другие категории материальной культуры, в частности предметы вооружения, в Горном Дагестане не отличаются от аналогичных изделий на остальной территории края. Метательное оружие состояло из лука со стрелами с изящными кремневыми треугольными наконечниками с глубокой выемкой в основании, копий и дротиков, также оснащенных кремневыми наконечниками. Универсальным оружием были бронзовые клинки с черешком, использовавшиеся, вероятно, в качестве ножа, кинжальчика, а также наконечника копья.

Присулакская культура. К северо-востоку от гинчинской на границе степей и гор распространены памятники присулакской культуры. Ее характеризует группа памятников, расположенных в долине среднего Сулака, начиная от Ахатлинского ущелья до района Верхнего Чирюрта. Это

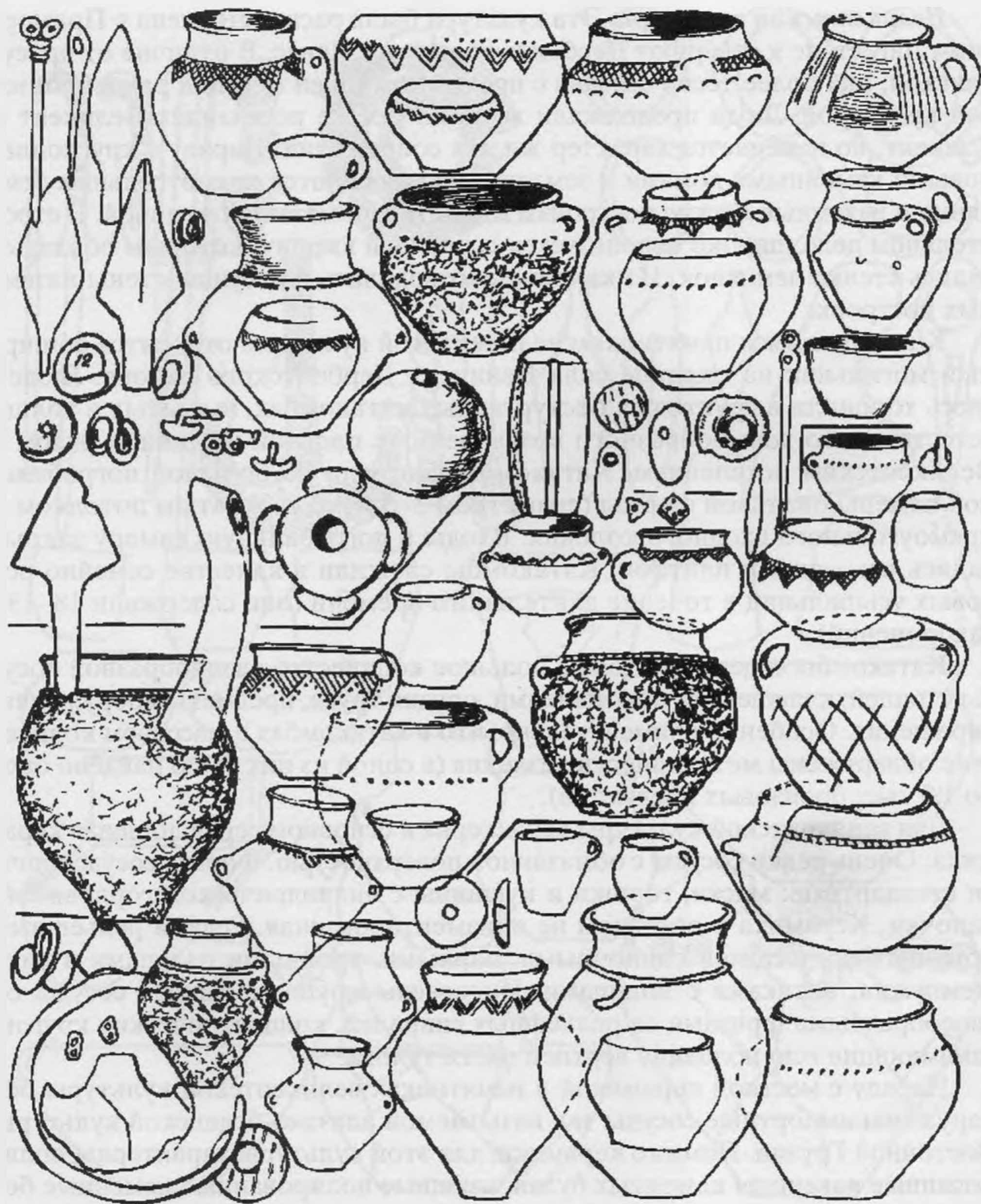
ныне затопленные Чиркейским водохранилищем курганные могильники у селения Старый Чиркей¹⁵, курганные поля у села Миатли¹⁶. Однако культура эта была распространена довольно широко в Прикаспийском Дагестане, о чем свидетельствуют находки в курганах в окрестностях Хасавюрта, Манаскента (курган “Ярти-тюбе”)¹⁷. Носители присулакской культуры, судя по тому что на ее территории неизвестны постоянные поселения, вероятно, вели более подвижный образ жизни, чем их предшественники. Последние, как показывают раскопки в Чиркее, оставили свои поселения внезапно. На раннебронзовом Сигитминском поселении найдена керамика со шнуровым орнаментом, характерным для степных культур. В конце раннебронзовой эпохи на этой территории появляется и курганный обряд захоронения, что также характерно для степной зоны.

Очевидно, закат куро-аракской культуры и последовавшие за ним изменения культуры народов Северного Дагестана непосредственно связаны с проникновением северного и степного населения. В результате их взаимодействия с местными жителями сформировалась присулакская культура, в которой органически соединились черты различных по своему происхождению культур.

Население присулакской культуры практиковало захоронение людей в грунтовых ямах, прямоугольных каменных гробницах, сложенных из камней и крупных вертикально поставленных плит, над которыми воздвигались каменные насыпи из окатанных речных валунов, смешанных с землей. Курганы содержали от 1 до 6 погребальных сооружений, которые, как правило, предназначались для одиночных захоронений. Людей хоронили в вытянутом или скорченном положении головой преимущественно на юг. Их посыпали охрой. В основании насыпи некоторых курганов на уровне древней поверхности сооружались кольца из валунов и плит. Захоронения сопровождались одним или двумя глиняными сосудами с заупокойной пищей. Женщин хоронили в одежде с украшениями. В мужских захоронениях изредка встречаются предметы вооружения.

Для присулакской культуры характерно сочетание типично местной керамики, встречаемой в гинчинской культуре, с керамикой степной культуры, из которой наиболее яркими являются сосуды, украшенные узором из тисненого крученого шнура. Разнообразны формы сосудов. Это кувшины, широкогорлые сосуды с яйцевидным туловом, глубокие чаши, кубки воронковидные, кружки, плошки, круглодонные сосуды, орнаментированные в основном врезными и шнуровыми узорами в виде треугольных фестонов, пояском из вертикальных насечек, валиками с защипами. Имеется здесь и типичная для Северо-Восточного Кавказа керамика с грубо обмазанной поверхностью. Совершенно отсутствуют столь характерные для остальной территории Дагестана сосуды. Из предметов вооружения в присулакской культуре известны бронзовые проушной топор, клинки ножей и кинжалов, каменные навершия булавы, выпрямители древков стрел.

Малочисленны и украшения. Это височные подвески, в том числе пластинчатые, полусферические колпачки, браслеты с незаходящими концами, булавы с плоской и завязанной головками, бусы из рако-

Изделия присулакской культуры

вин каспийских моллюсков, бронзы, сердолика, пасты. Наряду с ними встречаются и подвески в виде обрывков шнура и круглые с шнуровым орнаментом, вероятнее всего, северокавказского, степного происхождения.

Первоначально эта культура сформировалась в Северном Степном и Предгорном Дагестане, а позднее проникла на юг в Центральный Приморский Дагестан, в ареал великентской культуры.

Великентская культура. Эта культура была распространена в Приморском Дагестане к северу от Дербента до района Манас. В отличие от присулакской, она более тесно связана с предшествующей местной раннебронзовой культурой. Люди продолжали жить на тех же поселениях Великент и Каякент, но изменяется характер жилых сооружений. Наряду с круглоплановыми каменными домами и землянками появляются прямоугольные землянки и наземные легкие постройки из плетня, обмазанного глиной. В строительном деле широко используется сырцовый кирпич, которым обкладывались стенки землянок. Из кирпичей возводились и несущие стены наземных построек.

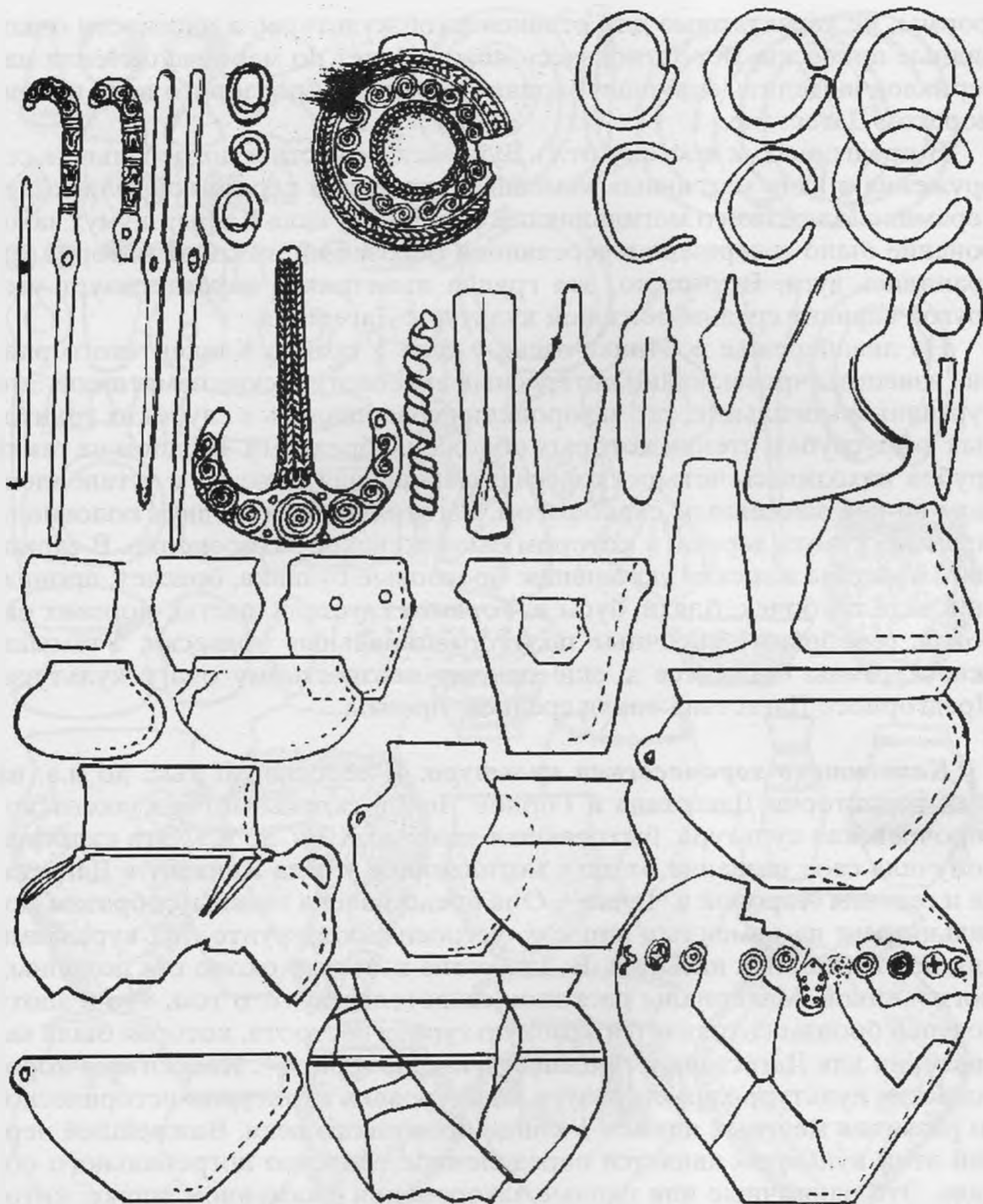
К выдающимся памятникам великентской культуры относится обширный могильник на окраине села Великент Дербентского района. Людей здесь хоронили в грунтовых бескурганых катакомбах, вырытых в толще естественного холмообразного возвышения с плоской вершиной рядом с Великентским поселением. Катакомбы состояли из большой погребальной камеры овальной формы (диаметром 3–6 м) со сводчатым потолком и прямоугольного входного колодца. Входы в погребальную камеру закрывались каменными плитами. Катакомбы служили в качестве семейно-родовых усыпальниц в течение длительного времени (они содержали 18–130 захоронений).

Катакомбы содержали также большое количество разнообразной посуды с пищей, клавшейся с покойниками, орудия труда, предметы вооружения, украшения. Особенно примечательно, что в катакомбах в массовом количестве обнаружены металлические изделия (в одной из них было найдено около 1,5 тыс. бронзовых предметов).

Для великентской культуры характерна в основном серая лощеная керамика. Очень редки сосуды с обмазанной поверхностью. Формы сосудов почти стандартные: миски, горшки и кувшины с цилиндрической горловиной, баночки. Керамика в основном не орнаментированная. Редкий рельефный орнамент представлен одиночными, парными, тройными налепами в виде жемчужин, валиками с защипами. Интересны крупные тарные сосуды со своеобразными фризами из рельефных спиралей, концентрических кругов, занимающие всю половину верхней части тулова.

Наряду с местной керамикой в памятниках великентской культуры обнаружены импортные сосуды так называемой алазано-беденской культуры Восточной Грузии. Помимо керамики, для этой культуры характерны полированные наверхия каменных булав, изящные полированные каменные боевые топоры, разнообразные бусы и подвески из сердолика, горного хрусталя, гагата, стекловидной пасты и др. Особый интерес представляют многочисленные металлические предметы из бронзы, реже серебра, обнаруженные в великентских катакомбах, которые в большинстве случаев являются весьма оригинальными и не встречаются нигде за пределами великентской культуры. Коллекция бронзовых предметов включает своеобразные секироподобные топоры, а также обычные ножи, тесла, долота, четырехгранные шилья, украшенные в виде спиральных пронизок, пронизок-трубочек, височных подвесок, медальонов, блях, имевших широкое распространение на Кавказе и сопредельных областях. Оригинальны прямостержневые и изогнутые в виде ручки посоха головные булавки с отверстиями на стерж-

Предметы великентской культуры

не, богато орнаментированные якоревидные подвески, браслеты с утолщениями на концах и в середине стержня, не имеющие точных аналогов за пределами этого района Дагестана.

Манасский могильник несколько отличается от типичных памятников великентской культуры. Прежде всего над катакомбами здесь насыпались курганы, несколько своеобразна и керамика с желобчатым геометрическим орнаментом, среди металлических украшений известны

формы, не характерные для великентской культуры, в частности очко-видные привески. Вероятно, здесь можно будет по мере накопления материалов выделить еще один вариант культуры бронзового века в Приморском Дагестане.

В предгорьях, к востоку от г. Буйнакск, известны погребальные сооружения в виде массивных каменных гробниц с керамикой, близкой к керамике Манасского могильника. В гробнице у села Кафыр-кумух захоронение было совершено в деревянной повозке-кибитке, от которой сохранились дуги. Возможно, эта группа памятников характеризует уже другой вариант среднебронзовой культуры Дагестана.

На левобережье р. Инчхе-озень у села Утамыш Каякентского района известны чрезвычайно интересные археологические памятники. Это курганный могильник, где захоронения совершались в глубоких грунтовых ямах-срубах, стенки которых обложены бревнами. В одном из таких срубов находилась четырехколесная деревянная повозка с установленным на ней массивным саркофагом, изготовленным из двух половинок толстого ствола дерева, в котором было женское захоронение. В саркофаге найдены женские украшения: бронзовые булавка, браслет, пронизки в виде трубочек, бляхи, бусы из горного хрусталя, пасты, морских раковин, серебряные височные полутораспиральные подвески. Утамышские курганы относятся к еще одному неизвестному очагу культуры Предгорного Дагестана эпохи средней бронзы.

Каякентско-хорочоевская культура. В середине II тыс. до н.э. на всей территории Дагестана и Горной Чечни складывается каякентско-хорочоевская культура, бытовавшая здесь до XII в. до н.э. Эта культура получила свое название от двух могильников у села Каякент в Дагестане и селения Хорочой в Чечне¹⁸. Она представлена главным образом могильниками из каменных ящиков, устроенных в грунте под курганами или без курганных насыпей. В Дагестане известно около ста подобных могильников. Материалы раскопок свидетельствуют о том, что в эпоху поздней бронзы сохраняется этнокультурная пестрота, которая была характерна для Дагестана в предшествующий период¹⁹. Каякентско-хорочоевская культура характеризует иной уровень культурно-исторического развития местных племен в конце бронзового века. Важнейшей чертой этой культуры является определенное единство погребального обряда. Это одиночные или парные захоронения в каменном ящике, которые совершались в зависимости от местных традиций либо в скорченном, либо в сидячем положении, сопровождавшиеся одним или двумя глиняными сосудами и отдельными украшениями.

Заметно беднее, однообразнее становится керамика. Полностью прекращается производство лощеных кубков, гладкостенных мисок и других видов столовой посуды. Продолжают изготавливаться и получают широкое распространение в Дагестане и Горной Чечне всего три устойчиво повторяющихся типа горшков, поверхности которых покрывались перед обжигом характерной обмазкой из жидкой глины. Они немного различались лишь по орнаментации: керамика в горных районах украшалась налепными валиками либо полосками вдавленного узора, а на равнине и в

Памятники каякентско-хорочоевской культуры

предгорьях преобладал резной геометрический узор в сочетании с различными налестами.

Изделия местных металлургов известны по находкам разнообразных украшений. Особенно характерны принадлежности женского головного убора в виде крупных пластинчатых височных подвесок, полусферических колпачков, трубочек-накосников, а также круглые

*Женщина каякентско-хорочоевской культуры
(реконструкция М.М. Герасимова)*

браслеты с незамкнутыми концами. На одежду нашивались яркие блестящие сурьмяные привески. Находки металлического оружия очень редки.

Поселения этого времени мало известны и изучены пока недостаточно. Но имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в рассматриваемое время сохраняется архитектура, сложившаяся в предыдущую эпоху. Так, судя по данным раскопок Верхнегунибского поселения, в эпоху поздней бронзы в Горном Дагестане продолжали бытовать прямоугольные каменные жилые и хозяйственные постройки, расположенные на горном склоне горизонтальными ступенчатыми рядами.

§ 4. Хозяйство населения эпохи средней и поздней бронзы

Как и в предыдущие эпохи раннего металла, основу хозяйства населения Дагестана с конца III до II тыс. до н.э. составляли земледелие и скотоводство. Важная роль земледелия документируется многочисленными находками разнообразных орудий труда и иных приспособлений, связанных с земледелием и обработкой земледельческих продуктов. На Верхнегунибском и Ирганайском поселениях обнаружен разнообразный земледельческий инвентарь, включающий зернотерки, терочники, ступки с пестами, наконечники мотыг, кремневые вкладыши от серпов. В Горном Дагестане продолжает развиваться террасное земледелие, осваиваются под земледелие новые территории на горных склонах (Верхнегунибское плато и др.). Техника земледелия существенных изменений не претерпевает. Оно оставалось в основном плужным. Существовало и садоводство, о чем свидетельствуют находки фруктовых косточек на Ирганайском поселении.

Развитие скотоводства документируют многочисленные кости животных, найденные при раскопках поселений и нескольких могильников. На Верхнегунибском поселении в составе стада преобладали овцы и козы (около 54–60%), примерно наполовину меньше было крупного рогатого скота (в пределах 31–34%), единичны свиньи, а на заключительном этапе обживания поселения появляется лошадь. Животноводство на Верхнегунибском плато носило оседлый характер. Однако практиковались и отгонные формы скотоводства, о чем свидетельствует существование в высокогорьях, как и в эпоху энеолита и ранней бронзы, сезонных поселений для пастухов (Галгалатли II).

На Ирганайском поселении костные остатки принадлежали крупному (около 40%) и мелкому (около 34%) рогатому скоту, свиньям (около 12%). Крупный рогатый скот разводился не только для обеспечения населения мясо-молочной продукцией, он также широко применялся в качестве тягловой силы в запряжке плуга и повозки. В эпоху поздней бронзы возникает новая отрасль – коневодство. Кони использовались и для верховой езды, и для запряжки в легкие двухколесные колесницы и повозки, изображения которых запечатлены на стенке каменного ящика на Берикейском могильнике и среди наскальных изображений вблизи г. Буйнакск.

Несмотря на существование развитого скотоводства, большую роль в обеспечении потребности населения в мясной пище играла охота.

Хозяйство населения Дагестана в эпоху средней и поздней бронзы было комплексным, в нем наряду с отраслями, ориентированными на обеспечение населения продуктами питания, существенную роль играли разнообразные общинные ремесла и домашние производства.

Металлообрабатывающее производство. Каждой археологической культуре или группе памятников эпохи средней и поздней бронзы соответствовал локальный очаг металлургии, отличающийся не только своеобразием типов металлического инвентаря, но и технологией его изготовления²⁰.

На территории гинчинской культуры, на Верхнегунибском поселении открыты остатки литейной мастерской, где обнаружены глиняные литей-

ные формочки, тигельки, сопла – глиняные трубочки от кузнечных мехов. Находки, связанные с литейным делом, обнаружены и на Ирганайском поселении. Это так называемые льячки – глиняные ложечки с боковым сливом для разлива расплавленного металла в формы. Металл гинчинской культуры включает две металлургические группы. Одна из них традиционная для Дагестана, мышьяковая, с низким содержанием мышьяка (0,1–3%), другая – мышьяково-оловянистая, отличающаяся от первой высоким содержанием олова (0,1–7%) и мышьяка (0,03–3%)²¹.

Другой очаг металлообработки локализуется в ареале великентской культуры. Большинство предметов отливалось из довольно однородного по геохимическим примесям сырья с незначительным присутствием мышьяка (0,1–15%), что, как уже отмечалось, характерно для Горного Дагестана. Отдельные браслеты изготовлялись из серебра или с добавлением к меди серебра (более 30%). Выделяется группа предметов, содержащих олово в концентрациях от 0,1 до 10%, т.е. распространяется оловянистая бронза²².

Наряду с медью, бронзой и серебром населению среднебронзового века Дагестана было известно и золото. Из него изготовлялись аналогичные бронзовым височные подвески в полтора оборота, находки которых известны из утамышских и чиркейских курганов, а также в гробницах в районе селения Кафыркумух и г. Буйнакск.

В эпоху поздней бронзы получили распространение изделия из сурьмы в виде разнообразных подвесок.

С распространением оловянистых бронз возникает необходимость в олове. Оно доставлялось в Дагестан, как и в другие области Кавказа, из стран Передней Азии.

Об уровне технического развития в области металлургии и металлообработки свидетельствуют остатки литейного производства, в том числе развалины двух сводчатых печей из Верхнегунибского поселения, в которых достигалась необходимая для плавки металла высокая температура путем нагнетания воздуха с помощью специальных мехов через глиняные сопла-трубочки²³. Отлитые предметы подвергались дополнительной проковке, с помощью которой им придавался законченный вид. Таким образом, по-видимому, изготовлялись плоские клинки ножей, наконечники копий, иглы и др. Крупные изделия ударного действия (топоры) отливались в двухстворчатых каменных и глиняных формах, как это имело место в раннебронзовый период. Наряду с указанными приемами, дагестанские племена успешно пользовались и более сложными видами литья. Это в первую очередь литье по восковой модели (с утратой формы), по технологии которой изготовлены высокохудожественные изделия из бронзы (великентские булавки, якоревидные подвески, медальоны и другие предметы со сложными литыми орнаментальными мотивами из спиралей, концентрических кругов геометрических фигур и т.д.). Им были известны и различные приемы плавки, нанесения выемочно-вогнутого узора тиснением.

Все это свидетельствует о высоком профессиональном уровне местных кузнецов и о выделении этого вида общинного ремесла в специализированную отрасль производства.

Вместе с тем необходимо отметить, что темпы развития этого вида производства в различных областях Дагестана были неодинаковыми. Развитие

металлообрабатывающего производства в среднебронзовом веке происходило неравномерно. Если в южных областях (великентская культура) мы наблюдаем его заметный прогресс по сравнению с предшествующим периодом, о чем свидетельствуют многочисленные находки металлических предметов в великентских катакомбах, то этого нельзя сказать о присулакской культуре Северного Дагестана, весьма бедной металлическими изделиями, представленными единичными предметами простейших форм.

Керамическое производство. Второй специальной отраслью производства в эпоху средней бронзы было гончарное дело. Гончарные мастерские, как и в эпоху ранней бронзы, были локализованы на окраинах поселений, о чем свидетельствуют раскопки поздних слоев Великентского и Каякентского поселений, в которых обнаружены остатки гончарных печей. Керамика этой эпохи, особенно в северной и горной зоне, становится более грубой, хотя сама технология производства сосудов не претерпела существенных изменений по сравнению с предшествующим периодом. На всем протяжении эпохи средней и поздней бронзы сосуды изготовлялись вручную. Увеличивается количество керамики с обмазанной поверхностью, неуклонно сокращается число лощеных сосудов. В период каякентско-хорочоевской культуры обмазанная керамика становится доминирующей, а самой обмазке нередко придается декоративный характер. Ведущими орнаментальными элементами были треугольные резные фестоны и различные рельефные украшения, преимущественно валики с насечками.

На протяжении конца III–II тыс. до н.э. изменялись и формы употреблявшихся сосудов. Для эпохи средней бронзы характерно обилие разнообразных по форме и назначению глиняных сосудов, тогда как в период поздней бронзы известно лишь несколько форм. Древние керамисты хорошо знали качество глин, а также назначение отошителей (шамота, дресвы и других примесей), которые умело использовались при изготовлении различных типов кухонных, столовых и тарных сосудов.

Строительное дело и камнеобработка. Значительные изменения претерпевают по сравнению с эпохой ранней бронзы строительное дело и архитектура. Как уже отмечалось, круглоплановая архитектура сменилась прямоугольной, сохранившейся в Дагестане до современности. В предгорьях и горных районах преобладали каменные постройки, строительство которых требовало более высокого мастерства и значительных затрат труда. Ломка камня и его доставка на место были нелегким делом, которое осуществлялось, очевидно, усилиями большесемейных общин. Хотя с точки зрения качества строительства постройки эпохи средней и поздней бронзы уступают раннебронзовым, их возведение также предполагает существование специалистов, имевших определенные навыки и строительный опыт. Кладка стен, нередко сооружаемых на крутых склонах, велась, как правило, без скрепляющего раствора, что предполагает знакомство с основными элементами строительной техники, существование выработанных практическим опытом определенных мер длины, применение простейших приспособлений типа рычагов, отвесов и др. Все это предполагало хорошее знание свойств основного строительного материала, каковыми являются различные породы известняков и песчаников.

Различные породы камня использовали для производства наконечников мотыг, зернотерок и ступок, т.е. глубоких каменных чаш, в которых зерно пестами толкли в крупу. По-прежнему из кремня делали многие орудия труда и предметы вооружения. Это кремневые вкладыши от составных серпов, разнообразные пилки, сверла, долотообразные орудия, предназначенные для обработки кости и дерева, различного рода режущие инструменты в виде ножевидных пластин. Из кремня изготавливались также наконечники стрел, единичные наконечники копий. Кремневые орудия и предметы вооружения тщательно обрабатывались тонкой отжимной ретушью, придававшей им строго определенные, устойчивые формы. Особенно тщательной, как бы ювелирной отделкой отличаются кремневые наконечники стрел, производство которых, безусловно, требовало существования мастеров-профессионалов.

Из камня изготавливались также изящные изогнутые каменные боевые топоры и булавы с отверстиями для закрепления рукояти. Для этого применялись различные породы, достаточно крепкие и сравнительно легко поддающиеся обработке. Поверхность топориков и булав тщательно полировалась и иногда украшалась рельефным орнаментом.

Из цветных камней делали разнообразные украшения. Из розового сердолика, прозрачного хрусталя и черного гагата изготавливались круглые, шаровидные, боченковидные, треугольные, прямоугольные, каплевидные, и многие другие формы бус, подвесок и разделителей для ожерелий.

Обработка кости и дерева. Важное место в производствах эпохи средней и поздней бронзы занимала также обработка кости. Кость шла на изготовление многочисленных проколов, шильев, игл, лоцил, стругов, сделанных из расколотых трубчатых костей, ребер животных, а также различных форм пряслиц, вырезанных из головок бедренных костей крупного и мелкого рогатого скота. Из кости изготавливались также наконечники стрел и гарпунов. Целая серия их обнаружена в одном из ирганайских склепов.

На Верхнегунибском поселении найдены фрагменты костяных браслетов, один из которых украшен циркульным орнаментом – кружками с точками в центре.

В погребальных комплексах нередко встречаются ожерелья из разнообразных бусин, подвесок, среди которых имеются и костяные образцы. В отдельных случаях можно найти ожерелья, состоящие из бус, изготовленных из трубчатых, отполированных до блеска птичьих костей.

Большую роль в различных сферах хозяйственной деятельности и быта населения Дагестана играла также обработка дерева. Из древесины сделаны полностью или частично многие орудия труда: пахотные орудия, молотильные доски, ткацкие станки, рукояти топоров и мотыг, древки копий, дротиков и стрел. Деревянными были яремные запряжки, повозки; колеса с сильно выступающими ступицами изготавливались из трех массивных досок. Подобные колеса обнаружены в одном из утамышских курганов, откуда происходит также установленная на этих колесах массивная погребальная колода из двух половинок, выдолбленных из толстого дерева. Деревянными были повозки, кибитки, обруч от которой обнаружен в склепе усела Кафыркумух. Довольно широко использовалось дерево и в строительстве. Это столбы, бревна, поддерживавшие кровлю. На равнине широко практиковались

турлучные постройки с деревянным каркасом. Из деревянных срубов возводились иногда и погребальные сооружения. В некоторых могильниках найдены образцы деревянной утвари: блюда на ножках (Манасская катакомба), круглодонная чаша (Чиркейский могильник), остатки резного ларца или детской люльки-бешика (Кафыркумухская гробница).

Широкое распространение разнообразных по назначению деревянных изделий предполагает высокое мастерство обработки дерева, включая применение простейшего токарного станка, знание и умелое использование на практике различных качеств и свойств разных пород древесины, что также говорит о зачатках специализации и в этой отрасли производства.

Прядение и ткачество. Важную роль в производственной деятельности населения Дагестана в эпоху средней и поздней бронзы играли прядение и ткачество. Об этом свидетельствуют многочисленные находки костяных и глиняных пряслиц на поселениях и могильниках, обрывков крученого шнура, обнаруженных в трубочках-пронизках в Великентском могильнике. Знакомство с простейшими типами ткацких станков доказывается находками костяных деталей от них и костяных же инструментов для выравнивания нитей основы.

§ 5. Развитие общества.

Верования, культы и искусство бронзового века

Общественное устройство. Общество раннебронзовой эпохи претерпело значительное изменение по сравнению с предшествующим. В эту эпоху складываются патриархально-родовые отношения, пришедшие на смену матриархальным. Патриархальному роду, ставшему наиболее крупной общественной единицей родоплеменной организации местного общества, как правило, принадлежал отдельный поселок, каковыми являлись все постоянные поселения рассматриваемого времени. Судя по раскопкам поселений у селений Чиркей и Гагатль, родовые поселки состояли из семей, обитавших в отдельных двукамерных домах, включающих одно основное жилое помещение и пристройку к ним. Каждая такая семья имела индивидуальные хранилища для продуктов питания, семейные очаги и печи.

В эпоху бронзы складываются также крупные патриархальные семейные общины, для захоронения представителей которых воздвигались просторные склеповые сооружения, какими являются подземные склепы в местности Шебоха у села Гагатль, а также ранние катакомбы у села Великент, в одной из которых было обнаружено 48 человеческих захоронений. Во главе таких семейных общин стояли патриархальные вожди, старейшины.

Наряду с основными семейными ячейками родовая община включала также различные зарождавшиеся производственно-социальные группы – гончаров, металлургов, кузнецов, т.е. профессиональных мастеров, удовлетворявших потребности общины в продукции соответствующей отрасли производства.

В эпоху средней и поздней бронзы происходит дальнейшее упрочение патриархальных отношений, чему способствовало развитие пашенного земледелия, скотоводства и металлургии, являвшихся преимущественно муж-

ским занятием. Возрастает роль больших патриархальных семей, которые становятся основными социальными и хозяйственными ячейками общества. Об их существовании свидетельствует наличие крупных построек со сложными жилыми помещениями, обнаруженных при раскопках дагестанских поселений бронзового века, а также некоторые черты погребального обряда. К последним относятся существование обряда коллективных захоронений в склепах, обычай группировки нескольких могил с индивидуальными или парными захоронениями на больших могильниках.

Рост производства и накопление богатства приводит к возникновению имущественного и социального неравенства между отдельными семьями. Эти процессы отражают, в частности, материалы ряда могильников, в которых зафиксированы необычные захоронения, сопровождаемые более богатым инвентарем по сравнению с рядовыми могилами. Таковы захоронения в колоде на деревянной повозке в Утамыше, в кибитке у села Кафыркумух, в богато украшенной художественной резьбой деревянной конструкции (Кафыркумух), сопровождаемые погребальным инвентарем, включающим ювелирные золотые изделия. Эти явления не случайны, они отражают имущественные различия, существовавшие внутри рода, племени, подчеркивают одновременно неординарный социальный уровень людей, захороненных подобным образом. Все это – показатель продолжающегося в бронзовом веке активного процесса разложения первобытнообщинного строя. Важную роль в этом процессе сыграла большая патриархальная семья. Рост ее собственности, увеличение роли в хозяйственной и социальной жизни неизбежно приводят к тому, что она становится внушительной силой, противостоящей роду и подрывающей самые устои родовой организации. В конце бронзового века в период каякентско-хорочоевской культуры возрастает роль малых моногамных семей, что нашло отражение в постепенной смене коллективных погребений в склепах индивидуальными захоронениями в каменных ящиках.

И все же культурно-исторический процесс в Дагестане, в частности в его северной зоне, в эпоху средней бронзы протекал более медленными темпами, чем в предшествующий период, наметились определенные признаки застоя и упадка, что нашло отражение в состоянии керамического производства, металлообработки в эпоху гинчинской, присулакской, каякентско-хорочоевской культур. Общество среднебронзовой эпохи было в целом мало дифференцированным. Однако Дагестан в этом отношении не был исключением. Подобные явления имели место и в других областях Северного Кавказа, где смена майкопской культуры северокавказской сопровождалась не только культурным переоформлением этой территории, но и известным упадком в развитии культуры и общества в целом.

Верования и культы. В бронзовом веке у дагестанских племен были распространены языческие представления о загробной жизни, которая представлялась как продолжение земного реального быта. В соответствии с этими представлениями погребальные сооружения строились как миниатюрные жилища. Круглые и прямоугольные каменные склепы с входом и без них, катакомбы в виде искусственных подземных пещер с входным коридором воспроизводят формы реально существовавших жилищ. В могилу клались все те вещи, которые якобы могли понадобиться покойному в “за-

гробном мире”. Важное место в верованиях занимал культ огня, которому приписывали магическую очистительную силу. Поэтому процесс захоронений сопровождался разжиганием костров, покойников обсыпали угольками.

Развитие земледельческо-скотоводческих хозяйств породило некоторые аграрные культы, в том числе культ плодородия, с которым связаны женские глиняные статуэтки. В наскальных рисунках часто встречаются изображения знаков плодородия. Находки предметов, изображающих мужское начало, свидетельствуют о фаллическом культе, ставшим также отражением общего культа плодородия.

В бронзовом веке происходит становление культов домашних животных, в особенности быка, являющегося основной тягловой силой того времени. Образ быка запечатлен в глиняных скульптурах и многочисленных наскальных рисунках как символ, олицетворяющий также мужское начало, источник плодородия.

Среди аграрных культов важное место занимает культ пашни, существование которого документируется находками глиняных рельефов со стилизованными изображениями пашни и быков, а также наскальными рисунками, изображающими засеянное поле, пахоту, молотьбу.

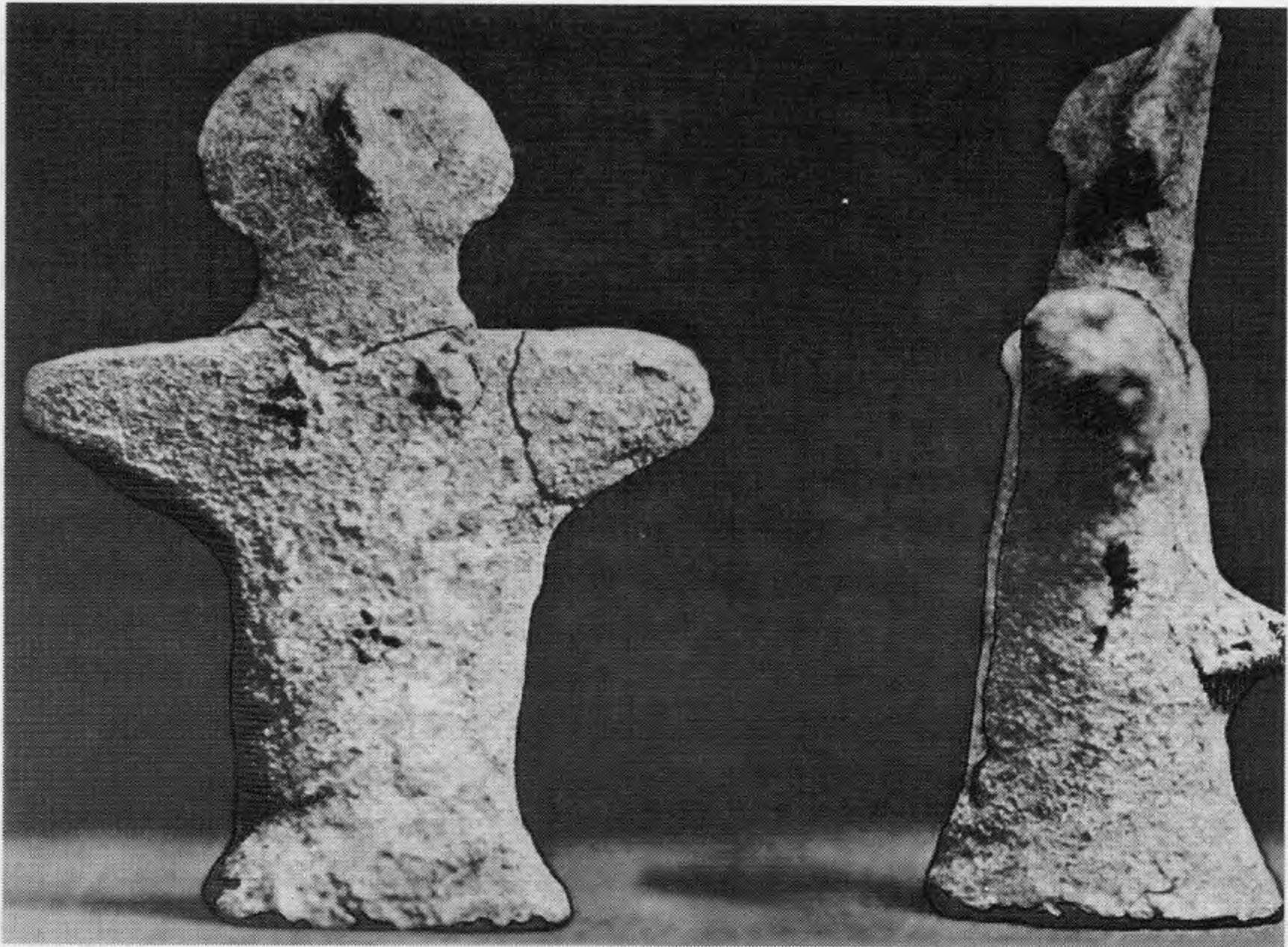
Многочисленные наскальные изображения охотничьих сцен преследовали цель оказать “магическое” воздействие на результаты предстоящей охоты.

Прочный оседлый быт породил культ очага, являющегося символом благополучия семьи. Очаг был местом поддержания неугасимого огня, около него совершались различные обряды, его почитали, украшали символическими знаками.

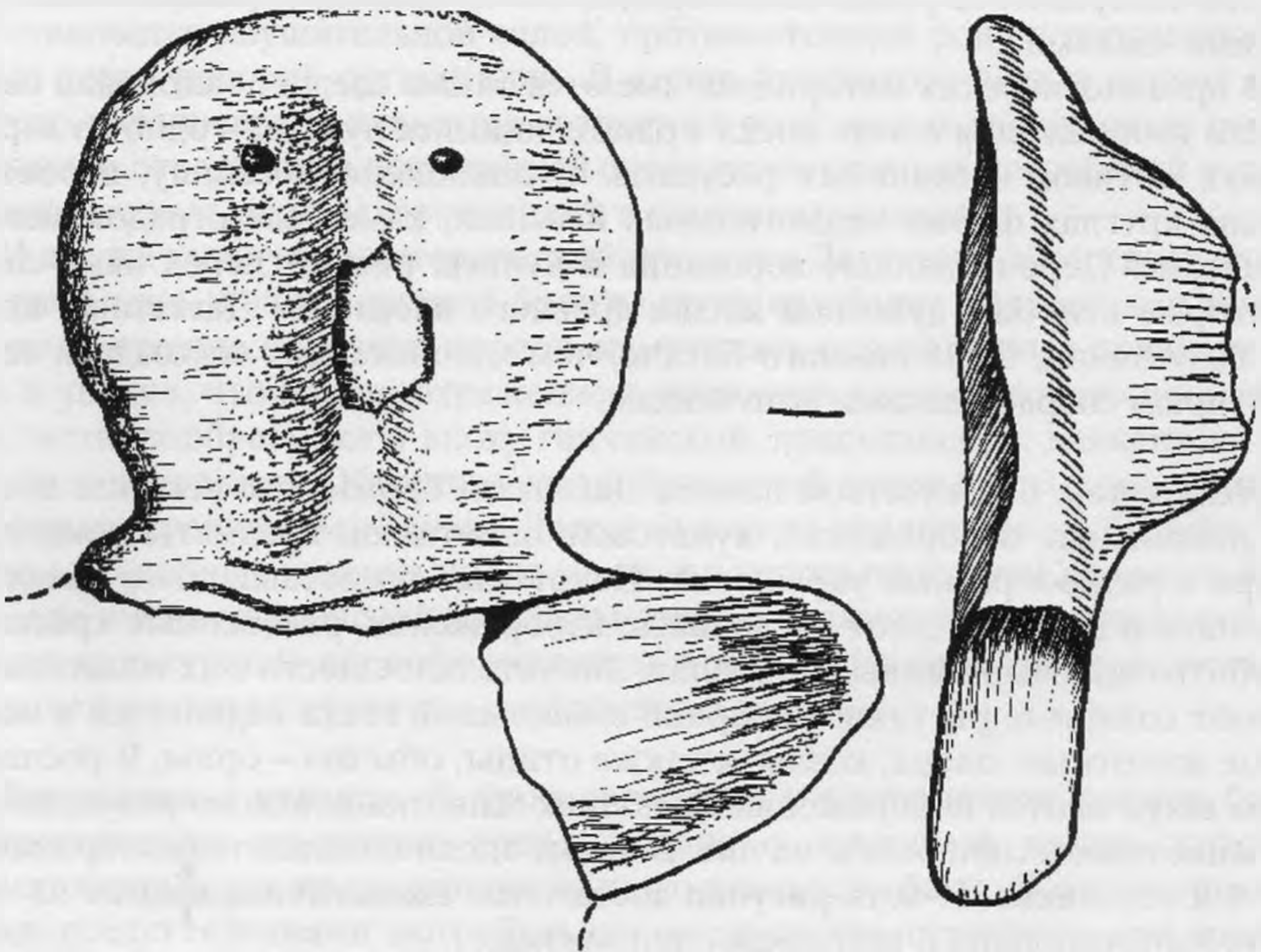
В археологических материалах имеются также следы поклонения солнцу. Его изображения в виде диска с расходящимися лучами – одно из характерных мотивов наскальных рисунков. С поклонением солнцу, вероятно, связана круглая форма надмогильных насыпей, каменных оградок могил-кромлехов. Перечисленные верования и культы рисуют перед нами лишь некоторые стороны духовной жизни древнего населения Дагестана, которая, безусловно, была намного богаче, чем мы пытаемся воссоздать ее по некоторым сохранившимся источникам.

Искусство. С искусством племен Дагестана бронзового века нас знакомят наскальные изображения, культовые памятники, предметы домашней утвари и разнообразные украшения. Некоторые представления о развитии живописи и графики дают наскальные изображения, рисованные красками и выбитые или вырезанные на скалах. Значительное место в их тематике занимают солярные рисунки. Солярной символикой стали наделяться и некоторые животные: олени, козлы, а также птицы, обычно – орлы. В росписях часто встречаются изображения домашних животных. Много рисунков диких животных и сцен охоты на них. В конце эпохи появляются изображения коней и всадников. И хотя рисунки достаточно схематичны, многие из них очень выразительны и исполнены динамизма.

Некоторое представление о скульптуре дают глиняные фигурки людей и животных. Человеческие, обычно женские, фигурки сильно стилизованы, фигурки животных трактованы более реалистично. Большой интерес представляют каменные антропоморфные изваяния из Экибулака, Каякента. Эти

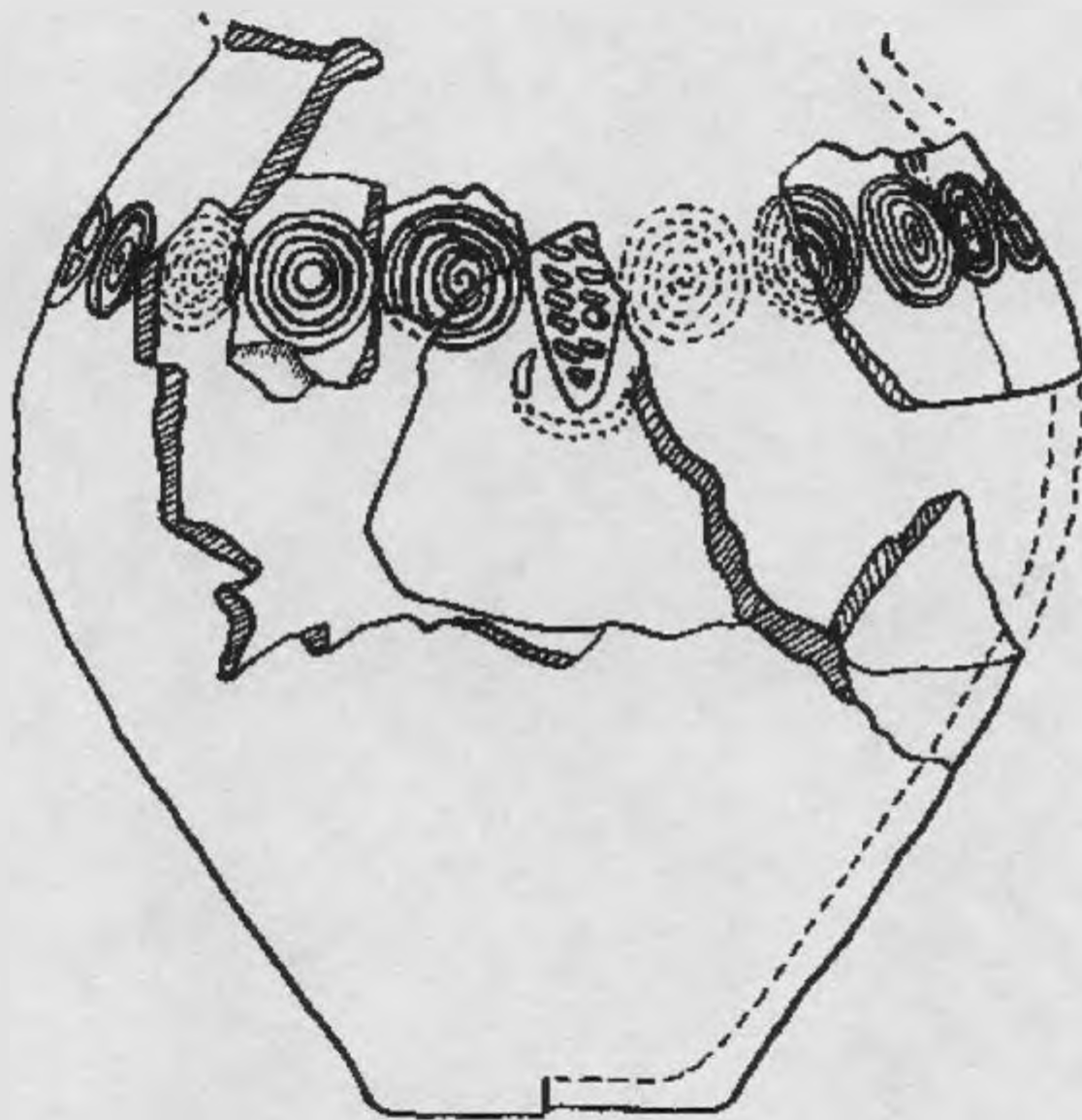
Глиняная статуэтка из кургана Катараччана

Обломок глиняной статуэтки из Великентского могильника

Каменное изваяние из Экибулака

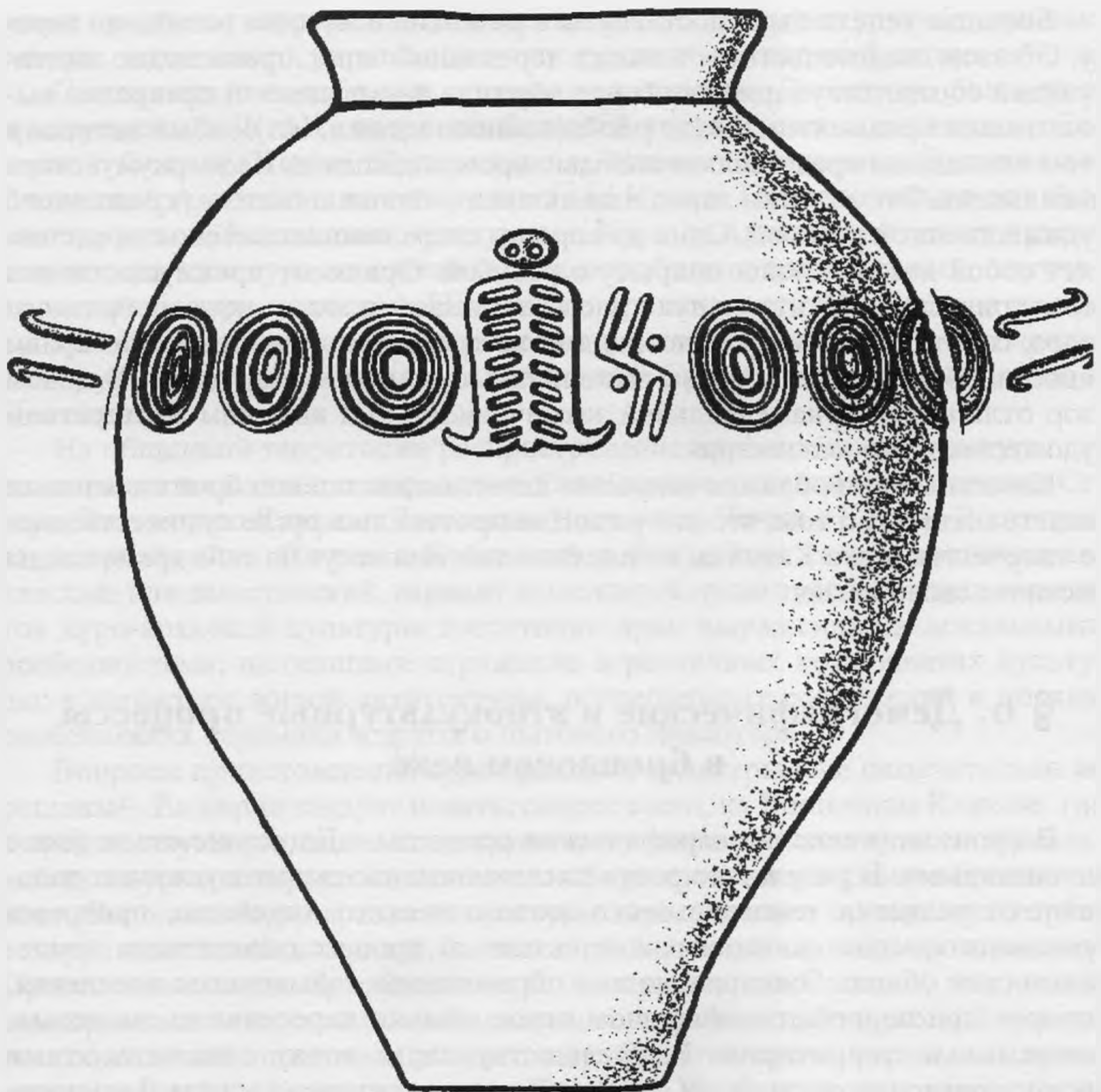

Керамический сосуд из Великентского могильника

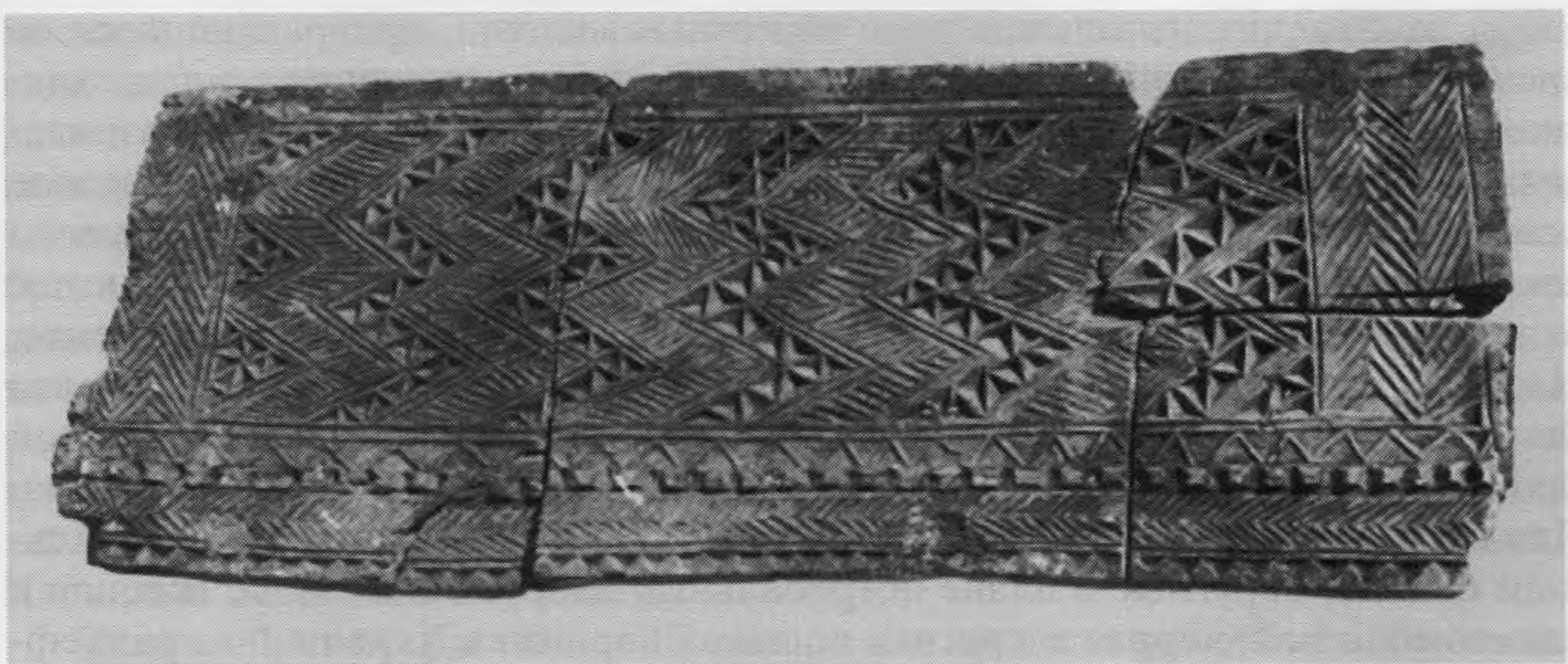
надгробные памятники довольно реалистичны, четко выделены голова, уши, лицо, плечи, груди. Рельефно выделен пояс. Каменные изваяния являются древнейшими в Дагестане образцами монументальной антропоморфной скульптуры.

Расцвет художественной обработки металла запечатлен на многочисленных находках из Великентского и других могильников Дагестана. Среди них встречаются предметы художественного литья, отдельные изделия из золота. Украшения древнего населения Дагестана – головные булавки, браслеты, медальоны, наборы ожерелий – отличаются сложной техникой обработки, включающей художественное литье по восковой модели, чеканку, штамповку, тиснение и другие приемы. Изготовленные по одним и тем же образцам, они в то же время несут на себе черты индивидуального художественного мастерства выполнявшего их умельца. В этом отношении особенно показательны разнообразные по форме, отделке и орнаментации навершия булавок, якоревидные подвески, медальоны, нашивные колпачки и т.п., представляющие замечательные образцы художественного литья.

Художественный вкус древних гончаров отразился в отделке керамики, ее орнаментации. Чрезвычайно выразительны и яркие орнаментальные композиции из concentрических кругов, спиралей, кругов, разделенных крестом на четыре части, на сосудах из Великентского поселения и могильника.

Керамический сосуд из Великентского поселения

Доска с резным орнаментом из Кафыркумукской гробницы

Большие успехи были достигнуты в развитии искусства резьбы по дереву. Об этом свидетельствует находка деревянной чаши, превосходно имитирующей соответствующие глиняные образцы и украшенной прекрасно выполненным орнаментом в виде расчлененного валика. Но особый интерес в этом отношении представляет находка, происходящая из Кафыркумухского могильника. Это остатки ларца или люльки – бешика, богато украшенного художественной резьбой. Одна из хорошо сохранившихся стенок представляет собой доску сплошь покрытую резьбой. Орнамент преимущественно геометрический. Центральную часть занимает полоса зигзагообразного узора, сочетающегося с композициями из треугольных вырезов. По краям нанесены бордюрные полосы, выполненные по той же методике. В целом узор отличается орнаментальной законченностью и высоким мастерством художественного исполнения.

Известные нам образцы искусства дагестанских племен бронзового века свидетельствуют о том, что его развитие протекало в русле художественного творчества всего Кавказа, но вместе с тем они несут на себе яркие следы местного своеобразия.

§ 6. Демографические и этнокультурные процессы в бронзовом веке

В бронзовом веке демографические процессы в Дагестане стали более интенсивными. В результате роста численности населения в условиях дальнейшего развития земледельческо-скотоводческого хозяйства, прогресса производительных сил происходит активный процесс сегментации земледельческих общин. Это приводило к образованию избыточного населения, которое при первобытнообщинном строе обычно переселялось на новые, неосвоенные территории. В предшествующую эпоху энеолита этими процессами в основном были охвачены горные речные долины Дагестана. В эпоху же ранней бронзы постепенно обживались и осваивались также высокогорья, где наряду с сезонными возникли крупные оседлые поселения, а под земледелие использовались окрестные склоны, превращавшиеся со временем в земледельческие террасы. Другим путем расселения земледельческо-скотоводческих общин стал выход их из первоначального оседлоземледельческого центра – Внутреннего Горного Дагестана и земледельческое освоение ими предгорий и Приморской низменности, где в начале бронзового века возникают крупные оседлоземледельческие поселения, какими являются, в частности, Каякентское, Великентское, Чиркейское и другие поселения. На всей территории Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа, которая была заселена общинами ранних земледельцев и скотоводов, в эпоху ранней бронзы была распространена единая в своей основе материальная культура. Для нее характерны поселения с круглоплановой архитектурой с центральным очагом, округлые в плане погребальные сооружения в виде склепов и катакомб, серая, черная и красная лощеная керамика, украшенная рельефным спирально-концентрическим или резным геометрическим орнаментом, высокоразвитое металлопроизводство, продукция которого включала брон-

зовые предметы вооружения (наконечники копий), орудия труда (проушные топоры, тесла и т.д.), украшения в виде различных спиралей, подвесок²⁴.

Памятники с подобными признаками, помимо Дагестана, были распространены в III тыс. до н.э. на большей части Кавказа: частично в Северной Осетии, Чечне, Центральном, Южном, Восточном Закавказье, Восточной Анатолии, на северо-востоке Ирана. Первоначально они были открыты в Закавказье, междуречье Куры и Аракса, и поэтому археологическая культура, представленная подобными памятниками, получила название куро-аракской. Ни одна из древних культур Кавказа не получила такого широкого распространения, как куро-аракская. Элементы этой культуры проникли даже в Восточное Средиземноморье, в Сирию и Палестину.

На общинной территории распространения куро-аракской культуры существовало несколько ее вариантов. Один из них составляют памятники Северо-Восточного Кавказа: Дагестана, Восточной Чечни и Северо-Восточного Азербайджана (Хачмасо-Кубинский район). Этот северо-восточнокавказский, или дагестанский, вариант выделяется среди других южных вариантов куро-аракской культуры достаточно ярко выраженными локальными особенностями, нашедшими отражение в различных компонентах культуры: в характере жилой архитектуры, погребальных сооружений и обряда, особенностях керамики и другого бытового инвентаря.

Вопросы происхождения куро-аракской культуры еще окончательно не решены²⁵. Ее корни следует искать, скорее всего, на Восточном Кавказе, где в предшествующую, энеолитическую эпоху появились те черты материальной культуры, которые окончательно сформировались в раннем бронзовом веке. Состояние куро-аракской культуры характеризует прежде всего архитектура поселений и жилищ, а также развитие гончарного производства. Приведенные выше археологические материалы показывают, что основные признаки северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры сложились в эпоху неолита-энеолита. Следовательно, первичный ареал куро-аракской культуры охватил и Дагестан. Переход от энеолита к бронзовому веку в Дагестане происходил при сохранении культурной преемственности, причем культура раннебронзового века Дагестана сложилась на местной базе, правда, в условиях весьма интенсивных культурно-исторических взаимоотношений местного населения с окружающим миром. Это свидетельствует о том, что в эпоху ранней бронзы носители северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры были потомками местного энеолитического населения, что здесь в период перехода от энеолита к бронзовому веку этническое развитие не прерывалось. Это подтверждают и данные антропологии. Так, палеоантропологический материал из могильников Гоно и Великент свидетельствует о том, что жители Дагестана эпохи ранней бронзы были длинноголовыми, высокоузколицыми и принадлежали к тому же антропологическому типу, что и население предшествующей эпохи. К этому же южному каспийскому типу относилось и население Южного Кавказа и Ближнего Востока²⁶.

Таким образом, Дагестан в III тыс. до н.э. представлял собой неотъемлемую часть обширного этнокультурного единства, включавшего большую часть Кавказа и сопредельных областей Ближнего Востока.

На севере и северо-западе носители северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры соприкасались с населением другой кавказской культуры эпохи ранней бронзы – майкопской, которая была распространена на Северном Кавказе от Восточной Чечни до Прикубанья. Зоной наиболее активного взаимодействия куро-аракской и майкопской культур являлась территория современной Чечни и Ингушетии, где проходила граница между этими культурами²⁷. Однако какая-то группа племен майкопской культуры, судя по последним археологическим открытиям, во второй половине III тыс. до н.э., проникла далеко на юго-восток, в Приморскую низменность вплоть до района Дербента²⁸.

К северу от племен куро-аракской и майкопской культур на обширных просторах степей юга России были расселены скотоводческие племена так называемой древнеямной культуры, ведшие подвижный образ жизни, обусловленный характером их хозяйства. Отношения между оседлоземледельческими племенами Кавказа и подвижными скотоводами азово-каспийских степей складывались по-разному. Были длительные периоды мирных хозяйственных и культурных связей, но достоверными фактами засвидетельствованы также прямые вторжения степного населения в оседлоземледельческие центры Северного Кавказа²⁹. Так, в приморской полосе Дагестана вплоть до Дербента с конца эпохи ранней бронзы получили распространение не свойственные местным племенам обычаи захоронения под курганами, приемы орнаментации керамики оттисками крученого шнура, являющиеся признаками степных культур. Несколько позднее они стали известны даже глубоко в горах, в Ирганайской долине.

Степное население, в свою очередь, активно воспринимало культурные и технические достижения кавказских племен, в том числе Дагестана. Из Кавказа в степи поступали металлическое сырье и изделия, он оказывал влияние на развитие керамического производства в предкавказских степях. С Дагестаном, вероятнее всего, связано появление в степях обряда захоронения в катакомбах, ставшего одним из определяющих признаков степной катакомбной культуры конца III – начала II тыс. до н.э. Если учесть, что антропологический тип населения данной культуры также связан с Северным Кавказом, то надо полагать, что последний играл решающую роль в формировании предкавказской катакомбной культуры³⁰. Все сказанное свидетельствует о глубоких этнокультурных процессах, протекавших в зоне контактов степных и кавказских племен в эпоху ранней бронзы, определивших в значительной степени последующее этнокультурное развитие Дагестана.

На рубеже эпохи ранней и средней бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.) в культурно-историческом развитии Северо-Восточного Кавказа происходит глубокий сдвиг. Стабильное поступательное развитие местного общества, протекавшее на протяжении около четырех тысячелетий (неолит, энеолит, ранний бронзовый век), было прервано. Одним из ярких показателей культурно-исторических процессов, происходивших на территории Дагестана и всего Восточного Кавказа, явился закат куро-аракской культуры. Произошел распад прежнего культурного единства региона. На Северо-Восточном Кавказе сложился ряд новых археологических культур среднебронзового века (гинчинская, великентская, присулакская), и он превратился в весьма пестрый в этнокультурном отношении регион³¹. Эта пестрота сохра-

няется здесь и в эпоху поздней бронзы, о чем свидетельствует наличие целого ряда локальных вариантов на территории распространения каякентско-хорочоевской культуры Дагестана и Чечни³².

Процесс распада культурного единства Северо-Восточного Кавказа и становления новых археологических культур эпохи средней бронзы сопровождался изменениями направлений культурной ориентации. Южные области Дагестана сохранили в большей степени преемственность в развитии культуры и традиционные связи с Закавказьем, а северные все теснее связывались со степной зоной. Разносторонний характер, глубина и масштабность изменений, происходивших в Дагестане на рубеже III и II тыс. до н.э. культурно-историческом взаимодействии местной и степной культур, свидетельствуют о проникновении в приморские и предгорные районы Дагестана каких-то групп степного населения, принесших в местную среду неизвестные здесь ранее традиции погребального обряда – обычая захоронения в курганах, прием орнаментации керамики шнуровым узором и т.п. Проникновение степного населения, вероятно, было одной из причин, наряду с экологическими (иссушение климата) факторами, приведшими к столь радикальным переменам в культурно-историческом развитии Дагестана, которые произошли на рубеже ранней и средней бронзы. Очевидно, пришлые племена вскоре растворились в местной этнической среде. Палеоантропологический материал эпохи средней бронзы не только из Горного Дагестана (Гинчи, Ирганай, Галгалатли), но и Приморской низменности (Великент, Джемикент, Манас), представленный длинноголовыми, высоколицыми и узколицыми, резко профилированными черепами, свидетельствует о преемственности антропологического типа и сохранении здесь устойчивого этнокультурного массива³³.

Картина этнокультурного развития Дагестана, воссозданная по данным археологии и палеоантропологии, полностью соответствует языковой ситуации на Северо-Восточном Кавказе и сопредельных регионах в бронзовом веке. По данным сравнительно-исторического языкознания, еще в энеолите, не позже IV тыс. до н.э., как известно, прахуррито-урартский язык отделился от обще-северо-восточнокавказского³⁴.

Если исходить из того, что проточеченский, протоандийский и протолезгинский языки 5–6 тыс. лет назад существовали примерно в зоне их современного распространения, родина хуррито-урартов должна быть к югу от Чечни и андийцев и к западу от лезгин, где-то между современным Тбилиси и горами к востоку от него³⁵. В дальнейшем носители хуррито-урартских языков были расселены на юге довольно широко. Уже в бронзовом веке с середины III и II тыс. до н.э. хурриты засвидетельствованы источниками в Северной Месопотамии, Сирии, на востоке Малой Азии³⁶. Пределы распространения хурритов в III–II тыс. до н.э. территориально в основном совпадают с границами распространения куро-аракской культуры, что дало основание предположить, что создателями куро-аракской культуры были главным образом хуррито-урартские племена и носители северо-восточнокавказских языков³⁷.

Процесс дальнейшего распада прасеверо-восточнокавказского языка после обособления хуррито-урартского представляется следующим образом. По данным глотохронологии, начало распада пранахско-дагестанского

языка относится к III тыс. до н.э.³⁸, что по времени соответствует началу распада северо-восточнокавказского культурного единства и формирования на Северо-Восточном Кавказе ряда археологических культур эпохи средней бронзы³⁹.

Судя по тому что наиболее интенсивные контакты Дагестана и степей юга России, а также активное влияние степных культур на местные культуры археологически засвидетельствованы в период сложения среднебронзовых культур в конце III – начале II тыс. до н.э., скорее всего, к этому времени относятся и наиболее ранние индоиранские заимствования в нахско-дагестанских языках⁴⁰.

- ¹ Мерперт Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1975. С. 55–63; Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989. С. 27.
- ² Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991. С. 236–244.
- ³ Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1958. № 68. С. 20–51; Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100; Он же. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 174–190; Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 127–214.
- ⁴ Котович В.Г. О хозяйстве населения Горного Дагестана в древности // Сов. археология (СА). 1965. № 3. С. 10.
- ⁵ Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 151.
- ⁶ Котович В.М. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965. С. 215–217.
- ⁷ Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 80.
- ⁸ Котович В.Г. О хозяйстве населения Горного Дагестана в древности. С. 10.
- ⁹ Подробно о хозяйстве и древних производствах эпохи ранней бронзы см.: Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 177–214.
- ¹⁰ О выделении археологических культур эпохи средней бронзы см.: Гаджиев М.Г. Дагестан и горная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11–28; Он же. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987. С. 69–73; Он же. Древние очаги металлообработки в Дагестане // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1920. С. 9–12; Магомедов Р.Г. К изучению этнокультурной ситуации на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987. С. 22–35.
- ¹¹ Магомедов В.И. Новый памятник эпохи средней бронзы в горной Чечне (Могильник Гатын-кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- ¹² Котович В.М. Указ. соч.
- ¹³ Атаев Д.М., Погребова М.Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района // Материалы археологии Дагестана (МАД). Махачкала, 1973. Т. III. С. 28–34.
- ¹⁴ Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969. С. 12–118.
- ¹⁵ Гаджиев М.Г. и др. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 3. Д. 227; Они же. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в

- 1966 г. // Там же. Д. 229. Материалы раскопок в Чиркее частично опубликованы: *Атаев Г.Д.* Чиркейские курганы бронзового века // СА. 1987. № 1. С. 145–157.
- ¹⁶ *Канивец В.И.* Миатли – новый памятник бронзового века в Дагестане // МАД. Махачкала, 1959. Т. I. С. 31–59.
- ¹⁷ *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане: курганная группа у ст. Манас // СА. 1956. № 26. С. 192.
- ¹⁸ *Круглов А.П.* Указ. соч. С. 51–146; *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности // МИА. 1969. № 122.
- ¹⁹ Несмотря на определенную культурную интеграцию, которая нашла отражение в памятниках каякентско-хорочоевской культуры, в ней удастся выделить несколько локальных вариантов, что свидетельствует о сохранении в этот период той этнокультурной пестроты, которая сложилась в Дагестане в эпоху средней бронзы (См.: *Магомедов Р.Г.* О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 13–35).
- ²⁰ Об очагах металлообработки и указания на литературу см.: *Гаджиев М.Г.* Древние очаги металлообработки в Дагестане. С. 9–12.
- ²¹ *Корневский С.Н.* О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 37–45.
- ²² *Гаджиев М.Г., Корневский С.Н.* Металл великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 7–27.
- ²³ *Котович В.М.* Указ. соч. С. 222–228.
- ²⁴ О культуре Дагестана эпохи ранней бронзы см.: *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа; *Он же.* Кавказ на заре бронзового века. С. 149–196; *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 127–244.
- ²⁵ *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. С. 196. Почти все авторы, касавшиеся вопроса происхождения куро-аракской культуры, считали, что она сформировалась в междуречье Куры и Аракса, откуда распространилась в другие области, в том числе на Северо-Восточный Кавказ. Однако изучение различных культур эпохи энеолита и ранней бронзы с точки зрения их преемственности показывает, что первоначальный ареал формирования куро-аракской культуры входил в Дагестан, где сложился один из древнейших ее локальных вариантов (*Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 129–236).
- ²⁶ *Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975. С. 14, 15, 48, 49; *Шепель Е.А.* Антропологическая характеристика черепов из Великентского могильника // Алародии: Этногенетические исследования. Махачкала, 1995. С. 100–116.
- ²⁷ *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. С. 336–365.
- ²⁸ Следы проникновения элементов майкопской культуры в приморском районе Дагестана выявлены в ряде археологических памятников: на Миатлинском курганном поле, в Мискинбулакском и Великентском могильниках, в кургане Топрах-Кала (*Магомедов Р.Г.* О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана. С. 13–35).
- ²⁹ *Мерперт Н.Я.* Указ. соч. С. 58.
- ³⁰ *Киселев С.В.* Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 34.
- ³¹ *Гаджиев М.Г.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы. С. 69–73.
- ³² *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности. С. 86–88.
- ³³ *Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана. С. 48–50.

- ³⁴ Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 204.
- ³⁵ Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 17.
- ³⁶ Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 113–115.
- ³⁷ Дьяконов И.М. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III–I тыс. до н.э. // Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа: Тезисы. Баку, 1966. Вып. 12. С. 7–9.
- ³⁸ Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. С. 17–18.
- ³⁹ Сделана попытка соотнесения этнокультурных и этноязыковых процессов у северокавказских народов в неолите – бронзовом веке, из чего следует, что выделяемые в восточнокавказских языках четыре этапа становления организации имен по грамматическим классам совпадают с этапами развития и распада северо-восточнокавказского культурного единства (Гаджиев М.Г., Магомедов А.Г. Об относительной хронологии этноязыковых процессов у восточнокавказских народов по данным грамматических классов // Проблемы происхождения нахских народов. Шатой, 1991. С. 20–22.)
- ⁴⁰ Старостин С.А. Индоевропейские – северокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи. С. 113. Среди ученых весьма популярна идея о том, что носители индоиранских языков до их распада были расселены в степях Восточной Европы (см.: Грантовский Э.А. “Серая керамика”, “расписная керамика” и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: (II тыс. до н.э.). М., 1981. С. 254–261; Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете археологических данных // Там же. С. 105–119; и др.).

Глава четвертая

Зарождение классового общества в Дагестане

§ 1. Начало освоения железа и его социально-экономические последствия

Эпоха поздней бронзы – раннего железа представляет собой один из самых важных периодов в истории населения Дагестана. Важнейшее и определяющее событие этого времени – зарождение в рамках бронзового века производства железа и его распространение. Освоение этого металла сыграло революционную роль в историческом развитии общества. На базе производства железа получили дальнейшее развитие культура и экономика, и в конечном счете оно привело к формированию классовых отношений.

Сырьевой базой для дагестанского железоделательного производства были доступные местные залежи сидеритовых руд, выходы которых отмечены в Южном (Присулакский, Казардыкамский, Текиндагский, Штульский), Центральном (Кокмачайский в верховьях Казикумухского Койсу у селения Хосрех Кулинского района, Каракойсу в Гунибском районе) и Северном (Чиркатинско-Присулакские) Дагестане. Древние разработки железной руды выявлены в Каякентском (Капкайкент – Моллакент – Чумлы) и Акушинском (Муги), Гунибском и других районах. Страна гор располагала и достаточно богатыми лесными массивами, позволяющими обеспечить топливом нужды металлургического производства. Древнейшими находками, свидетельствующими о сыродутном металлургическом процессе в Дагестане, являются куски сидеритовой руды, найденные на Нижнесигитминском поселении последних веков II тыс. до н.э. Куски сидерита встречены и в древнейших комплексах Зандакского могильника (погребения 34, 46, 49), расположенного на границе Дагестана и Чечни¹. С ранним освоением производства железа связаны находки железных мечей и кинжалов с бронзовыми крестообразно оформленными рукоятками – так называемые биметаллические мечи и кинжалы кабардино-пятигорского типа из Хосрехского святилища, Мугерганского и Шахсенгерского могильников; железных кинжалов с бронзовыми богато орнаментированными рукоятками, наделенными прямым навершием и рикоссо из Кугского и Сиртичского могильников, втульчатых длинных лавролистных железных наконечников копий из Хосрехского святилища и Мугерганского могильника. Для памятников Дагестана этого времени характерны бронзовые, железные и костяные черешковые наконечники стрел типа “площики”. Изобилие предметов вооружения указывает на милитаризацию общества. Встречаются изделия, произведенные из железа по образцам бронзовых прототипов. Эти ножи с прямыми и горбатыми спинками, с черешками для рукояток и без них, шилья из круглых и четырехгранных стержней. Эти же особенности характерны для украшений из наиболее ранних комплексов переходной от бронзы к железу эпохи, в част-

ности для браслетов, подвесок, обоймочек и т.д., указывающих на использование железа первоначально в качестве драгоценного металла. Особенно много железных украшений сопровождало погребение старой женщины из Ачирского могильника, а также погребения из синхронных памятников Дагестана. Позже железо стали использовать для производства оружия и еще позже – для производства орудий труда. Начало собственно железной металлургии и вместе с ней раннего железного века связано с переходом к изготовлению металла, полученного из железных руд или эффективного метода плавки железа и удешевления металла. Поэтому по этапам освоения железа и развития материальной культуры в рамках эпохи поздней бронзы и раннего железа выделяются по два этапа: ПБ-I (XIV–XIII вв. до н.э.), ПБ-II (XII–X вв. до н.э.), РЖ-I (IX – первая половина VII в. до н.э.) и РЖ-II (вторая половина VII–IV в. до н.э.)².

К позднебронзовой эпохе относится ряд хорошо изученных поселений и могильников. Поселения (Нижнесигитминское, Ачису, Шахсенгерское и др.) расположены на труднодоступных местах, вблизи от водных источников, удобных летних и зимних пастбищ и благоприятных земельных пахотных угодий. Они представляют собой обычные поселения без дополнительных искусственных укреплений.

Памятники начального периода освоения железа

Жилые сооружения на Шахсенгерском и Ачису поселениях при определенной близости отличаются друг от друга признаками, обусловленными хронологическими и географическими различиями. Так, на поселении Ачису большие (до 57–80 кв. м) однокомнатные жилые сооружения возведены в котловинах, специально выкопанных в материке или в культурном слое ранее разрушенных строений. Грунтовые стенки этих полуподземных жилищ облицованы каменной однорядной кладкой и укреплены подпорными столбами. По центру продольной стороны одного из помещений имеется ряд отверстий от деревянной колоннады. В одном случае найдено глиняное корытообразное сооружение и рядом с ним зернотерки и песты. В производственном помещении к стенке примыкало небольшое возвышение из камня и глины, на котором установлены в ряд семь зернотерок и песты на них. Перед возвышением сделаны корытообразные углубления, обмазанные глиной для сбора протертого зерна, сзади – узкое пространство для хранения сосудов с зерном или дробленой массой: на месте сохранился один крупный обмазанный баночный сосуд. Это помещение предназначалось для коллективного протирания зерна. Во всех жилищах и дворах этого поселения встречены мусорные ямы.

На Шахсенгерском поселении найдены небольшие, до 14,6 кв. м, слегка опущенные в материк четырехугольные в плане жилища с земляным полом и мусорными ямами по углам. В каждом из них обнаружено по одному очагу. Жилища располагались группами, по два, по три помещения поблизости друг от друга. Такие же турлучные и каменные жилища с глинобитными полами выявлены в слоях предскифского и скифского времени Дербента³.

Погребальные памятники позволяют полнее охарактеризовать культуру населения. Основным типом погребальных сооружений на могильниках, расположенных севернее Дербента, являются каменные ящики, расположенные правильными рядами. На таких эталонных памятниках, как Шахсенгерском,

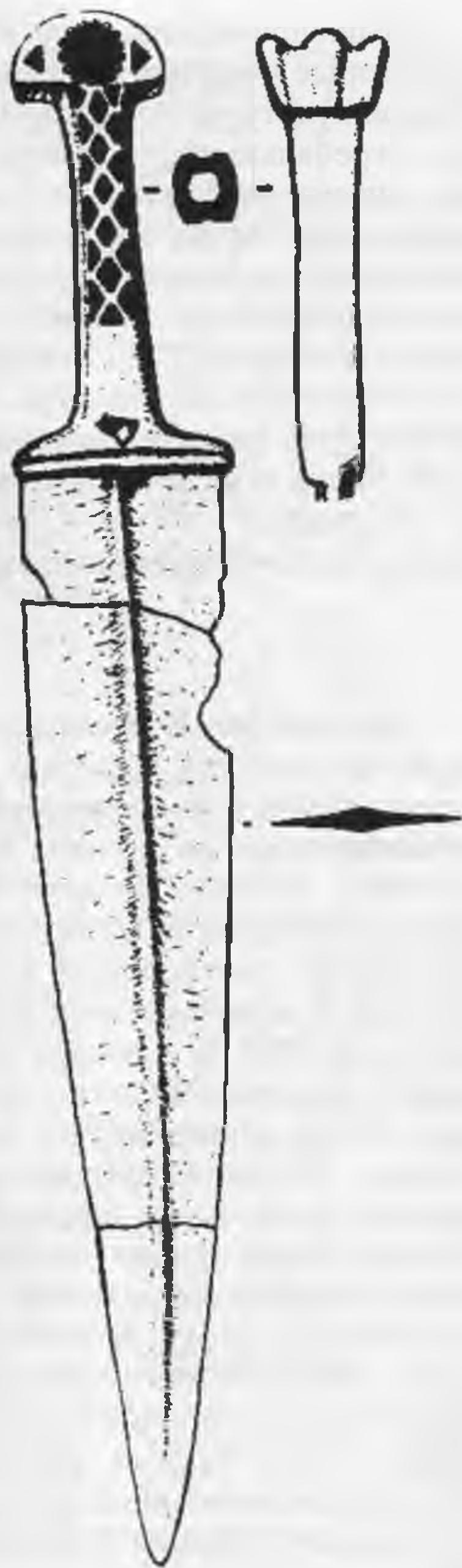

Акярском, Берикейском могильниках, ящики сложены из массивных вертикально установленных плит, их углы и щели обмазаны глиной. За редким исключением они содержат коллективные захоронения. Кости ранее погребенных отодвинуты в торцы могилы, освобождая место очередному покойнику, уложенному, как правило, скорченно на боку или сидя. Ориентация костяков разная. Для этих памятников характерны лепные толстостенные баночные сосуды, обмазанные снаружи и заглаженные миски-плошки, а также остатки деревянных сосудов, закрепленных битумом. Меньше встречаются серые лощеные горшки, кувшины, корчаги и т.д. В изобилии находятся металлические изделия, среди которых преобладают предметы вооружения и конского убора⁴.

Для могильников, расположенных в Дербенте и южнее (Мугерган, Куг, Сиртич и др.), характерны грунтовые овальные или близкие к квадрату ямы с деревянными перекрытиями, выложенными сверху камнями. Погребения в основном индивидуальные. Поза погребенных – скорченная на левом или правом боку, в отдельных случаях – сидячая. Вместе с костями погребенных встречены угольки, остатки охры, изредка попадаются следы погребальных костров. От заупокойной пищи остаются кости крупных и мелких животных. Вместе с погребенными найдены и скелеты коней или их черепа. Инвентарь могил богат и разнообразен. В отдельных случаях количество керамических сосудов на Мугерганском могильнике доходит до двух десятков, а металлического инвентаря – еще больше. Вооружения, украшения и другие предметы можно увидеть как на самом скелете, так и положенными рядом в “запас”.

На этих памятниках реже встречаются лепные обмазанные толстостенные сосуды, заглаженные горшки и миски-плошки и больше – серые лощеные тарные и столовые изделия разных форм и назначений (круглые хумы, горшки, кувшины с сливным носиком и с цилиндрическим горлом, зооморфные сосуды и т.д.).

Хорошо представлены среди инвентаря разнообразные орудия труда, предметы вооружения, украшения, конский инвентарь и культовые предметы⁵.

*Бронзовый кинжал
из Карчагского могильника*

Вышеприведенные памятники эпохи поздней бронзы – раннего железа некоторые ученые относят к последнему этапу развития каякентско-хорочоевской культуры⁶. Однако мы имеем возможность убедиться, что по характеру погребальных сооружений, погребального обряда и, в значительной степени, инвентаря памятники, расположенные севернее Дербента, в том числе памятники Чечни (Зандакский могильник) и Дагестана (Шахсенгерский, Алярский и другие могильники), сильно отличаются от памятников, расположенных в Дербенте и южнее (Мугерганский, Дербентский, Кугский, Сиртичский могильники). По отношению к памятникам предшествующей каякентско-хорочоевской культуры все эти памятники характеризуют качественно новый этап развития материальной культуры. Это дало основание объединить каждую из групп в отдельные археологические культуры: северную – в зандакскую, южную – в мугерганскую. Но они составляют часть единой северо-восточнокавказской историко-культурной общности.

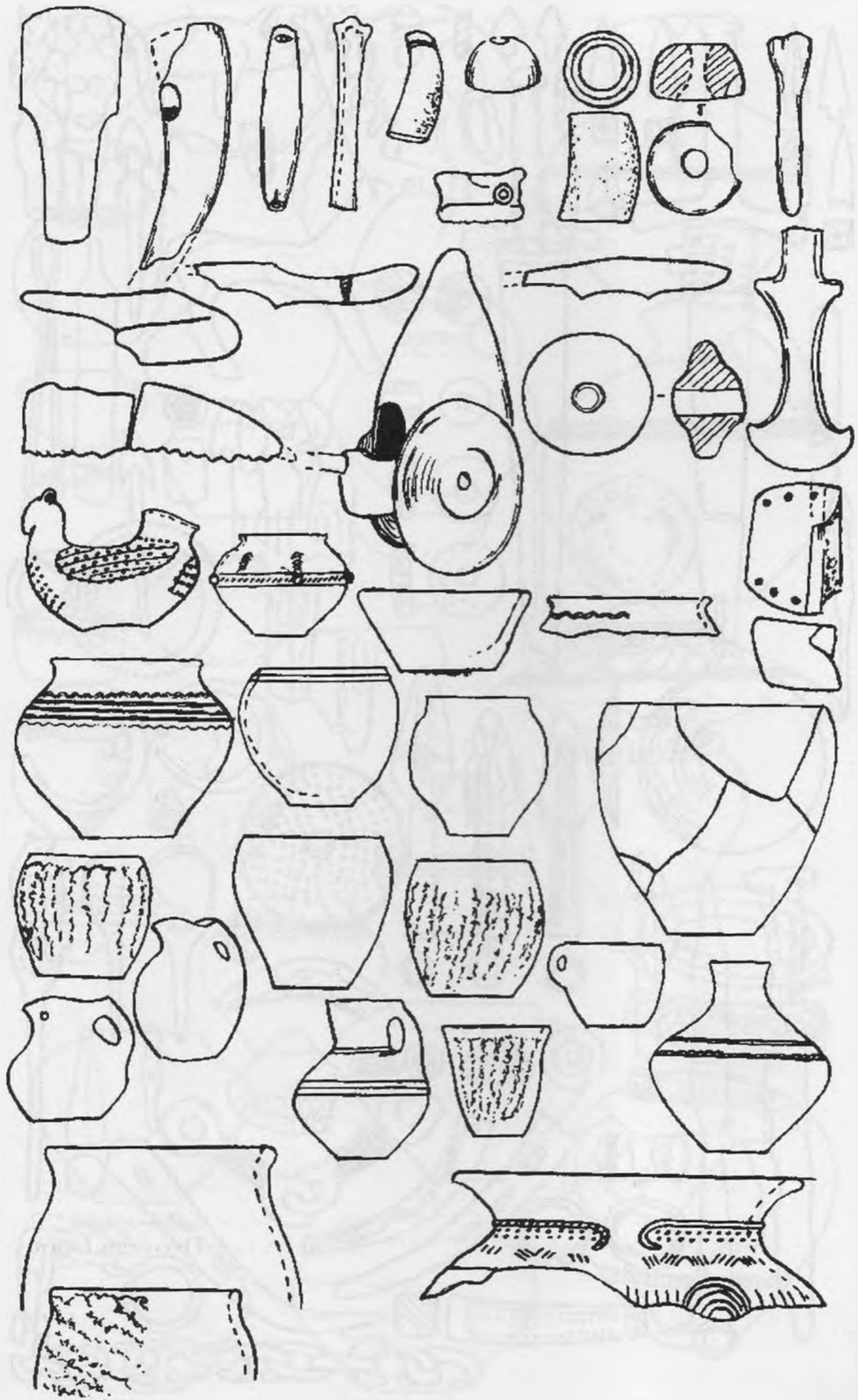
Хозяйство

Земледелие. В последнее время в исторической литературе получила признание точка зрения о развитии в Дагестане с глубокой древности орошаемого и неорошаемого пашенного земледелия. В экономике оно доминировало на равнине и в предгорье, а также в горных долинах и котловинах. К эпохе поздней бронзы и раннего железа относятся террасы, расположенные в окрестностях одновременных памятников. Для вспашки полей употребляли деревянные рала (“пуруц”, “дурац”, “пурус”, “туьрез”), конструкция которых позволяла обработать тощие почвы горных районов⁷. В качестве тягловой силы использовались быки. Жатвенными орудиями являлись составные серпы, кремневые вкладыши которых были прикреплены битумом к деревянной или костяной основе (Ачису, Берикей, Шахсенгер, Зандак и др.). Обмолот зерновых, видимо, производился на специальном току молотильными досками, которые волочили быки. Такие молотильные доски были найдены в Дагестане в подкурганном сооружении (№ 6) вблизи Дербента и в Азербайджане на памятниках эпохи поздней бронзы (Ханлар, Мингечаур)⁸. Для размолотки зерна употребляли зернотерки. Как выше уже упоминалось, ряд таких зернотерок с терочниками обнаружены в специальном помещении поселения Ачису. Такими орудиями можно помолоть 10–12 кг зерна в течение 12 часов непрерывной работы одного человека.

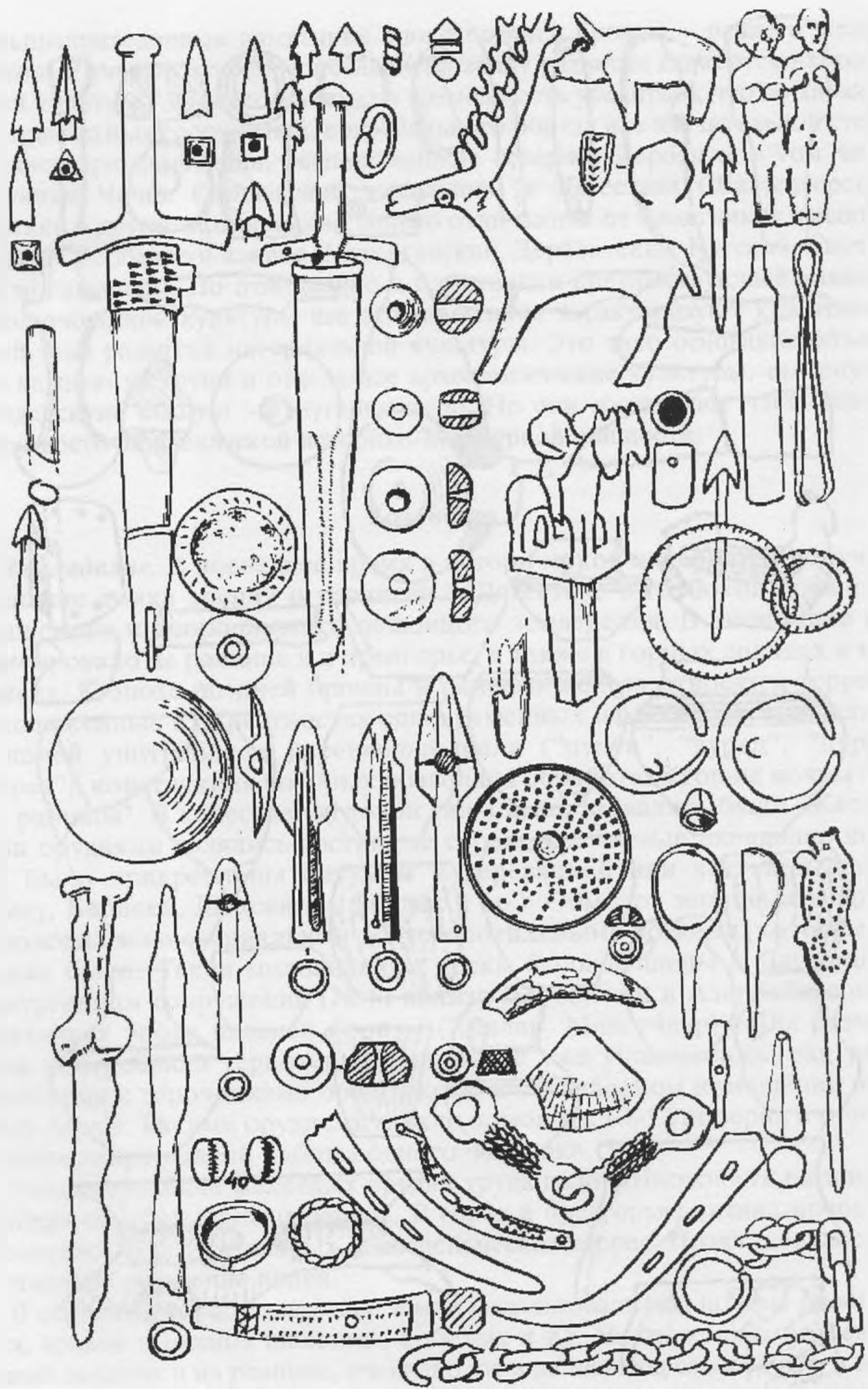
Распространение железных орудий труда дало возможность расширить площади обрабатываемых земель. В горах и предгорьях активизировалось строительство искусственных земледельческих террас. Практиковалось искусственное орошение полей.

В основном обрабатываемые земли использовали под посевы проса, ячменя, яровой и озимой пшеницы, бобовых и т.д. Часть земель, особенно в горных долинах и на равнине, очевидно, отводилась под садоводство и виноградарство. Занятия садоводством в Дагестане документировано материалами Ирганайского поселения II тыс. до н.э.⁹

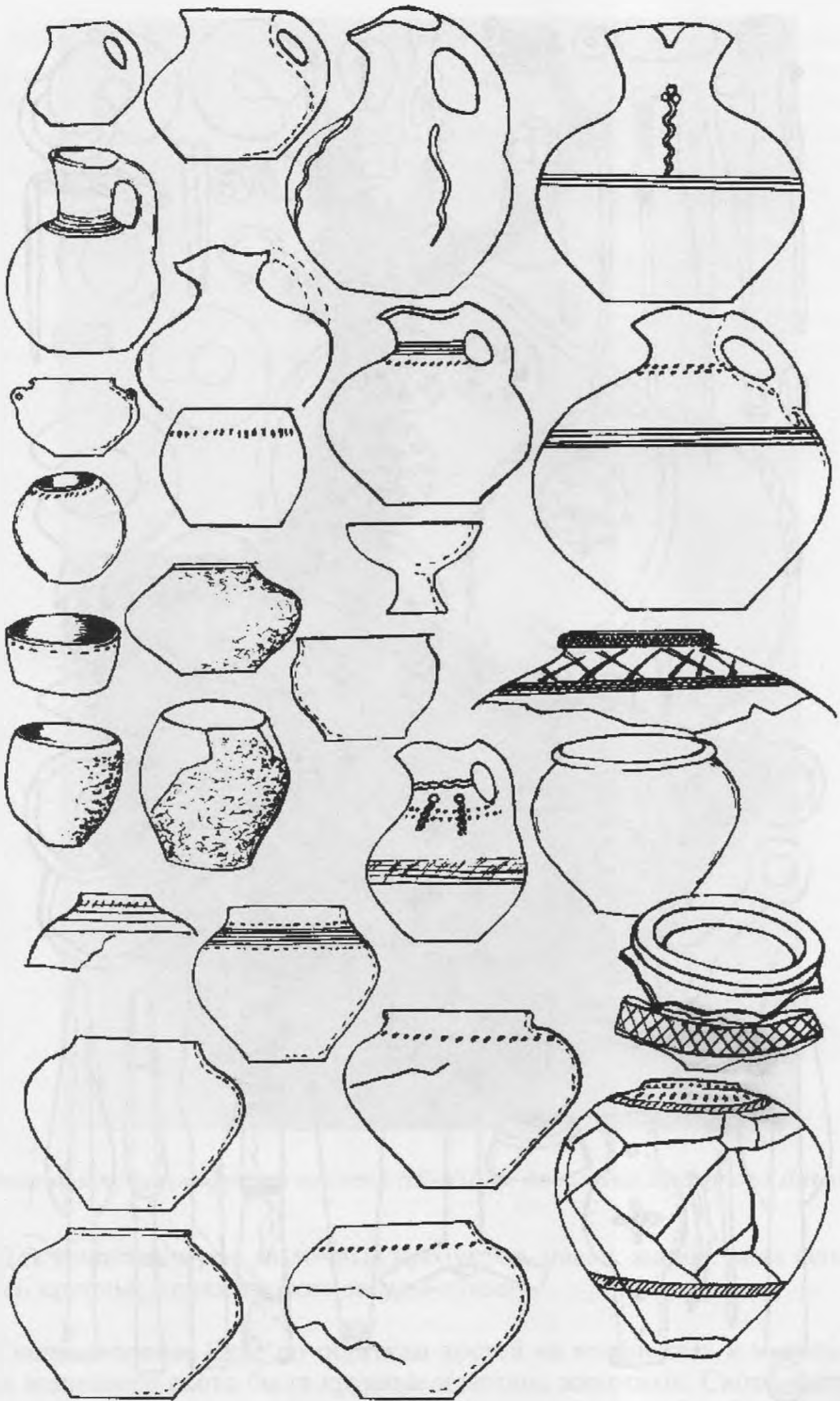
Запасы продовольствия, особенно зерно злаков и бобовых, хранились в специально подготовленных ямах с тщательно обмазанными глиной стенка-

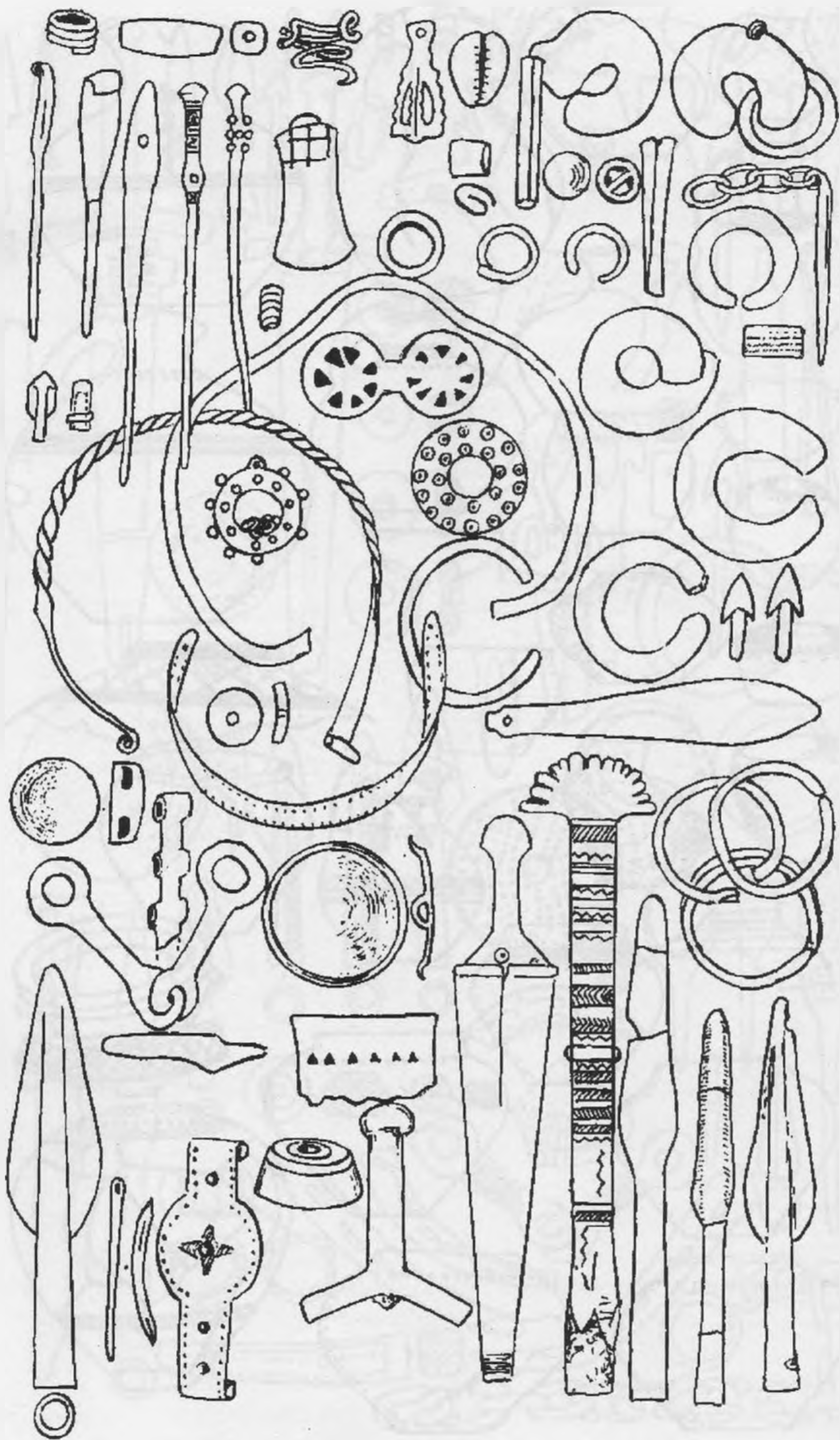
Орудия труда и керамические изделия зандакской культуры

Памятники зандакской культуры

Керамические сосуды из Мугерганского могильника

Металлический инвентарь из Мугерганского могильника

Бронзовый ковш скифского времени (IX–VII вв. до н.э.) из Нагорного Дагестана

ми. Для хранения муки, молочных продуктов, масел, жиров, вина использовались крупные керамические сосуды-хумы¹⁰.

Скотоводство. Судя по остаткам костей на поселениях и могильниках, среди домашнего скота были крупные и мелкие животные. Скотоводство характеризовалось преобладанием крупного скота в предгорье и на равнине, и мелкого – в высокогорье. При этом роль скотоводства возрастала по мере повышения ландшафта. Оно было организовано так, что одинаково легко можно было перегонять стада с летних пастбищ на зимние и обратно. Об этом сви-

детельствуют модели повозок, использовавшихся при перемещении стад, кости транспортных животных (ослов и коней) и собак – спутников крупных отар. Опорными базами такого скотоводства служили хутора (малъи, махъи, мархъи, махъхи, мащи, кули), располагавшиеся в средней полосе в системе вертикальных природно-климатических и хозяйственных зон.

С XIII в. до н.э. коня стали использовать в качестве верхового животного, что стимулировало развитие коневодства. На дагестанских памятниках конца II – первой половины I тыс. до н.э. встречаются кости коня евразийской степной породы¹¹.

Большим подспорьем в обеспечении населения мясными продуктами была охота на оленей, диких кабанов и коз, горных и степных туров, зубров, серн, джейранов, косуль, сайгаков, диких свиней, зайцев, лани, безоарового козла, медведя и др. Встречаются кости птиц, в том числе водоплавающих, рыб. На поселении Ачису на долю охотничьих промыслов приходилось 32,48% всей мясной продукции¹².

Ремесла. Значительное место в хозяйстве древнего населения Дагестана играли различные ремесла, среди которых выделялись черная и цветная металлургия и металлообработка. Появившееся на Северо-Восточном Кавказе во второй половине II тыс. до н.э. железоделательное производство вскоре стало играть решающую роль в экономике, и с началом изготовления орудий труда и предметов вооружения из железа бронзолитейное производство отошло на второй план. Вместе с тем бронзовые украшения, рукоятки мечей и кинжалов, части конского убора, изготовленные с большим художественным вкусом и мастерством, отражают глубокие знания и навыки приемов литья,ковки и обработки наружной поверхности. Для этого времени характерна оловянистая бронза, изделия из которых имеют весьма впечатляющий эстетический облик¹³.

Освоение железа оказало прогрессивное влияние на развитие и других ремесел, в частности на способы изготовления керамических предметов. Наряду с лепными обмазанными сосудами появляются и широко распространяются серые лощеные сосуды, произведенные по более совершенным технологическим приемам. Прогресс проявляется в подборе и изготовлении глины, в конструировании сосудов, обработке их наружной поверхности и обжигу. По симметричности форм и отделке наружной поверхности они напоминают закавказские изделия, изготовленные на гончарном круге медленного вращения. Вскоре эти новые сосуды – крупные хумы, горшки, кувшины – стали преобладать среди керамических изделий¹⁴.

Прогрессируют ювелирное дело, обработка кости, кожи, дерева, ткачество, строительное дело и др.

Социально-экономические последствия освоения железа. Земледелие, скотоводство и ремесла убедительно документируют рост производительности труда, который привел к увеличению общественного богатства. Успехи в этих отраслях создали условия и для увеличения численности населения. Возросшее население вызвало потребность в новых пахотных и пастбищных землях. Помимо освоения новых, ранее не занятых земель, в том числе горных склонов под земледельческие террасы, покосы и пастбища в условиях горского малоземелья возникли взаимные претензии на владения сосе-

дей. Это усилило военную опасность, о чем свидетельствует увеличение предметов вооружения на памятниках.

Частые военные походы, рост производительности труда и межплеменной обмен приводят к укреплению имущественного и социального положения родоплеменной верхушки. Особенно выделяются удачливые предводители военных дружин, в руках которых оседает львиная доля захваченной в походах добычи. Могилы таких военачальников выделяются по богатству инвентаря и способу их сооружения. Среди могил простых общинников встречаются комплексы более богатых конных воинов, группировавшихся вокруг военных предводителей – вождей. Для них характерны дорогостоящие вооружение, предметы конского убора и украшения. В металлопластике и наскальных рисунках встречаются изображения всадников, особенно вооруженных.

Основная масса рядовых могил принадлежит простым общинникам. Вместе с тем погребения на могильниках концентрированы группами по семейно-родовому принципу. Могилы Южного Дагестана (Мугерган и др.) содержат одиночные захоронения, а могилы на территории севернее Дербента – одиночные и коллективные (Шахсенгер, Акяр). Это связано с выделением малой семьи как социальной единицы. Вместе с тем не исключено, что сохранились и большие семьи.

Постоянная военная опасность вынуждала родственные племена объединяться в крупные территориальные союзы, способные обеспечить свою безопасность и совершать военные набеги на соседние территории. Вместе с этими союзами формируется и система их правления, военной власти, в которую входят вождь, Совет старейшин и народное собрание. Такое общество характеризуется в литературе как “военная демократия”¹⁵.

§ 2. Племена Дагестана в VII–IV веках до н.э.

Историческая обстановка на Восточном Кавказе и в Юго-Восточной Европе

В историко-культурном развитии населения Северо-Восточного Кавказа важную роль сыграли ираноязычные кочевые племена и племенные группы, известные под названием киммерийцев и скифов.

Основная масса киммерийцев кочевала в степях Северного Причерноморья, в том числе его восточной части, прилегающей к Северному Кавказу¹⁶. В 30-х или 20-х годах VIII в. до н.э. значительные их орды вторглись в Переднюю Азию. Предполагается, что они прошли через Абхазскую дорогу, Крестовый и Мамисонский перевалы. Но основным был Прикаспийский проход через Дербентские “ворота”. Древнейшие сведения о вторжении киммерийцев сохранились в письмах эпохи Саргона II (722–705 гг. до н.э.). В 715 г. до н.э. урартские войска, выступившие против киммерийцев, потерпели тяжелое поражение. Источники сохранили нам имена трех киммерийских вождей – Теушпа, Тугдамме (Лигдамис) и Сандаксатра. В 70-х годах VII в. до н.э. киммерийцы захватили Фригию, в 50-е годы – Лидию. Дольше всего они задержались в Каппадокии, в районе Синопи.

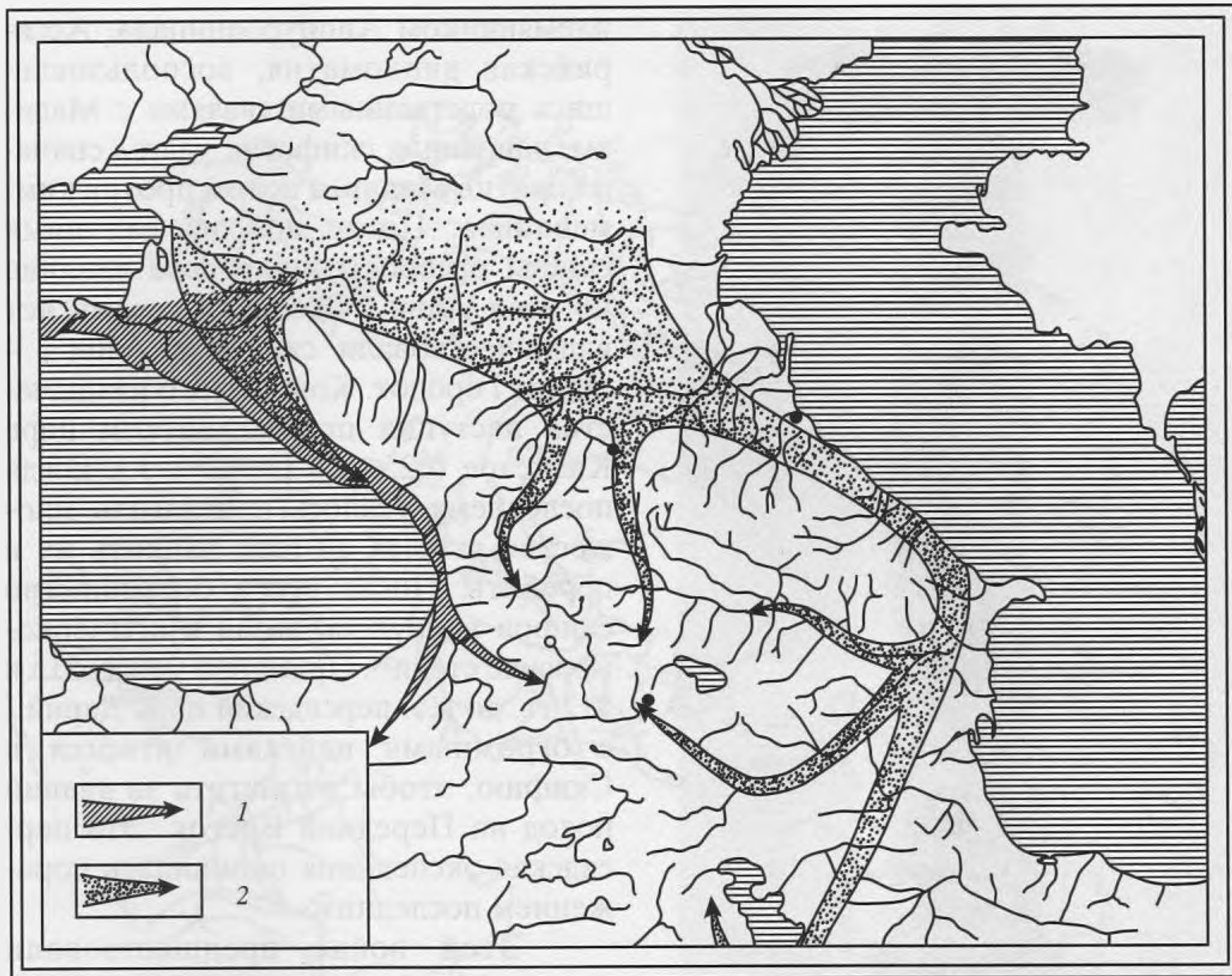
С ними некоторые ученые связывают позднесрубные памятники белозерского этапа, а в Дагестане отдельные находки X – первой половины VII в.

до н.э., в том числе биметаллические железные кинжалы с крестовидными бронзовыми рукоятками, детали конского убора и т.д.¹⁷

В высокогорном Дагестане, около селения Хосрех Кулинского района раскопано квадратное в плане (8 × 8 м) каменное святилище, внутри которого выложен круг с алтарем из крупного каменного блока в центре. К западной стене изнутри примыкало возвышение, на котором найдены остатки погребальных костров, многочисленные (до десятков тысяч) астрагалы мелких животных, черепа животных с отпиленными рогами и большое количество предметов материальной культуры из бронзы и железа. Среди находок имеются многочисленные умбоновидные бляшки, статуэтки животных и людей (парные изображения людей с руками на поясе), железный акинак с прямым навершием и почковидным перекрестьем рукояти VII–VI вв. до н.э. Само святилище по планировке относится к кругу индоиранских культовых строений и отражает идею о мироздании¹⁸.

Не позднее конца VIII – начала VII в. до н.э. на исторической арене появляются скифские племена. С их историей связаны дискуссионные вопросы о времени и условиях расселения скифов, о формировании их культуры, об их роли в этногенезе ряда народов Восточной Европы и Северного Кавказа. По одной гипотезе, основанной на сведениях древних авторов, скифы первоначально обитали в Средней Азии, у р. Аракс, а затем под натиском воинственных соседей продвинулись в “киммерийскую землю”¹⁹, по другой – древнейшей областью расселения скифов были предкавказские степи, тяготеющие к Кубани и Азовскому побережью. Позже они захватили все степи Северного Причерноморья и, как утверждает Геродот, вслед за отступающими киммерийцами вторглись в Переднюю Азию.

Сведения о скифах в древних источниках появились в связи с их походами в Переднюю Азию, начавшимися в 70-х годах VIII в. до н.э. Этим походам предшествовала ожесточенная скифо-киммерийская война, в которой скифы одержали полную победу, перебили киммерийских царей и вытеснили значительную часть их племен из Северного Причерноморья. Скифы и родственные им племена вступили в военное столкновение с северокавказскими оседлыми местными племенами, что привело к опустошению ряда населенных пунктов (Аллероевское-2 и другие поселения) и временному сокращению численности местного населения. Грузинские и армянские письменные источники донесли до нас сведения о войне скифов с коренными народами Кавказа (таргомосианами, потомками единого отца-предка коренных кавказских народов, в их числе с леками – предками современных дагестанцев)²⁰. Первоначально кавказские племена нанесли скифам поражение, воздвигли на подступах к их землям “города” и вернулись. Однако скифы перегруппировались, избрали себе нового царя и возобновили войну. В результате “полонили они землю таргомасиан”. Скифский царь «отдал удел Лекана своему “двоюродному брату”»²¹. Самый знаменитый из рода Лекана, Хозаних, вынужден был отступить в горы и основать там город, названный своим именем – Хозаних или Хунзах. С тех пор в течение долгого времени все коренные кавказские народы стали данниками скифов²². Основной дорогой скифов из Предкавказья на юг был путь через Дербентский проход. Использовались и сезонные дороги через горные перевалы (Мамисонский, Крестовый и Клухорский)²³. В течение двух или трех поколений крупные

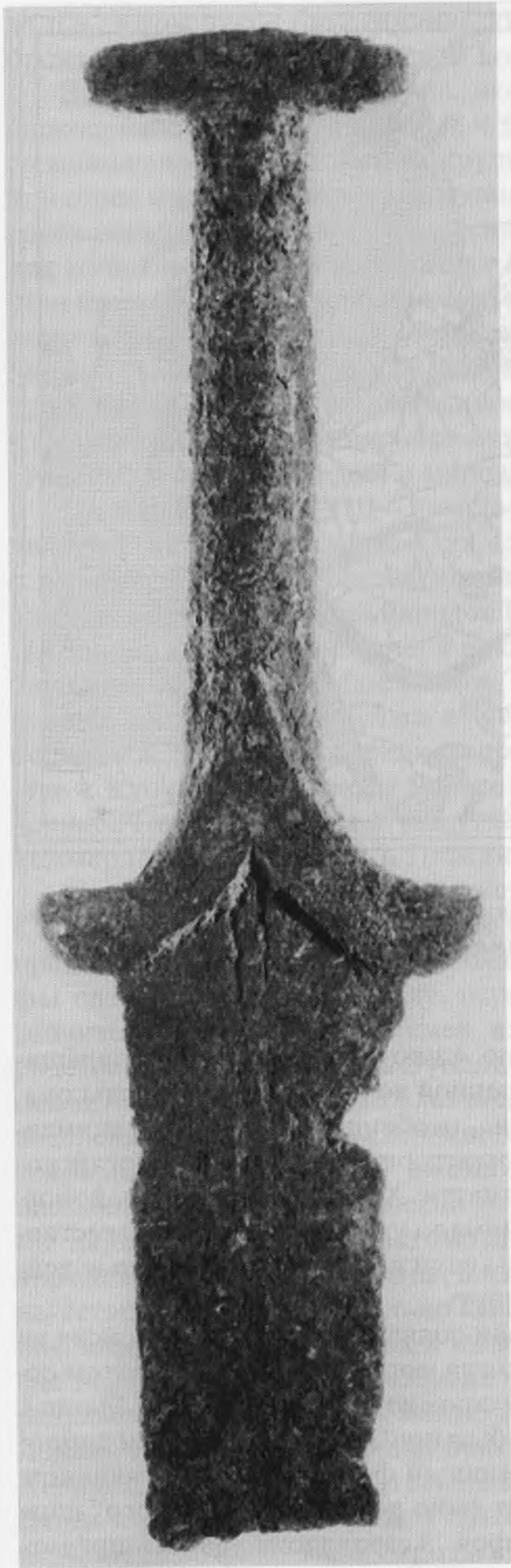

Маршруты киммерийских и скифских походов в Переднюю Азию (карта составлена Е.И. Крупновым): 1 – походы киммерийцев; 2 – походы скифов

отряды скифов отправлялись в Переднюю Азию и Закавказье и возвращались обратно в Предкавказские степи с военной добычей. В эти походы они, очевидно, вовлекали родственные племена, особенно савроматов, занимавших Предкавказские степи, в том числе территории современных Ногайского, Тарумовского, Бабаюртовского и отчасти Хасавюртовского районов. Возможно, в их походе в Закавказье принимало участие и оседлое дагестанское население. Скифские военные отряды вели в Закавказье активные действия. О некоторых из них следует упомянуть.

Около 674 г. до н.э., на границе Ассирии появляются скифские войска во главе с Партатуа (Прототий). Против некогда могущественной, но затем ослабевшей Ассирии формируется грозный союз из скифов, Мидии и Манны. Ассирийский царь Асархаддон вынужден был прибегнуть к сложным дипломатическим маневрам, чтобы разорвать единый фронт своих противников: нарушив ассирийские традиции, он выдает свою дочь за “варварского” царя Партатуа, нейтрализовав тем самым скифов. Асархаддону удалось предотвратить восстание подчиненных народов против империи.

Скифы снова появились на Переднем Востоке после 654 г. до н.э. во главе с царем Мадием, сыном Партатуа и ассирийской царевны, дочери Асархаддона,

*Жилищный меч-акинан из селения
Согратль*

племянником Ашшурбанипала. Ассирийская дипломатия, воспользовавшись родственными связями с Мадием, направила скифские удары сначала против Мидии, а потом против киммерийцев. После победы над ними скифы распространили свое влияние по всей Азии. “Двадцать восемь лет владычествовали скифы в Азии”, — пишет Геродот. Конец этого владычества наступил при мидийском царе Киаксаре (625–585 гг. до н.э.), когда последнему удалось пригласить множество скифов на пир, напоить их и перебить. После этого большинство скифов вернулось назад в причерноморские степи²⁴. Примерно между 515 и 512 гг. до н.э. персидский царь Дарий I с огромными войсками вторгся в Скифию, чтобы отомстить за давний поход на Передний Восток. Эта персидская экспедиция окончилась поражением последних.

Этой войне предшествовали сложные события, которые привели к власти Ахеменидскую династию. Одержав победу в 550 г. до н.э. в восстании против владычества мидян и захватив Мидию, персы завоевали всю Малую Азию, азиатские, греческие города, Вавилонию, Сирию, Палестину, часть Средней Азии и Египет. В составе Персидской империи упоминается XI сатрапия (Каспиана), завоеванная еще Киром II. Границы Ахеменидской империи простирались далеко на север. На Западном Кавказе, например, они доходили до Кавказского хребта²⁵. Это предопределяет возможность политического и историко-культурного влияния ахеменидской Персии на население Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана VI–V вв. до н.э.

Таким образом, военно-политическая активность скифов в Азии длилась вплоть до VI в. до н.э. За это время формируется скифская мате-

падного Дагестана (божество Цюб) // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала, 1988; Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1990; Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992; Гаджиев Г.А. Верования и обряды: доисламский период. Махачкала, 1993; Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев. Махачкала, 2000; и др.

¹²⁸ См.: Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976. С. 187; Мужухоев М.Б. Из истории язычества вайнахов (пантеон божеств в позднем средневековье) // Сов. этнография. 1985. № 2.

¹²⁹ См.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 276–281; Невелева С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса. М., 1975; Джеймсон М.Г. Мифология древней Греции // Мифологии древнего мира / Пер. с англ. М., 1977. С. 281.

¹³⁰ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. М.; Л., 1957. С. 100.

¹³¹ Левкиевская Е.Э. Материалы по карпатской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 252; Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 403.

¹³² Егорова А.И. Элементы полового символизма в традиционной этнической культуре якутов // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 45.

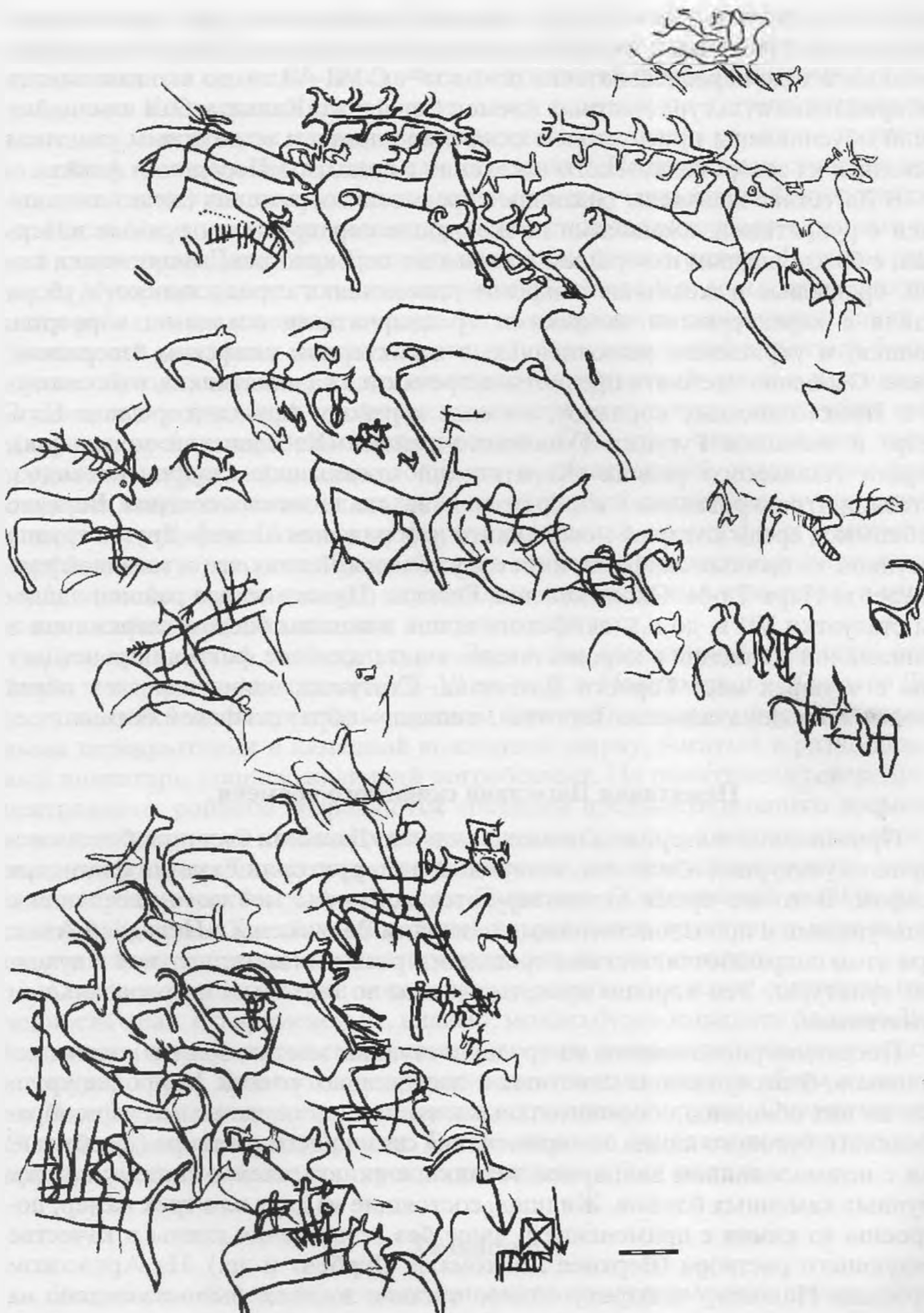
¹³³ Там же. С. 45–51.

¹³⁴ См.: Толстой Н.И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый-левый, мужской-женский // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 180–181.

¹³⁵ Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1963. С. 151.

¹³⁶ Аджиев А.М. Героико-эпические сказания и песни // Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 31.

¹³⁷ Мифы народов мира. Т. 1. С. 413.

*Наскальные изображения из окрестностей селения
Верхнее Лабкомахи*

риальная культура, в которой органически слились элементы, принесенные из Азии, воспринятые у местного населения доскифской поры, а также освоенные в ходе переднеазиатских походов²⁶. С VII–VI вв. до н.э. изменяется материальная культура местных племен Северного Кавказа. Эти изменения были обусловлены присутствием скифских племен и возможным участием выходцев из северокавказского населения в походах в Переднюю Азию.

В Дагестане выявлены различные предметы вооружения (железные акинаки с рукоятками, имеющими почковидные перекрестья и прямые навершия, с брусковидным навершием и таким же перекрестьем, наконечники копий, бронзовые и железные скифские наконечники стрел), конского убора (удила с характерными скифскими трехдырчатыми псалиями, ворворки, бляшки) и украшения, выполненные в характерном скифском “зверином” стиле. Особенно часто эти предметы встречаются на памятниках, относящихся к Прикаспийскому коридору, а также к району Аркаса (городище Нах-меэр) и селениям Ругуджа Гунибского района (Хабединский могильник), Карата Ахвахского района (Каратинский могильник). Скифы, очевидно, оставили (гравированные) изображения на скале около селения Верхнее Лабкомахи, среди которых можно найти изображения оленей. Другая группа рисунков, созданных скифами, имеется у селения Ленинкент, в западной части хребта Нара-Тюбе. Около селения Гигатль (Цумадинского района) найдены статуэтки VII в. до н.э. скифского воина в полном боевом снаряжении и обнаженной женщины в короне. Аналогичные женские фигурки происходят еще с четырех мест Горного Дагестана. Статуэтка воина передает образ скифского родоначальника Таргитая, женщин – образ скифской богини.

Памятники Дагестана скифского времени

Приведенные материалы показывают, что Дагестан был приобщен к историко-культурной общности, возникшей на территории Евразии благодаря скифам. В то же время активизируются контакты местного населения с культурными и производственными центрами Закавказья и Передней Азии. При этом сохраняются местные традиции в развитии материальной и духовной культуры. Это хорошо прослеживается по бытовым и погребальным памятникам.

Поселения расположены на труднодоступных местах, вблизи водных источников, благоприятных пахотных и пастбищных угодий. Наиболее крупные из них обнесены оборонительными стенами, возведенными из необработанного бутового камня без применения связующего раствора (Дербент)²⁷ или с использованием панцирной техники, с включением в систему кладки крупных каменных блоков. Жилища, состоящие из двух или трех камер, построены из камня с применением, чаще без применения глины в качестве связующего раствора (Верхнее Лабкомахи, Дербент и др.). На Аркаском городище Нах-меэр четырехугольное в плане жилище было возведено на каменном фундаменте из турлучных конструкций. К стене напротив входа примыкал очаг с обмазанными краями²⁸. Полы всех помещений были глинобитными.

Могильники Дагестана отражают сложную этнокультурную ситуацию, связанную с проникновением скифов. Вместе с тем в своей основе культура

Дагестана этого времени имеет четко выраженный местный облик. На Берикейском могильнике сохраняются традиционные для предшествующего времени массивные каменные ящики четырехугольной формы с костями 4–5 погребенных. Кости ранее погребенных здесь отодвинуты к стене погребальных камер, освобождая место новым умершим. Последние уложены скорченно на боку головами на юг, север или юго-запад²⁹. На других дагестанских могильниках встречаются грунтовые могилы со скорченными на боку костяками. После V в. до н.э. грунтовые погребения становятся господствующими на всей территории Дагестана. Расположение покойников разное. В одном случае на Мугерганском могильнике в грунтовой могиле V в. до н.э. обнаружены кости ребенка, помещенные в сосуд. Часто попадаются захоронения коней, а также кости крупных и мелких животных³⁰. Сопутствующий инвентарь богат и разнообразен, особенно на могильниках Мугерганской свиты памятников. Поселения и могильники характеризуют местную культуру, генетически связанную с предшествующими памятниками. При этом значительная часть предметов вооружения, конского убора и произведений декоративно-прикладного искусства находит аналогии на обширной территории культурного воздействия скифов. Некоторые формы украшений, зооморфных и антропоморфных статуэток, своеобразный стиль искусства в некоторых своих основополагающих чертах находят параллели в сопредельных культурах, в частности в кобанской, закавказских и переднеазиатских.

Для памятников этой культуры Дагестана характерны признаки, особенно четко проявляющиеся в VII–VI вв. до н.э. Например, для Южного Дагестана свойственны грунтовые могилы близких к квадрату форм с деревянными перекрытиями и каменной выкладкой сверху, богатый и разнообразный инвентарь, сопровождающий погребенных. На памятниках северных и центральных районов сохраняются традиции предшествовавшего времени хоронить умерших в каменных ящиках с менее богатым и менее разнообразным инвентарем, чем на юге. Здесь сохраняются традиции хоронить умерших скорченно на боку. А в Горном Дагестане (Хабединский могильник у селения Ругуджа Гунибского района) встречаются грунтовые могилы со скорченными костяками, ориентированными на северо-запад.

Отмеченные в культуре локальные варианты отражают состояние изученности края. Со временем их, видимо, можно будет выделить больше. Все бытовые и погребальные памятники Дагестана документируют производство орудий труда, предметов вооружения и отчасти конского убора из железа. Из сферы производства вытесняются кремневые орудия. Ограничивается и область применения бронзы. Таким образом, наиболее выразительным признаком эпохи является широкое вхождение в быт железа.

Хозяйство

Земледелие. В это время стали применять земледельческие орудия, которые позволяли более интенсивно обрабатывать старые террасы и создавать новые на горных склонах, в менее благоприятных в физико-географическом отношении местах. Так, в окрестностях поселений и городищ эпохи раннего железа расположены заброшенные древние земледельческие террасы. Их вспахивали возникшие еще в III тыс. до н.э. рала, но уже снабженные желез-

ными наральниками (хъу – хварш., цез., магъ – рут., махх – ав., лак., къоб – южно-ав.). Это повышало производительность труда землепашца. В качестве тягловой силы использовались быки. Их запрягали также в молотильные доски. Каменные вкладыши таких досок встречены на поселениях и городищах Дагестана эпохи раннего железа. Среди других земледельческих орудий следует назвать железные серпы (Хабада, Аркас), зернотёрки, тёрочки и песты. Для хранения зерна, муки и других продуктов употреблялись большие керамические сосуды. В это время в Дагестане, очевидно, возделывали почти все современные злаки, кроме кукурузы и риса, появившиеся в более позднее время.

Значительная роль принадлежала садоводству. В раннем железном веке, видимо, выращивались почти все современные садовые культуры, многие из которых в Дагестане встречаются в диком виде. Виноградарство могло развиваться в долинах гор, в предгорье и на равнине. Об этом свидетельствуют косточки винограда, найденные на Шаракунском могильнике (в сосудах с жертвенного места). В том же могильнике и на Аракасском городище обнаружены виноградарские ножи, которые также подтверждают развитие этой отрасли сельского хозяйства.

Садоводство и земледелие невозможно без применения орошения, высокая культура и традиции которого отмечены в современном Дагестане³¹.

Скотоводство. С развитием земледелия тесно связано скотоводство, которое было важнейшей отраслью хозяйства. Среди материалов поселений и могильников имеются кости овец, коз, крупных рогатых животных, лошадей, ослов, свиней, собак и домашних птиц. Уже в начале эпохи раннего железа произошло видовое изменение стада за счет появления выносливых и неприхотливых к кормам животных (в том числе транспортных и рабочих), приспособленных к условиям пересеченной местности дагестанских гор. Кости свиней наряду с костями крупного рогатого скота составляют значительную долю, что свидетельствует о стационарном характере скотоводства. Соотношение костей крупных и мелких животных указывает на неодинаковый характер хозяйства в различных физико-географических зонах Дагестана. В долине среднего течения Сулака удельный вес крупного рогатого скота наибольший, в предгорьях он меньше, а в горах соотношение крупного и мелкого скота равное. Судя по тенденции к повышению доли мелкого скота, по мере продвижения к горам следует ожидать его преобладания в высокогорье. Из этого следует, что в Дагестане эпохи раннего железа можно выделить минимум четыре зоны со своим хозяйственно-культурным типом. Для них характерно перемещение скота с летних пастбищ на зимние и обратно, наличие в средней высотной зоне базового хозяйства на хуторах. Это признаки, характерные для так называемого альпийского хозяйства. В своей основе оно глубоко оседлое. Но потребности развивающегося альпийского хозяйства в рабочем и тягловом скоте, милитаризация общества в эпоху “железного меча” стимулировало развитие коневодства. Особая роль коня подчеркивалась рядом деталей в погребальном обряде. Его стали хоронить вместе с умершим хозяином, что указывает на его восприятие как спутника воина. Статуэтки коня свидетельствуют о культе этого животного. Конь, чьи кости обнаружены в погребении первой половины VII в. до н.э. Мугерганского могильника, относился к типу крупных степных лошадей. Размеры удила из Хабадинского могильника также указывают на крупных

коней. С Аркасского городища происходят мелкие удила, рассчитанные на маленьких низкорослых, выносливых коней, характерных для Дагестана более позднего времени.

Охота по-прежнему играла подсобную роль в хозяйстве. Охотились на кабанов, оленей, диких коз, зайцев, барсуков, уток³².

Ремесла. Дальнейшее развитие получают ремесла, в частности добыча и обработка железа, керамическое производство, строительное дело, прядение и ткачество и т.д.

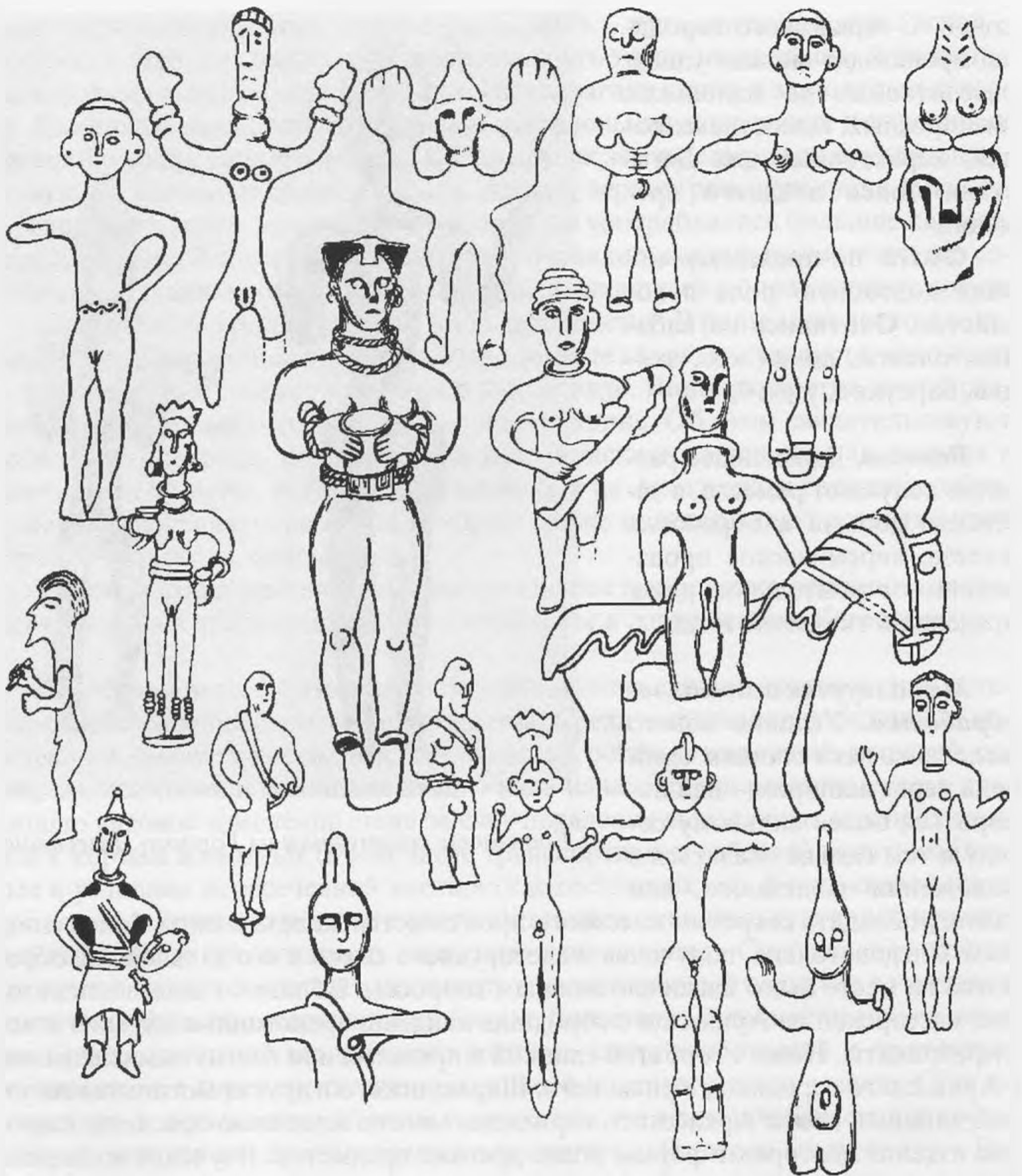
Металлургия и металлообработка. Условия нового железного века ставили человека перед выбором – или покориться более сильному соседу и тем самым оказаться в положении зависимого, или

самому обладать секретом массового производства железа и стать более сильным. Следовательно, получение железорудного сырья и его дальнейшая обработка на месте было жизненно важным вопросом. Вблизи от железоплавильной мастерской из Аркасского городища найдены бракованные изделия и полуфабрикаты. Ножи с горбатой спинкой и прямыми или изогнутыми лезвиями с Аркасского городища, Урцекского, Шаракунского и других могильников, узкий длинный нож с Аркасского городища, многие железные браслеты и прочие изделия повторяют формы более древних предметов. Изучение железных предметов показывает, что кузнецы имели в своем распоряжении металл, полученный сыродутным способом, и сырцовую сталь, изготовленную в сыродутном горне непосредственно во время металлургического процесса. При этом к VII–VI вв. до н.э. мастера могли по своему желанию получать железо с заданными свойствами или сталь, выковать изделия необходимой упругости и твердости, хорошо регулировать температурный режимковки³³.

В бронзолитейном производстве, основанном на местной рудной и топливной базе, развитие направлено в сторону улучшения сплавов и придания изделиям более высоких эстетических качеств. В основном для Дагестана эпохи раннего железа характерны оловянистые бронзы. В технике производства господствует литье по восковым моделям с применением формочной массы с последующей ковкой, заточкой, полировкой, орнаментацией налепными, резными и пуансонными узорами. Украшения из бронзы, осо-

Бронзовые статуэтки из Горного Дагестана

Типы бронзовых статуэток из Высокогорного Дагестана

бенно разные бляхи, пряжки, зооморфные и антропоморфные статуэтки отличаются изяществом³⁴.

Керамическое производство. Существенную роль в хозяйстве дагестанских племен играло керамическое производство, в котором особенно резко бросаются в глаза прогрессивные сдвиги. Среди массового материала можно выделить две большие группы изделий. Одна из них представлена лепными, обмазанными и заглаженными толстостенными сосудами (горшки, высокие и приземистые баночные сосуды, миски-плошки). Она предназначена для кухонных нужд, слабо обожжена. Эти сосуды вылеплены из теста с грубой при-

месью толченого песка и битой керамики. Толстостенная керамика с обмазанной наружной поверхностью встречается в Дагестане с конца III тыс. до н.э. Однако в раннем железном веке на севере Дагестана обмазка хотя и толстая, но имеет декоративный облик, на юге она бессистемная и тонкая. Другая группа керамики представлена тонкостенными сосудами, вылепленными из глины с помощью тонко отмученной дресвы и шамота. Это столовая посуда. При их конструировании были применены разные технические приемы: лепка путем наращивания ленточных жгутиков с последующей вытяжкой, составление формы из отдельно изготовленных элементов и т.д. (горшки разных форм и размеров, кувшины со сливными носиками и кувшины с цилиндрическими горловинами). Тарная керамика (крупные хумы и корчаги) изготовлена по той же технике, что и столовая, но она более груба, стенки толще. Поверхность сосудов лощеная, серая или коричневатая-серая, изредка красная, что указывает на обжиг как в окислительной, так и в восстановительной среде. Отдельные сосуды имеют своеобразные клейма – знаки мастера. Это свидетельствует о начале специализации ремесла керамиста³⁵.

Строительное дело. Для раннего железного века Дагестана характерен резкий скачок в развитии строительства. Появляются крупные высокоразвитые архитектурные, в том числе фортификационные комплексы, для возведения которых требовались большие навыки и знания строительного и военно-инженерного дела. Большая трудоемкая работа по строительству, добыче, обработке и подвозу стройматериала определяла участие большого количества оторванной от сельского хозяйства рабочей силы.

Прядение и ткачество. Большую роль в хозяйстве играло прядение и ткачество. Еще для II тыс. до н.э. отмечено использование в Дагестане специального ткацкого станка, еще раньше – и веретена. Для погребального обряда эпохи раннего железа характерно наличие в могилах женщин пряслиц. Они довольно массивные и предназначены для изготовления грубой шерстяной пряжи. Материалы Хабединского могильника содержат образцы более плотной ткани из растительной пряжи (льна, конопли). Судя по равномерному чередованию нитей утка и основы, отсутствию узлов, ткачихи владели высоким уровнем мастерства³⁶.

Торговля

Специализация ремесла привела к оживлению торговли. Многие керамические изделия изготовлены с расчетом на рынки, расположенные в значительном отдалении от производственных центров. В Дагестане, в свою очередь, найдены изделия, произведенные в странах Юго-Восточной Европы, Закавказья и Передней Азии³⁷.

Общественный строй

Успехи в развитии земледелия, скотоводства и различных отраслей ремесла, особенно в освоении производства железа, привели к разложению первобытнообщинных отношений и формированию социальной организации нового облика. Один из показателей этого процесса – появление укрепленных поселений, свидетельствующих о начале становления города (урба-

низация). Одно-, двух- или трехкамерные жилища и основная масса погребальных сооружений оставлены простыми общинниками, земледельцами, скотоводами и ремесленниками. Они не отличаются богатством. Значительно меньше встречаются безынвентарные могилы, хранящие останки наиболее бедной части населения, вынужденной прибегнуть к служению своим более богатым сородичам и соплеменникам, чтобы обеспечить свое существование. Материалы могильников и поселений указывают на тенденцию к дальнейшему укреплению экономического и социального положения родоплеменной верхушки. С ними связаны богатые могилы с импортными изделиями, дорогостоящим оружием и предметами конского убора, зачастую с конскими захоронениями.

Духовная культура

У дагестанских племен она отвечала уровню их социально-экономического устройства, включала в себя обширные прикладные знания в области агро- и зоотехники, медицины, математики и многих других, без которых невозможно было развитие хозяйства. Высокого уровня достигло искусство, наиболее яркие произведения которого представлены керамическими сосудами, металлопластикой.

Среди керамических изделий наряду с традиционными лепными толсто-стенными горшками и баночными формами и заглаженными плоскими появляются высокохудожественные серые лощеные сосуды. К середине I тыс. до н.э. появляются зооморфные сосуды, среди которых выделяется богато украшенный сосуд в виде голубя.

Среди бронзовых художественных изделий значительное место занимают посуда, предметы вооружения, украшения, зооморфные и антропоморфные статуэтки. Большинство предметов отлито по восковым моделям. Бронзовый черпак с короткой ручкой, увенчанной реалистическим изображением головки оленя, головные булавки с навершиями в виде фигурок горных козлов или туров, различные изображения на пряжках и бляшках по некоторым изобразительным мотивам и манере исполнения в какой-то степени напоминают изделия времен кобанской культуры. Но они по ряду признаков отличаются от последних и характеризуют искусство и идеологические представления местного дагестанского населения. Все фигуры людей и животных переданы в спокойной, статической позе. Они характеризуются реалистичностью изображения при условной передаче отдельных органов, имеют отклонения от пропорций при изображении атрибутивных деталей, отличаются грубостью при трактовке фигур, подчеркнута выраженной ритуальной обнаженностью, а также характерными позами. По стилю изображения фигурки людей и животных не встречают точных аналогий за пределами Северо-Восточного Кавказа, но по сюжету и смыслу образов находят аналогии на обширной территории Передней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья.

Заметный след в декоративно-прикладном искусстве народов Дагестана оставил скифо-сибирский “звериный” стиль изображения. Об этом свидетельствует поясной крюк из окрестностей Хасавюрта, литая серебряная бляшка в виде профильного изображения головы волчицы с раскрытой па-

стью из Хабадинского могильника, бронзовая бляшка в виде профильного изображения головки хищника с раскрытой пастью из Аркасского городища Нах-меэр, изображения хищника кошачьей породы с повернутой назад головкой и раскрытой пастью из Урцекского могильника, обломок бляшки в виде припавшего к животу такого же стилизованного изображения хищника из кургана около Хасавюрта и др.

Среди материалов Дагестана VII–IV вв. до н.э. имеются изделия, связанные с космогоническими представлениями, с почитанием солнца, луны, неба и др. Орнамент на ножнах меча из Макинского могильника передает идею о трех мирах, расположенных последовательно друг на друге. С представлениями о движении солнца по небесному своду связаны умбоновидные бляхи из Урцекского, Хабадинского и Шаракунского могильников. Хосрехское святилище в виде квадрата с циркульной выкладкой внутри и алтарем в центре передает популярную в индо-иранской среде идею о микрокосмосе – о квадратной земле и круглом небе. Смерть человека, как и в бронзовом веке, воспринималась как уход в “мир иной”, где люди продолжали заниматься тем же, чем они занимались в реальном мире. Для этого в могилу вместе с умершим клали орудия его труда, пищу, напитки, одежду, украшения и т.д. Родовые кладбища и семейные усыпальницы связаны с семейно-родовыми культами. С ними сопряжены обряды, порожденные страхом перед покойником (завал камней над могилами, связывание умерших), которого живые должны были кормить, поить, о котором могли заботиться.

Обожествление природы проявилось в культе растительного мира, поверии в чудесное дерево. Важное место в верованиях занимает культ железа, в магическую силу которого некоторые верят до сих пор. Кинжал и шашка, например, служили в качестве талисманов, ограждающих людей от злых духов, вредных влияний, чар, колдовства и пр. В люльку под голову ребенка клали нож, чтобы “черти не посмели приблизиться”. Считалось, что “подкова приносит счастье”. У аварцев мать, у которой умирают дети, надевала браслет, откованный из девяти кусков железа.

Изображения, которые датируются VII–IV вв. до н.э., свидетельствуют о почитании медведей, баранов, горных козлов, туров, змей, волков и других животных. Особое значение дагестанцы придавали культу коня. Происхождение этого культа вызвано влиянием степных индо-иранских племен. В дагестанском фольклоре конь связывает землю и преисподнюю: доставляет героя до входа в “иной мир”. Он – советник и помощник, а в необходимых случаях и спаситель своего хозяина. Согласно этим представлениям, конь способен в одно мгновение обежать землю три раза, летать по воздуху, плавать, нырять под воду, доставить героя на небо за птицей и т.д.

Изображения антропоморфных божеств также связаны с первобытной религией. Среди статуэток людей встречаются фигурки божеств плодородия, грома и молнии и т.д.

При сложной социальной структуре, резко возросшей производительности труда в условиях военных столкновений общество нуждалось в определенных сводах правил общественных отношений. В эпоху раннего железа появляются основы норм неписаных законов – адаты. К этому времени следует отнести зарождение традиций гостеприимства, куначества, формиру-

ются нормы права, регулирующие ведение хозяйства, отношение между родами, членами различных социальных категорий, соседними сельскими обществами, племенами и т.д.³⁸

Связи населения Юго-Восточной Европы, Северного Кавказа и Закавказья

Культура дагестанских племен VII–IV вв. до н.э. развивалась в тесной связи с культурами сопредельных племен. На довольно тесные и продолжительные контакты с кобанскими племенами Северного Кавказа указывают находки спиральных многовитковых браслетов (Карата), дуговидных фибул (Хабада – 2 экз., Карата – 1 экз., Согратль – 1 экз., Анцух – 1 экз.), головной булавки с навершиями в виде геральдически расположенных парных конских головок (Аркас), наконечника дигорского типа в виде птицы со звериной головкой (Аркас), многовитковых колец (Мугерган, Урцеки, Акяр, Карабудахкент, Шаракун и др.). Эти контакты документируют близкий стиль оформления пластинчатых браслетов с зооморфными концами и некоторых антропоморфных и зооморфных статуэток. Прототипами бежтинских подтреугольных ажурных пряжек следует считать пряжки подковообразной формы дигорского типа. На памятниках кобанской культуры обнаружена типично дагестанская лепная керамика с вертикальной обмазкой на наружной поверхности (Сержень-Юрт).

На связи с Закавказьем указывают серые лощеные горшки и кувшины со сливными носиками, предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники стрел типа “площички”) и украшения (гривны, сердоликовые бусы, различные подвески, привески) и т.д. На Хосрехском святилище найдены изделия, которые привезли в Горный Дагестан из районов Закавказья и Передней Азии (статуэтки оленя, быка и др.).

Особенно выделяются в VII–IV вв. до н.э. контакты со скифо-сибирским миром. Выше уже отмечалось, что скифы непосредственно проникли в Дагестан. Здесь найдены все компоненты скифской триады – предметы вооружения (железные акинаки, железные и бронзовые наконечники стрел и копий), конского убора (петельчатые удила с трех- и двухдырчатыми псалиями, ворворки, бляшки) и украшения, выполненные в характерном “зверином стиле” (бляшки с изображением зверей и др.).

¹ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 15–17; *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X–IV вв. до н.э.). Махачкала, 1968. С. 3–15; *Котович В.Г.* О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе // *Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк.: Обществ. науки.* Ростов н/Д., 1978. № 3. С. 17–23.

Первое знакомство с железом населения Дагестана одни исследователи связывают с закавказским или переднеазиатским влияниями (*Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 8–9; *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 15), другие – с достижениями местной металлургии (*История Дагестана.* М., 1967. Т. I. С. 87; *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре... С. 11–13; *Котович В.Г.* Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе // *Сов. археология (СА).* 1977. № 3. С. 69–78).

- ² *Котович В.Г., Давудов О.М.* О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // *СА.* 1980. № 4. С. 38–54. См. также: *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане // Тез. докл. на науч. сессии Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ИИЯЛ Даг ФАН СССР), посвящ. археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 33–39; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 29–31.
- ³ *Бредэ К.А.* Новые поселения на Сулаке // Тез. докл. на науч. сессии ИИЯЛ Даг ФАН СССР, посвящ. археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 25–27; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 32–34; *Он же.* Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа: Сб. ст. Махачкала, 1985. С. 101–124; *Давудов О.М., Абакаров А.И.* Новые исследования Шахсенгерского городища // Всесоюзная археологическая конференция “Достижения советской археологии в XI пятилетке”: Тез. докл. Баку, 1985. С. 128–130.
- ⁴ *Пикуль М.И.* Дагбашский могильник // Учен. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 198–319; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 34–40; *Он же.* Берикейский могильник скифского времени // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане: Сб. ст. Махачкала, 1978. С. 128–135; *Давудов О.М., Хангишиев Г.Дж.* Памятники предскифского времени около с. Башлыкент // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ Даг ФАН СССР в 1984–1985 гг. Махачкала, 1986. С. 5–6; *Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В.* Погребение скифского времени у сел. Берикей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. С. 136–144.
- ⁵ *Пикуль М.И.* Мугерганский могильник // Материалы по археологии Дагестана (МАД). Махачкала, 1973. Т. III. С. 35–50; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 40–109; *Он же.* Мугерганская культура // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 125–130; *Он же.* Исследования в Южном Дагестане // Археологические открытия (АО). 1974. М., 1975. С. 105; *Давудов О.М., Гаджиев Ю.М.* Раскопки Мугерганского могильника // АО. 1975. М., 1976. С. 118–119.
- ⁶ *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969. С. 85; *Он же.* Рец. на кн.: Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974 // *СА.* 1976. № 3. С. 345–348.
- ⁷ Наиболее древние пахотные орудия известны из памятников Передней Азии конца IV – начала III тыс. до н.э. (*Редер Д.Г.* Появление плуга и мотыги в древнем Египте и Шумере // Древний мир: Сб. ст. М., 1962. С. 165–170). В Западной Европе они появляются в эпоху ранней бронзы, в Южной Европе – в конце III – начале II тыс. до н.э. (*Краснов Ю.А.* О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы // *СА.* 1968. № 2. С. 3–22; *Он же.* Раннее земледелие и животноводство в лесной зоне Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1971. № 174. С. 38–39; *Он же.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. С. 145–161; *Семенов С.А.* Происхождение земледелия. Л., 1974. С. 212–221). Известны они были и племенам куро-аракской культуры, в состав которой входят и дагестанские памятники III тыс. до н.э. (*Джавахишвили А.И., Глонти Л.И.* Урбиси I. Археологические раскопки, проведенные в 1954–1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси, 1962. С. 45, 61, табл. XXXIII, I; *Кушнарева К.Х., Лисицына Г.Н.* Важнейшие аспекты становления и развития производящего хозяйства на Южном и Северо-Восточном Кавказе (VI–III тыс. до н.э.) // *Studia praehistorica.* София, 1986. С. 14, рис. 5, 1–3; *Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.). Л., 1970. С. 106; *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 379). В.Г. Ко-

- тович доказывал положение об использовании в Дагестане III тыс. до н.э. упряжных пахотных орудий (*Котович В.Г. О хозяйстве населения Горного Дагестана в древности // СА. 1965. № 3. С. 146*). С этого времени до современности в Дагестане употребляется пахотное орудие – рало.
- ⁸ *Русов А.А. Отчет о летних и осенних работах в Южном Дагестане // Пятый археологический съезд в Тифлисе. I: Труды предварительных комитетов. М., 1982. С. 543–544; Гуммель Я.И. Курган № 2 близ Ханлара // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. М.; Л., 1949. Вып. XXIV. С. 55–58; Ваидов Р.М. Мингечаур в III–VIII вв. Баку, 1961. С. 70.*
- ⁹ *Атаев Д.М., Погребова М.Н. Поселения эпохи бронзы у села Ирганай Унцульского района // МАД. Махачкала, 1973. № 3.*
- ¹⁰ *Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Горном Дагестане // Учен. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 287–288; Он же. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 153–164; Давудов О.М. Поселение Ачису. С. 111.*
- ¹¹ *Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве... С. 290–297; Он же. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития... С. 155–163; Давудов О.М. Поселение Ачису. С. 111–113.*
- ¹² *Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 119; Он же. Поселение Ачису. С. 113.*
- ¹³ *Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 119–123; Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития... С. 165–212.*
- ¹⁴ *Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 104–106; Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 123–124.*
- ¹⁵ *Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 110–111; Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 124–126.*
- ¹⁶ Вопрос об этнической принадлежности киммерийцев решается исследователями по-разному. Ученые в большинстве своем сопоставляют их то с кельтами (Я. Потоцкий, Ж. Шарпантье), то с кимв'рами (Ф. Ленорман, Х. Котхе, Леман-Хаупт), то с таврами Горного Крыма (Ф.К. Брун, С.А. Жебелев), то с фракийцами (В.Д. Блаватский, М.И. Ростовцев и др.), то с синдами (М.И. Артамонов), и со скифами (Ф. Хоммел, Е. Миннс, Е.И. Крупнов, Л.А. Ельницкий, В.И. Абаев, Д.С. Раевский и др.). И.М. Дьяконов высказал мнение, что киммерийцев как отдельного этноса вообще не существовало. Это были “подвижные отряды” ираноязычных скифов, воспринятые черноморскими греками как особый народ (*Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. М., 1982. С. 75–78*). Само слово *kimmerioi–Gamir(a)–Gimirgi–Gimirgaiu* (“киммерийцы”) с древнеиранского переводится как “находящийся в движении”, т.е. “подвижные отряды” (*Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории (“киммерийцы”) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: (II тыс. до н.э.). М., 1981. С. 97–98*). Как бы не решался вопрос об этническом облике киммерийцев, мы вправе говорить об ираноязычных кочевниках предскифского и скифского времени. Контакты древних дагестанцев со степными кочевниками, которых принято относить к ираноязычным племенам, прослеживаются с XIII–XII вв. до н.э.
- ¹⁷ Противоречивы высказывания о том, какие памятники материальной культуры оставили киммерийцы. Так, Д.Я. Самоквасов считал, что могильники киммерийской эпохи “не содержат в себе оружия или орудий домашнего быта из железа, а содержат только предметы быта из глины, кости, камня и меди” (*Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. СПб., 1908. С. 141 и др.*). В результате археологи конца XIX – начала XX в. стали считать киммерийским любое погребение бронзового века, независимо от его древности. В.И. Городцов назвал киммерийскими ряд па-

мятников, которых в настоящее время принято относить к XIV–XII вв. (*Городцов В.А.* Бытовая археология: М., 1910. С. 344). Его точка зрения нашла своих сторонников. *Е.И. Крупнов*, например, на основании находок определенных типов бронзового оружия, которые были определены *В.А. Городцовым* как киммерийские, пытался проследить пути перемещения кочевников на Кавказе и Северном Причерноморье (*Крупнов Е.И.* Киммерийцы на Северном Кавказе // *МИА.* 1958. № 68. С. 190 и др.; *Он же.* Древняя история Северного Кавказа. С. 114 и др.). *О.А. Кривцова-Гракова* выделила в степном Причерноморье среди памятников позднего этапа срубной культуры клады, условно названные ею киммерийскими (*Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // *Тр. Государственного исторического музея.* М., 1948. Т. XVII. С. 158 и др.). *А.И. Тереножкин* и *А.М. Лесков* выделили в рамках срубной культуры памятники различного типа, в том числе новочеркасского и черногооровско-камышевахского типа. Новочеркасскую группу *А.М. Лесков* связывает со скифами, а чернигоровско-камышевахскую – с киммерийцами (*Лесков А.М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // *Проблемы скифской археологии.* МИА. 1971. № 177. С. 75–91; *Он же.* Курганы: находки, проблемы. Л., 1981. С. 86–109). *А.И. Тереножкин* полагает, что в науке не существует двух проблем – киммерийской и скифской, а есть одна – киммерийская; отождествляет последних со срубной культурой; полагает, что история киммерийцев прослеживается от эпохи средней бронзы до начала скифского периода (*Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976. С. 19, 186). В последнее время группа украинских археологов определила срубную культуру как культурно-историческую общность. На ее фоне можно выделить отдельные археологические культуры, в том числе на территории Северного Причерноморья – сабатиновскую XIV–XII вв. до н.э. и белозерскую XII–X вв. до н.э. (*Березанская С.С., Отроценко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 42, 115, 153). Сабатиновскую культуру некоторые исследователи связывают с киммерийцами (*Черняков И.Т.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев, 1985. С. 148). *М.И. Артамонов* считает киммерийскими большие курганы Прикубанья с захоронениями катакомбного типа (*Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 23). Эта точка зрения нашла своих сторонников – *Т.Б. Попова*, *И.Т. Кругликова*, *П.Д. Либеров*, *А.П. Смирнов*, *Б.Н. Граков* и др. (*Нейхардт А.А.* Указ. соч. С. 67–72). Ряд исследователей приписывает кобяковскую культуру Нижнего Дона киммерийцам (*В.А. Городцов*, *О.А. Кривцова-Гракова*, *А.И. Тереножкин*, *А.М. Лесков*). *Э.С. Шарафутдинова* считает, что нельзя рассматривать “кобяковскую культуру как один из непосредственных генетических предшественников киммерийской культуры” (*Шарафутдинова Э.С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // *Свод археологических источников.* М.; Л., 1980. Вып. I–II. С. 75). Предпринималась попытка приписать киммерийцам и кобанскую культуру (*Ельницкий Л.А.* Киммерийцы и киммерийская культура // *Вестник древней истории.* 1949. № 3. С. 14–25). *Н.Л. Членова* включила кобанскую культуру в так называемую киммерийско-карасукскую общность Евразии (*Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 134), а ныне киммерийцам она приписывает и кобанскую, и колхидскую, и выделенную ею каменноостско-березанскую культуры (*Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С. 81). Против этой точки зрения выступили *А.А. Иессен*, *С.Л. Дударев* и др. (*Иессен А.А.* Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // *Вопросы скифо-сарматской археологии (ВССА).* М., 1954. С. 131; *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. С. 111; *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 13; *Он же.* К характе-

ристике находок сибирско-казахстанского облика из древностей Пятигорья и бассейна р. Терека: (конец II–I тыс. до н.э.) // V Крупновские чтения. Махачкала, 1975. С. 45–47.

¹⁸ Давудов О.М. Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1983. С. 43–56; Он же. Хосрехское святилище (Дагестанская АССР) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 277–285.

¹⁹ Геродот. История. I, 103–104; IV, 12.

²⁰ По Л. Мровели у кавказских народов – картлийцев, ранов, моваканов, мегрелов, кавкасионов, эров, леков и других – был единый отец по имени Таргамос. Он назван сыном Таршиса, внуком Яфета – сына Ноя. После разрушения Вавилонской башни и разделения языков Таргамос со своим племенем расселился в промежутке между горами Арарат и Масис. Когда же население увеличилось, Таргамос поделил земли, принадлежавшие ему, между своими детьми. “Земли же к северу от Кавказа не только не были уделом Таргамоса, но не было и жителей к северу от Кавказа. Были безлюдными пространства те от Кавказа до Великой реки, что впадает в море Дарубанское. Потому-то и избрал (Таргамос) из множества героев двух – Лекана и Кавкаса. Дал Лекану земли от моря Дарубанского до реки Ломеки, к северу – Великой реки Хазарети. Кавкасу – от реки Ломека до рубежей Кавказа на западе (*Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 21–22).*

Лекос – этнический предок народов Дагестана – леков. Леки – грузинское название народов Дагестана. В античных источниках оно звучит как леги. В трудах грузинского писателя X в. Евфимия Святогорца этнонимом леки названы албаны (*Кекелидзе К.С. Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе // Этюды. Тбилиси, 1956. Т. I. С. 178).*

²¹ За сведением о двоюродном брате скифского царя, которому дарили завоеванные земли, у Леонтия Мровели можно усмотреть факт участия в скифских походах родственников им племен.

²² Мровели Л. Указ. соч. С. 25 и др.

²³ Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // ВССА. М., 1954. С. 186–194; Он же. Древняя история Северного Кавказа. С. 54–75; Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ // Сб. ст.: К 60-летию Е.И. Крупнова. Грозный, 1964. С. 21–48; Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 106–109.

²⁴ Дьяконов И.М. История Мидии: От древнейших времен до конца IV века до н.э. М.; Л., 1956. С. 242–254, 280–292.

²⁵ Геродот. История. III, 97.

²⁶ Там же. С. 336–361; Рыбаков Б.А. Путешествие Геродота в Скифию // Курьер ЮНЕСКО. 1977, янв. С. I–III; Он же. Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. М., 1979. С. 169–184; Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.

²⁷ Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 33–36; Он же. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976. С. 48–51.

²⁸ Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 49–52.

²⁹ Давудов О.М. Берикейский могильник скифского времени. С. 128–135; Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В. Указ. соч. С. 136–144.

³⁰ Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 34–46; Давудов О.М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. С. 25–37.

- ³¹ О земледелии см.: *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 97–101; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 111–116.
- ³² О скотоводстве см.: *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 101–104; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 116–119.
- ³³ *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 119–123.
- ³⁴ Там же. С. 123.
- ³⁵ О керамическом производстве см.: *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 104–106; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 123–124.
- ³⁶ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 106.
- ³⁷ В это время, очевидно, функционировала международная торговая дорога, связывающая Закавказье и Переднюю Азию с Юго-Восточной Европой через Прикаспийский коридор.
- ³⁸ *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 127–134.

Глава пятая

Возникновение государства на Восточном Кавказе

§ 1. Дагестан в составе Кавказской Албании

Вторая половина I тыс. до н.э. ознаменована важнейшими историческими событиями, определившими ход развития Северо-Восточного Кавказа, особенно Дагестана. Наиболее значительные из них – формирование Кавказской Албании – государства, тесно связанного экономическими и культурными узами со странами Передней Азии и Закавказья, и проникновение в Предкавказские степи ираноязычных степных сарматских кочевников. Древние письменные источники содержат разнообразные сведения античных, армянских, грузинских авторов о событиях V–III вв. до н.э. Для нас представляют интерес и сообщения арабских и местных авторов о Северо-Восточном Кавказе и Дагестане.

Большую ценность представляют сведения Геродота (490/480 – около 425 г. до н.э.) о Каспийском море как о замкнутом бассейне, о народах Восточного Кавказа, о походах скифов и др.¹ Эти сведения пользуются заслуженным доверием. Более полные сведения о Восточном Кавказе принадлежат Страбону (65 г. до н.э. – 21 г. н.э.), в “Географии” которого сохранились отрывки из многих произведений древнегреческих авторов (чьи сочинения оказались утерянными); Метродора Скепсийского (казненного в 70 г. до н.э.), Гиппократата, Феофана Митиленского, Эратосфена (276–194 гг. до н.э.), Посидония (около 135–151 гг. до н.э.), спутников Помпея по Кавказскому походу. Именно поэтому труд Страбона – ценный источник по истории и этнографии предков современных народов Грузии, Армении, Восточного и Северного Кавказа.

Важные сведения о Кавказе содержат биографии Лукулла, Помпея, Красса и Марка Антония. О племенах Восточного Кавказа, в частности об албанах, упоминает ряд авторов I в. до н.э. – I в. н.э. Наиболее ценными среди них были данные Плиния Старшего и Клавдия Птолемея. В “Географическом руководстве” последнего приблизительно определено месторасположение Кавказской Албании и ее географических объектов. Ряд положений этого труда был использован арабскими (ал-Хорезми “Картина земли”) и армянскими (“Армянская география”) учеными.

Особое место среди древних источников занимает “История Албании” Моисея Каганкатваци, дошедшая до нас в 40 списках. Первые две части этой книги охватывает период от древности до конца VII в., третья посвящена событиям начала VIII – конца X в. Некоторые материалы по истории Дагестана заимствованы Каганкатваци из сочинений армянских авторов – Агафангела (V в.), Фавстоса Бузанда, Моисея Хоренаци (первая половина V в.), Лазаря Парбского, Корюна, Егише и др.

Сведения по истории Дагестана содержит “Картлис цховреба” Леонти Мровели, грузинского автора XI в. В нем изложены события, свидетелем ко-

торых был автор, использованы не дошедшие до нас древнегрузинские источники, труды античных и древнеармянских авторов.

Истории Дагестана посвящены сочинения сирийских (Захарий Ритор) и арабских (ал-Истахри, Ибн-ал-Факих, Ибн-Хордад-бех, Кудама, Ибн-Хаукаль, Хамдула Казвини, Садик Исфагани, Абу-л-Фед и др.) авторов, а также труды местных ученых (Мухаммеда Абваби-Акташи, “Дербенд-наме”, “Гюлистан-Ирам” Абас-Кули-ага Бакиханова) и др.

Письменные источники фрагментарны, но они могут быть привлечены для написания истории Дагестана албанского времени в качестве вспомогательного материала. Основным же источником служат археологические памятники. Они в совокупности с данными смежных наук позволяют решать актуальные проблемы. К ним относится вопрос о политических границах Кавказской Албании, о времени формирования государственности и др.

Становление албанской государственности было обусловлено распадом Персидской империи Дария III (Кодомана), произошедшего в результате поражения в битве при Гавгамелах в 331 г. до н.э. с войском Александра Македонского². В это время на исторической арене появляются албаны³. О существовании в Албании царской власти в IV в. до н.э. свидетельствует сообщение о поднесении албанским царем Александру Македонскому подарка – двух собак, способных победить слона и льва⁴. Однако одни исследователи относят время формирования государственности в Албании к III в. до н.э. (Дж.А. Халилов), другие – ко II в. до н.э. (К.В. Тревер)⁵. Кавказская Албания на различных этапах своего развития занимала разные территории. В отдельные периоды наибольшего военно-политического могущества в него входили значительные районы Азербайджана, Грузии и Дагестана. При этом вопрос о вхождении Дагестана в состав Албании до сих пор окончательно не решен. Одни исследователи считают, что северные границы Албании проходили по Дербенту, другие отодвигают их до р. Сулак и дальше⁶. Причины разногласий кроются в слабой осведомленности древних авторов о географии Восточного Кавказа. Большинство античных авторов представляло Кавказ как единую цепь гор. Лишь Страбон и Птолемей знали о других горах, Керавнских, имеющих ответвление от Главного Кавказского хребта⁷. Они ответвляются от Главного Кавказского хребта в том месте, где помещены тушеты и диды-дидои. Это позволяет сравнить Керавнские горы с Андийским хребтом или хребтом Кьорилам⁸.

Вместе с тем в указании географических пунктов греко-римские источники единодушны. В частности, различные авторы упоминают одни и те же реки, протекающие по Албании и впадающие в Каспийское море: Куру, Камбиса, Кайсия, Герр и Соану. Севернее Соаны на территории Азиатской Сарматии упоминаются впадающие в Каспийское море Алонта, Удон и Ра⁹. Ученые единодушны в отождествлении Ра с Волгой, Удона с Камой и Алонты с Тереком. Не вызывает спора и отождествление Кира с Курой, Камбиса – с Иори. С главными водными артериями Восточного Кавказа, расположенными между Курой и Тереком и впадающими в Каспийское море, сопоставляются Албана, Кас-Кайсий, Герр и Соана. Некоторые из этих рек носят названия, возникшие в средневековье, – Сулак и Самур (Сулак – от тюр. Су – вода; Сулак – обильная вода, полная вода; Самур – от Сам – этнополитического образования и лезг. ур. – вода, река)¹⁰, другая, как, например,

Гюльгеречай в Южном Дагестане, сохраняет в составе гидронима древнее название (Герр). Соану одни авторы сопоставляют с Сулаком, другие – с Самуром, третьи – с Тереком или его притоком Сунжей или Аргуном. С Сулаком последние отождествляют р. Сондас или Тсондас, известную по одному из списков “Географии” Птолемея. Если Птолемей действительно ошибся и принял приток Терека за самостоятельную реку, то может быть принято сопоставление Соаны с Аргуном, известным по географическим работам XVII–XVIII вв. под названием *Сона*¹¹. Это дает дополнительную возможность для отождествления Гюльгеречая с Герр, Самура с Кас или Кайсием.

С названием рек связаны некоторые из упомянутых античными авторами в Кавказской Албании 26 племен (каспиев, удин, албан, гаргареев, миков, кетов, сильвов, лбинов-лупениев, содов-исондов, гелов, легов, дидур, тидиев и др.), принадлежавших к восточнокавказской или нахско-дагестанской ветви иберийско-кавказской языковой семьи. Удины, бесспорно, составлявшие часть населения Кавказской Албании, говорили на языке, относящемся к лезгинской группе дагестанских языков. Античные авторы отмечают высокий рост, светлые волосы, серые глаза албанского населения¹². Это характерные признаки широко распространенного в Центральном Предкавказье, а также в Западном и Центральном Дагестане (аваро-андо-цунтинцы, лакцы, даргинцы, рутулы, арчинцы) кавкасионского антропологического типа. Гелов и легов принято связывать с предками современных аварцев, даргинцев, лакцев и лезгин. Вместе с тем большинство арабских средневековых авторов сопоставляют ал-Лакз (легов-леков) с предками современных лезгин. Однако некоторые арабские, все античные, армянские и грузинские источники распространяют этот этноним на все население Дагестана. Грузинский летописец Леонти Мровели прямо называет эпонима одного из аварских племен Хозаниха “самым знаменитым в роду Лекана”¹³. Этноним “лак-цы” сохранился за населением, занимающим долину Казикумухского Койсу и поныне. Сами леги вместе с гелами локализуются между албанами и амазонками на территории Дагестана и северных районов Азербайджана, примыкающих с востока к Большому Кавказу. По сведениям Леонти Мровели, наиболее значительная часть легов, именуемая Хозанихети или Хунзы, мигрировала из-за нападений скифов в районы Горного Дагестана. При этом удастся уточнить территорию, занятую собственно гелами, – в устье р. Гюльгеричай, сопоставляемой с Герр. Каспиями была занята территория в устье р. Кас, или Кайсий, сопоставляемой с Самуром. Ранее каспии находились в составе XI сатрапии Ахеменидской империи и занимали устье р. Кур. Под этим этнонимом, видимо, скрывался довольно значительный конгломерат близкородственных племен, оставивших память о себе в различных топонимах и гидронимах, встречаемых на обширной территории Восточного Кавказа. Одним из них было название Кас-Кайсий.

Основная группа албанских племен занимает горные районы. Сильвы (шиллы, шиблы, чишлы, джиглы), например, локализуются поблизости от Шагдагских высот, а лбины (лупение) – у их подножия, с южной стороны. В Шагдагской зоне проживали и кеты¹⁴, этноним которых созвучен с самоназванием хиналугского населения *кет*. В горах Западного Дагестана (современный Цунтинский район) размещаются диды (дидойцы), северо-восточнее их, в Цумадинском районе, – тидии (тиндинцы). Недалеко от дидойцев и

тиндинцев, на территории современного Ботхлихского района и Ичкерии (Чеченская республика), жили соды, исонды, андаки и др.

Мы не имеем сведений о многих племенах, населяющих территорию Кавказской Албании. Они скрывались под собирательным этническим наименованием “албаны” и занимали огромные просторы от горных склонов Малого Кавказа на юге до Керавнских гор на севере. Вместе с тем источники выделяют и самих албан. Происхождение названия *Албания* в передаче греко-римских источников и *Алванк* армянских источников до сих пор остается невыясненным. Армянский историк Моисей Хоренаци выводил название *Алванк* от имени мифического родоначальника рода Сисака-Алу, за кротость нрава которого унаследованная им страна (Албанская равнина и горная часть от Аракса до крепости на р. Кура, у границ Иберии) получила название *Алванк* от армянского *Алу*, *Аху* – “приятный”, “кроткий”¹⁵. Эту же версию повторяет Моисей Каганкатваци, который называет родоначальника албан Сисака-Аран¹⁶. Одни ученые пытаются объяснить этот этноним от латинского понятия *albi* – белый в смысле свободный (А.К. Бакиханов)¹⁷, другие – в слове *Албания*, как и в названии *Дагестан*, видят содержание “Страна гор” (Н.Я. Марр)¹⁸.

Необходимо иметь в виду и то, что современных аварцев, известных под самоназванием *маарулал* – горцы, ахвахцы называют албами¹⁹.

Таким образом, все упомянутые племена албанского круга локализируются в пределах Азербайджана, Восточной Грузии и Дагестана, т.е. Кавказской Албании, северные границы которого ограничены Керавнскими горами (Андийским хребтом) и р. Соаной (по более поздней грузинской транскрипции – Сона), соответствующей Аргуну – притоку Терека. Именно последний, который отождествляли с р. Мермодаль, служил границей между Гелами и Легами, с одной стороны, и амазонками – с другой. По надписи III в. персидского царя Шапура I на Кааба-и-Зардушт Кавказская Албания упоминается рядом с Махелонией (осетинское название Ингушетии), находящейся по обе стороны Главного Кавказского хребта, рядом с тушинами. До системы Аргун-Терек простирается и археологическая культура Дагестана, входящая в восточнокавказскую или албанскую историко-культурную общность. Эта общность соответствует албанской этнической общности. Но она была приобщена к историческим процессам, происходящим в Юго-Восточной Европе и Северном Кавказе благодаря проникновению в III–II вв. до н.э. сарматских кочевников в предгорья Северного Кавказа. Они оказали значительное влияние на местное оседлое земледельческое население. По мнению некоторых исследователей, кочевники вместе с коренным албанским населением Дагестана даже образовали особую этнополитическую группу – утидорсов. Между тем связь удинов, населявших, по словам авторов античных исторических сочинений, побережье “Каспийского пролива”, с албанскими удинами не установлена. Этноним северных удин связан с гидронимом р. Удон (Уд-дан), что уточняет территорию их расселения в устье этой реки, отождествляемой с современной Кумой²⁰.

Утидорсы локализируются еще севернее. Вместе с тем и сарматские аорсы, и угро-финские удины, и сармато-угрофинские утидорсы и другие, видимо, при своем кочевом образе жизни проникали в район Приморского Дагестана, вступая в тесные культурные, экономические и, возможно, этниче-

ские контакты с местным населением. Как известно, аорсы контролировали Прикаспийскую торговую дорогу Эктабана–Танаис, проходящую через Дербентское дефиле. Это означает, что сарматы проникали не только в Дагестан, но и в Закавказье, и в страны Передней Азии. Контакты между дагестанскими и сарматскими племенами подтверждаются находками в грунтовых могилах Дагестана, где обнаружены разные конфигурации костяков: на спине, кости ног перекрещены в голенях, кисти рук лежат на тазовых костях, поясе или груди. Рядом были найдены остатки предметов сарматской культуры: разбитые зеркала, керамика, оружие (с меловой подсыпкой). Наиболее часто эти предметы встречаются на Таркинском могильнике и реже попадают по мере удаления на юг и в горы.

С I в. н.э. активизировались аланские племена на Северном Кавказе. Они активно вмешивались в политическую жизнь кавказских народов, совершали походы через Дарьяльский и Дербентский проходы в Армению, Парфию, Атропатену, доходили до Каппадокии в Малой Азии. Особенно опустошительными были походы 72 и 135 гг. В первом принимали участие местные северокавказские племена, в том числе дагестанские леки, дидои и др. Аланы и горские северокавказские племена совершили нападение на Армению и в 213 г.

О нахождении сармато-аланских кочевников в Дагестане свидетельствуют подкурганые катакомбные могильники, расположенные в районе Львовских хуторов, ст. Манас, в районе Андрейаульского городища, городов Дербент и Хасавюрт.

Хотя сармато-аланские племена и проникли в Дагестан, оказав заметное этнокультурное воздействие на местное население, говорить о сколько-нибудь заметной его иранизации, как это имело место в Центральном Предкавказье, не приходится.

Вхождение в сферу культурного, экономического и политического влияния Кавказской Албании и сармато-аланских кочевников определило характер материальной культуры населения Дагестана, отличающейся в III в. до н.э. – IV в. н.э. своеобразием. Это хорошо прослеживается по материалам бытовых и погребальных памятников.

§ 2. Бытовые и погребальные памятники, материальная культура

Укрепленные и неукрепленные поселения. Такие поселения расположены в удобных для развития многоотраслевого хозяйства местах, поблизости от благоприятных для возделывания земледельческих террас, сенокосных лугов и пастбищ, поблизости от водных источников и рядом с транспортными коммуникациями. Тем самым обеспечивалась возможность одинаково удобной эксплуатации как летних, так и зимних пастбищ, а также безопасности населения.

Среди дагестанских населенных пунктов Кавказской Албании были обнаружены три типа поселений: с оборонительными стенами и цитаделями внутри укрепленной территории, как правило, в привилегированной зоне

(Урцекское, Таргунское, Чичикарское, Кулецминское и другие городища); с оборонительными стенами, но без цитаделей (Охлинское, Нижнечуглинское, Меседилмицирское, Мамаульское, Генторунское и другие городища); простые поселения без каких-либо укреплений (Сиртич, Ганзир и др.). Укрепленные и неукрепленные поселения расположены компактными группами вокруг наиболее крупных городищ с цитаделями, в которых можно было разместить 5–8 тыс. человек, что соответствует принятой норме населения городов²¹. Эти городища могут быть рассмотрены в качестве торгово-ремесленных и административных центров того времени.

Фортификационные сооружения состоят из оборонительных стен толщиной от 1 до 4,5 м, с системой башен, а также цитаделей. Оборонительные стены возведены посредством панцирной кладки с забутовкой межпанцирного пространства мелким камнем, щебнем и землей. На отдельных участках в систему стен Урцекского городища включены циклопические блоки. А для возведения стен в материковом основании скалы вырублены ложа. Урцекские стены сложены без скрепляющего раствора, а таргунские стены и стены городищ Левашинского плато – с применением глины. Древнейшие оборонительные стены Дербента возведены из бутового камня, без скрепляющего раствора, а в последующий период стала применяться та же техника, что и в Урцекском городище или Левашинском плато, т.е. панцирная кладка с забутовкой межпанцирного пространства мелким камнем и глиной²². В систему этих стен встроены и каменные башни. При их строительстве в полной мере учтены особенности рельефа. В стенах цитаделей имеются резкие повороты и уступы, позволяющие вести фланговый обстрел. Эти дагестанские фортификационные комплексы отличаются от сооружений городищ Азербайджана этого времени, где они представлены земляными валами, а с I в. н.э. – сырцовыми стенами и рвами²³.

Для дагестанских укрепленных поселений с цитаделями характерна довольно выразительная архитектура. Дворцовые и храмовые сооружения, как правило, расположены в привилегированной зоне городищ. Дербентские многокомнатные дворцовые комплексы находятся на территории цитадели. В стенах этих дворцов найдены вставки из орнаментированных камней. Для интерьера характерны глинобитные полы, обмазанные сверху светлой глиной²⁴. На Таргунском городище остатки дворцового или храмового комплекса, найденные в цитадели, представляют собой руины многокомнатного здания в виде вытянутого четырехугольника с портиком, от которого сохранились фундамент каменных стен и попарно расположенные каменные базы из-под деревянных колонн – одна квадратная со стесанными углами и пять барабанообразных, украшенных вертикальными валиками²⁵.

Жилые помещения простых общинников, расположенные на территории укрепленных и неукрепленных поселений, состоят из одной или двух, реже трех прямоугольных комнат. К дому примыкал огражденный дворик. Одни жилища возведены целиком из камня. В структуре других жилищ встроены турлучные перегородки, причем стена комнаты могла быть полностью турлучной, либо частично. Для интерьера этих помещений характерны пристенные печи открытого типа и глинобитные полы – “кор” или “коры”.

Могильники. Грунтовые могилы Дагестана имели различные формы: овальные и вытянутые, четырехугольные. Кроме того, на могильниках обнаружены каменные склепы с костяками от 5 до 49 погребенных. В конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. появляются каменные ящики (цисты) и каменные гробницы – грунтовые могилы с обложенной каменной кладкой стенами. В них были найдены скелеты, скорченные на левом или правом боку, полускорченные, вытянутые на боку, спине с разными положениями ног и рук. Иногда скелеты положены ничком, или находятся в сидячем положении. Встречаются вторичные погребения и погребения отдельных черепов. Ориентация неустойчивая, но преобладает северо-западная, восточная и юго-восточная. Под отдельными костяками встречаются следы подстилки или вымостка из каменных плит. В некоторых случаях полы могил усыпаны мелом. Около костяков найдены угольки, остатки заупокойной пищи, посуда, предметы вооружения, орудия труда, votивные предметы и реже конский убор, захоронения коней и собак²⁶.

Материальная культура. Наиболее выразительно признаки, определяющие характер культуры Дагестана албанского времени, выражены в керамике, предметах вооружения, в украшениях и в культовых изделиях. Керамические изделия представлены традиционными лепными, обмазанными и заглаженными кухонными горшками, баночными сосудами, мисками-плошками и сковородками, столовыми серыми лощеными и красными ангобированными мисками и кувшинами разнообразных форм и размеров, кружками, горшками, вазами, тарными серыми лощеными и нелощеными крупными хумами и корчагами, ритуальными серыми лощеными курильницами, зооморфными сосудами, чаще всего украшенными резным геометрическим орнаментом. Среди блюд, кувшинов и водолеев, сделанных из бронзы, выделяется ирагинское серебряное блюдо в форме низкой фиалы, изготовленное в технике чеканки с чернью и позолотой. В систему орнаментальной композиции сосуда была включена астрологическая диаграмма, появление которой невозможно без значительных практических знаний в области астрономии. Предметы вооружения представлены железными мечами и кинжалами, а также наконечниками копий и стрел, пластинчатыми чешуями панциря, многие из которых находят аналогии в сармато-аланском мире. Защитную роль могла выполнить и куртка из кожи крупного рогатого скота, служившая основой доспеха, и войлочные накидки-бурки. Среди защитного оружия, видимо, были щиты и шлемы. Предметы конского убора, тесно связанные с военным делом, также имеют много общего с находками из сармато-аланского мира. Последние оказали на военное дело и способы взнуздания коня оседлых земледельцев сильное влияние. По Страбону, воины-горцы были снаряжены подобно скифам и сарматам: вооружены дротиками и луками, имели панцири, большие щиты и шлемы из звериной кожи²⁷. По Плутарху, большинство сражавшихся с римлянами албанов имело снаряжение из звериных шкур (*pisurna*)²⁸. По-видимому, речь идет о бурках.

Многочисленные украшения и туалетные принадлежности разнообразных форм и размеров свидетельствуют о своеобразии местной культуры и культурно-исторических контактах с сопредельными народами и племенами. Среди культовых предметов выделяются терракотовые женские стату-

этки без головок с изображениями ожерелий на груди и шее. Аналогичные фигурки в Азербайджане связывают с парфянской пластикой.

Таковы общие признаки, характеризующие дагестанскую археологическую культуру III в. до н.э. – IV в. н.э. Она распространена на обширной территории исторического Дагестана от Северного Азербайджана до системы Терек-Аргун. Внутри нее выделяются локальные варианты, соответствующие этническим группам и племенным образованиям.

§ 3. Хозяйство Дагестана в III веке до н.э. — IV веке н.э.

Северо-Восточный Кавказ, в том числе и Дагестан, представляет собой географическую провинцию со сложным, сильно расчлененным рельефом и столь же разнообразными климатическими условиями, соответствующими почти всем климатическим поясам просторов Российской Федерации и стран СНГ. Столь же разнообразен в Дагестане и почвенный, растительный и животный мир²⁹. Все это создавало благоприятные условия для развития многоотраслевого хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве.

Земледелие. Сохранившееся до наших дней пашенное орошаемое и неорошаемое земледелие было распространено в Дагестане, включенном в состав Албании³⁰.

Основным орудием пахоты было рало, использование которого в Кавказской Албании засвидетельствовано Страбоном. Применение пахотных орудий с металлическими наконечниками позволило значительно расширить возделываемые участки и активнее осваивать горные склоны под земледельческие террасы. К этому времени учеными отнесены разные по структуре террасы, в том числе укрепленные “оборонительными” стенами. В Дагестане наряду с неорошаемым земледелием издревле практиковалось орошение. Земледелие в горных долинах, в Приморской равнине и в отдельных районах предгорий с жарким и сухим климатом невозможно без орошения. По Страбону, в Кавказской Албании орошали водой из рек и других водных источников³¹. Этнографические традиции Дагестана обнаруживают довольно развитую и рациональную систему ирригации, осуществляемую путем переброски воды с высоких уровней горных речек и родников на более низкие с помощью отводных каналов, акведуков и желобков.

Плодородие почвы, видимо, восстанавливали традиционным для дагестанской агротехники способом: внесением в почву навоза, помета птиц и золы, а также перепахиванием поля после уборки урожая, что позволяло закопать остатки растений в землю для их загнивания до новых посевов. Отдельные истощенные террасные поля, очевидно, оставляли под перелог.

Среди земледельческих орудий обнаружены мотыги, широко употребляемые и поныне для рыхления почвы, разбивания комьев и других работ. Намного чаще попадаются остатки жатвенных орудий – железные и кремневые составные серпы. Молотьбу производили на специально подготовленной глинобитной площадке – току с помощью молотильных досок. Ка-

менные вкладыши от таких досок обнаружены в Кутишинском и Нижнечуглинским городищах³².

Основными земледельческими культурами, возделываемыми в Дагестане со времен неолита, были твердые, мягкие и карликовые сорта пшеницы, голозерный и пленчатый ячмень, лен, бобы и др. В погребальных комплексах Шаракунского и Сумбатлинского могильников, в жилых сооружениях Ганзирского и Сиртичского поселений найдены зерна этих злаков.

Для хранения обмолоченного и просушенного зерна использовались большие тарные сосуды и специальные ямы.

Во время археологических раскопок были обнаружены и изучены печи для обжаривания зерна, предназначенного для помола – “кор-ы”, “кар-ы” или “корюк-и”³³. Помол производился на овально-вытянутых или прямоугольных зернотерках с помощью терочников. Кроме зернотерок при проведении раскопок на территории Дербента и некоторых районов Азербайджана того времени были найдены ручные жернова, которые позволили повысить производительность труда³⁴.

Садоводство и виноградарство. Показателем высокого уровня развития земледелия является садоводство и виноградарство, для которых в Дагестане имелись самые благоприятные условия. Здесь насчитывают не менее 80 видов и родов диких плодовых деревьев и кустарников: яблони, груши, черешня, алыча, боярышник, вишня, кизил, абрикос, лавровишня, малина, смородина, крыжовник, мушмул и другие, и из плодоореховых: грецкий орех, лещина, каштан. Дикий виноград распространен на территории всего Кавказа. В одном Дагестане в настоящее время выращивают не менее 150 местных сортов культурного винограда. Античные источники сообщают о виноградарстве в Албании³⁵. Первые достоверные сведения о развитии садоводства в Дагестане относятся к эпохе средней бронзы (Ирганай)³⁶. На албанских памятниках Азербайджана найдены остатки грецкого ореха, граната, семена айвы, обуглившиеся маслины. Семена садового винограда обнаружены в Карабудахкентском и Шаракунском могильниках.

Земледелие в своем развитии тесно связано со скотоводством. Так, обработка земли, перевозка урожая и другие работы производятся с помощью тягловых животных; навоз для удобрений полей получают при стойловом содержании скота, а земледелие давало скоту дополнительные гарантированные корма – обмолоченную солому, зеленые стебли, пищевые отходы, а также специальные злаки, выращиваемые для откорма скота (овес и др.).

Употребление для пахоты и молотбы тягловой силы, находки крупных емкостей для хранения запасов продовольствия, использование железных серпов для жатвы свидетельствуют о появлении в земледелии прибавочного продукта.

Скотоводство. В Дагестане албанского времени существовало высокоразвитое скотоводство³⁷. Среди памятников Дагестана найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиней, транспортных животных – ослов и лошадей, а также собак – спутников крупных стад (Хабада, Сумбатль, Куркли, Сиртич, Верхнее Лабкомахи и др.), а в предгорных

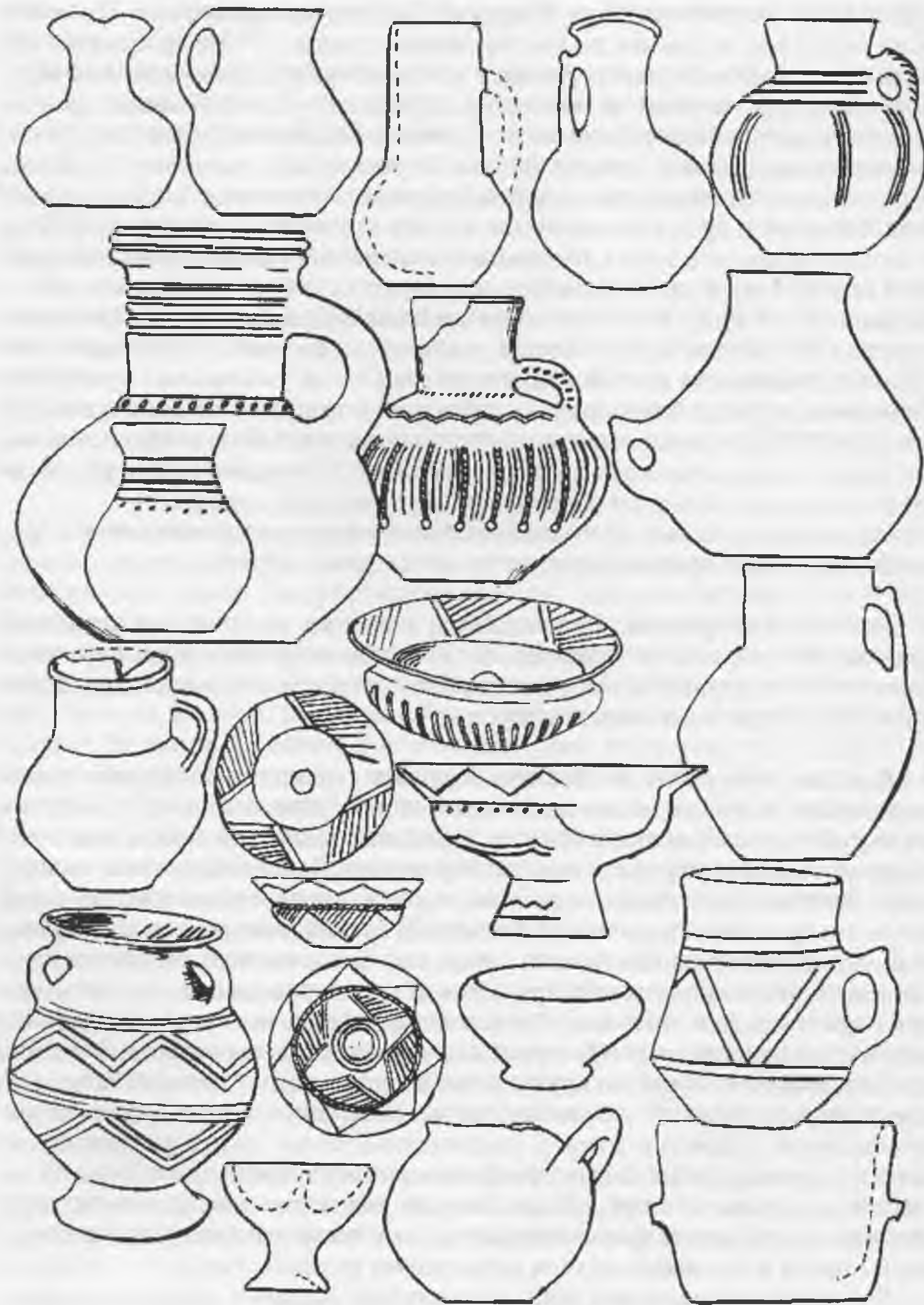
районах – и кости верблюда (Сиртич). То, что на сражение с Помпеем была выделена огромная по тем временам конница (12 тыс. всадников), свидетельствует о большом размахе коневодства в Кавказской Албании. Потребности в мясных и молочных продуктах удовлетворяли за счет мелкого и крупного рогатого скота и свиней. Кости этих животных на поселениях, как правило, раздроблены. О развитии молочного хозяйства свидетельствуют многочисленные находки керамических сосудов (маслобоек, цедилок и др.). Соотношение костей крупных и мелких животных позволяет выделить зону с абсолютным численным преобладанием крупного скота, зону с преобладанием крупного скота по продуктивности и предположить существование зоны с абсолютным преобладанием овцеводства. Это соответствует зонам равнины, предгорий, гор и высокогорий, выделенным на основании целого ряда этнографических признаков и в первую очередь благоприятных условий кормообеспечения и воспроизводства³⁸. Но во всех зонах прибавочный продукт получали за счет повышения количества скота и продуктивности. Последнее достигалось посредством рационального содержания и улучшения породы.

Скотоводство давало не только мясо-молочную пищу, но и ценное сырье для ремесленного производства: кожу, кость, рога, шерсть.

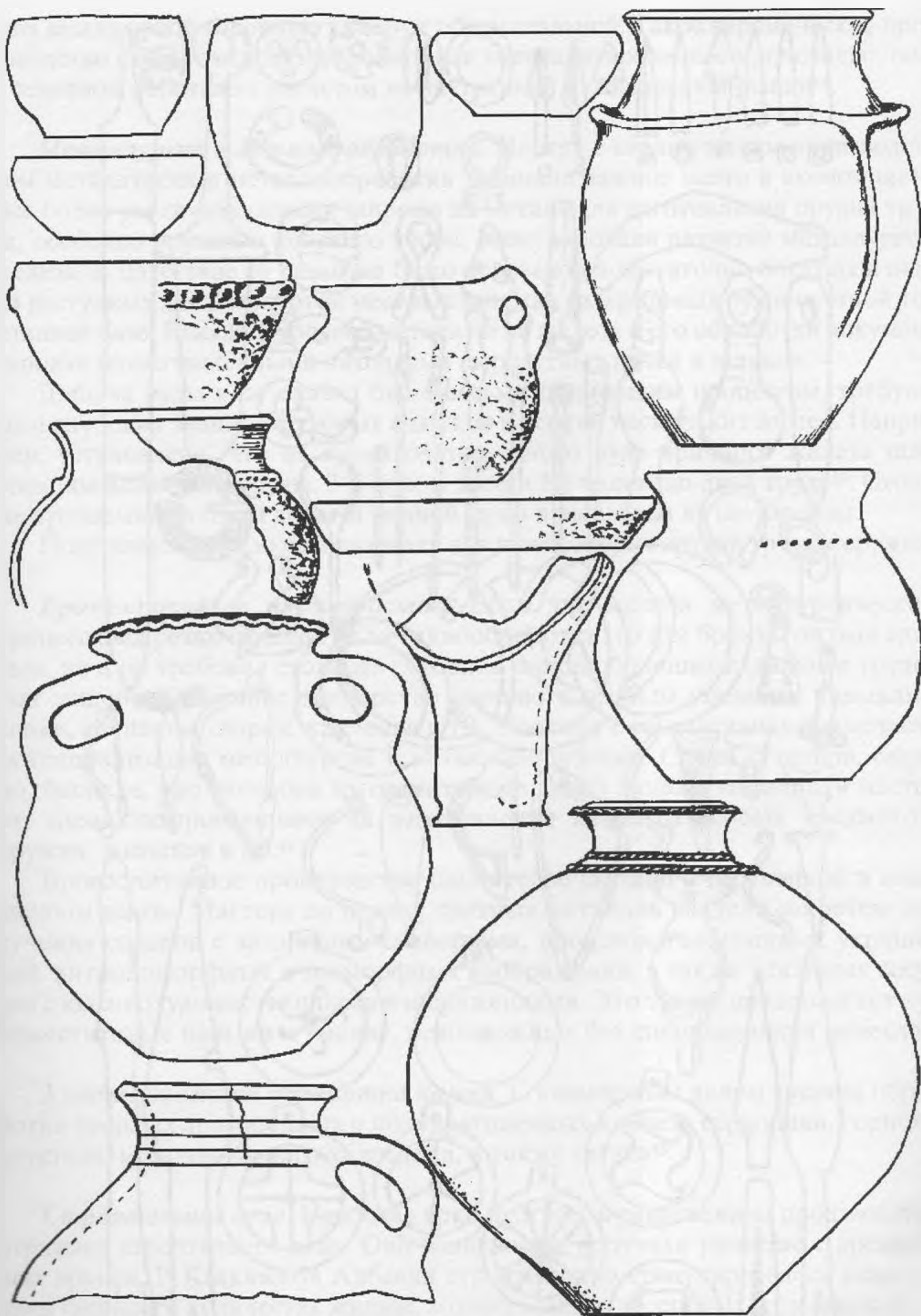
Ремесла и торговля. Значительное развитие получило ремесленное производство, главными отраслями которого было традиционное керамическое дело, металлургия и металлообработка, строительное дело, ткачество, обработка кости, кожи, камня и дерева³⁹.

Керамическое ремесло. Для изготовления керамики необходимо подобрать глины с определенными свойствами, сконструировать сосуд, обработать его наружную поверхность и обжечь. Малейшая ошибка на любом этапе этого процесса может ухудшить качество продукции, уничтожить итоги всей работы. Поэтому ремесленники должны были в совершенстве владеть всеми приемами производства, обладать большими трудовыми навыками, знать особенности химико-технологических процессов. Освоение всех тонкостей керамического ремесла возможно при условии существования института мастеров, подмастерьев и учеников. Организация ремесла могла происходить и в кровно-родственной среде. Прогресс же в керамическом производстве вызван использованием гончарного круга, позволяющим стандартизировать продукцию, и гончарной печи⁴⁰. Об употреблении гончарных кругов в Дагестане свидетельствуют отпечатки досок и следы подсыпки на донцах сосудов, следы пальцев мастера, оставленных при вращении на внутренней и иногда на наружной поверхности сосуда. Часть сосудов вылеплена на медленном круге или подвижной доске: формы доньев слегка асимметричны, на периметре днищ тарных и кухонных сосудов встречаются наплывы глины.

Для обжига применялись печи, позволяющие создать в обжигательной камере как окислительную, так и восстановительную среду. В гончарных печах одноярусной конструкции с обжигательной и топочной камерами, расположенными в одной плоскости, найдены обломки серых сосудов. Для обжига красной и белой ангобированной керамики, видимо, использовали двухъярусные печи с вертикальной системой расположения жаропроводящих продушин, связываю-

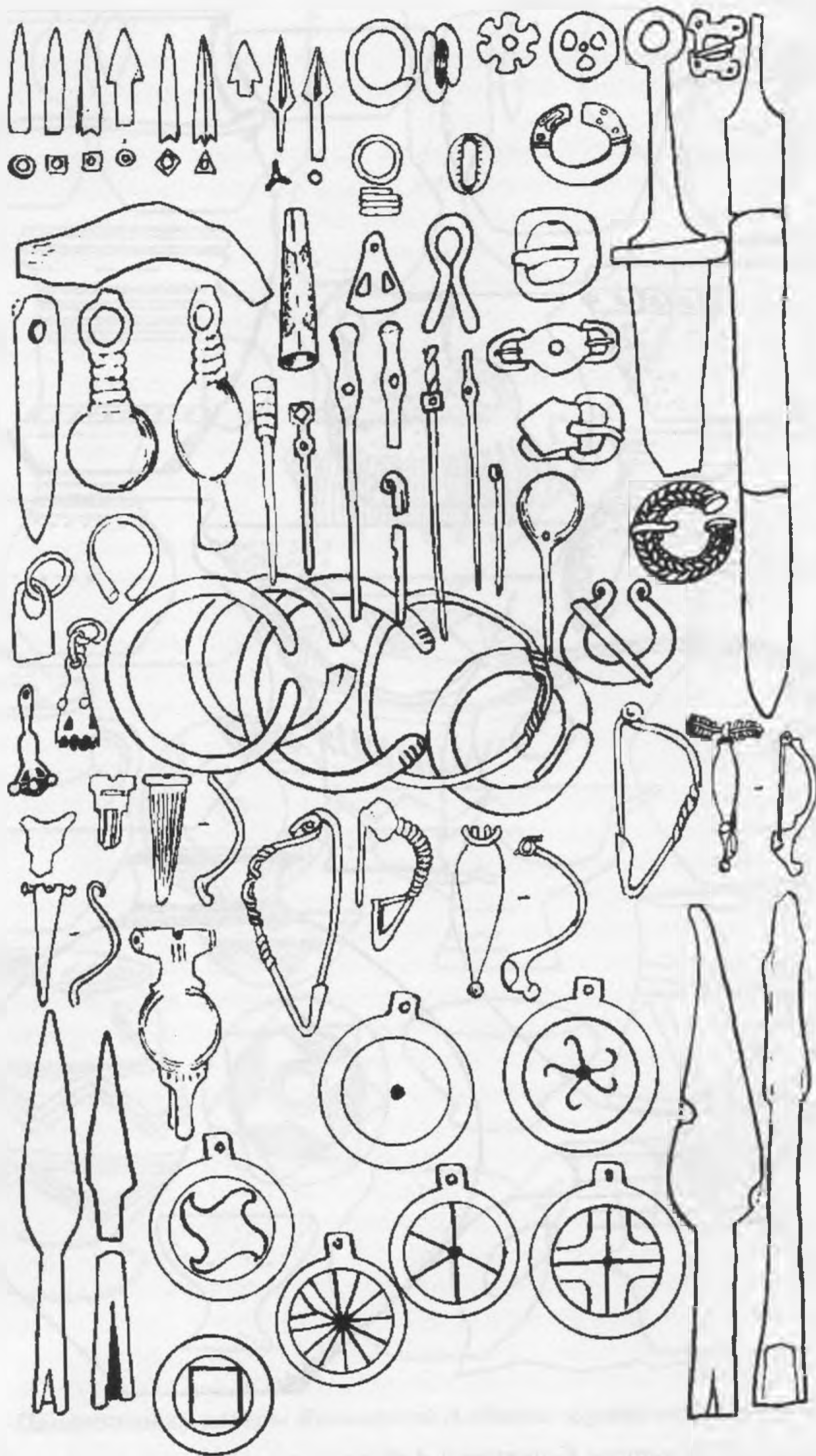

Памятники культуры Кавказской Албании: керамические сосуды

Памятники культуры Кавказской Албании: тарные и кухонные сосуды

*Памятники культуры Кавказской Албании:
металлический инвентарь*

щих между собой топочную камеру с обжигательной. Такое керамическое производство следует охарактеризовать как специализированное и, очевидно, оно в основном работало с расчетом на внутренний и отдаленный рынки⁴¹.

Металлургия и металлообработка. Наряду с керамическим производством металлургия и металлообработка занимали важное место в экономике⁴². Все более увеличивающиеся запросы на металл для изготовления орудий труда, особенно оружия и конского убора, стимулировали развитие металлургии железа. В Дагестане ее развитие было основано на достаточно богатых и легко доступных для разработок местных залежах сидеритовых руд и местной топливной базе. Высокий уровень металлургии железа и его обработки документирован многочисленными находками сыродутных печей и шлаков.

Добыча руды и ее плавка были весьма трудоемким процессом, требующим глубоких знаний, трудовых навыков и усилий нескольких людей. Например, установлено, что на производство одного пуда кричного железа шло большое количество руды, 3–4 куб. м дров и 5,5 человеко-дней труда⁴³. Столь же трудоемкими были добыча медной руды и выплавка из нее бронзы.

Полученное железо использовали для изготовления орудий труда и оружия.

Бронзолитейное производство. Если для железа металлургический процесс был резко отделен от металлообработки, то для бронзы он был единым, но и он требовал столь же глубоких знаний, больших навыков и трудовых усилий. Кузнечное мастерство связано с особым умением, навыкамиковки, клепания, сварки, кручения и т.д. Поэтому с самого начала намечается специализация металлургии и металлообработки. Среди кузнецов, видимо, были те, кто способен изготовить изделия из любого металла, и мастера, специализировавшиеся на изготовлении каких-то особых предметов, оружия, доспехов и др.⁴⁴

Бронзолитейное производство было тесно связано с торевтикой и ювелирным делом. Мастера по плавке цветных металлов владели секретом получения сплавов с заданными свойствами, производства изящных украшений, антропоморфных и зооморфных изображений, а также чеканных сосудов с высокохудожественными изображениями. Это также предполагает художественные навыки и умение, невозможные без специализации ремесла.

Художественная обработка камня. С ювелирным делом связана обработка твердых драгоценных и полудрагоценных камней: сердолика, горного хрусталя, молочно-белого халцедона, а также гагата⁴⁵.

Строительное дело. Наиболее ярко прогресс в ремесленном производстве отражает строительное дело. Оно появилось и получило развитие с древнейших времен. В Кавказской Албании строительство стимулировалось возведением большого количества жилищ, хозяйственных, дворцовых, храмовых, особенно фортификационных сооружений. Строительство красивых стен дворцов и сверхпрочных фортификационных комплексов требовало особых знаний и больших навыков, а трудоемкость – участия в трудовом процессе большого количества людей: мастеров и подсобных рабочих. Подготовка высококвалифицированных мастеров вызвала к жизни институт подмастерьев и учеников⁴⁶.

Обработка дерева. Со строительным делом и домашним бытом связана обработка дерева, изящная продукция с резным узором которой дошла до нас еще с эпохи бронзы. Различные хозяйственные, жилые и фортификационные комплексы нуждались в подпорных столбах, балках, дверях, окнах и др. Для бытовых нужд изготавливались чаши, блюда, подносы, ложки, различные мерные емкости и т.д. Для обработки дерева, т.е. раскола, обтесывания, стругания, распиливания, долбления, сверления, резьбы и выжигания, применялись различные приспособления и специальные инструменты. Чаша из Сиртичского могильника изготовлена с помощью механического приспособления вроде токарного станка, резец которого обнаружен на Урцекском городище. Здесь же найден специальный нож для изготовления ложек – ложкарь⁴⁷.

Прядение и ткачество. Изготовление войлока. Важной отраслью ремесленного производства было прядение и ткачество, традиции которых сохранились в Дагестане до сих пор⁴⁸. Изготавливались шерстяные и льняные ткани. Особой популярностью пользовались ткани, сшитые из верблюжьей шерсти. Они были тонкими и мягкими. Широкое применение, очевидно, находили естественные красители, в частности марена. Среди археологических находок в большом количестве представлены мелкие пряслица для изготовления тонкой пряжи, и массивные пряслица для толстой пряжи. Основным рабочим инструментом стал ткацкий станок так называемого дагестанского типа, образец которого был найден в Манасской катакомбе первой половины II тыс. до н.э.⁴⁹

Кроме тканей изготавливали паласы, хурджины, носки, разнообразные накидки и т.д.; из шерсти – войлочные подстилки, бурки, шляпы, обувь, ковры. Остатки войлочных подстилок нашли под различными погребенными дагестанских могильников. Описанную Геродотом одежду каспиев из “козьих шкур” (pisurna) можно принять за бурки, характерные для хозяйственно-культурных типов горных земледельцев.

Организация ремесел. Не все разновидности ремесел мы охарактеризовали, но и те, что описали, отражают их признаки и специфику производства. Все они были рационально организованы. Сложность и специфика ряда ремесел требовали участия в производстве не только мастеров, но и других лиц – подмастерьев, учеников, подсобных рабочих⁵⁰. Специализация ремесел предполагает наличие большого количества людей, оторванных от сельского хозяйства и нуждающихся в продуктах питания, одежде, обуви, в жилищах, в различных бытовых услугах и т.д. Земледельцы и скотоводы, в свою очередь, нуждались в ремесленных изделиях. Это стимулировало товарное производство зерна, овощей, фруктов, мяса, кожи, шерсти, орудий труда. Для регламентации производственного процесса, сбыта товаров, профессиональной подготовки, защиты интересов ремесленников были необходимы производственные корпорации, которые первоначально формировались на общинных принципах равенства всех членов.

Обмен и торговля. Посредниками между производителями и потребителями выступали специальные торговцы, так или иначе связанные с

государственной властью и правящей верхушкой. Прежде всего важную роль играла внутренняя торговля. Здесь особенно, видимо, преобладал натуральный обмен. Так, на Таркинском, Карабудахкентском, Бежтинском и других могильниках Дагестана встречаются изделия, выполненные в производственных центрах Прикуринской долины Азербайджана, в Табасаране и т.д. На Сиртичском и Ганзирском поселениях, а также на Урцекском городище обнаружены керамические сосуды с одними и теми же тамгообразными знаками, с едиными технологическими признаками, изготовленные из одного исходного сырья. Дагестанские товары поступали на довольно отдаленные внешние рынки. Так, при раскопках в районах Дона и Поволжья найдены серые лощеные миски, кувшины и курильницы, происходящие из Дагестана. На экспорт шли не только разнообразные ремесленные изделия, но и продукция земледелия и скотоводства, а также охоты и рыболовства. Среди них античные источники называют рыбу, клей и ткани из верблюжьей шерсти⁵¹. Ввозили предметы роскоши, реже – бытовые товары, утварь. Среди памятников материальной культуры Дагестана можно увидеть фибулы, зеркала, пряжки, браслеты с завязанными концами, разнообразные височные подвески, привески, туалетные коробочки, игольники, румяна, бусы из сердолика, пасты и стекла (в том числе с внутренней позолотой и посеребрением), из горного хрусталя, халцедона, янтаря, египетского фаянса и др. Многие из них происходят из производственных центров Северного Причерноморья и Дона, а также Нижнего Поволжья, Передней Азии и Закавказья. Особое место среди импортной продукции занимает олово – стратегическое сырье, необходимое для производства бронзы. Находки парфянских, македонских, бактрийских, селевкидских и римских монет и их кладов в Закавказье и на Северном Кавказе очерчивают линию торговой связи между Закавказьем и Подоньем – Нижнем Поволжьем. В Дагестане, в районе совхоза им. Герейханова (Сулейманстальский район) найдены два клада монет Птолемея III Эвергета (246–222 гг. до н.э.) и Антиоха IV Эпифана (176–164 гг. до н.э.)⁵². Эта линия связи соответствует упомянутому выше международному торговому пути Экбатана–Танаис. Существовали другие пути, связывающие Дагестан с сопредельными территориями через горные перевалы.

§ 4. Социальное и политическое положение

Формирование городов

Торговля оказала эффективное влияние на социально-экономическое развитие общества. Непосредственным результатом торгово-ремесленного развития экономики стала трансформация земледельческих поселений, расположенных на торговых коммуникациях, в города. Клавдий Птолемей упоминает на территории Кавказской Албании 29 наиболее важных населенных пунктов, в том числе особо важных городов. Естественно предположить, что существовали еще не упомянутые им в “Географии” мелкие населенные пункты. Только на территории Дагестана выяв-

лено более 50 городищ и поселений албанского времени. Большинство из них имеют небольшие размеры (6–7, реже 10 га), хотя встречаются и крупные – Таргу, Урцеки, Дербент, Верхние Лабкомахи (15–20 га). Все городища расположены в сравнительно обособленных геоморфологических зонах компактными группами с наиболее крупными городищами в центре. Это напоминает принцип расположения географических объектов на карте Кл. Птолемея и отражает этнополитическую и административную ситуацию края. В частности, на территории Дагестана локализируются города: Гелда и примыкающие к нему населенные пункты (Фиавна и Фабилака), Телейба и примыкающий к нему Филбис. Сделана попытка отождествления лишь одного из них, Гелды с досасанидским Дербентским городищем. Крупные дагестанские поселения (Таргу, Урцеки, Верхнее Лабко, Дербент и др.) имеют выразительные городоопределяющие признаки: дворцовые и храмовые комплексы, оборонительные стены вокруг поселений, обособленные цитадели в привилегированной зоне, благоустроенные улицы и площади для общественной жизни. Эти признаки окончательно сформировались к концу I тыс. до н.э., а стали они складываться со скифского времени (VII–IV вв. до н.э.).

Мелкие поселения были рассчитаны на проживание 2400–4000 человек, и они соответствовали сельским населенным пунктам, крупные – на 6–8 тыс. жителей. Такие населенные пункты соответствовали городам. Мелкие поселения были преимущественно связаны с земледелием и скотоводством, крупные – помимо этого – с торговлей и ремеслами. Иными словами, для Дагестана, как и для всей Кавказской Албании, характерно нерасчлененное единство города и деревни. Здесь города могут быть рассмотрены как экономический нарост. Они были также административными и религиозными центрами.

Социальный организм общества

Эти поселения были местом обитания гетерогенных общин с достаточно сложной социальной организацией. Они жили по военному принципу, что было одним из условий существования в качестве собственности⁵³. Общины состояли из нескольких родов – тухумов, расселенных по соседскому принципу. В один тухум входило несколько патронимий, в патронимию – несколько малых и неразделенных семей. Это подтверждают способы погребения. Членам малых семей принадлежали индивидуальные и парные погребения; неразделенных хоронили в коллективных усыпальницах. Неразделенные семьи, видимо, состояли из семи-восьми человек (из одной брачной пары и их детей или их женатых детей). Такой семье мог принадлежать дом из двух изолированных комнат на Ганзирском поселении. Характерная особенность неразделенных семей – наличие своего хозяйства, где они были полными собственниками земли и имущества. Потребление же ограничивалось рамками малых семей.

Общины в Дагестане обычно имели свои территории. Их члены обладали частной собственностью на пахотные земли и сенокосные угодья, на двор, скот и т.д., при общинной собственности – на пастбища. Члены общины имели равные права на пользование общинной собственностью и на ее

защиту. Органы управления общины состояли из Совета старейшин и Народного собрания, а также должностных лиц.

Судя по укреплению поселений оборонительными стенами, общинники вели обособленную жизнь и имели определенную самостоятельность. Расположение мелких поселений компактными группами вокруг крупных населенных пунктов, разветвленная сеть коммуникаций между поселениями, единство архитектурных, планировочных и фортификационных решений обусловлены существованием Союзов общин с центром в крупном населенном пункте (городище с цитаделью – город), где проживали жители наиболее многочисленной и могущественной общины и находилось управление этого Союза⁵⁴.

Эти союзы представляли собой составную часть структуры государственного образования. Находки остатков дворцовых и храмовых ансамблей, а также обособленных цитаделей документируют появление социальной верхушки общества – родоплеменной, военной и духовной аристократии. Очевидно, существовала торгово-ремесленная верхушка, знать среди земледельцев и скотоводов. Письменные источники упоминают в Кавказской Албании царя, жрецов и гегемонов. С аристократией связаны захоронения всадников и погребения с дорогостоящим инвентарем. Кроме того, к могилам аристократов (Сумбатли, Куркли и др.) прилегают останки от 10 и более коней, а также собак. Наиболее многочисленные рядовые погребения и остатки одно- и двухкомнатных жилых помещений принадлежат простым общинникам – земледельцам, скотоводам и ремесленникам. Социальным низам общества и убитым врагам принадлежат безынвентарные могилы насильственно умерщвленных людей. В могилах немногочисленной богатой прослойки встречаются отдельные черепа (иногда на блюде)⁵⁵. Предполагают существование в Кавказской Албании низшего социального, зависимого слоя населения типа иберских лаоев.

Таким образом, первая группа соответствует классу людей, владеющих средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других; вторая – классу людей, владеющих средствами производства и занятых производительным трудом; третья – классу людей не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом. Эта универсальная раннеклассовая структура одинаково характерна как для античного, так и для древневосточного мира. Однако высказывалось мнение, что общество с социальными низами типа лаоев при дальнейшем развитии приводит к формации восточного типа.

Политическая организация общества

Сама политическая организация общества – албанское государство – имела достаточно развитую систему управления, основанную на традициях переднеазиатских и закавказских государств. Оно сформировалось не позднее III в. до н.э. По Страбону, в Албании проживали племена во главе со своими царями. Позже эти племенные “цари” или вожди объединились под властью одного царя, ставшим также и верховным военачальником. Письмен-

ные источники донесли до нас имена трех древних албанских царей в греческой транскрипции – Оройса, Котиса и Зобера. Их власть опиралась на родоплеменную, духовную и военную аристократию и поддерживалась хорошо вооруженным войском. После 63 г. н.э. на албанском престоле появляется представитель аршакидской династии, правившей здесь до второй половины V в. Страбон называет албанских царей “замечательными”⁵⁶. Он же сообщает, что албаны сражаются “как в пешем строю, так и верхом в легком и тяжелом вооружении подобно армянам”⁵⁷. Сравняется албанское вооружение и с иберийским. “Албанцы вооружены дротиками и луками; они носят панцири и продолговатые щиты, а также шлемы из шкур зверей”⁵⁸. Многие из этих предметов вооружения найдены на памятниках Дагестана. О довольно внушительной силе албанского войска свидетельствует сообщение о 60 тыс. пеших и 22 тыс. конных воинов, выставленных Албанией против Помпея⁵⁹. Столицей государства был сначала г. Кабалака, а с раннего средневековья – Партав.

Судя по средневековым источникам, территория Кавказской Албании была разделена на области (гавары) и провинции (наханги). Область Чола на юге доходила до горы Бешбармак и включала в свой состав табасаранов (таваспаров), албан, чилбов (сильвов), легов, хачматаков, маскутов, хазар, гуннов и т.д. Эта административная система, очевидно, древнее раннего средневековья. Соответственно и область Чола на севере, видимо, простиралась до системы Терек–Аргун–Андийский хребет (Керавнские горы). Возможно, территория между Дербентом и Аргун–Терекком составляла отдельную провинцию и имела свое название и свой административный центр.

Политическая история

Кавказская Албания представляла собой достаточно развитое государство, способное проводить самостоятельную экономическую и политическую линию в Закавказье и Передней Азии. Особенно ярко это выразилось, когда албанам, как и другим народам Закавказья, пришлось бороться против Рима, пытавшегося захватить новые рынки и торговые пути в Малой Азии и Средиземноморье. В 60 г. до н.э. легионы Лукулла вторглись в Армению. Несмотря на большие силы союзников, в составе которых были и албаны, армянский царь потерпел поражение, его столица пала. Помпей, сменивший Лукулла, лишил армянского царя завоеванных территорий, объявил его “другом и союзником римского народа”, что означало его вассальную зависимость⁶⁰.

В 66–65 гг. до н.э. албанам самим пришлось отбиваться от римских легионеров. Видимо, римляне хотели использовать территорию Албании для нанесения удара Парфянскому государству с севера, и Помпей направил свои войска в район Куры. Здесь албанский царь Оройс во главе 40-тысячного войска решил первым атаковать римлян. Однако в декабре 66 г. до н.э., в кровопролитной битве он потерпел поражение. Неудачна была для албан и битва при Алазании в 65 г. до н.э. Потерпев поражение, Оройс вынужден был просить мира, послав Помпею письмо и богатые

подарки, в том числе и золотое ложе. Но Помпею не удалось пробиться к Каспийскому морю, и римляне не смогли включить Албанию в состав своей империи⁶¹.

В 36 г. до н.э. римские легионы под руководством Антония вновь вторглись в Закавказье с целью покорения его государств. Один из его полководцев, Канидий, поочередно нанес поражение армянам, иберам и албанам. В это время в Албании правил царь Зобер⁶². В каждом удобном случае албаны старались освободиться от номинальной зависимости Рима. Этим объясняется поход Октавиана-Августа в 20-х годах I в. в Закавказье с целью покорения римскому влиянию Армении, Иберии и Албании, а также подготовка императором Нероном в 68 г. до н.э. похода в Албанию с целью захвата Дербентского прохода (“Ворот каспиев”), имевшего важное стратегическое значение. Однако последний поход не состоялся из-за гибели Нерона, хотя впоследствии его намерения пытался осуществить Домициан. Интерес Рима к Албании не ослабевал и позже. Об этом свидетельствует высеченная в 84–96 гг. на скале у основания горы Беюк-Даш в Кобистане надпись: “При императоре Домициане цезаре Августе Германике. Люций Юлий Максим, центурион XII Фульмината (выполнил, сделал)”⁶³. В 114 г. вспыхнули военные столкновения между Римом и Парфией из-за Армении. В результате римский император Траян “отнял у парфян Армению, лишив ее венца царства Великой Армении, и присвоил себе. Албанам царя дал, иберов, боспорцев и колхов в римское подданство принял”⁶⁴. Преемник Траяна Адриан (117–138) прекратил военные действия и наладил с албанцами и иберами дружеские отношения. Между тем продолжалась традиционная дружба албан с иберами⁶⁵. Эта дружба служила залогом независимости и свободы народов Закавказья.

Постоянную тревогу в странах Закавказья и Передней Азии вызывали сармато-аланские кочевники, появившиеся в Предкавказских степях. С I в. аланы проникают в Грузию. В Албании они упомянуты в связи с походом Помпея в 65 г. до н.э.⁶⁶. Источники донесли до нас сведения об их походах в Закавказье в 35, 72 и 135 гг. Так, в 35 г. в войне Парфии и Армении, с одной стороны, и Иберии и Албании, с другой, обе противоборствующие стороны на помощь привлекают сарматские племена⁶⁷.

В 72 г. аланские кочевники предприняли грандиозный поход в Армению и Мидию. В этом походе, начатом по наущению Иберии, приняли участие и земледельческие оседлые племена северокавказских горцев, в частности “пачаников и джиков”, “леков”, “дурдзуков и дидов”⁶⁸. Они, видимо, прошли через Дарьяльский проход и “произведя грабеж с большой легкостью и без сопротивления, дошли до Армении, все опустошая”⁶⁹. На обратном пути аланские отряды были настигнуты армянским полководцем Сумбатом Бивритианом (Смбат Бюрат) и наголову разбиты. Это положило начало долгим алано-армянским междуусобицам: “И стали овсы мстить армянам”⁷⁰. Здесь на первый взгляд кажется, что Албания находилась в стороне от этих событий. Однако надо иметь в виду то, что Албания и Иберия выступают союзниками, а племена леков и дидов находились в составе Албании, хотя, вероятно, пользовались какой-то автономией. Этим объясняется то, что упоминание о ней заменено названиями ее горских племен.

В 135 или 136 г. в Закавказье снова вторглись аланы, которых и на этот раз призвали иберы: “Другая (война) с аланами, которые (являются) массагетами, была вызвана Фарасманом и принесла много горя Мидии, коснулась также и Каппадокии, но затем была приостановлена благодаря дарам, которыми Валарш (парфянский или армянский царь. – *О.Д.*) воздействовал на аланов, и вследствие их страха перед Флавием, правителем Каппадокии”⁷¹. Поскольку здесь аланы названы массагетами, очевидно, речь идет о племенах, проникших в Восточное Закавказье еще в конце I тыс. до н.э. и создавших здесь впоследствии так называемое Маскутское царство⁷².

Таковы основные события, связанные с сармато-аланскими кочевниками. Они оказали существенное влияние на культуру и идеологические представления коренного населения Дагестана. Поворотными оказались для многих народов Кавказа и Передней Азии смена династии Аршакидов в 225–226 гг. в Парфии Сасанидами. Последние овладели Кавказской Албанией и укрепились в районе современного Дербента, где находится один из наиболее крупных городов, Чола (Чога, Джора). Источники упоминают о поражении Сасанидов от армян, собравших с помощью императора Филиппа Араба войско из Албании, Иберии, племен лбинов, джилбов, каспиев и др. При событиях 260 г. албаны как будто проявляют независимость. Когда сасанидский правитель Шапур I (241–272) после пленения персами римского императора Валериана, правившего в 250–260 гг., в битве при Эдессе разослал в разные страны письма с сообщением о своей победе, албаны и иберы отказались принять послания и обратились к римским вождям, обещая помощь в деле освобождения Валериана из плена. Но в своей надписи, оставленной на “Каабе-и-Зардушт”, Шапур I относит Антрапатену, Армению, Иберию, Махелонию и Албанию к странам, подвластным Сасанидам после 260 г.⁷³ К захвату Албании, Армении, Иберии стремилась в это время и Римская империя. 30-е годы IV в. отмечены военными действиями маскутов, направленными против Армении. Возглавлял их поддерживаемый иранским шахом Шапуром II Аршакид, родственник армянских царей Санасен, или Санатрук. Последний сначала принял христианство, а потом отказался от него и предал жестокой казни армянского миссионера, проповедника Григориса. Армяне с помощью римских легионов разбили маскутов, погиб и Санатрук⁷⁴.

В борьбе с Римом албанцы выступают на стороне Персии. На стороне Шапура II, совершившего поход на Армению, был и его зять – албанский царь Урнаир, “храбрый Шаргир-царь леков”. Длительная борьба между Ираном и Римом кончилась заключением мира в 390 г., согласно которому восточные области Армении, Грузии и Албания перешли под владычество Сасанидов⁷⁵. Чтобы противостоять Ирану, албаны нередко вступали в союз с гуннами, появившимися в Приморском Дагестане в IV в. н.э. Подстрекаемые Византией и Сасанидами кочевые варварские племена из Приморского Дагестана совершали набеги на Албанию, грабили и разрушали города и села, истребляли и уводили в плен население.

Для охраны северных рубежей своей подвластной территории сасанидские правители возводили длинные оборонительные стены. Остатки

этих стен сохранились к северу от Апшеронского полуострова – Бешбармакская, в 23 км севернее ее – Гильгильчайская (Шабранская), Дербентская стены. Возможно, к ним относятся стены в районе Семендера (Тарки) и около селения Чирюрт. Очевидно, они отражают этапы поиска наиболее надежного места для укрепления. Первые оборонительные стены в районе Дербента были возведены при Иездигерде II (438–457) и продолжены при Каваде (488–496, 499–531). Все каменные строения завершены при Хосрове I Ануширване (531–579)⁷⁶. Сасаниды обложили тяжелой данью покоренные области, вынуждали население строить оборонительные стены и крепости в районе Чола. Эти сооружения, с одной стороны, создавали условия для самостоятельного развития той части Дагестана, которая расположена севернее Дербента. С другой стороны, тяжелый гнет чужеземцев вызвал освободительную борьбу албанского населения и других народов Закавказья. Наиболее крупными были выступления армян, албанцев и иберов в 450–451, 481–484, 571–572 гг. и др. Подавив восстание 457 г., возглавляемое царем Ваче II, Сасаниды в 461 г. ликвидировали царский титул в Албании, но при царе Вачагане II (487–510) он был восстановлен, а в VI в. снова упразднен. В VII в. князья из рода Михранидов, пользуясь ослаблением политической власти Сасанидов, боровшихся с Арабским халифатом, восстановили политическую самостоятельность Кавказской Албании. При михранидском правителе Джеваншире Албания окрепла. При нем Албания отстаивала свою независимость в борьбе против Арабского халифата на юге и Хазарского каганата на севере. Тем не менее в начале VIII в. Албания была завоевана халифатом, установившим тяжелый гнет на покоренной территории. В IX в. Албания ослабла, и вскоре основная ее территория оказалась в составе мусульманизированных местных княжеств.

§ 5. Культура и идеология

Культура Албании, создаваемая многочисленными племенами, расселенными на территории Восточного Кавказа от Куры до Терека, не была однородной. В основном она продолжала традиции предшествующего времени. Но начиная с III в. до н.э. культура и искусство получают новый импульс. Среди керамических изделий и металлопластики изготавливаются высокохудожественные предметы. Особый интерес представляют зооморфные сосуды, различные кувшины, подносы, блюда. Весьма выразительны и изящны и терракотовые женские статуэтки. О высоком уровне декоративно-прикладного искусства свидетельствуют украшения, многие образцы которых характеризуют духовный мир населения.

В начале V в. армянский ученый Месроп Маштоц создал албанский алфавит, состоящий из 52 букв, приспособленный для гаргарейского языка. У него были общие черты с армянским и грузинским алфавитами⁷⁷. На территории современного Азербайджана и Дербента встречены письмена, начертанные албанскими буквами. Найдены они и за пределами Албании – в Горном Дагестане, не входившем в раннем средневековье в состав Албании⁷⁸. Албанской грамоте учились дети, на этот язык были

переведены церковные книги. Это было великим культурным завоеванием Албании. Однако, судя по некоторым данным, в Албании и до этого была письменность. Армянский писатель V в. Корюн говорит о “возобновлении” Месропом Маштоцем албанского алфавита. В этой связи интересно вспомнить, что в 65 г. до н.э. албанский царь Оройс обратился к Помпею с письмом, где он просил восстановить мир, а в 260 г. *албане*, не приняв писем Шапура I, написали письма римским вождям с предложением помощи в деле освобождения Валериана.

Со сложным миром идеологических представлений связаны разнообразные погребальные сооружения, погребальный обряд и инвентарь поселений и могильников на территории Северного Азербайджана и Дагестана. При погребениях людей совершали тризну – сложный церемониал, при выполнении которого разводили очистительный огонь, приносили жертву, пили и ели и т.д. Были и человеческие жертвоприношения. У каспиев умерших выставляли на съедение хищным птицам и собакам. Эти обряды были обусловлены представлениями о потустороннем мире, куда со смертью люди переходят “жить”, о душе, культе неба, луны, а также о культе предков. По Страбону, албанам не полагалось ни думать об умерших, ни вспоминать их. Они “зарывали с покойниками все богатство, и поэтому жили бедно”⁷⁹.

¹ Геродот. I. 103, 203; IV. 1–4, 11–13.

² Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л., 1959. С. 52, 55.

³ Ариан. Анабасис. III, гл. 8, 4.

⁴ Солин Ю. Сборник достопримечательностей. Кн. XV, гл. 6; Плиний. Естественная история. 8. § 149. А.П. Новосельцев полагает, что Плиний перепутал албан с аланами. С последними Александр Македонский якобы мог встретиться в Средней Азии перед походом в Индию (Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 38; Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья: (Опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980. С. 24). А.А. Акопян полагает, что рассказ Плиния – искаженный вариант истории о собаках индийского царя Софита (Сопит, Сопиф), известной из многочисленных описаний похода Александра Македонского (Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. С. 17–18).

⁵ Тревер К.В. Указ. соч. С. 144; Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку, 1985. С. 197; Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 1990. С. 49; Акопян А.А. Указ. соч. С. 18.

⁶ В статье, посвященной северным границам Албании, С.В. Юшков выделил группы исследователей, включающих в состав Албании: 1) Азербайджан и Дагестан до Терека, Аксая и Сулака; 2) Азербайджан и узкую прибрежную полосу Дагестана; 3) Азербайджан и часть Дагестана до Дербента; 4) только территорию Шеки и Ширвана. Сам он доводил северные границы Албании до Терека (Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании // Ист. зап. 1937. № 1. С. 129–148). Этот вопрос был предметом изучения и послевоенной историографии. В.Ф. Минорский определяет границы Албании в пределах куро-аракской долины между Каспийским морем и Иберией с охватом всего Каспийского побережья Дагестана (Минорский В.Ф. История Ширвани и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 27–30). Некоторые историки северную границу проводят по р. Сулак (Очерки истории Да-

гестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 22; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 105–115), авторы “Истории Азербайджана” (Баку, 1958. С. 50) определяют территорию Албании в пределах Азербайджана и значительной части Дагестана. К.В. Тревер в состав Албании из дагестанской территории включает земли до Дербента (*Тревер К.В. Указ. соч. С. 44–46, 123.*). Дж.А. Халилов в состав Албании включает Приморский Дагестан до Сулака (*Халилов Дж.А. Указ. соч. С. 11; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 93–105; 164–175.*). Северную границу Албании К. Алиев проводит по Самуру (*Алиев К. Кавказская Албания: (I в. до н.э. – I в. н.э.). Баку, 1974. С. 83–123.*). По мнению С.Н. Муравьева, Кавказская Албания была расположена на территории Прикуринской долины Азербайджана. Тем самым он снял все противоречия источников предположением о поднятии Каспия до района современного Мингечаура (*Муравьев С.Н. Птолемеевская карта Кавказской Албании и уровень Каспия // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 117–147; Он же. Уровень Каспия глазами древних греков // Знание–Сила. 1983. № 74–84; То же // Природа. 1987. № 4. С. 74–84.*). Ф. Мамедова полагает, что Албания в III в. до н.э. – III в. н.э. имела границы на севере до Дербента, но временами они могли доходить до р. Сулак и даже выше (*Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании: (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку, 1986. С. 144, 145, 148.*)

⁷ *Птолемей. V. 8. 15.*

⁸ Там же. II. 1–2; *Плиний. Естественная история. VI. 39; Помпоний Мела. III. 39–41.*

⁹ Б. Дорн сопоставляет Керавнские горы с Каранайским хребтом (*Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан // Записки АН. СПб., 1875. Т. 26. С. 324. Прил.*); В.Б. Виноградов и К. Чокаев – с хребтом Къёрилам в Ичкерии (*Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. Вып. 1. С. 63*), Л.А. Ельницкий – северными отрогами Кавказа (*Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей: Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977. С. 52; Он же. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 152*), К.Алиев вслед за В. Томашек и К.В. Тревер – с Самурским хребтом (*Алиев К. Указ. соч. С. 97*), О.М. Давудов и А.А. Акопян – с Андийским хребтом (*Давудов О.М. Проблема северной границы Кавказской Албании и локализация племен на территории Северо-Восточного Кавказа // V Крупновские чтения: Тез. докл. Махачкала, 1975. С. 60–63; Акопян А.А. Указ. соч. С. 33–34.*) Последняя точка зрения более аргументирована. На карте К. Птолемея Керавнские горы ответвляются от Главного Кавказского хребта на месте проживания дидойцев и тушин. Этим геоусловиям отвечает система Андийского хребта и Къёрилам. Ал-Хорезми, переработавший “Географию” Птолемея, четко различает Самурский хребет (Д 70°45', Ш 41°15", Д 72°10', Ш 41°15"), названный им “Гора аль-Баб ва-л-Абваб” от Керавнских гор (Д 82°31', Ш 49°30' – Д 84°, Ш 52°), расположенных севернее (*Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 42–44, 83–85.*)

¹⁰ Первое упоминание названия *Самур* восходит к IX в. (Истахри, Ибн-Хаукаль, Баладзори, Идриси) (*Велиханлы Н.М. Арабские географы-путешественники X–XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1974. С. 92, 114, 136, 150; Баладзори. Книга завоевания стран / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1927. С. 16.*) По П.Г. Буткову и В.Ф. Минорскому, слово *Самур* переводится с осетинского как куница (Путешественники об Азербайджане. Баку, 1960. Т. 1. С. 423; *Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 110. Примеч.*). Выяснению значения этого гидронима было посвящено несколько докладов на Всесоюзной ономастической конференции в Махачкале (1971). Г.Х. Ибрагимов объявляет этот гидроним цахурским, привлекает для доказательства своего предположения цахурско-рутульские произношения в их

развитии (*санбур – саммур – самур*) и возводит к предполагаемому исходному варианту *хъан-бур*, где первая часть слова обозначает “вода”, вторая – показатель множественного числа, само слово переводится как “вода”, “река” (*Ибрагимов Г.Х. К этимологии гидронима Самур // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 113–120*). Б.Б. Талибов, возражая ему, приводит рутульское название этой реки – *Нацлур* и считает гидроним *Самур* поздним по происхождению, привнесенным племенами неиберийско-кавказского происхождения (Там же. С. 119–120). Другой дагестанский языковед И.Х. Абдулаев, разделяя точку зрения П.Г. Буткова и В.Ф. Минорского, считает приведенные Г.Х. Ибрагимовым гидронимы поздними азербайджанскими вариантами (*Абдулаев И.Х. Еще раз к происхождению гидронима Самур // Ономастика Кавказа. С. 120–123*). К.Ш. Микаилов предлагает разные пути поиска значения гидронима *Самур* и указывает на особенности моделей топонимов и гидронимов Южного Дагестана – *Самур, Нацлур, Шахур* и т.д., состоящих из двух частей *Сам, Нацл, Шах* и окончания *ур*. Следовательно, *Самур* расчленяется на две части: *сам* и *ур* (Там же. С. 185–192). Это позволяет нам сопоставить основу гидронима *Сам* с названием раннесредневекового этнополитического объединения Южного Дагестана. *Сам-сам*, или *Сам*, известным по хронике “Ахты-наме”. Развалины столицы этого “княжества” находятся вблизи селения Микрах Ахтынского района, развалины другого населенного пункта – вблизи Кара-Кюре (*Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 62–63*). В этом случае гидроним *Самур* может быть переведен как “река Сам-ов”. Следовательно, до появления названия *Самур* в раннем средневековье у этой реки было другое название. Возможно, оно было *Кас*, или *Кай-сий*, связанное с племенем кас-ов, или каспиев.

¹¹ Реку Соану можно сопоставить с рекой Соной, протекающей по Чечне и ныне известной под названием Аргун (*Волкова Г.Н. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 130–132; Вахушти. География Грузии // Зап. Кавказского отделения Русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. XXIV, вып. 5. С. 132*). Соану многие исследователи сопоставляли то с Сулаком (*Тревер К.В. Указ. соч. С. 38; Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 22; История Дагестана. С. 105; Ковалевский С.А. Лик Каспия. Баку; М., 1933. С. 104*), то с Терекком (*Юшков С.В. Указ. соч. С. 135*) и другими реками Восточного Кавказа. С.Т. Еремян сопоставляет с Сулаком р. Сондас, или Тсондас, выявленную им в одном из списков “Географии” К. Птолемея (*Еремян С.Т. Армения по Ашхарацуйц’у: Опыт реконструкции карты на современной картографической основе. Ереван, 1963. С. 102 (на арм. яз.)*).

¹² *Страбон. XI, 44; Плиний. Естественная история. Кн. 7, § 12.*

¹³ *Мровели Л. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 25.*

¹⁴ *Плиний. Естественная история. VI, 16, 17.*

¹⁵ *Хоренаци М. История Армении. Кн. II. Гл. 8.*

¹⁶ *История Агван... Кн. I. Гл. 1.*

¹⁷ *Бакиханов А. Указ. соч. С. 17.*

¹⁸ *Albus* – в переводе с латинского *белый*. Слово *Альпы* происходит от кельтского слова *alp, alb* – гора, высокий. Название балканских албанов – *шкипетары*, т.е. обитатели скал. Древнее название Шотландии было *Албания*, а самый крупный из шотландских гористых отрогов – *Арран*. После арабских завоеваний Кавказская Албания стала называться этим же названием – *Арран*.

¹⁹ *Очерки истории Дагестана. С. 23.*

²⁰ *Давудов О.М. Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане: Сб. ст. Махач-*

- кала, 1987. С. 36–51. При изучении материалов Таркинского могильника Е.И. Крупнов высказал предположение о принадлежности его сарматизированному местному населению (*Крупнов Е.И. Археологические работы на Северном Кавказе // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. М., 1949. Вып. 27. С. 19–20; Он же. Новый памятник древних культур Дагестана (опыт первого исследования Таркинского могильника в 1974 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1951. № 23. С. 224*). К.Ф. Смирнов считал, что этот могильник принадлежал утидорсам – смешанному населению, состоящему из сарматских аорсов и албанских удин (*Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки // МИА. 1951. № 23. С. 271–272*). Высокий авторитет ученых и исходная позиция о вхождении территории Дагестана до р. Сулак в состав Албании, на которую оказывали влияние сармато-аланские кочевники, привело к тому, что эта точка зрения получила признание у многих специалистов (*Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 23–24; История Дагестана. Т. 1. С. 106; Котович В.Г., Шейхов Н.Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ИИЯЛ ДагФАН СССР). Махачкала, 1960. Т. VIII. С. 352–353; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 51, 83–84; Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 22–43*). Вместе с тем К.В. Треверне признавала принадлежность Таркинского могильника утидорсам, а Карабудахкентского – удидам (*Тревер К.В. Указ. соч. С. 172–175*). Д.М. Атаев считал роль сарматских элементов в местной культуре преувеличенной (*Атаев Д.М. Дагестан и Кавказская Албания // Тез. докл. на науч. сессии ИИЯЛ ДагФАН СССР, посвящ. археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 42*), а В.И. Марковин, наоборот, считал, что дагестанские археологи недооценивают роль сарматских элементов в Дагестане (*Марковин В.И. О некоторых находках скифо-сарматского времени с территории Северо-Западного Прикаспия // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 182*). Между тем выводы В.И. Марковина основываются на изучении памятников, принадлежавших собственно сарматскому населению. Он также разделяет точку зрения по принадлежности Таркинского могильника утидорсам (*Марковин В.М. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в скифо-сарматское время // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 287–288*).
- ²¹ *Котович В.Г. О некоторых особенностях расселения и социального устройства населения Дагестана в албанский и раннесредневековый периоды // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973–1975 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1976. С. 9–10.*
- ²² *Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 34–36; Мокроусов С.В. Этапы развития фортификации Дербента в досасанидский период // Проблемы исследования античных городов: Тез. докл. М., 1989. С. 81; Он же. Материальная культура городов Дагестана албанского времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 7–8.*
- ²³ *Халилов Дж.А. Указ. соч. С. 25–49.*
- ²⁴ *Кудрявцев А.А. Древний Дербент. С. 59.*
- ²⁵ *Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 77–80.*
- ²⁶ *Давудов О.М. Дагестан в III в. до н.э. – IV в. н.э. (Опыт этнокультурной и социально-экономической характеристики): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1990. С. 11–12.*
- ²⁷ *Страбон. XI. 4, 5.*
- ²⁸ *Плутарх. Помпей. XXXV.*

- ²⁹ Добрынин Б.В. Ландшафтные (естественные) районы и растительность Дагестана. М., 1925. С. 5; Зонн С.В. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М.; Л., 1946; Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулич И.Н., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958. С. 28 и др.; Гюль К.К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959. С. 33–36, 52–57; Эльдаров М.М. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1980. С. 7–12.
- ³⁰ Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени: (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала, 1996. С. 267–273; Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 161–162.
- ³¹ Страбон. XI, 4.3.
- ³² Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Горном Дагестане // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1961. С. 288.
- ³³ Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. К истории дагестанских племен в конце III–II тыс. до н.э. Махачкала, 1965. С. 215.
- ³⁴ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Сер. Археология СССР. М., 1985. С. 98. Табл. I, 1, 3.
- ³⁵ Страбон. XI, 4.3.
- ³⁶ Атаев Д.М., Погребова М.Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района // МАД. Махачкала, 1973. Т. III. С. 34.
- ³⁷ Золотов К.Н. Роль скота и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана // МАД. Махачкала, 1961. Т. II; Он же. К истории животноводства в древнем Дагестане. Сообщ. 1–10 // Тр. Дагсельхозинститута. Махачкала, 1962–1966. Т. 12–16; Он же. К истории коневодства древнего Дагестана // Там же. Махачкала, 1966. Т. 16. Вып. 2; Он же. К вопросу о происхождении дагестанских лошадей // Там же; Он же. К истории коневодства в Дагестане // МАД. Т. 3; Пикуль М.И. Указ. соч. С. 132; Давудов О.М. Материальная культура... С. 273–278; Гаджиев М.С. О скотоводстве в Дагестане в албано-сарматское время (по материалам Дербента и Урцеки) // Кавказ и Древний Восток. Махачкала, 1999. С. 160–169.
- ³⁸ Османов М.-З.О. Формы скотоводства в XIX–XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами) // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1977. С. 21–38; Он же. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996. С. 18–276.
- ³⁹ Пикуль М.И. Указ. соч. С. 162–163; Давудов О.М. Материальная культура... С. 278–299.
- ⁴⁰ Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982. С. 184.
- ⁴¹ Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 61–65; Давудов О.М. Материальная культура... С. 278–284.
- ⁴² Маммаев М.М. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Сер. обществ. наук. Махачкала, 1967. Т. 17.
- ⁴³ Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. 1953. № 32.
- ⁴⁴ Давудов О.М. Материальная культура... С. 288–289.
- ⁴⁵ Там же. С. 289.
- ⁴⁶ Там же. С. 289–290.
- ⁴⁷ Там же. С. 290–291.

- 48 *Пикуль М.И.* Указ. соч. С. 162–163; *Давудов О.М.* Материальная культура... С. 291–293.
- 49 *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане: курганная группа у станции Манас // СА. 1956. № 26. С. 159.
- 50 *Маммаев М.М.* Некоторые вопросы организации ремесла в ранне-средневековом Дагестане // Древности Дагестана: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1974. Т. 5.
- 51 *Элиан.* Кн. XVII. Гл. 17.
- 52 *Дзагурова В.П.* Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане // Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1978. С. 29–40; *Гаджиев М.С.* Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракинского клада // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990. С. 53; *Он же.* Шаракунский клад (Дагестан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 152–159.
- 53 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 465.
- 54 *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследования раннесредневековых укрепленных поселений Горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 129–130.
- 55 Подавляющее большинство исследователей связывает захоронения черепов с жертвоприношениями рабов или военнопленных (*Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Махачкала, 1961. Т. II. С. 201–203; *Пикуль М.И.* Указ. соч. С. 171; *Гаджиев М.С.* К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 44–58), хотя имеются высказывания о связи черепа с культом сухой головы (*Атаев Д.М.* Археологические исследования в Дидо (Дагестанская АССР) // СА. 1961. № 1. С. 288; *Он же.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 123) или с обрядом погребения 72 голов убитых.
- 56 *Страбон.* XI, 4.6.
- 57 Там же. С. 4.4
- 58 Там же. С. 4.5.
- 59 Там же.
- 60 *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 88–91.
- 61 Там же. С. 91–111.
- 62 Там же. С. 111–114.
- 63 См.: *Манандян Я.А.* О местонахождении Caspia via и Caspia portae // Ист. зап. 1948. № 25. С. 60–70; *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 120–129.
- 64 *Фест.* Краткий очерк истории римского народа. Гл. XX; *Евтропий.* Кн. VIII. Гл. 3.
- 65 *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 129–130.
- 66 *Аммиан Марцеллин.* Кн. 23. Гл. 5, 16.
- 67 *Иосиф Флавий.* Иудейские войны. Кн. XVIII. Гл. 4, 97; *Тацит.* Анналы. Кн. VI. Гл. 33.
- 68 *Иосиф Флавий.* О войне иудейской. Кн. VII. Гл. 7, 4; *Моисей Хоренский.* Кн. II. 50; *Леонти Мровели.* Жизнь картлийских царей.
- 69 *Иосиф Флавий.* О войне иудейской. Кн. VII. Гл. 7, 4.
- 70 *Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984. С. 85–87. См.: *Леонти Мровели.* Жизнь картлийских царей.
- 71 *Дион Кассий.* Кн. 2. Гл. XIX. С. 15.
- 72 *Ковалевская В.Б.* Указ. соч. С. 87.
- 73 *Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана // Иран в III–V вв. М., 1969. С. 50–69.
- 74 *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа, IV–X вв. Л., 1979. С. 33–37.
- 75 *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 198–201.

⁷⁶ Кудрявцев А.А. К вопросу о времени возникновения первых сасанидских укреплений в Дербенте // IV Крупновские чтения: Тез. докл. Орджоникидзе, 1974. С. 31–33; Он же. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. 1978. № 3. С. 243–260; Он же. “Длинные стены” на Восточном Кавказе // Вопр. истории. 1979. № 11. С. 31–43.

Возникновение оборонительных стен в районе Дербента создавали условия для самостоятельного развития района, расположенного к северу от стен. Этот район подвергался большому влиянию кочевых гуннов.

⁷⁷ Тревер К.В. Указ. соч. С. 306–315.

⁷⁸ Муравьев С.Н. Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1981. VIII. С. 221–325; Асланбеков Х. Самая древняя надпись Дагестана // Даг. правда. 1970. 3 дек.; Он же. Находка в высшей степени ценная... // Сов. Дагестан. Махачкала, 1971. № 3. С. 70–72; Гукасян В.Л. О новонайденном списке албанского алфавита // Сов. тюркология. 1971. № 2. С. 130–135.

⁷⁹ Страбон. XI, 4.8.

Раздел второй
Дагестан
в IV–XV веках

Глава первая

Дагестан в IV–VI веках

§ 1. Этнополитическая карта Дагестана

IV–VI вв. – важный этап в истории Дагестана, связанный с формированием на его территории крупных этнополитических образований со сложной политической и социальной структурой, перестройкой этнической карты, неравномерным развитием экономической и политической жизни региона.

Одно важное обстоятельство определило своеобразие и ход исторических событий региона – это постоянный, непрерывный “диалог” двух закономерных форм хозяйственной деятельности: оседлого, интенсивного, земледельческо-скотоводческого хозяйства, – с одной стороны, и кочевого, экстенсивного, скотоводческого – с другой. Контакты, взаимовлияние, как и столкновения этих хозяйственных структур лежали в основе социально-экономического развития всего региона. В сфере этих контактов прослеживается доминирующее влияние гор и предгорий на равнину, точнее – проникновение земледельческой культуры и традиций в кочевую степь, постепенный переход в контактной зоне к оседлой жизни, к земледельческо-скотоводческому хозяйству.

* * *

Во второй половине IV в. началась полоса Великого переселения народов. Широкая миграция на Северный Кавказ гуннских племен положила начало образованию, “охватившей всю территорию региона системы политических, социальных и этнических связей... Эта система включила в себя древние аборигенные кавказоязычные группы горной зоны и высоких предгорий (кавказионы и леги грузинской традиции), ираноязычные (аланы, маскуты) и автохтонные иранизированные (овсы) общности предгорий и степи и влившиеся в их состав в течение второй половины IV в. и первой половины V в. различные по языкам (диалектам), хозяйственному укладу и уровню социального развития тюркские общности”¹. В 371 г. основные силы гуннов ушли через низовья Дона к Северному Причерноморью, а другая часть двинулась на Северный Кавказ по Прикаспийским степям на юг, до Терека и Кубани.

Они и другие кочевники совершали через Северный Кавказ в IV–V вв. опустошительные походы в богатые земли Закавказья и Передней Азии. Один из таких походов был совершен в 395 г. Вместе с тем шел и другой процесс: интенсивный синтез местного (в основном иранского), собственно кавказского, с пришлым гуннским этносом.

Приморская низменность (равнинные земли между современными Дербентом и Махачкалой) также оказались в конце IV в. под властью гуннов. В источниках нередко под ними подразумевался не только союз гуннских пле-

мен, но и входившее в его состав автохтонное население Равнинного Дагестана. По имени гуннов район севернее Дербента стал называться позже “страной гуннов”, а население Приморского Дагестана – гуннами, т.е. название “гунны” было распространено и на попавших в политическую зависимость от них коренных дагестанских племен².

В середине V в. эфемерное и сколоченное силой Гуннское объединение распалось, основная часть гунной орды ушла в Причерноморские степи и далее на Запад. Вместе с тем гунны продолжали вплоть до VII в. играть значительную роль в северокавказских степях, особенно на северо-востоке Кавказа.

Авторы V–VI вв. обозначают в пределах Прикаспийского Дагестана места проживания гуннов, савиров, угоров, оногуров, сарагуров, алан, басилов, маскутов, хайландуров и других кочевых племен³.

Территорию расселения гуннов “Армянская география VII в.” (“Ашхарацуйц”) определяет точно: после Дербентской стены “севернее живут гунны, у которых город Варачан и другие города”⁴. Фавстос Бузанд (V в.) сообщает, что маскутский царь Санесан “собрал... все войска хонов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев, и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен – все множество войск, которым он повелевал”⁵.

Армянский историк Ананий Ширакаци локализует “царство гуннов” в районе Дербента, “близ моря”, соседями же гуннов названы с севера – савиры, с юга, “где воздвигнута Дербентская стена”, – маскуты; он называет три гуннских города – Варачан, Чунгарс и Мсндр (Семендер)⁶. Первым из них считался “великолепный город” Варачан, остатки которого обнаружены близ селения Уллубийаул в местности Урцеки в районе города Избербаш⁷.

Одной из крупных и влиятельных племенных конфедераций в первой половине VI в. было объединение савиров. Савирский союз занимал Прикаспийскую низменность и территорию Северного Дагестана, но основная масса их находилась в Центральном Предкавказье⁸.

В Приморском Дагестане еще с III в. (к югу от Дербента, по обеим сторонам устья р. Самур) существовала ираноязычная общность маскутов. Как сообщают Егише и албанский историк М. Каганкатваци (Каланктваци), царь Албании Ваче II захватил в 458 г. крепость Чора, и “перевел” к югу от укреплений (“пахака”), т.е. к югу от Чора, “войска маскутов”⁹. Ряд известий свидетельствует об определенной интеграции ираноязычных потомков массагетов и тюркоязычных гуннов.

Эта область, страна маскутов, известна впоследствии как область Маскат (современный Мушкур), сохранившая свою самостоятельность вплоть до 833 г.

Огромный интерес представляет этнополитическое положение горных районов Дагестана в IV–VI вв. Как сообщает “Армянская география VII в.”, в Сарматии (Азово-Каспийское междуморье) живут таваспары (тапатараны), цхаваты, чигбы, хелы, каспы, хечматаки, ижамахи; к северу от хребта, у Каспийского моря – народ маскутов. Кроме них в перечне племен (по старому и новому спискам) перечислены: хазары, баслики (барсилы), аланы, гунны, дидои, леки, ширваны, агутаканы, хеноки и другие племена¹⁰. Дидои, леки, таваспары могут быть отождествлены с дидойцами, дагестанцами в

целом, табасаранцами. Что касается других наименований, то среди исследователей нет единого мнения по вопросу их локализации: чилбы (чигбы) – это цахуры (их называют йыхъбы); чилбы (сильвы античных авторов) занимали верховья р. Андийское Койсу; хоны располагались севернее таваспаров, от р. Самур до р. Сулак и дальше на север; хечматаки жили в верховьях Самура¹¹; агутаканы – это агулы; хеноки – хновцы, рутулы; цхаваты – цахуры¹². Однако эти соображения нельзя считать окончательными, это только предположения по данному вопросу.

Античные авторы уже сообщали нам названия нескольких племен, входивших в албанский союз: это утии (уды), гелы, леги, гаргары, сильвы, дидуры, олонды, исонды, герры, лупении¹³. Если вспомнить, что, по данным Страбона, на территории Кавказской Албании проживало 26 племен и что раннесредневековые армянские авторы повторили в связи с событиями IV–VI вв. имена упомянутых античными авторами племен (чилбы-сильвы; гелы-гелы; дидои-дидуры; леки-леги; лбины или лпины-лупении), то можно говорить о длительном, многовековом пути сохранения и “выживания” этнических общностей, об относительно стабильной этнической истории. Этнолингвистическая дробность, зафиксированная античными авторами, была реальностью и в раннесредневековый период. Можно с наибольшей долей вероятности предположить, что сложные межэтнические процессы, имевшие место на равнине, не коснулись, в сущности, горных и высокогорных районов Дагестана и Северного Азербайджана. Крупные этносоциальные объединения на территории Дагестана только начали складываться, и, по известным нам данным, мы не можем конкретно говорить об этом процессе в период IV–VI вв.

Еще Страбон отмечал, что “между амазонками и албанами живут гелы и леги...”¹⁴. Они же упоминаются и у раннесредневековых армянских и грузинских авторов, описывавших события IV–VII вв.¹⁵ При этом гелы (хелы) упоминаются только дважды, а леги (леки) – неоднократно. Грузинский свод исторических хроник сообщает в связи с событиями IV–V вв. о ссове, леков (“правитель леков”), дурдзуков и дидо.

В научной литературе локализация гелов не совсем уточнена, имеется лишь самое общее предположение – они живут севернее албанов. Что же касается этнонима леги (леки), то существует несколько противоречивых мнений об их идентификации и локализации: леки – это народы Дагестана в целом; это потомки современных лаков или лезгин; грузинская форма “лек” (леки) и “леги” Страбона восходят к общедагестанскому “лаки”, а название “лег” еще в древнейшую эпоху “утвердилось за дагестанскими лаками как устойчивый этноним”; термин “лезги” не был в прошлом самоназванием одного из дагестанских народов, а уже издревле, в течение многих столетий, употреблялся в качестве общего названия для дагестанских горских народов¹⁶: этнонимом “леки” в грузинской хронике Л. Мровели “обозначает большую часть племен средневекового Дагестана”, а вообще “леки – грузинское название народов Дагестана в целом”¹⁷.

Действительно, леки (леги) – это этноним, несущий самую широкую смысловую нагрузку из перечисленных выше. Но наличие рядом других этнонимов – дидуры, таваспары и др. – свидетельствует о том, что этноним леки можно распространить на значительную (возможно, большую) территорию Дагестана, но не на всю.

Несколько слов о лпинах и сильвах. Впервые о них сообщает Плиний (23–79): “За пределами Албании по всему челу гор обитают дикие племена сильвов”. “Ниже сильвов” жили лупени¹⁸. Через 700 с лишним лет они упоминаются вновь в связи с христианской миссией 681 г. к гуннскому князю Алп-Илитверу¹⁹.

О районах проживания лупениев также существуют самые различные мнения, но наиболее убедительным кажется вывод, что они жили на левобережье нижнего течения р. Алазань, а сильвов (чилбов) можно локализовать в верховьях Самура и прилегающих южных склонах Главного Кавказского хребта, т.е. на территории традиционного расселения цахуров²⁰. Это предположение вытекает из исследования маршрута миссии ишхана Албании Вараз-Трдата к гуннскому князю Алп-Илитверу, возглавляемой епископом Мец-Когманка Исраэлом: г. Перозкават (Барда) – граница Албании (р. Алджиганчай) – город лпинов (Шеки) – страна чилбов (Кахский район, заселенный цахурами) – гора Варде Груак (один из горных перевалов, у горы Ахвай) – “древняя царская резиденция” (городище Торпак-кала, южнее Дербента, у станиц Белиджи, Шахристан и Иездигерд) – “ворота Чора, недалеко от Дербента” (Дербент, часть города) – г. Варачан²¹.

Как сообщает сирийская хроника VI в. (хроника Захария Митиленского), Каспийские ворота и Каспийское море находятся в “пределах гуннских”. Здесь дается перечень тринадцати племен, обитающих за “воротами”. Это авгар (вар, аугар), сабир, бургар, алан, куртагар, авар, хазар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, эфталит. Жители “из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости”. “Хроника” сообщает также о существовании “земли Базгун со (своим) языком, что примыкает и простирается до Каспийских ворот моря, которые находятся в пределах гуннских”²².

Булгары – одна из самых ранних тюркоязычных групп, усилившихся с конца V в. К этому времени в Восточном Предкавказье господствующее положение занимали савиры (сувар). Вытесненные из Западной Сибири, они обосновались к западу и востоку от низовьев Волги, завладели равниной вдоль Каспийского моря до Дербента. Во второй половине VI в. произошел очередной натиск тюрков – после образования Тюркского каганата в степях Предкавказья появились авары. В результате гунны (барсилы) и савиры были разгромлены, а племена б. ндж.р., б.л. ндж.р., хазар попали в зависимость. В последней четверти VI в. в Предкавказье вторглись тюрки, занимавшие приморскую часть Северо-Восточного Кавказа до Дербента²³. Западно-Тюркский каганат стал значительной политической силой на Северном Кавказе, принимавшей активное участие во взаимоотношениях с Византией и Ираном.

“Царство гуннов” сыграло важную роль в истории Северо-Восточного Кавказа, конкретнее – в приморской части Дагестана. Это было сложное по своему этническому составу образование, возникшее на местной основе²⁴.

В Приморском Дагестане на территории гуннов обнаружено большое число укрепленных и неукрепленных поселений со слоями IV–VII вв., курганных и грунтовых могильников. Они оставлены многочисленными племенами, находившимися в течение веков в состоянии взаимодействия: гунны (савиры), аланы, маскуты, хазары, тюрки-болгары, местное население. В этнической интерпретации памятников, взятых в отдельности, среди исследо-

вателей нет единого мнения. На основе анализа письменных памятников и данных археологии выдвинуто мнение, что в IV–VII вв. на территории Северо-Восточного Предкавказья сложилась новая, единая этническая общность “гунны” с единым языком общения как итог консолидации и интеграции тюркских, ирано-язычных и местных племен²⁵.

В социальной и этнополитической жизни раннесредневекового Дагестана огромную роль играли города, прежде всего Дербент.

Район Дербента был крупнейшим узловым пунктом, связывающим Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Подонье с Закавказьем, со странами Ближнего Востока, участком важного экономического и стратегического значения.

Раннесредневековые армянские авторы называют этот район Чога, или Чора, “пахак Чора”, “ворота Чора” (“Чора дурн”), “проход Чора”, “края Чора”, “пахак стены, которая находится между владениями албанов и хонов”, “пахак гуннов” (“оборона от гуннов”), “врата гуннов”, “город Чола”, “ущелье Чора”, “страна Чога”²⁶.

Иногда под Чога подразумевалась значительная территория. Католикос Виро носил титул: “Я, Виро, католикос агванский, лбинский и Чога”²⁷. Царевич хазарский, будучи в Партаве, говорит Виро: “Получил отец мой три эти страны – Агванию, Чога и Лпинию на вечное владение”²⁸.

Существует несколько мнений о локализации Чога (Чора): его отождествляют с Дербентом²⁹; “проход Чора” – это Дербентский проход, область Чога – это “область города Дербента”³⁰, остатки города Чор – это большое городище “Турпаг-кала к северу от ст. Белиджи, в 20 км к югу от Дербента”³¹; Чога – не Торпах-кала, а часть Дербента, а затем собственно Дербент; первоначальное название (Чога) относится к указанному городищу, а впоследствии, в связи с усилением значения Дербента и его стен, значение Чога падает, а название Чога полностью переносится на Дербент³².

Такая противоречивость в вопросе о локализации Чога связана в значительной степени с противоречивостью сообщений древних источников: с одной стороны, в “Истории агван” сообщается о “воротах Чога, недалеко от Дербента”³³, а Вардапет Гевонд упоминает и “город Дербент”, и “проход Чора”³⁴. Как мы видим, в обоих случаях Дербент – это город, а Чола (Чора) – это проход. В то же время “История агван” сообщает о Дербенте, где арабский полководец Маслама “не разрушил патриаршего дворца, который и до сих пор существует в нем”, а этот дворец был расположен в “городе Чога”, откуда и был перенесен в 552 г. в Партав³⁵. С одной стороны, при описании событий 30-х годов VI в. автор Бал’ами ни разу не упоминает Дербент, а пишет о “стране Сул”, “области Сул”, а с другой – название Сул встречается наряду с Дербентом еще в XI в.: “крепость ал-Баб вместе с крепостью Сул”³⁶.

Как известно, еще в III в. сасанидскому Ирану удалось подчинить Албанию, а позднее укрепиться в районе Дербентского прохода. Каганкатваци сообщает о том, что “страна Чога управлялась впоследствии”, до 461 г. “марзпаном Чога”, ставленником Ирана³⁷.

Область Чога”, как и Лпиния, имеет непосредственное отношение к истории Кавказской Албании. Согласно “Армянской географии VII в.”, левобережная Албания состояла из одиннадцати областей (в том числе: Кабала,

Шаки, Камбисена, Эджери), причем первые три из них были церковно-административными единицами, епископствами. К левобережной Албании, помимо упомянутых областей, “относились и две страны – Лпиния и Чола, которые не всегда входили в состав Албанского государства. Еще во второй половине V в. они продолжали оставаться периферийными областями с сохранением частичной внутренней автономии. Однако после 488 г., в царствование царя Вачагана III, Лпиния и Чола окончательно вошли в состав Албанского государства³⁸.

В середине V в. в Албании значительно усилилась власть сасанидского Ирана³⁹. Начался новый этап сасанидской экспансии.

Дербентскому проходу Сасаниды придавали огромное значение, ибо господство в этом районе означало не только защиту северных пределов державы от набегов кочевых племен, но и предотвращение будущих союзов северокавказских племен, направленных против Ирана⁴⁰. Этот путь привлекал внимание как своим военно-стратегическим, так и торгово-экономическим положением на границе Албании и кочевых владений, на границе оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого мира⁴¹. В правление Иездигерда II (время царствования – 439–457), т.е. в первой половине V в., были возведены первые сасанидские укрепления в проходе Чога. Царская аршакидская династия в Албании была упразднена, а сама Албания была превращена в персидскую провинцию; Чога стала резиденцией персидских марзпанов, стратегическим оплотом и политико-административной единицей Албанского государства, местом пребывания албанского католикоса (до VI в.)⁴².

Дербент выступает уже не только как укрепленный центр огромного стратегического значения, но и как город, крупный политический, идеологический и экономический центр на Восточном Кавказе, столица одного из наместничеств, вошедших после 461 г. в состав державы Сасанидов, крупнейший очаг христианства, а затем – опорный пункт ислама.

Наряду с Дербентом на политической карте Дагестана появились в течение IV–VI вв. и другие государства.

Табасаран впервые упоминается в связи с событиями IV в., когда сообщается обо “всем войске Таваспарана, горного и равнинного”. Он занимал территорию бассейна р. Рубас, к северо-западу от Дербента. Население здесь было этнически разнородным, включая тюркские группы, а также персидских, а затем и арабских колонистов, но основную часть составляло местное табасаранское население. Правитель носил титул табасаран-шах. Здесь имелось много укрепленных населенных пунктов, возведенных при Сасанидах или арабами во время их первых походов в Дагестан. Табасаран поддерживал постоянные контакты с Дербентом. При Сасанидах отряды табасаранцев охраняли дербентские крепостные ворота, т.е. входили в число правительственных войск.

Серир – территория Нагорного Дагестана, в сирийской хронике VI в. она названа Бет-Даду. Последнее название связано с именем дидойцев, и охватывает оно более широкую территорию, чем собственно дидойская. Арабские авторы, описывая походы VII–VIII вв. в Нагорный Дагестан, не пишут о Бет-Даду, а упоминают Серир⁴³. Дагестанские же авторы, в свою очередь, не знают названия Серир; они всегда называют Аварию. Происхождение названия Серир достоверно не установлено.

Почти все арабские авторы пишут о Хайдаке (современный Кайтаг), расположенном выше Табасарана и юго-восточнее Серира. Лишь у одного арабского автора X в. (ал-Масуди) вместо Хайдака употреблено название Джидан. Первоначальной столицей Хайдака было селение Калакорейш.

Филан занимал, по мнению ряда ученых, территорию современных Акушинского и Левашинского районов. Это мнение представляется наиболее убедительным, хотя высказаны и другие.

Зерехгеран (в переводе с персидского “бронники”) – это незначительная по размерам территория, включающая несколько населенных пунктов, в том числе современные Кубачи, Ашты и другие селения.

В самом центре Горного Дагестана был расположен Гумик (Кумух, Кумук). Иногда в источниках встречается название Туман, но это, скорее всего, местное название Гумика. Аварцы и поныне называют лакцев “тумал” или “тумау”.

На юге Дагестана, в междуречье Самура и Гюльгеричая, находился Лакз. Это была область, где жили представители лезгинской группы языков: лезгины, агулы, цахуры, рутулы. Лакз, территориально наиболее близкий к Албании, испытал ее огромное влияние. Будучи в первых веках нашей эры в составе Албании, Лакз примерно во второй половине V в. превратился в самостоятельную политическую единицу.

Таким образом, к концу V–VI вв. территория Восточного Кавказа уже не выступает как часть единой многоплеменной Албании. Включение Кавказской Албании в состав Ирана и внутренние процессы, приведшие к дальнейшему усилению социального неравенства, сопровождались образованием на территории Дагестана ряда государственных объединений. В VI–VII вв. положение этих государственных единиц вырисовывается более четко; они приобретают определенный территориальный и этнический облик. Общая тенденция развития выражается в стремлении к созданию более или менее крупных государственных единиц, в рамках которых и сложились в основном отдельные народности Дагестана.

В политическом, экономическом и социальном развитии дагестанского общества IV–VI вв. значительную роль сыграли дагестано-иранские отношения. В сложной внутренней и внешней обстановке эти отношения диктовались конкретной исторической обстановкой, политика дагестанских правителей определялась как трезвым политическим расчетом, так и состоянием взаимоотношений Ирана, Византии, стран Закавказья, кочевых племен Северного Кавказа⁴⁴.

Одержав в середине IV в. ряд побед над Римом, Сасаниды обратили взоры к территории Восточного Кавказа. Для усиления своего политического влияния они удачно использовали военно-политический момент, когда “северные народы, соединившись, прошли через ущелье Чор и поселились в пределах албанских в течение четырех лет”⁴⁵.

Власть Ирана все больше усиливалась, распространялась на земли Армении, Иберии, Албании. В конце IV в. иранцы уже установили контроль над Дербентским проходом, и с этого времени можно датировать второй этап сасанидской экспедиции на Западный Прикаспий и прежде всего на Дербентский проход⁴⁶.

Взаимоотношения двух крупнейших держав раннего средневековья – Византии и Ирана, столкновение их интересов в Закавказье, планомерные,

упорные попытки этих держав вмешиваться во внутренние дела Иберии, Албании, Армении, навязывать им свою волю, ввести народы Кавказа в орбиту своего военного, политического и идеологического влияния – все это составляло стержень событий V–VI вв. Попытки эти встречали вполне закономерное упорное сопротивление со стороны народов Кавказа, но втягивание их в “коалицию” той или иной державы ослабляло силу этого сопротивления. Обстановка осложнялась еще и тем, что после появления в 70-х годах IV в. на политической арене Кавказа гуннского политического объединения участились набеги кочевых племен на земли Закавказья, “провоцирование” их выступлений на стороне той или иной державы.

В V в. сасанидские правители сосредоточили в Албании, Армении и Иберии значительные гарнизоны для упрочения здесь своего положения и для “защиты” этих стран от северных кочевников. В середине V в. район Дербента (Чора) уже управляется персидским наместником – марзпаном.

Народы Закавказья не переставали выступать против политики иранских завоевателей, насаждавших зороастризм. Восстание 451 г. было одним из крупнейших выступлений объединенных сил армян, иберов и албан, направленных против иранской агрессии. Основной причиной антииранского восстания, принявшего общекавказский характер, было усиление экономического и политического гнета⁴⁷. Восстание возглавил спарапет Армении Вардан Мамиконян.

В последующем марзпану Армении Васаку удалось расстроить союз восставших. В 451 г. в битве на Аварайском поле войска Вардана Мамиконяна не были поддержаны иберами и албанами. Более того, дагестанские племена выступили во время восстания Вардана Мамиконяна на стороне Ирана и сами, в свою очередь, нашли поддержку Сасанидов. Так, Васак вербовал войска против восставших: он “проводил набор в стране иберов, войск лпинов и чилбов, Ват, Гав, Гылвар и Хырсан, и Хечматак, и Пасык, и Посых, и Пюкован, и все войска Таваспарана, горного и равнинного, и всю крепостную неприступную сторону гор”⁴⁸. В Аварайском сражении на стороне персов участвовали вспомогательные отряды катешев, хонов и гелов⁴⁹.

Гунны же, расположенные севернее Чога, поддержали Вардана, ворвались через “ворота” в Персию, “поразив много областей... открыто показали свое единодушие с войском армянским” и вернулись в свою страну с большим числом пленных и огромной добычей. Персидский царь Иездигерд “Мушкана Ниласавурта со всеми оставшимися войсками снарядил в страну албанов, лпинов и чилбов, и в страну хечматаков, и в страну таваспаров, и в страну хибиованов и во все крепости, которые были разорены войсками хонов по уговору с армянами”⁵⁰.

Через шесть лет в Албании вновь вспыхнуло крупное антииранское восстание, которое возглавлял правитель Албании Ваче II, сын сасанидской царицы, дочери Иездигерда II и албанского царя Есвагена. Воспользовавшись усилением внутренних противоречий в Иране после смерти в 457 г. Иездигерда II, он собрал значительное войско, “приступом взял он ущелье Джора и перевел через него войска мазкутов”, объединился с одиннадцатью “царями” горных племен и, выступив, нанес персам поражение. В этой обстановке персы обратились за помощью к гуннам-хайландурам, послав “огромные сокровища в землю хайландуров для уплаты многочисленным наемным гун-

нам. Сии последние взяли врата (Дербент), целый год сражались с царем албанским... Армия Ваче была разбита, и воины его рассеялись”⁵¹. Ваче был вынужден отказаться от албанского престола (в 461 г.).

В 481–484 гг. произошли восстания закавказских народов против Сасанидов, усиливших налоговый гнет в связи с борьбой с восточными соседями, что заставило персидских царей пойти на значительные уступки: были восстановлены привилегии армянской церкви, прекратились преследования христиан и язычников, были сокращены размеры повинностей и податей. В 487 г. была восстановлена царская власть в Албании.

Эти уступки диктовались сложившейся военно-политической обстановкой на Восточном Кавказе. В это время заметно участились набеги кочевых племен – гуннов, а затем и хазар через Дагестан на Закавказье, в сущности, против державы Сасанидов. Так, при царе Армении Валарше “толпы северян, т.е. хазаров и басилов, соединившись перешли врата Чора”⁵². “После этого хазары пленили страну Алуанк (Албанию). Сожжены были церкви и книги Заветов. Затем на втором году Хосрова, царя царей, когда было положено начало армянскому летоисчислению, в том самом году патриарший престол Алуанка (Албания) был перенесен из города Чола в столицу Партав из-за разбойничьих набегов врагов Христова”⁵³.

Как зафиксировано в своде грузинских исторических летописей “Картлис цховреба”, при армянском царе Хосрове армяне, грузины, оссы, леки и хазары совместно выступают против войск Ануширвана, проникают в Иран, а грузинский царь Гурам (570–600), получив от византийского императора большую сумму денег, “приглашает овсов, дурдзуков и дидойцев и идет против персов и начинает грабить и опустошать Персию”⁵⁴.

В такой обстановке укрепление кавказских проходов стало одной из важнейших задач сасанидских правителей. При этом особое внимание было обращено на обеспечение безопасности границы со стороны Дербентского прохода. На западном побережье Каспийского моря было возведено несколько линий оборонительных сооружений, так называемых длинных стен⁵⁵. Но самыми грандиозными были укрепления Дербентского оборонительного комплекса⁵⁶.

Изучение строительных традиций и анализ письменных источников показывает, что возведение “длинных стен”, а также начало каменного строительства Дербента связаны с деятельностью одного из активных царей сасанидской династии, Кавада (488–531)⁵⁷. При его сыне Хосрове Ануширване (531–579) было завершено строительство Дербентского оборонительного комплекса. Ат-Табари сохранил интересное сообщение об участии в строительстве оборонительных сооружений в районе Дербента трех сасанидских правителей – Пероза (459–484), Кавада (488–531) и Ануширвана (531–579).

«Царь Фируз [еще раньше] возвел в области Сул и в области Алан строения (бина) из скал с целью оградить свою страну от захвата теми народами. А царь (малик) Кубад, сын Фируза, воздвиг в этих местах после своего отца много новых сооружений (бина), а когда вступил на престол Кисра [Хосров], то по его приказу были построены города (мудун), укрепления (хусун), валы (аврам) и многие другие сооружения в области Сул из камня (букв.: “из скал”). вытесанных в области Джурджан»⁵⁸.

Строительство дербентских укреплений было связано не только со стремлением оградить Сасанидскую державу от участвовавших тюрко-хазарских походов. Важную роль играло и то обстоятельство, что персидские отряды, находившиеся на Восточном Кавказе, часто подвергались нападениям горских народов. Арабский историк X в. ал-Масуди отметил это обстоятельство в своем сочинении: “Ануширван сделал эту стену выступающей на одну милю от берегов в море, а с другой стороны протянул ее до вершины горы Кабк и сделал ее спускающейся в ущелье гор, продолжая ее до тех пор, пока не довел до укрепления по имени Табасаран. На каждых трех милях этой стены он сделал железные ворота и поселил там с внутренней части каждого ворот народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены. Все это служило для защиты от нападения народов, примыкающих к горам Кабк, каковы хазары, аланы, тюрки, сериры и иные племена кафириров...”⁵⁹.

К середине VI в. относится окончательное закрепление района Дербента в составе Ирана. Ал-Балазури сохранил интересные подробности о строительстве стен и о мероприятиях сасанидских правителей: “Хазары часто выступали из своей страны и нападали на соседние области, доходя иной раз до Дайнава... Затем Кубад построил стену из нежженой глины между областью Ширваном и воротами ал-Лан, а вдоль глиняной стены он построил триста шестьдесят городов, пришедших в разрушение после постройки ал-Баб ва-л-абваба. Когда, после Кубада, на престол сел сын его, Кисра Ануширван, сын Кубада, он построил город Шабиран и город Маскат, а потом город Ал-Баб ва-л-абваб...”⁶⁰.

На Восточном Кавказе Ануширван сохранил власть местных “царей”, упрочил их положение, создав тем самым свою социальную базу. Ануширван, как писал ал-Масуди, после постройки дербентских оборонительных стен “поселил там разные народы и их царей, которым он дал различные степени, отличив каждого царя особым именем и определив его границы”. Ал-Балазури писал, что Ануширван поддержал правителей Серира, Филана, Табасарана, Лакза, Маската, Лирана, Бухха, Зерехгерана, “назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью”⁶¹.

Таким образом, в интересах укрепления Дербентского прохода Сасаниды применяли комплексные мероприятия – строительство Дербентской оборонительной системы, введение в город персидских воинов, привлечение местных сил для охраны дербентских стен, укрепление отношений с местными правителями через систему инвеституры.

Оба фактора – “покровительственная” политика Сасанидов по отношению к представителям власти и социальные движения – сыграли значительную роль в становлении и дальнейшем развитии раннеклассового общества в Дагестане.

§ 2. Экономическое развитие

Рост производительных сил, развитие ремесла, появление раннесредневековых городов и крупных населенных пунктов, упрочение связей с соседями, с Юго-Восточной Европой и странами Ближнего Востока, формирование устойчивых этнических массивов, дальнейший рост культуры – это основные факторы, характеризующие социально-экономическую жизнь раннесредневекового Дагестана.

Террасы в горах

Под влиянием земледельческой цивилизации переход кочевых племен к оседлости прослеживается на всем протяжении “контактных зон” Северного Кавказа – на Кубани, в районе Пятигорья, на территории Центрального Предкавказья, в Чечне и Ингушетии. Густая сеть городищ V–VI вв. с мощными культурными слоями и оборонительными сооружениями свидетельствует о своеобразном “демографическом” взрыве, вызванном переходом части кочевого населения к оседлому образу жизни⁶².

На всей территории Дагестана, особенно Внутреннего, в V–VI вв. происходило дальнейшее развитие основных отраслей сельского хозяйства – земледелия и скотоводства. Расширялись площади пахотных земель, а следовательно, увеличивались урожаи основных зерновых культур: пшеницы, ячменя, овса, проса. Террасное земледелие, в основе которого лежал титанический труд земледельца по сохранению и освоению пахотных участков и который отражал многовековой агротехнический опыт горцев, стало занимать заметное место в хозяйственной деятельности населения⁶³.

Археологические раскопки показывают, что в V–VII вв. ремесла достигают высокого уровня. Совершенствуются различные виды ремесла: гончарное, строительное, кузнечное, бронзолитейное, ювелирное. Многие населенные пункты Дагестана, появившиеся как военно-политические центры, превращаются со временем в очаги торгово-ремесленной деятельности. Можно выделить два вида сел и городов: одни находились в прибрежной зоне Каспия, на трассе международного значения, соединявшей страны Ближ-

него Востока с Юго-Восточной Европой, Поволжьем, Северным Кавказом; другие же возникли во внутренних районах. К первым относятся Топрах-кала, Дербент, Урцеки, Махачкалинское городище и др. В VII в. в “государстве гуннов” было уже, судя по “Армянской географии”, несколько городов: Варачан, Чунгарс, М.с.н.д.р. (Семендер). Ко второй категории относился ряд ремесленных центров, имевших местное значение и связанных, как правило, с близлежащей округой. Это поселения близ Агачкали, Бежты, Галла, Гапшим, Гоцатля, Хлюта, Верхнего Казанища и многих других населенных пунктов⁶⁴. К этой группе можно отнести и городище Торпах-кала, расположенное южнее Дербента, около современной станции Белиджи⁶⁵. Торпах-кала и есть тот самый город Шахристан-и-Иездигерд, строительство которого связано с именем Иездигерда II⁶⁶.

Важным экономическим центром стал Дербент, который превратился в город феодального типа. Как известно, представители арабской исторической литературы отмечали, что структура восточных городов была довольно сложной. В частности, многие города имели двухчастное или трехчастное деление. В первом случае это были собственно город (мадина, или шахристан) и цитадель (кала, или кухендиз). Во втором же кроме них существовал еще рабад – внешний город, первоначально – предместье. В VI – первой половине VII в. Дербент имел двухчастную структуру, состоял из шахристана и кухендиза, и лишь впоследствии, после установления здесь власти халифата и превращения города в крупнейший торгово-ремесленный центр Кавказа, он приобрел более сложный внутренний облик⁶⁷.

В прибрежной же полосе, вплоть до середины VIII в., процветал “великолепный город Варачан”, отождествляемый рядом ученых с городищем Урцеки. Урцеки был как административным, так и ремесленным центром. Здесь развивалось кузнечное и керамическое производство, ювелирное и строительное дело⁶⁸.

Крупным ремесленным центром был и упомянутый выше Зерехгеран (современное Кубачи и ряд соседних селений). Персидское название этого центра означает “бронники”, оно дает основание предположить, что ремесленное производство было известно здесь еще в VI в., т.е. до прихода арабов. В последующем значение этого центра растет, и в X в. мы можем говорить уже о существовавшей специализации некоторых ремесел.

В связи с наметившейся специализацией селений на производстве отдельных видов ремесленных изделий, усилился торговый обмен между районами Дагестана, между ремесленными центрами, с одной стороны, и земледельческими и скотоводческими хозяйствами – с другой. Успехи ремесла, земледелия, скотоводства неминуемо вели к росту торговли, как местной, так и международной. Если до VII в. торговая деятельность на международной арене сдерживалась военно-политическими факторами, то впоследствии, в VIII–X вв., наблюдается небывалый до этого расцвет в этой области. В основе его лежит факт перемещения в бассейн Каспийского моря торговых путей, соединивших страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Нижним Поволжьем, Северным Кавказом. Дербент стал крупнейшим портом на Каспии, центром ремесла и торговли, транзитным пунктом международного уровня.

§ 3. Социальный строй

Социальное развитие дагестанского общества определялось многими важными факторами, как внутренними, так и внешними. Внутренние факторы – это дальнейшие успехи земледелия, ремесла, торговли, становление и укрепление малой семьи, возникновение и расширение позиций частной собственности. Внешние факторы – это политика (налоговая, земельная и т.д.) сасанидского Ирана и Арабского халифата на завоеванных землях, в частности в Дагестане. Политика этих стран, ставших на путь формирования раннефеодального общества, содействовала ускорению социального развития.

Существенную роль в социальном развитии дагестанского общества сыграло то обстоятельство, что часть его длительное время находилась в составе Кавказской Албании – одного из наиболее ранних государств на территории нашей страны. В состав албанского классового общества входили отдельные союзы племен или союзы союзов (суперсоюзы), возглавляемые своими “царями” до объединения их под единой властью.

К IV–V вв. относятся первые данные о “царях” в горских обществах. Егише Вардапет сообщает об “одинадцати царях” горцев, выступивших против сасанидского Ирана⁶⁹. Так, в записи, датируемой 371 г., он же пишет о Шергире, “царе леков”. Очевидно, “царь леков” – правитель сравнительно большой территории, в то время, как одинадцать горских “царей” можно рассматривать как вождей отдельных племен или их союзов. К VI в. сообщения о правителях становятся более определенными. Эти сообщения связаны с деятельностью знаменитого персидского шаха Ануширвани, который “выбрал... правителей (мулук, ед.ч. – малик) и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью. Среди них хакан горы, а он сахиб ас-Серир, и называется он вахрарзаншах (вариант: вахрараншах), малик Филана, а он филаншах, табасараншах, малик ал-Лакза – он с титулом джуршаншах, малик Маската, владение (мамлака) которого ныне не существует, малик Лирана, а он лираншах, малик Шарвана, а он шарваншах. И назначил он сахиба Бухха над Буххом, сахиба Зерекарана (вариант: Зерехкаран) над Зирикараном”⁷⁰.

Иранский шах сохранил в Дагестане существующее положение, не создал новую административную структуру, а утвердил и подкрепил положение местных правителей, присудив им титулы иранского происхождения. «Нуширван, сын Кубада... построил несколько городов, среди них – город, входивший в число семи городов Мадаина, и назвал его “Бех аз Андийу”. Отметим, что румийское название этого города – ал-Мадаина. Значение “Бех аз Андийу” – “лучший из Антакии”, который построил от моря до горы – около 20 фарсахов. Он обосновал в каждой стране (тараф) предводителя (каид), выделив ему войско, отдав им земельный участок (сук) в качестве дийа, определил его вакфом их потомкам. Их потомки стали с того времени охраной пределов страны (Дербентского оборонительного комплекса. – А.Ш.). Он одарил каждого из каидов в день его назначения на охрану определенного ему сагра (пограничной области) халатом (каба), разрисованным различного рода рисунками. Предводитель носил титул по названию того рисунка,

что на халате. Так появились имена: банграншах – “шах кабанов”, ширваншах – “шах львов”, филаншах – “шах слонов”»⁷¹.

Указанные выше изменения на политической карте Дагестана в IV–VI вв. – появление первых самостоятельных государственных образований во главе с правителями (малик, шах, сахиб, хакан) – свидетельство перехода Дагестана в стадию раннеклассового общества. Возникновение городов со сложной структурой (цитадель и собственно город; цитадель, собственно город и рабад), укрепленных поселений, многочисленных “городов” и “крепостей” – это факторы, сопровождающие процессы социального развития.

В середине VII в. в степях Северо-Восточного Кавказа сложилось Хазарское государство, первое феодальное государство в Восточной Европе, отличавшееся обширными размерами и военно-политической мощью, успешно соперничавшее с такими крупнейшими державами, как Византийская империя и Арабский халифат. Каганат просуществовал более трехсот лет, от 20–30-х годов VII в. до середины X в.

Формирование Хазарского каганата – длительный и сложный процесс. Хазары первоначально входили в состав гуннского племенного объединения, занимавшего с конца IV в. Прикаспийские и Донские степи. Как уже указывалось, распад гуннской империи в середине V в. способствовал в течение некоторого времени самостоятельному развитию ряда крупных тюркоязычных племен: барсилов, савир, аваров, болгар, хазар⁷².

Во второй половине VI в. хазары, как и другие народы Северного Кавказа, попали в зависимость от державы Тюркского каганата, образовавшегося в середине VI в. в Центральной Азии.

Тюркский кагант сыграл важную роль в истории хазар: ворвавшись в Предкавказье, тюрки покорили, как пишет арабский автор ат-Табари (ум. в 923 г.), болгар, беленджер (б.н. дж.р.), хазар; каганат способствовал консолидации хазар с рядом родственных племен.

В первой трети VII в. произошло важнейшее событие, сыгравшее решающую роль в судьбах хазар. Тюркский каганат, образованный из многочисленных, хотя в основном и этнически близких племен, распался, и на его развалинах возникли новые государства. В Приазовье и на Тамани появилась Великая Болгария, а в северо-восточной части Северного Кавказа сформировался Хазарский каганат. Со временем территория каганата расширилась, а племенной союз хазар и болгарских племен дал начало классовому государству⁷³. К концу VII в. хазары господствовали в основном на Восточном Кавказе, включая прибрежную полосу Каспийского моря до Дербента. К IX в. границы Хазарского каганата доходили на юге до р. Сулак, иногда вплоть до линии дербентских укреплений; на западе каганат включал степи и предгорья Прикубанья, Приазовские степи и большую часть Крыма, Подонье. Левый берег Дона, где в 835 г. был построен Саркел, был границей с мадьярами, кочевавшими между Доном и Днепром. С середины VIII в. Поволжье и Подонье становятся главными областями Хазарии. Помимо Северного Кавказа, Подонья и Нижнего Поволжья, Хазарии подчинялось, вплоть до ее крушения, почти все Поволжье, следовательно, под ее контролем находился Великий Волжский путь, по которому шла оживленная торговля между Востоком и Западом. Под властью Хазарии находились буртасы, Волжская Болгария, часть славян⁷⁴. Русская летопись отмечает, что хазары

“брали дань с полян и с северян, и с вятичей, брали по серебряной монете и по белке с дыма”⁷⁵. Под властью каганата оказалась значительная по своим размерам территория и крупнейшие торговые пути региона.

Столицей Хазарского каганата был первоначально Семендер. Локализация Семендера оказалась для исследователей весьма сложной задачей. Большинство российских и зарубежных авторов отождествляют его с остатками городища, расположенного в современном селении Тарки и его окрестностях. Однако имеются и другие мнения.

В первой четверти VIII в. Семендер перестал быть столицей Хазарии: вместо него был выбран другой город, расположенный в более безопасном месте. Столицей Хазарского каганата стал г. Итиль в Нижнем Поволжье, у впадения Волги в Каспийское море.

Однако Семендер не потерял своего значения как торгового центра и как города со значительной сельскохозяйственной периферией. Напротив, в VIII–X вв. (вплоть до 965 г.) он оставался значительным торговым центром, он упоминается во всех сухопутных маршрутах вдоль западного побережья Каспийского моря.

Археологические данные убедительно показали, что Терско-Сулакское междуречье, древний центр каганата, было в VI–VII вв. территорией, отличавшейся густонаселенностью, обилием поселений, свидетельствующих о доминировании оседлой земледельческо-скотоводческой культуры. Наибольшая концентрация памятников наблюдается в предгорьях и в переходной зоне, по долинам рек Сулак, Акташ, Ярыксу, Аксай. Установлено также, что наиболее сильное обживание Терско-Сулакского междуречья относится именно к хазарской эпохе.

В VII–VIII вв. основными видами хозяйственной деятельности Хазарии становятся земледелие и скотоводство, причем земледелие было орошаемое (в древних долинах). В Терско-Сулакском междуречье обнаружены остатки древних ирригационных каналов. В земледелии преобладали виноградарство и садоводство, важное значение имели также зерновые культуры. Археологические работы выявили также бытование в каганате развитого ремесленного производства, вплоть до специализации его отдельных отраслей⁷⁶.

Характерная особенность Хазарского каганата IX–X вв. – это наличие множества городов.

Относительно Баланджара можно сказать, что он был расположен в районе Верхнего Чирюрта в Северном Дагестане. Баланджар представлял собой и отдельный населенный пункт, и самостоятельное значительное этнополитическое объединение середины VI – 20-х годов VIII в.⁷⁷

Таким образом, возникновение и формирование Хазарского каганата как обширного и самостоятельного государства содействовало быстрой реализации возможностей земледельческого и скотоводческого хозяйства, развитию земледельческих и скотоводческих навыков, традиций, росту ремесла, торговли и, в конечном счете, той имущественной и социальной дифференциации, которая послужила основой возникновения раннеклассового, раннефеодального общества. Этнические общности, существовавшие в пределах каганата или недалеко от него, испытывали в течение трехсот лет его влияние. Благодаря этому они были вовлечены в общий для всего Северного Кавказа процесс этносоциального развития.

Эти важные условия внутреннего развития каганата дополнялись международным аспектом. Каганат наиболее активно противостоял арабской агрессии на Северном Кавказе, защитив от арабов Восточную Европу.

- ¹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 12–13.
- ² Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 30; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 116.
- ³ См.: Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала, 1993. С. 279–281.
- ⁴ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СС XXVI. 1883, март. С. 23. Сообщение взято из “старого списка”. “Новый список” свидетельствует: “К северу (от Дербента) близ моря находится... царство гуннов, на западе у Кавказа город гуннов, Вараджан, а также города Чунгарс и Мсндр (Семендер)” (Там же. С. 31).
- ⁵ Фавстос Бузанд. История Армении / Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геровчяна. Ереван, 1953. Кн. III. Гл. 7. С. 15; См. также: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959. С. 17; Абегиан М. Из истории древнеармянской литературы. Ереван, 1948. Т. 1. С. 151.
- ⁶ Патканов К. Указ. соч. С. 31.
- ⁷ Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Вараджана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 181–196. Недавно было высказано мнение, что по архитектуре, материальной и духовной культуре, по облику некрополя, Урцеки – это чисто дагестанский город, без каких-либо ярких черт гуннской культуры; отождествление урцекского памятника с Вараджаном неубедительно, так как Вараджан – это ставка гуннов, их столица (см.: Гаджиев М.С. О местоположении Вараджана // Российская археология. 1995. № 2. С. 29–35).
- ⁸ Гадло А.В. Указ. соч. С. 86–91.
- ⁹ Егише. О Вардане и войне армянской. Тифлис, 1904. Вып. VII. С. 197–198, 169 (на арм. яз.); Каланкатуаци Мовсэс. История страны Алуанк. I. 10 / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984. С. 28.
- ¹⁰ Патканов К. Указ. соч. С. 29–31. В перечне племен, упоминаемых Вардапетом Егише, встречаются: гунны, лпины, чилбы, хечматаки, ваты, гавы, глуары, хрсаны, пасхи, посхи, пюкуане, катшы, гелы, “все войско Табасарана, горного и равнинного” (Егише. Указ. соч. IV. 94 (с. 92); V. 116 (с. 107)).
- ¹¹ Гаджиев М.С. К этнической истории Дагестана албанского времени // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Дагестана: Тез. докл. Орджоникидзе, 1986. С. 4–10; Тревер К.В. Указ. соч. С. 192.
- ¹² Магомедов Р.М. Далекое прошлое Дагестана. Махачкала, 1940. С. 17–18.
- ¹³ Тревер К.В. Указ. соч. С. 44–48.
- ¹⁴ Цит. по: Там же. С. 47; См. также: Страбон. География. Л., 1964. С. 477; Он же. Кн. V. Гл. 5.
- ¹⁵ История Егише Вардапета. Борьба христианства с учением Зороастровым в пятом столетии в Армении / Пер. с арм. П. Шаншиева. Тифлис, 1853. С. 195; История Армении... С. 174; Патканов К. Указ. соч. С. 29–39; Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 81.
- ¹⁶ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 25; Магомедов Р.М. Далекое прошлое Дагестана. С. 17; Маршаив Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991. С. 8; Абдулаев И.Х., Микаилов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов лег и лак // Этнография имен. М., 1971. С. 15.

- ¹⁷ *Леонти Мровели*. Указ. соч. С. 43.
- ¹⁸ *Тревер К.В.* Указ. соч.
- ¹⁹ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. СПб., 1861. С. 191–192.
- ²⁰ *Гаджиев М.С.* Миссия ишхана Албании Вараз-Трдата к князю гуннов Алп-Илитверу и вопросы исторической географии Восточного Кавказа (в печати). М.С. Гаджиев высказал мысль о том, что впоследствии эта территория называлась: Эрети – в грузинских хрониках; Шаки – у арабских географов: Баб-Либаншах – у Ибн Хордаеха; саддал – Л. б.н. – у ал-Балазури (*Гаджиев М.С.* К этнической карте. С. 10).
- ²¹ *Гаджиев М.С.* Миссия ишхана Албании Вараз-Трдата к князю гуннов Алп-Илитверу...
- ²² *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165.
- ²³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. 1. С. 97–99.
- ²⁴ *Гадло А.В.* Указ. соч. С. 150, 152.
- ²⁵ *Гмыря Л.Б.* Прикаспийский Дагестан... С. 278–308; *Она же.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995.
- ²⁶ История Егише Вардапета. С. 123, 157; История императора Иракла: Сочинение епископа Себеоса. СПб., 1862. С. 29, 76, 159, 164; История Армении Моисея Хоренского. М., 1893. С. 113, 151; История агван... С. 80, 90, 104–105, 109–110, 126–127, 150; *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 276–277; *Мамедов Т.М.* Албания и Антропатена. Баку, 1977. С. 39, 98–101; *Саидов М.С., Шихсаидов А.Р.* “Дербенд-наме” (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 41; *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М., 1982. С. 80–81; *Он же.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1975. С. 74–76.
- ²⁷ История агван... С. 131.
- ²⁸ Там же. С. 126–127; См. также: *Мамедова Ф.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986. С. 92.
- ²⁹ *Магомедов Р.М.* Дербент. Махачкала, 1940. С. 6; *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 79–80; *Мамедов Т.М.* Указ. соч. С. 99–100.
- ³⁰ *Юшков С.В.* История Дагестана // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (РФ ИИАЭ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. С. 33–34.
- ³¹ Очерки истории Дагестана. С. 33; *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала. 1978. Т. 1. С. 16.
- ³² История Дагестана. Т. 1. С. 123.
- ³³ История агван... С. 192.
- ³⁴ История халифов Вардапета Гевонда / Пер. с арм. К. Патканьяна. СПб., 1862. С. 27–28.
- ³⁵ История агван... С. 90–261.
- ³⁶ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963. С. 10 (араб. текст).
- ³⁷ История агван... С. 86–87.
- ³⁸ *Мамедова Ф.* Указ. соч. С. 89.
- ³⁹ В составе Албании и в античное время, и в раннесредневековый период был весь Южный Дагестан (*Гаджиев М.С.* Южный Дагестан в III–IV вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 16).
- ⁴⁰ *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 79.
- ⁴¹ Там же. С. 65, 80; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. 1. С. 100–101.
- ⁴² *Мамедова Ф.* Указ. соч. С. 91.

- ⁴³ Подробно о Серире см.: *Бейлис В.М.* Из истории Дагестана VI–XI вв. Серир // Ист. зап. М., 1965. С. 73.
- ⁴⁴ *Ахмедов Ш.М.* К вопросу о дагестано-сасанидских взаимоотношениях в III–VI вв. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.
- ⁴⁵ Цит. по: *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 197; См. также: *Хоренский М.* Указ. соч. С. 151.
- ⁴⁶ *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 71.
- ⁴⁷ *Мамедова Ф.* Указ. соч. С. 90.
- ⁴⁸ Цит. по: *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 311; См. также: *Егише.* Указ. соч. С. 94.
- ⁴⁹ История Егише Вардапета... С. 194–195; *Орбели.* V. С. 107, 115–116.
- ⁵⁰ Цит. по: *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 212; См. также: *Егише В.* Указ. соч. С. 128.
- ⁵¹ История Егише Вардапета... С. 332–335.
- ⁵² История Армении Мовсеса Хоренаци. Тифлис, 1881 (на древнеарм. яз.). Кн. II. Гл. 65; *Мамедов Т.М.* Указ. соч. С. 83.
- ⁵³ *Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк. II, IV. С. 71.
- ⁵⁴ Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. XXII. С. 23.
- ⁵⁵ См.: *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 73–105; *Он же.* “Длинные стены” на Восточном Кавказе // Вопр. истории. 1979. № 11.
- ⁵⁶ Дербентскому оборонительному комплексу посвящена обширная отечественная и зарубежная литература.
- ⁵⁷ *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 84; *Он же.* Феодальный Дербент. М., 1993.
- ⁵⁸ Цит. по: *Шихсаидов А.Р.* Книга ат-Табари “История посланников и царей” о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 69. См. также: *Annales quos scripsit Abu Djabar Mohammad Ibn Djarir at-Tabari cum aliis / Ed. M.J. de Goeje Lugduni Batavorum. 1879. Ser. 1. S. 895.*
Указание о Джурдане ошибочно, так как речь идет о районе Дербента. Исследованиями археологов установлено, что строительный камень добывали и обрабатывали на месте.
- ⁵⁹ *Masoudi.* Les Prairies d’or: Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. T. II. P. 1–3.
- ⁶⁰ *Баладзори.* Книга завоевания стран / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927. С. 193–195 (араб. текст – с. 5–6); См. также: *Футух ал-булдан таскиф...* Ахмад б. Йахья б. Джабир ал-Балазури. Бейрут, 1407/1987. С. 273–274.
- ⁶¹ *Баладзори.* История завоевания стран. С. 12 (на араб. яз.); См. также: *Футух ал-булдан таскиф...* С. 196–197 (на араб. яз.).
- ⁶² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. С. 104.
- ⁶³ *Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2; *Агларов М.А.* Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности на землю у аварцев (до XX в.) // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (далее: Учен. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР). Махачкала, 1964. Т. 13.
- ⁶⁴ О ремесленном производстве в горах в раннесредневековом Дагестане имеется значительная литература: *Маммаев М.М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и средневекового времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; *Он же.* К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища // Учен. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР. 1969. Т. 19; *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963; *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент; *Он же.* Феодальный Дербент; *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследование раннесредневековых укреплений поселений горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983; *Магомедов М.Г.* Древние политические цен-

- тры Хазарии // Сов. археология. 1975. № 3; *Гмыря Л.Б.* Столовая керамика андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980; *Гаджиев М.С.* Столовая керамика Южного Дагестана на рубеже албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984; *Гаджиев М.С.* Промыслы и ремесла Дербента албанского времени // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1988.
- ⁶⁵ *Башкиров А.С.* Изучение памятников страны Дагестан // Дагестанский сб. Махачкала, 1927. Вып. III. С. 235–236; *Исаков М.* Исчезнувший город в Дагестане // Ист. журнал. 1941. № 6.
- ⁶⁶ *Гаджиев М.С.* Дагестан в III–V вв. С. 9; *Он же.* К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и-Иездигерд // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
- ⁶⁷ Подробнее см.: *Шихсаидов А.Р.* Арабские источники IX–X вв. о Дагестане. Книга ат-Табари “История пророков и царей” как источники по истории Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 324 (1971 г.); *Кудрявцев А.А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976. С. 100, 125–129. О структуре восточного города см.: *Шихсаидов А.Р.* Арабские источники IX–X вв. и вопросы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 25.
- ⁶⁸ *Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.* Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1964 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 33394; *Котович В.Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. С. 191–192; *Магомедов М.Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1970. С. 8.
- ⁶⁹ История Егише Вардапета... С. 333.
- ⁷⁰ Футух ал-булдан тасниф... ал-Балазури. Бейрут, 1407/1987. С. 276 (на араб. яз.).
- ⁷¹ Hamzae Israhaniis Annalum libri. X. / Ed. J.M.E. Gottwald. Petropoli Lipsiae, 1844. T. I: Textus arabicus. С. 57 (на араб. яз.).
- ⁷² *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 128–130; *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1986. С. 13.
- ⁷³ *Плетнева С.А.* Указ. соч. С. 31.
- ⁷⁴ *Новосельцев А.П.* Древнерусско-хазарские отношения и формирование территории древнерусского государства // Феодализм в России. М., 1987. С. 194; *Он же.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 111.
- ⁷⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 214.
- ⁷⁶ Подробнее см.: *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. С. 102–154, 178–179, 185–187.
- ⁷⁷ *Гадло А.В.* Указ. соч. С. 124.

Глава вторая

Дагестан и Арабский халифат в VII–X веках

§ 1. Арабские завоевания в Дагестане

Арабские завоевания и героическая борьба дагестанских народов за сохранение независимости или за освобождение занятых земель стали одним из самых важных явлений исторической жизни Дагестана в раннем средневековье¹. Создание Арабского халифата в VII в. было чрезвычайно важным событием в мировой истории, новой страницей в жизни народов стран Ближнего и Среднего Востока, сыграло важную роль в судьбах народов Кавказа, особенно Восточного.

В V–VI вв. в Аравии произошли важнейшие перемены в политической, государственной, экономической жизни. Распались древние государства, потеряли свое значение города, стоявшие на международной торговой трассе, усилились противоречия между оседлым и кочевым населением, между различными слоями общества. На этом фоне возникал новый мир: рождалось новое государство, опиравшееся на динамическое соотношение оседлого и кочевого населения, возникали новые союзы кочевых племен и жителей города, значительно оживились внутриаравийские торговые связи, возвысились новые торгово-политические центры, например Мекка. “Шел процесс этнической и культурной консолидации и интеграции Аравии. Повсюду распространялись единый арабский язык, общая словесность, элементы общего самосознания. Шел далее процесс перехода от родоплеменного строя к раннеклассовому...”²

Закономерной особенностью стало создание общеарабского государства вместо патриархального общества с родоплеменной организацией, племенной рознью и враждой³.

Важным фактором в завершении процесса экономического, политического, этнического и культурного объединения Аравии стал ислам⁴. Несмотря на изначальное неприятие идей ислама, новая религия по ряду причин, в том числе и проповеди равенства всех мусульман, стала огромной политической силой, которая способствовала централизации власти и объединению Аравии. Основание религии ислама и первой мусульманской общины связано с именем Мухаммеда. Он родился ок. 570 г. в Мекке в знатной, но небогатой семье. Начало проповеди новой религии относится примерно к 610 г., первоначально без видимого успеха. Не найдя поддержки в Мекке, Мухаммед был вынужден переселиться вместе со своими немногочисленными сторонниками в другой город, Йасриб, что в 400 км к северу от Мекки. Город Йасриб стал впоследствии называться “городом пророка” или просто городом (ал-Медина). Переселение Мухаммеда из Мекки в Медину называется хиджрой (буквально – “выселение”, “эмиграция”). Хиджра имела место в сентябре 622 г. Мусульманское летоисчисление по хиджре основано на лунном календаре, первым днем которого считается 16 июля 622 г.

Движение за объединение многочисленных племен Аравийского полуострова, связанное с именем Мухаммеда, вылилось при его преемниках в широкую полосу войн и за распространение ислама, и за захват чужих территорий. Потребовалось лишь два с половиной десятка лет, чтобы подчинить огромную территорию за пределами Аравии, принадлежавшую раньше находящимся в глубоком кризисе Византийской империи и сасанидскому Ирану. Сасанидская держава, просуществовавшая пятьсот лет, рухнула под ударами выходцев из Аравийского полуострова, а Византия потеряла значительную часть своих земель.

В этих завоеваниях ярко проявились две взаимосвязанные тенденции ислама: оправдание иерархически устроенного, социально неоднородного общества, с одной стороны, и равенство всех людей перед Аллахом, с другой⁵. Вторая тенденция сыграла огромную роль в сравнительно легких победах арабского оружия. Население сасанидского Ирана и Византийской империи видели в лице арабов “избавителей” от тяжелого ига своих правителей. Обширная территория Арабского халифата простиралась на тысячи километров, от Испании до Индии, от Йемена до Северного Кавказа, охватывала земли, в несколько десятков раз превышающие площадь собственно арабских земель, включала очаги ряда крупных, мирового уровня цивилизаций.

Во многих местах арабские войска встречали упорное сопротивление, сельское население и горожане нередко с оружием в руках выступали за свою независимость. История Закавказья и Средней Азии полна многочисленных примеров народных возмущений и открытых выступлений⁶.

Продолжительная борьба происходила и на территории Дагестана. Она привлекала внимание арабов и как важный стратегический рубеж, и как перекресток международных торговых трасс. Именно здесь пересекались пути, соединяющие Восточную Европу со странами Передней и Средней Азии. Западное побережье Каспийского моря и само море были связующим звеном между Восточной Европой, Поволжьем, Доном, Средней Азией, ближневосточными странами. Экономическое значение территории Восточного Кавказа в судьбах Арабского халифата все больше росло.

Упрочение власти арабов на Восточном Кавказе означало также создание таких условий, которые позволили бы спокойно эксплуатировать богатые районы Закавказья и Ближнего Востока.

Важное торгово-экономическое и стратегическое значение Дагестана и предопределило ожесточенный характер столкновения на его территории интересов Арабского халифата и Хазарского каганата – двух крупных держав раннего средневековья. Арабская экспансия встретила упорное, все растущее сопротивление дагестанских народов, которые, несмотря на отсутствие политического единства, единого объединяющего и организующего центра, сумели долгое время отстаивать свою независимость, а когда ряд земель оказался под властью арабов, то смогли вести продолжительную, нередко совместную освободительную борьбу.

Можно выделить три этапа в восточнокавказской политике арабов, во взаимоотношениях халифата и народов Дагестана.

Первый этап охватывает период от первых арабских походов до конца 50-х годов VII в. Хронологически он охватывает примерно 20 лет. Основная цель походов – укрепиться в районе Дербента. В то же время совершаются

глубокие разведывательные рейды к северу от города. Первые походы арабов на территорию Дагестана носят разведывательный характер, причем начало им было положено в 22/642–643 гг. Знаменитый арабский историк ат-Табари (ум. в 929 г.) дает подробное описание этого похода. По поручению арабского полководца Сураки “Абдаррахман ибн Рабиа пошел на правителя (малик) ал-Баба, а правителем там был тогда Шахрбараз, из персов. Он контролировал эти походы (фурадж)”⁷. Малик Дербента Шахрбараз согласился подчиниться арабам при условии, если ему будут предоставлены определенные гарантии. Сохранился текст исключительной важности документа – охранной грамоты, выданной правителю Баб ал-Абваба и жителям Арминии: “Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это то, что пожаловал Сурака ибн Амр, амил повелителя правоверных Умара ибн ал-Хаттаба, Шахрбаразу и жителям Армений⁸ и ал-Армана. Он представляет им безопасность (аман) их жизни и имущества, религиозной общины (милла), если они не будут совершать вредные поступки и выступать (против). Что касается жителей Арминии и ал-Абваба... то он договорился с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (вали) сочтет благим. Кто согласен на это, тот освобождается от повинностей (джиза), кроме призыва в войско (харш), а призыв в войско – это замена их повинностей. [Если] в ком-либо из них не будет нужды и он останется [на месте], то на нем то же, что и на жителей Азербайджана по части повинностей, указания пути [дилал] и стоянки воина в течение суток. Но если они собраны [в войсках], то все это снимается с них; если же оставлены [на своих местах], то берется с них...”⁹.

Последующие события наглядно показали, что “мирный договор” не стал гарантией безопасности контингента арабских войск, не укрепил их власть в районе Дербента. Четыре следующих похода арабов в район Дербента в течение каких-то восьми лет свидетельствуют о безуспешном исходе первых попыток укрепиться в этом стратегически важном участке Восточного Кавказа.

Арабы придавали покорению Восточного Кавказа огромное значение. Арабский военачальник Салман ибн Рабиа переправился через Куру, занял Кабалу и заключил мир с правителями (малики) Шекки и Камибарана. “Заключили с ним мир и жители Хайзана, малик Ширвана и остальные малики гор, жители Маската, Шабирана и города ал-Баба”¹⁰. В этом тексте слова “остальные малики гор” относятся, вероятнее всего, к правителям ряда мелких дагестанских владений. Ал-Якуби писал о “мире”, который заключили с арабами “малик Лакзов, жители Шабирана и Филана”. Арабский автор Ахмад ал-Куфи дает более подробные сведения о позиции этих правителей: Салман “направил послов к владыкам гор (мулук ал-джибал)... К нему прибыли владыка (малик) ал-Лакза, владыка Филана и владыка Табасарана. Все они доставили ему деньги и подношения и согласились ежегодно вносить известную контрибуцию”¹¹.

После этого арабы двинулись в сторону Дербента (ал-Баб), где в то время находилось, со слов арабского историка, 300-тысячное хазарское войско. Битва длилась в течение шести дней. Арабские авторы также пишут о печальном для мусульман исходе этого сражения, произошедшего около Баланджара. В 31/651–652 г. Дербент был взят. Правителем города в 32/652–653 г. был Абдаррахман ибн Рабиа, брат Салмана.

Второй этап продолжался примерно 60 лет (от начала 60-х годов VII в. до начала 20-х годов VIII в.). События происходили в сложной, но порой благоприятной для Дагестана внешнеполитической обстановке. Дело в том, что в 50–80-е годы VII в. Арабский халифат не мог активно участвовать в кавказской политике, так как переживал этап внутренних распрей и смут, связанных с борьбой Омейядов, с одной стороны, и шиитов-алидов – с другой. Что касается Хазарии, то она усилила свое политическое влияние на Закавказье и фактически господствовала здесь в 80–90-х годах VII в.

В конце VII в. в связи с активизацией деятельности Халифата обстановка на Восточном Кавказе в корне изменилась. В конце VII в. положение Омейядов в Халифате значительно упрочилось, и в значительной степени это было связано с реформами халифа Абдалмалика (685–714). В этой обстановке арабо-хазарское противостояние на Восточном Кавказе приобрело новую силу.

Походы второго периода показывают, что позиции арабов в Дербенте в конце первого периода оказались непрочными. Город неоднократно переходил из рук в руки, подчиняясь то арабам, то хазарам. Известные в науке (по закавказским материалам) вторжения хазар в 662, 664, 669 гг. в Закавказье¹² проходили именно через Дербент. Однако со стабилизацией внутривосточного положения в халифате походы в сторону Дербента возобновляются. Дербент снова оказывается во власти арабов. В 713–714 гг. Маслама предпринимает безуспешный поход из Дербента в сторону Тарку¹³.

Третий этап охватывает 40-летний отрезок времени от начала 20-х годов до середины VIII в. Это время наиболее интенсивной, бескомпромиссной арабо-хазарской войны, время почти непрерывавшихся, почти ежегодных вторжений арабских войск как на просторы Северного Кавказа, так и в глубинные районы Дагестана. Борьба за господство на Северном и Восточном Кавказе достигает апогея, в ней решалась судьба региона в целом, определялась его будущая ориентация на многие десятилетия и, возможно, столетия во многих сферах: политике, экономике, культуре, дипломатии, идеологии. Сочинение арабского историка ат-Табари, автора грандиозной “Истории посланников и царей”, дает яркое представление о напряженной и сложной, противоречивой полосе арабо-хазарских и арабо-дагестанских взаимоотношений в VIII в.¹⁴ Хорошо просматривается основная тенденция военнополитических событий – укрепление позиций халифата в Восточной Европе и окончательно в Дербенте. Третий этап завершился демонстрацией успехов арабов и непоправимыми неудачами Хазарского каганата.

Именно на этот период приходится самое большое число арабских походов во Внутренний Дагестан и самое значительное число опустошений в этих районах. Об одном из таких походов Балами пишет, что в 113/732 г. Джаррах “позвал одного из своих приближенных, дал в его распоряжение три тысячи воинов и сказал ему: иди в сторону земли Кайтак, разорь все, что встретишь, убивай каждого, кто вздумает оказать сопротивление вам, и вернись ко мне до восхода солнца. Потом он позвал другого человека, дал в его распоряжение две тысячи воинов и сказал ему: иди в земли Йерси и Дарвак и также вой и разорь. Сам Джаррах с остальной частью армии отправился в сторону земли (замин) Нахраван, в шести фарсах от Баб ал-абваба. К утру они вернулись с десятью тысячами крупного рогатого скота и

овец и тремя тысячами невольников...” Далее идет обстоятельный рассказ о сражении с хазарами, о победе Джарраха над ними, о взятии городов Хусайн, Б.р.’у (Таргу), Баланджара (Беленджер) после ожесточенных боев.

Имеется еще одно важное известие. Принадлежит оно арабскому историку IX в. Халифе ибн Хаййату. В 107/725–726 г., как сообщает автор, при наместничестве Масламы арабский военачальник ал-Харис ибн Амр ат-Таи совершил поход на рустак (область) Хашдан (Хайдак?) и страну ал-К.р. (Лакз)¹⁵. Маслама захватил после многодневной осады Баб ал-абваб, предпринял меры по укреплению города как важного опорного пункта для дальнейшего вторжения в земли Северного Кавказа.

С 732 по 739 г. было совершено, по крайней мере, шесть походов в различные районы Дагестана. Так, в 117/735 г. Марван “послал в горы Кабка два отряда”, один через Дарьяльское ущелье – в Аланию (ал-Лан), другой через Дербент – во внутренние районы Дагестана, в земли туманшаха. Наиболее результативным был поход 737 г. Выступив в этом году из Сирии, Марван захватил земли Азербайджана и Армении, приказал войскам, находившимся в Баб ал-абвабе “начать вторжение в страну хазар с целью достижения города Самандара”. Сам же Марван вторгся в Баб ал-Лан (Аланию), где “убивал, брал в плен и сжигал”, затем захватил Самандар и ал-Байда, заставив хазарского хакана принять ислам, причем “вместе с ним приняло ислам множество людей из числа его родных и соплеменников”¹⁶. Вдохновленный этой успешной акцией, он в следующем году опять ворвался в Дагестан. “Из Шаки он отправился в земли ас-Серир. Он добрался до крепости ал-Балал. Это была неприступная и мощная крепость. Он осаждал ее целый месяц, но ничего не мог добиться...”¹⁷ Наконец, 8-тысячному отборному отряду удалось взять крепость, все защитники которой были убиты. Затем “он распределил их жен, детей и имущество между своими воинами и приказал разрушить стены крепости и сравнять их с землей”. Точно так же храбро сражались защитники Кумуха (“и они упорно сражались с ним, но Марван одержал над ними победу и перебил их воинов”), крепости Хунзах¹⁸ (“осаждал ее, но несколько дней никак не мог овладеть ею ни прямо, ни хитростью”), которая была взята только через год, крепости Туман, крепости Хамзин (“вступили с ним в сражение”). В итоге многие горные районы Дагестана оказались под властью арабов, которые навязывали населению Серира, Тумана, Шандана, Зерехгерана, Кайтага, Лакза, Табасарана, Филана тяжелые повинности¹⁹.

Во время этого похода Марван захватил многие земли Хазарии, вышел к Дону²⁰, где захватил 20 тыс. славян, которые потом были поселены “между Самуром и Шабираном, в земле Лакза”. Хазарский хакан и группа его приближенных вынуждены были принять ислам.

Во второй половине VIII в. усилилась антиарабская борьба в Дагестане. Укрепились позиции хазар в районе Дербента, где был разбит многотысячный мусульманский отряд. Халиф предпринял ряд чрезвычайных мер для укрепления своих позиций в Дагестане, особенно в районе Дербента. При правителе Арминии Йазиде ас-Сулами сюда было послано много тысяч мусульманских семей, которые обосновались в населенных пунктах близ Дербента: Камахе, ал-Мухаммади (Химейди), Баб-Ваке (Дарваг)²¹. Халиф ал-Мансур (правил в 754–755 гг.) “нашел необходимым, чтобы в окрестностях

Дербента были поселены мусульмане”, и впоследствии сюда были направлены 7 тыс. мусульман с семьями, построившие крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Мараге, Бильгади²².

Изложенные выше события происходили на заключительном этапе походов арабов в Дагестан. С самого начала IX в. наступила мирная полоса, и главное объяснение этому можно найти в судьбе Арабского халифата. В IX–X вв. халифат не представлял политически единого целого, на его территории возникло большое число самостоятельных государств – Идрисидов и Аглабидов в Северной Африке, Тахиридов в Хорасане, Алидов на южном берегу Каспийского моря, Саффаринов в Хорасане, Саманидов в Мавараннахре, Тулунидов в Египте, Багратидов в Армении.

На Восточном Кавказе, в частности в Ширване и Дербенте, также утвердилась власть самостоятельных правителей арабского происхождения. В Дербенте стала править династия Хашимидов (с 869 г.). Что касается внутренних районов Дагестана, то в IX в. они приобрели полную самостоятельность. Политические образования получили благоприятные внешнеполитические и внутренние возможности для дальнейшего развития своей экономики, культуры, социального строя.

§ 2. Последствия арабских завоеваний

Арабские завоевания и военно-политическая и международная обстановка после них оказали громадное воздействие на раннесредневековый Дагестан во всех сферах жизни: социально-политической, экономической, интеллектуальной. Завоевания привели к огромным разрушениям городов, сел, сельскохозяйственных угодий, падению земледелия и ремесла, свертыванию торговли, к колоссальным человеческим жертвам.

Период арабских завоеваний оказался одним из тяжелых в жизни местного населения Дагестана. Широкую практику приобрели в Дагестане захват добычи и обращение в рабство местного населения. Арабский историк ал-Куфи подробно пишет о двух карательных отрядах, посланных ал-Джаррахом для наказания “земли Хадак” (Хайдак) и местности “в 6 фарсах от города ал-Баб”, и вернувшихся с богатой добычей – 10 тыс. лошадей и 3 тыс. пленных. “Дербенд наме” также описывает этот “удачный” поход: в Каракайтаг и Табасаран были посланы арабским военачальником два карательных отряда, которые “обзавелись” богатой военной добычей. Каракайтагский отряд вернулся с 12 тыс. голов скота, с 2 тыс. туманов серебра и золота, 700 пленными; отряд, посланный в Табасаран, стал обладателем 40 тыс. лошадей, крупного рогатого скота, овец, 2 тыс. пленных²³.

Одним из активных руководителей военных акций на Восточном Кавказе был арабский полководец Маслама, брат халифа Хишама, правивший Ираком и Хорасаном и отличавшийся особой жестокостью.

В своей военно-административной и земельной политике арабы нередко использовали практику и опыт Сасанидов. В целях сохранения своей власти и влияния на завоеванную территорию персидские правители широко практиковали привлечение на свою сторону различных северокавказских народов, в числе которых названы абхаз, банджар, алан. Арабы же стремились

найти сторонников среди населения завоеванных стран путем особой налоговой политики. Сасанидские правители проводили колонизационную политику в северных районах империи, в частности в районе Дербента, куда были переселены многие семейства из внутренних районов государства Сасанидов. Эту же политику проводили арабы, заселившие район Дербента тысячами арабских семей. И Сасаниды, и арабы одинаково успешно практиковали раздачу земель в завоеванных странах, особенно в пограничных областях, своим войнам и переселившимся семьям. Даже в налоговой политике арабы следовали Сасанидам – они сохранили налоговую систему (взыскание поземельного и подушного налога), которая существовала в их государстве²⁴.

Массовый угон населения и его отрыв от хозяйственной деятельности, убийства и разрушения стали обычным явлением, привели к ломке и сокращению производительных сил, развалу исторически сложившегося экономического единства горных и равнинных районов Дагестана. Хозяйственная жизнь во многих областях оказалась на грани деградации. Особенно обременительны были “мирные договоры”, которые арабы заключали с представителями местного населения. Известно, что земли, перешедшие к арабам в итоге завоевательных походов, делились на три категории: земли, завоеванные посредством оружия; земли, оставленные “неверующими”; земли, приобретенные вследствие капитуляции или посредством договора. Последняя категория земель сохранялась за прежним владельцем, но в качестве компенсации за это предполагалась уплата джизьи (подушная подать)²⁵. Крупные успехи арабского оружия в Нагорном Дагестане обернулись для местного населения изнурительными обязательствами по отношению к завоевателям. Марван навязал дагестанским правителям свои условия: правитель Серира обязан был доставлять в Баб ал-абваб 1500 юношей и 500 красивых девушек, 100 тыс. модиев (мудд) зерна; жители Тумана – 150 девушек и 50 юношей, 20 тыс. мудд зерна; малик Зерехгерана – 50 юношей и 10 тыс. мудд зерна; жители Хамзина – 500 юношей и девушек и 30 тыс. модиев зерна одновременно с освобождением от доставок впредь; владелец Синдана (М. сдар?) – предоставить одновременно 100 юношей и девушек, 5 тыс. мудд зерна; жители Лакза – 20 тыс. модиев; жители Табасарана – 10 тыс. мудд (зерна)²⁶.

Согласно приведенной выше классификации договоров, налоги и подати взимались с земель, которые мирно подчинялись арабской власти с условием гарантии безопасности жизни и собственности. Однако источники свидетельствуют о том, что практика была сложнее теоретических положений. “Мирные договоры” с гарантией жизни, имущества и веротерпимости при внесении податей заключались в Дагестане именно с теми местными государственными единицами, которые оказали войскам халифата ожесточенное и продолжительное сопротивление. Договоры подобного рода фактически оформляли мирное завоевание²⁷.

Первые договоры заключались на “добровольных началах” с правителями тех областей Восточного Кавказа, которые изъявили желание подчиниться на условии мирного соглашения. В таких случаях действовало традиционное правило – уплата джизьи и хараджа²⁸, признание ряда повинностей (предоставление постоя, обеспечение армии проводниками) “в обмен” на обещание завоевателей сохранить жизнь и целостность имущества покорен-

ного населения, на право придерживаться старых, “своих” религиозных представлений.

Как известно, в Омейядском халифате существовало несколько городов, населенных осевшими здесь завоевателями²⁹ и поставлявших основную массу военной силы. Это Куфа и Басра в Ираке, а также Дамаск, Химс и Киннисрин в Сирии, Фустат в Египте, Шираз в Иране, Мерв в Хорасане. При этом главные иракские базы – Куфа и Басра – имели свои “сферы влияния” в обеспечении войсками театра военных действий. Войска, сформированные из куфийцев, направлялись в основном в Хосаран и Маверанахр, а басрийские – на север: в Закавказье и районы Южного Прикаспия. Эта практика была господствующей за все время существования халифата³⁰. Однако при первых походах арабов практиковалась отправка куфийских войск в районы Закавказья и Северного Кавказа. Придерживались ли этой политики также и в последующем при Омейядах?

Ибн Асам ал-Куфи вносит ясность и в этот вопрос: арабский полководец Маслама приказал разделить город на четыре “четверти”, т.е. кварталы, заселив их жителями Дамаска, Химса, Палестины, Сирии и Джазиры. “Дербенд-наме” повторяет эти сведения, внося при этом некоторые существенные дополнения: в 115/733 г. Маслама заселил отдельные кварталы арабским населением, причем соответственно названию области именовались квартальные мечети. Таких мечетей было семь: Хадари, Палестинская, Дамаскская, Химская, Кайсарская, Джазирская, Мосульская³¹. Стало быть, арабские жители Дербента были выходцами из Палестины, Джазиры, из городов Дамаска, Хомса, Кейсарии (Мадан), Мосула. Дербент был превращен в своего рода город-лагерь с населением преимущественно из Сирии и Палестины.

В Дагестане во взаимоотношениях с местными правителями арабы придерживались своей традиционной политики. В завоеванных землях Дагестана местные правители оставались на своих местах, они осуществляли от имени арабской власти административную и финансовую политику, они же организовывали доставку ежегодных налогов арабским властям. Замена правителя-дагестанца представителем администрации арабского происхождения была в VII–VIII вв. редким явлением. Только в Дербенте с самого начала арабской колонизации правитель города назначался от имени наместника.

Следует отметить двойную роль Арабского халифата в судьбах стран, вошедших в состав этой крупной державы. Эта двойственность обусловлена изменением характера внешнеполитической и внутривосточной деятельности халифата. В VIII в. халифат выступал государством, освоившим богатые традиции административного управления на значительных территориях. “После почти столетней полосы войн на Ближнем Востоке... раны, нанесенные в завоеваниях, зарубцевались... Все это должно было благожелательно сказаться на экономике и развитии городов”³².

Вхождение части дагестанских земель (преимущественно равнинных вместе с Дербентом) в состав Арабского халифата, стабилизация внутривосточного положения дагестанских владений и включение их в орбиту экономической, торговой и культурной жизни халифата оказались важнейшими благоприятными факторами развития всех сфер жизни общества. На-

ибо более отчетливо это стало прослеживаться в IX–X вв. За это время в принципе было восстановлено нарушенное длительными войнами органическое единство Горного и Равнинного Дагестана как единого экономического организма, отдельные части которого были тесно связаны и взаимообусловлены. Включение Дербента и ряда районов Дагестана в систему товарно-денежных отношений Арабского халифата прослеживается еще в VIII в. К этому времени относится чеканка в Дербенте арабской монеты (дирхемы и фельсы) от имени омейядских, а затем аббасидских халифов. Известно более 50 экземпляров дербентских куфических монет. Самая ранняя из них датирована 115/733–734 г., самая поздняя – 178/734–735 г.). Куфические монеты IX–XI вв. обнаружены и в горных районах Дагестана. Волжско-Каспийский путь приобретает огромное международное значение³³.

Расцвет городской жизни, характерный для всего халифата, прослеживается и в Дагестане. Дербент стал одним из крупнейших городов Кавказа, важным административным и торгово-ремесленным и транзитным центром, тесно связанным со своей сельскохозяйственной округой. До середины X в. в цветущем состоянии находился г. Семендер – значительный пункт на Волжско-Каспийской торговой трассе. В самом Хазарском каганате источники упоминают ряд крупных городов³⁴. В тех случаях, когда дагестанский город включался в состав халифата, это находило отражение в структуре города. Он усиленными темпами становился феодальным. Это наглядно видно на примере Дербента. В VI – первой половине VII в. это был, как уже упоминалось, политический, административный центр с типичной для многих городов сасанидского Ирана двухчастной структурой (цитадель – кала, или кухендиз; собственно город – мадина, или шахристан). При арабах Дербент превратился в феодальный город, став не только военно-административным, но и культурным и – самое главное – торгово-ремесленным и торговым центром. Изменилась и структура самого города, где выделяются не только цитадель (кала) и собственно город (мадина), но и пригород, предместье (рабад)³⁵. По своей величине, значению, роли в сфере торговли, ремесла, культуры, своим связям с сельским хозяйством и влиянием на соседние земли и владения Дербент стал вровень со многими крупными городами халифата.

Изменению подверглись не только социальная структура и исторически сложившаяся топография города. Резко изменился его этнический состав. Дербент становится постепенно арабским городом по преимуществу, одновременно же складывался также его многоэтничный облик, прежде всего за счет растущего притока сельскохозяйственного населения из различных областей Дагестана. Миграция арабского населения в Дагестан приняла первоначально грандиозные для того времени размеры³⁶. Часть этого населения оседала в Дербенте. При военачальнике Масламе арабы, как пишет ал-Куфи, освободили цитадель города от “тысяч хазарских семей”, которые там были, а после этого он “приказал разбить город ал-Баб на четыре сектора: один сектор передали воинам из числа жителей Дамаска, другой – воинам Хомса, третий – воинам Палестины и четвертый – другим воинам из Сирии и ал-Джазиры”³⁷. Из города, выполнявшего функции военного лагеря, Дербент превращался в город нового типа, менялся его социальный и экономический статус. Арабское население, обосновавшееся здесь, – это не

просто военный контингент, а постоянный фактор, связанный с получением с местного населения ренты. Ал-Куфи писал: “Иазид ибн Усайд разделил бывшие с ним войсковые подразделения для обороны Баб ал-абваба и горных проходов, заселил ими эти места и назначил для них нормы продовольствия, которые были еще при Омейядах”³⁸.

Контингент арабского населения (военного и гражданского) значительно увеличивается. Как писал ал-Йакуби, аббасидский халиф ал-Мансур “велел выпустить семь тысяч из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил против хазар, присоединив к ним рабочих и строителей, и построили они город Камах, ал-Мухаммадию, Баб-Вак и другие города, которые он обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов”³⁹.

Вдоль Горной стены была создана система центров (маракиз), опорных баз с расквартированным там арабским населением. Арабский энциклопедист Йакут (ум. в 1229 г.) сообщает, что в оборонительной системе Дербента выделили специальные центры, защиту которых поручили жителям Табасарана, Филана, ал-Лакза, ал-Лайзана, Ширвана⁴⁰.

Много изменений произошло в земельных отношениях⁴¹. Широкое распространение получили условные формы земельной собственности: дийа и икта. Арабская власть активно вмешивалась в существующие категории земельной собственности. Обеспечение потребностей арабских воинов и поселенцев потребовало изъятия земельных участков из распоряжения прежних владельцев и передачу их в государственный фонд для последующего распределения по усмотрению властей. С арабскими завоеваниями связано и распространение ислама в Дагестане, что, в свою очередь, обусловило возникновение новой формы земельной собственности – вакфной.

Арабское влияние на хозяйственную структуру дагестанского общества, на земельные отношения и религию дагестанского общества содействовало упрочению раннефеодальных отношений в Дагестане. В основе этого процесса лежит синтез двух факторов: развитие и социальное расслоение сельской общины и происходившее в халифате классовое образование. Кроме того, арабские завоевания способствовали установлению тесных многосторонних контактов со странами Ближнего Востока.

§ 3. Ислам в раннесредневековом Дагестане

В Арабском халифате “процесс взаимодействия различных цивилизаций породил новую высокоразвитую культуру, языком которой стал арабский, а идеологической основой – ислам, новая монотеистическая религия со своеобразной системой этико-правовых представлений и религиозно-политических институтов, зародившаяся в Аравии и распространившаяся в ходе арабских завоеваний. Эта арабо-мусульманская культура на много веков вперед определила пути развития народов, исповедовавших ислам”⁴².

Распространение арабо-мусульманской культуры в Дагестане, ее глубокое влияние на все слои общества – важный, длившийся столетиями процесс. Основные составляющие этой культуры – арабский язык и ислам – начали проникать в Дагестан вместе с завоевательными походами арабов, но на

многие века пережили эти походы, стали частью культуры дагестанских народов, сыграли огромную роль в формировании письменного литературного наследия, образования, нравственных критериев.

Важным обстоятельством была беспрецедентная, затянувшаяся почти на тысячелетие исламизация Дагестана. Столь длительное распространение мусульманской религии в Дагестане – итог стечения многих обстоятельств. Исламизация остальных областей Дагестана (Дербент, Табасаран, часть Лакза, Хайдака) не происходила одновременно в отдаленных горных и высокогорных районах. Политическое господство не всегда сопровождалось победой в области идеологии. Арабские завоевания в Дагестане прекратились в начале IX в., а ислам, несмотря на военный нажим и экономические мероприятия, утвердился к этому времени на территории, занимающей примерно пятую часть региона.

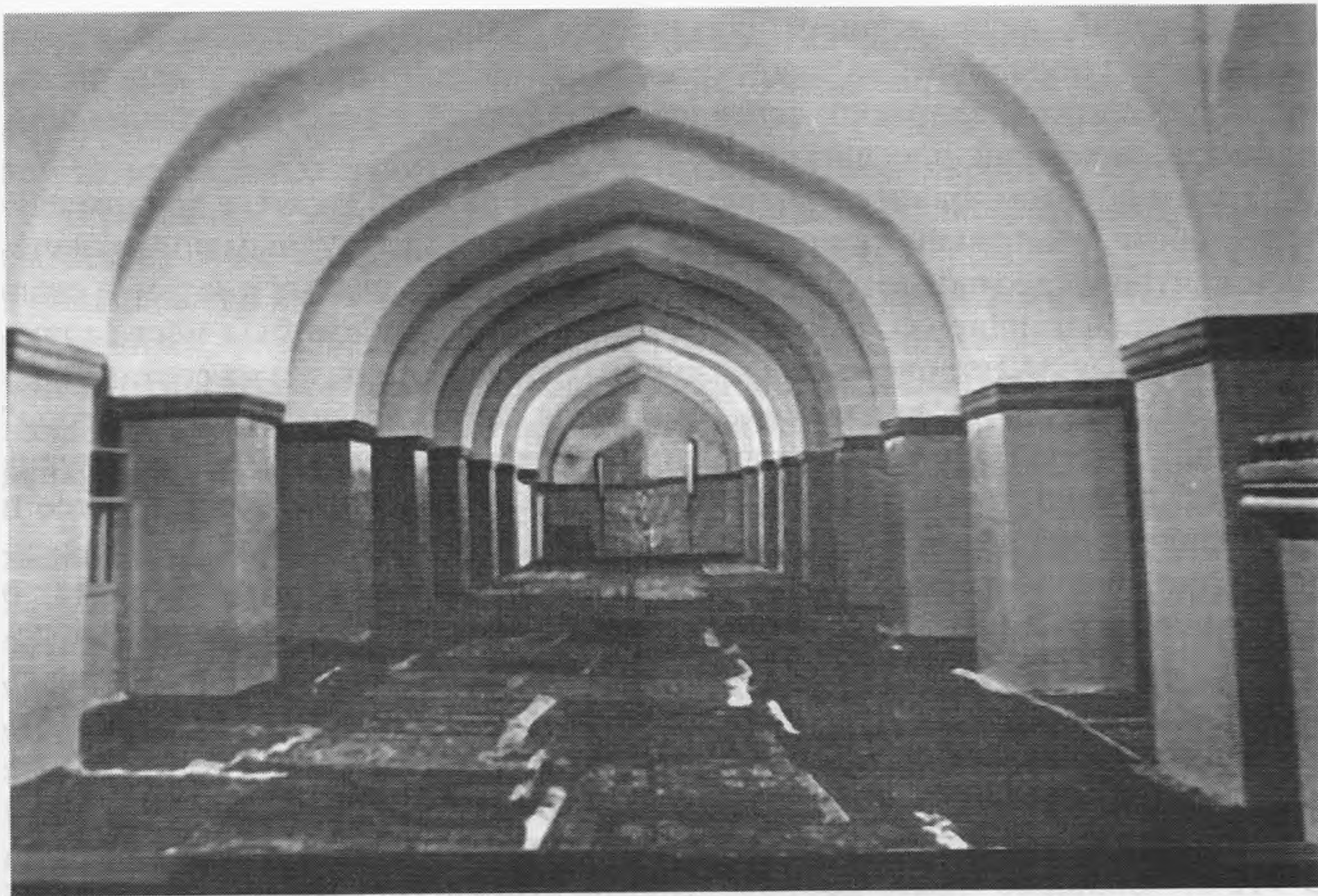
Как происходило принятие ислама, какие реальные силы выступали противниками новых идеологических представлений, каковы этапы этого процесса?

В мусульманском праве все земли делятся по принципу их отношения к исламу и к арабской власти на три крупные категории: дар ал-ислам, дар ас-сулх и дар ал-харб. Дар ал-ислам (“территория ислама”) – это мусульманские страны, находящиеся под властью мусульманских правителей; дар ас-сулх (“территория мирного договора”) – это немусульманские земли, которые, согласно договору (сулх), вносят определенную дань, сохраняя существовавшие ранее порядки; дар ал-харб (“территория войны”) – немусульманские страны, которые находятся за пределами “территории мирного договора”, война с которыми во имя ислама считалась священной обязанностью мусульман⁴³. Политика арабов в завоеванных странах определялась также конфессиональным положением покоренного населения, относятся ли они к “ахл ал-китаб” (“люди Писания”, каковыми считались христиане, иудеи, зороастрийцы), или же это кафиры (неверующие). “Ахл ал-китаб” сохранили за собой свободу религиозных обрядов и входили в число “покровительствуемых” (ахл аз-зимма), получали гарантию неприкосновенности личности и имущества, но при сохранении условий договора, основными условиями которого были: “выплата подушной подати (джизьи), определенной денежной или натуральной дани, предоставление мусульманам помещений для постоя и обязательство не помогать их врагам”⁴⁴.

Дагестан же с его языческим в преобладающем числе населением относился к “территории войны”, где особое значение приобрела налоговая политика арабов. Она заключалась во взимании хараджа (поземельный налог) и джизьи (подушной подати), а также в организации многочисленных натуральных повинностей⁴⁵.

Принимавший ислам освобождался от обязанностей платить джизью. Поэтому мусульмане в ряде случаев не особенно усердствовали в своих попытках навязывать свою веру, опасаясь уменьшения налоговых поступлений в казну. Все же практика освобождения от джизьи тех, кто принимал ислам, во многом содействовала успехам нового религиозного учения.

Исламизация дагестанского общества прошла в два этапа (VII – первая половина X в. и вторая половина X–XVI вв.). Территориально этот процесс охватывал Дагестан с юго-востока на северо-запад, причем ислам утвержда-

Дербент. Джума-мечеть. Центральный неф

ется, как правило, сначала в феодальных владениях, и лишь затем проникал в широко представленные здесь союзы сельских общин. Последнее обстоятельство закономерно для всего Дагестана, возможно, и для других областей.

Если в V – первой половине VI в. Дербент был одним из центров христианской культуры, то в начале VIII в. он стал опорным пунктом распространения идей ислама в горные районы Дагестана и всего Северного Кавказа. О быстром изменении этнического состава города, прежде всего большом влиянии арабского населения, свидетельствует строительство пятничной и квартальных мечетей.

В Дербенте проживало множество газиев⁴⁶. Нередко ими становились местные деклассированные элементы. Газии играли важную роль в распространении ислама на сопредельных территориях. Походы мусульман в центральные районы Дагестана продолжались один за другим, и дербентские газии принимали в них самое деятельное участие.

В X в. Дербент перестал быть чисто арабским городом. Ал-Истархи (ум. в 951/952 г.) первым подчеркнул многоэтничный облик Дербента: “Иногда жители Баб ал-абваба говорят на хазарском языке и на остальных языках их гор”⁴⁷. В 1131 г., когда город посетил арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, в нем говорили на многих языках, в основном дагестанских: “лакзанский, табаланский, филанский, закаланский, хайдакский, гумикский, сарирский, аланский, асский, зирихкаранский, тюркский, арабский, персидский”⁴⁸. Они соответствуют следующим современным языкам: лезгинский,

табасаранский, акушинский и цудахарские диалекты даргинского языка, урахинский (хюркелинский), кайтагский (хайдакский) диалекты даргинского языка, лакский, аварский, осетинский (аланский и ассский), кубачинский, тюркский, арабский, персидский.

Таким образом, раннесредневековый дагестанский город, в данном случае Дербент, стал таким крупным политическим и культурным полиэтническим центром, где многие дагестанцы приобщались к исламу и затем, в свою очередь, пропагандировали его в других районах. Дербент был местом пребывания войск, участвовавших в различных экспедициях, и в их составе наибольшую активность проявляли “борцы за веру” (гази), “добровольцы” (муттави), “чтецы Корана” (курра) и “пришлые” (гураба)⁴⁹. В “исламских центрах” вокруг Дербента проживало арабское население, выступавшее и как аванпост при защите Дербента, и как внушительная идеологическая сила. Сочинение “История Ширвана и Дербента...” неоднократно сообщает о роли газиев в расширении позиций ислама. Гази и ряд других социальных категорий населения Дербента в течение нескольких веков использовались эмирами города в интересах и политической, и идеологической борьбы. Так, упомянутый выше Мухаммед ибн Халид, получивший в 851 г. “в качестве лена город Баб ал-абваб с зависящими землями... с помощью газиев ал-Баб... также ходил на неверных, живущих по соседству с ал-Бабом и Дербентом”⁵⁰. В 912 г. “большое число добровольцев и чтецов Корана”, привлеченных ширваншахом и эмиром Дербента, совершили нападение “на неверных Шандана” (примерно на территории Акуша-Дарго). Жители Шандана оказали сопротивление и состоявшееся сражение окончилось “неблагополучно для мусульман”. Походы газиев в соседние районы продолжались и в XI в. Благодаря усилиям дербентского эмира Маймуна в 995 г. принял ислам “народ Караха” (т.е. Уркараха)⁵¹.

К середине X в., помимо Дербента (здесь была уже мусульманская династия правителей), население многих его соседних территорий (Табасаран, Лакз), где проживало немало арабов, было носителем арабо-мусульманской культуры. При этом в Табасаране, Хайдаке и Уркарахе (Карах) мусульманами были и правители. В Джидане (Хайдаке) мусульманами были только правитель и его семья. Ибн Русте привел интересную деталь: в г. Хандан (речь идет о владении Хайдак) правитель “придерживается трех религий: по пятницам он молится с мусульманами, по субботам – с евреями, а по воскресеньям – с христианами”. В середине X в. ряд крупных населенных пунктов Дагестана был многоконфессионален. Например, Семендер “населяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан – храмы, а у иудеев – синагоги”. Как уже указывалось выше, по данным ал-Масуди (ум. в 956 г.) жители Зерехгерана “используют различные религии: ислам, христианство и иудейство”⁵².

В дореволюционной мусульманской историографии и в ряде работ современных историков все попытки исламизации Дагестана, да и история ислама в целом, связывается с именем Абу Муслима, знаменитого арабского политического и религиозного деятеля, сыгравшего выдающуюся роль в свержении Омейядов и в приходе к власти династии Аббасидов в 750 г. Ему приписывается также окончательная исламизация Средней Азии. Высокий авторитет Абу Муслима как защитника интересов простого народа может

быть отчасти объяснением тому, что во многих дагестанских исторических сочинениях вместо Масламы, действительно возглавлявшего походы арабов в Дагестан и построившего мечети в Дербенте (возможно, и в некоторых других населенных пунктах), стоит имя широко популярного Абу Муслима.

В различных списках “Истории Абу Муслима” приведены две даты описываемых событий. Лишь один из списков датируют “после” 110/128–129 г., а большинство их – “после” 300/912–913 г. Если обратиться к историческим источникам, то обе даты обоснованы, но только в том смысле, что к началу VIII в. относятся основные походы арабских войск в районы Дагестана, а к началу X в. – строительство некоторых мечетей, упомянутых в тексте созданного тогда же сочинения Абу Муслима.

Именно в это время были построены мусульманские культовые сооружения, особенно в Южном Дагестане. Так, о строительстве мечети в селении Каракюре свидетельствуют надписи по штуку почерком куфи⁵³. Мечеть в селении Фите Агульского района также можно датировать X в. по деревянным конструкциям входного проема с вырезанными на них надписями X в. почерком цветущего куфи⁵⁴. В селении Кочюр Курахского района найдена арабская строительная надпись X в.⁵⁵ В селениях Ахты (Ахтынский район), Рича (Агульский район) и Кумух (Лакский район) сохранились надписи о строительстве в этих селениях мечетей Абу Муслимом, но надписи эти выполнены и реставрированы в XIX в.

В целом же через триста лет после появления первых мусульман ареал распространения новой религии в Дагестане ограничивался прибрежной полосой от Дербента до Семендера, Южным Дагестаном, в том числе частью Табасарана, территорией до среднего течения Самура и Чирахчая. Часть населения Дагестана оставалась “верной” языческим религиозным представлениям. Хотя в ряде районов были сильны и позиции христианства, тем не менее появилась довольно сильная и прочная база для дальнейшего внедрения ислама. К тому же последующие события, происшедшие во второй половине X–XI в., сказались довольно благоприятно на распространении ислама на всей территории Дагестана.

¹ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1; *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962; История Дагестана. М., 1967. Т. 1; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969; *Он же.* Освободительная борьба народов Дагестана против Халифата VII–VIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1988; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. 1; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; и др.

² Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 103.

³ *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV вв. Л., 1966. С. 10.

⁴ Ислам: Энциклопедический словарь. С. 103.

⁵ Ислам: Краткий справочник. М., 1983. С. 12.

⁶ История Азербайджана. Баку, 1979. С. 54–65; *Буниятов З.* Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965. С. 107–127, 187–337; История Самарканда. Ташкент, 1969. С. 83–115; История Хорезма. Ташкент, 1976. С. 52–53; *Фараджев А.С.* Зарождение и развитие экономической мысли в Азербайджане в эпоху феодализма. М., 1986. С. 31–37.

- ⁷ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammad Ibn Djarir at-Tabari cum aliis / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum. (Далее: Tabari). I, 2663–2664.*
- ⁸ Арминийа – административно-территориальная единица, включавшая при арабах (VIII – первая половина IX в.) Армению, Восточную Грузию (Картли), Ширван, Арран, Дербент. См.: *Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 155–157.*
- ⁹ Цит. по: *Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари “История посланников и царей” о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 73.*
- ¹⁰ *Китаб Футух ал-булдан тасниф... Ахмад б. Йохйа ал-Балазури. Бейрут, 1407/1987. С. 205; Баладзори. Книга завоевания стран / Пер. с араб. П.К. Бузе. Баку, 1927. С. 8.*
- ¹¹ *Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний / Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку, 1981. С. 10–11.*
- ¹² История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. СПб., 1861. С. 149–150, 185–186; История халифов Вардапета Гевонда / Пер. с арм. К. Патканова. СПб., 1862. С. 10.
- ¹³ История народов Северного Кавказа... Т. 1. С. 127; *Артамонов М.И. Указ. соч. С. 203; Левонд. История. СПб., 1887. С. 41–42 (на древнеарм. яз.).*
- ¹⁴ *Шихсаидов А.Р. Освободительная борьба народов Дагестана против Халифата VII–XIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 13–18; Tabari. II. 1437, 1458, 1462, 1476, 1506, 1537, 1560, 1562, 1573, 1635, 1667 и др.*
- ¹⁵ *Тарих Халифа ибн Хаййат. Багдад, 1396/1967. Т. II. С. 350.*
- ¹⁶ *Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 52.*
- ¹⁷ Там же. С. 53.
- ¹⁸ В тексте: Дж.р.х., а у Ибн ал-Асира (V, 113) – Хайзадж, у Йакута (II, 498) – Хайрадж.
- ¹⁹ Халифа ибн Хаййат пишет, что это событие имело место в 121/738–739 гг.: Марван покорил в том году крепости Сарира и Гумаск, в которой была резиденция правителя (“где жил малик Сарира”), а также укрепление Ханзадж, где находился “золотой престол”, “землю Тумана”, “землю Зарубукрана”, Хамрин, М. с дар, Киран, Табасаран, Филан (*Тарих Халифа ибн Хаййат. Т. II. С. 367*).
- ²⁰ *Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 186.*
- ²¹ *Якуби. История. С. 8–9.*
- ²² *Гасан эфенди Алкадари. Асари Дагестан / Пер. и коммент. Али Гасанова. Махачкала, 1929. С. 93.*
- ²³ *Derbend-Nameh’or the History of Derbend / Transl. by Mirza A. Kazembeg. SPb., 1851. P. 518. (Далее: Derbend-Nameh); Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев С.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 29.*
- ²⁴ *Kremer A.V. Kulturgeschichte der Orients unter der Chalifen. Wien, 1875. B. 1. S. 434–435.*
- ²⁵ *Ibid. S. 435.*
- ²⁶ *Китаб футух ал-булдан... С. 208. Ср.: Ахмад ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 55–56; Тарих Халифа ибн Хаййат. Т. II. С. 367. По данным Ахмада ал-Куфи (Книга завоеваний. С. 56–57), правителю Серира Марван навязал договор с условием поставки “пятисот гулямов и 500 невольниц со светлыми волосами, бровями и длинными ресницами, десять тысяч динаров и пятьсот мудд провизии (таам) ежегодно, доставляемых в город ал-Баб”, потом заключил договор с жителями Тумана с условием доставки ежегодно в ал-Баб 1000 голов скота и 1000 мудд провизии. Хамзин предоставлял ежегодно 500 юношей и 500 мудд провизии, а Лакз – 10 000 мудд провизии. Величина канонического мудда – 1,055 л (см.: *Хинц В. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. М., 1970. С. 56*).*

Несколько отличаются сведения Халифа ибн Хаййат и Ибн ал-Асира. По данным Халифа ибн Хаййата, Серир должен был поставлять только 1000 мудд зерна (Т. II. С. 367). Ибн ал-Асир приводит более подробные сведения: правитель Серира поставлял 1500 гулямов и 1000 мудд зерна, жители Тумана – 100 гулямов и невольниц и 20 тыс. мудд зерна, Табасараншах – 10 тыс. мудд зерна, а правитель Хайзаджа (возможно – Хайдака) – 1000 молодых людей и 100 тыс. мудд зерна. Что касается Балами (Tabary's Nachrichten. 544), то по его сведениям Марван заставил правителя Серира согласиться внести 500 тыс. дирхемов, 500 харвар хлеба и выдать 100 гулямов, 100 девушек.

²⁷ Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами. М., 1982. С. 153–161, 194–195.

²⁸ О налоговой политике арабов см.: Якубовский А.Ю. Ирак на грани VIII–IX вв. // Труды первой сессии арабистов. М.; Л., 1937. С. 179–180; Он же. Восстание Муканны // Советское востоковедение. 1948. Т. V. С. 36–37; Заходер Б.Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944. С. 11; История стран Азии и Африки в средние века. М., 1976. С. 119–120; История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 137–139; Хрестоматия по истории халифата / Пер. Л.И. Надирадзе. М., 1968. С. 13–52.

²⁹ Ацамба Ф.М., Надирадзе Л.И. Развитие феодализма в Арабском халифате // Историография стран Востока. М., 1977. С. 270.

³⁰ Куббель Л.Е. О некоторых чертах военной системы Халифата Омейядов (661–770) // Палестинский сборник. М.; Л., 1959. Вып. 7 (67). С. 114.

³¹ Derbend-Nameh. 544.

³² Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984.

³³ Пахомов Е.А. Монеты Азербайджана. Баку, 1959. Вып. I; 1963. Вып. II; Кропоткин В.В., Гусев С.В. Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // Acta Orientalia Academiae Scientiarum. Hung. T. XLV. P. 2–3, 403–423.

³⁴ Худуд ал-алам: Рукопись Туманского / С введением и указателями В. Бартольда. Л., 1930. Л. 386.

³⁵ О структуре Дербента: Шихсаидов А.Р. Арабские источники IX–X вв. о Дагестане: Книга ат-Табари “История пророков и царей” как источник по истории Дагестана // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 324. Л. 101 (1971); Он же. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 26; Кудрявцев А.А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1975. С. 127–130; Он же. Древний Дербент. М., 1982. С. 143–197; Он же. Новые данные о социальной топографии и структуре феодального Дербента // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988; Он же. Феодальный Дербент. М., 1993. С. 47–94; О структуре феодального города Средней Азии см.: Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

³⁶ Об арабской колонизации, миграции арабского населения в Среднюю Азию, Иран, Дагестан см.: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане... С. 92–94.

³⁷ Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 47–48.

³⁸ Там же. С. 65.

³⁹ Якуби. Указ. соч. С. 9.

⁴⁰ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963. С. 124.

⁴¹ О формах земельной собственности в раннесредневековом Дагестане см.: Ахмедов Ш.М. Земельные отношения в Дагестане в VII–XI вв. // Учен. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Махачкала, 1969. Т. 19; Алиев Б.Г., Ахмедов Ш.М., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1976. С. 61–85; Шихсаидов А.Р. Мулк в Дагестане // Формы феодализма и земельной собственности на Ближнем Востоке. М., 1979.

- ⁴² *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. I. С. 3.
- ⁴³ Ислам: Энциклопедический словарь. С. 56; *Массэ А.* Ислам. М., 1962. С. 60–62.
- ⁴⁴ Там же. С. 27.
- ⁴⁵ О налоговой системе в Халифате см.: *Якубовский А.Ю.* Ирак на грани VII–IX вв. С. 179–180; *Он же.* Восстание Муканны. С. 36–37; *Заходер Б.Н.* Указ. соч. С. 11; Ислам: Энциклопедический словарь. С. 65, 274–275.
- ⁴⁶ *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 46, 65, 70, 83.
- ⁴⁷ *Al-Masalek wal mamalek by Istahry* re-edited by Muhammad Jabir Abd al-Aal el-Hini. Cairo, 1961. С. 113 (на араб. яз.).
- ⁴⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Публ. *О.Г. Большакова, А.Л. Монгабта.* М., 1971. С. 26.
- ⁴⁹ О газиях и об “исламских центрах”, их значении в исламизации см.: *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 124–125, 163; *Ахмедов Ш.М.* О распространении ислама в Дагестане.
- ⁵⁰ *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 47–48.
- ⁵¹ Там же. С. 69, 203.
- ⁵² Там же. С. 203.
- ⁵³ *Дебиров П.М.* Архитектурная резьба в Дагестане. М., 1966; *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 96–109.
- ⁵⁴ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. С. 340.
- ⁵⁵ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа: На арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. I. С. 57.

Глава третья

Социальная структура, экономическая и политическая жизнь Дагестана в XI – первой половине XIII века

На развитии хозяйственной деятельности Дагестана этого периода, формировании, укреплении и развитии социальной структуры сказался ряд важных внутренних и внешних факторов. В качестве важнейшего из них можно рассматривать ту политическую самостоятельность дагестанских государств, которая последовала к концу IX в. в связи с фактическим распадом Арабского халифата, с одной стороны, и вовлечение Восточного Кавказа в оживленную международную торговую деятельность – с другой. Благоприятная внутривнутриполитическая обстановка и положительные в целом внешние факторы имели место длительное время, в течение более чем трехсот лет, вплоть до начала монгольских походов.

Различные физико-географические условия определили направления хозяйственной деятельности населения Дагестана. Высокогорные районы ориентировались прежде всего на животноводческое хозяйство (в основном, мелкий рогатый скот); горные и предгорные районы – на земледелие (зерновое хозяйство, садоводство, огородничество), скотоводство (мелкий и крупный рогатый скот) и домашние промыслы; население равнины – на зерновое хозяйство, садоводство и разведение крупного рогатого скота.

Хозяйственная деятельность населения Дагестана была связана также с еще одним важным фактором – сосуществованием двух типов хозяйства: оседлого, по преимуществу земледельческого, и кочевого – скотоводческого. Соотношение между ними менялось в зависимости от ряда обстоятельств. Между земледельцами и скотоводами постепенно налаживалось взаимовыгодное сотрудничество, причем влияние оседлого хозяйства на кочевое все время возрастало.

В развитии ремесла также произошли серьезные изменения. В X–XII вв. совершенствовались не только отдельные виды ремесла, но и было положено начало полному выделению некоторых населенных пунктов (например, Кубачи) из сферы земледельческого труда, а также их дальнейшей специализацией на определенные виды ремесленного производства. Это свидетельство как широкого размаха ремесленной деятельности в дагестанском обществе, так и нового этапа во взаимоотношениях ремесленных центров и земледельческих районов.

§ 1. Политическая карта Дагестана

В течение более чем трехсот лет политическая карта Дагестана подвергалась существенным изменениям. В середине X в. прекратил свое существование Хазарский каганат. К XI в. потеряли самостоятельность такие мелкие политические образования, как Шандан, Филан, Карах. Распались на отдельные независимые территориальные единицы Лакз и Табасаран. Вместе с тем усиливаются Дербент, Гумик (с XI в.), Кайтаг, Серир (в X–XI вв.), а в XII в. он также распадается на отдельные части.

Политическое развитие в X – начале XIII в. было неравномерным: централизация политической власти в одних владениях сопровождается политической раздробленностью в других. Однако в этом двуедином процессе главным выступает фактор децентрализации, приведший к усилению ранее существовавших или возникновению новых союзов сельских обществ.

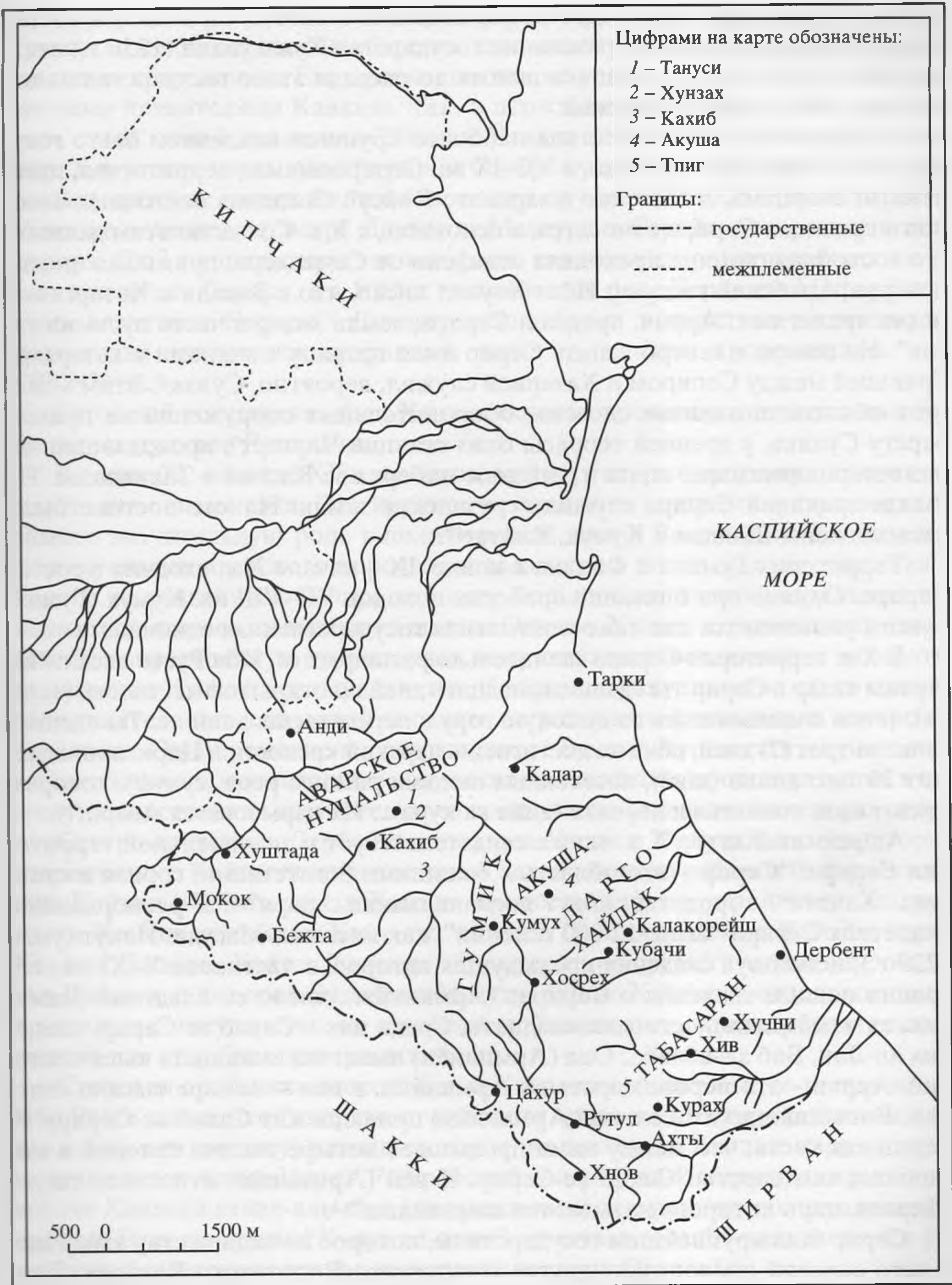
В 30–40-е годы X в. уже стало очевидным, что Хазарский каганат, потеряв свое бывшее могущество и влияние, неминуемо идет к своему закату¹. Продолжавшаяся более ста лет ожесточенная борьба с халифатом за укрепление позиций на Восточном Кавказе, следовавшие одно за другим вторжения новых кочевых племен (печенегов и др.), внутренние противоречия феодализирующегося хазарского общества – все эти факторы значительно ослабили силу государства². В 965 г. киевский князь Святослав обложил данью вятичей, ранее плативших ее хазарам, затем совершил поход в хазарские земли. В “Повести временных лет” об этом событии сказано: “В лето 6473. Иде Святослав на козари, слышавше же козары, изидоша с князем своим Каганом и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаров и град их и Белу Вежю ясы победы и касогы”³.

Как писал академик В.В. Бартольд, “Хазарское царство не могло уже оправиться от удара, нанесенного ему Святославом, и после 60-х годов X в. уже не являлось крупным политическим фактором”⁴. Русы взяли столицу Хазарии Итиль (Атиль), разрушили до основания Семендер. Они обеспечили себе выход к Каспийскому морю, к международному волжско-каспийскому пути, включив Нижнюю Волгу в сферу своего политического влияния⁵. Хазарское государство было уничтожено.

В X–XII вв. Дербент оставался одним из крупнейших городов Кавказа, важным политическим, торгово-ремесленным, культурным и религиозным центром. Развитие города способствовало укреплению и Дербентского княжества. Городом и окрестными землями, которые оказались в составе Ширвана, правила династия Хашимидов (869–1066). Затем Дербент и его окрестности попали в зависимость от сельджуков Ирака. После того династия Хашимидов прекратила свое существование, в конце XI в. при посредничестве Сельджукидов в Дербенте укрепились династия Аглабидов⁶.

В начале XII – конце XIII в. Дербент существует как проводившее самостоятельную политику феодальное владение – эмират. Здесь чеканилась собственная монета.

Территория эмирата была незначительна: на севере его границы не выходили за пределы города; на западе он, возможно, включал известную Горную стену (Дагбары); к югу простирался на несколько десятков километров.

Дагестан в XI–XIII вв.

Дербентский эмират просуществовал недолго: в 1239 г. он вошел в состав Золотой Орды, а после образования государства Хулагуидов (1256 г.) стал, очевидно, одним из его районов вплоть до распада этого государства на отдельные феодальные владения.

В горных районах Дагестана наиболее крупным владением было государство Серир. Как известно, в VII–IX вв. Серир занимал территорию, населенную аварцами, в бассейне Аварского Койсу⁷. Сведения восточных авторов о границах Серира относятся, в основном, к X в. Согласно этим данным, его восточная граница проходила недалеко от Семендера, примыкая иногда к морю. Арабский географ Ибн Хаукал писал, что с Запада к Хазарскому морю прилегают “Арран, пределы Серира, земли хазар и часть пустыни гурзов”. На севере и северо-западе Серир имел границу с аланами и хазарами. Границей между Сериром и Хазарией служил, вероятно, Сулак⁸. Этим и следует объяснить наличие системы оборонительных сооружений на правом берегу Сулака, у древней террасы близ станции Чирюрт⁹, проходившей через северокавказские степи и западное побережье Каспия в Закавказье. На западе границей Серира служили грузинские земли. На юго-востоке были расположены Шандан и Кумух, Кайтаг¹⁰.

Территория Гумика и Филана в конце IX – начале X в. входила в состав Серира. Однако при описании арабских походов VII–VIII вв. Кумух (Гумик, Туман) упоминается как самостоятельная государственная единица.

В X в. территория Серира значительно расширяется. Ибн Русте писал: “Из страны хазар в Серир ты едешь двенадцать дней по открытой местности (сахара), затем поднимаешься на высокую гору и пересекаешь долины. Ты едешь в течение трех (?) дней, пока не достигнешь царской крепости... Царю принадлежит 20 тыс. долин (шиб), населенных людьми разного рода (сунуф), которые имеют свои поместья и деревни (дийа ва кура)... Их царь зовется Авар...”¹¹

Анонимный автор X в. также свидетельствует о значительной территории Серира: “Серир – это область с большими богатствами, горная и степная... Хандан – город, где живут военачальники... царя”¹². В распоряжении владетеля Серира “было 12 000 селений”, как писал ал-Масуди. Йакут (ум. в 1229 г.), используя сведения предыдущих авторов, в частности X–XI вв., сохранил ценные сведения о Серире: “Арминийа... число ее владений (мамалик, ед.ч. мамлака) – сто восемнадцать. Среди них – Сахиб ас-Серир, владения ал-Лан, Баб ал-абваб... Она (Арминийа) имеет восемнадцать тысяч селений. Арран – это первое царство в Арминийи, в нем – четыре тысячи селений. Большинство их (селений Арминийи) принадлежит Сахиб ас-Сериру. А остальная часть, что между ними превышает четыре тысячи селений и это меньше, чем царство Сахиб ас-Серир. К ней (Арминийе) относится также Ширван, царь которого называется ширваншах”¹³.

Серир был крупнейшим государством, которое по количеству входящих в него селений превосходит другие государства Восточного Кавказа. Персидский автор XIII в. писал, основываясь на источниках X–XI вв., что Серир – область (вилаят) “между Абхазом (Грузией), Кипчаком, Ширваном и Дербентом; область большая, очень возделанная, труднодоступная. Их падишах древнего рода и щедрый”¹⁴. Это сообщение указывает на то, что территория Серира превосходила аварские земли, а не на отсутствие других государств в Дагестане.

Серир активно вмешивается во внутреннюю жизнь Дербента, Ширвана, Гумика, соседних сельских обществ, заключает соглашения с другими кавказскими владениями. Его правительство вступает в родственные связи со многими правителями Кавказа. Так, в первой половине IX в. дочь царя Серира стала женой правителя Тбилиси Исхака ибн Исмаила; в первой половине X в. между царем алан “и царем Серира существуют брачные связи, поскольку каждый из них женился на сестре другого”; к 1025 г. относится сообщение о женитьбе эмира Дербента Мансура и Сарийе, дочери владельца Серира; 1063 годом датируется тот факт, что жена ширваншаха была дочерью правителя Серира, а в 1065 г. упоминается раис Дербента Муфарридж, тесть владельца Серира¹⁵. Династические браки в политике дагестанских правителей становятся традицией, которая, кстати, продолжалась и в XIII–XV вв.

Столицей государства был Хунзах, один из древних и значительных населенных пунктов Дагестана.

В конце XI – начале XII в. в социальной структуре Серира происходят существенные изменения. Это крупное независимое единое государство, сыгравшее значительную роль в политической жизни Восточного Кавказа и в формировании аварского народа, распадается на более мелкие владения¹⁶. Точнее, на развалинах Серира возникло большое количество отдельных независимых союзов сельских обществ. Однако Хунзах сохранил под своей властью определенную территорию, получившую впоследствии в литературе название Хунзахского нуцальства. Со временем нуцальство стало очагом объединительных тенденций и одним из растущих феодальных центров в Дагестане. Одновременно и в противовес усилению Хунзахского нуцальства укрепляются многочисленные союзы сельских общин, представлявшие в последующие столетия внушительную политическую и экономическую силу.

Северо-восточнее Дербента вдоль рек Бугам и Уллучай, на территории современного Кайтагского и частично Дахадаевского районов был расположен Хайдак (Кайтаг, земля Хайзан, крепость Хайзан, укрепление Хамзин, земля Хамзин, крепость Хайзадж, область Дж. ндан, замин Кайтак, город Хандан, Джидан, Хайда, Джанада). В литературе существует мнение о том, что Джидан, о котором пишет ал-Масуди, это не Хайдак, а отдельное самостоятельное государство со столицей в Семендере, однако убедительных данных для подобных утверждений нет.

Сведения арабских авторов X в. о Хайдаке отрывочны, не всегда ясны. Ибн Русте писал, что “направо от крепости правителя Серира (в данном случае к югу или востоку) находится город, называемый Хандан, царь которого называется Адзар-Нарса”¹⁷. Арабский географ ал-Истархи называет правителя Хайдака хайда-кан-шах (хандакан-шах), т.е. речь идет о независимом малике. В то же время “Худуд ал-алам” отмечает, что “Х-ндан является резиденцией сипах-саларов (военачальников) царь Сарира”¹⁸.

Хайдак в X–XII вв. – сильное, независимое государство. В 938 г. “конный отряд из жителей ал-Баба и жителей Хайдака” совершает “успешное” нападение на Шандан¹⁹. В 943 или 944 г. “народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Джидан”²⁰. В 1040 г. хайдакцы захватывают цитадель Дербента и берут в плен эмира; в 1064 г. дербентский правитель Мансур получает от правителя Хайдака помощь в борьбе против раисов. В 1065 г. свергнутый

эмир Абдалмалик находит убежище в Хайдаке. В 1070 г. “народ ал-Баба снова признал эмира Абдалмалика из Хайдака; его привезли в город (балад), вручили ему власть и он стал сражаться с ширванцами”. А когда жители Дербента в 1075 г. изгнали Абдалмалика, то эмир “отправился в Хайдак искать подкрепления, чтобы вернуться к власти...”²¹.

Таким образом, в конце X–XI вв. взаимоотношения Дербента, Серира и Хайдака были достаточно стабильны: дербентские эмиры ищут опору в Хайдаке, а раисы Дербента, наоборот, находят поддержку у правителей Серира.

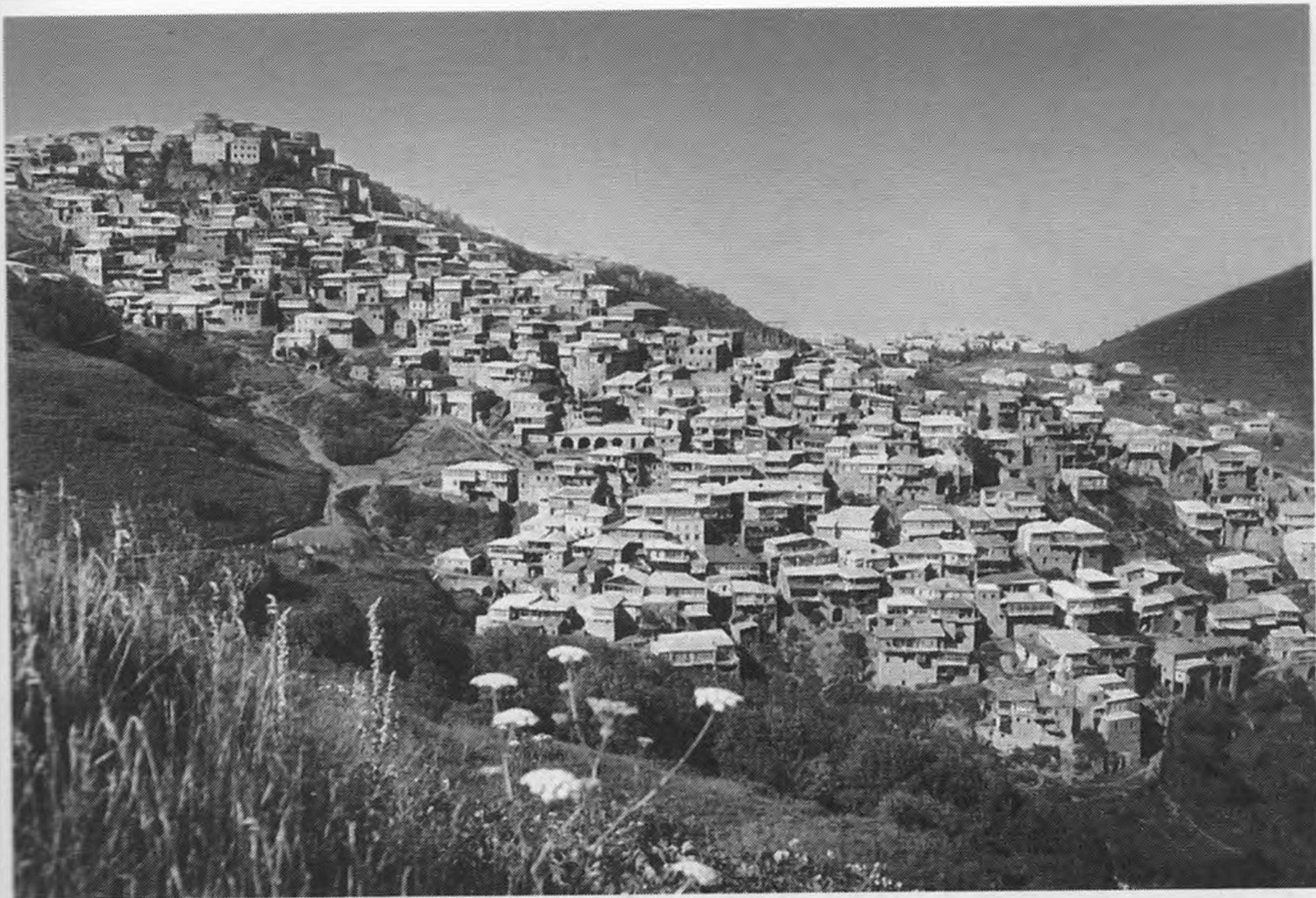
Пока нет точных данных о первой столице Хайдака. Согласно устной традиции, сохранившейся в даргинских районах до наших дней, прежней столицей был г. Жалаги²², ныне крупное городище в Кайтагском районе. Здесь обнаружено множество раннесредневековых поселений²³. На старых поселениях Ирчамула (Урчамиль) найдены куфические надписи XII–XIV вв. Жалаги представлял собой крупный населенный пункт, один из политических центров, возможно, столицу Каракайтага до X в. В X–XII вв. столицей Кайтага было селение Калакорейш (иногда его называют Каракорейш). Дагестанская историческая хроника “Тарих Дагестан” Мухаммедафи, составленная в основном в XIV в., рассказывает об арабах, которые прибыли в Дагестан после 200 г. хиджры, т.е. в начале IX в., покорили много земель, в том числе и Хайдак, убив его правителя Газанфара. “Престол Газанфара с гордостью и достоинством занял” Амир Чуфан (Амир Чупан), потомок пророка, “он был первым, кто занял престол в вилайате Хайдак; он построил в Хайдаке большое число многолюдных селений и избрал своей резиденцией город Кал’а Курайш, расположенный на скале, над ущельем, при реке”²⁴.

Калакорейш был одним из влиятельных населенных пунктов. Здесь в XI или XII в. была построена превосходная мечеть со штуковым михрабом²⁵. Это был один из старинных идеологических и политических центров Хайдака, столица этого крупного владения вплоть до XVI в., когда столица была перенесена в Маджалис. В селении сохранились также полуцилиндрические (саркофагообразные) надгробья с куфическими надписями²⁶.

Ибн Русте писал, что от крепости царя Серира “проходит дорога, по которой можно выехать из Серира по высоким горам и многочисленным лесам и на расстоянии двенадцати перегонов (манзил) достичь города, называемого Хайдан... царь которого зовется Андзар-Нарса”²⁷. Вполне возможно, что в данном случае речь идет о Калакорейше. Один из местных правителей назывался “владелец Кала Курайш Ах.с.б.р., сын Хиздана”, как об этом сообщает надпись конца XIII – начала XIV в.²⁸ на плите внутри здания мечети.

За пределами собственно Кайтага был ряд самостоятельных политических единиц. К их числу в X–XII вв. относились: Зерехгеран, Шандан-Филан, Зуклан, Карах.

В X–XII вв. наблюдается рост политического и экономического влияния Зерехгарана, жители которого говорили на кубачинском языке. Согласно преданию, столица государства – селение Кубачи – образовалось из слияния семи населенных пунктов, в том числе и Угбугла ше (Угъбугла ше), т.е. “аул кубачинцев”²⁹. Одно из этих селений, а именно Анчибачи, упоминается еще в начале XIV в.³⁰ Отсюда можно заключить, что объединение отдельных селений с Кубачи завершилось примерно в XIV в.

Селение Кубачи

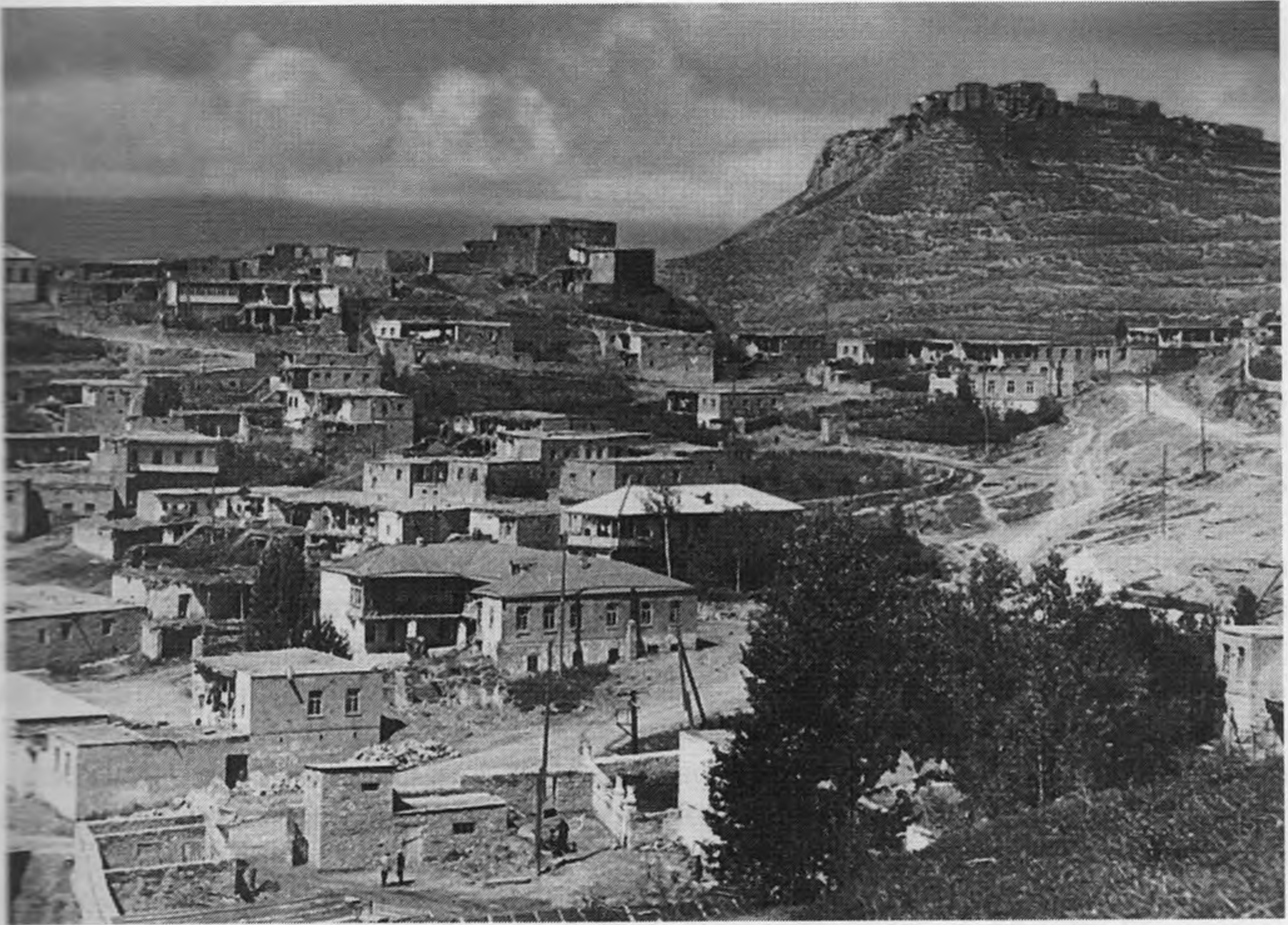
Зерехгаран с самого начала своего существования выступает как союз этих селений под властью одного из них, впоследствии известного как Кубачи³¹.

В X в. Зерехгеран упоминается арабскими географами как политическое образование, связанное с Дербентом торговыми путями. Ал-Масуди писал, что “в сторону Сарира и гор владения Зарикаран (Зирих-Гаран)... Их страна (балад) гористая, и это защищает их от соседей”³². В XII в. это владение, несмотря на сравнительно небольшую территорию, представляло внушительную силу: примерно в 20-х годах этого столетия зерехгераны отразили нападение войск дербентского эмира и его союзников, а затем и поход многочисленного отряда из Ширвана³³. “Рассказывают, что владелец Ширвана – а он был могущественным маликом, сильным и мощным – пошел однажды на них, сильно желая подчинить их, но его постигло то же, что и дербентцев. Вследствие этого правители (малики) воздержались от походов на них (т.е. зирихгеранцев)”, – так пишет арабский автор Закария ал-Казвини о последнем событии³⁴. Как писал Абу Хамид ал-Гарнати, “недалеко от Дербента есть большая гора, у подножия которой два селения; в них живет народность, которую называют зирихгаран, то есть бронники”³⁵.

Шандан, Филан, Зуклан, Карах – эти государства неоднократно фигурируют в связи с событиями IX–XI вв. Впервые Шандан упомянут в “Истории Ширвана и Дербенда” в 886 г., когда правитель Дербента “напал на Шандан и покорила принадлежащие ей Д. нк. с. и Ш. л. шли”. В 909 г. этот же правитель вместе с ширваншахом с 10-тысячным отрядом “повел исламский набег

Селение Ашты. Надгробная плита XIV в.

Селение Уркарах

на Шандан, но мусульмане были разбиты, и оба эмира попали в плен”. Военные походы эмира Дербента последовали также в 938 и 1040 гг.³⁶ Автор “Истории Ширвана и Дербенда” писал о шанданцах: “Среди племен неверных в пограничной области (сагр) ал-Баба злейшим (врагом) мусульман был народ Шандана”³⁷.

В вопросе локализации Шандана у исследователей нет единого мнения. Наиболее вероятным можно считать, что в X–XI вв. он уже объединял территорию двух или трех независимых княжеств (в том числе и Филана) и занимал сравнительно значительную территорию в составе земель, известных впоследствии под названием Акуша-Дарго (современные Акушинский, частично Левашинский и Дахадаевский районы), а также междуречья Гамриозень и Артозень в их верхнем и среднем течении.

Последнее упоминание Шандана относится к 1040 г. Очевидно, во второй половине XI в. он утратил свое политическое значение³⁸. К XII–XIII в. относится возникновение союза верхнедаргинских сельских обществ³⁹, и это, возможно, взаимосвязанные события.

В X в. неоднократно упоминается царство Филан, первые сведения о котором восходят к VI в., когда Хосров Ануширван “определил царей” Серира, Филана, Табасарана, Лакза, Маската, Лирана, Ширвана. Сведения об этом царстве часто приводятся в связи с арабскими походами, особенно во время кампании Марвана во внутренние районы Дагестана в 739 г.⁴⁰

Это было владение, которое имеет свой собственный язык, расположено между Табасараном и Сериром и представляет собой федерацию союзов сельских обществ, известных под названием Акуша-Дарго (наиболее крупные населенные пункты этого общества – Акуша, Цудахар, Усиша, Мекеги, Муги)⁴¹. Все изложенное выше позволяет предположить, что если в VIII в. расположенные рядом Филан и Шандан (Синдан) и существовали самостоятельно, то в последующем, в IX–X вв., оба названия относятся к одной и той же территории, составляющей в прошлом основу федерации союзов сельских общин Филан и Шандан. При описании событий IX–XII вв. один и тот же автор ни разу не употребил оба термина⁴². Так, в “Истории Ширвана и Дербенда” неоднократно упоминается Шандан и Карах и нет ни слова о Филане.

В источниках X в. нередко приводятся данные о владении Руклан (Заклан, Зуклан). О нем, в частности, пишет Абу Хамид ал-Гарнати: “...народ заклан принял ислам в начале VIII в., а в 1131 г. среди жителей Дербента были также носители закланского языка”⁴³. В одном из списков сочинения ал-Гарнати вместо “закланский язык” написано “гуркиланский язык” (лисан ал-гуркилан). Это как нельзя лучше согласуется с названием общества “Хуркила хуреба” (хIуркила хIуреба) и с хюрюклинским языком (современный урахинский диалект даргинского языка)⁴⁴. Речь идет о времени самостоятельного существования урахинского общества, вошедшего впоследствии в суперсоюз Акуша-Дарго.

И наконец, о территории Караха. Мнение о том, что под Карахом следует понимать селение Уркарах, кажется обоснованным⁴⁵. Последнее упоминание о Карахе (Уркарахе) относится к 1065 г.

Исследование политической ситуации на территории даргинцев показывает, что здесь в X–XII вв. находилось множество независимых и полузависимых раннеклассовых образований и союзов сельских общин. Общая линия развития заключалась в усилении союзов сельских обществ (союзов верхнедагинских обществ) именно на той территории, на которой находились Шандан (Филан) и Зуклан. После монгольских походов земли Зерехгерана, Шандана, Уркараха вошли в состав Хайдака.

В исторических источниках мало сведений о Табасаране второй половины X – начала XIII в. Связано это с тем, что данное владение, существовавшее самостоятельно в IV – первой половине X в., к концу X в. попало в зависимость от Дербента и Ширвана, в сфере влияния которых оно находилось вплоть до начала XIII в.

В X в. Ширван и Дербент прилагали огромные усилия для упрочения своей власти в Табасаране. Позиции Ширвана оказались более прочными, и династия Йазидидов имела здесь своих представителей. Брат ширваншаха Хайсам владел своим дай‘а (поместье) в Табасаране (“дай‘а Мухаммад в Табасаране”), где он умер в 1025 г. В “дай‘а Ирси области Табасаран” скончался в 1065 г. представитель рода ширваншахов Хурмуз ибн Минучихр ибн Йазид, который “был похоронен там рядом со своими дядьями по матери”⁴⁶. Из этого можно заключить, что и другие представители этого рода имели свои дийа (ед.ч. – дай‘а) в Табасаране.

В XI в. в Табасаране усиливается как ширванская и дербентская, так и местная феодальная власть. Тенденция децентрализации оказалась здесь ведущей. Экономическое развитие и укрепление самостоятельности местной

знати влекло за собой расчленение единого государства и создание мелких уделов. Абу Хамид ал-Гарнати о социальной жизни Табасарана писал: “В стране Дербент Баб ал-абваб живет народ, называемый Табарсалан. Там двадцать четыре рустака, в каждом из которых находится серхенг наподобие эмира”⁴⁷. Некогда целое государство распалось на ряд мелких “княжеств”, трансформировавшихся со временем в союзы сельских обществ. Это обстоятельство подняло, в свою очередь, престиж отдельных селений, “столиц” небольших союзов сельских обществ. К числу таких селений в Табасаране относились Ерси (Ирси), Гимейди (Хумайдийа), Дюбек (Туйак), упоминаемые в письменных источниках, а также Джули, Зиль, Татиль, Марага, Хили-Пенджик (сначала было два селения: Хили и Пенджик), Хучни и Хив, древность которых подтверждается культовыми сооружениями (X–XII вв., Зиль) и эпиграфическими памятниками XII–XIII вв.

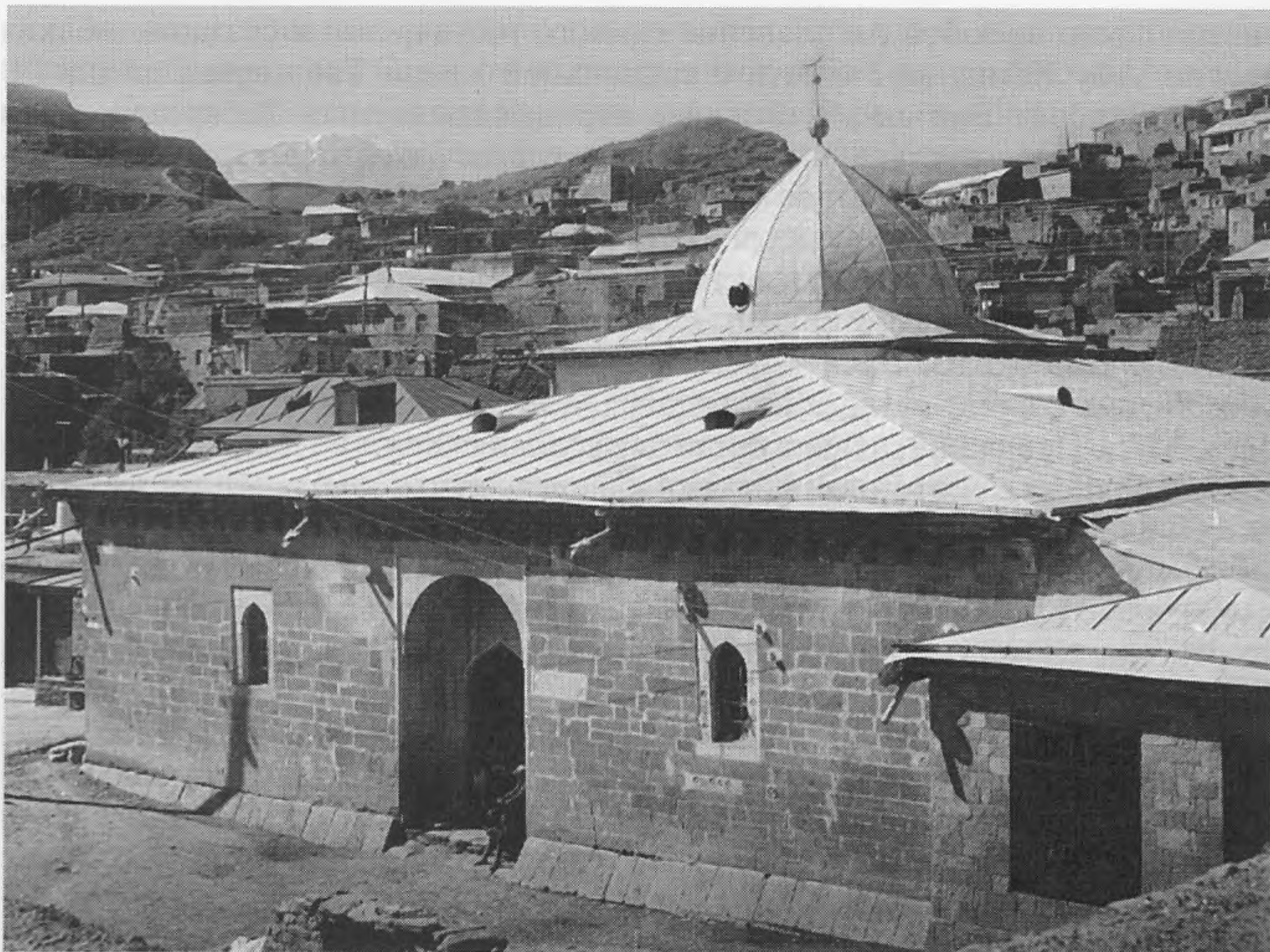
Кумух был расположен в бассейне Казикумухского Койсу, охватившем населенные лакцами земли в пределах современного Лакского и Кулинского районов. Согласно письменным источникам в VII в., в Кумухе (Гумик) в X в. произошли значительные изменения. Ал-Масуди писал: «За этой землей (принадлежащей царю, “называемому Б. рзбан”. – А.Ш.) лежит владение (мулк) Кумух. Его жители – христиане – не подчиняются никакому царю, но имеют начальников (руаса) и живут в мире с царством алан»⁴⁸. Налицо факт политической децентрализации ранее единого государства, как это имело место и в ряде других районов Дагестана.

В первой половине X в. Кумух попал в зависимость от соседнего Серира. Возможно, зависимость Гумика от Серира и отсутствие “царя” в Кумухе при наличии райсов – это два взаимосвязанных явления. В источниках сохранилось очень мало сведений о Кумухе. Лишь под 1064 г. имеется единственное известие о “гумикских неверных”, которые “напали на селения ал-Баба, убили много мусульман и разграбили их имущество; затем, наложив харадж на оставшихся в живых, они вернулись домой”⁴⁹.

В последней четверти XI в. Ширван действительно представлял собой сильное и влиятельное государство. Власть ширваншаха признавалась уже в Дербенте, где правителем стал Афридун, сын ширваншаха.

Ширваншах Фарибурз I (правил в 1063–1096 гг.) был деятельным, храбрым и ловким правителем, “который не только пережил грозные дни нашествия сельджуков, но и закрепил права своей династии”⁵⁰. Ему удалось сохранить фактическую власть в Ширване. Более того, под его влиянием оказались Арран, Ганджа, абхазы (владения Абхазской династии в Грузии), земли Лакза. Влияние ширваншаха на Гумик было как бы продолжением политической деятельности Фарибурза, вся жизнь которого “прошла в завоеваниях соседних территорий и расширении границ своего государства”⁵¹. Ширваншах прилагал все усилия для подчинения гумиков и обращения их в ислам, и в этой деятельности опирался на лакзов, своих союзников и вассалов. Последние выступали в роли посредников между Гумиком и Ширваном⁵².

В XII в. шел процесс становления политической самостоятельности государств, усиленного распространения ислама, укрепления власти селения Кумух в лакских землях (а позже – и далеко за их пределами), становления его не только административно-политическим, но и торгово-экономическим, культурным и идеологическим центром шамхальства.

Селение Кумух. Джума-мечеть

Лакз занимал значительную территорию на р. Самур. Он был расположен между Табасараном и Ширваном, т.е. на территории расселения носителей языков лезгинской группы. Йакут писал: “Примыкает к нему (т.е. Маскату) страна лакзов, а они народ многочисленный... Между ними и Баб ал-абвабом – страна Табасаран-шах [вариант: страна табасараншаха]”⁵³. В X в. южные границы соприкасались с Ширваном (“между Лакзом и Ширваном – общая граница”⁵⁴), южнее Самур.

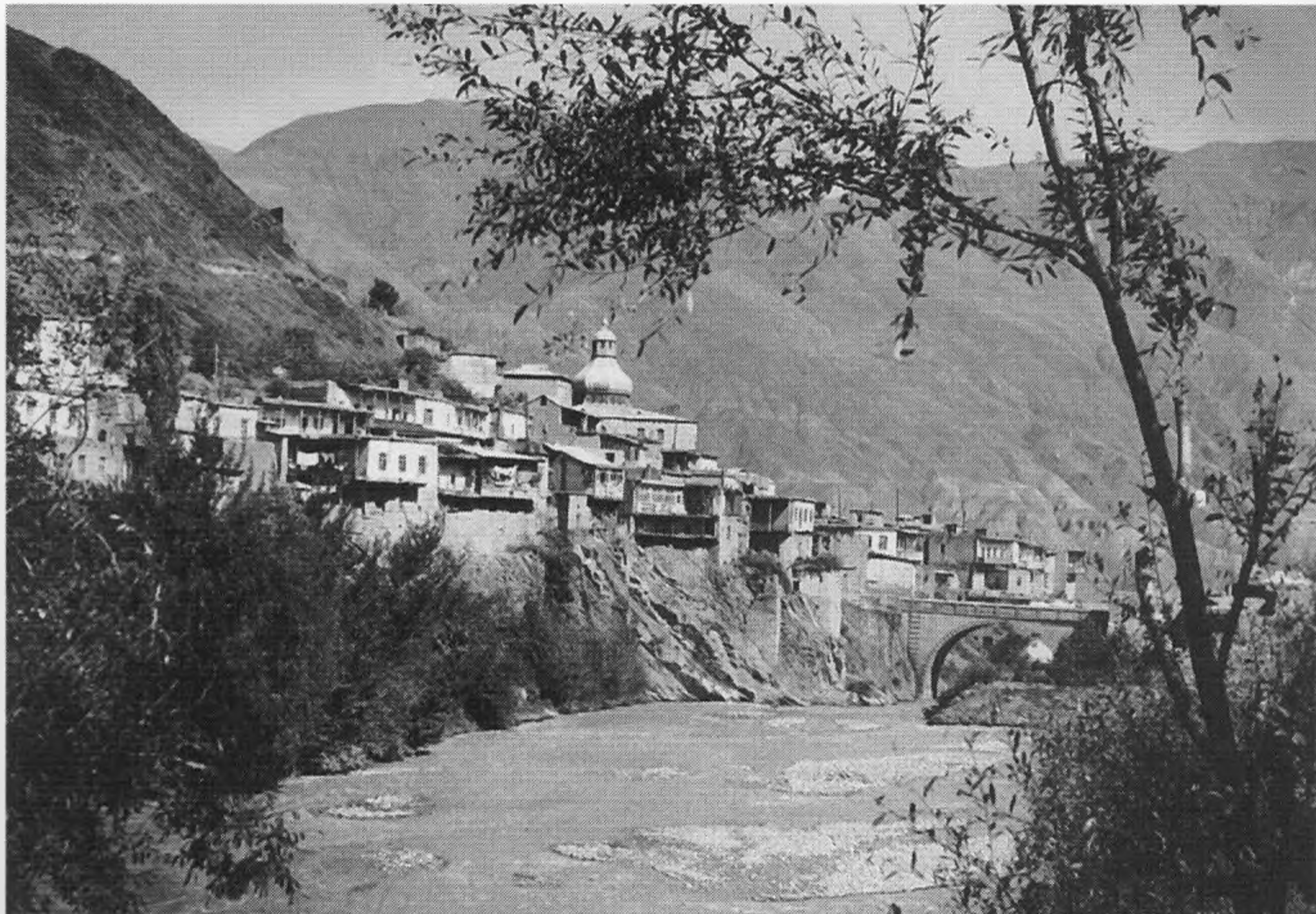
Таким образом, в X в. Лакз охватывал территорию, занимаемую представителями лезгинской группы языков (лезгины, агулы, цахуры, рутулы, кроме табасаранцев) в бассейне рек Самур и Чирахчай⁵⁵.

Если в первой половине VIII в. Лакз занимал также земли южнее Самура, то к середине X в. Лакз теряет уже эту территорию и плодородные земли Маската были включены в состав Ширвана. Усиление Ширвана к этому времени было очевидным фактом. Присоединив царства Лайкзан и Мукан, Ширван вплотную приблизился во второй половине X в. к южным границам Лакза, который оказался в определенной степени зависимости от ширваншаха⁵⁶.

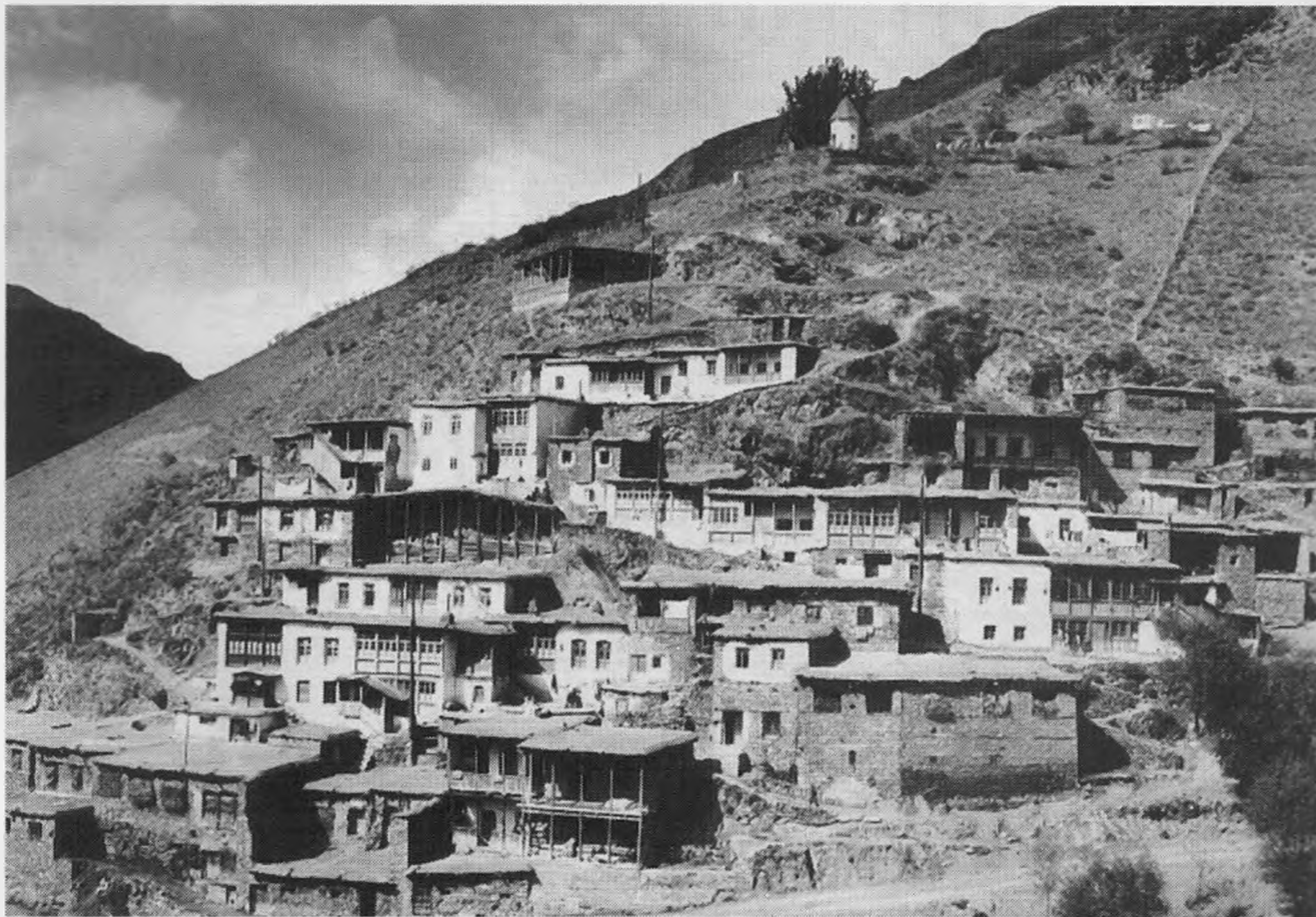
Эта зависимость особо наглядно прослеживается в период правления ширваншаха Фарибурза I ⁵⁷. Именно при посредничестве лакзов в конце XI в. ширваншах пытается установить свое влияние в Кумухе посредством исламизации этого края. Письмо “ширваншаха к некоторым населенным

Надпись из селения Кумух

Селение Ахты

Селение Цахур

пунктам страны Лакз” имело целью при содействии духовных лиц Лакза склонить жителей Кумуха к исламу и известить их, “что мы не желаем ничего, кроме вознаграждения за намерения наши, и не хотим ничего, кроме справедливости, по мере наших сил. Нет (у нас) ни жажды к хараджу их, ни надежды на налоги их”⁵⁸.

В XI в. уже нет данных о едином государстве. К 1075 г. “ширваншах занял земли Восточного и Западного Лакза и собирал силой харадж с жителей после ожесточенных схваток с ними”⁵⁹. Очевидно, здесь речь идет уже о двух самостоятельных владениях, независимых друг от друга. Столицей Западного Лакза было село Цахур, а Восточного – Ахты. Иакут пишет уже не о “малике”, а о “маликах” Лакза⁶⁰. Налицо факт политической децентрализации, завершившейся в XII–XIII вв. формированием ряда союзов сельских общин, просуществовавших многие столетия.

§ 2. Хозяйственное развитие

В X–XII вв. в хозяйственной деятельности горцев, как уже говорилось, наблюдаются существенные сдвиги. Интенсивно шел процесс оформления отраслевой специализации и основных линий производственной деятельности отдельных селений.

Археологическими исследованиями установлено наличие многочисленных поселений (селищ и городищ), густой сетью покрывавших предгорные и горные районы Дагестана. Многие из этих поселений функционировали продолжительное время, вплоть до XIII–XIV вв.⁶¹ Все это свидетельствует не только о непрерывности хозяйственного процесса, но и о густонаселенности указанных районов. В них возникают все новые и новые пахотные участки, приобретает чрезвычайно большое значение террасное земледелие⁶².

Террасное земледелие – итог многовековой трудовой деятельности горца, следствие титанического труда земледельца. Оно имело к X в. в Дагестане уже многовековую историю и стало частью хозяйственной деятельности населения. В предмонгольское время и в XIII–XV вв. террасное земледелие получает широкое распространение⁶³.

Развитие или же упадок террасного земледелия в горах непосредственно были связаны с политической обстановкой на равнине, ставшей со временем житницей Дагестана, обеспечивавшей хлебом горные районы⁶⁴. В случае занятия равнинных районов кочевниками и выхода их из сферы земледельческого труда, горцы, лишённые обменных связей, вынуждены были расширять свое собственное зерновое хозяйство. Это делалось за счет создания новых или же использования старых заброшенных террасных полей. Многочисленные вторжения кочевников (от эпохи бронзы до монгольских походов) отрывали Горный Дагестан “от равнины, лишив тем самым возможности получать зерно и использовать зимние пастбища для отгонного скотоводства”⁶⁵.

Мы располагаем ценными сведениями о состоянии полеводства в X в. благодаря сообщениям арабских авторов. Хотя эти сведения не конкретизированы, они дают общее представление о месте земледелия в Дагестане. Ал-

Истахри писал, что Дербент “имеет много посевов и пахотных земель, однако там мало фруктов, которые доставляют из других мест”⁶⁶.

Как писал ал-Масуди, в Серире было “двенадцать тысяч селений”, а автор “Худул ал-алам” пишет о Серире, что это “область с очень большими богатствами”⁶⁷. Все это свидетельствует о развитом сельском хозяйстве. Даже на территории Хазарского каганата в X в. земледелием занималась значительная часть населения, ибо “страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов”⁶⁸.

О состоянии скотоводства в Дагестане домонгольского периода можно сделать вывод о постепенной специализации земледельческо-скотоводческого хозяйства, происходившей на фоне почти постоянных вторжений кочевников. Во внутреннем Дагестане было распространено земледелие и стационарно-стойловое скотоводство с незначительным и недалеким яйлажным отгоном; в высокогорных районах земледелие и отгонное скотоводство было слаборазвитым. На равнине у речных долин развивалось земледельческо-скотоводческое хозяйство, в степях – кочевое и полукочевое скотоводство⁶⁹.

Высокогорные и горные районы были ориентированы преимущественно на разведение мелкого рогатого скота, горные районы с развитым традиционным террасированием – на равномерное развитие крупного и мелкого рогатого скота, а жители равнины в основном разводили крупный рогатый скот. В X в. мелкий рогатый скот входил уже в число товаров, вывозимых из высокогорных районов Дагестана. Поскольку горные и равнинные земли входили в состав государственных образований Дагестана (Серир, Лакз и др.), то можно говорить о наличии мирных условий для функционирования отгонного животноводства на территории этих государств. Наблюдаемая на основе изучения письменных и археологических источников относительная густонаселенность горных районов находится в неразрывной связи с земледельческим освоением все новых и новых земель. Йакут писал, что жители Лакза – “народ многочисленный... у них имеются обрабатываемые дийа и населенные области”. А вот сообщение того же автора о Табасаране: “У них много населенных мест, только жителей в ал-Лакза больше числом”. В географическом сочинении XIII в. Серир представлен как большая, возделанная область “с большим количеством населения”. По данным Абу Хамида ал-Гарнати, в первой трети XII в. жители горных районов “живут долго, и много у них всяких благ, таких как мед, и мясо, и фрукты в их долинах”⁷⁰.

Кочевые племена, занявшие в XI–XII вв. степные районы Предкавказья и Прикаспийскую низменность, постепенно входили в контакт и торгово-обменные связи с населением земледельческих районов.

Важное место в хозяйстве населения занимали домашние промыслы, которые нередко перерастали в ремесленное производство, рассчитанное на рынок или на заказ. Особенно быстро развиваются в этих отраслях такие ремесла, как металлургия и металлообработка, а также оружейные, гончарные, ювелирные промыслы, кузнечное и строительное дело, ткачество. Успехи ремесла, в частности металлообработки, развивались в уже установившейся отраслевой специализации технического производства: кузнечно-литейное и ювелирное дела выступают как отделившиеся друг от друга области ремесла⁷¹. Крупными центрами ремесла и торговли были Дербент, Се-

мендер, Зерехгеран и др. Средоточением ремесла были не только города, но и ряд крупных населенных пунктов, тесно связанных с ближайшими селами. В сложной военно-политической обстановке особое значение приобрело производство военного снаряжения, что привело к быстрому развитию и совершенствованию кузнечного ремесла, выделившегося в специализированную область. Это хорошо можно проследить на примере Зерехгерана. Еще в X в. о жителях его писали, что “большинство из них делают кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа”⁷². А в 1131 г. о них пишется, что зерехгеранцы живут в двух селениях и “изготавливают всякое военное снаряжение – кольчуги, панцири (джавашин), шлемы, мечи, копья, луки, стремы, кинжалы и всевозможные медные изделия... Жены их, сыновья их, дочери их, слуги их – все они заняты в производстве этих изделий и нет у них обрабатываемых земель (пашен) и садов”⁷³.

Таким образом, между второй половиной X и началом XII в. значительно расширился ассортимент ремесленных изделий, изготавливаемых местными мастерами. При этом изготовление продолжает занимать у зерехгеранцев ведущее место. Мы видим, что жители обоих селений специализировались только на ремесленном производстве. Развитие ремесла и его отдельных отраслей здесь настолько далеко зашло, что эти селения полностью выделились из сферы земледельческого труда⁷⁴.

Следует обратить внимание и на сообщение цитированного выше источника о “всевозможных медных изделиях”, изготавливаемых зерехгеранами. Вещественное доказательство этого – большое число бронзовых котлов, обнаруженных в Кубачи⁷⁵.

Высокого уровня достигло строительное дело. Оно развивалось по нескольким направлениям, возводились оборонительные и инженерные сооружения (крепости, башни, замки, мосты, дороги), памятники гражданской архитектуры (жилые дома, хозяйственные постройки), культовые сооружения (мечети, минареты, часовни, святилища). Памятники архитектуры, сохранившиеся в дагестанских селениях (мечети в Каракюре, Фите, Зиль, Калакорейше, Рича)⁷⁶, датируемые в пределах X–XIII вв., стали замечательными образцами дагестанской культуры. Архитектура Дагестана, особенно искусство строительства культовых сооружений, развивалась на основе лучших местных традиций и в непосредственном контакте с деятельностью закавказских и среднеазиатских мастеров.

§ 3. Города Дагестана.

Формирование крупных населенных пунктов

Особенность изучаемой эпохи – это развитие городов, очагов торговли, ремесла, центров экономической, культурной и политической жизни. Расцвет городов в Дагестане (как и в областях Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья) падает на X – начало XIII в. Таковы Семендер и другие города Хазарии (до середины X в.), Дербент, Зерехгеран, Цахур, Аркас и др. Судьбы Дербента и Семендера сложились по-разному. Семендер просуществовал до 966 г., и после разрушения его войсками Святослава мы не имеем

сведений о ранее цветущем городе. Дербент же, напротив, после X в. еще больше укрепил свое могущество, как бы компенсируя временную потерю связей на севере усилением южных контактов с горными районами Дагестана. В Зерехгеране, как мы уже упомянули, все более и более налаживалось ремесленное производство, а обстоятельства сложились так, что ни монгольские завоевания, ни походы Тимура не коснулись непосредственно этого города⁷⁷.

Дербент – один из крупнейших и древнейших городов Кавказа, пройдя этап постепенного роста в VI–IX вв., становится уже к X–XI вв. важнейшим административным и торгово-ремесленным центром с высокоразвитым ремеслом, важным пунктом международной и транзитной торговли. Это город многочисленных ремесленников – ткачей, мастеров по обработке кожи, каменщиков, гончаров, медников, шелководов, представителей других специальностей.

Будучи связанным в сфере торговли со многими городами Ближнего Востока и Средней Азии, Дербент не перестал быть дагестанским городом, был одним из мощных и постоянно действующих факторов, способствующих участию Дагестана в целом в международной и местной торговле. В X в. купцы прибывали в Дербент из Джурджана, Табаристана, Дейлема, Хазарии, Зерехгерана, Амика (Гумика)⁷⁸, т.е. из районов Прикаспия и внутренних районов Дагестана, втянутых в международную торговлю. Город располагал прекрасной гаванью, находившейся в цветущем состоянии и занимавшей большую акваторию в 12–14 га⁷⁹. Археологический материал раскрывает обширную географию торговых связей города. В культурных слоях VIII – начала XIII в. обнаружена многочисленная импортная посуда, тончайшие стеклянные чаши, украшения из пасты, металла, стекла, бусы из ценных камней, изделия из фаянса и фарфора. Здесь найдены поливные чаши из Багдада, Самарры, Рея, прекрасная фаянсовая и фарфоровая китайская посуда, сфероконусы различных размеров⁸⁰.

Дербент был также центром ткачества. В частности, это был в X в. единственный город на Кавказе, который специализировался на производстве полотняных одежд. “Из Баб ал-абваба вывозятся полотняные одежды, и нет нигде таких одежд, кроме как здесь, – ни в Арране, ни в Армении, ни в Азербайджане”, – писал ал-Истархи о значении Дербента⁸¹. Интересные подробности о развитии ткацкого производства, рассчитанного на рынок, оставил автор X в. Балами: “В этом городе производят ткани, называемые масхури”, которые вывозятся в Азербайджан, Ирак, Фарс, Керман, Табаристан и Хорасан⁸², т.е. в Закавказье, на Ближний Восток, в Среднюю Азию. “В этих городах ткнут паласы (зилу)”⁸³, – написано в другом списке сочинения того же автора.

Развитие прядения и ткачества связано с производством марены и шафрана. Как писал Ибн Хаукал, в областях Варсана и “других островах Баб ал-абваба”, расположенных в Хазарском море, росла превосходная по своему качеству марена, она “растет по всей стране Арран, от берегов Баб ал-абваба до Тифлиса, и близ реки ар-Рас (Аракс) до областей Хазарана”⁸⁴. В X в. Дагестан был не только крупным производителем, но и экспортером марены. Продукция Дербента и его округа вывозилась во многие страны, вплоть до Индии. В Дербенте произрастал также шафран.

Как крупный торговый центр, Дербент был упомянут во всех маршрутах, которые соединили Закавказье и Ближний Восток с Северным Кавказом, Русью, Волжской Булгарией и Нижним Поволжьем⁸⁵. Не менее важным торговым (до 966 г.) был Семендер, также упомянутый во всех маршрутах.

Вполне понятен и особый интерес авторов географических сочинений к Итилю, к Каспийскому морю. Так, в книге ал-Истархи отдельная глава посвящена Хазарскому (Каспийскому) морю, его границам, народам, живущим вокруг него, “дарам” этого моря, географии купеческих маршрутов. “Плавают по этому морю купцы из разных мусульманских стран в землю хазар, в Арран, Джилян (Джилль), Табаристан и Джурджан”⁸⁶.

Средневековый город Дагестана, как и другие города того времени, был неразрывно связан со всей округой, с земледельческими районами вокруг него. Связи городского населения с сельскохозяйственным производством никогда не прекращались. В X в. Семендер, с одной стороны, “превосходный город с рынками и купцами”, нет “более густонаселенного места, чем Семендер”, а с другой, – “земля их богатая, пастбища их хорошие”, этому городу принадлежат многочисленные сады, расположенные между городом и Баб ал-абвабом”⁸⁷.

Таким образом, кроме самого города, существовала еще крупная сельскохозяйственная округа Семендера, где проживала значительная часть населения (торговый и ремесленный люд, представители торгово-ремесленной знати, городские верхи, отряды воинов).

В Дербенте мы также наблюдаем неразрывную связь с сельскохозяйственной округой. Если в X в. в городе было сильно развито ткацкое производство, то потребности этого производства требовали использования в значительных размерах земельных площадей для выращивания растений, дававших ткацкое сырье (лен, хлопок, конопля), естественные красители, в частности марены и шафрана. При этом производство шафрана и марены в широких размерах диктовалось не только интересами ближневосточного и среднеазиатского рынка, но также и внутреннего рынка, интересами развития домашних промыслов (прежде всего, прядения и ткачества). Ал-Истархи писал, что полотно изготавливалось не только в Дербенте, но и в “его рустаках”⁸⁸.

В XI – начале XIII в. ремесленное производство Дербента получило дальнейшее развитие. Город превратился в известный торгово-экономический центр, очаг производства многих ремесленных изделий, выдающийся культурный центр региона, основной торговый порт Каспийского моря, известный посредник в международной транзитной торговле. Металлообрабатывающее производство Дербента этого периода ознаменовалось не только количественными, но и качественными сдвигами. В слоях VIII–XIII вв. орудия труда значительно превосходят предметы вооружения. Среди многочисленных металлических находок – сельскохозяйственные орудия (фрагменты железных лопат, мотыжек, серпов, лемех, наральник, сошник, строительные орудия и предметы: топоры, молотки, тесла, зубила, кольца, гвозди). Одним из наиболее развитых ремесел в городах было гончарное. Широким спросом пользовались изделия дербентских мастеров – столовая и кухонная, тарная и специальная керамическая посуда⁸⁹.

Успехи дербентских строителей и камнетесов также были впечатляющими, но в X–XIII вв. изменился характер их деятельности – уже отпала необходимость в возведении оборонительных комплексов. Основное внимание мастеров строительного дела было переориентировано на сооружение общественных, культовых, частных зданий.

Развитие ремесел, быстрый рост численности ремесленников стимулировали создание объединений для защиты их профессиональных интересов. Письменные источники сообщают о “главах ремесленных корпораций”. К середине XI в. относятся неоднократные упоминания о раисе дубильщиков⁹⁰. Можно предположить наличие объединений и у других представителей ремесленного производства. Некоторые из дербентских раисов были главами городских гильдий⁹¹. Серьезные изменения наблюдаются в XI–XII вв. в ткацком производстве. Уже нет сведений об изготовителях знаменитых в IX–X вв. дербентских полотняных изделий. А упоминание о шелководе в XI в. свидетельствует о том, что Дербент с окрестными землями постепенно стал переходить к производству шелка⁹². Позднее венецианский путешественник Марко Поло при описании Дербент-Темир-капы отметил: “Много тут шелку; выделывают здесь шелковые и золотые ткани; таких красивых тканей нигде не увидишь”⁹³.

В социально-экономической жизни дагестанского общества X–XII вв. произошли важные изменения, которые продолжались и в последующие три столетия. Показателем этих перемен был чрезвычайно важный процесс – формирование новых центров, вокруг которых сосредоточивались и на которые ориентировались другие населенные пункты. Этот процесс еще более возвысил значение территориальной общины. Возникновение новых крупных административных и экономических центров происходило повсеместно, как в феодальных владениях, так и в союзах сельских общин⁹⁴.

Типология дагестанских поселений XIX–XX вв. хорошо изучена⁹⁵. У всех народов Дагестана было два типа поселений: собственно селение и хутор. Селение – наиболее древний и распространенный тип поселений.

В X – середине XIII в. (как и в более позднее время) в Дагестане существовало три типа поселений, которые отличаются по своей внутренней структуре: тухумные (однотухумные), территориально-тухумные и территориальные⁹⁶. Изучение полевого материала позволяет проследить в ряде случаев хронологические рубежи и особенности их формирования. В основном этот процесс протекал в X–XV вв. Образование крупного населенного пункта происходило разными путями. Как правило, это переход нескольких мелких поселков в один центральный, причем продолжительность такого перехода длилась два-три столетия. Образуется не новое селение, а укрупняется территориально старое. В свою очередь, механизм перехода на новое место также имел несколько вариантов. В большинстве случаев каждое поселение, которое должно было войти в новое объединение, сохраняло в рамках новообразования свое лицо, структуру и, возможно, социальный статус. Каждое бывшее самостоятельное селение занимает на новом месте отдельный квартал, который территориально совпадал с расселением отдельного тухума. Количество кварталов и тухумов первоначально было равным.

При возникновении крупных селений объединялись как тухумные, так и тухумно-территориальные поселения. Новые центры формировались в таких случаях, разумеется, по чисто территориальному принципу.

Образование крупного селения путем слияния ряда мелких и средних поселков – явление не универсальное для Дагестана, хотя и ведущее. Нередко происходило и разукрупнение, особенно в районах, попавших в полосу военных действий. В ряде мест, прежде всего в Западном Дагестане, трансформация мелких населенных пунктов в более крупные, миграция жителей из небольших селений в эти “главные” центры не наблюдается. Этот процесс нуждается в обстоятельном и глубоком исследовании.

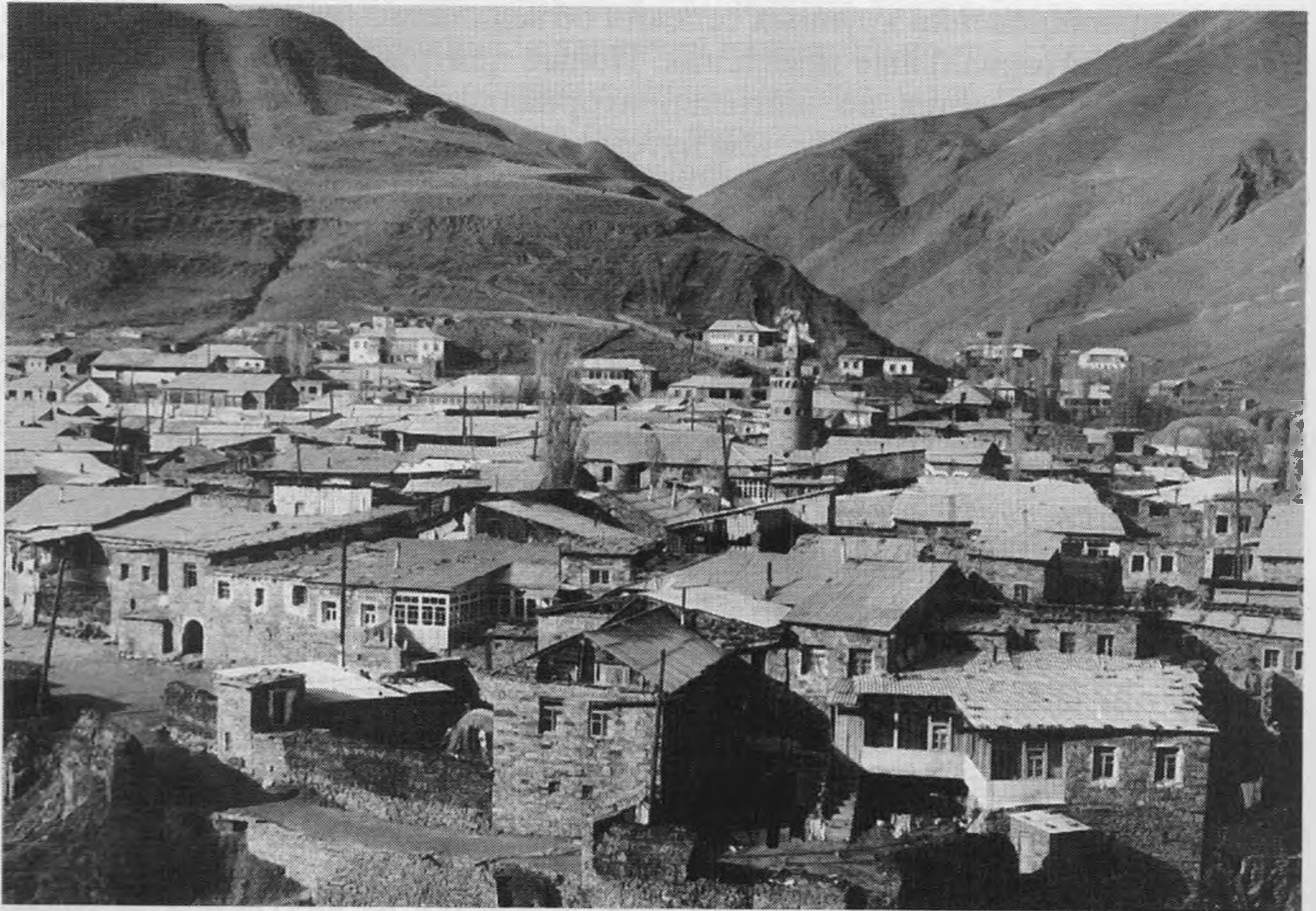
§ 4. Социальный строй

Все изложенное определило также большие сдвиги в социальных отношениях. Становление и развитие феодальных отношений – это долгий процесс, протекавший с различной степенью интенсивности в различных районах. Государственные образования X – середины XIII в., их усиление или ослабление, а также влияние на ход социальной жизни и политических событий были взаимосвязаны с самим феодализационным процессом.

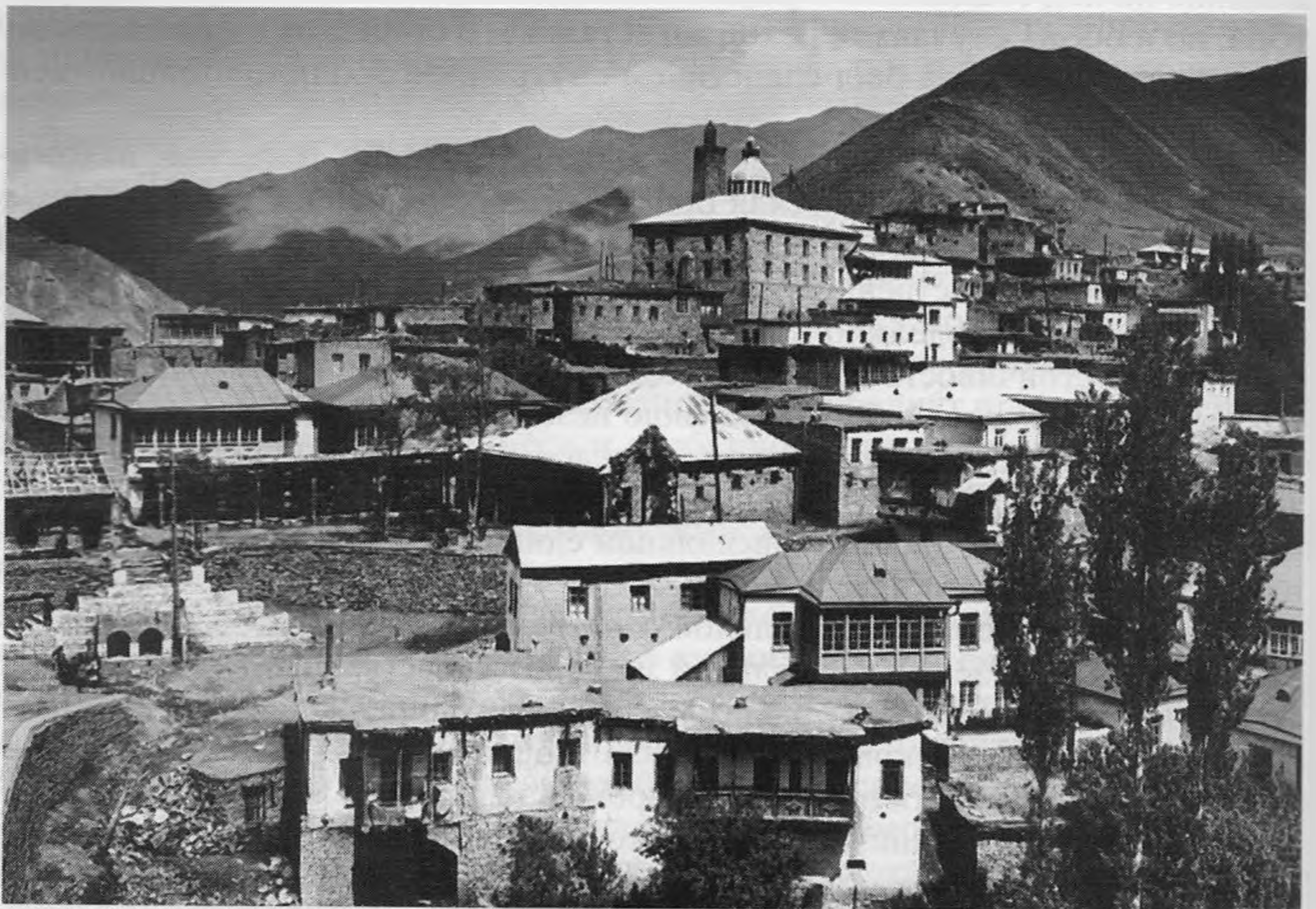
Существует два основных пути развития феодализма. В одном случае формирование этого строя полностью опирается на внутреннюю трансформацию общества; в другом – внешние факторы, в частности политика стран, уже вставших на путь феодального развития, оказали огромное влияние на ход социального развития. В Дагестане имели место оба фактора, но в обоих случаях переход дагестанского общества к феодальному способу производства был следствием внутренней эволюции общественного строя.

На ход и степень развития феодальных отношений в Дагестане наложила огромный отпечаток сельская община, ее чрезвычайная устойчивость в процессе формирования или же изменения социальной структуры. Сельская община играла двойственную роль в социальном развитии Дагестана; это обстоятельство определило как темпы феодализации дагестанского общества, так и устойчивость общины: с одной стороны, община-марка служила орудием крестьянства в борьбе за свою независимость, она “сохранялась на протяжении всего средневековья в тяжелой непрерывной борьбе с земледельческой знатью”⁹⁷. С другой же стороны, община, попавшая в зависимость от феодала и ставшая фискальной единицей, служила средством эксплуатации зависимого населения.

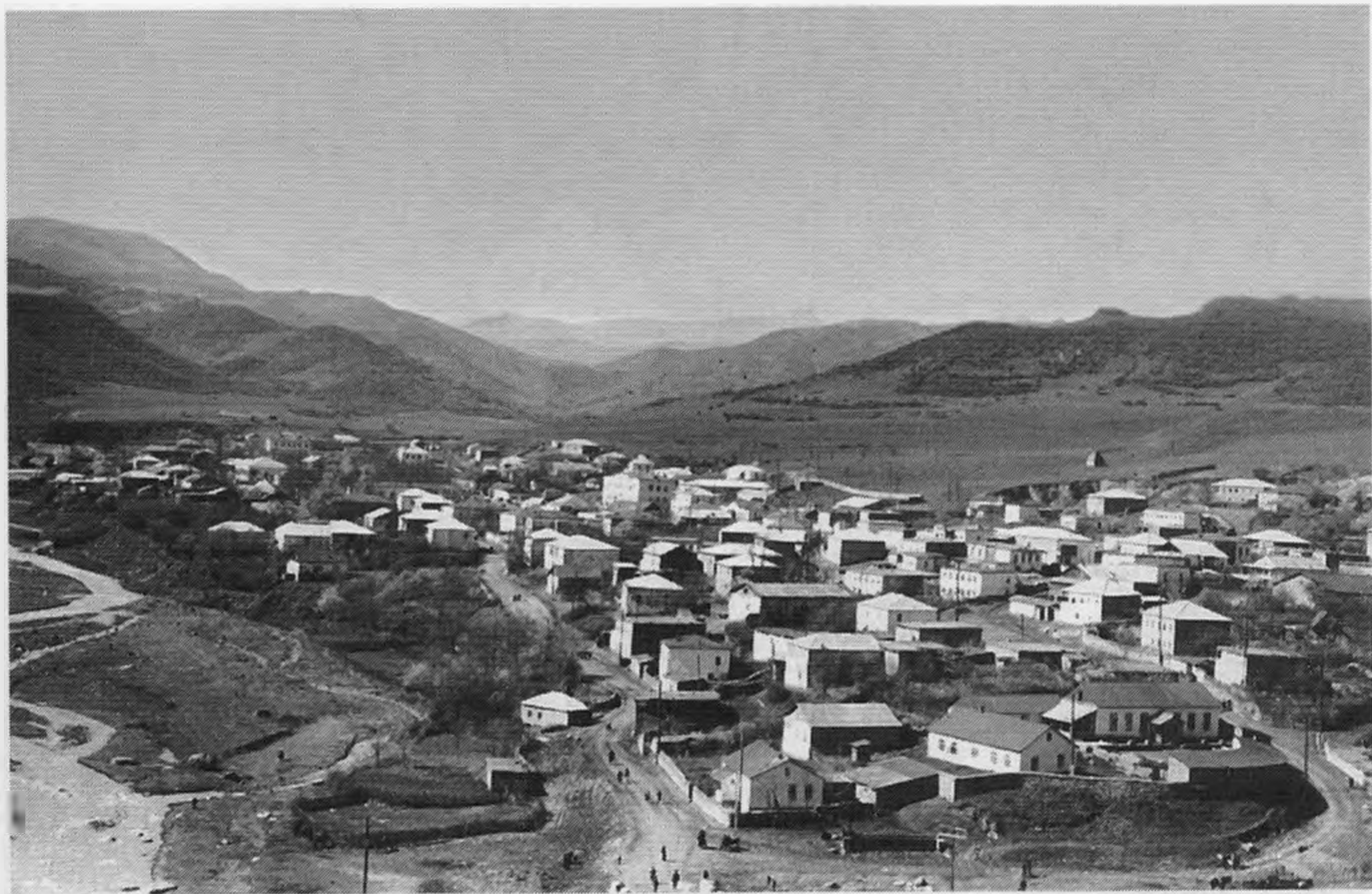
Основными формами земельной собственности в Дагестане в X – середине XIII в. были: земли феодальной знати, государственные земли, мульки, общественные земли, вакуфные земли⁹⁸. Соотношение видов земельной собственности неоднократно менялось. Общая линия развития форм земельной собственности в указанное время заключалась в увеличении количества частнособственнических участков как феодального типа, так и крестьянского, неэксплуататорского. Прослеживается усиление и увеличение мульков крестьянского типа, зачастую за счет феодальной собственности. Это – отражение процесса децентрализации, иногда дефеодализации, усиле-

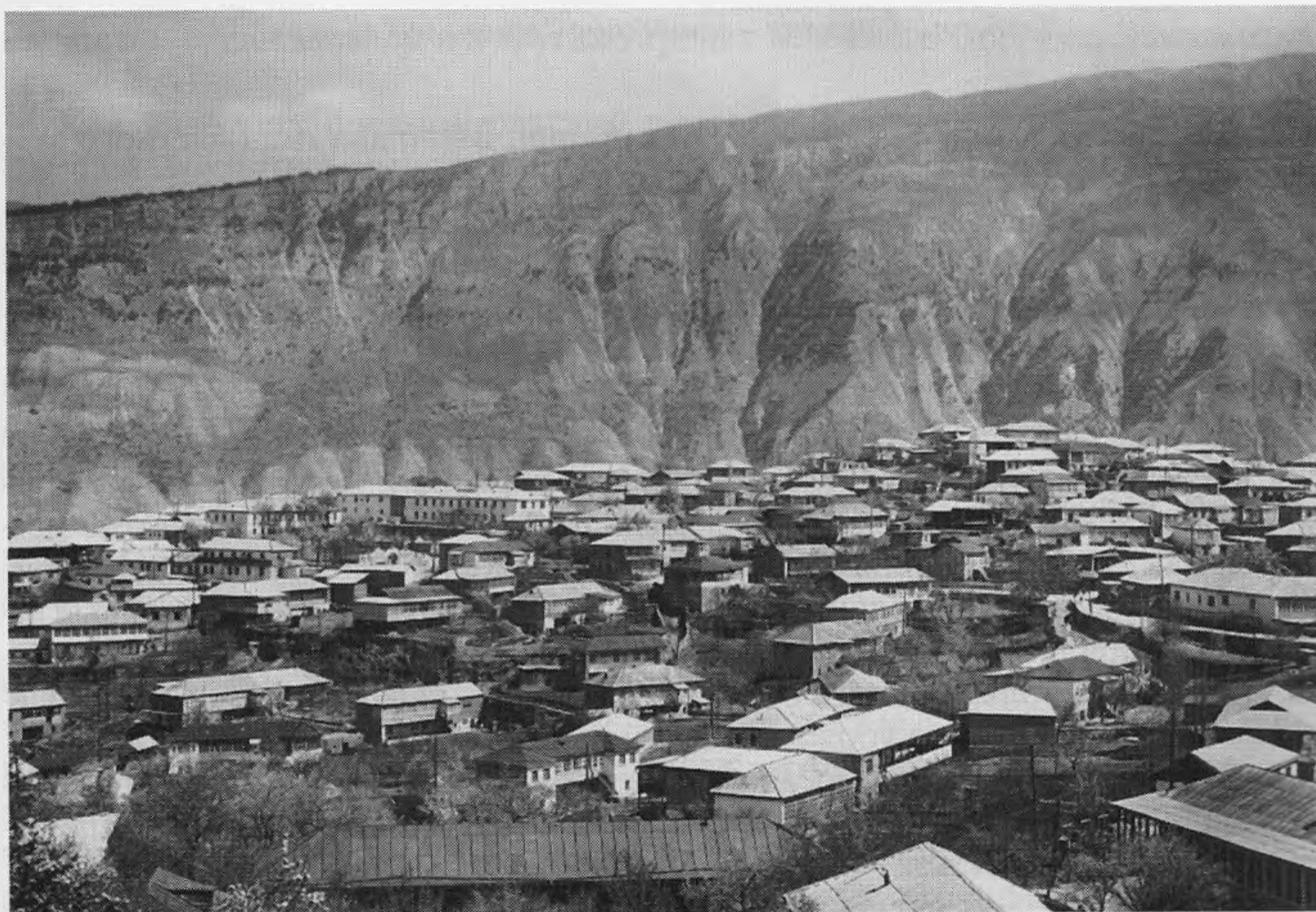
Селение Туз

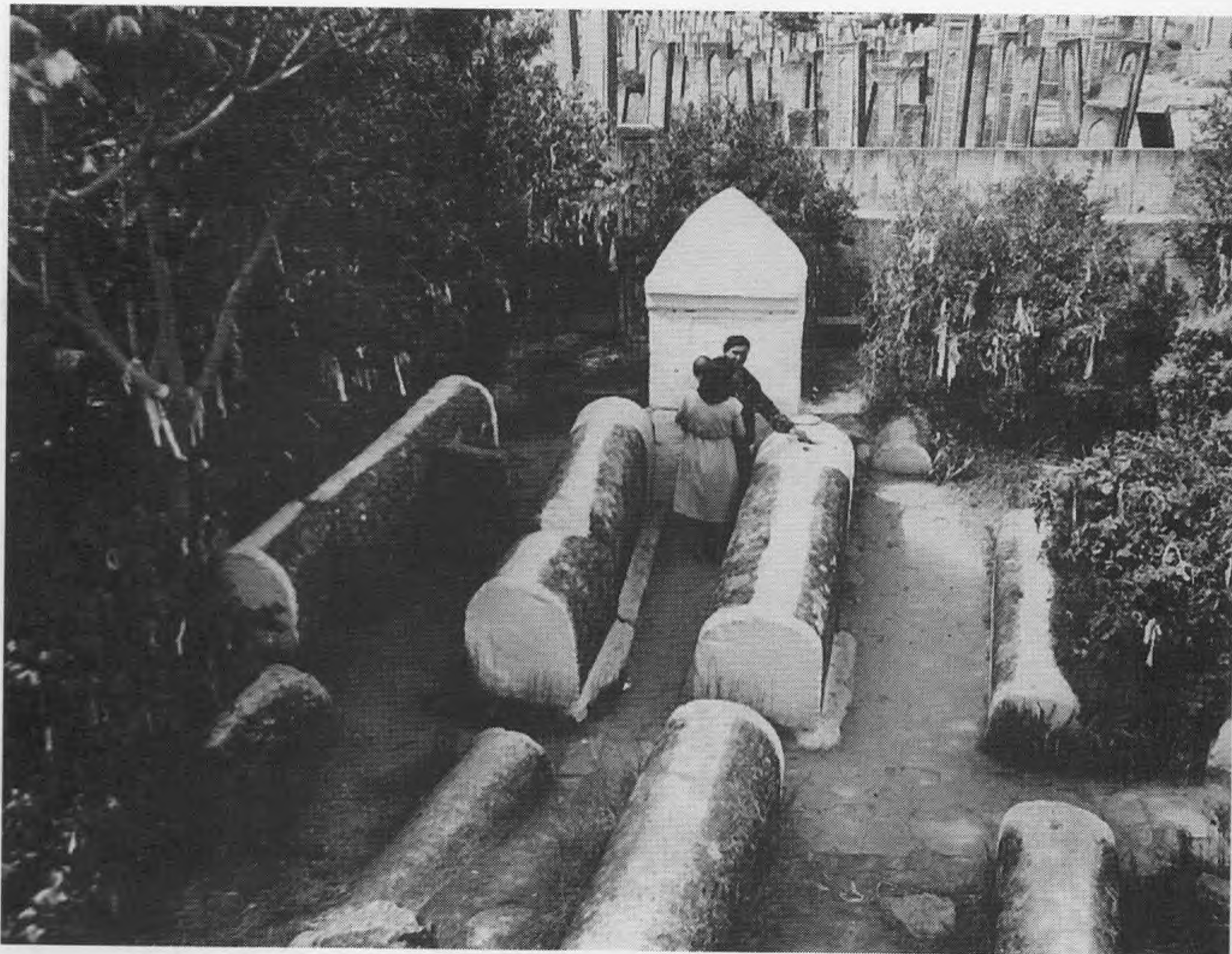
Селение Рутул

Селение Хучни

Селение Карата

Дербент. Кирхляр – кладбище “воителей за веру”

ния сельских общин и союзов сельских общин. Было два типа частного землевладения: мульк феодалов и мульк собственно крестьян.

К общественным относились леса, многие летние и зимние пастбища, “священные”, заповедные земли, частично сенокосные и пахотные земли. Сельская община (джамаат) была единственным юридическим лицом, распорядившимся этими территориями.

В связи с распространением ислама возникла категория вакфных (вакуфных) земель при мечетях и их учебных заведениях. Этот вид собственности формировался в результате земельных дарений и передачи мечети выморочных земель. Доходы с этих земель шли на содержание мечетей, медресе и мактабов, мутааллимов, на оказание помощи бедным, странникам, на различные благотворительные цели. В дальнейшем категория вакуфных земель расширилась. Своеобразие вакфа в Дагестане заключалось в том, что, как правило, в пользу мечети отдавались не земельные участки, а переводилась определенная доля урожая с определенных земельных участков.

Социальная верхушка представлена прежде всего феодальными правителями – дербентскими эмирами, аварскими нуцалами, хайдакскими правителями, маликами Лакза.

Наиболее полно изучена социальная структура Дербента⁹⁹. С 969 по 1069 г. городом управляли представители дома Хашимидов. Правителем и наиболее крупным феодалом был эмир города, опиравшийся в своей внеш-

ней и внутренней политике на “гази”. С их помощью эмир оказывал влияние на раисов города, когда интересы последних сталкивались с его интересами.

Раисы – это главы городских торгово-ремесленных гильдий, крупные и мелкие феодалы, носители реальной политической и экономической власти. Они располагали пахотными и пастбищными участками за пределами города, их поместья находились около Дербента и к югу до Самура (“в междуречье”). В 1064 г. раисы Дербента предприняли попытку расширить свои владения, они “выступили из ал-Мухрака в К.р. к. (Курак) в земли лакзов и захватили все поместья Маската и междуречья”¹⁰⁰. Таким образом, значительная территория в междуречье, скорее всего между реками Гюльгеричай и Самур оказалась, хотя и кратковременно, в их власти. В середине XI в. наиболее богатым раисом Дербента был “раис раисов” Муфарридж ибн Музаффар, владевший на правах собственности несколькими селениями. Такие раисы имели в своем подчинении более мелких феодалов, экономически зависимых от сюзерена¹⁰¹. “Раис раисов” держал штат сборщиков налогов (ум-мал, ед. ч. – амил)¹⁰², которые непосредственно изымали земельную ренту. То, что он обладал налоговым иммунитетом, свидетельствует о его фактической независимости от эмира. Раисы действительно представляли собой также и значительную политическую силу, состояли в числе ближайших советников эмира, нередко они вместе с “народом ал-Баб” выступали против эмира города, неоднократно изгоняли одного эмира и приглашали другого, демонстрируя тем самым свою независимость.

Ремесленные корпорации, торгово-ремесленные и торговые гильдии представляли собой значительную экономическую силу и во многом определяли облик города. Многочисленные объединения ремесленников по специальностям существовали и в других городах Ближнего Востока, Закавказья, Средней Азии¹⁰³.

Как известно, предмонгольский город на Кавказе, Ближнем Востоке, Средней Азии был средоточием разнообразной ремесленной промышленности, где процветало кузнечное, ткацкое, гончарное, кожевенное, ювелирное производства, строительное дело и другие виды ремесла. Таким же представляется и облик средневекового Дербента, где жило значительное число профессиональных мастеров – литейщиков, кузнецов, ткачей, строителей, оружейников, гончаров, каменщиков, кожевников, ювелиров, медников, производителей и продавцов бумаги и шерсти, хлопка, тканей, марены, шафрана, шелка.

Огромную роль в идеологической жизни играла духовная элита – кади кадиев (кади ал-кудат), кади и имамы мечетей, факихи (правоведы, преподаватели права).

Верхушку феодального общества составляли местные правители, их семьи, земельная и военная знать. В более поздних источниках правители Серира именуются нуцалами, Кайтага – уцмиями, а Кумуха – шамхалами. В источниках X–XIII вв. эти термины не встречаются. Арабские источники, как правило, не учитывали местную социальную терминологию, передавая ее на арабском языке (малик, сахиб и т.д.). Они не дают сведений о титулах правящей верхушки, но наиболее вероятным кажется, что уцмий, шамхал, майсум, нуцал – местные титулы, лишь впоследствии “подогнанные” к лексике арабского языка.

Основная опора феодальной власти – это военно-служилая знать, сыгравшая огромную роль в укреплении власти феодальных правителей. Эта знать “процветала” во всех владениях.

Исследователям приходится считаться с тем фактом, что данные о трудовых массах совершенно скудные. Во многих случаях на помощь приходят косвенные данные. Развитие ремесел в городах и селениях Дагестана, металлообработка, производство тканей и одежды, изготовление военного снаряжения и орудий труда, гончарное дело, строительство крепостей, башен, мостов, домов, медресе, мечетей – все это результат неутомимой и квалифицированной деятельности простых ремесленников. Если же мы говорим об успехах земледелия, в частности о замечательном трудовом завоевании – террасном земледелии, скотоводстве, садоводстве, то в основе этого лежит тяжелый, изнурительный труд крестьянина.

В объединениях Дербента, возглавляемых раисами, основную силу составляли ремесленники. В случае необходимости торговый и ремесленный люд выступал в роли воинов. Поэтому торгово-ремесленные объединения представляли собой не только экономическую, но и внушительную военно-политическую силу, часть военной дружины города. В этом была особая сила ремесленных организаций¹⁰⁴. В Лакзе, помимо маликов и стоявших ступенькой ниже них хамашира, жили также в X–XII вв. категории населения, известные под названиями муххан, м. шак, акара. По всей вероятности, под термином муххан следует понимать ремесленника, сельского мастера, обеспечивавшего нужды сельскохозяйственного производства. Под термином мшак подразумевались, можно полагать, и лица, не имевшие земли или лишившиеся ее по ряду причин. Акара – это категория феодально-зависимого населения, а именно – крестьяне-издольщики, получившие земли на основе издольной аренды, которая была широко распространена на Ближнем Востоке¹⁰⁵.

Основная масса крестьянства X – первой половины XIII в. – это юридически свободные владельцы мелких пахотных земель (мульков). В историческом сочинении “Тарих Дагестан” крестьян называли райятами. Это основное податное население. Райяты были известны и на Ближнем Востоке, где они делились на различные прослойки. Это были и свободные общинники, и общинная знать, и зависимые крестьяне-издольщики.

Социальное развитие Дагестана было неразрывно связано с различными формами эксплуатации феодально зависимого населения, а стремление феодальных правителей к укреплению своей власти, усилению эксплуатации, приобретению или же фактическому присвоению пастбищ и пахотных земель, ограничению прав членов свободной общины сталкивалось с постоянной борьбой зависимого или свободного населения за свои права как в экономической, так и в социальной сфере. Основной формой эксплуатации феодально зависимого крестьянского населения было взимание натуральной, продуктивной ренты. Одна из форм натуральной ренты – поземельный налог.

При разнообразном характере податных поступлений (деньги, зерно, мелкий и крупный рогатый скот и т.д.) основным видом выступает натуральная рента, денежная же рента случайна и впоследствии не встречается.

Огромную роль в расширении сферы влияния власти феодалов играли различные формы внеэкономического принуждения. Особое значение имел

институт коммендации, который сформировался двумя способами. Во-первых, правители наделяли землей некоторых лиц за службу на различных условиях: во временное или постоянное пользование, в собственность и т.д. Во-вторых, крестьяне, мелкие землевладельцы, отдельные сельскохозяйственные общины, иногда целые союзы общин шли под “покровительство” феодального правителя. Последнее сменялось обычно отношениями зависимости и подчинения, что сыграло важную роль в расширении территорий с феодально-зависимым населением.

Попытки феодалов укрепить свою власть встречали упорное сопротивление населения, вели к усилению классовой борьбы¹⁰⁶. Профессиональное сплочение ремесленников было вместе с тем важнейшей формой их социального единения. Встречающиеся в X–XII вв. ремесленные, торгово-ремесленные и торговые объединения Дербента – одна из форм защиты интересов городских ремесленников. На селе же одной из широко распространенных и эффективных форм защиты интересов крестьян был союз сельских общин. В усилении и укреплении этих союзов сельских общин, возникновении новых, в том числе и федерации этих союзов, выразились антифеодальные тенденции. Образование крупных населенных пунктов также связано с этим процессом. Эти “скрытые” формы протеста сосуществовали вместе с открытой формой, активным выступлением народных масс.

¹ Подробнее см.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 219–231.

² Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Изд. АН СССР. Сер. истории и философии. 1946. Т. 3. № 5. С. 461; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 145.

³ Полное собрание летописей. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 47.

⁴ Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Соч. М., 1963. Т. II. С. 851.

⁵ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 433–436.

⁶ Аликберов А.К. “Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик” Мухаммада ад-Дарбанди как памятник мусульманской историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991. С. 7; Он же. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003. С. 85–197, 218–231.

⁷ *Hudud al-alam*. The Regions of the world: A persian geography, 372 A.H. – 982 A.D. / Translated by V. Minorsky. L., 1937. P. 147; Бартольд В.В. Дагестан // Соч. М., 1965. Т. III; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 123–124; Minorsky V. The Khazars and Turks in the Akam al-Marjan // Bulletin of the School of Oriental Studies. Vol. IX. Part I. P. 145.

⁸ Macoudi. Les Prairies d’or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1862. Т. II. P. 42; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963. С. 203–204.

⁹ Бредэ К.А. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Д. 2412. Л. 1–16, 8.

¹⁰ Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI–XI вв. (Серир) // Ист. зап. 1963. С. 254.

¹¹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 203–204. Примерный маршрут при переложении на современную карту: низовья Волги–Эндирей–Салатавское нагорье–бассейн Андийского Койсу–Аргвани–Игали–Тануси–Хунзах (Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 45).

- ¹² *Туманский А.Г.* Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и русских // Записки Восточного отделения Русского географического общества. 1897. IX (1896).
- ¹³ Jacut's Geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1868. Т. III. S. 222.
- ¹⁴ *Миклухо-Маклай Н.Д.* Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Учен. зап. Ин-та востоковед. АН СССР. М.; Л., 1954. Т. X. С. 205–206.
- ¹⁵ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 46, 54, 77, 204.
- ¹⁶ *Бейлис В.М.* Указ. соч. С. 265.
- ¹⁷ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 220.
- ¹⁸ Там же. С. 220.
- ¹⁹ Там же. С. 66.
- ²⁰ Там же. С. 192.
- ²¹ Там же. С. 79.
- ²² *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1991. С. 40.
- ²³ *Исаев А.А.* Из истории освободительного движения в средневековом Кайтаге // Освободительные движения в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 49.
- ²⁴ *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника “Тарих Дагестан” Мухаммада Рафи // Письменные памятники Востока. 1972. М., 1977. С. 108. Мнение о том, что Каракорейш создан кайтагскими газиями, “воюя с языческим Зерехгераном” (*Магомедов Р.М.* История Дагестана. С. 40) документально не подтверждено.
- ²⁵ *Дебилов П.М.* Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966. С. 17–57; *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. М., 1984. С. 138–146.
- ²⁶ *Башкиров А.С.* Средневековый памятник аула Калакорейш. М., 1926. С. 53–63; *Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 53, 57; *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа: На арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. I. С. 274; *Маммаев М.М.* Изучение памятников декоративно-прикладного искусства в 1976–1977 гг. // Материалы сессии, посвященные итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976–1977 гг. Махачкала, 1978; *Алиев Б.Г., Шихсаидов А.Р.* Калакорейш – древняя столица Кайтага // Дружба. 1973. № 3 (на дарг. яз.).
- ²⁷ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 220.
- ²⁸ *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 193.
- ²⁹ *Магомедов А.А.* Кубачинский язык. Тбилиси, 1963. С. 1. Р.М. Магомедов также приводит название “семи небольших окрестных сел, развалины которых сохранились к моменту моего посещения”, т.е. к 1960 г. (*Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. II. С. 241).
- ³⁰ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана... С. 82–87.
- ³¹ *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. М.; Л., 1949.
- ³² *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 203.
- ³³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971.
- ³⁴ Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Zweite Theil: Die Denkmäler der Länder / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1848. С. 399 (араб. яз.).
- ³⁵ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 50.
- ³⁶ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 48, 65, 66, 72, 140.
- ³⁷ Там же. С. 48.
- ³⁸ *Алиев Б.Г.* Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972. С. 21.
- ³⁹ *Алиев Б.Г.* Каба-Дарго в XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1971. С. 6.
- ⁴⁰ *Баладзори.* Книга завоевания стран / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927. С. 5 (араб. яз.), 13 (рус. яз.); *Балазури.* Футух ал булдан, тасниф... Ахмад б. Йахйа ал-

- Балазури. Бейрут 1407/1987. С. 196 (араб. яз.); Якуби. История / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927. С. 3 (араб. яз.), 5 (рус. яз.); Шихсаидов А.Р. К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1980. С. 79–81.
- 41 Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 84–85.
- 42 Al-Masalek wal mamalek by Istakhry / Reedited by Muhammed Jabirabd el-Hini. Cairo, 1961. P. 115 (араб. яз.); Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 86–87.
- 43 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 26.
- 44 Услар П.К. Этнография Кавказа. Тифлис, 1892. Т. V: Хюркилинский язык.
- 45 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 130, 131.
- 46 Там же. С. 57.
- 47 Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati / Edite par G. Ferrand. P., 1925 (Journal Asiatique. V. CC VII). P. 82–83 (на араб. яз.).
- 48 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 203.
- 49 Там же. С. 202.
- 50 Там же. С. 96–97.
- 51 Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. Баку, 1983. С. 120–121.
- 52 Масуд ибн Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов / Предисл. и указатели В.М. Бейлиса. М., 1970 (факсим. изд.). С. 40; Ашурбейли С. Указ. соч. С. 123.
- 53 Jacut's Geographisches Wörterbuch. Leipzig, 1866. Т. I. 43.
- 54 Bibliothese Geographorum Arabicorum. I. 192. (Далее: BGA).
- 55 Шихсаидов А.Р. Вопросы исторической географии Дагестана X–XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 66–67.
- 56 Там же. С. 64, 108, 191.
- 57 Ашурбейли С. Указ. соч. С. 120, 121.
- 58 Масуд ибн Намдар. Указ. соч. С. 179; Minorsky V., Cahen Cl. Le recueil Transcaucasien de Masud b. Namdar // Journal Asiatique. CCXXX. VII. 1949. № 1. С. 132–133 (на араб. яз.), 140–142 (франц. перев.).
- 59 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 63.
- 60 Jacut's Geographisches Wörterbuch. V. I. S. 438.
- 61 Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ИИЯЛ Даг. ФАН СССР). Махачкала, 1961. Т. IX. С. 288; Османов М.-З.О. Хозяйство даргинцев в XIX–XX вв. // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 184; Асиятилов С. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в XIX – начале XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1966. Т. 16. С. 3–4.
- 62 Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 216–220; Канивец В.И. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1956. Т. 1. С. 216; Котович В.Г. О хозяйстве населения Дагестана в древности // Сов. археология (СА). 1965. № 3; Абакаров А.И. Топография раннесредневековых городищ горного Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973–1975 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1976. С. 7–9; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 97–106.
- 63 Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии... С. 288; Он же. О хозяйстве населения Дагестана в древности; Гаджиев С.Ш., Османов М.-З.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 20; Османов М.-З.О. Хозяйство даргинцев... С. 12–15.
- 64 Османов М.-З.О. Хозяйство даргинцев...

- ⁶⁵ Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана. М., 1990. С. 47.
- ⁶⁶ Dorn B. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen // V – Geographica Caucasica. Spb. [s.a.], P. 471–505. (Сравните: BGA. I. 184).
- ⁶⁷ Худуд ал-алам: Рукопись Туманского / С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. С. 31.
- ⁶⁸ Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 87.
- ⁶⁹ Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана. С. 47.
- ⁷⁰ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 26.
- ⁷¹ История Дагестана. Т. I. С. 134.
- ⁷² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 203.
- ⁷³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 50.
- ⁷⁴ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 48.
- ⁷⁵ Орбели И.Л. Временная выставка сасанидских древностей. М., 1922. С. 14; Орбели И.О., Тревер К.В. Сасанидский материал. М.; Л., 1949. С. XV–XVI; Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избр. тр. Ереван, 1963. С. 347–361; Гюзальян Л.Т. О дагестанских кубачинских котлах открытого типа: Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итог. работ Гос. Эрмитажа за 1961. Л., 1962; Иванов А.А. Кубачинский котел XIV в. // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1977. Вып. XVII.
- ⁷⁶ Дебиров П.М. Указ. соч.; Любимова Г.Н. Культовые постройки агульских селений Дагестана // Памятники культуры: Исследования и реставрация. 1961. № 3.
- ⁷⁷ Шихсаидов А.Р. Средневековый город Дагестана и его связь с сельским хозяйством // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 213.
- ⁷⁸ Jacut's Geographisches Wörterbuch. V. I. S. 438.
- ⁷⁹ Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Подводные археологические исследования древнего порта Дербента // Тезисы докладов конференции, посвященной итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1988. С. 77–80.
- ⁸⁰ Подробнее см.: Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. М., 1993. С. 108–134.
- ⁸¹ BGA. I. 184.
- ⁸² Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben Djarir ben Jesid at-Tabari / Trad. sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Balami par M.H. Zotenberg. P., 1884. T. III. P. 494.
- ⁸³ Dorn B. Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen // IV. – Tabary's Nachrichten über die Chazaren nebst Auszügen aus Hafiz Abru, Ibn Aasem el-Kufy / Me'm. de Acad. imp. des sciences politiques, hestoire, philologie. P., 1844. S. 454.
- ⁸⁴ Opus geographicum auctore Ibn Haucal / Ed. J.H. Kramers // BGA. II: Editio secunda. Lugduni Batavorum, 1939. P. 393.
- ⁸⁵ Sprenger A. Die Post – und Reiserouten des Orients / Abhandlungen der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Berlin, 1864. V. III. N. 3; Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1955. С. 166–170.
- ⁸⁶ BGA. I. 217–219 (араб. яз.).
- ⁸⁷ Ibid. 222.
- ⁸⁸ Ibid. 219.
- ⁸⁹ Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. С. 95–97, 191, 200; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 121–127; Кудрявцев А.А. Металлообрабатывающее производство средневекового Дагестана (VI – середина XIII в.) // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 102–107, 117.
- ⁹⁰ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 70, 75.

Глава четвертая

Борьба народов Дагестана за независимость. Хозяйство и общественный строй в XIII–XV веках

§ 1. Походы монголов на Кавказ

Народам Дагестана на протяжении всего средневековья приходилось отстаивать независимость своей земли в борьбе против сменявших друг друга завоевателей. Нормальный ход политического и экономического развития региона регулярно нарушался из-за вмешательства внешнеполитических сил. Так было и в начале XIII в., когда начались походы монголов на Кавказ.

Как известно, образование Монгольской империи и последовавшие за этим завоевательные войны сыграли огромную роль в судьбах многих народов, наложили отпечаток на их социальное и политическое развитие. “Завоевательные походы Чингисхана и его преемников против народов Дальнего Востока, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Восточной Европы и других стран не только надолго затормозили развитие этих стран, но и привели к задержке подъема производительных сил и культуры самой Монголии, не принесли монгольскому народу ничего, кроме страданий”¹.

Походы монголов сопровождались гибелью городов и селений, уничтожением памятников культуры, разрушением сельского хозяйства и ремесленного производства. В течение 1219–1221 гг. монголы покорили Восточный Туркестан, Среднюю Азию, Восточный Иран (Хорасан). Мобильная и хорошо вооруженная монгольская армия, объединенная жаждой наживы и железной дисциплиной, вихрем прошла по чужим землям, сея всюду страх и ужас. К. Маркс писал: “Между тем орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети – все летит к черту”².

В 1220 г. монгольская армия под руководством Джэбэ и Субэдея ворвались в Закавказье, захватив Нахичевань, Серав, Ардебиль, Байкалан, Гянджу, Шемаху, разорила Грузию. Далее монгольские войска направились в Дербент. Однако им не удалось пройти на Северный Кавказ через Дербент по Прикаспийской низменности. Они были вынуждены обойти Дербент и пройти через неизвестные им горные тропинки³. Эта акция была связана только с тем, что жители Дербента сумели воспрепятствовать вторжению в город. Это событие хорошо описано в “Истории Армении”: “Татары, взяв с собой жен, детей и все свое имущество, намеревались пройти через дербентские ворота в свою страну. Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасть деревьями и камнями, имущест-

вом своим, лошадьми, военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну”⁴.

Население горных районов Дагестана также стойко и мужественно встретило отряды завоевателей. По словам арабского историка Ибн ал-Асира (1166–1238), монгольские войска, захватив земли лакзов, алан, тюркских племен, “ограбили и убили много лакзов-мусульман и неверующих и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран и дошли до аланов...”⁵

Таким образом, маршрут монгольских войск проходил по внутренним районам Дагестана. Ворвавшись в земли алан, монголы разбили их, а затем жестоко расправились с кипчаками (половцы). Некоторые из кипчаков бежали в горные районы, другие – за Днепр, “а большинство же их, собравшись, направились к Дербенту Ширвана”⁶. В мае 1223 г. у р. Калка монголы нанесли жестокое поражение объединенным отрядам русских и кипчаков⁷.

Исторические факты свидетельствуют о том, что ни в одном регионе не удалось организовать эффективное коллективное сопротивление. Отсутствие единства, политическая раздробленность и междоусобицы – вот что могли “противопоставить” потоку хорошо организованной, сплоченной монгольской армии правители завоеванных земель. Как писал известный востоковед И.П. Петрушевский, “при чингизовских завоеваниях мы видим уже не стихийные жестокости и разрушения, а организованные приемы массового истребления мирного населения, опустошение целых районов, применявшиеся чингизовыми полководцами. Это была целая система террора, проводившаяся сверху и имевшая целью организованное истребление способных к сопротивлению элементов населения, запугивания мирных жителей и создание массовой паники в завоеванных районах”.

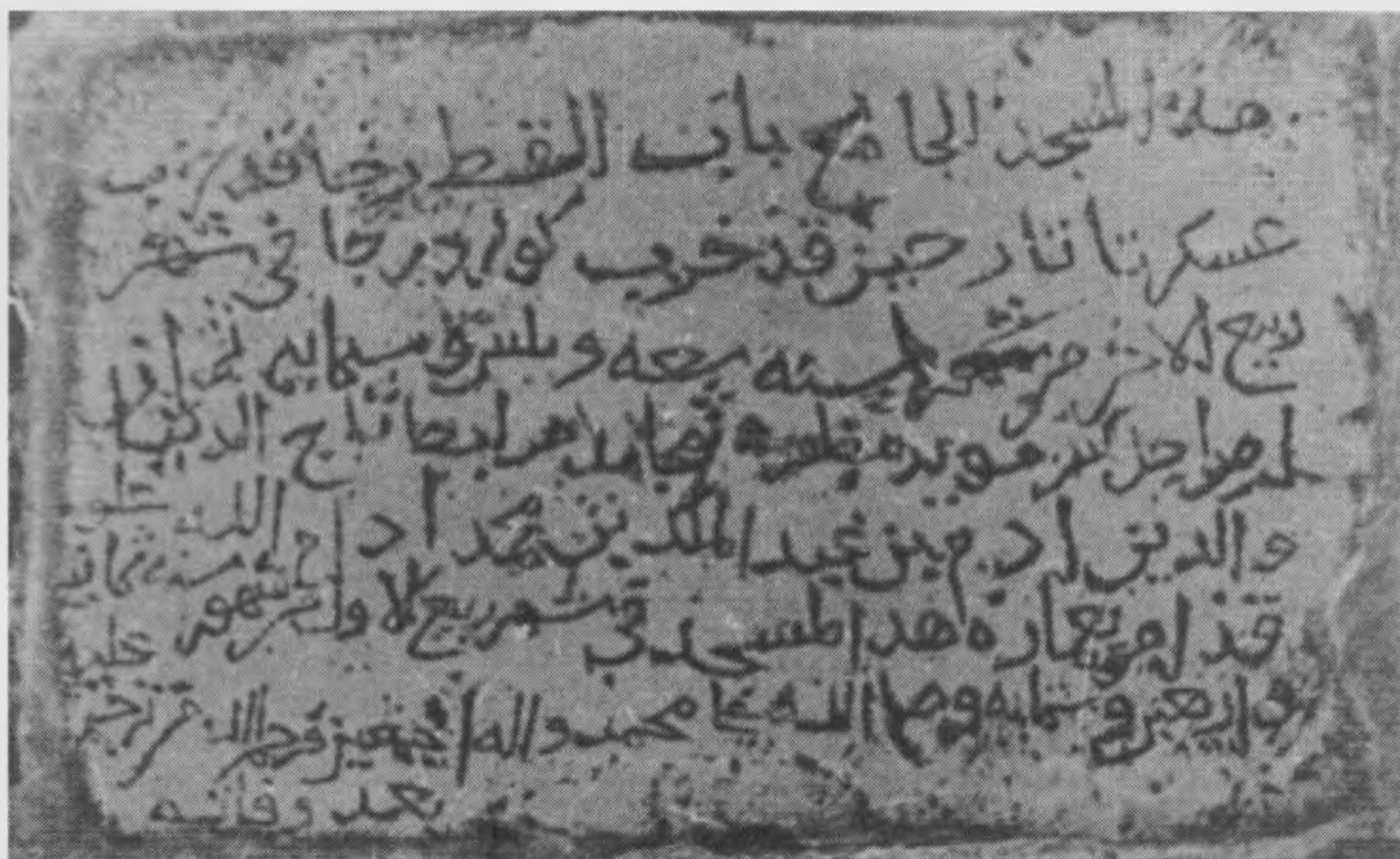
Первый поход монгольских войск на Кавказ носил разведывательный характер. Следующий ставил иные цели: прочно укрепиться в этом регионе, превратить его в плацдарм для дальнейших бросков на Север, в южнорусские степи. Один за другим были захвачены города Марага, Тебриз, Гянджа, Шамхор⁸. Далее монголы вновь двинулись на Дербент.

Планомерное завоевание Северного Кавказа началось одновременно с военной агрессией против русских земель. При этом часть монгольских войск была занята завоевательными войнами на Северо-Восточном и Центральном Кавказе⁹. В 1237 г. они “пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукара”¹⁰. После похода в Адыгею последовало вторжение в Крым, а осенью 1238 г. они двинулись на алан, захватили после длительной осады их столицу – крупный город М.к.с. (Магас), жители которого были жестоко наказаны, а город был разрушен до основания¹¹.

В это время другие монгольские отряды, захватившие уже земли Азербайджана, ворвались в Дагестан, “что должно было не только обеспечить тыл улуса Джучи с этой стороны, но и создать плацдарм для вторжения его войск в Закавказье через Дербентский проход”¹². Рашид-ад-Дин пишет, что весной 1239 г., “назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-Кахалка с тем, чтобы он занял и область Авир”¹³. Тимур-Кахалка (в переводе с монгольского “железные ворота”), упоминаемый здесь, – это Дербент, который был взят и разрушен.

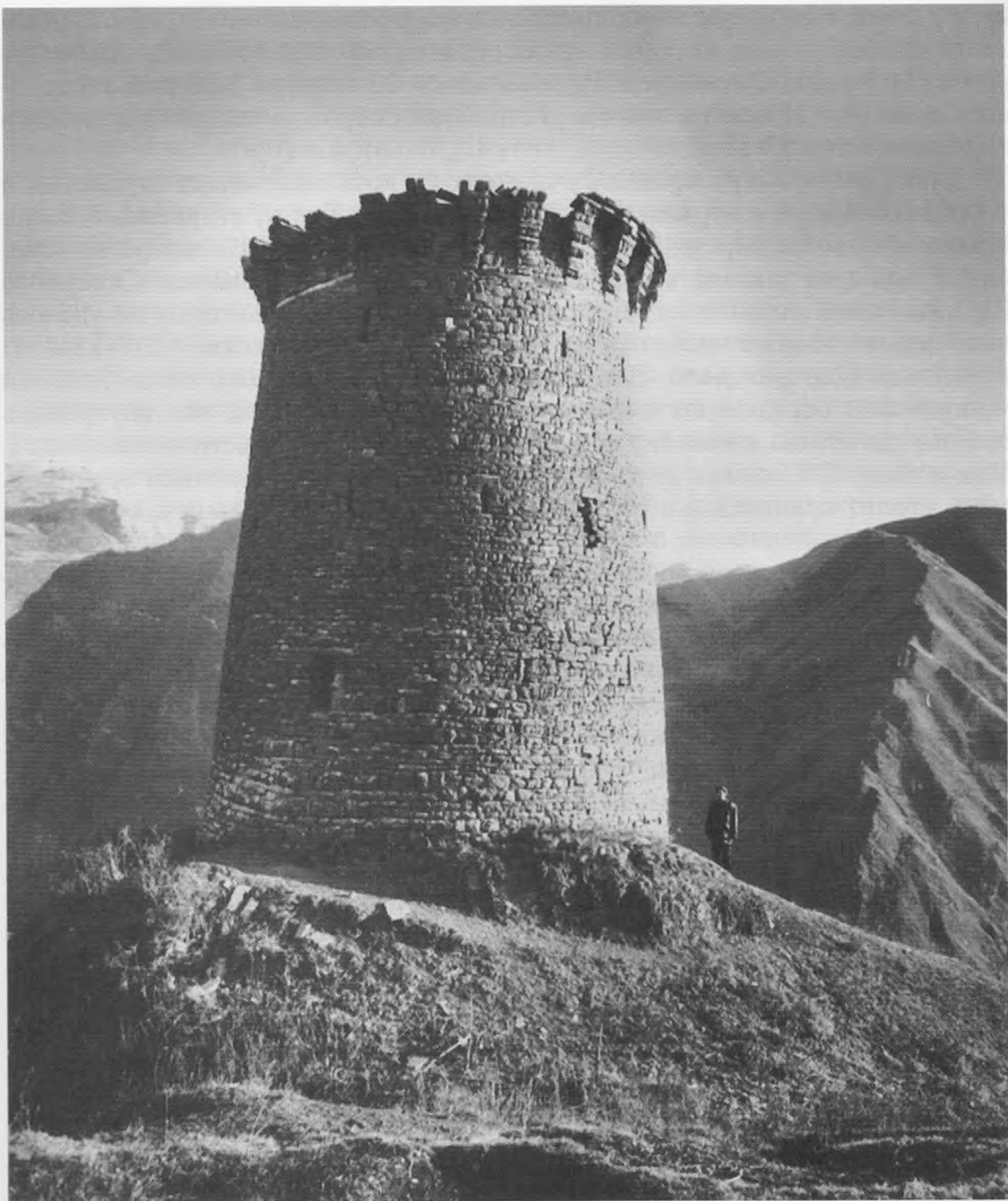

Селение Рича. Мечеть XI–XII вв. Минарет, восстановленный в XVII в.

Селение Рича. Надпись XIII в. о сражении с монгольским отрядом

Селение Ицари. Круглая башня

Обосновавшись в Дербенте, монголы предприняли попытку проникнуть в глубь гор (в “область Авир”) с целью обеспечить себе надежность пребывания в равнинной и предгорной полосе.

Монгольский отряд, отправившийся из Дербента, избрал маршрут Дербент–Хив (Курах)–Рича–Чираг–Гумик. Сохранившиеся до сих пор остатки мечети XII–XIII вв. в Хиве – это, по всей вероятности, последствие пребывания здесь монгольских отрядов. Упорное сопротивление завоевателям ока-

зало с. Рича, в то время столица маленького феодального владения. Защита этого селения – одна из самых ярких страниц освободительной борьбы народов Дагестана. Сражение в Рича началось 20 октября 1239 г. и закончилось примерно 15 ноября этого же года. Таким образом, селение героически сопротивлялось 27 дней.

После захвата и разорения Ричи монголы воспользовались перевальной дорогой, ведущей к верховьям р. Казикумухское Койсу, вторглись в земли лакцев и в начале апреля 1240 г. штурмом взяли Кумух. Несмотря на отчаянные попытки завоевать ключевые позиции в горных районах Северного Кавказа, продолжавшиеся четыре года, монгольским войскам не удалось покорить во многих местах местное население¹⁴. Вторжение 1239–1240 гг. в районы Центрального Дагестана также не укрепило здесь позиций монгольских отрядов. Источники свидетельствуют о том, что внутренние районы Дагестана очень быстро освободились из-под власти завоевателей. Уже в июле 1241 г., как повествует надпись из с. Рича, местный правитель здесь строит крепость, а в 1250 г. была восстановлена ричинская соборная мечеть.

Монгольская власть во многих районах Северного Кавказа также не была продолжительной. По словам Плано Карпини, в середине XIII в. в регионе еще были земли, не подчиненные монголам¹⁵. А Рубрук (он писал о положении дел в 1253–1255 гг.) среди непокоренных народов называет адыгов (зикая, черкесы), алан и дагестанцев (лесги). Аланы и черкесы, писал он, борются против татар, и “некие сарацины, именуемые лесгами, равным образом не подчинены татарам”¹⁶. В 1256 г. подобное положение сохраняется, ибо Рубрук, возвращаясь через Дербент, еще раз упоминает о “сарацинах по имени лесги”, горцах, которые живут между морем и горами и “также не покорены, так что татарам, жившим у подошвы гор аланов, надлежало дать им 20 человек, чтобы проводить нас за Железные ворота”, т.е. за Дербент¹⁷.

В середине XIII в. единая Монгольская империя распалась на ряд фактически независимых государств улусов: Джучидский – Золотая Орда (со столицей в Сарай-Бату на Нижней Волге (около Астрахани), затем в Сарай-Берке (близ Волгограда), Джагатайский (в Средней Азии) и Хулагуидский. Территория государства Ильханов-хулагуидов (1256–1353) охватывала Иран, почти весь нынешний Афганистан, Туркестан, Азербайджан (Иранский), Ирак Арабский с Багдадом, Арран, Ширван, Курдистан, Верхнюю Месопотамию, часть Малой Азии. Государство сельджуков (Конийский султанат), Грузия, Армения были вассалами Хулагуидов. Столицей государства, основанного внуком Чингис-хана Хулагу-ханом (1256–1265), была сначала Марага, затем – Тебриз¹⁸.

Равнинная полоса Восточного Дагестана и районы, прилегающие к Дербенту, стали ареной столкновений двух крупнейших государств – Хулагуидов (ильханов) и Золотой Орды. Дербент вошел в состав земель, подвластных Джучи, и стал пограничным пунктом Золотой Орды, а Ширваном, Арраном, Азербайджаном ильханы владели полностью¹⁹. Значительно усилилось военно-стратегическое значение Дербента. Во власти золотоордынских ханов были не только Дербент, но и прилегающие к нему ранее независимые земли. Когда после смерти Берке (1266 г.) на ханский престол вступил его брат Менгу-Темир (или Менгу-Тимур), то к нему перешло господ-

ство над “странами северными, тюркскими и кипчакскими, Железными воротами и тем, что к ним прилегает”.

На Северном Кавказе монголы держали в захваченных районах крупные воинские отряды. Такие отряды действовали на берегах Кубани и Терека, в городах Татартуп, Нижний Джулат, Дербент²⁰. Так создавались военные пограничные области, причем особое внимание обращалось на стратегически важные участки. События XIII в. показали, что основное внимание уделялось Дербентскому и Дарьяльскому проходам – двум наиболее значительным дорогам в Закавказье²¹.

Ильханы придавали особое значение району Дербента. Ильхан Абахан (1265–1282) послал своего брата “в Дербент, Ширван и Муган до Алтана, чтобы охранял те пределы от врага”. Охрана северных границ осуществлялась как чисто военными мероприятиями, так и особой политикой в сфере земельных отношений. Воинам и местным феодалам щедро раздавались земельные участки. “Широкую поддержку получало как мусульманское духовенство, так и местная знать и связанное с ней купечество, которое добивалось различных льгот и привилегий для себя и становились соучастниками завоевателей в ограблении низов своего народа”²².

Хулагуидско-золотоордынское соперничество перешло в 1262 г. в открытый конфликт, сопровождавшийся военными действиями на территории Восточного Кавказа, конкретнее – между Терекком и Курой. Война длилась почти сто лет, прерываясь лишь периодами непрочного мира²³. Источником о событиях этого конфликта служит сообщение о золотоордынском царевиче Токдае (Тама-Токдай, Муртад-Токдай), которое датируется после 1262 г. По словам автора сообщения, зимовья царевича “находятся около реки Терека, у Дербента. Уже долгое время, как он стоит во главе сторожевой рати (лашкар-и-караул)”²⁴. Зимовья – это ленные пастбищные владения члена ханского рода, чингизида, на дагестанской равнине, пожалованные за охрану границ в районе Дербента²⁵. “Токдай долгое время был защитником и хранителем Дербента”²⁶. Даже в конце XIII в. или в начале XIV в. Газан-хан (1295–1304) писал о “пределах Дербента, составляющего пограничную линию между нашими владениями”²⁷.

Во второй половине XIII – первой половине XIV в. произошли серьезные изменения. Правящие круги Халагуидского и Чагатайского улусов Великой Монгольской империи во второй половине XIII в. стали придерживаться двух методов эксплуатации крестьянства завоеванных стран. Если приверженцы монгольской старины и кочевых традиций были врагами “оседлой жизни, земледелия и городов, сторонниками неограниченной хищнической эксплуатации оседлых крестьян и городских низов”, то другие правители шли на “покровительство городской жизни, купцам, торговле, восстановлению разрушенных монгольским нашествием производительных сил, в частности в сельском хозяйстве покоренных стран, и точной фиксации подати и повинностей крестьян и горожан”²⁸.

В государстве Хулагуидов (1256–1353), в состав которого входила часть Южного Дагестана, победило второе направление. Глава государства Газан-хан принял ислам и сделал его государственной религией. Как сообщает Рашид-ад-Дин, Газан-хан “позаботился об упорядочении возделывания и устройства втуне лежащих земель”, и среди таких земель названы

“некоторые области между Дербентом и Ширваном”, т.е. лезгинские районы²⁹. В государстве Хулагуидов широкое развитие получила условная форма временного, а со временем и пожизненного земельного владения (икта), выделяемого за несение воинской службы и ставящего его владельца в зависимость от верховного правителя. Среди владений этого государства источники называют Дербент, указывая при этом, что Газан-хан назначил в горные проходы и малодоступные горные области “таджикские войска и всех снабдил одеждой и раздал им икта”³⁰. В данном случае подразумевается бассейн р. Самур, так как еще в 1301 г. эмиры Лекзистана “добровольно” подчинились ильхану³¹.

Стабилизация положения дагестанских владений и общин горных районов происходила в обстановке ослабления политических позиций Золотой Орды на Северном Кавказе³². Сокрушительный удар, нанесенный в 1380 г. Золотой Орде на Куликовом поле русскими армиями, оказал серьезное влияние и на положение народов Северного Кавказа.

§ 2. Борьба народов Дагестана с полчищами Тимура

Во второй половине XIV в. на месте монгольских улусов в Средней Азии сложилось государство Тимура с центром в Самарканде. Это было итогом исторического развития, многолетней тенденцией к созданию сильного, единого, централизованного государства. Тимур (Тамерлан) разработал план обширных завоеваний, поставил перед собой задачи: превзойти своего кумира Чингис-хана в завоевательных акциях, превзойти мощь Монгольской империи³³. От Чингис-хана Тимур унаследовал идею мировой империи “и подобно своему предшественнику, а порой с еще большей жестокостью, часто лишь для устрашения народов, разрушал города и беспощадно вырезал их жителей. Причем подобные действия осуществлялись не стихийно, а по заранее обдуманному плану”³⁴.

Жестокая политика по отношению к завоеванным народам сочеталась с умением Тимура лавировать, поддерживать правителей отдельных владений, создавать благоприятные условия представителям социальной верхушки, феодальной власти, использовать религиозные чувства людей.

Первое десятилетие его политической деятельности прошло в борьбе с Тохтамышем, ханом Золотой Орды с 1380 по 1395 г., ставшим им в свое время именно благодаря поддержке и покровительству Тимура.

Восточный Кавказ стал ареной схваток многочисленных отрядов двух завоевателей. Так было в 1386 г., когда 90-тысячная армия Тохтамыша прошла Дагестан (“послал войско со стороны Дербента до Самура”), Ширван, разрушила Нахичевань, Тебриз, Марагу. В этой сложной внешнеполитической обстановке судьба Ширвана и Дербента зависела от позиции его правителя, ширваншаха новой династии Ибрахима Дербенди (1382–1417). Он сумел учесть ситуацию, воспользоваться противоречиями грозных соперников, выступил на стороне Тимура. Тем самым ему удалось сохранить самостоятельность Ширвана, уберечь его и Дербент от разорения, уговорить завоевателя приостановить опустошение Грузии и заключить мир с грузинским царем Георгием VII³⁵.

И Тимур, и Тохтамыш упорно и длительно готовились к сражению, собирая со всех концов своих владений войска, предпринимали дипломатические шаги, пытаясь приобрести союзников в предстоящей борьбе. В конце XIV в. война началась. Наиболее ожесточенный характер сражения приняли во время известного похода Тимура 1395–1396 гг., предпринятого им в ответ на разорительное вторжение Тохтамыша в Азербайджан.

Здесь на обширном пространстве на берегу Самура Тимур произвел осмотр своих войск. Как писал Шарафаддин Йезди, “согласно приказу, войска, двинувшись в совершенном порядке, выстроились в линию таким образом, что крайний фланг левого крыла находился у подошвы горы Эльбруз, а крайний фланг правого крыла – на берегу Кулзум (Каспийское). Такого значительного по численности и многолюдству войска никто не видел со времени Чингисхана”³⁶. Далее войска прошли Дербент, и в быстром темпе направились на север, в сторону Тарки, жестоко расправляясь с теми, кто выступал против него. После Дербента войска “дошли до иля и области кайтагов, которые были сторонниками Тохтамыш-хана. Он (Тимур)... напал на их стороны и края, что из множества их спаслись (даже) немногие и из тысячи один; все те области они разорили”³⁷. По словам Шарафаддина Йезди, “когда Тимур со всем своим войском прибыл в местность Тарки и расположился лагерем, до сведения его довели, что авангард Тохтамышхана (под начальством) Казрачия остановился на берегу реки Хой”.

Из селения Тарки Тимур направился к Хой (Койсу-Сулак) и нанес поражение авангардному отряду. Преследуя войска Тохтамыша, Тимур дошел до места слияния Терека и Сунжи и перешел Сунжу. Потом начался трехдневный “марш-противостояние” двух войск по берегам Терека и, наконец, 15 апреля 1395 г. произошло решительное сражение на р. Терек. Золотоордынцы потерпели полное поражение. Если в 1380 г. Дмитрий Донской, разгромив Мамаю, положил конец былому могуществу Золотой Орды, то поражение Тохтамыша низвело ее до положения второстепенного государства³⁸.

Преследуя врага, Тимур разгромил западные улусы Золотой Орды: низовья Дона, Среднее Поволжье, Кафу, Азов. Осенью 1395 г. началось планомерное завоевание Северного Кавказа, одного из богатейших улусов Золотой Орды, земель адыгов (черкесов), территории современной Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии. Это был второй этап похода Тимура.

Разорив земли Чечни и Ингушетии (область Симсим), Тимур совершил набег в предгорный район горы Аухара (подразумевается северная часть Аварии, т.е. андийские земли, или же земли Аух, или же север Хунзахского нагорья). Покорив земли, занятые кумыками, Тимур остановился на зимовку в низовьях Кумы. На этом завершился второй этап похода, цель которого “сводилась к покорению наиболее важных в экономическом и политическом отношении областей Северного Кавказа”³⁹.

Новый этап начался с похода в район Пятигорья, потом на Нижнее Поволжье зимой 1395/1396 г., где были разрушены крупные города Маджар, Сарай-Берке и Хаджи-Тархан (Астрахань). Затем Тимур опять вернулся на низовья Кумы, в местность Бугаз-Кум. Весной 1396 г. Тимур продолжил завоевания в Дагестане.

Поход 1396 г. был одной из крупных акций Тимура, его итогом было массовое уничтожение дагестанцев, повсеместное разрушение городов, селений, замков, крепостей, захват огромной “добычи, корма, пищи”, рабов. Аббас-Кули Бакиханов в своем знаменитом историческом сочинении “Гюлистан-и Ирам” писал: “Эмир Теймур, покорив кумыков, обитающих между Тереком и Сулаком, прошел по земле Мичикич, на город Алмак (ныне деревня в Салатавском округе), который имел семь тысяч домов... Он взял город после сильного сопротивления и разорил его. Оттуда по хребту Салатавских гор, который поныне называется Теймуршах-йолу (дорога Тимура), он подошел к укрепленным селениям, в том числе к селению Батлук. Салатавцы храбро защищались, но их личная храбрость не устояла против силы и искусства Теймура”. Их укрепления были разрушены, а жителей переселили “в низменные места”. Они впоследствии стали жить на территории современного Чиркея⁴⁰.

Продвигаясь в глубь Дагестана, Тимур осадил г. Кадар (Гадар). Затем было взято селение Губден, которое завоеватель подарил одному “из кумыкских эмиров по имени Гобден”⁴¹.

Затем Тимур “прошел через крепость Тарки и дошел до местности Ушкуджан”, откуда были разосланы карательные отряды в соседние земли, где они “блестяще” справились со своей задачей (“прибыли с награбленным и добычей”)⁴². Войска Тимура “уже взяли Ушкуджа, всех тех неверных убили... из убитых сделали холм и опустошили всю их область”⁴³. В исторической литературе сложилось мнение, что под Ушкуджа следует понимать село Акуша. В действительности же речь идет о селении Усиша, центре тогдашнего верхнедаргинского района, расположенного недалеко от Акуша⁴⁴. Кстати, в арабской транскрипции местного происхождения с. Усиша передается как Ускиша.

Эти трагические дни истории Дагестана отражены в местных исторических записях. Одна из таких записей гласит: “797 год – дата прихода Тимурленга со своей громадной силой в селения (карийат) Дарга, разрушения селения Муги (Муха) и гибели в сражении его жителей (ахл) – юношей, детей, стариков. Пропали все надежды на спасение из-за этих интриганов, но тут пришла к нам помощь из вокруг лежащих селений: из Аварии и Кумуха (Авар и Гумик) и мы освободились от того великого несчастья”⁴⁵.

797 г. хиджры падает на промежуток между 27 октября 1394 г. и 15 октября 1395 г. Учитывая приведенные выше сообщения, можно считать, что в действительности речь идет о походе Тимура во внутренний Дагестан весной 1396 г.

Другая запись рассказывает также о политике Тимура в захваченных селах: “Достойнейший Тимурлин пребывал в селах Дарга с многочисленными боями. Ему было подчинено все население* при помощи великой силы. Он победил людей, отнял их имущество, убил много мужчин и женщин, установил власть эмиров над селами (кура) и областями (навахи-общинами). И назначил он среди них... вали над селением Муги (Муха)... Это имело место... в 797 г.”⁴⁶

Таким образом, Тимур удалось подчинить своей власти ряд владений и союзов, в том числе Муги с близлежащими селами. Авария и Кумух с 3000 воинов вышли на “подмогу жителям Ушкуджа”, но в конечном счете они были разбиты (“выбрав 500 всадников в полном вооружении, сделал на них набег и

---

* Дословный перевод: “Ему были покорены шеи народа”.

Селение Хоредж. Оборонительная башня

погнал”). При этом убили шамхала (шаукала), руководителя объединенных войск Аварии и Кумуха. Местность Ушкуджан также была захвачена, был “сделан набег на эту область” и устроен холм из убитых⁴⁷. Продолжая разрушать и грабить населенные пункты, Тимур ворвался в Зерехгеран и Кайтаг, жители которых вынуждены были выразить покорность. Только после этого Тимур вернулся в Дербент, в крепости которого он приказал произвести восстановительные работы, а охрану поручил Ибрагиму Дербенди.

Современник Тимура, архиепископ Иоанн де Галонифонтибус, путешествовавший по Кавказу, писал о дагестанцах (они названы “лагзи”): “Тимурленг сделал попытку проникнуть в горы, в эту их страну, имея под рукой сто тысяч вооруженных людей, но они встретили армию перед густым лесом и нанесли им такие потери, что Тимурленг приказал отступить. И когда этот владетель задумал пройти Железные Ворота, то он понял, что он сможет подчинить себе эту страну прежде всего только мирным путем, чтобы уже затем вторгнуться в Великую Татарию”⁴⁸.

Это высказывание автора “Книги познания мира” – свидетельство против чрезвычайно упорных, повсеместных, не прекращающихся выступлений дагестанцев против войск Тимура.

Местные исторические сочинения, исторические записи, многочисленные предания рассказывают о героической борьбе местного населения за свою независимость. Хроника и предания рассказывают о мужественной борьбе жителей Салатавии, обществ Ушкуджа (Усиша) и Муги, укрепленных пунктов Мекеги, Дургели и пр.

В борьбе с местным населением Дагестана Тимур опирался на феодальную знать, на местных правителей. Как сообщают источники, старшины (калантары) газикумухские и аухские вместе с духовной и гражданской знатью “прибыли с повинной” к Тимуру, который одарил их почетной одеждой, поясами для мечей, арабскими конями, дал им наставления воевать в интересах ислама и с противниками ислама. Более того, “утвердив за ними область и дав им ярлыки, он отослал их назад”⁴⁹.

Политика Тимура способствовала развитию феодальных отношений⁵⁰. При нем широкое распространение получила “восточная форма лена” – сюргал, под которым подразумевали тогда передачу в наследственное владение земель с правом взимания с их жителей государственных налогов и податей. И в Дагестане Тимур был верен своей политике, – он не отобрал земли у владельцев, а оставил, возможно, на правах сюргала, тем самым превратив местных феодалов в своих вассалов.

§ 3. Экономическое и политическое развитие Дагестана

Как уже указывалось, 20-е годы XIII в. знаменовали собой новый этап в жизни многих народов, связанный с агрессией монгольских орд. Монгольские завоевания сыграли пагубную роль в судьбах народов Северного Кавказа. Уничтожение городов и сел, массовое истребление мирного населения, опустошение земледельческих районов, угон ремесленников – все это было повсеместным явлением. Хозяйство пришло в упадок. Опустели цветущие

районы. В XIII в. прекратили свое существование многочисленные населенные пункты на равнине и отчасти в предгорьях Северного Кавказа, в их числе – Нижний Архыз, Алхан-кала, Хумаринское, Хамидиевское, Верхнечегемское, Урванское, Аргуданское, Старолескенское, Инжала-Гул, Охлинское городища, Аркаское городище и др.⁵¹ В заурядный городок превратился Дербент, процветавший ранее крупный экономический и административный центр. Выше уже приводились слова Абу-л-Фиды (1273–1331) о том, что Дербент (Баб ал-хадид) уже представлял собой “городок, подобный деревням на Хазарском море. Баб ал-хадид незначительный населенный маленький городок”⁵².

Неоднократные вторжения Золотой Орды и Хулагуидов через территорию Дагестана самым губительным образом отразились на всех сферах жизни его народов. Особенно разрушительны для хозяйственной жизни были походы Тимура, столкновения войск Тимура и Тохтамыша. Во время этих походов пострадали как приморские, так и внутренние районы Дагестана⁵³.

Захват представителями кочевого мира равнинной части Дагестана с его глубокими земледельческими традициями существенно отразился на хозяйстве горных областей. Были разрушены имевшие многовековую историю экономические связи жителей гор и равнины, что не замедлило сказаться на соотношении видов хозяйственной деятельности – в горах значительно больше стали заниматься земледелием за счет использования части пастбищ; на равнине оседлое земледельческое хозяйство было временно оттеснено кочевым скотоводством. Военные действия вызвали и миграцию земледельцев с равнины в горные и предгорные районы Дагестана. Это способствовало не только развитию земледелия, но и росту густонаселенности в горах. Таким образом, произошли важные изменения в социальной и этнической структуре аула, возникли новые населенные пункты, строившиеся по территориальному принципу, несколько изменились формы земельной собственности⁵⁴.

Тем не менее относительная политическая независимость горных районов Дагестана содействовала сохранению хозяйственных традиций. Земледелие, скотоводство, торговля и ремесла продолжали здесь развиваться, регресса производительных сил не было.

Несмотря на значительный урон от непрекращающихся внешних вторжений (монгольские завоевания, конфликты Золотой Орды с государством Хулагуидов и войсками Тимура), основу экономики продолжали составлять земледелие и скотоводство, которые, правда, развивались в различных районах неравномерно.

В литературе о хозяйстве народов Дагестана вполне справедливо обращается внимание на роль естественно-географических зон в формировании процесса дифференциации хозяйственной деятельности.

Как известно, в IX – первой половине X в. хазаро-дагестанские отношения были мирными. В середине XI в. (40–50-е годы) северокавказские степи были заняты тюркоязычными половецкими племенами, с которыми местное население вскоре установило мирные контакты. Пастбищные земли Прикаспийской низменности в XI – начале XIII в. были также доступны животноводам Дагестана, как и в IX – первой половине X в.

Знаменитый историк и географ Аб-л-Фида сохранил уникальное известие о Дагестане середины XIII в.: “К востоку от М.т.р.х. расположена река

овец (Нахр ал-ганам), на которой стоит страна Серир... Эта река большая, она замерзает зимой и по ней переходят тогда животные. Река впадает в хазарское море”⁵⁵. Под “рекой овец” следует понимать Сулак, представляющий собой соединение четырех Койсу. Само название “река овец” и сообщение о переходе зимой животных, в том числе овец, через эту реку – свидетельство контактов жителей гор и равнины в XII–XIII вв.⁵⁶

Важный фактор, характеризующий хозяйственную деятельность населения Дагестана XV–XVI вв., – сравнительная стабилизация политической и экономической жизни Равнинного Дагестана. На равнине уже не было условий для интенсивного развития скотоводческого хозяйства. Равнина постепенно вернулась к этому времени к своей традиционной форме хозяйственной деятельности – земледелию. Вновь утвердившаяся хозяйственная специализация равнинных районов на производстве зерна и обусловленном этим росте поголовья крупного рогатого скота вызвали изменения в хозяйственной деятельности жителей гор, которые увеличили размеры пастбищ для животноводства, сократив площади обрабатываемых террас⁵⁷.

В хозяйственной жизни Дагестана XIII–XV вв. огромную роль играла внутренняя и внешняя торговля. Отражая уровень развития хозяйства на данном отрезке времени, торговля, в свою очередь, дала импульс экономическому росту.

Как известно, до XIII в. постепенно налаживались связи Запада и Востока через Восточную Европу. Уже в XII в. европейские купцы стремились закрепиться в Крыму и на Северном Кавказе, контролируя торговые пути из Азии в Европу⁵⁸.

Дагестан, благодаря своему географическому положению, играл значительную роль в этой торговле. Основным ремесленным, торговым транзитным пунктом на западном побережье Каспийского моря оставался Дербент. Как писал Барбаро, товары доставлялись из Дербента и Астрахани в Тану, а оттуда на венецианских галерах – в Европу. И Джучиды, и Хулагуиды, а затем Музаффариды, Джелаириды и Тимуриды, владевшие в разные периоды Дербентом в середине XIII – начале XV в., чеканили свои монеты, что подчеркивает сохранение роли Дербента не только как военно-политического, но и как торгово-экономического центра. Эти монеты имели хождение не только на Кавказе, но и в Юго-Восточной Европе, котировались даже в Средней Азии⁵⁹.

С 60-х годов XIII в. генуэзская торговая колония утвердилась в г. Кафе (Феодосия) в Крыму, а во второй половине XIV в. генуэзские города-колонии занимали уже берег Крыма на всем его протяжении. Оживилась внешняя и транзитная торговля между Западной Европой и Востоком, в которой Золотая Орда была крайне заинтересована. Особо следует отметить первую половину XIV в., когда Золотая Орда достигла при хане Узбеке (1312–1342) своего политического и экономического расцвета, оптимальной внешнеторговой деятельности между Западом и Востоком⁶⁰.

Значение Дербента неизменно растет. Генуэзские купцы в конце XIII–XIV вв. уже хорошо знали Дербент и западное побережье Каспийского моря, часто бывали здесь⁶¹. “Каталонский атлас” 1375 г. и карта 1367 г., составленная итальянскими купцами, братьями Франциско и Доменико Пиццигани, свидетельствуют о хорошем знакомстве с террито-

рией Дагестана. На карте братьев Пиццигани нанесены названия почти 40 городов, значительная часть которых расположена по берегам Волги. На западном берегу Каспийского моря помещены также несколько пунктов, в том числе Акле и Дербент⁶². На анонимной карте 1351 г., составленной итальянскими купцами, на расстоянии между Терекком и Дербентом обозначено 10 пунктов, которые прочесть нельзя. В “Каталонском атласе” 1375 г. между Адитархамом (Хаджи-тархан–Астрахань) и Дербентом названы селения Фабинаж, Кубене, Тарки, Башциай, Цицие, Кобасо, Бурх, Барса, Абскаих, Сасах. В настоящее время идентификация этих населенных пунктов (кроме Тарки) практически не представляется возможной.

Как уже отмечалось, Дагестан участвовал в значительно усилившейся волжско-каспийской торговле. Благоприятным было также то, что XIV век предстает перед нами как период “больших городов”: Сарай, Сарай ал-джадид, Булгар, Биляр, Хаджитархан – на Волге; Кафа – в Крыму; Маджар – на Северном Кавказе; Ургенч, Самарканд, Бухара и др. – в Средней Азии. “Тесный союз степи и городов”, развитие ремесла и караванной торговли – все это лежало в основе создания сильного экономического потенциала. В этой обстановке экономическое развитие Дагестана также очевидно. Появившиеся на западном берегу поселения говорят о росте значения земледелия. Дербент также постепенно восстанавливался как крупный торговоремесленный центр.

Связь внутренних районов Дагестана со странами Ближнего Востока, Средней Азии, с областями Восточной Европы осуществлялась главным образом через Дербент. Однако это был не единственный посредник в связях горных районов с внешним миром. Торгово-экономические, культурные контакты с соседями – народами Северного Кавказа и Закавказья – осуществлялись и непосредственно через существовавшие уже несколько веков маршруты, равнинные пути, горные тропы и перевалы.

Большое значение для развития хозяйства имела внутренняя, местная торговля. Отдельные районы Дагестана поддерживали между собой регулярные контакты. Торговлю стимулировала главным образом исторически сложившаяся региональная хозяйственно-экономическая специализация в Дагестане. Районы с преимущественно земледельческим или же скотоводческим хозяйством, экономическая интеграция горных и равнинных областей, ремесленные центры – все эти факторы значительно расширяли торгово-обменные операции. Еще больший толчок развитию рыночных отношений дало усиление существовавшей специализации ремесленного производства – обработка камня, оружейное, кузнечное и ювелирное дело, медночеканное, ткацкое и керамическое производство. Они уже давно выделялись в самостоятельные отрасли ремесла, имели свои центры. В ряде случаев мы не располагаем прямыми данными, но с учетом последующего развития отрасли, а также этнографических данных, мы можем говорить о таких уже сложившихся в течение XIII–XV вв. ремесленных промысловых центрах, как Кубачи, Харбук, Микрах, Испик, Кумух, Балхар, Джули, Гоцатль, Анди и др.

Полная военных столкновений обстановка XIII–XV вв. диктовала рост производства оружия и военного снаряжения. Это в свою очередь определи-

Надгробие из Кумуха (Шамхальское кладбище). XV в.

ло ведущее место кузнечного дела, подняло на большую высоту общественное значение и престиж “железных дел” мастера. Кузнечное дело было развито во многих селениях Дагестана как специализированная область ремесла, обеспечивая запросы военного дела и в первую очередь сельскохозяйственного производства⁶³.

Один из важных показателей уровня развития ремесла и хозяйственной деятельности вообще – это строительное дело. В XIII–XV вв. во всех районах Дагестана (исключая равнину) наблюдается интенсивное строительство культовых и оборонительных сооружений, гражданских построек.

Сложившаяся по этнотерриториальным признакам система мер и весов с многочисленными вариациями говорит как о стабильности обменных связей на определенной территории, так и о масштабе торговых сношений. Отсутствие единой метрической системы в Дагестане было следствием господства натурального хозяйства. Вместе с тем это не означало, что все ремесленные изделия не имели широкого сбыта. Оружие, ювелирные украшения, ковры, медная чеканная утварь, бурки, керамические предметы находили сбыт на внутреннем рынке и были известны далеко за пределами Дагестана. Так, еще в XIV в. изделия балхарских гончаров поставлялись во все дагестанские селения и районы Азербайджана, бирюзовая керамика XIII–XIV вв. из селения Кала получила широкое распространение во всех горных районах и Нагорном Дагестане⁶⁴. Широкий спрос во всем Дагестане находила продукция ремесленников (особенно гончаров) Дербента.

Хозяйственный уровень и социальные отношения отдельных районов, всего Дагестана в целом, нельзя представить без интенсивного формирования крупных сел в XIII–XV вв. На базе эпиграфических и археологических материалов прослежено два варианта комплексного расположения мелких сел вокруг одного крупного. Как правило, села-спутники были удалены от него на 1,5–10 км. Но был и другой вариант – геоморфологический – тяготение к главному населенному пункту тех поселений, которые были экономически объединены в рамках одного ущелья.

Конечно, формирование новых административно-территориальных единиц (крупных селений) во всех районах Дагестана происходило не одновременно. Наряду с объединением сел шел, правда, с гораздо меньшей интенсивностью, процесс их разукрупнения. Это было следствием многочисленных иноземных вторжений, когда полностью разрушались многие селения. Вместе с тем приток большого количества людей из районов военных действий приводил или к образованию новых селений, или к росту уже существующих, которые поэтому изменяли свой облик, что отразилось, например, в названиях сельских кварталов.

Исследования последних лет подтвердили, что образование крупных сел хронологически совпало с забрасыванием террасных участков вокруг бывших населенных пунктов и интенсификацией земледелия вокруг главных центров. В этот период укрепились старые и возникли новые союзы сельских общин. Произошли и другие изменения в социальной структуре дагестанского общества.

§ 4. Политическое устройство и социальный строй

Социально-политическое развитие Дагестана в XIII–XV вв. протекало неравномерно. Сущность этого процесса заключается в том, что усилению одних государственных образований синхронно сопутствует потеря независимости других.

Многие владения потеряли моноэтнический характер, государственные и этнические границы в ряде случаев уже не совпадают. Полиэтническая структура крупных феодальных владений стала обычным явлением. Правда, их этнический состав в течение XIII–XV вв. менялся в зависимости от ряда внутренних и внешних факторов, но основная тенденция – включение в состав все новых и новых иноэтнических элементов – продолжала действовать в течение всего рассматриваемого времени.

Вышеуказанные факторы изменили политическую карту Дагестана. Ряд государств укрепили свое могущество. Это Кайтагское уцмийство, Аварское ханство, Казикумухское шамхальство, Дербентский эмират. К XV в. постепенно восстанавливает свои силы Табасаран. В то же время теряют свою самостоятельность Зерехгеран, Шандан, Филан, Карах. На политической карте появились новые союзы сельских обществ.

Все это было следствием углубления централизации политической власти, роста феодальной собственности в одних случаях, политической децентрализации – в других. Параллельно увеличилась крестьянская земельная собственность за счет общинного и, отчасти, феодального землевладения. Результатом этого было невиданное ранее усиление сельской общины и союзов сельских обществ. Последнее обстоятельство наложило отпечаток на всю последующую историю социальных и земельных отношений.

Феодальные владения Дагестана прошли длительный путь укрепления и сохранения самостоятельности при сложных и неблагоприятных внешнеполитических обстоятельствах.

Дербентский эмират, существовавший с середины XII до начала XIII в. как самостоятельное владение, вошел, как уже отмечалось, в состав Золотой Орды, а затем стал северным оплотом государства Хулагуидов (до середины XIV в.). После распада государства Хулагуидов Дербент на короткое время оказался во власти Джалараидов и Музаффаридов⁶⁵.

С 1385–1386 гг. до похода Тимура в 1395 г., т.е. примерно в течение десяти лет Дербент – опять в составе Золотой Орды. Здесь чеканились монеты (дирхемы) с именем Тохтамыша. До утверждения дербентской династии Ширваншахов (до 1382–1538 гг.) город не имел возможности для восстановления своих сил или же для проведения самостоятельной политики. С именем этой династии связаны усиление, рост, восстановление Дербента, который, наряду с Шемахой, стал центром Ширвана (до перенесения резиденции в Баку). В 1406–1410 гг. в Дербенте чеканили монету с именем золотоордынского хана Джанибека, что подтверждает номинально его власть.

Между 1412–1420 гг. Дербент, используя ослабление Ширвана, стал самостоятельным княжеством во главе с Исфандияром и сохранял такой статус до 1429–1430 гг.⁶⁶

В середине XV в., как следует из эпиграфических и нарративных источников, дербентский правитель города и его брат, и комендант дербентской крепости Ифтихар, были названы эмирами⁶⁷.

В литературе высказано мнение, что к концу XI – началу XII в. раннефеодальное государство Серир распалось на мелкие феодальные владения, лишь частично воссоединенные впоследствии, в XIV–XV вв., в Аварское ханство⁶⁸ (точнее, нуцальство). Именно к этому времени можно отнести возникновение отдельных союзов сельских обществ, которые впоследствии активно и в течение продолжительного времени противостояли притязаниям феодальных правителей Хунзаха.

Арабские авторы продолжают именовать Нагорный Дагестан Сериром и рассказывают о его территории. Абу-л-Фида констатирует (со ссылкой на более ранних авторов), что “Серир – климат и обширное царство в стране ал-Лан близ Баб ал-абваба...” Далее он дает более подробные сведения о Серире, относящиеся к XIII в.: “К востоку от М.т.р. ха – реки овец, на которой стоит страна Серир, а столица Серира – на горе, смежной с горой языков”⁶⁹.

Среди многочисленных государств постепенно все более возвышалось Хунзахское нуцальство. Монгольские походы только укрепили положение аварских феодалов⁷⁰, а при походе Тимура Хунзах избежал участи многих пунктов, оказавшихся на пути завоевателя. Более того, аварская феодальная знать упрочила свою власть, ибо Тимур поддержал эту знать, “утвердив за ними область и дав им ярлыки...”⁷¹ Таким образом, внутренние и внешнеполитические условия способствовали усилению этого государства.

В XV в. аварские правители пытались точно зафиксировать границы своей страны. Это подробно освещено в “Завещании Андуник-нуцала”, датированном 890 г. хиджры, т.е. 1485 г. Этот ценный документ давно вызывает интерес исследователей, неоднократно переводился на русский язык⁷². В “Завещании” были не только установлены границы, но и порядок их охраны.

Изучение “Завещания Андуник-Нуцала” позволяет установить как территорию Аварского нуцальства, так и соседних земель, причем речь идет об уже сложившейся к XV в. исторической границе. Эти границы таковы: на западе – Мийасугатан, близ Ботлиха (общества Хунз), на юге – Голотлинский мост на Аварском Койсу, на севере – по линии Салатау-Тарки. В XV в. южная граница проходила примерно по среднему течению Аварского Койсу, не включая правобережье. Это было междуречье Андийского и Аварского Койсу, вернее, пространство между нижним и средним течениями этих рек. На севере граница охватывала уже бассейн р. Сулак, т.е. часть современных Казбековского и Буйнакского районов. С запада на восток она растянулась примерно на 60 км, а с юга на север – на 80 км. Если наложить карту Аварии, то она покроет, в основном, территорию проживания собственно аварцев. Багулалы, чамалалы, тиндалы, хваршины, годоберины не входили, очевидно, в пределы нуцальства. Гумбет на северо-западе и Верхний Дженгутай на северо-востоке, где проживало аварское население, также существовали отдельно, причем в источниках упомянуты гумбетовские и дженгутайские эмиры. Такой же статус был у Анди, Караты, у населения Тлурутли и Хучады из общества Гидатль. Что касается таких обществ, как Андалал, Тленсерух, Анцухо-Капуча, Гидатль, Дидо (дидойцы, или цезы, или цунтинцы), то они были совершенно самостоятельны. Названия ряда

перечисленных здесь обществ не зафиксировано в источниках, мы пользуемся поздней терминологией, но уже сам факт самостоятельного развития языков в них, устная традиция дает возможность предполагать сравнительно давний их суверенитет. Так, общество Гидатль выступает как независимая политическая единица. Более того, Гидатль, судя по одному из списков “Завещания”, претендует на равное с Хунзахским нуцальством положение, в том числе и сношения с арабами.

Несколько слов о сущности “Завещания Андуник-нуцала”. Все исследователи подчеркивают, что этот документ свидетельствует о намерении (“восьми ключи”) аварского нуцала захватить соседние земли и установить там свое господство. В настоящее время выдвинуто новое, более убедительное мнение о том, что под фразой “прими ключи от семи ворот вилаята Авар” завещатель “разумел не овладение, а военно-политический союз с семью политическими образованиями, который усилил бы ханство настолько, что дал бы возможность военной экспансии на восток к морю, на юг, откуда и будут поступать блага, все в чем нуждается человек”⁷³.

“Завещание” содержит идею сохранения стабильности этих границ (“не оставляй у другого даже пяди своей земли”). Таким образом, в нем заложены определенные “оборонительные” тенденции.

В тексте “Завещания” привлекает внимание два термина: *мужи* (риджал, ед.ч. – раджул) и *войско* (асакир, ед.ч. – аскар). По сути оба термина идентичны, т.е. в данном случае под словом *аскар* (войско) следует понимать не только воинские силы в буквальном смысле, а мужское население, способное стать ополчением (или же мужское население общества вообще). Представляется вероятным, что Алимирза из Анди, составитель “Завещания”, имел в виду аварское слово *бо*, несущее широкую смысловую нагрузку (народ; общество, состоящее из нескольких селений; ополчение, войско). Только при такой интерпретации можно понять общую цифру – 210 тыс. “мужей” Табасарана, Хайдака, Гумика, “вилаята Авар”.

Важно отметить, что в этом документе титул нуцала носил не только правитель Аварии, но и его племянник (Булач-нусал). Можно допустить, что термин *нуцал*, как и *эмир*, в Дагестане применялся и к наследнику.

Таким образом, на примере Серира прослеживается механизм образования единого раннефеодального государства и его распада. Возможно, на его месте возникли княжества, большинство которых трансформировались затем в союзы независимых сельских общин. Последние же, в свою очередь, постепенно втягивались в сферу влияния все усиливавшегося Хунзахского нуцальства. Этот механизм был свойствен, возможно, если не всем, то многим владениям Дагестана.

Интересно, что у арабских историков и географов IX–X вв. нет слова *нуцал*, как и других социальных терминов (уцмий, шамхал, майсум). Местные правители обозначались общим арабским термином *малик* (царь, владыка).

В дагестанских исторических сочинениях “Дербенд наме” и “История Ширвана и Дербенда” это слово также не встречается. Впервые оно встречается в “Тарих Дагестане” в связи с событиями X в., но сама хроника составлена в XIV в. Согласно этой хронике, “правителем (малик) в городе области Авар, называемом Танус... был неверующий... по имени Сурака по про-

звищу нуцал. Это их обычай давать такое прозвище и обозначать этим именем своего правителя”. В “Завещании Андуника”, как уже указывалось, упоминается правитель Андуник с титулом нуцал.

Ученые неоднократно предпринимали попытки объяснить происхождение этого термина. Есть мнение, что он “происходит скорее всего от грузинского слова нацвал – наместник, староста”⁷⁴. Общность происхождения терминов *нуцал* и *нацвал* очевидна, но нельзя исключить именно его местное, аварское происхождение.

Аварцы называли себя маарулал (горцы). Очевидно, в средневековье в ходу был этот этнический термин. Слово *авар* было известно еще в X в., но, по сведениям арабского автора Ибн Русте, так звали правителя Серира. В 1404 г. архиепископ персидского города Султанийя Иоанн де Галонифонтис писал в своей книге, что на Кавказе живут “черкесы, леки, йассы, аланы, авары, казикумухи”⁷⁵. Это первое известное нам достоверное упоминание населения Нагорного Дагестана под названием *авары*.

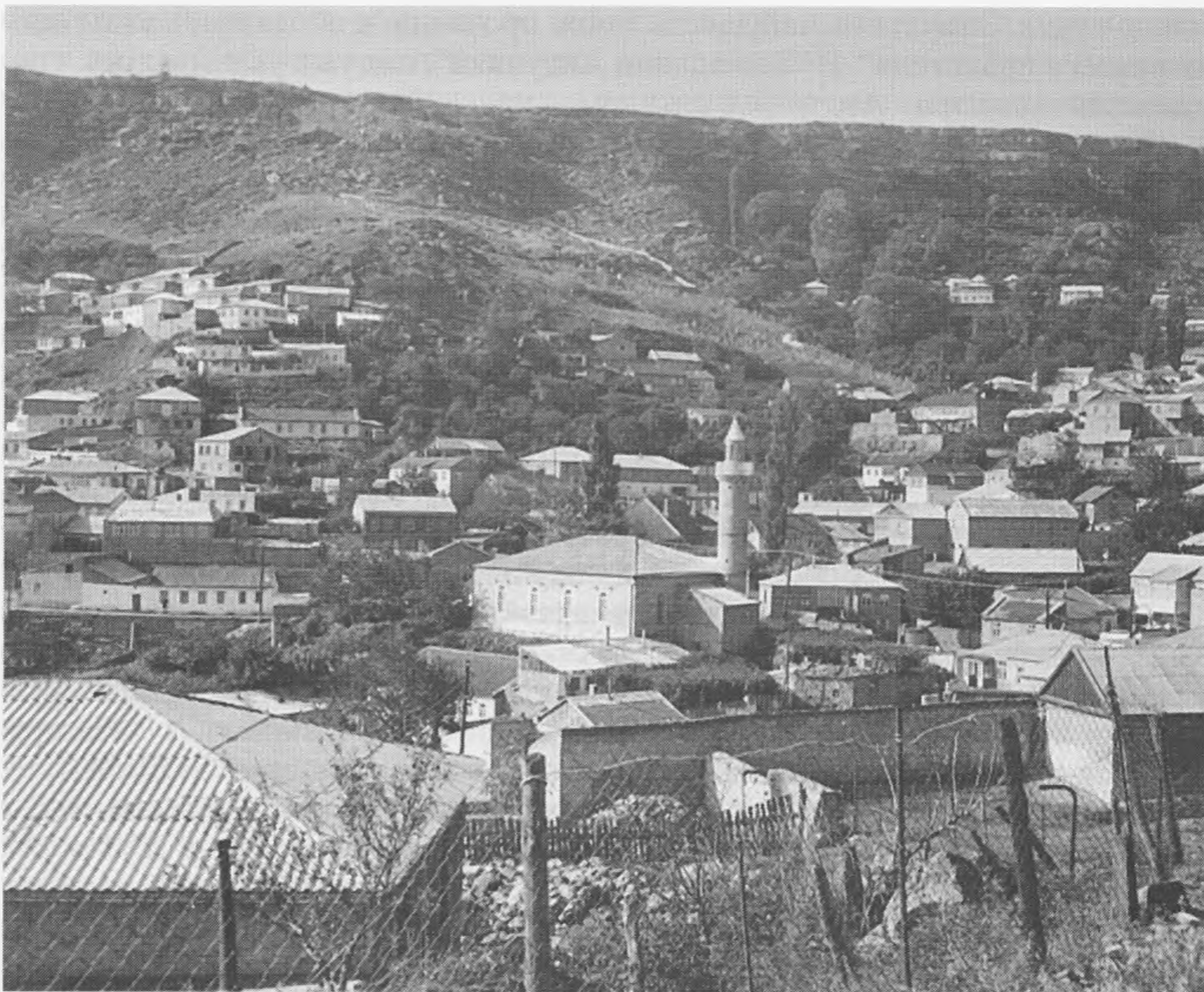
Одним из крупных феодальных владений Дагестана в XIV–XV вв. был Кайтак (Хайдак). В конце XIV или в начале XV в. Кайтак подчинил своему влиянию Зерехгеран, а в середине XV в. потомки кайтагского правителя управляли крепостями и селениями в Южном Дагестане, точнее – в Табасаране и Докузпаре, и находились в родственных связях с правителем Ширвана⁷⁶.

В середине XV в. Кайтак включал как собственно кайтагские, так и часть даргинских, кумыкских и лезгинских земель. В середине XVI в. его правитель (“Алильбек, князь Кайтагский”, шурин ширваншаха)⁷⁷ распоряжался землями вплоть до Тарки. Столицей владения было горное селение Калакорейш. Значение Калакорейша подчеркивалось тем обстоятельством, что кади именно этого селения записывал и скреплял своей подписью акты-вые материалы⁷⁸.

Верховным правителем Кайтага был уцмий. Ни в сочинениях арабских авторов, ни в местных исторических сочинениях, составленных в X–XIV вв., этого термина нет. Это не дает, однако, основания категорически отрицать наличие в местной социальной терминологии X–XIV вв. такого слова, но впервые в местном историческом тексте середины XIV в. оно встречается в связи с событиями конца XIV в. В хронике Махмуда Хиналугского, датированной 861 г. хиджры (1456/1457), в связи с событиями последней четверти XIV в. (походы Тимура) впервые упоминается кайтагский правитель с титулом *уцмий* – это Султан Мухаммедхан-уцмий.

Внутри мечети в Калакорейше сохранилась надгробная плита (конец XIII или XIV в.) на могиле “владельца (сахиб) Кала Курайша Ах. с.б.р., сына Хиздана”. Это самый ранний, “не известный по другим источникам предшественник, и, возможно, предок уцмиев, однако, как видим, еще не носивший титул усми”⁷⁹. Власть уцмия была, по всей вероятности, наследственной и переходила по традиции к старшему в роде.

Кумух после монгольского погрома 1240 г. сумел постепенно восстановить и укрепить свою власть, а также оказывать влияние шамхала на многие соседние земли, в том числе и на ряд союзов сельских общин бывшего Серира. В XIV в. многие земли вносили харадж шамхалу и его наследнику (крым-шамхал). Кумухское (или Газикумухское) шамхальство представляло собой в XIV–XV вв. сильнейшее в Дагестане полиэтническое государство. В

Селение Кумух. Центральная часть

его состав входили как собственно лакские, так и часть лезгинских, агульских, даргинских, аварских, кумыкских земель. Местная хроника, рассказывающая о событиях в Дагестане в конце XV в., называет шамхала “вали Дагестана”⁸⁰.

Во время вторжения в горные районы (1396 г.) Тимур столкнулся с владением, шамхал⁸¹ которого возглавил войска “области Газикумуклук и войска Аухара”⁸² и оказал ожесточенное сопротивление. Однако после убийства шамхала знать изменила тактику, поддержала завоевателя, получив за это в качестве поощрения подарки и земельные участки. Поход Тимура фактически содействовал утверждению власти газикумухских феодалов.

Иоанн де Галонифонтибус рассказывает о народах Кавказа, в том числе и о дагестанских. Он сообщает о туригах, лазах, лагги, которых исследователи отождествляют с даргинцами, лезгинами и лакцами. В другой части своего сочинения автор пишет об аварах и казикумухах⁸³. Здесь мы встречаемся с одним из самых ранних упоминаний лакцев (казикумух).

Феодальный правитель Кумуха носил титул шамхал. Происхождение этого титула не совсем ясно. Устная традиция, авторы местных арабоязычных сочинений, исследователи XIX–XX вв. выдвинули несколько версий о его происхождении и социальной сущности.

В целом же эти версии не получили убедительного обоснования, и вопрос о происхождении этого и ряда других социальных терминов требует дальнейших изысканий.

Особый интерес представляет сообщение русской летописи о том, что во время восстания в Твери (1327 г.) был убит ханский посол Шевкал. Это сообщение позволяет рассмотреть вопрос о термине в контексте монголо-дагестанских взаимоотношений. Во всяком случае высказано два интересных предположения: в Кумухе “установилась власть татар-шамхалов”, причем “новый” шамхал происходил из рода Чингис-хана⁸⁴; в период господства монголо-татар в равнинных районах Дагестана “правитель кумыков” мог быть возведен ими в сан шамхала⁸⁵.

Первое же исторически достоверное сообщение об этом титуле относится к 1318 или 1319 г. Речь идет об арабской надписи на камне из селения Худуц Дахадаевского района с упоминанием шамхала из Кумуха (Гумик) по имени Ах. сбар (Ахсибар?)⁸⁶. В надписи из селения Ашты (Дахадаевский район) также встречается имя шамхала, оно уверенно не читается, Б.з.р. это или же Б.з.ц. – шамхал⁸⁷. К сожалению, эта надпись не датирована, но палеографически ее можно отнести к XIV в.

Столицей Газикумухского шамхальства было с. Кумух (Газикумух), не только крупный административный, но и торгово-экономический и культурный центр.

Исходя из этих данных, можно предположить, что во второй половине XIV в. название *Газигумик (Газикумук)* широко употребляется наравне со словом *Гумик (Кумух)*.

Политическая карта Южного Дагестана XIII–XV вв. отличается особой пестротой. Внутриполитическая система испытывала в XI–XIII вв. серьезные изменения, децентрализация политической власти стала очевидным явлением. Если в XI в. сообщается о Восточном и Западном Лакзе, то в XIII в. пишется уже не о “малике” Лакза, а о “маликах”⁸⁸, чем подчеркивается отсутствие централизованной власти. Селения Ахты, Тпиг, Рича, Рутул, Хнов, Цахур, Курах, Мишлеш предстают перед нами в XIII–XV вв. как отдельные, независимые друг от друга владения, где уровень социальной стратиграфии не всегда четко определяется. В селениях Рича, Цахур, Мишлеш управляли эмиры, в Цахуре упрочилась власть беков, а Ахты и Курах стали столицами крупных союзов сельских общин.

В Цахуре же, расположенном в верховьях Самура, сословие беков существовало с середины XIV в. Арабская надпись из Цахура сообщает о Чакуне, сыне Кадир-бека, погибшего шахидом в борьбе за веру в селении Зиль в 1377 г.⁸⁹ Цахур был крупным “столичным” селением, о котором арабский автор Закарийа ал-Казвани (ум. в 1283 г.) писал: “Захур – большой город, густо населенный. Он главный город (касба) страны Лакзан... В городе имеется медресе, которое основал Низам ал-Мулк...”⁹⁰ Низам ал-Мулк, великий сельджукский визирь, скончался в 1092 г. Значит, еще с конца XI в. Цахур представлял собой важный духовный центр Южного Дагестана. Возможно, Цахур упоминается у Каганкатваца в связи с событиями IV–V вв. под названием *Цри* – “города-крепости, большого города Албании в стране чилбов, идентифицируемых с цахурами”⁹¹. В 1432 г. жители Цахура успешно отбивали поход объединенных сил Искандера

Фите. Деталь деревянных опорных столбов (подбалка) мечети. X–XI вв.

Селение Кумух

Кара-Коюнлу и Рутула, также ставшего самостоятельной политической единицей.

Что касается Кураха, то он стал центром небольшого союза сельских обществ, границы которого были зафиксированы в 1356 г. Арабская надпись в стене курахской мечети – первый в истории Дагестана письменный документ о границах союзов сельских обществ. Вот его текст: “Это горы Кураха: от мельницы Хибитара до загона для скота [принадлежавшего] Ругуну, и до Хаджиева камня и до вершины Кул-Кула и до горы Архита до Хараджского моста и до Друштульского тока и до вершины горы, не занятой Хбуком. А это горный хребет со стороны юга: от [озера] Кулан-вир до [горы] Т.р.к.р.кил выше Кимихура и до речки под Титалем и до М. гункура [где] кончается конюшня и начинается Цилинги. В 757 году”⁹².

Особое положение земель по обеим сторонам среднего течения Самура заключалось в том, что деградации политической власти в них содействовало установившееся здесь с конца XIV в. правление представителей дома Кайтагского уцмия, вассалов ширваншаха⁹³. В дальнейшем, в XVI в., судьба указанных владений сложилась по-разному. Укрепили свое политическое значение Хнов и особенно Цахур, который расширил свою территорию за счет других земель, в том числе Мишлеша; Курах стал на путь медленного перехода к феодальному обществу, а Ахты распался на еще более мелкие союзы сельских общин (Ахтыпара, Докузпара).

С начала XIII в. вплоть до второй половины XV в. в источниках нет сведений о Табасаране. Надо полагать, что в XIII – первой половине XV в. он не был самостоятельным государством. Очевидно, в середине XV в. Табасаран

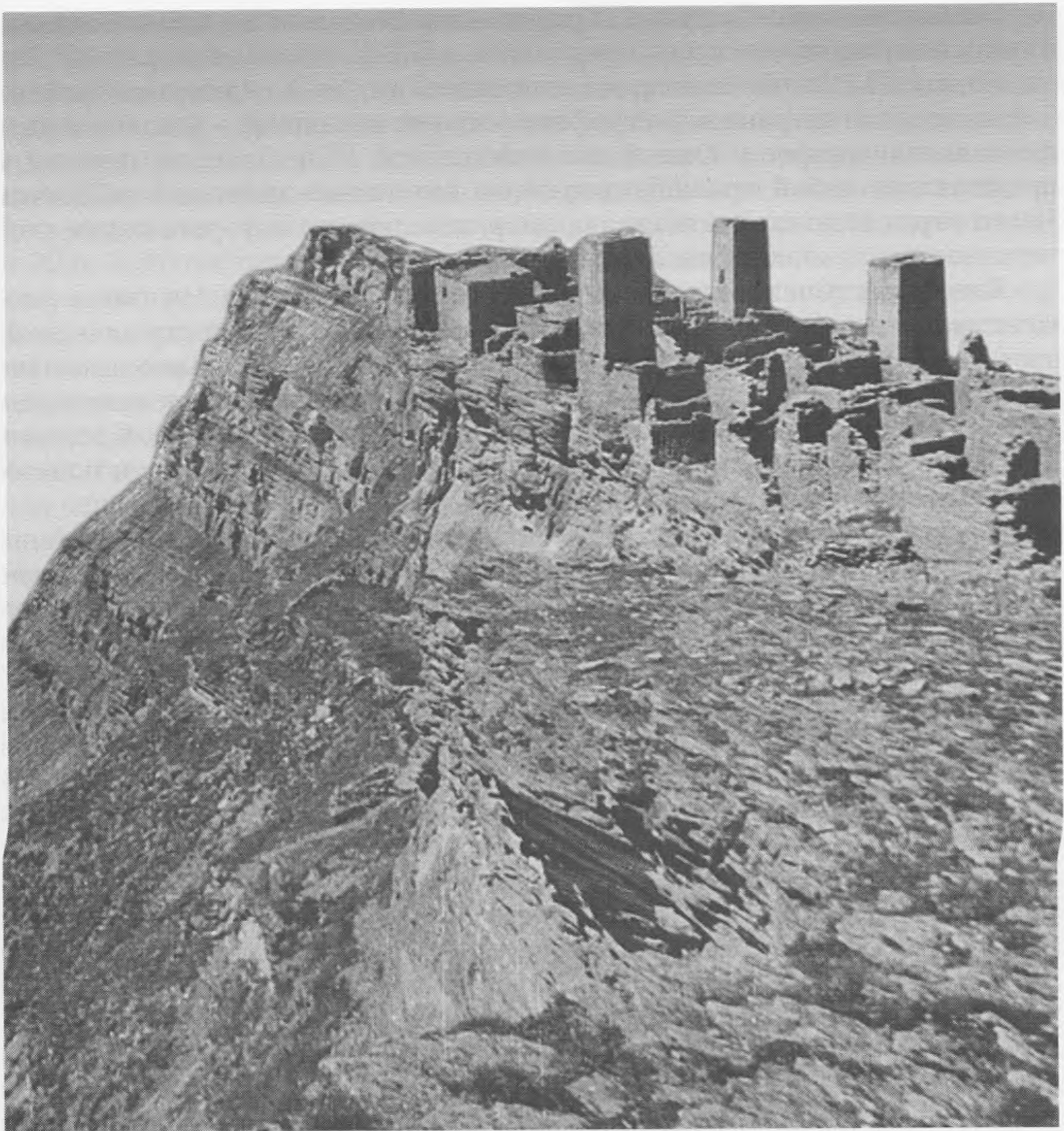
восстанавливает свои силы, а в конце XV в., как можно заключить из “Завещания Андуника”, это владение могло выставить 60-тысячное войско. В XV в. уже появляются важные сообщения о стране. Так, в сочинении “Джахан наме” о ней говорится как об укрепленном замке, “в районе которого живет 40 000 семейств”.

В XIV–XV вв., как видно из источников, прибрежная полоса, занятая кумыками, оказалась под властью газикумухских и кайтагских феодалов. В раннесредневековых источниках нет каких-либо обстоятельных сведений о кумыках, хотя к XIII в. сложилось основное ядро кумыкского народа, а с XIV–XV вв. “устанавливается экономическая, политическая и языковая общность на территории Кумыкской равнины”⁹⁴. Отсутствие сведений о кумыках можно объяснить отчасти тем, что эта территория, постоянно подвергавшаяся иноземному нашествию, была в сфере политического влияния Золотой Орды. Таким образом, кумыки, будучи отдельной народностью, не успели создать самостоятельную государственность. Прослеживается это и в последующее время, т.е. в XIV–XV вв., когда два крупных государственных образования – Газикумухское шамхальство и Кайтагское уцмийство – имели политическое влияние на земли Равнинного Дагестана.

В социальной структуре дагестанского общества второй половины XIII–XV в. четко прослеживаются основные классы феодального общества, резко противостоящие друг другу. Феодалы были представлены правителями, их близкими потомками (беки), чанки, военно-служилой знатью, верхушкой духовенства и ряда сельских общин. Феодальные правители (нуцалы в Аварии, уцмии в Кайтаге, майсумы и кадии в Табасаране, эмиры и султаны в Дербенте, беки и султаны в Цахуре) владели пахотными и пастбищными землями.

Одним из крупных земельных собственников был Казикумухский шамхал. Огромную роль в укреплении власти шамхалов и его “дома” играла военно-служилая знать. Это к ним относятся, по всей вероятности, слова историка об “эмирах газикумухов”⁹⁵. Как сообщает историограф Тимура Низаматдин Шами, к Тимуру прибыли “эмиры газикумухов, ходжи и вельможи”, а другой историограф, Шафаратдин Йезди уточняет: “В это время пришли старшины (калантары) казикумухские и аухарские вместе с тамошними кадиями и вельможами (акабир)”⁹⁶.

Правители Кайтага, уцмии, были также распорядителями больших земельных участков. Они сосредоточили в своих руках верховную собственность на землю. Была установлена наследственная власть уцмия, наследником считался обычно старший сын, но правило это не всегда соблюдалось. Беки, члены уцмийского дома, наиболее влиятельная после уцмия социальная сила в Кайтаге, также располагали значительными земельными массивами. Так, Ахмед-бек, сын уцмия Султана Ахмедхана, был обладателем “имущества, мульков, земель”, имел “слуг (хадама) и рабов (абид)”. Земельный фонд беков нередко формировался за счет дарений и непосредственной покупки. Сын уцмия Эльча получил в конце XIV в. от ширваншаха “на содержание махалл Акдаш вилайата Ширван, исключая только селения Вардан, Йакублу и Сукутлу, которые и раньше... были в его распоряжении. Эмир... поселился в селении Салар-арди... Он купил еще раньше его земли и строения от его владельцев... Все это он купил законным путем”. В конце

Развалины селения Гоор

XIV – начале XV в. сын уцмья Мухаммед-бек получает в управление Ахты, Докузпара, Мискинджи, Микрах, Кура и другие земли от ширваншаха⁹⁷. Земли-дарения находились в наследственном владении беков, а приобретенные актом купли-продажи – на правах частной собственности с правом налогового и административного иммунитета.

Аварское нуцальство возглавлялось, как уже указывалось, нуцалом. Возможно, что этот термин был известен и раньше в XIV–XV вв., однако проверенного документального подтверждения этому нет. В местных исторических сочинениях владельцев и знать отдельных селений и группы их называют эмирами и раисами. Можно предположить, что в данном случае понятия эмир и бек идентичны.

Особое место в социальной иерархии всех феодальных владений занимает служилая знать.

Надписи XIV в. на камнях, сохранившиеся в с. Хнов (Ахтынский район), зафиксировали впервые в эпиграфике сословие всадников – основного ядра феодальной дружины. Они были влиятельной общественной группой и представляли собой привилегированную категорию хновского общества. Часто отряд всадников возглавлял эмир, достоинство которого также подчеркивается термином “звезда войска”⁹⁸.

Класс крестьян представлен несколькими категориями. Наиболее многочисленными из них, согласно поздней терминологии, были уздени и раййаты. Под узденями подразумевались как независимые крестьяне, имевшие свои мульки (в независимых союзах сельских общин), так и владевшие мулками крестьяне, находившиеся в феодальнозависимом состоянии. Крестьян, не имевших своей земли или лишившихся земледельческих прав и пользовавшихся землями феодалов, называли раййатами.

В источниках XIV–XV вв., точнее, относящихся к этому времени, термин раййат (раят) применяется в более широком смысле. Это податное сословие вообще: общинная знать, свободные общинники, владевшие мулками, члены феодальнозависимых общин, безземельные или малоземельные крестьяне-издольщики⁹⁹.

Объектом податного обложения служили, по сведениям авторов книги “Тарих Дагестан”, отдельные дома (тухумы) и, в основном, сельская община в целом. Сельская община в Дагестане XIII–XV вв. сохранила свою структуру. Община типа марки была господствующей. В рамках этой общины велось самостоятельное крестьянское хозяйство.

Сочетание феодального землевладения с мелкими крестьянскими владениями, отсутствие при этом крупного феодального хозяйства были одним из основных причин длительного, незавершившегося превращения свободных общинников в зависимых крестьян. Община и в XIII–XV вв. сохраняла свою двойственную роль: с одной стороны, она защищала свои интересы в целом, с другой же, как фискальная единица, – обеспечивала возможность определенной формы феодальной зависимости.

§ 5. Второй этап исламизации Дагестана (вторая половина X–XVI века)

Вторая половина X в. – переломный момент в истории исламизации Дагестана. Изменились темпы и масштабы распространения этой религии, а также социальные слои, проводившие ее идеи. Все это происходило в контексте дальнейшего усиления социальных противоречий в дагестанском обществе. Существенное влияние на характер распространения ислама оказала и политика завоевателей – сельджуков, монголов (с конца XIII в.), Тимура. Кроме того, важное значение имели экономические, культурные и идеологические контакты Дагестана с ближневосточными странами.

К концу X в. мусульманами становятся “покоренные арабами-корейшитами обитатели ряда сел, расположенных по Шалбуздагу”¹⁰⁰. Еще в 995 г.

новые идеи восприняли даргинцы – жители Уркараха и близлежащих селений. Во второй половине X–XII в. ислам приняло население районов, расположенных вдоль рек Самура, Гюльгеричая, верховьев Бугана. Яркое свидетельство этого – памятники эпиграфики (эпитафии и строительные надписи), относящиеся к X–XIII вв. Старейшие надписи X в. зафиксированы в селении Каракюре Ахтынского района, Ихрек и Гельмец Рутульского района, Фите Агульского района. В селении Цахур, что в верховьях Самура, в конце XI в. было построено медресе. Закарийа ал-Казвини воссоздает перед нами картину религиозной жизни в высокогорном селении, будущей столице Цахурского султаната: “...есть у них хатиб (проповедник), который молится вместе с ними, и кади, который разбирает споры между ними согласно учению имама аш-Шафии. Все жители города (мадина) – шафииты. В городе имеется медресе, которое основал Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Али ибн Исхак, при медресе имеется учитель (мударрис) и факихи”¹⁰¹. Вскоре Цахур стал одним из главных центров ислама в Южном Дагестане.

Активными приверженцами ислама были жители Дербента, особенно городские газы (воители за веру). В прилегающих к городу районах главными центрами распространения религии стали пограничные посты арабов, возникшие еще в VIII в. Их называли ал-маракиз ал-исламийа. Эти посты были “суфийские центры обучения и практики”, т.е. суфийскими рабатами. Отсюда становится понятным статус и роль газы, населявших эти центры. Кроме них, в распространении мусульманской веры, главным образом суфизма, важную роль играло также и то обстоятельство, что в X–XI вв. Дербент был не только чисто религиозным, но и крупным духовным центром, где уже сложились устойчивые традиции фикха, хадисоведения, суфийской и исторической литературы. В XI–XIII вв. на религиозную жизнь в Дагестане, особенно в районе Дербента, значительное влияние оказывала тюркская культура. Количество кипчаков и сельджуков в районе Дербента было довольно внушительным. В 1075 г. в хутбе (проповеди) с кафедры мечетей “пограничной области” стало читаться имя султана Сау-Тегина¹⁰². Сельджукам удалось сохранить власть до первой половины XII в. и на протяжении этого времени они все настойчивей и упорней проводили идеи ислама, который был государственной религией державы.

При монголах тюрки еще более усилились, так как они составляли большую часть монгольского войска. Ширваншахи также придавали большое значение строительству культовых сооружений. Разрушенные объекты быстро восстанавливались, возводились новые. В 770/1368–1369 г. была восстановлена Джума мечеть в Дербенте¹⁰³. Согласно исторической традиции и надписям на камнях (к сожалению, все эти надписи – копии предыдущих, не сохранившихся записей на камне), ислам в Кумухе был принят в VIII в.¹⁰⁴ Это вполне возможно, но в VIII в. ислам в Кумухе прочно не утвердился. Как сообщает “История Ширвана и Дербенда”, в 1064 г. “гумикские неверные” напали на селения ал-Баба, убив при этом “много мусульман”¹⁰⁵. Согласно сведениям курдского писателя начала XII в. Масуда ибн Намдара жители Кумуха приняли ислам в конце XI в. и событие это произошло благодаря усилиям предводителей мусульманского Ширвана¹⁰⁶. Речь идет, очевидно, о его окончательном принятии. В X–XII вв. Ширван, расширив свои границы, значительно укрепил свое политическое и экономическое влияние в Южном Дагестане¹⁰⁷.

В XII–XIII вв. усилились позиции ислама и в шамхальстве, где мусульманами стали жители, возможно, всех лакских селений. Именно там, скорее всего, проживали гази (“воители за веру”).

Характерная черта в истории ислама этого времени – роль распространителя новой религии в основном перешла от арабов к другим этническим и политическим группам. Как уже отмечалось, при монголах усилилось влияние тюркской культуры на жителей Дагестана. При хане Берке (правил в 1255–1266 гг.) началась исламизация правящей верхушки Золотой Орды, что также сыграло свою роль в исламизации Восточного Кавказа.

Как известно, золотоордынские ханы в поисках путей усиления торговых и политических связей со странами Ближнего Востока стали придавать большое значение Восточному Кавказу. В этой политике религиозный фактор играл немаловажную роль. Хан Берке и его последователи активно поддерживали мусульман на всей территории Золотой Орды, в том числе на территории Дагестана. Золотоордынские ханы давали значительные привилегии купцам и торговым людям. Исламский фактор искусно использовался в борьбе против Хулагуидов, убивших халифа и уничтоживших ряд мусульманских городов¹⁰⁸. В 662/1283–1284 г. ислам принял хан Туда-Менгу (1280–1337), а за ним и Узбек (1312–1342), причем в Сарай-Берке, столице Золотой Орды, было 13 мечетей¹⁰⁹. Как сообщает арабский историк Ибн Касир, “Узбек-хан... провозгласил исповедание ислама и убил его многих неверных”¹¹⁰. Начиная с Узбека все золотоордынские ханы были мусульманами¹¹¹.

Позиция золотоордынских ханов имела непосредственное отношение и к судьбам ислама в Дагестане. В лице правящей верхушки Золотой Орды мусульманское духовенство Северного Кавказа и Поволжья нашло политическую поддержку. Сами представители духовенства Дагестана играли немаловажную роль в Золотой Орде. В Сарай-Берке, как сообщает известный арабский путешественник Ибн Баттута (1303–1377), “среди шафиитских муэдаринов имеется факих, достойный имам Садрадин Сулайман ал-Лакзи, один из превосходных людей”¹¹², выходец из Лакза.

В конце XIV в. ислам среди лакцев стал не только исповедуемой религией, но и знаменем в борьбе кумухского шамхала с “неверными” соседних областей. Историограф Тимура Низамаддин Шами писал, что “у области Гази Кумуклук и войска Аухар был обычай, что они каждый год и месяц сражались с неверными”¹¹³. Борьба с ними стала уже традицией.

В лице Тимура мусульманское духовенство нашло еще большую поддержку. Тимур поддерживал газикумухских и аухарских представителей власти (калантаров), дал им наставление “всегда воевать с врагами веры и держать меч для утверждения ислама”¹¹⁴. Аухарские калантары – это слой правящей верхушки Аварии, где ислам в XIV в. занял прочные позиции, имел уже традиции государственной религии. Сам процесс исламизации центральной Аварии имел место в середине XIII в.¹¹⁵, Хунзах превращается в опорный пункт утверждения ислама в соседних, западных аварских обществах. Наглядным показателем исламизации служит строительство культовых сооружений. Дагестанские археологи обнаружили на Аркасском городище (Буйнакский район) остатки медресе и двух мечетей, датируемых в пределах

середины XIII – начала XIV в.¹¹⁶ Аркас был одним из крупных средневековых городов Дагестана, значительным культурным центром. Здесь жил известный шейх Асилдар Аркаский (ум. в 806/1403–1404 г. или, по другим данным, в 860/1456 г.), который трижды совершил хадж и происходил, вероятно, из курайшитов¹¹⁷.

Исламизация даргинских обществ, территории Кайтага, начавшаяся, как уже отмечалось, в конце X в., впоследствии проходит усиленными темпами, постепенно проникая в самые дальние места. Большое количество куфических надписей конца XI–XIII в. найдены в Уркарахе, Калакорейше, Ашты, Варсите и на многочисленных поселениях, которые свидетельствуют о интенсивности этого процесса.

Относительно исламизации ряда сел и обществ имеются достоверные письменные известия. Усилиями прибывшего из Ирана шейха Хасана Сухраверди были обращены в 1306 г. в ислам жители Кубачи¹¹⁸. В начале XIV в. была построена в селении Ашты (Дахадаевский район) Б.з.р.-шамхалом (Б-з-ц-шамхалом), т.е. шамхалом Газикумуха, мечеть “для людей зерехгеранских, когда они перешли в ислам от неверия”¹¹⁹. Очевидно, это были последние даргинские (в данном случае кубачинские) селения, принявшие ислам. Ко времени похода Тимура (конец XIV в.) в даргинских землях господствующее положение новой веры несомненно. Завоеватель расширил и укрепил здесь позиции ислама. В этом отношении значительный интерес представляет недавно обнаруженная в селе Муги арабская рукопись “ал-Важиз”, сочинение по мусульманскому праву, принадлежащая перу одного из крупнейших мыслителей мусульманского средневековья ал-Газали (ум. в 1111 г.). Книга была переписана в 709/1310 г. и вручена Тимуром, как в ней отмечено, в 791/1389 г. назначенному им валию Муги (Муха), чтобы тот “руководствовался ею при управлении среди населения по справедливости и беспристрастию”¹²⁰.

Сменявшие друг друга внешние факторы (завоевания и политика арабов, сельджуков, монголов, Тимура, Кара-Коюнлу, Сефевидов и др.) создавали непрерывный напор мусульманской волны, однако и этого было бы недостаточно, если бы на арену не выступила сила, руководимая местными правителями. Это селения-столицы многочисленных в Дагестане небольших феодальных владений, которые были не только административно-экономическими и культурными центрами, но и религиозно-идеологическими. Как известно, ислам в Дагестане в первую очередь приняла правящая верхушка, дружина, которая жила в столичных центрах и которая становилась активным проводником новой религии в своих или соседних владениях. Вслед за Дербентом ислам приняли в разное время жители таких известных в то время населенных пунктов, как Ахты, Цахур, Кумух, Хунзах, Калакорейш, Уркарах, общество Гидатль, которые, в свою очередь, выступили активными приверженцами ислама.

В XV в. процесс исламизации продолжался. Согласно надписи на могильном камне и другим записям, общество Гидатль стало мусульманским в 1485 г., благодаря деятельности хаджи Удурата. Существует предание, что общество Карах приняло ислам за сорок лет до гидатлинцев и что к этому времени перешли к исламу цунтинцы¹²¹. Совместным усилиям Гидатля, Кумуха и Хунзаха предание приписывает исламизацию багулалов и чамалалов¹²².

Фольклорный материал, до сих пор бытующий среди местного населения, повествует о повсеместном, упорном и долгом сопротивлении этим селениям со стороны тех, кто продолжал придерживаться языческих религиозных представлений. Наиболее ожесточенно и продолжительно сопротивлялись жители Аварии, т.е. тех высокогорных районов (расположенных по соседству с христианской Грузией), в которых христианство занимало хотя и не господствующее, но значительное место¹²³.

В религиозных представлениях дагестанцев изучаемого периода все еще важное место занимали языческие верования и образы. Ими пронизаны все земледельческо-скотоводческие обряды и праздники (например, праздники первой борозды, сбора черешни и съедобных трав; обряды вызывания дождя и солнца; обряд “связать пасть волку” при потере скота и т.д.); большинство семейно-бытовых обрядов (кроме мусульманского обряда заключения брака “магьар”, или “никягь”, и похоронного ритуала, где исламские религиозные установления доминируют), некоторые приемы народной медицины. Языческим является сохраняющееся почитание отдельных представителей животного мира (зоолатрия), а также объектов природы – некоторых гор, горных вершин, перевалов, пещер, скал, камней (оролатрия), заповедных роц и деревьев, священных родников и т.п. Одна из форм язычества – сохранившиеся следы мифологических персонажей пантеона и пандемониума. Об этом свидетельствуют многие обычаи, обряды, праздники, некоторые жанры фольклора, определенная лексика и фразеология, донесшие до нас образы целого ряда языческих персонажей. Отсутствие полноты картины объясняется более чем тысячелетней традицией исповедания ислама (и господства исламской культуры), боровшегося с прежними языческими культами, многие из которых оказались впоследствии забытыми или же сохранились в неполном и фрагментарном виде.

Поэтому освещение данной проблемы во многом связано (и обусловлено) с реконструкцией тех мифологических персонажей, которым дагестанцы поклонялись или, наоборот, которых опасались в период господства у них язычества. Задача воссоздания пантеона и пандемониума затрудняется отсутствием обоснованной устоявшейся их классификации. В этом плане рационально исходить из всеобщего правила иерархичности, свойственной языческим представлениям, поскольку “уже с низших ступеней цивилизации начинают зарождаться основы некоторой иерархии божеств, стремление подчинить одних богов другими”¹²⁴.

Необходимо также помнить и о том, что представление о собственных богах у древних дагестанцев были не более чем отражением самих себя и своего общества в идеале и что человек создавал своих богов по своему подобию¹²⁵. В самой иерархии на первый план выступают пространственно-временные параметры: место, какое они занимали в традиционной трехчленной структуре космоса по вертикали (верхний мир – небо, средний – земля, нижний – подземное царство, преисподняя), архаичность, значимость и масштаб их влияния на человека и общество¹²⁶.

По имеющимся материалам классификацию божеств Дагестана можно представить в следующем виде:

- а) персонифицируемые небо, земля, солнце, луна и атмосферные явления;
- б) верховые боги (громовержцы) пантеона;
- в) боги животного и растительного мира, ремесел (впоследствии некоторые из них были восприняты сторонниками ислама);
- г) аграрные боги.

Были боги, почитаемые во всем Дагестане, и “местные”, которым поклонялись отдельные дагестанские этносы и вайнахи, а также союзы сельских обществ и сел.

Исходя из предложенной классификации, можно выделить группы мифологических персонажей¹²⁷:

Радуга: Нуралъул хІуби, Хелчан (авар.), Цоборцив (анд.), ЦурхІяб (дарг.), Яргъи руш (лезг.), Ссунул ккурту (лак.), Ярхи риш, Деркку чІимир, Северка(н), ЧІемра хярар (таб.), Сиели ат (вайнах.).

Персонификация ветра: Гъорол эбел (авар.), Щурла Пашура (дарг.), Чассажи (лак.), Дардза-нянилг (чеч.), Обур куртка (ног.).

Боги дождя и их персонификации: Цадал хІама (авар.), хъярчи, цаблихІян, шинхъяр, къарла начи, Зубарай, Вассамай (дарг.), урттил ттукку (кьяца), Зювил (лак.), Алапехъ (лезг.), Пешапа (лезг., таб.), Гуди (лезг., рут.), Гудил (таб.), Годей (цах.), Земире, тІиликай (кум.).

Верховные боги (громовержцы): Бечед (авар.), Цоб (авар.-анд.-дид. и нах.), Гъал (арч.), Зал (лак.), Алпан (лезг.), Умчар (таб.), Йиныш (рут.), Гыниш (цах.), Диела (чеч.), Тенгри (кум.).

Боги-громовержцы: Асс (лак.), Арш (цах.), Сиели (чеч.).

Покровители охоты и диких животных: Будуал (авар.), Авдал (лак.), Кашкафтар, Хидир-Неби, Сифи-Гъавалый (рут.), Абдал (цах.), Елта (чеч.), Авамчи (кум.).

Покровители ремесел: Темирхъояс (авар.), Чухъассу (лак.), Дауд, Гьяфис (таб.), Тушеды риш (рут.).

Аграрные боги: Зидуни (дарг.), Гъуцар, Яр (лезг.), Эбелцан (таб.), Тушоли, Мятцил (чеч.).

Приведенный перечень свидетельствует о сравнительном многообразии и разветвленности пантеона богов дагестанцев. Он в определенной мере похож на пантеон других кавказских¹²⁸, а также славянских и иных народов мира¹²⁹.

Демоны не являются богами и занимают по сравнению с ними низшее место в иерархии. В более узком и точном смысле демоны – злые духи. Естественное противопоставление богов и демонов, населяющих разные миры космоса (боги – небо, демоны – преисподнюю), делает возможным классификацию последних на основе противоположных взаимосвязанных понятий этики, например, *добро-зло*. Соответственно были демоны однозначно враждебные, злокозненные, реже – добродетельные, а в отдельных случаях – сочетающие эти и другие черты (синкретизм, амбивалентность и полифункциональность некоторых демонов). Злокозненных демонов называли нечистой силой, или злыми духами, главной чертой которых является их склонность разными способами вредить людям¹³⁰.

Кроме того, каждому пространству соответствовал определенный хозяин: в лесу – леший, в реке – водяной, в доме – домовый и т.д.; баня – жилье банного духа, рига – духа риги, хлев – дворового, печь и порог – домового¹³¹. Демоны могут быть классифицированы и по степени близости к человеку,

т.е. населяющие: а) освоенное человеком пространство (жилой дом и его двор, село и его окрестности); б) неосвоенное (за селом, рекой, в лесу, в горах и т.д.) и даже враждебное (кладбище) пространство.

Существует деление мифологических персонажей и по признаку пола: *мужской-женский*. Как отмечает А.И. Егорова, “символы мужского и женского начал наиболее ярко представлены в космогонических, зооморфных и антропоморфных мифах, в культах божеств и духов, числовой символике полов, а также в бинарных оппозициях”¹³². В большинстве случаев демон женского рода связан с негативным, потусторонним (сравните ряды: женский – левый – внутренний – закрытый – чужой – “нечистый”¹³³; женский – левый – плохой – мертвый – западный – нелицевой¹³⁴). Как правило, известные нам дагестанские боги – мужского рода, а демоны – женского (или сочетают в себе оба эти признака, т.е. андрогинные), что связано с естественно-историческим переходом человечества от матриархата к патриархату, когда женское начало “в религии вытесняется мужским, женские духи превращаются в мужских”¹³⁵. При окончательном утверждении патриархальных отношений женские божества или ниспровергаются с пьедестала и становятся олицетворением злых сил, или подчиняются мужским божествам, отходят на второй план, или же просто забываются¹³⁶.

Вообще, постепенно язычники стали воспринимать бывших богов как злых демонов¹³⁷. Это общее положение верно и для Дагестана, жители которого верили в демонов (женского рода) времен культа природы.

Были демоны, которым (как и богам) поклонялись во всем Дагестане, а также существовало поклонение демонам в отдельных селах или союзах сельских обществ.

В связи с этим можно представить классификацию демонов следующим образом:

- а) домовые змеи;
- б) домовые;
- в) демоны – антагонисты рожениц;
- г) демоны, олицетворяющие болезни;
- д) демоны кладбища.

Домовые змеи: ригьил борохь, цлар берцин, багьадур (авар.), мулкла чичлала, муссалавахI (дарг.), кIини (лак.), ашарат (лезг.), гюнебет, бенегют, цлар-цлар, шавхьар (таб.), мулькна хоча, секк (цах.), лыкмагар, тушеды риш (рут.).

Домовые: Кегилу, Рысиса, ХъегIело, ГъицI, Къегьел, Рохо (авар.), ЛокIо (арч.), Чебилхьхьан, Шямга, Симагъада, КIвибилси, Сийгъа, Илбахан, Игъбар, Кибилс (дарг.), Сухасулу, ЛутIу, ХIаллу лахьу, Ялун дахIу, Мантули (лак.), Къварц, Къвал (лезг.), Рух (таб.), Гъвадиккен, Бурек (агул.), Хварс, Кырчыл, ХырчIин (рут.), Курчел, Альхалеха, Кабыз (цах.), Бастрыкъ (кум.).

Демоны-антагонисты рожениц: Картай (авар.), Гогочи (анд.), АвлигIуне (дарг.), Алмас хатун (лак.), Алпаб (лезг.), Ал баб, Ири баб, Ярсель (таб.), Албасти (агул.), ЦIабаба (рут.), Алны еди (цах.), Албаслы къатын (кум.).

Демоны болезней: Унтул эбел, Рукьурльи Ила, Годаль Ила, Рохъдулай, Анжарат (авар.), Аццалов (лак.), Мезе (таб.), Йадла Нин, Залзанагый (рут.), Ун-нана (Ун-нянилг) (чеч.), Аврув анасы (кум.).

Демоны кладбища: Къав (авар.), Ххурттама (лак.), Малкамут (лезг.), Курузай (таб.).

Таким образом, картина божеств и демонов дагестанцев, хотя и далеко не полная, свидетельствует о богатстве и многообразии мифологических персонажей в былом языческом пантеоне и пандемониуме.

- ¹ Тихвинский С.Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 3–4. Подробнее о походах монгольских войск в Дагестан см.: Магомедов Р.М. Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига. Махачкала, 1940; Лавров Л.И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965. № 5; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 202–207; Магомедов Р.М., Криштопа А.Т. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (общественные науки). 1978. № 3; Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ: Археолого-этнографич. сб. Грозный, 1974. Т. 4. С. 103–128; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 188–214; Ичалов Г.Х. В глубь веков. Махачкала, 1988; Магомедов Р.М. История Дагестана. Изд. 2-е. Махачкала, 1991. С. 50–54; Магомедов Р.М., Могомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994. С. 80–86.
- ² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1952. Т. 5. С. 221.
- ³ Киракос Гандзацики. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханарян. М., 1976. С. 156.
- ⁴ Там же. С. 138.
- ⁵ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940. С. 142.
- ⁶ Там же. С. 145.
- ⁷ Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 180–182.
- ⁸ Али-Заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956. С. 110–112.
- ⁹ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа: На арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. I. С. 186–187.
- ¹⁰ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 39.
- ¹¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. С. 23; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. С. 186–187; История Северо-Осетинской АССР. М., 1987. Т. I. С. 126.
- ¹² Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. С. 187.
- ¹³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 39.
- ¹⁴ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. С. 188.
- ¹⁵ Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911. С. 35–36, 42.
- ¹⁶ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 111, 136.
- ¹⁷ Там же. С. 186.
- ¹⁸ Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 229–230; Али-Заде А.А. Указ. соч. С. 265.
- ¹⁹ Али-Заде А.А. Указ. соч. С. 310.
- ²⁰ Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура. Грозный, 1992. С. 41–44.
- ²¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 206–207.
- ²² Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960. С. 182.

- ²³ Подробнее см.: *Али-Заде А.А.* Указ. соч. С. 300–330; *Криштопа А.Е.* Дагестан XIII–XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. науч. сообщ. Махачкала, 1974. С. 96–118; *Ичалов Г.Х.* Дагестан – арена военных столкновений Хулагуидов и ханов Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975.
- ²⁴ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 103.
- ²⁵ *Криштопа А.Е.* Дагестан XIII–XIV вв. ... С. 104–105.
- ²⁶ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 82–83.
- ²⁷ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 85.
- ²⁸ *Петрушевский И.П.* Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1953. Т. II, ч. 1. С. 7–38.
- ²⁹ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. А.К. Арендса. М.; Л., 1946. Т. III. С. 308–312.
- ³⁰ Там же. С. 285.
- ³¹ Там же. С. 189.
- ³² История народов Северного Кавказа... Т. I. С. 211–212.
- ³³ Там же. С. 214.
- ³⁴ *Новосельцев А.П.* Об исторической оценке Тимура // Вопр. истории. 1973. № 2. С. 11.
- ³⁵ О деятельности Ибрахима I Дербенди см.: *Петрушевский И.П.* Великий патриот ширваншах Ибрагим. Баку, 1942; *Али-Заде А.А.* Указ. соч. С. 382–399, 563–567. О походе Тимура в Дагестан и сопротивлении местного населения см.: *Магомедов Р.М.* История Дагестана. С. 54–56; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 207–209; *Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С.* О маршруте Тимура в 1395–1396 годах через Дагестан // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 214–227; *Хизриев Х.А.* Указ. соч. С. 106–108; *Ичалов Г.Х.* Дагестан – арена военных столкновений Хулагуидов и ханов Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 100–134.
- ³⁶ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 174.
- ³⁷ Там же. С. 119.
- ³⁸ *Якубовский А.Ю.* Тимур (опыт краткой характеристики) // Вопр. истории. 1946. № 8/9. С. 64; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 375.
- ³⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 216.
- ⁴⁰ Там же. С. 81.
- ⁴¹ *Бакиханов Аббас-Кули-Ага.* Гюлистан-и Ирам / Ред., коммент., примеч., и указатель З.М. Бунятова. Баку, 1991. С. 81.
- ⁴² *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 123–124.
- ⁴³ Там же. С. 96; История Дагестана. Т. I. С. 207.
- ⁴⁴ *Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С.* Указ. соч. С. 230.
- ⁴⁵ Цит. по: *Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р.* Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 110.
- ⁴⁶ Эта запись сохранилась на одной из страниц рукописного экземпляра “ал-Ваджиз” ал-Газали, принадлежащего жителю селения Муги Магомедзапирю Закиргяеву. Список 1310 года хиджры (*Шихсаидов А.Р.* Археографическая работа в Дагестане // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 12).
- ⁴⁷ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 123–124, 185–186.
- ⁴⁸ *Иоан де Галонифонтибус.* Сведения о народах Кавказа (1404). Баку, 1980. С. 26.

- 49 Там же. С. 124, 188.
- 50 Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 66.
- 51 Кузнецов В.А. Аланы в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 151–152, 160–172; Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 47–71; Алексеева Е.А. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971. С. 109–137; Котович В.Г. Отчет о работе 3-го разведывательного отряда дагестанской археологической экспедиции // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии (РФ ИИАЭ). Ф. 3. Оп. 3. Д. 225; Атаев Д.М. Аркасское городище – памятник средневекового Дагестана // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 219. С. 11–16; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XIX в. С. 197.
- 52 Geographic d'Aboulfeda / Texte arabe publie par M. Reinaud et de Slane. P., 1840. P. 405 (араб. яз.).
- 53 Магомедов Р.М. История Дагестана. 2-е изд. Махачкала, 1968. С. 98–99.
- 54 Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. М., 1984. С. 367–368.
- 55 Geographie d'Aboulfeda. P. 204.
- 56 Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 42.
- 57 Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1990. С. 49; Гаджиева С.Ш., Османов М.-З.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 21, 39.
- 58 Удальцова З.В. и др. Древняя Русь – зона встречи цивилизаций // Вопр. истории. 1980. № 7. С. 56.
- 59 Гусев С.В. Экономические связи средневекового Дагестана (V–XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 23.
- 60 Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 47, 56.
- 61 Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний в XIII и XIV вв. // Ист. зап. 1938. Т. 3. С. 90.
- 62 Там же. С. 90; Егоров В.Л. Указ. соч. С. 134–135.
- 63 Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 37.
- 64 Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.
- 65 Пахомов Е.А. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье до начала XV в. по местным данным // Краткие сообщения Ин-та археологии. 1956. № 66.
- 66 Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. С. 208; Рагимов А.Р. О касыдах, посвященных Бадром Ширвана правителю Дербента амиру Исфандийару и его брату коменданту крепости амиру Ифтихару // Изв. АН Азербайджанской ССР. Сер. История философии и права. Баку, 1978. Вып. 1. С. 60; Айтберов Т.М. Четыре этюда по исторической географии Дагестана XIV–XV вв. // Тезисы докладов к конференции, посвященной 20-летию со дня организации Дагестанского филиала Географического общества СССР. Махачкала, 1979. Вып. 12. С. 100–101.
- 67 См.: Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана... С. 380–387.
- 68 Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI–XI вв. (Серир) // Ист. журнал. 1963. № 73. С. 265.
- 69 Geographie d'Aboulfeda. P. 404–405.
- 70 История Дагестана. Т. I. С. 206.
- 71 Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. С. 186.
- 72 Саидов М.-С. О возникновении письменности у аварцев // Языки Дагестана. Махачкала, 1948. Вып. I. С. 137; Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 135–136; Шихсаидов А.Р. “Завещание Андуник нуцала” (к вопросу об изучении) // Вестник Дагестанского научного центра. 1998. № 1.

- ⁷³ *Агларов М.А.* К чтению завещания Андуника // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования: Тез. докл. и сообщ. Махачкала, 1989. С. 25.
- ⁷⁴ *Криштопа А.Е.* О возможном происхождении дагестанского титула “нуцал” // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 80.
- ⁷⁵ *Иоанн де Галонифонтибус.* Указ. соч. С. 15.
- ⁷⁶ История Дагестана. Т. I. С. 183.
- ⁷⁷ *Никитин Афанасий.* Хождение за три моря. М., 1960. С. 28–29.
- ⁷⁸ *Айтберов Т.М.* Два кайтагских документа XV–XVI вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 117.
- ⁷⁹ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. С. 11, 86, 193.
- ⁸⁰ История Дагестана. Т. I. С. 183–184; *Лавров Л.И.* Новое о Зерехгеране и казикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 217; *Шихсаидов А.Р.* Вопросы исторической географии Дагестана X–XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. С. 73–74; *Он же.* Эпиграфические памятники Дагестана... С. 83–87.
- ⁸¹ В тексте он назван Шаукал (по другому списку – Шамхал), и скорее всего это не собственное имя, а титул.
- ⁸² Как указывает В.Г. Тизенгаузен, по другому списку речь идет об “области кумыков и войске аваров”. Возможно, что вместо “область кумыков” следует читать “область Кумук”, т.е. Гази-кумух (*Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 124, 185, 186).
- ⁸³ *Иоанн де Галонифонтибус.* Указ. соч. С. 15, 25.
- ⁸⁴ *Каяев Али.* Материалы по истории лакцев // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1642. Л. 269.
- ⁸⁵ *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1994. С. 145.
- ⁸⁶ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана... С. 82.
- ⁸⁷ Там же. С. 376.
- ⁸⁸ *Jacut's Geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld.* Leipzig, 1866. В. I. S. 438.
- ⁸⁹ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана... С. 209.
- ⁹⁰ *Zakariya Ben Muhammad Ben Mahmud al-Gazwini's Kosmographie / Hrsg. von F. Wüstenfeld.* Göttingen, 1848. Т. II. S. 407. (Далее: *Cazwini's Kosmographie.* II) (араб. яз.).
- ⁹¹ *Гаджиев М.С.* К идентификации города Цри и страны Чилбов // Тезисы докладов конференции по итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1992. Вып. XX. С. 126–127.
- ⁹² *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. С. 118. На эту надпись как на фиксацию территории союза сельских общин обратил особое внимание Ш.М. Ахмедов.
- ⁹³ *Магомедов А.Р.* Народности Дагестана. Махачкала, 1990. С. 15.
- ⁹⁴ *Гаджиева С.Ш.* Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 45.
- ⁹⁵ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 142–143.
- ⁹⁶ Там же. С. 124, 186.
- ⁹⁷ *Махмуд из Хиналуга.* События в Дагестане и Ширване. XIV–XV вв. / Пер. с араб. и коммент. А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 1997. С. 42, 44, 46, 49.
- ⁹⁸ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана... С. 225.
- ⁹⁹ *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. С. 153–154.
- ¹⁰⁰ *Айтберов Т.М.* О распространении ислама в Дагестане // Блокнот агитатора и политинформатора. Махачкала, 1988. С. 26.
- ¹⁰¹ *Cazwini's Kosmographie.* II. 404–405; *Шихсаидов А.Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. С. 110.

- ¹⁰² *Аликберов А.К.* “Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик” Мухаммада ад-Дарбанди как памятник мусульманской историографии (конец V–XI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991. С. 12, 14; *Он же.* Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003. С. 232–275; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 79.
- ¹⁰³ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. С. 120.
- ¹⁰⁴ *Гусейнаев А.Г.* Архивные сведения о трех арабских надписях из Кумуха // Источниковедение средневекового Дагестана.
- ¹⁰⁵ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 74.
- ¹⁰⁶ *Minorsky V. et Cahen Cl.* Le Recueil Transcaucasien de Macud b. Namdar // Journal Asiatique. CCXXXVII. 1949. № I. P. 24, 131–132 (на араб. яз.), 138–140 (франц. пер.).
- ¹⁰⁷ История Дагестана. Т. I. С. 210–214; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969. С. 175–178.
- ¹⁰⁸ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 74.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 121, 306.
- ¹¹⁰ Там же. С. 277.
- ¹¹¹ *Босворт К.Э.* Мусульманские династии / Пер. с англ. и примеч. П.А. Грязневича. М., 1971. С. 205.
- ¹¹² Рихлат Ибн Баттута ал-мусаммат ан-Наззар фи гараиб ал-амсар. Бейрут, 1405/1985. Ал-джуз ал-аввал. С. 394 (на араб. яз.).
- ¹¹³ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 127.
- ¹¹⁴ Там же. С. 124.
- ¹¹⁵ *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 205–206.
- ¹¹⁶ *Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д.* Культурные сооружения Аркаса // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989.
- ¹¹⁷ Назир ад-Дургали. Нузхат ал-азхан фи-тараджим улама Дагестан // РФ ИИАЭ. Фонд М.-С. Саидова. С. 14–15 (на араб. яз.).
- ¹¹⁸ *Айтберов Т.М.* О распространении ислама в Дагестане // Блокнот агитатора и политинформатора. С. 28.
- ¹¹⁹ *Лавров Л.И.* Новое о Зирихгеране и казикумухских шамхалах. С. 217; *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана... С. 376.
- ¹²⁰ *Шихсаидов А.Р.* Археографическая работа в Дагестане. С. 12.
- ¹²¹ *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 203–209.
- ¹²² *Малачиханов Б.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1969. Т. XIV. Серия историческая. С. 209.
- ¹²³ *Шмерлинг Р.О.* Храм близ селения Датуна в долине реки Аварское Койсу // Вторая научная сессия Ин-та истории грузинского искусства: Тез. докл. Тбилиси, 1956. С. 9–10; *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 196–214; *Гудава Т.Е.* Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана // Мацне. 1968. № 2. С. 211–218 (Тбилиси); *Марковин В.И.* О христианизации горцев Северо-Восточного Кавказа и храме Датуна в Дагестане // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987. С. 37–48; *Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д.* Указ. соч.
- ¹²⁴ *Харузин Н.* Этнография. СПб., 1905. Т. VI: Верования. С. 164.
- ¹²⁵ *Агларов М.А.* Языческое святилище на вершине горы Бахарган (К изучению общинных и региональных культов в Дагестане) // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 42; *Харузин Н.* Указ. соч. С. 252.
- ¹²⁶ См.: Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 10.
- ¹²⁷ См.: *Гаджиев Г.А.* Мифические персонажи и их названия у лезгин // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала, 1984; *Халлилов Х.М.* Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана; *Агларов М.А.* Из верований народов За-

Глава пятая

Древнерусское государство и Дагестан

Русско-дагестанские отношения имеют многовековую историю и восходят к периоду образования Древнерусского государства. Самое раннее известие о славянах (саклаб, мн.ч. – сакалиб), по данным восточных авторов, относятся к концу VII в. Это короткое упоминание в известной “Книге писем” о внешнем облике славян. С конца VII в. славянское население известно в Сирии. В Хазарии славян было немало, если учесть, что ряд восточно-славянских племен платил в свое время дань хазарскому кагану. Много славян попало на Кавказ после похода арабского полководца Мервана в 737 г.

Как писал ал-Балазури (ум. в 892 г.), “Мерван совершил поход на ас-сакалиба, что обитали в земле хазар, и, захватив в плен двадцать тысяч семей, поселил в Хатит”, т.е. Кахетию. Тут же ал-Балазури пишет о саклабах, переселенных на Восточный Кавказ: “Мерван заселил их между Самуром и Шабираном на равнинные земли ал-Лакза”¹. Проникновение славянских элементов на Северный Кавказ продолжалось и в последующее время. Арабский историк и географ ал-Хамадани писал, что “в горах также есть племена славян”. В литературе справедливо отмечалось, что “близкое знакомство закавказских и прикаспийских народностей с русскими славянами можно считать возникшим не позднее 7-го или 8-го века”². Славянское население Юго-Восточной Европы, несомненно, было связано торговлей с западным побережьем Каспийского моря, значение которого, начиная с VIII в., все более и более росло.

Торговые сношения славян с ближневосточными странами принимают регулярный характер. На территории России найдено значительное число монетных кладов, и их расположение характеризует пути, по которым шла торговля Восточной Европы со странами Ближнего Востока. В VIII–X вв. западное побережье Каспийского моря было средоточием оживленной торговой жизни. Уже в VII в. “балтийские районы имеют культурные сношения с бассейном Волги и Востоком... Произведения Востока приносились как к берегу Черного, так и к берегу Балтийского морей”³. На основе изучения сасанидских монет VI–VII вв., найденных на Каме, было установлено, что торговые сношения этой местности с Востоком начались еще в домусульманский период. “Балтийско-Каспийский путь сохранил значение и в первые века ислама”⁴.

Как известно, на западном побережье Каспийского моря было два замечательных торговых города – Дербент и Семендер, через которые Дагестан принимал активное участие в международной торговле. Ал-Истахри писал о Дербенте: “Баб ал-абваб приморский город. В середине его находится якорная стоянка для судов... Этот порт на Хазарском море (для) Серира и других стран неверных. Это также порт и для Джурджана, Табаристана и Дейлема”. В сочинениях арабских авторов часто упоминаются русы-купцы, которые были хорошо известны не только на берегах Каспийского моря, но даже в столице Халифата.

Дагестан лежал на Волжско-Каспийском торговом пути международного значения, соединявшем Восточную Европу, Поволжье, Северный Кавказ со странами Ближнего Востока и Закавказья. Знаменитый арабский географ Ибн Хордадбех (ум. около 912 г.) в своей “Книге путей государств” писал, что русские купцы через Хамлидж, город хазар, попадают в Хазарское море, выходят на любой берег по желанию и что свои товары они везут на верблюдах от Гургана вплоть до Багдада. От славян же на Кавказ, в восточные страны шли хлеб, дорогие меха, рогатый скот, мед, воск, дерево, цветные металлы, мечи, латы, стрелы. Особую статью доходов русских купцов составляли невольники и невольницы. Из Закавказья и стран Ближнего Востока поступали шелковые, шерстяные, бумажные ткани, вино, плоды, пряности. Кольчуги, панцири и другие виды вооружения поступали из Зерехгерана. Все эти товары шли через Дербент.

Автор составленного в конце X в. библиографического труда “Фихрист” Ибн Исхак ан-Надим пишет: “Сказал мне /человек/, рассказу которого я доверяю, что один из владетелей (мулук, ед.ч. – малик) гор ал Кабк послал его к царю (малик) русов. Он (этот человек) утверждал, что у них (т.е. у русов) письмо на дереве резными буквами. Он показал мне кусок такого дерева со знаками, и я не знаю, слова это или же отдельные буквы”⁵.

Таким образом, торгово-экономические, военно-политические связи имели к концу IX – началу X в., т.е. ко времени известных походов русов на западное побережье Каспийского моря, свою историю.

Если древнейшая из найденных на территории России монет чеканена в конце VII в., то позднейшая относится к началу XI в. Европейско-азиатская торговля в начале XI в. прекратилась. Это было следствием “серебряного кризиса”, охватившего весь Ближний Восток. Взаимоотношения Юго-Восточной Европы с восточнокавказским миром приняли в X в. иную форму. Экономические и культурные связи отступили на второй план или вообще прекратились. Военный фактор стал преобладающим⁶.

В X–XI вв. русы стали играть активную роль в жизни Восточного Кавказа. Известен ряд походов русских дружин на южное побережье Каспия в конце IX – начале X в. Наиболее известны их походы 913 и 943 гг. на западный берег Каспийского моря.

О первом походе ал-Масуди писал, что русы “состоят из многочисленных племен разного рода” и среди них “находятся урманы (норманы), которые наиболее многочисленны и с торговыми целями постоянно посещают Андалус, Рим, Константинополь и страну хазар”. По его словам, они перешли на 500 судах из Азовского моря до Дона, а затем, переправившись через волок, добрались до Хазарской реки (Волги). Спустившись до города Атиль (Итиль), русы “достигли устья, где река впадает в Хазарское море, а оттуда (поплыли) в город Амоль... Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Гильян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, стоящий на берегу Джурджана, на нефтеносную область... и /на земли, лежащие/ по направлению к Азербайджану. Они рассылали /отряды/, которые грабили и жгли”. После сражения с жителями Дейлема и Гильяна “руссы перешли на нефтеносный берег царства Ширван”⁷. Население Ширвана выступило против русов, но “тысячи мусульман были убиты и потоплены”. Русы провели на Хазарском море несколько месяцев, затем “они двинулись к устью Хазарской реки и

снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними”⁸. Но уйти на родину с богатой добычей русы не смогли. Мусульманское население Итиля (“ларисийцы и другие мусульмане царства”), количеством 15 тысяч “на конях и в полном снаряжении”, разбили русов, которым не удалось вернуться на Дон, а пришлось отправиться вверх по Волге, где и они были разгромлены буртасами и “бургарами-мусульманами”.

То что хазары пропустили русов через Дон и Волгу в Каспийское море, можно объяснить также попыткой Хазарского каганата заручиться добрыми отношениями в противостоянии с Византией, влияние которой на Северном Кавказе в первой половине X в. все более усиливалось. После победоносного похода Олега на Константинополь, “хазарский царь настолько боялся Руси, что готов был удовлетворить любые ее требования. В условиях развивающейся борьбы хазары были заинтересованы в том, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать Русь”⁹. В начале X в. активизировалась внешнеполитическая деятельность дагестанских государств. Важную роль в этом процессе сыграл религиозный фактор. Во второй половине IX – начале X в. мусульманские правители Дербента, который, как уже отмечалось, стал центром исламской пропаганды, совершали “исламские набеги” на соседние земли и даже на алан и хазар¹⁰.

Следующий поход русов на западное побережье Каспийского моря состоялся, как сообщает известный арабский историк Ибн ал-Асир, в 943 или 944 гг. Русы прошли через Хазарию и Каспийское море тем же путем, которым пользовались русские дружины в 913 г., и появились в Закавказье¹¹. Большой интерес представляет вопрос об участии дагестанцев в этом походе. Арабские авторы сведений об этом не дают. Сирийский текст истории Абу-л-Фараджа Бар-Эбрея (ум. в 1286 г.) упоминает вместе с русами алан и дагестанцев (“лезгин”)¹². Русы на своих кораблях дошли до устья Куры, затем поднялись по реке и остановились под Бардаа, одним из крупнейших политических и экономических центров Закавказья. Город был взят, и они оставались здесь не менее шести месяцев, писал арабский автор Ибн Мискавейх. Русы предложили жителям города свои условия: “Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно, чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас – хорошо повиноваться нам”¹³. Но мусульмане выступили против русов, но были разбиты.

Походы русов на Каспийское море в 913 и 943 гг. показали их растущую силу и влияние и вместе с тем ослабление Хазарского каганата, который уже не мог противостоять Руси. С Древнерусским государством связан разгром Хазарского каганата. В “Повести временных лет” под 6473 годам (т.е. 965 г.) рассказывается о походе Святослава и поражении хазар: “В лето 6473 иде Святослав на козари; слышавше же козары, изидоша противу с князем свои Каганом и съступишася битися, и бывши бран и, одоле Святослав козаров и град их и Белу Вежю взя. И ясы победы и касоги”¹⁴. Наряду с Саркелем (Белая Важа) войсками Святослава были взяты города Итиль и Семендер¹⁵. Последний, как и многие другие города, находился до хазарского погрома в цветущем состоянии.

Поход Святослава на восток был хорошо продуманным предприятием, вытекавшим из трезвого учета политической ситуации того времени и эко-

номических потребностей Руси. Речь шла не только о разгроме Хазарии, но и о господстве над ее основными “территориями на Волге, на Керченском проливе и на Дону с тем, чтобы полностью взять в свои руки контроль над восточной торговлей, игравшей весьма важную роль в экономике Русского государства”¹⁶.

После разгрома Хазарского каганата отряды русов оставались в Северном Дагестане долгое время, и эта территория служила трамплином для их противостояния или же контактов со странами Восточного Кавказа, с дагестанскими владениями. По предположению В.Ф. Минорского, вскоре после знаменитого похода Святослава “новые тюрские племена стали господствовать на Нижней Волге, но отдельные группы русов, вероятно, уже проникли в северо-западный угол Каспия”. Эта база могла находиться где-нибудь около устья Терека¹⁷. Огромную роль в дальнейшем развитии русско-северокавказских, в том числе русско-дагестанских контактов во всех сферах торгово-экономической, культурной, военно-политической жизни сыграло Тмутараканское княжество¹⁸. Это государство образовалось на Северо-Западном Кавказе, на Таманском полуострове. В состав княжества входили Восточный Крым, Таманский полуостров, возможно, и нижнее Прикубанье¹⁹. К концу XI в. княжество прекратило свое существование.

Прочные позиции русских князей на территории Северо-Восточного Дагестана после разгрома Хазарского каганата или же образование Тмутараканского княжества – именно в этих фактах исследователи видят причину активных военных акций, предпринятых русами в Дагестане в последней четверти X – первой половине XI в. Первое предположение наиболее вероятно.

Уже в 987 г. русы активно вмешивались во внутренние дела дагестанских правителей. Основные события развернулись в Дербенте, где обострились противоречия между эмиром города, шестнадцатилетним Маймуном ибн Ахмадом и раисами.

Последние воспользовались молодостью своего эмира, поместили его в “правительственном здании” в качестве пленника. Эмир Маймун сумел в этой трудной для него обстановке связаться с русами, которые находились, по мнению исследователей, где-то близко от Дербента. Те быстро откликнулись и прибыли на помощь на 18 судах (на каждом судне обычно могло поместиться до 100 человек, следовательно количество русов доходило приблизительно до 1800 человек).

Эмир сумел укрепить свое положение, опираясь в своей политической деятельности на русов, которые образовали вокруг него дружину и число которых было значительно. В 987 г. началась борьба между эмиром и прибывшим из Гиляна проповедником Мусой ат-Тузи, боровшимся за чистоту ислама²⁰. “Этот человек прибыл из Гиляна в город ал-Баб, созвал собрание в соборной мечети, и свыше тысячи человек принесли ему покаяние. Эмир сдал цитадель, лишился, разумеется, власти, но именно такой ценой он получил разрешение свободно покинуть город и уйти вместе со своими гулами в соседний Табасаран²¹. Здесь эмир Маймун усиленно готовился к возвращению дербентского престола, отданного ширваншаху, и после ряда неудачных попыток он вновь укрепился в городе, который окончательно отвоевал в 993 г. Русы и в последующем принимали активное участие во внутривосточной жизни Восточного Кавказа.

По сообщению В.Ф. Минорского, в 1030 г. вслед за нападением “народа ал-Баба” на владения ширваншаха, “русы вступили в Ширван, и Ширваншах встретил их около Бакуйа (Баку). Много ширванцев было убито... Чтобы остановить их продвижение, Ширваншах Минучихр преградил Аракс (ар-Расс), но они потопили многих из мусульман”. Они же были использованы правителем Ганджи в своих политических интересах, с их помощью он овладел городом Байлакан. “Затем русы ушли из Аррана в Рум, а оттуда вернулись в свою страну”²².

Эти события показывают, что в 1030 г. в военных акциях участвовали большие отряды русов (они прибыли на 38 судах), которым удалось совершить стремительный рейд Дагестан–Ширван–Ганджа–Байлакан–Рум–Дагестан–“своя страна”. По этому поводу В.Ф. Минорский писал, что слова “в свою родину” подразумевают Тмутаракань, основанную приблизительно в это время, и что “возможно было бы усмотреть связь между вторжением русов 1030 г. и основанием Тмутаракани, которое привело их к самому преддверью Кавказа”²³.

Успех похода 1030 г. ускорил заключение антимусульманского союза крупных политических сил – алан, русов, сарирцев. В 1032 г. “сарирцы и аланы, заключив соглашение, совместно напали на Ширван и силой взяли Йазидийа”.

Обратный путь алан и сарирцев лежал через Баб ал-абваб, и здесь “люди пограничных областей ал-Баба напали на них, преградили дороги и ущелья и убили многих из них: это была резня, подобно которой никогда не упоминалось, они отняли у них все мусульманское имущество, живое и неодушевленное, которое они увезли из Ширвана. Спасся только маленький отряд, включая правителя аланов”²⁴.

В другом же месте та же самая хроника связывает события 1032 г. с именем русов. Дело в том, что “русы напали на владения Ширвана, разрушили и ограбили их, убили, а также полонили множество людей”. На обратном пути они подверглись нападению со стороны газиев ал-Баба и пограничных областей и потеряли все награбленное имущество.

Очевидно, оба описанных выше события действительно имели место, так как в следующем, 1033 г. на ал-Карах совершают поход русы и аланы, которые «вознамерились отомстить. Они собрались вместе и выступили по направлению к ал-Бабу и пограничным областям. Объединенные силы алан и русов потерпели поражение, очевидно, очень крупное, и навсегда были прекращены притязания неверных на эти исламские “центры”»²⁵.

В итоге мы видим, что с разгромом Хазарского каганата для Дагестана, как и для ряда других областей, открылись перспективы непосредственных контактов с Древнерусским государством. Однако вторжение кипчаков (половцев), захват ими во второй половине XI в. южнороссийских и северо-кавказских степей, особенно монгольское нашествие на Русь и Кавказ и связанные с этим нашествием трагические события в южнороссийских и северо-кавказских степях, значительно затормозили этот процесс, привели к практическому прекращению этих контактов по крайней мере на три столетия, вплоть до середины XV в.

Блестящая победа Руси на Куликовом поле предопределила освобождение многих народов от золотоордынского ига. С ослаблением Золотой Ор-

ды укрепились торгово-экономические и политические связи Северного Кавказа с Русью. В основном эти отношения поддерживались через Волгу и Каспий. Так, уже 1404 г. датируется известие о прибытии русских купцов в Дербент.

Дербент действительно стал играть важную роль на Каспии как крупный торговый и транзитный порт, хотя полностью город не оправился от бедствий, связанных с походами монголов и борьбой двух монгольских государств – Золотой Орды и Хулагуидов. Еще в 1475 г., как пишет венецианский дипломат Амброджо Контарини, город был “заселен едва на одну шестую часть своей площади, а в сторону моря он весь разрушен”. Но тем не менее “город надлежащим образом снабжен продовольствием и торгует винами, а также разнообразными фруктами”. С ноября 1475 по начало апреля 1476 г. Контарини был в Дербенте совместно с Марко Россо, русским посланником, с которым встретился в Шемахе. Судно, нанятое ими, вышло в апреле 1476 г. из Дербента, на нем были купцы, “которые везли в Астрахань куски атласа, кое-какие шелковые изделия и еще боссасины на продажу русским; было еще несколько татар, которые ехали за товаром, а именно за пушниной, которую они продают затем в Дербенте”²⁶. Торговцы Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, нередко сопровождали торговые караваны, ежегодно отправляющиеся с посланником астраханского хана в Москву с шелком и другими товарами, которые купцы меняли на меха, седла и мечи. Русские купцы и сами прибывали в Дербент со всевозможными товарами²⁷.

В середине XV в. Волжско-Каспийский путь стал важной трассой, имеющей торговое и политическое значение. По этому пути прошел знаменитый тверской купец Афанасий Никитин, побывавший в Дербенте и оставивший о нем ряд интересных сведений. “И пошли мы к Дербенту, – писал он, – в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек и с иранцами да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей и 6 тверичей”²⁸.

В середине XV в. Дербент посетил русский путешественник, автор “Сказания о Железных воротах”. В “Сказании” даются подробные сведения о Дербенте, его населении, городских стенах, хозяйственной деятельности горожан и окрестных селений. Представляют ценность многие подробности, о которых сообщает неизвестный автор: короткая зима в Дербенте – снег “у них” лежит всего 12 дней, лес “не мерзнет”. Дается подробное описание Дербентской каменной (“мурамлянской”) стены, длиной в три “версты добрые”, а высотой в 15 сажен (более 21 м), шириной же – в 7 сажен (10 м). Расстояние между двумя стенами – три “перестрела из турецкого лука”. В самом городе проживало 3 тыс. жителей. Из Дербента до Шемахи можно добраться за восемь дней²⁹.

Важную роль в развитии русско-дагестанских связей играли и дипломатические контакты между Ширваном и Россией. Последний во второй половине XV в. оказывал политическое влияние на весь Южный Дагестан. Это обстоятельство, а также то, что послы Ширвана и России проезжали по западной части Каспия сказывались и на русско-дагестанских взаимоотношениях. Фаррух Ясар отправил в 1456 г. в Москву к царю Ивану III посольство во главе с Хасанбеком. Цель посольства – установление союза с Московским государством перед угрозой вторжения в Ширван войск Узун Хасана,

стоявшего во главе государства Ак-коюнлу³⁰. В следующем году Иван III отправил в Ширван ответственное посольство во главе с Василием Паниным. К посольству присоединились и русские купцы, в числе которых был и Афанасий Никитин.

Взятие Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556 г., полный контроль над Волжским водным путем ознаменовали и новый этап взаимоотношений народов Северного Кавказа и России, характеризующийся интенсивным ростом взаимных контактов во всех сферах деятельности – торгово-экономической, политической, дипломатической, этносоциальной.

¹ *Ал-Балазури*. Китаб футух ал-булдан. Лейден, 1866. С. 207 (на араб. яз.).

² *Тебенков М.* Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. Тифлис, 1896. С. 12.

³ *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Соч. М., 1963. Т. II, ч. I. С. 812.

⁴ Там же. С. 819.

⁵ *Ибн ан-Надим*. Ал-Фихрист. Миср, 1971. С. 30 (на араб. яз.).

⁶ История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 173–184.

⁷ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963. С. 198–199. (Приложение III: Масуди о Кавказе).

⁸ Там же. С. 200.

⁹ *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 369.

¹⁰ *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 46.

¹¹ *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 375–376.

¹² *Дорн Б.* Каспий. СПб., 1875. С. 515; *Френ Х.* Письмена древних русов // Библиотека для чтения. 1836. Т. XV, отд. III. С. 57.

¹³ *Якубовский А.Ю.* Ибн-Мискавайх о походах русов в Бердаа.

¹⁴ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. I. С. 47.

¹⁵ *Ибн-Хаукал*. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1939. Т. 2. С. 392 (на араб. яз.).

¹⁶ *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 429.

¹⁷ *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 152.

¹⁸ История Дагестана. Т. 1. С. 174; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 147.

¹⁹ *Монгайт А.Л.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. ст. к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 55–56.

²⁰ *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 68, 110, 152.

²¹ Там же. С. 68–69.

²² Там же. С. 53–54.

²³ Там же. С. 154.

²⁴ Там же. С. 54.

²⁵ Там же. С. 70–71.

²⁶ Барбаро и Контарини в России / Пер. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 261.

²⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. С. 273.

²⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472 гг. М.; Л., 1948. С. 53.

²⁹ *Кучкин В.А.* “Сказание о железных вратах” // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965; *Он же.* Русский путешественник в Азербайджане в первой половине XV в. // Вопр. истории. 1965. № 3. С. 204–205.

³⁰ *Ашурбейли С.* Государство Ширваншахов. Баку, 1983. С. 252–253.

Глава шестая

Взаимоотношения народов Дагестана с другими народами Кавказа

Контакты народов и их культур – одно из самых важных, неизменных условий прогрессивного развития и процветания. “Сколько наций – столько же и культур. Чем выше культура нации, тем больше в ней нуждаются соседи и последующие поколения, тем больше она сама нуждается в освоении других культур. Чем ниже культура, тем безразличнее она к культурам других стран и эпох. И чем выше культура народа, тем она миролюбивее”¹. Экономические, культурные, военно-политические отношения народов Кавказа имеют длительную, продолжавшуюся тысячами летями, историю.

§ 1. Дагестан и Ширван

В изученное время Ширван представлял единую территорию. Выше уже указывалось, что политическая и социальная жизнь Ширвана и Дагестана середины VI в. связана с деятельностью персидского шаха Ануширвана. Автор X в. ал-Масуди писал: “Среди царей, которых Ануширван назначил в этих местах и местностях, граничащих с исламскими землями, в Бардаа был царь, называемый Ширван, царство которого в соответствии с его именем называется Ширваншах. Каждый царь, правящий здесь, назывался Ширван”².

С этого времени политические судьбы Дагестана и Ширвана переплелись еще теснее на почве защиты своих интересов в условиях полуторавекового противостояния. Любое выступление арабов или хазар, не знавших компромиссов за всю историю своих взаимоотношений, любая их военная акция затрагивала одновременно интересы и Ширвана, и Дагестана. Влияние Ширвана усилилось в конце VIII в., а именно с 799 г., когда он вошел в состав земель династии Йазидидов. “Первым из них, кто правил Азербайджаном, Арменией, Арраном и Баб-ал-абвабом (Дербентом), был Йазид б. Мазйад... аш-Шайбани... В 183/799 году Харун снова назначил его правителем Армении, а также Азербайджана, Ширвана и Баб-ал-абваба”³.

Упомянутый выше Мухаммад ибн Халид в середине IX в. “с помощью газиев ал-Баба... также ходил на неверных, живущих по соседству с ал-Бабом и Дербентом”, а его брат Хайсам ибн Халид, став после него правителем Ширвана (до 247/861 г.) “сражался с неверными в стране Серир (ардас-Серир)”. Его сын, Мухаммад, также вел “войну с неверными”, как и его наследник – сын Хайсам, “который предпринял много походов на неверных. Весь урожай свозил в амбары, которые он построил в своей столице, после чего он правильно распределял среди нуждающихся членов пограничных областей ал-Баба и среди газиев”⁴.

В это время в Баб ал-абвабе правила новая династия. Ее родоначальником стал в 869 г. Хашим ибн Сурака ас-Сулами. С этого времени Дербент выступает как независимое государство, роль которого все более возрастала. Так, в 944 г., когда “люди ал-Баба восстали против своего эмира Ахмада, сына Абдалмалика ал-Хашими и изгнали его из города”, они обратились к правителю Ширвана Абу Тахиру Йазиду, “чтобы он принял власть”, но тот послал своего сына Ахмада, который также был изгнан, и горожане “вернули к власти Ахмада ал-Хашими”⁵.

Как пишет арабский автор X в. ал-Масуди, ширваншах значительно расширяет свои владения: “Каждый царь, правящий здесь, называется Ширван... Его царство в настоящее время (т.е. в 332/943 г.) тянется на расстоянии месяца пути, как он завоевал места, на которые Ануширван не давал ему титула (васм), но он присоединил их к своим владениям... Мухаммад б. Йазид Ширванский захватил город ал-Баб после смерти своего зятя б. Хашима*, который был потомком одного из сподвижников (ансар) пророка и правил ал-Бабом... К царству Ширвана около горы Кабх примыкает другое царство, которое называется Лайзан, а его царя зовут лайзаншах. В наши дни это царство занял царь Ширвана, что он также сделал и с другим царством, называемом Муканийа”⁶. В X в. от Ширвана зависели также Кабала, а эпизодически и Шекинское владение⁷. Владения Ширвана простирались до правобережья Самура. После захвата Дербента Ширван уже соседствует с Табасараном. “Правитель его в настоящее время мусульманин, племянник (сын сестры) того Абд ал-Малика, который был эмиром ал-Баба. Табасаран – ближайший к ал-Бабу народ”⁸.

В середине X в. представители царствующего дома Ширвана оказались у власти в лезгинских районах южнее Самура. Сыновья ширваншаха были назначены правителями соседних, но находившихся от него в политической зависимости, владений. Один из них, Хайсам, стал правителем Табасарана. Как сообщает Мундаджим баши, жители Баб ал-абваба, изгнав своего правителя, “поклонились в верности Хайсаму ибн Мухаммаду ибн Йазиду, владельцу Табасарана, и ввели его в город”, где он правил только два года, после чего был изгнан населением.

В Лакзе была сильная оппозиция власти Ширваншахов, и влияние последних на Лакз сильно ослабело. Так, жители Баб ал-абваба в 953 г. отказались от представителя дома Ширваншахов, назначив на его место царя Лакза Шахрама Ахмада ибн Мунабби, который также через три года был свергнут.

Растет также политическое значение Дербента. Влияние эмира Дербента на происходящее было настолько сильным, что Ахмад ибн Абдаллах ал-Хашими “от имени Хайсама... вступил в переговоры с правителем Ширвана и потребовал от него уступки части Ширвана в пользу Хайсама, но Ахмад (б. Мухаммад) отказался это сделать... Правитель ал-Баба эмир Ахмад (б. Абдалмалик) собрал войско из отдельных областей (атраф), главным образом, из Сарира, и двинулся на Ширван, взял приступом Шабаран”⁹. Однако Дербент имел свою собственную династию и не мог считаться де-юре владением Йазидидов¹⁰. Речь идет о династии, родоначальником которой в 869 г. стал, как уже указывалось выше, Хашим ибн Сурака ас-Сулами.

* Так в тексте. По мнению В.Ф. Минорского, надо читать: Абд-ал-Малика б. Хишам.

На протяжении X в. взаимоотношения Ширвана и Дагестана были в основном напряженные. Однако политическое и экономическое влияние Ширвана все более и более усиливалось. Об этом свидетельствуют важные сообщения о земельных участках, возможно наследственных (дийа), этих представителей в Табасаране¹¹.

В это время особое значение приобретает владение Хурсан. Впервые оно упоминается у армянского автора V в. Егише Вардапета. Ал-Йакуби в связи с событиями VIII в. упоминает крепость Хурс в Арминийи. Ал-Балазури упоминает царя ал-лакзов с титулом Хурсаншах. «Область Хурсан занимала значительное пространство и, как видно, соответствовала южной части земель тогдашнего Дербента, южнее Маската (Мушкура), являясь частью территории лакзов, уже включенной в Ширван. В конце X в. область лакзов и татов простиралась до северных склонов Кавказских гор между Лахиджем и Кубой, где в настоящее время живут остатки этих племен в селениях Будуг, Хиналук, Криз и Хапут, и включала Лахидж с окрестными селениями Сулут, Мельгам, Конахкенд, Зарат, Демирчи и др.»¹²

Ширваншах распространял временами свою власть и на территорию Табасарана. В первой половине X в. Табасараном правил сын Ширваншаха, а в 1025 г. здесь упоминается дийа Мухаммад. В 1065 г. сын ширваншаха Минучихр ибн Йазид Хурмуз скончался в «поместье Ирси в Табасаране и был похоронен там рядом со своими дядьями по матери»¹³. Ширваншахи были связаны брачными узами с правителями Табасарана, поэтому на этой территории и власть часто принадлежала Ширваншахам¹⁴.

Очевидно, в связи с сельджукской агрессией во второй половине XI в. и захватом Дербента, влияние Ширвана на территорию Дагестана, особенно Южного, еще более усиливается. В 1074 г. «ширваншах занял земли Восточного и Западного Лакза и насильно собирал харадж с этих земель»¹⁵.

Особое значение во взаимоотношениях Дагестана и Ширвана во второй половине XI в. имела деятельность ширваншаха Фарибурза I ибн Саллара ибн Йазид. Будучи незаурядным и талантливым государственным деятелем и дипломатом, ширваншах приложил немало усилий (и небезуспешно) на пути расширения и укрепления своего государства. Номинально подчинившись власти сельджукского султана, он в действительности проводил самостоятельную политику, сохранив власть и титул ширваншаха¹⁶. Фарибурз поддерживал в политических целях родственные связи с рядом правителей, в частности он был женат на дочери правителя Серира, к которому не раз обращался за помощью. При Фарибурзе в межгосударственных отношениях с дагестанскими владениями на первое место был выдвинут не военный фактор, а идеология. Идеологический фактор, а именно ислам и укрепление его позиций, был пущен в ход в самый удобный момент: лезгинские земли (Лакз) уже стали мусульманскими, и их жители активно привлекались для исламизации северного соседа Лакза – Кумуха.

С начала XII в. государство Сельджукидов постепенно теряет свое политическое могущество, что привело к ослаблению зависимости от сельджукских султанов, укреплению независимости местных правителей, находившихся в вассальной зависимости от них¹⁷. Эта способствовало усилению торгово-экономических и политических взаимосвязей Ширвана и Дагестана. В Ширване процветали города Шемаха, Кабала, Шеки, Баку, Байлакан; в Да-

гестане – Дербент, Зерехгеран и столицы государственных образований¹⁸. Централизованная государственная власть Ширвана поощряла науки, литературу, искусство, культуру вообще. Ширван превратился “в центр поэтической, отчасти научной мысли того времени”¹⁹.

Именно в это время Азербайджан подарил миру блестящую плеяду мыслителей, зодчих, поэтов, ученых. Среди них: философ и филолог Хатиб Табризи, преподававший в Багдаде в знаменитом медресе Низамийа; историк Ибн Намдар; поэт Хагани, оказавший большое влияние на развитие персидской литературы; создатели превосходных архитектурных памятников. В золотой фонд мировой литературы вошло творчество Низами Гянджеви²⁰.

Особое усиление Ширвана прослеживается при Ахситане I, сыне Минучихра III. Ахситан решил оказать влияние на политику Дербента, женившись на дочери его владетеля, эмира Абу-л-Музаффара Сейф аддина, который был зятем грузинского царя Деметре I (1125–1156) и женат на сестре эмира Бекбарса ибн Музаффара. При Ахситане I объединенные ширвано-грузинские войска отразили набег русов и кипчаков на Ширван. Русы на 73 суднах поднялись вверх по Куре, а кипчаки захватили Дербент, в том числе цитадель Шабрана²¹. Ахситан I во главе объединенных войск разбил их, и оба государства вновь вошли в состав владений ширваншаха.

Культурные связи Дербента и Ширвана подкреплялись политическими контактами. Так, население Ширвана и Аррана, поддержанное грузинами и “лакзами”, выступило против кипчаков, прорвавшихся в Закавказье после поражения, нанесенного им монголами²². Кипчаки захватили Дербент, грабили местное население. Это вызвало всеобщий гнев, “мусульмане из местных жителей восстали против них, сражались с ними и перебили большое число из них. Испугавшись, кипчаки ушли по направлению Ширвана, а потом перешли в страну лакзов. Однако мусульмане, курджи, лакзы и другие почувствовали смелость по отношению к ним, уничтожили их, убили, ограбили и захватили в плен, так что кыпчакский раб (мамлюк) продавался в Дербенд-Ширване по (самой) низкой цене”²³. Кстати, ширваншахом в это время был Гершасп I Фаррухзад (до 1225 г.), а эмиром Дербента – его брат Рашид.

Большое значение имела оживленная международная торговля, в которую были втянуты и Ширван, и Дагестан. Караванный путь шел от Баку и Дербенда через территорию Золотой Орды, Сибирь в Китай²⁴. О важности этого пути свидетельствуют находки джучидских монет в Баку, Дербенте, Сальянах. В XII–XIV вв. широкое распространение в Ширване и Дербенте получили китайские шелковые ткани (“золотом тканная китайская парча”), фарфоровая посуда. Находки бронзовых кубачинских чирахов (светильников) XIV в. и рейской керамики на территории дворца Ширваншахов – свидетельство торговых связей с Дагестаном и Ираном²⁵. На территории Ширвана имели широкое хождение монеты Дербента, точно так же на территории Южного Дагестана, особенно района Дербента, были в обращении монеты ширваншахов. Развитие морской торговли через Каспийское море во многом связано с начавшейся в конце XIII в. деятельностью итальянских купцов²⁶.

Древние пути мировой международной транзитной торговли между странами Ближнего Востока, Кавказа и Восточной Европы проходили че-

рез земли Ширвана и Дагестана, втягивая эти области в торговую деятельность. Хамдаллах Казвини писал о Баку, как о порте на Каспийском море, о Бешбармаке, Дербенте и Астрахани. До конца XIV в. шелк, шелковые ткани, ковры, пряности и другие товары из Ширвана, стран Закавказья и Передней Азии вывозились через Баку, Дербент и Астрахань в Золотую Орду, на Русь и в Европу.

Распространение суфийских идей во внутренних районах Дагестана шло двумя способами: через Дербент, город суфиев, и непосредственно через Ширван, местными дорогами и тропами, минуя город. Крупнейшие поэты, Хагани (1121–1199) и Низами Гянджеви (1141–1209), были суфиями, что свидетельствует об огромной притягательной силе суфизма. В Дагестан стал проникать персидский язык, занявший в Иране и Азербайджане в XI–XIV вв. во многих сферах (поэзия, государственная канцелярия и т.д.) ведущие позиции. Памятники персидской эпиграфики Дагестана – результат влияния азербайджанской культуры на персидском языке, азербайджанской культовой и строительной эпиграфики.

Ширвано-дагестанские отношения достигают особого подъема в конце XIV – начале XVI в., когда утвердилось и правила новая дербентская династия ширваншахов (1382–1538). Как пишет Мунадюжим-баши, шейх Ибрахим (1382–1417) стал первым представителем династии ширваншахов Дербенди, которая была боковой ветвью династии Мазйадидов (Йазидидов)²⁷.

Для Ширвана и Дагестана конец XIV – начало XV в. было тяжелым этапом, особенно во внешнеполитической жизни. Их территория стала фактически ареной бескомпромиссных столкновений двух сильных и жестоких правителей – Тимура и Тохтамыша. Первый ширваншах новой династии Ибрахим Дербенди оказался на высоте положения, проявил себя как гибкий политик, сумел удачно использовать противоречия названных выше могучих противников. Он остался ширваншахом, а государство его избежало разорения и массовой гибели населения. Даже после назначения Тимуром своего сына Мираншаха правителем Азербайджана и Ширвана, в том числе Дербента и Баку, Ибрахиму Дербенди удалось сохранить звание и должность ширваншаха²⁸. Ибрахим I принял на стороне Тимура активное участие в борьбе против Тохтамыша. Более того, он наладил чеканку монет с именем Тимура в Баку, Дербенте, Шемахе.

Хроника Махмуда Хиналугского (середина XV в.) сообщает о тесных связях Ширвана и Дагестана. Прежде всего обращают на себя внимание династические браки и попытки использовать их в политических целях. В конце XIV в. Султан Мухаммадхан, уцмий Кайтага, был женат одновременно на сестре ширваншаха Ибрахима I Дербенди (“Султан Кершасиб”) и на сестре шамхала²⁹, ширваншах Фаррух Йассар был женат на сестре кайтагского правителя (1465–1500) (“шурин мой Алильбек Кайтагский князь”). Попытки установить и поддержать родственные связи между домами ширваншахов и уцмиев четко проявились в начале XV в., продолжались во второй половине XV в. и стали традиционными по крайней мере в правление первых ширваншахов Дербенди Ибрахима I и Фаррух-Йасара.

Судя по эпиграфическим памятникам (надпись из селения Ахты: “Владелец этой крепости Халилуллах”³⁰) долина Самура, в нижнем и среднем его течении, находилась в середине XV в. в политической зависимости от Шир-

Селение Ахты. Надпись о строительстве крепости ширванханом

вана. Надпись из Дербента с именем Шейха Ибрахима говорит о том, что именно при этом ширваншахе политическое влияние в Южном Дагестане значительно усилилось³¹. Как известно, Ибрахим Дербенди сопровождал Тимура во время его походов через Дербент на север, в частности в походе на Астрахань в 1396 г. Как сообщает Шарафаддин Али Йезди, “завоеватель мира, властитель великодушный с помощью божьей прошел через Дербент и дал приказ о восстановлении цитадели города”. Тимур подписал ярлык, подтвердивший право Ибрахима I на Ширван, ему же была поручена охрана Дербента.

Лезгинские селения и общества в районе р. Самур в конце XIV – начале XV в. также находились в политической зависимости от Ширвана: сын Ибрахима I Мухаммед-бек по его приказанию “отправился управлять одной крепостью в округе Докузпара”. Пожалование это оказалось наследственным для потомков Мухаммед-бека. В Хнове поселился его внук Махмуд-бек, в крепости Ахир – сын его Эльчав Ахмед-бек и т.д. Следующее поколение обосновывается в Курахе, Кюре, Табасаране³².

Влияние Ширвана в Южном Дагестане ощутимо прослеживается как при Шейхе Ибрахиме I Дербенди и Халилуллахе, так и при Фаррух Йасаре, при котором Ширван достигает наибольшего расцвета. При нем же было построено медресе в Дербенте (“Фарруховское медресе”)³³.

Ширван принимал активное участие в строительстве многих зданий в районе Дербента, а влияние ширвано-апшеронской архитектурной школы было ощутимым – это заметно и по строительной терминологии, и по сходству многих архитектурных деталей.

§ 2. Дагестан и Грузия

Отношения с соседней Грузией занимали важное место в экономической, политической и культурной жизни раннесредневекового Дагестана. Торгово-экономические связи, обмен культурными ценностями, совместная борьба против иноземных завоевателей, миграционные процессы, идеологические контакты – это не полный перечень сфер многовековых контактов между народами Грузии и Дагестана. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Так, во время восстания 450–451 гг. царь Грузии Аспагур совместно с леками и с овсами выступил против иранской власти; другой глава грузинского государства, царь Гурам (570–600) вместе с “овсами, дурдзуками и дидойцами” начал войну против персов. Еще раньше леки вместе с овсами и хазарами присоединились к армянскому царю в его борьбе против Хосрова Ануширвана. При нашествии войск арабов в середине IX в. эристав Армении и Гурам, брат грузинского царя Багарата (826–876), “послали сказать горцам, чтобы они не пропускали их. Горцы преградили дорогу сарацинам. Бог им дал победу”³⁴.

Внутриполитическое развитие Грузии и Дагестана в VI–X вв. шло различными путями. Грузия представляла собой мощное, единое, политически сплоченное государство. Дагестан же оставался территорией, разделенной на многие политические единицы. Более того, в некоторых раннефеодальных владениях Дагестана началась децентрализация политической власти, рост значения союзов сельских общин. Процесс этот особенно ярко наблюдается в Западном Дагестане, на границе с Грузией. Это давало возможность активного идеологического воздействия со стороны Грузии на эти районы Западного Дагестана.

Грузино-дагестанские взаимоотношения V–XV вв. можно разделить на два основных этапа: если на первом этапе (V–X вв.) доминирует военно-политический аспект, то второй этап (XI–XIV вв.) характеризуется усиливающимися торгово-экономическими и культурными связями. На этом этапе значительно активизировалась роль христианской церкви в “языческих районах” Нагорного Дагестана. В 1123 г. Давид IV Строитель (1086–1125) двинулся против сельджуков, на Ширван, взял Шемаху, отобрал у дербентского правителя город Шабиран. В борьбе Грузии против сельджуков участвовали и дагестанцы (леки)³⁵.

Арабский историк Ибн ал-Асир сообщает о совместной борьбе народов Грузии и Дагестана против кипчаков, нахлынувших на Дербент и соседние земли после того, как монголы разгромили их на Северном Кавказе: “...однако мусульмане, курджи (грузины. – *Ред.*), лакзы (народы Дагестана. – *Ред.*) и другие, почувствовав смелость по отношению к ним, уничтожили их, грабили и захватывали в плен...”³⁶ Как сообщает “Картлис Цховреба”, влияние Грузии на некоторые районы Дагестана было значительным: грузинский царь Георг V Блистательный (1318–1346) после изгнания монголов из своей страны вошел в соседние земли, пройдя “всю Грузию от Никопсии до Дарубанда”. Однако формирование взаимоотношений основывалось главным образом на торгово-экономических и идеологических предпосылках.

В IX–XIII вв. на Северном Кавказе усиливается влияние христианства, на что указывают многие памятники христианской культуры того времени.

Селение Датуна. Христианский храм X–XI вв.

Это было следствием активной идеологической политики ряда христианских государств – Византии, Грузии, Руси (Тмутараканское княжество).

До образования единого Грузинского государства инициаторами распространения христианства на Северо-Западном Кавказе выступали Абхазия и Византия; в центральной части Кавказа (Двалети, Ингушетия) – Картли и Кахетия; на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан) – Кахетинское княжество, а затем централизованная Грузия³⁷.

Ряд обстоятельств содействовал успехам христианства – объединительная политика Давида Строителя и Тамары высоко подняли политический и идеологический престиж Грузии. Власти этого государства оказывали влияние и на внутренние дела Дербента. Так, малик Дербента эмир Абу-л-Музаффар был женат на дочери грузинского князя Деметре, а в 1154 г., во время объезда последним пограничных округов Дагестана, эмир “выехал приветствовать своего тестя и принял его с должным почетом”³⁸.

Огромную роль играл процесс распространения христианства в западных районах Дагестана. Обнаружение в Аварии большого числа христианских памятников-могильников VIII–X вв. (близ селений Урада, Тидиб, Галла, Тинди, Кванада, Ругуджа)³⁹ свидетельствует о большом значении этой религии для жителей Нагорного Дагестана⁴⁰. В XI – начале XIII в. предпринимаются новые попытки укрепить позиции христианства в Дагестане, уси-

ливается миссионерская деятельность, устанавливаются памятники христианского культа.

В долине Аварского Койсу, недалеко от селения Датун, расположены остатки христианского храма, датируемого концом X – первой половиной XI в. и построенного по образцу грузинских некупольных храмов. Совместная дагестано-грузинская археологическая экспедиция нашла в нем фрагменты настенной живописи, что позволило исследователям утверждать: “Это, наряду с косвенными данными церковью Акаро и Хини (находки на них высококачественного штука), дает возможность допустить существование в средневековой Аварии традиции украшать христианские церкви фресковой живописью”⁴¹. Остатки христианского храма X–XIV вв. обнаружены также у древней дороги на Хунзахском плато, на горе Акаро, около селения Адитль. Эти находки позволяют говорить о системе христианских культовых сооружений на Хунзахском плато и селах, расположенных на его склонах⁴².

Усилиями дагестанских и грузинских ученых в Аварии выявлено много каменных крестов и их изображений разнообразных геральдических типов (греческий, латинский, георгиевский, с вилообразными кончиками, лапчатый и др.) на каменных блоках, нательных металлических крестах и скульптурных деталей различных размеров (Хунзах, Акаро, Гинечутль, Ахалчи, Обода, Урада, Гоор, Кахиб, Батлук, Тлондода, Хуштада, Чох). Обнаружено множество фрагментов, датируемых либо XII–XIII вв., либо более ранним временем. Найдено несколько мемориальных крестов XI–XIV вв. (из Урадинского могильника)⁴³ или XI в. (могильник в Тад-Раале). О широком распространении христианства свидетельствуют древнегрузинские надписи – строительные и мемориальные. Они исполнены древнегрузинскими шрифтами “асмтаврули” и “нусха хуцури” на грузинском языке, частично же – на грузинском и аварском языках. Датируются они или X–XI вв., или XIII–XIV вв.

Грузинские источники повествуют о многосторонних контактах с Дагестаном. Сохранилось известие, позволяющее говорить о “существовании в Дагестане метрополии грузинской православной церкви”⁴⁴. Речь идет о сообщении, что в синодике XV в. одного из грузинских монастырей на Синае упоминается “Хунзахский католикос Окропири”. Сохранилась также приписка от 1310 г. к Евангелию, принадлежавшему М.А. Магалашвили, в которой сообщается, что в Дагестане существовало несколько епархий: Анцухская, Цахурская и Хунзахская. Есть еще одна малоизученная форма контактов грузинских и дагестанских народов в X–XV вв.: миграция отдельных групп населения или семей из Грузии в Дагестан и наоборот. Переселенцы приобретали вторую родину, усваивали местный язык, сохраняя при этом свою конфессиональную принадлежность. Не возвращались на родину также грузинские военнопленные. Обе эти категории со временем вошли в сельскую общину, инкорпорировались в местную социальную структуру. Следствие этого – наличие во многих аварских селениях тухумов “гергилал” (грузинский). В свою очередь, группы аварцев, цахуров и рутулов также находили пристанище в Грузии.

Очевидно, в ряде населенных пунктов были школы, где обучение шло на грузинском языке. Грузинский царевич Теймураз писал, что первоначально “кистины, глиглы и дзурдзуки говорили по-грузински и были христианами,

лезгины также были христианами”, но Тимур, захватив эти земли, “издал также строгое повеление, чтобы отнюдь лезгины не учились ни чтению, ни письму на грузинском языке. Язык грузинский остался только в стране Антцухской”⁴⁵.

§ 3. Тюркский мир и Дагестан

Этнополитические процессы на Северном Кавказе X–XIV вв. были закономерным продолжением событий раннесредневекового периода, которые завершились возникновением тюркского массива, в составе трех крупных народов – кумыков, карачаевцев и балкарцев.

В X–XV вв. тюрки проникали в Дагестан и с севера и с юга. В лице кипчаков и сельджуков они находили пристанище в восточной части Дагестана, особенно в Дербенте и равнинных районах Дагестана. В 1067 г. был предпринят первый поход сельджуков на Дербент, когда сельджукский султан Алп-Арслан “послал своего хаджиба Сау-Тегина (Шоу-Текина) с отрядом регулярных войск (аскар) в ал-Баб”⁴⁶. В 1075 г. пограничная область была пожалована султаном Сау-Тегину “и имя последнего стало читаться в хутбе имени султана с кафедры (мечетей) пограничной области”⁴⁷. До второй половины XII в. Дербент находился в зависимости от сельджукского султана, что только благоприятствовало проникновению тюркского элемента. Справедливо отмечалось, что “тюркское влияние в Дербенте было, и тюрки должны были играть там, особенно в военном деле, большую роль”⁴⁸. Грузинские летописи и исторические сочинения сохранили чрезвычайно ценные сведения о кипчаках на территории Северного Кавказа, которые играли важную роль в политической жизни Кавказа в целом. XI в. был периодом “гегемонии кипчаков” на Северном Кавказе⁴⁹. Перед монгольским нашествием кипчакско-огузские племена прочно освоили степные пространства Юго-Восточной Европы, известные в восточной литературе под названием Дешт-и-Кипчак, т.е. Кипчакской степи, в состав которой вошли и степи Северного Кавказа⁵⁰.

Хотя основная часть северо-кавказских кипчаков стала жить в центральном Предкавказье, немалое же число их поселилось и на равнине. Как сообщает грузинская хроника, царь Давид Строитель совершил в 1123 г. поход на Дагестан и одержал победу над “леками и кипчаками дербентскими”⁵¹. Кипчаки, разбитые в 1222 г. монголами в северо-кавказских степях, многотысячным отрядом проникли в Дагестан и достигли Дербента, ища поддержки у дербентского эмира Рашида⁵². Роль монгольских завоеваний в проникновении тюркского элемента в Дагестан была настолько значительна, что монгольский отряд, который проник в 1239 г. глубоко в горы, до селения Рича, назван в местной исторической хронике тюркским.

Памятником тюркской культуры является знаменитый могильник Кырхляр в Дербенте, относящийся к XI–XII вв. Тюрки не только способствовали упрочению или распространению ислама, но принимали участие в военно-политической жизни, в том числе в акциях, предпринимаемых местными феодальными правителями. Их военная сила была не только в распоряжении дербентского эмира. Если со слов ал-Гарнати “множество тюрков”

выступает как внушительная воинская сила на стороне дербентского правителя, совершившего в первой половине XII в. поход на жителей Зерехгерана, то еще раньше, в 1064 г., “владелец Серира собрал большое (джамман гафиран) неверных и различных тюрков и двинулся на ал-Баб”⁵³. В XI в. ворота Дербента имеют уже тюркские названия: “Кырхляр-капы”, “Баят-капы”, “Джарчи-капы”, “Туркмен-капы”. Сам Дербент называется также “Демир-капы”, а район Дербента впоследствии получил название “Улус магал”. Исследователями уже изучена богатая тюркская топонимическая номенклатура равнинных районов Дагестана, особенно между Дербентом и Избербагом.

Надписи на котлах из селения Кубачи зафиксировали имена мастеров меднолитейного дела (в одном случае – употреблен термин *саффар* – “медник”). Три мастера имеют кунью Мервези, т.е. Мервский, что связывает имя мастера со знаменитым Мервом, временной столицей государства Сельджукидов.

Этническое развитие тюркоязычных народов Северного Кавказа, будучи составной частью истории северокавказских народов, наложило отпечаток на все сферы жизни общества⁵⁴. Преобладающая часть ученых, изучавших данную проблему, рассматривает формирование тюркоязычных кавказских народов как автохтонный процесс, когда тюркоязычные кочевники, приняв существенное участие в формировании северо-кавказского этноса, имели непосредственное отношение к этногенезу всех народов Северного Кавказа. Начиная с VI в. на степных просторах Северного Кавказа происходили сложные и противоречивые культурно-этнические взаимодействия тюркских племен с автохтонным населением этого региона. Непрерывный, все возрастающий наплыв тюркских традиций захлестнул равнинные районы Северо-Восточного Дагестана, что привело к постепенному господству тюркского этнического ядра. Проникновение тюркских племен, а следовательно и распространение тюркского языка в северной части Дагестана, продолжалось и после распада гуннского объединения и связанного с ним болгарского союза. Этот процесс значительно усилился со времени образования Западнотюркского, а затем и Хазарского каганатов. Именно в хазарскую эпоху на территории Северного Дагестана наблюдается дальнейшая консолидация тюркских и местных этнических элементов⁵⁵.

Для дальнейшего формирования тюркоязычного населения Кавказа решающее значение имело длительное пребывание кипчаков в степях Прикубанья и Западного Прикаспия.

Как писал Я.А. Федоров, хотя проникновение тюркских элементов в Северо-Восточный Дагестан, возможно, имело место уже в хазарское время, процесс отюречивания этого района вступил в решающую фазу лишь в половецкую эпоху⁵⁶. С.Ш. Гаджиева высказала более определенное суждение: “Начавшийся еще со времени болгар, савиров, западных тюрков процесс тюркизации аборигенов Кумыкской равнины полностью завершился в период господства кыпчаков”⁵⁷. Вместе с тем она обратила внимание на ряд очень важных обстоятельств: кумыкский язык впитал в себя элементы огузских языков, “огузское влияние отчетливо прослеживается в диалекте южных кумыков”, которые испытывали это влияние не только с севера, но и с юга, “со стороны Азербайджана, который в XI в. подвергся вторжению огузских пле-

Селение Эндери

мен во главе с султанами из сельджукской династии”; что же касается кипчакских признаков, то они наиболее ярко выражены в хасавюртовском диалекте, который лег в основу кумыкского литературного языка⁵⁸.

Известный тюрколог Н.А. Баскаков отмечает, что кумыкский язык принадлежит к кипчакской группе (кипчако-огузской подгруппе) тюркских языков и что он имеет “в своей основе общие исторически отложившиеся болгарские, хазарские, а главным образом позднейшие узо-половецкие черты”⁵⁹. Признавая этот важный фактор этнополитической истории, а именно утверждение кипчакского языка в итоге длительных межэтнических контактов в Северо-Восточном Дагестане, ученые придерживаются, вместе с тем, того мнения, что процесс этот происходил на местной этнической базе. Отмечается, что “кумыки оформились как народность на местной основе, что в создании кумыкской народности главная роль принадлежит местным племенам”⁶⁰. Г.С. Федоров отмечает несколько этапов в истории становления кумыкского этноса. Первый этап – IV–VII вв. Это начальный этап тюркизации равнины, в основном – Терско-Сулакского междуречья, в это время возникли условия для образования основы тюркоязычной этнической общности⁶¹.

Следующий этап охватывает период VII – конец 40-х годов VIII в. Этническое развитие Северо-Восточного Дагестана шло в пределах Хазарского

каганата, где интегрировались кочевые племена, прибывшие сюда в гуннское время, хазаро-болгарские племенные объединения, аланское и местное автохтонное население. Именно здесь и сформировалась тюркская нация. Впоследствии тюркский этнический элемент в этом регионе стал господствующим в широком смысле слова. Все это происходило на фоне перехода кочевых племен к полуоседлому, а затем оседлому хозяйству⁶².

Следующий этап – IX–XIII вв. – связан с деятельностью огузов и половцев-кипчаков. Последние длительное время кочевали в степях Прикаспия, контактируя с населением Прикаспийского и Предгорного Дагестана. К концу этого периода кипчаки полностью попали под влияние высокой земледельческой культуры и вели оседлый образ жизни. Именно в эту эпоху “первоначальное ядро, сложившееся в эпоху Хазарского каганата, превращается в обширную тюрко-язычную зону, в состав которой вошел весь Северо-Восточный Дагестан. В этот период происходит внедрение в местную этническую среду половецко-кипчакского языка”⁶³.

Признание автохтонной линии возникновения кумыкской народности не является единственным мнением по проблеме этногенеза. Некоторые известные ученые придерживаются иной точки зрения, а именно миграционной теории, и расходятся между собой в определении времени заселения кумыками той территории, которую они занимают в настоящее время.

- ¹ Лихачев Д.С. В начале стоит слово // Литературная Армения. 1988. № 4. С. 5.
- ² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. Прил. С. 190.
- ³ Там же. С. 43. Подробно о Йазиде аш-Шайбани: *Ибн Халликан*. Тарих вифайат ал-айан ва нба абна аз-заман. Булак. Ч. II., 1275/1889 (на араб. яз.). С. 420; *Sachau E. Muhammedanischen Dynastien*. Berlin, 1923. S. 12.
- ⁴ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 46.
- ⁵ Там же. С. 64, 97.
- ⁶ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 190–191; *Al-Macoudi. Les Prairies d’or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille*. P., 1862. Т. II. P. 5–6.
- ⁷ История Азербайджана. Баку, 1956. Т. I. С. 129.
- ⁸ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 192.
- ⁹ Там же. С. 51.
- ¹⁰ Там же. С. 83.
- ¹¹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 44.
- ¹² См.: Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. Баку, 1983. С. 96.
- ¹³ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 49, 53.
- ¹⁴ Ашурбейли С.Б. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁵ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁶ Там же. С. 114–123.
- ¹⁷ Подробнее см.: Али-Заде А.А. Некоторые сведения о Ширване (до начала XII в.) // Изв. АН Азербайджанской ССР. 1947. № 12.
- ¹⁸ Ахмедов Г.М. Средневековый город Байлакан. Баку, 1979 (на азерб. яз.); Ашурбейли С.Б. Указ. соч. С. 176–182; Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха: IX–XVII вв. Баку, 1981. С. 113; История Азербайджана. Баку, 1979. С. 64–65; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 181–190; Кудрявцев А.А. Феодалный Дербент. М., 1993. С. 123–137, 161–164, 172–178.
- ¹⁹ Али-Заде А.А. Указ. соч. С. 12–13, 19.

- 20 История Азербайджана. Баку, 1979. С. 64.
- 21 Ашурбейли С.Б. Указ. соч. С. 140; Бартольд В.В. Место прикаспийских областей. С. 692; Он же. Ширваншах. С. 877.
- 22 Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940. С. 145.
- 23 Там же. С. 146–149.
- 24 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 236.
- 25 Ашурбейли С.Б. Указ. соч. С. 190.
- 26 Зевакин Е.С., Пенко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XIV вв. // Ист. зап. 1938. Т. 3. С. 90.
- 27 Ашурбейли С.Б. Указ. соч. С. 191.
- 28 Там же. С. 236.
- 29 Махмуд из Хиналуга. Событие в Дагестане и Ширване / Пер. с араб. и коммент. А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 1997. С. 42.
- 30 Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа: На арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. I. С. 204.
- 31 Нейматова М.Х. К истории изучения Ширвана. Баку, 1959. С. 16–17.
- 32 Махмуд из Хиналуга. Указ. соч. С. 49–51.
- 33 Лавров Л.И. Указ. соч. С. 143; Нейматова М.Х. Указ. соч. С. 86.
- 34 Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 28–29.
- 35 Картлис Цховреба. Тбилиси, 1955. Т. I. С. 345.
- 36 Ибн Ал-Асир. Указ. соч. С. 148.
- 37 Гамбашидзе Г. Вопросы христианской культуры и исторической географии Аварии в свете результатов объединенной дагестанско-грузинской археологической экспедиции АН ГрССР и СССР // IV международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983. С. 2.
- 38 Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 184.
- 39 Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 199.
- 40 О взаимоотношениях Грузии и Дагестана до XV в. и обзор литературы см.: Гасанов М.Р. Взаимоотношения народов Грузии и Дагестана (от древнейших времен до XV в.): Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1967; Он же. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала, 1991.
- 41 Цит. по: Гамбашидзе Г. Указ. соч. С. 10; см. также: Шмерлинг Р.О. Храм близ сел. Датуна в долине реки Аварское Койсу // Вторая научная сессия Института грузинского искусства: Тез. докл. Тбилиси, 1956. С. 9; Она же. Церковь в селении Датуна в Дагестане // Мацне. 1968. № 2. С. 211–218 (Тбилиси); История Дагестана. Т. I. С. 167, 219.
- 42 Там же. С. 6, 9.
- 43 Чикобава А.С. Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана // Сообщение Грузинского филиала АН СССР. Тбилиси, 1940. Т. I, кн. 4; Марр Н.Я. Албанская надпись // Краткое сообщение о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры. М., 1949. Вып. X; Гудава Т.Е. Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1954; Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963; Атаев Б.М. Аварцы. История, язык, письменность. Махачкала, 1996. С. 40–50; Тахнаева П.И. Христианская культура средневековой Аварии (VII–XVI вв.) в контексте реконструкции политической истории: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002.
- 44 Гамбашидзе Г. Указ. соч. С. 14.
- 45 Там же. С. 51.

- ⁴⁶ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 77.
- ⁴⁷ Там же. С. 79.
- ⁴⁸ Пахомов Е.А. О Дербентском княжестве XII–XIII вв. Баку, 1930. С. 6.
- ⁴⁹ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 37.
- ⁵⁰ Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
- ⁵¹ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей / Пер. с древнегруз. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 118. В тексте перевода вместо “леки” стоит “лаки”, но вариант “леки” точнее.
- ⁵² Ibn el-Athiri Chronicon quod perfektissimum inscribitur / Ed. C.J. Tornberg. Vol. XII: Upsoliae et Lugduni Batavorum. С. 264–265.
- ⁵³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 50.
- ⁵⁴ См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Федоров Я.А., Федоров Г.С. Указ. соч.; Федоров Г.С. Этническая история Северо-Восточного Дагестана: (проблема происхождения кумыков): Дисс. ... докт. ист. наук. Махачкала, 1995 (рукопись).
- ⁵⁵ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 39.
- ⁵⁶ Федоров Я.А. К вопросу об этногенезе кумыков // Науч. докл. высшей школы: Сер. ист. наук. М., 1958. Вып. 1. С. 109.
- ⁵⁷ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Баскаков Н.А. Классификация тюркских языков // Труды Института языкознания АН СССР. 1952. Вып. I. С. 41.
- ⁶⁰ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 44.
- ⁶¹ Федоров Г.С. Этническая история Северо-Восточного Дагестана. С. 15–16.
- ⁶² Там же. С. 22–23.
- ⁶³ Там же. С. 26.

Глава седьмая

Культура народов Дагестана в IV–XV веках

Материальная и духовная культура народов Дагестана достигла высокого уровня на фоне успехов политической, общественной и хозяйственной жизни в постоянном и активном взаимодействии с культурой других народов. Многовековые экономические и культурные связи с народами Кавказа, Ближнего Востока, Юго-Восточной Европы, Средней Азии лежат в основе того важнейшего фактора, что достижения мировой культуры стали достоянием и народов Дагестана.

В эту эпоху определился этнический облик Дагестана, сложились основные формы материальной и духовной культуры. Возникли крупные населенные пункты – административные, экономические, ремесленные и духовные центры, с развитым каменным домостроительством и оформлением основных видов монументальной горской архитектуры¹.

В горных и высокогорных районах в X–XV вв. проходил процесс образования крупных населенных пунктов. По своей внутренней структуре выделялось три типа поселений – однотухумные, территориально-тухумные и территориальные². Крупные населенные пункты формировались на базе как однотухумных, так и территориально-тухумных поселений. Нередко в качестве крупного пункта выступает не новое селение, а старое, за счет его экономического роста и политического расцвета.

В течение V–XV вв. серьезно изменился и облик городов. Если в V–IX вв. тип укрепленного поселения был доминирующим, то в последующем оборонительный фактор при градостроительстве стал второстепенным. В XI–XIV вв. потеряли свое значение многочисленные замки, крепости, цитадели, о которых писали арабские историки и географы IX–X вв.

Изменения в социальной, экономической и идеологической жизни сопровождались повсеместным подъемом различных видов монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства. Нет ни одной области художественного творчества, в которой не были бы созданы превосходные произведения, представляющие собой важную часть культурного наследия народов Дагестана. Искусство это достигло значительной степени совершенства, “прослеживается непосредственная преемственность традиций различных видов декоративно-прикладного искусства дагестанских народов с присущими им специфическими национально-этническими чертами и особенностями”³. Еще в раннем средневековье сформировались крупные центры художественной обработки металла, ювелирного производства, строительного дела, керамического искусства.

Раннесредневековый период истории Дагестана характеризуется расцветом городской культуры. Письменные источники упоминают свыше десятка городов на территории Дагестана: Дербент, Цри (Цахур), Шахристан-и Йездигерд, Беленджер, Семендер, Хумрадрж (Хунзах), Калакорейш, Урка-

рах, Балх, Варачан, Баланджар, Хамлидж, Чунгарс, а в более позднее время – Цахур, Губден, Зерехгеран, Кумух, Аркас, Жолаги и др. Город был центром как административно-политической, так и экономической, культурной и идеологической жизни.

Дербент был одним из самых крупных многолюдных и широко известных городов Кавказа. Он предстает перед нами не только как крупнейший торгово-ремесленный, политический и культурный центр, но и как один из древнейших городов мира⁴. Высокий уровень духовной культуры города оказывал влияние на многие соседние области. Многовековая история Дербента нашла отражение во многих памятниках мирового класса. Прежде всего, это всемирно известный грандиозный по своим масштабам оборонительный комплекс. Он состоит из трех частей: цитадель, Горная стена и городские стены (северная и южная). Строительство этого объекта шло в такой последовательности: цитадель и северная стена; южная стена, форты Горной стены и собственно Горная стена⁵.

Дербентские укрепления – замечательный памятник сасанидского фортификационного строительства. Две параллельно идущие стены протяженностью более 3,5 км каждая запирали Дербентский проход с запада на восток, направляясь от цитадели вплоть до моря. Здесь две стены, уходя в море, образовали гавань, закрытую цепью. На холме, в который упирались стены, была построена цитадель. За ней, вглубь гор, на расстоянии более чем 40 км шла Горная стена, которая составляла вместе с дербентскими городскими стенами и цитаделью единый комплекс и защищала город с западной стороны гор⁶.

Особое место в дербентском оборонительном комплексе занимает цитадель города (Нарын-кала) – резиденция правителей, место пребывания знати, воинского гарнизона, военно-административного аппарата. Цитадель, расположенная на возвышающемся над городом холме отрога Джалганского хребта, завершает на западе “движение” городских стен, она хорошо укреплена толстыми и высокими стенами, которые делают цитадель неприступной крепостью⁷.

Среди памятников строительной деятельности особое место по своему значению и совершенству принадлежит культовым сооружениям города. Ранним памятником культового зодчества является Джума-мечеть – один из ярких архитектурных ансамблей города. Это значительных размеров вытянутое с запада на восток здание (длина 68 м, ширина 28 м).

Комплекс Джума-мечети включает также здание медресе, самого раннего из сохранившихся в Дагестане мусульманских высших учебных заведений. Медресе имеет тринадцать небольших размеров (2,8 × 3,4 м) секций – худжр, помещений для учеников. Центральное же помещение медресе – сравнительно больших размеров⁸.

Дербент выступает, таким образом, не только в качестве столицы феодального владения, торгово-ремесленного и политико-административного центра, но и культурного очага высокохудожественных произведений архитектуры и декоративно-прикладного искусства.

Строительная деятельность развернулась во всем Дагестане, несмотря на периоды (походы арабов, монгольских войск, Тимура), когда на равнине и в предгорных районах шла война.

Сохранились надписи и записи X–XV вв. о строительстве мечетей в Кочхюре, Каракюре, Ихреке, Дербенте, Гельмеце, Цахуре, Хиве, Калакорейше, Хнове, Рутуле, Шиназе, Рича, Мишлеше, Кубачи, Хпедже, Тама, Гуладти, минаретов в Дербенте, Цахуре, Кубачи, Корода, ханаки в Рутуле, крепостей в Тпиге, Ахта, Рича, Цахуре, частных зданий в Гельмеце, Рутуле, Мишлеше, Хунзахе.

Если судить по приведенным выше данным, создается впечатление, что строительство развернулось, в основном, в Южном Дагестане. Но это кажущееся представление, так как в Центральном и Западном Дагестане учет строительной деятельности начался на два-три века позднее. Поэтому можно сделать вывод, что возведение гражданских объектов происходило во всех горных районах Дагестана.

К замечательным памятникам культового зодчества X–XIV вв. относятся здания мечетей в селениях Каракюре (ныне Докузпаринский район), Зиль (ныне Табасаранский район), Калакорейш (ныне Дахадаевский район), Рича (ныне Агульский район), Тпиг (ныне Агульский район).

В строительном деле отражена и важная роль христианства в Нагорном Дагестане. Замечательным памятником христианского культового зодчества является храм близ села Датуна, который датируется концом X или же XI в. Остатки церквей обнаружены в селениях Хунзах, Тидиб и др.

К XIII–XIV вв. относится строительство в Дагестане башен, функционально различающихся (оборонительные, жилые, сигнальные или же совмещающие в себе несколько функций). Существовала целая система сигнальных и наблюдательных башен (вдоль Аварского Койсу). Они имели или квадратную (Буршаг, Анцух, Урада, Мокок, Гочоб, Мусрух, Хиндах, Мазада, Кособ, Кахиб, Гоор, Корода, Ругуджа, Хотода, Гамсутль, Тидиб, Гента и др.) или круглую формы (Ицари, Кули, Хуштада, Шеляги и др.). Найдена также серия башен, построенных на границе отдельных обществ.

Можно предположить, что в XV–XVI вв. строительство башен и крепостей в основном уже практиковалось.

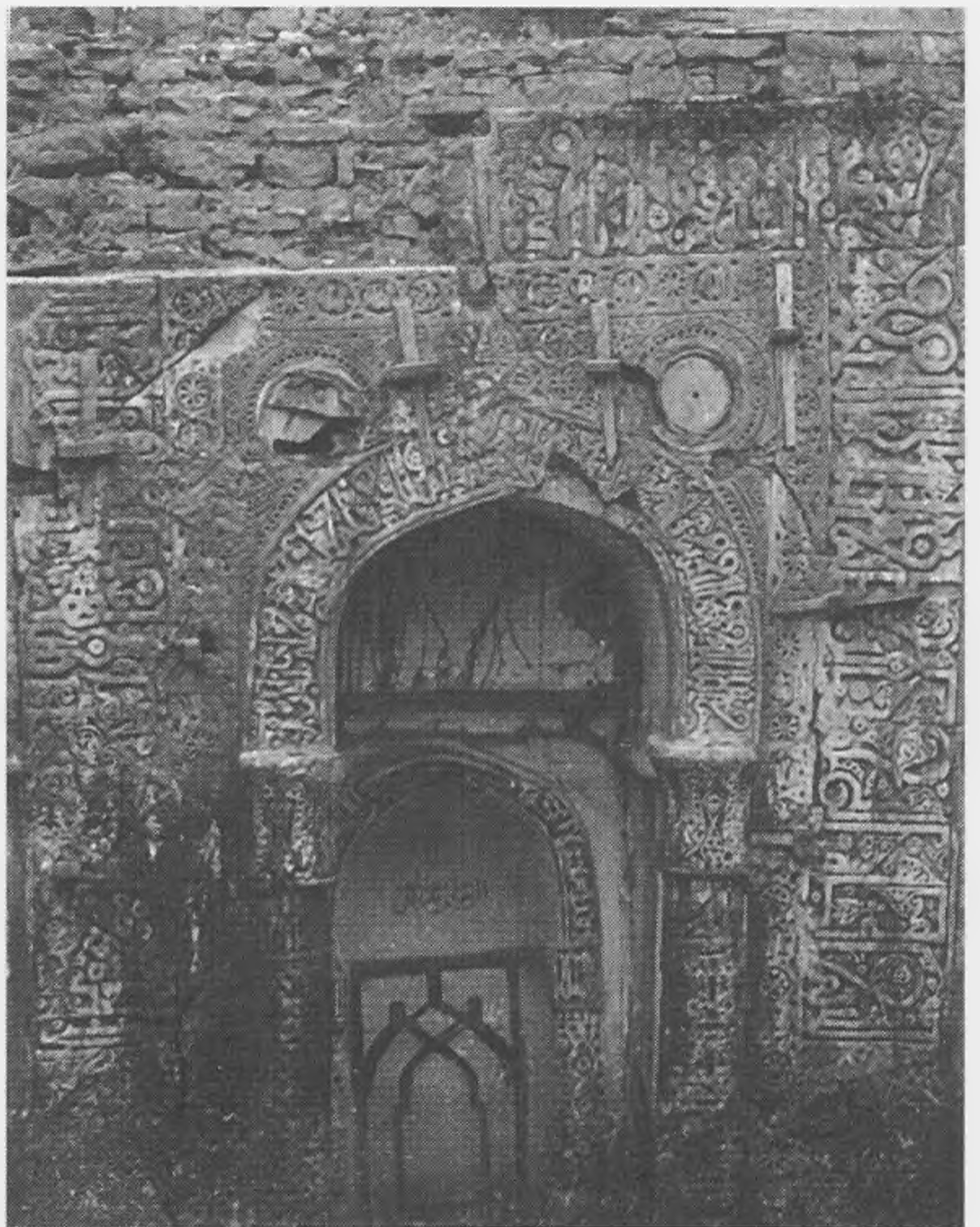
Искусство Дагестана представлено также выдающимися образцами художественной резьбы по камню и по дереву (строительные и благопожелательные тексты, опорные столбы культовых сооружений, деревянные детали гражданских сооружений и т.д.). Вызывают интерес изделия художественной керамики и обработки камня⁹.

Художественная обработка камня – один из древних и широко распространенных видов народного искусства. Резной камень представлен в средневековом Дагестане многочисленными образцами. Им украшали прежде всего здания и мемориальные сооружения и комплексы. Резьба по камню имела сходные черты с такими видами декоративно-прикладного искусства, как художественная обработка дерева и металла.

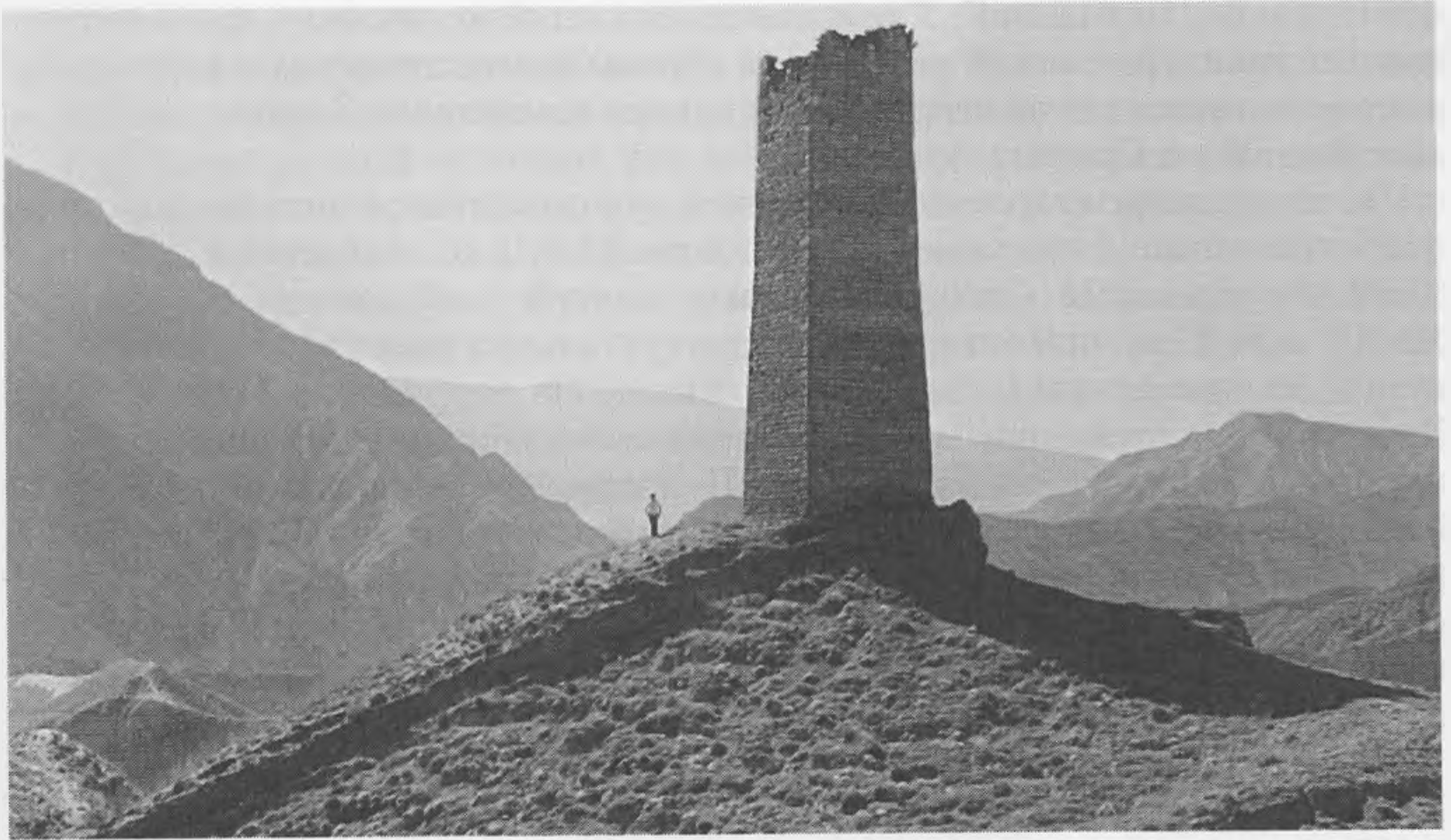
Искусство резьбы по камню представлено также многими типами орнамента: графический (или повествовательный), геометрический, ленточный и растительный. Формировался ряд центров этого искусства. К числу крупных центров художественной культуры Дагестана относится селение Кубачи, сосредоточившее в стенах своих зданий множество каменных рельефов XIII–XV вв., деталей архитектурного декора с изображениями животных, птиц, людей, фантастических существ с надписями и растительными орна-

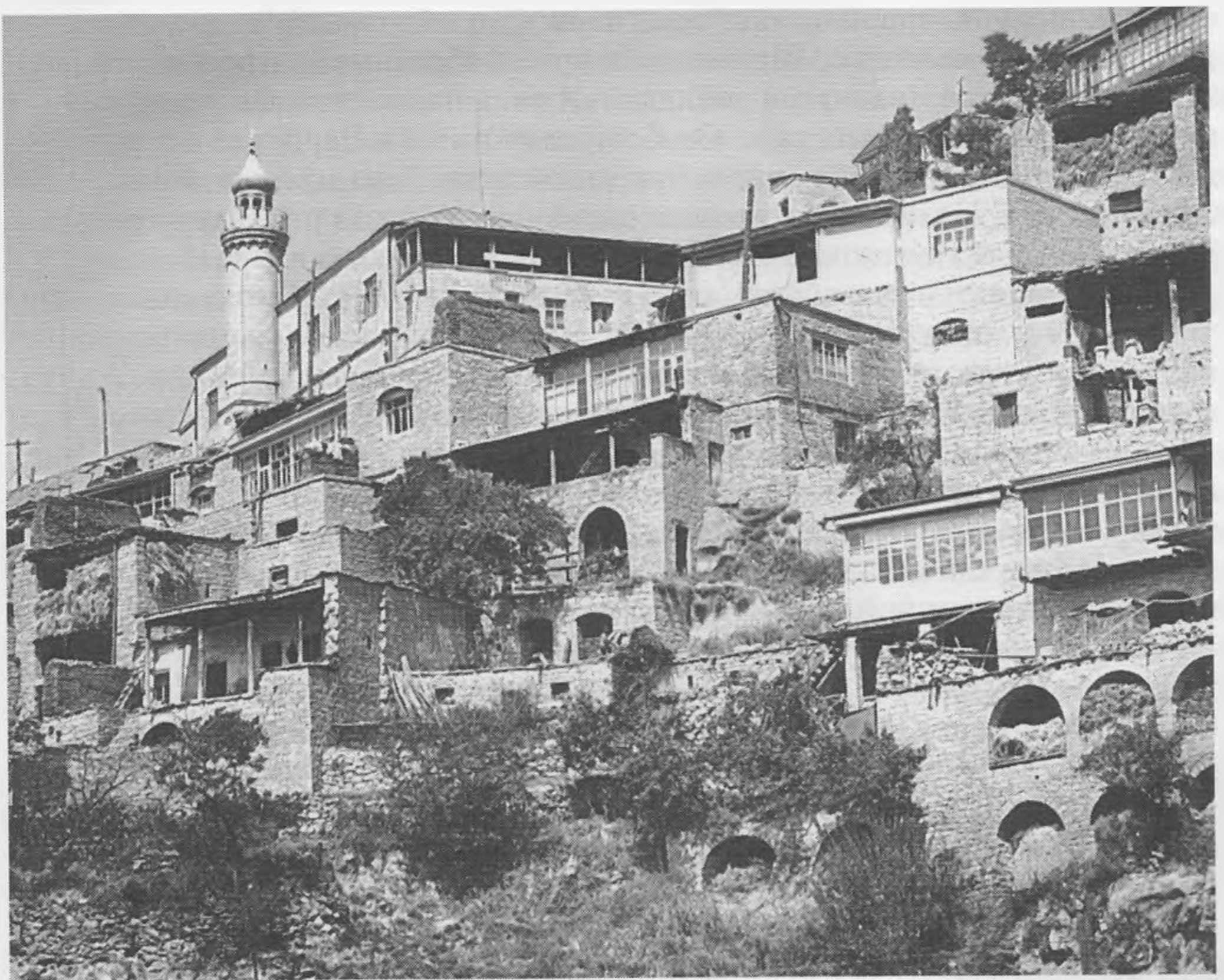
*Селение Каракюре. Штуковое панно. Мечеть
(по П.М. Дебирову)*

*Калакорейш. Штуковый михроб.
XII-XIII вв.*

Селение Муни. Башня

Селение Согратль

ментальными мотивами¹⁰. Как установлено исследователями, орнаментальные мотивы кубачинских рельефов и образы фантастических животных характерны также для архитектурного декора памятников Закавказья, Ближнего Востока и Средней Азии¹¹.

К числу первоклассных памятников художественной резьбы по камню относятся также базы каменной колонны XI–XII вв., найденные в селении Хунзах¹², каменные базы деревянных колонн (сохранилось 17) мечети XI–XII вв. в Хиве, не повторяющие друг друга ни по высоте и общему рисунку, ни по орнаментальному оформлению¹³. На территории Центрального Дагестана обнаружено немало доисламских памятников, в том числе христианских. Они датируются в пределах XII–XV вв. Это внушительных размеров каменные кресты (или их фрагменты) из селений Кудутль (Гергебельский район), Хунзах (Хунзахский район), Унты (Гунибский район), Цулда (Чародинский район), мемориальные плиты (или их фрагменты) из Согратля, Ругуджи, Куллы и Короды (Гунибский район), Телетля (Советский район), Дусраха (Чародинский район), две мемориальные плиты из селения Аттал (Рутульский район) с надписью на армянском языке, каменные стелы с изображением крестов или грузинскими надписями¹⁴.

Среди памятников резьбы по камню особое место занимают надмогильные памятники с текстами-эпитафиями. Надмогильные сооружения XI–XV вв. делятся на три обширные группы: сундукообразные (горизонтальные полуцилиндрические, или саркофагообразные), прямоугольные вертикальные (несколько вариантов) и крестообразные (антропоморфные). Сундукообразные (или полуцилиндрические) надмогильные памятники – наиболее древние в Дагестане. Они сосредоточены в Дербенте и в прилегающих к нему селениях (Гимейди, Рукель, Метаги, Дарваг, Ерси, Зиль и т.д.), а также в ряде селений Кайтагского (особенно Уркарах и Калакорейш), Табасаранского, Ахтынского, Сулейман-Стальского районов.

Древнейшее из них обнаружено в Дербенте – это горизонтальное надгробие 469 г. хиджры (1076–1077 г.)¹⁵. Надгробие расположено примерно в 200 м к югу от южной дербентской стены, близ цитадели. Оно отличается значительными размерами: 345 см длины по верху при высоте 81 см и ширине 69 см цокольного основания. По продольным сторонам идет изящная плоскорельефная эпиграфическая лента с арабским текстом почерком куфи, а торцовые поверхности имеют простую врезную надпись почерком насх. Многие (более 40) подобного рода памятники находятся за северной городской стеной на участке, известном под названием Кырхляр (сороковник). Идентичные надгробия были в значительном количестве (по данным специалистов – около 100) в селении Уркарах (ныне Дахадаевский район), расположенном в Горном Дагестане. Сейчас там сохранилось лишь несколько таких памятников. По надписям их также можно отнести к XI–XII вв. В Калакорейше, бывшей столице Кайтага, саркофаг содержит как изобразительные, так и орнаментальные мотивы и куфические надписи, позволяющие датировать его XIII–XIV вв. Саркофаг 1446 г. из Дербента содержит благожелательные и информативные тексты. Он был установлен на могиле “эмира великого, величайшего борца за правое дело, мученика за веру Ифтихара”, коменданта Дербента и брата правителя города¹⁶.

Стеловидные надгробья многовариантны, самые ранние из них датируются XI–XII вв., но основная часть – XIII–XV вв. В некоторых поселениях в большом количестве сохранились надмогильные плиты, которые представляют собой ценный источник для историка и искусствоведа. Немало осталось и каменных плит с мемориальными текстами того времени. Особенно много их в Южном и Центральном Дагестане, в частности в селениях Цахур, Гельмец, Мишлеш, Тпиг, Рутул, Аракул, Фите, Рича, Ихрек, Лучек, Шиназ, Хнов, Татиль, Хелипенджик, Хучни, Бурнханкент, Варсит, Ахты, Шеляги, Хив, Архит, Апши, Худуц, Хунзах, Кадар, Орта-Стал, Ашильта, Карчаг, Хпедж, Шимихюр, Испик, Ашага-Сталь, Тама, Гуладти и во многих других селениях или же их окрестностях.

Крестообразные плиты, или плиты с резко выраженными плечиками, обнаружены в Джули (XII–XIII вв.), Цахуре (1396 г.), Хиве (XIV–XV вв.) и ряде других селений, главным образом Хивского и Табасаранского районов.

Уникальные произведения резьбы по дереву, одного из традиционных видов декоративно-прикладного искусства Дагестана, достойно представляют художественную культуру дагестанских народов. Во многих селениях сохранились образцы средневековой художественной резьбы по дереву. Восхищение искусствоведов вызывают деревянные двери мечети селения Калакорейш (Дахадаевский район), мечетей сел Джихбахни (Кайтагский район), Зирдаг (Хивский район), цельные фигурные столбы XI–XII вв. соборной мечети селения Рича (Агульский район), снабженный куфическими надписями столб из Тпига (Агульский район), колонны XV в. мечетей селений Шири, Буршаг, деревянный минбар из Кубачи (XV в.), резные деревянные детали интерьера сел Ицари (XV–XVI вв.)¹⁷. Резное дерево широко применялось в декоративном оформлении интерьеров жилищ. Значительное место в интерьере занимал “цагур” – специальное помещение для продовольственных и других запасов. Ряд древних жилищ XIV–XVI вв. сохранился в Советском, Гумбетовском, Тляратинском, Гунибском, Цунтинском и других районах Дагестана¹⁸.

Наряду с художественной резьбой по камню и дереву значительное место в творчестве средневековых дагестанских мастеров занимала обработка металла. В этой области огромный интерес представляют бронзовые котлы из селения Кубачи. Наиболее древние из них – это три котла открытого типа полусферической формы, цельнолитые, с бортиком, снабженным четырьмя выступами, дающими в плане крестообразную форму. Надписи на бортиках донесли имена изготовителей бронзовых котлов. Первый котел имеет надпись: “Сделал Ахмад б. Али (?) Марвази (? = Марваруди ?)”, второй – “Сделал Абу Бакр б. Ахмад Марвази”, третий – “Сделал Ахмад б. Махмуд ал-Марвази”¹⁹. Котлы датируются соответственно XI–XII, XII–XIII, XIV вв.

Важное значение в истории средневекового Дагестана принадлежит дагестанскому селению – устойчивому центру традиций материальной и духовной культуры. Крупные селения – столицы феодальных владений или союзов сельских обществ были и очагами непрерывного, начиная с раннего средневековья, культурного процесса. Такие селения, как Тарки, Хунзах, Ашты, Тпиг, Кумух, Акуша, Уркарах, Ицари, Худуц, Чох, Согратль, Урада, Бежта, Анди, Каракюре, Калакорейш, Ахты, Хучни, Зиль, Джули, Мишлеш, Шиназ, Рутул, Цахур, Корода, Кахиб, Кубачи, Хив совмещали в себе

Литой бронзовый котел кубачинского производства. XIV–XVI вв.

функции административных, торгово-ремесленных и культурных единиц, не уступая городам по интенсивности влияния на всю округу. Дагестанские селения, вернее, их роль в формировании культурного облика микрорегиона или же более обширных территориальных единиц дают возможность пересмотреть сложившиеся представления о том, что только города шли в авангарде культурной жизни.

Большое место в духовной жизни дагестанского общества занимали письмо и памятники письменной культуры. В Дагестан проникло среднеперсидское (пехлевийское) и грузинское письмо. Но в наибольшей мере была распространена арабская письменность. О сравнительно высокой грамотности населения, о наличии грамотеев-резчиков свидетельствуют среднеперсидские надписи Дербента, датируемые VI–VII вв.²⁰ На существование грузинского и грузино-аварского письма указывают многие надписи на крестах XIII–XIV вв. Имеются также сведения о преподавании грузинского языка в аварских школах во второй половине XIV в.

Наибольшее же распространение получил в Дагестане арабский язык. Начальный этап его проникновения связан с арабскими завоеваниями, точнее, с большим притоком этнических арабов во время этих завоеваний.

Прошло около 1400 лет с того времени, когда на территории Дагестана впервые прозвучала арабская речь, и вплоть до первой четверти XX в. араб-

ский язык предстает перед нами как один из самых важных факторов культурной и идеологической жизни дагестанского общества.

Во второй половине VII–VIII вв. большой контингент арабских войск и арабского населения обосновался в районе Дербента. Арабы продолжали проникать в Дагестан вплоть до XVII в.²¹ Однако количество иммигрантов постепенно уменьшалось.

Весь комплекс культурно-исторических факторов содействовал небывалому росту изучения арабского языка среди местного населения. Принятие ислама (VII–XVI вв.) сопровождалось не только строительством мечетей, но и созданием школ-медресе – очагов грамотности. Первые медресе возникли здесь в конце XI в., а впоследствии их количество возрастало. Со временем они были почти в каждом крупном дагестанском селении. Нарративные источники и данные эпиграфики сохранили известия о строительстве медресе в Цахуре, Дербенте, Кубачи, но имелись они и в других крупных населенных пунктах.

С распространением ислама, строительством мечетей и медресе, прибытием многих тысяч арабов связано поступление сюда рукописных книг из городов Арабского халифата, сочинений по многим отраслям науки, учебных пособий. Их привозили из Сирии, Египта, Ирана, Азербайджана, Средней Азии и других областей. Многие из сочинений, поступавших извне, особенно Коран, труды по грамматике арабского языка, суфизму, лексикографии, мусульманскому праву, логике, этике, экзегезу, переписывались местными катибами. Именно так распространялись рукописные книги в Дагестане. У нас нет данных о более раннем времени, но можно утверждать, что в XIV–XV вв. единичные экземпляры переписывались местными катибами. В результате систематических поисков ученые выявляют все новые и новые экземпляры сочинений арабских авторов, скопированных в Дагестане. Среди катибов конца XV в. часто встречаются имя Харуна, сына Ахмада Ширини (из села Шири), “специализировавшегося” в основном на переписке трудов ал-Газали.

В 1493 г. он выполнил две копии Корана, которые хранились потом в селениях Куни и Шири. Харун, сын Ахмада, был превосходным профессиональным каллиграфом. Своим отличным почерком “слабейший раб Аллаха Харун, сын Ахмада из селения Ширини” переписал две части (два китаба) знаменитого трактата “Ихйа улум ад-дин”. Это было в 1495 и 1497 гг. Каждый kitab переписывался в течение двух лет²².

Новым выдающимся событием в истории книжной письменной культуры Дагестана в X–XV вв. стало создание собственной оригинальной дагестанской литературы. Первыми местными произведениями были исторические сочинения, наиболее древние из которых можно отнести к X в.

Среди важнейших произведений, написанных на арабском языке дагестанскими учеными, следует отметить: “Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик” – суфийский трактат Абу Бакра Мухаммада ад-Дербенди; “История Ширвана и Дербенда” (составлено в 1106 г.); “Вакф ал-мурад” – правовое и этическое произведение Ахмада ал-Йамани; “Тарих Дагестан” – исторический свод Мухаммада Рафи (XIV в.); историческая хроника Махмуда Хиналугского, составленная в 1456 г. и др.

Абу Бакр Мухаммад ад-Дербенди родился между 1058 и 1068 г. в Дербенте, в квартале Химс, населенном главным образом арабскими переселенца-

ми. Его сочинение “Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик” – наиболее ранний из дошедших до нас трактатов и представляет собой один из старейших на Востоке трактатов по суфизму²³. Это фундаментальная энциклопедия суфийских терминов, морально-этических терминов, “важнейших с точки зрения теософии религиозно-правовых установок и ритуальных предписаний, а также общеисламских понятий в суфийской интерпретации”²⁴.

В 847/1443–1444 г. было написано первое из известных нам местных сочинений по этике и ритуалу. Оно принадлежало перу жителя Кумуха, переселившегося в свое время из Йемена, – Ахмада ибн Ибрахима ибн Мухаммада ал-Йамани, и называлось “Вафк ал-мурад” (“Соответствие предмету желаний”). Ахмад ал-Йамани был крупным и известным ученым, проповедовал в Каирском университете “ал-Азхар”, затем по поручению “Халифа посланника Аллаха” был послан в “вилаят Гумик” для пропаганды ислама и знаний²⁵.

“Вафк ал-мурад – одно из самых ранних сочинений, созданных в Дагестане по сулуку, т.е. системе норм нравственного поведения мусульманина. В него был включен минимум основных сведений об исламе.

Наиболее широкое распространение получили, как уже отмечалось, исторические рассказы и сочинения. Наиболее крупное и раннее из них – “История Ширвана и Дербенда”²⁶ – фундаментальное историческое сочинение о событиях от последней четверти VIII в. до 1075 г. Оно было закончено в 1106 г.

“История Ширвана и Дербенда” содержит обширные и достоверные сведения, поэтому она является ценнейшим источником по раннесредневековой истории Восточного Кавказа, и в первую очередь – Дагестана. Этот труд ярко и довольно подробно характеризует многие стороны военно-политической жизни, земельных отношений, социальной структуры. При анализе политических событий на первый план выдвинут вопрос о взаимоотношениях Ширвана, Дербента и дагестанских феодальных владений, особенно Серира, Хайдака, Караха и т.д.

К памятникам региональной историографии относятся так называемые малые хроники (“История Абумуслима”, “Ахты наме”, “История Чиркея” и др.).

Один из самых сложных и в то же время чрезвычайно интересных памятников – историческое сочинение “Тарих Дагестан” Мухаммада Рафи. Оно представляет собой свод различных отрывков и документов, внешне как будто бы случайно собранных вместе, но объединенных одной общей идеей²⁷. Оно ставит целью идеологически обосновать власть феодальных правителей Дагестана, и прежде всего было апологией могущества газикумухского шамхала, т.е. носило официальный характер, пропагандируя идею неизбежности исламизации всех районов Дагестана.

Исключительно ценным историческим источником является также пока малоизвестное в научных кругах сочинение – хроника Махмуда Хиналугского²⁸. Она составлена в 1456 г. и посвящена событиям на Восточном Кавказе в конце XIV – середине XV в. В ней речь идет о деятельности Тимура в Дагестане, о его взаимоотношениях с правителями Ширвана и Дагестана, о контактах дагестанских правителей (особенно шахмалов и уцмиев) между собой и Ширваном. Хроника не только рассказывает о военной деятельно-

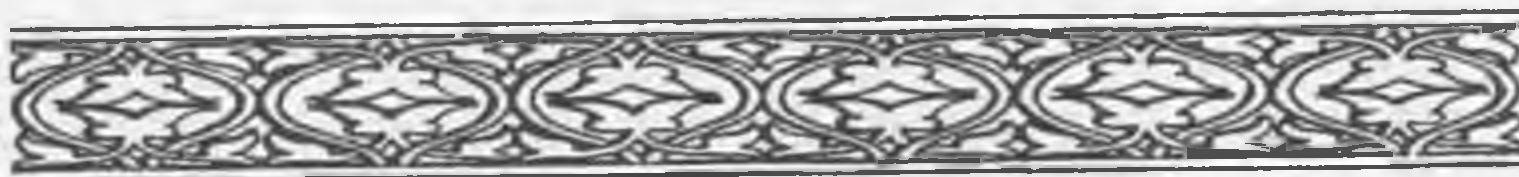
сти Тимура, но уделяет также значительное внимание политике известного завоевателя по поддержке в Дагестане условных форм земельной собственности и укреплению позиций ислама.

Анализ этих сочинений позволяет сделать вывод, что в X–XV вв. сформировалась местная историческая традиция, как в городах, так и в отдельных селениях и областях. Эта литература многогранна. Она затрагивает как религиозные вопросы, так и географические, историко-биографические проблемы.

- ¹ История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 216.
- ² Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 80–88; *Гаджиева С.Ш., Османов М.З.-О., Пашаева М.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 111–112; *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 248–249; *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в XI–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 97–108; Агулы. Махачкала, 1975. С. 73–81.
- ³ *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1989. С. 143.
- ⁴ *Козубовский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906; *Артамонов М.И.* Древний Дербент // Сов. археология (СА). 1946. Т. VIII; *Кудрявцев А.А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1975; *Хан-Магомедов С.* Дербент. Горная страна. Аулы Табасарана. М., 1979; *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М., 1984; *Он же.* Феодальный Дербент. М., 1993; *Он же.* Мусульманский город Дагестана. М., 1994.
- ⁵ *Хан-Магомедов С.О.* Раннесредневековая горная стена в Дербенте // СА. 1960. № 1; *Кудрявцев А.А.* Город, не подвластный векам. С. 97, 100, 103.
- ⁶ *Пахомов Е.А.* Крупнейшие памятники сасанидской истории в Закавказье // Проблемы Государственной академии истории материальной культуры. 1933. № 9/10; *Хан-Магомедов С.О.* Раннесредневековая горная стена...
- ⁷ *Хан-Магомедов С.О.* Стена и башни Дербентской крепости // Архитектурное наследие. 1964. № 17.
- ⁸ Там же. С. 136–137.
- ⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 250–252; История Дагестана. Т. I. С. 220–221; *Дебиров П.М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966; *Маммаев М.М.* Указ. соч.; *Алиханов Р., Иванов А.* Искусство Кубачи. М., 1976.
- ¹⁰ *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избр. тр. Ереван, 1963; *Алиханов Р., Иванов А.* Указ. соч. С. 174; *Маммаев М.М.* Указ. соч. С. 85–100.
- ¹¹ *Дебиров П.М.* Резьба по камню в Дагестане. С. 29.
- ¹² Там же. С. 28; *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана // Резные камни. М., 1931. С. 71–72.
- ¹³ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. С. 187–191.
- ¹⁴ См.: *Дебиров П.М.* Резьба по камню в Дагестане. С. 30–32, 122–130. Рис. 49–65.
- ¹⁵ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1. С. 61–62, 174–176, 266 (табл. 11, 10).
- ¹⁶ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. С. 15–20, 124–126, 381–384; *Рагимов А.Г.* О касидах, посвященных бадром Ширвана правителю Дербента амиру Исфандийару и коменданту крепости амиру Ийтихару // Изв. Азерб. ССР. Сер. ист., филос. и права. Баку, 1978. Вып. 1. С. 56–59.
- ¹⁷ *Башкиров А.С.* Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш. М., 1928; *Дебиров П.М.* Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982. С. 44–47; *Маммаев М.М.* Указ. соч. С. 123–124.

- ¹⁸ Бакланов Н.Б. Архитектурные памятники Дагестана. М.; Л., 1935. С. 43; Мовчан Г.Я. Из архитектурного наследия аварского народа // Сов. этнография. 1947. № 4. С. 187–199; Дебиров П.М. Резьба по дереву в интерьере дагестанского жилища // Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974; Исламмагомедов А.И. Некоторые вопросы эволюции дагестанского жилища // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1965. Сер. ист. Т. XIV. С. 261–263.
- ¹⁹ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. С. 428–432.
- ²⁰ Пахомов Е.А. Пехлевийские надписи Дербента // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. 1929. № 8. Вып. V; Он же. К истолкованию пехлевийских надписей Дербента // Известия Азербайджанского научно-исследовательского ин-та. Баку, 1930. Т. I, вып. 2; Касумов С. Новые средневековые надписи из Дербента // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987; Гаджиев М.С. Находки среднеперсидских надписей в Дербенте // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. Ростов н/Д, 1998.
- ²¹ См.: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969. С. 212–215.
- ²² О списках сочинений ал-Газали в Дагестане см.: Shikhsaidov A.R., Khalidov A.B. Manuscripts of al-Gazali's works in Daghestan // Manuscripta Orientalia. SPb.; Helsinki, 1997. Vol. 3, № 2. June.
- ²³ Саидов М.-С. Рукопись Абу-бакара Мухаммада, сына Мусы, сына ал-Фараджа ал-Дербенди “Райхан ал-Хакаик ва бустан ад-дакаик” (“Базилик истин и сад тонкостей”) // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991.
- ²⁴ Аликберов А.К. “Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик” Мухаммад ад-Дарбанди как памятник мусульманской историографии (конец XI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991. С. 7–8; Он же. Ад-Дарбанди // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1996. Вып. 1. Фундаментальное исследование творчества ад-Дарбанди см.: Он же. Эпоха классического ислама в Дагестане. М., 2003.
- ²⁵ Шихсаидов А.Р. Ахмад ал-Иамани // Ислам на территории бывшей Российской империи. Махачкала, 1000.
- ²⁶ Minorsky V. History of Sharwan and Darband in the 10–11-th centuries. Cambridge, 1958; Заходер Б.Н. Рец. на кн.: Minorsky V. History of Sharwan and Darband // Проблемы востоковедения. 1959. № 2.
- ²⁷ Derbend – Nameh or the History of Derbend / Transl. from a select turkish version and published. by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851. P. 559–677; Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника “Тарих Дагестан” // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. М., 1977; Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. С. 85–108.
- ²⁸ Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване. Махачкала, 1997.

Раздел третий
Дагестан
в XVI–XVIII веках

Глава первая

Экономическое, политическое и культурное развитие Дагестана в XVI–XVII веках

§ 1. Этническая карта

Этнический состав населения Дагестана XVI–XVII вв., как и в предыдущий период истории, продолжал оставаться довольно пестрым. Вследствие происходивших в этот период миграционных процессов этническая карта региона стала еще более сложной. Этнолингвистическое разнообразие Дагестана выражалось в том, что на его территории проживало приблизительно столько же коренных и кавказских народностей, сколько их проживает сейчас, т.е. более 30.

Однако их количественное соотношение в XVI–XVII вв., видимо, было несколько иным. Трудно назвать их количество и конкретизировать регионы их расселения. Источники этого времени позволяют осветить вопрос лишь расселения народов Дагестана.

По сообщению от 1404 г. Иоанна де Галонифонтибуса, в Дагестане проживали кипчаки, кумыки, авары, грузины, сарацины, даргинцы, лезгины и лакцы. Этот же автор писал, что в Дагестане “на равнине и у подножия гор проживают различные народности и каждая имеет собственный язык”¹. По его сведениям, в Дагестане проживало “много христиан, а именно: греки, разные армяне, зики, готы, таты, воляки, русские, черкесы, леки, йассы, аланы, авары, казикумухи и почти все они говорят на татарском языке”.

За последующие 200 лет окончательно оформилась география расселения дагестанских народов, которая до настоящего времени почти не изменилась.

Как известно, многочисленные народы и этнографические группы Дагестана относятся к иберийско-кавказской, тюркской и иранской семьям языков. Дагестано-нахская ветвь кавказско-иберийских языков образует несколько групп: 1) аваро-андо-цезскую (аварцы, андийцы, ахвахи, багулалы, годоберинцы, ботлихцы, каратины, тиндалы, чамалалы, дидойцы, бежтинцы, хваршины, гинухцы и гунзибцы; 2) даргинскую (даргинцы, кайтаги и кубачинцы); 3) лезгинскую (лезгины, рутульцы, агульцы, табасаранцы, цахуры и арчинцы); 4) лакскую. Значительную группу составляют тюркоязычные народы – кумыки, ногайцы, азербайджанцы, терекменцы, тюменцы, татары. К ираноязычной группе населения Дагестана относятся таты и горские евреи².

Еще с XV–XVI вв. в северо-восточном районе Дагестана, в частности в устье р. Терек, проживало много русских “воинских” людей, казаков, беглых, “гулящих” людей. Там же жили выходцы из всех областей Северного Кавказа – осетины, кабардинцы, чеченцы, аккинцы, а также Закавказья – армяне, грузины и т.д.

В XVI–XVII вв. в Дагестане было два способа заселения – компактный, т.е. на так называемой этнической территории, и смешанный (рассеянный), когда отдельные представители инонациональных групп оказывались среди этнического большинства. Но в принципе преобладало, видимо, компактное расселение местных народов.

Кумыки составляли основное население Терско-Сулакского междуречья в XV–XVII вв. Это видно из приведенного выше отрывка из труда И. Галонифонтибуса, а также из сообщений А. Олеария и Э. Челеби. При этом Олеарий называл кумыков кумуками, дагестанскими или тарковскими татарами³. Турецкий географ-путешественник Э. Челеби также писал о “племени кумык”, которое владело крепостью Эндирей, и о кумыкском народе, заселявшем территорию до самого Каспийского моря. По его словам, население Северного Дагестана знало языки персов, грузин, черкесов, кумыков, калмыков, кайтаков, моголов, боголов, хешдеков, русских, московитов, лезгин, кахтани, кипчаков, чагатайцев и прочих народов⁴.

Интенсивно росло в этом регионе и русское население⁵. Оно оседало в создаваемых на Тереке российских крепостях, в частности в Терском и Сунженском городках. Последний был построен “на реке Терке усть Сююнчи реки... вблизи рубежа отделявшего Кабардинскую землю от Кумыцкой”⁶. Терский городок был возведен на протоке Терека Тюменке. В этом городке-крепости находилась царская администрация, базировались войска. В 1645 г. в Черкесской слободе Терского городка было 175 дворов черкесов, окочан (аккинцев), тезиков (таджиков) и “татар-закладчиков Муцала”⁷. В 1640 г. татарам принадлежали 43 двора и 7 кибиток⁸. По царским указам в Терском городке должно было служить 1,5–2 тыс. военных⁹. Многие из них после окончания срока службы поселялись в Терках, и постепенно количество русского населения в крепости возрастало.

В конце XVI – первой половине XVII в. в северной части Дагестана постепенно расселялись и аккинцы (чеченцы), активно включавшиеся в политическую жизнь региона. По поводу времени их появления, территории расселения, количеству и их роли в политической жизни Северного Дагестана у исследователей существуют разные мнения¹⁰. Бесспорен факт поселения части чеченцев-аккинцев и в Терской крепости в конце XVI в., которые образовали там Окоцкую слободу¹¹. В целом, в Северном Дагестане этническая пестрота была более яркой, чем в других частях региона.

Хотя и в меньшей степени, но тоже многонациональным был и Средний Дагестан, тянувшийся с севера от Сулака на юг до Табасарана. К югу от р. Сулак до Башлинской речки, т.е. в приморской части Среднего Дагестана, проживали кумыки. По этой территории (между Сулаком и р. Торкали) кочевали ногайцы¹². На большей части Среднего Дагестана жили кумыки, лакцы и даргинцы, вместе входившие в Казикумухское шамхальство до 40-х годов XVII в. Позже лакцы обособились, изгнав приехавшего к ним шамхала Сурхая, и создали собственное этническое государство, получившее в XVIII в. название Казикумухского ханства¹³.

Лакцы сами себя именовали лаками, а свою территорию – Лакрал-Кану. Другие народы Дагестана называли их по-разному. Аварцы называют лакцев тума, даргинцы – вулугуни, вулегуни, булекка, булукне и т.д. В XIX в.

лакцев чаще именовали казикумухами по названию их главного села Кумух или Кази-Кумух¹⁴. Цудахарцы (даргинцы) его называют Гумечи.

Лакцы в XVI–XVII вв., как и раньше, населяли Центральный Дагестан от восточного склона Турчи-дага, граничащего с Аварией, до пределов Дюльти-Дага, т.е. долину Казикумухского Койсу. У лакцев насчитывалось более 100 больших и малых сел, жители которых занимались издревле земледелием и животноводством, имели тесные хозяйственно-экономические связи с соседними народами как Среднего Дагестана (даргинцы, аварцы, кумыки), так и Южного (рутулы, агулы, лезгины).

В горном и предгорном районах Среднего Дагестана, а также в Прикаспийской низменности проживали и даргинцы, освоившие весьма неудобные для земледелия горные склоны, а также засушливое Левашинское плато. Им приходилось вкладывать огромный физический труд для создания искусственных посевных площадей – террасных полей, сооружением которых занимались жители почти всего Горного Дагестана.

Северные даргинцы образовали федерацию союзов сельских обществ, известную в исторической литературе под названием Акуша-Дарго. В нее входили Акушинский, Цудахарский, Мекегинский, Мугинский и Усишинский союзы сельских обществ. Значительная часть даргинцев входила в Кайтагское уцмийство, с которым были связаны и другие даргинские союзы сельских обществ (Сюрга, Каба-Дарго, Вуркун-Дарго). В целом даргинцы не сформировали единого политического или государственного образования и чаще называли себя по названию своего главного села – акушинцы, цудахарцы, урахинцы, губденцы и т.д. Соседние народы именовали их по такому же принципу. Лакцы всех даргинцев Нагорного Дагестана называли бартхи. Кумыки называли предгорных и нагорных даргинцев даргилярами. Отметим, что даргинцы называли кумыков диркаланти, аварцы – тляралял, лакцы – арниллса. Все эти названия кумыков означали одно и то же – жители равнин, степей¹⁵.

Давно известны границы территории аварцев и авароязычных народов. По мнению современных исследователей, территорию от Каспийской низменности, Предгорного и Нагорного Дагестана на запад через гребень Кавказского хребта до Алазанской низменности Грузии шириной 80 км и длиной более 200 км населяла аварская группа народностей. Южные скаты Андийского хребта и бассейн левого притока Андийского Койсу населяли андийцы и ботлихцы. Западнее их жили годоберинцы. По соседству с ботлихцами правобережье Андийского Койсу населяли каратинцы, багулалы, чамалалы, тиндинцы. Южнее каратинов на северном и восточном скатах Богосского хребта в верховьях Ахвахской речки, правого притока Андийского Койсу, жили ахвахи. Верховья Андийского Койсу населяли хваршины. На границах с Грузией, в долинах Монмата, Иланхеви, Кифири, Сабакунисхеви и Орицхали, проживали дидойцы. К юго-востоку от них, в бассейне рек Хван-ор и Самбурис-хеви Кедири, жили бежтинцы, генухцы и гунзебцы. Само название аварцев происходит от наименования общества, к которому они принадлежали (андалалы, гидатлинцы и т.д.), или по названию главного селения (андийцы, ботлихцы, каратины, тиндинцы, бежтинцы, хваршины, годоберинцы). Жителей сел, где разводили фруктовые сады, называли хиндалал. В отличие от других горских народов Дагестана, у аварцев имелось более общее название маарулал (горцы от “меэр” – гора)¹⁶.

Отметим, что лакцы называли аварцев яруса, а даргинцы – каракан, “къарахъа” (цудахарцы).

Столь же полиэтничным был и Южный Дагестан, где проживали табасаранцы, лезгины, рутулы, агулы, цахуры, азербайджанцы, персы, терекменцы, евреи, таты, закатальские аварцы и т.д. В горах и предгорьях Дагестана до районов, непосредственно примыкающих к южной части Прикаспийской низменности, жили табасаранцы. Весь Предгорный и Нагорный Южный Дагестан занимали лезгины. В средней части Самурской долины были расположены села рутульцев, а в верховьях – цахурцев. Агульцы заселили верховья Чирахского и Курахского ущелий¹⁷. Южнее цахурцев и вперемежку с ними жили джаро-белоканские аварцы¹⁸.

Особенная этническая пестрота в XVI–XVII вв. наблюдалась в Дербенте и Дербентском султанстве, которые периодически подвергались нашествиям турок, крымцев, персов (иранцев), пополнялись выходцами из стран Закавказья, иранскими колонистами, которых стало особенно много после вступления в Дербент войск шаха Аббаса I в 1606 г.¹⁹ По сообщению Э. Челеби, число иранских колонистов в Дербенте достигло 9 тыс. человек²⁰.

Сведения о численности населения Дагестана в целом и каждого из феодальных владений и союза сельских обществ, отдельного этноса за XVI–XVII вв. не сохранились. Их можно вывести приблизительно опосредованным путем, в частности через статистические данные о количестве подвластных того или иного феодала или же о численности их пеших и конных войск. Однако нужно иметь в виду, что в разных источниках приведены разные, порой противоречащие данные.

Архивные источники указывают на то, что в конце XVI в. шамхал кумухский вместе со своими союзниками мог выставить по 15 тыс. всадников, а следовательно, пеших воинов было более чем в 2 раза больше. В связи с этим можно предположить, что число подвластных шамхала составляло примерно 250 тыс. человек²¹. По сведениям Э. Челеби, число подвластных уцмья кайтагского достигало 20–50 тыс. человек, а по отписке терского воеводы М.П. Пронского в Посольский приказ в 1634 г. уцмий Рустам-хан имел 60 тыс. подвластных²².

Определенный интерес представляют количественные данные из “Завещания Андуника” (1485 г.), что в Дагестане “250 тысяч воинов, из них 60 тыс. табасаранского, 50 тыс. хайдакского, 100 тыс. кумухского падишаха, 40 тыс. – нуцала...”²³ Эти цифры весьма условны, так как никто статистикой в конце XV в. не занимался. Более или менее точные данные о численности ряда народов Дагестана сохранились лишь в источниках конца XVIII – начала XIX в.

Эта этническая пестрота особо не мешала им демонстрировать свое единодушие в борьбе с иноземными завоевателями, посягавшими на их независимость.

Что же касается вопроса расселения народов Дагестана по естественно-географическим зонам, то он довольно сложен. Хотя Дагестан обычно делят на равнинный, предгорный, нагорный и высокогорный, климатические условия этих зон различались не только с востока (от моря) на запад (к горам), но и с юга на север, включая засушливую часть Прикаспийской низменности. Жители каждой зоны приспособивали свои жилища к местным

климатическим условиям. Традиционно преобладала южная ориентировка зданий, что позволяло экономно тратить топливо в холодное время года, а также решить проблему дневного света и освещения жилья.

При выборе местожительства учитывались факторы близости к лесным участкам, водным источникам (рекам, родникам), к удобным для пахотной обработки земельным участкам, которых старались не отводить под домостроение (особенно в горах, где было малоземелье), сохраняя их для выращивания разных сельскохозяйственных культур, в первую очередь зерновых (пшеница, ячмень, рожь, овес, просо и т.д.)²⁴.

В силу специфических условий эпохи, характеризовавшейся частыми нашествиями иноземных завоевателей, а также межфеодальными усобицами и межсельскими конфликтами в основном из-за пограничных земельных угодий, важное значение имел оборонительный фактор. Труднодоступность была характерна прежде всего для селений горной зоны. Многие из них были на естественно укрепленных выступах гор. Нередко вокруг этих выступов возводились стены с двумя-тремя воротами, которые запирались на ночь и охранялись. Индивидуальные жилища горцев также представляли собой в тот период небольшие крепости. Дома имели довольно высокую каменную ограду. Кроме того, они примыкали друг к другу стенами, создавая как бы единую оборонительную стену с соответствующими для защиты проемами. Иначе говоря, природно-климатические и политические факторы оказывали серьезное влияние как на выбор места для поселения, так и на характер его застройки.

В XVI–XVII вв. возникли новые крупные селения. В то же время шло образование и хуторов, отселков за счет освоения близлежащих к селениям удобных для обработки земельных угодий. Не вызывает сомнений и существование кварталов, особенно в конце XVII в.

Необходимо отметить, что характерное для горной зоны Дагестана малоземелье, а также разные стихийные бедствия (засуха, град), острая нужда заставляли многих горцев покидать свои насиженные места и переселяться на равнинную часть Дагестана. Вследствие этого происходила и значительная ассимиляция разных этносов Дагестана, налаживались контакты между ними²⁵.

§ 2. Политическая карта

На территории Дагестана в XVI–XVII вв. не образовалось единого государства с соответствующими институтами. В ходе исторического развития в Дагестане сложились две основные системы общественно-политического устройства, или две формы государственности. Это были феодальные владения и союзы сельских обществ, которые существенно отличались друг от друга по величине занимаемой территории, количеству и этническому составу населения.

Для феодальных владений, как крупных, так и малых, было характерно наличие управлявших ими феодальных династий и наследственных феодальных правителей, которые имели свои специфические названия: ханы, шамхалы, султаны, уцмии, майсумы и т.д. Эти правители имели резиденции в наиболее крупных селах и пользовались всей полнотой власти, стремились

добиться права прямой передачи власти по наследству (от отца к сыну, а не к старшему в правящем роде). Им подчинялись отряды вооруженных слуг (нукеров), охранявших как поместья, так и владения в целом. Нукеры выполняли и полицейские функции²⁶. Содержались они за счет податей, взимаемых с подвластных феодальным правителям крестьян.

Местная власть принадлежала бекам, которые были, как правило, их наследниками-сыновьями. Они занимали следующую ступень феодальной иерархии. В силу существовавших норм обычного права они не имели прав на верховенство или на высшую власть в феодальном владении и считались подвластными каждому новому правителю.

Беки были обязаны по призыву феодальных владетелей являться к ним на службу со своими отрядами. Но на местах беки обладали всей полнотой власти. Бекское достоинство и владение считались наследственными, и лишить их этого не имел права даже главный правитель феодального владения, в состав которого входил и удел того или иного бека²⁷.

Господствующее положение правителей, беков и высшего мусульманского духовенства в феодальных владениях Дагестана было отражено и закреплено в ряде норм обычного права, игравших огромную роль в регулировании всех сторон общественно-политической жизни²⁸.

Другой формой государственности в Дагестане были, как уже отмечалось, союзы сельских обществ или общин. В эти союзы входили все коренные народы Дагестана, за исключением кумыков, которые жили в феодальных владениях.

В союзах сельских обществ не было феодальных правителей с переходящей по наследству властью, и управлялись они выборной общинной администрацией. Все дела в селах решались на сходах, собиравшихся всегда в определенных местах²⁹.

В исторической литературе высказано мнение, что ряд союзов сельских обществ и их объединения (федерации) по своей территории, стратегическому положению, политическому весу и влиянию на ход событий в регионе не уступали феодальным владениям Дагестана и играли очень заметную роль во всей политической жизни региона. Среди них следует отметить федерацию пяти верхнедаргинских союзов Акуша-Дарго. Кроме них, важное значение имели аварские союзы и их федерации: Андадал, Анди, Койсубула, Гидатль, Дидо, Антль-Ратль, Ункратль³⁰, а также наиболее влиятельный среди лезгинских союзов Самурской долины Ахты-паринский союз сельских обществ.

Если высшим органом управления союзов сельских обществ Дагестана в XVI–XVII вв. был сход представителей всех сельских обществ, входивших в союз, то низовой административно-политической единицей союзов сельских обществ или “вольных обществ” была сельская территориальная община – джамаат, который имел свое собственное управление. Сельская община управлялась советом старейшин, который избирался обычно из сельской знати, как правило, из глав тухумов³¹.

Отметим, что каждый союз сельских обществ имел строго охраняемую всеми взрослыми общинниками территорию, границы которой, как правило, отмечались камнями³².

Рассмотрим теперь более подробно историю феодальных владений и союзов сельских обществ.

Феодальные владения

Самостоятельных феодальных владений на территории Дагестана в XVI и до 40-х годов XVII в. было не очень много. Это были Тюменское владение, Казикумухское шамхальство, Аварское ханство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, Цахурское и Дербентское султанства. Всего семь. Все они различались по величине территории и количеству населения.

Тюменское ханство. Самым северным и территориально незначительным было Тюменское ханство. Оно охватывало степи в нижнем течении Терека до Каспийского моря³³. Основное население ханства составляли ногайцы и тюменские татары, жившие у урочища Бурунчук. Власть хана переходила по прямому наследству. Несмотря на это, в государстве происходили раздоры между феодалами, претендовавшими на власть. Жители его, по-видимому, были мусульманами, так как хан присягал царю по “бусурманской вере”. Название ханства связывают со словом “тюмень”, что означает “десять тысяч”, “тьма”. Его северная граница проходила по северному рукаву Терека, восточная – омывалась водами Каспия, а западная точно не была определена. Ханство занимало важную в стратегическом отношении позицию. Поэтому Крым и Турция не желали распространения влияния и власти России на Тюменское ханство, опасаясь, что оно будет “за Москвой”³⁴. И все же ханство оказалось под угрозой исчезновения, хотя в 1603 г. тюменскому хану Салтанею было назначено “государево жалованье”³⁵. После строительства Терского городка в 1588 г. это ханство постепенно стало терять свою самостоятельность и значение. В 1626 г. тюменские владельцы Майметмурза Тотуев, Черкас-мурза Салтанеев, Магдей-мурза Салтанеев, Ханмурза Алкасов, Амир-мурза Ракаев присягнули русскому царю³⁶.

В конечном итоге Тюменское ханство в 20-х годах XVII в. прекратило свое существование. Его население переехало жить в села Засулакской Кумыкии (Эндирей, Аксай). Часть жителей ханства ушла кочевать в северокавказские степи.

Казикумухское шамхальство было наиболее крупным феодальным владением Дагестана в XVI – первой половине XVII в. Оно охватывало территорию, заселенную всеми кумыками, лакцами и частично даргинцами, входившими в союз Акуша-Дарго³⁷. По сведениям А.К. Бакиханова, казикумухский Чубан-шамхал в XVI в. владел “всем краем от границ Кайтага, Кюринского округа, Аварии, Черкесии и реки Терека до моря Каспийского. Когда же Чубан-шамхал умер в 1574 г. в Буйнаке, его сыновья разделили между собой все его владения. Эльдар избрал своим местопребыванием Буйнак и Тарки; Мухаммад остался в Казанище, Андий – в Кафиркумухе, Гирей – в Гили и управляли они своими уделами независимо друг от друга”³⁸.

Шамхалы распространили свое влияние на многие общества и владения Дагестана. Казикумух служил им местопребыванием до конца XVI в. С этого времени они стали зимой жить в Тарках или Буйнаке, а летом возвращались в Казикумух. Так продолжалось до 40-х годов XVII в.

Казикумухское шамхальство до конца XVI в. включало не только земли на равнине и в предгорье, заселенные в основном кумыками, но и лакский Казикумух³⁹, а до середины XVII в. – и земли, населенные верхнедаргинцами

и другими народами Дагестана, от Кабарды и р. Терек вдоль Каспийского моря до владений уцмия кайтагского и на запад от моря до владений Аварского ханства⁴⁰.

Об ареале распространения власти казикумухских шамхалов в XVI–XVII вв. существуют различные мнения. Принципиально важно подчеркнуть, что в XVI–XVII вв. костяк Казикумухского шамхальства составляли земли, населенные лакцами, кумыками, частью даргинцев, а многие общества Дагестана то вовлекались в орбиту политического влияния шамхалов, то добивались независимости от них, откупаясь натуральной платой за пользование горными пастбищами⁴¹.

В Казикумухское шамхальство входили территории с разными климатическими условиями, начиная с полупустынных прикаспийских степей, предгорий, горных плато и до высокогорий, что накладывало отпечаток на хозяйственную деятельность их жителей. Естественно-климатические условия в шамхальстве были благоприятными для занятий сельским хозяйством (земледелие, скотоводство, садоводство), позволяли вести многоотраслевое хозяйство. Шамхальство было связано широкой сетью торговых путей практически со всеми феодальными владениями и союзами сельских обществ Дагестана, так как занимало очень важную в стратегическом отношении территорию. Через нее проходили как внутридагестанские торговые пути, так и трассы (морская и сухопутная) мирового шелкового пути из Закавказья, Ирана и других регионов в Россию и далее в европейские страны. Пошлины с проходивших по приморской трассе торговых караванов значительно пополняли казну шамхалов⁴².

Однако Казикумухское шамхальство не имело тесных внутренних экономических связей между разными его частями, переживало типичные для той эпохи феодальные раздоры и междоусобицы, сепаратистские тенденции удельных владетелей (беков, крымшамхалов или одновременно с шамхалами избравшихся преемников власти и титула шамхалов). Шамхальство постепенно шло к распаду. Первым серьезным ударом по единству и целостности Казикумухского шамхальства стало отделение земель между реками Терек и Сулак. На этой территории уже в начале XVII в. было образовано самостоятельное Эндирейское княжество, получившее название от села Эндирей, ставшего его центром. Поводом к созданию Эндирейского владения послужил отказ сыновей Чубан-шамхала Ильдара, Магомеда, Андия и Гирея признать право на получение доли отцовского наследства за их родным братом по отцу Султан-Махмудом (Султан-Мутом), рожденным от брака шамхала на кабардинской знатной узденке, считая его чанкой. Тогда Султан-Махмуд отправился в Кабарду, собрал там с помощью родственников по матери большой отряд войск, вернулся в шамхальство, захватил земли “между реками Сулаком и Тереком с нижней частью Мичикича и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета” и стал проводить практически независимую от Тарков и Казикумуха политику⁴³.

Однако еще к 1635 г. Султан-Махмуд окончательно не порвал отношений с шамхальством. Так, когда съезд владетелей шамхальства в 1634 г. после смерти шамхала Ильдара высказался за избрание шамхалом Султан-Махмуда, он по старости лет отказался от этого почетного и авторитетного титула в пользу своего старшего сына Айдемира. Султан-Махмуд сопроводил

ждал его в 1635 г. в главную старинную резиденцию шамхалов Казикумух, где по традиции избирали и провозглашали казикумухских шамхалов⁴⁴.

Эндирейское владение продолжало оставаться удельным в составе шамхальства до 1641 г., т.е. до гибели Айдемира в совместном с царскими войсками походе “в горы Балкары, в то место, где... серебряную руду” добывали. Это значительно сократило границы владений казикумухских шамхалов, которые еще в конце XVI в. могли выставить вместе со своими подвластными беками и “черкасами” до 15 000 конных “опричь пеших” и более 5000 конных воинов со своими “детьми в одиначестве”. На основе этих данных сделаны приблизительные подсчеты численности жителей Казикумухского шамхальства. Как уже отмечалось, их могло быть до 250 тыс. человек, если исходить из того, что от пяти жителей мог быть выставлен один конный воин⁴⁵.

Правителями Казикумухского шамхальства были шамхалы. Они возглавляли законодательные и совещательные органы власти, чинили суд и расправу, руководили внешней политикой, были главнокомандующими военными силами. “Шамхальский же двор представлял как бы центральное правительство. Члены шамхальского рода занимали ряд важнейших постов в центре... Внешней политикой... занимался сам шамхал и его приближенные. Однако переговоры с другими государствами от имени шамхалов вели специальные послы”⁴⁶.

Шамхал во время военных событий становился “главнокомандующим ополчения, набранного со всех частей шамхальства, а иногда даже в других владениях”. Постоянной же регулярной армии в шамхальстве не было. Наличие же 15 тыс. всадников позволяло шамхалам проводить довольно активную внешнюю политику. Об этом свидетельствуют неоднократные обращения грузинских царей к Москве с просьбой защитить их от набегов шамхальцев, послав против них царское войско⁴⁷.

Система управления в Казикумухском шамхальстве не была особо сложной. Административный аппарат сложился как в центре, так и на окраинах государства. Управление в шамхальстве осуществлялось согласно нормам адата и шариата. Адатами руководствовались правители и удельные владельцы, представители сельской администрации. Кадии же разбирали в основном гражданские дела по нормам шариата, руководствуясь шафиитским мазхабом⁴⁸.

Аварское ханство. Другим крупным феодальным государством Среднего Дагестана в XVI–XVII вв. было Аварское ханство, или нуцальство. Как и в раннесредневековый период, его основное ядро составляли селения Хунзахского плато. Главной резиденцией аварских ханов (нуцалов) по-прежнему было селение Хунзах⁴⁹. В ханстве происходило укрепление центральной власти. Устанавливался наследственный принцип ее передачи⁵⁰. При этом претендент на власть не мог быть чанкой.

Усиление центральной власти в Аварии привело к тому, что аварские ханы стали пытаться подчинить своей власти соседние и даже отдаленные от ханства союзы сельских обществ. Воспользовавшись убийством гумбетовского и аргванийского беков из дома Турулавов (родственники хунзахских ханов), аварские правители захватили в XVII в. у эндирейских владельцев нижнюю часть “Мичихича” (Чечень-тала, Герменчук-шали, Атака и др.).

Они распространили свое влияние и на джаро-белоканских аварцев. Более того, вместе с джаро-белоканскими старшинами они организовывали набеги на соседние земли, в частности в Грузию, правители которой старались урегулировать свои отношения с ханством, даже выплачивая плату (дань) аварским владельцам и старшинам граничащих с ними воинственных союзов сельских обществ⁵¹.

Еще в XV в. были намечены основные направления внешнеполитических акций аварских ханов в пределах Дагестана. Особенно четко они были сформулированы в известном “Завещании Андуника, сына Ибрагима, владельца Авар... своему племяннику Булач-нуцалу...”. Андуник призывал в своем “Завещании...” будущего хана: “О мой племянник, возьми-ка ключи Авар в свои руки: первые ключи – алигиличинцев, вторые – джунгутаевских владельцев, третьи – гумбетовских владельцев, четвертые – владельцев Анди, пятые – каратинцев, шестые – бактлуклинцев, седьмые – хучадинцев и Семиземелья. Если ты возьмешь указанные ключи, то соль, мед, виноград, железо, рыба и остальное все, в чем человек нуждается – у тебя и в твоём распоряжении. А иначе все от тебя и от твоего народа отторгнется. Затем обрати внимание на границы земель, которыми владели твои предки, и управляй так, как они управляли”. И тут же он пишет о границах Аварского ханства: «Первая граница со стороны запада – это Миясу-гатын (буквально “часовня Миясу” – недалеко от Ботлиха, в сторону Агвали), вторая – со стороны востока, из середины аула Гоцатль, третья – со стороны юга, от Хучада до Голотлинского моста, четвертая – со стороны севера от Салагоры до Таргу... Мой племянник, постарайся преодолеть эти границы и не уступи чужому даже пяди своей земли...»⁵²

Преодолевая сопротивление малочисленных сельских обществ, аварским ханам в XVI–XVII вв. удалось занять территорию багулалцев, чамалалцев, тиндалов и др. Как отмечено в исторической литературе, очевидно туда были переселены авароязычные “жители компактно расположенных селений Саситль, Сильда, Гако, Тидиб и др.”⁵³ Эти общества известны под названием Ункратль, что значит “четыре земли”. Существует мнение, что земли эти были захвачены аварскими ханами и там поселился один из членов ханского дома по имени Аликилич, от которого, вероятно, и пошло название *алигиличинцев* в “Завещании Андуника”⁵⁴.

Укрепление центральной ханской власти и развитие феодальных отношений в Аварском ханстве нашло четкое отражение в “Кодексе законов” Умма-хана, датируемом первой третью XVII в. “Кодекс” содержит статьи, регулирующие имущественные, семейно-бытовые, земельные, административно-управленческие отношения. В нем прослеживается стремление защитить частную собственность, права феодальной знати, а также положить конец самоуправству отдельных лиц, а именно – захвату чужого имущества (должника). Только по разрешению администрации допускался захват чужого имущества (ишкиль) до удовлетворения должником претензий истца. Имеются в “Кодексе” и статьи, направленные на ограничение обычая кровной мести, сводя вопросы примирения убийцы с родственниками убитого к имущественной компенсации (дияту). Содержатся в этом сборнике и статьи, регулирующие взаимоотношения между разными социальными слоями общества⁵⁵. “Кодекс законов” Умма-хана – это интересный памятник

истории государства и права народов Дагестана, поскольку многие его статьи находили свое отражение в нормах обычного права соседних с Аварским ханством союзов сельских обществ.

В документах конца XVI – начала XVII в. упоминается удельное владение “Черная земля”. Его владельца документы называют “черным князем”⁵⁶. Известно даже, что сын “черного князя” Гелей в Терском городе дал присягу “за своего отца и брата за Нуцалова сына Канбулака и за весь свой род и за Оварскую и за Черную землю”⁵⁷. “Черная земля” находилась “на расстоянии одного дня пути” от Аварского ханства в сторону Грузии. Владетелем этого удела был брат аварского нуцала.

В более поздних источниках каких-либо сведений о “Черной земле” нет. Возможно, в ходе централизации Аварского ханства это государство было присоединено к нему⁵⁸.

Аварские ханы принимали активное участие в политических событиях, так или иначе затрагивавших Дагестан. В частности, их отряды содействовали отражению царских войск, захвативших в 1594 г. и 1604–1605 гг. аул Эндирей. Такая активность аварского хана объяснялась родственными связями с Султан-Махмудом эндирейским⁵⁹. В 1629–1630 гг., когда усилился натиск иранских шахов на Дагестан, правитель Аварии изменил политическую ориентацию, выразив в письменной форме свою готовность присягнуть на верность России. Он писал в грамоте к терским воеводам, что от ставленника шаха Сефи I на Северном Кавказе Шагин-Гирея “вам и нам добра не чаять”, т.е. не видать⁶⁰.

Территория ханства была густо заселена издревле и население его достигало не менее 100 тыс. человек, поскольку даже в “Завещании Андуника”, датированном 1485 г., сказано о 40 тыс. воинах нуцала⁶¹.

Аварское ханство населяли главным образом аварцы. В этническом отношении это государство было наиболее однородным. Оно находилось в одной горной зоне, почему жители и называли себя маарулал – горцами.

Кайтагское уцмийство было также одним из влиятельных феодальных владений Дагестана в XVI–XVII вв. Основное его население состояло из кайтагских даргинцев. Но в нем проживало и значительное количество кумыков, терекменцев, горских евреев и т.д. Как уже отмечалось, согласно русским источникам XVII в., у уцмий было 40–60 тыс. подданных, а по сообщению Э. Челеби – 20–50 тыс.⁶²

Уцмийство на севере граничило с шамхальством, на западе – с Акуша-Дарго и Сюргинским союзом сельских обществ, на юге отделялось от Дербентского ханства р. Дарбах и горными вершинами Гургели и Баума. К югу оно граничило также с Табасаранским майсумством⁶³.

В начале XV в. Кайтаг подчинил своему влиянию Зерехгеран, а в середине XV в. потомки кайтагского правителя управляли крепостями и селениями в Южном Дагестане, точнее Табасараном и Докузпарой, и находились в родственных связях с правителем Ширвана. В середине же XVI в. князь Кайтага Алиль-бек стал шурином ширваншаха. При этом он распоряжался приморскими землями вплоть до Тарки. Его резиденция по-прежнему находилась в Калакорейше – горном селении, расположенном на правом берегу р. Буган, на неприступной горе⁶⁴. К этому же времени уцмийство включало

как собственно кайтагские земли, так и часть даргинских, кумыкских и лезгинских земель⁶⁵.

Однако к концу XVI в. ситуация резко изменилась. По имеющимся сведениям, в 80-х годах XVI в. уцмий Султан Ахмед перенес свою резиденцию из Калакорейша в основанное им “местечко Маджалис”, где до этого нередко собирались на сход, или совещание (маджалис), кайтагцы⁶⁶. После этого значение Калакорейша стало падать.

Перенос столицы уцмиев на равнинную часть Кайтага был сделан не случайно. Он объяснялся тем, что уцмии не сумели приобрести “ни сел, ни земель” в горной части Кайтага, не могли вмешиваться в дела узденских сельских обществ, отстаивавших в упорной борьбе с уцмиями свою административную и политическую самостоятельность. В итоге уцмии более не могли оставаться в горах и вынуждены были перенести свое местопребывание в Нижний Кайтаг, в Маджалис⁶⁷.

С переносом резиденции в Нижний Кайтаг, где до этого правили беки, власть уцмиев значительно ослабла⁶⁸. В горах же стали управлять именно беки; в силу этого влияние уцмия там стало слабеть. Тем не менее, в 1645 г. в горном Кайтаге уцмий Рустам-хан нашел поддержку, когда против него в Нижнем Кайтаге выступил его племянник Амирхан-султан, поддержанный шахом Аббасом II⁶⁹.

В целом же верховным правителем Кайтага считался уцмий. Согласно одной версии, термин “уцмий” происходит от арабского слова “исми” (“именитый”), по другой – от иудейского “оцуло”, означающего “сильный, мощный”. Однако, по мнению арабистов, оба мнения не убедительны.

Достоинство уцмия передавалось по наследству не от отца к сыну, а одному из старших в роде. Но такой порядок не был прочным и часто приводил к столкновениям между претендентами на этот титул⁷⁰.

В 1631–1632 гг. определились претенденты на власть уцмия Рустам-хана. Это были “братья его Чюкук, да Устархан, да сын его Хан”. В оппозиции к Рустам-хану находились и его двоюродные братья, желавшие “после смерти отца своего быти у кизылбашского шаха в подданных”⁷¹. Как уже упоминалось, в 1645 г. племянник уцмия Рустам-хана Амирхан-султан с помощью войск иранского шаха Аббаса II распространил свою власть на Нижний Кайтаг, вытеснив Рустам-хана в горы. В результате Кайтаг оказался поделенным на две части, между правителями которых не прекращалась борьба⁷². Только в 1689 г. после победы уцмия али-Салтана над ставленником шаха Сулеймана Гусейн-ханом, который даже сумел вначале захватить Башлы, но затем был вытеснен али-Султаном в Кубу, где и умер, Кайтаг воссоединился⁷³.

Уцмий Рустам-хан в первой половине XVII в. проводил самостоятельную внешнюю политику. Архивные данные свидетельствуют, что он был “в горах человек первой”, самовластный и гордый, и что “никоторые де боязни себе” не имел, поскольку земля его была в “крепких местах”⁷⁴. Проводить самостоятельную внешнюю политику Рустам-хану позволяло то, что он имел в своем распоряжении более 1200 пеших и конных воинов⁷⁵. Для Дагестана XVII в. это была большая сила. Эвлия Челеби писал о трех тысячах воинах уцмия⁷⁶.

По поздним сведениям еще при жизни уцмия избирался его преемник – гаттин (гаттым). Он принимал активное участие в управлении уцмийством.

Раз в году гаттин объезжал узденские общества, творил там суд и даже собирал подати⁷⁷.

Важную роль в управлении уцмийством играло и мусульманское духовенство – кадии, решавшие судебные дела в сельских обществах по шариа-ту. Кадии Уркараха и Кубачи считались наиболее авторитетными в горах Кайтага⁷⁸.

Согласно “Постановлениям” Рустам-хана уцмии и беки на местах взяли в свои руки и судебное дело. “Пусть уцмий наказывает тех, которые делают насилие и притеснения другим” – гласит одна из статей норм обычного права кайтагцев. Однако уцмий мог приговорить к смерти лишь собственных крестьян. Это он мог позволить по отношению к жителям равнины, терекеменцам, находившимся в полной от него зависимости⁷⁹. В узденских же ма-галах он согласовывал свои решения и действия с их главами (старшинами или кевхами).

Уцмии были распорядителями огромных земельных владений. По сути они сосредоточили в своих руках право верховной собственности на земли Кайтага. Большими земельными участками владели и беки. Их земельный фонд формировался за счет дарения уцмием земель, а также покупки частных или общинных земель.

Власть уцмиев была различной в разных частях Кайтага, не везде была полной, но имела тенденцию к усилению, централизации. Светская (в лице уцмиев, беков, кевхов, тулгаков, мангушей, нукеров) и духовная (кадии, муфтии, муллы) власти держали все подвластное население Кайтага в покорности, защищая с помощью приспособленных для этого норм обычного права кайтагцев свои интересы.

Табасаранское майсумство считалось также достаточно крупным по дагестанским масштабам государством. Оно также отличалось этнической пестротой: в нем проживали табасаранцы, терекеменцы, азербайджанцы, лезгины, евреи и т.д. Основную массу его населения, численность которого практически невозможно установить из-за отсутствия данных, составляли табасаранцы. Они себя называли табасаран. Цахуры их именовали тавассаранна, рутулы – табасарандашура, агулы – табасараншуй⁸⁰. Даргинцы их называют табасаранти.

Майсумство (название происходит от титула правителя “майсум”) граничило в XVI–XVII вв. на севере с Кайтагом, на юго-востоке – с Дербентским ханством, на юге – с кюринскими лезгинами, на западе с Хивом по р. Гюльгеры-чай (местное название СтаАлвацI)⁸¹.

К концу XV в. Табасаранское майсумство окрепло и представляло довольно внушительную силу, так как в “Завещании Андуника” говорится о 60-тысячной войске Табасарана⁸². По русским источникам конца XVI в. “табасаранский князь Кадит Зирхаров сын” имел в своем распоряжении 500 всадников⁸³. Э. Челеби писал о Табасаране как о местечке “с виноградниками и садами, с одной маленькой мечетью”. По его сведениям население Табасарана составляло примерно 10 тыс. жителей⁸⁴.

В середине XVII в. центробежные силы в майсумстве резко усилились из-за династических распрей. Воспользовавшись этим, кадий табасаранский сумел подчинить до двух десятков южно-табасаранских сел своему влиянию

и образовал полунезависимое от майсумов владение, которое постепенно стало приобретать полную самостоятельность. Майсумы вынуждены были переселиться в Джерах⁸⁵.

Часть табасаранских горных сел оставалась независимой как от майсумов, так и от кадиев, оказывая им лишь почетный прием при их посещении. Если в кадийстве все вопросы решались кадием, который мог даже приговорить провинившегося к смертной казни⁸⁶, то в узденской части Табасарана – важные вопросы решались на общих сельских сходах, в которых участвовали все совершеннолетние мужчины. Однако на сходах ведущую роль играли богатые и сильные тухумы⁸⁷. При этом старшины руководствовались нормами обычного права. Кадии решали вопросы только по шариату.

В целом же приоритет майсума в Табасаране в XVI–XVII вв. соблюдался во всех вопросах⁸⁸.

Наследственный характер власти майсума в XVI в. не устанавливается документально; наличие такой власти в XVII в. несомненно⁸⁹. Однако межфеодалные усобицы в майсумстве продолжались и в XVII в. Натянутыми оставались отношения между майсумами и кадиями. В XVII в. этнотерритория табасаранцев приблизилась к современной и охватывала полностью бассейн р. Рубас и доходила до среднего течения р. Чирах-чай⁹⁰. Иногда же границы Табасарана соприкасались и с Казикумухским ханством⁹¹.

Цахурское (Элисуйское) султанство занимало юго-западную часть Дагестана. Цахуры жили в верховьях Самура, гранича с грузинами, азербайджанцами и аварцами.

В конце XVI в. правитель (султан) Цахура Ади-Куркулу-бек имел в своем распоряжении “200 человек конных”⁹². Эта цифра не очень велика, но все же такое количество всадников обеспечивало безопасность правителя и послушание ему подданных. По словам Э. Челеби, в Цахурское султанство входило до 150 селений⁹³.

В преданиях Цахур представлял собой ранее вольную общину во главе с выборным предводителем и успешно отстаивал свою независимость. Однако со временем начались распри между тухумами, в борьбе за власть причинившие им немалый ущерб. Тогда было достигнуто соглашение: пригласить в правители Цахура беков из ныне уже несуществующего села Хоца⁹⁴. Именно в Цахуре и стали в XVI в. жить эти правители. Во второй половине XVI в. они вынуждены были признать верховную власть Сефевидов, сохраняя при этом определенную самостоятельность в своих внутривластных делах. Цахурские правители стремились расширить границы своих владений к югу от Главного Кавказского хребта. В этом они имели успех в XVII в. Три из четырех цахурских общинных союзов (Сувагильский, Елисуйский, Карабулакский) располагались южнее Главного Кавказского хребта, в бассейнах рек Кумух-чая и Карача⁹⁵. Более того, в XVII в. из Цахура резиденция султанов была перенесена в селение Элису.

Это было вызвано тем, что приглашенные в правители беки из Хоца стали бесчинствовать, обижать и угнетать коренных цахурцев. В начале XVII в. цахурцы истребили бекский тухум. Однако спаслась одна беременная бекская женщина, которая находилась в гостях в Элису. Там она родила продолжателя рода цахурских султанов. В Цахур она не вернулась и обосно-

валась в селении Элису, которое стало резиденцией султанства, получившего от этого села свое название – Элисуйское. В XVI–XVII вв. совместно с Цахуром Элису вошло в состав Ширванской области в качестве улька⁹⁶.

Цахурское (Элисуйское) владение в XVII в. было достаточно мощным. Этим пытались воспользоваться правители Ирана, чтобы с помощью цахурцев подавить антисефевидские выступления в Грузии. Это видно из фирманов шахов к владельцам Цахура с призывами совершать набеги на Грузию⁹⁷. Такие фирманы получали правители Цахура Али-Султан, Мамед-хан-бек, Халил-бек-хан и др.⁹⁸

Имеются документальные свидетельства XVII в. о вассальной зависимости цахурских правителей от иранских шахов, от которых они получали жалованье (155 тавризовских туманов), само владение в тиуль, грамоту и кафтан на владетельное звание⁹⁹.

Цахурскому султанству принадлежал весь горный магал, как минимум четвертая часть территории которого была зоной распространения аварской речи. Существует мнение, что в состав султанства, созданного Ираном в XVII в. для охраны одного из участков своей северной границы, входили и те земли аварцев, которые расположены в бассейне Тлейсерухской речки, а также, возможно, общество Антльратль, занимавшее территорию Тляратинского и частично Цунтинского районов, где элисуйские султаны пользовались традиционным влиянием, по крайней мере, в качестве судей по особо важным вопросам. Свою позицию автор обосновывает тем, что правители Ирана хорошо знали о незначительности военного потенциала малочисленных цахурцев, в силу чего шахи не могли им одним доверить важную для безопасности своей державы функцию, и присутствие значительного “аварского этнического элемента в среде горской части населения иранского султаната с центром в калтахском селе Цахур не должно являться чем-то странным”¹⁰⁰.

Вызывает возражение лишь утверждение о создании Цахурского султанства иранскими шахами в XVII в., поскольку ученые уже давно пришли к выводу, что султанство существовало еще в XVI в. В него входили цахурские села Курдул, Гельмец, Хнаг, Мусляг, Хочек, Мишлеш, Джиных, Мухах, Каллял, Аттал, а цахурский язык был распространен и в Закаталах¹⁰¹.

Цахурское султанство не играло заметной роли в политических событиях, происходивших в Дагестане в XVI–XVII вв.

На юго-востоке Дагестана находилось *Дербентское султанство* (ханство), центром которого была мощнейшая для тех времен Дербентская крепость¹⁰². Однако в целом султанство было не очень большим владением – кроме самого Дербента, к нему относились несколько близлежащих селений. Дербентские султаны в XVI–XVII вв. во внешнеполитических вопросах обязаны были прислушиваться к мнению то шахов Ирана, то султанов Турции, поскольку гарнизоны войск этих государств менялись в Дербенте. С 1502 по 1578 г. Дербент находился под властью шахов Ирана, а в 1578–1607 гг. в нем хозяйничали турки. С 1607 г. до конца XVII в. султанство вновь оказалось в зависимости от шахов Ирана¹⁰³. Правителей (султанов) Дербента в XVII в. фактически назначали шахи Ирана.

Султаны делили власть с наибями из местной знати, хотя во внутривластных вопросах они были самостоятельны.

В XVII в. границы Дербентского владения расширились. По свидетельству А. Олеария, дербентскому султану платили подати жители почти 200 сел “области Мускур”¹⁰⁴. В начале XVIII в. “Дербентская провинция” тянулась “к югу на 30 верст до р. Самур, к западу от 5 до 8 верст в сторону Табасарана, на север на 15 верст до владения усмийского, до реки Дарбаха, кою граничит Ширван с Дагестаном”¹⁰⁵.

Власть дербентского султана порой распространялась и над уездами Мушкур, Шабран, Рустау и Бармак, доходы с которых он обращал на содержание каналов, стен и гарнизона Дербента. В XVII в. Дербентское ханство было одним из семи “ульк” Ширвана, подвластных шаху. Система управления Дербентом и ханством в целом была хорошо организована и гарантировала послушание всех жителей верховной власти. В городе всеми гражданскими делами заправлял наиб. В его функции входили обеспечение порядка в городе, контроль за сбором и поступлением налогов и податей в ханскую казну, организация в необходимых случаях общественных работ. Должность наиба считалась наследственной¹⁰⁶.

Наибу помогали юзбаши, которые следили за порядком в кварталах (магалах) города. По сведениям начала XVIII в. в Дербенте имелись должности дарги¹⁰⁷ (они осуществляли контроль за поступлениями пошлинных сборов в ханскую казну) и мехмандара¹⁰⁸. Кроме того, дарги принимали приезжавших в Дербент иностранных купцов, чиновников и т.д.

Власть в селах, входивших в Дербентское владение, от имени наиба осуществляли беки, феодалы из местных знатных фамилий, державшие в покорности податное население. В системе управления как городом Дербентом, так и селами ханства особенно важную роль играло мусульманское духовенство (кадии, эфендии, имамы мечетей). Оно занималось разбирательством по шариату гражданских исков, притязаний и споров по семейно-правовым (наследственным) вопросам, регистрировало решения судей и акты по земельно-правовым отношениям. Кадии и муллы выступали в роли судей, следили за соблюдением мусульманских обычаев, обрядов, как это делалось и в других феодальных владениях Дагестана в XVI–XVII вв.¹⁰⁹

Особенности развития дагестанских княжеств во второй половине XVII в. В середине XVII в. политическое положение Дагестана существенно изменилось, что было вызвано развитием и углублением феодальных отношений. Количество феодальных государств Дагестана во второй половине этого столетия возросло с 7 до 19 за счет дробления и распада Казикумухского шамхальства в 40-х годах XVII в. на Тарковское шамхальство и Казикумухское владение во главе со своим управителем (халклавчи), а также на целый ряд самостоятельных и полусамостоятельных феодальных владений. К последним относятся Мехтулинское ханство, Бамматулинское, Эрпелинское, Губденское, Буйнакское, Карабудахкентское, Утамышское, Таркаловское владения, Эндирейское, Аксаевское и Костековское княжества, Дербентское и Аварское ханства, Цахурское (Элисуйское) султанство, Кайтагское усмийство, Табасаранское кадийство, Табасаранское майсумство¹¹⁰.

Если кратко охарактеризовать их, получается, что ведущую роль в равнинной части Дагестана стало играть Тарковское шамхальство с центром в Тарках. Позднее тарковский шамхал был даже признан валием Дагестана¹¹¹.

Шамхальство охватывало земли между Сулаком на севере и “до гор Бойнак, хайдаков и карахайдаков” на юге, а на запад от моря “до акушинцев и таулинцев”. Тарковские шамхалы имели большое влияние и “на часть из тавлинцев”¹¹². Они пользовались поддержкой иранских шахов и российских царей, получали денежные и иные подарки. Так, от шахов Ирана шамхалы ежегодно получали до 4000 туманов (40 000 руб.)¹¹³.

В Тарковское шамхальство входили селения, расположенные как на равнинной, так и в горной частях Дагестана. Население его составляли в основном кумыки. В кумыкских селах проживало много выходцев из горных аварских, даргинских и лакских сел, а также горских евреев, терекменцев.

Тарковские шамхалы “изстари великую власть и чрезмеру великую волю и привилегии имели” в Дагестане. По сообщению Э. Челеби, у шамхала было 87 тыс. воинов. Для сбора же такого числа воинов шамхалу надо было иметь до 300–400 тыс. подданных¹¹⁴.

Поэтому и при дворе иранских шахов тарковские правители “всегда в великом почтении” бывали¹¹⁵. Шамхалы достаточно хорошо укрепляли свою резиденцию Тарки¹¹⁶.

Могущество тарковских шамхалов по сравнению с правителями других феодальных владений Дагестана в XVII в. определялось не только тем, что они сумели при распаде Казикумухского шамхальства сохранить под своей властью территорию и населения больше, чем это было у любого феодального владетеля. Их могущество основывалось и на том, что через Тарковское шамхальство проходили морская («вдоль морского берега по линии Дербент–Тарки–Астрахань шли парусники, струги, “бусы” и другие суда»), а также сухопутная трасса мирового шелкового пути, активно функционировавшая в XVII в. Пошлины с проходивших через их владение торговых караванов пополняли казну тарковских шамхалов. Контролировали они и обширные равнинные прикаспийские зимние пастбища (12 крупных кутанов)¹¹⁷, которые они сдавали в аренду овцевладельцам горских сельских обществ, не располагавших, как правило, зимними пастбищами. Это приносило шамхалам огромные доходы, не говоря уже о податях с подвластного им населения.

На принадлежавшим тарковским шамхалам землях кочевало до 300 кибиток ногайцев¹¹⁸, плативших за пользование пастбищами натуральную плату (овцами, крупным рогатым скотом и т.д.). Шамхалы владели и рыбными промыслами (ловлями) в устье Сулака, которые тоже приносили им большие доходы.

Военное и экономическое положение шамхальства позволяло проводить и активную внешнюю политику. Не вызывает сомнения то, что другие владетели Дагестана при решении политических вопросов считались с позицией тарковских шамхалов.

Ориентация других феодальных владетелей Дагестана во внешнеполитических вопросах на тарковских шамхалов была бесспорным фактом. Особенно частыми были контакты тарковских шамхалов с верхнедаргинскими союзами сельских обществ. Без благословения их депутацией, без церемонии провозглашения вновь избранного шамхала с участием делегации от акушинцев он не признавался горскими народами¹¹⁹.

Эндирейское владение. Земли между Тереком и Сулаком с нижней частью “Мичикича” и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета, составили еще в первой половине XVII в. обособившееся от Казикумухского шамхальства Эндирейское владение Султан-Мута. Со временем его потомство разрослось и уже при его внуках из Эндирейского владения выделилась часть территории с селом Аксай, образовав Аксаевское княжество. В конце XVII в. обособилось и Костековское владение.

Аксаевское владение охватывало земли по нижнему течению Терека, а также рек Аксай и Яман-Су до Каспийского моря. Оно состояло из нескольких деревень. Жители его питались “от пашен и плода всякой скотины”. Аксаевцам принадлежали обширные зимние пастбища. От Эндирейского княжества Аксаевское владение отделяла р. Яман-Су.

Аксаевские владетели были крупными землевладельцами, проводили независимую от эндирейских князей внешнюю политику, хотя сами считались их родственниками по происхождению и должны были подчиняться им как младшие старшим. Во внутренних делах они также считались полновластными владетелями¹²⁰. По сведениям XVIII в. известно, что с запада на восток Аксаевское владение тянулось более чем на 100 верст, а в ширину (от Старого Терека до Аграхани) на 60 верст¹²¹ и что в Аксае насчитывалось до 500 дворов¹²².

В Аксаевском владении преобладало кумыкское население. Но собственно в Аксае проживали также чеченцы, аккинцы, ногайцы и отдельные выходцы из разных областей Северного Кавказа.

Костековское владение оформилось как самостоятельное в конце XVII – начале XVIII в. Центром его стало селение Костек. Основателем Костековского владения считается некий Алим, которому удалось подчинить несколько кумыкских селений по р. Сулак, а также кочевавших вблизи этой реки несколько ногайских тухумов. Костековское владение, как и другие владения Северного Дагестана, занимало важную стратегическую позицию, прикрывая подходы к устью Терека¹²³.

Костековские владетели, как и аксаевские, считались самостоятельными, “но на деле во всех своих действиях находились в зависимости от эндирейских владетелей”¹²⁴. Тем не менее и костековские владетели контролировали просторные прикаспийские степи, служившие отличными зимними пастбищами, сдача в аренду которых городским обществам приносила значительные прибыли их владетелям.

Костековское владение в этот период не играло заметной роли в политической жизни Тереко-Сулакского междуречья. Его правители во внешнеполитических действиях ориентировались на эндирейских владетелей, с которыми они были связаны родственными узами.

Мехтулинское ханство. При распаде Казикумухского шамхальства от него обособилась часть селений, составившая Мехтулинское ханство, название которого происходит от имени его основателя Кара-Мехти. Согласно преданию, Кара-Мехти происходил из дома казикумухских шамхалов, но конфликты с владетелями Казикумуха вынудили его переменить местожи-

тельство¹²⁵. Сначала он обосновался в Аймаки и постепенно подчинил своей власти Охли, Доргели, Дженгутай. Позднее в Мехтулинское ханство вошли еще Большой Дженгутай (резиденция ханов), Дуранги, Апши, Ахкент, Кулецма, Чоглы, Кака-Шура, Параул и Урма¹²⁶.

Сведений о Мехтулинском ханстве очень мало. Известно только, что русские источники еще конца XVI в. содержали сведения о количестве воинских сил в каждом из сел, вошедших в состав этого ханства. “Кабак Ухли, а в нем шевхалов зять, у него 50 человек конных; кабак Доргели, а в нем крымшевкалов сын Мехдей, у него 100 человек конных, кабак Юнгутей, а в нем Шевхалов племянник Сурхай, у него 100 человек конных”¹²⁷.

Поселившись в Аймаки, Кара-Мехти в первые годы своего правления довольствовался добровольными подношениями жителей подвластных ему сел¹²⁸. Но со временем его потребности значительно возросли. Тогда часть селений распределила между собою удовлетворение нужд правителя в ряде повинностей. Менее же состоятельные селения вообще не платили податей. Взамен этого они по требованию или просьбе хана выставляли определенное количество вооруженных людей для исполнения ими охранной и своего рода полицейской службы.

Кара-Мехти не остался обделенным и земельной собственностью, так как “народ предоставил” ему в пользование “некоторые участки общественных земель и пастбищных гор”. Сдавая их в аренду, мехтулинский хан мог получать значительную натуральную плату. Постепенно власть, обязанности и доходы мехтулинских ханов стали наследственно переходить от отца к сыну¹²⁹.

В горной части ханства проживали аварцы (до Верхнего Дженгутая), ниже (Нижний Дженгутай) жили кумыки. Во многих селах ханства проживали семьи лакцев, даргинцев¹³⁰.

Мехтулинские владетели были тесно связаны с домами казикамухских и хунзахских правителей. Это породило разные версии об их этнической принадлежности. Наиболее верной представляется версия о лакском происхождении, что не мешало им управлять в принципе биэтническим (аварцы и кумыки) феодальным владением, политическая роль которого значительно возросла в XVIII–XIX вв.¹³¹

Экономические позиции ханства определялись тем, что через него проходили важные торговые пути, соединявшие внутренний Дагестан с предгорной частью. По поздним данным, мехтулинские ханы получали крупные поступления натурой и деньгами со своих подвластных¹³². Это позволяло ханам вести активную внешнюю политику.

Бамматулинское владение также обособилось от шамхальства в XVII в. В его состав вошли селения Большое и Малое Казанище, Буглен, Муселимаул, Халимбек-аул, Кафиркумух и Темир-Хан-Шура. Согласно сведениям XIX в., “этот удел образовался около двух веков тому назад – выделом одному из братьев шамхала, Баммату, семи деревень, получивших впоследствии название Бамматуллы, т.е. Бамматовы”¹³³.

В конце XVI в. указанные селения были небольшими. Они управлялись отдельными беками и не составляли единого целого. Их беки были независимы друг от друга, но подчинялись шамхалу. Владетели Темир-Хан-Шуры,

Казанища и Кафиркумуха имели в своем распоряжении соответственно 100, 150 и 200 человек конных¹³⁴. Со временем среди них выдвинулся владетель селения Казанище. Это село стало резиденцией бамматулинских правителей. В нем ранее проживал и шамхал Сурхай.

В первой половине XVII в. резиденцией служило село Кафиркумух, в котором проживал Андий-шамхал. Его сыном и был Баммат, от имени которого и произошло название его удела¹³⁵. Баммат сумел подчинить своей власти селения, составившие ханство, и в период дробления шамхальства сделался независимым от дома тарковских шамхалов.

О самостоятельности Баммата свидетельствовало сообщение русских документов о том, что в 1637 г. “царю в холопство Кафиркумыцкие земли кумыцкого шевкала Андеева дети Богама-мурза з братьею, и з детьми, и з племянниками, и со всею своею Кафиркумыцкою землею шерть учинили”. Для гарантии своей верности “Багамат-мурза сына своего Албир-мурзу с уздени” отправил в Терский городок в качестве заложника (аманата). Баммат стремился наладить тесные отношения с Россией. Он добивался от царя Михаила Федоровича разрешения на отправку своего сына Алхаса в Москву¹³⁶.

Обращение терских воевод к эндирейскому “Казаналпу и Кафиркумыцкому Умархану” с просьбой уговорить владетеля Дженгутая Ахмет-хана присягнуть царю и прислать в Терки заложником сына было свидетельством в целом хороших их взаимоотношений с владетелями Кафиркумуха¹³⁷. В результате этих обращений Ахмат-хан прибыл на переговоры с терскими воеводами к Копанскому городку (“на Копань”). Там была достигнута договоренность между Ахмат-ханом и терскими воеводами о том, что “ему Ахмат-хану с своим владеньем быти” послушным царю и “впредь в аманаты в Терский город давать детей своих”¹³⁸. Более того, Ахмат-хан был приведен к присяге “по записи на куране” и от него взяли в “оманаты сына ево прямова, Заузана-мурзу” и других лиц. Сам Ахмат-хан был щедро одарен деньгами, собольей шубой и т.д.¹³⁹

Однако Бамматулинское владение в XVII в. не играло заметной роли в политической жизни Дагестана. Оно где-то соперничало с Тарковским шамхальством. Его владетели проводили самостоятельную политику, хотя во многих вопросах ориентировались на тарковских шамхалов.

Карабудахкентское владение. Источники XVI–XVII вв. содержат сведения и о Карабудахкентском владении. Родословная его правителей-беков, по преданию, связывалась с домом аварских ханов. Выходцы из Аварии некогда поселились в Губдене и один из них по имени Карабудах основал по соседству с Губденом село. Отсюда и пошло название села Карабудахкент.

Карабудахкентское владение занимало весьма важные стратегические позиции, так как и через него проходила трасса приморского международного торгового пути (шелковый путь)¹⁴⁰. Основное население его составляли кумыки.

Власть карабудахкентского владетеля в конце XVI в. опиралась “на 100 человек конных”¹⁴¹. В 1614 г. “Сурхай – князь Карабудацкой з детьми же” присягал на верность царю¹⁴². Во внешнеполитических вопросах карабудахкентские владетели в XVII в. находились под влиянием тарковских правителей. Это видно из того, что “Салтан-бек-мурза карабудацкий, да Ох-

лов-мурза Карабудацкий” прибыли в Терки в 1638 г. вместе с Сурхаем тарковским для принятия присяги на верность русскому царю.

В вопросах же внутренней политики карабудахкентские правители были самостоятельны и тарковские шахмалы не вмешивались в их дела¹⁴³. Это было залогом хороших отношений между тарковским и карабудахкентским владельцами в XVII в.¹⁴⁴

Утамышское султанство. В конце XVII в. из Тарковского шамхальства выделилось Утамышское султанство, которое до этого существовало как удельное владение¹⁴⁵. Его владелец Халебек в конце XVI в. имел под своей властью “с 300 человек конных”¹⁴⁶. Это была внушительная сила. Она позволила утамышским владельцам при распаде Казикумухского шамхальства в середине XVII в. обособиться и от тарковских владельцев, продолжавших претендовать на главенство среди кумыкских феодальных владельцев¹⁴⁷.

В это султанство входили, кроме Утамыша, и целый ряд мелких хуторов. Оно не было одноаульным владением¹⁴⁸. Его владельцы тоже контролировали приморский торговый путь, взимая пошлины с проезжавших через их земли купеческих караванов.

Но об активной роли утамышских султанов в политических событиях, имевших место в Дагестане в XVII в., сведений в источниках не сохранилось.

Этнический состав султанства не был разнообразным. В нем явно преобладало кумыкское население. Утамышское султанство было ликвидировано Петром I после выступления султана Утамыша против российских войск в 1722 г.¹⁴⁹

В XVI–XVII вв. относительно самостоятельным было и Губденское владение, граничившее на севере с Карабудахкентским владением. В Губдене проживали в основном даргинцы. Это селение входило в состав шамхальства как удельное владение. Его правитель в конце XVI в. (“шевкалов племянник”) имел под своей командой 200 всадников. О вхождении Губдена в конце XVI в. в состав шамхальства свидетельствовал факт принятия тарковским Гиреем присяги на верность царю “за себя и за братью свою... и за Гуньбенского (Губденского. – М.-С.У.) Салтан-Магмута князя и за братью его и за узденей...”¹⁵⁰. Только наличие тесных связей с губденскими правителями давало Гирею тарковскому право присягать от их имени на верность русскому царю¹⁵¹.

Выделение из шамхальства Тарковского стольких феодальных владений значительно сузило его границы, сократило площадь территории и численность его населения. Тем не менее правители Тарков в XVII в. считались продолжателями шамхальских традиций.

Казикумухское ханство. Распад Казикумухского шамхальства привел к тому, что в Нагорном Дагестане образовалось новое государственное образование, которое трансформировалось в Казикумухское ханство. Первоначально, изгнав шамхала Сурхая из Кумуха, лакцы объявили о своей независимости и избрали себе особого правителя – халклавчи (хахлавчи). Первым главой народа (халклавчи) был избран выходец из дома казикумухских шамхалов Алибек¹⁵². Он умер в самом конце XVII в., оставив сыновей – Сурхая и Гирея.

Главная обязанность халклавчи, избравшегося старшинами и выборными представителями от каждого лакского села, заключалась “в сборе ополчения и начальствовании над ними как при защите от нападения соседей, так и для внешнеполитических предприятий”¹⁵³. Каждое же сельское общество Лакии управлялось своими старшинами, которые под разными предлогами могли и не выполнить требования халклавчи о выставлении ими вооруженных людей на те или иные цели.

Сурхай стал ханом казикумухским, победив в неравном поединке – один против семерых – своих двоюродных братьев, претендовавших на подати с подвластного Сурхаю населения, в том числе и с акушинцев (даргинцев). Ему удалось в поединке убить своих соперников, потеряв при этом кисть левой руки, за что получил прозвище “Чолак”, т.е. “безрукий”¹⁵⁴.

Сурхай утвердился в Лакии, составившей основную территорию ханства. Став правителем, он повел широкое наступление на соединение с Казикумухом сельских обществ других народов (лезгин и даргинцев). В конце XVII – начале XVIII в. в Казикумухском ханстве было более 200 населенных пунктов, которые входили в магалы Кумухский, Майчайми, Мукарский, Вицхинский, Аштикулинский, Арчи-Шалинский, Кюра и т.д.¹⁵⁵

Этнический состав населения ханства был пестрым. Основную массу его составляли лакцы¹⁵⁶. Но в ханстве проживали также даргинцы, аварцы, а потом к нему разными способами были присоединены сельские общества даргинцев (ашты-кункинцев), лезгин (кюринцы), аваров, агулов и т.д.

В целом же Казикумухское владение ханством как таковым стало в XVIII в. Поэтому в данном разделе нет необходимости останавливаться на всех вопросах его истории.

Феодальные владения занимали приблизительно половину территории Дагестана. Они были тесно связаны узами междинастических браков их правителей¹⁵⁷. В XVI–XVII вв. между ними не было особых конфликтов. Если и случались какие-то политического порядка недоразумения, их решали на практиковавшихся в тот период съездах феодальных владетелей. Такие съезды состоялись в 1615, 1617, 1618, 1621, 1632, 1633 гг.¹⁵⁸ Проводились они и позднее и играли важную роль в жизни Дагестана, способствовали единению его народов, особенно при отражении частых в тот период нашествий иноземных завоевателей¹⁵⁹.

Союзы сельских обществ

Они известны в исторической литературе под терминами “вольных обществ”, “территорий”, “дистриктов”, “республик”, “республиканских обществ”, “федеративных республик”, “федеративных союзов”, “федеративных объединений”¹⁶⁰, занимали приблизительно, как и феодальные владения, половину территории Дагестана. Число союзов сельских обществ в XVI–XVII вв. невозможно назвать. Оно не всегда было постоянным. Даже для XIX в. оно точно не установлено. С. Броневский насчитал в Дагестане 12 “федеративных республик”, А.А. Неверовский – 44 “вольных общества”, Е.И. Козубский – более 60 “вольных обществ”, А. Берже в одной Аварии насчитал 41 “вольное общество”¹⁶¹. Р.М. Магомедов эту цифру довел до 68¹⁶².

Существует мнение и о том, что в Дагестане союзов сельских обществ было свыше 80 и они представляли собой “особый тип территориально-этнических, общественно-политических и хозяйственных структур, появление которых было обусловлено рядом причин и, прежде всего, изменениями, происшедшими в социально-экономическом и политическом развитии общин”¹⁶³.

Союзы сельских обществ находились в основном в Западном, Центральном и Южном Дагестане, занимая территорию с разнообразными природными условиями. Это главным образом горная и высокогорная части Дагестана, где издавна проживали аварцы и народности аваро-андо-цезской языковой группы (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, чамалалы, багулалы, каратинцы, ахвахцы, тиндалы, цезы, хваршины, бежтинцы), даргинцы (акушинцы, цудахарцы, сюргинцы, урахинцы, кайтаги, кубачинцы), а также лезгины и народности лезгинской языковой группы (табасаранцы, рутульцы, цахуры, агулы). Одни ученые считают, что союзы сельских обществ образовались в раннем средневековье, другие – в позднем. Новейшие исследования доказали, что образование союзов сельских обществ прошло ряд этапов. Первые общества возникли на территории Дагестана – Лакза, Табасарана, Шандана, Ал-Караха, Зерехгерана, Серира. Второй этап их истории связан с упадком ряда удельных княжеств в результате разорительных нашествий монголо-татар и войск Тимура, но еще больше – с обострением классовых противоречий, приведших к выступлениям усилившихся общин, уничтожению местных феодалов (князей, ханов, талкъанов, эмиров, беков, чанков и т.д.) и реставрации общинных отношений и порядков. Третий путь – это образование союзов сельских общин в результате переселения горцев на другие земли (Джаро-Белоканский союз, Салатавия)¹⁶⁴.

Существование большинства союзов сельских обществ в XVI–XVII вв. не вызывает сомнений, как и существование их федеративных объединений (Акуша-Дарго, Антль-Ратль, Девек Елеми), созданных, чтобы противостоять натиску правителей соседних с ними сильных феодальных владений.

Самым северным из союзов сельских обществ был Салатавский союз, который сформировался в XVI–XVII вв.¹⁶⁵ В его состав входили джамааты (селения) Буртунай, Алмак, Дылым, Гертма, Хубар, Зубутли, Инчха, Гуниб, Бавтугай, Иха, Чиркей, Хадум-баш, Чирюрт, Миатли, Гостала, Зурамакент. Главным селом считалось селение Чиркей, отличавшееся многолюдностью¹⁶⁶. Поселения салатавцев, расположенные ближе к равнине (Дылым, Гостала, Бавтугай, Чирюрт, Инчха и др.), были больше похожи на кумыкские села, чем на собственно аварские¹⁶⁷.

Жителей Салатавии называли по-аварски “нахъбакІалъул гІадамал” или “жителями тыльной стороны”¹⁶⁸. В XVII в. салатавцы находились под большим влиянием эндирейских владетелей, на зимних пастбищах которых они пасли своих овец¹⁶⁹. Через Салатавию проходили торговые пути, связывавшие внутренний горный Дагестан (Гумбет, Анди) с Кумыкской равниной и торговыми центрами Северного Кавказа. Это сделало салатавцев посредниками между горными аварцами и кумыками в торговых и политических делах¹⁷⁰.

Многие салатавцы прекрасно знали кумыкский язык. В Салатавии был смешанный этнический состав населения (аварцы, кумыки, гуэны, тюмени)¹⁷¹.

К западу от Салатавии был расположен Гумбетовский союз сельских обществ¹⁷². Его название означало “повернутые лицом к солнцу” (Гумбет) – по-кумыкски. То же самое по-аварски означало “бактили”, как назывался по-аварски этот союз, в который входили 18 селений. Центром союза было село Мехельта. Относительно крупными считались села Аргвани, Инхо, Чирката, Сивух, Данух. Через Салатавию Гумбет был связан торгово-экономическими путями с Эндирейским владением. Имел он тесные торгово-экономические связи и с соседней Чечней. Чеченцы пригласили к себе в управители выходцев из дома хунзахских ханов, поселившихся первоначально в Гумбете (иногда ханы жили и в Мехельте)¹⁷³.

К юго-западу от Гумбета по левобережью Андийского Койсу, на северных склонах гор находился Андийский союз, который граничил на севере с Ичкерией, на юго-востоке – с обществом Кхеда, а на юго-западе – с Хиря. Самоназвание союза – Куиннал. В союз входили девять сел: Гагатль, Зило, Риквани, Ашали и др. Главным из них было Анди, в котором в 20-е годы XIX в. было до 1500 дворов¹⁷⁴. Сведений же о численности населения Анди в XVI–XVII вв. не сохранилось. Селение Анди было известно в первую очередь как центр производства знаменитых бурок, пользовавшихся на всем Кавказе большим спросом. Между Анди и Гумбетом в XIX в. произошло военное столкновение¹⁷⁵.

Вдоль южного склона Койсубулинского хребта в ущельях Андийского и Аварского Койсу до слияния этих рек с Казикумухским Койсу располагался Койсубулинский (Хиндалалский) союз. На севере он граничил с Мехельтой и Акушинским союзом, на западе – с Акуша-Дарго и Аварским ханством, на востоке с Шамхальством. По самым ранним сведениям (70-е годы XVIII в.) в Койсубу входили 15 сел. Главным из них было село Унцукульт. Койсубулинский союз (иначе Хиндалал) был тесно связан с Тарковским шамхальством и даже зависел от него, платил шамхалу подати¹⁷⁶.

К югу от Койсубу по нижнему течению Кара-Койсу располагался один из известных и крупных аварских союзов сельских обществ – Андалалский. В него входило по одним данным 14¹⁷⁷, а по другим – 20 сел¹⁷⁸. Главными селениями были Согратль, Чох, Ругуджа, Корода, Кудали, Обох, Хоточ. Известны также села Салта, Кегер, Мегеб. Центром союза считался Согратль. Андалал в XVI–XVII вв. был тесно связан с Казикумухским шамхальством, с Акуша-Дарго. К западу от Андалала располагалось общество Куяда. Заметную роль среди аварских союзов играл и Технуцальский союз с главным селением Ботлих, расположенный южнее Андийского союза. Южнее него (на правом берегу Андийского Койсу) находились общества Карата, Чамалал, Багулал, Ахвах, Тинди, Богос, Цунта-Ахвах, Мукратль, Тлейсерух¹⁷⁹. На северо-западе граница этого союза проходила вдоль Чечни, на севере – вдоль Анди, на юге – вдоль Багулала и Чамалала, на востоке – вдоль Каралала. Он объединял различные народы и этнические группы с собственными языками: чеченцев, аварцев, андийцев, ботлихцев и годоберинцев. В его состав входили Ансальтинское, Шадродинское, Ботлихское, Тасутинское, Годоберинское, Зибиркалинское, Тандоевское, Кванхидатлинское и Муниинское общества. Этот союз играл очень важную роль в торгово-экономической жизни народов Западного Дагестана, так как находился на пересечении многих торговых путей¹⁸⁰.

Территорию по долине р. Кара-Койсу занимало общество Карах, состоявшее из девяти аулов и отселков. Из них многолюдными были аулы Голода, Тларуш, Урух-Сота. К востоку от Караха на границе с Казикумухским шамхальством в XVI–XVII вв. находилось Мукратльское общество. Ахвахское общество располагалось в верховьях ущелья. Три аула – Цекуб, Тлянуб, Ратлуб – назывались Ратлу-Ахвах. Остальные села – Цунта-Ахвах¹⁸¹.

На территории Западного Дагестана существовал Каралалский союз. В него входили 18 сел, из которых многолюдны были Худжуб, Куруш, Хачада, Кахха, Рухху, Сута, Гунух, Муксу, Зунда, Бизур, Сачада, Базадасиль¹⁸². Рядом с ним был расположен Ахвахский союз, или Цунта-Ахвах.

В состав Каратинского союза входили села Алак, Анчик, Арчи, Карата, Рацитли, Хелатури, Верхнее и Нижнее Инхо, Ахвахский союз граничил с обществом Ратлу-Ахвах, с севера – с Багулал, а с востока – с Каралал. В историко-этнографической литературе Ахвах известен как “Цунта-Ахвах” с самоназванием сада – киладу¹⁸³.

Селения союза Чамалал располагались на левом берегу Андийского Койсу. С запада и юга союз граничил с Ункратлем. Их северными соседями были технуцальцы. Этот союз объединял пять сельских обществ: Гадинское, Гакваринское, Цумадинское, Гигатлинское, Конхинское (чеченцы)¹⁸⁴.

По правобережью Андийского Койсу располагался Багулальский союз сельских обществ, отделенный от Дидо Богосским хребтом. На востоке он граничил с Каралалом и Ахвахом, а на севере – с Технуцалом. В Багулал входили пять сел: Гимерсо, Кванада, Тлибишо (Тлиса), Тлондода и Хуштада. По соседству с ним было расположено и общество Тиндальское, также состоявшее из пяти аулов. Оно известно и как Богосское общество¹⁸⁵. Их жители называли себя идери.

В западной части Горного Дагестана располагался довольно крупный Дидойский союз сельских обществ¹⁸⁶. Он занимал верховья р. Ори-Цхале, образующие Андийское Койсу. Жители союза себя называли “цеза” (орлы). Аварцы их именовали “цунта”, что также переводится как орлы¹⁸⁷. Дидо – грузинское название. В Дидойский союз входили 24 аула, разделявшиеся на три части: Асахо, Шуратль, Иланхеви. Северо-Восточнее Дидо (Цунты) находилось общество Томс, расположенное по ущелью Томсуда. В этот союз входили 11 селений. Западнее союза Томс на левом берегу Аварского Койсу располагался союз сельских общин Кос, состоявшими из семи селений¹⁸⁸.

В Западном Дагестане (Цумадинское высокогорье) располагалось и Хваршинское общество, в которое входили селения Хварши, Хонох, Верхнее и Нижнее Инхоквари, Квантлада, Сантлада, Хвайни. Этноним *хваршины* происходит от названия самого большого их села – Хварши. Самоназвание хваршин – акъилько (атлилько). В то же время жители каждого хваршинского села имели свое особое наименование. Жители Хварши – акъизо; Инхоквари – ихнее (ихьо, ихзо); Квантлада – кюльоза, кIульоза; Сантлада – зольузо, зольозо; Хвайни – ичизо. Соседние жители их называют “хваршал, хваршикIалисел” (население Хваршинского ущелья). Язык хваршин относится к цезской подгруппе андо-цезской языковой подгруппы нахско-дагестанской группы северокавказской семьи языков, с небольшими диалектными различиями в каждом селе. Считается, что хваршинский язык занимает промежуточное положение между дидойским и андийским языками¹⁸⁹.

Важную роль в Среднем Дагестане играл Гидатлинский союз сельских обществ. В него входило 19 сел. Наиболее крупными из них по поздним сведениям были Урада (200 дворов), Тилик (800), Хуур (300), Асал (400), Ках (440), Киндах (217), Ури (271), Ракку-Ахал (180), Зикяль (191), Тидиб (179), Хинта (170 дворов). Это данные 1828 г.¹⁹⁰ О численности дворов и населении Гидатлинского общества в XVI–XVII вв. нет данных.

Союз Киль состоял из семи сел. Из них Ругельда (382 двора), Ригик (271), Кукнух (200) и Мусик (100 дворов) были многолюдными, Ругельда была, видимо, главным селом¹⁹¹.

Союз обществ Кувал состоял из 24 сел, среди которых наиболее крупными были Руссул (300 дворов), Уралаб (200), Балдук (190), Залду (181), Хахаснаги (160), Хазал (100), Чуну (100), Балин (102), Мугду (100), Кук-Кууда (120 дворов)¹⁹².

Кроме отдельных союзов сельских обществ, у аварцев и народов андо-аваро-цезской группы существовали и объединения союзов сельских обществ или их федерации, образование которых, по мнению исследователей, было вызвано необходимостью создания мощных блоков союзов сельских обществ, чтобы не дать правителям соседних с ними феодальных владений подчинить своей власти каждый из союзов в отдельности.

Одним из таких крупных объединений в Западном Дагестане был союз Антль-Ратль (Семиземелье), объединивший семь союзов сельских обществ. Он был расположен вдоль северного склона Главного Кавказского хребта, которым отделялся от Кахетии и Джаро-Белокан. Селения этого союза были расположены в долинах Кудаб-Ора. Союз охватывал территорию в 50–60 верст в длину и примерно столько же в ширину. С севера с ним граничили разные “лезгинские племена: кхеле, косо, тамсуда, бахтух... Он состоял из союзов Джурмут, Тхебель (Тходоколо), Бохну, Унхада, Анцлус, Тъаш, Анцух, Хуанал (Капуча) и Кхенада”¹⁹³.

В Джурмут входили Хамлук (100 дворов), Гениколо (40), Херел (30), Готхнуб (15), Бехельда (70), Олхал (20), Салда (70), Джорода (50 дворов). Они располагались на правом берегу р. Джурмут-чая¹⁹⁴.

Союз Тхебель объединял девять небольших сел, главными из которых были Надцал (75 дворов), Гаркулал (50), Тхухуб (40 дворов). Они располагались по правому берегу р. Тхамар-ора¹⁹⁵.

В союз Бохну входили села на правом берегу р. Бокну у ее впадения в Кудиб-ор близ урочища Черель. Это села Никор, Сикиль, Моцутх, Хадиял, Тъадиал, Киндаб, Хиндук. В целом они насчитывали 630 дворов¹⁹⁶.

Союз Унхада состоял из пяти сел (Хочек, Цума, Хъитсук, Тхартлу, Хунзеб) и насчитывал 185 дворов. Располагались села в ущелье р. Унхада-ор¹⁹⁷.

Союз Анцлус был образован из семи сел: Тдрата, Ух-Хал, Гыдиш, Банаб, Хдмар (200 дворов), Тилутль, Кутла. В нем насчитывалось 770 дворов¹⁹⁸.

Наиболее крупным был союз Тъаш, который объединял 27 небольших сел с общим количеством 11 200 дворов. Лишь Тъамуда насчитывала 100 дворов. Расположены были села на правом берегу р. Кудаб-ор¹⁹⁹.

Союз Анцух состоял из 21 села (всего около 1000 дворов)²⁰⁰. Он располагался к западу от Тъаша.

Капучинское общество состояло из девяти деревень, расположенных в горных ущельях, вдоль берега верховьев западного рукава Кудаб-ора, ис-

ключая деревни Инуха. Это были Тадал (200 дворов), Бежута, Качаркут (Капуча по-грузински), Нахада, Гарбутль, Худер, Хеллао, Родоро, Инуха. Во всех них насчитывалось 720 дворов²⁰¹.

Существовало еще небольшое общество Кхенада из пяти сел: Рохль, Кхенада, Колоб, Цымкал, Охox, Хахаб с общим числом в 200 дворов. Оно находилось в ущелье около речки Кень-ора, которая близ урочища Никиш выпадала в Тхомар-ор²⁰².

Эти союзы управлялись выборными старшинами. Дела, касающиеся всего союза Антль-Ратль, решались на собрании джамаатов всех девяти обществ в урочище Череле, так как на этом месте было удобнее всего встречаться. На джамаатах присутствовало до нескольких сот человек. При этом “велады, или предводители военных отрядов, имели решающий голос”²⁰³.

Другим федеративным союзом сельских обществ в Западном Дагестане был союз Ункратль. Название союза (Унк – четыре, ратль – земля) связано с его местонахождением в районе четырех ущелий. Этот союз объединял Саситлинский, Гаковский, Сильдинский, Хушетский, Хваршинский, Нижне-Хваршинский союзы. Ункратль граничил на западе с Тушетией, на юге – с дидойцами, на севере – с кистинами, и на востоке – с обществами Багулал и Чамалал. Селения союза располагались по обоим берегам Андийского Койсу²⁰⁴.

В целом у аварцев и авароязычной группы народов было от 38 до более 50 союзов сельских общин²⁰⁵.

В Среднем Дагестане располагались и союзы сельских обществ даргинцев Акушинский, Усишинский, Мекегинский, Мугинский, Цудахарский, Сюргинский, Урахинский (Каба-Дарго), Буркун-Дарго, Ицаринский, Ганк, Гапш, Муйра, Шуркант, Каттаган, Ирчамульский, Каракайтаг, Хамур-Дарго. Они занимали большую территорию в пределах современных Акушинского (без Сюргинского участка), Дахадаевского, Кайтагского, Сергокалинского и Левашинского районов. Эта территория относится к предгорной, горной и горно-долинной зонам.

Акуша-Дарго граничило на севере с Мехтулинским ханством, на северо-востоке – с Тарковским шамхальством, на юге – с Сюргинским союзом, на востоке – с Каба-Дарго и Кайтагским удмийством, на западе – с Андалалом и Казикумухским ханством²⁰⁶.

Территория Акуша-Дарго была наиболее густонаселенной частью Среднего Дагестана. Но статистические данные XV–XVII вв. по этому вопросу не сохранились, равно как и о других союзах сельских обществ, а сведения более позднего времени здесь нет смысла приводить. В состав населения Акушинского и Цудахарского союзов, помимо даргинцев, входили лакцы и аварцы²⁰⁷.

Многочисленность Акуша-Дарго позволяла ему при необходимости выставлять до 17 тыс. воинов. Поэтому эта федерация союзов в Дагестане всегда пользовалась политическим влиянием. Власть в союзах Акуша-Дарго возглавляли наследственные кадии, главным из которых считался собственно кадий Акушинского союза. Для решения общественных вопросов созывались магальские или общие сходы представителей всех союзов федерации²⁰⁸.

Крупным даргинским союзом сельских обществ считался и Буркун-Дарго (Вуркун-Дарго) с главным селом Ашты. В состав этого союза входили еще Кунки, Худуц, Амух, Анклух, Санджи, Цирхе (агулы). В конце XVII –

начале XVIII в. Буркун-Дарго оказался под властью казикумухских правителей²⁰⁹.

Крупным был и Сюргинский союз, главным селением которого в XVIII в. стало Ургали (Урари?)²¹⁰, а до этого – Нахки²¹¹. Союз состоял из 15 сел, был густо заселен и многолюден, пытался даже подчинить находившийся рядом Ицаринский союз сельских обществ, который сохранил независимость от Сюрга с помощью уцмия Кайтага, но затем попал под его власть²¹². В Ицари входили еще Чагры, Санакари и Шари²¹³.

Среди южных даргинцев выделялся Урахинский союз (Каба-Дарго), который на западе граничил с Акуша-Дарго, на востоке и на юге – с Кайтагом, на севере – с Тарковским владением. Название “Каба-Дарго” переводится как “Оторванная гора”²¹⁴. Наиболее крупные села союза – Урахи, Нижние Мулебки, Мургук, Дейбук. Союз Ганк состоял из пяти сел с центром Уркарах. Ниже Уркараха был расположен союз Муйра, который объединил семь сел. Столько же сел вошло в союз Гапш с центром Киша.

Союз Ирчамул в Нижнем Кайтаге, а также союз Каракайтаг граничили с юга с Табасараном, с запада и севера – с другими землями Кайтага. Союз Каракайтага состоял из 11 сел, Шуркант – из 10, Каттаган – из 5 сел. Их центрами были Варсит, Джибахни, Шиляги и Лиша²¹⁵. Все они были населены даргинцами-кайтагцами.

Союзы сельских обществ имелись в XVI–XVII вв. и у табасаранцев. Это были союзы Девек-Елеми, Кераг, Суак, Кухрыг. Ранее других возник Диричский союз, граничивший на западе и юго-западе с союзами Кушандере и Агул-дере, на севере и северо-западе – с Нитрагом и Суваком, а на юге – с Ашага-Захит и Ашага-Архит, и на востоке – с Даре (Дере) и Агмергу. В его состав входили аулы Хив, Хоредж, Лака, Кандик, Арчуг, Цудук, Чувек и др.²¹⁶.

В союз Кырах входили аулы Гапиль, Дювек, Хустиль, Ягдык, Джиддживарик, Пилиг, Ругуж, Ханаг, Хуриг, Цанитил, Гули, Кюряг, Сивриг, Улуз, Урзиг, Урсиг, Хараг, Кужник, Чурдаф, Шила. Союз Чуркул объединял села Агка, Дагни, Джулжаг, Джуржниф, Ергюник, Гюхраг, Верхний и Нижний Гисик, Куваг, Кулиф, Курих, Ляхля, Хархни²¹⁷. Кухринский союз составляли села Ханак, Хуртил, Кюлерджик, Сартил, Сикуг, Бухнаг, Гасик, Думуркид, Сулантил, Хурцик. В Сувакский союз входили села Атрио, Яраг, Гарик, Кувиг, Вертил, Джули, Урга, Фурдаг, Хурсатил, Кулик, Куштил, Ляхля, Уртил (Вертил).

Нитригский союз объединял села Чиргил, Куярик, Ничрас, Тураг, Туруф, Межгюль, Зирдаг, Черс, Зильдик, Чулак, Ярак, Верхний Ярак, Куг (лезгины), Заза (лезгины). Диричский союз состоял из сел Хив, Цудук, Арчуг, Кандик, Чувек, Лака, Хоредж. Принцип образования этих союзов сельских обществ был территориальный. Они управлялись выборными из одних и тех же тухумов старшинами (кевхами). В джамаатах, наряду со светским управлением, существовало и духовное во главе с муллами, знавшими нормы шариата. Союзы сельских обществ не были “вольными” демократическими республиками²¹⁸. В них давно шел процесс социальной градации.

Союзы сельских обществ были основной формой общественно-политического устройства лезгинской группы народов Самурской долины. В ней были расположены селения пяти союзов сельских обществ. Ведущим среди

них был союз Ахты-пара I. Он состоял из 12 сел: Ахты, Кхем, Хуля, Тра, Гогаз, Усур, Кака, Гдунг, Кочах, Мидфах, Сумугул и Хал. Ахты-пара II объединяла села Хнов, Борч, Гдым, Маза, Фий. В Рутульский союз (Рутул-чай) входили 18 сел: Рутул, Хрюк, Зрых, Хулют, Киче, Кахул, Иче, Лукун, Ихрах, Кала, Амсар, Лучек, Шиназ, Чруш, Пилек, Уна, Кина и Хунук. Главное село этого союза – Рутул.

Докузпаринский союз состоял из девяти сел: Джаба, Балуджа, Джиг-Дхиг, Ихир, Пиркент, Ухул, Филидзах, Храх и Яжиг. Главным селом было Джаба. Союз Ахты-пара II объединял села Микрах, Каракюра, Куруш, Пиркент, Мака и Каладжиг. Главным считалось село Микрах. Каждый из этих союзов управлялся самостоятельно старшинами и кадиями отдельно²¹⁹. Внутри союза вызревали социальные противоречия. Особенно это было заметно в Ахты-пара²²⁰.

Отметим, что селение Мискинджа стояло как бы особняком. Роль духовенства (ахундов) была сильна в нем²²¹. Во всей Самурской долине одним из главных считалось селение Ахты, кварталы которого были застроены в XVI–XVII вв. Следует отметить, что они имели современный облик²²².

Еще в XIV в. в долине р. Курах-чай возник Курахский общинный союз. В XV в. он объединял селения Шимихюр, Гельхен, Анкар, Кочхюр, Штул. К востоку от Кураха до р. Чирах-чай и Гюльгеры-чай и до левобережья Самура располагались земли Кюры (Куры). Кураху и Кюре до XVI в. удавалось сохранить независимость от Сефевидов. В 1511–1512 гг. войска Исмаила и отряды Ширваншаха заняли Кюре нанесли поражение Курахскому союзу²²³.

Союзы сельских обществ имелись и у агулов. Тпиг объединял селения в долине Чираг-чая. Этот союз стал называться Агул-дере (Агульский магал). В долине левого притока Чираг-чая Коша-нака шесть сел составили союз Кошан-дере. В состав же Ричинского союза вошли четыре села в долине Курах-чая. Агульский, Кошанский и Ричинский союзы сельских общин вынуждены были отстаивать свою независимость от казикамухских правителей²²⁴.

Так или иначе, большинству союзов сельских обществ Дагестана в XVI–XVII вв. приходилось отстаивать свою политическую независимость от правителей соседних феодальных владений. Не всегда эта борьба была успешной, но она практически не прекращалась, имела тенденцию к расширению и обострению по мере усиления натиска феодалов на союзы сельских обществ. Это нашло четкое отражение в нормах обычного права горцев, а также в “Соглашениях” между отдельными сельскими обществами или между союзами сельских обществ Дагестана, антифеодалная направленность которых не вызывает сомнений²²⁵.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в Дагестане в XVI–VII вв. не сформировалось единое государственное образование с соответствующими атрибутами и институтами власти. Для Дагестана этого периода характерна этническая и политическая пестрота.

До 40-х годов XVII в. на территории Дагестана функционировали семь самостоятельных феодальных владений: Тюменское ханство, Казикамухское шамхальство, Аварское ханство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, Дербентское и Цахурское султанства. Во второй половине

XVII в. к ним прибавились ставшие независимыми от Казикумухского шамхальства при его распаде в 40–50-х годах XVII в. и получившие статус самостоятельных феодальных владений Мехтулинское и Казикумухское ханства, Эндирейское, Аксаевское и Костековское княжества, Бамматулинское владение. Традиции шамхалов перешли к тарковским правителям, которые официально стали именоваться тарковскими шамхалами. Их владение получило название Тарковского шамхальства.

В Табасаране от майсумства отпочковалась часть сел во главе с кадием и образовала Кадийство табасаранское. Кайтаг оказался с середины 40-х годов XVII в. поделенным между двумя враждовавшими между собой линиями рода уцмиев. Одна из них правила в Нижнем, другая – в Верхнем Кайтаге.

Эти феодальные владения отличались как по величине территории, количеству и этническому составу населения, так и по их роли в политической жизни Дагестана. Во всех владениях шел процесс углубления феодальных отношений.

Определенные сдвиги в социально-экономическом развитии переживали и союзы сельских обществ Дагестана, точное число которых в XVI–XVII вв. трудно установить.

§ 3. Экономическое развитие

В XVI–XVII вв. хозяйственное развитие Дагестана значительно ускорилося по сравнению с XIV–XV вв., когда массовые нашествия монголо-татар, Тимура с его полчищами опустошали целые районы. Стабилизация политической ситуации, наметившаяся к началу XVI в. на равнине Дагестана, благотворно сказалась на экономическом развитии.

Хозяйственно-экономическая жизнь народов Дагестана в XVI–XVII вв. базировалась на земледелии, животноводстве, ремесленном производстве (домашние промыслы в основном), внутренней и внешней торговле.

Земледелием издревле в Дагестане занимались в горах и на равнине. Трудно назвать, за исключением пустынной зоны в приморской части Северо-Восточного Дагестана и в самой высокогорной части Дагестана, место, где бы так или иначе не занимались земледелием. Хозяйство дагестанцев зависело от естественно-географических и климатических особенностей зон их проживания и наличия приспособленных для пахоты участков земли.

На равнинной и в предгорной частях Дагестана земледелие было ведущим занятием жителей. Наличие в этой зоне значительных земельных площадей давало им возможность засеять большие участки и получать достаточно высокие для того времени урожаи зерновых культур: ячменя, ржи, овса, проса и в особенности пшеницы, которая шла не только на удовлетворение местных потребностей, но и на продажу в Горный Дагестан, а также в притеречные российские крепости. Особенно развито было земледелие у кумыков.

Имеющиеся сведения позволяют говорить о важной роли земледелия в хозяйстве кайтагцев, табасаранцев, кюринских лезгин в районе Дербента. Известно, что когда в 1614 г. “в Кумыках и Черкесах хлеб не дородился”, острый недостаток в хлебе испытывали русские крепости в Притеречье²²⁶.

Кайтаг не только обеспечивал себя зерном, но и отправлял в Терский город на продажу пшеничную муку²²⁷. О развитом земледелии в равнинной части Кайтага писали в XVII в. А. Олеарий и Я. Стрейс, видевшие в Кайтаге “тучные пашни” и “прекрасные луга и поля, поросшие хлебными злаками, ячменем”²²⁸. О том, что у жителей Буйнака “и пашни и лесу много”, говорится в документах начала XVII в.²²⁹

Большое внимание в Дагестане уделялось обработке земли, ее орошению и удобрению. В горной части Дагестана острое малоземелье вынуждало население заниматься весьма сложным и трудоемким созданием террасных полей на горных склонах²³⁰.

В земледелии на равнине господствовало трехполье. Применялись как черный пар, так и зябь. Встречался и перелог, сохранение которого было обеспечено достаточным количеством земли. На равнине землю пахали деревянным колесным плугом, в который впрягали несколько пар быков²³¹.

Автор начала XVIII в. И.-Г. Гербер, данные которого можно отнести и к XVII в., оставил впечатляющие сведения о занятиях жителей Дагестана. По его словам, жители Эндери имели много “пашен”, таркинцы сеяли к тому же “хлопчатую бумагу”, которая росла “наилудче”. Жители сел между Судаком и Аксаем тоже занимались “пашнями и скотоплодием”²³². Такие же сведения он дал о кайтагцах, утамышцах, табасаранцах, жителях Дербентского владения²³³.

Из технических культур разводили лен, коноплю. Важное значение имело разведение марены, из корней которой получали краску, пользовавшуюся большим спросом и приносящую заметную прибыль хозяйству. В долинах рек сеяли и рис (сарачинское пшено).

В равнинной части Дагестана, а также в некоторых селах предгорья жители занимались и огородничеством, выращивая чеснок, лук, свеклу, морковь, бурлак, тыкву, фасоль, горох, бобы, различную зелень. В горном же Дагестане, даже в XIX в., об овощах и фруктах “редкий хозяин” имел понятие²³⁴.

В Дагестане XVI–XVII вв. было развито садоводство и виноградарство. Труды А. Олеария, Я. Стрейса, Э. Челеби²³⁵ и русские источники содержат ценные и убедительные сведения об этом.

Яблоки, груши, абрикосы, персики, орехи, вишня, черешня, айва, сливы, гранаты, инжир, калина, рябина, лесной орех (фундук) и виноград имели наибольшее распространение в садоводческих районах Дагестана. Во многих союзах сельских обществ или их селах фрукты служили главным источником дохода, так как в обмен на фрукты (особенно на абрикосы, курагу) они приобретали зерно и целый ряд нужных им товаров. Таково было положение в гумбетовских, цудахарских и других садоводческих селах.

Своими фруктовыми садами славились Ахты, Гимры, Могох, Чирката, Ашильта, Игали, Унцукуль, Гоцатль, Голотль, Ботлих, Муни, Гергебиль, Зибутли, Миатли, Ирганай, Кикунни, Цудахар, Хаджалмахи, а также салатавские, кайтагские и табасаранские села²³⁶.

Во многих горных долинах практиковалось разведение садов на склонах. Участки, которые находились выше садоводческих хозяйств, использовали для богарного земледелия и скотоводства²³⁷.

Под сады отводились орошаемые речные долины, склоны холмов, участки, где можно было посадить хотя бы одно-два дерева. Как правило, это бывали неудобные для пахоты участки. Для садов старались выбрать защищенные от ветров солнечные склоны.

Фрукты в свежем и сушеном виде из Дагестана вывозились на продажу даже в северокавказские российские крепости²³⁸. Садоводство и виноградарство стали важным подспорьем в земледельческих хозяйствах. Для многих же предгорных и горнодолинных сел они были даже ведущей отраслью хозяйства. С XVII в. развитие садоводства в таких селах приобрело сугубо обменный характер. На равнине же сады имели главным образом потребительское значение²³⁹.

Отметим, что в окружавших предгорные и равнинные села лесах многие фрукты произрастали и в диком состоянии. Жители могли много их заготовить впрок для себя, для обмена на зерно и т.д.

Развитие торгового обмена в Дагестане к концу XVII в. между горными и равнинными селами привело к некоторому облегчению зерновой проблемы у горцев. В свою очередь это вызвало упадок богарного земледелия с использованием заброшенных террас под покосы и пастбища и интенсификацию садоводства в приречных долинах²⁴⁰.

Отметим, что сведений об агрономической или селекционной работе в области садоводства в Дагестане XVI–XVII вв. не сохранилось.

Скотоводство. Эта отрасль стала другим основным жизненно важным занятием дагестанцев. Оно было распространено как в горной, так и на равнинной частях Дагестана. На равнине жители имели возможность заготовить большие запасы сена и другого вида кормов для содержания крупного рогатого скота, а также до поздней осени кормить его на зимних пастбищах. Поэтому там больше уделяли внимание разведению пород скота, молоко которых отличалось большой жирностью. Крупный рогатый скот обеспечивал жителей мясомолочными продуктами. Быки служили к тому же и тягловой силой при вспашке земли, перевозке тяжестей и т.д. Поэтому его доля на равнине была выше, чем в горах Дагестана.

Жители равнинных сел не перегоняли крупный рогатый скот в горы, содержали его на присельских пастбищах. Мелкий рогатый скот (овец, баранов и коз) они на лето перегоняли на альпийские горные пастбища.

Животноводство в горах играло роль еще более значимую, чем на равнине. Отсутствие зимних пастбищ не давало возможности заготавливать большие запасы кормов. Именно поэтому в горах предпочитали заниматься овцеводством, которое носило отгонный характер. Овцеводство в высокогорных условиях, где земледелие было нерентабельным, но имелись хорошие летние пастбища с высоким травостоем, было более выгодным и позволяло горцам удовлетворять свои потребности не только в мясомолочных продуктах, но и приобретать в обмен на них хлеб у жителей равнинных сел²⁴¹,

Кроме того, шерсть и шкуры овец шли на изготовление предметов домашнего обихода, одежды²⁴². Повсеместно в Дагестане разводили лошадей для верховой езды, а также для вьючной перевозки грузов.

В условиях феодальных неурядиц очень важно было иметь лошадей, так как часто приходилось отправляться в дальние и местные военные походы.

Э. Челеби писал в 1666 г., что их встречали у Эндирея “несколько тысяч обрядившихся людей на быстрых конях пегой масти”²⁴³, что воины тарковского шамхала “выступают в назначенные места сражений на лошадях под началом везира”²⁴⁴. Сообщение русских документов конца XVI в., что шамхал казикумухский мог вместе со своими союзниками выставить 15 тыс. “конных опричь пеших людей”²⁴⁵, позволяет говорить о серьезном отношении дагестанцев к коневодству, которое традиционно было распространено в Засулакской Кумыкии.

Для хозяйственных нужд и перевозки разных грузов на не очень далекие расстояния разводили в большом количестве ослов, отличавшихся неприхотливостью к кормам и выносливостью.

В горах были распространены две системы скотоводства: горно-стационарная и отгонная. Для высокогорья была типична отгонная система, для горных долин и верхнего предгорья – стационарная, базировавшаяся на использовании присельских пастбищ, пригревов, стернин. Отгонно-стационарная система характерна для районов с относительно развитым земледелием и садоводством. Крупный рогатый скот в этом хозяйстве выполнял функции тягловой силы, а также давал удобрения для садов²⁴⁶.

Для стационарной и отгонной систем животноводства характерны были разные соотношения количественного и качественного состава скота. В стационарном животноводстве ведущая роль принадлежала крупному рогатому скоту, и особенно в тех регионах, где летних пастбищ много и перегонять скот на зимние пастбища невозможно²⁴⁷. Крупный рогатый скот перегонять было не выгодно, так как он не переносит длительные перегоны.

Лучше подготовлены к перегонам овцы. Они легче переносят предвесеннюю бескормицу, перегон. Численный рост стад в этом случае не ограничивается. Обычна при этом была аренда зимних пастбищ. Каждое село своих овец перегоняло отдельно, объединив их в единую отару. Это значительно облегчало хлопоты, связанные с отгоном, так как все расходы и обязательства оплачивались всеми хозяевами пропорционально количеству их овец в отаре.

Скотоводство на равнине имело свои специфические особенности. Оно было лишь дополнением к земледелию, поддержкой его. Поэтому хозяйство на равнине принято называть земледельческо-скотоводческим. Процент рабочего скота в таких стадах бывал велик, так как скот применялся в равнинных селах как тягловая сила при вспашке крупных земельных площадей.

В целом же более развито было в Дагестане овцеводство. Отдельные владельцы имели большие отары. Известно, например, что у Султан-Махмуда эндирейского подданные враждовавшего с ним тарковского владельца Ильдара отогнали в Терский городок более 1000 овец. По сведениям И.-Г. Гербера, акушинцы и тавлинцы ежегодно пригоняли на равнинные пастбища Тарковского шамхальства и Кайтагского уцмийства свыше 100 000 овец²⁴⁸. Это служило свидетельством важной роли овцеводства в экономике жителей Горного Дагестана.

Овцеводство преобладало в обществах Западной Аварии, Ахты-пары, Алты-пары, в Горном Табасаране, Агуле, Акуша-Дарго, в придербентских селах, в Антль-Ратле, а также у андийцев, салатавцев, тлейсерухцев, мукратлинцев²⁴⁹.

ны, Голотля, Кахиба, Хучада, Гагатля, Урада, Ингиши, Кубачи, Амузги. Харбука, Дейбука, Цудахара, Кумуха²⁶¹.

Высоким мастерством и художественной ценностью отличались ювелирные изделия и предметы украшения, огнестрельное и холодное оружие кубачинских златокузнецов. Их изделия пользовались большим спросом в Дагестане и далеко за его пределами. Прекрасные панцири, сабли и луки изготавливались в начале XVII в. в Тарках, где, по свидетельству Э. Челеби, были «мануфактурные предприятия»²⁶².

Обработка дерева, камня, глины также играла важную роль в экономике Дагестана. Из дерева изготавливали арбы, сохи, вилы, плуги, колеса, сани, молотильные доски, колотушки, рукоятки для сельскохозяйственных орудий и инструментов, мерки для зерна, зернохранилища (цагуры), подносы, чаши, ложки, корыта, строительные детали и мебель (двери, оконные рамы, опорные столбы, балки, доски, табуретки, кровати, детские люльки и т.д.). Славились обработкой дерева, в том числе художественной, мастера из Гидатля, Дидо, Усиша, Урахи, Мулебки, Хурик (ложкари), Унцукуля, кайтагских сел, которые богаты лесами.

Обработка камня была распространена почти повсеместно в горах Дагестана, где камня было довольно много. Известными центрами художественной обработки камня были Ругуджа, Согратль, Кума, Стубук, Усиша, Акуша, Калакорейш, табасаранские и кайтагские селения Рича, Тарки, Эндирей и г. Дербент. Особенно тщательно обрабатывались камни при возведении мечетей и других культовых сооружений, надмогильные стелы, великолепные орнаменты и отделка которых поражают до сих пор. Наметившийся в XVII в. подъем строительного дела стимулировал рост художественной и строительной обработки камня. Мастера-каменотесы из горных сел строили дома во многих селах предгорной и равнинной частей Дагестана.

В производстве гончарных изделий самых разных размеров и форм прославились мастера из Балхара, Сулевкента и Джули, снабжавшие своей продукцией весь Дагестан. Гончарным делом занимались во многих кумыкских селениях, где имелись выходы подходящей для этого производства глины. Однако они изготавливали изделия лишь для собственных нужд²⁶³.

В XVI–XVII вв. для многих горцев важную роль играло зарождающееся отходничество, которое также стало своеобразным промыслом. Причины его были в основном экономического характера. Нужда в дополнительных источниках существования заставляла горцев уходить на равнину, наниматься к крупным земледельцам и скотоводам в качестве поденщиков, становиться сапожниками, заниматься лудильным делом, изготовлением шапок и т.д.²⁶⁴ В целом же отходничество в Дагестане в XVII в. было более распространено в форме найма на работу в ближайшие селения, в частности на строительство жилых и общественных зданий и построек. Массового характера отходничество в XVI–XVII вв., видимо, не приобрело²⁶⁵.

Торгово-экономическое развитие. Существенную роль в экономической жизни народов Дагестана играла торговля, носившая из-за отсутствия местной денежной системы больше меновой характер. Используемые же деньги представляли собой монеты европейского (голландские гульде-

ны), российского, турецкого и иранского происхождения. Стоимостным эквивалентом во внутренней торговле служили чаще овцы, медные котлы, отрезки сукна или хлопчатобумажной ткани. Иногда происходил прямой обмен: товар на товар. Тем не менее торговля даже такого уровня позволяла решать многие экономические проблемы, возникавшие из-за различий в хозяйственном развитии разных географических частей Дагестана. В основе торгово-экономических связей между жителями равнинной и горной частей Дагестана лежала жизненная необходимость для горцев приобретать, в первую очередь, зерно и соль на равнине в обмен на продукцию животноводства и изделия их домашних промыслов, в которых нуждались жители равнинных сел²⁶⁶. Эта взаимная заинтересованность жителей разных зон Дагестана в результатах хозяйственной деятельности друг друга и стала главным стимулятором торгово-экономических контактов между ними.

Жители равнины выставляли на продажу зерно, рыбу, соль, фрукты, виноград, нефть, хлопчатобумажные и шелковые ткани, шелк-сырец, марену и другие красительные вещества. В обмен они приобретали у жителей гор и предгорий лес, орудия из металла, оружие, сукна, овчины и другие меховые изделия, скот, мясомолочные продукты, сыр, масло, шкуры, бурки, войлок и войлочные изделия, паласы, ковры, гончарные, деревянные и ювелирные изделия.

Главным же предметом ввоза у горцев было зерно, так как в условиях острого малоземелья собранного урожая им хватало лишь на несколько месяцев. Зерновую проблему большинству жителей гор приходилось ежегодно решать, приобретая его в равнинной части Дагестана или в соседних районах Чечни, Грузии и Азербайджана.

Кроме межрегионального торгового обмена, существовала и внутризональная торговля между разными селениями: сюргинцы сбывали цудахарцам скот, а акушинцы и лакцы – шерсть, цудахарцы, в свою очередь, сбывали им высококачественные сукна, фрукты. Излишки зерна, а также фруктов жители отдельных горских селений (Харахи, Гергебиль, Урада, Ругуджа, Кума и др.) продавали своим ближайшим соседям, нуждавшимся в их товарах.

Товары развозили обычно по главным площадям больших сел – центрам союзов сельских обществ или резиденциям феодальных владетелей.

Известными торговыми центрами были Дербент, Тарки, Эндирей, Аксай, Карабудахкент, Буйнак, Дженгутай, Дылым, Маджалис, Акуша, Усиша, Цудахар, Кумух, Ахты, Рутул, Курах, Куба, Хив, Хунзах, Чох, Согратль, Ругуджа, Ахвах, Ботлих, Карадах, Анди, Уркарах²⁶⁷.

Особое значение как центры международной и региональной торговли в равнинной части Дагестана имели Дербент (для Южного Дагестана), Тарки (для Среднего Дагестана) и Эндирей (для Засулакской части Дагестана), через которые проходила сухопутная трасса мирового шелкового пути из Азии в Европу. Эту трассу использовали для перевозки своих товаров в Дербент и обратно жители Приморского Дагестана²⁶⁸.

Общедагестанского масштаба торговый путь проходил и по Внутреннему Дагестану. Он шел с юга на север (в обход Дербента и всей приморской полосы) по долине р. Самур, через Курах с выходом на Хосрех, далее спускался вниз и шел к Кумуху. Оттуда трасса шла на Чох, Гидатль и далее через селения на Андийском Койсу в Чечню²⁶⁹.

Имелись и пути, связывавшие горные районы Дагестана с равнинными. Таков был путь из Тарков в Торкалы, Кафыркумух, а оттуда в Казикумух с продолжением через Дюльтидагский перевал в Закаталы. Трасса Кумух–Хуна–Уллучара–Танты–Гапшима–Акуша–Великент соединяла лакцев и даргинцев с равниной, “большая дорога” Губден–Карабудахкент–Гелли–Атлы–Дургели–Дженгутай–Буглен–Верхнее Казанище–Нижнее Эрпели–Верхнее Эрпели–Какашура–Капчугай–Чиркей–Эндирей–Аксай–Костек связывала весь Дагестан.

Север горной зоны Дагестана (Анди, Гумбет) был связан с равнинной частью (с Эндиреем) дорогой через салатавские села: Хубар, Гертма, Чиркей, Чирката, Буртунай, Аргвани, Ихали.

Жители отдельных дагестанских сел, Дербента и Тарков были втянуты и в морскую торговлю с российскими городами (Терки, Астрахань) на Каспии. Таркинские и дербентские торговцы ездили в Астрахань со своими товарами, а оттуда привозили товары российского экспорта и производства.

Народы Дагестана были связаны системой дорог (колесных, вьючных, пешеходных), которая в конечном итоге сплачивала их в единый хозяйственный организм²⁷⁰. Решению главных экономических проблем способствовала и морская торговля.

Особую роль в жизни Дагестана играла и внешняя торговля с Россией и соседними народами Кавказа.

В торговле с Россией северокавказских народов важную роль играл Терский городок, возникший в 70-х годах XVI в. и превратившийся к XVII в. в военный, торгово-экономический и административный центр царизма на Северном Кавказе. В нем встречались товары российского, европейского, восточного и местного производств. Два раза в неделю в городке собирался специальный конский базар, куда для продажи пригонялись лошади со всего Северного Кавказа, в том числе и из Дагестана.

Из Дагестана в Терский городок поступали продукция земледелия и животноводства, изделия дагестанских ремесленников, скот, зерно, мука, фрукты, рыба, овчины, шубы, попоны, марена, ковры, паласы, сумахи, изделия кубачинских мастеров, шелк, андийские бурки. Эта же продукция поступала в Астрахань, а лучшие товары шли на продажу в Москву. Расширению торговли дагестанцев с Россией способствовало освобождение товаров дагестанских феодалов и торговцев от торговых пошлин в Астрахани и Москве. Дагестан получал из России железные и деревянные изделия, ларцы, булавки, иглы, наперстки, зеркала, кожи и кожаные изделия, льняные ткани, одежду, ловчих птиц, масло, западные сукна, стеклянные изделия, мед, сахар, писчую бумагу, лебяжий и гусиный пух, пушнину, красные кожи, медные котлы и кубки²⁷¹.

Русским правительством был разрешен вывоз в Дагестан татарских пленников (ясырей), а также оружия того времени – пищалей, сабель, панцирей²⁷².

Дагестан наладил и поддерживал торговые связи с народами Кабарды и Чечни. На Северный Кавказ вывозили из Дагестана изделия кубачинских златокузнецов, военное снаряжение, оружие, литые котлы, светильники, андийские бурки, ковры, сумахи и другие изделия из шерсти²⁷³.

В XVII в. наладились торговые связи между Дагестаном и Грузией. В Дагестан оттуда поступали в большом количестве зерно, соль, вино, мед, пар-

ча. Из Дагестана в Грузию вывозились андийские бурки, шерстяные ткани (сукна, шали), конское снаряжение, металлические изделия, холодное оружие (“лекури”), продукция животноводства. Анди, Ботлих, Бежта, Тлярата, Анцух, Кумух, Дидо, Цумада были связаны с Грузией целой сетью торговых перевальных пунктов, действовавших в основном в не зимнее время²⁷⁴.

Народы Дагестана, особенно южного (лезгины, цахуры, рутулы), поддерживали тесные торгово-экономические связи с Азербайджаном. Целой сетью перевальных путей и тропинок были связаны дагестанские и азербайджанские села. В Дагестан из Азербайджана ввозили нефть, восточные товары, хлеб, пряности, рис, сухофрукты. В Шемахе находился “лезги-караван-сарай”, где продавали “лошадей, женщин, малолетних и взрослых девиц”²⁷⁵. Торговля рабами велась в Джаре, Дербенте, Эндирее²⁷⁶. В результате тесных торгово-экономических связей кубинцы и нухинцы многое заимствовали из одежды лезгин²⁷⁷.

Дагестанцы в XVII в. имели торгово-экономические связи и с Арменией. Известно, что “дагестанские татары торговали людьми”, т.е. рабами в Ереване. Не исключено, что они вели торговлю и другими товарами. Более того, армяне торговали в горах Дагестана, играя посредническую роль в торговле России с Дагестаном.

Внешняя и внутренняя торговля позволяла народам Дагестана приобретать нужные им товары и реализовывать свои товары (изделия домашних промыслов и т.д.) как в Дагестане, так и за его пределами, решать целый ряд хозяйственно-бытовых проблем.

§ 4. Культура народов Дагестана

К XVI в. народы Дагестана достигли и определенного уровня культурного развития. Обычно принято говорить о материальной и духовной культуре. У каждого народа культура носит самобытный характер. Для культуры многочисленных народов Дагестана принцип самобытности имел самое решающее значение. Этническое своеобразие культуры более 30 народностей Дагестана трудно осветить. Тем более это трудно сделать, не располагая конкретными историческими сочинениями, в которых освещались бы культура и культурные достижения дагестанских народов в XVI–XVII вв.

Имеющиеся данные по истории дагестанской культуры этого периода позволяют осветить лишь ее основные аспекты. Материальная и духовная культура складывалась в течение веков, впитывая в себя лучшие традиции и тесно взаимодействуя с культурой соседних стран²⁷⁸.

Духовная культура. В первую очередь акцентируем внимание на духовной культуре, в частности на наиболее распространенной ее составляющей – на фольклоре.

В фольклоре, или устном поэтическом творчестве народов Дагестана, нашли отражение самые разнообразные стороны их жизни: политические события, борьба с иноземными завоевателями, с насилием местных феодалов²⁷⁹. В условиях слабой развитости в XVI–XVII вв. письменной литературы и безграмотности большинства населения фольклор приобретал особое значение как хранитель исторической памяти народов Дагестана. Различ-

ные жанры фольклора – сказки, песни, пословицы, поговорки, исторические предания, легенды – были распространены у всех народов Дагестана, которые бережно хранили их, передавали из поколения в поколение, приумножая и развивая их сюжеты, обогащая содержание²⁸⁰.

С точки зрения развития музыкальной культуры у дагестанцев XVII в. представляет большой интерес сообщение Э. Челеби, что на встрече, устроенной эндирейским Улу-бей-ханом (правителем), музыканты играли “на рогах, зурнах, ханских литаврах, карналях Афрасиаба, барабанах Искандера, на эмирских тамбурах и бубнах”.

В сказках и легендах отражена трудовая жизнь народа, стремление к свободной и счастливой жизни, его мечты, равно как и доброе отношение ко всему живому, к простому человеку, его находчивости, смекалке. Кроме того, фольклор позволяет узнать о религиозных верованиях и представлениях²⁸¹. Этот вид народного творчества в условиях фактического отсутствия письменной литературы светского содержания пользовался большой поддержкой народа. До сих пор сохранились исторические предания о героях борьбы народов Дагестана против тимуровских полчищ, о борьбе против войск иранских шахов в XVI–XVII вв. (речь идет о шахах Аббасе I, Аббасе II), о борьбе соседних Аварскому ханству союзов сельских обществ против хунзахских ханов, стремившихся покорить их своей властью²⁸². Известна “удивительная”, по определению Л.Н. Толстого, песня о Хочбаре, о его мужественной борьбе за независимость Гидатлинского общества от правителей Хунзаха. Песня эта возникла, видимо, в XVII в.²⁸³ У цахуров сохранилось предание об изгнании ими беков за произвол, а также о борьбе против сефевидских войск. У табасаранцев в фольклоре отразилась их борьба против местных феодалов-беков.

Героические и эпические, любовные и трудовые песни, частушки, танцевальные мелодии и ритмы, исполнявшиеся под удар барабана, были распространены у всех народов Дагестана. Фольклор отразил как торжественные, праздничные события (свадебные обрядовые песни), так и траурные обряды (причитания).

В исторических хрониках и сборниках норм обычного права народов Дагестана сохранились отдельные поговорки, поучения (“Кто будет беречь рот свой, того и голова будет спасена”, “Смотри, бек, говори правду, муж правды прославляется и власть его остается навеки”)²⁸⁴. Многие лезгинские пословицы и поговорки отражают их негативное отношение к феодальным слоям: “Сытый голодного не понимает”, “Рабу только и остается, что сердиться”, “Не надейся на змею и хана”²⁸⁵.

Наука. В XVI–XVII вв. получили значительное распространение и научные знания, чему во многом способствовал продолжавшийся в этот период своеобразный Ренессанс арабской литературы в Дагестане и распространение в регионе арабской письменности, языка и литературы. Имеются сведения о возникновении в Дагестане центров философской мысли в Дербенте, Кумухе, Согратле, Усиша, Муги и зарождении письменной литературы. При этом важно отметить, что дагестанские алим-ученые выработали своеобразную систему пояснительных знаков, которые облегчали перевод арабских текстов на языки Дагестана, т.е. создали так называемое письмо аджам. Сохранились комментарии арабиста Тайгиба (1563–1668), написан-

ные аджамом на полях арабской книги ал-Вафий'а шарх-аш-Шафийе. В 1639 г. в Аварии была открыта арабская школа. Это сделал ученый-арабист из села обода – Шаабан сын Исмаила²⁸⁶.

Открывались такие школы при мечетях и в других селениях Дагестана. Отдельные дагестанцы, окончив их, выезжали для продолжения образования в арабские страны. В этих школах учили в основном чтению Корана и заучиванию его стихов. Тем не менее, эти школы сыграли прогрессивную роль в деле распространения арабской письменности и литературы в Дагестане, так как получившие в них образование совершенствовали свои знания, нередко переписывали арабские грамматики, словари, арабскую географическую литературу.

Имеются сведения о том, что в 976 г. хиджры (1568–1569 гг.) Исмаил сын Ибрагима из Ихрека переписал арабскую грамматику “Китаб фи-н-нахв”. В 998 г. х. (1589–1590 гг.) была переписана книга “Рийадат ан-нафе тазкиб ал-акак”, которая была обнаружена в Тпиге. В Юхари-Яраке Хивского района сохранился толковый словарь, переписанный в начале XVI в. Сочинение знаменитого космографа Закария ал-Казвини “Чудеса тварей и диковины существующего” было знакомо еще в начале XVII в. Эта книга содержала сведения о светилах (солнце, луна, звезды), хронологии, календарях (арабском и сирийском) и связанных с ними праздниках, “о земле и о ее явлениях в самом широком смысле”, о семи климатических поясах земли, морях, реках, причинах землетрясений, об образовании гор, происхождении рек, источников²⁸⁷.

На арабском же языке дагестанцы создавали и свои исторические сочинения, переписывали и распространяли их. Как правило, это были исторические хроники. В них фиксировались основные политические события, в которых принимало участие местное население. Эти рукописи переходили от отцов к сыновьям, пополнялись новыми фактами. Хроники (наме) “Ахты-наме”, “Цахур-наме” со сведениями о событиях XVI–XVII вв. были известны еще в 30-х годах XX в. Широко популярна в Дагестане хроника “История Абу-Муслима”, списки которой были обнаружены в Рича, Гельхене, Цудахаре. Ею пользовался и знаменитый Дамадан из Мегеба²⁸⁸.

Известны попытки приспособления “арабского письма к нуждам цахурской системы звуков”²⁸⁹. Носителями арабского языка в Дагестане до конца XVII в. были только представители мусульманского духовенства и незначительная феодальная верхушка: широким массам населения он был фактически неизвестен и недоступен²⁹⁰.

Среди ученых-арабистов XVI–XVII вв., которые стали знаменитыми не только в Дагестане, но и за его пределами, были Мухаммед из Кудутли, Дамадан из Муги, Шарабан из Обода, Абдул Басир из Ахар, Омар из Камахали, Али-Риза из Согратля, Омар из Дусраха, Курбан из Танты, Мухаммед из Кули, Мухаммед из Ругуджа, Нажмудин из Кумуха. Круг их интересов был значительно шире средневековой схоластики.

Особенно прославился Мухаммед из Кудутля (1653–1717) своими трактатами по арабской филологии. Он глубоко изучил риторику, логику, философию, арабскую юриспруденцию, принимал активное участие в борьбе между сторонниками шариата и адата. Ученый так хорошо владел арабским языком, что слушатели восторгались его речью²⁹¹.

Дамадан из Муги (ум. в 1724 г.) был крупнейшим ученым-энциклопедистом, одним из основателей астрономии и медицинских наук в Дагестане. Он изобрел и сконструировал астрономические приборы для наблюдения за небесными телами, изучал и объяснял движение солнца, луны и причины их затмений, утверждал, что мир существует и развивается по естественным законам, допускал вероятность проникновения человека в тайны природы. Но он признавал и невозможность полного познания божественной истины. Он был и большим пропагандистом своих знаний среди дагестанских алимов. Особенно прославил его и сделал популярным в горах Дагестана составленный им краткий справочник лекарств и способов их изготовления из растений, неорганических веществ и животных организмов. Этот справочник был переведен на ряд языков Дагестана и известен под названием “Дамадан”²⁹².

Определенные успехи в Дагестане делала и народная медицина, которая в истории культуры ее народов занимала важное место. Ее достижения базировались на многовековом опыте лечения различных болезней травами и другими средствами. Дагестанские врачи (хакимы) умели лечить переломы костей и раны²⁹³.

Значительное развитие в Дагестане получили и правовые знания. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас сборники, или кодексы, норм обычного права, составителями которых были в XVIII в. аварский правитель Умма-хан (Справедливый) и уцмий Кайтага Рустам-хан, Гидатлинские адаты и сборники адатов других союзов сельских обществ Дагестана. В этих актах признавались частная собственность и другие формы собственности на землю, а также наличие разных по правовому положению категорий населения. Народы Дагестана находились в тесном культурном общении между собой. Это обогащало самобытную культуру каждого из них и в то же время способствовало выработке у них общих норм культуры – куначества и гостеприимства, уважительного отношения к старшим, больным и слабым, одинаковых обрядов, форм одежды, типов жилищ, украшений, танцев, танцевальных ритмов, песен и песенных мелодий²⁹⁴.

Религия. Об уровне религиозности дагестанцев в XVII в. можно судить по сообщению А. Олеария, писавшего, что они “признают себя по вере мусульманами, дают производить над собою обрезание, следуют туркам, но сколько-нибудь ревностным благочестием не отличаются”²⁹⁵.

Определенный интерес представляют его слова о том, что в Тарках “женщины, как и девицы, без стеснения, с открытыми лицами ходили среди людей. Девицы заплетали свои волосы в 40 косичек, которые свисали вокруг головы”²⁹⁶. А это исламом не поощрялось.

Материальная культура

Значительны были успехи народов Дагестана и в области материальной культуры, особенно в строительном деле. Происходила дальнейшая эволюция жилища от одно-двухкомнатного дома до многокомнатных жилищ с соответствующим интерьером. В первую очередь это происходило с жилищем социальных верхов, у которого появились парадные и гостиные. Многокомнатные здания особенно типичны для архитектуры южных и приморских сел Дагестана, имевших тесные контакты с народами Азербайджана, Ирана

и т.д. Убранство новой парадной комнаты заключалось в том, что пристенный очаг, полки с парадной посудой, ниши, крытые паласами и коврами, нары и прочие атрибуты, свойственные народам Востока, широко стали проникать в Дагестан²⁹⁷.

Оборонительного характера сооружения – башни, крепости – продолжали и в XVI–XVII вв. сохранять приоритетное положение в общественного назначения постройках из-за нашествий войск русских царей, сефевидских шахов, крымско-турецких отрядов. Поэтому их возведению и реконструкции уделялось большое внимание. Особенно это касалось башен, которых достаточно много было в горах. Часть из них была жилой, часть имела значение сторожевых пунктов. Представляют интерес башни в Корчаге, Хоредже, Худиге, Ахты, Тпиге, Шими-хюре, в Ицари и т.д.²⁹⁸ В Аварии был известен башенный комплекс в селе Гоор. Значительные изменения происходили и в одежде, пище и других аспектах материальной культуры дагестанцев, в их быту. Проследить все эти изменения в жизни дагестанцев, их достижения в этих областях культуры в XVI–XVII вв. было бы очень интересно.

Однако специальных научных разработок по этим вопросам в нашей историографии практически нет, за исключением некоторых аспектов. Лишь сохранившиеся описания ряда дагестанских городов и сел путешественниками XVII в. позволяют дать определенное представление о таких населенных пунктах, как Дербент, Тарки, Эндирей, Буйнак и т.д., об их архитектурном облике, нравах жителей, их одежде и оружии, некоторых их блюдах (пище), украшениях, обычаях.

В этом аспекте интересные сведения о ряде населенных пунктов первой четверти XVII в. оставил московский купец Федот Котов, ездивший в 1623 г. по царскому указу в Персию. О Тарках он писал: “В Тарках есть небольшой посад и деревянный острожек... в Тарках живут кумыки. От Тарков до шахского города Дербента три дня вьючного пути ровным местом между горами и морем”²⁹⁹. Секретарь голштинского посольства в Персии А. Олеарий писал в 1636 г. о Тарках, что “город лишен стен и лежит совершенно открыто; в нем тысячи домов почти на персидский манер, но построены они несколько хуже. Из скалы вытекают... обильные ключи”³⁰⁰.

Традиционные подходы горцев к выбору места для поселения и возведения домов хорошо освещены в трудах дагестанских этнографов³⁰¹, и здесь нет необходимости их повторять.

Отметим только, что для горных районов Дагестана, как и у соседних народов Кавказа, характерна вертикальная зональность, в планировке селений на равнине – горизонтальная. В большинстве случаев поселения строились с системой укреплений, форма которой зависела от топографии местности. Горные поселения отличались теснотой, повышенной этажностью строений, почти полным отсутствием дворов и сколько-нибудь значительных площадей, узостью и кривизной улиц. Из-за недостатка места улицы и перекрестки нередко превращались в длинные, извилистые и темные тоннели. И все же каждое село имело хотя бы маленькую площадь (обычно у мечети)³⁰².

Рост строительства общественных и жилых зданий, мостов способствовал в определенной мере увеличению художественной обработки камня и

дерева. Дома состоятельных лиц, мечети и другие общественного значения постройки, как правило, украшались художественно обработанными и красиво декорированными вставными камнями (обычно с резьбой, представлявшей собой изображения розеток, пальметок, полумесяц, сабли или арабскую вязь с указанием даты строительства, имени мастера и т.д.). Среди них встречаются и образцы XVI–XVII вв., хотя и не так много. Имеющиеся данные убеждают в существовании своего рода межэтнических школ по декоративной обработке дерева (в строительных целях – опорные столбы в домах, ставни, михрабы, двери мечетей и т.д.), а также камня (особенно для надгробных стел), что заметно при изучении надмогильных стел XVI–XVII вв. на кайтагских и табасаранских кладбищах. Эти стелы представляют собой образцы высокохудожественной резьбы по камню, эпиграфики и каллиграфии. Подобное сходство прослеживается при сравнении надмогильных стел и на кладбищах соседних лакско-даргинских и других сел³⁰³.

Говоря о художественной обработке камня в Дагестане, необходимо отметить, что особенно тщательно отделялись в Дагестане надмогильные стелы, достигавшие двух и более метров в высоту.

Великолепные образцы художественной обработки надмогильных каменных стел сохранились на кладбищах многих сел Дагестана, особенно тех, где традиционно мастерство резьбы по камню передавалось по наследству. Это Кубачи, Чох, Мегеб, Ругуджа, Карабудахкент, Тидиб, многие табасаранские и кайтагские села (Хив, Зиль, Джерах, Урари, Кала-Корейш, Шиляги). Нередко на стелах изображали всадника в полном вооружении и другие предметы быта.

Особенно богато декорированы надмогильные стелы на так называемом шамхальском кладбище в Кумухе, в Тарках, на прилегающих к Дербенту старинных кладбищах³⁰⁴.

Обработка глины достигла в Дагестане уровня профессионального мастерства. Особенно это было заметно в Испике, Джули, Балхаре, Сулевкенте, образцы изделий мастеров которых XVI–XVII вв. сохранились до наших дней, выставлены в музеях³⁰⁵.

Глина служила раствором при возведении домов и общественного характера построек, в частности мечетей. Ею же обмазывались внутренние стены, полы, веранды.

Широкое применение в строительном деле находила в Дагестане и древесина. Строительный лес особенно дорого ценился в горной части Дагестана, где его было очень мало, и для строительства домов приходилось приобретать и транспортировать бревна за десятки километров. Их применяли для перекрытий и подпорок, а также для создания так называемых антисейсмических поясов.

Искусство резьбы по дереву дагестанских мастеров также достойно восхищения. Оно достаточно хорошо освещено³⁰⁶. Это резная посуда, мебель, строительные детали, двери, ставни, окна, балконы, хранилища для зерна, порталы мечетей. Особенно привлекательны сохранившиеся до наших дней образцы центральных опорных деревянных массивных столбов в домах более или менее состоятельных семей. Хозяева домов стремились повсеместно украшать свои жилища резным орнаментом. Основными типами орнаментов в Южном Дагестане были плетенка, геометрический и растительный

узоры. Особенно красиво отделялись орнаментом опорные столбы и двери мечетей в Тпиге, Хиве, Рича, Курахе, Хучни³⁰⁷. Искусство резьбы было сильно распространено в богатом лесами Табасаране. Превалировал там орнамент плетенка. Это же наблюдалось в Кайтаге.

При резьбе по камню и дереву изображались чаще всего растительные узоры, крючки, звезды, треугольники, розетки, солярные знаки или отдельные простые элементы геометрического орнамента³⁰⁸.

До сих пор представляют интерес вещи, ставшие памятниками декоративно-прикладного искусства, из Корода, Гинта, Кумуха, Шиназа, украшенные богатым растительным орнаментом со стилизованными изображениями птиц, животных, человеческих фигур, спиралей, крестов, отдельных предметов быта из дерева (деревянные лари-цагуры, сундуки, домашняя утварь, мебель и т.д.). Естественно, лучше всего сохранились каменные изделия и памятники.

В XVI–XVII вв. появились профессиональные мастера-строители (уста). Этот термин встречается в строительных надписях в Рутуле, Тпиге, Ахты, Худхуле, Курахе. Обращает внимание и то, что мастера из табасаранского села Филяг, агульского Худхула, ахтынского Хурюга славились за пределами своих сел. Филягские мастера строили в даргинских селах, хурюгские – в Ахты, Джабе. Мастер из Худхула Ибрагим Халил в 1683 г. построил здание мечети в селе Хучни. Минареты мечетей в Шиназе, Рутуле, Хурюге построены по одному образцу³⁰⁹, видимо одним мастером.

В Дагестане было несколько населенных пунктов, архитектура которых оказывала влияние на строительство окружающих их сел.

Одним из них было селение Тарки. Его лучшее описание составил в 1666 г. турецкий путешественник-географ Э. Челеби. Он писал, что в Тарках “имеются приличествующие этому городу благоустроенные и красивые постройки из камня и с изгородями, числом семь тысяч. Дома зажиточных хозяев обмазаны сверху донизу глиной, как и верхние и нижние этажи домов знати. Имеются дворцы шамхала-шаха, и Таки-хана, и Хорхор-бея, и Улубея, и Касим-бея, и Казаналп-бея и еще очень многих состоятельных семей. Однако дворец Султан-Махмуда не похож на дворцы прочих падишахов, ибо в нем отсутствует роскошь и чрезмерное великолепие”³¹⁰.

Заслуживает внимания и сообщение Э. Челеби, что в Дагестане “имеется сорок один благоустроенный город” и 56 крепостей³¹¹.

Об архитектуре Кубачи этот же автор писал, что эта крепость возведена цехом латников. Ее основатель неизвестен, “но строение это старое, и возведена крепость будто из агата. Стены сложены из хорошо отшлифованных сверкающих камней. Крепость состоит из нескольких кварталов. В городе дома с глиняными крышами, соборные и квартальные мечети...”. О селе Судакер (Цудахар) он писал, что “Судакер – благоустроенная деревня с тремястами домами, одной мечетью, двумя постоянными дворами и одной баней”³¹².

На архитектуру сел в Южном Дагестане значительное влияние всегда оказывал г. Дербент, где имелись построенные еще в древности красивые и добротные здания. О Дербенте Ф. Котов в 1623 г. писал: “Дербент – укрепленный белокаменный город, только малонаселенный. Один конец города уходит в горы, другой доходит до моря. Длина города больше трех верст. а

ширина саженой триста; город перегорожен поперек каменными стенами в двух местах, так что получаются три города... теперь еще одна большая крепкая башня стоит в воде. Все посады находятся в крепости, а за ней – отводные каменные башни...”³¹³.

А. Олеарий был более многословен. Он отмечал, что “город этот замыкает путь, идущий между морем и непроходимыми горами... Никто не может пройти в этой местности, не заходя в этот город... В нем различаются три части. Высшая из них – это замок на горе. Здесь живет наместник, эта часть была вооружена пушками и 500 солдат из двух племен: аюрумлу и койдурша. Средняя часть населена персами; позади она сильно опустошена... Нижняя часть длиною в 2000 простых шагов совершенно лишена домов... Обе стены стоят на скалах, так как все побережье у Дербента исключительно скалистое, и корабельщикам здесь останавливаться не удобно и опасно...”³¹⁴.

На дагестанские горные селения путешественники не обратили внимания. В любом случае традиционная для Дагестана архитектура была характерна и для этих сел. Дагестанцы любой зоны или части Дагестана рационально использовали местные строительные материалы: камень, известь, глину, древесину, хворост, камыш и т.д.³¹⁵ В горах, естественно, предпочтение отдавали камню и дереву, где имелся лес.

О городской архитектуре в Дагестане можно в определенной мере судить по описанию г. Дербента Э. Челеби в середине XVII в. Он писал: “Над портовыми воротами, выходящими на берег моря, на персидском языке написаны стихи... Ныне стены и башни прежней постройки виднеются и в глубинах моря. Длина стены, идущей от моря, равна расстоянию, которое пролетает стрела... ширина крепости равна расстоянию, на которое летит стрела арбалета”³¹⁶.

Что же касается собственно крепости, то он писал, что она “построена на высоком холме и имеет пятиугольную форму”, поставлена на прочном фундаменте, имеет три форта, трехрядные железные ворота, двое из которых выходят к уязвимой стороне города; двое ворот были и в низшей части города. Одни ворота открывались на южную сторону, вели к Шемахе, а другие – в сторону Дагестана и Кипчакской степи. Интересно отметить, что в городе имелось ночное освещение “нефтяным маслом”. Более ценно его сообщение о том, “что внутри крепости стоит до тысячи двухсот домов, крытых глиной”³¹⁷. Именно такие дома были типичны для Дагестана того времени. Писал он и о том, что у самой стены стоял большой дворец, к которому примыкала большая мечеть с разрушенным минаретом, поблизости от нее находилась баня. По его словам, около Кайик-капы (ворота) располагались соборная мечеть, постоянные дворы и лавки, а в городе было много базаров, мечетей, постоянных дворов, лавок, базаров и бань. Иначе говоря, Дербент в середине XVII в. продолжал играть важную роль во многих областях жизни, поскольку был и военной крепостью, и торговым центром, и портом, куда прибывали товары из Закавказья, а также “из стран Чин, Мачин, Хатай, Хотан, Фагфур и Москвы”³¹⁸.

Важное значение в строительстве отводилось и возведению мечетей. Во многих феодальных владениях и союзах сельских обществ в главных селах построили довольно интересные в архитектурном плане мечети, например

мечеть в селе Хив. Ее каменные, украшенные резьбой столбы образовывали четырехугольник, примыкавший к минарету³¹⁹.

Строительное дело – возведение домов, дворов, башен, мечетей, сооружений над родниками, крепостных стен, а также каменных (в том числе арочных) мостов – в Дагестане в XVI–XVII вв. достигло достаточно высокого уровня. Население Дагестана в основном уже жило в многокамерных домах, а хозяйственные постройки выносились порой и за селения, если в селе было тесновато из-за скученности домостроений.

В Дагестане в этот период уже происходила миграция ремесленников – мастеров по строительному делу из горных районов в предгорные и равнинные села. Строители пользовались большим почетом в народе. Их имена часто фиксировались на резных камнях, которые вставляли в стены особенно удавшихся им построек.

Одежда. Традиционная одежда народов Дагестана достаточно подробно описана в трудах дагестанских этнографов, особенно С.Ш. Гаджиевой³²⁰. Сведения по этому вопросу скудны. Поэтому приведем хотя бы сообщение А. Олеария по этому вопросу. По его словам, “они ходят в длинных серых и черных кафтанах, сделанных из плохого сукна, а поверх одежды носят грубый войлочный плащ. На голове у них шапки, сшитые четырехугольником из куска черного сукна. Их башмаки из овечьей или лошадиной кожи вырезаны из одного куска со швом сверху на ноге и сбоку ее”³²¹. Это о мужской одежде.

О женской одежде и женских украшениях сведений выявить не удалось.

Оружие. Об оружии дагестанцев Олеарий писал, что “они ездят или ходят обыкновенно защищенные броней, щитом и шлемом,нося стрелы, лук и дротики... Подобным образом были вооружены даже те, кому приходилось только стеречь пару овец”³²². Больше подробностей по этому вопросу содержит сообщение Э. Челеби о войсках эндирейского владетеля и их вооружении. Он писал, что этот падишах “имел в своем распоряжении воинов отборных, преданных, в латах или в кольчугах, и все это были всадники на чистокровных арабских конях”³²³. По словам этого автора, “хан города Эндери имел двадцать тысяч пеших стрелков из ружей, в латах, кольчугах и шлемах, в стальных шишаках, защищающих голову, закованные в броню...”. Кроме того, хан имел “несколько тысяч пеших лучников”, всадников, обвешанных “разнообразным оружием на конях чистокровных пород”. Челеби же писал, что “многие из кумыкского народа куют красивые кольчуги”³²⁴.

Нужно подчеркнуть, что дагестанцы в XVII в. владели “боевым оружием, колющим и стреляющим”, как это отмечал в 1659–1660 г. историограф шаха Аббаса II Мухаммед Тахир Казвини³²⁵. Но главными предметами вооружения дагестанцев в XVI–XVII вв. были кинжалы, сабли, щиты, луки со стрелами, которые изготовлялись в основной своей массе мастерами-умельцами Дагестана, в частности из Кубачи, Амузги, Харбука, Тарков, Икра, Казанище и т.д. Предметы вооружения привозились в Дагестан и из других стран, в частности из России³²⁶. Топоры, ножи, палки или дубины, и даже камни также использовались при необходимости или отсутствии другого оружия.

Вопрос о пище народов Дагестана часто интересовал исследователей, хотя сведений XVI–XVII вв. по этому вопросу маловато. Тем не менее источ-

ники XVII в. позволяют судить о довольно большом разнообразии блюд у дагестанцев, особенно ярко это отразилось в подробном описании приема и обеда, устроенного тарковским Сурхай-ханом в 1636 г., в честь гольштинского посольства, секретарем которого был весьма наблюдательный А. Олеарий. Он писал: “Угощение состояло из 4-х блюд, наполненных нарезанною в виде небольших кружков и жареною на деревянных вертелах бараниною, нескольких кусков белужины, творогу и нескольких посудин с рисом, сваренным с крупным изюмом и выложенным вареною бараниною. Кравчий сел посередине стола, положил друг на друга несколько длинных, толщиною с палец, хлебов или лепешек, перервал их пополам и бросил каждому по куску.

Затем он разорвал и мясо небольшими кусками и руками наложил их гостям... Напитком служила вода в немецких пивных кружках и водка в серебряных чарах...”³²⁷.

После трехчасового перерыва “вновь было подано на стол; между другими кушаньями поданы были вареная баранья печень и овечий хвост (курдюк), весивший 5–6 фунтов. Эти кушанья один из кравчих... сильно посолив их, очень мелко изрубил и смешал и затем руками раздавал; с виду это была серая каша... но на вкус она была вовсе не плоха”³²⁸.

Члены посольства в Тарках были приглашены и другим князем. На обед у него, “приносили довольно хорошо приготовленные кушанья, в том числе и целиком изжаренный ягненок, от которого каждый мог отрезать, сколько ему хотелось. Их сосудами для питья являлись длинные коровьи рога, в которых проворно передавали кругом напиток, именовавшийся “брагою”, вареный из пшена и по цвету и густоте сходный с дрожжами, а также и водку»³²⁹.

Как видно, меню обедавших было довольно богатым и, если идентифицировать их кушанья с современными блюдами, гостям подавали плов из риса с бараниной, вареное мясо, шашлыки, и даже целого жареного ягненка и т.д.

Таких описаний повседневной пищи у бедных слоев дагестанского общества XVI–XVII вв. не сохранилось. Разнообразие блюд в ряде случаев зависело от сезона. Жители Дагестана употребляли вареные, печеные, жареные продукты. Потребляли дагестанцы в пищу во все времена много трав (крапива, черемша, дикий лук, дикий чеснок, щавель, мята и т.д.), овощей (особенно в плоскостной зоне) и фруктов; но мясомолочные продукты и мучные изделия составляли основу их пищи³³⁰.

По уровню развития материальной культуры народы Дагестана не отставали от соседних народов, шли вровень с ними, заимствуя у них много полезного и практичного.

Связи в области материальной и духовной культуры способствовали общему подъему культуры народов Дагестана. Так, селения, основанные горцами-переселенцами на равнине, были во многом схожи с кумыкскими, но лучше приспособлены к местным условиям³³¹.

¹ Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа. Баку, 1980. С. 13, 15, 25.

² История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 305.

³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Пер. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 494, 498–499.

- ⁴ *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 114–115.
- ⁵ Подробнее см.: *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 39–87, 291–293; *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 8–60.
- ⁶ *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. LXXXV, XCVII.
- ⁷ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Историческая география Дагестана в XVII – начале XIX в. Махачкала, 1999. Кн. I. С. 114.
- ⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв. М., 1957. Т. I. С. 196–197.
- ⁹ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 18.
- ¹⁰ Там же. С. 125–161.
- ¹¹ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 4; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 293; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 331; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 152–153, 115.
- ¹² История Дагестана. Т. 1. С. 305.
- ¹³ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 192–194.
- ¹⁴ История Дагестана. Т. 1. С. 306; *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 14.
- ¹⁵ История Дагестана. Т. 1. С. 307.
- ¹⁶ Там же. С. 306; *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 13–14.
- ¹⁷ *Булатов Б.Б., Рамазанова Д.Ш.* Деятельность органов государственной власти Республики Дагестан в области межнациональных отношений (80–90-е гг. XX в.). Махачкала, 2000. С. 77.
- ¹⁸ *Айтберов Т.М.* Закавказские аварцы (VII – начало XVIII в.). Махачкала, 2000. Ч. 1. С. 105–108.
- ¹⁹ *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 146–147.
- ²⁰ *Эвлия Челеби*. Сияхет-наме / Пер. с тур. яз. И.А. Гусейнова // Науч. арх. Ин-та истории АН Азерб. Респ. Инв. № 1204. Л. 36.
- ²¹ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 204.
- ²² Там же. С. 265; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1957. С. 123.
- ²³ Цит. по: *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 203–204; См. также: *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 185.
- ²⁴ *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. С. 37–38.
- ²⁵ *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 15.
- ²⁶ История Дагестана. Т. 1. С. 252–253, 322.
- ²⁷ Там же. С. 317–319; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. С. 48.
- ²⁸ *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. С. 47; *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1868. Вып. 1, отд. II. С. 77; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 98–99; Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 50; *Омаров А.С., Маршаев Р.Г.* “Постановления Рустам-хана” как источник по истории Кайтага XVII в. // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ИИЯЛ Даг. ФАН СССР). Махачкала, 1960. Т. V.
- ²⁹ История Дагестана. Т. 1. С. 254–255.
- ³⁰ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 277.
- ³¹ История Дагестана. Т. 1. С. 254–255.

- ³² *Агларов М.А.* Указ. соч. С. 89–93.
- ³³ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 73, 76–79, 293, 369; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 42, 93, 192, 224, 230, 237, 245–246; *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 190; *Лавров Л.И.* Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 163–175; *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 54–59; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 167–169.
- ³⁴ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 246–247.
- ³⁵ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 246.
- ³⁶ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 49.
- ³⁷ *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. С. 256.
- ³⁸ *Бакиханов А.К.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 88; *Он же.* Гюлистан-и Ирам / Под ред. З.М. Буниятова. Баку, 1991. С. 108.
- ³⁹ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 42.
- ⁴⁰ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 194.
- ⁴¹ Там же. С. 194–203.
- ⁴² *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 41, 296–298; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 204–205.
- ⁴³ *Бакиханов А.К.* Гюлистан-Ирам. С. 88; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. С. 9–10; *Афанасьев М.А.* Селение Костек // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1893. Вып. 16. Отд. 1. С. 87.
- ⁴⁴ *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 52.
- ⁴⁵ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 293; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 204.
- ⁴⁶ *Гаджиев В.Г.* Шамхальство (История образования и государственное управление) // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 40.
- ⁴⁷ Там же; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 282.
- ⁴⁸ *Гаджиев В.Г.* Шамхальство... С. 39.
- ⁴⁹ История Дагестана. Т. 1. С. 251; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 42.
- ⁵⁰ *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 86; *Омаров А.С., Маршаев Р.Г.* Об одном памятнике по истории Аварии // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. 1958. Т. V. С. 132–133.
- ⁵¹ *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 143.
- ⁵² Там же. С. 135.
- ⁵³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 294.
- ⁵⁴ *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 133–134.
- ⁵⁵ История Дагестана. Т. 1. С. 261; *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 139–141.
- ⁵⁶ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 108.
- ⁵⁷ Там же. С. 138–139.
- ⁵⁸ Там же. С. 61–62; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 15–16.
- ⁵⁹ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 252; *Потто В.* Кавказ до Петра. СПб., 1896. С. 3.
- ⁶⁰ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 90; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 172.

- 61 *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 135.
- 62 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 123; *Омаров А.С., Маршаев Р.Г.* Указ. соч.; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 12.
- 63 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 99.
- 64 *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана (с древнейших времен до конца XV в.). Махачкала, 1996. С. 326.
- 65 *Никитин Аф.* Хождение за три моря. М., 1960. С. 28–29.
- 66 *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам. С. 88; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 13–14.
- 67 *Магомедов Р.М.* Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964. С. 13.
- 68 Там же.
- 69 *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 178–181.
- 70 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 48.
- 71 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 126.
- 72 *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 14, 178–181; История Дагестана. Т. 1. С. 250–251.
- 73 *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам. С. 100–101; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 201.
- 74 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 65.
- 75 *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 293.
- 76 *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 2. С. 94.
- 77 *Османов Г.Г.* О социальном строе в Дагестане в конце XVIII – начале XIX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1959. Т. 7. С. 163.
- 78 *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй... С. 250.
- 79 Там же. С. 247.
- 80 *Дирр А.М.* Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отд. 3. С. 17; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 97.
- 81 *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 97; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 17.
- 82 *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 330; *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 135.
- 83 *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 293.
- 84 *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. М., 1983. Вып. 3. С. 177.
- 85 История Дагестана. Т. 1. С. 250; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 294; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 97–99.
- 86 Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 50.
- 87 Там же. С. 48.
- 88 *Умаханов М.-С.К.* Система управления ханств Дагестана в XVI–XVII вв. // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. С. 64.
- 89 *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 98.
- 90 *Пашаев К.И.* Историческая география Южного Дагестана XV–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2000. С. 20.
- 91 *Гасанов М.Р.* Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 128.
- 92 *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 293.
- 93 *Эвлия Челеби.* Отрывки из “Путешествия” // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 26. (Далее: РФ ИИАЭ ДНЦ РАН).

- ⁹⁴ Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов... С. 18.
- ⁹⁵ Пашаев К.И. Указ. соч. С. 11.
- ⁹⁶ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 100.
- ⁹⁷ Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис, 1868. Т. II.
- ⁹⁸ Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 19.
- ⁹⁹ АКАК. Т. II. С. 1087–1088; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 102; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов... С. 19; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 77–78.
- ¹⁰⁰ Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 78–79.
- ¹⁰¹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 99–100.
- ¹⁰² История Дагестана. Т. 1. С. 251.
- ¹⁰³ Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов... С. 19–20.
- ¹⁰⁴ Олеарий А. Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию. СПб., 1906. С. 449.
- ¹⁰⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 28.
- ¹⁰⁶ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 93–94; Умаханов М.-С.К. Система управления ханств Дагестана...
- ¹⁰⁷ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 94.
- ¹⁰⁸ Лопухин А. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана: Сб. материалов / Подг. Х.-М. Хашаев, М.О. Косвен. М., 1958. С. 27. (Далее: ИГЭД).
- ¹⁰⁹ Умаханов М.-С.К. Система управления ханств Дагестана... С. 66.
- ¹¹⁰ Умаханов М.-С.К. О численности феодальных владений Дагестана в XVII–XVIII веках // Труды Географического общества Дагестана. Махачкала, 1999. Вып. XXVII. С. 163.
- ¹¹¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 147.
- ¹¹² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 71.
- ¹¹³ Там же. С. 71–72; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 211.
- ¹¹⁴ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 106; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 209.
- ¹¹⁵ Гербер Г.-И. Указ. соч. С. 71.
- ¹¹⁶ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 210.
- ¹¹⁷ Акбиев А.С. Кумыки, вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998. С. 47.
- ¹¹⁸ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 130.
- ¹¹⁹ Там же. С. 131.
- ¹²⁰ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 182–183.
- ¹²¹ Там же. С. 182; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 187–188.
- ¹²² Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 155; Гаджиева С.Ш. Кумыки, XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 49; История Дагестана. Т. 1. С. 247.
- ¹²³ Афанасьев М. Указ. соч.
- ¹²⁴ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 155; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 184–185.
- ¹²⁵ Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 1–2.
- ¹²⁶ Там же. С. 2–3; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 217.

- 127 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 293.
- 128 Мехтулинские ханы. С. 1–2.
- 129 Там же; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 88.
- 130 Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 236.
- 131 Там же. С. 237–245.
- 132 Там же. С. 240–241.
- 133 Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 1, отд. IV. С. 60.
- 134 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 293.
- 135 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 45; Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 49; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 156–157; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 27.
- 136 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 138.
- 137 Там же. С. 198–199; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 27.
- 138 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 199.
- 139 Там же. С. 200.
- 140 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 156.
- 141 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 293.
- 142 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 147.
- 143 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 28.
- 144 Там же. С. 66.
- 145 Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 49.
- 146 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 293.
- 147 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 147; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 28.
- 148 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 74.
- 149 Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 50; Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 75.
- 150 Цит. по: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 293.
- 151 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 28.
- 152 Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 6; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 10; Булатова А.Г. Лакцы, XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2000. С. 67.
- 153 Казикумухские и кюринские ханы. С. 6; Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 10–11.
- 154 Булатова А.Г. Указ. соч. С. 69; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 223.
- 155 История Дагестана. Т. 1. С. 328.
- 156 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 47.
- 157 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 68–69.
- 158 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 57.
- 159 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 74–75.
- 160 Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана (Проблемы, история изучения, перспективы) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в.: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1981. С. 3–4.

- ¹⁶¹ *Броневский С.* Указ. соч. С. 40; *Неверовский А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб., 1847. С. 19; *Гаджиев В.Г.* Союзы сельских общин... С. 5.
- ¹⁶² *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй... С. 369.
- ¹⁶³ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 277; *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. С. 51.
- ¹⁶⁴ *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в.
- ¹⁶⁵ *Мансуров Ш.М.* Салатавия (социально-экономическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995. С. 39.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 26.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 36–37.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 13.
- ¹⁶⁹ *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 89.
- ¹⁷⁰ *Мансуров Ш.М.* Указ. соч. С. 66.
- ¹⁷¹ Там же. С. 29–31.
- ¹⁷² *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. С. 67–68; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 278–279.
- ¹⁷³ *Ахмадов Я.З.* Феодалная фамилия Турловых в XVI–XVIII вв. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Тезисы докладов региональной научной конференции. Махачкала, 1980. С. 61.
- ¹⁷⁴ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 279; *Хрисанф.* Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 247.
- ¹⁷⁵ *Агларов М.А., Айтберов Т.М.* “Повествование об Алибеге андийском и его победе над князем Турлавом б. Али-ханом баклулальским” как источник по истории Дагестана XVII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана... С. 121.
- ¹⁷⁶ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 279; *Айтберов Т.М., Нурмагомедов А.М.* Койсубулинский союз и шамхальство в первой четверти XVIII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана... С. 136–138.
- ¹⁷⁷ *Комаров А.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. I. С. 58.
- ¹⁷⁸ История Дагестана. Т. 1. С. 329.
- ¹⁷⁹ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 280.
- ¹⁸⁰ *Магомедов Д.М.* Некоторые особенности социального развития союзов сельских обществ Западного Дагестана в XV–XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана... С. 30–31; *Алимова Б.М., Магомедов Д.М.* Ботлихцы, XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993. С. 16, 44–48.
- ¹⁸¹ История Дагестана. Т. 1. С. 329.
- ¹⁸² *Хрисанф.* Указ. соч. С. 273–274.
- ¹⁸³ *Магомедов Д.М.* Некоторые особенности социального развития... С. 31; История Дагестана. Т. 1. С. 330.
- ¹⁸⁴ *Магомедов Д.М.* Некоторые особенности социального развития... С. 30 (Д.М. Магомедов называет 16 селений и отселков в составе союза Чамалал).
- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 28.
- ¹⁸⁷ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 280–281.
- ¹⁸⁸ *Магомедов Д.М.* Некоторые особенности социального развития... С. 29.
- ¹⁸⁹ История Дагестана. Т. 1. С. 330; *Мусаева М.К.* Хваршины, XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 6.
- ¹⁹⁰ *Хрисанф.* Указ. соч. С. 273.

- 191 Там же; История Дагестана. Т. 1. С. 329.
- 192 *Хрисанф*. Указ. соч. С. 273.
- 193 *Норденстам И.И.* Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 319.
- 194 Там же. С. 320.
- 195 Там же.
- 196 Там же. С. 319.
- 197 Там же. С. 321.
- 198 Там же.
- 199 Там же.
- 200 Там же. С. 322; *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Бежтинцы, XIX – начало XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997. С. 17–19.
- 201 *Норденстам И.И.* Указ. соч. С. 322, 370.
- 202 Там же. С. 324.
- 203 Там же. С. 326–327.
- 204 История Дагестана. Т. 1. С. 330; *Магомедов Д.М.* Некоторые особенности социального развития... С. 29–30.
- 205 *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 282.
- 206 Там же. С. 282–283.
- 207 Там же. С. 283–284.
- 208 История Дагестана. Т. 1. С. 331–332.
- 209 *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 282, 286.
- 210 *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 133.
- 211 *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 284.
- 212 Там же; *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. С. 181.
- 213 *Алиев Б.Г.* Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972. С. 43; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 287.
- 214 *Алиев Б.Г.* Каба-Дарго... С. 43; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 285.
- 215 *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 287.
- 216 *Гасанов М.Р.* Очерки истории Табасарана. С. 151–152.
- 217 *Гасанов М.Р.* Из истории Табасарана XVIII – начала XIX вв. Махачкала, 1978. С. 58.
- 218 Там же. С. 58–59, 66–67, 69.
- 219 Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 25.
- 220 *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. С. 211.
- 221 Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 30.
- 222 *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 96.
- 223 *Пашаев К.И.* Указ. соч. С. 13.
- 224 Там же. С. 13–14; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 103–104, 107.
- 225 *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 168; *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 224–225; Из истории права народов Дагестана / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 221, 224–228; Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 110; *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй... С. 110; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 92–94; *Он же.* Взаимосвязи народов Дагестана в XVII – начале XIX вв. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 1994. С. 32–34.
- 226 *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957. С. 52, 73.
- 227 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 131.

- 228 *Олеарий А.* Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. / Пер. П. Барсова. М., 1870. С. 495; *Стрейс Я.* Три путешествия. М., 1935. С. 223.
- 229 *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 401, 405.
- 230 История Дагестана. Т. 1. С. 233–234; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 37; *Агларов М.А.* Указ. соч. С. 40–50.
- 231 История Дагестана. Т. 1. С. 234.
- 232 *Гербер И.-Г.* Указ. соч. С. 69, 71, 73.
- 233 Там же. С. 74, 83, 86, 104.
- 234 *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Вып. I. С. 19.
- 235 *Олеарий А.* Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. С. 495; *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 223; *Эвлия Челеби.* Выдержки из “Книги путешествия” / Пер. с тур. яз. Ф. Бабаева // Науч. арх. Ин-та истории АН Республики Азербайджан. Д. 814. Л. 16.
- 236 *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. С. 81–83.
- 237 История Дагестана. Т. 1. С. 233.
- 238 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 289.
- 239 История Дагестана. Т. 1. С. 235.
- 240 Там же. С. 233.
- 241 *Олеарий А.* Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. С. 449.
- 242 *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 37.
- 243 *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. С. 112.
- 244 Там же. С. 106.
- 245 *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 293; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 293.
- 246 История Дагестана. Т. 1. С. 234.
- 247 Там же. С. 235; *Османов М.-З.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала, 1996. С. 103–119.
- 248 *Гербер Г.-И.* Указ. соч. С. 84.
- 249 *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. С. 84–86.
- 250 Там же. С. 88–89.
- 251 Там же. С. 89.
- 252 Там же. С. 83.
- 253 Там же. С. 83–84.
- 254 *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 38.
- 255 *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 275; *Алексеева Е.П.* Указ. соч. С. 58.
- 256 История Дагестана. Т. 1. С. 235.
- 257 Там же. С. 235–236.
- 258 Там же. С. 236; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 38–39; *Он же.* Взаимосвязи народов Дагестана... С. 14–15.
- 259 *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 91.
- 260 *Умаханов М.-С.К.* Взаимосвязи народов Дагестана... С. 14–15.
- 261 Там же. С. 15.
- 262 *Броневский С.* Указ. соч. С. 327–328; *Эвлия Челеби.* Отрывки из “Путешествия” // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 94.

- 263 История Дагестана. Т. 1. С. 236.
- 264 Там же.
- 265 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 111.
- 266 Там же. С. 41; Он же. Взаимоотношения народов Дагестана... С. 13; История Дагестана. Т. 1. С. 237.
- 267 Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана... С. 17.
- 268 Там же. С. 19.
- 269 Там же. С. 20; Малачиханов Б. Указ. соч. С. 185–187.
- 270 Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана... С. 20.
- 271 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 201–219; История Азербайджана. Баку, 1958. Т. I. С. 277; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 43.
- 272 Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 123.
- 273 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 43–44.
- 274 Там же. С. 44.
- 275 Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию / Под ред. А.А. Кузнецова. М., 1958. С. 36.
- 276 Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI–XVII вв.: Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. С. 290.
- 277 Эфендиев Р.С. Азербайджанский костюм XVI–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961. С. 8.
- 278 Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 123.
- 279 История Дагестана. Т. 1. С. 299.
- 280 Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. Тифлис, 1869. Т. I, отд. V. С. 1–72.
- 281 Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 123.
- 282 История Дагестана. Т. 1. С. 300.
- 283 Там же. С. 299–300.
- 284 Постановления Кайтагского уцмья Рустем-хана // Из истории права народов Дагестана. С. 184.
- 285 Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 123.
- 286 История Дагестана. Т. 1. С. 300.
- 287 Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 126.
- 288 Там же. С. 127.
- 289 Там же. С. 129.
- 290 Там же; Барабанов А. Пояснительные значки арабских рукописей и документов Северного Кавказа // Советское востоковедение. 1945. № 3. С. 208; История Дагестана. Т. 1. С. 301.
- 291 История Дагестана. Т. 1. С. 301.
- 292 Там же. С. 301–302.
- 293 Там же. С. 302.
- 294 Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана... С. 35–37.
- 295 Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. С. 404.
- 296 Там же. С. 499.
- 297 История Дагестана. Т. 1. С. 297.
- 298 Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 131.
- 299 Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992. С. 65.

- ³⁰⁰ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. С. 498.
- ³⁰¹ *Гаджиева С.Ш., Османов М.-З.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; *Османов М.-З.О.* Указ. соч.; *Булатова А.Г.* Указ. соч.; *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX – начало XX вв. М., 1978; *Гаджиева С.Ш.* Кумыки...
- ³⁰² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 467–468.
- ³⁰³ История Дагестана. Т. 1. С. 296–297.
- ³⁰⁴ *Дебиров П.М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966. С. 53, 63, 65, 69, 71, 73–75, 134–138, 141, 147–149, 156, 169, 202; *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа: Надписи X–XX вв. М., 1980. Ч. 3. С. 50–62.
- ³⁰⁵ Искусство Дагестана. М., 1981. Образцы 48–52; *Кильчевская Э.В., Иванов А.С.* Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 24–50.
- ³⁰⁶ *Дебиров П.М.* Резьба по дереву в Дагестане. 2-е изд. М., 1982. С. 11, 13–15, 21, 24–25, 28–30, 50–54, 56, 59–61, 70–72, 77–78; иллюстрации см.: С. 109–119, 134–135, 142–143, 174, 187.
- ³⁰⁷ *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 132–133.
- ³⁰⁸ Там же. С. 133.
- ³⁰⁹ Там же.
- ³¹⁰ *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. С. 106.
- ³¹¹ Там же. С. 107.
- ³¹² Там же. С. 118.
- ³¹³ *Котов Ф.* Хождение купца Федота Котова в Персию // Дагестан в известиях... С. 66.
- ³¹⁴ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. // Дагестан в известиях... С. 107–108.
- ³¹⁵ *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 131.
- ³¹⁶ *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. М., 1983. Вып. 3. С. 173.
- ³¹⁷ Там же. С. 174.
- ³¹⁸ Там же. С. 175.
- ³¹⁹ *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 132.
- ³²⁰ *Гаджиева С.Ш.* Кумыки...; *Она же.* Одежда народов Дагестана, XIX – начало XX вв. М., 1981.
- ³²¹ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. С. 404.
- ³²² Там же.
- ³²³ *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 2. С. 112.
- ³²⁴ Там же. Вып. 3. С. 175.
- ³²⁵ Мухаммед Тахир Казвини о восстании в Дагестане в 1659/1660 гг. // Хрестоматия по истории СССР, XVI–XVII вв. / Под ред. А.А. Зиминой. М., 1962. С. 688.
- ³²⁶ Там же. С. 689.
- ³²⁷ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. С. 502.
- ³²⁸ Там же. С. 502–503.
- ³²⁹ Там же. С. 503.
- ³³⁰ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 473.
- ³³¹ *Умаханов М.-С.К.* Взаимосвязи народов Дагестана... С. 35.

Глава вторая

Социальные отношения и классовые выступления в Дагестане в XVI–XVII веках

§ 1. Социальные отношения

В XVI–XVII вв. в Дагестане происходило дальнейшее развитие феодальных производственных отношений. Этот процесс сопровождался социальной градацией населения, формированием основных классов феодального общества: господствующего класса феодалов и феодально-зависимого класса крестьян. Каждый из этих двух антагонистических классов состоял из целого ряда сословий. Отношение к средствам производства, в частности к земельной собственности, у всех социальных групп было различным. Общественно-правовое положение каждого из сословий определялось размером принадлежавшей им пахотной земли или количеством принадлежавшего им скота, а также численностью подвластного им податного населения.

Об уровне социально-экономического развития Дагестана в отечественной историографии существуют полярные мнения. Историки XIX в. архаизировали общественные отношения у дагестанских народов, пытались доказать господство у них даже в XIX столетии родовых отношений¹. Исследователи советского времени старались опровергнуть это мнение, доказать феодальный характер общественных отношений не только в феодальных владениях, но и в союзах сельских обществ². Однако в конце XX в. стали высказывать суждения, которые совпадали с точкой зрения ученых царской России³.

В феодальных владениях Дагестана социальные отношения были более ярко выражены, чем в союзах сельских обществ. В них сложилась феодальная иерархия. Как и в предыдущий период, в своих владениях правили казикумукские шамхалы, тюменские, аварские, мехтулинские и дербентские ханы, табасаранские майсумы, кайтагские уцмии, аксаевские, эндирейские и костековские владельцы, цахурские султаны.

Они пользовались иммунитетными правами, всей полнотой власти в своих владениях. Их власть обычно переходила к старшему в роду или по прямому наследованию (от отца к сыну)⁴.

Все они были собственниками крупных земельных угодий – пахотных земель, пастбищ, покосов, гор и лесов⁵.

Близкое положение к феодальному сословию занимало и мусульманское духовенство, которое претендовало на активное участие в политической жизни, в феодальных интригах. Так, кадий Табасарана добился власти над частью этого владения⁶.

Следующую ступень феодальной иерархии занимал довольно многочисленный класс беков. К этому сословию относились все сыновья феодальных

правителей от равных браков, но в силу их многочисленности не имевшие возможности стать престолонаследниками. Титул бека считался наследственным.

Их владения также переходили по наследству или делились между сыновьями. Беки считались подвластными своим феодальным правителям, хотя в своих уделах они были полноправными хозяевами. По призыву феодальных правителей беки были обязаны появляться на службу к ним со своими отрядами из вооруженных лиц (нукеров). Однако наиболее крупные из них, владевшие большими уделами, экономически могущественные являлись сторонниками феодальной децентрализации, под разными предлогами уклонялись от исполнения просьб своих правителей. Располагая значительными воинскими силами и используя затруднительное положение своих верховных правителей, они пытались проводить самостоятельную внешнюю политику, становились в оппозицию к центральной власти⁷.

Беки, как и все представители феодального класса, стремились расширить свои владения за счет захвата пустующих общинных земельных угодий, особенно пастбищ, или изъятия их под разными предлогами у сельских обществ и превращения их по существу в свою собственность.

В дагестанских феодальных владениях различались две категории беков – владетельные и служилые (или личные). Положение служилых беков было не очень прочным, так как их благополучие всецело зависело от службы феодальному правителю, который в случае недовольства ими мог уволить их со службы, лишив пожалованных земельных угодий и доходов с крестьян. Но в принципе феодальным правителям служилые беки были преданы и для последующих поколений пожалованные им земли становились их собственностью⁸.

Значительную прослойку в бекском сословии составляли и чанка-беки, или дети беков от неравных браков, не имевшие прямых наследственных прав и владевшие лишь теми земельными угодьями, которыми их наделяли еще при жизни их отцы (беки). Чанка-беки считались приближенными тех владельческих родов, от которых они происходили. Только в случае прекращения прямой мужской линии владельческого рода чанки могли превратиться в настоящих собственников, обладавших всеми правами беков⁹.

Между представителями разных родственных кланов иногда происходили конфликты. Так, в Казикумухском шамхальстве в конце XVI – начале XVII в. произошло столкновение между сыновьями шамхала Чупана Ильдаром, Гиреем, Андием и Магомедом, рожденными от равного брака, с одной стороны, и Султан-Махмудом, рожденным от брака шамхала на кабардинской знатной узденке, – с другой¹⁰. Такие события имели место и в других феодальных владениях Дагестана.

В ряде селений шамхальства – Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Ишкарты и Каранае – правили беки, не связанные с другими бекскими или ханскими родами. Этим беков называли карачи-беками. Считают, что они были потомками знаменитой когда-то, но приниженой влиянием шамхала старинной местной знати¹¹. Тем не менее карачи-беки относились к господствующему сословию, имели много сторонников, владели значительным количеством земель и пользовались большим авторитетом у местного населения.

Тяготела к классу феодалов и верхушка разбогатевшего крестьянского класса – узденства. В Засулакии такие уздени были известны как потомственные уздени, или сала-уздени. В южной части Тарковского шамхальства они назывались уллу-узденями (большими узденями)¹². Сала-уздени имели право владеть рабами. Однако они не могли переходить в разряд беков.

Крестьянский, или феодально-зависимый класс также не был однороден. В массе своей он состоял из лично свободных крестьян, которых называли узденями (узден – свободный). Все они находились в различной степени зависимости от феодалов, ханов, беков и т.д. Часть крестьян попала в личную или поземельную зависимость. Уздени имели много обязанностей перед владельцами. Они обязаны были платить феодалам подати, отбывать повинности за пользование бекскими пастбищами и другими землями, участвовать в военных мероприятиях ханов и беков, строить крепости и другие оборонительные сооружения, выставлять тягловую силу для перевозки грузов владельцев, делать подношения ханам и бекам в дни их семейных торжеств или похорон, выплачивать мечети закят в дни мусульманских праздников и т.д.¹³

Однако в целом уздени всех горных феодальных владений, хотя различались между собой по имущественному положению, считались свободными, имели право перехода от одного феодала к другому.

У кумыков, особенно засулакских различались еще азат-уздени, догерек-уздени и кара-уздени¹⁴. Это были уздени, которым удалось выдвинуться из более зависимых групп крестьян-раятов и чагаров и стать свободными.

Раяты в Дагестане были практически во всех владениях. Они относились к крепостным крестьянам, не имели право перехода от одного феодала к другому под угрозой потери всего недвижимого имущества, а также насильственного возвращения к прежнему хозяину при его желании. Они официально не могли приобретать в личную собственность землю, отбывали массу повинностей, платили феодалам подати, выполняли для беков все полевые работы.

На таком положении в XVI–XVII вв. находились раятские селения Амишта, Тукита, Мусшул, Хин, Чандатль, Учло, Тлайлух в Аварии, Тулизма, Хури, Хосрех – в Лакии¹⁵, терекемские села – в Кайтаге и Табасаране¹⁶.

Статус этой категории населения в феодальных владениях Дагестана различался. В одних раяты практически во всем зависели от феодалов, отбывали свыше десятка повинностей, а в других, будучи свободными в бытовом плане, платили определенные подати феодалам. Особенно тяжелым было положение раят в Кайтаге и Табасаране.

Чагары находились практически в полной личной и поземельной зависимости от владельцев¹⁷. Ряды чагаров пополнялись безземельными горцами, которые поселялись на землях кумыкских феодалов.

Довольно широко представлено в Дагестане XVI–XVII вв. и сословие рабов (лаги, кулы, караваша). Они были практически во всех феодальных владениях. Их ряды пополнялись за счет военнопленных, захваченных во время набегов или купленных на невольничьих рынках Астрахани, Дербента, Эндирея. Рабы были бесправны. Хозяева могли их продать, подарить и т.д.

В XVII в. им обычно давали обрабатывать землю. Рабы все же имели право на выкуп¹⁸.

Такова была социальная иерархия в феодальных владениях. Социальные отношения в союзах сельских общин заметно отличались от нее. Формально там не было феодальных классов (ханов, беков и т.д.) и податного населения. Большинство жителей относилось к узденям, которые имели равные права, в том числе и на землю. Каждый мог иметь движимое и недвижимое имущество (мульк). Однако в союзах сельских обществ уже давно сложилось экономическое и правовое неравенство. Система же управления в них, хотя и состояла из избираемых на общих сходах лиц, давно стала функционировать в интересах феодализирующихся общинных верхов, богатых и сильных тухумов, задававших тон на сходах и добивавшихся принятия удобных им решений¹⁹.

Богатое узденство в союзах сельских обществ могло эксплуатировать обедневших сельчан, прикрываясь при этом своими родственными связями. Эта прослойка постепенно стала правящей элитой в союзах. Кроме узденей, в союзах сельских обществ имелись и рабы (лаги, кулы, каравашаи и т.д.), ряды которых пополнялись в основном за счет военнопленных. Их нередко освобождали за выкуп и сажали на землю. Но полного равенства с остальными общинниками они не получали²⁰.

В некоторых союзах сельских обществ были свои “ханы”, “шахи”, “беки” и т.д., но они являлись не владельческими, а скорее знатными узденями. Иногда ими становились выходцы из владельческих родов соседних феодальных владений, волей судьбы оказавшиеся за пределами своих сел. Наличие господствовавших и эксплуатировавшихся социальных слоев в XVII в. в союзах сельских обществ не вызывает сомнений.

Духовное сословие в союзах сельских обществ также играло важную роль. Духовные лица (кадии, муллы, дибирь, шейхи, эфендии, алимы), как правило, пользовались определенными привилегиями, были освобождены от всяких общественных работ. Они больше осуществляли функции судей при решении на основе шариатских норм семейно-правовых и земельно-правовых вопросов. За свою работу они получали оплату от всех членов сельских обществ в разных формах.

Кадии в Табасаране, в Акуша-Дарго и ряде других союзов сельских обществ по сути дела имели не только духовную власть, но и узурпировали функции светской власти, сравнивались с феодальными правителями, даже командовали военными ополчениями своих союзов²¹.

В этих союзах общинник не был произволен в своих действиях. Он обязан был строго выполнять целый ряд обязанностей, руководствоваться сложившимися в них нормами обычного права при регулировании имущественных, земельных отношений, запретов и т.д. Адат ограничивал его в распоряжении недвижимой собственностью, в частности каждый общинник должен был соблюдать право предпочтительной покупки²². Кроме того, он был обязан согласовывать вопрос о переделе общественных пахотных и покосных земель с тухумным коллективом. Обычай обязывал крестьян соблюдать строгий севооборот, точные сроки начала пахоты и уборки урожая.

Наиболее крупные общины Нагорного Дагестана в XVI–XVII вв. эксплуатировали слабые, выступая по отношению к ним в роли коллективного

феодала. Именно так это делала Ахтынская община по отношению к одиннадцати другим общинам, составлявшим союз Ахты-пара.

Сельские общины, находившиеся под властью феодальных правителей, стали феодально-зависимыми. Иначе говоря, в сельских обществах этого периода не было патриархальной идиллии, а существовало острое противостояние феодализирующихся общинных верхов, в частной собственности которых были сосредоточены основные пахотные и покосные земли и крупные стада овец, и прозябавшей в нужде основной массы общинников, владевших крохотными земельными участками, урожая с которых хватало им только на несколько месяцев. В союзах сельских обществ постепенно развивались феодальные отношения.

Земельно-правовые отношения в Дагестане XVI–XVII вв. Основные земельные угодья (пахотные земли, леса, пастбища, сенокосы, горы) в феодальных владениях находились в собственности феодалов, сдававших их в аренду на разных условиях и живших за счет доходов с них. Это была крупная феодальная собственность правителей и наследственных беков. Существовала и условная феодальная собственность служивых беков, хотя ее доля, по сравнению с собственностью крупных феодалов, была не очень велика.

В феодальных владениях существовала и мелкая частная собственность узденей на землю, или мульковая форма собственности. Этой собственностью уздени с учетом принятых в их обществах ограничений или условностей могли свободно распоряжаться. Малоземелье заставляло крестьян-узденей арендовать земли у феодалов на тяжелых условиях, попадая в зависимость к ним.

В союзах сельских обществ, находившихся под властью феодальных владетелей, феодал-правитель считался сюзереном и ему выплачивались подати, основные пахотные и сенокосные участки земли находились в ведении общины, которая периодически распределяла их по разному принципу. Исключение составляли лишь лесные массивы и пастбища. Их эксплуатировали сообща под строгим контролем общинной администрации²³.

Основной формой землевладения в независимых союзах были мульки. Кроме них уздени использовали наделы, полученные при периодических переделах общественных земель. В этом и проявлялся дуализм земельной собственности в сельских обществах.

В союзах сельских обществ Дагестана имела место и особая форма земельной собственности, известная под названием общей альменды, которая означала наличие у общин неподеленных угодий, которые находились в совместном пользовании всего общества или его основного ядра²⁴. Такие земли имелись у Гидатлинского, Акушинского, Урахинского и других союзов сельских обществ.

Община могла использовать альменду или ее часть в общеджамаатских интересах и целях, но согласовав это на общем сходе (для привлечения к себе союзников, отдать другой общине в качестве выкупа за кровную месть и т.д.) Наличие общей альменды способствовало консервации общинных порядков в союзах сельских обществ.

Имелись земли в Дагестане, находившиеся и в совместном пользовании ряда союзов сельских обществ²⁵. Обычно таковыми бывали крупные горные пастбища. Пользование ими порой вызывало недоразумения, но в ко-

нечном итоге союзы сельских обществ маслагатским путем решали спорные вопросы.

По сути дела в Дагестане повсеместно, где занимались земледелием, имела место и вакуфная (мечетская) форма земельной собственности. Она образовалась за счет пожертвований и завещаний отдельными лицами части своих земельных угодий в пользу мечетей²⁶. Доход с вакуфных земель шел на поддержку религиозных учреждений, на содержание духовных лиц, учащихся медресе, а также на раздачу бедноте, сиротам, инвалидам, нуждавшимся в поддержке общины больным.

В Дагестане в XVI–XVII вв. не сложилась единая система землевладения и землепользования. Здесь одновременно сосуществовали феодальные, крестьянские частные (мульки), джамаатские (общинные) и вакуфные (мечетские) земли. Наличие частной собственности на землю в союзах сельских обществ и феодальных владениях Дагестана свидетельствует о феодальном характере производственных отношений, хотя в союзах сельских обществ они были завуалированы патриархально-родовыми пережитками.

§ 2. Классовая борьба

Развитие феодализма в политически раздробленном (на феодальные владения и союзы сельских обществ) Дагестане в рассматриваемый период сопровождалось усилением феодальной эксплуатации крестьянства и обострением социальных противоречий как в феодальных владениях, так и в союзах сельских обществ. В них стали складываться предпосылки для возникновения разных форм классовой борьбы, которая в феодальных владениях имела свои разнообразные проявления (восстания, вооруженные выступления, побег, антифеодальные соглашения жителей разных обществ, поджоги, хищения имущества феодалов, жалобы на феодалов и т.д.). Социальные противоречия в союзах сельских обществ Дагестана также довольно сильно обострились и имели свои особенности.

Классовые выступления крестьянства в феодальных владениях Дагестана. Они наиболее остро проявлялись в форме антифеодальных вооруженных восстаний, в ходе которых крестьянство выдвигало определенные цели и задачи и нередко физически расправлялось с феодалами. Степень остроты и форма выражения антифеодальных настроений крестьян зависели от глубины социальных противоречий в каждом конкретном случае, а также от политической ситуации. Поскольку крестьянские восстания и выступления носили локальный характер, не охватывали Дагестан целиком одновременно, остановимся на их характеристике по феодальным владениям.

Начнем с наиболее крупного из них – Казикумухского шамхальства. Наиболее раннее антишамхальское выступление произошло при шамхале Улхае. По всей вероятности, шамхалы взимали подати с жителей агульского селения Зулар, находившегося вблизи современного села Тпиг. Согласно сохранившейся на полях арабоязычной рукописи из села Тпиг надписи. в 1533 г. Улхай предъявил иск к жителям этого села, куда до этого переселились по неизвестным причинам зуларцы. Шамхал требовал с тпигцев харадж. Однако они единодушно отказались платить подать. При разборе этого иска

шамхала к тпигцам были приглашены в качестве свидетелей представители селений Кубачи, Курдалы, Дулдуг, Худхул. Тпигцам удалось доказать, что никакого хараджа на них в пользу шамхала не осталось, что они не обязаны за зуларцев платить ему подати²⁷. Единодушие дало возможность тпигцам отвергнуть притязания шамхала на подати. Шамхал вынужден был после этого прекратить свои притязания. Скудность сведений не позволяет более широко комментировать эти довольно симптоматичные для Казикумухского шамхальства события, которые можно оценить как первый сигнал об ослаблении шамхальской власти на его окраинах.

Антишамхальские настроения имели место и в самом владении. Об этом свидетельствует сообщение посланцев кахетинского царя Александра в Москву князя Каплана и старцев Кирилла и Хуршита о том, что горцы не любят шамхала, потому “что им от него обида”²⁸, что “и с кумычены у шефкала (шамхала. – У.М.-С.) рознь и брань великая”²⁹.

Наиболее серьезные последствия для Казикумухского шамхальства имело антишамхальское выступление жителей Кумуха в 40-х годах XVII в., которые изгнали шамхала Сурхая, а затем избрали нового правителя³⁰. Им стал Алибек, известный в источниках как “Алибек-князь казикумыцкой”.

После этого выступления Казикумухское шамхальство по существу распалось на целый ряд феодальных владений³¹, а шамхалы полностью перебазировались в равнинную часть Дагестана и стали называться тарковскими.

Антифеодальные выступления в этот период происходили и в Кайтагском уцмийстве. В 1580 г. при уцмие Гасан-Али ухудшение социально-экономического положения кайтагского крестьянства, усиление его эксплуатации и вместе с тем рост феодальной собственности привели к восстанию крестьян в ряде кайтагских сел. Согласно имеющимся данным, беки из многих сел Кайтага были переселены (выселены) в село Янгикент. Однако положение крестьян не стало лучше. При наследнике Гасан-Али уцмие Ахмедхане (Ахмед-султан) кайтагские крестьяне также восставали.

Особенно упорно против уцмийского гнета выступали жители Урджамильского (Ирчамульского) магала. Главная причина их выступлений – нежелание платить подати уцмью. Однажды сын уцмья отправился в этот магал для сбора падатей. Не поставив в известность отца, он обратился “к своему племяннику шамхалу” за помощью, взял у него войско и устроил разгром урджамильским старшинам, убив многих из них³².

Это еще более обострило отношения уцмья с урджамильцами. Последние вновь выступили против уцмья и его сына. Уцмий Ахмед-султан жестоко расправился с урджамильцами, “убил всех зачинщиков”³³. Более того, он изгнал их, отобрал земли и поселил на них терекемцев из Ширвана³⁴. По преданиям варситцев, предки варситцев в далеком прошлом жили между селами Салик и Великент, но из-за непослушания уцмью, отказа платить ему подати они были изгнаны оттуда. Однако и на новом месте они не добились полной независимости от уцмья и вынуждены были выполнять его просьбы³⁵.

Согласно народным преданиям, уркарахцы тоже неоднократно выступали против уцмья. Они даже зарезали его быка за потраву их посевов. После этого уцмий вынужден был покинуть Уркарах³⁶, куда он перебазировался было из Калакорейша из-за частых выступлений против него в горной части Кайтага. В конечном итоге он вынужден был переехать в населенные

пункты Нижний Кайтаг – Маджалис и Башлы³⁷. Однако и там уцмию не все покорялись.

В Аварском ханстве XVI–XVII вв. протекал процесс централизации и усиления власти хана³⁸. Развитие феодальных отношений сопровождалось расслоением и закрепощением крестьянства, ухудшением его социально-экономического положения. Разнообразные формы классовой борьбы наблюдались в этот период и в Аварии в целом. Особенно упорно боролись аварские союзы сельских обществ против попыток аварских ханов покорить их своей власти, наложить на них феодальные подати. Нередко случались между ними и вооруженные столкновения. Союзы сельских обществ Хиндалал, Гидатль, Карата, Анди неоднократно с оружием в руках выступали против аварских ханов, наносили по ним чувствительные удары. Эта борьба выдвинула и своих героев, каковым был предводитель гидатлинцев Хочбар, ставший жертвой коварства аварского хана. Успешно отражал натиск ханов и Андийский союз сельских обществ, не желавший платить ханам феодальные поборы. В одном из таких столкновений был убит аварский феодал Турурав (Турлав)³⁹.

Серьезное сопротивление нападкам ханов оказал и Гумбетовский союз сельских обществ. Имеется сообщение о том, что “эргены” (аргванийцы) в 1499–1500 гг. убили своего султана. При этом 30 человек бежали в пределы владения шамхала, поселившись в районе современного села Кутиша. Они обязывались охранять границы владений шамхала за его покровительство над ними.

Позднее к ним переселился из Нижнего Чугли некий Чупанилав, ставший их султаном (правителем). Затем туда прибыло еще 12 семейств рабов, убежавших от гнета аварского нуцала. Нуцал требовал возвращения беглых от Чупанилава, но последний подарил ему золотой лук и конфликт был урегулирован. Нуцал согласился оставить беглых “эргенов” и рабов под властью Чупанилава. Интересно отметить, что Чупанилав использовал их для возведения целого ряда построек в Кутиша, а потом всех мужчин-рабов убил для острастки других. Жены их были распределены между верными Чупанилаву подданными⁴⁰.

Согласно народным преданиям и нормам обычного права в Аварском ханстве социальные противоречия проявлялись и в форме побегов, поджогов, кражи и порчи имущества феодалов, ишкиля и т.д.⁴¹ В этом убеждает приспособление норм обычного права для защиты жизни и имущества феодалов. Правовая система так была организована, что бедняк-убийца не мог откупиться за кровь убитого, вынужден был скитаться, скрываясь от мести богатых тухумов, феодалов. В то же время убийцы-беки, чанки и другие могли откупиться за убийство рядового узденя и других представителей низшего класса. В этом легко убедиться, обратившись к кодексу норм обычного права, составленному в начале XVII в. при Умма-хане. В нем защите частной собственности уделяется чрезмерное внимание⁴². То же самое можно сказать относительно нарушений “установленного порядка” каким-нибудь аулом (за каждый день нарушения порядка предусматривался штраф в одну овцу)⁴³.

Социально-классовые конфликты имели место и в Гоцатле, где правила в качестве удельных владетелей выходцы из дома хунзахских ханов нуцал-

чи, которые отличались жадностью и жестокостью, захватывали общинные земли, чем вызывали острое недовольство гоцатлинцев. На этой почве часто бывали кровопролитные столкновения с жертвами с обеих сторон. И все же гоцатлинцы вынуждены были покориться бекам и нести в их пользу повинности⁴⁴.

Интересно отметить, что не сохранилось сведений об антиханских вооруженных выступлениях в этот период в селениях на Хунзахском плато, которые составляли ядро Аварского ханства. Это можно объяснить невмешательством хунзахского хана в дела сильного хунзахского джамаата, в помощи которого хан нуждался для приведения в покорность окружающие ханство союзы сельских обществ.

В Табасаранском майсумстве в XVI–XVII вв. социальные противоречия также достигли большой остроты и привели к восстанию крестьян в ряде табасаранских сел. Обострению социальных отношений в майсумстве способствовала межфеодалная распря внутри майсумского рода, расколовшегося на два лагеря. В этих распрях приходилось участвовать крестьянам, которые нередко гибли, теряли имущество и т.д. Это и привело к антифеодалному восстанию табасаранских крестьян против своих амиров в 1630 г. во время правления Хусейн-хан-майсума. Согласно хронологическим записям Рамазана ал-Куштили, братьями и сыновьями Хусейн-хана “было проявлено большое насилие, так что иссякло терпение (жителей) вилайата Табасаран по причине этих злодейств. Затем пришли они с притеснениями (стали чинить насилие) среди хасикинцев. Поэтому сразились хасикинцы с амирами и погибло двое мужчин из амиров и некая женщина из хасикинцев, (а также) была отрублена нога одной девушке”.

Это событие охватило и селение Фурдаг, где восставших возглавил юноша по имени Шаван Акай. В конечном итоге восставшие убили Худжа Али сына Алибая в местечке Р-Т-б-Т, а также своих амиров и избрали своим правителем Мавсум Герейхана из селения Джарах⁴⁵.

То что “чернь” избрала правителем своим Мавсум Гирей-хана, т.е. майсума из села Джарах, позволяет говорить о наличии у восставших веры в “хорошего” феодала-майсума.

В Цахурском султанстве социальные противоречия оказались еще острее, поскольку растущее феодальное (бекское) сословие требовало все больше податей как с жителей Цахура, так и с соседних сел. Особенно тягостен и ненавистен был цахурам произвол беков в быту. Появление беков в Цахуре народное предание объясняет следующим образом. Некогда Цахур был центром “вольной” общины, в которой межтухумные противоречия накалялись при каждом выборе старейшины-предводителя. С целью их урегулирования джамаат пригласил в правители беков, изгнанных из несуществующего ныне села Хоца⁴⁶. Однако пришлые беки “стали важничать и производить разные бесчинства”, так что выведенный из терпения народ решил перебить всех беков с женщинами и детьми⁴⁷.

Восемнадцать смельчаков-цахуров пробрались в мечеть, в которой молились беки, и всех их убили. Затем они отравились к бекским домам и убили всех членов бекских семей⁴⁸. Такая жестокая расправа с бекским сословием свидетельствовала о далеко зашедших социальных противоречиях в Цахурском владении Дагестана. Однако искоренить бекский тухум цахурам

не удалось, поскольку одна из беременных бекских женщин находилась в соседнем селе Мыых, избежала расправы, бежала в Элису. Там она родила мальчика, названного Алибеком⁴⁹. Впоследствии этот Алибек с помощью иранских шахов добился власти над цахурами, однако сохранил резиденцию в Элису.

В Дербентском султанстве социальные противоречия также были очень остры. Однако их проявлению в открытой форме мешало наличие иностранных (турецкого в конце XVI в. и иранского в XVII в.) гарнизонов. Дербентцам приходилось бороться не только против усиливавшегося феодального гнета, но и против иноземного гнета. Все это отвлекало значительные средства дербентцев и жителей входивших в Дербентское владение сел, ухудшало их экономическое и социальное положение. Это в целом и привело к антитурецкому восстанию ширванцев и кюринцев (лезгин) в 1601–1602 гг. во главе с Абубекр-мирзой – сыном бывшего правителя Ширвана Бюрган-мирзы, отстраненного турками от владения Ширваном. Восстание не было успешным. Турецкий военачальник Ахмед-паша жестоко расправился с восставшими⁵⁰. Положение дербентцев стало еще более тяжелым, поскольку в 1607 г. при приближении войск иранского шаха Аббаса I (1587–1629) к городу они снова восстали против турецкого гарнизона и разружили его. Установившееся после этого господство иранского правителя в Дербенте, куда ввели шахские войска и переселили много иранских колонистов, лишило дербентцев возможности выразить свое недовольство. Видимо, поэтому не сохранилось сведений о социальных выступлениях в Дербентском владении в XVII в.

Переплетение социальных противоречий с национально-освободительным движением было отличительной особенностью политического развития Дербентского владения в XVI–XVII вв.

Особо следует остановиться на такой форме социальной борьбы, как побеги зависимых категорий населения от феодалов-угнетателей. Главная причина побегов зависимых категорий крестьянства от “своих” феодалов к “чужим” заключалась в стремлении избавиться от все усиливавшегося феодального гнета. При этом часть крестьян бежала под покровительство другого феодала или же скрывалась в местах, где феодальных отношений еще не было.

Наиболее ранние сведения об этом относятся к концу XVI в., когда совершили побег аккинцы, или окочане, жившие по р. Акташу и страдавшие от гнета кумыкского феодала Ахматхана. Некоторые из них ушли под защиту аварского хана и поселились в предгорье между р. Аксай, Акташ и Ямансу, образовав Ауховское общество, а другие (160 аккинцев) ушли в Терский городок и основали около него слободу⁵¹.

Материалы русско-дагестанских отношений XVII–XVIII вв. позволяют утверждать о многочисленных побегах русских, грузин, армян и представителей других народов из Дагестана под защиту царских гарнизонов в Терский и Сунженский городки. Хозяева беглых требовали от царских властей их возврата. Таких обращений весьма много⁵². Однако царские власти, как правило, возвращали только беглых мусульман, если они не успевали принять христианство до появления запроса их хозяина. Беглых христиан и крестившихся мусульман не возвращали к хозяевам, выплачивая им компенсацию за каждого беглого.

Побеги не представляли угрозы феодальному строю, поскольку беглые крестьяне освобождались поодиночке, а не как класс⁵³. В силу феодальной раздробленности Дагестана на его территории не было ни одного общедагестанского антифеодального восстания. Происходившие восстания крестьян не охватывали целиком даже отдельные феодальные владения.

Поэтому они легко подавлялись феодалами и не могли изменить сложившиеся социально-экономические отношения в Дагестане.

Социальная борьба в союзах обществ Дагестана в XVI–XVII вв.

В союзах сельских обществ, которые объединяли около половины населения Дагестана, социальные отношения были не такими четкими, как в феодальных владениях, несмотря на довольно глубокие внутренние противоречия. В союзах отсутствовали лишь феодальные династии с переходящей по наследству властью. Главные вопросы жизни, управления, войны и мира решались на общесоюзных джамаатах или сходах, путем голосования совершеннолетних мужчин. На этих сходах представители главных сел союзов играли ведущую роль, навязывали маленьким селам свою волю, свои порядки и т.д.

В союзах сельских обществ уже сложились неравноправные категории населения, имела место эксплуатация, хотя и под прикрытием пережитков патриархального строя. Социальная и имущественная дифференциация все углублялась, создавая предпосылки для социальных конфликтов.

Анализ имеющихся данных позволяет выделить несколько видов социальных противоречий в союзах сельских обществ Дагестана. Они проявлялись на разных уровнях, начиная от конфликтов между союзами в целом и соседними феодальными владениями и кончая межтухумными столкновениями внутри отдельных сельских обществ за господствующее положение в общине, за право выбора общинной администрации из своей среды и т.д. Несостоятельность кажущегося многим исследователям равноправия членов сельских общин только потому, что они имели право голоса при выборе общинной администрации, становится очевидной при глубоком анализе сведений по характерным для союзов сельских обществ социальным противоречиям. В зависимости от общественной значимости этих противоречий они находили выражение и в разных типах социальной борьбы, в которую оказывались втянутыми жители этих союзов или представители отдельных обществ.

Наиболее заметными в рассматриваемую эпоху были социальные конфликты между союзами сельских обществ и соседних с ними феодальных владетелей. Суть их выражалась в том, что правители феодальных владений стремились силой оружия или другими способами подчинить своей власти соседние союзы сельских обществ, наложить на их жителей феодальные подати, навязать им свою систему управления, т.е. фактически феодальные отношения, покончив с общинными традициями. При этом феодальные правители не останавливались перед выбором средств для достижения своих целей. Агрессивные устремления владетелей наталкивались на решительное сопротивление общинных союзов, жители которых проявляли исключительное единодушие и согласованность действий в стремлении сохранить независимость своего союза всеми имеющимися силами и средствами, отодвигая на задний план межобщинные противоречия и т.д.

Это было одной из форм “антифеодальной борьбы средневекового дагестанского крестьянства”⁵⁴. Такой тип антифеодальной борьбы в разные пе-

риоды, согласно имеющимся данным (в основном полевым), охватил в XVI–XVII вв. многие аварские союзы сельских обществ. В 1600 г. нападению аварского хана подверглись сельские общества Нита, Накитль и Датун, которым не удалось сохранить независимость и приходилось платить хану по 1 къали (14 кг) зерна с каждого хозяйства ежегодно⁵⁵.

Наиболее упорно и долго боролся за независимость от хунзахских ханов Гидатлинский союз сельских обществ, легендарный предводитель которого Хочбар стал жертвой коварства хунзахского хана, был заживо сожжен в Хунзахе⁵⁶. Каратинское, Оротинское общества, Андийский, Унцукульский (Койсубулинский), Каралальский, Андалальский союзы сельских обществ также боролись за сохранение своей территориальной целостности и независимости от хунзахских ханов, хотя в отдельные периоды они и были вынуждены платить подати хану⁵⁷.

Ни один союз сельских обществ не подчинялся добровольно хунзахским ханам, а попавший в зависимость стремился освободиться при малейшей возможности.

Этим видом антифеодальной борьбы были охвачены и даргинские союзы сельских обществ. Федерация союзов Акуша-Дарго, куда входили Акушинский, Цудахарский, Усишинский, Мекегинский и Мугинский союзы сельских обществ до середины XVII в., входила в состав Казикумухского шамхальства, выплачивая шамхалам подати⁵⁸.

А с распадом шамхальства в 40-х годах XVII в. они обособились от него. Тарковские шамхалы и кайтагские уцмии пытались поставить жителей Акуша-Дарго в зависимость от себя, используя их нужду в зимних пастбищах. Однако жители этой федерации союзов сельских обществ не дали подчинить себя ни одному из них, выплачивая плату натурой за арендуемые у них пастбища⁵⁹. Вооруженных столкновений между ними не было.

От уцмия свою независимость упорно отстаивали жители Урджамильского (Ирчамульского) союза сельских обществ. Урджамильцы даже убили сына одного из уцмиев⁶⁰. Однако уцмий согнал их с насиженных мест, заселил их земли терекменцами. Урджамильцам все же не удалось отстоять независимость. Жители Ицаринского и Урахинского союзов также упорно боролись за свою самостоятельность от Кайтагского уцмийства.

Но в XVI–XVII вв. им все же приходилось считаться с уцмиями, выполнять их просьбы и даже платить подати⁶¹.

Отдельные лакские магалы также выступали против шамхалов, отказывались пропускать их через свою территорию, заключали между собой антишамхальские соглашения и т.д.⁶²

Население горной части Табасарана (Девек-Елеми) в упорной борьбе против притязаний майсума и кадия также пыталось отстоять свою независимость⁶³. Особенно стойко сопротивление притязаниям табасаранского кадия оказывали жители магалов Чургул, Хараге, селений Хурик, Ханах, Дюбек, Ягдик, Хапил⁶⁴.

Ограниченность сведений не позволяет детально изучить этот вопрос.

Другим проявлением социальной борьбы в союзах сельских обществ было выступление жителей отдельных сел союзов против узурпаторских претензий отдельных представителей феодального сословия, разными путями попавших в союзы обществ и пытавшихся установить в них феодальные по-

рядки, покончив с общинными традициями. Эти нуцалчи, ханы, беки, талканы (талхъаны), шамхалы, чухби составляли в сельских обществах довольно значительную прослойку, способствовали социальной стратификации сельских обществ. Большинство их прибегало к эксплуатации и угнетению обедневших общинников, ущемлению их социальных прав. Бытовое поведение этого сословия также вызывало острое недовольство общинников, которые в конечном итоге выступали против них, истребляли или изгоняли их.

Антифеодальный характер этого вида социальной борьбы и заключался в том, что общинники, расправляясь со своими “феодалами”, способствовали консервации формальных общинных традиций. Положение этих “феодалов” от типичного для феодальных владений сословия отличалось тем, что они не могли передать какие-либо владельческие полномочия по наследству. По наследству они передавали лишь свою собственность.

Такого типа феодалы, по сохранившимся сведениям, имелись в Гидатле (шамхалы, шухбы), в Хварши (нуцали), в Андаляле (нуцали, чанки, беки), в Ругуджа, Гоцатле, Мушули, Шотода, Тукита, Кедибе, Саситле, Сихилахе (Ункратль), в Анди (шамхалы), в Ашали, в Гедекле и т.д. Многие из них в результате выступлений общинников были физически уничтожены⁶⁵.

Борьба против местных феодалов-талканов имела место и в даргинских сельских обществах, в частности в Бутри, Мюрего, Мекеги, Уркарахе, Ахмедкенте и т.д. Часть этих феодалов также убили, хотя нельзя сказать, что это случилось именно в XVI–XVII вв. Такая же борьба шла в табасаранских, лезгинских и рутульских сельских обществах⁶⁶. Феодалы или изгонялись, или уничтожались физически, дома их сжигались и т.д.

В целом, этот тип социальной борьбы был довольно широко распространен в Дагестане и был направлен против усиления феодальной эксплуатации и феодального гнета в союзах сельских обществ.

В Дагестане имела место и борьба одних союзов сельских обществ за свою независимость от других союзов. Социальный смысл таких конфликтов заключался в том, что один союз выступал по отношению к другому в роли коллективного феодала, при возможности требовал подати от жителей попавшего в зависимость союза сельских обществ, причем эти подати ничуть не были легче феодальных податей. Однако характеру общественных отношений в данной ситуации ничего не угрожало, поскольку обе стороны стояли приблизительно на одинаковом уровне общественного развития, несмотря на то, что сильный союз навязывал слабому свои порядки⁶⁷.

Так было в Джаро-белоканском объединении союзов, среди которых выделялся Джарский союз, навязывавший свою волю населению Белоканского и других аварских обществ этого района⁶⁸. В Акуша-Дарго на такую роль претендовал Акушинский союз, кадию которого практически подчинялись главы других верхнедаргинских союзов, а также их ополчения во время походов⁶⁹. В Антль-Ратле (Семиземелье) Хуанальский и Анцухский союзы взыскивали подати с зависевшего от них Дидойского союза. Дидойцам с большим трудом удалось избавиться от этого гнета⁷⁰.

Среди союзов сельских обществ Самурской долины ведущую роль играл Ахтынский союз (Ахты-пара), решения совета аксакалов которого по существу имели силу закона и для других союзов этой зоны. Ахты-пара II (Хнов, Борч, Гдым, Маза, Фий) обязана была в случае конфликта Ахты-пары I с

кем-либо помочь ей. Ахтынский кадий (казий) пользовался наибольшим авторитетом среди кадиев этой зоны⁷¹. Однако надо отметить, что такое соперничество не было особо распространено, поскольку союзы сельских обществ в большинстве своем жили мирно, поддерживая торгово-экономические контакты.

Борьба слабых сельских обществ против диктата и господства главных сел союзов была также довольно распространена в Дагестане в XVI–XVII вв. По наблюдениям М.М. Ковалевского, в “вольных” обществах Дагестана общины не сохраняли всегда полной независимости друг от друга. Древнейшему и могущественному аулу удавалось, путем нередко молчаливо заключенных союзов, взять на себя руководство судьбами соседних с ними обществ, и в этом случае сельский старшина этого аула принимал на себя предводительство в военных походах и сосредоточивал в своих руках право судебного разбирательства и вне пределов общины⁷².

Иначе говоря, главные села союзов претендовали на роль коллективного феодала в отношении малых сел, пытались поставить их в экономическую и политическую зависимость.

Такое явление наблюдалось во взаимоотношениях между Ахтынским джамаатом и входившими в Ахтынский союз селами, жители которых отбывали в пользу ахтынцев тяжелую повинность – пахту: ежегодно кормили до 100–150 человек ахтынцев с их конями в течение нескольких суток⁷³. В Рутульском союзе особенно тяжело приходилось жителям сел Хрюг, Хулюг, Киче, Лукун, Амсар и других, которые испытывали гнет со стороны Рутульского джамаата, также отбывая пахту в более тяжелой форме. В результате между рутульским джамаатом и джамаатами других сел происходили конфликты. Только Шиназ мог противостоять Рутулу и не отбывал пахту⁷⁴.

Претензии главных сел на господство над небольшими селами были и среди аварских сельских обществ. Хунзахский джамаат требовал подати с жителей сел Наита и Накитль, которые были основаны на землях Хунзахского джамаата⁷⁵.

Гидатль относился к ратлубцам как к неравноправным, поскольку они жили на гидатлинской земле⁷⁶. В таком же положении от Аргвани находились жители села Гадари⁷⁷. Кудалинцы претендовали на господствующее положение над салтинцами, и между ними происходили даже кровавые конфликты⁷⁸. Жители села Кванада зависели от хуштадинцев – они были обязаны ежегодно платить им дань семью быками. Кванадинцам с трудом удалось избавиться от этого гнета.

Этот тип социальной борьбы был весьма распространенным в Дагестане, имел место почти в каждом союзе сельских обществ, проявляясь в открытой форме или скрытно. И здесь можно говорить об антифеодальном характере этого вида социального конфликта, поскольку один джамаат выступал в отношении другого в роли коллективного феодала с вытекающими из этого последствиями.

Социальная борьба в союзах сельских обществ проявлялась и на уровне тухумов. Дело в том, что сельские общества Дагестана, как правило, состояли из нескольких тухумов, среди которых различались “бедные и богатые, привилегированные и бесправные”⁷⁹. В общинах сильные тухумы задавали тон, ущемляли интересы слабых тухумов, узурпируя общинные права, навя-

зывая общине на выборные должности своих представителей, превращая эту практику в наследственное право. Такая политика давала им возможность по своему усмотрению распоряжаться общинными землями, ущемляя интересы слабых тухумов. Все это вызывало решительное сопротивление последних, что нередко приводило к длительным межтухумным конфликтам, в ходе которых представителей господствовавших тухумов часто убивали.

Принципиально важно отметить, что здесь речь идет о кровной мести между тухумами на почве бытовых конфликтов, которых было достаточно много. Происходила именно социальная борьба за равноправие в общине. Так, в селе Тидиб выступал в одно время тухум Чухби, от которого зависели тухумы Хандилел и Нахадилел⁸⁰.

В селе Кахиб Гидатлинского общества стремился занять главное положение тухум Андилал-шамхалал. За издевательское отношение к ним его истребили остальные тухумы. В Телетле находился тухум чанков, имевший родственные связи с казикумухскими ханами. Этот тухум также уничтожили за заносчивость⁸¹. В Кудали, Ругудже и Согратле тухумное неравенство было ярко выражено и часто вело к конфликтам⁸².

Аналогичные процессы протекали и в дарганских союзах сельских обществ. Привилегированными считались тухумы Омара Хусул-Ахмеда и Га-луа в Джибахни, Канцляр, Ибрагим-Магома в Уркарахе, Виштайла, Каабана в Киша, Акайлы Али, Хаджала, Шахбана, Хаджи Юсуфа, Ях-Яла, Абакара и Куртала в Кубачах, Цица-Магомеда в Харбуге, Гамзы в Мюрего⁸³.

Сходная ситуация наблюдалась в Акуша-Дарго и Каба-Дарго⁸⁴. В Лакии была та же самая картина. И там богатые тухумы владели большим количеством скота, значительными земельными угодьями, занимали господствующее положение в общинах. Таковы были узденские тухумы Метатакул, Киштиликкул, Кубатиккул в селах Кая, Чанкакул в Цыйша, а также тухумы Унчукатле, Симирдал и Чанкрал в селах Кума, Гирейханкул в Куркли⁸⁵.

Во многих из этих сел бедные тухумы выступали против засилья богатых, но не всегда и это приводило к улучшению положения бедных. Оппозиция богатым тухумам постоянно имела место, хотя не обязательно она приводила к вооруженным конфликтам.

Полевой материал, а также опубликованные данные подтверждают этот вывод на примере Табасарана. В Ханаге выделялся богатством и многочисленностью тухум Цагцар, в Ругудже – Гусейн-бай, в Хурике – тухумы Ильдинбай, Келединкинляр, Мистикинляр, в Худжнике – Мацхар, Исмиллер, в Халаге – Карляр, в Ничрасе – Сефергьяр, в Хиве – Сейдар и т.д. При разрешении конфликтов между представителями разных тухумов для представителей сильных и богатых тухумов предусматривалось наказание помягче, а “зато слабому пощады не было”⁸⁶.

Такая же картина наблюдалась у лезгин⁸⁷. Особую ненависть у рутулов вызывал отличавшийся необычной жестокостью тухум Сандусариар, все представители которого были уничтожены ненавидевшими их рутульцами⁸⁸.

Межтухумное соперничество на социальной основе имело место и у агулов. В Буршаге на господство претендовал тухум Джамакаяр, в Арсуге – Гаджарджамал, в Худиге – Каланар и Марсурар, в Тпиге – Бездарар и т.д.⁸⁹

Нормы обычного права почти всех народов Дагестана в этот период были приспособлены к защите социальных интересов общинных верхов, бога-

тых тухумов, предусматривая за их увечье или убийство более высокую цену крови (дийат), чем за такое же преступление в отношении представителей бедных тухумов. В этом легко убедиться, обратившись к нормам обычного права аварцев, даргинцев, самурских лезгин⁹⁰.

Приспособление норм обычного права к защите имущественных интересов, предусматривая многократное возмещение стоимости сожженного или похищенного имущества, свидетельствует о том, что в союзах сельских обществ были известны и такие формы социальной борьбы, как поджоги, хищения, порча имущества общинных верхов⁹¹.

Имеющиеся данные не всегда можно отнести к XVI–XVII вв., поскольку их иногда невозможно датировать, но в целом они отражают традиционно сложившиеся социальные отношения в союзах сельских обществ.

Приведенный материал свидетельствует о глубинных общественных процессах в союзах сельских обществ, об их социальной стратификации и остроте социальных противоречий, которые в них проявлялись на разных общественных уровнях и в разных типах и формах борьбы.

- ¹ *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I. С. 40; *Неверовский А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1848. С. 106; *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. II. С. 140; *Берже А.* Прикаспийский край // Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856; *Он же.* Материалы для описания нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858; *Костенецкий А.* Записки об Аварской экспедиции на Кавказе, 1837. СПб., 1851; *Вейденбаум Е.Г.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 100–115; и др.
- ² *Тамай А.И.* К вопросу о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток. 1935. № 5. С. 137; *Юшков С.В.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане // Учен. зап. Сverdловского гос. пед. ин-та. Свердловск, 1938. Вып. I (историч.). С. 66–70; *Иванов А.* Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Ист. журн. 1940. № 2. С. 63–70; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963; *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII – начале XIX веков. Махачкала, 1957; *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; *Гаджиева С.Ш.* Кумыки, XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1961; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Махачкала, 1999.
- ³ *Блиев М.М.* Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 54–72.
- ⁴ *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 47.
- ⁵ История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 239.
- ⁶ *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 98–99; Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. Махачкала, 1965. С. 50.
- ⁷ История Дагестана. Т. 1. С. 239.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 49. О происхождении жителей и об их правах в пользовании землей: Извлечения из “Дела по поводу определения сословных прав туземного населения

- Терской и Кубанской областей” // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 35. (Далее: РФ ИИАЭ ДНЦ РАН); История Дагестана. Т. 1. С. 239–240, 318.
- ¹⁰ *Афанасьев М.А.* Селение Костек // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16, отд. 1. С. 87; Шамхалы тарковские // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. С. 58; *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам. С. 88.
- ¹¹ История Дагестана. Т. 1. С. 239.
- ¹² Там же. С. 240.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Гаджиева С.Ш.* Кумыки... С. 111–112; *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 50.
- ¹⁵ *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй... С. 177–179.
- ¹⁶ История Дагестана. Т. 1. С. 240.
- ¹⁷ *Гаджиева С.Ш.* Кумыки... С. 113–115; *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй... С. 179–181.
- ¹⁸ *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 51; История Дагестана. Т. 1. С. 24.
- ¹⁹ *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба... С. 52.
- ²⁰ Там же. С. 53.
- ²¹ *Алиев Б.Г.* Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966; Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 43, 49–50, 63, 66, 76, 81; *Хашаев Х.-М.* К вопросу о тухумах, сельских общинах и вольных обществах Дагестана XIX в. // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ИИЯЛ Даг. ФАН СССР). Махачкала, 1956. Т. 1. С. 69.
- ²² История Дагестана. Т. 1. С. 241–242.
- ²³ Там же. С. 243–244; *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. С. 144–145.
- ²⁴ История Дагестана. Т. 1. С. 242.
- ²⁵ Там же. С. 244.
- ²⁶ Там же. С. 194.
- ²⁷ *Шихсаидов А.Р.* Новые данные по средневековой истории Дагестана // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 151.
- ²⁸ *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 59.
- ²⁹ Там же. С. 401.
- ³⁰ Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 5; *Маршавев Р.Г.* О термине “шамхал” и резиденции шамхалов // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1959. Т. 6. С. 173; История Дагестана. Т. 1. С. 249.
- ³¹ *Умаханов М.-С.К.* Формы классовой борьбы в Дагестане в XV–XVIII вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1980. С. 191.
- ³² *Умаханов М.-С.К.* Антифеодальная борьба в Дагестане в XV–XVI вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 81–84.
- ³³ *Бакиханов А.* Указ. соч. С. 89.
- ³⁴ Там же; *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекеменцы, XIX – начало XX в. М., 1990. С. 10–11.
- ³⁵ *Умаханов М.-С.К.* Антифеодальная борьба в Дагестане в XV–XVI вв. С. 83–84.
- ³⁶ *Умаханов М.-С.К.* О классовой борьбе в феодальных владениях Дагестана в XVII в. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. С. 128–129.

- ³⁷ Бакиханов А. Указ. соч. С. 88.
- ³⁸ История Дагестана. Т. 1. С. 261.
- ³⁹ Там же. С. 247.
- ⁴⁰ Айтберов Т.М., Шихабудинов М.Ш. Соглашение от 905 г., заключенное между Чупанилавом из Нижнего Чугли и эргенами... // Вопросы истории Дагестана. С. 233–238; см. также: Умаханов М.-С.К. Антифеодальная борьба в Дагестане в XV–XVI вв. С. 76–79.
- ⁴¹ История Дагестана. Т. 1. С. 261–263.
- ⁴² Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 261, 264–265.
- ⁴³ Там же. С. 267–268.
- ⁴⁴ Умаханов М.-С.К. О классовой борьбе в феодальных владениях Дагестана в XVII в. С. 126–127.
- ⁴⁵ Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 144–146.
- ⁴⁶ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. С. 225.
- ⁴⁷ Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 5.
- ⁴⁸ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 107; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 289.
- ⁴⁹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. С. 225.
- ⁵⁰ Бакиханов А. Указ. соч. С. 88.
- ⁵¹ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 69–70; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 277.
- ⁵² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII века: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1957. С. 38–39, 102, 165; Умаханов М.-С.К. Побег – как одна из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII–XVIII вв.) // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала. 1983. С. 27–36.
- ⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 77–78.
- ⁵⁴ Магомедов Р.М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1974. С. 136.
- ⁵⁵ Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 104.
- ⁵⁶ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 86–87; Песни народов Дагестана / Сост. Н.В. Капиева. Л., 1970. С. 30–35.
- ⁵⁷ Подробнее см.: Умаханов М.-С.К. О социальной борьбе и союзах сельских обществ Дагестана в XVII веке // Вопросы истории Дагестана. С. 201–206; Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 8–9.
- ⁵⁸ Гаджиев В.Г. Перечень доходов шамхала // Источниковедение истории досоветского Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1987. С. 35–37 (см. вклейку).
- ⁵⁹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного побережья Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана: Сб. материалов / Подгот. Х.-М. Хашаев, М.О. Косвен. М., 1958. С. 101–102 (ИГЭД); Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 137; Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв. С. 24–25.
- ⁶⁰ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 88–89; История Дагестана. Т. 1. С. 246.
- ⁶¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй... С. 216–244.
- ⁶² Алиев Б.Г. К вопросу о пассивной форме классовой борьбы в Казикумухском ханстве // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. С. 48–50.
- ⁶³ Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие табасаранского аула // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 209. Л. 32–76; Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана, 1796 г. // ИГЭД. С. 154.
- ⁶⁴ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – начала XIX в. Махачкала, 1987. С. 46–48.

- ⁶⁵ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана... С. 48–49, 55, 127, 137; *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. С. 179; *Умаханов М.-С.К.* О социальной борьбе в союзах сельских обществ / Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. С. 207–208.
- ⁶⁶ *Магомедов Р.М.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 155–162, 166; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 167–170; История Дагестана. Т. 1. С. 336.
- ⁶⁷ *Хашаев Х.М.* Общественный строй Дагестана... С. 238.
- ⁶⁸ *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1936. С. 6, 38.
- ⁶⁹ *Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.К.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 196–200.
- ⁷⁰ *Норденстам И.И.* Описание Антль-Ратля, 1832 г. // ИГЭД. С. 323.
- ⁷¹ Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 26–27, 29.
- ⁷² *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 162.
- ⁷³ Там же. С. 164.
- ⁷⁴ Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 25–28; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 164–165.
- ⁷⁵ *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй... С. 100.
- ⁷⁶ *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 241.
- ⁷⁷ *Агларов М.А.* Указ. соч. С. 95.
- ⁷⁸ *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй... С. 78.
- ⁷⁹ *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 221.
- ⁸⁰ *Далгат Б.* Обычное право и родовой строй народов Дагестана, 1934 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 62.
- ⁸¹ Полевой материал, 1981 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Л. 70–71.
- ⁸² Полевой материал, 1983 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 597. Л. 14–15; Полевой материал, 1977 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 1. Л. 77; *Агларов М.А.* Указ. соч. С. 134–135.
- ⁸³ Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 17–23.
- ⁸⁴ *Алиев Б.Г.* Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв.; *Он же.* Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972. С. 111–113.
- ⁸⁵ *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй... С. 270; Полевой материал, 1976 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Л. 47, 62–64, 79, 86, 94; Ф. 1. Оп. 1. Д. 597. Л. 28, 31.
- ⁸⁶ Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 46, 48; *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 160.
- ⁸⁷ *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 160; Полевой материал, 1979 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Л. 6, 9, 14, 16, 21, 22, 28, 34.
- ⁸⁸ История Дагестана. Т. 1. С. 336.
- ⁸⁹ Полевой материал, 1979 г. Л. 6, 9, 14, 21, 34, 16.
- ⁹⁰ Из истории обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 13, 16, 18, 59–61, 68–69; *Комаров А.* Адааты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 26, 101; Адааты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Вып. VIII. С. 21, 30–31, 63.
- ⁹¹ Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. С. 64, 95, 139, 168, 175; Адааты даргинских обществ // ССКГ. Вып. VII. С. 27, 55, 68, 81, 95, 127.

- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *Шихсаидов А.Р.* Средневековый город Дагестана... С. 234.
- ⁹³ *Марко Поло.* Путешествие / Пер. И.П. Минаева. Л., 1940. С. 19.
- ⁹⁴ История Дагестана. Т. I. С. 179.
- ⁹⁵ *Агаширинова С.С.* Поселения лезгин в XIX – начале XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1959. С. 235; *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960; *Османов М.З.-О.* Поселение даргинцев в XIX–XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1962. Т. X; *Гаджиева С.Ш., Османов М.З.-О., Пашаева А.Г.* Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 67–107; *Асиятилов С.* Указ. соч.; *Булатова А.* Лакцы. Махачкала, 1971. С. 84–95; *Маршаев Р., Бутаев Б.* История лакцев. Махачкала, 1991. С. 37–47.
- ⁹⁶ *Османов М.З.-О.* Поселения даргинцев в XIX–XX вв. С. 223; *Исламмагомедов А.* Поселения аварцев в XIX–XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XII: Сер. историческая. Махачкала, 1964. С. 163; *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. С. 83–84; *Они же.* Материальная культура аварцев. С. 12, 121; *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. С. 97–108.
- ⁹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 337.
- ⁹⁸ *Магомедов Р.М.* История Дагестана. С. 114–115; *Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 35–48; *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. С. 61–84; История Дагестана. Т. I. С. 194; *Кудрявцев А.А.* Феодалный Дербент.
- ⁹⁹ *Кудрявцев А.А.* Феодалный Дербент.
- ¹⁰⁰ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 57.
- ¹⁰¹ *Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 50.
- ¹⁰² *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 57.
- ¹⁰³ *Якубовский А.Ю.* Феодализм на Востоке. С. 4–5; *Аракелян Б.Н.* Развитие ремесла и торгового производства в Армении в IX–XII вв. // СА. 1956. Т. XXVI. С. 120–121, 146; *Ахмедов Г.М.* Средневековый Байлакан. Баку, 1979 (на азерб. яз.). С. 52–65; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 164; *Джидди Г.А.* Средневековый город Шемаха IX–XVII века. Баку, 1981. С. 70; *Ашурбейли С.Б.* Указ. соч. С. 208.
- ¹⁰⁴ *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. С. 125–126.
- ¹⁰⁵ *Якубовский А.Ю.* Об испольных арендах в Иране в VIII в. // Советское востоковедение. 1947. Т. IV; *Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 56–58, 62–64.
- ¹⁰⁶ О классово-борьбе в X–XII вв. см.: *Минорский В.Ф.* Русь в Закавказье // Acta orientalia. Budapest, 1953. С. 207–210; *Они же.* История Ширвана и Дербенда... С. 52–57, 68–69, 100, 152; История Дагестана. Т. I. С. 145–146; *Магомедов Р.М.* Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 52–74.

Глава третья

Политическое положение Дагестана и борьба его народов за независимость в XVI–XVII веках

§ 1. Международное положение Дагестана

Народам Дагестана в XVI–XVII вв. пришлось жить в весьма сложных политических условиях как внутреннего, так и международного характера. Но в данной главе речь идет только о внешнеполитической обстановке, которая существенно влияла на экономическое, социально-правовое и внутривнутриполитическое положение Дагестана.

В силу естественно-географического положения региона на важнейших военно-стратегических позициях Северо-Восточного Кавказа, где сталкивались интересы внешней политики Ирана, Турции и России, Дагестан стал объектом их борьбы за свое господство в этой части Кавказа. Отметим также, что через Дагестан проходил и важный торговый путь, связывавший страны Закавказья и Иран с Северным Кавказом, Ногайской степью и далее с Крымом и Азовом, а также с Астраханью и волжским путем с Москвой, а далее и со странами Европы¹. Господство над Дагестаном открывало возможности для установления контроля над этим торговым путем, приносящим большие прибыли за счет пошлин с проходивших по нему караванов, а также для установления диктата и над другими народами Северного Кавказа.

Шахский Иран, овладев Дагестаном, мог оказывать существенное политическое влияние на Россию, угрожать ее юго-восточным границам, которые после взятия Астрахани в 1556 г. значительно продвинулись к югу, вплотную подойдя к зоне проживания северокавказских, в том числе и дагестанских народов. Иранские шахи в рассматриваемый период планировали и пытались утвердить свое политическое господство над Северным Кавказом путем посылки своих войск как со стороны Закавказья через Азербайджан и Грузию, с выходом на северокавказские просторы по Дарьяльскому ущелью, так и со стороны Дербента через Дагестан, с перспективой их соединения с отрядами, направленными в Грузию. Объединившись, эти войска и должны были навязать власть иранского шаха северокавказским, в том числе и дагестанским народам².

Турецкие правители также стремились установить свою власть над всем Кавказом, не исключая и Дагестан. Как и шахи, султаны пытались не допустить усиления российского влияния на Северном Кавказе, в частности и в Дагестане, поскольку это противоречило их политическим устремлениям. Господство на северокавказских путях дало бы возможность султанам шире использовать войска и своих вассалов – крымских ханов – в борьбе с сефевидскими шахами, войны с которыми за господство на Кавказе у них происходи-

ли периодически в XVI – первой половине XVII в. с переменным успехом. Войска крымских ханов не раз проходили этим путем через Дагестан в Дербент и далее в Закавказье на помощь туркам в рассматриваемый период³.

В свою очередь и Россия стремилась обезопасить свои юго-восточные границы, упрочить свои позиции в Прикаспии, где она овладела мощной Астраханской крепостью. Она стремилась, используя ирано-турецкие противоречия в борьбе за господство на Кавказе, не допустить установления власти кого-либо из них на Северном Кавказе, в частности в Дагестане. Царское правительство лишь ждало удобного момента для реализации своих политических планов в северокавказском регионе, охотно шло на сближение с местными владетелями, в то же время создавая систему городков-крепостей в наиболее важных местах региона. Это обстоятельство вызывало недовольство султана и крымских ханов и даже привело к походу турецко-крымских войск под Астрахань в 1569 г., кончившемуся неудачей⁴. Россия не могла не считаться с противостоянием крымцев и планами Османской империи. Она стала более решительно вторгаться в пределы Северного Кавказа, применяя разные методы для упрочения своих позиций, упредив соперников.

Каждая из указанных стран была во много раз сильнее Дагестана во всех военно-экономических аспектах. Тем не менее народам Дагестана, используя противоречия между этими странами, а также вооруженным путем отстаивая от них свою территорию, удалось в XVI–XVII вв. сохранить свою, хотя и неполную, экономическую и политическую самостоятельность. Ни одному из указанных государств не удалось установить полный контроль над всеми народами Дагестана, над всей его территорией.

§ 2. Народы Дагестана в борьбе против иранской агрессии в XVI веке

В начале XVI в. народам Южного Дагестана пришлось вступить в вооруженную борьбу против вступивших на его территорию сефевидских войск во главе с шахом Исмаилом I (1487–1524) – основателем Сефевидской династии и государства Сефевидов, включавшего в себя как территорию Ирана, так и Азербайджана. Исмаил I известен как правитель, завоевавший за 14 лет своего правления 14 провинций⁵. Его попытки продвинуть границы своих владений на запад, встретили решительное сопротивление турецкого султана Мурада, претендовавшего на господство в Передней Азии и Закавказье. Тем не менее Исмаил I в 1508 г. овладел Диарбекиром, обоими Ираками, Фарсом, Хорасаном, Туркестаном. Зимой 1509 г. он вступил в Ширван, сверг с престола его владетеля Шейх-шаха, назначил правителем Шемахи Ляла-бека. После этого ему без боя сдались бакинский и шабранский гарнизоны. Далее он двинулся на Дербент. Дербентцы оказали ему решительное сопротивление, но под натиском превосходящих сил шаха сдались. Однако это не спасло их от наказания. Чтобы укрепить свои позиции в Дербенте, шах Исмаил переселил в эту крепость часть племени баят из глубины Ирана⁶.

Назначив в Дербенте своего правителя – эмира Мансура, шах направил наказывать табасаранцев, которые убили его отца шейха Хейдара во время его нашествия на Табасаран в 1488 г. Табасаранцы при поддержке соседних народов пытались оказать войскам шаха Исмаила сопротивление. Противостояние продолжалось полтора месяца. Шаху удалось подавить восстание. Он жестоко расправился с мирным населением после отступления табасаранских ополченцев в горы⁷. Отомстив бесчеловечным образом табасаранцам и оставив воинский гарнизон в Дербенте, Исмаил ушел в Тебриз.

Антисефевидские настроения в Дагестане очень сильно возросли. И стоило в 1514 г. султану Селиму I (1470–1520) на Чалдыринской равнине разгромить войско шаха Исмаила I, отступившего вглубь страны, как дербентцы, табасаранцы и другие подчиненные шаху народы, выступили против Сефевидов, перестали платить в шахскую казну подати, расправились со сторонниками династии⁸. Однако шах Исмаил I сумел выйти из трудного положения и уже в 1519 г. овладел вновь Дербентом и расправился со своими противниками, непокорными жителями города и прилегающих к Дербенту селений. Правителем Дербента он назначил своего зятя Мюзаффар-султана. В Дербентском владении сефевидский гнет был восстановлен.

После смерти Исмаила I в 1524 г. шахом стал его сын Тахмас, который правил до 1576 г. Он растерял многие из приобретений отца. Султан Турции в 1520–1566 гг. Сулейман I (1495–1566) в 1533 г. возобновил войну против Сефевидов, захватив значительную часть Азербайджана. Дербентская знать, недовольная гнетом Сефевидов, воспользовалась успехами турок, выступила против шахских ставленников в городе, отказалась подчиняться их приказам. Однако Тахмасу удалось вытеснить турок из Азербайджана. После этого он послал войска против дербентцев. Город был взят, а жители подверглись репрессиям. Усиление гнета шахской власти вызвало недовольство в Ширване, где в 1547 г. произошло антисефевидское выступление во главе с назначенным шахом первым бейлербегом Ширвана Алкас-мирзой. Он был разгромлен и отступил в селение Хиналук. Оттуда он ушел в Крым, а позднее – в Турцию, спасаясь от преследования Сефевидов⁹.

В 1548 г. в Кубе произошло антишахское восстание во главе с одним из наследников дома кайтагских уцмиев, Бурхан-мирзой. Только в результате организации второго похода войск шаху удалось разбить его отряды, отступившие в горы Дагестана. В 1549 г. Бурхан-мирза вместе с кайтагцами напал на Ширван, расправился с шахскими ставленниками. Однако он со своими союзниками вынужден был все же вернуться в Дагестан. В Ширване снова восстановилась власть Сефевидов. Они, видимо, угнетали и народности Южного Дагестана, поскольку в 1554 г. кумыкские владетели и уцмий Кайтага по повелению султана поддержали одного из потомков ширваншахов, Касим-мирзу, перешедшего на сторону Турции. Однако Касим-мирза был разгромлен бейлербегом Ширвана Абдулла-ханом и отступил в Табасаран. Но он там не нашел поддержки. Можно полагать, что табасаранцы опасались навлечь гнев шаха. Поэтому они воздержались от оказания помощи Касим-мирзе, и

он отказался в силу сложившихся обстоятельств командовать янычарским отрядом¹⁰.

В 1555 г. был подписан мир между Турцией и Сефевидским государством. Закавказье было поделено на сферы влияния между ними. Западные части Грузии и Армении отходили к Турции, а их восточные области – к Сефевидам. Дагестан попал в сферу влияния Сефевидов. Однако открытых антисефевидских восстаний в Дагестане в этот период не произошло.

Такое затишье продолжалось до смерти шаха Тахмаса в 1576 г. Наследовавший ему Исмаил II правил всего год, поскольку его отравили. Шахом был провозглашен его брат Мухаммед. Этот слабохарактерный человек, подверженный влиянию гарема, почти не интересовался государственными делами. В годы его правления в Сефевидском государстве часто возникали феодальные усобицы, тяжело отражавшиеся на положении народных масс.

По словам А. Бакиханова, “во время этого всеобщего расстройтва общественного порядка ширванцы пригласили к себе Абу-Бекр-мирзу, сына Бюрган-мирзы, проживавшего в Черкесии и Дагестане, который, собрав 2000–3000 войска, начал восстание: он, поддерживая возмущение, послал нескольких ширванцев к турецкому султану Мураду, испрашивая у него помощи (против персиян) для взятия Ширвана”¹¹.

Султан Мурад, учтя все это, решил в 1578 г. начать войну против Сефевидского государства. Снова спор шел за господство над Закавказьем¹². Он касался и Дагестана. Султан Мурад отправил на Кавказ огромную армию во главе с Мустафа-Леле-пашой. В то же время султан повелел крымскому хану Магомед-Гирею двинуться с войсками через Северный Кавказ в Ширван на помощь Мустафе-Леле-паше. Народы Северного Кавказа и Дагестана оказались втянутыми в эту ирано-турецкую войну, поскольку крымские войска проходили через Дагестан на юг в 1578 и 1579 гг. Их походы были для дагестанцев довольно тяжелыми, так как крымцы требовали у местных жителей корма, фуража, продовольствия и транспортных средств. Тем не менее на первых порах дагестанцы оказывали им поддержку, поскольку рассчитывали сбросить с их помощью сефевидское иго. В частности, к крымскому царевичу Адиль-Гирею, прошедшему осенью 1579 г. с 35-тысячным войском через Дагестан в Дербент, примкнуло “4 или 5 тысяч лезгин и ширванцев”¹³. Отметим, что Адиль-Гирей погиб в походе. Более того, народы Дагестана совместно с ширванцами восстали против кызыл-башей и вынудили шахского наместника Арас-хана покинуть Закавказье¹⁴.

Следует отметить, что военные действия между Сефевидами, с одной стороны, и крымскими и турецкими войсками – с другой, длившиеся до 1590 г., отрицательно повлияли на экономическое положение населения Дагестана. Особенно тяжело они отражались на положении Южного Дагестана, Дербента и прилегавших к нему населенных пунктов, которые не раз становились ареной военных действий. Народам Дагестана удалось в создавшихся тогда условиях освободиться от гнета Сефевидов, борьбу против которых они не прекращали и вели в разных формах в течение XVI в. Однако, освободившись от их ига, Дагестан, согласно условиям ирано-турецкого мирного договора 1590 г., отошел к Турции и вскоре оказался под тяжелым гнетом турок.

§ 3. Выступления народов Южного Дагестана против турецкого гнета в конце XVI — начале XVII века

В последнее десятилетие XVI — начале XVII века народам Южного Дагестана пришлось вести борьбу против гнета турецких и крымских военачальников, оккупировавших Дербент, в частности его цитадель Нарын-кала. Новые иноземные угнетатели были не лучше старых. Они также собирали подати в султанскую казну, грабили. Неоднократные проходы крымских войск через Дагестан в Закавказье и обратно в Крым дорого обходились жителям Равнинного Дагестана, которые подвергались грабегам, разбоем и т.д.¹⁵

Если первоначально дагестанцы и видели в них в какой-то мере своих защитников от Сефевидов, относились к ним или с сочувствием, или нейтрально (особенно феодальные владетели), то с усилением османского гнета ясно поняли ошибочность своих первоначальных надежд на турок.

Когда народам Дагестана стало известно, что по условиям ирано-турецкого договора 1590 г. Дагестан попал в сферу влияния Турции, они отказались признавать власть султана, демонстрируя свое стремление к независимости. Султан же, учитывая исключительно важное стратегическое положение Дагестана, особенно Дербента, стал наращивать военный потенциал в этом регионе Кавказа, провел целый комплекс мер по упрочению в нем своих позиций.

Отметим, что политика султана в отношении попавшей под его власть части Дагестана была идентичной политике, проводившейся турками в других завоеванных странах. Как правило, турецкие султаны в захваченных странах все земли объявляли собственностью казны, вводили систему многочисленных налогов, тяжелым бременем ложившихся на местное население, организовывали свое управление. Налогами облагались не только земельные участки, но и мельницы, маслобойни, огороды, сено, солома, дворы, раздел наследства, неженатые взрослые сыновья, жившие в отцовском доме, жатва, чаны для давки винограда. Налоги взимались за очистку оросительных канав, за пользование летними и зимними пастбищами, за овец и коз, за перевоз и переправу, за продажу. Более того, раят-крестьянин должен был платить налог даже за невесту сына при женитьбе, за проведение свадьбы, за брачную ночь¹⁶.

Этой же участи подверглись и жители части Дагестана, попавшей под власть султана, в частности Дербента, который совместно с Ширваном составлял одно бейлербейство. Султаном в целях упрочения своего господства это бейлербейство было поделено на семь санджаков во главе с турецкими санджакбеями¹⁷. Было роздано турецким военачальникам и много земель в районах Баку, Шемахи и Дербента¹⁸. В данном же случае речь идет только о Дербенте и прилегающих к нему сельских обществах, которые в результате турецкой колонизации лишались удобных земель, подвергались как политическому, так и экономическому гнету¹⁹. Турецкому султану, например, торговый оборот в Дербенте приносил 247 мешков денег²⁰. Ему платило налоги и все население Дербента. Турецкий гарнизон в Нарын-кала контролиро-

вал всю политическую жизнь в Дербенте, осуществляя и полицейские функции. Местные жители по существу оказались в бесправном положении. Все это в конечном итоге привело к резкому росту антитурецких настроений и недовольства жителей Дербента и его округи.

Следствием колонизаторской политики турецких властей были происшедшие буквально за пять–шесть лет в начале XVII в. два крупных антитурецких восстания в Южном Дагестане, нашедшие поддержку и у населения Ширвана.

Первое из них произошло в 1601–1602 гг. Возглавил его сын упоминавшегося выше Бюрхан-мирзы – Абу-Бекр-мирза, вынашивавший замысел возвращения себе престола ширваншахов. Абу-Бекр-мирза “питал злобу к туркам за то, что они устранили его от владения Ширвана”²¹. Дело было в том, что он сначала поддержал турок, способствовал изгнанию Сефевидов из Ширвана²². За это султан и назначил его правителем Ширвана. После подписания в 1590 г. Стамбульского договора с Ираном султан, опасаясь усиления Абу-Бекр-мирзы, его претензий на ширваншахский престол и стремления к самостоятельной политике, отстранил его от управления²³.

Это и вызвало недовольство Абу-Бекр-мирзы, ставшего собирать вокруг себя антитурецки настроенных людей. В 1602 г. он, собрав “кюринцев, табасаранцев и других горцев, соединился с Шах-Мир-ханом шекинским и разорил Ахты и Мискинджи”²⁴. Такое направление их удара позволяет предполагать, что в Ахтах и Мискинджи были турецкие гарнизоны или ставленники султана из местных сельских старшин.

Основанием этому предположению служит и то, что против горцев во главе с Абу-Бекр-мирзой с большой турецкой армией выступил турецкий наместник в Ширване Ахмед-паша. Ему удалось на поле Паласа около деревни Агбиль разбить отряды Абу-Бекр-мирзы. Ахмед-паша жестоко расправился с повстанцами. Особенно много погибло кубинцев. Турки разорили множество их сел, а в селе Кусар построили крепость и поселили в ней свой гарнизон. Шах-Мир-хан не сумел удержаться в Шеки и удалился в Персию. Что стало с Абу-Бекр-мирзой, который перед выступлением против турок отправил к шаху Аббасу I своего сына с просьбой о помощи в этом деле, неизвестно²⁵. Отметим, что это было совместное выступление народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана против османского гнета, который им не удалось сбросить на этот раз.

В 1606 г. произошло антитурецкое выступление в Дербенте. Оно было следствием жестокой политики турецких властей в Южном Дагестане, проводившейся с целью упрочения своих позиций после подавления восстания 1602 г. Оно стало ярким показателем нежелания местного населения находиться под тяжелым османским гнетом, их стремления к независимости.

Это восстание совпало с неудачами турок в возобновившейся в 1603 г. по инициативе иранского шаха Аббаса I ирано-турецкой войне. Шахским войскам в 1606 г. удалось вытеснить турок почти из всего Закавказья, захватить Ереван, Гянджу, Баку, Тбилиси, Шемаху. Жители ряда городов при подходе к ним шахских войск поднимали восстания, разоружали турецкие гарнизоны, открывали ворота шахским войскам. Так поступили, в частности, жители Баку, наиболее знатные из которых получили от шаха ценные подарки.

Примеру бакинцев последовали и верхи Дербента, на помощь которым прибыл кайтагский уцмий Рустам-хан. Турецкий комендант в Дербенте Гасан-паша, имевший в своем распоряжении гарнизон в 60–70 человек, понял невозможность сопротивляться объединенным силам дербентцев и кайтагцев, а также подошедшего им на помощь шахского отряда. Он капитулировал и даже перешел на службу к шаху. Городская верхушка отправила делегацию к шаху Аббасу I с просьбой занять город и выражением ему покорности²⁶. Шах принял дербентскую делегацию с большими почестями, вручил ее членам ценные подарки (халаты, одежду, грамоты и т.д.) и вскоре ввел в Дербент свои войска.

В результате этого восстания турецкое влияние в Дагестане было сведено на нет. Следовательно, начало XVII в. ознаменовалось потерей Турцией политического влияния на Дагестан и такой мощной стратегической базы, как Дербент, позволявшей контролировать сношения стран Закавказья с Восточной Европой. Турецкие султаны делали неоднократные попытки вернуть Дагестан в сферу своего влияния, посылая агентов и эмиссаров с деньгами и грамотами к феодальным владетелям Дагестана²⁷. Но эти попытки в XVII в. не имели успеха.

§ 4. Взаимоотношения народов Дагестана с Россией в XVI – начале XVII века

Во второй половине XVI – самом начале XVII в. населению Дагестана, в частности Северного Дагестана, пришлось вести борьбу за независимость и от царской России, стремившейся после взятия Астрахани в 1556 г. утвердиться на Северном Кавказе, в Прикаспии и Дагестане. Царское самодержавие в лице царя Ивана Грозного повело наступление на юго-восток, чтобы реализовать планы проникновения из Астрахани на Северный Кавказ, в Дагестан, а далее – в страны Закавказья. Несомненную роль играло при этом и стремление Москвы взять под свой контроль трассу международного торгового пути, шедшего из Европы через Москву по Волге, Каспию или Прикаспию через Дагестан в страны Закавказья и Иран.

Как отмечалось выше, царское правительство стремилось поскорее утвердиться в Дагестане, чтобы не дать Турции и Ирану опередить его, поскольку правители этих стран, особенно Турции, в конце XVI в. довольно энергично пытались решить северокавказскую проблему, в частности дагестанский вопрос, в свою пользу.

Иван Грозный, проводивший жесткую внутреннюю политику, не особо церемонился и в вопросах внешней политики. Он энергично взялся за решение вопроса западного Прикаспия, Дагестана. Формально Иван IV оправдывал свои действия на Северном Кавказе необходимостью оказать содействие кабардинскому князю Темрюку Идарову, на дочери которого Марии он был женат. Отметим, что “добровольное” присоединение Кабарды в 1557 г. к России было как бы упрочено этим браком царя на Марии, который кончился печально для нее. Направление действий войск Ивана IV в сторону Дагестана в этот период объяснялось обострением отношений кабардинского

князя Темрюка с шамхалом казикумухским, борьбой их за приоритетное положение на Северо-Восточном Кавказе²⁸.

Установлено, что “неоднократные просьбы кабардинских феодалов оказать помощь в борьбе с шамхалом, чьи владения прилегали к Каспию, послужили поводом к первому походу царских войск на Северный Кавказ”²⁹.

Уже в 1557 г. кабардинское посольство просило от астраханских воевод помощи против Будаи-шамхала. Просьба была повторена в 1558 г. сыновьями Темрюка. Первый же поход на шамхала состоялся в 1560 г. Организован он был “по неправдам шевкаловым”. Возглавил его один из видных воевод Ивана Грозного, Иван Черемисинов. Он повел войска из Астрахани морем на Тюмень, заняв ее, двинулся на юг и высадил десант у Тарков. Шамхал оказал сопротивление царским войскам в сражении, длившемся полдня. Потом шамхал отступил в горы, оставив Тарки. Черемисинов ограбил и сжег Тарки, взял много пленных, освободил “много полону русского” и вернулся в Астрахань. Причины этого похода были разные – в их числе обращения кабардинских феодалов, и даже шамхала, просившего помощь против крымшамхала³⁰.

Вопрос о целях и планах этого похода сложен. Имеется мнение, что “запланированный захват Тюмени и шамхальства не состоялся, не прошел Черемисинов и в Кабарду”, что “даже русские источники не определяют поход русских войск 1560 г. как победный”, что “Черемисинов был отброшен шамхалом”, поскольку “иначе трудно объяснить, почему русский воевода отказался от выполнения царского приказа: захвата Тюмени, шамхальства и продвижения на соединение с кабардинцами”. Утверждается, что этот поход не достиг намеченных целей³¹. Владетели шамхальства, кажется, сполна поняли, какая угроза их независимости движется на них с севера.

Обострило ситуацию в крае и начало строительства российских крепостей в бассейне Терека.

Столкновение дагестанцев с царскими войсками имело место и в 1566 г. Произошло оно не в Дагестане, а в Кабарде, где шла война темрюковцев с пшеапшукскими “улусами”. На стороне последних выступил шамхал Будаи, приведший войско из Дагестана. В кровопролитной битве Пшеапшука и Будаи потерпели поражение от русско-кабардинского войска. Шамхал Будаи был убит. Но объединению князей во главе с Темрюком был нанесен ощутимый урон³². По просьбе последних в 1567 г. и был сооружен на Тереке у впадения в нее р. Сунжи городок, известный в исторической литературе как Сунженский (Сунженское городище)³³. Он был в 1571 г. снесен по требованию Турции, но в 1578 г. его восстановили, и находившиеся в нем царские войска разгромили крымские отряды, возвращавшиеся из Ширвана в Крым.

В 1588 г. был построен еще один город на месте слияния Терека и Тюменки³⁴. Этот город получил название Терского, или Терки. Он играл очень важную роль в истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв., став военно-административным и торгово-экономическим центром, опорной базой самодержавия в крае. Строительство Терского города вызвало недовольство крымского хана и турецкого султана, ставивших вопрос о его сносе, поскольку он мог служить серьезным препятствием в осуществлении их агрессивных планов в отношении черкесов. Царь же утверждал, что крепость построена для защиты его тестя от недругов, а не для наступления на Кавказ³⁵.

Строительство этого города-крепости встревожило и казикумухского шамхала, уже имевшего опыт встреч с царскими войсками. Антироссийские настроения шамхала усилились и в связи с тем, что уже в 1589–1590 гг. терский воевода Хворостинин открыто теснил его на р. Койсу-Сулаке, отнял у него рыбные ловли и всякие угодья. В результате этого похода было выбрано место для строительства еще одной российской крепости в регионе³⁶.

Для реализации этого плана весной 1591 г. из Москвы были направлены на Терек воевода князь Гр.О. Засекин и князь П.М. Шаховской. Они должны были повести 100 волжских и 500 яицких казаков на шамхала. Царский приказ обязывал присоединиться к ним кабардинского князя Мамстрюка Темрюковича со своими войсками. Целью похода была объявлена необходимость привода под царскую руку шамхала, ориентировавшегося в своей политике на Турцию³⁷. В качестве повода для похода были использованы неоднократные обращения кахетинского царя Александра к Москве с просьбой наказать шамхала за препятствование грузино-российским отношениям, за нападения его подданных на Грузию.

Поход для царских войск был успешным. Из Терского городка они двинулись на Эндирей, захватили его после кровопролитного сражения и сожгли. В сражении шамхал был ранен и его “многие люди погибли”³⁸. Засекину удалось занять устье Койсу. Он в принципе выполнил поставленную перед ним задачу. Однако этот поход вызвал отрицательный для России политический резонанс, вызвал острое недовольство Турции и Крыма, к которым за помощью и обратился шамхал³⁹. Султан и крымский хан стали требовать снесения российских крепостей и вывода русских войск из занятых ими мест Дагестана⁴⁰, поскольку занятие ими основных стратегических позиций по берегам рек Койсу и Терек лишало Турцию возможности распространить и закрепить свое влияние на Северном Кавказе.

Чтобы Россия выполнила это требование, крымский хан Гирей в 1591 г. даже организовал поход на Москву, дошел с войсками до Коломенского. В 1592 г. они совершили новый поход против России⁴¹. Активность крымцев в этот период во многом объяснялась заключением в 1590 г. мира между Турцией и Ираном, обеспечившего доминирующее положение Турции в Закавказье и давшего ей возможность при необходимости перебросить войска из Закавказья в Крым.

В условиях начавшейся русско-шведской войны обострение отношений с Турцией за Северный Кавказ не было в интересах России. Поэтому к султану Мураду было отправлено посольство Г.А. Нащокина и А. Иванова. Однако султан Мурад был непреклонен, требовал снесения русских крепостей на Дону, Терек и Сунже и открытия для крымцев и турок дороги через Терек и Дагестан в Закавказье. Эти же требования султан предъявлял к Москве и в 1593 г. в грамотах к царю Федору и Борису Годунову. В то же время кахетинский царь Александр, недовольный итогами похода Засекина на шамхала, добивался у Москвы организации нового похода на шамхальство, возведения царской крепости в Казикумухе, чтобы окончательно подчинить шамхала царю. Умирения шамхала добивался в этот период и старший кабардинский князь Янсох, на помощь которого могло рассчитывать царское правительство⁴².

Учитывая все это и создавшиеся к 1593 г. внутривосточные трудности Турции, царское правительство особо не стало обращать внимание на требования султана. Более того, летом 1593 г. оно приняло решение послать на шамхала 15 тыс. войск (“большую рать”). Воеводой был назначен князь А.И. Хворостинин. Борис Годунов ему велел овладеть Тарками, посадить там правителем свата кахетинского царя Александра крымшамхала “со своими людьми вместе”, “отворить” дорогу из Иверской земли на Терек и Астрахань. По царскому плану кахетинский царь Александр и крымшамхал должны были двинуть свои войска на помощь войскам Хворостинина, чтобы “шевкала извовать и разорить”⁴³.

Поход состоялся в 1594 г. В нем на стороне Хворостинина приняли участие и отдельные мурзы Больших ногаев, кабардинские отряды. Проводником им служил “дербенец” Аллага, который хорошо знал “тамошные места, Тарки и иные городки и места горских и кумыкских людей”, т.е. Дагестан.

События развивались в пользу царских войск. Хворостинину удалось построить сильную крепость при устье Койсу-Сулака и разместить в ней 1000 стрельцов во главе с князем Вл.Т. Долгоруковым. Хворостинин взял с боем Эндирей, Тарки и Таркалы, Тюмень, которые были сожжены и разорены⁴⁴. Как писал еще Н.М. Карамзин, князь Хворостинин “взял Тарки, но не встретил ни сына, ни свата Александрова, ждал их тщетно, непрестанно бился с горными жителями, ежедневно слабел в силах, и должен был, разорив Тарки, бежать назад в Терскую крепость: не менее трех тысяч россиян легло, как пишут, в горах и дебрях”⁴⁵. Следовательно, ни крымшамхал, ни кахетинский царь Александр, просившие царя о походе на шамхала, не оказали содействия Хворостинину. Тем не менее царское правительство сохранило свои позиции на Тереке и на р. Койсу, где была основана крепость, а удержать в своей власти такие огромные владения, как Тарки и шамхальство, Московское государство в конце XVI в., как отмечал С.М. Соловьев, еще не могло⁴⁶.

В силу таких обстоятельств России пришлось довольствоваться переговорами с владельцами Дагестана и попытками договориться с шамхалом, нейтрализовать влияние Турции и ослабить ее позиции на Северном Кавказе⁴⁷. Россия пыталась также заключить с Ираном антитурецкий договор, ставя условием отказ правительства шаха Аббаса I от Дербента, Баку и Шемахи в пользу России, как на это был согласен еще его отец шах Мухаммад Худабендэ. С этой целью в 1597–1598 гг. в Иран направили посольство В.В. Тюфякина и С. Емельянина. Из-за смерти Тюфякина и отказа шаха Аббаса I от выдвинутого царем условия договор не был подписан⁴⁸.

В целом же поражение царских войск в шамхальстве в 1594 г. имело серьезные последствия. Оно фактически на десять лет нейтрализовало политику самодержавия в Дагестане. Его наступательный порыв на Дагестан получил серьезный отпор и дал осечку. Однако самодержавие не отказывалось даже в этих условиях от основных стратегических замыслов в отношении Дагестана, поскольку в начале XVII в. политическая ситуация на Кавказе обострилась: Иран и Турция уже в 1603 г. возобновили войну за господство на Кавказе и каждая из этих стран вынашивала идею захвата Дагестана.

Российское правительство решило воспользоваться занятостью Ирана и Турции военными действиями в Закавказье и упрочить свои позиции на Се-

верном Кавказе, в частности в Дагестане, организовав новый поход своих войск. В создавшейся обстановке казикумухский шамхал искал защиты то у шаха Аббаса I, то у султана Магомета III⁴⁹.

К походу 1604 г. царское правительство подготовилось основательно. В феврале 1604 г. вопрос об организации похода в Дагестан был обсужден в Москве. Летом того же года из Москвы в Грузию отправились посол кахетинского царя Александра старец Кирилл и вместе с ним русские послы М.И. Татищев и дьяк А. Иванов, которые должны были не только информировать о намечавшемся походе Александра, но и призвать его к совместным действиям с царскими войсками, поскольку он уже в марте 1604 г. сообщал в Терскую крепость о своем примирении с шамхалом⁵⁰. В походе приняли участие 10 тыс. стрельцов. Возглавлял их воевода И.М. Бутурлин. К участию в походе были привлечены три полка во главе с воеводами князем В.И. Бахтеяровым и И.О. Полевым, князем В.М. Лобановым и В. Кольцовым-Мосальским. Осенью войска прибыли в Терский городок.

Оттуда они двинулись к Дагестану. Шамхал – “старец ветхий, лишенный зрения бежал в ущелья Кавказа и Россияне заняли Тарки... На высоте, где стоял дворец Шамхалов с двумя башнями, Россияне немедленно начали строить стену, имея все для того нужное: лес, камень, известь; назвали Тарки Новым городом; заложили крепость и на Тузлуке”. Как писал Н.М. Карамзин, “одни работали, другие воевали, до Андрии (Эндирея. – У.М.-С.) и Теплых вод, не встречая важного сопротивления”⁵¹.

Царские войска в шамхальстве вели себя как настоящие завоеватели, “пленили людей в селениях, брали хлеб, отгоняли табуны и стада”. Но они опасались недостатка в припасах и потому поздней осенью Бутурлин отправил 5 тыс. воинов зимовать в Астрахань. Отметим, что на них напали кумыки во главе с сыновьями шамхала, “сражались мужественно целый день, а ночью бежали, оставив на месте 3000 убитых”⁵². Такое большое количество жертв свидетельствовало об ожесточенной борьбе кумыков с царскими войсками, захватнический характер действий которых был очевиден.

Эта акция царских войск вызвала подъем освободительной борьбы. К Таркам стали стягиваться войска из всех владений Дагестана. Особую активность в организации отпора царским отрядам, которые были блокированы в Тарках, проявляли эндирейский владетель Султан-Мухмуд и тарковский правитель Гирей-шамхал, враждовавшие до этого между собой. В ситуации, опасной для их владений, они единодушно выступили против российских войск, положение которых в Тарках в условиях зимы становилось с каждым днем все тяжелее из-за нехватки продовольствия, фуража, а также болезней солдат и роста числа раненых.

Отметим, что в этом походе активное участие принимали войска кабардинского князя Сунчалая Янглычева и чечено-ингуши под начальством Батая Шихмурзина, а также ногайские мурзы. С их помощью царским воеводам удалось захватить “Андрееву деревню” (т.е. Эндирей), Эрпели, Карабудаки, Тарки и построить “каменный город”⁵³, в котором и пришлось части царских войск во главе с Бутурлиным зимовать, отбивая не прекращающиеся нападения горцев.

В отражении нашествия царских войск активное участие принимали воинские силы шамхала, эндирейского владетеля Султан-Махмуда, находив-

шегося с ним в родстве аварского хана, крымшамхала, даргинцев и др.⁵⁴ Общее число дагестанцев, вовлеченных в эту борьбу, составляло более 20 тыс. человек⁵⁵, из которых Султан-Махмуд собрал 13 тыс.⁵⁶ Поскольку турецкий султан опасался упрочения позиций России в Дагестане в результате этого похода, он дал шемахинскому паше и крымскому хану указание направить войска на помощь шамхальской коалиции. К весне 1605 г. крымские татары, а также турецкий отряд во главе с шемахинским пашой прибыли к Таркам⁵⁷. Часть кабардинских феодалов (Шепчюков, Шолох) также объединилась с дагестанцами⁵⁸.

Отряды горцев с пришедшими им на помощь войсками вначале выбили из крепости на Койсу отряд князя Долгорукого, который ушел на Терек. Был выбит и отряд из крепости на р. Акташ. Обезопасив себя с севера, дагестанцы сосредоточили все силы у Тарков, где войска Бутурлина продолжали находиться и сопротивляться нападавшим. Однако создавшееся критическое положение вынудило Бутурлина пойти на переговоры с шамхальской коалицией и договориться с ее лидерами о предоставлении его войскам свободного отхода из Тарков за Койсу, а также гарантии ухода за тяжелобольными воинами, которых невозможно было вывести сразу вместе со всеми отрядами. Бутурлин потребовал от шамхала в заложники его сына на время до ухода из Тарков за Сулак всех оставшихся в Тарках русских воинов. Все это было логично. Шамхал, Султан-Махмуд и шемахинский (турецкий) паша дали согласие на это и даже обещали снабдить войска Бутурлина всем необходимым, чтобы добиться их выхода из Тарков⁵⁹.

Царские войска выступили из Тарков и направились в сторону Сулака. Внезапно они были атакованы крупными силами горцев и в кровопролитном сражении разбиты. Погибло более 7 тыс. русских стрельцов. Погибли также Бутурлин с сыном. О потерях горцев сведений не сохранилось, хотя не исключено, что и их немало было убито и ранено.

Поражение царских войск в этом походе было очевидным. Основными его причинами можно считать как военно-стратегические просчеты воеводы Бутурлина, далеко оторвавшегося от основных баз снабжения (Астрахань, Терки) и оставшегося зимовать во враждебном окружении в Тарках с незначительным контингентом войск, так и отсутствие поддержки со стороны кахетинского царя Александра, который должен был прийти в шамхальство на помощь Бутурлину. Не оказался на высоте и шах Аббас I, который дал возможность туркам прислать отряд войск из Шемахи.

Главная же причина этого поражения заключалась в решительности горцев бороться за независимость от самодержавия и в их готовности добиваться изгнания царских войск всеми доступными средствами. Эта борьба приобрела общedaгестанский характер. Главный удар по царским войскам нанесли именно дагестанские отряды, хотя нельзя сбрасывать со счетов и скорее более моральную поддержку турецкого отряда из Шемахи, а также крымских татар, прибывших на помощь шамхалу по приказу их сюзерена турецкого султана, пытавшегося таким путем усилить свое влияние на Северном Кавказе, в частности в Дагестане.

Результаты похода 1604–1605 гг. царских войск в шамхальство, обошедшегося царской казне более 300 тыс. руб. серебром, оказались практически равными нулю⁶⁰. По словам С.М. Соловьева, “владычество Москвы исчезло

в этой стране”⁶¹. Можно сказать, что этот поход завершил агрессивный этап политики самодержавной России в отношении Дагестана, поскольку после этого, как отмечал еще Н.М. Карамзин, царские войска в течение 118 лет не вступали на территорию Дагестана⁶², а сменявшие друг друга русские цари проводили в отношении Дагестана лояльную, покровительственную политику. Она и привела к более позитивным для обеих стран результатам, чем проводившаяся до этого политика военного давления и натиска.

§ 5. Народы Дагестана в борьбе против агрессии иранских шахов в XVII веке

Наибольшую угрозу политической независимости Дагестана в XVII в. представляла агрессивная политика иранских шахов, отличавшаяся крайней изощренностью, жестокостью и целеустремленностью. Она была направлена на полное покорение всех народов Дагестана, как горной, так и равнинной его частей. Отметим здесь, что шахи Ирана рассчитывали не только покорить Дагестан, но и превратить его в свой плацдарм, чтобы повести наступление на Северный Кавказ, в перспективе планируя даже захват Астрахани, чтобы создать государство под эгидой Сефевидов от границ Индии и до Крыма включительно⁶³.

Международная обстановка начала XVII в. значительно благоприятствовала претворению в жизнь захватнических планов иранских шахов. Как отмечалось, шаху Аббасу I в 1607 г. удалось практически беспрепятственно овладеть наиболее стратегически важным пунктом на западном побережье Каспия – Дербентом, позволявшим контролировать передвижения торговых караванов, а также вооруженных отрядов из Закавказья в сторону Дагестана, Северного Кавказа и далее в Россию и т.д. Успехи шаха Аббаса I в войне с Турцией, начатой им в 1603 г. с целью реванша в Закавказье, стали следствием важных реформ, проведенных им в Иране, а также дипломатической подготовки. Воспользовавшись Стамбульским мирным договором 21 марта 1590 г., закрепившим господство турок в Закавказье, а также в Дагестане⁶⁴, шах провел реформы по централизации управления страной, навел порядок и учет в финансах, создал обученную, вооруженную и снабженную по европейскому образцу того времени армию, довел ее численность до 120 тыс. человек (вместе с обслуживающим персоналом – до 200–300 тыс. человек)⁶⁵, проверил ее боеспособность в борьбе с узбекскими ханами во главе с Абдулла-ханом, отторгшим от Ирана Хорасан при шахе Мухаммеде Худабенде.

Одновременно Аббас I пытался создать антитурецкую коалицию европейских стран (Англия, Германия, Испания, Россия). Однако лишь Россия, мечтавшая направить торговлю шелком по волжско-каспийскому пути, до этого шедшую через Турцию, откликнулась на призывы шаха. Немалую роль при этом сыграли обещания шаха Мухаммеда Худабенде, а также Аббаса I уступить России за союз с Ираном Баку, Шемаху и Дербент⁶⁶, если даже их займут шахские войска. Россия рассчитывала и на то, что успехи сефевидских войск уменьшат воинственность турок и их вассалов – крымских та-

тар, тревоживших южные пределы России частыми опустошительными набегами. Русско-иранский альянс сложился, и шах Аббас I успешно вел военные действия в Закавказье, к 1606 г. занял Карабах, Грузию и, добравшись до границ Дагестана, занял Дербент без сопротивления⁶⁷.

Первая встреча дагестанцев с войсками шаха Аббаса I была мирной. Более того, правящая верхушка Дербента пригласила шаха занять город, рассчитывая с его помощью добиться независимости от османской Турции. Шах Аббас I сделал многое, чтобы подогреть эти иллюзии дагестанцев, наделив подарками и грамотами всех выразивших ему покорность⁶⁸. Урегулировав отношения с феодальными верхами Дагестана и обеспечив безопасность своих северных границ, шах демонстративно ушел в Испаган, чтобы успокоить все же заволновавшихся занятием его войсками Дербента дагестанских владетелей. Кроме того, этим маневром шах рассчитывал нейтрализовать недовольство России, которой обещали передать Дербент за антитурецкий союз.

Отвлечение России борьбой с польско-шведской интервенцией в 1606 г. было на руку Аббасу I и дало ему возможность особо не скрывать своих намерений в отношении Дербента, в котором численность его войск, а также шахских чиновников и колонистов непрерывно возрастало. Стремясь превратить Дербент в стратегическую базу в борьбе за господство над Дагестаном, а позднее и над Северным Кавказом, шахские военачальники развернули работы по укреплению Дербента, возведя две поперечные стены, разделили город на три части, каждая из которых имела свою оборонительную систему⁶⁹. В то же время это позволяло шахским военачальникам «держатъ город в повиновении»⁷⁰. Удлинены были стены в сторону моря, а на берегу была выстроена башня⁷¹. Вскоре в Дербент переселили 400 семей баятского племени, которые должны были стать опорой шаха⁷². К середине XVII в. число иранских колонистов в Дербенте достигло 9 тыс. человек⁷³. Шах стал заселять фарсыязычным населением не только Дербент, но и прилегающие к Дербенту селения.

Были проведены в Дербенте и административные реформы, которые привели к насаждению в городе персидских порядков⁷⁴. Это постепенно стало встречать оппозицию местного населения, вызывать его недовольство, которое возрастало по мере ожесточения отношения шахских чиновников и военачальников к местному населению по мере упрочения их позиций в Дербенте. Видя растущее недовольство дербентцев нетерпимым обращением с ними, шахские чиновники под предлогом борьбы с суннизмом изгоняли местных жителей из города. Поскольку шах Аббас I был веротерпим и к религиозным вопросам относился равнодушно⁷⁵, можно полагать, что вопрос религиозных разногласий искусственно раздули, чтобы изгнать местных жителей из города и обеспечить господство иранцев.

Конфликт иранских колонизаторов с дагестанцами назревал. Поводом к первому вооруженному столкновению в 1607–1608 гг. послужила попытка шахского военачальника (зятя Аббаса I) Зульфугар-хана, назначенного правителем Ширвана, выбить табасаранцев с небольшой территории в Шабране, занятой ими еще при господстве турок, построить на этом месте крепость, разместить в ней иранский гарнизон и взять под контроль торговую трассу Дербент–Шабран–Шемахи⁷⁶.

Зульфугар-хан, прибыв к спорному месту с войском, предложил табасаранскому правителю Майсум-хану покинуть эту местность. Майсум-хан решительно отказался сделать это. Зульфугар-хан пытался его уговорить. Все было напрасно. Более того, когда Зульфугар-хан вопреки сопротивлению Майсум-хана разбил план крепости и приступил к ее строительству, табасаранский правитель, явившись с войском, потребовал прекратить строительные работы. Переговоры ни к чему не привели. Произошло сражение, в котором погибла тысяча табасаранцев⁷⁷. Сведений о потерях иранцев не сохранилось, но и у них явно были потери.

Резонанс этого конфликта был очень сильным. Особенно тяжело его переживали табасаранцы, хотя он удручающе отразился на душах и других дагестанцев. Шах Аббас I дал приказ Зульфугар-хану во что бы то ни стало примириться с противником. Однако непомерная гордость Зульфугар-хана была причиной углубления противоречий и нового конфликта.

В 1610–1611 гг. произошло новое вооруженное столкновение в стороне Астал между Зульфугар-ханом и Табасараном. В результате “погибло множество голов мусульман и голов рафизитов”, т.е. кизылбашей⁷⁸. Жестокая расправа иранских войск с табасаранцами обострила политическую ситуацию в Дагестане, она положила конец иллюзиям дагестанцев о миролюбивости шаха Аббаса I.

Чтобы как-то успокоить дагестанских владетелей, среди которых резко возросли антииранские настроения, и восстановить спокойствие в Дагестане, разобраться в причинах столкновений, шах направил к месту событий другого своего начальника Карчигай-хана (Кара-Чакай-бека) с чрезвычайными полномочиями.

Карчигай-хан убедился в несправедливости действий Зульфугар-хана и согласно шахским инструкциям арестовал и через некоторое время казнил его⁷⁹. Убийство ненавистного дагестанцам Зульфугар-хана значительно помогло Карчигай-хану уладить дела с дагестанцами⁸⁰. Эта акция оживила на время иллюзии отдельных владетелей о справедливости и миролюбии шаха Аббаса I в отношении Дагестана.

Некоторые из владетелей Дагестана, обрадованные убийством Зульфугар-хана и назначением на его место правителем Ширвана Юсуф-хана, отправили своих сыновей и родственников к шаху с выражением ему доверия и покорности⁸¹.

Однако это благодушие быстро улетучилось, как только Аббас I, воодушевленный успехами военных действий против турок в Закавказье, перешел от политического маневрирования в Дагестане к решительным действиям для его покорения, организовал ряд походов в его горную часть. Согласно надписи на надмогильной стеле, сохранившейся на кладбище села Шукты нынешнего Акушинского района, под ней захоронен Юсуп сын Магомеда, который погиб в 1020 г. хиджры (1611–1612 гг.) в селе Усиша в сражении с кизылбашами, т.е. иранцами. В этот же день было убито кизылбашами 4400 человек⁸². Такое огромное количество понесенных горцами жертв свидетельствует о жестоких боях и решительном сопротивлении акушинских даргинцев иноземным агрессорам, пытавшимся покорить их своей власти.

В 1612–1613 гг. состоялся новый поход кизылбашей (иранцев) в пределы Акуша-Дарго. Сведения о нем сохранились на полях страниц арабоязычной

рукописи “Хуллух-ал Ид жаз”, переписанной в 1021 г. хиджры (1612–1613 гг.) жителем селения Акуша. В надписи говорится, что, когда шла война иранских шиитов и Юсуп-хана с Дарго и Сюрги, в конце концов Дарго победило Юсуп-хана и неприятелей. В сражении даргинцы (не исключено, что им помогали и соседние народы – аварцы, лакцы и т.д.) “из войска Юсуп-хана убили 2000 человек, носивших оружие”⁸³. Упомянутый здесь Юсуп-хан был ширванским наместником Аббаса I, которого шах, видимо, направил на покорение даргинцев, занимавших почти середину Дагестана. Поскольку же “Дарго победило” и потери захватчиков достигли 2 тыс. человек, Юсуп-хану явно не повезло. Ему не удалось покорить верхнедаргинцев.

Несколько глухая надпись на полях другой арабоязычной рукописи свидетельствует, что “пришли войска рафизитов (иранцев. – У.М.-С.) в местечко Усиша в области Дарго в 1024 году хиджры”, т.е. в 1613–1614 гг.⁸⁴ Можно полагать, этот поход был вызван желанием шаха наказать даргинцев за урон, нанесенный ими шахским отрядам в 1612–1613 гг., поскольку он был совершен через год. Надпись эта слишком лаконична и не позволяет судить о масштабах похода, количестве его участников и числе жертв.

Народные предания сохранили сведения о приходе войск шаха Аббаса I под село Урахи и осаде ими этого села⁸⁵.

Такое множество походов кизылбашей на даргинские земли свидетельствует об упорном стремлении иранского правителя покорить даргинцев, подчинить их своей воле. Это является и показателем упорного сопротивления даргинцев шахским войскам, их готовности отстаивать свою независимость от иранского шаха.

Шахские войска в 1614–1615 гг. вторгались также в кайтагские и табасаранские селения, жители которых вступали в кровопролитные сражения с ними. Об этом говорится в надписи на полях арабоязычной рукописи, обнаруженной в селе Хурик Табасаранского района. Кизылбашам пришлось без особых успехов уйти из Табасарана и Кайтага.

Шах Аббас I в эти годы предпринял попытку подчинить своей власти и кумыков. Поводом к вмешательству в их дела стал отказ кумыков выступить против борющихся за независимость от сефевидских шахов грузин во главе с кахетинским царем Теймуразом. По приказу шаха Аббаса I тарковский Гирей хотел собрать отряд из кумыков и повести его в Грузию. Но по имеющимся данным, “кумыкские... люди ево Гирея не послушали, к шах-Басу на помощь воевати грузинские земли не пошли”, заявив, что им “Шах Басу не бивати челом и ему не служивати... всем против него стояти головами своими, а в землю его не пустити”⁸⁶. Опасаясь гнева шаха, Гирей под предлогом необходимости навестить сестру, которая была женой шаха, поехал к нему “бить челом на кумыкских людей в их непослуханье”⁸⁷. Фактически это было признание Гиреем своей покорности шаху. Аббас I, который сначала поругал Гирея за неисполнение шахской просьбы, а потом помирился с ним, получив от него подарки, и в знак прощения “назвал его ханом, а порусски царем и положил на него чолму... и людей ему... на помочь посулил и отпустил ево в Кумыки”⁸⁸.

Однако шах не отказался от идеи подчинения кумыков, населявших приморскую часть Дагестана, где проходила сухопутная трасса мирового торго-

вого шелкового пути, к контролю над которым все время стремились иранские шахи. Для осуществления этого плана Аббас I приказал шемахинскому Шихназар-хану в 1614 г. подготовить 6 тыс. конных и 6 тыс. пеших воинов, чтобы осенью двинуться в Дагестан – “на Кумыцкую землю и на кабардинских черкас войною”. Шихназар должен был взять Тарки, основать новый город и “посадить в нем кумыцкого князя Гирея царем”, а также наказать кумыкских князей, которые от шаха Аббаса “отложились”. Но главное, Шихназар-хан должен был “Кумыцкую землю соединить с Шемахою и з Дербенью вместе”⁸⁹. Для реализации плана покорения кумыков и Дагестана в целом Аббас I намечал целый комплекс мер. Он рассчитывал не только нанести по ним лобовой удар войсками Шихназар-хана. Аббас I планировал послать войска через Грузию с выходом через Дарьяльское ущелье в Кабарду и далее на северокавказские просторы. Им приказали пройти через Осетию и Кабарду в Северный Дагестан, взять одно из крупных селений Дагестана – Эндирей – и идти на соединение с отрядом шахских войск во главе с Шихназар-ханом, который должен был выступить из Дербента.

Все это подтверждается сообщением терского воеводы Головина в Посольский приказ от 1614 г. о том, что “из Грузинские де земли кизылбашской Аббас-шах идет войною... на кабардинских черкас... а ис Кабарды де шах Басу идти войною на Кумыцкую землю” мимо Терского городка, за судьбу которого и волновался воевода. Он же сообщал, что шах рассчитывал “на Койсе и в Тарках ставити города” и поселить в них своих людей с воеводами⁹⁰.

Источники того периода содержат заявление шаха Аббаса I о том, что он “ту сторону (кавказское побережье Черного моря. – У.М.-С.) очистил от Чернево моря, а сю де сторону (каспийское побережье. – У.М.-С.) очищу и до Крыму”⁹¹. Стратегический замысел шаха заключался во взятии под свой контроль всех путей, связывавших Кавказ с Крымом, как по черноморскому, так и по каспийскому побережью. Это должно было обеспечить реализацию плана шаха Аббаса I по созданию огромного государства от границ Индии и до самого Крыма под властью Сефевидов⁹². В это государство планировалось включить весь Кавказ, в том числе и Дагестан, а также орду Больших ногаев⁹³.

По имеющимся сведениям, шах намеревался использовать внутренние неурядицы России, подвергшейся польско-шведской интервенции, в частности события побега в Астрахань Заруцкого и Марины Мнишек. Под предлогом помощи этим беглецам он планировал захват Астрахани⁹⁴.

Поистине грандиозны были его планы в отношении народов Закавказья, Северного Кавказа и Юго-Востока России. Главной базой переброски шахских войск на Северный Кавказ могла быть только территория Дагестана, без утверждения шахского господства над которым эти планы шаха Аббаса I не могли быть реализованы. Этим и объяснялась упорность, с какой шах боролся за покорение Дагестана, не считаясь с потерями и трудностями.

Согласно полевым данным, войска Аббаса I проникли в селения Западного Дагестана, разрушили селения дидойцев: Хибятль, Гариэтль, Ишимхо и Кия. Жители же этих сел были пленены кизылбашами или переселились в другие места, убежав от завоевателей⁹⁵. Но шахские войска не сумели дальше углубиться в сторону Дагестана, хотя не исключено, что шаху и хотелось

покорить Аварское ханство, поскольку он запрещал своим торговым людям везти какие-либо товары “в Уварскую землю”⁹⁶. Отметим, что среди присягнувших шаху Аббасу I владетелей Дагестана аварский хан, или нуцал, вообще не упомянут⁹⁷. Более того, аварский правитель в начале XVI в. поддерживал союзнические отношения с кумыками (он был женат на дочери Султан-Махмуда эндирейского), а позднее и с Россией, осуждал прошахскую деятельность крымского ханича Шагин-Гирея на Северном Кавказе⁹⁸.

Шахские войска не сумели пробиться и на северокавказские просторы: осетины воспрепятствовали проходу кизылбашей по их территории по дороге Чми-Кани-Карца в Алагирское ущелье, в Кабарду⁹⁹, откуда их путь лежал к Эндирию. Они повернули обратно в Грузию¹⁰⁰, так и не решив поставленную стратегическую задачу.

Решительные заявления кумыков о готовности бороться против шахских войск в случае их вторжения в Кумыкию, неудача обходного маневра с целью проникновения в Дагестан с севера, протесты царского правительства в связи с посылкой шахских войск “Грузинскую землю разорять и на Кабардинскую и на Кумыкскую землю войною”¹⁰¹, как об этом было заявлено шахскому посланнику Хозе Муртозе в Москве в 1614 г., заставили Аббаса I воздержаться от более решительных действий в отношении Дагестана. Сказалось на его позиции и то, что он был связан подавлением уже начавшегося в Ширване выступления, произошедшего из-за его намерения переселить ширванцев во внутренние районы Ирана¹⁰², а также антисефевидского восстания в Карабахе, народ которого страдал от иранских военачальников и их многочисленных поборов на содержание шахской армии¹⁰³. Восстание в эти годы против сефевидского гнета было и в Грузии, где погибло по одним сведениям 19–20 тыс.¹⁰⁴, а по другим – 47 тыс. иранцев¹⁰⁵.

В конечном итоге в 1614–1615 гг. шах Аббас I вынужден был отложить намеченный поход на кумыков, ограничившись угрозами послать против них “Исуп-хана своего со многою ратью”¹⁰⁶, а также добившись присылки против них и царских войск. Однако от идеи покорения кумыков шах не отказывался вообще. Ему пришлось в эти годы заняться более важными и серьезными делами – подавлением антисефевидских восстаний в Закавказье, а также начавшейся войной с Турцией. Шах не мог заниматься северокавказскими, в том числе и дагестанскими делами. Поэтому он направил в этот регион крымского ханича Шагин-Гирея, желавшего с помощью шаха “доступать юрта отца”¹⁰⁷. Шах рассчитывал использовать связи Шагин-Гирея среди кумыков и ногаев как для приведения их под свою власть, так и для отражения попыток крымского хана Джанибек-Гирея пройти через Дагестан на помощь туркам в Закавказье. Летом 1616 г. Джанибек-Гирей дошел до Кабарды, пытался добиться от терских воевод свободного прохода его войск в Дагестан, но, получив от них отказ, вынужден был вернуться в Крым, так и не вступив в сражение с отрядами Шагин-Гирея.

Заклучив с турками в 1618 г. Серавский мирный договор, подтвердивший господство иранцев в Закавказье, шах Аббас I вновь обратился к дагестанскому вопросу. В 1619–1620 гг. он направил войска дербентского Бархудар-султана против эндирейского владетеля Султан-Махмуда и вынудил его признать покорность Ирану. Через три месяца, добившись ухода кизылбашей, Султан-Махмуд отказался от такой зависимости, не дав осуществиться

плану шаха утвердиться во всем Равнинном Дагестане, а также “втянуть в сферу своего влияния орду Больших ногаев”¹⁰⁸.

Поскольку в дело вмешалось царское правительство, отправившее в 1620 г. в Иран посольство В. Коробьина и А. Кувшинова с просьбой отменить намечавшийся на кумыков новый поход иранских войск, шах Аббас I в том же году организовал поход объединенных сил дербентского Бархударсултана и шемахинского правителя Юсуп-хана на лезгинское селение Ахты в целях покорения одного из крупных союзов сельских обществ Самурской долины, каковым был Ахтыпаринский. В результате похода это селение было настолько разрушено, что на его восстановление ушло восемь лет¹⁰⁹. Это же позволяет говорить об упорном сопротивлении шахским войскам в Ахтах, жители которого не желали подчиняться иранским завоевателям.

Шах Аббас I практиковал и невоенные методы усиления своих позиций в Дагестане. Он щедро одаривал феодальных владетелей Дагестана, перешедших на его сторону. Князю Тарков Гирею он ежегодно выплачивал 4 тыс. туманов денег, сажал его на торжественных приемах на почетное место у престола¹¹⁰. Денежные вознаграждения он выдавал кайтагскому, цахурскому и дербентскому владетелям. Уцмию Рустам-хану он дал даже грамоту на право управления Дербентом¹¹¹. Пытался он и натравлять феодальных владетелей шамхальства друг на друга, чтобы самому выступать в роли судьи при решении их взаимных претензий и таким образом держать их в подчинении. Так ему удалось влиять на тарковского Гирея, а также на его преемника Ильдара, конфликтовавших с Султан-Махмудом эндирейским¹¹².

Шаху Аббасу не удалось подчинить своей власти народы Дагестана, хотя он и имел определенные успехи: ему удалось оккупировать Дербент, привлечь на свою сторону уцмия кайтагского Рустам-хана, владетеля Цахура Алибека, табасаранского майсума, тарковского Гирея. Однако прочной власти в Дагестане, за исключением Дербента, ему установить не удалось в силу многих причин, среди которых главным было нежелание дагестанцев подчиняться иранскому правителю. Жители Дагестана отстаивали свою независимость от шаха Аббаса I всеми доступными им способами и средствами, не жалея и самой жизни.

Народам Дагестана пришлось вести борьбу и против захватнической политики шаха Сефи I (1629–1642), отличавшегося необычной жестокостью, а также настойчивостью в осуществлении своих далеко идущих политических планов. Сефи I намечал “ставить крепости на Сунже, на Елецком городище” и на Татартупе, т.е. в верховье Терека, почти у самого Дарьяла¹¹³. В возведении крепости у Елецкого городища должны были принимать участие отряды вышеупомянутого крымского ханича Шагин-Гирея, шамхала Ильдара, уцмия Рустам-хана, дербентского султана, 15 тыс. ногайцев Малой орды во главе с Алей-мурзой, а также отряд войск во главе с шемахинским Казак-ханом¹¹⁴. Чтобы подавить сопротивление местных народов реализации его плана, Сефи I намеревался послать в зону строительства 10 тыс. иранских солдат. А несколько погодя, Сефи I обещал выделить Шагин-Гирею 40-тысячное войско. Более того, он добивался от астраханских и терских воевод выделения в поддержку Шагин-Гирею до 1000 казаков и 300 стрельцов, на что, естественно, он получил отказ, поскольку воеводы опасались, что, “по-

ставя городаы, идти им (иранцам. – У.М.-С.) со своею ратью под Астрахань и Терский город войною”¹¹⁵.

Феодалные владетели Дагестана также понимали опасные последствия претворения этих планов шаха в жизнь. Поэтому даже считавшиеся сторонниками шаха владетели не поддержали его плана по строительству иранских крепостей в стратегически важных пунктах Северного Кавказа. Шамхал Гирей сразу же оповестил Москву о планах Шагин-Гирея, хотя и поехал с ним в Шемаху, куда отходил, кстати, и шемахинский Казак-хан, прибывший до этого в Тарки навстречу Шагин-Гирею¹¹⁶. Из Шемахи Шагин-Гирей доносил, что шах вовсе не собирается давать ему войска. Это было показателем отрицательного отношения Ильдара к деятельности Шагин-Гирея и его покровителя – Сефи I. Но еще более четко он выразился по этому вопросу Шагин-Гирею, заявив, что “земля”, на которой он собирается поставить крепости, “государева, а не шахова”¹¹⁷. На просьбу Шагин-Гирея выделить в его распоряжение 200 топоров и столько же телег с лошадьми и возчиками для строительства крепости на Сунже уцмий Кайтага Рустам-хан заявил, что он в таком деле “ему не товарищ”, даже не пустил “Шан Гирея к себе”¹¹⁸. Более того, уцмий информировал терских воевод о намерениях шахского протеже, а в 1631 г. дал присягу на верность России¹¹⁹.

Эндирейский Султан-Махмуд и его сын Айдемир также высказались против строительства иранских крепостей в этой зоне. Айдемир заверял терских воевод о своей готовности “с Шан Гиреем битися до смерти”¹²⁰.

Аварский нуцал в 1629–1630 гг. в грамотах к терским воеводам выразил отрицательное отношение к планам Шагин-Гирея, заявив, что “только Шан Гирей пойдет к нам, чтоб нам его не пропустити”, так как от него “вам и нам добра не чаять”¹²¹. Нуцал дал клятву верности русскому царю.

В конечном итоге планы шаха Сефи I по строительству крепостей на Северном Кавказе, используя связи Шагин-Гирея, провалились, поскольку не нашли поддержки местных владетелей и населения. Шагин-Гирей вынужден был уйти в Крым, опасаясь гнева шаха. Оттуда он бежал в Турцию, где был убит по приказу султана за измену ему в прошлом.

Провалились и попытки шаха Сефи I использовать вооруженные отряды шамхала Ильдара, казикумукского владетеля Тючелава и Мамедхана цахурского для подавления антисефевидского восстания в Грузии в 1632, 1636 и 1642 гг., чтобы “разорить и опустошить Грузию и Кахетию”¹²².

Для упрочения своего влияния в Дагестане Сефи I вмешивался во внутренние дела шамхальства. После смерти Ильдара в 1635 г. шамхалом должен был стать Султан-Махмуд эндирейский. Но он уступил эту власть своему сыну Айдемиру. Сыновья покойного шамхала Ильдара выступили против него, обратившись за поддержкой к Сефи I. Однако шах не поддержал их, а выдвинул в шамхалы сына умершего еще раньше шамхала Гирея – Сурхая, который, став шамхалом, действительно исполнял волю Сефи I.

Это означало, что и шаху отчасти удалось отстоять свои интересы в Дагестане. Но этого ему было мало. Воспользовавшись подписанием мирного договора в 1639 г. с Турцией, Сефи I вновь обратился к северокавказским делам, решил осуществить принципиально новый вариант потерпевшего раньше краха плана создания сети иранских крепостей на Северном Кавказе.

На этот раз Сефи I решил построить пять крепостей: “в Табасаранцах, да у уцмея Кайдатцкого, да в Буйнаках, да на Койсе” и в Тарках. В Тарках и на Койсу шах намечал поселить по 1000 человек гарнизона, а в других крепостях – по 500 человек в каждой. Создание сети этих крепостей представляло серьезную угрозу для независимости Дагестана, поскольку шах Сефи I предполагал направить в Дагестан 30-тысячное войско под предлогом помощи шамхалу Сурхаю¹²³. Владетели Дагестана встретили эти планы шаха резко отрицательно. В знак протеста они присягнули на верность России, которая оказала дипломатическое воздействие на шаха. Шахскому послу Аджибеку в 1642 г. было заявлено, что “царскому величеству самому то надобно, чтобы на Койсе и в Тарках города поставить, потому что та земля царского величества”, что “черкасы и кумыцкие люди вечные холопы царского величества”¹²⁴.

За 1638–1642 гг. присягнули царю тарковские князья Сурхай и Гирей, сыновья шамхала Ильдара – Имамриз и Касай, Казаналп эндирейский, Салтанбек карабудахкентский, Чупан казикумухский, Султан-Махмуд таркаловский¹²⁵. Даже давнишний сторонник шахов уцмий Кайтага Рустам-хан выступил против шаха и стал поддерживать турецкого султана¹²⁶. Шамхал Сурхай, хотя и получал от шаха ежегодно по 200 туманов денег, был против строительства иранской крепости в Тарках.

Все это свидетельствовало о провале планов шаха Сефи I по созданию сети иранских крепостей и подчинению Дагестана с помощью их гарнизонов. Более того, его позиции в Дагестане даже ослабли по сравнению с позициями шаха Аббаса I, поскольку от него отвернулся уцмий Рустам-хан, а шамхал Сурхай заявлял, что он холоп не только шаха, но и русского царя. Сефи I не удалось сделать никаких территориальных приобретений в Дагестане.

* * *

Своего агрессивного предела политика иранских шахов в XVII в. достигла при шахе Аббасе II (1642–1667), сменившем Сефи I. Он продолжил его экспансионистскую политику в отношении Дагестана, бесцеремонно вмешиваясь во внутренние дела дагестанских феодальных владений. Этому способствовали прекращение ирано-турецких войн и дальнейшее укрепление международного положения Иранского государства в середине XVII в.¹²⁷

Если Сефи I лояльно относился к России, то Аббас II, хотя еще в 1644 г. и предлагал царю дружбу и торговое сотрудничество, уже в 1645 г. резко изменил политический курс и стал на путь вытеснения русских с Северного Кавказа и прямого вмешательства во внутренние дела Дагестана, разжигая и используя межфеодалные усобицы для распространения и усиления своего влияния в этом регионе.

Уже в 1645 г. он открыто вмешался во внутренние дела Кайтагского уцмийства, используя давно шедшую острую борьбу за уцмийскую власть в Кайтаге между янгикентской и маджалисской линиями этого рода¹²⁸.

В том же году против уцмий Рустам-хана выступил его племянник Амирхан-Султан, претендовавший на уцмийское достоинство. Поскольку, как говорилось, Рустам-хан к началу 40-х годов XVII в. не был проирански настроен, Аббас II поддержал Амирхан-Султана и направил в Кайтаг ему на по-

мощь большой отряд войск. Уцмию Рустам-хану все же удалось разбить его. Однако Амирхан-Султан убежал и скрылся, успел связаться с шахом и добиться отправки нового крупного отряда войск. Амирхан-Султану с помощью шахского отряда во главе с шемахинским Арап-ханом удалось разбить Рустам-хана и провозгласить себя уцмием¹²⁹.

Рустам-хан отступил сначала в Кубачи, а потом в Калакорейш, собирая силы для изгнания Амирхан-Султана. Это ему было трудно сделать, так как иранский шах оказывал большую поддержку его сопернику.

Рустам-хан намеревался из Калакорейша “бежать в Ондрееву деревню”, т.е. в Эндирей, оставить там свою семью и отправиться оттуда за помощью к турецкому султану. Добившись помощи султана и Казаналпа, Рустам-хан рассчитывал идти против Амирхан-Султана, а также “на шаховы на украинные города, на Дербень и на Шемаху”¹³⁰. Но ему не удалось добиться поддержки Казаналпа, получившего указание от терских воевод не провожать Рустам-хана в Турцию и, не задерживая его отряды на территории своего владения, проводить в Терский городок. Воеводы опасались, что Рустам-хан, получив помощь турецкого султана, пойдет не только против Амирхан-Султана, но и против них¹³¹.

В конечном итоге Рустам-хану пришлось отстаивать свою жизнь и власть над Верхним Кайтагом без всякой помощи извне, меняя свое местопребывание. Как отмечено выше, Рустам-хан из Кубачи отступил в старинную резиденцию уцмиев Калакорейш. Оттуда он ушел в Уркарах под натиском отряда Амирхан-Султана и шахских войск. Но и там он не удержался и вынужден был обороняться от шахских войск и отрядов Амирхан-Султана в крепости Ицари. Осажденные упорно оборонялись, испытывая недостаток в продуктах питания (в конце осады они использовали в качестве пищи горный бурак). Осаждавшие, оторвавшись от базы снабжения и находясь во враждебном окружении, также испытывали большие трудности, не смогли сломить сопротивление осажденных и вынуждены были отступить в Нижний Кайтаг.

Таким образом, Кайтаг фактически оказался поделенным на две части, правители которых враждовали между собой¹³². Шаху удалось установить над Нижним Кайтагом власть своего ставленника Амирхан-Султана, который заявлял, что он будет поступать так, “как шах укажет ему”¹³³. Если указать и на то, что шамхал Сурхай также считал себя холопом “великого государя” и “шаха Аббасов”¹³⁴, можно отметить значительность успехов политики Аббаса II по распространению и упрочению влияния в Дагестане.

Поскольку Рустам-хану оказывал политическую поддержку эндирейский правитель Казаналп, в 1645 г. Аббас II приказал Арап-хану, который прибыл на помощь Амирхан-Султану, “ондиреевцев побить”¹³⁵. Казаналп, понимая серьезность создавшегося положения, добился разрешения терских властей переселиться со своими людьми поближе к Терскому городку, “возле Борагун по речке Акташу”¹³⁶.

Угрозу потери своей независимости от действий шаха Ирана чувствовали и другие феодальные владетели Дагестана. Они, как и Казаналп эндирейский, поспешили заручиться поддержкой и покровительством России на случай нападения на них шахских войск. Эта была своего рода форма их борьбы против агрессивных устремлений иранского правителя. За ноябрь-де-

кабрь 1645 г. на верность России присягнули аварский нуцал, владельцы Кафиркумуха, Буйнака и даже ставленник шаха Сурхай тарковский¹³⁷. Все это заставило шаха Аббаса II вывести свои войска из Кайтага. Однако кумыки еще оставались под его властью, и он требовал от Сурхая признания зависимости только от шаха, а не от царя и шаха. По сообщению шемахинского Хосров-хана, в 1649–1650 гг. из Дербента посылались шахские войска “на горских кумыцких князей землю войною”, чтобы они “учинили их шахову величеству послушных лиц”¹³⁸.

Шах Аббас II, как и его предшественники, использовал в своих политических целях и невоенные методы, в частности одаривание феодальных владельцев ценными подарками, землями и т.д. Шамхалу Сурхаю он выдавал годовое жалованье, обещал одарить его “в кизылбашской земле оброчными деревнями”, выдавал денежные вознаграждения сыновьям шамхала, аварским правителям¹³⁹. Правителю Халил-беку шах пожаловал Цахурское владение в тиуль с правом взыскания налогов в свою пользу¹⁴⁰. Естественно, все это способствовало усилению его влияния на дагестанских владельцев.

Эти успехи сделали Аббаса II настойчивым в проведении политики Ирана на Северном Кавказе. В этом большую роль сыграло и взятие его войсками Кандагара в 1649 г., отторгнутого от Ирана Великим Маголом шахом Джаханом в год вступления Аббаса II на престол¹⁴¹.

Для утверждения своего господства на Северном Кавказе и вытеснения русских из этого региона Аббас II в 1652 г. организовал поход своих войск под Сунженский городок. Возглавлял его шемахинский Хосров-хан. К иранцам примкнули 500 человек из Шемахи, 300 человек из Дербента с двумя пушками, отряды уцмий Кайтага Амирхан-Султана, улусы ногаев Чебан-мурзы и Шатемир-мурзы.

В данном случае описание этого похода не имеет значения, он достаточно освещен и изучен в историографии¹⁴². Остановимся лишь на объяснении причин участия в нем дагестанских феодалов. Участие в походе на Сунженский городок дербентского султана можно считать вполне закономерным, поскольку он был ставленником шаха и выполнял его волю. Амирхан-Султан с помощью шахских войск стал уцмием в Нижнем Кайтаге и нуждался в поддержке шаха. Поэтому по приказу шаха он принял участие в походе.

Шамхал тарковский Сурхай также во многом был обязан шаху своим приходом к власти. Поэтому он и примкнул к шахским войскам, хотя он, как позже писал царю, удар своих отрядов направил не против русских, а против своих старых соперников “барагунцев”, мешавших сношениям его людей с Кабардой¹⁴³.

Казаналп эндирейский вынужден был примкнуть к отрядам шахских войск, поскольку он не мог противостоять им в одиночку. Он также не питал антироссийских настроений, направил удар своего отряда против Муцала Черкасского, угнавшего до этого много его овец, 20 верблюдов и т.д.¹⁴⁴

Этот подход не дал положительных для шаха Аббаса II результатов, не привел к упрочению его влияния в Притеречье, а лишь обострил политическую ситуацию, встревожив царское правительство, начавшее предпринимать меры по усилению своих позиций на Тереке¹⁴⁵.

Шах Аббас II, не довольствуясь таким положением, решил укрепиться прочно в Дагестане, построив на его территории ряд крепостей. Шах прика-

зал дербентскому султану готовиться к походу для строительства крепостей у Тарков и у Соленого озера (Тузлук). Сурхаю тарковскому он приказал готовить телеги, людей и камень для этого строительства. В каждую крепость шах намечал поселить по 6 тыс. воинов. Ни шамхал Сурхай, ни Казаналп эндирейский не поддержали этого проекта. Интересно отметить, что “черные люди”, к которым шамхал Сурхай обратился для обсуждения шахского приказа, отказались доставить камень (по сотне телег от каждого дома) к намечаемым для строительства крепостей местам¹⁴⁶.

В ответ на активизацию шахской политики в Дагестане местные феодальные владетели стали искать покровительство и заступничество русского правительства. Шамхал Сурхай, Казаналп эндирейский, Ахмедхан джэнгутайский, Умархан кафиркумухский, владетель Буйнака Будай-бек присягнули в эти годы Москве, наладили с ней связи. Дагестанские правители таким маневром отвергли претензии шаха Аббаса II на господство, подорвали его престиж.

Недовольный этим Аббас II в конце 50-х годов XVII в. сделал решительную попытку вооруженным путем установить свое господство над Дагестаном. Это вызвало подъем антииранских настроений в Дагестане, особенно у кайтагцев, табасаранцев и кумыков. В 1659–1660 гг. в Дагестане произошло мощное антииранское восстание, в котором приняло участие более 30 тыс. человек. По количеству участников и остроте событий это восстание не имело равных в истории антииранского движения на Кавказе в этот период. Сведения о нем содержит хроника “Аббас-наме” историографа шаха Аббаса II Мухаммеда Тахира Вахида Казвини¹⁴⁷.

Основным очагом восстания был Кайтаг: “Владетель Кайтага и Улуг, сын Рустама прежнего уцмия... соединившись с группой злоумышленников из этого племени, совершили ряд проступков и действий, выходящих за пределы дозволенного”¹⁴⁸. Возмущенный этим шах Аббас II приказал начальнику своих войск, подготовленных в Карабахе для похода на Грузию, Аллаверди-хану выделить в распоряжение шемахинского правителя Хаджи-Манучехр-хана 15 тыс. воинов со всем необходимым снаряжением. Хаджи-Манучехр-хан должен был с этим войском двинуться в Дагестан и ликвидировать “возмущение мятежников”¹⁴⁹.

Чтобы обезглавить восставших, Аббас II лишил Улуга¹⁵⁰ и примкнувших к нему феодалов власти, передав официально управление Кайтагом с “Башлу” некоему Хасан-хану. Шах отправил приказ шамхалу Сурхаю, чтобы он присоединился к Хаджи-Манучехр-хану и подавил восстание. Шахские войска с соблюдением предосторожностей двинулись из Ширвана к зимовкам Шахдага и вступили в пределы кюринцев (лезгин). Последние укрылись в горных теснинах и не явились с повинной к Хаджи-Манучехр-хану, который вынужден был направиться к Дербенту и остановить их, не развивая наступления на Кайтаг.

Хаджи Манучехр-хан не дождался содействия и со стороны шамхала Сурхая. Поэтому он отправил к нему нарочного с письмом с требованием явиться для разгрома Улуга и его отряда¹⁵¹. На это Хаджи Манучехр-хан получил ответ, что дагестанцев невозможно привести в покорность постройкой у них крепости, что приказ шаха для них не действителен, а Улуг может выразить покорность шаху, если он простит его великодушно. Вероятно,

шамхал Сурхай пытался выиграть время, оттянуть поход шахских войск, обещая привести в покорность Улуга, поскольку известно, что дагестанские владетели собирали в это время силы.

Узнав об этих приготовлениях, Хаджи Манучехр-хан с огромным войском и артиллерией двинулся из Дербента в сторону Кайтага. “Шамхал Сурхай и общество Дагестана построили на реке Багам¹⁵² ... укрепления и укрытия и ждали подхода Хаджи Манучехр-хана” с войсками. По данным М. Казвини, количество собравшихся дагестанцев (“военачальники, прочие знатные и народ”) доходило до 30 тыс. человек, вооруженных “колющим и стреляющим оружием”. Среди руководителей восстания, кроме шамхала Сурхая и Улуга, был также и Казаналп эндирейский. Все это позволяет говорить об общедагестанском и общенародном характере восстания.

Заслуживает внимания и то, что в завязавшемся сражении Улуг со своим отрядом атаковал левое крыло шахских войск и вызвал среди них смятение. Хаджи Манучехр-хану с трудом удалось выправить положение. Бой был кровопролитным. Потери с обеих сторон были велики. Горцев пало значительно больше, поскольку им приходилось сражаться с регулярной шахской армией, имевшей огнестрельное оружие и артиллерию.

М. Казвини писал о горцах, что даже через три–четыре дня “была обнаружена группа их вождей, которая умерла от пулевых ран и стрел”. Убили и брата Улуга. Что стало с Улугом неизвестно. Шамхал Сурхай же и “прочие люди Дагестана” избежали разгрома и продолжали сопротивление шахским войскам, укрывшись на неприступных вершинах гор. Цель похода захватчиками не была полностью достигнута.

Шах, узнав об итогах боя, стал готовить войска к новому походу. Понимая сложность создавшегося положения, Сурхай-шамхал вступил в переговоры с Хаджи Манучехр-ханом, отправил своего сына Гюль Мухаммед-бека к шаху с раскаянием. Шах Аббас II выразил свое удовлетворение даже таким формальным выражением покорности Сурхаем, одарил ценными подарками Гюль Мухаммед-бека и сопровождавших его лиц, а шамхалу Сурхаю даровал “управление страной Дагестаном”¹⁵³.

В итоге получился компромисс между шахом и шамхалом Сурхаем, поскольку правитель Ирана не осмелился на более решительные действия, опасаясь осложнений. Шамхалу Сурхаю также не очень нужно было обострять отношения с шахом, поскольку горцы понесли в ходе восстания большие потери.

И все же подлинной покорности дагестанских владетелей шаху Аббасу II не удалось добиться, хотя “кумыцкие владетели” и посылали шаху “по все годы в подарках ясырь... птиц... и лошади”, а сами получали ежегодно “большое жалованье”. Убеждают в этом выраженная Сурхаем в письме к турецкому султану готовность в случае помощи от него “идти войною до Испгани”, а также сообщения дагестанских феодалов султану о том, что они отбили атаки шахских войск, которые потеряли более 3 тыс. человек. Добиваясь помощи султана против шаха, они писали, что более не хотят “кизыл-башам в подданстве быть”.

В этом можно видеть ослабление позиций и влияния шахского Ирана в Дагестане, несмотря на продолжавшиеся в течение всей первой половины и в середине XVII в. вмешательства шахов во внутренние дела Дагестана. Пос-

ле же восстания 1659–1660 гг. престиж шаха в Дагестане стал падать; дагестанские владетели стали посылать своих послов в Крым, а также к султану в поисках помощи от них против шаха, опасаясь нападения его войск¹⁵⁴. Усиление поиска дагестанскими владетелями покровительства России в этот период также свидетельствует о падении влияния шаха в Дагестане. Шах мог заставить кого-либо из владетелей выполнить его приказ, только обещая деньги¹⁵⁵.

Идеи покорения Дагестана оставались в центре северокавказской политики и шаха Сулеймана (правил в 1667–1694 гг.), хотя при нем Иран переживал период упадка и не мог вести наступательных действий. Он пытался угрозами подчинить своей власти Чепалава эндирейского. С целью упрочения своих позиций в Тарках он пытался отстранить от власти в этом владении шамхала Будая и “учинить шамхалом” Гирея¹⁵⁶. Шах собирался даже послать в Тарки войска на помощь Гирею, а затем развернуть их на р. Койсу и там построить крепость.

Разместив в ней свой гарнизон, шах Сулейман, как и его предшественники, собирался покончить с независимостью владетелей приморской части Дагестана, в их числе шамхала Будая¹⁵⁷. Постройкой крепости на Койсу шах пытался создать заслон на пути проникновения влияния России в Дагестан, которое усиливалось в течение XVII в. Царское правительство потребовало от шаха отказа от строительства крепости на р. Койсу, так как это “искони царская земля”¹⁵⁸. Шах в ответ заявил, что “река Койса за русскими государями и цари не бывала”¹⁵⁹. Но он все же не решился на возведение крепости.

Как уже отмечалось, шах Сулейман применял и методы подкупа дагестанских феодалов. При нем все ханы и беки дагестанские, в том числе и аварский нуцал Умма-хан получили шахские грамоты (около 1670 г.), из которых видно, что все они получали денежное содержание от персидского правительства¹⁶⁰. Тарковские шамхалы еще в начале XVIII в. ежегодно получали до 40 тыс. руб. от шаха¹⁶¹, что не мешало им, искусно маневрируя между ирано-русскими и ирано-турецкими противоречиями, сохранять фактическую самостоятельность.

Шамхалы лишь формально признавали верховенство шаха. Владетели же Кайтага и Табасарана не были согласны даже на такое признание покорности. Этим и был вызван поход шахских войск в Кайтаг в 1684 г. В результате сражения “сложили многие головы из Кайтага и Табасарана”¹⁶². Видимо, и этот поход не принес шаху желаемых успехов, поскольку в 1687 г. он “приказал воевать уцмея кайтагского за его непослушанье”¹⁶³. Спустя два года Сулейман снова вмешался во внутрикайтагские дела, поддержав притязания на уцмийство отпрыска маджалисской линии рода уцмиев Гусейн-хана, воспитывавшегося до совершеннолетия в Иране. Шах назначил его правителем Кубы. Гусейн-хан собрал там войска, вторгся в Кайтаг и овладел Башлами. Однако правивший уцмий Али-Султан, мобилизовав 30 тыс. человек “из разных горских народов”, вытеснил Гусейн-хана в Кубу, где он и скончался¹⁶⁴.

Таким образом, попытки и шаха Сулеймана подчинить дагестанских владетелей – аварского хана, тарковских, особенно кайтагских, а также табасаранских владетелей потерпели фиаско. Шаху Сулейману не удалось сделать никаких территориальных приобретений в Дагестане.

Преемник шаха Сулеймана – Султан-Гусейн (правил в 1694–1722 гг.) пытался подчинить своей власти владельцев Дагестана посылкой им грамот и жалованья, в том числе земельными пожалованиями¹⁶⁵.

В 1696 г. шах Султан-Гусейн поддержал выступавшего с претензиями на уцмийство Ахмед-хана, сына упомянутого выше Гусейн-хана. Ахмед-хану удалось “с помощью кубинцев и своих приверженцев в Кайтаге” овладеть аулом Башлы, вытеснить уцмию Эмир-Гамзу в Верхний Кайтаг и провозгласить себя уцмием. Однако и он правил недолго. Он был вытеснен сыном Улуга (Уллубия) Ахмат-ханом, проводившим независимую от шаха Ирана политику. Успех Ахмат-хана объяснялся поддержкой его кайтагцами, не желавшими подчиняться шахскому ставленнику Ахмед-хану¹⁶⁶.

В XVII в. войска иранских шахов не раз вторгались в Дагестан с целью утверждения господства шахов над его народами. Однако все эти походы потерпели крах, поскольку народы Дагестана оказывали им должный отпор, не останавливаясь перед потерями. Важную роль в сохранении народами Дагестана независимости от иранских завоевателей в XVII в. сыграло и умелое использование дагестанскими владельцами ирано-российских и ирано-турецких противоречий. Основную тяжесть этой борьбы вынесло дагестанское крестьянство, составлявшее костяк ополчений дагестанских феодалов.

В ходе борьбы за свою независимость от иноземных завоевателей, какими в XVI–XVII вв. поочередно выступали по отношению к Дагестану правители России, Турции и Ирана, народы Дагестана продемонстрировали решимость бороться всеми доступными им средствами и способами, начиная от дипломатической формы и кончая вооруженными восстаниями. Они продемонстрировали готовность к взаимовыручке и взаимопомощи в деле организации отпора вторгавшимся захватчикам. Это и было залогом сохранения ими фактической независимости в сложнейших условиях острой борьбы между царями, шахами и султанами за господство на Кавказе и, в частности, за подчинение Дагестана. У народов Дагестана в этот период было достаточно много политических событий, чтобы убедиться в общности своих исторических судеб.

§ 6. Дагестано-российские отношения в XVII веке

Поход царских войск 1604–1605 гг. в Дагестан, естественно, не способствовал сближению народов Дагестана с Россией. Он даже на некоторое время испортил установившиеся до этого связи отдельных владельцев Дагестана с Москвой.

Однако ход событий начала XVII в. привел к быстрому урегулированию дагестано-российских отношений, особенно в экономической области¹⁶⁷. В дальнейшем экономические и политические контакты между феодальными владельцами Дагестана и Русским государством стали приобретать все более устойчивый, прочный и взаимовыгодный характер.

Начавшаяся в 1606 г. агрессия войск иранского шаха Аббаса I, занятие ими Дербента оказали существенное воздействие на феодальных владельцев Дагестана. Стремясь урегулировать свои отношения с Москвой, они ста-

ли все чаще обращаться к терским воеводам с просьбами об оказании им помощи и покровительства на случай вторжения шахских войск в их владения¹⁶⁸. Несмотря на то что терские воеводы в условиях продолжавшейся польско-литовской интервенции против России испытывали значительные затруднения в обеспечении царских войск на Тереке продовольствием и снаряжением, они не отвергали обращений к ним дагестанских феодальных владетелей и делали все возможное для усиления их стремлений к сближению с Россией.

Как отмечала Е.Н. Кушева, «в период интервенции начала XVII в., когда прекратился подвоз в Терский город хлебных запасов из Руси по Волге и Каспийскому морю, терские стрельцы и служилые люди покупали хлеб “у кабардинских черкас, и у кумыкских людей в Тарках и в Карабудаках, и у гиланских, и у дербентских тезиков”, привозивших хлебные запасы для продажи на Терек»¹⁶⁹. Видимо, значение привозившегося из Дагестана зерна тогда в Терском городке было большим, поскольку, когда в 1614 г. в “Кумыках и в Черкасах хлеб не дородился”, русское население города оказалось в трудном положении. Даже в 1630 г. из Кайтага в Терский городок было отправлено для продажи 30 кулей пшеничной муки. Кроме того, из Дагестана поступали сушеные фрукты, орехи, марена, платки, ковры, нефть, попоны, овчины, шубы из овечьих шкур. Не исключено, что в Терский город из Дагестана ввозили более значительное количество разнообразных товаров, изделий дагестанских мастеров-ремесленников. Пригоняли туда на продажу овец и лошадей. Привозили горцы в Терский городок и восточные товары – шелк, сафьян и т.д.¹⁷⁰

Торгово-экономические контакты между Россией и Дагестаном в XVII в. расширились. Этому способствовала в определенной мере и политика царских властей на Северном Кавказе. Обычно торговцы сопровождали посланцев феодальных правителей Дагестана к царским властям в Терский городок, Астрахань или в Москву. Царские власти товары этих “купчин” или правителей, посланные с ними для продажи, освобождали от довольно высоких для того времени таможенных пошлин¹⁷¹. Беспошлинная торговля вовлекла в русско-дагестанские экономические связи как феодальных владетелей, так и их подвластных – “купчин”. Они не только привозили свои товары для продажи, но и покупали в российских городах довольно много товаров российского и европейского производства для вывоза в Дагестан. Так, в 1621, 1623 и 1627 гг. купец Ильдара тарковского привез в Москву товары на общую сумму в 8557 руб., а посланец шамхала Сурхая привез товаров на 8100 руб. По челобитию “купчин” они обычно освобождались от торговых пошлин¹⁷². Интерес в этом плане представляет грамота из Посольского приказа в Терский город от сентября 1631 г., в которой сказано: “И как к вам ся наша грамота придет, а Илдар-шевкал учнет будет в Астрахань людей своих с товары с своими присылать, и вы б с его товаров на людей его наших пошлин имать не велели со 600 руб. за год, и что сверх 600 руб. товаров будет, и вы б с тех товаров велели... пошлину имать...”. В 1634 г. товары уцмия кайтагского Рустам-хана в Москве, а также Сурхая тарковского в Астрахани и в Москве в 1641 г. тоже были освобождены от пошлин¹⁷³.

Из Дагестана в Терский город прибывали караваны торговых людей не только с местными, но и восточными товарами, шедшими в Россию и Евро-

пу через Дагестан транзитом – всевозможные шелковые и хлопчатобумажные ткани из Азербайджана, Ирана, Средней Азии, шелк-сырец и крашенный шелк, сафьяны, шелковые кушаки¹⁷⁴.

Из России в Дагестан привозили сукна, меха, холст, кожи, металлические изделия, кубки, котлы, бумагу, сахар, деревянные изделия, стекло и стеклянные изделия, медь и медные изделия, котлы, ведра, наперстки, иглы, зеркала, ковры, пух и т.д.

На юге Дагестана важную роль в международной торговле, особенно с Россией, играл Дербент, значение которого с каждым годом возрастало. Торговые связи с Астраханью и Терками поддерживали жители Эндирея. Аксая. Как уже отмечалось, торговля велась по суше – по сухопутной трассе мирового волжско-каспийского торгового шелкового пути: Дербент–Тарки–Эндирей–Терки–Астрахань и т.д.¹⁷⁵ Функционировала и морская трасса этого же пути: Дербент–Тарки–Терки–Астрахань и т.д. Плавание осуществлялось в пределах видимости берега на стругах, бусах и полубусах. Дербентские купцы, владевшие собственными судами, регулярно занимались реэкспортом в Россию из стран Закавказья восточных товаров, пользовавшихся особым спросом в России, таких как шелк-сырец, киндяки, сафьян, замша и др. Перепродажа шелка-сырца и изделий из него приносила большие прибыли дагестанским и русским торговцам¹⁷⁶. Важное значение в условиях борьбы народов Дагестана за независимость от сефевидских шахов в XVII в. имело разрешение царских властей на закупку в России и вывоз в Дагестан предметов вооружения того времени – пищалей (огнестрельное оружие), саблей, панцирей и т.д.¹⁷⁷

Особенно доходной стала торговля во второй половине XVII в. в связи с некоторой стабилизацией политической обстановки в прикаспийской зоне Дагестана.

И все же условия торговых сношений в Прикаспии в XVII в. носили чисто средневековый характер: при провозе товаров по Дагестанской дороге из Астрахани и Терков в Дербент и обратно надо было платить пошлины каждому феодалу, через владения которого проезжали купцы. Так, в 1630-х годах в Тарках пошлину брал шамхал Ильдар, а далее – буйнакский владелец Бий-Багомат, южнее его – кайтагский уцмий Рустамхан. Как правило, феодалы брали и “лишнее”. Осложняли торговые сношения и частые нападения на торговые караваны грабителей, в том числе и казаков¹⁷⁸.

Царские власти также не упускали возможности пополнить казну своего государя за счет пошлинных сборов с торговцев, учредив таможи в Терском городе и в Астрахани, а также взимая пошлину за перевоз товаров через р. Сунжу. Как отметила еще Е.Н. Кушева, несмотря на все эти препятствия, экономические связи между Дагестаном и Россией в течение XVII в. расширялись и они несомненно способствовали укреплению пророссийской ориентации дагестанской внешней политики¹⁷⁹.

Еще сильнее сказывалось их влияние на установление военно-политических связей между царскими властями и феодальными владельцами Дагестана, которые, опасаясь агрессии иранских шахов, один за другим стали обращаться к Москве с просьбами о военной помощи и покровительстве, выражая при этом готовность вступить в подданство России.

Уже в 1610 г. терские воеводы через посредничество кабардинского князя Хорошая Шолохова добились принятия присяги на верность царю Гиреем тарковским, Алибеком казикумухским, “Уварским Махтей князем”, Сурхаем карабудахкентским, Казаналпом эндирейским, сыном шамхала Альбирюем, Аметхан князем, владельцем Эрпели¹⁸⁰. Также поступил Султан-Махмуд эндирейский после изгнания его на время царскими воеводами из Эндрейя в “Окоцкие кабаки”¹⁸¹.

Как только в 1614 г. дагестанские владельцы узнали от терских воевод об изгнании из России польско-литовских интервентов и избрании царем Михаила Романова, на верность ему вскоре присягнули Сурхай, Гирей и Ильдар тарковские, Алибек казикумухский, Магомет-хан таркаловский, “уварский... Махтий”, Султан Махмуд эндирейский, Андий-шамхал, Сурхай карабудахкентский, Будачей эрпелинский¹⁸². В 1616 г. присягнул уцмий Кайтага Рустам-хан¹⁸³.

Такая активность феодальных владельцев Дагестана была вызвана опасением нашествия шахских войск, о чем они уже знали¹⁸⁴.

Царское правительство отреагировало на все это тем, что отправило в 1615 и 1616 гг. посольства к шаху Аббасу I с требованием отменить намеченные уже походы его войск на Дагестан, Грузию и Кабарду. Шах не решился на открытый конфликт с Россией и отменил эти походы. Это еще более повысило авторитет России в глазах дагестанских феодалов, которые выразили в 20–30-х годах XVII в. готовность вступить в подданство России, служить царю.

В 1629–1630 гг. аварский хан отправил царю две грамоты, в которых присягал на верность России¹⁸⁵. В 1630 г. шамхал Ильдар, в 1631–1632 гг., а также в 1634–1636 гг. уцмий Кайтага Рустам-хан выражали готовность присягнуть царю. Об этом неоднократно заявлял Султан-Махмуд эндирейский¹⁸⁶. В 1638 г. вновь присягнули тарковские Гирей и Сурхай¹⁸⁷. В 1637 г. то же самое сделал Багамет кафиркумухский, а в 1645 г. – аварские “Загаштука-мурза Турлов да Турлов-мурза”¹⁸⁸; аварский нуцал и владельцы Буйнака и Кафыркумуха и другие владельцы присягнули в ноябре–декабре того же года¹⁸⁹.

Особую активность проявляли тарковские правители, от которых за 1614–1642 гг. в Москве побывало 13 посольств¹⁹⁰. В эти годы шло соперничество за власть в шамхальстве между тарковскими и эндирейскими князьями, которые стремились заручиться поддержкой Москвы, прекрасно использовавшей все это в своих целях.

Сначала царское правительство покровительствовало тарковским князьям. Например, князь Гирей не ранее 21 июля 1614 г. был принят в русское подданство и даже на службу. Почти одновременно (31 декабря 1614 г.) состоялось “решение Боярской Думы о принятии кумыкского владельца Султан-Магмута в русское подданство и о назначении ему и кумыкскому князю Гирею годового жалованья”¹⁹¹. Эта двойная политическая игра царских властей вызывала недовольство обоих правителей – Султан-Махмуда и Гирей¹⁹².

Тем не менее царь не стремился особо мирить их. Царское правительство проводило в целом продуманную политику в отношении владельцев Дагестана. Каждому из обратившихся к нему за поддержкой, помощью и покровительством дагестанских владельцев оно обещало защищать от

"недругов", выплачивало жалование за службу и т.д. В 1627 г. такие обещания были даны шамхалу Ильдару, в 1638 г. – его сыновьям Гирею и Касаю, в 1632 и 1635 гг. – Рустам-хану, в 1642 г. – таркаловскому Салтан Магмуту Кулаеву, в 1627 г. – Айдемиру, а в 1646 г. – Казаналпу эндирейскому. Правители дагестанских феодальных владений получали при этом от царя и ценные подарки (шубы и другую верхнюю одежду, головные уборы, кубки и т.д.)¹⁹³.

Военно-политические и дипломатические контакты между Россией и правителями феодальных владений Дагестана в первой половине XVII в. были довольно интенсивными. На них отражались политические интересы обеих сторон: владетели Дагестана приобретали покровителя и защитника от возможного нападения на них войск иранских шахов, а царское правительство добивалось ослабления влияния и власти последних в Дагестане и предотвращения занятия его территории шахскими войсками.

Царское правительство не всегда выполняло свои обещания. Владетели Дагестана, учитывая это, проводили политику лавирования между ирано-российскими противоречиями на Кавказе, порой признавая свое "послушание" обеим сторонам в зависимости от сложившейся ситуации в регионе.

На некоторое время дагестано-российские отношения осложнились в начале 50-х годов XVII в. из-за вынужденного участия дагестанских владетелей в организованном шахом Аббасом II в 1652–1653 гг. походе иранских войск на Сунженский городок с целью вытеснения российских войск и властей из Северного Кавказа, в частности с Терека. Примкнувшие к проходившим через их владения шахским отрядам владетели Дагестана (дербентский хан, кайтагский владетель Амирхан-Султан, тарковский шамхал Сурхай, Казаналп эндирейский) по завершении безрезультатного похода шахских войск объяснили царским властям вынужденность их участия в походе и то, что они ничего плохого русским не сделали, "ни единому человеку и носа не окривили"¹⁹⁴.

Документов о российско-дагестанских отношениях второй половины XVII в. сохранилось мало. Но и они позволяют говорить о дальнейшем сближении народов Дагестана с Россией. Дагестанские феодальные правители не раз убедились, что только при поддержке со стороны России они в состоянии сдерживать натиск иранских шахов, в особенности Аббаса II, на Дагестан. Поэтому они не скрывали своих стремлений к сближению с Россией. Это подтверждает, в частности, то, что в 1675 г. кумыкские владетели, получив грамоту от крымского хана с призывом к шамхалу Будаю, Чепалаву эндирейскому и другим правителям принять участие в походе на Россию, сразу же известили царя об этом, отправив в Москву посла Балакая¹⁹⁵. В 1677 г. шамхал Будаю отправил в Москву для продажи товаров на 1097 руб., а также девять коней (аргамаков) в подарок царю и грамоту с выражением своей готовности служить ему.

В том же году Асанбек кафиркумухский прибыл в Астрахань с семьей узденями и несколько позже, во время русско-турецкой войны 1677–1678 гг., принял участие в боях под Чигирином на стороне русских. В 1687 г. шамхал Будаю вновь отказался помочь крымскому хану в его борьбе против русских¹⁹⁶.

Несомненно, значительное влияние на установление доверительных отношений между владельцами Дагестана и Россией в XVII в. оказывало то, что после похода царских войск во главе с Бутурлиным Россия не сделала ни одной попытки военным путем утвердить свое господство в Дагестане, в частности в его прикаспийской части. Так продолжалось с 1605 по 1722 г., т.е. до похода Петра I в Прикаспий. Это был наиболее мирный период русско-дагестанских отношений. Именно в этот период и происходило заметное улучшение русско-дагестанских торгово-экономических и культурных связей, что особенно ярко проявлялось в притеречных казачьих станицах и в Терском городе, где бок о бок жили и трудились русские переселенцы и выходцы из северокавказских областей, в том числе из Дагестана.

Однако “вхождение” Дагестана в состав России в XVII в. не состоялось, хотя многие дагестанские владельцы и принимали присягу на верность русским царям. Надо просто хорошо понимать и учитывать разницу между понятиями “вхождение” и “присоединение”. В XVII в. ни того, ни другого не было, как не было и официального акта или решения ни царского правительства в целом, ни Боярской Думы о принятии других владельцев Дагестана в подданство России, кроме вышеупомянутого решения Боярской Думы от 1614 г. о принятии в царское подданство Гирея тарковского и Султан Махмуда эндирейского¹⁹⁷.

В целом в XVI–XVII в. народам Дагестана пришлось в упорной борьбе отстаивать свою политическую независимость от великих держав того времени – России, Турции и Ирана, – стремившихся утвердить свое политическое господство над народами, обитавшими на западном побережье Каспия, к которым относились и дагестанские народы. В этой борьбе формировалось у народов Дагестана понимание их единства, общности их исторических судеб, необходимости укрепления их дружбы, сотрудничества и взаимопомощи.

¹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 41.

² История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 284; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973. С. 157–158, 161.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 313.

⁴ Там же. С. 317, 318; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 21, 30.

⁵ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VII. С. 206; История Дагестана. Т. 1. С. 267.

⁶ Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 77.

⁷ История Дагестана. Т. 1. С. 267–268; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 109.

⁸ История Дагестана. Т. 1. С. 269.

⁹ Там же; Бакиханов А.К. Указ. соч.

¹⁰ История Дагестана. Т. 1. С. 269.

¹¹ Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 83.

¹² Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 37.

- ¹³ Там же. С. 37–38; *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 84.
- ¹⁴ *Новосельцев А.П.* Освободительная борьба народов Закавказья в XVI–XVII вв. // *Вопр. истории.* 1969. № 9. С. 119; *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 37.
- ¹⁵ *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 86; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 117.
- ¹⁶ *Валуйский А.М.* Феодальный строй Турции в XV–XVI вв.: Документы и материалы / Сост., пер. и коммент. А.С. Тверитиновой. М., 1963. С. 192–215.
- ¹⁷ *Рахмани А.А.* "Тарих-и алам арай-и Аббаси" как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960. С. 82.
- ¹⁸ *Очерки истории СССР, конец XV – начало XVII в. М., 1955.* С. 872.
- ¹⁹ *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 118.
- ²⁰ Там же. С. 116.
- ²¹ *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 88.
- ²² Там же. С. 83.
- ²³ *Петрушевский И.П.* Азербайджан в XVI–XVII вв. // *Сборник статей по истории Азербайджана.* Баку, 1949. Вып. 1. С. 274.
- ²⁴ Там же; *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 88; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 120; *История Дагестана.* Т. 1. С. 271.
- ²⁵ *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 93–94; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 122–123.
- ²⁶ *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 124.
- ²⁷ *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I.* С. 316–317; *История Дагестана.* Т. 1. С. 282–283; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 237.
- ²⁸ *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 21.
- ²⁹ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 237.
- ³⁰ Там же; *Лавров И.* Тарки до XVIII в. // *Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1958.* Т. IV. (Далее: *Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР*); *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 237–238; *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 20, 22.
- ³¹ *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 24–25.
- ³² Там же. С. 26.
- ³³ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 242–243, 276–277; *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I.* С. 341.
- ³⁴ *История Дагестана.* Т. 1. С. 284; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 252.
- ³⁵ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 276.
- ³⁶ *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 28.
- ³⁷ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 277–278.
- ³⁸ *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1 (1518–1613). С. 251–252; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 126.
- ³⁹ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 253; *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 52.
- ⁴⁰ *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 52–53.
- ⁴¹ Там же. С. 53.
- ⁴² *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 278–280; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 126–127.
- ⁴³ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 282.
- ⁴⁴ Там же; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. IV. Т. 7. С. 259–260; *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 56–57; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 127–128.
- ⁴⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. X. С. 113–114; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 7. С. 269.
- ⁴⁶ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 7. С. 269.
- ⁴⁷ *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 78–79; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 284.

- 48 *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. С. 81; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 129; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 564–565; Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией: В 3 т. / Сост. Н.И. Веселовский. СПб., 1890–1898. С. 372, 375.
- 49 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. XI. С. 43.
- 50 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 287.
- 51 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. XI. С. 37.
- 52 Там же.
- 53 *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 470; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 74; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 288; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 129–130; *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 65.
- 54 *Маршаев Р.Г.* Казикумухское шамхальство в русско-турецких отношениях во второй половине XVI – начале XVII вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 157; Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850. Отд. III. С. 44; *Потто В.* Кавказ до Петра. СПб., 1896. С. 3; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 131–133.
- 55 *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. С. 12.
- 56 *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 89.
- 57 Там же; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. X.
- 58 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 288.
- 59 Там же; *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 89; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 132–133; *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 81–82; *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 67–68.
- 60 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX. С. 37.
- 61 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 8. С. 363.
- 62 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX. С. 43.
- 63 Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. II. С. 351, 352, 381; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 88; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 158–159.
- 64 *Новичев А.Д.* История Турции (XI–XVIII вв.). Л., 1963. Т. 1. С. 157; История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1. С. 261.
- 65 *Бартольд В.В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1926. С. 107; *Иванов М.С.* Очерк истории Ирана. М., 1952. С. 64–65; *Рахмани А.А.* Указ. соч. С. 90.
- 66 Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. I. С. 3–4, 23–24, 96.
- 67 *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 93–94.
- 68 *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 58–59.
- 69 *Петрушевский И.П.* Азербайджан в XVI–XVII вв. С. 290.
- 70 *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 94.
- 71 *Котов Ф.* Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 35.
- 72 *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 59; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 147.
- 73 *Челеби Эвлия.* Сяхет-наме / Пер. с тур. яз. И.А. Гусейнова // Науч. архив Ин-та истории АН Республики Азербайджан. Д. 1204. Л. 36.
- 74 *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 59.
- 75 *Петрушевский И.П.* Азербайджан в XVI–XVII вв. С. 280.
- 76 *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 96–97.
- 77 Там же. С. 97.
- 78 *Шихсаидов А.Р.* Новые данные по средневековой истории Дагестана // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 147.
- 79 *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 97.

- ⁸⁰ Рахмани А.А. Указ. соч. С. 117.
- ⁸¹ Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 97.
- ⁸² Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. С. 7–8; *Он же*. Полевой материал 1963 г. // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 375(2); Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 153.
- ⁸³ Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв. С. 7–8; Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 153; Алиев Б.Г. Памятники арабской письменности XVII–XVIII веков по истории Верхней Даргинии // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20. С. 257.
- ⁸⁴ Алиев Б.Г. Памятники арабской письменности... С. 257. (Перевод года хиджры на христианское летоисчисление дано по источнику).
- ⁸⁵ Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960. С. 5.
- ⁸⁶ Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. II. С. 352, 381.
- ⁸⁷ Там же. С. 353.
- ⁸⁸ Там же. С. 299.
- ⁸⁹ Там же. С. 350–351; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 77 (Сношения России с Персией, 1614 г.). Д. 2. Л. 5–7.
- ⁹⁰ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 540–541.
- ⁹¹ Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. III. С. 381.
- ⁹² Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 158.
- ⁹³ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 88.
- ⁹⁴ Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. II. С. 351–352.
- ⁹⁵ Магомедов Д.М. Полевой материал 1970 г. // РФ ИИЭА ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 489; Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 159–160.
- ⁹⁶ Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 305. Л. 147.
- ⁹⁷ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 160.
- ⁹⁸ Там же. С. 161; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. М., 1958. С. 89–90.
- ⁹⁹ Блиев М.М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959. С. 37.
- ¹⁰⁰ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 305, 307.
- ¹⁰¹ Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. III. С. 33.
- ¹⁰² Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 161.
- ¹⁰³ Новосельцев А.П. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.: Канд. дис. М., 1959. С. 98–102.
- ¹⁰⁴ Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. II. С. 354.
- ¹⁰⁵ Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII вв. СПб., 1891. С. 18.
- ¹⁰⁶ Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. II. С. 292, 345.
- ¹⁰⁷ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 163.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 164; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 88.
- ¹⁰⁹ Лавров А.И. Южнодагестанский хронограф // КСИЭ АН СССР. М., 1959. Т. 32. С. 20–21; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 113.

- 110 Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. II. С. 344.
- 111 *Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л., 1949. С. 160; *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 98.
- 112 Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. II. С. 299, 345; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 69–70; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 165–167.
- 113 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 313.
- 114 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 170.
- 115 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 629–630, 974; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 313.
- 116 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 171.
- 117 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 630.
- 118 Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 145; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 94.
- 119 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 707; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 311, 314.
- 120 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 694.
- 121 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 90.
- 122 Там же. С. 100.
- 123 РГАДА. Ф. Кабард. дела, 1640 г. Д. 1. Л. 37–43; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 1087.
- 124 РГАДА. Ф. 77 (Сношения России с Персией, 1642 г.). Д. 10. Л. 141–144.
- 125 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 176.
- 126 *Бартольд В.В.* К вопросу о происхождении кайтагов // Этногр. обозрение. 1910. № 1/2. С. 43; *Он же.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. С. 111; *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 99.
- 127 *Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. М., 1952. С. 76.
- 128 *Бартольд В.В.* К вопросу о происхождении кайтагов. С. 43; *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 99.
- 129 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 169–170.
- 130 Там же. С. 169.
- 131 Там же. С. 170.
- 132 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 181.
- 133 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 169; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 322.
- 134 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 169–170; Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 266.
- 135 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 175.
- 136 Там же. С. 178–179.
- 137 Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 261–269; *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 89.
- 138 РГАДА. Ф. 77. (Сношения России с Персией, 1649–1650 гг.). Кн. 12. Л. 202–203.
- 139 Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 218; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 175–178; *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 99; *Алкадари Г.* Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 51.
- 140 Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1868. Т. II. С. 1087.
- 141 *Иванов М.С.* Указ. соч. С. 77.
- 142 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 184–185; *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 120–123; *Зевакин Е.С.* Конфликт России с Персией в середине XVII в. Баку, 1929.
- 143 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 190–191.

- 144 Там же. С. 193; РГАДА. Ф. 77. (Сношения России с Персией, 1651 г.). Д. 1. Л. 100–101; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 187–188.
- 145 *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 120–125.
- 146 РГАДА. Ф. 121. 1659 г. Д. 1. Л. 38–40; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 188–189.
- 147 См.: *Новосельцев А.П.* Мухаммед Тахир Вахид Казвини о восстании в Дагестане в 1659–1660 гг. // Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. // Под ред. А.А. Зимины. М., 1962. С. 685–689.
- 148 Там же. С. 685.
- 149 Там же. С. 686.
- 150 Есть основания считать Улуга сыном свергнутого Рустам-хана. Подробнее см.: *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 190–191.
- 151 *Новосельцев А.П.* Мухаммед Тахир Вахид Казвини... С. 686.
- 152 Багам – это р. Буган. Подробнее см.: *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 192–193.
- 153 Там же. С. 194; *Новосельцев А.П.* Мухаммед Тахир Вахид Казвини... С. 688–689.
- 154 РГАДА. Ф. 77. (Сношения России с Персией, 1662 г.). Д. 14. Л. 523–524.
- 155 Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 513; Ф. 121. 1663 г. Оп. 1. Д. 1.
- 156 История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 298–299; *Петрушевский И.П.* Азербайджан в XVI–XVII вв. С. 295–297; РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. (1673 г.). Д. 1. Л. 39, 351–355.
- 157 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 198.
- 158 РГАДА. Ф. 77. 1674 г. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.
- 159 Там же. Л. 14–16.
- 160 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 200.
- 161 *Чулков М.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. СПб., 1781. Т. 2. Кн. 2. С. 474.
- 162 *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 147.
- 163 История Дагестана. Т. 1. С. 275.
- 164 *Бакиханов А.К.* Указ. соч. С. 100–101.
- 165 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 201–202.
- 166 Там же. С. 202.
- 167 Там же. С. 138.
- 168 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 342.
- 169 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 299.
- 170 Там же; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 131; История Дагестана. Т. 1. С. 287–288.
- 171 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 72–75, 90–93; *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 141.
- 172 История Дагестана. Т. 1. С. 288; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 356–357.
- 173 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 141; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305 Л. 1156.
- 174 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 297–298; *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 87–88.
- 175 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 296–297.
- 176 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 355–356.
- 177 История Дагестана. Т. 1. С. 289.
- 178 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 303–304.
- 179 Там же. С. 304.
- 180 *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 530–533.
- 181 Там же. С. 536–537.
- 182 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 138–139.

- 183 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 307.
- 184 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 139.
- 185 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 89–90.
- 186 Там же. С. 94–96, 117–123.
- 187 РГАДА. Ф. 121. (Кумыкские дела, 1637 г.). Д. 1. Л. 76.
- 188 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 138; Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 261–269.
- 189 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 146–149.
- 190 *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 307.
- 191 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 31–33, 46–47.
- 192 Там же. С. 51, 68–69.
- 193 *Умаханов М.-С.К.* Указ. соч. С. 141.
- 194 Там же. С. 184–188; *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 90–91.
- 195 РГАДА. Ф. 121. (1675 г.). Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7.
- 196 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 82–83.
- 197 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 31–32, 46–47.

Международное положение и внутривнутриполитическая обстановка в Дагестане в конце XVII – начале XVIII века

§ 1. Внешнеполитическое положение Дагестана

В конце XVII в. при правлении Ираном шаха Сулеймана (1666–1694) появились явные признаки ослабления сефевидского государства, его экономического и политического упадка¹. В конце XVII – начале XVIII в. над народами Кавказа по-прежнему висела угроза иноземного нашествия. Хотя с конца XVII в. в истории Турции начинается “период отступления” (риджат дъеври)², Османская империя, “единственная подлинно военная держава Средневековья”³, и в начале XVIII в. оставалась одним из крупных военно-феодальных государств. Поддерживая после поражения в войне 1683–1698 гг. и Карловицкого договора мирные отношения с европейскими державами, правящие круги Османской империи планировали компенсировать свои потери завоеваниями на Востоке. Стремясь взять реванш, султанская Турция в начале XVIII в. обратила свои взоры на Кавказ. В 1703 г. османы завершили строительство крепости Еникале (Новая крепость), укрепили Керчь, усилили активность на Северо-Западном Кавказе и задумали “Кавказ воевать и в подданство привести”. Тенденция Турции к военно-политической экспансии на Кавказе и на юге России стала особенно отчетливой после прихода к власти представителя реакционных кругов Османской империи – Ахмеда III. В 1707 г. Турция потребовала, чтобы Россия срыла крепость Каменный Затон, уничтожила корабли в Азове, прекратила строительство кораблей на Воронежских верфях, произвела размежевание русско-турецкой границы, согласилась на строительство турецкой крепости на Днепре, чуть севернее Очакова. “Понеже Черное море, – говорилось в грамоте султана, – состоит под владением нашего величества, а иной никто тем не владеет, а по постановленному мирному договору постановлено и не малой лодки на Черное море не выходить”⁴. Чтобы подчинить своей власти народы Северного Кавказа, Дагестана и Ширвана, султан отправил на Кавказ своих эмиссаров, которые должны были привлекать феодальных владетелей на его сторону.

В 1707 г., по указу султана, крымский хан Каплан-Гирей при поддержке турецкого беглербега Кафы вторгся в Кабарду. Он ультимативно потребовал от Кабарды покориться и выдать 3 тыс. юношей и девушек. Однако кабардинцы не пожелали покориться. Бросив свои дома, они взяли имущество и скот и ушли в горы, приготовившись к войне. В тот момент, когда крымский хан готовился к штурму, кабардинцы атаковали их. Произошла кровопролитная битва, в итоге которой ханские войска вынуждены были отсту-

* В большинстве случаев библиографический аппарат дан в авторской редакции.

пить. Но вскоре, получив подкрепление, Каплан-Гирей предпринял новый поход на Кабарду. Однако и на этот раз крымцы потерпели поражение, сам хан спасся бегством⁵. В этих походах погибло более 30 тыс. крымцев. “Никогда не слыхано было, – восклицает турецкий историк Фундуклы, – такого их избиения”. Султан отстранил укrywшегося у ногайских мурз Каплан-Гирея, утвердив Давлет-Гирея ханом Крыма. В том же 1707 г. по указу султана закубанский хан Наиб-Султан совершил также нападение на терско-гребенских казаков. Однако и это нападение не имело успеха. В 1709 г. Давлет-Гирей вступил с гетманом Украины Мазепой в тайные сношения, рассчитывая на выход Украины из состава России. Одновременно он разослал на Северный Кавказ эмиссаров с заданием организовать антирусское выступление горцев. Не считаясь с неоднократными предупреждениями России, крымский хан, инспирируемый правящими кругами Порты, устраивал непрерывные набеги на Северный Кавказ. Эти набеги, приносившие хозяйственное разорение и другие неисчислимыe бедствия, имели крайне отрицательные последствия. И поэтому борьба народов Северного Кавказа против османских и крымских захватчиков имела для них жизненно важное значение. Однако в тех конкретно-исторических условиях горские народы Северного Кавказа не могли противостоять агрессии турецкого султана и крымского хана. Вот почему феодальные владельцы адыгских и других народов Северного Кавказа “стремились под е.и.в. высокодержавную монаршескую руку поддаться, и тем себя и подданных своих из-под ига султана турецкого и от налог и разорения хана крымского освободить”⁶.

В свою очередь русское правительство, нуждаясь в обеспечении безопасности южных границ государства, старалось привлечь народы Северного Кавказа на свою сторону. Еще в 1700 г. Петр I приказал астраханскому воеводе Мусину-Пушкину укреплять дружественные и торговые отношения с дагестанскими горцами, оказывать им посильную помощь и поддержку. Учитывая, что “от турков, хотя еще и не совершенно, начинает быть помышление о войне”, Петр I, имея в виду народы Северного Кавказа, писал азовскому губернатору: “Похотят ли они с нами за одно быть?”⁷

На весну 1711 г. Османская империя планировала нападение на Россию. 4 марта 1711 г. Петр I в грамоте кабардинским владельцам и народу писал: “...только желаем, дабы вы показали к нам ныне свою дружбу и верность против салтана турецкого и хана крымского, которые против нас войну начали, наруша мир несправедливо против данных многих обещаний. И ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалованье давать определим”⁸. В то же время на Кубань был отправлен 9-тысячный отряд под командованием генерала П.А. Апраксина, а на Терек для “государя нужнейших дел” был отправлен кабардинец по происхождению, сподвижник Петра I – А. Бекович-Черкасский.

Несмотря на ряд побед, одержанных над крымским ханом и османами в начале кампании, 44-тысячная русская армия оказалась окруженной на берегах Прута войсками турецкого султана и крымского хана общей численностью 127 тыс. человек. В итоге Россия вынуждена была подписать невыгодный для себя Прутский мир и уступить Азов. При этом Турция еще больше активизировалась на Кавказе. Под угрозой уничтожения она потребовала подчинения себе народов Северного Кавказа, направив посланцев

“через горы... кумытским владельцам” Султану-Муту и шамхалу Адил-Гирею, “чтобы оныя владельцы и других тамошних владельцев пригласили и были б единомышленно воли крымского хана, что им повелит хан делать, быть неослушным: и дана им от хана немалая дача, и впредь обещают давать повсягодно”⁹. Одновременно турецкое правительство вело деятельную подготовку ко вторжению на Кавказ. “Салтан турский, – свидетельствует Минас-Вардапет, – имеет великое приготовление воинское...”¹⁰. Шейх-уль-ислам отправил в Ширван и Дагестан фирман с требованием выступить против русских с тем, чтобы уничтожить их. По словам иранского историка Мухаммед-Хасан-хана османы думали захватить Азербайджан и Грузию¹¹.

Создавшаяся обстановка благоприятствовала плану султана. Иран, раздираемый внутренними противоречиями и междоусобицами, не в состоянии был противостоять агрессии Порты. В Грузии, Армении, Ширване и Дагестане вспыхнуло антииранское восстание. Ожидая турецкого вторжения, Россия предприняла ряд мер по укреплению юго-восточных границ государства. В 1711–1712 гг. Апраксиным были переселены на левый берег Терека гребенские казаки, которые образовали несколько укрепленных городков-станц: Червленную, Шадринскую, Новоладковскую, Старогладковскую и др.

Тогда же для установления прочных связей с народами Северного Кавказа был направлен А. Бекович-Черкасский. Изучив сложившуюся обстановку, он писал Петру I, что из Турции “к вольным князьям”, имеющим владения близ гор, между Черным морем и Каспийским, были направлены посланцы, которые старались их “со владениями своими” склонить под власть султана турецкого, за что они могут “многую милость получать и повсягодным жалованием определены будут”. Но не добившись успеха в Кабарде, они возвратились в Крым.

Эмиссары Турции, прибывшие к “владельческим князьям кумытским и шавкалам, дабы приклонить их також де обещая им много, а паче всего они желают, дабы всех тех соединить даже до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привести и подданными учинить. И если оное турецкое намерение исполнится и оный народ будет при Порте утвержден, то, когда войска сложатся, могут немалую силу показать, понеже оный народ лучше в войне, кроме регулярного войска”. Для предотвращения турецкой экспансии Черкасский предлагал “не упуская времени” взять дагестанские владения под свою власть. А привести их в подданство России, продолжал он, будет нетрудно, “понеже тот народ вольной”, и с давних времен шамхалы и другие владельцы Дагестана присягали России, “и детей своих в аманаты давали”. Кроме того, необходимость присоединения Северо-Восточного Кавказа к России А. Бекович-Черкасский видел в том, что “много обретается разных руд в тамошнем краю, от чего мог бы прибыток не малый быть государству Российскому”. А для этого он считал необходимым в Кумыкии построить крепость.

В 1715–1718 гг. военно-политическое и экономическое обследование Восточного Кавказа производил А.П. Вольнский. В одном из своих донесений Петру I о внутриполитической обстановке, он заключил, что “малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно”¹². Докладчик советовал Петру I “кумыцкий народ” принять в подданство России. Шамхал тарковский Адил-Гирей и владелец Султан Махмуд, продолжал А.П. Вольнский, “показали верности... по моему мнению для склонения

того народа и для иных факций, оный был бы не безпотребен. Ежели изволите удовольствоваться и дать для охранения Тарков одну роту солдат (о чем он сам просит), также и жалования ему денежного и хлебного прибавить”¹³.

В 1717 г. шамхал Адил-Гирей писал Петру I: “Многие люди через ваши щедроты нужды свои управляли и в радостях бывали, того ради и я, прибегая к вашему милосердию, нижайше всепокорно прошу, прежде всего отцы и прародители служили вам в верности и во всяких службах ваших вседушно радели, будучи в службе России, а ныне и я, покорный раб ваш, всегда с прилежанием во слугах ваших пребывать и с союзными и друзьями вашими в дружбе и в союзе быть, а с неприятелями вашими противиться от сердца желаю... я от него, шаха, отложился и к вам, российскому государю, поддался, но службу принял... и ныне все в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаги, и казикумыки, и их сильные князи и начальники и старшины, здесь суть согласившись, вашу службу принять поддались”¹⁴.

С аналогичной просьбой обратился шамхал и в 1719 г. Действительно, вслед за ним к России обращались уцмий Кайтага, эндириевские, аксаевские и другие владетели Дагестана. Однако Россия в это время вела Северную войну. Петр I писал Адил-Гирею: “...усмотря то твоё последнее прошение, указали с тобою съехаться на Терке астраханскому нашему губернатору А. Волынскому и о всех делах и требованиях твоих, о которых ты у нас... милости просишь, у тебя выслушать и на оное надлежащее по пристойности дела решение учинить... и на каких кондициях тебе в службе нашей, царского величества, в подданстве быть, о чем возможно договориться и постановить...”. Губернатору А.П. Волынскому дана “полная мочь, с которым надлежит тебе по вышеписанному указу нашему съехаться в Терках, о всех требованиях своих согласиться и поставить”¹⁵.

Весной 1720 г. крымский хан с 40-тысячным войском вторгся на Северный Кавказ, разорив ряд кабардинских селений и потребовав, чтобы они подчинились его власти. Однако кабардинцы и другие народы отвергли домогательства хана, указав, что они в подданстве Русского государства. В указе Коллегии иностранных дел А.П. Волынскому предписывалось ограждать Северный Кавказ от “наступления хана крымского”, и в случае необходимости “послать к ним на вспоможение и оборону донских и других казаков...”¹⁶.

§ 2. Антииранское движение в Дагестане и Азербайджане в первой четверти XVIII века

Антииранское выступление в Дагестане и Азербайджане 1711–1712 гг.
Как отмечалось ранее, в конце XVII – начале XVIII в. Иран переживал глубокий экономический и политический кризис. Одним из наиболее важных факторов, обуславливающих разложение и упадок Сефевидского государства, была чрезмерная, все возрастающая феодальная эксплуатация крестьянства и трудового населения горцев, которая не только не сопровождалась ростом производительных сил, но и приводила к подрыву сельского хозяйства и ремесла. Немалую роль в разложении сефевидского общества играли

также непрекращающиеся междоусобные войны, невероятная коррупция правящей верхушки. Самые отрицательные характеристики давали современники шаху Хусейну и его управлению. “В Иране, – писал А.П. Волынский, – такая ныне голова, что ни он над подданными, но у своих подданных подданный, и чаю редко такого дурачка можно сыскать между простых, не только из коронованных, того ради сам ни в какие дела вступать не подволен, но во всем полагается на своего наместника, Ехтима Давлета, который всякого скота глупее”¹⁷.

Пытаясь предотвратить финансовый крах, шахский двор увеличивал налоги, взимаемые с разоренных крестьян страны. Еще большему произволу и насилию подвергалось население покоренных Сефевидами областей.

В 1698–1701 гг. в Азербайджане, по свидетельству Исаии Хасана Джалаляна, была произведена всеобщая перепись населения, после чего население стали облагать огромными налогами. Втрое увеличили подушную подать. Ввели новые подати: “ихража-и-шахзаде” – сбор на содержание шахских сыновей, “шеш-динар” – сбор в шесть динаров и т.д. Были обложены податью пашни, виноградники, сады, скот¹⁸. К тому же беглербеги и другие представители иранской администрации при сборе произвольно увеличивали налоги, как правило, взыскивая с податного населения в два–три раза больше, чем было определено в законе. “Доходов государственных, как сказывают, с Шемахи и со всей провинции Ширванской... – сообщает А.П. Волынский. – собирается 80 000 руб. персидскою монетою. Однако же сверх сего оклада управители обыкновенно вдвое или втрое каждый год собирают и по своим карманам делят, как в бытность мою шемахинский хан Кей Хосров учинил, который собрал 200 000 руб.” Такого же рода подати собирались с Дербента и его округа: Мюшкура, Низавата, Рустау, Бермяка и др. Доходы с них собирал султан дербентский. “И понеже он, султан, сам из сих доходов великое жалование имел, и, кроме жалованья от шаха, поволен был и 5000 туманов, или 50 000 руб. ежегодно, употреблял в подарки, кого же по сей воле жаловать хотел. К тому же считать от султанов с приходов никогда не спрашивается”¹⁹. Недовольство народных масс Южного Дагестана вызывало и то, что шахская администрация неоднократно делала попытки подчинить их своей власти. “И яко подданными Персии почесть... и для этого часто великая команда из Дербента посылалась, чтобы их силою под владение подвезть”²⁰. Тяжелая эксплуатация, лихоимство и произвол шахской администрации подрывали производительные силы, вызывая крайнее недовольство широких народных масс. Все это толкало трудящихся на борьбу за свои права. В 1706–1710 гг. в Афганистане, Южном Азербайджане и других регионах государства прокатилась волна народных восстаний. На Кавказе “народное недовольство и волнение были повсеместно”²¹. Первыми здесь выступили джаро-белоканцы, их поддержали жители соседних азербайджанских сел. Со временем в движение включились феодально-клерикальные верхи. Однако феодалы и местное мусульманское духовенство взялись за оружие по мотивам, далеким от интересов трудящихся масс Дагестана и Азербайджана. За демагогическими призывами освобождения суннитов от власти шиитов, о справедливости и равенстве мусульман скрывались далеко идущие цели. Заняв руководящее положение в движении, феодалы и духовенство, ловко играя на национальных и религиозных чувствах широких

народных масс, сумели придать выступлению трудящихся исключительно антииранский характер. На это обстоятельство указывали даже дореволюционные авторы: Владетели, писал Неверовский, воспользовались народным волнением, “а предприимчивым людям было открыто свободное поприще для приобретения новой власти, новых владений”²². С того времени как руководить движением стали феодально-клерикальные верхи, движение приобрело религиозную оболочку и развивалось в дальнейшем под лозунгом борьбы правоверных суннитов против еретиков-шиитов. Первоначально в руководители движения, развернувшегося в Азербайджане вблизи южных границ Дагестана, выбился уроженец селения Дедели Мюшкурского уезда Дауд Ловкий. Будучи предприимчивым преподавателем местной медресе, он еще до восстания ездил в Мекку, после чего принял сан хаджи, а затем, когда возглавил антииранское движение, присвоил себе звание бека и стал именоваться Хаджи Дауд-беком²³. Вскоре к Дауду примкнул правитель Кайтага, который отправил к нему отряд под предводительством своего сына Муртузали. В 1711 г. отряд Хаджи-Дауда и Муртузали выступил на Шабран и после упорной борьбы захватил его. Отсюда они направились в Кубинское владение, осадили и захватили Худат, расправившись с местным правителем. Вскоре сюда прибыли уцмий Кайтага “со своим войском, акушинцами и другими, которых привел на свою сторону посредством подарков”²⁴, и казикумухский хан Сурхай с многочисленным отрядом. Теперь объединенное войско представляло внушительную силу. Вслед за этим в Азербайджане начались активные действия. Отряд в 8 тыс. человек, сообщает Вольнский, “не токмо деревни, но и городок Акташ разорили. И притом видя, им от персиян принятия никакого нет, пришли они к Шемахе, около которого в пяти и в четырех милях разорили множество деревень. И так мы 5 дней были в таком страхе, что ежедневно пришествие их в Шемаху ожидали”²⁵. Хотя предводители движения вынуждены были снять осаду Шемахи, они продолжали активно действовать. Вскоре повстанцы напали на Нияз-Абад, угрожали Баку, Дербенту и другим населенным пунктам. Трудно сказать, были ли действия этих отрядов согласованы и был ли у них в это время единый центр управления, скорее всего нет. По всей вероятности, каждый предводитель отряда действовал на “свой страх и риск” внезапно нападая. В итоге “были заперты все пути ширванской дороги”²⁶. Вместе с тем действия так называемых лезгинских отрядов, сопровождавшиеся грабежом не связанного с иранской администрацией местного населения, оказывали весьма отрицательное влияние и привели к отходу от движения широких народных масс и повсеместному вооруженному сопротивлению их этим отрядам. Вследствие этого Сурхай-хан и другие феодалы вернулись в Дагестан. Пользуясь уходом основных сил повстанцев, иранские войска усилили натиск на оставшиеся в Азербайджане отряды. В 1719 г. им даже удалось схватить Хаджи-Дауда и заключить его в Дербентскую крепость. Однако вскоре Хаджи-Дауду с помощью единомышленников удалось бежать.

Антииранское движение в 1721 г. В 1720 г., в связи с выступлением афганцев во главе с Мир-Махмудом, шах Ирана обратился к феодальным правителям Закавказья, а также к тарковскому шамхалу, уцмию Кайтага и другим владетелям. Желая использовать благоприятную обстановку, Хаджи-

Дауд активизировал свои действия, рассылая в разные места Дагестана письма с призывом подняться против Сефевидов и вступить в организованные им отряды. Уговаривал он и феодальных владельцев принять участие в антииранском выступлении. Сурхай-хану он говорил: “Ныне нам время себя людьми поставить и обогатится. Нежеле мы сей случай из рук упустим, то мы достойны, чтобы весь свет дураками признал, ибо сила в наших руках, шах от Мир-Махмуда утеснен, и никто мешать не может”²⁷. После этого Сурхай-хан “стал разглашать в народе, что бек их возбудил всех правоверных мусульманов” выступить против Ирана и “всех эритических кизылбашев изкоренить”. Как видно, предводители движения по-прежнему желали “себя людьми поставить и обогатиться”, т.е., верные своим принципам, решили использовать широкие народные массы в корыстных целях²⁸.

Одновременно Хаджи-Дауд обратился к астраханскому губернатору И.В. Кикину. “Преж сего, – писал он в письме от 21 апреля 1721 г., – нам от кизылбаш многие обиды были и покою нам от них, кизылбаш, не было и оттого мочи нашей не стало для того, что они сделали обиды через силу и за то стали мы с ними, кизылбаш, в неприязнестве... а ныне для дружелюбия пресветлейшему и державнейшему великому государю под руку иттить, также и юрты свои отдать и ему, государю, верно служить готов, и как придет ваше войско и что понадобится строить город или иное, то я буду со всеми своими людьми великому государю верностию”²⁹.

Собрав значительные силы, Хаджи-Дауд и Сурхай-хан выступили против Сефевидов, осадили Шемаху, а 7 августа 1721 г. заняли этот важный торгово-ремесленный и административный центр Северного Азербайджана. При этом большую роль в падении Шемахи сыграл переход части горожан на сторону повстанцев. “Тамошние жители соединились с бунтовщиками, оных полки в город ввели”, – свидетельствует современник событий, житель Дербента Муртаза-Кули³⁰. Шемаху взяли “с помощью суннитов”³¹. После этого повстанцы, по словам А.П. Волынского, “стали зажигать и грабить дома знатных. Между тем хана взяли в полон, а знатных порубили”. Русские купцы, которых обнадеживали, что “их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостинный двор напали... иных побили... а товары все разграбили, которых было около 50 000 (в том числе у одного М. Евреинова на 170 000 руб. персидскою монетою. – В.Г.)”³². Однако следует подчеркнуть, что русские купцы подверглись разорению потому, что в надежде на безопасность пытались скрыть в своих складах ценности шемахинской знати. А вообще христиане, живущие в городе, не пострадали. “Народ армянский – христиане, – свидетельствует каталикос Есай, – как жители города, также остальных селений за исключением немногих не потерпели от резни”³³.

Вблизи Шемахи повстанцы разбили войска гянджинского и эриванского ханов. Многие ставленники шаха, в том числе и правитель Дербента, бежали в Иран. Хаджи-Дауд укрепился в Шемахе. Сообщая об успехах Хаджи-Дауда и Сурхая, А.П. Волынский писал Петру I: “Сколько им войну не продолжать, а гденибудь, конечно, надобно сыскать безопасный и основательный фундамент, понеже... Теперь они з дву сторон имеют себе смертельный страх, паче же от в.в., сего ради и паче всего опасаяся и чаю, что они, конечно, будут искать протекции турецкой”³⁴.

Осенью того же 1721 г. астраханскому губернатору через кабардинских князей стало известно, что Хаджи-Дауд-бек и Сурхай-хан обратились к турецкому султану через крымского хана с просьбой, чтобы он их принял под свое покровительство и помог бы войсками.

В обоих случаях предводители движения просили принять их под протекцию. При этом, однако, нельзя упускать из виду протурецкую ориентацию Хаджи-Дауда и Сурхай-хана, обусловленную классовыми и национально-религиозными интересами феодалов³⁵.

А.П. Волынский после возвращения посланника, побывавшего у предводителя движения с целью выяснения его истинных целей, писал Петру I: “Кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потребен; посылал я к нему отсюда поручика (как я перед сим в.в. доносил), через которого отвечает ко мне, что, конечно отберет города от персиан, и которые ему удобны (т.е. себе оставит Дербент, а прочие уступит в.в., кои по той стороне Куры до самой Гиспогании, чего в руках никогда не будет, и точно хочет, чтоб наших был труд, а его польза”³⁶. Позже, как увидим, Османская империя приняла в свое подданство Хаджи-Дауда и утвердила его шемахинским ханом.

§ 3. Каспийский поход Петра I и его значение

Поход русских войск на Западное побережье Каспийского моря 1722–1723 гг. Воспользовавшись политическим кризисом в Иране, Османская империя любой ценой добивалась исключительного господства на Черном и Каспийском морях. Россия же не имела права вывода в Черное море не только военного флота, но и торговых кораблей. Пользуясь замешательством в Иране, султанская Турция готова была “к себе присовокупить владения на Кавказе”³⁷. Об этом хорошо знали русские власти. Поэтому А.П. Волынский, выражая опасения, предлагал Петру I опередить турок и выступить, а в качестве повода использовать инцидент в Шемахе. Петр I тоже придерживался таких же взглядов на Прикаспий. “Нам, – заявлял он, – нужна будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже турок тут допустить невозможно”³⁸. И стал готовиться к походу. Сообщая о мерах, предпринимаемых Петром I, французский посланник Кампредон писал: “Ему хочется предупредить турок... которые подали повод к этой войне”³⁹. Совершенно очевидно, что утверждение Турции в Прикаспии не только намного ослабило бы позиции России на Кавказе, но и создало бы реальную угрозу юго-восточным границам империи. Следовательно, основной задачей похода Петра I на Кавказ было предотвращение захвата Османской Турцией Закавказья и Прикаспия. К тому же в его планах Прикаспию отводилась важная экономическая роль. Петр I, присоединив прикаспийские области, надеялся обеспечить необходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность России. Желая превратить Россию в посредницу в торговле между Западом и Востоком, император намеревался перевести торговлю шелком Ирана и Кавказа с турецкого пути на Астрахань. Петр I, готовясь к походу, принял в подданство России владельцев Северного Кавказа и Даге-

стана⁴⁰. В то же время российские власти учитывали, что Турция могла вторгнуться на Кавказ, и поэтому русскому посланнику в Константинополе Неплюеву было предписано “на их турецкие поступки... прилежно смотреть и о подлинном их намерении всякими образы проведать и нам о том... доносить”⁴¹. Неплюева также обязали предпринимать все меры, чтобы Турция не приняла в свое подданство Хаджи-Дауда и Сурхай-хана. К маю 1722 г. была завершена подготовка похода. В Астрахани сосредоточили 46 тыс. войск, построили флот, состоящий из 47 парусных и 400 галерных судов⁴².

На аудиенции турецкому посланнику в Петербурге объявили, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и “не для войны с шахом”, а только для “отмщения той обиды”, захватившим Шемаху “лезгинским бунтовщикам” и для “получения достойной сатисфакции”. Накануне выступления, 15 июля 1722 г., был обнародован манифест на “татарском, турецком и персидском языках”, а для распространения его в Дагестан и Азербайджан был направлен А. Лопухин с 30 всадниками. Манифест извещал о том, что поход предпринимался только с целью наказания “возмутителей и бунтовщиков и всему населению гарантировал безопасность”⁴³. На самом деле шемахинские события использовались Петром I лишь в качестве повода для начала военных действий. В действительности же целью похода было присоединение к России важных для нее в экономическом и политическом отношении прикаспийских провинций Кавказа. Как и следовало ожидать, за исключением Хаджи-Дауда, Сурхай-хана и их окружения, манифест Петра I в Дагестане был встречен радушно. Но зато весть о начале похода русских войск вызвала сильную тревогу в правящих кругах Османской империи. Константинопольский двор неистовствовал, а беспрепятственное продвижение Петра I разъярило его еще больше. “В Турции, – доносил Неплюев, – следует великое приготовление к войне. Посылают беспрепятственно и амунизию, и артиллерию в Азов и Арзрум. И во всю Азию указы посланы, чтобы войско собиралось, и чтобы с тем войском маршировать в Дагестанскую землю”⁴⁴.

Когда же Турция объявила о принятии Хаджи-Дауда в подданство (27 июля 1722 г.), Петр I с основными силами высадился в Аграханском заливе. Тем временем направленная из Астрахани по суше конница также вступила в Северный Дагестан. К ним добровольно присоединились владельцы Большой Кабарды Эль-Мурза Черкасский и Малой Кабарды Аслам-бек Комметов. Только эндиреевские владельцы Айдемир и Чапалав, “причинившие в минувшем 1721 г. столько вреда окольным городам Терки, а теперь ожидая российского мщения”, с “частью чеченцев” пытались оказать сопротивление отряду русской кавалерии, но были опрокинуты⁴⁵. Вскоре русская кавалерия, а также 10 тыс. донских и малороссийских казаков и 5 тыс. калмыков хана Аюки прибыли в Аграхан (2 августа 1722 г.). В это время к Петру I прибыли посланцы эндиреевцев с просьбой “прощения и принеся свое подданство, на которое и дали присягу, включив в оное и подданных своих чеченцев”.

5 августа, оставив в аграханском ретраншементе 300 человек регулярного войска и 1500 казаков, русские войска направились морем и сушей на юг. В тот же день Петр I с армией прибыл на Сулак и расположился лагерем. 6 августа к его армии присоединились владельцы костековский, аксаевский и шамхал тарковский. Они выразили покорность и изъявили верность России.

Кроме того, шамхал передал царю 600 быков, запряженных в телеги, и 150 – на пополнение провианта, и трех персидских лошадей, “одна из них” с убором, на котором седло оправлено серебром, да мунштук с золотым набором, 6 лошадей и 100 быков на содержание войск подарил аксаевский владелец⁴⁶. И поскольку на каждой стоянке по приказанию шамхала приготавливались фураж и другое необходимое снабжение, то без задержки и затруднения войска Петра I 12 августа прибыли под Тарки. На следующий день император посетил Тарки. К этому времени из Дербента были получены три письма – одно от юзбаша Имама-Кули-бека и два из Дербента, подписанные 49 и 101 жителем. В них говорилось, что манифест ими получен “со удовольствием и покорным благодарением” и что дербентцы с нетерпением ждут прихода русских войск в их город, “а которых чем явятся е.в. противны, тех они признают за изменников”⁴⁷. При встрече с Петром I тарковский шамхал предложил к его услугам “все свое войско”, но царь отказался и взял лишь несколько отборных наездников, а со своей стороны отправил к шамхалу 12 солдат, которые в виде почетного караула оставались в Тарках до самой кончины императора. 15 августа русские войска двинулись к Дербенту. Султан-Магмут Утемышский пытался оказать сопротивление передовым отрядам войск, но был без особого труда разбит.

23 августа войско, предводительствуемое Петром I, подошло к Дербенту, жители которого “все стар и млад вышли навстречу”. Наиб Имам-Кулибек приветствовал Петра I и вручил ключи от городских ворот. “Наиб сего города, – писал Петр I в Сенат, – встретил нас и ключ от ворот поднес. Правда, что сии люди нелицемерно любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили”⁴⁸. В Дербенте к Петру I обратились уцмий Кайтага, кадий и майсум Табасарана, владетель Бойнака и другие с просьбой принять их в подданство России. Народы Кавказа, свидетельствует современник событий, историограф иранского двора Мирза-Мехтихан, “опасаясь владычества турок как непримиримых врагов, без разрешения шаха явились к нему (Петру I) с покорностью”⁴⁹.

Обстановка благоприятствовала продолжению похода. Однако из-за внезапного крушения у Аграханского залива двух эскадр, а также роста заболеваний среди солдат и падежа лошадей 29 августа 1722 г. было принято решение приостановить поход. Оставив гарнизон в Дербенте, Петр I с основными силами вернулся в Аграхан, выбрал место для строительства новой крепости, после чего, поручив командование войсками генералу Матюшкину, отбыл в Астрахань.

Между тем Турция приказала Хаджи-Дауду “чтобы он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и из прочих тамошних краев”⁵⁰. А вскоре турецкие войска вторглись на Кавказ. “Так как водворение русских в тех краях противно было интересам Турции, – признает Джебдет-Паша, – то весною 1723 г. она поспешила завладеть столицей Гюрджистана – Тифлисом, посадила от себя правителя в Шемахе”⁵¹. В связи с этим Матюшкину был дан приказ принять надлежащие меры для защиты Дербента и Баку.

В сентябре 1723 г. напуганный вторжением турецких войск на Кавказ Иран подписал с Россией договор. По условиям Петербургского договора шах уступил России “в вечное владение гор. Дербент, Баку со всеми к ним

прилегающими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами таккожд и провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад”⁵². Это еще больше обострило русско-турецкие отношения. Султан объявил о принадлежности Турции всего Ирана, о своем намерении присоединить Дербентское ханство как издавна ему принадлежащее и распорядился, чтобы пограничные паши и крымский хан были готовы к войне с Россией. Вражду турецкого двора попрежнему поддерживали Англия, Австрия и другие западноевропейские государства. “Послы этих государств, – доносил Неплюев, – внушают Турции, что ныне де он (Петр I) только от Персии некоторые провинций желают себе взять во владение, еже де вы в том ему не воспретите оружием, то де он, взяв те провинции, не вдалече от тех стран, вас атакует”⁵³. Даже Франция, игравшая роль “посредника” в урегулировании кавказского вопроса между Россией и Турцией, фактически подогревала агрессивные намерения Порты⁵⁴. Над Кавказом нависла угроза турецкого завоевания. Свои опасения в связи с агрессией османов, занятием ими Грузии и движением к Шемахе, Петр I выразил в письме к генералу М.А. Матюшкину: “...дело опасно, чтоб не захватил Баку”.

Войны, казавшейся неизбежной, все же удалось избежать благодаря заключенному в Константинополе в июле 1724 г. договору о разделении Кавказа на сферы влияния. По условиям этого договора за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальная территория Дагестана, Азербайджана, а также Грузия и Армения отходили к Турции.

Ширван был объявлен особым ханством Шемахинским под протекторатом Турции при условии отсутствия в нем турецкого гарнизона. Турки могли ввести войска в город только в том случае, если “хан взбунтует и выйдет из послушания, или между жителями провинции той окажутся неприятели”⁵⁵.

Однако народы Кавказа не были довольны Константинопольским договором и не хотели подчиниться власти Оттоманской империи. Не признавал власти султана и Сурхай-хан и другие владетели и старшины, оказавшиеся в границах Порты. Сурхай-хан был не доволен тем, что османы “предпочли ему, природному князю, мужика Дауда”. Смертельно ненавидя Хаджи-Даудбека, он “действовал против него... неприятельски, и всячески досаждал туркам”. Когда же османы, завладев Грузией, решили построить крепость, “чтобы знатнейший проход привести в подчинение джаро-белоканцев”, то последние “по побуждению Сурхая собрались тайно, нападали на турков и побили из них более 500 человек. Остальных рассеяли и начатую крепость до основания разорили”. Серьезный урон нанесли горцы османам и в сражении при Джинихе. Учитывая, что Сурхай не удастся подчинить силой, турецкое правительство решило “склонить его на свою сторону ласкою”, отправляло ему щедрые подарки, посылало многообещающие письма⁵⁶. “Кабала ему отдана была и он, Сурхай, в оной укрепился так же и Агдаш, противно повелениям турецким, во власть взял и к тому требовал, чтоб ему, Шемахаю, владеть добром повелено было бы”⁵⁷. В свою очередь Россия также старалась привлечь шамхала на свою сторону. “Трудились как русские, так и турки, чтобы его каждый в свою сторону привести”, – свидетельствует И.Г. Гербер⁵⁸. Но Сурхай, умело используя сложившуюся обстановку, выжидал. Волнения в Ширване в это время не прекращались, а османы

предъявляли Хаджи-Дауду все больше требований, которые он был не в состоянии выполнить. Не видя другого выхода, Хаджи-Дауд обратился к России с просьбой принять его в подданство. Однако Россия отклонила просьбу Хаджи-Дауда, так как не хотела нарушать условия Константинопольского договора. В 1727 г. султанская Турция предложила Сурхаю чин двухбунчужного паши и жалованье 3 тыс. руб. в год. И шамхал присягнул османам на верность. В 1728 г. султанские власти увезли арестованного Хаджи-Дауда, а владетелем Шемахи утвердили Сурхая.

Феодалы хотели в своекорыстных целях использовать движение народных масс. Этим, пожалуй, и объясняется то, что в решающий период феодалы покинули движение, ушли с поля боя, оставив повстанцев без руководства.

Строительство крепости Святой Крест. Как уже отмечалось, Петр I, будучи на Аграхани, обследовал берега Сулака и нашел, “что сие место зело довольно конским кормом, водою, лесом... зело изрядное, крепкое и пажитое”⁵⁹. “Терка сто раз удобнее”, – утверждал он⁶⁰. И в том месте, где р. Койсу делится на два рукава – Сулак и Аграхан, император велел заложить “регулярную и достойную главную крепость”⁶¹. “Государь сам приискал под оную крепость место, сам снял с оного план, сам сделал чертеж сей крепости и сам оную измерил. В работе сей помогал его величеству бригадир Василий Яковлевич Левашов. Сия крепость была о шести бастионах; а как государь желал, чтобы она имела способное сообщение с морем, то должно было запрудить рукав сулакский при крепости Святого Креста, и всю воду согнать в аграханский, дабы оным свободнее было на великих судах подходить к самой крепости”. И далее: “Строение сей крепости продолжалось [в] 1723 и 1724 гг.”⁶² Этот рассказ П.Г. Буткова о закладке самим Петром I крепости Святого Креста с небольшими вариациями повторяют и другие исследователи⁶³. Однако в действительности все было несколько иначе. Император, как это следует из “Походного журнала”, не строил крепость, а возвел только полевой ретраншемент. Тогда же “на Сулаки и Аграхани у тражимента повелено было делать плотину, чтобы ток Сулака обратить в Аграхан”⁶⁴. В этом ретраншементе были оставлены войска под командованием подполковника Л. Соймонова, которые должны были прикрывать сооружение основных укреплений на Сулаке.

Следовательно, осенью 1722 г. на р. Сулак Петром Великим был построен ретраншемент Святого Креста, а не шестибастионная крепость, к строительству которой приступили позднее.

Согласно распоряжениям императора работы по строительству развернулись с весны 1723 г. К этому времени для использования в качестве рабочей силы генерал Матюшкин отправил на Сулак два полка пехоты и почти всю конницу (драгун и казаков)⁶⁵. Строительство новой крепости шло довольно медленно прежде всего потому, что все строительные материалы заготавливались в приволжских городах и оттуда сплавлялись морем, а казармы строились в Терках и потом в разобранном виде доставлялись на место⁶⁶. Берега Сулака и Аграхани, правда, были покрыты сплошными лесами, но этот лес не годился для построек, да и Петр приказал беречь его как зеницу ока, понимая, что с истреблением леса могут обмелеть реки⁶⁷.

Получая тревожные вести о действиях турок в Закавказье, Петр был чрезвычайно заинтересован в скорейшем сооружении крепости и требовал

от руководившего работами генерала Кропотова быстрых и инициативных действий, “чтоб времени ни в чем не терять”⁶⁸. Несмотря на это, еще в 1724 г. крепость Святого Креста не достроили⁶⁹.

После настойчивых указаний императора строительство было ускорено и 22 сентября 1724 г. Петр I подписал указ, по которому генералу Матюшкину предписывалось перевести в крепость Святого Креста гарнизон и жителей Терков.

В это же время вблизи крепости возникла слобода Окочинская, населенная горцами. По Аграхани основали свои станицы терские казаки, а переселенные с Дона 1000 казаков были поселены в пяти станицах вдоль Аграхани и Сулака. К крепости откочевали также многие ногайские татары⁷⁰. В посад же переселились из Закавказья многие армянские семейства, которым предоставлялись особые льготы, поскольку правительство было чрезвычайно заинтересовано в развитии ремесла и торговли во вновь приобретенном крае⁷¹.

23 ноября 1724 г. указом Сената командующему войсками Матюшкину и Кропотову было предписано “вышедшим к кр. Святой Крест грузинцам для поселения место отвести” около крепости “в пристойных и безопасных местах... и которые впредь приходить будут, тем, дав на первое пропитание денег и хлеба по рассмотрению, сколько кому надлежит, селить в тех же местах”. Петр I был намерен поселить выехавшего в Россию грузинского царя Вахтанга “со всеми с ним выезжими... в кр. Святого Креста... чтобы он мог присовокупить себе и перезвать не токмо своих грузинцев, но и других христиан, армян и прочих под областью персидскою обретающихся. И поселить их в удачных местах около кр. Св. Креста, також и около Дербента и Баку”⁷². Однако этот план Петра I не был осуществлен. Вахтанг VI и его окружение не переехали на Северный Кавказ, так как некоторые соседствующие феодалы были недовольны строительством крепости. Так, один из влиятельных владетелей Приморского Дагестана тарковский шамхал Адил-Гирей, который, как выше указывалось, встречал Петра I радушно, теперь стал проявлять беспокойство. Шамхала тревожило не только близкое расстояние крепости от его резиденции. На него влияли местные феодалы, клерикальные верхи и особенно эмиссары султана, призывавшие подняться на борьбу с христианами. Собрав значительные силы, шамхал двинулся на Сулак.

Однако это наступление успеха не имело. Гарнизон крепости без особого труда не только отразил нападение, но и нанес шамхалу чувствительный контрудар. Потерпев неудачу при штурме крепости Святого Креста, феодалы разошлись во мнениях, затем перессорились, а вслед за этим войска шамхала разошлись по домам⁷³.

Генерал Матюшин, прибывший в июне или июле 1725 г. в крепость Святого Креста из Гиляни, приказал сформировать корпус и наказать мятежного шамхала. В районе крепости было сосредоточено 1860 пехотинцев, 2248 драгун и иррегулярные войска. Всего 11 529 человек. Этот корпус под командованием генерал-майора Кропотова выступил из крепости 26-го сентября и вошел во владения шамхала, который, не осмеливаясь противостоять, вместе со своими сторонниками укрылся в горах, оставив обманутых жителей рассчитывать за совершенную им измену⁷⁴. Вскоре, однако,

Адил-Гирей был схвачен, отстранен от власти, лишен всех регалий и отправлен в Россию, где и скончался.

После окончания строительства крепость представляла собой мощное по тем временам шестибастионное сооружение, в котором размещался значительный гарнизон с артиллерией, состоявшей в 1725 г. из 35 пушек. В самой крепости “солдат и в военной службе находившихся казаков никого не было”⁷⁵. За крепостью в посаде, как уже говорилось, поселились “русские торговые люди”, представители народов Северо-Восточного Кавказа, а также грузины и армяне, которых велено было “содержать в крепком охранении и поступать с ними таким порядком, дабы отнюдь от них никакие жалобы произойти не могли”⁷⁶. В 1735 г. армян и грузин насчитывалось здесь 450 семейств⁷⁷.

Завершение строительства плотины на р. Сулак, благодаря которой стало возможным проводить средние суда по р. Аграхани почти до самой крепости, позволило установить морское сообщение с Астраханью, Дербентом и другими портами на Каспии и несомненно способствовало увеличению товарооборота и росту рынка. Развитию торговли в крае способствовало и решение Правительствующего Сената от 28 марта 1724 г. о беспошлинном провозе и свободной продаже вина, табака, всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и крепости Святого Креста. Кроме того, было разрешено вывозить из России железо, свинец и порох⁷⁸.

По торговым делам сюда стали приезжать со всех владений Северо-Восточного Кавказа, Закавказья и даже Ирана. Кроме того, “посад”, возникший у крепости, стал оказывать все большее и большее влияние на окружающее население.

Однако роль крепости этим не ограничивалась. Она служила надежной защитой от иноземной агрессии. В 1731 г. войска крымского хана вторглись на Северный Кавказ. Во время похода крымский военачальник известил командующего в крепости генерала Еропкина, что идет “по указу ханскому на кабардинцев” и потребовал, чтобы “генерал за кабардинцев не вступался”. Еропкин “письменно отвечал и словесно приказал, чтоб он, салтан, с войском к российским границам в Кабарду не приближался, ибо он, генерал, вынужден будет от своей стороны партию войск послать в защищение подданных е.и.в.”⁷⁹ А когда это не оказало должного воздействия, последовал указ правительства, по которому было “велено прямо в Кабарду команду послать и по их требованию порохом, свинцом и пушками их снабдить, и по всякой возможности их, кабардинских владельцев, защищать и до разорения не допускать”, а от предводителя крымских войск потребовать, “если еще оныя от Кабарды не отошли, отозваца письменно” с требованием вывести войска с территорий, подвластных России. Но и эти требования не возымели действия. Тогда против крымских войск, “которые вначале у кабардинцев на полях хлеб и сено пожгли и другие разорения учинили”, были отправлены русские войска. Только после этого крымские войска, “устрашась оной (отряда русских войск. – В.Г.), восприняли рейтераду, на которых кабардинцы” и другие горцы при переправе через Терек напали “и тех салтанов с войском разбили”⁸⁰.

Коллегия иностранных дел указом от 2 октября 1731 г. вменила коменданту крепости Святого Креста в обязанность “непрестанно трудиться раз-

ведывать”, не будет ли “повторных покушений крымского хана” на Северо-Восточный Кавказ. А если кто-либо с “крымской или кубанской стороны наступление чинить будет, не позволять им этого”, защищать северокавказские народы⁸¹.

Кроме того, крепость после оставления Терки играла роль административно-политического центра Северного Кавказа. Находящиеся в подданстве России феодальные владетели Дагестана, Кабарды и другие получали там жалованье, подарки, награды. Отсюда же им при необходимости отпускали порох, свинец, кремни и прочие воинские припасы. Здесь же разбирались и жалобы феодальных владетелей. Комендант крепости принимал необходимые санкции к виновным феодалам. В крепости велись различного рода переговоры с владетелями, в том числе о принятии того или иного феодала в подданство России, вырабатывались условия приема. Здесь же присягали на верность и подданство. В крепости содержались и аманаты из северокавказских владений. В 1726 г. подданство России принял кубинский хан Хусейн, в 1727 г. владетель Аварии прибыл в крепость Святой Крест и “дал охотно присягу”, и тем самым подтвердил свое подданство России⁸². Тогда же присягали России лезгинские союзы сельских общин, но “во владение они не были взяты, понеже Зурхай их подданными своими почитает и добром уступить не хочет, чтобы от него отделены были”⁸³. В 1731 г. “андийцы, весь народ добровольно пришли в подданство России и в том присягнули” в крепости Святой Крест⁸⁴. Здесь же содержали и горских аманатов.

§ 4. Последствия присоединения Прикаспия к России

После подписания Константинопольского договора, о котором речь шла выше, понадобилось преодолеть довольно много препятствий, чтобы определить границы между Оттоманской империей и Россией. В 1727 г. комиссия, которую возглавлял генерал Румянцев, наконец, произвела разграничение русско-турецких границ на Кавказе. Значительная часть Закавказья – Грузия, Армения, Азербайджан – подпала под власть султана. Территория, примыкавшая к Каспию, с городами Дербент, Баку и другими, была признана вошедшей в состав России. Однако народы Грузии, Армении, Азербайджана и Юго-Западного Дагестана отказывались признать власть Оттоманской империи.

Народы же, подпавшие под власть османов, оказались в очень тяжелом положении. Они, по словам В.В. Долгорукова, были так ожесточены, вконец разорены, “и такое ругательство и тиранство турки делают как больше того быть нельзя. И так все народы, как христиане, так и бусурманы, все против них готовы, только просят, чтобы им была надежда на нас”⁸⁵. Широкие народные массы, возмущенные гнетом турецкой администрации, не раз подымались на защиту своих прав. Многие, не выдержав насилия иноземных захватчиков, переходили под власть России. Несколько в ином положении оказалось население, находящееся под властью России.

Объездив по суше подвластные России территории Кавказа, В.В. Долгорукий доносил Екатерине I: “Во всех провинциях... с великою радостью меня встречали... не только которые в нашу порцию достались, но и которых

по трактату и не в нашей порции, все желают быть в подданстве в.и.в. и просят меня, чтобы я их принимал в протекцию Российской империи... И так весь здешний народ желает в.и.в. протекции с великою охотою, видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтобы отнюдь ни мало им обиды от нас не было и крепкими узами во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом”⁸⁶.

По всей вероятности, В.В. Долгорукий несколько приукрашивает действительное положение вещей. Вряд ли все без исключения жители Кавказа придерживались пророссийских взглядов. И все же то, что большая часть населения Северо-Восточного Кавказа склонялась на сторону России, убедительно показывают вышеприведенные факты. И нет ничего удивительного в том, что народы Кавказа предпочитали подданство России, гарантировавшего им внешнее спокойствие и обеспечивавшее хозяйственное развитие края. Кроме того, Россия оказывала известную материальную помощь. Еще во время пребывания Петра I в Дербенте некоторые офицеры “принесли ему жалобу, что жители не продают им хлеба. Добродушный царь, – пишет Мирза Хайдар Везиров, – желая легко удостовериться в справедливости их жалобы, взял с собой проводника и двух солдат и отправился в первую попавшую ему улицу Малик-Куче, вошел в один двор и застал хозяйку, раскладывающую только что испеченные чуреки. Государь просил ее продать им чурека, предлагая за них цену, какую она сама назначит, но хозяйка ответила, что без позволения хозяина (мужа) она не может сделать этого. Запасы муки у них были, оказывается, недостаточными для продовольствия собственного их семейства, сказав это, она разломилась один чурек на 4 части и подала по куску каждому, решительно отказавшись от платы, которую ей предлагали. Император, довольный добротой этой женщины, наградил мужа ее и повелел каждому бедному семейству выдать по 2 четверти муки и по 20 аршин холста, что было немедленно исполнено”⁸⁷.

В конце 1722 г. наиб Дербента в связи с продовольственными затруднениями обратился за помощью к России. В ответ на это из Астрахани было отправлено 5 тыс. четвертей хлеба, а также масло, соль и другие продукты. Тогда же жителей Дербента известили, что они “могут свободно получать хлеб из Гиляна” и для доставки хлеба велено было им “определенные бусы (суда. – В.Г.) дать”⁸⁸. В сентябре 1723 г. наиб Имам-Кулибек доносил о получении 300 кулей муки. В то же время был разрешен отпуск тарковскому шамхалу из крепости Святого Креста “пороха, свинца и кремня”, а также “отданы были две бусы для посылки за товарами в Дербент и другие места”.

Стремление русского правительства обеспечить русскую мануфактурную промышленность сырьем Прикаспия объективно способствовало развитию экономики края. Стало увеличиваться производство шелка-сырца, хлопка, шерсти, марены, шафрана. Но особенно русская администрация обратила внимание на развитие виноградарства, садоводства, огородничества. В Дербенте было создано дворцовое хозяйство, где разводились виноград, инжир, тутовник, гранаты, яблоки, груши и др. При этом посадка винограда и уход за ним осуществлялись под руководством специалиста из Венгрии. Изготовлением вина тоже руководили иностранные специалисты. Уже в 1723 г. винный завод Дербента произвел 2 тыс. ведер вина.

Пытаясь активизировать Волжско-Каспийскую торговлю, Россия поощряла дербентцев и других к оживленному участию в торговле. Грамотой Петра I жителям Дербента и других городов было объявлено, что они “от всех их неприятностей в защищенной обороне твердой” будут и “позволяеца им пребывание свое и купечество иметь и отправлять свободно”⁸⁹. В целях развития торговли Дербента в 1723–1724 гг. проводилась работа по строительству городской гавани. Тогда же, как мы знаем, на р. Сулак была построена плотина, позволявшая проводить средние суда по Аграхану почти до самой крепости Святого Креста. Все это позволило установить более регулярное сообщение с Астраханью, что, в свою очередь, способствовало увеличению товарооборота в крае. С этой же целью Россия стала привлекать к торговым операциям армян. Их поселили в Дербенте у крепости Святого Креста и в других местах. Армяне и другие жители Кавказа из Астрахани “для купечества и нужд их в Тарки, в Дербент и Гилян” отпускались свободно⁹⁰.

Определенную роль в развитии русско-кавказской торговли сыграла и учрежденная в 1723 г. в Астрахани Компания для торговли с Персией. Согласно имеющимся данным, эта компания вела торговлю и с народами Северо-Восточного Кавказа. Важное значение для развития торговли имел упомянутый выше указ Петра I 1724 г. о беспошлинном провозе и продаже ряда товаров и продуктов питания⁹¹. По указу местным торговцам предоставлялись льготы. К их услугам были и русские купеческие суда. Эти и другие меры незамедлительно сказались и на росте внутренней торговли. В Тарки, Эндрее, Аксае и т.д. стали возникать торговые ряды русских, армянских и других купцов.

Важное значение для Дагестана имело и начатое еще до похода русских войск изучение природных ресурсов, истории и этнографии народов Северо-Восточного Кавказа. Достаточно сказать, что описания края, составленные А.П. Волынским, А.И. Лопухиным, А. Бекович-Черкасским, И.Г. Гербером, Л.Ф. Еропкиным, Д.К. Кантемиром, Ф.И. Соймоновым и многими другими, являются ценным источником по истории и этнографии народов Дагестана.

Однако после 13-летнего владения прикаспийскими областями Россия, в силу внутренних затруднений и особенно внешнеполитических осложнений, подписала с Ираном Рештский (февраль 1732 г.) и Гянджинский (март 1735 г.) договоры⁹². По условиям этих договоров российские власти вывели войска из Азербайджана и Дагестана на левый берег Терека. А крепость Святого Креста была скрыта. Можно ли считать поход Петра I в Прикаспий безрезультатным предприятием? Нет. Военно-политические последствия этого похода как для России, так и для народов Кавказа бесспорны и очевидны: он сыграл важную роль не только в обеспечении безопасности юго-восточных границ России, но и надежно оградил Дагестан и Северный Кавказ от поглощения Оттоманской Портой, содействовал сближению кавказских народов с Россией, дал импульс освободительному движению народов Закавказья.

Строительство Кизляра. Кизляр был основан в 1735 г. по решению русского правительства взамен оставленной крепости Святой Крест. До строительства города в верховьях Терека еще в начале XVII в. находился “Кизлярский перевоз”, считавшийся государевым, через который осуществ-

лялись торгово-экономические сношения г. Терки с Закавказьем и странами Ближнего Востока. Со временем на болотистой местности на слиянии Терека и Кизляра (ныне Таловка) возникло поселение. Основателями его были русские люди, но здесь проживали и горцы, тезики, армяне и др. Этот населенный пункт, называемый Старым Кизляром, посетил в 1722 г. Петр I. Возможно, что он обозревал местность для строительства города. Но точно известно, что в 1724 г. Петр I указал “послать молодых из астраханцев и кизлярцев в Гилян, к обучению их там шелководству”⁹³.

В 1725 г. в связи с сильным наводнением часть жителей Старого Кизляра переселилась на возвышенность, ниже по течению р. Терека и обосновалась там, где впоследствии находилась “мусульманская слобода” города. Именно здесь, между Дагестаном и Кабардой, и решено было воздвигнуть г. Кизляр. Кроме всего прочего, выбор места для города в 60 км от Каспийского моря определялся, прежде всего, военно-стратегическими целями. Строительство города поручили генерал-аншефу В.Я. Левашову (1667–1751). Он же в общих чертах разработал план возведения Кизляра. При этом было точно определено место поселения тех или иных жителей. Представители каждой народности должны были селиться в отдельных кварталах. Непосредственное строительство крепости и города поручили полковнику Юрьеву и инженер-поручику Стогову. “К работе крепости употреблены были солдаты и терские казаки”⁹⁴.

К осени 1735 г. главное сооружение крепости было завершено, после чего начался перевод в Кизляр всего гарнизона из крепости Святой Крест. К новой крепости были переведены и живущие у оставленной крепости Святой Крест дагестанцы, кабардинцы, окочане, тезики, татары, армяне, грузины и др. Сюда же переселили бывших терских городских казаков и влившихся в их сословие новокрещенов, которые стали называться терско-кизлярскими казаками и насчитывали в год перевода 210 человек служилого состава⁹⁵. 27 октября 1735 г. принято считать датой основания крепости Кизляр.

На левом берегу Терека между гребенскими казаками и Кизляром поселили Аграханское казачье войско, состоящее из 452 семейств. Они и образовали городки Бороздиновский, Дубовский и Каргалинский. Поселенцы этих городков именовались Терским семейным казачьим войском. На левом берегу Терека между Кизляром и Каспийским морем поселили в 1735 г. 420 семей казаков и около 3 тыс. ногайцев, разделенных на 13 аулов. Их обязали платить от 5 до 10 руб. за каждую кибитку во время зимних перекочевок⁹⁶. Изменилось положение и казачества. Оно все более и более теряло свои вольности, на него возложили ряд повинностей. Кроме кордонной службы, которую они традиционно несли, им вменили в обязанность встречать и провожать проходившие через казачьи городки войска, предоставлять им бесплатно помещения, выделять подводы для перевозки имущества. Казаки должны были также содержать и ремонтировать дороги, строить мосты, держать в готовности паромы и каюки для переправы через Терек. На них же возлагалась почтовая гоньба по всей Терской линии. Охрана границ государства возлагалась на гребенское, кизлярское и терско-семейное казачество⁹⁷.

В самой крепости разместился гарнизон, составлявший регулярные войска, артиллерийскую, инженерную и казацкую команды. Гарнизон

крепости командовал комендант Кизляра. Находящиеся на русской службе горцы подчинялись кабардинскому князю Эльмурзе Черкасскому. Крепость и разместившееся рядом с ней население составили город. При этом Кизляр, в отличие от других городов, с самого начала получил статус города. В 1735 г. комендантами города были полковники Юрков и Ломан. В 1736 г. генерал В.Я. Левашов назначил полковника И.М. Красногородцева комендантом Кизляра и всего края, который подчинялся непосредственно астраханскому военному губернатору. Однако строительство по мере увеличения гарнизона продолжалось. Согласно сведениям очевидцев, “пока Кизлярская крепость основывалась твердо... по проектам инженерным”, гарнизон и жителей три раза переселяли с места на место⁹⁸. В основном строительство Кизляра осуществлялось по проекту, разработанному в 1744 г. видным инженер-фортификатором генералом Люберасом. Строительство Кизляра было завершено в середине XVIII в. В окончательном виде крепость представляла собой форму правильного пятиугольника с пятью бастионами и тремя рavelинами. Крепость была окружена прочными стенами с бойницами и сторожевыми башнями, земляным валом и глубоким рвом, наполненным водой. На стенах крепости установили пушки. Крепость имела трое ворот: северные, восточные и южные. К воротам примыкали подъемные мосты. Внутри крепости были возведены сооружения специального военного назначения, острог, соляной и провиантские склады, а также глубокий колодец с питьевой водой. Здесь же была построена каменная соборная церковь⁹⁹. К юго-западу от крепости находилась так называемая солдатская слободка, где в основном проживали отставные солдаты и военнoслужашие. Собственно город располагался между левым берегом Терека и правым берегом р. Кизлярка.

Для улучшения сообщения Кизляра с Каспийским морем еще в 1738–1739 гг. в устье Терека, в 50 км от города, было возведено укрепление – фельдшанц, которое со временем стало играть важную роль как главный складочный пункт для снабжения войск.

Управление Кизлярского коменданта. С самого своего основания Кизляр, по словам А. Берже, был “своего рода русской столицей на Кавказе”. Вся власть в Кизляре, да и в крае была сосредоточена в руках кизлярского коменданта, который находился в непосредственном подчинении военного губернатора Астрахани и Государственной Военной коллегии. Кизлярский комендант “начальствовал даже до 1769 г.” При комендантском управлении были учреждены две канцелярии: Гарнизонная (контора) и Гражданская. В обеих канцеляриях для разбора дел судья в чине майора и члены “в каждой порознь по одному поручику и подпоручику, по согласному выбору полковых штаб- и оберофицеров. При этом обе канцелярии без ведома коменданта “ничего не чинили, и ко всякому делу решение от него ожидали”. Гражданская канцелярия разбирала тяжбы горожан и купечества. Однако торговые споры до обсуждения в Гражданской канцелярии надлежало “на купеческое разбирательство отдавать и решать на словах; а ежели и затем необходимо востребуется письменное производство, то оно стараются всегда чинить скорорешительным судом”¹⁰⁰.

Кизлярский комендант руководил также находящимися в подданстве России владельцами Северо-Восточного Кавказа. При этом “в обращениях с горскими народами, от которых в Кизляре имеются аманаты, содержать коменданту в своем ведомстве; обходиться с ними осмотрительно, осторожно, справедливо, приветливо, с умеренною ласкою, но не раболепно, дабы легким и уступным обхождением не попустить их к наглости... Если же кто из горцев е.и.в. какое зло учинит и будет пойман, такого судить в Гражданской канцелярии... с прибавкою офицеров, и приговор судейский исполнить неотменно, даже и смертью казнить”¹⁰¹.

В ведении кизлярского коменданта находился и аманатный двор¹⁰². Ему вменялось в обязанность разбирать споры горцев по “баранте и репрезалиям”, устраивать пленников – христиан, вышедших на поселение, предпринимать меры по пресечению работоторговли в крае. А у тех, кто тайно провозит пленников на Кубань и Крым, то “оных отбирать и отсылать в Астрахань”. О “владельческих холопах говорилось в предписаниях коменданту, которые от них, владельцев, в Кизляр уходят и о святом крещении просить станут, разведовать, не учинили ли какого смертного убийства, и буде учинили, таковых возвращать, а не учинивших... крестить, не смотря на владельческие просьбы и потом не оставляя жить в Кизляре, отсылать или в казаки или на пашню, по желанию”¹⁰³.

Кизлярский комендант разбирал ссоры с разноязычными феодальными правителями Северного Кавказа. В ряде случаев, благодаря вмешательству русских властей, удавалось положить конец феодальным междоусобицам. По решению коменданта либо им не выдавали хлебные и денежные жалованья, либо применив к ним силу, принуждали признать верховную власть России и выполнять указания коменданта. Кизлярский комендант решал и вопросы переселения горцев на равнину.

Кизлярский комендант ведал и внешнеполитическими делами. Вступал в дипломатическую переписку не только с государствами Закавказья, но и странами Ближнего Востока, с заграничными русскими посольствами. В ведомстве имелась секретная экспедиция, где имелся шифр, чтобы пользоваться “при сочинении тайных писем в Высокий кабинет и другие места”¹⁰⁴. Такого рода письма, содержащие чрезвычайно ценные сведения, хранятся в наших архивохранилищах Дагестана, в частности в материалах архивного фонда “Кизлярский комендант”.

Кизлярские коменданты принимали посланников иностранных государств, вступали с ними в переговоры и оперативно принимали решения. И, естественно, докладывали вышестоящим властям – Астраханскому губернатору, Коллегии иностранных дел и т.д. Коменданту подчинялись таможня и карантинные посты, которые собирали пошлинные сборы с привозимых в Кизляр и Россию товаров, а также наблюдали, чтобы из страны не вывозились недозволенные товары.

При Кизлярском коменданте имелись лица, производившие отбраковку привозимых и вывозимых металлических денег¹⁰⁵.

Ведущую роль играл Кизляр и в развитии торгово-экономических отношений в крае. Сюда привозили товары не только окрестные народы, но и приезжали купцы из Закавказья, Средней Азии, Ирана и даже из далекой Индии¹⁰⁶.

- ¹ *Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. М., 1952. С. 77.
- ² *Tarin С.* III. Istanbul, 1931. S. 253.
- ³ *Маркс К.* Хронологические выписки. Архив Маркса–Энгельса. Т. I. С. 189.
- ⁴ *Крылова Т.К.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Ист. зап. Т. X. С. 260.
- ⁵ *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе XVI–XIX вв. М., 1958. С. 59.
- ⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. М., 1957. С. 4–5.
- ⁷ П и Б. Т. IX, вып. 2. С. 688–689.
- ⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 3.
- ⁹ Там же. С. 11.
- ¹⁰ *Арутюнян П.Т.* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 166.
- ¹¹ *Левиатов В.П.* Указ. соч. С. 67.
- ¹² *Лебедев В.И.* Посольство А. Волынского в Персию // Изв. АН СССР. Сер. историческая и филологическая. 1948. Т. V. № 6. С. 535.
- ¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. Персидские дела. 1719. Д. 5. Л. 2–3.
- ¹⁴ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 225–226.
- ¹⁵ Там же. С. 234.
- ¹⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 31.
- ¹⁷ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 665.
- ¹⁸ Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. Вып. 1. С. 297.
- ¹⁹ ИГЭД. С. 86.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. С. 21.
- ²² *Неверовский.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан. СПб., 1848. С. 9.
- ²³ *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 1. С. 3.
- ²⁴ *Алкадари Г.* Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 63.
- ²⁵ Журнал посланника Волынского. С. 15.
- ²⁶ *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 3–4.
- ²⁷ ИГЭД. С. 95.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 240–241.
- ³⁰ Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 128.
- ³¹ *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 103.
- ³² РГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 2. Кн. 54. Л. 645–646.
- ³³ Вестник Европы. 1868. Т. II. С. 172.
- ³⁴ РГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 2. Кн. 54. Л. 641.
- ³⁵ *Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I. М., 1956. С. 106.
- ³⁶ РГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 2. Кн. 54. Л. 641.
- ³⁷ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 4. Л. 41.
- ³⁸ Очерки истории СССР (Первая четверть XVIII в.). М., 1954. С. 606.
- ³⁹ Сборник Русского исторического общества. 1885. Т. 49. С. 93.
- ⁴⁰ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 20, 30–31; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 230–243.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 4. Л. 41.

- 42 История СССР. М., 1967. Т. III. С. 339.
- 43 АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 4. Л. 33; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 244–246.
- 44 АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 6. Ч. 2. Л. 139.
- 45 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 21–23.
- 46 Там же. С. 23; РГАДА. Ф. Сношения России с Персией. 1723. Д. 17. Л. 620.
- 47 АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. 1722. Оп. 77/1. Д. 18. Л. 37, 67.
- 48 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. М. С. 677.
- 49 Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 113.
- 50 АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 4. Л. 11.
- 51 Русский архив. 1888. Т. I. С. 372.
- 52 Договоры России с Востоком, политические и торговые / Изд. Т. Юзифович. СПб., 1869. С. 187.
- 53 АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 6. Ч. 1. Л. 234.
- 54 РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 368.
- 55 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 53, 88.
- 56 Хроника войн Джара. Баку, 1931. С. 12.
- 57 Неверовский А. Указ. соч. С. 20.
- 58 ИГЭД. С. 103.
- 59 Походный журнал 1722 г. СПб., 1913. С. 64.
- 60 Сб. РИО. Т. 49. С. 254.
- 61 ИГЭД. С. 63.
- 62 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 29–34.
- 63 Потто В. Исторический очерк кавказских войн. Тифлис, 1899. С. 29–30; Очерки истории СССР (первая четверть). С. 611.
- 64 Походный журнал 1722 г. С. 181.
- 65 Комаров В. Персидская война 1722–1723 гг. М., 1867. С. 46.
- 66 Походный журнал 1722 г. С. 181.
- 67 Потто В. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. С. 2. Лысцов В.П. Указ. соч. С. 19–21.
- 68 Собрание писем императора Петра к разным лицам с ответами на оные. СПб., 1830. Т. III. С. 375.
- 69 Там же. С. 275.
- 70 Гербер И. Указ. соч. С. 19–21.
- 71 Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 394–395, 397.
- 72 Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Сост. В.Н. Гамрекели. Тбилиси, 1968. С. 101.
- 73 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 81.
- 74 Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII в. СПб., 1823. Ч. 2. С. 74.
- 75 Гербер И. Известия... С. 20.
- 76 Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения.
- 77 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 508.
- 78 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 295.
- 79 Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 43–44.
- 80 Там же. С. 50.
- 81 Там же. С. 70, 73, 79, 154 и др.
- 82 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 83.
- 83 ИГЭД. С. 105.
- 84 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 84.
- 85 Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VII. С. 955.
- 86 Там же.

- 87 *Гаджиев В.Г.* “Дербент-Наме” Мирза Хайдара Визирова // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 291–292.
- 88 Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 270.
- 89 Там же.
- 90 АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1722 г. Д. 6. Л. 58.
- 91 Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. С. 526–527.
- 92 См.: Договоры России в Востоком... С. 194–208.
- 93 *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 146.
- 94 Там же.
- 95 *Васильев Д.С.* Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 82.
- 96 *Дебу И.Л.* Указ. соч. С. 50–51.
- 97 *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографическое обозрение. М., 1974. С. 200–201.
- 98 *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 529.
- 99 *Васильев Д.С.* Указ. соч. С. 83–85.
- 100 *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 161.
- 101 Там же. С. 166.
- 102 РГАДА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 12. Л. 170.
- 103 *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 165.
- 104 *Гриценко Н.П.* Указ. соч. С. 89.
- 105 Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. С. 75.
- 106 *Фадеев А.В.* Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период // История СССР. 1957. № 1. С. 148.

Освободительная борьба народов Дагестана против иранских завоевателей

§ 1. Нашествие шаха Надира на Дагестан

Первый поход Надира на Дагестан. В 30-х годах XVIII в. после продолжительных неурядиц к власти в Иране пришел выходец из племени афшаров военачальник Надир, который в это время еще именовал себя Тахма-Кули-ханом. Став по существу правителем Ирана, он небезуспешно начал вести военные действия против Оттоманской империи за возвращение ранее принадлежащей Ирану территории. Население, находившееся под игом османов, изнывало и готово было подняться на борьбу со своими поработителями. К тому же в 1730 г. в Стамбуле был свергнут султан Ахмед III, после чего начались обычные феодальные усобицы. Все это благоприятствовало действиям Надира. К сентябрю 1730 г. он овладел Тебризом, а затем без особого труда занял Ардебил. Окрыленный успехами, Надир отправил в Ширван Сурхай-хану “подарки и указ, чтобы он, Сурхай, прибывал в его верности, за что учиняет везиром, над Шемахою командиром и дает ему Тарковское шамхальство и над всеми горцами (Дагестана. – В.Г.) учиняет его владельцем”¹. Сурхай подарки принял, а все остальное – оставил без внимания.

В то время, когда Надир вел подготовку к походу на Эривань, стало известно, что восставшие жители Хоросана убили его брата. Надир направился для подавления восстания. Этим решил воспользоваться шах Ирана, который рассчитывал военными успехами восстановить свой поколебленный авторитет. В 1731 г. он начал военные действия против султана. Перед тем он распространил фирман, в котором призывал народы подняться на борьбу против османов. С таким фирманом в Ширван к Сурхаю были отправлены 20 человек. Но он, отвергнув предложения шаха, убил 19 посланников, а одного оставшегося вернул в Иран.

Безуспешными оказались и военные действия шаха. В апреле 1731 г. он потерпел поражение под Эриванью, после чего войска султана двинулись в Южный Азербайджан. В это самое время от турецкого Али-паши Сурхай получил приказ, чтобы он со своим войском соединился с турецкими войсками в Гендже и шел на Тебриз².

Сурхай-хан выступил, но, прибыв в Гянджу, потребовал у паши провианта и денег. Тот оказался не в состоянии отдать ему требуемое. Тогда Сурхай, по словам очевидцев, разграбил “деревни неприятельские, о чем ему от сержанта Али-паши дано знать с выговором, за что он рассердился и вернулся назад в Шемаху”³.

* В большинстве случаев библиографический аппарат дан в авторской редакции.

Однако предпринять какие-либо решительные меры против Сурхая османы не могли, “дабы он совершенно от них не отложился”⁴. Более того, в конце 1731 г., чтобы правитель Ширвана “не отложился”, правительство Высокой Порты прислало Сурхай-хану щедрые подарки и крупную сумму денег: “большое число халатов и денег 20 тысяч или 50” – как доносил лазутчик Ахмед. Даже после этого Сурхай-хан просимого султаном войска не отдал, и не выступил в Кубу, ограничившись тем, что отправил Порте “2 меха собольих, 2 меха горностаевых и несколько штук европейской парчи”⁵.

Тем временем шах, потерпев ряд поражений, вынужден был в январе 1732 г. в Керманшахе подписать невыгодный для Ирана мирный договор. Но этот договор оказался недолговечным. Вернувшись из Хамадана, Надир низверг Тахмаспа II, шахом провозгласил его 4-месячного сына Аббаса III, сам же стал при нем регентом.

Существовавший до него при Сефевидях шахский Совет эмиров, в состав которого входили высшие сановники государства, не только не обладал никакой властью, но фактически был упразднен Надиром. Этим, по словам современников, он “дал знать персианам, что хочет царствовать без совместников”⁶. Став неограниченным властелином Ирана, он не допускал и малейшего возражения и всех тех, кто допускал какое-либо послушание, подвергал жестоким наказаниям. По свидетельству резидента И.П. Калужкина, Надир непристойно “сменяет” везиров и других начальствующих лиц, а их “имения описывает на себя. Мне не единый из оных командиров, – заключает он, – на память не приходит, который... в достаток не был обобран”⁷. Шах радикально изменил и внешнеполитический курс Ирана. В частности, не задумываясь, аннулировал только что подписанный с султаном мирный договор и возобновил против Турции военные действия. По приказу султана для борьбы с Ираном в Закавказье было направлено 20–25-тысячное крымско-татарское войско под командованием Фаты-Гирея. Однако Россия, заинтересованная в мире с Ираном, оказывала ему поддержку в борьбе с Портой. Русские войска, сосредоточенные в крепости Святой Крест, нанесли серьезный урон наступающим крымским войскам. Однако части этого отряда удалось проникнуть в Дагестан.

Обеспокоенные угрозой иранского порабощения, горцы не поняли истинных намерений османов, тем более что те распространяли слухи о том, что султан направил войско с единственной целью – защитить их от “кизылбашских еретиков”. В этом направлении действовали также феодалы и местное мусульманское духовенство, на которых, по словам Г. Алкадари, “крымский губернатор потратил до 2500 туманов деньгами и ценными вещами и они приводили в исполнение... увольнение и назначения в Дагестане”⁸. В частности, в Тарках от власти был отстранен Хасбулат и назначен шамхалом Илдар. Тем временем Надир одержал решительную победу над османами, которая вынудила султана запросить мир. В феврале 1733 г. в Багдаде был между Ираном и Турцией заключен мирный договор. Границы между ними определялись в рамках ирано-турецкого договора 1639 г. В связи с этим султан отправил свой хатти-шариф (высокое повеление) ко всем правителям завоеванных территорий с тре-

бованием возвратиться в Османскую империю. А когда турецкое правительство сообщило о передаче Ширвана Ирану, Сурхай-хан отказался подчиниться воле султана и ответил, что “мечами лезгинских львов мы покорили Ширван, какое имеет право Ахмед из Багдада или кто-либо вмешиваться в таком случае”⁹. Упорство Сурхая привело в ярость Надира, он решил во что бы то ни стало наказать Сурхая. Летом 1734 г. во главе огромной армии он вторгся на Кавказ, а в конце августа занял оставленную Сурхаем Шемаху и велел разрушить ее до основания, а население перевести в Агсу. Однако Сурхай лишь отступил, но готов был к борьбе. В урочище Деве-батан у Кабалы произошла битва между шахскими войсками и горцами. Сурхай-хан потерпел поражение и отступил в горы Дагестана. Войско иранского шаха, преследуя Сурхая, заняло Кумух, подвергло грабежу и разрушило резиденцию хана и ряд близлежащих сел. Жестокость персов не сломила дух свободолюбивых горцев, многие из которых, не покорившись, ушли в Аварию.

Надир не решился продолжить поход. Утвердив шамхалом тарковским Хасбулата, изъявившего покорность Ирану, он решил вернуться в Закавказье. При возвращении иранские войска разоряли попадавшиеся на пути горские аулы. Близ селения Ахты горцы разрушили мост и преградили дорогу шахским войскам, но под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отступить. Надир жестоко расправился с горцами. Некоторых из них “шах в порыве гнева наказывал даже сам лично”¹⁰.

Опустошив Южный Дагестан, 3 октября 1734 г. Надир прибыл в селение Куткашкен. И вскоре начал решительные военные действия против войск султана в Закавказье. Используя благоприятный момент – вывод, согласно Рештскому (1732 г.) и Гянджинскому (1735 г.) договорам, русских войск из Прикаспия, – Османская империя решила незамедлительно захватить Дагестан и с этой целью направила крымского хана с 80-тысячным войском на Северо-Восточный Кавказ. Однако Россия решительно заявила, что она “никогда татарам прохода через свои области не позволит, а меньше еще согласится на принятие Портою в подданство дагестанцев”¹¹. Канцлер А.И. Остерман сделал посланнику Неплюеву внушение, указав, что политика России в отношении Ирана касается “до одних городов (Баку и Дербента. – В.Г.), а не до дагестанских народов”¹². Когда же Порта, пользуясь тем, что Россия вывела из Прикаспия свои войска, объявила себя покровительницей Дагестана и решила отправить через Северо-Восточный Кавказ войска крымского хана в Закавказье, российские власти решительно заявили, что Дагестан находится в подданстве России, дает ей аманатов и поэтому она не может допустить господства турок над Дагестаном и пропустить крымские войска. Одновременно Россия отправила специальный отряд в Крым, чтобы отвлечь крымское войско от поползновений на Кавказ, а командующему на Северном Кавказе генералу Левашову приказала преградить путь в Дагестан. Все это показывает, что Россия твердо отстаивала Северный Кавказ от покушения со стороны Османской империи¹³. В то же время российское правительство стремилось убедить Тахмасп-Кули-хана (Надира) продолжать войну с турками, чтобы “все персидские провинции возвратились

от них оружием”. Именно с такой задачей в Иран был послан князь Голицын¹⁴.

Между тем Надир, нарушив условия Гянджинского договора, заключил с Турцией договор, по условиям которого султан уступал Ирану Грузию, Восточную Армению и сразу же после этого начал покорение Дагестана. Во главе большой армии Надир вторгся в Джаро-Белооканы, где встретил упорное сопротивление, затем через Шеки и Шемаху добрался до границ Южного Дагестана. Здесь он разделил армию на части: крупный отряд под командованием сына Риза-Кули направил на Будуг и Хиналуг, другой – отправил на покорение жителей Самурской долины. Ценой больших потерь, сломив упорное сопротивление горцев, Надир безжалостно расправился с населением Самурской долины и Табасарана. Многие жители бежали в горы, где казикумухский Сурхай-хан, кайтагский уцмий Ахмед-хан, шамхал Ильдар и акушинский кадий готовились к обороне. Узнав об этом, Надир вступил в Кайтаг, занял селение Маджалис, которое оборонял сын уцмийа Магомед-хан. Но сражение закончилось победой иранцев.

2 января 1736 г., разоряя населенные пункты, Надир двинулся из Губдена через Дженгутай на Казикумух. В местности Дусрах, недалеко от Кумуха, горцы, заняв горные высоты, решили преградить путь иранцам. Но, будучи атакованы с четырех сторон во много раз превосходящими силами противника, вынуждены были отступить. Сурхай-хан, не задерживаясь в Кумухе, ушел в Аварию. В тот момент, когда иранцы заняли позиции горцев (это случилось ночью), на помощь Сурхаю пришел шамхал Ильдар, отряд которого иранцы без особого труда разбили. Вслед за этим Надир занял Казикумух, старейшины которого изъявили ему покорность. Казалось бы, ничего не препятствовало шаху продолжить поход. Однако он, учитывая создавшуюся обстановку, и на этот раз отказался от преследования Сурхай-хана. При возвращении из Кумуха, Надир рассеял отряд кадия акушинского, жестоко расправился с населением, предал огню и мечу ряд селений. Из Акуша шах направился в Кайтаг и принудил просить уцмийа о пощаде, а табасаранцев и жителей Самурской долины – выдать заложников¹⁵.

Свои военные победы Надир использовал для провозглашения себя шахом вместо умершего шаха Аббаса. После этого правителем Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана Надир назначил своего брата Ибрагим-хана, а сам с основными силами иранской армии направился к столице Сефевидов Исфаган. Не успел он уйти из Закавказья, как ширванский владетель Султан-Мурад, заключив союз с Сурхай-ханом, напал на Дербент, убил ставленника Надира беглербега Ширвана Мехти-Кули-хана и занял Дербент. В это же время повстанцы Северного Азербайджана осаждали города Агсу, Шабран, Ниязабат, Мушкур, Баку и др.¹⁶ Сообщая в Россию об антииранских выступлениях народов Кавказа, резидент И.П. Калужкин писал: “И такие великие волнения шаху успокоить трудно, что повсюду надо войско, которого за всеконечным оскудением людей набрать негде”¹⁷. Однако восстание в Дербенте было подавлено, Сардарбек Кырклуафшар с титулом хана стал правителем Ширвана, а в Дербенте власть получил Неджеф-Султан. Кроме того, предполагалось

выселить из Дербент в глубь Ирана (в Хамадан) 100 семейств и отправить в Дагестан “войска для расположения оброку” на Сурхай-хана, шамхала Ильдара и др. Как и следовало ожидать, эти меры успеха не имели. Антииранская борьба не утихала. Против азербайджанских и дагестанских повстанцев была направлена 20-тысячная армия во главе с братом Надира – Ибрагим-ханом. Но он почти ничего не добился, если не считать того, что сумел принудить джаро-белоканцев “заключить с ним мир, не внося ему ничего, ни податей, ни заложников, ничего другого”. Однако этот мир был недолговечен. Джаро-белоканцы вновь восстали и перебили много иранских воинов. Более того, джарцы вместе с прибывшими на помощь горцами из Дагестана выступили в сторону Тифлиса. Между тем летом 1737 г. Ибрагим-хану удалось нанести в Кахетии горцам несколько поражений, после чего они были вынуждены отступить в горы.

Однако уцмий Кайтага, сын Сурхая Муртаза-али и предводитель Анцуха Ганега не признали власти Ирана. В 1738 г. во главе 32-тысячной армии Ибрагим-хан направился против непокорных горцев Дагестана. Узнав о продвижении иранцев, джаро-белоканцы обратились за помощью к Сурхай-хану Казикумухскому, уцмию Кайтага, владельцу Табасарана и др.

Обычно в годы тяжелых испытаний иноземных нашествий горцы Дагестана оказывали друг другу поддержку и помощь. И на этот раз на призыв джаро-белоканских аварцев прибыло около 20 тыс. горцев из самых различных частей Дагестана.

Во главе объединенных сил горцев встали опытные предводители из Джаро-Белокана – Ибрагим-диван и Халил. Первое время иранцам удалось потеснить горцев. Однако в середине 1738 г. вблизи Джаника горцы разбили иранцев. В бою был убит Ибрагим-хан и другие военачальники Ирана. Только Мухаммеду-хану Афшару с трудом удалось собрать остатки разгромленного войска и привести его к берегам Аракса. По имеющимся данным, из 32-тысячной армии спаслись 7 или 8 тыс. Остальное “войско погибло”¹⁸. Победителям достались богатые трофеи. Вслед за этим антииранское движение охватило многие районы Северного Азербайджана. 3 января 1739 г. И.П. Калужкин доносил: “Лезгинцы (т.е. горцы Дагестана. – В.Г.) от старой Шемахи, даже до Дербента, в великом собрании стоят... что никому... пробраца никак нельзя”¹⁹.

Антииранское выступление дагестанцев и азербайджанцев совпало с походом Надира в Индию. Поэтому Иран не был в состоянии организовать крупное наступление на Дагестан. Тем не менее шах назначил правителем на Кавказ Амирарслан-хана, перед которым поставлена задача во что бы то ни стало подавить сопротивление в Азербайджане и Дагестане. Но эта задача оказалась ему не по силам. Поэтому летом 1739 г. правительство Ирана все же направило на Кавказ большое войско под командованием Сефи-Хан-Султана. Несмотря на некоторые успехи, ему не удалось подчинить власти шаха свободолюбивых горцев. Недовольный этим Надир отправил на Кавказ многочисленное войско под командованием Гани-шаха Абдальского, Фатали-хана и Мухаммада-Али-хана. Преодолевая отчаянное сопротивление горцев, они в течение нескольких месяцев огнем и мечом прошли

Джаро-Белоканы. “Иранцы, – писал Г. Алкадари, – разграбили имущество и стада тех магалов, разрушили их селения, а также заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и брали в плен бежавших по ним. В общем они там не оставили следов и разрушили все селения”²⁰. Однако и эти жестокости не сломили свободолюбивый дух горцев. Они не только не сложили оружие, но и сами устраивали нападения на иранцев. Тогда Надир потребовал от Фатали-хана, не дожидаясь его возвращения, отправить войска в Дагестан “на Сурхаевы и Усмеевы жилища и всех горских людей рубить наповал”²¹. Ведя неравную борьбу с иранскими захватчиками, “многие из владельцев Дагестана обращались к России, прося покровительства и защиты против Надира”²².

Новое наступление Надир-шаха в Дагестане. Правящие круги Ирана были уверены в том, что, не подчинив Дагестан, им не удастся подавить антииранские выступления в Закавказье. Поэтому, завершив победоносно поход в Среднюю Азию, Надир стал деятельно готовиться к новому походу на Дагестан. На этот раз он полагал проявить такую силу оружия войск с тем, чтобы окончательно внушить населению страх перед Ираном. “Стоило мне ногой лягнуть, – говорил Надир, – и вся Индия рушилась с престолом Великого Могола. Ежели мы обеими ногами лягнем, то весь свет можем в пепел обратить”²³. Однако, готовясь к вторжению на Северо-Восточный Кавказ, шах преследовал далеко идущие цели. Калушкин доносил, что он “польщения свои на Россию не оставляет” и намерен сперва отправить к русскому двору “новое посольство с домогательством о возвращении всех денежных доходов, которые якобы получены с городов, бывших 12 лет в Российском владении, и о выдаче находящихся в России персидских подданных. Но если ему в этом откажут, тогда хочет сей обман употребить для начала войны с Россией, ударить на Кизляр, идти прямо не только до Астрахани, но и Царицына. А тем временем Надир велел подготовить ландкарту дагестанским местам, через которые можно в Крым войти, а с другой стороны усмеева и шамхалова владения равномерно и сопряженные со оными российских границ обоим Кабардам и Кизляра, к чему приказал присовокупить описания присланные от персидского посольства, Астраханских стен”. К этой работе привлечены выходцы Северного Кавказа, знающие “русские рубежи... причем особое старание прилагают о положении российских мест, а паче о казачьих городках, точное изъяснение дорог, урочищ, довольства кормов дать, с показанием о состоянии кочевых тамо народов”²⁴. Возвращаясь к этому вопросу еще раз, Калушкин писал: “Хотя Надир намерен иметь дело со всем светом... виды и приготовления наиглавнейшие против Российской империи устремляет”²⁵.

Летом 1741 г. Надир во главе 100-тысячной армии вторгся в Дагестан. Озлобленный шах уничтожил первые попавшиеся 14 горских аулов. Так поступал он и в дальнейшем. Сравнивая с землей аулы, убивал всех. Рассказывая о его жестокостях, И.П. Калушкин сообщает, что “по указу шахову ни одного человека... живого не оставляют, все рубят наповал”²⁶.

В этой чрезвычайно тяжелой обстановке правители Дагестана все чаще и чаще стали обращаться к России. Многие из них, по словам П.Г. Буткова, “сами отдавались в подданство России”²⁷. Это подтверждают и другие совре-

менники. Прибывшие в Кизляр посланцы горцев, сообщает очевидец, просили, чтобы Россия приняла их под свое могучее покровительство. Петербург был осведомлен и о том, что Надир старался склонить султана к совместному наступлению против России. Такого союза добивалась и западноевропейская дипломатия, в частности Англия, Австрия и др. Естественно, что в таких условиях Россия не могла оказать вооруженную помощь принимавшим до этого русское подданство горцам. Но “кумыкским, чеченским и кавбардинским владельцам писано в утверждении их верности; а тайно, под рукою, сделаны были засылки к признанию в верное и вечное подданство горских владельцев: шамхала, усмия и прочих, сходно с присланными прошеньями их о том”²⁸.

В то же время русское правительство стало укреплять кавказские границы государства. На Терскую линию были стянуты с Волги и Дона войска, усилены укрепления Кизляра “и везде по границе Терской и в гребнях взята крепкая предосторожность”. В Астрахани началось строительство флота. Эти меры не могли не отразиться на действиях шаха, но они не могли облегчить участь народов Дагестана.

Несмотря на упорное сопротивление горцев, Надир-шаху удалось выиграть ряд сражений, занять Табасаран, Кайтаг, Мехтулу, Акуша и достигнуть Казикумуха. Сурхай, видя несогласие “горских людей и себя самого от сыновей своих оставленным”, которые ушли в Аварию, “к собственному своему спасению избрать не мог как токмо через посредство Алтайского хана” принести покорность, перешел 8 августа на сторону шаха²⁹. Точно так же к шаху в августе 1741 г. прибыли уцмий Ахмед-хан, акушинский кадий и другие феодалы. Шах уже почувствовал себя победителем. “Видя Сурхая и Усмея власти своей покорение, – писал И.П. Калушкин, – Надир час от часу в такую заносчивую гордость приходит, которую и описать трудно, и он хочет со всей Дагестани потребовать в службу до 20 тыс., а остальных перевести на житье в Персию. И для того в окрестные места разослал едва ли не все свое войско, между которыми и сопротивляющимися лезгинами, понеже они о переселении и слышать не хотят, непрестанно схватки происходят”³⁰.

Хотя измена некоторых феодальных владетелей несколько и подорвала, но не сломила сопротивления горцев. Они навязали иранцам партизанскую войну. Больше всего войско шаха беспокоили внезапные ночные нападения горцев, захват обозов, угон вьючного скота. Даже вокруг лагеря Надира, свидетельствует Калушкин, “из ближних деревень все жители ушли в горы”, откуда они беспрепятственно нападали по ночам на него, что “шах против воли своей с терпением сносит”³¹. К тому же население, скрывающееся в горах, покидало села, не оставляя ни единого зерна. И где бы не появились войска шаха, их всюду встречали горцы с оружием в руках. Преодолевая сопротивление горцев, осенью 1741 г. основные силы Надира со стороны Казикумуха вторглись в Андалал. Войска под командованием Лютф-Али-хана и Гайдарбека направились в Аварию через Аймакинское ущелье. Наступление иранцев всколыхнуло народные массы Дагестана. Перед лицом опасности разрозненные силы горцев стали объединяться. Однако не все верили в успех этого мероприятия. “Еще предвидеть не можно, – писал Калушкин, – какой успех он

(шах) в Аварии будет иметь, еже не инако как бездельного потеряется персидского войска”, ибо эта территория “высокими горами окружена. что на оные надлежит весьма узкими тропами входить, где наступающим без сопротивления от неприятелей принуждены будут в людях и лошадях урон понести”. К тому же, во время оккупации Казикумуха, “непрестанные дожди продолжались и в прошлом августе по всем верхним горам глубокий снег выпал...” А поскольку наступает осень, “то более ненастного времени и стужи ожидать надобно, отчего войско, яко же слыша о таких непроходимых горах, с вящим нехотением в душе отправляются”³². Естественно, что окружающая среда (высокие горы, непогода и т.д.) оказывали отрицательное воздействие на моральный дух шахских солдат. Однако основной причиной падения морального духа солдат шаха стало главным образом то, что они волей Надира вынуждены были бороться и умирать за неправомерное дело: воевать, убивать, грабить ничем им не угрожающих горцев. Напротив, народы Дагестана вели упорную самоотверженную борьбу с вооруженным до зубов врагом, поставившим своей целью покорить и истребить горские народы.

В Андалал толпами стали собираться горцы со всего Дагестана. Были случаи, когда враждовавшие, забыв обиды, объединялись для борьбы против общего врага. В это же время горцы письменно потребовали от Надира вывода войск из Дагестана.

Шах хотел лишь одного – покорить горцев. С этой целью многочисленные иранские войска начали военные действия одновременным нападением на селения Согратль, Мегеб, Уллучар, Обох, Чох и др.³³ Близ этих сел в течение нескольких суток длился кровопролитный бой. Первоначально борьба шла с переменным успехом, затем войскам шаха удалось несколько оттеснить горцев. Казалось, их поражение неминуемо. Однако когда Надир начал решающее наступление, к горцам подошло подкрепление, среди которого было очень много женщин. Невероятным усилием они добились перевеса и шахские войска, не выдержав мощного натиска, дрогнули, а затем обратились в паническое бегство. “Поражение, – доносил французский посол де-ла-Шетарди, – тем более значительно, что Кули-хан (Надир. – В.Г.) дал заманить себя в ловушку и попал в ущелье, где скрытые с двух сторон войска проявили ужасную резню над большею частью армии”. Считается, что в Андалале Надир потерял половину людей и почти всех лошадей. Даже личный секретарь шаха Мехти-хан Астрабадский назвал Андалал “областью несчастья”, где “солдаты Надира пришли в добычу врагам”.

Стремясь как-то поправить свое положение, шах сделал попытку привлечь щедрыми подарками и всевозможными обещаниями на свою сторону владетелей Дагестана.

Однако аварский и мехтулинский ханы, уцмий Кайтага и сын Сурхай-хана Муртузали отвергли предложение Надира.

В ответном письме Надиру хан Аварии писал: “Для чего ты пришел к нам? Я советую скорее возвращаясь [в] Иран, а то мы тебя пошлем в пекло, чтобы ты мог там найти своего брата (намек на убитого Ибрагим-хана. – В.Г.)... твоя слава миновала. Теперь тебе самому видно, что ты не такой страшный, чтобы нельзя было справиться с тобой”. Не имели также успеха попытки шаха поднять боевой дух армии.

В итоге Надир был вынужден начать спешное отступление. “Шах, – свидетельствует И.П. Калушкин, – к вящему своему безсловию... принужден был отступить и с таким поспешением путь продолжить, что множество у него не только посторонних, но и своих собственных верблюдов и мулов везде дорогою с багажом разбросал, оставляя оные в добычу горским людям, но только в голове своей имел, чтобы как можно скорее из Дагестана выступить... быстрым маршем, который по справедливости за побег причесть можно ... ибо великое число в войске его хворых и пеших имелись и те, у которых лошади были худы и за ним (т.е. Надиром. – В.Г.) поспешить не могли”. Оставшиеся “все в руки неприятельские достались, чему в отомщение находящиеся на пути” пустые деревни иранцы сжигали и разоряли. “Понеже дагестанцы, ободряясь скоростным его побегом следовали за ним, и не только оставленные обозы подбирали, но и отбивали шахом захваченных своих иноземцев”. Видя все это, шах “со злостью плакал”³⁴.

Сам шах со своей свитой чуть было не попал в плен к горцам. В этом походе шахские войска потеряли более 30 тыс. человек, более 33 тыс. лошадей и верблюдов, 79 пушек, большую часть вооружения и снаряжения.

Наконец, Надир дошел до Дербента. Но и здесь он не мог обеспечить войска продовольствием. “В лагере шахово во всем такой недостаток имеется, – пишет И.П. Калушкин, – что генеральный голод претерпевают, не меньше того и здесь, в Дербенте, в пищи крайнее оскуднение продолжается, ибо много людей от голода померло и везде по улицам и паче в нижнем городе и за городом мертвые тела валяются, тако же и дорога отсюда до Шемахи оными устлана, между которыми и большая часть раненых”³⁵.

В иранских войсках участились случаи дезертирства. Однако Надир не оставил мысль любой ценой покорить Дагестан. “Он решил – или сам пропадет и все свое войско погубит, или весь Дагестан в пепел обратит. К чему все свои силы употребить – не оставит, хотя бы все персидские государства к достаточному разорению низвергнет”³⁶. Его лагерь около Дербента впоследствии получил название “Иран хараб” (т.е. разорение или гибель Ирана). Очевидцы рассказывают о плачевном состоянии его войск под Дербентом. Солдаты голодали, они были плохо одеты и обуты. А некоторые из них ходили даже босиком в зимнее время. Воины, которых отводили в Муган через Дербент, “пеши в отрепьях ходили, все в конец расслаблены, признаваясь сами, что десять против одного лезгинца стоять неспособны”. Однако Надир продолжал совершать карательные экспедиции в Дагестан. Он разорял селения, уничтожал посевы, захватывал скот. Но и эти меры не приносили успеха иранцам. Всюду, где ни появлялись шахские войска, горцы давали им достойный отпор, нанося им большой урон. По существу все кровопролитные бои в 1742 и 1743 гг. завершались поражением шахских войск.

Отряды Надира с большой неохотой отправлялись в горы. Учтывая все это, он пытался подкупом владетелей восстановить свое положение.

Однако ни щедрые подарки шаха, ни деньги, ни применение ласковых мер и на сей раз не дали результатов. Горцы продолжали партизан-

скую войну. Продолжительная война, голод истощили иранскую армию. По словам Д. Ханвея, “могущественный завоеватель оказался в таком жалком состоянии, что остатки его расстроенного войска, доведенные до 20 тыс., должны были дезертировать или просто погибнуть”. Надир пытался закупить провиант на Северном Кавказе. Русское правительство запретило купцам привозить продовольствие к берегам Каспийского моря. Не без влияния России отказались продавать провиант иранцам калмыки и другие народы Северного Кавказа. Все это было на руку горцам, ибо отсутствие продовольствия еще более усугубляло крайне тяжелое положение шахских войск. “Если бы они не боялись горцев, то все персидское войско разбежалось бы в горы”. Не популярна была эта война и в правящих кругах Ирана. Ближайшие к шаху фавориты, военные командиры, штатские люди были недовольны продолжением войны и только претворялись, что они поддерживают его политику. Все более становилась очевидной пагубность политики Надира, поскольку он и “через два года ничего в дагестанской стороне достигнуть не мог, кроме что государство свое подорвал, народ истощил, войско растерял и остальное крайне изнурил”³⁷.

Вскоре и сам шах убедился, что дальнейшее продолжение столь непопулярной в Иране войны с горцами нежелательно. Поэтому в феврале 1743 г. Надир вывел свои войска из Дагестана.

§ 2. Провал захватнических планов Надира в 1743—1745 годах

Шах Надир, теряя свое влияние из-за неудачного похода в Дагестан, решил восстановить авторитет в войне с Оттоманской империей. Однако для этого ему были необходимы большие средства. Он рассчитывал получить их путем введения в 1743 г. нового налогового обложения и приказал собрать с населения недоимки по налогам за прошедшие три года. Не удовлетворившись увеличением налогов, он дополнительно взимал и колоссальные денежные штрафы³⁸. Естественно, что давление непосильного налогового пресса не могло не вызвать законного возмущения подвластных шаху народных масс.

Почти во всех регионах страны население стало активно выражать свое недовольство. То в одном, то в другом регионе страны вспыхивали стихийные выступления трудящихся масс, которые подавлялись шахом жесточайшим образом. В итоге население покидало свои насиженные места. Очевидец событий Братищев писал, что от Дербента и до Мугани “всюду разорение”. В горы ушла значительная часть населения Дербента. Однако развязывание войны Надира с Портой не означало, что шах вовсе отказался от мысли покорить Дагестан. Победоносной войной шах надеялся отвлечься от неудач в Дагестане, организовать на Мугани укрепленный лагерь, сосредоточить крупные воинские силы и снаряжение и начать новую еще более беспощадную войну в Дагестане. Но осуществить эти утопические планы не было суждено. Этому помешал широкий размах антииранского движения

народных масс в Закавказье, особенно в Ширване. Порта решила использовать в своих целях антииранские выступления. В этих чрезвычайно сложных условиях на политической арене Закавказья появились Сефи-Мирза I, Сефи-Мирза II и Сефи-Мирза III, которые выдавали себя за сыновей шаха Хусейна Сефевиды и действовали одновременно в Южном Азербайджане, Ширване, Дагестане и других местах. Первый из них, руководивший повстанцами в Северном Азербайджане, был наголову разбит в декабре 1743 г. в сражении близ Агсу. О Сефи-Мирзе II, человеке “незнатного происхождения”, известно, что он в том же году действовал в районе Ардебилы, где и был схвачен правительственными войсками. Ему отрезали нос и отпустили. Вскоре Сефи-Мирза “бени буриже” (отрезанный нос) объявился в Ширване. Там ему оказали поддержку владельцы Казикумуха, Табасарана, Кайтага. Никто из персидской знати, за исключением Ахмед-хана шахсеванского, его власти не признавал. Ближайшим сподвижником Сефи-Мирзы стал сын Сурхая Казикумухского Магомед-хан. В сентябре 1743 г. Братищев доносил: “В Дагестане и особливо от Сурхаева сына Мугамеда сильные разглашения происходят, якобы тамо прежней шахской фамилии некто явился с обрезанным носом, которые ведомости горских людей к большим беспокойствам возбуждают, отчего в Дербентской стороне опасность приключиться может”³⁹.

И действительно, поддерживаемый владельцами Казикумуха, Табасарана и Кайтага, он, говоря словами Братищева, “великое беспокойство и дальней вред Персии причиняет”⁴⁰. Восстанием был охвачен Ширван. Поднялись на борьбу дербентцы, к ним примкнула и часть городского гарнизона. Они перебили оставшееся верным шаху войско. Так же поступили жители переселенных из Ирана к Дербенту аулов. “Они, – писал Братищев, – едва не все к дагестанцам от жестокости и необыкновенной тамошнего губернатора строгости разбежались, якоже и сами дербентские жители и военные персияне, кто способ найдет, в горы уходят”⁴¹. Восставшие в Ширване убили беглербега Хайдар-хана “и для вящего своевольству их подкрепления призывали в Ширван” Магомед-хана Казикумухского, “обещая в его власть город Аксу отдать”, который, по словам Братищева, туда прибыли городом править начал, “имеет при себе ложную прежней фамилию... с обрезанным носом”⁴². Став во главе большого отряда ополченцев в Ширване, Сефи-Мирза объявил, что он отберет у Надира принадлежащий ему по закону шахский престол и своих подданных “от претерпеваемого... тягчайшего ига и мучительного рабства избавит”⁴³. Вместе с тем Сефи-Мирза обещал освободить ширванцев от разорительных налогов⁴⁴. Естественно, что эти обещания оказывали сильное воздействие на умы ширванцев, многие из которых от “несносного гонения” Надира, оставив свои жилища, сразу же присягнули Мирзе, “изъявляя свое усердие и за него живот положить не отрекаются, желая его на персидском престоле видеть”⁴⁵.

Сефи-Мирза и Магомед-хан, командуя 20-тысячным отрядом, овладели Шабраном и Агсу. По словам иранского историка Мухаммеда Казима в Агсу, который стал центром антииранского движения, чуть ли не ежедневно прибывали новые силы повстанцев. С каждым днем восстание охватывало все новые районы. Характерно, что это движение нарастало

одновременно с войной Ирана с Портой. Но в отличие от других предводителей Сефи-Мирза не стал союзником султана, а, напротив, видел в нем своего врага.

В это же время тарковский шамхал Хасбулат, которого в этот сан по существу возвел Надир, связался с комендантом Кизляра и добивался, чтобы и его приняли в подданство России. Такого рода настроения были и в Дербенте и других местах. “Дербентцы и другие мещане и деревенские обыватели, – свидетельствует современник, – за особливую благодать признавать готовы, ежели бы Российской власти подчинены были”. Кайтагский, мехтулинский, аварский владетели и горские старшины, доносил в 1743 г. князь Долгорукий Елизавете, принципиальны в своем решении быть в подданстве России. Что же касается широких народных масс, то они, по словам В.Б. Братищева, “с вожделенною радостью пришествия российских сил ожидают, в уповании... тем способом от тиранских надировых рук единожды избавится”⁴⁶. Встревоженный этими событиями, Надир решил одним ударом покончить с ними. С этой целью против повстанцев Дербента выступили крупные воинские силы. Сломив упорное сопротивление, войска шаха ворвались в Дербент и учинили страшную резню над жителями. Чтобы отразить предполагаемые нападения горцев на Дербент, были укреплены оборонительные стены крепости. Одновременно для подавления движения под руководством Сефи-Мирзы Надир сосредоточил огромные воинские силы. Правителем Азербайджана был назначен Ашур-хан Афшар. Ему были подчинены и владетели Урмии, беглербег Гянджи, Фатали-хан Астрабадский и др. Близ горы Багишах между шахскими войсками и отрядами Магомед-хана и Сам-Мирзы произошла кровопролитная битва, которая продолжалась целый день и оканчилась полным поражением повстанцев. Магомед-хану удалось уйти в Казикумух. Сам-Мирза бежал в Грузию, но там он был пойман и по приказу Надира ему выкололи один глаз и отправили в Карс, где находился другой Сефи-Мирза. После чего началась настоящая расправа над ширванцами. По словам очевидца, тех кто “мятежу и в заговоре к стороне самозванца сопричастен был, беспощадно вырубил”⁴⁷.

Несмотря на поражение, это восстание имело важное объективно историческое значение. Хотя движение проходило под предводительством самозванца Сам-Мирзы и Магомед-хана казикумухского, в нем принимали участие широкие народные массы, недовольные все нарастающим социальным и национальным гнетом. Более того, сумевшие захватить руководство движением феодалы по сути были попутчиками повстанцев. Используя благоприятный момент, недовольство широких народных масс шахским режимом, феодалы надеялись, изгнав ставленников Надира, захватить власть.

Надиру не удалось подчинить своей власти народы Дагестана, куда бы ни вступал Надир, ему доставались пустые и покинутые горские аулы. “Никого не застал он и в Казикумухе”. Обозленный шах все “выжег, хлебы потолочил, сады порубил; да человек з десять тамошних горских жителей поймал, а протчие де все ушли в горы и ничего им более описанного сделать он не мог, и потом через сутки как и возвратился в лагерь, а из взятых в плен десять человек по их обыкновению иным глаза выколол, а других передал”⁴⁸.

Однако горцы с оружием в руках защищали свою территорию. Итогом самоотверженной мужественной борьбы было то, что во время последней карательной экспедиции в Дагестан Надир потерял более половины своего войска⁴⁹. Эта экспедиция со всей очевидностью показала, что шах бессилён был поставить на колени народы Дагестана. Но и это ничему не научило “завоевателя вселенной”. Он надеялся, как отмечалось выше, блокировать Дагестан со всех сторон и заставить горцев с мольбой просить шаха о пощаде. Но этим утопическим планам не суждено было осуществиться. 9 мая 1747 г. Надира убили в результате дворцового заговора, а созданное им государство, представлявшее конгломерат народностей и племен, распалось.

- ¹ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Персией, 1730 г. Д. 2. Л. 30.
- ² Там же. Ф. Сношения России с Персией, 1731 г. Д. 8. Л. 194.
- ³ Там же. Д. 7. Л. 371.
- ⁴ Там же. Л. 479.
- ⁵ Там же. Л. 13.
- ⁶ История о персидском шахе Тахмас-Кули-хане, с французского на русский язык переведенная асессором Степаном Решетовым. СПб., 1799. С. 185.
- ⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1738 г. Д. 7. Л. 2.
- ⁸ Алкадари Г. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 75.
- ⁹ Там же. С. 74.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1738 г. Д. 7. Л. 2.
- ¹³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе XVI–XIX вв. М., 1958. С. 75.
- ¹⁴ АКАК. Т. II. С. 1096.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1736 г. Д. 8. Л. 410.
- ¹⁶ Там же. Ф. Сношения России с Персией, 1739 г. Д. 5. Л. 32–39, 101; Хроника войн Джара. Баку, 1931. С. 31.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1736 г. Д. 8. Л. 410.
- ¹⁸ Там же. Ф. Сношения России с Персией, 1738 г. Д. 7. Л. 755.
- ¹⁹ Там же. Д. 5. Л. 32.
- ²⁰ Алкадари Г. Указ. соч. С. 79.
- ²¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1741 г. Д. 7. Л. 181.
- ²² Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 10–11.
- ²³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1741 г. Д. 7. Л. 226–227.
- ²⁴ Там же. Л. 228–230.
- ²⁵ Там же. Л. 299.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. I. С. 223.
- ²⁸ Там же; Российский государственный архив древних актов. Ф. 15. Д. 65. Л. 25.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1741 г. Д. 7. Л. 287–288.
- ³⁰ Там же. Л. 282.
- ³¹ Там же. Л. 317–318.
- ³² Там же.
- ³³ Сборник Русского исторического общества. Т. 96. С. 579.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1741 г. Д. 7. Л. 390–393.
- ³⁵ Там же. Л. 470–471.
- ³⁶ Там же. Д. 4. Л. 408.

³⁷ Там же.

³⁸ *Арунова М.Р., Ашафарян К.З.* Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958. С. 159.

³⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1743 г. Д. 4. Л. 479.

⁴⁰ Там же. Л. 534.

⁴¹ Там же. Л. 539.

⁴² Там же. Л. 572.

⁴³ Там же. Л. 635.

⁴⁴ Там же. Л. 635–636.

⁴⁵ Там же. Л. 637.

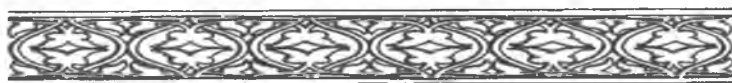
⁴⁶ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. XVIII. С. 955.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1744 г. Д. 3. Л. 9.

⁴⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 8. Л. 52.

⁴⁹ *Бутков П.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 230.

Раздел четвертый
Дагестан
в составе
России

Объединение Дагестана и России

§ 1. Международное положение Дагестана в конце XVIII — начале XIX века

После подписания мирного договора России с Османской Портой и ухода иранских войск из Закавказья для народов Кавказа, в том числе и Дагестана, как будто создалась более благоприятная и мирная обстановка. Но это не совсем так. Ни шахский Иран, ни Османская империя не хотели примириться со сложившейся обстановкой, мечтали захватить Кавказ и готовились к новой агрессии. В это же время западноевропейские государства, прежде всего Англия и Франция, вопреки лживым утверждениям британской и французской историографии, преследовали агрессивные планы, пытаясь утвердиться в странах Ближнего Востока с целью использовать в своекорыстных целях султана и шаха.

Наполеоновская Франция, вынашивая эти планы, через специально отправленных на Ближний Восток агентов стремилась возбудить султана и шаха против России с тем, чтобы организовать их наступления на Кавказ и Северное Причерноморье. Дипломаты, военные чины и агенты, выступавшие под личиной “ученых натуралистов”, пытались энергичными действиями искусственно осложнить международную обстановку в регионе, организовать военно-политическую коалицию против России.

Для этого Османской империи решили оказать возможную помощь в усилении турецкого флота и усовершенствовании артиллерии. В Турцию было направлено значительное количество французских офицеров и инженеров. А вскоре в Константинополь прибыли два фрегата Франции, нагруженных “разными машинами, моделями, канонирами для летучей артиллерии” и т.п.¹ Предполагалось также в случае необходимости предоставить Порте эскадру для переброски войск султана в Крым. В то же время Франция, стремясь привлечь к союзу с Портой Иран, отправила к шаху своих резидентов под видом ученых-натуралистов. Хотя всех поставленных задач выполнить не удалось, нельзя сказать, что усилия французского правительства оказались вовсе безрезультатными. Например, Иран дал заверение продолжать борьбу с Россией и отправил своих послов к султану с целью, по словам Кочубея, “возбудить против нас (России) — *В.Г.*) турок”. Донося об этом, русский посланник полагал, “что те будут остерегаться предпринимать что-либо сами, насколько возможно, будут пытаться подтолкнуть персов”². Действительно, в начале 1797 г. между Ираном и Портой велись переговоры, целью которых было образование ирано-турецкого наступательного блока, направленного против России и народов Кавказа. Однако такой союз не состоялся.

* В большинстве случаев библиографический аппарат дан в авторской редакции.

В сложившейся международной обстановке Порты была не в состоянии начать борьбу с Россией.

В свою очередь Англия, обеспокоенная за свои заморские колонии, особенно Индию, не хотела примириться с фактом сближения Ирана с Францией, поэтому предпринимала самые решительные меры, чтобы привлечь шаха в орбиту своей внешней политики.

А что же Россия? Петербургский двор в XIX в., говоря словами В.О. Ключевского, “не думал переходить Кавказский хребет”³. На неоднократные обращения властителей Кавказа принять их в свое подданство и покровительство, Россия отвечала уклончиво. Так, в начале царствования Александра I, в Негласном комитете, дважды обсуждали условия присоединения Грузии, оговоренные в соответствующем манифесте.

Летом 1800 г. Фет-Али-шах Каджар потребовал от Грузии покорности. Однако кавказское командование решительно отклонило эти требования. В это время в Петербурге вместе с посланником Картли кахетинского царя решался вопрос присоединения Грузии к России. Известно, что Павел I санкционировал присоединение Грузии к России, а его преемник Александр в сентябре 1801 г. подписал Манифест к грузинскому народу и утвердил “Постановление внутреннего в Грузии управления”, завершив процесс добровольного присоединения Грузии к России⁴. Это событие имело чрезвычайно важное значение не только для судеб грузинского народа, но и для всего Кавказа.

К Александру I вновь обратились владетели Дагестана: уцмий Кайтага Рази-бек, дербентский правитель Гасан-Али-хан, табасаранские владетели Сограб-бек, Махмуд-бек, Рустам-хан, Рустам-кади, Ума-хан аварский и др.⁵ Посланников этих владетелей Александр I принял с почестями, пообещав исполнить их желание и “написав ответы тем владельцам, приказал, чтобы они имели терпение, жили спокойно и друг с другом ладили”⁶. В инструкции же главнокомандующему на Кавказе генералу Кноррингу Александр предполагал установить “между помянутыми ханами и горскими владельцами для общего их и народов их блага твердый союз и дружеское, под верховным моим покровительством, согласие”⁷. Иначе говоря, император вернулся к идее создания на Северо-Восточном Кавказе “Федеративного союза” под покровительством России. Целью этого союза, как понимал его император, было обеспечение народам, “приверженным и союзным России, наибольшей безопасности”, а также укрепление и развитие торговли с Кавказом и Востоком.

Для создания союза Александр I предписал Кноррингу провести переговоры с горскими ханами и владетелями.

В сентябре 1802 г., согласно рескриптам Александра I, в Георгиевск прибыли посланники владетелей Дагестана: от тарковского шамхала – Мехти-Оразай-бек, от уцмий Кайтага Рустем-хана – Ахмад-ага, от табасаранского Рустем-кади – Магомед-бек, от дербентского Ших-Али-хана – Медет-бек. Из Азербайджана приехали посланники бакинского, шемахинского, талышинского и других ханов. В переговорах, из-за смерти Умма-хана, не принимал участия его посланник. С самого начала переговоры о союзных отношениях в Георгиевске были осложнены разногласиями между владетелями. Некоторые посланники добивались заключения отдельного договора с Рос-

сией. Но, несмотря на это, 26 декабря 1802 г. все же был достигнут “союз” и подписан договор, состоящий из 12 статей. Договаривавшиеся обязались быть преданными России и, “оставляя отныне впредь все” разногласия, оставаться “спокойными в своих владениях, в коих таковым от е.и.в. всемилостивейшего защитника и покровителя их, пожалованными им грамотами признаны”. В случае возникновения “несогласия разбирать все споры и ссоры дружески, по общим законам. Ежели же спорящие не удовлетворятся этим решением, доносить им на рассмотрение е.и.в., яко защитнику, покровителю своему, и по повелениям его на то повиноваться в полной мере по верноподданнической их обязанности”.

В случае нападения на кого-либо из союзников “от присвоящего в Персии верховную власть быть всем к защите его готовым... ополчаться единодушно всем к прогнанию их неприятеля”. Владетели Дагестана брали на себя обязательства “не только подвластных не допускать устраивать нападения на соседей, всегда и всемерно отводить от того... и прочих их” соседей.

Владетели, чьи территории омывает Каспий, обязались в случае крушения судна немедленно извещать русские власти о случившемся, а спасенное имущество охранять.

Договорившиеся обязались “обеспечить наиболее лучшим образом” сухопутную торговлю, заботиться “о безопасности переезда караванов и купцов”. Русским, грузинским и армянским купцам, “производящим торги в пределах владений союзников”, оказать необходимую помощь и поддержку. “Относительно же купечества, союзникам сим принадлежащего, торги свои в пределах России производящего и подданных и подвластных им людей, по надобности в Россию приезжающих, все всеобщего союза сего ханы и владельцы, яко подданные е.и.в. и покровительствуемые им всемилостивейше... надеются, что покровительство им и защита всегда в полной мере будет”. Наконец, в договоре указывалось, что “постановление сие на дружеский союз делается на вечные времена” и что нарушителя настоящего договора подвергнут строжайшему наказанию “и для того прочие союзники нарушение таковое с истинными на то доказательствами должны передать е.и.в. благоусмотрению”⁸. Однако разногласия, обнаружившиеся во время переговоров, продолжались и в дальнейшем.

Тем не менее политическое значение этого союза было достаточно велико: оно вытекало из внешнеполитического аспекта, на основе которого собственно он формировался. Договор в Георгиевске стал этапом в процессе присоединения Северо-Восточного Кавказа к России и консолидации сил в борьбе с иноземной агрессией.

Еще до начала переговоров в Георгиевске к Александру I обращался Умма-хан аварский с просьбой принять его в подданство России. Однако ввиду его скоростижной смерти Аварское ханство прервало переговоры с русским правительством. Позднее его преемник Султан-Ахмед-хан возобновил просьбу. 3 октября 1802 г. Александр I дал указание кавказской администрации принять Аварию в подданство России. После этого в резиденцию ханства Хунзах с грамотой и установленной формой присяги был отправлен капитан И.Д. Мещеряков.

В самом начале 1803 г. Султан-Ахмед-хан в торжественной обстановке “в собрании многих знаменитых подвластных” дал клятву на подданство

России, обнарудовал “приличным образом” текст присяги и подписал условия присоединения ханства к России. С этого времени “всякий преемник владетеля Аварского должен был иметь высочайшее е.и.в. утверждение, яко подданный е.в. поступать обязан по самой истине по постановлению сему”, – говорилось в подписанном ханом документе. Вместе с тем аварские ханы обязывались быть в дружбе и союзе со всеми подданными России владетелями, охранять границы Аварии и Грузии, а в случае нападения шахского Ирана “всячески стараться разбить и прогнать персов”. Русским купцам, приезжающим в Аварию по торговым делам, предоставлялись равные права с аварцами, “как людям одного государства”⁹. Им же гарантировалось свободное и безопасное передвижение в Аварии и другие льготы. Таким образом, в апреле 1803 г. документально было оформлено присоединение ханства Аварского к России.

Добровольное вхождение Аварского ханства в состав России имело чрезвычайно важное значение не только для населения ханства, но и для всего Нагорного Дагестана. Достаточно сказать, что после подписания договора в Хунзахе большинство аварских союзов сельских общин изъявило желание также вступить в подданство России.

Стремясь получить возможность продвижения в Передней Азии благодаря организации военных действий Ирана с политическими противниками Англии, британское правительство в 1800 г. отправило в Иран посольство во главе Д. Малькольма, которое, как подчеркивает К. Маркс, для Великобритании “стоило бешеных денег”. Д. Малькольм не скупился на щедрые подарки, подкупая всех “от шаха до погонщика верблюдов”¹⁰.

Накануне обнаружения манифеста о присоединении Грузии к России Д. Малькольму удалось заключить с шахом так называемый вечный политический и торговый договор, представляющий собой военно-политический союз между Ираном и Англией. Хотя этот договор и был направлен против наполеоновской Франции, стремившейся занять господствующее положение на Среднем Востоке, он все же поощрял шаха на захват Кавказа. Подогревая агрессивный Иран, английские дипломаты в данном случае беспокоились о своем проникновении на Кавказ. Этой же цели отвечали стремления английского посла добиться у шаха согласия на строительство торговых и военных судов на Каспийском море¹¹. Как и следовало ожидать, шах Ирана, пользуясь поддержкой Англии, приступил к активным военно-политическим акциям в Закавказье. В одном из своих донесений в Петербург генерал Кнорринг сообщил о намерении Фет-Али-шаха отправить 40-тысячное войско на Кавказ¹².

В начале XIX в. в правящих кругах России не было единого подхода к Восточному вопросу. В то время как одни политические деятели выступали за раздел владений Османской империи, другие считали необходимым сохранение территориальной целостности Порты. С воцарением Александра I позиции последних усилились. Русско-турецкие отношения развивались в благоприятной обстановке¹³. Вместе с тем Оттоманская империя на Кавказе проводила свою традиционную политику. Эмиссары султана по-прежнему вели антирусскую пропаганду, инсценировали выступление горцев Дагестана против Грузии, “обещая каждому в день по курушу”¹⁴.

В это время активизировались грузинские царевичи из династии Багратионов. “Доколе я жив, – заявил царевич Александр, – не примирюсь с рус-

скими и не похую хлеба-соли шах-заде”¹⁵. По велению шаха он пригласил владетелей Дагестана организовать нападение на Грузию, обещая от имени шаха каждому рядовому участнику похода по 50 руб. серебром¹⁶.

Не терял времени и иранский шах. Летом 1802 г. в фирмане царевичу Юлону, которого он признал правителем Грузии, шах указывал, что Грузия – часть самодержавного иранского владения, и рекомендовал прикрыть с севера подступы в Закавказье¹⁷. По его указу царевич Вахтанг под предлогом защиты от лезгин, которые никогда не нападали на его владения, готовился к войне против России.

Мероприятия, направленные на укрепление военно-политического положения России на Кавказе, правительство Александра I начало с отстранения от дел генерала Кнорринга. На его место главнокомандующим назначили П.Д. Цицианова, который должен был способствовать укреплению позиций России в Закавказье, создав здесь прочный стратегический плацдарм, утихомирить грузинских царевичей и фрондирующую часть дворянства. На Северном Кавказе П.Д. Цицианова обязали обеспечить безопасность военно-стратегических коммуникаций, связывавших Россию с Кавказом. “Что касается до горских народов, – писал Александр I генералу П.Д. Цицианову, – то едва ли не лучшею или коренною нашею политикою существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомыслие”¹⁸.

Свои действия, связанные с проблемой обороны Кавказа в надвигавшейся русско-иранской войне, П.Д. Цицианов начал с организации строительства Военно-Грузинской дороги. В начале 1803 г. он направил Александру I проект ее сооружения, который был обоснован необходимостью усилить позиции России на Центральном Кавказе. Проект был рассмотрен Александром I и полностью им одобрен¹⁹. Император утвердил также предложения Цицианова, относившиеся к укреплению Кавказской линии.

Энергичные меры П.Д. Цицианова имели серьезный резонанс и вызвали бурную реакцию грузинских царевичей Александра, Юлона, Таймураза и других антирусски настроенных феодалов.

В 1803 г. Центральный и Восточный Кавказ оказался в военно-стратегических планах завоевательной политики персидского шаха Фет-Али. По его расчетам, в русско-иранской войне Кабарда, Осетия, Чечено-Ингушетия, Дагестан и Закавказье должны были отойти к Ирану. В фирманах шаха Кизляр и Моздок упоминались как пограничные пункты персидских владений²⁰. Обстановка на Северном Кавказе еще более накалялась происками Оттоманской Порты. Под влиянием Франции османы возобновили притязания на утраченные районы Черноморского побережья.

Весной 1804 г. Порты через анапского пашу направила на Северный Кавказ своих агентов, которые призвали местных правителей выступить против России. Одновременно в Анапе для наступательных целей были сосредоточены значительные воинские силы османов²¹.

Однако деятельность грузинских царевичей и других агентов шаха и султана не имела особого успеха на Северном Кавказе и в Дагестане. На призывы османов подняться на антирусскую борьбу горцы отвечали: “Мы испытали уже несколько раз обольщение турецким золотом и довели себя до совершенного разорения так, что ежели бы не столько была милосердна Россия, то мы бы уже давно в корне были истреблены и при теперешних на-

ших обстоятельствах, когда бог нас наказал и моровая язва истребила почти половину народа, до того дошли, что если бы Россия не помогла нам хлебом, то бы мы и последние все померли голодной смертью”²².

23 мая 1804 г. шахское правительство неожиданно предъявило России ультиматум. “Мы, – говорилось в нем, – причину вашего прихода в Иранские области (так называл шах районы Кавказа. – *В.Г.*) считали только для торговых целей”, и так как Россия нарушила “обет дружбы и приязни”, требуем “шахские области... без малейшего предлога очистить”²³. Это требование, как и следовало ожидать, Россия отклонила. Ни Дагестан, ни Грузия, ни Азербайджан, как известно, не были шахскими областями. Но этот ультиматум не оставлял сомнения в том, что Иран явно шел к войне. И действительно, в июле 1804 г. шахские войска вступили в пределы Эриванского ханства. В фирмане, разосланном всем владельцам Кавказа, Фет-Али-шах писал: “Я, объявляю Вам, что Россия заняла Грузию насильственным образом”, она принесла “нашим правоверным много разорения и обид”. Теперь я “всех россиян из Грузии выгоню, вырежу и истреблю последнего, а Вам как правоверным указом сим повелеваю, когда вы услышите о моем приходе с войсками в Грузию, старайтесь соединиться всеми силами своими, нападать на русских, истреблять и разорять до основания”²⁴.

Главнокомандующий на Кавказе П.Д. Цицианов, не дожидаясь дальнейшего продвижения шахских войск, выступил против них и вблизи Эчмиадзина нанес поражение сыну шаха, Аббас-Мирзе, вынудив его уйти в Иран. При этом местные жители нападали на шахские войска, нанося им существенный урон. Генерал приступил к осаде Еревана. Однако значительные силы иранских войск под командованием наследника шаха Аббас-Мирзы сделали попытку деблокировать город²⁵. Эта задача оказалась для них непосильной. Русские войска нанесли поражение во много раз превосходящим войскам шаха и вынудили их отступить за р. Гарни-Чай²⁶. Осада Еревана продолжалась, но взять хорошо укрепленную крепость без осадной артиллерии оказалось невозможно. Более того, остро нуждаясь в продовольствии и боеприпасах, в конце августа русские войска вынуждены были снять осаду Еревана. Тем не менее значение похода русских войск трудно переоценить. Достаточно сказать, что в это время в состав России были приняты Шекинское, Карабахское ханство, Шурагельское и Шанданское султанства²⁷.

Еще в период военных действий под Ереваном Наполеон предложил Фет-Али-шаху заключить союз с тем, чтобы “шах и император действовали бы в сердечном согласии против России”²⁸. Правящие круги Ирана охотно откликнулись на это предложение. Они были согласны пойти на сговор с кем угодно, лишь бы обрести помощь в достижении заветной цели прибрать к рукам Кавказ. Рассчитывая на успех, Аббас-Мирза во главе 40-тысячной конницы летом 1805 г. вторгся в Карабах. Однако добиться успеха ему не удалось. Малочисленные русские пограничные отряды, проявив беспримерное мужество, задержали войска иранского наследника и лишь после подхода 30-тысячного войска Ирана под командованием самого шаха вынуждены были отступить. Но победное продвижение шахских войск продолжалось недолго. В сражении под Елисаветполем они были разбиты русскими войсками. Присоединив Ширванское ханство к России, в декабре 1805 г.

П.Д. Цицианов потребовал от бакинского владетеля Гусейн-Кули-хана сдать без боя Баку. После непродолжительных переговоров хан согласился сдать крепость, но во время вступления в Баку русских войск в начале 1806 г. генерал был предательски убит. Однако это убийство не изменило, да и не могло изменить хода развивающихся событий. Новым главнокомандующим был вновь назначен 70-летний граф Гудович.

Между тем весть об убийстве П. Цицианова сепаратистски настроенные феодалы Северо-Восточного Кавказа восприняла как сигнал к антирусскому выступлению. Ших-Али-хан дербентский, Сурхай-хан казикумухский, Мустафа-хан ширванский, установив личные связи с шахом, сделали попытку поднять народные массы на борьбу против России²⁹. Однако усилия антирусски настроенных феодалов не нашли поддержки на Северном Кавказе. Их так и не поддержали широкие народные массы. Жители Дербентского ханства и соседнего с ним Табасарана отказались помочь Ших-Али-хану. Население Нагорного Дагестана также отказалось выступить против России. Более того, горец из Кумуха по прозвищу Курлику ответственвал Сурхай-хану: “Перестань без надобности беспокоить народ, оставь свои затеи и иди на соглашение и дружбу с русскими”³⁰. Однако Сурхай-хан не послушался разумного совета своего подданного. Путем подкупа и угроз ему удалось сколотить небольшой отряд. В то же время в селении Карамурат, в 80 км от Елисаветполя, собрались царевич Александр, Гусейн-Кули-хан, Насиб-бек шимшидилский и другие, ранее бежавшие в Иран, феодалы. “Намерение их, – доносил майор Кочне, – не прежде осмелиться пуститься к Елисаветполю, покамест не покажется Шихзаде (сын шаха Аббас-Мирза. – В.Г.) с войсками сюда, а пока они заняты привлечением народа на свою сторону, рассылая письма, фирманы”³¹. Но осуществить замыслы им не удалось. Отряд под командованием Карягина разбил войска Аббас-Мирзы, а отряд под предводительством майора Котляревского принудил Сурхай-хана вернуться в свое владение.

Тем временем в Дагестан вступили русские войска под начальством командующего в крае генерал-лейтенанта Л.И. Глазенапа³². Жители Приморского Дагестана оказали посильную помощь продвигавшимся на юге русским войскам, благодаря чему “все войско с тяжелой артиллерией и обозом безостановочно прошло”³³. При этом многие горцы изъявили желание принять участие в войне против шахского Ирана; часть их была зачислена на русскую службу. В местечке Бойнак к его войскам присоединился тарковский шамхал Мехти³⁴. Узнав о движении русских войск, дербентцы изгнали Ших-Али-хана, выбрали правителем Али-Пенах-бека и отправили депутацию к Глазенапу для изъявления своей преданности³⁵.

При подходе русских войск к Дербенту, свидетельствует очевидец, “великое множество народа вышли навстречу, что между отрядом и городом составила живая улица”³⁶.

21 июля 1806 г. русские войска вступили в Дербент. “При сем добровольным покорением, – говорилось в донесении Глазенапа, – жители дербентские... сами выгнавшие непокорного Ших-Али-хана... на другой день приведены к присяге на вечную верность и подданство России”³⁷.

В августе 1806 г. Дербентское ханство, добровольно присоединившись к России, было передано в управление Мехти-шамхалу Тарковскому. Заме-

нивший Г.И. Глазенапа генерал С.А. Булгаков присоединил Бакинское ханство, а затем отправился в Кубу. Узнав об этом, Ших-Али-хан обратился к русскому командованию с просьбой простить его и в знак покорности прислал заложников. Однако С.А. Булгаков, заняв без боя г. Кубу, отстранил от правления Ших-Али-хана и назначил правителем владения Хаджи-бека. Вслед за этим генерал потребовал от Сурхай-хана покорности. Оказавшись в крайне тяжелом положении, казикумухский хан согласился “с чистосердечным усердием подвергнуть себя с детьми своими и со всеми своими владениями в вечное подданство русскому скипетру”. В декабре 1806 г. Сурхай-хан в присутствии генерал-майора Лихачева дал присягу на верность России и обязался платить России ежегодно по 3 тыс. червонцев³⁸.

Немногим ранее жители 12 селений Дагестана, известные под названием союза сельских общин Иланхеви, прислали к русским властям депутацию, с просьбой принять их в подданство России. “Они, – доносил капитан-исправник, – идучи в подданство России по двум причинам, дабы обитать под влиянием монарха, славно превознесшегося непобедимым оружием и благосклонностью к верноподданным, и чтобы невозбранный был им пропуск ездить для торговли в край под державою России находившийся”. Со своей стороны они были согласны принять любые условия кавказского командования. Летом 1806 г. члены депутации иланхевских селений в Тбилиси присягали России³⁹.

Между тем, чтобы завершить бесперспективную для шаха войну, российский власти предложили Ирану мир. Но, несмотря на поражения на поле брани, шах еще надеялся на успех и отказался заключить мир. И в этом в значительной степени была повинна наполеоновская Франция, которая в это время делала все, чтобы сколотить союз с Ираном и Оттоманской Портой, направленный против России.

Иран, потеряв надежду помочь Англии, охотно пошел на союз с Францией. Согласно союзному договору, заключенному в мае 1807 г., Наполеон признавал Грузию частью Ирана, обязывался снабдить армию шаха всем необходимым. В свою очередь шах брал на себя обязательство порвать всякие отношения с Англией и при необходимости пропустить французскую армию в Афганистан и Индию.

В самом начале XIX в., особенно когда французскую миссию в Константинополе возглавил генерал Брюн, антирусская деятельность Франции значительно усилилась. Не считаясь ни с чем, посланник, обещая помочь Оттоманской Порте в возвращении отошедших к России в XVIII в. территорий, в том числе Крыма, стремился возбудить агрессивные устремления в правящих кругах османов⁴⁰. Он внушал султану мысль о военной силе Наполеона и слабости России⁴¹. Все это, как и следовало ожидать, возымело свое действие.

Начиная с конца 1805 г. под влиянием военно-политических успехов Наполеона Оттоманская империя стала отходить от союзнических отношений с Россией и ориентироваться на поддержку Францией своих агрессивных планов. Порты все чаще стала нарушать подписанные с Россией соглашения и отказываться от выполнения взятых на себя обязательств⁴².

Выполняя указания Наполеона, французский посол в Константинополе Себастиани внушал султану, что Франция хочет усиления османов, стараясь укрепить союз Франции, Порты и Ирана против России. Он добивался, чтобы

султан закрыл проливы для русских, внушал мысль о необходимости возвратить Османской империи абсолютное господство над Молдавией и Валахией. “Я хочу, – говорилось в инструкции Наполеона, – укрепить и усилить эту великую империю и использовать ее такой, какая она есть, как противовес России”⁴³.

С самого начала 1806 г. османы активизировали подготовку к войне. Антирусская деятельность султанского правительства особенно усилилась с прибытием в Константинополь французского посла.

В то же время Османская империя перестала считаться с интересами России, препятствуя свободному проходу русских торговых кораблей через проливы, задерживая грузы и российских подданных. Попытки русской дипломатии избежать войны с Турцией закончились безрезультатно. Учитывая все это, Александр I приказал войскам занять Бессарабию, Молдавию и Валахию, создававшие России выгодные военно-стратегические позиции. В конце декабря 1806 г. Порта объявила войну России. Положение России, вынужденной вести войну с тремя государствами – Францией, Ираном и Портой, оказалось весьма тяжелым. Несмотря на это, уже в начале 1807 г. русские войска одержали ряд побед над османами. В частности, они овладели крепостями Яссы, Бендеры, Аккерман, Галац, Бухарест и вышли к берегам Дуная.

Успешно развивались военные действия и на Кавказском театре войны. Османская империя, объявляя войну России, рассчитывала, что народы Кавказа, особенно мусульманское население, окажут помощь, выступят на стороне султана. Однако первое же крупное сражение на р. Арпачае 30 июля 1807 г. показало глубокий просчет турецкого султана. 6-тысячный русский отряд, благодаря поддержке народов Кавказа, одержал важную победу, полностью разгромив 20-тысячную армию султана. Это сражение имело также важное внешнеполитическое последствие: наметившийся союз между Ираном и Турцией был отсрочен, а затем и вовсе отпал⁴⁴.

Вскоре по Тильзитскому миру, серьезно изменившему обстановку не только в Европе, но и на Востоке, Россия была вынуждена принять посредничество Франции в переговорах с Портой, начавшихся летом 1807 г. В результате между сторонами не возобновлялись военные переговоры до весны 1809 г. Однако русско-турецкие переговоры в целом носили безуспешный характер. К этому времени у Османской империи появился новый покровитель – Англия, поставлявший ей военное снаряжение и толкавший ее на новые военные действия.

Английские дипломаты, установив прочную связь с шахским и султанским дворами, стали настойчиво требовать от своих восточных сателлитов прекращения переговоров и возобновления войны против России. На Северном Кавказе вновь появились многочисленные агенты Порты. Они распространяли различные провокационные слухи с целью поднять народы Кавказа на войну против России. В то же время английские дипломаты прилагали усилия к тому, чтобы помирить между собой шаха и султана. Почву для такого примирения они искали в совместной войне с Россией. Английское правительство стимулировало не только русско-турецкую войну. Оно раздувало также военный конфликт между Ираном и Россией. В.И. Ленин писал: “1807 – Англия посылает в Персию особого посла, она помогает Персии в

ее войне против России”⁴⁵. Шах искал возможности заключить перемирие и готов был начать мирные переговоры с Россией. Однако после подписанного договора с Англией, направленного против России, и под нажимом посла Джонса он возобновил наступательные действия на Кавказе⁴⁶. При этом шахское правительство вновь вернулось к своим старым планам в отношении Северного Кавказа, значительную часть которого продолжало рассматривать как “историческую” территорию Персии. Так, первый визирь шаха Мирза Мамед-шефи писал: “...русские выражают желание и намерение при заключении мира установить границу между их и нашей империями по южной границе Грузии и Дагестана. Между тем по всему миру хорошо известно, что эти земли с древнейших времен входили в состав Персидской империи и что северной границей этого государства, отделяющей его от России, был Моздок”⁴⁷. Одновременно шахское правительство усилило агентурную деятельность на Северном Кавказе, где оно рассчитывало на поддержку среди горских народов. “Местных феодальных владетелей Кавказа правительство персидское с помощью золота возбуждает к возмущениям и набегам”, – доносил генерал Тормасов Барклаю-де-Толли⁴⁸. В этой деятельности Ирану по-прежнему помогали грузинские царевики.

На Северном Кавказе агенты Ирана особое внимание уделяли его северо-восточной части – Дагестану, а также Центральному Кавказу, где проходили важнейшие коммуникации, соединявшие Россию с Закавказьем. Ших-Али-хану, Сурхай-хану и другим антирусски настроенным феодалам царевиц Александр отправил значительные денежные средства с тем, чтобы они могли “нанимать лезгин”. Применяя подкупы и угрозы, им удалось собрать отряд, с помощью которого они попытались занять Дербент, оставленный русским гарнизоном из-за начавшихся в Закавказье военных действий. Однако военное предприятие Ших-Али-хана оказалось безуспешным. Население Дербента мужественно защищало свой город. Против Ших-Али-хана и его сподвижников выступили также кадий табасаранский, уцмий кайтагский, шамхал тарковский и другие владетели Дагестана. Ших-Али-хан жаловался первому министру Ирана Мирза-Шефи, что многие дагестанские владетели “изменили богу и шаху”, что они “усердны и соединены с русскими”⁴⁹.

Владетель Аварии Султан Ахмед-хан в присутствии князя Орбелиани повторно дал клятву “сохранять верность к е.и.в. ...усердие свое и преданность” и обязался “удерживать всех подвластных... от всяких шалостей”, а соседей “не только воздерживать, но и отвращать, имея на дерзновенных и упорных вооруженную руку”⁵⁰. За проявленную верность ряд владетелей Дагестана был награжден⁵¹.

Тем временем шахский Иран, получив от Англии по так называемому предварительному договору крупные суммы денег, вооружение и боеприпасы, обучив войско с помощью английских инструкторов, организовал в разных пунктах Закавказья военные действия.

После подписания договора с Англией в январе 1809 г. Османская империя также возобновила войну с Россией. В связи с этим шах и султан отправили своих многочисленных агентов, которые “наводнили мусульманские провинции Восточного Кавказа”⁵². Для ведения антирусской подрывной деятельности шах отправил на Кавказ крупные суммы денег. Царевику было

выдано 120 тыс. руб., к Ших-Али-хану отправлено “судно с денежной казной и разными товарами, который на оный будет нанимать лезгин”⁵³.

Однако в Дагестане, наряду с антирусскими выступлениями Ших-Али-хана и Сурхай-хана, усилилось движение за окончательное вступление в русское подданство. Более того, горцы стали выражать желание принять участие в войне против Ирана и Турции. Так, в 1809 г. к русскому командованию от Технучальского общества Дагестана обратился Гитинав Сагитов, сообщивший о желании этого общества “вступить в повиновение России”. Кроме того, он заявил о такой же готовности Каратинского общества, старшина которого Курбан обещал выставить на сторону русских “лезгинское войско”. С просьбой о русском подданстве обратились также старшины Тиндальского, Балхорского и других обществ Нагорного Дагестана⁵⁴.

Русское командование на Кавказе направило в районы Дагестана своих представителей, поведших переговоры о “российском подданстве”. В результате было оформлено вхождение в состав России Шодротского, Балхарского, Ансалтинского, Кодротского, Тиндальского, Рогочинского, Бигнадальского, Калалского, Малалалского, Гугутского и других союзов сельских общин Нагорного Дагестана⁵⁵.

Движение народных масс за присоединение к России практически парализовало деятельность Ших-Али-хана, Сурхай-хана и их сторонников. Первый из них искал удобного случая бежать в Иран, второй – готов был вести переговоры с русским командованием о примирении. В 1810 г. под влиянием военных успехов русского оружия в войнах с Ираном и Турцией в Дагестане продолжалось движение, направленное на вхождение в состав Российской империи. В частности, в этом году в подданство России было принято вольное общество Чох. Летом 1810 г. Сурхай-хан казикумухский, “остававшийся неприкосновенным, гордясь твердою защитой самой природы, ограждающей крепким месторасположением сие ханство”, вынужден был “войти под зависимость России, через данное им обязательное письмо, учиненную присягу на верность е.и.в.”⁵⁶.

Победа русского оружия в 1809–1810 гг. над войсками султана и шаха нанесли чувствительный удар по союзу Ирана с Портой. Победы России встревожили правящие круги Великобритании. Чтобы не допустить прекращения войны Ирана с Россией, шахскому правительству Англия выдала 600 тыс. туманов деньгами, 20 тыс. первоклассных ружей, 32 орудия. В Иран было также направлено значительное число инженерных и артиллерийских офицеров⁵⁷. По настоянию Англии в Иран был отправлен визирь для возобновления союза между шахом и султаном, а также выработки плана совместных действий на Кавказе. Ведя подготовку к войне, шахское правительство в 1811 г. устраивало грабительские набеги в Закавказье, старалось во что бы то ни стало организовать антирусское выступление на Северном Кавказе. С этой целью к Ших-Али-хану прибыли эмиссары шаха, которые привезли 4 тыс. червонцев и разные товары. К Сурхай-хану прибыл “турецкий хаджи и чиновник персидский” с письмами и деньгами. В Аварии, Кайтаг, Табасаран, Ахтыпару, Докузпару и другие места Дагестана прибыли также эмиссары с фирманами шаха, в которых он призывал горцев подняться на священную войну, обещая “награды и подарки больше, чем в прежние времена”⁵⁸. Ших-Али-хан снова развернул деятельность, направленную на соз-

дание военного ополчения. Он ездил по аулам Дагестана с требованием, “чтобы из каждых двух домов один человек готов идти был к Ших-Али, а который не послушает, у того дом разорят и имение отнято будет”⁵⁹. Благодаря подкупам и угрозам Ших-Али-хану удалось организовать из горцев сравнительно небольшое ополчение. К нему примкнул и сын Сурхай-хана – Нухбек. Вместе с ним он предпринял попытку овладеть Кубой. Однако успеха в этом Ших-Али-хан не имел, тем более что вскоре в рядах его воинов началось брожение, в результате которого поредело число ополченцев. В 1811 г. против Ших-Али-хана выступил генерал Хатунцев, разгромивший остатки ополченцев. На стороне русских войск принял участие и отряд Аслан-бека Казикумухского. В феврале 1811 г. союзы сельских общин (Ахтыпаринский, Докузпаринский, Алтыпаринский и другие) подтвердили свое подданство русским и приняли присягу на верность России. Кроме того, они обязывались нести повинности властям. В начале 1812 г. жители Кюринского ханства, жаловавшиеся на притеснявшего их Сурхай-хана, просили “покровительства Всероссийской империи”. Тогда же Кюра была присоединена к России, управление ею было поручено Аслан-беку. Кюринское ханство обязывалось вносить в казну 3 тыс. четвертей хлеба. Россия гарантировала за потомками кюринского хана полную власть во внутреннем управлении. Для охраны Аслан-хана планировалось отправить в Кюринскую крепость два батальона русских войск⁶⁰. Вслед за этим о присоединении к России ходатайствовали и представители Казикумуха, жители которого “имели между собой совещание” и “обещались быть верными русской службе”. 17 июля Сурхай-хан казикумухский вновь дал присягу на верность России. Однако жители ханства, не веря его обещаниям, “собрались и имели между собою совещание, на котором было решено утвердить ханом в Кумухе Муртузали, в том соображении, что они будут неизменны в службе русской державе, и разногласие исчезнет”⁶¹.

В июле 1812 г. к русскому генералу Хатунцеву прибыла депутация “акушинского и всего даргинского народа”, которая поставила вопрос о присоединении к России. Члены депутации “от имени всего народа равномерно učinили присягу на верность е.и.в. и почтеннейшие из них утвердили оную своими печатями”⁶².

Присоединением Казикумуха и Акуша-Дарго в 1812 г. по существу завершилось объединение Дагестана и России.

В 1809–1810 гг. Россия довольно успешно вела войну с османами. На Кавказском театре военных действий ей удалось овладеть крепостями Потти, Сухум-Кале и т.д., на Балканском – Силистрией, Туртукаем и Базарджиком. Однако к исходу 1811 г. вокруг России серьезно изменилась международная обстановка. Главным фактором для российской внешней политики стала наполеоновская Франция, которая усиленно готовилась к войне с Россией. Большую роль при этом Наполеон отводил Порте, которая как союзница Франции должна была выступить против России. Кроме французского правительства, на войну с Россией османов подталкивала также Австрия. В этих условиях русское правительство стало прилагать усилия к прекращению войны с Османской империей. Однако в результате воздействия французской дипломатии на султана Порты сорвала переговоры с Россией. Главнокомандующему русской армией М.И. Кутузову стало ясно, что Османская

империя пойдет на переговоры лишь под нажимом успешных военных действий. Блестящих успехов достигла русская армия под командованием М.И. Кутузова в битве под Рущуком. 12-часовое сражение кончилось полной победой над четырехкратно превосходящими силами османов. Всю стратегическую обстановку решил смело задуманный М.И. Кутузовым и прекрасно осуществленный план по окружению армии султана в районе Слободзен. Армия Порты вынуждена была капитулировать⁶³.

В Закавказье русские войска в 1809 г. после упорного сражения заняли Поты, в 1810 г. вытеснили османов из Сухум-Кале. Абхазский владетель подписал “просительные пункты” о присоединении к России⁶⁴.

В декабре того же года русские войска вступили в Сунджук-Кале. 8 декабря 1811 г. генерал Котляревский разбил в несколько раз превосходящие силы Порты и занял крепость Ахал-Калаки.

Победы русского оружия вынудили Оттоманскую Порту пойти на переговоры. Под впечатлением военных успехов М.И. Кутузова Александр I дал ему полномочия для ведения переговоров о заключении мира. Однако Османская империя затягивала переговоры, надеясь на скорую войну между Францией и Россией. В связи с этим М.И. Кутузов в январе прервал переговоры, а в феврале 1812 г. начал военные действия. Весть о возобновлении военных действий между Россией и Оттоманской Портой обрадовала Наполеона. Он был уверен, что война затянется до начала его похода на Россию⁶⁵. И все же весной 1812 г. Турция, понесшая новые поражения от русского оружия, вконец ослабленная, запросила мира. В результате в мае 1812 г., за месяц до начала нашествия Наполеона на Россию, в Бухаресте был заключен мир. Бухарестский договор подтвердил условия всех ранее подписанных мирных договоров между Россией и Оттоманской Портой. Согласно этому договору Россия получила Бессарабию. Граница между Россией и Портой установлена по р. Прут. Молдавия и Валахия, получившие автономное устройство, возвращались Порте.

Во время переговоров в Бухаресте главные разногласия были связаны с вопросами о границе на Кавказе. Турецкие дипломаты, под нажимом Англии и Франции, настаивали на том, чтобы вопрос о Кавказе был снят с обсуждения. Турецкая сторона стояла на непризнании присоединенных до 1806 г. к России территорий на Кавказе. Однако благодаря настойчивости М.И. Кутузова и проявленному им дипломатическому искусству Оттоманская империя вынуждена была все же признать за Россией Грузию, Имеретию, Менгрелию и Абхазию как добровольно присоединившиеся к России. Со своей стороны Россия возвращала Порте территории, “оружием завоеванные”, – Анапу, Поты, Ахалкалаки. Другие статьи договора касались торгово-экономических отношений России с Османской империей. Бухарестский договор, заключенный в сложной внешнеполитической обстановке, не только укрепил позиции России на Балканах и Кавказе, но стал также ее дипломатической победой, имевшей чрезвычайно важное значение. Достаточно сказать, что он обеспечил нейтралитет Оттоманской империи в русско-французской войне.

Во время переговоров России с Оттоманской Портой английский посол в Константинополе Канинг добивался, чтобы “в тот же договор включить замирение с персидским правительством”. На это русская дипломатия отве-

тила, “что всегда желает мира”, но “нет нужды, чтобы в двух войнах... было сделано мирное постановление”⁶⁶. Тогда же русское правительство, стремясь как можно быстрее закончить войну с Ираном, предложило мирные условия, согласно которым граница между государствами определялась бы “по местам тех владений, которые ныне находятся под властью России”⁶⁷. Однако шахское правительство, побуждаемое Англией и ободренное восстанием в Кахети, отклонило предложение России.

Нашествие Наполеона на Россию вселило в правящие круги Ирана надежду на победу в Закавказье. Отправив на Кавказ для подрывной антирусской деятельности своих эмиссаров, шах дал приказ начать наступление на Кавказ. В августе войска шаха вторглись в Талышинское и Карабахское ханства. Крупный отряд шахских войск под командованием английского полковника Друвиля занял Ленкорань. Однако народы Кавказа, вопреки ожиданиям шаха и его окружения, не поднялись на борьбу с Россией. За исключением некоторых сепаратистски настроенных феодалов, народные массы Северо-Восточного Кавказа поддерживали Россию и ее войска. Более того, было сформировано конное ополчение азербайджанцев и дагестанцев, которое принимало активное участие против султанской и шахской армии⁶⁸. Количество этих ополченцев в разное время достигало 10–12 тыс. человек. Горцы Северного Кавказа были готовы принять также участие в Отечественной войне 1812 г. Для этого они сформировали даже черкесское ополчение. “Собравшиеся кабардинцы уже совсем были готовы к выступлению в поход. Красивые, стройные, одетые в железные кольчуги, блистая дорогим вооружением, они представляли собою красивое зрелище, и, глядя на них, можно без колебаний сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара и шашки”⁶⁹. Однако черкесское ополчение не было использовано царским правительством в Отечественной войне.

В Закавказье русские войска нанесли войскам Ирана ряд поражений. Победа, одержанная отрядом русских войск под командованием талантливого генерала Котляревского под Асландузом и Ленкораном, подорвала военные силы Ирана. Шах вынужден был начать переговоры о мире. Главнокомандующему на Кавказе Н.Ф. Ртищеву русским правительством были даны полномочия на их ведение и заключение мира. Для ведения переговоров были назначены полномочные представители: со стороны России – генерал-майор Ахвердов, со стороны Ирана – визирь Мирза-Абдул-Касим⁷⁰. Однако русско-иранские переговоры приняли затяжной характер. И в этом в не малой степени была повинна английская дипломатия, которая старалась не допустить установления прочного мира на Кавказе. Так, английский посол в Тегеране Гор-Аузли добивался лишь перемирия на один год, чтобы использовать этот срок для реорганизации шахской армии. За это же время англичане надеялись заключить с Османской Портой мирный союз. Одновременно англичане, по словам генерала Ртищева, “принимают великое участие в примирении” Османской Порты и Ирана. Русские власти самым решительным образом отвергли предложения английского дипломата. Тогда Гор-Аузли выдвинул новое предложение: на Кавказе подписать предварительный мирный договор, а позднее, в Петербурге, с участием посланника шаха заключить окончательный трактат. Ртищев отказался называть договор предварительным, но согласился на то, чтобы одновременно с подписа-

нием договора составить особый “сепаратный акт”, позволяющий просить русского императора “о всех надобностях и желаниях, какие имеет персидское правительство”.

Лишь осенью 1813 г. в местечке Гюлистан был подписан мирный договор между Россией и Ираном. Согласно Гюлистанскому договору Иран признавал присоединенными к России Карабахское, Гянжинское, Шекинское, Ширванское, Талышинское, Кубинское и Бакинское ханства Азербайджана, весь Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мингрелию, Абхазию, все владения и земли, находящиеся между Кавказской линией и новой границей между Ираном и Россией.

Статья 5 Гюлистанского договора предоставляла России исключительное право держать военные суда на Каспийском море⁷¹. В свою очередь, Россия признала Фет-Али шахом Ирана и обещала ему политическую поддержку. В честь заключения этого договора во Владикавказской крепости Гюлистана была сооружена “Арка Победы”⁷².

§ 2. Дагестан и Россия в первой четверти XIX века

Общеизвестно, что исторические связи Дагестана с Россией имеют многовековую историю, истоки которой восходят к временам древнерусского государства раннего средневековья. Первоначальному знакомству, а затем установлению и развитию торгово-экономических и политических связей во многом благоприятствовало выгодное положение Дагестана на перекрестке сухопутного и великого водного пути по Волге и Каспийскому морю. Успешно развивавшиеся с VII столетия связи Дагестана и Древней Руси⁷³, хотя и были нарушены в период монголо-татарского ига, но все же никогда не прерывались⁷⁴. А в период образования русского централизованного государства начался второй, если так можно сказать, этап в истории русско-дагестанских отношений. Многочисленные и разнообразные источники свидетельствуют, что с начала XVI в. мировые державы, Турция и Иран, вели бескомпромиссную борьбу за овладение Кавказом. Правители Дагестана, как и всего Кавказа, исходя из конкретной обстановки и своих интересов, вынуждены были ориентироваться то на одну, то на другую страну.

Чтобы раскрыть социально-политические причины возникновения и распространения освободительного движения горцев Дагестана и Чечни, необходимо представить условия, в которых оно развивалось. Усилиями нескольких поколений кавказоведов опубликовано большое количество архивных документов, созданы монографии по истории социально-экономического развития края. Однако не все аспекты поставленных проблем еще изучены.

Не случайно появляются работы, в которых ставятся под сомнение достигнутые в историографии успехи. Авторы этих трудов считают, что в Нагорном Дагестане и Чечне доминировали родоплеменные отношения, которые лишь в первой половине XIX в. вступили в стадию своего разложения.

Существуют разные мнения о времени и характере присоединения Дагестана и Чечни к России. Речь идет не о простой и не совсем безобидной постановке вопроса, причем отнюдь не терминологического характера.

Важнейшая проблема – время и место возникновения повстанческого движения. Без ее глубокого и всестороннего анализа и объективного осмысления не может быть успешно решена интересующая нас проблема. К сожалению, до сих пор по истории выступлений горцев дебатуются различные суждения и спекулятивные мнения отдельных авторов. Но если резюмировать эти высказывания, то можно выделить две противоборствующие и, пожалуй, взаимоисключающие концепции. Сторонники первой из них считают, что борьба горцев Северо-Восточного Кавказа была направлена против присоединения края к России и что эта борьба кончилась еще в XIX в. Другие несколько сужают хронологические рамки, полагая, что борьба началась со времени выступления в Чечне Шейха Мансура (Ушурмы), т.е. с конца XVIII в. Третьи считают, что движение возникло в самом начале XIX в., со времени присоединения Грузии к России (1801–1802 гг.). Но эти суждения между собой сходны в том, что многолетняя борьба закончилась до того как Северо-Восточный Кавказ стал независимым краем. Иначе говоря, до того времени, когда Чечня и Дагестан были включены в состав России. Этот вывод, однако, не согласуется с фактическим материалом. Приверженцы этой концепции создают о горцах Северо-Восточного Кавказа ложное мнение, представляя их извечными врагами России. Здесь уместно также напомнить, что именно такие представления должны были привести и привели с необычайной легкостью к тому, чтобы очернить движение горцев, представить его участников кучкой националистически настроенных реакционеров, мракобесов, поддерживаемых агрессивными силами ближневосточных и западноевропейских государств.

Вторая концепция прозвучала во время дискуссии, проходившей в 1956–1957 гг. в Махачкале и Москве. Она была подробно обоснована в таких фундаментальных трудах, как “История Дагестана”, “Очерки истории Чечено-Ингушетии” и “История народов Северного Кавказа”. Ее сторонники считают, что движение горцев Дагестана и Чечни возникло и развивалось внутри Российской империи, когда южные границы страны были проведены в Закавказье по р. Аракс, а Дагестан и Чечня стали неотъемлемой частью Российского государства. Чтобы читатель смог бы разобраться в анализируемой нами проблеме, обратимся к документальной базе темы. Прежде всего, вспомним, что русско-дагестанские связи имеют многовековую историю, истоки которой восходят к временам Древней Руси. Более прочными эти отношения стали во второй половине XVI в. Известно, что в 1557 г. в Астрахань прибыли посланники шамхала и тюменского князя “с поминки бити челом, чтобы государь, пожаловав их, и велел быти в своем имени, в холопстве у себя учиня и приказал бы астраханским воеводам беречи их от всех сторон”⁷⁵. С такими же просьбами к царским властям обращался шамхал, аварский нуцал и другие деятели в 1588–1589, 1602–1603, 1614–1632 гг. В этой связи еще известный историк и этнограф Дагестана Д.-Г. Шихалиев писал “о сильном влиянии на равнинную часть Дагестана XVI столетия русских воевод, находившихся в Терском городе”⁷⁶. Согласно имеющимся документам в 1614–1632 гг. в подданство России были приняты

почти все владения Дагестана, за исключением Дербента и его округи⁷⁷. Правители Дагестана присягнули на подданство России и в последующие годы⁷⁸. Не случайно побывавший в Дагестане в середине XVII в. крупный ученый А. Олеарий, имея в виду Равнинный Дагестан, подчеркивает, что татары “подвластны великому князю, который повсюду среди них насадил воевод и правителей”⁷⁹. В период правления Петра I вновь документально было оформлено присоединение Дагестана к России⁸⁰. В результате похода Петра I в Прикаспий по условиям Петербургского договора 1723 г. с Ираном шах признал территорию Северо-Восточного Кавказа за Россией. В силу внутренних причин и международных осложнений Россия в 1735 г. была вынуждена перенести свою юго-восточную границу на р. Терек. К концу XVIII в. обстановка изменилась в пользу России. Большая часть владений Дагестана вновь присягнула на верность и подданство России. Известно также, что феодальные владельцы Дагестана категорически отказались поддержать Шейх-Мансура (Ушурму). Любопытно, что аварский Ума-хан писал генералу Потемкину, что к нему обращался за помощью Ших-Имам Мансур, но при этом “наблюдал, чтобы прямая с вами дружба и расположение мое на услуги е.в. было не наруσιμο”⁸¹. Надо полагать, что и другие владельцы также думали. В 1786 г. тарковский шамхал документально оформил свое подданство России. В это же время к кавказскому командованию обращались аварский, кюраказикумухский, табасаранские и другие владельцы. Тогда же было подтверждено подданство владений Аксаевского, Эндиреевского, Костековского и Андийского союза сельских общин. Были приняты в подданство уцмийство Кайтагское, ханство Дербентское и владения Табасарана. В начале 1803 г. завершились начатые еще Ума-ханом хунзахским переговоры о вступлении в подданство России Аварского ханства. Весной того же года генерал Гуляков покорил силой оружия населенный в основном аварцами Джаро-Белоканский союз сельских общин⁸².

Развязанная шахом русско-персидская война (1804–1813) и султаном русско-турецкая война (1806–1812) задержали интенсивно проходивший процесс присоединения дагестанских владений к России, но не смогли остановить его. Большая часть правителей Дагестана в это время придерживалась прорусской ориентации.

В 1812 г. Турция подписала с Россией мирный договор, согласно которому султан отказался от притязаний на Кавказ. В октябре следующего 1813 г. был подписан между Ираном и Россией Гюлистанский мирный трактат, по условиям которого Персия отказывалась от притязаний на Дагестан, Грузию и Азербайджан. Таким образом, этими договорами было признано присоединение Дагестана к России. Обобщив имеющийся фактический материал, академик А.Л. Нарочницкий подчеркивал, что это чрезвычайно важное в жизни горцев событие не было результатом произвольных и случайных захватнических действий русских царей, а стало объективным, закономерным и весьма прогрессивным процессом⁸³.

Это обобщение академика нашло отражение и в других работах. Позже, в 1990 г., эту же мысль повторил Р.И. Магомедов. По его мнению, вхождение большинства (если не всех) кавказских народов в состав России следует рассматривать не как единовременный акт или серию актов, а как процесс, причем довольно длительный (не менее двух с половиной веков). “Более

верно считать Гюлистанский договор логическим завершением объективных процессов XVI–XVIII вв.”, – писал он⁸⁴. Обращают на себя внимание и обобщения академика Б.А. Рыбакова. По его словам, “произошло беспрецедентное в мировой истории добровольное вхождение в Российскую империю целого ряда народов”⁸⁵. Однако не все кавказоведы и особенно авторы научно-популярных изданий придерживаются таких взглядов. Несколько особняком в отечественной историографии стоит вывод М.М. Блиева и В.В. Дегоева, что история Кавказской войны – самостоятельная проблема, связанная с жизнью народов Дагестана и Чечни и имеющая лишь косвенное отношение к политике России на Кавказе.

Характерная черта российской политики на Кавказе – поддержка про-русски настроенных феодалов и ограничение в правах тех владетелей, которые стремились к суверенитету и в силу этого вынуждены были искать поддержку ближневосточных государств. Понятно, что ничего оригинального в этой политике не было. Однако в это время в политике России появились и новые симптомы. Как бы исподволь Россия подчиняла присоединенные территории своим ставленникам. Так, в Дербенте сохранили управление наиба, но его подчинили коменданту города. Одновременно был учрежден суд, состоящий из двух беков и двух горожан, муллы и армянина. Его председателем стал также комендант. В 1812 г. Союзы Самурских сельских общин были поставлены под контроль кубинского коменданта. Несмотря на усиление административных методов управления, русско-дагестанские связи крепили.

На основе все более и более укрепляющихся экономических отношений возникло куначество – этот своеобразный обычай кавказского побратимства. Сильно развитый среди горцев обычай куначества связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Горец считал своим долгом оказать при надобности моральную и материальную помощь своему соседу, русскому кунаку. Точно так же относились к горцам русские, которые не только охотно поддерживали обычай куначества, но и “гордились своей дружбой, передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению”⁸⁶. Терско-гребенские казаки переняли у горцев одежду, снаряжение, вооружение и прочее. В свою очередь, русские переселенцы оказали благотворное влияние на культуру горских народов.

¹ Донесения русского посла Кочубея // Архив князя Воронцова. Т. XIV. С. 69. Т. XVIII. С. 125.

² Там же. Т. XVIII. С. 127.

³ *Ключевский В.О.* Соч. М., 1958. Т. V. С. 194.

⁴ *Шеварнадзе Э.* Интернационалистское воспитание масс // Коммунист. 1977, № 13 С. 45–46.

⁵ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Персией, 1728–1803 гг.

⁶ *Алкадари Г.* Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 112.

⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1729–1803 гг. Д. 4. Л. 250–260; *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 175.

⁸ АКАК. Т. II. С. 1009–1011.

⁹ Там же. С. 766; ЦГИА Республики Грузии. Ф. 29. Д. 17. Л. 1–2.

¹⁰ *Маркс К.* Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947. С. 105.

- 11 *Иоанисян А.Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Криван, 1958. С. 52.
- 12 *Киняпина Л.С.* Внешняя политика России в первой половине XIX в. М., 1963. С. 41.
- 13 Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 48–54.
- 14 *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. II. С. 529.
- 15 *Фадеев А.Ф.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 97.
- 16 АКАК. Т. I. С. 288.
- 17 Там же. С. 693.
- 18 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 414. Д. 305. Л. 233.
- 19 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 411. Л. 7–15.
- 20 АКАК. Т. II. С. 804–805, 807.
- 21 РГВИА. Ф. Д. 6164. Ч. 59. Л. 9–10.
- 22 АКАК. Т. III. С. 615.
- 23 Там же. С. 116.
- 24 Там же. С. 785–795.
- 25 АВПР. Т. III. С. 677–678.
- 26 *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 9–10.
- 27 *Дубровин Н.* Закавказье от 1803–1806 г. СПб., 1866. С. 404–412.
- 28 ВПР. Т. III. С. 684.
- 29 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 50. Л. 339.
- 30 *Каяев А.* Материалы по истории лакского народа // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1614. Л. 78 (на лакском яз.).
- 31 АКАК. Т. III. С. 477.
- 32 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 50. Л. 342.
- 33 Генерал-лейтенант Г.И. Глазенап “Жизнеописание”. СПб., 1858. С. 17.
- 34 ВПР. Т. III. С. 718.
- 35 ЦГИАРГ. Ф. 16. Д. 370. Л. 1.
- 36 Известие о взятии Дербента Российско-императорским войском, 1806 г. СПб., 1806. С. 27.
- 37 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 56. Л. 25–28.
- 38 *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. С. 189.
- 39 ЦГИАРГ. Ф. 16. Д. 446. Л. 3.
- 40 АВПР. Ф. Канцелярия, 1803. Оп. 468. Д. 2234. Ч. 1. Л. 156.
- 41 Там же. Л. 34, 207, 219, 242 и др.
- 42 ВПР. Т. IV. 1965. С. 558.
- 43 *Сироткин В.Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы Франции славяно-сербского государства в 1806–1807 гг. // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., 1962. Т. XXV. С. 175.
- 44 *Миллер А.Ф.* Мустафа паша Байрактар. М.; Л., 1947. С. 152.
- 45 Ленинский сборник. Т. XXIX. С. 351.
- 46 ВПР. Т. V. С. 676.
- 47 ВПР. Т. IV. С. 661.
- 48 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 59.
- 49 *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 195.
- 50 АКАК. Т. III. С. 373–374.
- 51 ЦГИАРГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.
- 52 АКАК. Т. IV. С. 689.
- 53 РГВИА. Ф. 6164. Ч. 64. Л. 32–33.
- 54 История Кабардино-Балкарской ССР. С. 226.
- 55 *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 195.

- 56 АКАК. Т. IV. С. 626–627.
- 57 Там же. С. 761; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 60–62.
- 58 АКАК. Т. V. С. 162–163.
- 59 *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 220.
- 60 АКАК. Т. V. С. 160–161.
- 61 ЦГИА РГ. Ф. 2. Д. 917. Л. 36–37.
- 62 *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 203.
- 63 *Жилин П.А.* Разгром турецкой армии в 1811 г. М., 1952. С. 38.
- 64 Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXI. № 241228. (Далее: ПСЗ).
- 65 *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 74.
- 66 АКАК. Т. V. С. 650.
- 67 Там же. С. 649.
- 68 Там же. С. 181.
- 69 *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 704.
- 70 ВПР. Т. VI. С. 775.
- 71 АКАК. Т. V. С. 725–726.
- 72 ПСЗ. Т. XXXII. С. 641–645.
- 73 *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. С. 45–61; *Новосельцев А.П.* Русь и государства Кавказа и Азии; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Он же.* Восточные источники о восточных славянах и Руси; *Новосельцев А.П. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; *Сахаров А.А.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 181–191.
- 74 *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Киевская Русь. М., 1953. С. 35.
- 75 Полное собрание российских летописей. СПб., 1909. Т. XIII 1-я половина. С. 288.
- 76 ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1589. Д. № 3. Л. 1–4 КРО. Т. 1. С. 71; Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива С.А. Белокуровым. М., 1889. С. 64, 104, 138, 365–366; Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 31–39.
- 77 Газ. Кавказ синтез № 1848, № 39.
- 78 Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. С. 31–33, 36–39, 47–49, 59–61, 63–67 и др.; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док. / Ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988. С. 3.
- 79 Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 261, 357–358.
- 80 Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992. С. 130.
- 81 Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. С. 225–236 и др.; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.
- 82 *Акадари Г.Э.* Указ. соч. С. 198.
- 83 ЦГИА РГ. Ф. 16. Д. 446. Л. 2.
- 84 АКАК. Т. IV. С. 499, 953; ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6168. Л. 113–114.
- 85 АКАК. Т. IV. С. 626–627.
- 86 *Волконский Н.А.* Указ. соч. Т. 10. С. 18.

Глава вторая*

Дагестан в первой трети XIX века

§ 1. Внутреннее положение Дагестана

В конце XVIII – начале XIX в. Дагестан, как указывалось выше, был включен в состав централизованного Российского многонационального государства. Это событие огромной исторической важности в жизни народов Дагестана. Известно, что первоначально русское правительство, ограничив внешнеполитические функции владетелей Дагестана, не вмешивалось во внутренние дела ханств. Однако в рассматриваемый период самодержавие предприняло ряд мер, направленных на некоторые ограничения внутриполитической власти феодальных владетелей края. В 1793 г. в районы проживания ногайцев, в том числе и в Дагестан, были назначены частные приставы из русских офицеров, в обязанности которых входило надзирать за жизнью своих подчиненных. Примерно в то же время приставы были направлены служить в три владения Засулакской Кумыкии, которые теперь официально стали называть участками. В самом начале XIX в. этот институт появился и в Тарковском шамхальстве¹.

В 1806 г., после изгнания Ших-Али-хана, о котором речь шла выше, Уллуский магал бывшего ханства был передан в управление тарковского шамхала. “Небезызвестно вам, – говорилось в грамоте императора шамхалу, – каким образом Шейх-Али-хан Дербентский через неприличное свое поведение, лишаясь народной к нему доверенности и должного к сану его уважения, скрылся из Дербента, нарушив верность данной нам присяги. Мы, руководствуясь всегдашними попечением в пользу жителей верноподданных, признал за нужное как самих, так и оный город принять в наше управление, а вас в вознаграждение за усердия к службе и верности императорскому престолу нашему пожаловать в достоинство хана дербентского... За сим поручая вам же управлять жителями того владения с кротостью и правосудием”.

Как уже отмечалось, в Дербенте было организовано комендантское управление. Со временем, после окончательного укрепления в Дербенте, царская администрация создала органы местной власти, наделенные более широкими полномочиями. В феврале 1812 г. были созданы Дербентская и Кубинская провинции, во главе которых были поставлены военно-окружные начальники, в руках которых находилась местная высшая административная власть. Судопроизводство осуществлялось дербентским судом-диваном, который состоял из представителей местной знати, в состав суда входил и комендант Дербентской крепости, главное же руководство судом осуществлял военно-окружной начальник.

В том же 1806 г., как отмечалось выше, был сделан сильный нажим на единомышленников Ших-Али-хана, в том числе Сурхай-хана казикумухского,

* Библиографический аппарат дан в авторской редакции.

который никак не соглашался вносить повинность, определенную кавказским командованием. Его обязали вносить повинности при первом требовании командования, несмотря на то, что хан имел “очень малые доходы, едва достающие на содержание самого и большой его семьи”². Однако следует подчеркнуть, что кавказское командование в целом всячески поддерживало феодальных владетелей Дагестана. Оно прибегало к силе только в том случае, если правители начинали проводить политику, враждебную России. Во всех остальных случаях самодержавие, создавая себе социальную опору, оказывало феодальным владетелям всяческую помощь, поддержку и покровительство. Об этом красноречиво говорит хотя бы следующий факт. Магди-шамхал тарковский был пожалован в чин генерал-лейтенанта с жалованьем 6 тыс. руб. Аварский Султан-Ахмед-хан, лишенный власти князем Цициановым за сочувствие к джаро-белоканским горцам во время покорения их генералом Гуляковым³, в 1807 г. был возведен в генерал-майоры с жалованьем 2 тыс. руб. Чин генерал-майора с таким же жалованьем присвоили уцмию Кайтага Алихану, табасаранскому Магомед-кадию – чин полковника с жалованием 1500 руб., карчагскому Мустафе-беку и Максум-беку, Махмуд-беку, Мустафе-беку – “каждому чин полковника” с жалованьем “по чину”⁴. Однако некоторые феодальные правители и прежде всего казикумухский Сурхай-хан, хотя и дал присягу на верность России, но не стремился сблизиться с кавказским командованием, а изгнанный из Дербентского владения Ших-Али-хан занимал открыто враждебную политику к России. Последний наладил связи с Ираном и, как отмечалось выше, неоднократно пытался поднять горцев на антирусскую борьбу. Оценивая действия этих владетелей, тарковский шамхал в письме к кубинскому коменданту писал: “Неприятели наши непременно выступают ... нет у нас защиты кроме войск е.и.в.”. В связи с этим он просил “от угрожаемой неприятелем опасности прислать на защиту войска, если за нужное сочтете, не дать намеревающемуся нашему неприятелю ходу, то старайтесь Сурхай-хана с нынешнего местопребывания его Куры согнать и когда сие учинится, то мы в крепкой надежде будем, что неприятель от покушений своих воздержится, ибо Сурхай-хан живет в Кумухе, призывает к себе акушинских и даргинских старшин... уговаривая чтобы собирали войско и он им сделает награду, даст лошадей, пшеницу и все то, что только им надобно”. Сам же Сурхай-хан отрицал антирусскую направленность его политики. Тем не менее против него были направлены войска под командованием генерала Н.М. Хатунцева. Вступившие в Кюру в декабре 1811 г. царские войска около селения Шихикент и Татар-хан разбили Сурхай-хана, заняв Курах. Отделив от Казикумухского ханства территорию Курахского, Кошанского, Агульского и Ричинского обществ, образовали Кюринское ханство. Правителем его, “яко законного наследника сего владения”, утвердили преданного России племянника Сурхая – Аслан-хана⁵. А для защиты нового ханства от возможных поползновений Сурхай-хана в селении Курах расположили гарнизон царских войск, состоящий из двух батальонов пехоты и сотни казаков под командованием майора Рябинина. Аслан-хану было доверено “право разбирать все дела, касающиеся внутреннего управления, и производить суд и расправу по его рассмотрению”. Для привлечения на свою сторону феодальных верхов российские власти пытались создать воинские подразделения горцев из числа тех кто принадлежал к дворянству⁶.

Поддержка феодальных правителей и их окружения стала официальной политикой всех без исключения главнокомандующих кавказской администрации.

В 1816 г. А.П. Ермолов был назначен командующим отдельным грузинским (с 1820 г. – кавказским) корпусом и управляющим гражданскими частями в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. В его руках оказалась сосредоточена неограниченная власть над огромной территорией с разноязычным населением. И не случайно поэтому его именовали “Проконсул Кавказа”. Ознакомившись с делами на Северо-Восточном Кавказе, генерал Ермолов писал: “Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования обществ. Вот образец всего нелепого злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество”⁷.

Но вскоре А.П. Ермолов, назначенный чрезвычайным послом в Иран, выехал с дипломатической миссией в Тегеран. Инструкция предписывала ему обратить особое внимание “к охранению общей безопасности”, попытаться установить границы между государствами по Араксу. В общем же стараться, чтобы с Персией утвердились дружеские отношения. Не останавливаясь на характере Ермолова, который оценивается учеными по-разному, укажем, что еще до отъезда он говорил: “Когда возвращусь из Персии, в виду перемен в образах правления... Я сделаю опыт, который без сомнения и правительству понравится”⁸. И действительно, вернувшись на Кавказ, он взялся претворять свои планы в жизнь. Личность генерала была во многом противоречива, что до сих пор дает повод различным, а нередко взаимоисключающим оценкам. С одной стороны, герой Отечественной войны, человек с независимым нравом и острым языком, хотя и близкий к декабристам, но “человек власти и порядка”⁹. Однако исследователи, за некоторым исключением¹⁰, представляют его как “грозу горцев”. В историческую память горцев “проконсул” вошел как очень жестокий сатрап самодержавия, именем которого пугали детей, говоря “Ермолу идет”¹¹.

Период управления Ермолова дворянско-буржуазные историки характеризовали “началом систематической войны против горцев”¹². Сам “проконсул” Кавказа знал, что горцы за его жестокие расправы очень недолго любили его и вовсе не стыдился этого. “Надобно признаться, – писал Ермолов, – что меня здесь очень не любят, но и то правда, что правительство ничего не теряет, ибо сколько же и боятся”¹³.

В отличие от своих предшественников, Ермолов разработал стройную систему, направленную на безусловное подчинение горцев насаждаемым им жестоким порядкам¹⁴. Его политика в отношении феодальных правителей была достаточно жесткой. Главнокомандующий утверждал, что нужно “повелевать властью, а не просьбами”¹⁵. Хорошо понимая, что сразу не удастся устранить неугодных ему феодальных владетелей от власти и вовсе ликвидировать существующие в Дагестане ханства, Ермолов выработал план действия постоянного и неуклонного наступления в горы с тем, чтобы привести в беспрекословное подчинение свободолюбивых горцев самодержавию, наладив здесь царскую администрацию. С этой целью на Северо-Восточном Кавказе приступили к интенсивной вырубке леса (описанной Л.Н. Толстым), устройству просек, строительству укреплений. В 1817 г. левый

фланг кавказской укрепленной линии перенесен с Терека на р. Сунжа и продолжен через Дагестан до шамхальства Тарковского. Были заложены крепости “Преградный стан”, “Неотступный стан”, “Злобный окоп”, “Грозный”, “Бурная”, “Внезапная” и др., названия которых говорят сами за себя. Но без гордости и хвастовства А.П. Ермолов заявлял, что для возведения укрепленной линии не потребовалось никаких средств из казны. К строительству привлекли 2 тыс. кумыков и чеченцев с топорами, которые вырубili “в продолжении 6 дней 5 верст дремучего леса и теперь дорога пролегает по Сунже”. Такая политика, как и следовало ожидать, не нашла поддержку среди горских народов Кавказа. Однако неумолимый “проконсул” решил действовать силой. Устроив на протяжении короткого периода времени погром в Чечне, он активно взялся за Дагестан. Изменился язык, на котором царские сатрапы разговаривали с горцами. Название “мошенник” в это время сделалось официальным титулом горцев в переписке Ермолова¹⁶. Узнав о сочувственном отношении аварского Ахмед-хана к пострадавшим от погрома чеченцам, он пригрозил ему наказанием. Кроме того, генерал прекратил выплачивать хану жалованье, установленное правительством, за то, что не было исполнено обещание его супруги – изгнать из своего владения врага России беглого дербентского правителя Ших-Али-хана.

В 1818 г. генерал Ермолов, основываясь на донесениях шамхала Тарковского, снарядил карательную экспедицию против его недругов, которая без особого труда “усмирила” жителей Карабудахкента и предотвратила готовящееся группировкой владетелей Дагестана нападение на шамхала. В ноябре того же года царские войска выступили против Султан-Ахмед-хана аварского и его брата Гасан-хана мехтулинского. Они дважды попытались оказать сопротивление царским войскам, но оба раза потерпели поражение. Понеся большие потери, они вынуждены были отступить. “Аварский хан и брат его, и прочие бунтовщики, – писал Ермолов, – спаслись бегством в горы”¹⁷. Жители Мехтулинского владения были жестоко наказаны. По мнению А.П. Ермолова, все это нужно в “наставление прочим народам, на коих примерах ужаса удобно наладить обуздание”¹⁸. В качестве вознаграждения шамхалу было отдано “несколько прекрасных” мехтулинских селений. Остальная же часть Мехтулинского ханства объявлена округом, правителем которого был назначен пристав из русских офицеров. Вскоре, однако, часть селений округа, “недовольные действиями нового начальства, вышли из повиновения, и когда поставленный над нами пристав принудил их к высылке, рабочих и подвод, то жители имели дерзнуть нанести ему побои и что такому поступку возбуждены неблагонамеренными людьми, обнадеживающими их пособиями”. После мехтулинского разгрома Ермолов приказал генералу Пестелю возбудить “против уцмия его подданных, к чему, конечно, могут быть склонны, терпя от него большие утеснения”, а затем двинуть на него войска. Генерал точно выполнил приказ главнокомандующего. Выбрав удачный момент, он во главе большого отряда вторгся в уцмийство, разбил его владетеля Адил-хана при Янгикенте и Башлах и предал резиденцию уцмия огню, “дабы народы Дагестана видели, насколько бесплодны были усилия власти оного”. И тем не менее генерал, выразив удовлетворение действиями Пестеля, приказал на возвратном пути из Башлов “наказать прочие близ дороги лежащие селения, участвовавшие в возмущении”¹⁹. Ужас, наве-

денный в ущийстве, возымел самые серьезные последствия даже в Верхнем Кайтаге.

Тогда же было ликвидировано ущийское правление и само звание ущмия, а Кайтаг, состоящий из десяти магалов, был подчинен дербентскому управлению.

В 1819 г. А.П. Ермолов лично возглавил поход в Акуша-Дарго. Не встречая сопротивления, он добрался до селения Акуша. Если верить официальной версии, изложенной в донесениях самого Ермолова, представляется, что здесь произошла грандиозная битва, в ходе которой, сломив упорное сопротивление, царские войска заняли Акуша. На самом деле все это в значительной мере преувеличено. Убедиться в этом не так уж трудно, следует лишь обратиться к доверительным письмам самого генерала: “Батальоны стрелков, казаки линейные и милиция, набранная во владениях Кавказа, наступали по всему фронту. При этом оказывается со стороны войск потеря была невероятной: погибло всего 4 человека и ранено офицеров 6 человек и рядовых 20 человек. Из всего, – подчеркивает он, – судить можно сколько мало было сопротивления”.

А.П. Ермолов, взяв селение, отстранил акушинского кадия Магомеда и на его место назначил Зухум-кади, который обязался сохранить прежний образ правления, но о нуждах даргинского народа обращаться к главнокомандующему в крае²⁰. В августе 1819 г. Султан Ахмед-хан во главе шеститысячного отряда выступил против крепости Внезапной. Но у селения Бавтугай на левом берегу Сулака он был разбит царскими войсками и бежал в горы. Тогда же генерал принял решение отстранить от управления Аварским ханством Султан Ахмед-хана. Был найден претендент на ханский престол. Это был чанка Сурхай, которому, говоря словами официального документа, “по всем правилам и даже по мусульманскому закону принадлежит управление ханством Аварским, коего он лишен коварством жены прежнего хана находящейся за изменником”. В конце 1819 г. генерал Ермолов просил императора России назначить Сурхай-хана правителем Аварии²¹. А чтобы новому правителю легче было привлечь к себе подданных, главнокомандующий разрешил жителям Аварского владения свободную торговлю в Дагестане и за его пределами только по разрешению Сурхая и при наличии выданного им билета. Теперь пришел черед казикумухского Сурхай-хана. Осенью того же года, находясь в Эндирее, Ермолов узнал об инциденте между Сурхай-ханом и военным постом, находящимся вблизи села Чираг, и предписал начальникам воинских соединений не допускать свободный проезд в Дербентскую, Кубинскую, Нухинскую и другие провинции Закавказья, арестовать находящегося в аманатах сына Сурхая Джафара-агу. В самом начале 1820 г. “проконсул” оповестил жителей об отстранении от управления ханством Сурхая и о назначении правителем Казикумухского владения полковника Аслан-хана Кюринского. Объявлено было также о решении кавказских властей не допускать жителей Кази-Кумуха, если не будет паспорта за печатью Аслан-хана²². Одновременно с целью наказать и отстранить от управления ханством Сурхая направили большой и хорошо экипированный отряд генерал-майора Мадатова. Сурхай-хан не намерен был сдаться. Под селением Хосрек произошла кровопролитная битва. Несмотря на отчаянное сопротивление, горцы все же были разбиты. По официальным данным, в

этой битве они потеряли 1200 человек убитыми и ранеными, 603 человека были взяты в плен. Победителям достались 11 знамен и весь лагерь²³. Сурхай-хан решил еще раз сразиться на подступах к своей резиденции Кумуха, но его не поддержали жители селения и он вынужден был бежать в Андалал. В Кумухе царским войскам достались “9 пушек и 3 мортиры, оставленные еще Надир-шахом после своего поспешного отступления”. Ханом казикумухским был объявлен Аслан-хан. Прожив несколько месяцев в Андалале, Сурхай-хан тайно перешел границу и ушел в Иран. Также захотел поступить и Ших-Али-хан, “но не могли пройти в Персию”, вновь скрылся в горах Дагестана²⁴. Затем А.П. Ермолов взялся за владетеля Табасарана. “Абдулла-бек Ерсинский, – писал он генералу Мадатову, – величайший из мошенников и поэтому его как вредного возмутителя надобно стараться истребить”²⁵. Однако отстранить неугодного правительству феодального владетеля от власти оказалось более легкой задачей, чем организовать надежное управление в ханстве. Изгнание одних и назначение более покладистых и процаристски настроенных лиц не всегда давали ожидаемые результаты. Сколько бы командование не старалось утвердить полномочным владетелем Сурхай-хана, правящие круги не признавали его ханом, а оставались верными “жене и семье изменника” Султан-Ахмед-хана. Поэтому после отъезда Ермолова с Кавказа, кавказское командование вынуждено было разделить Аварское ханство на две части: ханом первой из них был оставлен Сурхай-хан, а второй, значительно большей по размерам, утвержден сын изгнанного владетеля – Нуцал-хан. В клятвенном обещании, данном в крепости Грозной, он обязался быть верноподданным, служить и во всем повиноваться российскому императору. Аналогичные обязательства дал и Сурхай-хан.

В январе 1829 г. по представлению главнокомандующего на Кавказе И.Ф. Паскевича Николай I утвердил ханами Аварии Сурхай-хана и Султан Нуцал-хана. Каждый из них был одарен знаменем с “императорским гербом и золотым убором, и золотой саблей, осыпанной цветными камнями с надписью. Для ханши Гихили, парчей на три полных пары платья и соболий мех в 2 т. руб. Для ханши Паху, ее падчерицы то же. Для малолетнего брата Нусал-ханова наилучшие золотые часы с цепочкой и пару пистолетов отличной отделки”²⁶.

Изменения во второй половине XVIII – начале XIX в. заметно усилила начавшаяся еще в предыдущие эпохи казачья и крестьянская колонизация Северного Кавказа. Принято считать, что с 70-х годов XVIII в. начался второй период заселения Терека²⁷. Существовавшие в низовьях р. Терек старинные казачьи городки (Червленая, Шадрин, Гладков, Новогладков и др.) к концу XVIII в. численно увеличились и значительно благоустроивались. Нуждаясь в мощных вооруженных силах на южных границах государства, самодержавие стало уделять особое внимание увеличению казачьих войск в крае. Решение же этой кардинальной для царизма задачи было связано с военно-государственной колонизацией Терека. Успешное выполнение этой программы всецело зависело от обеспечения необходимым количеством продовольствия, а это диктовало необходимость переселения в край крестьян-землепашцев. Однако правительство, во избежание массовых самовольных побегов помещичьих крестьян из центральных губерний России на Се-

веро-Восточный Кавказ, взяло этот процесс под свой контроль и стало поощрять переселение помещиков вместе с крестьянами. И тем не менее власти оказались не в состоянии решить эту проблему, поток вольных крестьянских переселений на Северный Кавказ продолжался²⁸.

Для укрепления южных границ России, как отмечалось выше, в период царствования Екатерины II была создана Моздокская линия, на которой были построены крепости и укрепленные селения с промежуточными редутами, расположенными на расстоянии 25–50 км. Между ними, с интервалом 3–5 км, находились наблюдательные посты²⁹. Во второй половине XVIII в. с переводам Волжского казачьего полка часть моздокских казачьих станиц перевели на Терек. В конце XVIII – начале XIX в. на Северный Кавказ начали ссылать провинившихся солдат Преображенского, Семеновского, Бутырского и Московского полков³⁰.

Во второй половине XVIII в. по левому берегу Терека на протяжении 80 верст были поселены 517 семей волжских казаков. Они основали четыре новые станицы: Галюгаевскую, Мерскую, Мекенскую и Калиновскую. Все они составляли особую казачью часть – Моздокский полк. Позже для усиления полка сюда были переведены еще 250 казаков, которых поселили по 50 человек во всех вышеуказанных станицах³¹.

В 20-е годы XIX в. А.П. Ермолов решил образовать новую линию между Моздоком и станицами Волжского полка, названного Горским казачьим полком. После создания этого полка Кардонная линия была выдвинута в глубь Кавказа к предгорным районам на р. Сунжа. Это означало, что самодержавие отрезало горцев Северо-Восточного Кавказа “от удобных для хлебопашества равнинных земель и степных пастбищ, которыми они пользовались в зимнее время”³². В то же время начался перевод на передний край ряда станиц. Только за 1825–1827 гг. было переселено 11, к 1830 г. их количество достигло 15 станиц. Неуклонному росту населения края в той или иной степени способствовало и то, что здесь стали поселяться отбывшие свой срок военной службы солдаты. А для того, чтобы они поселились в крае навсегда, по повелению императрицы на линию переселялись из центра “девки невенчаные” и для обзаведения хозяйством из казны выдавались им определенные денежные средства, а также лошади, волы, коровы, оружие и другие предметы первой необходимости. С самого начала XIX в. сюда же стали переселять провинившихся солдат из Харьковской, Московской и других губерний. На Северном Кавказе, в том числе в низовьях Терека, значительно увеличилось количество переселенных сюда государственных крестьян. Большая часть из них селилась в казачьих станицах и вступала в служивое сословие, другие жили в станицах, но не входили в казачий круг, попадая в разряд так называемых иногородних. Здесь же существовали и чисто крестьянские селения³³. В то же время произошло некоторое изменение в положении переселившихся на Северный Кавказ крестьян. Расположенные на Кардонной линии селения, в том числе и вновь образовавшиеся, были перечислены в разряд казачьих станиц. Так, селение государственных крестьян Сосаплинское преобразовалось в казачью станицу Александроневскую с прикреплением ее к Кизлярскому полку³⁴. Небезынтересно отметить, что в казачье сословие вступали и горцы, переселившиеся в низовья Терека, причем это были не только беглые одиночки, но и целые семьи. Из-

вестно, что в станице Червленая проживали казаки Гунаевы, являющиеся потомками чеченского рода Гуной³⁵.

В первой трети XIX в. царское правительство внесло изменения и в управление казачьих станиц, направленные на дальнейшее ограничение казачьего самоуправления.

В 1819 г. А.П. Ермолов отменил в Гребенском казачьем войске должности войскового и станичного атамана. Для управления и командования войском стали назначаться офицеры из регулярных войск со званием “командира войска”. Станичных атаманов заменили станичные начальники, назначавшиеся из казачьих офицеров. После этого вся власть оказалась сосредоточенной в руках командира войска, назначаемого кавказским командованием³⁶. Ему же, по существу, подчинялся станичный сход и совет выборных почетных стариков. На общих станичных сходах могли присутствовать все жители, но право голоса имели только офицеры и почетные граждане. В случае если станичный сход затруднялся в решении вопроса, тогда его передавали на рассмотрение совета стариков. Все это свидетельствует о том, что в изучаемое время казачество низовьев Терека лишалось внутреннего самоуправления. В 30-е годы XIX в. Терско-Гребенское казачье войско было переименовано в Гребенской, Терский, Кизлярский казачьи полки.

Известно, что первоначально казачьи станицы и станицы горских семейных казаков располагались на самом берегу Терека. Но в связи с частыми наводнениями и пожарами эти поселения постоянно переносились с места на место. В 1812–1821 гг. станицы Курдюковская, Старогладковская, Бороздиновская, Червленая, Новогладковская и Щедринская были перемещены на две–три и более верст, на места, где они находятся и поныне. В 30-е годы численность населения казачьих станиц низовьев Терека составляла 10020 душ обоого пола³⁷.

Колонизация Северо-Восточного Кавказа русским населением стала проходить достаточно интенсивно, когда здесь возникли дворянские имения и для работы на них стали переселять помещичьих крестьян, которые жили в так называемых специальных крестьянских селениях. Таковыми были в низовьях Терека хозяйства Всевожских, Хастатовых, Тарумовых, Арешевых, Серебряковых, Аглицких и др.

В 1822 г. Кавказская губерния, образованная в 1802 г., получила статус области. Низовья Терека с г. Кизляр составили уезд (округ) этой области. Кизлярский уезд объединял территорию по левому берегу Терека от станицы Червленая до границы Астраханской губернии, по Кумскому прорану и Каспийскому морю на Востоке, от границ с Каронагаем (Ногайская степь) на севере до Кумыкской равнины на юге. В 1793 г. в этом уезде числилось крепостных крестьян и дворовых 657 человек мужского пола, 8 помещичьих имений и 15 крестьянских сел: два из них казенных – Александровская и Карабаглы, два смешанных, или партикулярных, – Шелководское и Парубочево и 11 помещичьих. Всего в уезде проживало 26 тыс. человек³⁸. В конце первой трети XIX в. население уезда увеличилось. И все же для обработки помещичьих хозяйств рабочих рук не хватало. Именно поэтому помещики и богатые жители уезда оказывались вынужденными нанимать работников из соседних горских народов, которые ежегодно приезжали туда для обработки виноградников. При этом количество отходников с каждым годом

возрастало. По неполным данным, только в 1839 г. в Кизлярский уезд прибыло 7514 человек: из Аксаевского владения – 1478 человек, Эндиреевского – 2242, Казикумухского – 1572, Дженгутаевской деревни – 345 человек³⁹. По данным начальника Кавказской области, в 1841 г. численность прибывших в уезд “с весны до осени простирается от 10 до 22, иногда и более тысяч человек”⁴⁰. “В осеннее время, – пишет очевидец, – когда бывает резка винограда, весною при торкалах и летом при зимней подвязке, вся площадь между городом и крепостью усеяна толпами горцев, которые из своих аулов приходят в Кизляр на работы”⁴¹.

Кизляр, один из старейших и самых крупных городов Северного Кавказа, в исследуемый период был главным экономическим и культурным центром края. По свидетельству современников, Кизляр состоял из города, крепости, солдатской слободы и полевого строения, называемого Кирды-аул. Город был разделен на армянскую слободу (Арментир), грузинскую (Курце-аул), а также станицу терских казаков-новокрещенцев (Кристи-аул) и татарский квартал, населенный персиянами (Тезик-аул), ногайцами и кумыками (Окочир), казанскими татарами (Казанте-аул). Город окружал земляной вал с глубоким рвом. «Примечательно, что земляные валы крепости возвышаются уединенно на широкой равнине, между солдатской слободой и городом. Кроме казарм и других военных объектов, в нем находились окружное казначейство, острог, провиантский и соляной магазины. Солдатская слобода расположена на значительном расстоянии от крепости. Здесь же имеется почтовая контора со станцией. “Кирди-юлер” широким кустарником был отделен от города». С начала XIX в. в городе стали появляться красивые, добротные общественные и частные здания. Было построено пять православных церквей, Собор в крепости, Крестовоздвиженский мужской монастырь, грузинская, армянская церкви. В городе действовало также пять мусульманских мечетей, при которых имелись школы. Хотя в городе не было ни одного каменного здания, деревянные дома очень часто возводили на каменном фундаменте. Своими размерами и строгостью выделяются дома Арешевых со львами на воротах, Калустова, Калантарова, Серебрякова, Баяндурова, Ходжаева, Буржалова, Авакова и др. Эти дома “не устыдились бы стать на ряду с хорошими домами городов губернских. Что же касается основной массы жителей, их жилье было построено либо из саманного кирпича, либо из плетня, обмазанного глиной. Центральная улица начинается от крепостной площади, идет прямой линией до каменной армянской церкви и оттуда поворачивает направо, и тянется до татарского базара. Чистота на улицах совершенно азиатская”⁴².

Правда, в 30-е годы кое-где в Кизляре начали прокладывать деревянные тротуары для пешеходов и устанавливать осветительные фонари⁴³. В городе было множество лавок, где продавались различные товары, и духанов, в которых можно было приобрести вино, табак, спички, хлеб, кислое молоко и др. За городом также имелись лавки, функционировали балаганы для ярмарки, которая собиралась ежегодно 12 октября. Кроме того, в городе работали два базара: армянский и татарский. Упомянутый нами современник писал: “Здесь между толпами, сидящими, стоящими можно видеть осетина, продающего сыр и бурки, черкеса с зелеными сотами диких пчел, лезгина с медной посудой, киста и чеченца с ружьями и шашками, караногайца с овца-

ми и козами, калмыкскими тулупами, мерлушками, терского казака с оружием и рыбой, костековского кумыка с таркалами и дровами, аксаевского с кожей и овечьей шерстью. Армянин и грузин предлагают овощи, фрукты, а далее казачки Дубовской, Червленной, Наурской и других терских станиц продают с арб арбузы, дыни, огурцы, свеклу, капусту и прочее. Солдат продает своей работы сапоги, солдатка – бублики. По сторонам базара – духаны, в которых в одних продают вино, в других водку (русское араки), в третьих – деготь, в иных куют оружие, жарят шашлыки, шьют чувяки, уздечки и прочее”⁴⁴.

В 30-е годы XIX в. Кизляр, по признанию современника, превосходил прочие города Кавказской области обширностью своей торговли, которую он ведет с губерниями: Астраханской, Нижегородской, Екатеринославской, Харьковской, Курской, с обеими столицами, с горскими и закавказскими народами⁴⁵. Здесь горцы Дагестана приобретали самые необходимые товары фабрично-заводской промышленности, привезенные из российских губерний. Обо всем этом довольно подробно сказано в предыдущих главах. Подчеркнем, что Кизляр играл очень важную роль в экономике края. Его значение определялось уже тем, что со времени своего возникновения он оставался единственным городом на Северо-Восточном Кавказе. Кизляр был связывающим звеном для Дагестана, Азербайджана и даже стран Ближнего Востока с центральной Россией.

Кизляр в первой трети XIX в. был не только крупным торговым центром, но и стал главным поставщиком вин, водки, шелка-сырца и других товаров. В 1803 г. в городе насчитывалось более 100 фабрично-заводских предприятий, в том числе два казенных шелковых завода, 11 сафьяновых, два красильных, 50 виноградно-водочных, восемь кожевенных, два шорных, одно мыловаренное производство, златокузнечные, серебряные и слесарные мастерские и др. На предприятиях легкой промышленности имелись 12 фабричных станков по изготовлению шелковых тканей, на которых работали 40 человек. Всего на указанных предприятиях города Кизляра работали 4120 постоянных рабочих. При этом в златокузнечных и серебряных мастерских Кизляра главным образом работали горцы из Дагестана, лакцы, кубачинцы и др.

В первой трети XIX в., даже после того как областным центром стал Ставрополь, Кизляр продолжал играть роль главного политического центра на Северо-Восточном Кавказе. В некоторой степени он выполнял роль и религиозного центра в регионе. По-прежнему распространением христианства занимался Кизлярский Крестовоздвиженский мужской монастырь. Значительна была роль Кизляра в развитии культуры края. Здесь были открыты первые русские школы. Русской и татарской грамоте обучали аманатов из горцев, проживающих в Кизляре⁴⁶. В январе 1811 г. в Кизляре было приходское училище, переименованное впоследствии в уездное⁴⁷. Любопытно, что со временем в школе кроме русского стали преподавать армянский и татарский языки. В Кизляре была открыта также школа кантонистов, в которой обучались дети солдат. Имеются сведения, что в городе работали армянские и грузинские школы. Дети же мусульманского населения обучались в примечетских школах. В середине XIX в. в городе возникли и профессиональные школы: училище виноградарства и виноделия, и училище шел-

ководства. Отметим, что последнее было первым в России. Кизляр оказывал прогрессивное влияние на развитие культуры близких и дальних населенных пунктов. Здесь горцы знакомились с городской жизнью, воспринимали увиденное и обо всем этом по возвращении домой, рассказывали односельчанам.

Как основной город региона Кизляр посещали многие деятели русской культуры и науки. Можно сказать, что этот город в конце XVIII – начале XX в. стал своеобразной базой многочисленных академических и иных экспедиций, отправляющихся в горы Кавказа для изучения природных ресурсов, географического, этнографического описания края. Заметным событием в культурной жизни Кизляра было также посещение города прогрессивными деятелями русской культуры: А.С. Грибоедовым, декабристом А.А. Бестужевым-Марлинским, художником М.М. Ивановым, поэтом М.Ю. Лермонтовым, знаменитым хирургом Н.И. Пироговым. Культурная жизнь города особенно оживилась в конце 30-х годов XIX в., когда на должность кизлярского коменданта был назначен видный поэт и драматург, близкий к декабристам П.А. Катенин.

§ 2. Внешнеполитическая обстановка в 20-х годах XIX века

В 20-е годы XIX в. внешнеполитическая ситуация на Кавказе заметно осложнилась. Не прошло и нескольких месяцев после подписания Бухарестского мира, как английская дипломатия стала раздувать конфликт между Россией и Османской империей. Ободряемое Англией правительство султана стало нарушать условия Бухарестского мира, а в 1814 г. открыто потребовало изменения русско-турецких границ⁴⁸. Эрзерумский Ахмед-Паша “потребовал передачи западной Грузии под власть султана”⁴⁹. Все это заставило Россию направить в 1816 г. в Константинополь специальную миссию во главе с Г.А. Строгановым. Основная цель миссии – не допустить нарушения Портой условий Бухарестского мира. При этом было особенно важным противостоять османам в их претензии на некоторые русские территории, а именно: Грузию, Мингрелию, Кемхал, Кашет, Шербан, Сухум-Кале⁵⁰. Однако переговоры с Портой затянулись. Турецкие власти по-прежнему провоцировали пограничные инциденты: через многочисленных эмиссаров инсценировали феодальные междоусобицы, разжигали национальную и религиозную рознь, создавая тем самым почву для вмешательства во внутренние дела Кавказа. Также сложно и противоречиво развивались отношения между Россией и Ираном. И в этом в значительной степени повинна была английская дипломатия. В 1814 г., как бы в ответ на Гюлистанский договор, Англия подписала с Ираном так называемый окончательный трактат. Этот договор обязывал шаха аннулировать все соглашения, заключенные Ираном с враждебными Англии европейскими государствами. Шах должен был предоставить Англии военную помощь в случае ее войны с Афганистаном, а также оказывать препятствие прохождению войск европейских государств в Индию через “Хорезм, Бухару, Самарканд или по иным путям”.

В свою очередь, Англия обязывалась в случае войны Ирана с какой-либо европейской державой (конечно же, подразумевалась Россия) предоставлять шаху ежегодную субсидию в 200 тыс. туманов (800 тыс. руб. серебром) и оказывать ему военную помощь. Англия обещала также добиться пересмотра условий Гюлистанского договора. Тегеранский договор признавал за Англией право на посредничество при разрешении конфликтов Ирана с Россией. Разумеется, русское правительство никогда не признавало за Англией таких прав. Ясно также, что “окончательный трактат” был направлен против России и народов Кавказа. Правящие круги Англии стремились подчинить Кавказ власти шаха. “Естественной границей между Россией и Персией, – открыто заявлял английский посланник при шахском дворе Гор-Ауз-ли, – должна быть река Терек и Кряж гор Кавказских”⁵¹. Иначе говоря, Англия хотела передать Кавказ во власть шаха, рассчитывая на то, что со временем этот регион, как и сам Иран, окажется в сфере влияния британской буржуазии. Несомненно и то, что “вечный договор”, подогревая настроения правящих кругов, усиливал их агрессивные замыслы в отношении Кавказа. В 1815 г. для предъявления территориальных претензий шах направил в Россию чрезвычайного посла Мирза-Абуль-Хасан-хана. В ноте от 20 января 1816 г., переданной послом, содержались требования о пересмотре Гюлистанского договора и выражалась уверенность, что все провинции, которые по этому договору отошли к России, русское правительство “великодушно возвратит Ирану”. Речь шла о Грузии, Дагестане, а также Карабахском, Гянджинском, Шекинском, Ширванском, Кубинском, Бакинском ханствах Азербайджана. Но убедившись, что эти территориальные притязания Россия не примет, чрезвычайный посол предложил русскому правительству оставить за собой Дагестан и Грузию и уступить Ирану другие земли Закавказья. Получив решительный отпор, Абдул-Хасан-хан стал требовать передачи Ирану Тальшинского, Карабагского и Гянджинского ханств. На это ему ответили: “Может ли русский император, без душевного прискорбия, согласиться на уступку земель и народов, добровольно присоединившихся к Российской империи”⁵². Однако и в последующие годы шахское правительство упорно добивалось от России территориальных уступок в Закавказье.

Правительство Ирана сразу же после подписания мира с Россией в 1813 г. начало подготовку к новой войне. Правящие круги Ирана, считая Гюлистанский договор временной уступкой, выжидали лишь удобного случая, чтобы вновь подчинить своей власти Закавказье. Агрессивные устремления шахского правительства поддерживались и подогревались Англией. Руководствуясь интересами английского капитала, стремившегося проникнуть к обширным рынкам Азии, британская дипломатия считала главной задачей поддерживать напряженную обстановку на Кавказе и подталкивать шаха к борьбе за пересмотр Гюлистанского договора. С этой целью Англия, как указывалось выше, обещала шаху в случае войны с Россией субсидировать Иран деньгами и уладить ирано-турецкий конфликт 1821–1823 гг.⁵³ Кавказское командование и сам А.П. Ермолов неоднократно сообщали о подготовке Ирана к войне и просили увеличить вооруженные силы на Кавказе. Однако царь не прислушался к мнению главнокомандующего на Кавказе и потребовал урегулирования отношений с Ираном⁵⁴. “Ныне, – писал он А.П. Ермолову, – когда дела в Европе, а особливо дела

с Турцией, по важности своей заслуживают внимательнейшего наблюдения, неблагоразумно было бы помышлять о разрыве с персиянами или умножать взаимные неудовольствия”⁵⁵.

В самом начале 1826 г. английская миссия распространила в Иране слух о “междоусобице” в России после восстания декабристов и старалась провоцировать шаха и его окружение, используя благоприятный момент для захвата Кавказа. Наследник шаха Аббас-Мирза-Аллаяр-хан и другие представители партии войны решили, что наступило время когда можно свести с Россией счеты, принудить ее перенести южные границы государства с р. Аракс на Терек или хотя бы заставить Россию уступить Тальшинское и Карабахское ханства. Однако престарелый Фет-Али-хан, более всего интересовавшийся пополнением своих сокровищниц, колебался. Честолюбивый Аббас-Мирза, желая укрепить за собой титул наследника престола и “приобрести военную славу, которая в глазах персов заменяет все достоинства”, и будучи уверенным, что “его артиллерия и регулярные войска непобедимы, потому что обучены английскими офицерами”, уговаривал шаха начать войну⁵⁶. С этой же целью первый министр и зять шаха Аллаяр-хан по подсказке англичан сфабриковал письмо, якобы полученное от кавказских мусульман, которые просят шаха избавить их от “неверных” и обещают подняться на борьбу как только на Кавказе будут войска Ирана. Однако более всего на Фет-Али-шаха оказали воздействие богатые подарки британского посланника Д. Макдональда. Впрочем крупные суммы денег и щедрые подарки получили не только Аббас-Мирза, Аллаяр-хан и руководитель ведомства иностранных дел Абуль-Хасан-хан, но и глава шиитского духовенства Сеид-Мухаммед и многие другие. “Имею честь вас уведомить, – писал Д. Макдональд в начале 20-х годов правлению Ост-Индской компании, – что я сего дня выставил тройной вексель на Ваше имя в пользу его королевского высочества принца Аббас-Мирзы или в его распоряжение на сумму 200 тыс. туманов, или 800 тыс. руб. серебром”⁵⁷.

Весной 1826 г. Англия выплатила шаху субсидию в размере 728 тыс. руб., но при этом предупредила, что в дальнейшем деньги будут выплачиваться только в случае войны Ирана с Россией⁵⁸.

Фет-Али-шах воспрял духом и издал фирман о подготовке к войне. Партия войны, “не переставшая рассылать деньги”, готовила отправку многочисленных эмиссаров для ведения подрывной антирусской деятельности на Кавказе⁵⁹. Обстановка все более и более накалялась. Николай I, считая А.П. Ермолова не способным урегулировать отношения с Ираном, отстранил его фактически от “дипломатической части”, направил в Тегеран князя А.С. Меншикова в качестве чрезвычайного посланника с поручением достигнуть с шахом мира, хотя бы ценой территориальных уступок. Однако эта миссия не имела успеха. В то время когда А.С. Меншиков вел переговоры с Аббас-Мирзой, диван Ирана принял решение начать военные действия, а глава шиитского духовенства муштеид Сеид Мухаммед обнародовал фетву, призывающую горцев начать “священную войну против неверных”. Тогда же, по словам генерала Вельяминова, “для взбунтования против нас лезгин и прочих дагестанских народов прислал (шах. – В.Г.) значительную сумму и разные подарки”⁶⁰. В том же 1826 г. османы только из одной Анапы отправили в горы Северного Кавказа 24 агента⁶¹. На Кавказе в этот период дей-

ствовали и английские эмиссары⁶². Однако попытка поднять горцев на борьбу с Россией провалилась. “Дагестан, – доносил А.П. Ермолов, – не изменил верности своей е.и.в. постоянством в поведении, дал полезный пример другим горским народам”⁶³. Горцы Дагестана, по словам современника, говорили: “...отцы и предки наши испытали персидских шахов как нарушителей договоров; из них самый великий и могущественный – великий Надир-шах с большими средствами вторгся в Дагестан, но никакого не имел успеха и возвратился, не достигнув цели. Следовательно, и от настоящих персиян нечего и что мы всего нами приобретенного не уступим из рук”⁶⁴.

В середине июля 1826 г. шахское правительство, задержав посланника А.С. Меньшикова и посланные им бумаги в Россию, дало приказ войскам, не дожидаясь объявления войны, вторгнуться на Кавказ. Первые военные действия эриванский хан начал нападением на русские пограничные посты в районе современного г. Ленинакана. В ставке главнокомандующего оценили это событие как необдуманную дерзость Сардара-шаха, но когда стало известно, что Аббас-Мирза во главе 40-тысячной армии перешел р. Аракс и осадил крепость Шушу, поняли, что Иран без особых причин развязал войну. Героическая защита Шуши малочисленным гарнизоном (всего 1300 человек при шести орудиях) отвлекала надолго главные силы Ирана. Этим воспользовался А.П. Ермолов и сосредоточил в Тбилиси отряд в 4,3 тыс. человек под командованием князя В.Г. Мадатова, выступившего навстречу наступающим войскам Аббас-Мирзы. Близ Шамхора отряд атаковал 18-тысячный авангард противника. Успех сражения решила дружная штыковая атака русских батальонов. Понеся большие потери, иранские войска бежали в панике, преследование их продолжалось более чем на 10 км. Узнав об этом поражении, оставив блокадный отряд у Шуши, Аббас-Мирза с основными силами выдвинулся в направлении Елисаветполя. А в это время царь, желая отстранить А.П. Ермолова, назначил ему в помощники генерала И.Ф. Паскевича. Прибыв на Кавказ, Паскевич с шестью батальонами и двумя казачьими полками (всего 8 тыс. человек при 24 орудиях) начал наступление на позиции армии Аббас-Мирзы. 13 сентября в 7 км от Елисаветполя русские войска атаковали во много раз превосходящие силы Ирана. Шахские войска, будучи разбитыми наголову и оставив на поле сражения несколько тысяч убитых и раненых, разбежались, а сам Аббас-Мирза с конницей отступил за Аракс.

Вскоре главнокомандующим на Кавказе был назначен любимец Николая I генерал-адъютант И.Ф. Паскевич. Весной 1827 г. он возобновил военные действия. Движение русских войск многострадальные азербайджанский и армянский народы “оценивали не как завоевание, а как освобождение от ненавистного шахского ига и всюду встречали радушно, как освободителей”⁶⁵. В апреле авангард русских войск освободил Эчмиадзин и блокировал Ереван. Однако, отложив штурм Еревана до прибытия осадной артиллерии, генерал Паскевич двинулся по долине р. Аракс и 26 июня освободил Нахичевань, а 5 июля у Джеван-Булак разбил крупные силы шахских войск. 19 августа русские войска овладели Сардар-Аббадом и подошли к Еревану. 1 октября войска Паскевича, в рядах которых сражались и армяне-добровольцы, освободили Ереван⁶⁶.

Тем временем отряд войск под командованием генерал-лейтенанта Эристова двинулся к Тавризу. Несмотря на все попытки Аллаяр-хана организо-

вать оборону города, ему это не удалось. Русские войска вошли в Тавриз без сопротивления, горожане вышли навстречу им, “показывая величайшую радость”⁶⁷. Заметную роль в боевых действиях сыграли ссыльные декабристы. В Елисаветпольском сражении отличились командовавшие 1-й линией боевого порядка А.А. Авенариус, а также Щербатов, Добринский, Депрерадович и др. В боях с шахскими войсками под Эчмиадзином, Ереваном и другими городами отличились А. Веденяпин, Н.Р. Цебриков, Петр и Павел Бестужевы, П.П. Кановицын и др. Особенно важная роль в битвах против войск Ирана принадлежит М.И. Пущину и И.Г. Бурцеву. Последний по праву признан одним из руководителей военных операций русской армии в Закавказье. М.И. Пущин был корпусным инженером, руководил саперными работами при взятии Аббас-Абада, Еревана и других крепостей⁶⁸. 19 ноября в Тавриз прибыл И.Ф. Паскевич. Население города оказало торжественную встречу, проявляя “искреннее желание принадлежать навсегда России”. Правительство Ирана инициировало мирные переговоры. Шаху было предложено признать границей между Ираном и Россией р. Аракс и отказаться от территории Ереванского и Нахичеванского ханства, а также уплатить 20 млн руб. контрибуции. Однако иранское правительство затягивало переговоры. Тогда И.Ф. Паскевич возобновил военные действия. Двигаясь в направлении Тегерана, русские войска без особого труда заняли города Мариш, Арибил, Мили и др. Все это оказало такое действие на шаха, что он обратился к Паскевичу с просьбой приостановить движение русских войск, выражая готовность подписать мир на условиях, предложенных Россией. В феврале 1826 г. в местечке Туркманчай был подписан русско-иранский мирный договор. Согласно Туркманчайскому договору государственная граница между Ираном и Россией проходила по р. Аракс. Шах, признавая присоединенными к России Ереванское и Нахичеванское ханства, отказывался от притязаний на Армению, Грузию, Северный Азербайджан и Дагестан. Признавалось за Россией исключительное право держать на Каспийском море военный флот. Шах должен был в установленный срок уплатить России контрибуцию в размере 20 млн руб. Россия признала наследником шахского престола Аббас-Мирзу. Шах обязывался даровать полное прощение всем, кто оказывал услуги русским войскам во время войны и не препятствовать переселению в русские пределы армян. В 1828 г. Туркманчайский договор был ратифицирован обоими государствами. Столь успешное окончание русско-иранской войны помимо всего прочего объяснилось еще тем, что в этой объективно освободительной войне для Кавказа население Армении, Грузии, Азербайджана, Дагестана и Северного Кавказа оказывало посильную помощь и поддержку русским войскам. За храбрость и отвагу, проявленные в борьбе с шахскими войсками, немало горцев Дагестана получили награды. В частности, наградили орденами и присвоили звание офицера Али-Султану Мехтулинскому, Байрам-Али Алиханову, Хасаю Уцмиеву, Гаджи-Магомеду Агаеву, Исе Араблинскому, Гасану Магомедову, Муртузали Нурову и др. За особые заслуги во время вторжения на Кавказ шахских войск были награждены генерал-лейтенант Мехти-шамхал Тарковский орденом св. Владимира, генерал-майор Аслан-хан Казикумухский – орденом св. Анны 1-ой степени. За сохранение верности при вторжении шахских войск наградили акушинцев и казикумухцев⁶⁹.

Подписание мирного договора с Османской империей в 1812 г., как отмечалось выше, было крупным успехом русской дипломатии. Последовавший после заключения период в русско-турецких отношениях можно охарактеризовать как упорную борьбу России за выполнение Турцией условий соглашения⁷⁰. В то время как русский посол в Константинополе Г.А. Строганов добивался от Порты строгого выполнения условий Бухарестского мира, в частности предоставления Сербии автономии, в 1821 г. в Греции под руководством революционной организации “Фелики-Этери” вспыхнуло восстание, вскоре охватившее не только континентальную часть страны, но и острова в Эгейском море. Поднявшиеся на освободительную борьбу греки нанесли чувствительные удары османам. Однако после соглашения между султаном и египетским пашой о посылке египетских войск в Грецию положение повстанцев крайне осложнилось. В этих условиях 4 апреля 1826 г. в Петербурге был подписан Англо-русский протокол, согласно которому оба государства потребовали от Порты прекратить военные действия и признать Элладу автономной республикой. Немного ранее Россия ультимативно потребовала выполнения Портой условий Бухарестского мира. Османская империя, в интересах которой было добиться хотя бы частичного смягчения отношений с Россией, приняла русский ультиматум и согласилась на переговоры. Состоявшиеся в Аккермане между Россией и Портой переговоры завершились подписанием конвенции, которая подтвердила и дополнила условия Бухарестского мира. Согласно Аккерманской конвенции за Россией закреплялись города на восточном берегу Черного моря: Анакия, Сухум и Редут-Кале. Этим прекращался длившийся более 14 лет спор между обеими державами. Порта признала разграничительную линию на Дунае, предоставив России право полной свободы судоходства на всех морях, принадлежавших Оттоманской империи, и подтвердила права и привилегии Сербии и Дунайских княжеств.

В июле 1827 г. командующий египетскими войсками Ибрагим-паша при поддержке войск султана, преодолевая самоотверженное сопротивление греческих отрядов, занял Афины. Положение повстанцев стало критическим. В июле того же года в Лондоне между Англией, Францией и Россией было подписано соглашение, предусматривающее обеспечение Греции правом автономии. Однако после того как Оттоманская империя отказалась принять предложенные условия, участники Лондонского соглашения вынуждены были прибегнуть к силе. Соединенные эскадры трех держав в Наваринской бухте уничтожили турко-египетский флот, а французский десант под командованием генерала Медона высадился в Морео. Египетские войска были выведены из Греции. В Константинополе начались переговоры, которые не оставили сомнения в том, что Порта продолжает занимать прежние позиции. Более того, в декабре 1827 г. султан Махмуд II объявил о том, что Османская империя не будет придерживаться условий Аккерманской конвенции и призвал подданных быть готовыми к “священной войне”.

В апреле 1828 г. Россия объявила войну Оттоманской империи. В декларации о войне, направленной султану и распространенной в Европе, указывалось, что Россия “предпринимает сию войну для необходимого охранения трактатов, нарушенных Портой”.

Вместе с тем в декларации подчеркивалось, что Россия “не имеет ненависти к сей державе и не умышляет ее разрушения”, а стремится лишь со-

действовать проведению в жизнь условий Лондонского трактата, поэтому “союзники ее всегда найдут в ней готовность” вести мирные переговоры. Министр иностранных дел России К.В. Нессельроде известил правительства западноевропейских государств о том, что в основу будущего мирного договора с Портой будут положены следующие требования: присоединение Анапы и Поти, урегулирование границы на Дунае, срытие турецких крепостей по Дунаю, подтверждение привилегий Молдавии, Валахии и Сербии, “восстановление всех прав русской торговли, умеренная контрибуция, умиротворение Греции”⁷¹. Объявляя об этих условиях, русское правительство рассчитывало сгладить недовольство европейских держав.

На Кавказе Оттоманская Порта, нарушая договор с Россией, не переставала вмешиваться в дела горских народов, ведя подрывную антирусскую деятельность. Назначенный в 1826 г. в Анапу пашой Хаджи-Хасан-оглу, стремясь подчинить жителей Северо-Западного Кавказа Порте, собрал старшин ближайших к крепости сел и потребовал от них присяги на верность султану. Но, получив отказ, паша настойчиво стал привлекать на свою сторону феодалов. Щедрыми подарками он сумел расположить некоторых из них на верность султану с условием, что “требовать податей с них не будут”. Однако широкие народные массы отказались признать и эту сделку феодалов, прекратив всякие связи с османами. В связи с этим анапский паша стал грозить “силой привести их к покорности”. Но и эта крайняя мера не оказала должного воздействия. Горское крестьянство, широкие народные массы натухайцев, черкесов и других народов Северо-Западного Кавказа наотрез отказались принять сторону Порты. Более того, “шапсугский простой народ, уверивший, что и он не избегнет принуждения присяги (султану), принял неременное намерение с натухайцами просить защиты у России”⁷².

Ценные подарки вместе с фирманами султана и высшего мусульманского духовенства Порты были разосланы почти всем феодалам Северного Кавказа. Планировалось также совершить глубокий рейд 25-тысячного отряда султанской конницы в тыл русской армии с целью поднять против России гурийцев, имеретинцев и горцев Дагестана⁷³. Однако османы и на этот раз просчитались. За исключением отдельных феодалов и местного мусульманского духовенства, горские народы Северного Кавказа не склонились на сторону Порты⁷⁴. В Дагестане, доносил генерал Сипягин, “совершенно спокойно”⁷⁵. По полученным с мест достоверным сведениям, писал И.Ф. Паскевич, во всем Дагестане царствует полное спокойствие⁷⁶. Действия эмиссаров Оттоманской Порты на Северном Кавказе, доносил Бекович-Черкасский, “не произвели никакого влияния”⁷⁷.

С первых же недель войны русские войска нанесли османам тяжелые поражения. Военные действия, начавшиеся на Кавказе блокированием Анапы, после 40-дневной борьбы завершились разгромом гарнизона османов и взятием крепости. Падение этой первоклассной по тем временам крепости имело не только военно-стратегическое, но и политическое значение. Достаточно сказать, что Порта лишалась последнего и очень важного плацдарма на восточном берегу Черного моря. Взятие Анапы означало также освобождение Северо-Западного Кавказа от османов.

Тем временем в Закавказье крупных успехов достиг Кавказский корпус, среди офицеров и солдат которого было много участников декабристского

движения и передовой интеллигенции. При активной помощи местного населения в июле–августе 1828 г. русские войска заняли крупную крепость османов Карс, крепость Ахалцых, укрепленные пункты Ацхур, Аржаган, а также Поты, Батуми и Баязид, а также Карский, Баязидский пашалыки. Чтобы исправить положение на Кавказском фронте, Порты назначила нового главнокомандующего, усилила боеспособность регулярного войска, находившегося в Арзеруме, привлекла к борьбе отряды курдских, лазских феодалов. Сделала попытку поднять антирусское восстание на Кавказе. Но эти чрезвычайные меры не дали желаемых результатов.

“Мухамедяне всех областей, нам принадлежащих, – писал И.Ф. Паскевич, – просили убедительно позволения к предстоящей кампании составить ополчение, гораздо значительное, дабы разделить войск наших и соревнование сие распространилось даже на джарских и белоканских лезгин, которые также просили позволения выставить от себя отборных воинов”⁷⁸. Наряду с представителями Грузии, Армении и Азербайджана на русскую службу были приняты горцы Дагестана. Укомплектованные из дагестанцев отряды в официальных документах именовались “лезгинской конницей”⁷⁹. В 1829 г. даже Бейбулат, который “в течение 10 лет умел волновать Чечню, возбуждал против нас (России. – В.Г.) беглых кабардинцев и племена дагестанские... Сопровождаемый старшинами селений чеченских и дагестанских явился к главнокомандующему в Арзерум и подверг во власть его от себя и своих спутников честною службою искупить вину дел прежних”. Отряды, составленные из горцев Северо-Восточного Кавказа, вошли в состав так называемых мусульманских полков. “Как занимателен для наблюдателя стан русских в Азии, – писал декабрист Сухоруков, – вы найдете здесь полки мусульман наших закавказских провинций, конницы Кенгерлы – воинственное племя нашего Нахичеванского округа; команду карских армян, сотню баязитских мусульман; вольных курдов... чеченцев недоступного Кавказа и, наконец, теперь в завершение сего разнообразия племен и народов в стане нашем явились еще Дели и Гаити”⁸⁰. Несмотря на интернациональный состав, конно-мусульманские полки, – по словам начальника штаба Кавказского корпуса, – в 1829 г. составляли прекрасную вооруженную конницу⁸¹. Характеризуя деятельность мусульманских полков, главнокомандующий на Кавказе писал: “В продолжение кампании против турок, конное ополчение мусульманских провинций... служило весьма усердно и во многих случаях, быв подкрепляемо регулярною и артиллериею, было полезно”⁸². Паскевич отмечал, что мусульманские полки во всех сражениях “дерутся с отменной храбростью, в атаках бывают впереди, мужественно и твердо бросаются даже на неприятельскую пехоту и большая часть знамен, пушек и пленных отбиты ими”⁸³. О доблести и храбрости мусульманских полков высоко отзывались современники. Будучи очевидцем одного из сражений с османами, А.С. Пушкин отмечал: “Первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою”⁸⁴. Другой современник, П. Зубов, писал: “Надо видеть сии полки в сражении, чтобы судить о них – это молния, это огонь раздраженного бога, упавший вдруг с неба в середину неприятеля и рассыпавший смерть и ужас, и до сего времени с восторгом вспоминаю чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками мусульманскими”⁸⁵.

Летом 1829 г. русские войска взяли Арзерум, а 20 августа на европейском театре военных действий русские войска под командованием генерала Дибича овладели Андрианополем, создав реальную угрозу столице Порты Константинополю. Значительную роль в победоносном завершении войны сыграли и народы Кавказа. Их материальная и моральная поддержка помогла русской армии одержать победы во всех сражениях.

14 сентября 1829 г. в Андрианополе между Россией и Оттоманской империей без вмешательства западноевропейских государств был подписан мирный договор. Для Порты условия Андрианопольского мирного договора были сравнительно умеренными. Объяснялось это тем, что русское правительство считало для себя невыгодным уничтожение Османской империи. Обращаясь к Дибичу с просьбой скорее заключить мир с Портой, министр иностранных дел России К.В. Нессельроде писал: “Мы не хотим Константинополя. Это было бы самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать”⁸⁶. Россия в это время предпочитала обрести преобладающее влияние на политику Оттоманской империи. Согласно условиям Андрианопольского мира, состоящего из 16 статей и отдельного акта о преимуществах Молдавии и Валахии, Россия возвратила Порте почти все занятые ею территории. К России отходили устье Дуная с островами, все восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая, в пределах которых находились Анапа и Поты, а также Ахалцих и Ахалкалаки. Оттоманская Порта признавала Закавказье частью русского государства. В одной из статей договора говорилось: “Грузия, Имеретия, Менгрелия, Гурия и многие другие области закавказские, с давних уже лет присоединенные на вечные времена к Российской империи уступлены также трактатом, заключенным с Персией в Туркманчае 10 февраля 1829 г. ханства Эриванское и Нахичеванское”. Договор подтверждал право на свободную торговлю во всех областях Оттоманской империи, а также право беспрепятственного прохода торговых судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Устанавливались консульские юрисдикции для подданных России в Османской империи.

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. III. Ч. I (1801–1839 гг.). С. 91–92.

² Там же. С. 94–95.

³ ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.

⁴ МИДЧ... С. 98.

⁵ Там же. С. 100–101.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6193. Л. 1.

⁷ Ермолов А.П. (в его письмах к кн. М.С. Воронцову). РС. 1885. Т. 48. № 10–12. С. 530–531.

⁸ АКАК. Т. 5. С. 2675–267.

⁹ *Вяземский П.А.* Собр. соч. Т. VIII. С. 171.

¹⁰ *Кавтарадзе А.Г.* Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977. С. 9.

¹¹ *Гаджиев В.Г.* Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1956. С. 22.

¹² *Романовский А.* Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 120; *Фадеев Р.А.* Соч. Т. 1, ч. 1. С. 12.

¹³ Письма А.П. Ермолова к А.А. Закреевскому, СММП. Вып. 45. С. 24.

¹⁴ Письмо А.П. Ермолова к А.А. Закриевскому, 24 февраля 1817 г.; СИРВИА. СПб., 1890. Т. 73. С. 218.

- 15 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 49 741. Л. 59.
- 16 Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. СПб., 1912. С. 45–46.
- 17 ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 847. Л. 47; ДГСВК... С. 33.
- 18 АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 54.
- 19 Там же. С. 57–59.
- 20 ДГСВК... С. 32–33.
- 21 ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2231. Л. 196–198.
- 22 АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 38–40.
- 23 Там же. С. 41.
- 24 Там же. С. 43.
- 25 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164.
- 26 АВПРИ. Ф. 1–9 (1819). Д. 7. Л. 75.
- 27 Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974. С. 203.
- 28 Там же. С. 204–205.
- 29 ДГСВК... С. 721.
- 30 Заседателева Л.Б. Указ. соч. С. 206.
- 31 Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 1.
- 32 Заседателева Л.Б. Указ. соч. С. 207.
- 33 ИНСК конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 58.
- 34 Васильев Д.С. Указ. соч. С. 116.
- 35 Попов И.М. Ичкерия // ССОКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 12.
- 36 Васильев Д.С. Указ. соч. С. 114–115.
- 37 Там же. С. 116–117.
- 38 Там же. С. 130.
- 39 Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 85.
- 40 Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 251.
- 41 Записки о Кизляре. ЧИО и с др. 1861 октябрь–декабрь. М., 1861. Кн. 4. С. 107.
- 42 Там же. С. 105–106.
- 43 Васильев Д.С. Указ. соч. С. 89.
- 44 Цит. по: Там же. С. 108–109.
- 45 Заблоцкий И. Путевые записи из Астрахани через Кизляр в Баку 1835 и 1836 гг. Б.м., б.г. С. 16–17.
- 46 Ровинский А. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 145–146; Васильев Д.С. Указ. соч. С. 98–99.
- 47 Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 268.
- 48 АКАК. Т. V. С. 792, 813–814.
- 49 ВПР. Т. 1. (IX). С. 741.
- 50 Там же. Т. IV. С. 256. Восточный вопрос во внешней политике России... С. 76.
- 51 Дубровин Н. История войны и владычества на Кавказе. СПб., 1888. Т. VI. С. 199.
- 52 ВПР. Т. (1). М., 1974. С. 690–691.
- 53 АКАК. Т. VI. Ч. 2. С. 314, № 47.
- 54 Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 165.
- 55 АКАК. Т. VI, ч. II. № 593.
- 56 Зубов В. Подвиги русских в странах кавказских 1800–1834 гг. СПб., 1836. Т. II. С. 26.
- 57 Российский государственный исторический архив. Ф. 1018. Д. 295. Л. 2.
- 58 АКАК. Т. IV. Ч. II. № 617.
- 59 Ермолов А.П. Записки. Т. II. С. 105.
- 60 ЦГИА РГ. Ф. 16. Д. 3294. Л. 1.
- 61 Новицкий. Анапа. СПб., 1853. Кн. II. С. 76.

- 62 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6230. Л. 25. Русская старина. 1903. № 8. С. 325; Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. СПб., 1900. Т. III. С. 142.
- 63 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4200. Л. 237.
- 64 АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 102.
- 65 Там же. Т. VII. № 512, с...
- 66 Аконян Т. Х. Очерки истории Еревана. Ереван, 1977. С. 144.
- 67 АКАК. Т. VII. № 526.
- 68 Гаджиев В. Г. Декабристы на Кавказе // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. С. 29.
- 69 АКАК. Т. VII. № 218.
- 70 Восточный вопрос во внешней политике России... С. 76.
- 71 Шермет В. И. Турция и андрианопольский мир. М., 1965. С. 26–27.
- 72 ЦГИА РГ. Ф. 1028. Оп. 2. Д. 94. Л. 20; Фадеев А. В. Россия и восточный кризис, 20-е годы XIX в. М., 1958. С. 123.
- 73 АКАК. Т. VII. С. 753–754.
- 74 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4673, 31. Д. 6230. Л. 68–79; ЦГИА Гр. ССР. Ф. 1105. Д. 53. Л. 2.
- 75 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6230. Л. 78.
- 76 Там же. Д. 61–64. Л. 8–9.
- 77 Там же. Д. 6230. Л. 79; Д. 4329. Л. 299.
- 78 АКАК. Т. VII.
- 79 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6235. Л. 19.
- 80 Тифлиские ведомости. 1829. 6 сент. С. 4.
- 81 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1305. Л. 8.
- 82 АКАК. Т. VII. С. 326.
- 83 Утверждение владычества русских на Кавказе. Т. IV, ч. II. С. 302.
- 84 Пушкин А. С. Соч. М.; Л., 1932. С. 769.
- 85 Зубов П. Шесть писем о Грузии и Кавказе. С. 132.
- 86 Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России... С. 94.

Антифеодальная и антиколониальная борьба народов Северного Кавказа во второй четверти XIX в.

§ 1. Освободительное движение народов Дагестана и Чечни в 1829—1839 годах

Социально-экономические, политические и идеологические предпосылки движения горцев Дагестана и Чечни. С окончательным включением Кавказа в состав России, как и следовало ожидать, создались благоприятные условия для социально-экономического и культурного развития горного края. Его населению более не угрожало нашествие иноземных захватчиков. Стали замирать феодальные междоусобицы и феодальные набеги, крайне тяжело отражавшиеся на положении горского крестьянства, постепенно прекратилась работоторговля. Ускоренно стали развиваться экономика и культура. Но все это не решило да и не могло решить сложные вопросы классовой борьбы. Более того, классовые противоречия в силу ряда объективных и субъективных причин стали даже обостряться. Отстранив провинившихся перед царизмом неугодных владетелей от управления и ограничив политическую власть шамхалов и ханов, самодержавие не изменило порядок внутреннего управления феодальных владений. Более того, создавая себе социальную опору, царское правительство поддерживало эксплуататорские права местных феодалов, оказывало им всяческую помощь и поддержку, способствуя тем самым еще большему укреплению феодальных отношений. Проводимой царским правительством покровительственной политикой феодальные верхи воспользовались как нельзя лучше. Пользуясь политической поддержкой самодержавия, феодалы усилили наступление на права крестьян. По своему усмотрению они стали увеличивать размеры податей и повинностей, расширили свое собственное хозяйство, уменьшая площадь “земель, находившихся до этого в пользовании поселян”¹.

В Нагорной части Дагестана, где феодальные отношения переплетались с пережитками патриархально-общинного строя, феодальная знать решительнее стала наступать на права крестьян-общинников, добиваясь их полного закрепощения². Усиление феодальной эксплуатации в связи с политикой самодержавия на Северном Кавказе признавали даже правящие круги страны. Наместник Кавказа, великий князь Михаил Федорович Романов, впоследствии отмечал: “Снискав доверие у русского начальства, обласканные им, отмеченные чинами, ...[владельцы] стали развивать значение полученных ими актов

* Библиографический аппарат дан в авторской редакции.

для ослабления права народа на землю и расширения личного права”³. Уверенные в помощи и поддержке правительства, феодалы деспотически стали обращаться с подвластным населением. Поддерживаемый Кавказским командованием, говорится в официальном документе, шамхал тарковский притесняет “своих подвластных, не отдавая ни кому в этом отчета”⁴.

Не менее жестоко обращались с подвластным населением и другие владетели. Не считаясь ни с чем, они решали дела “как бог на душу положит”, выносили крайне жестокие приговоры и тут же приводили их в исполнение. Часто “по одной лишь прихоти хана” без суда и следствия людей ссылали во внутренние губернии страны⁵. Все усиливающийся феодальный гнет вызывал законное недовольство народных масс ханами, беками и их покровителями – царскими властями. “После покорности дагестанских племен, – писал А. Руновский, – мы не изменили существенно господствовавшую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но и представили им власть управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть... Таким образом, горцы, вначале смотревшие на русских как на своих избавителей, увидели себя горько обманутыми”⁶. Жителей ряда владений и союзов сельских общин Северо-Восточного Кавказа российские власти заставили платить обременительные налоги, что также вызывало недовольство горского крестьянства царской администрацией. Возмущение широких народных масс вызывало и то, что при взимании налогов были случаи, когда местные власти, как это признает кавказская администрация, производили сбор “двойных податей”⁷. Кроме того, горцев принуждали работать на строительстве и расчистке дорог. Население Дагестана, особенно жителей равнины, обязали выставлять по требованию коменданта лошадей и подводы для перевозки различных грузов, нести почтовую службу.

Положение дагестанцев осложняло и то, что кавказское командование без особой вины, чаще всего за проступки отдельных лиц, устраивало блокаду целых районов Нагорного Дагестана. Во время этих блокад жителям этих районов запрещался свободный проезд, не позволялось вести торговлю как в равнинной части Дагестана, так и в Закавказье и на Северном Кавказе. В случае же нарушения этого запрета местным властям разрешалось арестовывать прибывших горцев и конфисковывать привезенные ими товары. Чаще всего конфисковывали большое количество наплечных бурок, разного рода паласов, холодное оружие и другие изделия кустарно-ремесленного производства тех районов. Вместе с тем армянским и еврейским купцам “под опасением строжайшей ответственности” запрещалось отвозить товары для продажи в Горном Дагестане⁸. Эти меры воздействия крайне отрицательно сказывались на экономике горного края. Оценивая их значение для жителей Нагорного Дагестана, в частности состояние торговли с соседями, один из активных проводников этой системы, генерал И.Ф. Паскевич, в 1828 г. писал: “Аварцы, будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни и будучи окружены, подобно им, бедными соседями, не могут доставлять необходимейших для себя вещей иначе, как обменивая некоторые собственные произведения с жителями равнин”. Без такого обмена и без торговли, заключает он, аварцы существовать не могут⁹.

Положение трудящихся усугубляли произвол, злоупотребления и взяточничество офицеров и чинов кавказской администрации. Совершенно не считаясь с обычаями, нравами и традициями горцев, они делали все что заблагорассудится. Даже сами царские генералы и официальные историки, как правило, писавшие обо всем этом в смягченных тонах, вынуждены были признать, что на местах офицеры “самым оскорбительным распутством раздражали народ”¹⁰. Как видно, было более чем достаточно причин для недовольства и возмущения горского крестьянства, кустарей и ремесленников. Но поскольку рост феодальной эксплуатации и гнета самодержавия происходил одновременно и в тесной связи с укреплением власти царизма, то, как правило, идея антифеодального протеста сливалась с антиколониальной борьбой. Иногда антифеодальные устремления отходили даже на второй план, уступая первое место антиколониальной борьбе¹¹. Царские власти любое неповиновение или антифеодальные выступления расценивали как “бунт”, “измену”. И тогда военачальники, считая, что “для них настала пора военных реляций, громких подвигов и щедрых наград и других выгод”, ввели войска в горы¹². Особенно часто карательные экспедиции против горцев возглавлял А.П. Ермолов, который применял ничем не оправданные и излишне жестокие меры, за что и заслужил ненависть горцев.

Однако такая политика не только не достигала цели, но приводила к совершенно иным результатам, вызывала глубочайший протест, побуждала “горцев к новым порывам, новым действиям, новой злобе”¹³. Главнокомандующий на Кавказе генерал И.Ф. Паскевич в письме Николаю I писал, что жестокости, в частности, “умножали ненависть и возбуждали к лишению: недостаток твердости и решительности в общем плане обнаруживали слабость и недостаток силы”¹⁴.

В первой четверти XIX в., как отмечалось выше, антирусские выступления возглавляли ряд феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа, которых из-за этого отстранили от власти. Часть из них вынуждена была скрыться в отдаленных союзах сельских общин Нагорного Дагестана. Однако они не сложили оружия, продолжали вести разнузданную антирусскую и антихристианскую пропаганду, надеясь поднять трудящихся горцев на борьбу с тем, чтобы вернуть утраченные привилегии. Недовольство существующими порядками выражали даже те феодалы, которые сотрудничали с царской администрацией. Несмотря на все привилегии, они не могли привыкнуть к вассальному положению, ограничению своей политической власти и мечтали о временах, когда они были неограниченными властелинами, и тайно подумывали о возврате к старым временам.

О прежних порядках особенно сожалели те феодалы, которые организовывали разбойничьи набеги и наживались на работоторговле. Недовольство части феодалов подогревалось нетактичным, часто откровенно грубым отношением к ним представителей кавказской администрации. Антирусские настроения были характерны и для узденства феодальных владений и союзов сельских общин, которые своим богатством уже сильно выделялись среди простых жителей сельских общин Нагорного Дагестана. Эта прослойка сосредоточила власть в союзах, причем в ряде случаев последние превосходили как территориально, так и численностью населения феодальные владения. Однако царское правительство, не совсем разобравшись в сущест-

*Шейх Джамалудин
Казикумухский*

Шейх Магомед Ярагский

Имам Газимагомед

Имам Гамзат-бек

Имам Шамиль

Магомет-Амин

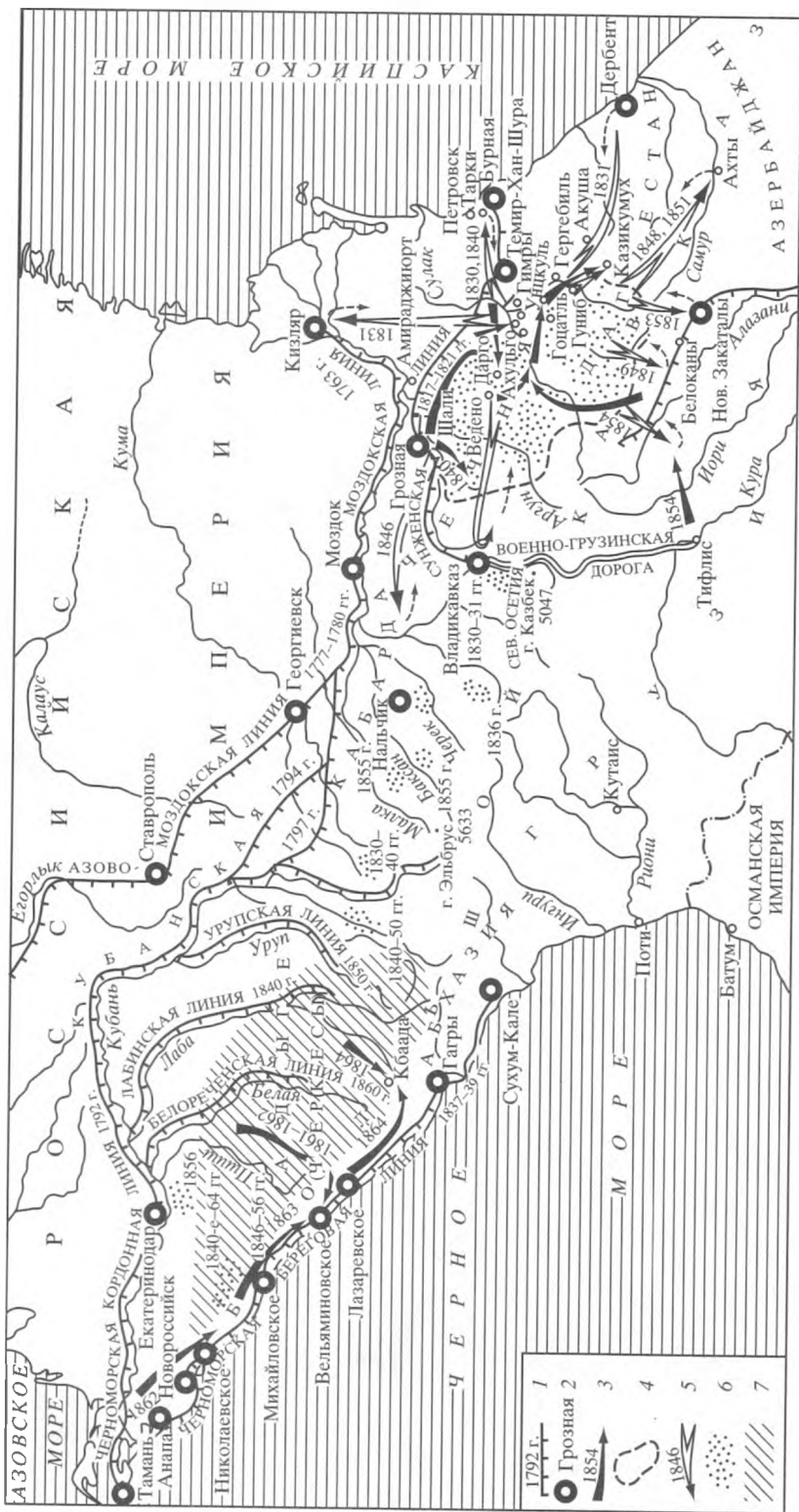

Наибы Шамиля. 1 – Магомет-Амин; 2 – Даниель-султан Елисуыйский; 3 – Кади-Магома; 4 – Талгик Аргунский; 5 – Идиль Веденский; 6 – Дуба; 7 – Хамзат; 8 – Батуко-Шатойский; 9 – Эски-Хулхулинский; 10 – Саду-Мичикский; 11 – Мирза Хазьно (письмоводитель Шамиля)

ве дела, не распространило на представителей господствующей верхушки союзов сельских общин привилегии, которыми пользовались ханы и беки. Все это, как и следовало ожидать, вызывало их недовольство царской властью. Поэтому разбогатевшее узденство затаило ненависть как против самодержавия, так и против местных феодалов, пользовавшихся благосклонностью правительства¹⁵.

Оппозиционно к существовавшему строю было настроено и местное мусульманское духовенство, за исключением некоторых лиц, перешедших на службу царизму.

Карта Кавказской войны первой половины XIX в.: 1 – дата постройки укрепительных линий; 2 – крепости; 3 – маршруты походов российских войск; 4 – границы Имамата; 5 – маршруты походов Шамиля; 6 – территория восстания горцев в 1840–1852 гг.; 7 – район восстания адыгейских племен

Как известно, на Северо-Восточном Кавказе, особенно в Дагестане, это был весьма многочисленный класс. В каждом ауле проживали его представители: муллы, кади, будуны и др. В некоторых селениях их было несколько человек. Согласно имеющимся данным, духовенство составляло 2–2,5% населения¹⁶. Однако его роль определялась не только большим количеством, но и, главным образом, тем местом, которое оно занимало в обществе. Дело в том, что мусульманское духовенство, будучи довольно значительной прослойкой, сосредоточило в своих руках духовную, а в ряде мест – в Табасаране, Акуша-Дарго и других союзах сельских обществ Дагестана и Чечни – светскую и судебную власть. Это означало, что вся духовная и семейная жизнь крестьянства зависела от духовенства. Все это позволяло духовенству играть в общественно-политической жизни, особенно в нагорной части Дагестана и Чечни, ключевую роль. Это же предопределяло и то привилегированное положение, которое занимало мусульманское духовенство на Северо-Восточном Кавказе.

Общеизвестно и то, что духовные лица выступали против присоединения Северного Кавказа к России не только потому, что они ориентировались на мусульманский Восток. Сам факт перехода мусульман в зависимость от страны, где государственной религией было христианство, расценивался как посягательство на престиж и подрыв их авторитета и влияния. Со временем эта оппозиция духовенства еще более усилилась. И причиной тому была все та же боязнь за свою судьбу и судьбу ислама. Еще в 1819 г. А.П. Ермолов определил за командующим право назначать главного акушинского кадия в крае. В 1824 г. им дано было предписание главному кадию Кубы, представляющее краткое руководство по управлению духовенством. В 1829 г. был образован Особый комитет для благоустройства мусульманских провинций, но так как он не справился с поставленной задачей, перед этим комитетом поставили задачу заниматься только составлением Положения по устройству мусульманского духовенства¹⁷. Эти меры расценивались духовенством как окончательный подрыв их положения. Мусульманское духовенство, писал И.Ф. Паскевич в 1830 г., утратило выгоды первенствовать в народных делах и решать несогласия между частными лицами посредством произвольных истолкований Корана: ибо власть судная в землях, состоящих под влиянием России, ныне находится на попечении местного нашего начальства, а частью еще в заведении самих владетелей и старшин обществ, покровительствуемых правительством нашим¹⁸. Очевидно, что духовенство не только не хотело уступать свои позиции, но и стремилось вернуть утраченные привилегии, вновь занять руководящее положение в обществе, а если удастся, и захватить политическую власть. Вот почему мусульманское духовенство с таким упорством боролось за восстановление и укрепление гибнувшего, на их взгляд, шариата¹⁹. Все сказанное подтверждает, что на Северо-Восточном Кавказе была очень сложная внутриполитическая обстановка. Политикой царизма оказались недовольны широкие слои народных масс (горское крестьянство, ремесленники и другие), часть феодалов, разбогатевшая узденская верхушка и большая часть местного мусульманского духовенства. Однако, говоря о недовольстве царизмом различных социальных слоев, необходимо особо подчеркнуть, что их стремления и цели были в корне противоположны. В то время как широкие народные массы выступали за освобождение от феодального гнета и самодержавия

вия, феодально-клерикальные верхи стремились, используя недовольство народных масс, взять в свои руки политическую власть. При этом, если феодалы хотели вернуть утраченную власть, то клерикалы, обвинив ханов и беков в том, что они плохие мусульмане, желали установить свою политическую и духовную власть, подобно восточным теократиям. Обострившаяся обстановка еще более накалялась осложнившейся международной обстановкой на Ближнем Востоке.

Несмотря на то что подрывная антирусская деятельность правящих кругов Ирана и Турции была в целом безуспешной, нельзя утверждать, что она не имела никакого влияния и не оказывала никакого воздействия на движение горцев Дагестана и Чечни. Заинтересованные в ослаблении России на Кавказе и Ближнем Востоке западноевропейские государства, и прежде всего Англия, а также Турция и Иран, используя в своих интересах борьбу горцев, возбуждали и поощряли их восстание в Дагестане и Чечне. Все это говорит о том, что на Северо-Восточном Кавказе обстановка была так накалена, что для повсеместного выступления, по словам офицера Мочульского, “не доставало только связи между различными обществами”²⁰.

В этой чрезвычайно сложной обстановке классовых и национальных противоречий в начале 30-х годов XIX в. возникло движение горцев Дагестана и Чечни под флагом мюридизма. При этом, по словам А. Романовского, “мюридизм был искрою, брошенною в порох”²¹. Мюрид (в переводе с арабского – желающий; стремящийся; послушник, обязанный беспрекословно подчиняться шейху) – это мусульманин, посвятивший себя духовному совершенствованию. Во имя сближения с богом он беспрекословно выполняет все нормы шариата, проводит все время в посте и молитвах, чтобы подняться до внутреннего и духовного поклонения богу. Следовательно, мюридизм – мистическое направление суфизма (мистико-аскетическое направление в исламе), требующее согласно нормам тариката (с арабского – путь, метод, начальная ступень религиозной обработки и подготовки дервишей) от членов секты полного отрешения и беспрекословного подчинения своему религиозному наставнику – мюршиду.

“Обыкновенно, – писал Н.А. Добролюбов, – приписывают этому явлению (мюридизму) те волнения, которые начались в покоренном Дагестане. Но едва ли это справедливо... Скорее самое его успехи следует объяснить враждебностью горцев” самодержавному режиму²². И действительно, издавна существовавшая на Кавказе секта, которая мирно приспособилась к российским порядкам, вряд ли могла поднять массы горского крестьянства и приобрести политическое значение, если бы не было на то объективных социально-экономических, политических и идеологических причин. Идеи мюридизма стали распространяться и принимать политическое звучание лишь с того времени, когда произошло соединение этих идей с массовым движением горцев Северо-Восточного Кавказа.

Используя сложившуюся обстановку, “благочестивые тарикатисты” выставили демагогические требования – равенство между мусульманами, “мусульманин никому не должен платить подати”, “освобождение магометан из-под власти неверных”, “газават” (священная война против неверных). Клерикалы, провозглашая эти лозунги, преследовали лишь одну цель – направить борьбу горцев в нужное им русло, осуществить свою давнюю мечту, встать у

кормила власти, навязать народу еще более тяжелое ярмо. Однако горское крестьянство, неискушенное в демагогии духовенства, понимало эти лозунги как призыв к борьбе за освобождение от всякого насилия и гнета.

Говоря о том, что секта мюридов, в связи с обострением классовых и национальных противоречий, стала принимать ярко выраженную политическую окраску, необходимо особо подчеркнуть, что часть тарикатистов, в том числе и идеолог кавказского мюридизма казикумухский мюршид Джамалутдин, первоначально были против активных выступлений и вооруженной борьбы²³.

Со временем, однако, и они включились в движение. Но и тогда тарикатисты не принимали непосредственного участия в сражениях, предпочитая, чтобы за них дрались другие. В движении горцев Дагестана и Чечни первой половины XIX в. участвовали и так называемые наибские мюриды. В отличие от тарикатистов они не имели отношения к секте мюридов. Все их знания религии заключались лишь в том, что они, как и все остальные горцы, умели читать Коран, не понимая его содержания, и считали необходимым газават. Достоинством наибских мюридов считалось: физическая сила, умение владеть оружием и беспредельная верность наibu, готовность выполнить любое его поручение. Однако их было немного. Обычно каждый наиб мог иметь от 5 до 12 мюридов. Следовательно, если не называть всех горцев-крестьян, включившихся в борьбу, мюридами, как иногда неверно поступают некоторые авторы, собственно численность мюридов, принимавших участие в борьбе, составляла незначительное меньшинство. И были они «не столько с борющимися народами, сколько над народом»²⁴. К тому же надо иметь в виду замечание В.И. Ленина, что идея бога всегда усыпляла и притупляла социальные чувства, подменивая живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безвыходного рабства). Никогда идея бога не связывала личность с обществом, а всегда связывала угнетенные классы с верой в божественность угнетателей²⁵. Мюридизм же, как своеобразная разновидность ислама, направлял недовольство трудящихся горцев по ложному пути: выхолащивая классовое самосознание горцев, притуплял социальную борьбу, возбуждал ненависть к другим, особенно к христианским народам, изолировал их от освободительной борьбы русского и других народов Кавказа. Пропитанный воинствующим фанатизмом, кавказский мюридизм представлял из себя архиреакционную идеологию. Поэтому ни в коем случае нельзя представлять дело так, как будто мюридизм мог сыграть сколько-нибудь положительную роль.

Первый этап освободительного движения. Для этого периода характерно объединение разрозненных стихийных выступлений горского крестьянства в одно антифеодальное, антиколониальное движение, облаченное в религиозную оболочку мюридизма. В это время, исключая некоторые неудачи, движение шло по восходящей линии. Социальной базой освободительной борьбы этого начального периода были крестьяне с их извечным стремлением освободиться от всякого гнета. Основные события в этот период развернулись в нагорной части Дагестана, в Аварии. Там борьба приняла ярко выраженный антифеодальный характер, в Закаталах же и Чечено-Ингушетии доминировало антиколониальное движение. В Кабарде, Осе-

тии выступления трудящихся масс были более заметными, чем в Дагестане и Чечне.

Первые признаки выступления под знаменем мюридизма обнаружались в Южном Дагестане. Здесь провозглашенный мюршидом мулла Магомед Яраглинский стал призывать к борьбе. Однако ему не удалось поднять народные массы. Опасаясь быть арестованным кюринским Аслан-ханом и выданным царским властям, он бежал в Нагорный Дагестан, где оставался до конца жизни. После его смерти мюршидом был призван Джемалудин Казикумухский. Однако руководителем вооруженной борьбы стал уроженец аварского селения Гимры Койсубулинского союза сельских общин узден Магомед, которого благословил тот же мулла Магомед Яраглинский. Провозглашенный имамом с титулом “гази” (борец за веру) Магомед свою деятельность начал с настойчивых обращений к населению отказаться от адатов и за повсеместное утверждение шариата. Первых успехов он достиг в Салатавском, Кайсубулинском и Гумбетовском союзах сельских общин. Набрал в этих обществах до 6 тыс. приверженцев, он выступил против селения Аракань, где арестовал кадиев и князей, отказавшихся подчиниться имаму, и склонил на свою сторону жителей Аракань, а также многих деревень мехтулинского и шамхальского владений²⁶. После этой победы Гази-Магомед выступил против аварских владетелей.

Весной 1830 г. во главе 8-тысячного отряда он напал на резиденцию ханов Аварии – Хунзах, но потерпел неудачу. В том же году шейх Шабан и Гази-Магомед во главе повстанцев селений Джар, Закаталы, Катех, Мацех и других напали на крепость Новые Закаталы, но успеха не имели. Во время начавшихся переговоров Гази-Магомед был арестован, а отряды повстанцев рассеяны.

В 1831 г. Гази-Магомед, собрав значительные силы, устремился на равнину Дагестана. Царские войска под командованием генерала Бековича-Черкасского напали на его лагерь в урочище Чумискент близ Темир-Хан-Шуры, но были разбиты. Поддерживаемый широкими народными массами, Гази-Магомед занял селения Большие Казанища, Параул, где сжег дом тарковского владетеля, взял с боем Тарки, а 25 мая 1831 г. осадил крепость Бурную, но взять не смог. Более того, под натиском войск под командованием генерал-майора Каханова, прибывших на помощь осажденным, он вынужден был отступить от крепости. Но вскоре Гази-Магомед, встречая поддержку и помощь, двинулся в Северный Дагестан. Генерал Эмануэль 6 июля 1831 г. доносил: “Салатавцы, койсубулинцы, гумбетовцы и др. уже предались ему. Кумыки могут последовать их примеру... Все чеченцы, даже живущие в окрестностях кр. Грозной, ожидают только появления Гази-Магомеда, чтобы восстать”²⁷.

В августе того же года отряды Гази-Магомеда более полумесяца пытались овладеть крепостью Внезапною. Но узнав о движении генерала Эмануэля на выручку осажденным в крепости, Гази-Магомед отступил в Ауховские горы, и там нанес царским войскам сильный удар. В том же месяце его отряды в течение восьми дней держали в блокаде Дербент. “Жители гор. Дербента как армяне, так и мусульмане шиитовой секты, действовавшие единодушно с гарнизоном, мужественно отражали нападения Гази-Магомеда”²⁸. Лишь подоспевший отряд под командованием Каханова вынудил его

снять осаду и отступить к селению Рукел. Отсюда в ноябре того же года Гази-Магомед совершил стремительный поход на Север, разорил Кизляр, вступил в Чечню, совершил ряд нападений под Владикавказом, окружил Назрань. Все это показывает, что предводитель горцев Гази-Магомед избрал своеобразную тактику ведения борьбы. Не создав определенной, хорошо укрепленной базы и не укрепив тыл, он устраивал нападения на отдаленные друг от друга пункты Хунзах–Тарки, Дербент–Кизляр и др. Такую тактику походов на далекие расстояния можно объяснить тем, что предводители повстанцев, и в первую очередь сам Гази-Магомед, считали, что внезапными налетами можно нанести наиболее чувствительные удары неприятелю, вызвать расстройство в его стане, привлечь к борьбе новые силы. Угнетаемое местными феодалами и самодержавием крестьянство активно поддерживало Гази-Магомеда, под его началом сражалось около 15 тыс. горских крестьян. Но его успехи оказались недолгими. Не дождавшись отмены феодальных повинностей, не добившись своего освобождения, многие крестьяне стали покидать Гази-Магомеда. Жители некоторых койсубулинских деревень, объясняя свой отход от движения летом 1832 г., писали Гази-Магомеду, что со времени начала борьбы “они не только не разбогатели, как он обещал, но напротив того – разорились”; что получаемая ими иногда добыча не в состоянии вознаградить убытков ими понесенных, и, наконец, ему советовали отказаться от своих предприятий, всегда оканчивающихся невозвратною потерей их родственников и друзей²⁹. Движение было ослаблено поражением повстанцев в 1832 г. Крупные силы царских войск, вместе с грузинской и армянской милицией, взяли Гимры. Именно тогда был убит Гази-Магомед и ранен его ближайший сподвижник Шамиль.

Через два года имамом был провозглашен Гамзат-бек – выходец из бекской семьи селения Гоцатль. Освобожденный из тифлисской тюрьмы, благодаря ходатайству Аслан-хана казикумухского, Гамзат-бек сразу же после возвращения в Дагестан включился в борьбу и участвовал в ряде сражений.

Став имамом, он, по словам Ал-Карахи, “кружил по селениям и городам с товарищами, наставляя, увещевая, приказывая и запрещая”³⁰, и за короткое время сумел подчинить своей власти койсубулинцев, гумбетовцев, андийцев, андалальцев и др. В каждом из подчинившихся обществ он расправлялся с местной знатью. Овладев в 1834 г. Хунзахом, имам уничтожил всю семью аварских ханов, оставив в живых только малолетнего Булач-хана, убил Сурхай-хана. Напуганный случившимся Аслан-хан Казикумухский с тревогой доносил кавказскому командованию, что в Дагестане, кроме него и акушинцев, “все перешли на сторону Гамзат-бека”³¹.

Осенью 1834 г. Гамзат-бек с 15-тысячным отрядом занял даргинское селение Куппа и потребовал от акушинского и цудахарского кадия присоединиться к нему. Кадии и старшины Акуша-Дарго отвергли предложение имама. Между Гамзат-беком и жителями Акуша-Дарго, поддержанными отрядом Аслан-хана Казикумухского, произошло сражение. Имам был разбит, за что царское правительство пожаловало кадиям и старшинам ценные подарки³².

Власть Гамзат-бека продолжалась недолго. В том же году в Хунзахской мечети он был убит молочными братьями ханов Аварии – Османом и Хаджи-Муратом, не без участия Ахмед-хана Мехтулинского³³. Убийство внесло

некоторое замешательство в ряды повстанцев, но не остановило движения. “Мюридизм, – писал Романовский, – ожидал только главы, чтобы воспрянуть с новой силой. Этой главой явился Шамиль, соединивший в себе редкие дарования воина и администратора”³⁴.

Шамиль родился в ауле Гимры Койсубулинского союза сельских общин в семье простого узденя. Все его недвижимое имущество (участок пахотной земли, сад и дом) было впоследствии оценено в 200 руб.³⁵

Будучи близок к предводителям движения, Шамиль не только принимал активное участие с самого начала борьбы, но и в течение 25 лет руководил горцами Дагестана и Чечни. Шамиль был мужественный и решительный воин, настойчивый, строгий к себе и к окружающим администратор, умелый политик, выдающийся предводитель движения. Этот талантливый горец был сыном своей эпохи и в тех социально-экономических условиях не мог оставаться неизменным. И он вместе со всей верхушкой имамата и движением в целом, претерпел известную эволюцию. Не поэтому ли К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу в августе 1854 г. назвал предводителя горцев “страшным демократом Шамиль-беем”³⁶. Провозглашенный “собранием благородных ученых” имамом, Шамиль начал свою деятельность с того, что казнил Булач-хана и 45 феодалов Султаналиевых, содержащихся под арестом в селении Гимры³⁷. Имея целью привлечь на свою сторону как можно больше горцев, он рассылал по аулам прокламации и вел успешную агитацию почти во всех койсубулинских селах.

В этих обращениях к народным массам причудливо переплетались призывы к политической борьбе и явно реакционные религиозные догмы. Еще более настойчиво он вел борьбу против тех сил, которые отказывались принять шариат и быть вместе с ним заодно. Аулы Унцукуль, Чирката, Орота, Тадколо и другие были подчинены силой. Росту авторитета и влияния Шамиля способствовала и победа, одержанная им над отрядом царских войск под командованием генерала Ланского.

Однако направленное в Аварию крупное соединение полковника Клюки-фон-Клюгенау дошло до Хунзаха, укрепило его и утвердило правителем Аварского ханства Магомед-Мурза-хана Казикумухского. В 1835 г. царские войска под командованием полковника Пулло предприняли безуспешный поход из Грозного против повстанцев, возглавляемых Ташевым-Хаджи. В свою очередь Шамиль старался укрепить в 1835–1836 гг. свою власть в Нагорном Дагестане. В частности, он попытался овладеть Хунзахом и подчинить своей власти жителей Аварского ханства. Руководивший обороной Хунзаха Хаджи-Мурат нанес ряд ударов отрядам Шамиля и принудил его отступить. Но это не пошатнуло положение Шамиля. К тому же в это время к нему примкнули предводитель повстанцев Тилитля Кибит-Магомед и чеченцев – Ташев-Хаджи. В марте 1836 г. Шамиль и Ташев-Хаджи действовали совместно против аулов Игали, Унцукуль, Ирганай и других населенных пунктов, жители которых не были расположены к мюридам и не принимали шариат³⁸. Однако имам, словив сопротивление жителей этих сел, подчинил их своей власти.

Кавказское командование организовало походы в Дагестан и Чечню против “непокорных”, но добиться успеха не удалось. Весной 1837 г. близ Ашильты, местопребывания Шамиля, горцы нанесли серьезное поражение

отряду под командованием генерал-майора Ивлича. Воодушевленный успехом Шамиль вновь выступил против Хунзаха. Но и на этот раз не суждено было осуществиться его замыслам. Потеряв более 150 человек в бою, он вынужден был прекратить осаду резиденции аварских ханов и направился в Андалал. Здесь Шамилю удалось не только подчинить своей власти ряд сел, но и разгромить близ аула Согратль объединенный отряд андалальцев, хунзахцев и казикумухцев. Тем временем отряд под командованием генерала Фези в Чечне привел к присяге ряд сел Ичкерии. “Сей корень Чечни, – доносил Фези, – был занят без выстрела”³⁹. Покорность России выразили и андийцы.

Одновременно кавказское командование принимало политические меры воздействия на участников движения. На Северо-Восточный Кавказ был направлен казанский татарин шейх-уль-ислам муфтий Таджудин Мустафин для убеждения горцев в неправильном толковании шариата мюридами и привлечения их на сторону правительства⁴⁰. Предпринимались и другие способы воздействия. В 1837 г. кавказское командование начало переговоры с Шамилем. Встретившись с ним 18 сентября близ селения Гимры Ключки фон Клюгенау постарался уговорить Шамиля прекратить вооруженную борьбу и явиться в Тифлис к императору, приезд которого был намечен на осень, за что имаму обещалось большое вознаграждение. Но эти меры не имели успеха.

После чего в Нагорный Дагестан против Шамиля двинуты были царские войска и отряды владетелей Дагестана Магомед-Мурза-хана Казикумухского, Ахмед-хана Мехтулинского, тарковского шамхала и др. Шамиль решил встретить царские войска, укрепив селение Тилитль. После упорного боя под Ашильтой царские войска под командованием генерала Фези и отряды владетелей Дагестана осадили Тилитль. После многодневных кровопролитных боев им удалось овладеть лишь частью селения. Лишь в результате переговоров, предложенных Шамилем, было заключено перемирие. Имам уступил аул и выдал в качестве заложника своего племянника.

Но почему не доведен был до конца штурм и почему при первом же предложении Шамиля генерал согласился на перемирие? Оказалось, что недостаток в боеприпасах не позволил Фези “предпринять приступ для овладения самою укрепленною частью селения Тилитль. Невозможно было также ограничиться и блокадой на то время, пока боевые снаряды могли бы доставаться из Темир-Хан-Шуры, ибо малейшее ослабление действий наших ободрило бы осажденных и доставило бы Шамилю пособие приятных ему племен”. Кавказское командование считало, что цель экспедиции, возложенной на генерал-майора Фези, вполне достигнута⁴¹. Но в горах уход царских войск был воспринят как их поражение. А это уверило горцев, “что Шамиль в состоянии бороться с огромными силами”. После этого Шамиль, обосновавшись в селении Чирката, развернул энергичную деятельность по объединению сил восставших, чему благоприятствовала сложившаяся обстановка. Кавказское командование, занятое подавлением кубинского восстания, в течение всего 1838 г. не предприняло никаких действий в Нагорном Дагестане⁴². Движение все более и более ширилось, и вскоре восстанием оказались охвачены Койсубула, Салатау, Гумбет, Анди и примыкавшие к Дагестану районы Чечено-Ингушетии. Движение, по словам генерала Граб-

бе, “получило необыкновенно обширное развитие”, а Шамиль “сделался полным хозяином всех средств, представляемых краем для противодействия” правительству. В это же время на берегу Андийского Койсу, в скалистых горах около Ахульго, Шамиль устроил обширные завалы, соединил их крытыми ходами, укрепил это искусственное сооружение “с большою тщательностью и с таким соображением, которое принесло бы честь и не лезгинскому инженеру”⁴³. Эта укрепленная скала была названа Новым Ахульго. Превратили в крепость и аул Ирганай.

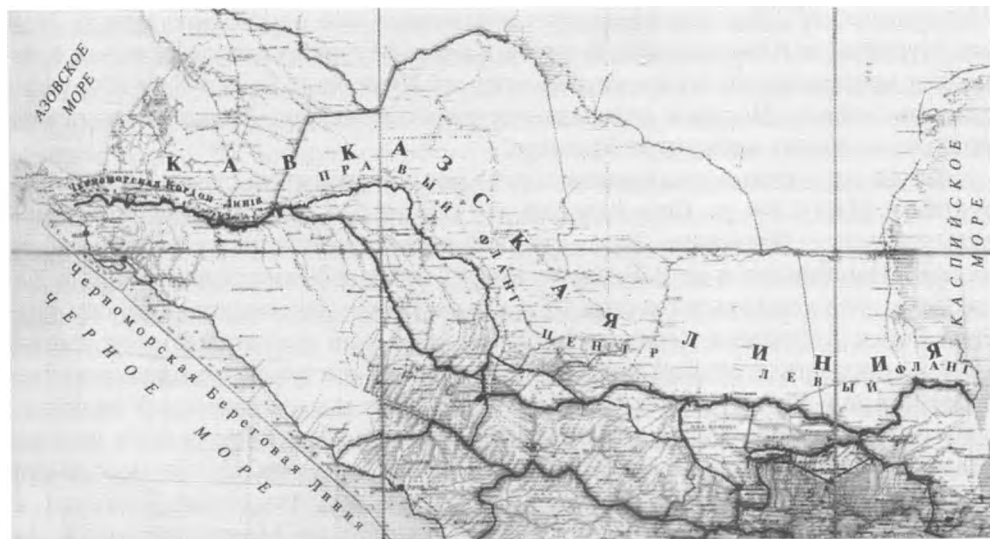
В 1839 г. кавказское командование предприняло наступление на Дагестан. Генерал Головин “усмирил” Южный Дагестан, а генерал Граббе, пройдя Ичкеррию, с боем взял селения Арчуки и Чирката и осадил крепость Ахульго. После продолжительных боев Шамиль вынужден был выдать заложником своего сына и уйти в Чечню⁴⁴.

Кавказское командование считало взятие Ахульго концом сопротивления горцев, хотя Шамиля и не удалось захватить. “Не сомневаюсь, – писал Н.Х. Граббе, – что настоящая экспедиция не только поведет к успокоению края, где производились военные действия, но отразится далеко в горах Кавказа, и что впечатление штурма и взятие Ахульго надолго не изгладится из умов горцев и будет передаваемо одним поколением другому. Партия Шамиля истреблена до основания: но это только частный результат, гораздо важнейшим считаю я нравственное влияние, произведенное над горами”⁴⁵.

§ 2. Второй этап борьбы горцев Дагестана и Чечни за свободу и независимость в 1840–1852 годах

Во второй период освободительной борьбы восставшие горцы под предводительством Шамиля достигли наибольших успехов: были одержаны крупные военные успехи над царскими войсками, в результате в нагорной части было взято 12 укреплений, российскую армию изгнали почти из всей Аварии и Чечни. Для расширения базы движения предприняли крупные экспедиции как в самом Дагестане, так и на Северный Кавказ. В этот период было организовано военно-теократическое государство. Достигнув своего апогея, в стане восставших сложилась противоречивая обстановка, подспудно назревавшая с самого начала борьбы.

В 1840 г., вопреки ожиданиям кавказской администрации, во многих местах Чечни начались стихийные выступления доведенных до крайности крестьян. В Чечне, признавал Н.Х. Граббе, обнаружилось также большие беспокорства и нет сомнения, что главнейшая к тому причина – стесненное положение жителей нагорной части Чечни⁴⁶. Непосредственным поводом выступления крестьян послужили жестокости генерала Пулло и стремление властей обезоружить горские общества. Создавшемся положением умело воспользовался Шамиль, который объединил разрозненные силы повстанцев и возобновил вооруженную борьбу. Ближайшими его помощниками стали Ташев-Хаджи, Ахмед-хан, Суаиб, Джеват-хан, Шуаиб-мулла, Думбай, Тепи и др.⁴⁷ Войска под командованием генерал-лейтенанта Галафеева,

Карта укреплений Кавказского края. 1848 г.

отправленные для подавления восстания в Чечне, встретили упорное сопротивление. В некоторых сражениях, в том числе в битве на р. Валерик, широко известной по описанию М.Ю. Лермонтова, царские войска одержали верх, но им не удалось сломить дух сопротивления. Более того, в борьбу включались все новые силы. Еще больших успехов Шамиль достиг в Дагестане. На его сторону перешли салатавцы, наблюдалось брожение и в других обществах. “Шамиль распустил слух, будто он подвигается к Дербенту для соединения с Ибрагим Пашою Египетским, следующим к ним на помощь со значительными силами, и этим, – писал генерал Клюгенау, – хочет придать более влияния и склонить на свою сторону войсубулинцев и жителей шамхальского владения”⁴⁸. Он знал, что крестьяне Тарковского шамхальства были крайне недовольны все возрастающим гнетом. “Открыто они ропщут на притеснения и несправедливости его (шамхала), – доносил Клюгенау, – и ропщут на правительство русское, допускающее утеснять народ... неудовольствие это почти всеобщее, скрывающееся теперь в уме народа...”⁴⁹

Летом возглавляемый Шамилем отряд одержал победу над царскими войсками и отрядами тарковского шамхала и мехтулинского хана под селением Ишкарты, заняв без боя Эрпели, где “разрушил и сжег дом Уллубия”. В Халхалухе Шамиль уничтожил усадьбу-сад и посеvy мехтулинского Ахмет-хана. В конце 1840 г. на сторону Шамиля перешел Хаджи-Мурат. Мотивы этого перехода до конца не выяснены, есть основания полагать, что Хаджи-Мурат был недоволен тем, что кавказское командование, несмотря на его заслуги, участие в заговоре против второго имама, и то, что он стал фактическим правителем Аварии после смерти Гамзат-бека и руководителем хунзахцев, выступавших против Шамиля, утвердило правителем Аварии Мирза-Магомед-хана Казикумухского. Когда же он попросил устранить себя от управления Аварией, новым правителем был назначен Магомед-хан

Мехтулинский⁵⁰. Все это создавало неприязненные отношения между Хаджи-Муратом и Ахмет-ханом. В итоге Хаджи-Мурат оказался обвинен в измене и арестован, но во время перевода из Хунзаха в Темир-Хан-Шуру ему удалось бежать. Переход очень популярного в Аварии Хаджи-Мурата еще больше возвысил авторитет Шамиля.

Крупных успехов восставшие горцы под предводительством Шамиля достигли в 1840–1844 гг. Они нанесли ряд ощутимых ударов по царским войскам в Чечне и Дагестане. Была сделана попытка поднять на борьбу кабардинцев, закубинцев и др.⁵¹ В марте 1842 г. отряды Шамиля вторглись в Казикумух, но укрепиться не смогли и под натиском превосходящих сил царских войск отступили. Значительных успехов они достигли в следующем, 1843 г.: после тщательной подготовки началось наступление одновременно в Дагестане и Чечне. Царские войска потерпели поражение под Унцукулем в Аварии и селением Харачой в Чечне. Развивая успех, к лету того же года Шамиль взял упрещения Балаханы, Гергебиль, Моксох, Цатаных, Ахалчи, Гоцатль, Хунзах и другие, начал наступление на Равнинный Дагестан. В Верхнем Дженгутае Шамиль сжег дворец Ахмед-хана Мехтулинского⁵². Заняв Казанище, его войска стали угрожать Темир-Хан-Шуре. В ряде селений была уничтожена “греховодная знать”. В феврале 1843 г. Кибит-Магома истребил в Гидатле “6 человек почтеннейших там людей”⁵³, а через некоторое время убил старшину “с 10 почтеннейшими жителями” Гидатля, истребил знать Андалала, Кидиба, Саситля и др. “Мюриды по наставлению Шамиля, – свидетельствует очевидец Муртуз-Али, – старались прежде всего делать различные нападения на богатых черкеев”⁵⁴. В 1844 г. была предпринята экспедиция в Табасаран, завершившаяся тем, что владетель Джамов-бек бежал в лагерь царских войск, а ряд сел Кайтага и Табасарана перешли на сторону Шамиля. Кроме того, делались попытки распространить борьбу на Северный Кавказ. С этой целью на Северо-Западный Кавказ был отправлен Магома-Гаджи, влияние и власть которого, по словам командующего войсками на Кавказской линии и на Черноморском побережье, “с каждым днем возрастает и число его приверженцев в особенности растет между простым народом, несмотря на то, что он подвергает их строгим взысканиям и даже наказаниям”⁵⁵. Летом 1844 г. Даниял-бек Елисуйский, “влачивший свою унижительную роль почти два целых года, затаил обиду” и перешел на сторону Шамиля, что возвысило авторитет последнего⁵⁶. Однако не везде и не всегда успех сопутствовал Шамилю. Были у него и неудачи, не все добровольно признавали его власть, и не раз ему приходилось прибегать к оружию и силой подчинять ряд обществ, насаждая новые порядки. Прибегал он и к различного рода уловкам. Для того, чтобы возвеличить себя в глазах рядовых горцев, Шамиль распространял слухи о письмах, будто бы полученных им из Египта от самого Махмед-Али, в которых последний обращается к горцам с требованием повиноваться Шамилю, обещая при этом вскоре прибыть к нему на помощь с большим войском⁵⁷.

Недовольный действиями Кавказской армии Николай I в конце 1844 г. назначил нового главнокомандующего кавказским корпусом и заместителем генерал-майора графа М.С. Воронцова, назидательно указав “разбить, буде можно, скопище Шамиля, проникнуть в центр владычества и в нем утвердиться”. Свою деятельность М.С. Воронцов начал с того, что сделал попыт-

ки привлечь на сторону правительства Даниял-бека, вошел в сношение с Хаджи-Муратом⁵⁸ и сделал Шамилю предложение о мире. Получив отрицательный ответ от предводителя горцев, он возглавил поход царских войск в мае 1845 г., рассчитывая одним ударом покончить с ним, захватить его резиденцию Дарго. Не встречая особого сопротивления, войска генерала углубились в горы. Командование считало, что во время движения царских войск “будут разорваны узы подчинения различных народностей Шамилю”⁵⁹. Однако этого не случилось. Без особого труда Воронцовым был взят аул Дарго, но его армия, окруженная со всех сторон, оказалась в ловушке. Оторванный от продовольственных баз главнокомандующий не мог долго оставаться в Дарго. При отходе царские войска подвергались нападениям горцев и несли большие потери. Только прибытие подкрепления под командованием генерала Фрейтага спасло отряды и самого М.С. Воронцова от неминуемой гибели. Согласно официальным данным, во время этой, получившей в истории название “даргинской”, или “сухарной” экспедиции, царские войска потеряли четырех генералов, 168 офицеров и 3443 солдата. Тем не менее, царское правительство считало, что цель экспедиции достигнута, Дарго взят, а главнокомандующего наградили орденом. По существу, это была крупная победа восставших горцев. Объясняя их успехи, Ф. Энгельс писал: “В борьбе на Кавказе, которая из всех войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу, горцы своими относительными успехами были обязаны наступательной тактике, которой они преимущественно придерживались при обороне своей территории... Сила сопротивления горцев заключалась в их непрерывных вылазках со своих гор на равнины, во внезапных нападениях. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские и использовали это преимущество”.

В 1846 г. Шамиль во главе 10-тысячного отряда пробился через Сунжинскую линию, вторгся в Кабарду, рассчитывая поднять на борьбу кабардинцев, но это предприятие не имело успеха. Не встретив поддержки, Шамиль вынужден был вернуться в Дагестан. Между тем кавказское командование укомплектовало войска, а главное – отказалось от системы карательных экспедиций, которые приносили кратковременный успех, и повело наступательные действия. Предпринимались и меры политического воздействия: рассылала письма и прокламации против Шамиля, призывали горцев прекратить борьбу и перейти на сторону правительства. Командование налаживало личные контакты с лицами, занимавшими в имамате видные посты. “Теперь же, – писал М.С. Воронцов, – по системе менее наступательной, шагами, может быть, более верными, но тихими”.

С этого времени военные предприятия Шамиля перестали быть успешными. В сражении при селении Кутиша Шамиль был разбит. В сентябре 1847 г. царские войска взяли крепость Салты, в июле 1848 г. – Гергебиль. Чтобы восстановить пошатнувшееся положение, Шамиль пытался овладеть крепостью Ахты, но был отброшен. И после этого он делал отчаянные попытки для возобновления наступательных действий, но события разворачивались не в его пользу.

В Кайтаго-Табасаран был отправлен с отрядом Хаджи-Мурат с целью возглавить борьбу недовольных существующими порядками крестьянских масс. Однако он не собирался этого делать, идя “по своему пути обыкновен-

но в отношении грабежа и похождения, отсюда туда, оттуда сюда”⁶⁰. И в силу этого он не выполнил возложенные на него задачи. Отправленный для исправления ситуации отряд под командованием Бук-Магомедов был разбит царскими войсками. 23 ноября 1851 г. Хаджи-Мурат перешел на сторону царского правительства. “И все это из-за плохих качеств своего характера”, – пишет ал-Карахи⁶¹. Но, согласно имеющимся сведениям, кавказское командование задолго до этого через лазутчика Саида вело с ним переговоры, добиваясь его перехода на сторону правительства⁶².

В 1849–1850 гг. русские войска достигли крупных успехов в Чечне. В результате от имамата оказались отторгнутыми Малая и Большая Чечня, что поставило Шамиля в критическое положение.

¹ Копия с отзыва ген-квартирмейстера Кавказской армии от 7 сен. 1864 г. // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра. Д. 1289. Л. 10.

² *Фадеев А.В.* Кавказ в системе международных отношений, 20–50-е годы XIX в. М., 1956. С. 13.

³ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией за 1863–1870. СПб., 1870. С. 24.

⁴ КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 33.

⁵ Архив князя Воронцова. М., 1890. С. 185.

⁶ *Руновский А.* Мюридизм и газават в Дагестане по объединению Шамиля: Военный сборник, 1859. С. 680.

⁷ ЦГИАЛ. Ф. 1377. Д. 3. Л. 1. Д. 97. Л. 2.

⁸ ЦГИА ГрузССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 55; Д. 746. Л. 30; АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 20, 26–27, 29–30 и др.; ДГСВК. С. 29, 37, 39.

⁹ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 509.

¹⁰ Записки А.П. Ермолова. М., 1864. С. 73.

¹¹ *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 55.

¹² Записки А.П. Ермолова. С. 98.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. I. Л. 52.

¹⁴ ДГСВК. С. 69.

¹⁵ *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 306.

¹⁶ *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 87.

¹⁷ Там же. С. 78.

¹⁸ Рукописный фонд Ин-та истории АН СССР. Раздел V. Д. 27, 150.

¹⁹ Шариат (араб. шариа, букв. – правильный путь, прямая дорога, образ действий) свод религиозных, этических и правовых предписаний, обязательный для всех мусульман (суннитов и шиитов) – основан на Коране.

²⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6514. Л. 47–52.

²¹ *Романовский А.* Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 320; см. также: *Петров А.* История 83 пехотного Самурского полка. Петровск, 1892. С. 3.

²² *Добролюбов Н.А.* Полн. собр. соч. М., 1937. Т. IV. С. 143.

²³ ССОКГ. Вып. II. С. 143; Воспоминания Абдурахмана. Рук. фонд ИИЯЛ, 553. Ф. I. Оп. 1. Д. 4923. “Я никогда не был согласен с поступками Гази-Мухамеда... – писал Джамалутдин. – Я слышал, что он выступал с войском, но я не только не пошел к нему, и не вмешался в дело его, ибо не имею нужды до сих, но даже запрещал ему начинать оныя, советовал и приказывал спокойно сидеть дома и заниматься учением. Но он не только не обратил внимания на слова мои и не принял

- моего совета, но еще начал порицать и поносить меня, написав ко мне письмо в самых гнусных выражениях". К.С. Т. 12. С. 9–10.
- 24 *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 147.
- 25 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228.
- 26 МИДЧ. С. 202–203; ДГСВК. С. 62–63.
- 27 ДГСВК... С. 92.
- 28 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6251. Л. 139–140.
- 29 ДГСВК... С. 113.
- 30 Хроника... С. 16.
- 31 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Д. 27.
- 32 МИДЧ. С. 350.
- 33 ДГСВК. С. 685.
- 34 *Романовский А.* Указ. соч. С. 334.
- 35 Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 68.
- 36 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 325.
- 37 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6325. Л. 31–32. КС. Т. X. С. 271–272.
- 38 ДГСВК... С. 139.
- 39 Там же. С. 163.
- 40 Там же. С. 167; МИДЧ... С. 359–360.
- 41 ДГСВК... С. 168.
- 42 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 51.
- 43 МИДЧ... С. 420–421.
- 44 Там же. С. 422.
- 45 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6379. Л. 2–15.
- 46 ЦГИА ГрССР. Ф. 1085. Оп. 6. Д. 298. Л. 28.
- 47 ДГСВК... С. 47.
- 48 Там же. С. 257.
- 49 Там же. С. 260; Ф. 1063. Оп. 6. Д. 544. Л. 9–15.
- 50 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6317. Л. 5–7.
- 51 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 129. Л. 40–42.
- 52 Хроника... С. 165.
- 53 ДГСВК... С. 372.
- 54 *Гаджиев В.Г.* Новый источник по истории Дагестана XIX в. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 209.
- 55 ДГСВК... С. 445.
- 56 *Иваненко.* Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901. С. 228–230.
- 57 ДГСВК... С. 42.
- 58 Там же. С. 486–488.
- 59 Воспоминание гр. Бенкендорфа К.К. о Кавказской летней экспедиции. С. 89.
- 60 Хроника... С. 26.
- 61 Там же. С. 227.
- 62 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19741. Л. 160–167.

Дагестан накануне и в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов

§ 1. Внутриполитическая обстановка. Обострение классовой борьбы

Прекращение военных действий и последовавшее за ним образование Дагестанской области, введение так называемого военно-народного управления, обновление судопроизводства, частичное освобождение феодально-зависимых крестьян, освобождение рабов и другие правительственные меры были исторически прогрессивны. Но к этим нововведениям население относилось неоднозначно. Выше уже говорилось, что ликвидация ханско-бекского управления и освобождение зависимых крестьян и рабов не означало, что царизм изменил свое давно сложившееся отношение к феодальной верхушке Дагестана. Самодержавие сделало все, чтобы не обделить высшие сословия горского общества в привилегиях, не отстранить их от управления. Ханам были выделены единовременно крупные денежные суммы, установлены пожизненные пенсии, отведены значительные земельные угодья. Тем не менее отстраненные от политической власти теперь уже бывшие феодальные владетели были недовольны нововведениями, хотя об этом не высказывались открыто. По-прежнему оппозиционно к царизму были настроены представители многочисленного мусульманского духовенства. Не получив никаких привилегий, затаилась и феодализирующаяся сельская верхушка. Реформы не решили социальные противоречия в Дагестане. Они, как и в первой половине XIX в., усугубляли классовую и внутриклассовую борьбу.

*Движение зикристов*¹. Наибольшее распространение в 60–70-е годы получила секта зикристов. Она возникла еще в период борьбы горцев под предводительством Шамиля в Чечне, а затем проникла в Дагестан. Зикристы считают, что мусульманин должен отрешиться от всего мирского, предаться строгому посту и созерцанию творца-Аллаха. Непрерывно поминая Аллаха, совершая определенные телодвижения, они доводили себя до состояния экстаза. По мнению идеологов зикризма, мусульманин подымается до высших пределов познания, и ему будет ниспослано свыше ясновидение. Таким образом, секта отвлекала горцев от активной социальной и национальной борьбы. Именно поэтому Шамиль боролся с идеологией и последователями зикризма на подвластной ему территории². Правильно оценивала зикристов и кавказская администрация. В этом движении, говорилось в официальном документе, “народной нравственности не обнаружено”. Кавказские

* Библиографический аппарат дан в авторской редакции.

власти, исходя из принципа ‘как бы чего не вышло’, получили согласие Петербурга на то, чтобы сделать все зависящее для ограничения или даже полного прекращения движения зикристов. Однако все меры администрации сводились лишь к тому, что наиболее активных участников секты удаляли из области.

Идеология зикризма не была широко распространена среди населения. Известны даже факты, когда жители отдельных сел изгоняли зикристов. Такие случаи имели место в Кайтаго-Табасаранском и других округах. Характеризуя зикризм, можно сказать, что это бесплодное, оторванное от жизни движение не находило поддержки среди горского крестьянства и не отвечало чаяниям широких трудящихся масс. Догмы зикризма, отвлекая горцев от реальной действительности, препятствовали общественному духовному развитию общества. Зикризм не давал горцам ни оружия идейной борьбы, ни средств удовлетворения духовных потребностей народа. Таким образом, это движение было реакционным. Правильно указывая на то, что зикризм среди горцев не находит какую-либо заметную поддержку, администрация области считала, что в 70-е годы XIX в. секта зикристов почти прекратила свое существование. “В среднем Дагестане, – говорилось в рапорте начальника округа, – нигде не замечается последователей зикры, исключая, быть может, несколько человек, исполняющих его в тайне. В южном Дагестане хотя и остается немного лиц, известных приверженностью к этому учению... не решаются уже распространению зикра. В северном Дагестане нет проповедников зикра, а есть несколько человек, исполняющих часть обрядов учения... В верхнем Дагестане тоже нет признаков зикры”³.

Последующие события показали, что идея зикризма не исчезла. Его сторонники лишь притаились, а в последующее время движение получило развитие. Секта зикристов действует на Северо-Восточном Кавказе и поныне.

Движение за переселение в Турцию в 60-х годах XIX в. На Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, возникло движение за переселение в Турцию. Обычно принято считать, что оно появилось в результате пропаганды эмиссаров султана, с одной стороны, и жесткой кавказской политики самодержавия – с другой. Имеющийся фактический материал не оставляет сомнения, что эмиссары султана и их приспешники среди северокавказских народов вели разнузданную антирусскую пропаганду, которая сводилась к тому, что жизнь мусульман, оказавшихся под властью христиан, будет ухудшаться и что царизм насильственно заставит их отречься от своей веры и обратит в христиан. Поэтому мусульманам надо спасать себя уходом в страну обетованную. При этом эмиссары обещали, что они найдут в Турции достойный прием, спокойствие и свободу. Естественно, что эти “внушительные речи”, хотя и не имели под собой реальной почвы, все же не могли не воздействовать на умы горцев. Это, однако, не означает, что движение за переселение в Турцию на Северном Кавказе возникло только под влиянием эмиссаров. Совершенно очевидно, что их пропаганда не оказала бы сколько-нибудь заметного воздействия на умы горцев, если бы не внутренние социально-политические причины, побуждавшие к переселению. Объясняя мотивы, толкавшие горцев оставлять насиженные места и покидать родину,

добиваться разрешения эмигрировать в Турцию, начальник Дагестанской области доносил: “Вскоре после обложения жителей Темирханшуринского округа денежной податью, стали являться с просьбами о дозволении выхода в Турцию жители не только тех селений этого округа, из коих постоянно просящихся, но из таких мест, откуда прежде не являлось подобных просьб”⁴.

Такой же характер носили и обращения горцев других округов области. Это красноречиво свидетельствует о том, что движение за переселение в Турцию, наряду с религиозным мотивом и пропагандой зарубежных эмиссаров, вызвано социальным и национальным гнетом царизма.

Следует также отметить, что самодержавие не только не препятствовало эмиграции горцев в Турцию, но и в какой-то мере содействовало им в этом. Начальник Дагестанской области неоднократно мотивировал эту политику тем, что в области заметно увеличилось количество населения, а “учитывая малоземелье в Дагестане, сделалось необходимым выпускать в Турцию, по временам, известную долю населения”. Однако после того, как в апреле 1865 г. Турция официально уведомила царское правительство о том, что она отказывается принимать выходцев с Кавказа без предварительного согласования с турецким правительством, кавказская администрация с 1867 г. установила “нормы ежегодного выпуска, по четверти процента всего населения, что в год составляло 250 семейств”⁵. При этом если ранее выезжавшие в Турцию горцы могли свободно продать принадлежащую им землю, то с 1867 г. царские власти запретили продажу земли, мотивируя это тем, что земля не является собственностью горца-крестьянина, а принадлежит казне. Кроме того, каждый горец, желающий переселиться в Турцию, должен был внести в казну единовременную денежную подать на десять лет вперед.

Эти меры царского правительства несколько ограничили поток эмигрантов. Однако решающую роль в сокращении, а затем и прекращении переселения сыграло то, что переселенцы, вместо предполагаемого земного рая в обетованной стране, оказались в безвыходном положении: без крова и средств к существованию. Не выдерживая этих условий, горцы гибли тысячами и караваны переселенцев всеми силами стремились вернуться обратно в Дагестан. Но это оказалось делом не легким. Царизм предпринял ряд действенных мер, чтобы воспрепятствовать горцам вернуться на родину. В частности, русским консульствам на Востоке было предписано отказывать в помете паспортов уроженцам Кавказского и Закавказского края, перешедшим в турецкое подданство и желающим возвратиться в отечество, стать снова русскими подданными. Начальникам губерний и областей Кавказа было дано указание, “чтобы проживающие в Турции горцы не были пропускаемы в наши пределы не только без паспортов от русского правительства, но и с паспортами, не визированными нашими консулами”. В результате горцы, которые эмигрировали в Турцию, навсегда оказались за пределами родины. Лишь немногие смогли вернуться, большинство – вымерло, а уцелевшие разбрелись в поисках пропитания, но нигде не находили пристанища и были обречены на полуголодное и бесправное существование.

§ 2. Антиколониальные выступления в 60-х годах XIX века

В рассматриваемый период восстания горцев продолжались.

“Наше положение здесь (т.е. в Дагестане. – В.Г.), – доносил начальник области, – весьма шаткое, что порядок наш введенный недостаточен к удержанию Дагестана в покое”. И поэтому, указывал он, “предстоит еще весьма продолжительное время неустанная борьба со многими враждебными элементами, коренящимися в туземном мусульманском населении”. Очевидно, что “шаткость положения заключалась не столько во враждебности элементов”, которые могли быть быстро ликвидированы, сколько в недовольстве широких народных масс. В официальном документе говорится: “Назначаемые между покорными нам татарами, более по протекции и другими случаями, нежели по личным их способностям и поведению, чиновники, вовсе незнакомые с правилами народоуправления, имея в виду не пользу правительства, а свою собственную, со дня вступления во вверенные им должности начинают разными наглыми путями грабить и стеснять жителей: смещение с должностей поставленных предместниками и по выбору жителей сельских начальников, кадий и проч. поруганием их обряда и веры и насильственным или посредством денег привлечением к себе их жен, за которых каждый мусульманин готов пожертвовать всем своим состоянием и даже жизнью [...]

Эти самые противозаконные действия наших чиновников поколеблют доверие покорных им татар и по сообщению ими всего этого немирным, если последние, видя себя окруженными подобными действиями, приходят в остервенение, употребляют всевозможное старание к предостережению себя от этого жребия. Доказательством сего могут быть действия и участие”.

Восстание в Андийском округе. В 1860 г. восстали жители Нагорной Чечни. Вскоре восстание перекинулось в соседний с Чечней Андийский округ Дагестанской области.

Выступления жителей Андийского округа начались с убийства полковника местного гарнизона. В ответ на это начальник округа мобилизовал милицию и верных правительству лиц, а затем, вместе с отрядом военного гарнизона, находившегося в его распоряжении, направил их на подавление восстания. Царские войска окружали непокорные аулы и села. Бунтовщикам было предложено прекратить вооруженное сопротивление и разойтись, но повстанцы даже не приняли делегатов, а предводитель горцев Ома заявил, что им принята присяга не вступать с христианами в мирное соглашение и что вопрос может быть разрешен только саблём. Между правительственными войсками и повстанцами произошло сражение, в результате которого царские войска, не достигнув успеха, вынуждены были вернуться обратно. Тогда начальник округа спешно обратился к губернатору области, требуя для подавления восстания дополнительных войск. Из Темир-Хан-Шуры отправили в Андийский округ войска и дагестанскую милицию с артиллерией. Царские войска вновь подступили к границе с Чечней. Повстанцы оказались в окружении и, несмотря на самоотверженную борьбу в течение нескольких месяцев, были вынуждены сложить оружие.

Восстание в Ункратле. Не успели отгреть пушки в Андийских горах, как вспыхнуло новое, гораздо большее по масштабам восстание в Ункратлинском обществе.

Возглавил восставших житель селения Хварши Куракул-Магома. Выступление ункратлинцев началось в январе 1861 г. Повстанцы предприняли несколько удачных вылазок в Западный Дагестан и Кахетию, дошли до селения Ботлиха, совершили налет на лагерь трех рот Куринского пехотного полка, расположенный в Тиндинском лесу. Вслед за этим к восставшим начали присоединяться жители селений Западного Дагестана. Восстание, по свидетельству начальника Дагестанской области, грозило принять опасные размеры.

Чтобы не допустить дальнейшего распространения повстанческого движения в Нагорном Дагестане, были подтянуты войска, военная и пешая милиция. Командующий армией приказал принять самые энергичные меры к разгрому восставших.

Горцы были окружены со всех сторон. Они сражались в трудных условиях зимы без всякой помощи со стороны. Запасы продовольствия и боеприпасов иссякли, и в марте 1861 г. повстанцы были вынуждены покориться. Лишь Куракул-Магома с группой своих сподвижников не сложил оружия и продолжал бороться с царскими войсками еще в течение длительного времени.

Жители аулов Западного Дагестана сочувствовали повстанцам, оказывали им посильную помощь, но не решались на открытое вооруженное восстание будучи окруженными царскими войсками.

Царские власти жестоко расправились с восставшими, наиболее активные участники были казнены или арестованы и сосланы в Сибирь.

В начале 1862 г. вновь восстали ункратлинцы под предводительством Казы-Магомед, двоюродного брата популярного в Дагестане шамилевского наиба Кибит Магомед. Возвратившись из паломничества в Мекку, он стал подстрекать жителей взяться за оружие. Ему удалось собрать сторонников, которые и составили план выступления и дальнейшие действия против царских войск. Но об этом донесли кавказскому командованию, которое энергичными действиями в зародыше подавило подготавливаемое восстание. “В Ункратле в начале 1862 г., – читаем в официальном документе, – шайка горцев вызвала против себя вооруженную силу и была уничтожена ею”⁶. При этом были арестованы Казы-Магомед и Кибит-Магомед, первый из которых был сослан в Сибирь, а второй чуть позже выслан в Турцию.

Закатальское восстание. Осенью 1862 г. восстали закатальские аварцы. Обычно в исторической литературе представляют это восстание “оппозицией против ожидаемой отмены феодально-зависимых отношений в округе, переплетавшееся с оппозицией насильственной христианизации местных жителей. Восстанию объективно благоприятствовало также то, что здесь всеобщий характер получил произвол суда, взяточничество, беззаконие царских чиновников”⁷. Говоря о причинах восстания, один из его руководителей, Муртуз-Али, уроженец селения Урода Гидатлинского общества, пишет, что некоторые жители округа стали переходить в христианство. В селении Белоканы начали строить церковь в сентябре 1862 г.⁸ Местное мусульман-

ское духовенство делало все возможное, чтобы воспрепятствовать этому и направить жителей “на путь истинный”⁹.

Оно решило поднять восстание, которое должно быть поддержано горцами Дагестана и Чечни. Муртуз-Али в течение четырех месяцев объездил горы, был в Чечне, толковал с муллами о средствах вооружения горцев. В результате “жители нагорного Дагестана и вся Чечня дали мне слово восстать”. К заговорщикам, как и предполагалось, примкнул офицер царской армии капитан Гаджи-Муртуз.

Как видим, духовенство в течение довольно продолжительного времени тщательно готовило восстание. На одном из совещаний инициаторов восстания был выработан окончательный план выступления, решено было начать с нападения на Закаталы. Однако план этот был раскрыт. И тем не менее, Гаджи-Муртуз, не изменив своего решения, во главе взявшихся за оружие двинулся к Закаталам, Муртуз-Али с отрядом в 150 человек также должен был выступить из селения Даначи к Закаталам. Здесь случилось непредвиденное: жители Даначи не только отказались от своих обещаний, но и задержали Муртуз-Али. И лишь благодаря вмешательству популярного в крае шейха Заидо Эфенди даначинцы пропустили Муртуз-Али и его небольшой отряд, который вскоре смог соединиться с основными силами повстанцев. Они сожгли мост, ведущий в Тбилиси, сделали попытку организовать восстание в Алиабаде. 6 июня 1863 г. повстанцы штурмовали Закаталы, но были отбиты. Не привели к успеху и повторные атаки горцев. Не увенчались успехом и попытки предводителей повстанцев получить помощь из Дагестана.

Восставшие напали на Белоканскую крепость, где стоял гарнизон царских войск. Завязался бой, в котором обе стороны понесли большие потери. Тем не менее овладеть крепостью восставшие не сумели, так как на помощь защитникам гарнизона из Темир-Хан-Шуры были направлены многочисленные царские войска с несколькими сотнями милиции. В результате под натиском превосходящих сил восставшие были вынуждены прекратить осаду и отступить.

Теперь царские войска начали наступление на повстанцев. К тому времени жители Западного Дагестана не имели возможности поддержать закатальцев. В результате восстание постепенно пошло на убыль и было подавлено превосходящими силами царских войск. Гаджи-Муртуз был арестован вместе с другими организаторами восстания. По приговору военно-полевого суда его сослали в Енисейскую губернию, где спустя десять лет он умер. В Сибирь было сослано множество активных участников, а семеро руководителей повешены.

“События в Закатальском округе, – писал начальник Дагестанской области, – возбудили в некоторых ближайших обществах Дагестана напряженное внимание, а кое-где и брожение умов до того сильное, что... начальник Среднего Дагестана сосредоточил в разных пунктах войска и деятельно следил со своими подчиненными за настроением умов населения, дабы оно не могло перейти в нарушение порядка или даже в открытое восстание. И хотя кое-где обнаружены были злоумышления, но они остались в бездействии, а главные виновники в них, равно как и участвовавшие прямо или косвенно в Закатальском восстании, отдельные личности

из Верхнего и Среднего Дагестана были взяты беспрепятственно и подвергнуты наказанию по мере вины”.

Повторное восстание в Андийском округе. Выступление гумбетовцев. В период восстания в Закаталах волнения происходили и в Дагестане. Но меньше всего царские власти ожидали выступление со стороны андийцев.

Во-первых, этот округ был слишком отдален от Закатал, а во-вторых, по мнению царских властей, жестокое подавление предыдущего выступления андийцев должно было послужить им “уроком”. Но факт оставался фактом. Андийцы восстали во второй раз.

Царская администрация объясняла их выступление тем, что в Нагорном Дагестане распространился ложный слух, будто русские намерены всех оставшихся активных участников движения горцев под руководством Шамиля арестовать и сослать в Россию. Безусловно, эти слухи могли оказать известное влияние на горцев, тем более что в первое время после подавления движения Шамиля царские власти не трогали активных участников движения, а со временем под тем или иным предлогом стали выселять их в центральные губернии России. Но основной причиной выступления андийцев, как и жителей других округов Дагестана, была жестокая колониальная политика самодержавия.

Одновременно с андийцами восстали и жители Гумбетовского общества. Собравшись около селения Шавдух, гумбетовцы приняли решение напасть на царское окружное управление в Ботлихе и на роту, стоящую у аула Глох.

О своем решении они известили андийцев и чеченцев. Но последние не могли оказать им какую-либо помощь. Гумбетовцы предприняли нападения на укрепления в Чиркате, Глохе и Ботлихе, но были разбиты царскими войсками.

Выступления андийцев и гумбетовцев, действовавших неорганизованно, без какой-либо программы, были подавлены, а руководители и наиболее активные участники восстаний были арестованы и сосланы в Сибирь.

Восстание в Кайтаго-Табасаране. Волнения и стихийные выступления крестьян в 60-х годах XIX в. происходили также в равнинной и предгорной части Дагестана.

Наиболее крупным из них было восстание крестьян Кайтаго-Табасаранского округа. Сами повстанцы причиной выступления считали недовольство крестьян обложением податями и боязнь того, что царская администрация, сосредоточив воинские силы, приступит к обезоруживанию горцев.

Причин для волнения крестьян было более чем достаточно. Колониальные власти обложили жителей округа тяжелыми податями в пользу казны. У населения отобрали значительное количество земель под постройку двух крепостей для гарнизонов. Начаты были работы по строительству укрепленных пунктов в нагорной части Кайтага. К тому же, пользуясь поддержкой самодержавия, местные эксплуататоры усилили феодальный гнет.

Восстание крестьян началось с выступления жителей магалов Каракайтага-Шурканта и Катагала. 4 июня 1866 г. повстанцы осадили окружной центр селения Маджалис. На помощь восставшим стали прибывать подкрепления из других аулов. Однако в это время среди руководителей движения возник раскол. Противники продолжения активной борьбы покинули ряды восставших. Этим воспользовалась царская администрация области. В Кай-

таго-Табасаранский округ были подтянуты царские войска и местная милиция. Одновременно царские войска заняли все пути, соединяющие Кайтаг с соседними селениями Дагестана. Оказавшись в кольце царских войск, повстанцы Кайтага продолжали самоотверженную борьбу с намного превосходящими силами самодержавия. Видя упорство горцев, начальник Дагестанской области князь Меликов, лично возглавивший борьбу с повстанцами, решил организовать убийство руководителя восстания Суттая. С этой целью в лагерь повстанцев был направлен наемный убийца, один из родственников Суттая. Ему удалось его убить.

Одновременно царские войска усилили наступление на повстанцев. Среди них начался разброд, что облегчило царским войскам борьбу.

В итоге выступление было подавлено. Семь руководителей восстания были повешены, более 200 семейств сосланы в Сибирь. При этом казни и расправа над его участниками совершались в присутствии большого количества населения, специально сгонявшегося в Маджалис. Это делалось, по словам князя Меликова, для устрашения народа. С этой же целью разорили и сожгли селение Шелохи, а его жителей сослали в Россию. Однако жестокости царизма не принесли ему желаемых результатов. По словам начальника области, все это в селениях Аварского округа “отозвалось волнениями и беспорядками”.

Выступления жителей селений Ашильта и Гимры. В то время как войска подавляли восстание в Кайтаго-Табасаранском округе, в защиту своих прав выступили жители селений Ашильта и Гимры Аварского округа.

Для подавления восстания к аулам были направлены войска, а также мобилизована местная милиция. Им удалось окружить повстанцев. Однако горцы продолжали сопротивление, хотя без поддержки соседних обществ повстанцы двух сел не могли рассчитывать на успех. К тому же им стало известно о подавлении восстания Кайтаго-Табасаранского округа, расколе среди повстанцев и измене Доногул-Магомеда, отца будущего имама Нажмутдина Гоцинского.

После этого удалось без особого труда подавить восстание. Заняв Ашильту и Гимры, царская власть, верная своим принципам, жестоко наказала участников восстания. Но как бы она ни изощрялась в жестокостях, ей все же не удавалось “усмирить”, поставить на колени горцев, прекратить волнения горского крестьянства. Народ открыто и тайно продолжал борьбу за свои права. Царские войска и наемная милиция металась из края в край, из селения в селение, “усмиряя” горцев Дагестана¹⁰.

Второе восстание в Ункратле. Через несколько лет, после относительного спокойствия, в 1871 г. вновь вспыхнуло восстание жителей общества.

Поводом послужило то, что начальник Дагестанской области предложил наibu Ункратля взыскать причитающиеся с общества недоимки и сверх того принудить население к уплате по одному рублю с каждого двора. Весть об ожидающих поборах, как и следовало ожидать, вызвала крайнее возмущение жителей, которые договорились между собой отказаться от уплаты. Более того, они решили оказать вооруженное сопротивление в случае применения силы со стороны администрации. Пресмыкающиеся перед цариз-

мом богатеи донесли властям о решении общества. И все же окружные власти решили принудить жителей Ункратля к уплате налогов во что бы то ни стало. С этой целью с отрядом милиции в селение Верхнее Хварши прибыл наиб и стал взыскивать недоимки и налоги принудительным порядком. Тогда крестьяне Ункратля, как это вынужден был признать в своей телеграмме на имя царя наместник Кавказа князь Михаил, “по случаю взимания податей возмутились, убили своего наива Гаджиява, затем двинулись вниз по Андийскому Койсу, желая распространить восстание”.

Узнав о восстании в Ункратлинском обществе, начальник Дагестанской области стянул сюда войска и милицию, а также перебросил из Терской области воинские силы во главе с князем Мирским. Окружив Ункратль, царские войска начали наступление на восставших. Но они не только не смогли сломить их сопротивление, но и вынуждены были отступить после упорных боев, продолжавшихся в течение двадцати суток, к селению Ботлих.

Кавказская администрация в срочном порядке перебросила против повстанцев значительный воинский контингент. Под натиском намного превосходящих сил горцы отступили. Однако оказавшись окруженными со всех сторон, повстанцы продолжали упорно сопротивляться. Тогда командующий войсками, имея целью внести разлад в их ряды, решил начать переговоры с восставшими. Эта задача была возложена на упомянутого выше предателя Доногул-Магомед.

Прибыв в лагерь повстанцев, он стал уговаривать их сложить оружие, обещая при этом, что восставшим не только будет сохранена жизнь и свобода, но они получат и ряд уступок. Доногул-Магомед публично поклялся ходатайствовать за них. Лишенные всякой помощи извне, восставшие поверили клятвам Доногул-Магомед и согласились сложить оружие. Царские войска заняли селения повстанцев. Но свое обещание, как и следовало ожидать, не сдержали ни командующий русскими войсками, ни царский наиб Доногул-Магомед. По приказу администрации царские войска и отряд, возглавляемый наибом Доногул-Магомедом, приступили к расправе над населением. Они разрушали и сжигали целые села, чинили грабеж и насилия.

Генерал-адъютант князь Мирский телеграфировал военному министру, что возмущение в Ункратле окончательно усмирено, тысячи жителей непокорных аулов выселены и следуют в Шуру, что князь Меликов признает необходимым переселение их во внутренние губернии России в наказание и в пример другим. На этом донесении император собственноручно написал: “Слава богу, что так кончилось. Отличившихся представить к награждению”.

§ 3. Восстание 1877 года

Восстание 1877 г. издавна привлекало внимание историков. За более чем столетний период изучения этого события несколько раз кардинально изменялась его характеристика. Ряд местных историков – Гасан-Алкадари, Исхак-ал-Урми и другие – считали, что восстание 1877 г. возникло в результате антирусской агитации эмисаров Турции. Восстание, утверждали они, было ошибкой, злом, “событием хуже всех” и т.д. Видный дагестанский историк Г.Э. Алкадари писал:

Ведь был наш Дагестан родной
Беспечно спавшею страной
Под властью русского царя
Народ жил лучше, чем теперь,
Нежданно, согражданцы зря
Ошибкой злу открыли дверь.

Однако, зная историю повстанческого движения, высказывание Алкадари о “беспечно спавшей стране” подвергли критике местные ученые – Али Каяев, Гасан Гузунов и др.

Дворянско-буржуазная историография это событие оценивала как бунт, возникший под влиянием Турции. Такие же характеристики давались и в последующем. Одно время это восстание оценивалось как народно-освободительное. Затем его объявили феодально-клерикальным бунтом, считая, что движущей силой восстания были феодальные верхи, склонные к сепаратизму. К сожалению, эта проблема еще не до конца разработана, поэтому и возможны ее различные, порой взаимоисключающие толкования. Важно отметить, что кавказская администрация знала об оппозиционных настроениях и “для удержания местного населения от мятежных увлечений” предпринимала чрезвычайные меры. Было установлено наблюдение за настроением умов неблагонадежных личностей. “Для преграждения же путей в пределы области подозрительным лицам поставлены были пикеты милиции на всех горных проходах со стороны западного, среднего и южного Дагестана... Для решительных военных действий с целью подавления мятежа в самом его зародыше были предприняты меры по укреплению опорных пунктов и крепостей Гуниба, Хунзаха, Хаджал-Махи, Ботлиха, Ахты, Ишкарты, Чир-Юрта и др. Во все местные команды доставлены боевые запасы по 100 патронов на ружье – для этого потребовалось около 500000 патронов, а орудия, состоящие на вооружении казематов в укреплениях, были обеспечены полуторным комплектом снарядов”¹¹. Приготовления самодержавия не могли оставаться незамеченными. Брожение умов вызывалось и тем, что в окружных управлениях были составлены списки лиц, которые могут быть вредны для государства и за ними организована слежка¹².

Как и в прежние времена, явное неудовольствие народных масс края пытались использовать правящие круги зарубежных агрессоров в своих корыстных целях. Происки Турции и Англии на Кавказе особенно усилились в тот период, когда шла деятельная подготовка к войне с Россией. Донесения русских заграничных представителей того периода изобилуют сведениями о засылке на Кавказ агентов¹³.

12 апреля 1877 г. началась русско-турецкая война. Одновременно с этим событием в Чечне вспыхнуло восстание. На Северо-Востоке Кавказа возникла опасность всеобщего восстания. “Все колеблется кругом”, – панически сообщал подполковник Батьянов¹⁴. В Дагестане появились эмиссары: Аббас, выдававший себя за турецкого пашу, Тинавас Гаджиев и Мну-Али, эмигрировавшие из Закатальского округа Дагестана. Они предъявили согражданам и жителям соседних аулов письмо сына Шамиля – Гази-Магомеда, в котором речь шла о скорой победе султана над Россией и прибытии в Дагестан турецких войск с деньгами и оружием. В связи с этим населению предлагалось немедленно начать восстание¹⁵. О деятельности этих лиц свиде-

тельствуют и другие источники¹⁶. Под сомнение ставится только подлинность писем Гази-Магомеда. Есть мнение, что они написаны на месте¹⁷. Однако вопрос не в этом. Гораздо важнее, что на основании приведенных документов можно определить восстание целиком и полностью инспирированным из-за рубежа явлением. Признавая значительное влияние внешних сил в возбуждении страстей, все же нельзя думать, что восстание было событием, возникшим в результате агитации агентов султана. Даже официальные лица считали подрывную деятельность эмиссаров Турции лишь поводом, ускорившим выступление горцев. “Письма, доставленные эмиссарами Турции от сына Шамиля Гази-Магомеда влиятельным лицам Чечни, Дагестана, к хаджиям, бывшим на поклонении в Мекке, подтвержденные эмиссарами нелепые известия об успехах турецкого оружия и очевидная недостаточная численность войск в Дагестане казались настолько убедительными и верными, что дали повод представителям фанатизма действовать решительно”. Чтобы удержать Дагестан в спокойствии, кавказское командование, помимо дислоцированных отрядов, “готовых двинуться по первому зову”, организовало специальный отряд под командованием Тер-Асатурова. “До конца августа месяца огромное большинство населения... держало себя в высшей степени сдержанно. Такое настроение, – отмечалось в официальном источнике, – вытекало, с одной стороны, из характера дагестанских горцев, серьезных, осторожных и привыкших действовать не иначе, как с определенными целями, с другой – от первоначальных успехов наших войск на обоих театрах войны с Турцией”¹⁸.

Несмотря на то что официально правительство не всегда одобряло бесчинства офицеров и должностных лиц военно-народного управления, местные власти безнаказанно чинили над населением области ничем не прикрытый произвол. Чтобы не быть голословным, приведем один факт, когда отряд царских войск, идущих из Гуниба в Кюру, уничтожил встретившихся им на дороге аварских торговцев, которые везли курагу, и конфисковали весь товар¹⁹. Чашу народного терпения переполнило требование властей приступить к мобилизации²⁰. Слух о поражении русской армии на Кавказе также оказал влияние на умонастроение населения. Из официальных источников известно, что “первый симптом народного настроения обнаружился в среднем Дагестане”²¹. 29 августа жители Гергебиля, Кикун и других населенных пунктов напали на мастеровых солдат Георгиевского полка. Это выступление сыграло роль спички, брошенной в бочку с порохом.

На следующий день в Согратле после продолжительного “обсуждения, по воле большинства решено было начать восстание”²². Согратлинцы провозгласили “газават” и двинулись на “Анаду Майдан” и здесь, ввиду преклонных лет Абдурахмана-Хаджи, имамом избрали его сына – Гаджи-Магомеда²³. Тогда же для руководства восстанием был создан совет, назначены вейяни и наибы. Однако избрание имама прошло не так гладко. Имеются сведения, что Абдурахман-Хаджи не был уверен в победе Турции в войне с Россией и поэтому считал восстание бесполезным и бесперспективным. Но с его мнением мало кто считался. “Дело дошло до того, что у прибывших в селение Согратль восставших ходжал-махинцев и аварцев возникли мысли убить обоих шейхов, как предателей и сторонников русских, они считали нужным убить Абдурахмана-Хаджи, если он не даст в имамы сына”. В ито-

ге “он вынужден был стать за восстание и отдать сына в имамы”²⁴. После этого “организация мятежа и распространение его пошло быстрыми шагами”. В течение нескольких дней восстанием был охвачен весь Гунибский округ, кроме селения Чох. “С первых же дней оказались в восстании общества Тлейсерух, Карах, Тилитль, Гидатль, Корода и Куяда”²⁵.

Кавказское командование, имея цель ограничить район восстания и подавить его в самом зародыше, двинуло в Гунибский округ отряды царских войск и отряд дагестанского конно-иррегулярного полка. Начальникам Даргинского и Казикумухского округов было приказано собрать конную и пешую милицию и выступить в Гунибский округ. А для охраны Аварского округа по р. Аварское Койсу были выставлены части аварской милиции. Но эти меры не оказались эффективными. Повстанцы нанесли сильный удар отрядам царских войск в районе Гуниба и Голотля, заняли ущелье Кара-Койсу и стали угрожать Гунибу. Одновременно вакилы – посланники имама, переходя из селения в селение, распространили письма, призывающие горцев к восстанию. “Мы, потомственные уздени, – говорится в одном из таких писем, – были подчинены исключительно правилам шариата ислама, имели свои полные права в своих руках... со времени же взятия Шамиля мы попали в крепкую железную ловушку русского правительства и угнетение их велико. Они считают нас своими рабами, наложили на нас большие налоги, требуют непосильную подать, тяжелую работу по строительству почтовых дорог и мостов, лишают права ислама: свободу и шариат. Каждый свободный уздень обязан защищать свои гражданские интересы, а не личные выгоды. Братья! Что делают русские: вот они удаляют ученых кадиев, выбранных народом, назначают в окружные суды не подходящих своему назначению лиц, желая постепенно уничтожить своими законами. Служащие из наших узденей в русских учреждениях продают ислам за чины, ордена и деньги, сильно поддерживают сторону русских. Не видите ли, что если кто-либо из нас не дает честь служащим: при управлении округа начальнику, наибам, другим русским гяурам не снимают свою шапку при встрече, то его, бедного узденя, арестуют или оштрафуют. Братья! Что это значит, судите сами! Легко ли это?

По правилам ислама и шариата [мусульмане] обязаны подчиняться тому только лицу, которое выбрано только народом”²⁶.

8 сентября восстание вспыхнуло в Казикумухском округе. К восставшим примкнул также 8-тысячный отряд со своими начальниками, штабс-капитаном Фатали-беком и ротмистром Абдул-Меджидом, направляемый для борьбы против повстанцев Гунибского округа. Восставшие арестовали начальника округа полковника Чембера со всеми чинами окружного управления. “Фатали-бек, в доме которого находились арестованные, – сообщает участник восстания, – не был намерен убить их, но разъяренный народ... требовал выдать им Чембера, угрожая в противном случае сжечь дома, и Фатали, видя бесполезность своих уговоров, вынужден был выдать его... Чембер при выходе к народу говорил стихами из Корана, чтобы показать народу, что он принял мусульманство... Но потерявший в него доверие народ убил его вместе с другими лицами окружного управления, а жен и детей их отправили в Согратль”²⁷.

Одновременно восставшие напали на укрепление, которое защищалось 50 солдатами. Несмотря на отчаянное сопротивление осажденных, в тот же

день укрепление было взято, а защитники истреблены. Вслед за этим восставшие провозгласили Джафар-хана казикумухским ханом. Целью восставших при провозглашении Джафара ханом, свидетельствует современник, было убедить колеблющихся в том, что “если бы восстание было опасно, то сын Аглар-хана, вечно служивший русским, не стал бы во главе восстания и бежал бы к ним”²⁸.

Тогда же были назначены наибы и начальники колонн и разсланы прокламации²⁹. Восставшие, разделившись на два отряда, двинулись – один отряд во главе с Джафар-ханом в Южный Дагестан, другой, предводительствуемый Фатали-беком, – в уже охваченный восстанием Даргинский округ³⁰.

В Цудахаре, сообщает современник, было две партии. Одна из них во главе с Ника-Кади и Гази-Магомедом выступала за восстание. Другая, руководимая Караевым и некоторыми офицерами, сочувствовала правительству³¹. Между этими партиями шла острая борьба. “Братья, нам известно, что русское правительство не входит в наше критическое положение и небывалую бедность, – говорил один из сторонников восстания, Гаджи Башлинский, на митинге в Цудахаре. – В округе 90 из 100 не в состоянии зажигать и освещать свои комнаты черным нефтом. Главное, они разрушают наши законы, уничтожают шариат и лишают свободы узденство. Их дело – увеличение налогов, натуральных повинностей, дорожных работ и т.д. Служащие получают от правительства жалование, живут зажиточно, крепко держат сторону русских... Пора нам подняться. Победа или смерть!”³² После бурных споров большинство высказалось в пользу восстания.

Вслед за выступлением цудахарцев и купинцев восстание охватило весь Даргинский округ. Восстание в Даргинском округе возглавляли: в Цудахаре – Ника-Кади, в Куппе – Мутала Мама, в Сюрге – Магомед Бахмудов, в Левашах – Бахмай Гаджи-Боганд, в Урахи – Алхас Албуриев и др.

Открытое выступление жителей Даргинского округа нарушило планы царского командования. Отправленный против Согратля отряд князя Накашидзе вынужден был изменить направление удара и заняться подавлением восстания в Куппе и Цудахаре. В Даргинском же округе был вынужден задержаться отряд Тер-Асатурова, направленный для предотвращения восстания в Южном Дагестане. Тем временем восстание охватило Кайтаго-Табасаранский округ. А 13 сентября восстал весь Южный Дагестан. “Члены Кюринского управления, – доносил генерал Комаров, – успели выехать в Кубу. Дербент укрепился. Ахты обложены”³³.

Кайтагским уцмием был провозглашен сын бывшего управляющего генерал-майора Джамов-бека – Мехти-бек. Кюринским ханом провозглашен поручик Магомед-али-бек, а ахтынским – ротмистр Кази-Ахмед. В Табасаране во главе восстания встали Умалат-бек и Аслан-бек³⁴. Окружные начальники, наибы и другие чины управления бежали в Дербент. В городе началась паника. Купцы запирали лавки, прятали товары, часть жителей уехала на пароходе в Баку. “Служащие, офицеры, чиновники тоже собрали свои семьи в дорогу, думая на следующий же день отправить их с почтовым пароходом в Астрахань”³⁵. По словам очевидца Садыкова, “горожане Дербента участия в восстании не принимали, хотя поголовно были вооружены и день ото дня ожидали случая присоединиться к восставшим”. В городе было так

тревожно, что на “рейде стояли два военных парохода в ожидании восстания... ген. Комаров по ночам перебирался со свитой на пароход”³⁶.

Восстание в Южном Дагестане оказало сильное влияние на Северный Азербайджан. Произошли выступления среди закатальцев, кубинцев и даже жителей Бакинской губернии. “Из южного Дагестана, – доносил генерал Бакиханов, – 4 октября мятежники направились в Кусары, горная часть уезда присоединилась к мятежникам”³⁷. А 9 октября начальник Кубинского уезда в тревоге сообщал, что “все пространство от Самура до реки Кубинки занято мятежниками... Их насчитывают 10 тыс. Кусары обложены. Ханы Кюринский и Самурский, оставив Худат... заняли позицию в Агвали”³⁸.

Одновременно восстание охватило и Западный Дагестан. “Жители Бахлукского наибства Аварского округа отложились и предложили удалиться правительственному наibu”³⁹. 27 сентября начальник области Меликов телеграфировал, что “восстание растет до того, что волнение началось в Койсубулинском обществе, прилегающим к Шуринскому округу”⁴⁰. А 2 октября генерал Свистунов доносил о мятеже в Андии и Аргуне. “Восстание в Андии, – писал он, – все распространяется, положение трудное”⁴¹.

Над Дагестаном “разразилась гроза”⁴². За короткое время восстанием оказались охвачены Северо-Восточный Кавказ и пограничные с Дагестаном районы Азербайджана. Судя по крайне тревожным, изменчивым и спешным требованиям местного начальства, “положение было самое критическое, нужно было отжаться на многое, чтобы не потерять все”⁴³.

Чтобы понять характер движения 1877 г., необходимо остановиться на вопросе, какие классы и сословия участвовали в восстании, а также проанализировать классовые отношения внутри лагеря восставших и взаимоотношения руководителей движения с горским крестьянством. Общеизвестно, что восстанием в 1877 г. были охвачены все девять округов области, причем, например, в Казикумухском округе из 94 населенных пунктов восстал 81.

Эти данные говорят о том, что в 1877 г. в Дагестане имело место массовое движение. Однако восстание 1877 г. не было однородным. В нем наряду с горским крестьянством принимали участие местное мусульманское духовенство и “туземно-феодалная знать”.

Вышеприведенный материал, а также многочисленные крестьянские жалобы и прошения с исчерпывающей полнотой показывают, что крестьянство, ожидавшее от русской власти облегчения своей участи, оказавшись под двойным ярмом, поднялось против своих угнетателей.

Часть феодалов, как об этом свидетельствуют документы, оказалась вовлеченной в движение. “Когда восставшие казикумухцы требовали, чтобы Джафар-хан возглавил движение, мать Джафар-хана и тетя Умухани-бике с обнаженной грудью умоляли народ оставить Джафара в покое, а ханам выбрать Фатали-хана, Абдул-Меджида или другого, заявляя народу, что из их тухума остался только один Джафар, лишиться которого они не желают. Да и сам Джафар не верил в благополучное последствие восстания и поэтому не вмешивался в дело, но под давлением народа вынужден был стать ханом”⁴⁴. Феодалы Дагестана, служащие и офицеры, сообщает очевидец, были вынуждены участвовать в восстании “под страхом уничтожения их и их домов”⁴⁵. В связи с этим особое значение приобретает высказывание Гасана Эфенди Алкадари: “Когда в Дагестане вспыхну-

ло восстание, ввиду остроты момента во многих случаях нельзя установить истину и, так сказать, в пламени сухих дров стали гореть и сырые”⁴⁶. Из сказанного следует, что феодально-клерикальные верхи преследовали свои корыстные, отличные от чаяний широких масс, цели. Используя стихийный протест народных масс и благоприятный политический момент (русско-турецкую войну), рассчитывали с помощью внешнеполитического кризиса вернуть Дагестан к прежним временам, к периоду политической раздробленности, стать правителями владений, добиться прежних политических привилегий. Это была реакция феодально-монархического толка, направленная против интересов горского крестьянства. Однако в 1877 г. “изменили” не все феодалы Дагестана. “Служащие и офицеры, – говорит современник, – больше всего заинтересованы своим положением на службе царю, беки – представленными в их пользование царским правительством горными пастбищами”. Поэтому они остались на стороне царизма⁴⁷. “Почти все офицерство и влиятельные люди округа (Даргинского. – В.Г.), – говорится в воспоминаниях участника восстания, – находились на службе у русских, были на стороне последних”⁴⁸. Точно так же беки, за исключением рукельского Ага-бека и архитского Умалата, свидетельствует житель селения Магатыр Гаджи Гасан Аскер оглы, были за русское правительство⁴⁹.

Эти и другие факты не оставляют сомнения в том, что в большинстве случаев “туземно-феодалная знать” была на стороне российских властей. Известно, что их значительная часть участвовала в подавлении восстания, а затем организовывала поимку скрывающихся повстанцев и оказывала всевозможную помощь и поддержку самодержавию. Была ли эта “верность” классового порядка или она являлась результатом простого расчета, трудно установить. К тому же кавказское командование, напуганное размахом движения, стянуло в Дагестан из соседних областей Кавказа и даже Средней Азии и внутренних губерний России новые воинские силы. После чего оно перешло к активным действиям. В Нагорный Дагестан были направлены войска под командованием генерала Петрова, в южный – войска под командованием генерала Комарова, в западный – войска генерала Смекалова. Наряду с царскими войсками в подавлении восстания принимали участие укомплектованные из “туземцев” отряды конно-дагестанских иррегулярных полков и милиция.

Началось предательство феодалов. Повстанцы всюду оказывали упорное сопротивление. Царским войскам чуть ли не каждое селение приходилось брать с боем. Достаточно сказать, что упорные бои между восставшими горцами и царскими войсками происходили при Каякенте, на высотах Киси-Миши, Янгикенте, Иран-Хараб, Дюнек, Башлы, Ахты, Левашы и др. 19 октября царские войска начали выступление на Цудахар. Несмотря на упорное сопротивление защитников, царским войскам ценою больших потерь удалось занять Цудахар. “Решительный результат боя... у Цудахара, – говорится в документе, – был важен в том отношении, что это первое крупное дело отряда в горах и притом в обществе, отличавшимся всегда крайним упорством в военных действиях и решившимся во что бы то ни стало преградить нам путь к центру мятежа – Кумуху и затем Согратлю”⁵⁰. И действительно, ближайшим результатом падения Цудахара было “прекращение мя-

тежа в Кумухе, снятие блокады Гуниба и изъявление покорности рядом сел Гунибского округа”.

22 октября к генералу Меликову прибыли “почетные жители Кумуха и Вицхинского наибства, отдавая себя на милосердие русских”. В Казикумухском округе было установлено окружное управление, а жителей обязали доставлять отряду царских войск все необходимое для его довольствия: рогатый скот и баранов, сено и ячмень и нарядить рабочих для разработки дорог к Согратлю⁵¹. Вслед за этим царские войска двинулись на Согратль, к местонахождению имама и последнему убежищу повстанцев Дагестана и Чечни.

1 октября войска Дагестанского отряда обложили Согратль, а на следующий день начали наступление. Отряд состоял из штурмовых колонн. Первая из них была предназначена для атаки передовой башни с восточной стороны, а средняя – для штурма той же башни с фронта к перешейку, и левая – для прикрытия левого фланга⁵². Осажденные сражались отчаянно. На все предложения сдаваться защитники отвечали проклятиями и ругательствами. Каждую башню приходилось брать боем. “Жаркий бой, – свидетельствует капитан Вискунов, – кипел до позднего вечера и стоил нам больших потерь, тем более что из редута мятежники поражали атакующих сильным огнем. Мало того, около 9 часов вечера из главного управления, гарнизон которого подкреплён жителями из аула Согратль, внезапно последовала быстрая и решительная вылазка на полковника Чижикова. Однако горцы, ожидая нас встретить отдохнувшими после удачного, но утомительного штурма, и застигнуть врасплох, жестоко ошибались в расчете: полковник Чижиков как бы предчувствовал возможность вылазки, и войска были вполне готовы ее встретить. Правда, отчаянный натиск заставил податься в первый момент цепь 9 роты, но дружным ударом в штыки сзади стоявших наших рот вылазка блистательно отражена и нападавшие горцы в числе около 200 человек, оставив на месте много тел, уже не попали в укрепление, а были сброшены штыками в глубокий овраг”⁵³. На следующий день около пяти часов утра к генералу Меликову явились “почтеннейшие из согратлинцев” с “изъявлениями покорности”. Согратль пал.

Фактически восстание было подавлено. Ряд аулов Дагестана оказался превращенным в груды развалин, жители понесли огромные потери. Царизм приступил к расправе. Наиболее активные участники восстания были преданы военно-полевому суду в Гунибе и Дербенте. Согласно приговору суда, имам Гаджи-Магомед, Ника-Кади, Аббас-паша, ротмистр Зубаир-бек, Абдул-Меджид, Кази-Ахмед и другие, всего около 300 человек, были казнены. Множество участников восстания вместе с семьями (около 5 тыс. человек) выселили из восьми округов во внутренние губернии России. Восстание 1877 г., в котором приняло участие значительное число горцев, с самого начала было обречено на поражение. Кроме отхода народных масс от активного участия в этом восстании, такой исход имел целый ряд причин. Это и отсутствие единого плана, и то, что народные массы восставали не одновременно, повстанцы не были достаточно вооружены, не на высоте оказались предводители. Все это давало возможность кавказскому командованию своевременно маневрировать и ли-

квидировать очаги повстанческого движения по очереди. Оценивая восстание 1877 г., необходимо подчеркнуть попытку создать в эти годы в Дагестане теократическую форму правления, возродить былые феодальные владения, что, несомненно, было шагом назад. Реакционной была и сама идея создания шариатской монархии.

- ¹ Зикр (араб.) буквально воспоминание, выражавшееся непрерывным повторением “Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед его посланник”.
- ² Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1281. Л. 8.
- ³ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1281. Л. 9.
- ⁴ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1281. Л. 16.
- ⁵ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1281. Л. 17.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1281. Л. 1.
- ⁸ История Азербайджана. Т. 2. С. 142.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Гаджиев В.Г. Новый источник по истории Дагестана XIX в. В кн. Из истории до-революционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 210.
- ¹¹ А.П. Андреев. Восстание в Дагестане в 1871 г. (по рассказам очевидцев). Исторический вестник. № 77. 1903. С. 547.
- ¹² Материалы... С. 15–16.
- ¹³ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1303. Л. 3.
- ¹⁴ Материалы... Т. 1. С. 16, 31, 74. Т. VI. С. 12. ЦАВП МИД. Азиатский департамент. Д. 9. Л. 43. Д. 95. Л. 35, 55 и др.
- ¹⁵ ЦАСОА. Ф. 118. Д. 3. Ч. 1. Л. 4.
- ¹⁶ Алкадари Г. Диван ул-маннун // ЦГА ДАССР. Ф. 175-р. Оп. 1. Д. 19. Л. 13–14.
- ¹⁷ Цг ДАССР. Ф. 175-р. Оп. 3. Д. 51. Л. 19.
- ¹⁸ Журнал... № 257.
- ¹⁹ Материалы. Т. VI. С. 38.
- ²⁰ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1304. Л. 4.
- ²¹ Там же. Л. 36.
- ²² Материалы... С. 44.
- ²³ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1305. Л. 32.
- ²⁴ Материалы... С. 46.
- ²⁵ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1304. Л. 6.
- ²⁶ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1303. Л. 3.
- ²⁷ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1307. Л. 7.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ ЦГА ДАССР. Ф. 175-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.
- ³⁰ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 46759. Л. 92–99.
- ³¹ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1305. Л. 52.
- ³² Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1303. Л. 4.
- ³³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 48805. Л. 64–65.
- ³⁴ Материалы... С. 64–65, 179.
- ³⁵ Лезгинский мятеж в Южном Дагестане. “Весь Кавказ”. № 1. 1903. С. 75.
- ³⁶ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1303. Л. 114.
- ³⁷ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 49807. Л. 52.
- ³⁸ Там же. Л. 54.
- ³⁹ Материалы... С. 65.
- ⁴⁰ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 48805. Л. 88–89.
- ⁴¹ Там же. Л. 100.
- ⁴² А.С. Восстание горцев в Терской области. С. 115.

- ⁴³ Вискуной. Указ. соч. С. 53.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1307. Л. 7.
- ⁴⁵ Там же. Д. 1304. Л. 8.
- ⁴⁶ Асари Дагестан. С. 134.
- ⁴⁷ Там же. Д. 1304. Л. 8.
- ⁴⁸ Там же. Д. 2303. Л. 73.
- ⁴⁹ Рук. фонд ИИЯЛ. Д. 1303. Л. 73.
- ⁵⁰ Материалы... С. 158.
- ⁵¹ Материалы... С. 160.
- ⁵² Там же. С. 166. Первой штурмовой колонной в составе семи рот Кабардинского полка с горными взводами и семи батарей и артбригад и с сотнею первого дагестанского конно-иррегулярного полка командовал полковник Чижиков. Средней колонной из четырех батарей Дагестанского полка 12 пластун. быт., четырех орудий и сотней милиции командовал полковник Полик. Левая колонна (2-я батарея Самурского и 3-я батарея Ширванского полков) была под начальством полковника Данилевского.
- ⁵³ Вискунов. Указ. соч. С. 69.

Административная, судебная и аграрная реформы 60-х годов XIX века

§ 1. Административно-судебная реформа

Проведение всех реформ в Дагестане тесно связано с внутренней политикой России, в которой четко выделялись следующие этапы: 1) подготовка и проведение крестьянской реформы; 2) проведение либеральных реформ 60–70-х годов; 3) усиление консервативных тенденций в политике правительства в 80–90-х годах. Аграрно-крестьянский вопрос стал наиострейшей проблемой в России, которая оказалась среди европейских держав единственной, где сохранилось крепостное право, сильно тормозившее экономическое и социально-политическое развитие страны. Комплекс экономических, социально-политических и нравственных предпосылок привел к эпохе реформ 60–70-х годов XIX в. в России и на ее национальных окраинах, в том числе в Дагестане.

Создание Дагестанской области. В Дагестане до 60-х годов не было единой системы административного деления и управления. Здесь продолжали существовать ханства с собственным внутренним управлением, часть территории находилась под управлением военного командования, где были созданы округа во главе с русскими офицерами. Имела свои особенности организация власти в имамате Шамиля. Она резко отличалась от структуры управления районов, подконтрольных России. Правительственные власти поставили на повестку дня задачу по созданию в Дагестане единой однотипной системы административного устройства и управления. Начало было положено в апреле 1860 г., и завершилось формирование единой административной системы в апреле 1867 г., т.е. через семь лет.

После долгого обсуждения главнокомандующий Кавказской армией А.И. Барятинский утвердил 5 апреля 1860 г. проект Положения об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом. Согласно этому Положению была создана Дагестанская область, в которую включили бывший Прикаспийский край без Кубинского уезда, вошедшего в Бакинскую губернию, а также весь Горный Дагестан. Территория Засулакской Кумыкии вошла в состав Терской области. Таким образом, без большой экономической и политической надобности царское правительство создало проблему разделенных народов. Река Сулак разделила кумыкский народ между Терской и Дагестанской областями, а Самур разделил лезгин на две части, одна из которых оказалась в Бакинской губернии.

Во главе области был поставлен начальник из царских генералов, в руках которого сосредоточивалась вся власть. Он же был командующим войсками на правах командира корпуса. По гражданскому управлению начальник области приравнивался в правах к генерал-губернатору

центральных губерний. Его права по отношению к горцам были определены в особом положении. Он имел право применять оружие “против возмущившихся и упорствующих в повиновении” людей, предавать военному суду за измену, выступления против правительства, неповиновение начальству, высылать в административном порядке людей, утверждать приговоры судебных инстанций и т.д.

Дагестанскую область разделили на четыре военных отдела: Северный Дагестан, Южный Дагестан, Средний Дагестан, Верхний Дагестан. Кроме того, было учреждено два гражданских управления: Дербентское градоначальство, состоящее из г. Дербента и Улусского магала, и Управления портовым городом Петровск с прилегающими к нему землями. Во главе отделов стояли военные начальники из русских, армянских и грузинских генералов и офицеров.

В каждый из военных отделов вошли как феодальные владения, так и ранее существовавшие и вновь созданные после 1860 г. округа. В Северный Дагестан вошли Даргинский округ, Присулакское наибство, Мехтулинское ханство и шамхальство Тарковское. В Южный Дагестан были включены Кайтаго-Табасаранский, Самурский округа и Кюринское ханство. Средний Дагестан состоял из Гунибского, Казикумухского округов и Аварского ханства. В состав Верхнего Дагестана вошли Бежтинский округ и все остальные селения, не вошедшие в Аварское ханство и Гунибский округ. Ханства подчинялись начальникам отделов только по военным вопросам.

Округа управлялись начальниками, назначенными также из русских, армянских и грузинских офицеров. Округа делились на наибства, за исключением Кайтаго-Табасаранского округа, части которого Кайтаг, Северный и Южный Табасаран временно были оставлены в управлении их правителей, а в Даргинском округе сохранилось прежнее разделение по обществам, управление которыми поручалось кадиям, назначенным царскими властями.

Таким образом, управление Дагестанской областью делилось на военное, гражданское и ханское. Военное управление осуществлялось в четырех округах, гражданское – в Дербентском градоначальстве и в городе Петровске и ханское в пяти феодальных владениях. В двух округах (Кайтаго-Табасаранском и Даргинском) управление было смешанным. Следовательно, Положение от 5 апреля 1860 г. не решило окончательно вопрос о создании однотипной системы административного управления в Дагестане. Чтобы решить эту задачу, нужно было отстранить от власти ханов.

Ликвидация ханств. После включения Дагестана в состав России отношения между ханами и царским правительством складывались неоднозначно. В 10–20-х годах XIX в. феодальные владетели, оказавшие сопротивление русским войскам, были уничтожены или отстранены от власти. А большинство из них встало на сторону русского царизма, нашло у него прочную поддержку. С началом движения горцев силы царизма и местных феодалов быстро консолидировались. Ханы верой и правдой служили царизму, охотно помогая в борьбе против восставших горцев. Правительство щедро осыпало наградами преданных феодалов, укрепляя их власть и экономическое положение. Ханское управление в Дагестане правительством было сохранено

дольше, чем где бы то ни было на Кавказе. Как указывал наместник царя на Кавказе, это было необходимо “по обстоятельствам края того времени, в видах правительства”.

В 60-х годах XIX в. правительство сделало крутой поворот от политики укрепления ханской власти к политике ее ликвидации. Этот поворот был связан с изменившейся политической обстановкой: когда Дагестан был окончательно покорен, ханская власть стала чужеродным элементом в общероссийском государственном организме. В источниках, исходящих от официальных царских властей, все чаще говорилось о том, что “ханское управление оказалось невозможным”.

Важным обстоятельством, ускорившим решение царизма ликвидировать ханства, послужил рост крестьянского движения, вызванный усилением гнета под эгидой царизма. Так, в 1861 г. 500 крестьян Кураха отправили 200 ходоков в Темир-Хан-Шуру к начальнику Дагестанской области, которые потребовали от него отстранить хана от власти¹. О напряженной обстановке, сложившейся в Кюринском ханстве, свидетельствует признание начальника области генерала Меликова, который писал, что “для поддержания здесь Юсуф-хана мало будет четырех батальонов, тогда как по его отъезде не будет надобности и в одной роте”.

Борьба крестьянства против хана в 60-х годах XIX в. проявлялась, во-первых, в открытых выступлениях, во-вторых, в самовольном и массовом отказе крестьян нести подати и отбывать барщину, в-третьих, в подаче коллективных жалоб, в-четвертых, в открытом игнорировании хана и его окружения, и, наконец, в захвате ханских земель. Все это убедило хана в том, что “самостоятельная власть его сокрушена”. Юсуф-хан попросил правительство сложить с него обязанности хана и разрешить отправиться в Мекку. Узнав об этом, крестьяне говорили: “Пусть теперь отмаливает свои преступления у гроба Магомеда, который едва ли станет снисходительным, как было русское начальство, 15 лет равнодушно смотревшее на Юсуф-хана варварства”. Широкие противощамхальские движения прокатились по аулам шамхальства Тарковского и других дагестанских феодальных владений.

Ликвидация ханств в Дагестане внешне была оформлена в виде “добровольного” отказа ханов от своих прав. Следует, однако, заметить, что “царская администрация оказала сильное давление на ханов, чтобы вызвать инициативу снизу”. Только теперь поняв, что их звездный час пришел, ханы попытались оказать сопротивление, которое напомнило, выражаясь образно, бурю в стакане. Апеллировать к крестьянам ханы не решались, те просто не пошли бы за ними, потому что достаточно скомпрометировали себя своим открытым участием в борьбе против восставших горцев во главе с Шамилем. В итоге была поставлена точка в процессе окончательного разрушения царским правительством всех форм дагестанской государственности.

Этот процесс занял девять лет (1858–1867). В 1859 г. было ликвидировано Казикумухское ханство и образован округ под тем же названием во главе с полковником Кругенуау. Ханские приближенные, собравшись в Кумухе, открыто выступили против этого. Генерал Манюшин подавил волнение, “зачинщиков” арестовал. Об этом подали рапорт царю Александру II, который собственноручно написал на нем: “Надеюсь, что беспорядок не возобновится”².

В 1863 г. ликвидировали Аварское ханство. Ибрагим-хан стал готовить “открытый мятеж”, его вызвали в Темир-Хан-Шуру, объявили, что у него “умопомрачение и психическое расстройство”. В 1864 г. взамен упраздненного Кюринского ханства создали округ. Правители Кайтага, Северного и Южного Табасарана были отстранены от власти на основании указания наместника царя на Кавказе в 1866 г. 20 апреля 1867 г. последовал указ царя об отстранении от власти тарковского шамхала и мехтулинского хана и создании Темир-Хан-Шурина округа. О тарковском шамхале говорилось, что он не в состоянии управлять ввиду “преклонных лет, слабого здоровья и болезненного состояния”. Весьма любопытный факт. В период борьбы против восставших горцев официальные власти широко рекламировали достоинства дагестанских ханов (храбрость, рассудительность, преданность престолу и др.). И вдруг в 60-х годах у тех же ханов обнаружили массу отрицательных черт и недостатков. Бывший старейшина кумыкский князь Устар-хан Уцмиев в резкой форме выразил свой протест против “вероломных действий” царских властей и даже прибегал к угрозам. В конце концов он попросил разрешения переселиться в Турцию. Приказом военного министра России от 8 мая 1867 г. Даргинский округ был разделен на шесть наибств: Акушинское, Цудахарское, Сюргинское, Кутишинское, Урахинское и Мекегинское. Этим сведено на нет бывшее влияние крупных даргинских кадиев, которые являлись феодально-теократическими правителями на значительной территории даргинцев.

Дагестанская область теперь состояла из девяти округов, в которых существовала однотипная система административного деления и управления Андийский, Аварский, Гунибский, Даргинский, Кюринский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Самурский, Темир-Хан-Шурина. Каждый округ делился на наибства. Так, Темир-Хан-Шурина округ состоял из шести наибств: Темир-Хан-Шурина, Таркинское, Чирюртовское, Карабудахкентское, Дженгутаевское и Оглинское. Все наибы назначались военной администрацией и были подконтрольны ей. Как правило, наибами назначались представители богатой и преданной царизму феодальной верхушки. Отстраняя ханов от власти, царское правительство вместе с тем оставило у них лучшие земли, установило им пожизненные пенсии и т.д. Так, Юсуф-хан получил 4 тыс. дес. земли и пожизненную пенсию в размере 5 тыс. руб. в год. Аварскому хану Ибрагиму, кроме жалованья по чину, была определена пенсия в 4 тыс. руб. в год и выдано единовременно 30 тыс. руб. Шамхалу Тарковскому установили пенсию в 7 тыс. руб. в год. Рашид-хан Мехтулинский единовременно получил 10 тыс. руб., а размер ежегодной пенсии составил 5 тыс. руб.³

Судебная реформа. До 60-х годов XIX в. в Дагестане отсутствовала единая система судоустройства и судопроизводства. Такая система была создана на основании упомянутого выше Положения об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом от 5 апреля 1860 г. Впервые были определены единые принципы судебной системы для Дагестана. А ведь до 60-х годов судебные дела разбирались по-разному в ханствах, в имамате и территориях, которыми управляли русские офицеры.

В Положении говорилось, что в Дагестанском областном суде судопроизводство по военно-уголовным делам осуществлялось в комиссиях уголовного суда по общим законам империи, а в Дагестанском народном суде и окружных совестных судах по адату, шариату и особым правилам. Учрежденный в центре области – Темир-Хан-Шуре – областной суд состоял из “почетных лиц”, назначаемых начальником Дагестанской области. Председателем суда был помощник начальника области, его решения утверждались самим начальником. В Дагестанском областном суде дела разбирались по общим законам России применительно к двум гражданским управлениям. Представители местного мусульманского населения судились в областном суде по общим законам империи в случае, если преступление было совершено ими на территории, где существовало гражданское управление, или же если они не принадлежали к дагестанским народам.

По адатам, шариату и особым правилам осуществлялось судопроизводство между коренным местным населением в Дагестанском народном и окружных судах. Суд состоял из “именитых и сведущих туземцев”, которые назначались начальником Дагестанской области. Председателем суда был помощник начальника области. Решения суда утверждались начальником области. Таким образом, в обеих высших областных судебных инстанциях решающую роль играли русские генералы.

В окружных судах председателями были начальники округов. Там заседали кадий и по одному члену от каждого наибства. Кадиев назначали начальники округов, и они же назначали членов (депутатов) таких судов. В окружных судах дела разбирались на русском языке. Разбор дел происходил гласно. В качестве судей выступали знающие адаты депутаты суда, по шариату – кадий. Недовольные могли принести жалобы на решения окружных судов в Дагестанский народный суд.

Несмотря на существование судов, военная администрация часто без суда и следствия ссылала неугодных ей горцев за пределы Дагестана в “административном порядке”. Для судебных инстанций было характерно крайнее равнодушие к нуждам горцев, типичной стала и бюрократическая волокита. Из года в год часть дела оставалась не разобранной. Система судостроительства и судопроизводства подчинялась военной администрации. Военные в любой момент могли отстранить судей от должности. Для горских судов не существовало кассационных инстанций.

Как известно, “Новые судебные уставы” 1864 г. вводили в стране принципиально новую систему судопроизводства. Уставы предусматривали все-сословность суда, его независимость от администрации, несменяемость судей. Вопрос о виновности обвиняемого решался присяжными заседателями и т.д. К сожалению, эти важнейшие принципы судостроительства совершенно не были распространены на Дагестан, под фальшивым предлогом будто дагестанцы не готовы их понять и принять в силу своей отсталости. Вот как оценил деятельность судов Кавказа обер-прокурор сената Н. Рейнкин. По его словам, они “деморализуют, развивают сутяжничество, убивая веру в правосудие и подрывая авторитет судебной власти”.

Реформа сельского управления. В административной реформе Дагестана заметное место занимает реформа сельской власти. Необходимость ее прове-

дения вытекала из потребности создания единой системы сельского управления. Реформа сельского управления была проведена на основании Положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области, утвержденного главнокомандующим Кавказской армии 26 апреля 1868 г. На всей территории ликвидированных ханств, имамата Шамиля, созданных до 60-х годов округов, подконтрольных военной администрации, теперь создали однотипную систему сельского управления. Это Положение было основано на принципах созданного в 1861 г. крестьянского управления с некоторыми особенностями.

Структура сельского управления в Дагестане выглядела так. Крестьяне одного аула, “имеющие в нем постоянную оседлость”, образовывали сельское общество, кроме беков и их прислуги. Беки по желанию могли быть причислены к сельскому обществу с разрешения начальника военного отдела. Сельское управление включало: сельский сход (джамаат), сельского старшину, сельского кадию, сельский суд. Сельский сход состоял из всех совершеннолетних домохозяев и сельских должностных лиц. Участвовало в сходе по одному старшему члену каждого семейства. Сход избирал сельских судей и кадия с последующим утверждением их военной администрацией.

Выборность старшин и их помощников была отменена, они теперь назначались военной администрацией. Старшина созывал сход и исполнял приговоры схода, окружных и сельских судов и все приказания военной администрации. В компетенции старшин входило: следить за порядком и спокойствием в пределах сельского общества, задерживать беглых военных дезертиров и представлять их властям, доносить о преступлениях и беспорядках и распространителях “вредных для общественного спокойствия слухов”, взимать штрафы за преступления и проступки, следить за исправным отбыванием крестьян податей и повинностей, объявлять законы и распоряжения официальных властей, выдавать жителям разрешения для выезда за пределы общества и т.д. Сельскому старшине было предоставлено право подвергать виновных аресту, общественным работам до двух дней и штрафовать до 1 руб. За свою службу старшина получал из царской казны плату. Он пользовался большими льготами в землепользовании, водопользовании и т.д. Новшество состояло в том, что сельский старшина повсеместно стал низовым звеном царского административного аппарата в Дагестане. Старшинами обычно были представители богатой верхушки, которые активно проводили политику царизма. Часто они чинили произвол, насилие, взяточничество, а также транжирили сельские общественные деньги.

Сельский кадий, избираемый сходом, утверждался в должности военными властями. Кадий контролировал деятельность религиозных учреждений, медресе, вел судопроизводство по шариату, по делам, касающимся наследства и завещаний, а также по опеке.

Сельский суд состоял из трех и более членов, избираемых сходом на три года, им были подсудны дела по гражданским спорам, возникающим между крестьянством, при иске не свыше 100 руб., а также дела по мелким преступлениям. Сельский суд не имел права разбирать дела между беками, между ними и крестьянами, если беки не изъявляли согласие на это. Суду было предоставлено право приговаривать виновных к штрафу согласно адату. Если по адату за отдельные проступки не полагался штраф, то суд мог приго-

ворить виновных к общественным работам сроком на семь дней или аресту до семи дней. Эти меры суд не мог применить к бекам и проживающей в их доме прислуге, а также к лицам, имеющим официальные чины, знаки отличия и состоящие на государственной службе. В сельском управлении важную роль играли чауши и талгаки, которые исполняли распоряжения старшин и охраняли посевы от потрав и т.д.

Должностные лица сельского управления могли быть в любое время смещены, они не имели права отказаться от должности без уважительной причины. Начальники округов имели право подвергать сельских должностных лиц денежному штрафу (до 2,5 руб.), аресту (до двух недель) и даже предавать военному суду. В Дагестане не были созданы такие ступени управления, как волостной сход, волостной суд, волостной старшина, институт мировых посредников. Сельское управление пользовалось ограниченной самостоятельностью, находилось в полной зависимости от военной администрации, выполняло в основном административно-полицейские и фискальные функции. Что же касается вопросов улучшения крестьянского хозяйства, то они были отодвинуты далеко на задний план. Тем не менее, создание впервые в истории Дагестана единой системы сельского управления имело положительное значение. Оно регулировалось адатно-шариатскими и общеимперскими нормами. В связи с проведением реформы сельского управления власть беков в зависимых от них селениях была ликвидирована. Установление в аулах единообразной системы управления привело к ликвидации почти всех ранее существовавших видов и форм делопроизводства. В пореформенный период юридически были ликвидированы союзные связи между общинами.

Новая система административно-судебного управления в Дагестане была царскими властями названа “военно-народной”. Она стала формой военно-феодальной надстройки. Военные бесконтрольно управляли краем, творили беззаконие и произвол, осуществляя экспансионистскую политику в интересах самодержавного строя и местной знати.

В 60-х годах XIX в. военная администрация обложила всех горцев налогами. В первое время многие жители вносили налоги монетами, отрезами от женских костюмов, головных уборов и поясов, потому что у них не было денег. Начальник области писал: “Обложение податью больше всего страшило здешних горцев, не несших никогда прямых денежных налогов”. Стремление горцев освободиться от казенных налогов послужило основной причиной восстания в Кайтаго-Табасаранском округе, в котором участвовало более 15 тыс. крестьянских дворов и которое было жестоко подавлено с помощью армейских частей.

Установление военной формы управления в Дагестане высшие сановники Кавказа и Петербурга, включая царя, объясняли тем, что народы не достигли еще того уровня, чтобы воспринять гражданское управление, существовавшее в империи. В официальных документах многократно подчеркивали: “Полудикое состояние, в котором находятся горцы, неизбежно требует в стране власти единой, всесильной по отношению ко всем проявлениям жизни населения, совмещающей в себе функции судебные и административные”.

Царское правительство лелеяло военно-народную систему управления и отвергало ее преобразование в гражданскую. Все русские импера-

торы единодушно заявляли и писали, что военно-народная система является “самой лучшей на Кавказе”. Все попытки ввести в Дагестане гражданское управление были отвергнуты, и до 1917 г. в крае сохранилось военное управление.

§ 2. Крестьянская реформа

Предпосылки реформы. К середине XIX в. в России окончательно сложились предпосылки, обусловившие крах феодально-крепостнической системы. Необходимость ликвидации крепостного права диктовалась экономической отсталостью страны, ростом крестьянского движения, проходившее в разнообразных формах, растущим натиском антикрепостнических сил. Поражение в Крымской войне наглядно показало отсталость и гнилость крепостнической системы. Царское правительство вынужденно встало на путь подготовки крестьянской реформы, которая продолжалась более четырех лет. Наконец, 19 февраля 1861 г. Александр II утвердил 17 положений и манифест, в котором были изложены условия и принципы решения двух главных вопросов: личное освобождение крепостных крестьян и наделение их земельными наделами. Крестьянская реформа в России, несмотря на ее непоследовательность и сохранение множества пережитков, стала великим событием в жизни народов всей империи.

Царское правительство вслед за проведением реформы в центральной России вынуждено было провести также реформы на окраинах империи, в том числе и в Дагестане. Экономическая необходимость реформы в крае можно объяснить интересами бурно развивающегося капитализма в пореформенной России, которые требовали приспособления экономики окраин к нуждам буржуазного развития России. Натуральное хозяйство, отсталость и феодальная раздробленность служили преградой для экономической интеграции. Царское правительство добивалось, чтобы Кавказ, в частности Дагестан, превратился из дотационного региона в край, обогащающий Россию. Кавказ был богат сырьевыми ресурсами, необходимыми для русской промышленности.

На Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, были предпосылки внутреннего порядка, толкавшие царизм к проведению социальных и административных реформ. Прежде всего речь идет об усиливавшейся борьбе крестьян за свое освобождение под влиянием волны крестьянского движения и отмены крепостного права в России. В конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. в Дагестане антифеодальная борьба проходила в разных формах. Обострилось антиханское и антибековское движение. Для него были характерны два аспекта. С одной стороны, происходила пассивная повседневная глухая борьба, а с другой – вспыхивало пламя восстания, которое гасилось совместными усилиями местных феодалов и военной администрации. Как и в начале XIX в., антифеодальная борьба горских крестьян очень часто переплеталась с антиколонизаторским движением. К антиколонизаторским мотивам выступления масс почти всегда примешивались и антифеодальные, и наоборот. В шамхальстве Тарковском, Мехтулинском ханстве, Кайтаге и других владениях волнения крестьян временами принимали настолько ост-

рый характер, что некоторые владельцы покидали свои имения и уходили в укрепленные пункты под защиту царских войск.

Царское правительство, хотя и оставалось постоянным защитником ханов и беков, не могло оставить неизменным существовавшие сословные и земельные отношения. По словам наместника царя на Кавказе, “вопрос об освобождении зависимых сословий стал в такое положение, что было бы неблагоприятно и неосторожно откладывать его решение”⁴.

Таким образом, необходимость приспособления экономики Дагестана к нуждам развивающегося капитализма пореформенной России и рост крестьянского движения вынудили царское правительство провести крестьянскую реформу в крае. Однако аграрная политика царизма на Кавказе требовала проведения здесь этого мероприятия в несколько иных формах, чем в центральной России.

Подготовка крестьянской реформы. Для подготовки и проведения реформы в Дагестане было создано несколько сословно-поземельных комиссий из офицеров и чиновников колониальной администрации. Они должны были установить численность зависимых крестьян, их права и повинности путем изучения на местах существующих сословно-поземельных отношений.

В 1860 г. был учрежден Кумыкский комитет по правам личным и поземельным. Этот комитет изучил существующие отношения между князьями и зависимыми от них крестьянами. Было установлено, что “вся земля находится у князей и узденей, а подвластный народ за пользование отдельными угодьями несет перед владельцами определенную обычаем повинность”. В 1863 г. комитет переименовали в Кумыкский окружной отдел сословно-поземельной комиссии Терской области. Перед ним поставили задачу “привести к соглашению землевладельцев и простой народ относительно выдела населению достаточного пространства из земель владельческих”. Землевладельцы были против наделения крестьян землей, всячески старались доказать исконность своих прав на монопольное владение землей и обосновать свои претензии на подати и повинности с крестьян, причем явно преувеличивая ранее существовавшие их размеры.

Официальные власти, столкнувшись с такой позицией кумыкских князей, решили в 1863 г. вопрос о реформе обсудить на совещании в Хасавюрте, где присутствовали князь и по два крестьянина от каждого аула Кумыкского округа. Совещание продолжалось пять дней. Князья вначале высказались против реформ. Однако к концу совещания вынуждены были согласиться уступить крестьянам 1/3 своей земли, хотя последние требовали 2/3 всех частновладельческих участков. Тогда сословно-поземельная комиссия предложила компромиссный проект, по которому крестьянам предоставлялось 2/5 всей земли. Пятидневная борьба вокруг трех проектов не дала результатов, и участники совещания разъехались, не решив вопроса.

В 1864 г. военная администрация добилась согласия от князей предоставить крестьянам 2/5 земли, т.е. то количество, которое предлагалось сословно-поземельной комиссией в 1863 г. на Хасавюртовском совещании, и был составлен об этом акт. Однако кумыкские крестьяне категорически отказались признать акт, и настоятельно потребовали выделения им всей земли.

Обстановка все больше накалялась. Недовольство крестьян грозило перейти в открытое восстание. В этой обстановке военная администрация оказала сильное давление на кумыкских князей. Начальник Терской области Лорис-Меликов добился от князей согласия уступить крестьянам 50% своей земли. 5 февраля 1865 г. в Хасавюрте был составлен акт за подписью 61 землевладельца, согласно которому князья Кумыкского округа уступали крестьянам половину всех своих земельных угодий без выкупа. Таким образом, почти пятилетняя подготовка реформы подошла к концу. Акт от 5 февраля послужил основанием для составления проекта для сословно-поземельной реформы в Кумыкском округе, который был утвержден 11 марта 1866 г. наместником Кавказа. Затем проект был представлен в петербургский Кавказский комитет. 7 ноября 1867 г. проект был утвержден Александром II.

Суть проекта реформы заключалась в следующем:

“1. На основании акта, составленного кумыкскими землевладельцами от 5 февраля 1865 г., считать половину всех владельческих земель подлежащими выделу народу и предоставить населению возможность приступить к наделу этой половины.

2. В расчет этот не вводить усадьбную оседлость аулов, которая должна отойти народу независимо от половинного выдела ему прочих угодий.

3. Объявить землевладельцам, что остальная половина земли будет признана за ними на полном праве собственности с выдачей им на это надлежащих документов.

4. Выделенные народу участки признать общественными, с тем чтобы разделить эти участки между аулами, соответственно населению каждого из них, и по количеству земель.

5. Все казенные земли оставить в полном распоряжении правительства”.

Проведение крестьянской реформы в Кумыкии. Сословно-поземельная комиссия приступила к размежеванию земель между владельцами и населением. Из общего земельного фонда Хасавюртовского округа в 405 789 дес. князьям принадлежало 380 тыс. дес. Царской казне – около 20 тысяч. Собственниками земли выступали десять княжеских фамилий (166 человек). При этом князья Темировы имели 70 тыс. дес., Уцмиевы – 40 тыс., Алибековы – 23 тыс., князь Али-Султан Казаналимов – 70 тыс. дес. Перед разделом владельческих земель окончательно были решены споры между князьями. Межевание земли продолжалось до 1870 г. В результате реформы за 166 феодалами осталось 186 311 дес. В среднем на каждого феодала приходилось более 1110 дес. земли. Размер крестьянского подъемного надела в среднем составлял 24 дес., из которых удобных составляли 18 дес. В итоге межевания крестьяне получили 52% всей земли, а за феодалами осталось 48%. На каждого феодала приходилось в 40 раз больше земли, чем на крестьянский двор.

Участки отводились аулам. Крестьяне получали земельные наделы лишь во временное пользование, как в России. Земля делилась не по душам, а по дворам, независимо от того, сколько человек проживало в этих дворах. Сохранением общинного землепользования с его уравнительным началом царское правительство хотело обеспечить на основе круговой поруки своевременное выполнение крестьянами государственных повинностей и налогов.

Были лишены права на надел в Кумыкском округе 299 семейств чеченцев и дагестанских горцев, которые переселились туда после 1859 г., а также 142 семейства горских евреев.

При разделе земли царская администрация старалась во всем угодить местной земельной аристократии. Крестьяне ряда селений лишились выгонов, водопоев, канав. Были случаи, когда целые аулы насильственно переселяли на новые места с земли, доставшейся феодалам. Так, в угоду князьям Каплановым крестьяне селения Джабаюрт, которые после раздела оказались на княжеской земле, были расселены по разным аулам. Нередко крестьянские участки оказывались небольшими островками, окруженными со всех сторон бекской землей. Военная администрация по своему усмотрению отдавала рыбные промыслы в водах, берега которых отходили народу на откуп, в то время как такие же промыслы, доставшиеся феодалам, оставались в их полном владении.

Если размежевание земли между князьями и крестьянами было проведено полно и последовательно, то этого нельзя сказать о границах аулов. Им были указаны лишь временные границы. Проект деления земель между сельскими обществами Кумыкского округа так и не был официально утвержден. Спустя 30 с лишним лет начальник Терской области доносил, что эта “проектная карта” потеряна. Временные границы, указанные в 60-х годах, в большинстве случаев были утеряны, и это способствовало столкновениям крестьян различных селений из-за границ земельных участков.

Одна из существенных особенностей крестьянской реформы в Кумыкском округе заключалась в том, что не были введены временнообязанные отношения крестьян к феодалам. Крестьян сразу освободили от всяких податей и повинностей, их наделили землей бесплатно. Чиновник Тульчинский, занимавшийся земельными вопросами, писал: “Нельзя было оставить народ без земли, но как это сделать? Взять в образец реформу 1861 г., давшую русским помещичьим крестьянам волю за денежный выкуп было бы слишком много для кумыкского сословия ввиду тех путей, по которым оно шло к власти над землей. Взять принужденным способом часть земли у владельцев для народа было бы по политическим соображениям тоже неудобно, а потому правительство остановилось на мысли так или иначе взять у землевладельцев известную часть земли без всякого вознаграждения, но чтобы это было добровольной уступкой самими князьями и узденями”⁵.

На таких же началах, как и в Кумыкском округе, была осуществлена реформа в Присулакском наибстве. В 1867 г. из 30 тыс. дес. князя Казаналипова 143 330 дес. выделили крестьянам трех аулов без выкупа. Размер подворного надела составил в среднем 17 дес. всех земель.

В 1864 г. была создана “Временная комиссия для проведения в известность личных и поземельных прав высших сословий” в шамхальстве Тарковском, Мехтулинском ханстве и Присулакском наибстве. В ее состав входили армейские офицеры. Она довольно подробно изучила существовавшие сословно-поземельные отношения, размеры и виды податей и повинностей крестьян. В отличие от комиссии Кумыкского округа, эта комиссия не выработала предложений по земельному вопросу. Но ее материалы были использованы военной администрацией для решения задачи о личном освобождении крестьянства от зависимых отношений.

Данный вопрос многократно обсуждался начальником Дагестанской области и другими военачальниками области с феодальными владельцами, которых убедили, скорее принудили добровольно отказаться от податей и повинностей крестьян зависимых от них аулов.

Администрация добилась своего. В июне 1866 г. мехтулинский хан, получив соответствующее указание военной администрации, отказался от податей и повинностей, которые крестьяне несли в его пользу лично и чанкам ханского дома. 25 марта 1867 г., следуя предложению управляющего Северным Дагестаном князя Джорджадзе, присулакский владетель Али-Султан Казаналипов также подал докладную записку, в которой объявил о своем решении освободить подвластных крестьян. В августе 1867 г. шамхал Шамсудин написал письмо начальнику Дагестанской области Меликову, где дал свое согласие освободить от зависимых отношений всех лично ему обязанных крестьян.

1 августа 1867 г. в присутствии значительного количества населения князь Меликов не только объявил указ царя о создании Темир-Хан-Шурина округа, но и огласил донесения и письма шамхала, хана, присулакского владетеля о добровольном отказе от крестьянских податей и повинностей. В ходе реформы было освобождено от феодальной зависимости 2,5 тыс. крестьян (4969 дворов). Хотя земельный вопрос не стоял в повестке дня, но фактически все освобожденные крестьяне продолжали пользоваться ранее ими занимаемыми землями, теперь фактически на праве собственности без всякого выкупа.

Военная администрация, довольно радикально решив вопрос об освобождении одних крестьян Темир-Хан-Шурина округа, допустила крайнюю непоследовательность по отношению к другим. Речь идет о крестьянах, которые находились в зависимости от беков. На них реформа не была распространена, они оставались в зависимости от беков вплоть до 1913 г. Соотношение освобожденных и оставшихся в зависимости крестьян в Темир-Хан-Шурина округе составило 47 и 53%. Зависимые отношения последних не только не были упразднены, а наоборот, узаконены путем издания так называемых инструкций с указанием податей и повинностей крестьян в пользу беков, причем и размеры их нередко были зафиксированы со слов тех же беков.

В остальных округах зависимость части узденей и всех раят от беков сохранили. В Кайтаго-Табасаранском и Кюринском округах военная администрация составила специальные ведомости – инструкции, где перечислялись виды и размер податей и повинностей крестьян феодалам. Зависимые крестьяне были предупреждены о том, что в случае отказа нести бекские повинности к ним будут приняты строгие меры. Так, в инструкции раятам Дерелинского магала Южного Табасарана, составленной в 1867 г., говорилось: “Препровождая при сем Инструкцию повинностям, которые вы обязаны отбывать в пользу своего бека юнкора Мустафа-бека, предписываем вам исполнять в точности следовавшие повинности под опасением за противное строго взыскания”. И действительно, как свидетельствуют источники, официальные царские власти применяли силу к крестьянам, отказывающимся аккуратно внести бекские подати и отбывать барщину в их пользу.

В кумыкских феодальных владениях были освобождены чагары (крепостная категория крестьян). Их личную зависимость упразднили на основании предписания наместника Кавказа 1866 г. Чагарам предоставили право свободного ухода без всякого выкупа от своих владельцев. Однако в предписании наместника ничего не было сказано об обеспечении этой прослойки земель. Только в Кумыкском округе они получали земельные участки наравне с остальными крестьянами. Общее количество освобожденных от крепостной зависимости чагар составило около двух тысяч. За редким исключением, чагары не могли пользоваться правом ухода от феодалов. Однако в отличие от дореформенного времени, феодалы уже не могли продавать, дарить, передавать чагар. В пореформенный период чагары уже не составляли самостоятельную категорию дагестанского крестьянства.

Ликвидация рабства в Дагестане. Рабы в Дагестане были в абсолютной и безусловной личной зависимости владельцев, которые бесконтрольно распоряжались их судьбой и жизнью, они являлись предметом собственности и формой богатства. В “Записке о зависимых сословиях в Дагестанской области”, составленной русскими властями в 60-х годах XIX в., говорится: “Рабы признаются как имущество своего господина, живут в доме владельца, который располагает неограниченным трудом их: за убийство получают вознаграждение владельца, как за вред нанесенный его имуществу. Они не могут вступать в брак пока находятся в этом состоянии, но половые отношения совершенно свободны, так что рождение девушкой детей не ставится ей в порок”⁶. Более того, владельцы, заинтересованные в увеличении “живого товара”, поощряли внебрачные связи рабов. Часто владельцы сами определяли какая из рабынь с каким рабом должна вступить в связь, причем они неукоснительно соблюдали право первой брачной ночи⁷. Родившиеся дети, как и родители, принадлежали владельцам.

До 60-х годов XIX в. продолжалась открытая работорговля. Военная администрация не поощряла ее, но и не запрещала. Царское правительство официально не обсудило ни одного вопроса о положении рабов в Дагестане. Историк С. Эсадзе это объясняет следующим образом: “С покорением Дагестана, уже при русском управлении, жалобы рабов стали повторяться чаще, и местная администрация не могла помочь обиженным, так как подобное заступничество влекло за собой нарушение прав, предоставленных обычаями страны владельцам”⁸.

А действия отдельных военачальников по существу способствовали пленению “непокорных горцев” и превращали их в фактических рабов. Вот что сказано в рапорте генерала Нестерова генералу Заводовскому от 14 марта 1849 г.: “Пленные горцы, которые были захвачены жителями Кумыкского владения, а ровно надтеречных деревень (казацких. – *Х.Р.*), по распоряжению предшественника моего генерала Фрейтага были отдаваемы в пользу помещиков”. Далее он писал, что предписал местным начальникам по их усмотрению “пойманных жителей из непокорных горцев отдавать в пользу поимщиков”. Конкретные факты захвата людей главный кумыкский пристав Кошкарев приводил в рапорте генерал-майору Барятинскому от 14 апреля 1849 г.⁹

В 60-х годах XIX в. благодаря падению крепостного права в России власти предпринимают более решительные меры к ликвидации рабства на Кавказе. Политику правительства в отношении рабства можно разделить на два этапа. Первый охватывает 1860–1865 гг., когда рабство резко ограничили. Вторым этапом – 1866–1868 гг., когда рабство было окончательно ликвидировано. Для первого периода характерна и начавшаяся активность самих рабов, которые выступали за свое освобождение. В официальном документе говорилось, что “рабы, подстрекаемые доходившей до них вестью о даровании крестьянам свободы, глухо волновались, протестуя против существующего положения вещей учащенными случаями неповиновения владельцам... Нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения”¹⁰.

В 1861 г. начальник Дагестанской области предложил запретить продавать рабов не иначе, как целыми семьями, разлучать рабынь, вышедших замуж за представителей других сословий, с мужьями, а также детей с родителями. В том же году главнокомандующий Кавказской армией Барятинский утвердил эти предложения и приказал распространить их еще на Терскую и Кубанскую области. В 1865 г. кавказская администрация запретила продавать рабов за пределы областей “в общества с иным языком, обычаями”. При продаже внутри области сделку необходимо было зарегистрировать в судах и окружных управлениях.

Проблема ликвидации рабства вступила в решающую фазу в связи с созданием в 1866 г. в Тифлисе Особого комитета по подготовке освобождения зависимых сословий Кавказа, состоящего из высших должностных лиц кавказской военной администрации. Комитет собрал сведения о рабах и их владельцах и приступил к разработке условий освобождения рабов.

Узнав об этом, кумыкские князья собрались в Аксае и выразили протест против освобождения рабов. Но после интенсивного воздействия властей князья не только согласились освободить рабов, но и в докладной записке на имя начальника Кумыкского округа изложили условия этого освобождения. Князья просили предоставить им годичный срок для освобождения рабов “по взаимному согласию с ними”, рабов старше 70 лет освободить без выкупа, остальных за выкуп от 100 до 400 руб. в зависимости от возраста, выкупную сумму уплатить в течение четырех–шести лет, в случае отказа рабов платить выкуп сделать это за счет казны¹¹.

Но Особый комитет не согласился с условиями, предложенными кумыкскими князьями, и выработал свои: за рабов в возрасте от 12 до 20 лет – 200 руб., до 12 лет и свыше 50 лет отпустить бесплатно; если рабы остались в доме владельца отрабатывать сумму, то стоимость их годового труда определить от 30 до 50 руб.¹²

В Дагестанской области благодаря “удачно и вовремя принятым мерам со стороны местного начальства, владельцы рабов проявили полную готовность содействовать исполнению правительственной меры”¹³. Тифлисский комитет определил следующий размер выкупа по Дагестанской области: для взрослого раба от 100 до 180 руб., для рабыни – 100 руб., для несовершеннолетних от 50 до 100 руб. Следует отметить, что военная администрация всячески добивалась безвыкупного освобождения рабов. С этой целью рабовладельцам отправляли письма, в которых их убеждали в необходимости ос-

вободить рабов добровольно, не ожидая распоряжения начальства “во имя верноподданнической преданности к воле государя императора”, “во имя спасения души своей”, объявляли благодарности тем, кто освободил рабов бесплатно¹⁴.

В 1860 г. в Дагестане было 4830 рабов обоего пола. Ко времени окончательного освобождения (1866–1868) осталось 1542 раба. Резкое сокращение количества рабов объясняется, во-первых, тем, что царским правительством задолго до реформы был взят курс на ограничение рабства, во-вторых, владельцы, убедившись в скором освобождении рабов на условиях, разработанных официальными властями, решили провести освобождение “по обычаю”, т.е. наиболее выгодно для себя.

Для осуществления процедуры освобождения рабов в Кумыкском округе был учрежден “мировой посреднический суд”, а в остальном Дагестане этим делом занимались окружные управления. Многие из освобожденных с обязательством внести владельцам в течение 4–6-летнего срока выкуп были не в состоянии уплатить свой долг в срок. Бывшие владельцы рабов часто обращались к военной администрации, требуя взыскать с них долг.

Все рабы, освобожденные в 1866–1868 гг. как за выкуп, так и бесплатно, были снабжены свидетельствами и приписаны к сельским обществам и в течение восьми лет освобождались от налогов. Правительство ассигновало 11 300 руб. для помощи рабам и выделило 15 500 руб. для вознаграждения феодалов, лишившихся материальной выгоды от угнетения рабов. И после освобождения в некоторых местах бывшие рабы подвергались моральному унижению из-за стойкости адатно-нравственных норм. Освобождение рабов было положительным явлением. Раб, считавшийся материальной ценностью своего господина, превратился в личность, которую не могли уже безнаказанно убить или продать.

Реформирование в Дагестане в 60-х годах XIX в. имело ряд особенностей. Во-первых, реформы здесь не базировались на едином законодательном акте, действовали разные положения, инструкции и даже просто приказы. Во-вторых, реформирование проводилось поэтапно, с большой осторожностью. В-третьих, оно имело свои особенности в отдельных округах, владениях и даже категориях крестьянства. В-четвертых, реформирование осталось незавершенным и затянулось до начала Первой мировой войны. В-пятых, его осуществляли армейские офицеры и чины колониальной администрации.

Административно-судебные и аграрные преобразования проводились, чтобы окончательно подчинить горцев царской власти, и вытекали из необходимости превращения Дагестана в колониальный придаток метрополии. Эти реформы стали переломным этапом в истории Дагестана и, несмотря на их половинчатый характер, имели прогрессивное значение. Впервые в истории Дагестана было покончено с пестротой административного устройства. Это положило начало внутреннему сближению и устранению разобщенности. Реформы серьезно били по старому, ликвидировали многие старые права и взгляды. Значительные положительные моменты содержала судебная реформа. Трудно переоценить прогрессивное значение ликвидации рабства. Безвыкупно освободились чагары, немало было положительных изменений в земельно-правовых вопросах. Однако правительство проявило большую

непоследовательность в проведении всех реформ, в том числе земельных. В полной мере сохранились зависимые отношения одних аулов от других.

Административно-судебная и крестьянская реформы 60-х годов создали предпосылки для развития в Дагестане капиталистических отношений. Отдельные авторы явно приуменьшали значение реформ 60-х годов, объявляя их куцыми как по форме, так и по содержанию. Реформы в Дагестане и развитие российского капитализма – вот основные факторы, положившие начало более исторически прогрессивным переменам в пореформенном Дагестане. А в Кумыкском округе и Присулакском наибстве крестьянская реформа стала рубежом между феодализмом и капитализмом. Как и другие окраины, Дагестан был вовлечен в русло капиталистического развития России, в ее общественно-политическую жизнь.

- ¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 866. Оп. 1. Д. 18. Л. 26–28; Д. 24. Л. 5–22.
- ² Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 358. Л. 1–2.
- ³ Там же. Оп. 30/286. Д. 2. Л. 23.
- ⁴ Всеподданнейший отчет за 1863–1869 гг. СПб., 1870. С. 16.
- ⁵ *Тульчинский Н.П.* Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 85–86.
- ⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 258/908. Д. 34. Л. 40; Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИАРГ). Ф. 445. Оп. 3. Д. 1048. Л. 34.
- ⁷ Кавказ. 1848. № 3; *Авалиани С.А.* Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса, 1914. С. 23.
- ⁸ *Эсадзе С.* Историческая справка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 468–469.
- ⁹ РГВИА. Ф. 13954. Д. 792. Л. 2.
- ¹⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 258/908. Д. 45. Л. 5.
- ¹¹ ЦГИАРГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1223. Л. 1–3.
- ¹² Там же. Д. 326. Л. 3–4.
- ¹³ Всеподданнейший отчет за 1863–1869 гг. С. 58.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Д. 234. Л. 21.

Глава шестая

Социально-экономическое развитие Дагестана в 60–90-х годах XIX века

Развитие экономики в пореформенное время тесно связано с изменившимися естественными и историческими условиями. Прежде всего изменилась обстановка, наступил сравнительно мирный период, когда время политического порабощения края сменилось периодом экономического освоения. Совпадение завершения политического завоевания и эпохи реформ в России и Дагестане усилили значимость последних. Благоприятствовали развитию производительных сил пореформенного Дагестана не только разнообразие природных условий и богатство естественных ресурсов, но и появление возможности заимствования технических достижений, производственного опыта более развитой России.

Дагестан принадлежал к числу районов, который имел многочисленное население на небольшой территории. Этот многонациональный край называли “слоеным пирогом” и “горой языков”. Плотность населения была наивысшей в 1868 г. – 18 человек на квадратную версту, а в Терской области – 11, в Кубанской области – 8 человек¹. Численность населения имела тенденцию систематического роста в силу двух причин: естественного прироста и за счет миграции. За 35 лет (1866–1901 гг.) население Дагестанской области увеличилось на 30%, а городских жителей – на 50%. Рост населения происходил главным образом за счет естественного прироста. Эмиграция в исламские страны не оказала такое влияние на количество и плотность населения, как это имело место на Северном и особенно на Западном Кавказе. В 1897 г. 95% от общей численности населения Дагестана были местные народы.

В экономическом развитии Дагестана большую роль сыграло строительство шоссейных и грунтовых путей. Дагестан вступил в XIX век, сильно страдая от бездорожья. После включения Дагестана в состав России наметился определенный сдвиг в дорожном строительстве. В первой половине XIX в. были построены отдельные дороги военно-стратегического значения. В 60-х годах появились новые гужевые тракты, которые соединили Дагестан с Азербайджаном, Грузией, Чечено-Ингушетией, Каспийское море с Внутренним Дагестаном. С 1860 по 1868 г. в Дагестанской области было построено 908 верст гужевых дорог². В 1860–1872 гг. государство израсходовало на это 728 396 руб.

Большое значение имело строительство мостов. Новинкой было возведение арочных железных мостов. В 1865 и 1868 гг. построили Георгиевский и Преображенский железные мосты на сумму 81 043 руб. В 70–90-х годах прогресс в дорожном строительстве был еще более значительным. В 1894 г. длина всех колесных дорог в области составила 3831 версту, из них шоссированных – 50 верст³. Однако проблема бездорожья была далека от решения.

Под влиянием экономического развития России в Дагестане возникли передовые виды транспорта. В 1859 г. приступили к строительству порта в

Петровске. При его сооружении был применен ряд новшеств: каменотесные и сверильные машины, мощные подъемные краны, первая железная дорога от каменоломни к гавани для доставки огромных камней. Механическая мастерская порта стала первым в Дагестане крупным промышленным заведением. В 1870–1871 гг. на строительные работы было израсходовано 304 613 руб. С 1884 по 1894 г. на расширение и реконструкцию порта истратили 385 тыс. руб. Петровск превратился в крупный порт Каспия. Полный грузооборот Петровского порта составил в 1903 г. 47 933 000 пудов, или увеличился почти в 48 раз по сравнению с 1861 г.

Неоценимое значение имело строительство железной дороги, связавшей Дагестан с Россией и Закавказьем через Северный Кавказ. Предыстория строительства железной дороги такова. В 1878 г. наместник Кавказа поставил вопрос о прокладке Петровской линии, мотивируя это военно-стратегическими соображениями. В 1882 г. бакинские нефтепромышленники также подняли вопрос о строительстве железной дороги до Баку. В 1885 г. царь утвердил решение кабинета министров начать строительство Владикавказско-Петровской железной дороги. В 1893 г. ее провели до Петровска, в середине 1899 она была соединена с Баку. Железная дорога имела не только транспортное значение, но и промышленное.

§ 1. Развитие сельского хозяйства

Система земледелия, созданная дагестанским крестьянством, базировалась на эмпирически познанных веками законов природы. В рассматриваемое время господствовала зерновая система полеводства в форме трехполья. О глубоких корнях аграрной культуры свидетельствуют очаги террасного земледелия, сохранившиеся до сих пор, которые впечатляют масштабностью и разнообразием конструктивных форм. Первое место среди зерновых культур занимала пшеница, от 50 до 60% всего урожая зерновых. Доля ячменя, постоянно занимавшего второе место, варьировалась от 25 до 31% в урожае зерновых. Важное место в ряде селений Равнинного Дагестана занимало рисосеяние (чалтыководство). Урожайность сельскохозяйственных культур была низкой. Хлебопашество на большей части края имело потребительский характер. По официальным подсчетам, в 1875 г. в области не хватало 5 023 629 пудов хлеба, если считать в среднем по 15 пудов на человека.

В пореформенный период, с одной стороны, возросла роль традиционных земледельческих культур, с другой – появились новые. К последним относится картофель. Навыки возделывания его дагестанцы переняли от русских, картофелеводством занимались, хотя и в меньшей степени, во всех округах и городах. К концу XIX в. картофель стал “вторым хлебом”.

В Дагестане впервые стали возделывать гречиху и сорго. Инициатива принадлежала интендантам русских войск. Для того чтобы не ввозить гречиху из России, они решили бесплатно раздать ее семена местному населению. Так, в 1884 г. окружной интендант Темир-Хан-Шуринского округа раздал 100 пудов гречихи для посева жителям Дагестана.

В это время несколько увеличивается площадь орошаемого земледелия. Силами и средствами местного населения и официальных властей были

построены каналы, прежде всего на равнинной части Дагестана, что позволило использовать часть целинных земель в земледельческом производстве. Больше всего каналов построили в Хасавюртовском округе, вследствие чего ногайцы стали вести оседлый образ жизни. В 1875 г. начали сооружение канала от Судака до Петровска, которое было закончено в 1890 г. Однако вскоре были обнаружены дефекты проекта, которые устранить так и не удалось. В 1893 г. в Дагестанской области функционировало 200 оросительных каналов длиной в 900 верст, что было явно недостаточно. Из-за слабого развития ирригации большую часть полевых земель не использовали. Так, в 1863 г. обширную равнину (до 120 тыс. дес.) между Чирюртом и Петровском не обрабатывали из-за отсутствия орошения.

Власти сквозь пальцы смотрели на нужды местного населения. Это красноречиво подтверждает то, что водное управление на Кавказе лишь в 1897 г. включило Дагестан в объект своего внимания путем учреждения должности инженера-гидравлика VI водного участка на Кавказе и раздела области на восемь водных округов.

В пореформенный период земледелие продолжало базироваться на традиционных орудиях труда, изготовленных местными ремесленниками. Соха не служила синонимом отсталости сельского хозяйства. Она была эффективна на террасе. На значительной части Дагестана применялся деревянный плуг. Орудия труда, как бы они ни были приспособлены к данной местности, отличались малой производительностью. Применение усовершенствованных орудий труда связано с Россией. В 60–80-е годы их использование носит эпизодический характер, а с 90-х годов XIX в. приобретает значительный размах. Но в целом современные (по тем временам) орудия труда и машины не были распространены так широко, чтобы говорить о резком увеличении сельскохозяйственного производства.

В Дагестане появляются орудия труда русского производства: серпы с гладкими пильчатыми лезвиями, борона, железная лопата, русская коса, которая к концу XIX в. вытеснила неудобную малопродуктивную местную косу, четырехколесный фургон, в который впрягались лошади. По степени технической оснащенности улучшенными сельскохозяйственными орудиями и машинами на первом месте стоял Хасавюртовский округ, чему способствовали следующие обстоятельства: проведение крестьянской реформы, ранние контакты с переселенцами из России, в том числе с немцами, ровный характер местности, сооружение железной дороги. Затем следуют Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский округа. К 1900 г. в некоторых селениях Таркинского участка местные тяжелые плуги почти полностью исчезли, их заменили русские плуги. В этих округах появились жатвенные машины, сенокосилки и т.д. Об уровне технического оснащения сельского хозяйства свидетельствуют данные, относящиеся к 1910 г. В Дагестане было зарегистрировано 106 850 единиц орудий производства, из них усовершенствованных – 45 135 единиц, или 42,2%, традиционных – 61 715 единиц, или 57,7% всех сельскохозяйственных орудий⁴.

В общем количестве всех орудий труда молотилки занимали 4,3%, сеялки и жатвенные машины – 1,1, веялки и сенокосилки – 3,7, конные грабли – 0,7%. Для дагестанского сельского хозяйства было характерным медленное внедрение улучшенных орудий труда. Технический прогресс, по сравнению

с общероссийским и мировым, был небольшим. Однако среди российских губерний Дагестан не был отсталым по техническому прогрессу в земледелии.

В трудовой деятельности населения заметную роль продолжали играть садоводство, виноградарство и овощеводство, которыми занимались лишь там, где были для этого почвенно-климатические условия.

Сады Дагестана в основном состояли из сортов народной селекции. Они отличались породосмесью и сортосмесью. В 80–90-х годах на территории Дагестанской области находились три садоводческих района:

- 1) Дербентский, включающий Кюринский, Кайтаго-Табасаранский и Самурский округа;
- 2) Петровский, состоящий из Темир-Хан-Шурина округа и прилегающих к городу территорий;
- 3) Гимринский, образованный из Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского округов.

Кроме того, садоводство было развито в Кизляре и Хасавюртовском округе. В 1900 г. в Дагестанской области в 127 селениях произрастали фруктовые сады разных размеров, которые занимали 6266 дес. В отдельных аулах до 30–50% жителей всецело занимались садоводством, где оно отчетливо приняло товарный характер. Но в большинстве аулов садоводство имело потребительское значение.

Решающую роль в развитии садоводческих хозяйств на равнине Дагестана и городах сыграли русские. Прежде всего это связано с созданием в Дербенте опытно-показательного хозяйства, которое стало распространять среди местного населения способы цивилизованного ведения садоводства. Сад-питомник был создан в Кизляре. Отдельные садовладельцы проходили подготовку в школе садоводства, которую открыли в Кубе в 1886 г. В Дербентском саду появились цитрусовые, акации, кипарисы. Из Крыма было привезено 100 тыс. черенков яблонь, груш, слив, абрикосов, персиковых деревьев и 680 тыс. черенков виноградных лоз сортов “мускат”, “изабелла”, “рислинг” и др.

Объективно в развитии садоводства значительную роль сыграла политика правительства, когда военным, чинам администрации, русским и закавказским предпринимателям отводились большие земельные участки в качестве “царского дара”, с условием обязательного разведения там садов и виноградников. И действительно, на этих участках возникли хозяйства, часто называемые образцовыми имениями-фермами.

В 1861 г. подполковник Григорьев получил в Кайтаго-Табасаранском округе 200 дес. пастбищ с условием в течение десяти лет полностью освоить их. Он развел там фруктовые сады, виноградники, марену на 36 дес., истратив на благоустройство 5 тыс. руб. В том же году в этом округе предприниматель Гриценко получил 400 дес. и организовал крупное хозяйство, являвшееся, по словам документа, “образцовым не только в Южном Дагестане, но и во всей области”. В 1863 г. коллежскому советнику Штукину было выделено на кутане “Караул” 421 дес. для разведения садов, тутовых рош, марены, хлопчатника. В 1872 г. на этом участке под садами, мареной и зерновыми было занято 164 дес. В 70-х годах в слободе Хасавюрт находилось образцовое хозяйство Н.А. Нарышкина, где культивировались яблони, груши, черешня, сливы, орех, при саде был питомник.

Положительный опыт русских предпринимателей в развитии садоводства не мог оставаться вне поля зрения коренного населения. Этот опыт перенимался местными садоводческими хозяйствами. Так, Мусаев из селения Хаджалмахи срубил все старые фруктовые деревья в своем саду и посадил вместо них лучшие сорта, стал выращивать овощи: от цветной капусты до укропа. Вслед за ним жители ряда селений начали улучшать свои сады, выписывая семена и саженцы из России. Среди местного населения все больше появлялись предпринимательские садоводческие хозяйства.

Издавна существовавшее в Дагестане виноградарство до середины 70-х годов XIX в. носило в основном потребительский характер, исключая район Кизляра. С конца 70-х годов оно становится отраслью торгового земледелия. Новый обширный рынок для дагестанских фруктов и винограда открылся в результате строительства железной дороги. Появляются скупщики. Для двух четвертей городского населения основным занятием стало виноградарство. В 1874 г. под виноградарством Кизлярского округа находилось до 16 тыс. дес.

Другим крупным виноградарским районом был Дербентский. В 1875 г. виноградные плантации Дербента занимали 1667 дес. В городе культивировались 50 сортов винограда, в том числе 10 иностранных.

Одним из районов развития виноградарства был Темир-Хан-Шуринский округ. Оно было развито в городах Темир-Хан-Шура и Петровск и пригородных аулах. В 1874 г. виноградники Петровска занимали 13,5 дес., а в 1895 г. – 250. Под виноградники Тарков в 1875 г. было отведено 50 дес., а Кумтуркалы – 160 дес. В 90-х годах кайтагские плантации этой культуры охватывали площадь в 300 дес., виноградники Хасавюртовского округа занимали в 1874 г. – 165 дес., а в 90-х годах – 1600 дес., т.е. увеличилось почти в 10 раз за 20 лет. В Горном Дагестане виноград выращивали в отдельных аулах. В Аварском и Андийском округах им занимались в 33 аулах.

За один 1897 год в Дагестанской области с 12 707 плантаций было получено 1 млн 3 тыс. 119 пудов винограда. В 70–90-х годах средняя урожайность в Дагестане составила от 250 до 500 пудов с дес. В 1901 г. в Дагестане в Кизлярском отделе было собрано винограда почти 2,5 млн пудов и выделено почти 2 млн ведер вина. Дагестан вместе с Кизлярским отделом и Хасавюртовским округом дал 18% общекавказского производства вина. В виноградарстве происходила концентрация садов в руках крупных владельцев. В Дербенте из 416 садовладельцев 22 имели виноградников площадью свыше 10 дес.

В 60–90-х годах XIX в. в Дагестане немало виноградных плантаций принадлежало русским офицерам и предпринимателям. Виноградный сад братьев Тумаевых занимал 158 дес. Особо следует сказать о многоотраслевом хозяйстве генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова. Он имел в Гуджухе 2100 дес. земли. Основную роль в его хозяйстве играло виноградарство, состоящее из лучших сортов местного и импортного винограда. Оно велось новейшими агротехническими приемами. Применялись современные методы получения и хранения вина. Винные погреба и винодельни считались одними из лучших в Дагестане. В 1900 г. на его виноградниках работало 1875 поденных рабочих. Вино продавалось в России.

Промышленное значение имели виноградные плантации Кривенко в Геджухе, занимавшие 100 дес. Его вина продавались на Кавказе и в России.

Дворянин Лазарев вблизи аула Джемикент имел 20 дес. виноградников, дербентский купец Азарьян – 18,5 дес., дворянин Григорьев около аула Мамедкала – 10 дес., купец Панаев – 10 дес., капитан Волков – 8 дес., прапорщик Мамерзабек – 20 дес. Предпринимательские хозяйства возникли в Темир-Хан-Шуринском и Хасавюртовском округах. В слободе Хасавюрт швейцарец Жатан имел участок (12 дес.), где культивировались хорошие сорта винограда, дававшие с десятины до 400 пудов урожая.

Вышеуказанные хозяйства были сугубо капиталистическими, основанными исключительно на применении наемного труда, продукция которых всецело шла на продажу, а доход реинвестировался в производство, в наем рабочей силы, в агротехнические улучшения. Применение наемного труда носило устойчивый характер. В 60–70-х годах в Кизляре на уборке винограда ежегодно работало от 5 до 10 тыс. рабочих из Дагестанской и Терской области. Об ужасных условиях жизни наемных работников в местной газете говорилось, что среди них высока смертность, они часто болеют, питаются полусырым хлебом и пьют калмыцкий чай (жидкость, заправленная мукой). Нередкими были случаи, когда сильнейшая лихорадка сваливала людей “под забором или даже среди улицы”.

В оплате труда работников была национальная дискриминация: горцам платили в неделю до 4 руб., а русским и армянам до 6–7 руб.⁵ Существовала значительная разница в оплате труда мужчин, женщин и подростков. Архивный документ свидетельствует, что чернорабочие “ночуют в вырытых собственнo для них землянках, на голом полу, без отопления и освещения. А те, которые работают на водопроводах, для выигрыша времени, ночуют на совершенно открытом месте, там, где застанет их ночь”⁶.

Как было указано, в виноградарстве все больше применялись улучшенные сорта из Крыма, европейских стран. Русскому предпринимателю Кочергану принадлежит ценный почин, который доказал возможность разведения винограда без орошения. Его виноградники занимали 20 дес. в Дербенте и давали не меньший урожай, чем орошаемые. Местные жители подхватили почин Кочергина.

Большие убытки несли владельцы виноградников от филлоксеры. Местное население не знало способов борьбы с этими болезнями. В 1886 г. первые опыты борьбы с виноградными болезнями провел Кавказский филлоксерный комитет. Этот комитет провел защитные мероприятия против филлоксерии, ознакомил общественность со способами ухода за ними. В частности, такие демонстрационные участки были устроены в Дербенте и Петровске. В 1896 г. Ставропольско-Терская филлоксерная партия произвела осмотр 900 дес. виноградников Хасавюртовского округа и Пятигорского отдела. Однако положительное значение указанных мер не следует преувеличивать, поскольку они носили эпизодический характер.

В этот период сравнительно быстро стало развиваться и огородничество. Одним из положительных сдвигов было то, что под влиянием русских солдат и переселенцев в Дагестане впервые начали возделывать помидоры, свеклу и другие культуры.

В мареноводстве, которое издавна существовало в Дагестане, в 40–70-х годах произошли разительные количественные и качественные изменения, вызванные ростом российских капиталовложений. Московские, иваново-

вознесенские, ярославские и тверские фабриканты широко авансировали плантаторов, закупали у них урожай на несколько лет вперед, торговались с земледельцами, давали мареноводам товары под марену. Марена оказалась высокодоходной культурой. В источниках встречаются такие образные выражения: “сеять марену – значит сеять золото”, “мареномания”, “золотоискатели новой Калифорнии”, “бешеный энтузиазм”. Мареноводческий бум охватил почти всю равнинную часть Дагестана, плантации возникали как грибы после дождя, для части населения мареноводство стало основным и даже единственным занятием. По словам очевидцев, на Кумыкской равнине для орошения огромных плантаций марены использовались почти все воды местных рек⁷.

В Прикаспийском крае плантации марены занимали в середине 60-х годов свыше 40 тыс. дес.⁸ Территория от р. Самур до Кизляра включительно покрылась маренными плантациями. Дело дошло до полного вытеснения в ряде мест хлебопашества, садоводства. В отчетах дербентского градоначальства за 1861–1870 гг. систематически встречается стереотипная фраза: “Главная отрасль промышленности в градоначальстве – разведение марены”.

Дагестанская марена почти полностью вывозилась в Россию. С 1847 по 1873 г. ее было вывезено только из Дербента в Россию 5 млн 200 тыс. пудов на 28 млн руб. В начале 70-х годов ежегодный вывоз марены из Дагестана в Россию составил около 400 тыс. пудов⁹. Кроме того, часть марены обрабатывалась на месте. В 60–70-х годах XIX в. дагестано-азербайджанская марена почти полностью вытеснила с русского рынка европейский крап, более того европейские фабриканты заинтересовались дагестанской мареной.

Однако в связи с получением искусственного ализарина в 1869 г. на марену спрос резко упал. Дагестанские мареноводы обратились к русскому царю с прошением, где говорилось: “Мы потрясены, как громовым ударом, таким внезапным, никем не предвиденным падением ценности нашей марены”. Попытки правительственных властей спасти мареноводство ни к чему не привели. Как справедливо писал знаток экономики Дагестана В.С. Кривенко: “Химия победила. Смертный час мареноводству пробил”¹⁰.

Были заброшены плантации, не выкопали даже марену из земли. Мареноводство, говоря образно, было похоронено; вместе с тем было погребено 16 млн 200 тыс. руб. Мареноводы назвали кризис “экономическим погромом и убийством марены”. На землях, находившихся под мареной, в 70–90-х годах постепенно начали выращивать виноград и сеять земледельческие культуры. Кризис в мареноводстве больно ударил по отходничеству. В 60-х годах на плантациях ежегодно трудились 115 тыс. человек не только из Дагестана, Азербайджана, но и из Персии¹¹.

В связи с кризисом в мареноводстве жители ряда аулов вновь обратились к табаководству. В 70-х годах XIX в. в аулах Марата, Мугарты, Рукель, Гимейды были табачные плантации. В 1877 г. в Темир-Хан-Шуре появились плантации турецкого табака, а собранный урожай составил 425 пудов. В 1881 г. еврейское население Южного Дагестана собрало 12 тыс. пудов, а в 1882 – 12 500 пудов табака. В 1897 г. в Дагестанской области было 5158 табачных плантаций на 51 дес. земли. Табак не вывозился из Дагестана, его обрабатывали на местных табачных фабриках. Таким образом, табаководство стало одним из занятий населения.

Шелководство среди технических культур занимало второе место после мареноводства. По сравнению с дореформенным периодом в этой отрасли начался упадок. Кризис в 60–70-х годах XIX в. в шелководстве Кизляра был связан с двумя обстоятельствами: во-первых, с быстрым развитием виноделия, во-вторых, с распространением болезни шелковичных червей. Средний вывоз шелка сырца из Дербента в Россию за 1861–1869 гг. составил около 180 пудов. В 60-х годах средний вывоз шелка сырца из Дербента в Россию сократился по сравнению с 50-ми годами более чем в пять раз. В 70–90-х годах шелководство окончательно пришло в упадок.

Хлопководство, как и шелководство, развивавшееся в ряде селений равнинной части Дагестана, пришло к упадку в пореформенное время. Одна из причин – конкуренция мареноводства, вторая заключалась в том, что хлопок разводился семенами низших пород, давал недостаточные урожаи и не имел сбыта вне края¹². Хлопководство не превратилось в торговую отрасль сельского хозяйства.

Шафран стал пищевым продуктом, ценной технической культурой, из которого получили красители, употреблялся он и в народной медицине. В 60-х годах в Дербентском градоначальстве шафран разводился в ограниченных размерах. По словам Каменецкого, “культура марены убила все остальные отрасли сельского хозяйства, а в том числе и и разведение шафрана”¹³. Инициатором возобновления шафрановодства в Дербенте был Алекбер Мемед-Али-оглы. В 1895 г. в Дербенте были три плантации шафрана, где применялся наемный труд горцев-отходников, горских евреев. Весь полученный шафран продавался в Москве по 10 руб. за фунт. А. Мемед-Али-оглы экспонировал свой шафран на Кавказской сельскохозяйственной выставке и удостоился серебряной медали¹⁴.

Во многих селениях равнины Дагестана и в отдаленных горных аулах население занималось возделыванием конопли. Только в Табасаране ее сеяли в 30 аулах. В аулах Ягдых, Ханак, Хурик, Куркак, Халат, Сардаркент, Асакент, Дардаркеят, Кошкент из конопли изготавливали большие мешки (чувалы), паласы и предметы домашнего обихода и это приносило жителям значительный доход. В 60–70-х годах в узденских магалах Кайтага почти во всех селениях сеяли коноплю. В 80–90-годах коноплеводство в Дагестане постепенно сокращалось. В “Обзоре Дагестанской области за 1892 год” говорится: “Культурой некоторых промышленных растений, как-то: льна, конопли и отчасти хлопка – население занимается в ничтожных размерах, для удовлетворения лишь домашних нужд”. Отрывочные данные из источников свидетельствуют о том, что льноводством занимались в отдельных аулах Равнинного, и иногда Горного Дагестана. Так, в 1896 г. в Темир-Хан-Шуринском округе посев составил 390 четвертей, а урожай 3119 четвертей. В 1901 г. в Даргинском округе было засеяно 78 пудов льна и собрано 390 пудов, а в Аварском округе – 58 и 125 соответственно. В Хасавюртовском округе посеяли 30 четвертей льна и получили урожай 110 четвертей¹⁵. В баланс технических культур Дагестана включается подсолнух. Так, в Хасавюртовском округе, по данным начальника, в 1901 г. подсолнухом было засеяно 66 дес., из них 35 дес. в слободе Хасавюрт. В других частях Дагестана эта культура не была широко распространена и не имела сколько-нибудь значительного значения в экономической жизни местного населения.

Скотоводство продолжало играть в жизни населения огромную роль. Уровень развития и распространения скотоводства в решающей степени зависел от пастбищ (летних и зимних). Они были распределены между аулами Горного Дагестана крайне неравномерно. Имелись аулы с обширными пастбищами и аулы, которые испытывали в них недостаток, встречались отдельные аулы без собственных пастбищ, но их жители занимались скотоводством на арендованных у соседей пастбищах¹⁶.

В рассматриваемое время Прикаспийская степь полностью не удовлетворяла потребность скотоводов в зимних пастбищах, скот перегоняли в Закавказье и на Северный Кавказ. Отгонная система животноводства имела отрицательные черты: падеж, потеря упитанности скота при перегоне, перенос заразных заболеваний и т.д. Однако не всегда и не весь скот перегонялся на зимние пастбища. В 60–90-х годах произошли отдельные положительные сдвиги в эксплуатации пастбищ в зависимости от богатства или скудности травостоя, в уходе за скотом, в приемах обработки продуктов и их хранении.

В развитии скотоводства были сильные зигзаги, которые слабо отражены в официальных источниках. По данным списков 1886 г., в Дагестанской области было 2 851 174 голов скота, а в 1900 г. – 2 254 612. Общее поголовье скота за 14 лет сократилось на 596 562 головы. Тем не менее к концу XIX в. Дагестан занимал одно из первых мест в России по развитию скотоводства. На тысячу жителей России приходилось 320 голов скота (без лошадей, ослов, мулов), в Закавказье – 1676 голов, в Дагестане – 3895 голов¹⁷.

Ведущей отраслью было овцеводство. В 1869 г. в Дагестанской области насчитывалось 1 млн 600 тыс. овец и коз, а в 1886 г. – 2 млн 357 тыс. голов. За 17 лет количество овец и коз возросло на 757 тыс. голов, или 32%. Затем имеет место довольно значительное сокращение поголовья. В 1900 г. по сравнению с 1869 г. количество овец возросло только на 199 278 голов. За 31 год прирост составил более 11%.

В пореформенный период разнообразие видов не претерпело существенных изменений, за исключением прекращения содержания верблюдов. В эти годы заметно стало развиваться свиноводство в хозяйствах русских, армян, грузин. В овцеводческих хозяйствах содержались грубошерстные овцы курдючной породы. Новшеством стало появление тонкорунных овец из России. Начало было положено в Хасавюртовском округе в 60-х годах XIX в. В 1881 г. в этом округе было 2 тыс. мериносов, а в 1901 г. – 49 882, или 24% всего овцепоголовья округа. За 20 лет численность мериносов увеличилась более чем в 25 раз. В 1861 г. из Ставрополя в шамхальство Тарковское пригнали 7 тыс. мериносов. Однако многие из них погибли, уцелело лишь 500 голов. В 1900 г. в Дагестанской области было 55 351 тонкорунных овец, 3% поголовья.

Дагестанское скотоводство пореформенного периода являлось экстенсивной отраслью экономики. Но даже в этой отрасли развивалось товарное производство, что тесно связано с втягиванием Дагестана в орбиту общероссийской экономической системы.

Применение наемного труда в крупных овцеводческих хозяйствах, исключительный расчет на сбыт продуктов на внутреннем и внешнем рынках,

капиталовложения – все это говорит о развитии капитализма в этих хозяйствах.

Часть мясных и молочных продуктов стала предметом широкой торговли. Живой скот продавался как на местных базарах, так и за пределами Дагестана. Животноводческую продукцию из Дагестана вывозили в 18 губерний России, в Германию, Австро-Венгрию, в Бухару. В 1899 г. в Темир-Хан-Шуринском округе из 12 398 пудов полученной шерсти было продано 7980 пудов, или 64%, в Аварском – из 2137 пудов – 1099 (51%), Гунибском из 9531 пуда – 5765 пудов (62,5%). Аналогичная ситуация наблюдалась в других округах. Между сбывавшими шерсть и фабрикантами посредничали скупщики.

Конечно, товарную продукцию преимущественно производили зажиточные крестьяне, беки, обогатившиеся переселенцы из России и Украины, концентрировавшие в своих руках тысячи голов скота.

Как на равнине, так и в горах во многих селениях местное население занималось пчеловодством. О состоянии пчеловодства можно получить представление, ознакомившись со следующими отрывочными данными. В 1900 г. в семи округах Дагестанской области было 16 430 ульев, собрано меда 3577 пудов и воска 303 пуда¹⁸. В 1901 г. в Дагестане (вместе с Хасавюртовским округом) было около 20 тыс. ульев. Пчеловодство велось примитивным способом, что не позволяло сильно расширить его. Достаточно указать на то, что горцы для получения меда уничтожали пчелиные семьи. Рамочные ульи не использовались.

Развитие сельского хозяйства наталкивалось на ряд тормозящих политических, социальных и физико-географических факторов. Колониальная политика русского царизма в целом не стимулировала развитие сельского хозяйства. Очень слабым было внимание военной администрации к нуждам сельского хозяйства. Достаточно сказать, что впервые общее состояние сельского хозяйства Дагестана было обсуждено высшей военной администрацией в 1903 г., т.е. спустя 90 лет после присоединения Дагестана к России, и спустя 43 года после создания Дагестанской области. Намеченные мероприятия остались в основном невыполненными из-за плохого финансирования.

Отрицательно сказывалось на развитии сельского хозяйства малоземелье крестьянства, запутанность земельно-правовых отношений, слабая техническая оснащенность, сохранение множества феодально-патриархальных пережитков и зависимости части крестьян от беков. В 1896 г. от Петровска до Дербента засевалось хлебом только от 4 до 5% земли¹⁹.

Природа не баловала горцев. Малярия оставалась страшным бичом для населения Равнинного и Предгорного Дагестана.

Огромный ущерб хозяйству горцев наносили засуха, проливные дожди, градобитие, наводнения, оползни, саранча и т.д. Военный губернатор писал: “Вследствие неблагоприятных климатических условий, для занятия сельским хозяйством в Дагестанской области в жизни горца редко выпадают годы полной удачи по сбору хороших урожаев”²⁰.

§ 2. Развитие капиталистической промышленности

В экономической жизни дагестанцев большую роль играли народные промыслы, кустарно-ремесленные заведения. Местная промышленность до 60-х годов в основном существовала в форме домашнего производства и ремесла. В пореформенном Дагестане находилось свыше 50 видов крестьянских промыслов. Ведущее место занимало производство шерстяных изделий, чему способствовало наличие на месте шерсти и красителей. В шерстяном производстве почти не было специализации, все операции, включая окрасивание шерсти, производили женщины одной семьи. Наемный труд в ковроделии не применялся. В рассматриваемое время ковры и паласы все больше шли на продажу. Появились скупщики, которые почти полностью осуществляли сбыт.

В конце 60-х – начале 70-х годов ткацкое и прядильное производство сукна было распространено в 137 селениях (из 189) только одного Кайтаго-Табасаранского округа²¹. В пореформенное время сукноделие развивалось быстрыми темпами, что объясняется наличием спроса как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Дагестанское сукно обычно не встречало на рынке серьезную конкуренцию, оно было высококачественным. Известный специалист Маркграф приводит следующие данные о сукноделии в Аварском, Даргинском и Казикумухском округах, относящиеся к 80-м годам XIX в.: на изготовление сукна использовали 110 424 пуда шерсти на 1,4 млн руб., а стоимость готового сукна превысила 2 млн рублей. В этих округах сукноделием занимались 43 422 женщины. Сукно и изделия из него (шали, черкески и др.) выгодно продавались в Тифлисе, Гяндже, Шемахе, Нухе, в Иране. Ежегодный вывоз черкесок из Кубачей составил 120 тыс. штук.

Особо ценилось сукно из козьего пуха, верблюжьей шерсти, которая доставлялась в Дагестан из Астрахани, Средней Азии, Ирана. Добротные изделия из верблюжьей шерсти производились больше всего в Даргинском округе, прежде всего в селении Хаджалмахи. В “Кавказском сельском хозяйстве” говорится, что с этим сукном никакая конкуренция немыслима. Сукноделие развивалось в Казикумухском округе. Ежегодно там изготовлялось от 10 до 12 тыс. кусков сукна (в одном куске обычно от 5 до 10 аршин).

В 60–80-х годах среднегодовое производство сукна из овечьей, козьей и верблюжьей шерсти в Дагестанской области достигло 290 тыс. кусков (свыше 1 млн 800 тыс. м). В ткацком производстве появились значительные формы рассеянной мануфактуры. Все большую роль в этой отрасли стали играть скупщики. В Андийском округе стремительно росло производство бурок. В 70-х годах там ежегодно производились 8 тыс. бурок, в 1882 – 20 тыс., в 1892 – уже 53 тыс. бурок, т.е. за 22 года производство бурок увеличилось в семь раз. Реализация бурок стала монополией скупщиков. В бурочном производстве округа была развита кооперация, наметился процесс превращения мелкотоварного производства в рассеянную мануфактуру. Одна из причин развития бурочного производства – возрастающий спрос как в Дагестане, так и на Кавказе, в России и ряде иностранных держав, в частности в Иране.

Кожевенное производство в сельской местности стояло на уровне домашних промыслов и ремесла. Однако в городах оно приобрело отчетливый товарно-предпринимательский характер. Там появились кожевенные предприятия мануфактурного типа. С 1875 по 1886 г. только в Темир-Хан-Шуре работали четыре кожевенных предприятия, где применялся наемный труд. Серьезным препятствием в деле развития кожевенного производства стала все усиливающая конкуренция русских фабричных изделий. Отрицательно сказывался на кожевенном производстве возрастающий вывоз кожи в Россию в необработанном виде.

В 60–90-х годах XIX в. гончарные предприятия испытывали конкуренцию со стороны привозимых из России товаров. Не выдержав ее, некоторые гончары свернули свою деятельность. Так, в селении Кахюль в большом количестве изготавливали глиняные горелки (чирахи). Производство их прекратилось в связи с распространением керосиновых ламп. В связи с развитием бондарного дела деревянные бочки быстро вытеснили гончарные сосуды, в которых хранилось вино.

Металлообработкой в конце XIX в. занимались в восьми округах Дагестана в общей сложности 62 селения. Особо следует выделить кузнечное дело. В своем большинстве кузнецы работали по заказу за плату. В кузнечном деле было распространено ученичество, применялся и наемный труд. Так, в 1895 г. в Дербенте 15 кузнецов имели 3 учеников и 15 рабочих. Общая тенденция в кузнечном производстве заключалась в том, что оно чем дальше, тем больше приходило к упадку в результате конкуренции со стороны привозимых из России в большом количестве недорогих металлических изделий.

В оружейном деле пореформенного Дагестана произошли изменения. Производство огнестрельного оружия, получившее значительное развитие в период борьбы горцев в 20–50-х годах, резко сокращается. Многие мастера-оружейники перепрофилировали производство на изготовление холодного оружия, спрос на которое возрос на Кавказе. Знаменитые масалавские, базалаевские клинки пользовались известностью и с успехом конкурировали с златоустовскими клинками.

Дагестанские оружейники получали заказы по изготовлению сабель, шашек, особенно кинжалов от кавказского военного командования. Это объяснялось высоким качеством изделий оружейников, их индивидуальным мастерством, умением оригинально украшать оружие. В конце XIX в. дагестанские оружейники заключали договоры с казачьими полками на изготовление клинков, шашек, кинжалов. Заказы выполняли в своих мастерских в станицах и городах, в частности в Екатеринодаре (Краснодаре)²².

В производстве холодного оружия наметились специализация и кооперирование. Кузнецы производили клинки, монтировщики изготавливали ножны, рукоять и наконечник, граверы занимались художественной отделкой оружия. В конце XIX в. отдельные обогатившиеся оружейники организуют мастерские, прибегая к наемному труду.

Особо следует сказать о производстве широкого ассортимента уникальных изделий из золота и серебра, которые вызывают восхищение своей красотой. В конце XIX в. в Дагестанской области ювелирным делом занимались в 136 селениях, причем для жителей 36 селений это был основной вид дея-

тельности, а в остальных этим занимались от случая к случаю. Ювелиры работали по заказу, главным образом на рынок. Некоторые из них имели мастерские и магазины в городах Кавказа и России.

Деревообработка не могла быть развитой повсеместно, так как в Дагестане было большое количество безлесных селений. В ней основное место занимало производство орудий труда (сох, молотильных досок, лопат, вил, арб, саней и др.).

В 80-х годах в Кайтаго-Табасаранском округе земледельческие орудия изготавливались в 71 селениях. Из дерева делали предметы домашнего обихода (конструкции для дома, кровати, седла, стулья, корыта, лодки, бочки, миски, ложки, вилы, музыкальные инструменты). Деревообработка стояла на уровне ремесла, работающего на рынок.

В аулах одновременно производили множество видов изделий, причем один выступал как основной. Количественные и качественные изменения в промыслах были связаны с дальнейшим втягиванием Дагестана в экономическую систему России. Происходила эволюция промыслов и их приспособление к новым условиям. Шел ускоренный процесс превращения домашних промыслов в ремесла и возрастания их товарности. Складывался рынок, когда из России в колониальный Дагестан ввозились товары фабрично-заводского производства, а из Дагестана изделия вывозились в Россию. Это один из примеров взаимовлияния России и Дагестана в области экономики.

Ремесло развивалось в сторону мелкотоварного производства, когда происходит разделение труда, выделяется в самостоятельные операции ряд промежуточных производственных операций. По источникам снабжения сырьем промыслы можно разделить на три группы:

- 1) ремесла и промыслы, полностью обеспеченные местным сырьем;
- 2) ремесла, основанные на сочетании местного и привозного сырья;
- 3) ремесла, основанные всецело на привозном сырье.

Выше говорилось о скупщиках. Они постепенно отстранили ремесленников от рынка сбыта сырья и выступали как организаторы процесса ремесленного производства, именуемого рассеянной мануфактурой, что было формой капиталистических отношений.

До 60-х годов XIX в. промышленность в Дагестане существовала в форме домашнего производства, ремесла и очень редко в мануфактурной форме. Здесь не было ни одного предприятия фабричного типа. В 60–90-х годах возник целый ряд отраслей капиталистических предприятий. Существенная особенность заключалась в том, что определяющую роль в строительстве крупных и средних промышленных предприятий сыграл русский и иностранный капитал.

В первой половине XIX в. нефть добывали из ям и колодцев, которые принадлежали феодальным правителям, царской казне и селениям. До середины 70-х годов колодцы отдавались в откупное содержание разным лицам на различные сроки на разных условиях. Среднегодовая добыча нефти в 1866–1870 гг. составила 16 584 пуда. В 90-х годах в нефтедобыче наступил сдвиг благодаря деятельности “Англо-русского нефтяного общества”, “Товарищества бр. Нобель” и др. Эта отрасль была поставлена на современную техническую основу. В 1897 г. впервые в местечке Орта-уйташ начали глу-

бокое бурение скважин. В Тензис-кутане, Уллу-Истису, Неут на площади в 2248 дес. началась разведка и добыча нефти путем глубокого бурения. В 1902 г. впервые забил фонтан из скважин в Берикее, которая через каждый час фонтанировала от 5 до 8 тыс. пудов нефти.

Разведка выявила наличие месторождений каменного угля, торфа и горючего сланца; приступили к их добыче, но запасы были незначительными, и эксплуатация вскоре прекратилась. Русские геологи, в частности академик Абих, названный отцом кавказской геологии, нашли значительные месторождения серы. Самым крупным из них было Кхиутское в Андийском округе. Русские и французские предприниматели добывали серу из этого месторождения. В 1886 г. на руднике было четыре шахты, выработка серы производилась на 25 печах калькаронным способом, в месяц получали чистой серы от 8 до 10 тыс. пудов, на заводе работали 343 рабочих и служащих. Выплавляемая сера отправлялась в Баку для приготовления серной кислоты. Месторождения ртути в Кюринском округе привлекли внимание английских специалистов. Обогащенную руду экспортировали в Англию.

Соляные источники, принадлежавшие царской казне и местным владельцам, отдавались в откупное содержание русским предпринимателям. Отраслью горнодобывающей промышленности стала добыча строительного камня. Для поперечных перекрытий домов, хозяйственных построек использовали массивные балки; на крыши домов клали тонкие плиты. Орудиями добычи были лом и кирка. В городах новинкой была добыча камня посредством взрыва порохом. В этот период впервые возникли и действовали небольшие предприятия по производству кирпича и извести. Первые попытки наладить производство стекла относятся к концу XIX в.

В пореформенном Дагестане появилась легкая промышленность как самостоятельная отрасль. Первым фабричным предприятием стала Дербентская краповая фабрика, оборудованная новейшими европейскими машинами и построенная на казенные и частные средства. В ее строительство было вложено в общей сложности 234 тыс. руб.²³ Среднегодовое производство крапа на фабрике за десять лет (1865–1875) составило 17 664 пуда²⁴. В 1877 г., после 13-летнего существования, фабрика прекратила свою деятельность, что связано с кризисом в мареноводстве.

В Дагестане впервые построили табачные фабрики. В 1873 г. их было четыре. К концу века их осталось две, причем на них использовался мужской, женский и детский труд. Продукция табачных предприятий реализовывалась в России, на Кавказе и Средней Азии.

В конце XIX в. завершилось строительство крупнейшей хлопчатобумажной фабрики “Каспийская мануфактура” в Петровске. Учредителями акционерного общества были русские предприниматели. В ноябре 1899 г. приступили к производству пряжи. В 1901 г. на фабрике работало 700 рабочих и служащих, продолжительность рабочего дня достигала 10,5 часов, средняя зарплата рабочего в день составляла от 60 до 80 коп.

В Дагестане возникает и развивается пищевая промышленность. В мусульманском крае, вследствие деятельности и образа жизни христианского населения, быстро развивалось виноделие. Самым крупным центром виноделия стал Кизлярский округ, где среднегодовое производство вина с 1872

по 1882 г. составило около 2 млн ведер. В последующий период оно сократилось, прежде всего из-за увеличения акциза. Торговля Кизлярским вином уже находилась в руках 15 скупщиков²⁵. С конца 70-х годов виноделие развивается в Дербенте, Петровске, Темир-Хан-Шуре, Хасавюртовском, Темир-Хан-Шурином округах. В Дагестанской области в 1897 г. было произведено 588 765 ведер вина, а в 1900 г. – 645 661 ведро. Местные жители очень редко занимались виноделием. В виноделии наблюдается прогресс в изготовлении и хранении вина. Это выразилось в постройке усовершенствованных винных погребов, применении улучшенных прессов. Однако вино в основном изготовлялось в мелких винодельнях, только в одном Дербенте было 68 виноделен²⁶. В целом техника изготовления вина оставалась на примитивном уровне. В Дербенте, как и в Кизляре, скупщики сосредоточили в своих руках реализацию вина. В 1891 г. военный губернатор Дагестанской области писал: “В Дербенте расплодилось множество мелких промышленников, никогда не занимавшихся садоводством, которые сотнями своими опутывают мелких винодельцев и, пользуясь их бедственным положением, закупают у них виноградное сусло по самым низким ценам”²⁷. Дагестанские вина продавались в городах России.

Винокуренная промышленность была размещена в четырех городах. Крупным центром винокурения стал Дербент. В 1883–1887 гг. винокурение в Дербенте увеличилось в 2,5 раза. В 1879–1886 гг. в Дербенте построили три паровых винокуренных завода, которые быстро вытеснили мелкие садовладельческие предприятия кустарного типа.

Еще раньше, в 1866–1867 гг., в Кизляре стали строить паровые виноградо-водочные предприятия, которые позволили получать спирт в большом количестве и лучшего качества. Они быстро вытеснили огневые “заводы”. В качестве исходного сырья использовали свежие фрукты, виноград, кишмиш, привозимый из Ирана. В 1893 г. “Кизлярская водка” удостоилась бронзовой медали и почетного диплома Всемирной выставки в Чикаго.

В 1873 г. в Темир-Хан-Шуре и Петровске построили два винокуренных завода. В 1873–1886 гг. в Дагестанской области работало в среднем 20 предприятий, а объем производства составлял 34 602 руб.

Таким образом, винокурение стало развивающейся отраслью пищевой промышленности. Но она не принадлежала дагестанцам. Два из трех пивзаводов в Темир-Хан-Шуре и Петровске принадлежали немецким предпринимателям Фольшау и Франзику. Завод в Петровске, построенный в 1876 г., был в собственности немецких и русских предпринимателей. Среднее число рабочих на одно предприятие в 80–90-х годах составляло семь–восемь. Но эти заводы были технически хорошо оснащены.

В последней четверти XIX в. в городах Дагестана построили предприятия по производству искусственных вод, в частности лимонада, которые принадлежали немцам. В 1900 г. на четырех предприятиях минеральных вод выработали продукции на 10 900 руб.²⁸

Русский и местный капитал способствовал возникновению в 80–90-х годах XIX в. консервной промышленности Дагестана, которая была размещена в основном в Темир-Хан-Шурином округе. Отдельные консервные промышленные заведения построили в Кюринском (Касумкент), Даргинском

(Хаджалмахи), Хасавюртовском (Хасавюрт) округах. В середине XIX в. в Темир-Хан-Шуре возвели два предприятия по изготовлению фруктовых консервов и пюре. Одно из них принадлежало Хизри Гаджиеву. В 1893 г. фирма “Анкара” ежегодно производила разных консервов на 8 тыс. руб. Ежегодно из области вывозили фруктовых и овощных консервов в Москву и другие города от 30 до 40 тыс. пудов и от 10 до 15 тыс. пудов сладких и горьких косточек абрикосов в битом виде. В 1899 г. только через общества “Надежда”, “Кавказ и Меркурий” отправили 8,5 тыс. пудов консервов и 20 тыс. пудов пюре. В начале XX в. еще более быстрыми темпами развивалась дагестанская консервная промышленность.

Первая паровая мельница европейского типа была построена в селении Аксай Нарышкиным, а в 80-х годах их численность возросла в Хасавюртовском округе до девяти. Только в слободе Хасавюрт было три паровых мельницы. Они принадлежали местным и русским предпринимателям. Самой крупной из них была мельница купца Иванова около Аксая, способная молоть в сутки 1600 пудов. На ней установили турбину мощностью в 42 лошадиные силы, она обслуживала район в окружности 100 верст. Муку с мельницы Иванова продавали в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Средней Азии. В 1873 г. в Дербенте построили первую паровую мукомольную мельницу, которая вскоре прекратила работать из-за поломки ряда важных частей.

В этот период в Дагестане обработка молочных продуктов производилась исключительно домашним способом. Не было маслобоек, сыроваренных заведений. Исключение составляет Хасавюртовская слобода, где в 1901 г. было три небольших маслобойных предприятия²⁹.

В 60–80-х годах в рыболовной промышленности Дагестана, где господствовала откупная система, не было прироста. Благоприятные условия для быстрого развития этой отрасли возникли в 90-х годах в связи со строительством железной дороги и увеличением на Каспии количества грузовых судов на жидком топливе, что сократило сроки доставки рыбы и уменьшило плату за провоз товаров. В России и Европе повысился спрос на рыбу. Русский капитал, широко вторгнувшись в Дагестан, коренным образом изменил рыболовство и создал капиталистическую дагестанскую рыбную промышленность. Почти все рыбные промыслы на всей акватории дагестанского побережья Каспия оказались у русских рыбопромышленников, крупнейшим среди которых стал К.П. Воробьев.

Он построил в Петровске холодильник, рассчитанный на 187 тыс. пудов рыбы, где работало 250 рабочих, бондарный завод, на котором трудилось 70 рабочих, речная система уступила место аренде капиталистического типа. Улов только одной сельди в Дагестанской области с 1893 по 1902 г. возрос в 35 раз. Рыболовство базировалось на вольнонаемном труде, на промыслах кроме постоянных рабочих трудились тысячи сезонных рабочих из Горного Дагестана.

Анализ фактического материала показывает пестроту социально-экономической структуры промышленности, начиная от ремесленных заведений до фабрик. Одновременно встречались явления, характерные для всех трех стадий развития капитализма в промышленности: мелкотоварное производство, капиталистическая мануфактура и крупная машинная индустрия. Отдельные

предприятия возникли с самого начала как сугубо капиталистические, стоявшие на фабричной стадии развития. Они создавались по образцу и подобию русского и европейского производства. Существенной особенностью генезиса капиталистической промышленности является и то, что капиталистическая мануфактура не получила большого развития. Предприятия капиталистической промышленности всех трех типов возникли за исторически короткий период. Эта особенность генезиса капитализма в промышленности тесно связана с развитием русского капитализма вширь, когда многие предприятия возникли по воле и в интересах буржуазии метрополии и русского рынка.

Русский и иностранный капитал сыграл главенствующую роль в создании промышленных предприятий Дагестана. Инонациональный капитал выступал в роли ускорителя промышленного развития Дагестана. В ряде отраслей промышленности происходила внутренняя эволюция от низших стадий производства к высшим.

В пореформенное время значительное развитие получают международные экономические связи Дагестана. Выход на международный уровень – это очень высокий показатель значимости.

Международное сотрудничество могло быть осуществлено только под эгидой России. Изделия дагестанских мастеров успешно конкурировали с лучшими изделиями мастеров Востока и Запада. Предметом российского экспорта стали дагестанские ворсовые ковры, отличающиеся изящным подбором цветов, сложностью рисунка и практичностью. Андийские бурки, изделия из верблюжьей шерсти не встречали никакой конкуренции.

Развитию зарубежных экономических связей способствовали дагестанские ремесленники, которые открыли мастерские за пределами России, в частности в Стамбуле, Тебризе, Нью-Йорке, Париже. Особой популярностью пользовались консервированные фрукты, на которые поступали заказы из Германии, Финляндии, Польши. В европейских странах большим спросом пользовались дары Каспия. Благодаря связям с границей в Дагестане появились новые культуры, шишки, отдельные сорта винограда и фруктов. В дагестанской промышленности использовались иностранные механизмы, привезенные из Англии, Франции, Германии, Голландии. Европейские предприниматели создавали отдельные промышленные заведения и в самом Дагестане.

Особая и яркая страница в развитии разносторонних связей Дагестана со странами мира – участие в кавказских, общероссийских и всемирных выставках. Эти выставки открывали миру Дагестан и его огромную духовную силу и культуру. На выставках в Москве, Петербурге, Тифлисе, Баку, Нижнем Новгороде, Харькове, Лондоне, Париже, Вене, Берлине, Турине, Стамбуле, Тегеране, Чикаго экспонировались предметы кустарно-ремесленного производства, изделия народных промыслов, продукция сельского хозяйства и промышленности.

С 1850 по 1914 г. Дагестан участвовал в 39 выставках: 15 всемирных, 14 общероссийских и 10 региональных. Дагестанские мастера получили на этих выставках более 360 золотых, серебряных, бронзовых медалей. Такого уникального показателя не имел ни один другой регион России. Дагестан, прославляясь сам, прославлял и Россию³⁰.

Крестьянская колонизация в Дагестане в 60–90-х годах XIX в., в отличие от колонизации Северного Кавказа, не получила сколько-нибудь заметного развития, что объясняется рядом физико-географических, экономических и политических обстоятельств. Но эпизодическое переселение русских крестьян в Дагестан все же имело место. В 1860 г. в Дагестан прибыла группа крестьян из Курской губернии. Они заняли место упраздненного укрепления Кизилюрта и еще купили часть земли у беков. Обживаясь, переселенцы испытывали трудности. Для организации хозяйства они обращались к опыту дагестанцев. Больше прибыло переселенцев в Хасавюртовский округ, где в 1872 г. из 57 870 жителей русских было уже 7%, русских военных – 4,2%³¹. В 80–90-х годах поток переселенцев в округ усиливается в связи с прокладкой железной дороги. В 1903 г. их доля в Хасавюртовском округе увеличилась до 20%, что составило 15 тыс. человек, возникли населенные пункты с чисто русским населением. Немцы, прибывшие из Таврической, Бессарабской, Херсонской губерний и Крыма, брали ссуды у Донского и Крестьянского банков, покупали земли, создавали добротные хозяйства. В немецких колониях выделялись крупные хозяйства, у которых было от 100 до нескольких тысяч десятин земли и многотысячные отары скота, для обслуживания которых нанимали десятки пастухов.

В 1899 г. возле станции Белиджи проживало до 100 человек из Полтавской губернии. Но почти все они погибли от жестокой эпидемии. Несмотря на это, миграция в Дагестан продолжалась и крепло сотрудничество между народами. Переселенцы заимствовали у местных жителей приемы и способы орошения полей и их обработки, а дагестанцы перенимали от русских немало полезных навыков. В итоге имел место прогрессивный процесс обмена хозяйственным опытом, который способствовал дальнейшему развитию производительных сил в экономике Дагестана и вовлечению в сельскохозяйственное производство целинных и залежных земель и т.д.

Города и окружные центры. В социально-экономическом, политическом и культурном развитии пореформенного Дагестана большую роль сыграли города: Дербент, Кизляр, Петровск и Темир-Хан-Шура. В 1857 г. военное укрепление вблизи Каспия стало городом Петровск, в 1866 г. крепость Темир-Хан-Шура получила статус города под тем же названием. Эти города объединяли вокруг себя сельские районы на основе товарных связей, которые принимали двоякую форму, от села к городу и от города к сельской периферии. Влияние городов в экономической и культурной жизни росло быстрее, чем доля горожан в общей массе населения.

В 1866 г. в Дагестане (без Кизляра) численность городского населения составила 23 828 человек, в 1901 г. – уже 41 584 (6,5% от всего населения). Произошли большие изменения в составе населения за счет буржуазных элементов, постепенно менялся облик городов. Они росли за счет этажности и уплотнения. Строились двух-, и даже трехэтажные дома. При возведении городских объектов стали пользоваться камнем, кое-что было предпринято для освещения и благоустройства улиц, площадей. Так, в Дербенте был проведен водопровод, улицы освещались фонарями, а городской сад – бензиновыми лампами.

Основные экономические и политико-культурные перемены в городах Дагестана были обусловлены их интеграцией в капиталистическое развитие России и интересами колониальной политики царизма. Строительство новых административных, культурных и жилых зданий в городах значительно улучшилось с появлением каменоломен, в которых камень добывали с помощью взрыва порохом. Только в одном Дербенте в 1900 г. было 17 каменоломен. Для всех дагестанских городов характерно постепенное изменение аграрного облика и приобретение промышленного. Горожане были заняты и в сельском хозяйстве, и в промышленности. Одна из особенностей дагестанских городов заключалась в том, что здесь находилось значительное количество военных, что связано с колониальной политикой русского царизма. Почти все города и крупные населенные пункты в равнинной части Дагестана возникли на базе военных укреплений и крепостей (Хасавюрт, Чирюрт, Дешдагар и др.).

В древнейшем Дербенте в 60–90-х годах происходили значительные социально-экономические изменения. Население города с 12 982 в 1855 г. возросло до 18,5 тыс. в 1899 г. Состав населения был многонационален: дагестанцы, азербайджанцы, татары, русские, армяне, грузины. Горожане занимались кустарно-ремесленной деятельностью и сельским хозяйством. Но в рассматриваемое время был построен ряд промышленных предприятий. К их числу относятся краповая фабрика, три винокуренных завода, которые почти полностью вытеснили винокуренные предприятия кустарного типа, только за один 1887 год было выкурено 15 306 ведер спирта. Были построены табачная фабрика, а также ряд усовершенствованных винных погребов.

Темир-Хан-Шура стала центром Дагестанской области. В 1867 г. там было 2069 жителей. К концу XIX в. их количество возросло более чем в шесть раз. По словам историка А.Л. Зиссермана, первоначально Темир-Хан-Шура "отличалась классической грязью и лихорадочным воздухом". Современники отмечали и другое, а именно большое ее торговое значение, что она, еще не будучи городом, играла роль города. К 1857 г. здесь было 108 лавок, подавляющее большинство которых принадлежало приезжим купцам. В 1860 г. среди торговцев Темир-Хан-Шуры было 60 этнических русских, 65 армян, 23 грузина, 52 перса, три грека и три еврея.

В 1858 г. в городе было 686 строений, 2 тыс. человек гражданского населения и 5 тыс. военнослужащих³². В одном документе он назван городом с "народосмещением". В 1873 г. там была построена небольшая табачная фабрика. Как уже отмечалось, в 1873 г. в городе построили винокуренный завод. В 1881 г. было получено 50 тыс. ведер вина³³. С 80-х годов почти вся консервная промышленность Дагестана была сосредоточена в Темир-Хан-Шуре, в которой доминировал местный дагестанский капитал. Первые два предприятия по изготовлению фруктовых консервов и пюре в Темир-Хан-Шуре возникли в середине 90-х годов.

В первой четверти XIX в. Кизляр (после Астрахани) был самым крупным городом на юге России. В нем проживало 15 тыс. человек. Будучи важнейшим административным и торговым центром Северного Кавказа, этот город имел военно-феодальный облик. Дома были большей частью деревянные, саманные, с плоскими земляными крышами. Внешне город имел азиатский вид.

Начиная с 40-х годов XIX в. Кизляр теряет административное значение, но продолжает играть видную торгово-экономическую роль.

В пореформенный период облик Кизляра изменяется, появляются дома на фундаменте из кирпича, город растет, хотя и медленными темпами. В этническом отношении Кизляр напоминал “вавилонские столпотворения”, но в нем коренных дагестанцев было очень мало, значительную часть населения составляли армяне и русские. В экономической деятельности горожан большую роль играло садоводство, особенно виноградарство и виноделие.

Территория, примыкающая к Кизляру, называлась Кизлярщиной, или низовьем Терека. Этот район имел ярко выраженный аграрный облик, где преобладающую часть населения составляли казаки, русские, украинцы, армяне, грузины. Проживали там и чеченцы, кумыки, кабардинцы, ногайцы. Основным занятием были земледелие, животноводство, кустарно-ремесленная деятельность, рыболовство. Здесь широко применялись усовершенствованные орудия, быстро происходило разрушение устоев казачьей самобытности и втягивание края в экономический рынок. В низовьях Терека, как и в Кизляре, развивалось виноградарство и виноделие. В отчете начальника Терской области за 1873 г. говорилось: “Кизлярский округ по количеству садов, виноградников и добываемого вина занимает первое место не только в области, но вообще в империи”.

К концу XIX в. Кизляр – это обыкновенный провинциальный город, который потерял былое торгово-экономическое значение. Это связано с двумя обстоятельствами: строительством железной дороги, которая прошла “мимо Кизляра”, и возникновением на Северном Кавказе городов, в частности Владикавказа, Георгиевска, Грозного и др.

Город Петровск вырос из укрепления под тем же названием. Оно располагалось на пяти участках земли, купленных у шамхала за 11 тыс. руб. В 1852 г. на горе Анжи-Арка засветил маяк. В 1857 г. было издано положение, которое определило порядок заселения города. В это время возле Петровска проживало всего 138 человек иногородних торговцев. В городе было 24 дома, 22 лавки, два трактира, 13 духанов, которые обслуживали в основном нужды гарнизона. Желających селиться было мало.

Правительство, чтобы быстро заселить Петровск, предоставило льготы: освобождение от всех налогов в течение десяти лет, беспошлинная торговля, освобождение от службы в армии. С этим же связано интенсивное прорытие колодцев с пресной водой. В 1864 г. Петровск уже занимал 697 дес. земли с населением 4263 человек. Импульс к развитию Петровска был дан строительством современного порта, ставшего крупнейшим на Каспии³⁴.

10 ноября 1870 г. с горы Анжи-Арка салют из пушек возвестил об открытии порта, названного *морскими воротами Дагестана*.

В Петровске возникли фотогенные предприятия. В 1873 г. была построена табачная фабрика, которая принадлежала Михайлову. Он построил в 1874 г. первую в истории Дагестана типографию, продукция которой реализовывалась на Кавказе и Средней Азии.

В городе работала крупнейшая текстильная фабрика на Кавказе. В 1876 г. построили пивзавод, принадлежавший немецкому купцу Фольшау. В конце XIX в. в Петровске был построен холодильник. Это был первый случай применения холодильника с промышленной целью на Кавказе.

К концу XIX в. в Петровске проживало 18 тыс. человек. На рубеже XIX–XX вв. там было 1206 жилых строений, в том числе каменных – 172, кирпичных – 12, саманных – 421; деревянных, крытых железом – 246, черепицей – 10, землей – 45, камышом – 78, деревом – 227. Городские улицы освещались керосиновыми фонарями. В 1901 г. в городе была открыта телефонная станция для 41 абонента. Городом управляли полицмейстер, староста, которого избирали домохозяева.

Начиная с 60-х годов XIX в. торговые связи Дагестана и России вступили в качественно новую фазу своего развития. Все больше практиковалась оптовая торговля. Структура товарооборота была типична для метрополии и колонии: из России в Дагестан шли в основном товары фабрично-заводского производства, а из Дагестана в Россию в основном сырье. До 90-х годов торговля с Россией осуществлялась водным путем. Она резко расширилась со строительством железной дороги. В 1897 г. в Дагестане было 602 купца, а торговыми делами занимались свыше 10 тыс. человек. Они получали торгово-промысловые свидетельства. Почти все торговые обороты были сосредоточены в городах и окружных центрах.

В пореформенное время получила развитие торговля смешанными товарами. В крупных населенных пунктах все больше открывались стационарные торговые лавки, т.е. торговля становилась ежедневным явлением.

В городах и отдельных окружных центрах развивается так называемая питейно-трактирная торговля. Естественно, что этот вид торговли отсутствовал в горных округах Дагестана.

Основными предметами вывоза была продукция сельского хозяйства и пищевой промышленности, а также фруктов в свежем и сушеном виде.

Темпы вывоза продуктов садоводства до середины 90-х годов были незначительными.

В 1860–1869 гг. в Россию вывезли из Дербента 567 194 пудов. В 1879 г. из Дербента вывоз фруктов и винограда составил 45 493 руб., а в 1887 г. – 190 500 руб. В 1899 г. через Дербент вывезли 436 159 пудов фруктов и ягод. Важнейшее место в торговом вывозе из Дагестана занимали марена, вино, спирт, шерсть, кожи, ковры и изделия народных промыслов. С 1895 по 1900 г. вывоз свежих фруктов и овощей из Петровска составил 578 тыс. пудов.

Дагестан превращался в специализированный рынок виноделия, которое обслуживало общероссийский рынок.

В край ввозили мануфактурно-галантерейные и бакалейно-гастрономические товары, усовершенствованные орудия, бумажные ткани, обувь, металл и изделия из него и т.п.

Одним из крупных центров торговли в Северном Дагестане была слобода Хасавюрта, где были даже построены предприятия пищевой промышленности. Торговыми центрами стали селения Аксай, Костек и Эндирей. По словам очевидца, в Аксае “страсть к торговле доходит до мании. Число торговцев растет с каждым днем... Капиталисты наши проснулись от долгой спячки”. В этих селах проводили еженедельные базары. В Хасавюрте еще ежегодно проходила ярмарка с 15 по 22 августа, а в Аксае – с 18 по 25 сентября. Это было совершенно новым для Дагестана делом. В Аксае организовали в 1875 г. ссудо-сберегательное товарищество. В 1887 г. в Аксае было 39 торговых лавок, а в 1897 – 53.

Кумух стал крупным торговым центром, куда приезжали купцы с Кавказа, Средней Азии и ряда стран Ближнего Востока, его называли *лакским городом*. В 1902 г. в Ахтах проживало 6620 человек, был постоянно действующий рынок, где продали скота на 100 500 руб., шерсти – более 20 тыс. пудов на 140 тыс. руб., сыра 1682 пуда, зерна – около 200 тыс. пудов. В селении было 110 торговых лавок. Примерно такая же картина наблюдалась в других окружных центрах: Хунзахе, Гунибе, Маджалисе, Акушах, Касумкенте и др.

§ 3. Изменения в социальной структуре и земельно-правовых отношениях

В пореформенном Дагестане происходили значительные социальные изменения, шло формирование новых классов, слоев и социальных групп капиталистического общества. Складывание новых социальных отношений здесь во многом отличалось от подобного процесса в России.

С конца 60-х годов ханы уже не были специфической социальной категорией, к концу XIX в. не было ни одного хана в старом социально-экономическом понимании. Но беки, которым правительство оказывало поддержку, продолжали быть основной группой господствующего класса. Политическое положение беков в зависимых от них аулах было поколеблено в связи с их отстранением в 1868 г. от власти над крестьянами. На большей части Дагестана беки отсутствовали вовсе. У одних беков были зависимые крестьяне, у других – нет, но они имели большое количество земли и скота. Такие беки вели свои хозяйства с помощью наемного труда крестьян, с которыми вступали в договорные отношения.

В рассматриваемое время лишь немногие чанки могут быть причислены к господствующему классу. Что же касается огромного большинства чанков, то они слились с крестьянством и облагались налогами, повинностями наравне с ним. Первостепенные уздени (сала-уздени) в Хасавюртовском округе ничем не отличались от беков, и этот термин утратил свое значение.

Экономическое развитие стимулировало появление буржуазных слоев, состоящих из множества социальных фигур: от аульного лавочника до фабриканта. Сельская буржуазия формировалась из крупных владельцев земли, скота, кустарных мастерских, ростовщиков.

К буржуазии городов принадлежали владельцы промышленных предприятий, крупные торговцы, купцы, рыбопромышленники. В составе городской буржуазии преобладали приезжие предприниматели. В формировании национальной буржуазии основную роль сыграло социальное расслоение крестьянства. В 60–90-х годах в крестьянстве произошли заметные изменения. Чагары перестали быть самостоятельной категорией крестьянства. Компетентная комиссия писала, что в Дагестане уже нет ни рабов, ни чагаров, они “совершенно слились с прочим населением”³⁵.

В крестьянстве Дагестана изменения обусловлены, прежде всего, эпохой реформ 60-х годов, когда свыше 200 тыс. крестьян освободились от ханско-бекских податей и повинностей. Пореформенное дагестанское крестьянство

состояло из двух категорий: 1) уздени; 2) раяты. Уздени, в свою очередь, состояли из двух групп: 1) независимые уздени; 2) феодально-зависимые уздени. Независимый узденский аул занимал главенствующее место в социальной структуре, примерно 90% крестьянства. В конце XIX в. зависимые крестьяне проживали в 105 аулах, их было 85 тыс. душ обоего пола, или 10% крестьянства. Сущность зависимых отношений заключалась в уплате бекам податей и повинностей натурой, работой и деньгами. Принцип их выполнения был повсеместно подворным. Нигде не встречались барщина или оброк в чистом виде. Выплаты носили смешанный характер, выступая в многообразных сочетаниях. Преобладающей формой ренты была продуктовая.

В 70–90-х годах денежная рента стала единственной формой выплаты в 36 раятских селениях, что составляло 38% общего количества раятских селений. В 90-х годах примерно 50% зависимых крестьян Дагестана несли только денежную повинность. Крестьяне Дагестана, в том числе и зависимые, платили подымную подать в размере от 1 до 3 руб., которая просуществовала до 1900 г., земский сбор – от 15 коп. до 5 руб. со двора в год, с 1887 г. – воинский налог. Крестьяне отбывали еще трудовые повинности: дорожную, подводную, квартирную, чагарскую и др. О тяжести повинностей свидетельствуют следующие данные. В 1868 г. дорожную повинность отбывали 335 тыс. человек. В 1870 г. на дорожные работы было мобилизовано в пяти округах областей 450 тыс. человек, в 1871 г. – количество человеко-дней на дорожных работах составило 800 тыс.

Одно из важных социальных явлений пореформенного Дагестана – резкое расслоение крестьянства как результат внутреннего развития края под влиянием капиталистической системы России. Имущественная дифференциация крестьянства имела место задолго до 60-х годов XIX в. Этот процесс усилился в 60–70-х годах, а с 80-х годов привел к социально-классовому расслоению.

В 1886 г. из 50 100 крестьянских дворов Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шурина округов 17,9% не имели пахотной земли. Имели ее до 2 дес. – 44,2%, от 2 до 5 дес. – 29,6; свыше 5 дес. – 8,3%³⁶.

Скот, как и земля, распределялся между крестьянскими дворами неравномерно. Обычно богатые скотовладельцы имели значительное количество земли и наоборот. В Дагестане было до 70–80% неимущих и малоимущих крестьян. В 1886 г. в Курахском наибстве 63,3% хозяйств совсем не имели овец и коз, 24,4% – крупного рогатого скота. В селении Усуг Халил Али-оглы имел 800 овец, 20 голов крупного рогатого скота, 10 ослов, семь лошадей и 15 дес. пахотной земли. Житель селения Квадал Махмуд-Курбан-оглы имел 700 баранов, 15 голов крупного скота, семь лошадей, двух ослов, 23 дес. пашни, житель Кураха Султан Худафлар-оглы – 45 дес. пашни, 400 овец, девять лошадей, 13 голов крупного скота.

В Уркарахском наибстве 42 двора крестьян имели 27 008, или 56% овец наибства. В селении Уркарах Абубакару принадлежало 6 тыс. овец, 45 лошадей, 20 голов крупного скота, три осла, 60 саб земли. В селении Алквандрент Михраб Мирзабек-оглы имел 60 саб земли, 900 баранов, 32 лошади, 60 голов крупного скота, двух ослов.

В Дженугаевском наибстве Темир-Хан-Шуринского округа из учтенных 6717 крестьянских дворов 4683 были малоземельными, а 30% пахотной земли принадлежало 6,9% хозяйств, а 1,5% дворов сосредоточило у себя почти половину (48,9%) всего поголовья овец наибства. В селе Губден Муса Исаоглы имел 1000 овец, четырех быков, две лошади, три сада, покос на 12 саб, пастбище; Магомед Раджаб-оглы – 1200 овец, пять быков, трех коров, пять лошадей, трех ослов, сады, мельницу, кутаны, покос. В Нижнем Казанище Джанхуват имел 2000 овец, Фатали – 2500 овец; в Какашуре Каплан – 25 коров, десять лошадей, 800 овец, 20 дес. земли. Нуцал Хасбулат-оглы из Нового Чиркея владел 25 дес. пастбищ, виноградниками, пятью лошадьми, восемью быками, десятью ослами и 2000 баранами; Фейзула Даци-оглы – 5060 дес. пастбищ, 210 лошадьми, 40 быками, 48 коровами с 22 телятами, 1400 баранами. Генерал Парзулаев из Чиркея имел 30 тыс. овец, 4 тыс. дес. пастбищ. Приведенные данные не оставляют сомнений, что из узденской верхушки сформировалась сельская буржуазия. Перестают быть крестьянами в полном смысле слова те, кто имел много земли, большие отары скота, улучшенные орудия труда. В таких хозяйствах использовали наемный труд, что стало важнейшим показателем расслоения крестьянства и проявлением земледельческого капитализма. В 1897 г. число хозяйств, имеющих постоянных работников в сельской местности Дагестанской области, достигло 3692, или 3,2% всех дворов³⁷. Только в одном ауле Аксай 80 богатых крестьянских хозяйств использовали труд 92 наемных работников. Наряду с постоянными работниками в богатых хозяйствах широко применялся наем поденных и временных работников, с оплатой за труд натурой или деньгами.

В земельно-правовых вопросах, так же как и в социальных, произошли существенные изменения под влиянием общероссийской экономической системы и аграрной политики русского царизма. В Дагестане существовали следующие формы собственности: 1) феодальная; 2) частно-крестьянская (мюльки); 3) общинная; 4) вакуфная; 5) казенная. В подавляющем большинстве аулов было широко распространено мюлькодарство, которое охватывало пахотные и покосные земли. В семи из десяти округов безраздельно господствовала подворно-участковая форма владения и пользования мюльками. Крестьяне распоряжались мюльками, как собственными. Община только предпочитала, чтобы крестьяне продавали свои угоды односельчанам, а не на сторону. Внутриаульная аренда была неотъемлемым элементом аульной жизни.

Массы крестьян, особенно Горного Дагестана, буквально задыхались от малоземелья, которое переходило в безземелье. В 1867 г. в пяти аулах магала Маджалис-Ката в среднем на двор приходилось от 0,7 до 1,3 дес. В 1871 г. на 33 двора селения Чаравалю приходилось 10 дес. пашни, или 0,3 дес. на двор. В Ахтах на душу приходилось всего лишь 0,05 дес. пашни³⁸.

Общинная форма земельной собственности включала пастбища, леса, редко сенокосы. Община ревностно охраняла свои права на землю. Общинные земли могли быть проданы, отданы в аренду только на основании решения сельского схода. Богатые хозяйства в аулах стремились ограничить вековые традиции и стать единоличными владельцами пастбищных участков, но община сопротивлялась этому. Тем не менее, сельские должностные лица и крестьянская верхушка по существу обращали участки общинных зе-

мель в свою собственность. Этому способствовали и решения военной администрации. Так, в 1866 г. начальник Самурского округа предписал всем селениям следующее: “Если кто в продолжении 10 лет бесспорно владел общественной пастбищной землей, то она переходит к нему в частную собственность”³⁹.

В ханско-бекском землевладении в 60-х годах XIX в. произошли большие перемены. Оно значительно сократилось. Половина земельного фонда в Кумыкском, часть феодальной земли в Темир-Хан-Шуринском округе стали собственностью освобожденных крестьян. Ханы перестали быть главными земельными собственниками, часть их земли была обращена в собственность казны. Те феодалы, которые не могли уже заставить крестьян работать на себя бесплатно, если хотели в дальнейшем вести свои хозяйства, должны были вступить в договорные отношения с крестьянами об условиях найма. По мере применения наемного труда и торгово-целевого производства продукции, такие хозяйства постепенно приобретают капиталистический облик. У других феодалов сохранилась земля и зависимые от них крестьяне, которые бесплатно работали в их хозяйствах. В этих хозяйствах феодальные черты их ведения не были сколько-нибудь сильно поколеблены. Одна из особенностей феодальной формы земельной собственности состояла в том, что огромную ее часть составляли пастбища, которые сдавались в аренду.

В 70-х годах наследники Юсуф-хана имели 4122 дес., в том числе 3743 дес. пастбищ, или 94%. У шамхала Тарковского было 40 зимних и летних пастбищ, которые приносили ему ежегодно 12 тыс. руб. За мехтулинским ханом сохранилось шесть зимних и восемь горных пастбищ, которые давали ежегодно 600 баранов, 280 овец, 115 ягнят, 155 кусков сыра.

Беки после реформы начали перестраивать свои хозяйства. Как это происходило можно показать на примере имения Аджаматова, у которого после реформы осталось 16 тыс. дес. земли. Он провел большие ирригационные работы, построил дамбы, создал искусственное озеро, осушил плавни, потратив 32,5 тыс. руб., взятые в долг у казны. Его плантации под мареной занимали 530 дес., стоимость маренных насаждений составила 100 тыс. руб. Он построил четыре мельницы, сеял пшеницу, ячмень, рис, просо и т.д. Его хозяйство быстро эволюционировало к капиталистическому типу, оно имело четкое товарно-целевое назначение и велось с помощью наемного труда.

Но не все беки смогли адаптироваться к новым условиям, многие из них закладывали земли или продавали. Знаток аграрной истории Кавказа А. Белобородов писал в 1895 г., что кумыкские князья “с освобождением зависимых сословий лишились дарового труда и теперь влачат бесцельное существование, прожигая бывшее богатство, их земли переходят в руки пришельцев и более энергичных пластов кумыкского населения”⁴⁰. Только за три года (1886–1888) в Хасавюртовском округе землевладельцы продали 46 060 дес.⁴¹ В 1900 г. земли, заложенные князьями в государственных и частных банках, составили 101 617 дес.⁴²

Характерная особенность феодальной формы земельной собственности – постепенная интеграция в рыночные отношения и самоликвидация. Так, за 30 лет (1870–1900 гг.) бекские владения в Хасавюртовском округе сократились с 186 311 дес. до 77 173 дес., или на 58,6%. Однако дагестанские

беки все еще владели большими земельными массивами, о чем свидетельствуют следующие данные: в конце XIX в. Мамедризабек имел 11 тыс. дес., Корчагский – 8532 дес., Мамерзабек Табасаранский – 5577 дес., Зубаир Тарковский – 4185 дес. и т.д.

В 60–90-х годах фонд казенной земли увеличивался за счет захвата крестьянских земель. В 1877 г. у 35 аварских селений конфисковали 16 тыс. дес. пастбищ за участие в восстании, а у жителей Ахгы отобрали 90 пахотных участков. В 1889 г. лесная дача “Макам”, издавна принадлежавшая селениям Икра, Штул, Келе, Чили, Цицик, была признана государственной собственностью. В 90-х годах в Дагестанской области 24% всех лесов находились у казны. В 1886 г. в Дагестане 289 тыс. дес. принадлежали царской казне.

Казенные земли сдавались в аренду с торгов. Арендаторами обычно выступали богатые скотовладельцы. В 1898 г. Магомед Джалил-оглы из Кидери арендовал 1750 дес. казенных пастбищ, Гаджи Кутай Магомед-оглы из Кандика – 1500 дес., Магомед Абакар-оглы из Уркараха – 723 дес. Были случаи, когда богатые крестьяне арендовали большие участки казенной земли для того, чтобы сдать их в субаренду, т.е. спекулировать ими. Фонд казенной земли использовался для нужд дислоцированных в Дагестане армейских частей. Большие участки казенной земли давались тем, кто верой и правдой служил престолу. В 60-х годах полковник Пензулаев получил в собственность в Кумыкском округе 550 дес., капитан Шимурзаев – 500 дес., капитан Клычев – 20 дес. В 1860–1861 гг. в Самарском округе “царского дара” удостоились штабс-капитан Молла-Абакар – 592 дес., майор милиции Джафар-оглы – 1 тыс. дес. В 1875 г. члена окружного суда Казикумухского округа Гаджи-Бутта наделили 1239 дес. По неполным данным, в 60–80-х годах частным лицам было роздано только в шести округах Дагестанской области почти 18 тыс. дес.

Большие земельные участки выделялись русским офицерам, генералам, купцам, чиновникам, что способствовало формированию в Дагестане буржуазной земельной собственности. В источниках очень много фактов пожалования значительных земельных участков в собственность или постоянное пользование. Так, в 1862 г. генерал Волоцкий получил в Салатавии 600 дес., в 1872 г. генерал Мицкевич в Южном Дагестане – 1959 дес., в 1875 г. генерал Лазарев в Кайтаго-Табасаранском округе – 1410 дес. С 60-х годов правительство давало на длительный срок казенные земельные участки для организации на них хозяйств фермерского типа.

В Дагестане продолжало существовать мечетское землевладение. Его особенность заключалась в том, что по сравнению с другими формами землевладения, оно было незначительным. Во многих аулах вовсе не было мечетских земель. Так, в 25 аулах Северного Табасарана в среднем на аул приходилось 9 дес. мечетских земель. В 13 аулах Курахского участка Кюринского округа было 511 дес. – в среднем по 38 дес. на аул. В Дагестанской области фонд всех мечетских земель составлял всего лишь около 14 тыс. дес. (0,9% от общего количества земель).

По степени использования мечетские земли делились на три категории:

- 1) участки, которые находились непосредственно у мечетей;
- 2) участки, находящиеся в постоянном пользовании наследников вакуфодателей;
- 3) участки, переданные в распоряжение сельских обществ.

Размер арендной платы состоял из половины и одной трети урожая. Срок аренды не всегда оговаривался. Обычно он составлял от двух до пяти лет. Часто мечетские земли отдавались в аренду сильно нуждающимся аульчанам. Арендный доход шел служителям культа, на нужды мечетей и в значительной степени остро нуждающимся жителям аулов. Вокруг этих земель не возникали какие-либо споры на предмет их владения и пользования. Для мечетского землевладения была характерна отсталая организация. Отсутствие постоянных пользователей и частые переходы земель от одного арендатора к другому приводили к истощению почвы, поскольку не принимались меры к восстановлению ее плодородия.

Приведем данные о формах землевладения в 1901 г. (без Хасавюртовского округа):

	дес.	%
Частные	350 800	23,3
Мюльковые и общинные	992 196	61,2
Казенные	220 000	14,6
Мечетские	14 000	0,9
Итого	1 506 996	100

Частновладельческие земли не были собственностью только беков. Туда входили земли царских чиновников, купцов и промышленников.

В своем абсолютном большинстве в частновладельческих хозяйствах применялся наемный труд. Феодальные формы ведения хозяйства практиковались в частновладельческих хозяйствах крайне редко. Своеобразное латифундиальное землевладение в Дагестане возникло из земель, пожалованных русским генералам, офицерам, чиновникам колониальной администрации, преданным престолу дагестанцам из местной знати. В таких хозяйствах отчетливо преобладали капиталистические формы и методы их ведения.

Аграрная политика царизма в Дагестане была непоследовательной и противоречивой. До 60-х годов в этой политике были сильны откровенно крепостнические тенденции. Проводники колониальной политики, воспитанные на традициях крепостного права, стремились перенести на дагестанскую почву порядки, господствовавшие в метрополии. Но из этого мало что удалось осуществить. Имевшие место случаи вмешательства властей в земельный вопрос привели к еще большей запутанности земельно-правовых отношений.

В 60-е годы для решения земельного вопроса были созданы сословно-поземельные комиссии, состоящие из офицеров и чиновников военной администрации. Материалы этой комиссии были использованы для проведения земельной реформы в отдельных частях Дагестана. Землеустройство было подчинено полной регламентации военной администрации, которая еще больше запутала земельные отношения. С 1869 г. и до конца века многочисленные сословно-поземельные комиссии не разрешили земельного вопроса в Дагестане. У военной администрации не было межевой политики. Совершенно не проводилось межуальное и внутриаульное межевание. Вопрос о праве собственности на землю в Дагестане так и не был решен конкретно.

Отходничество. В пореформенный период было широко распространено отходничество, вызванное как внутренними причинами, так и изменившейся социально-экономической ситуацией на Кавказе и в России. Дагестан оставался краем, где преобладало малоземелье. Земля распределялась крайне неравномерно между классами и социальными категориями населения.

В Кайтаго-Табасаранском, Кюринском, Темир-Хан-Шуринском округах пахотной земли не имели или имели недостаточно 78,3% хозяйств⁴³. Тогда же на крестьянский двор в среднем приходилось в 2,5 раза меньше овец, чем это требовалось.

В горах трудоспособное население не могло быть занято на производстве в течение всего года. С течением времени в аулах увеличилась резервная армия труда, что было обусловлено ускорением социального расслоения крестьянства. В Кавказском регионе и в самой России складывалась более благоприятная конъюнктура для отходничества вследствие торгового развития земледелия, промышленности, строительства железной дороги, что требовало огромного количества рабочих рук.

Нужно отметить, что обстановка, сложившаяся в пореформенном Дагестане, была более благоприятной для безопасного отходничества. Оно выражалось в двух видах: ремесленный отход и простой отход. Одна из особенностей этого социального явления – расширение его географии. Другая особенность – наряду с дальнейшим развитием земледельческого отхода развивается неземледельческий отход. Кроме того, следует отметить, что в 50–60-х годах почти все дагестанские отходники трудились в самом Дагестане. При этом отходники, за редким исключением, не порывали полностью связи с родными аулами. Проработав за пределами своих аулов от трех до десяти месяцев, редко до одного года и более, они возвращались к своим семьям. Формы найма отходников были многообразными, но для работающих в сельском хозяйстве преобладала поденная форма оплаты.

В 70–90-х годах после кризиса в мареноводстве значительная часть отходников устремляется за пределы Дагестана. Они все больше оказываются в городах Кавказа и России. Прогрессивным было то, что участились случаи, когда отходники, навсегда покинув родные аулы, оставались в городах. Это означало завершение переходного процесса урбанизации. С течением времени отдельные отходники становились квалифицированными рабочими, буровыми мастерами, слесарями и т.д.

О географии крестьянского отхода в 70-х годах XIX в. свидетельствуют следующие данные. В 1872 г. из трех наибств Гунибского округа отправились в Терскую область 708 человек, в Бакинскую губернию – 32, в Тифлис – 69, в г. Нуха – 191, в Кубанскую область – 18, в Закатальский округ – 551, в Астрахань – 5, в Полтавскую губернию – 13 человек⁴⁴. В 1873–1875 гг. из Даргинского округа отлучились, получив билеты, 21 509 человек. Из них в Терскую область отправились 18 832 человека, в Нуху – 740, в Ставропольскую губернию – 230, в Дербент – 413 человек. В 1872–1874 гг. из Казикумухского округа выехало 20 162 отходника, из них в Россию 692 (3,4%), в округа и города Дагестанской области – 1680 (8,2%) отходников и в губернии Кавказского наместничества – 17 790 (88,4%).

В 80-х годах ежегодно из Дагестанской области в среднем отлучались около 45 тыс. человек⁴⁵. В официальных источниках начиная с 1895 г. учи-

тывались только отходники-мужчины. С 1895 по 1901 г. на отхожие промыслы отправилось 396 383 мужчины, в среднем за год – 56 626 человек.

Отходничество внутренне не было одинаковым по степени профессиональной подготовленности. Этим занималась либо беднейшая часть населения, не имевшая квалификации, либо те, кто имел навыки и сумел открыть в городах и сельской местности постоянные или временные мастерские.

Экономические и бытовые условия отходников были тяжелыми. Вот что писал очевидец И.Д. Кузнецов о бытовых условиях отходников на рыбных промыслах: “Жили в земляных ямах, прикрытых сверху жердями, на которых набросан камыш... Чтобы попасть внутрь, приходится пройти согнувшись, почти проползти длинным и узким боковым ходом, похожим на нору... Грустно и больно видеть даже кочевника в подобном зверином логове”⁴⁶. Официальным властям не удалось наладить полный учет отходников, но контроль за ними все же усилился путем введения паспортной системы. В 80-х годах годовой гербовый сбор с тех, кто отлучался за пределы Дагестана, варьировал от 30 до 45 тыс. руб. Отходники безуспешно попытались освободиться от паспортного сбора.

Отходничество имело прогрессивное значение. Рост миграции значительных слоев населения способствовал расширению кругозора людей, ознакомлению с жизнью, бытом народов, овладению их языками чисто практическим путем, преодолению националистических предрассудков. Отход выступал как элемент урбанизированного образа жизни, разрушавший патриархальный уклад вовлеченных в этот процесс. Отходничество стало одним из путей, по которому в жизнь дагестанцев проникали значительные элементы русской, европейской культуры и культуры других народов. Оно способствовало формированию качественно новых социальных типов населения.

По мере развития буржуазных отношений в Дагестане началось формирование рабочего класса. Выросло количество рабочих, занятых в рыбной промышленности, на фабрично-заводских предприятиях, на железной дороге, в порту, а также на предприятиях кустарного типа. Формирование рабочего класса в Дагестане происходило одновременно с аналогичным процессом на территории остальной России, хотя и не столь быстрыми темпами, что объясняется слабым развитием промышленности. В 1894 г. рабочие-дагестанцы составили 14% рабочих Баку. В 1897 г. в составе рабочего класса Бакинской губернии было 5,3% дагестанцев. Удельный вес дагестанских рабочих в нефтяной промышленности Азербайджана в 1900 г. составил 13,5%, четвертое место после азербайджанцев (33,8%), армян – 25,3%, русских – 19,5%. Немало было рабочих-дагестанцев в нефтяной промышленности Северного Кавказа.

§ 4. Аграрное движение в 70–90-х годах XIX века

Под влиянием развивавшихся товарно-денежных отношений расшатывались старые устои жизни дагестанских народов. В изменившейся обстановке беки не могли быстро приобщиться к новым условиям рынка и они старались компенсировать это усилением гнета над зависимыми крестьянами. В погоне за деньгами они стремились увеличивать количество сдаваемых в аренду пастбищ за счет сокращения крестьянского землепользования

или продать их. В рассматриваемое время заметно сократилось крестьянское землепользование, которое нередко переходило в безземелье.

Беки, отбирая у крестьян земли, требовали от них нести подати в прежних размерах, так как размер ренты не находился в соответствии с размером крестьянского надела. Сословно-поземельная комиссия писала, что крестьянское движение в Дагестане прежде всего имеет экономический характер. Повинности, устанавливаемые беками, были обременительными для поселян, так как последние, кроме них, должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подъемную подать⁴⁷.

Таким образом, зависимые крестьяне Дагестана подвергались двойному гнету. Крестьяне, наивно полагая, что официальные власти помогут их горю, очень часто подавали прошения, жалобы в различные инстанции административного управления, включая самих царей. Жалобы крестьян делились на три категории: жалобы на беков и сельскую верхушку, жалобы на чинов военной администрации, жалобы, связанные с земельными конфликтами между аулами. Вначале преобладали индивидуальные жалобы, а затем – коллективные. Написанию коллективных жалоб предшествовали сходы, созываемые втайне от беков. Здесь же избирались поверенные, которым поручалось передать жалобу по назначению, и одновременно формулировались требования.

Власти преследовали поверенных, считая их зачинщиками и главными виновниками крестьянского сопротивления, избивали их, сажали в тюрьму. Но крестьянские ходоки искренне и самоотверженно служили делу освобождения своих односельчан. При встрече с официальными властями они вели себя смело. Иногда крестьянские ходоки пешком отправлялись в Тифлис в поисках правды.

В 1871 г. крестьяне аула Буркихан Кюринского округа в жалобе царю указывали, что беки “обременяют их повинностями, отнимают пастбищные и другие необходимые для них земли”⁴⁸. В конце 70 – начале 80-х годов XIX в. Бейбалабек Гимейдинский захватил у раят аула Зирдиан несколько участков пахотной и пастбищной земли, часть которой продал, а другую отдал в аренду. В 1885 г. крестьяне селения Кумтуркала Темир-Хан-Шуринского округа писали, что беки Мирзоевы захватили у них половину земли в местности Кокрек. В 1899 г. в Кайтаго-Табасаранский округ для проверки жалоб крестьян прибыл помощник военного губернатора Дагестанской области, который опросил их. Выяснилось немало фактов, когда беки действительно захватывали земли у крестьян. Из рапорта видно, что бек Уцмиев отобрал у раят селения Селик 200 дес. и затем продал этот участок, Хан-Мамедкалы Татляр у крестьян отобрал несколько участков земли. В 1901 г. бек захватил у крестьян села Джемикент 600 дес.⁴⁹

Отличительными особенностями крестьянских жалоб были: упорство, настойчивость и коллективный характер. Крестьяне 22 аулов Северного Табасарана подали жалобу военному губернатору Дагестана с требованием освободить их от бекского гнета. Крестьяне 25 аулов Кайтаго-Табасаранского округа только за два года подали 11 совместных жалоб. Крестьяне аула Буркихан Кюринского округа за 42 года (1871–1913) подали девять жалоб Александру II, Александру III, Николаю II, главноначальствующему на Кавказе, сословно-поземельной комиссии, наместнику царя на Кавказе, военному губернатору Дагестана, председателю Совета министров.

Однако попытки крестьян добиться правосудия через органы административного аппарата царизма оказались тщетными. Власти обманывали крестьян, давая почти на все жалобы один ответ, смысл которого заключался в том, что сословно-земельная комиссия скоро разрешит вопрос об освобождении крестьян. Но крестьяне все больше убеждались в том, что справедливости в органах власти нет, что царь стоит за беков.

Убедившись в невозможности добиться освобождения от бекского гнета путем подачи жалоб, крестьяне прибегали к другим формам борьбы: захвату бекских земель, скота, потравам их хлебов, лугов, покосов, самовольной порубке лесов, поджогам имений, нападениям на беков. Наибольшее развитие получили массовые отказы выполнять бекские подати и повинности. В 1883 г. крестьяне аула Ялак Самурского округа отказались отбывать бекские повинности и оказали старшине и ахтыпаринскому наibu “явное неповиновение”. Более того, 63 крестьянина прибыли в Ахты и заявили начальнику Самурского округа, что они не будут нести повинности бекам и подчиняться приказам правительства, если их будут заставлять. Начальник округа донес об этом военному губернатору, который издал приказ, полный угроз. В нем говорилось, что “упорство ваше может причинить вам только несчастье. Вернитесь к законному порядку отбывания повинности в пользу бека”. С этим приказом начальник округа прибыл в Ялак и зачитал его на сходе. Из повторного рапорта начальника округа военному губернатору от 14 сентября 1883 г. выясняется, что, выслушав приказ с вниманием “все ялахское общество заявило, что приказа этого не принимает, изложенным в нем распоряжениям повиноваться не желает и отбывать бекам своим повинности ни в коем случае не будет”⁵⁰. Сельский сход вынес постановление: “Требования начальства, изложенные в приказе, не исполнять”, и вручил его начальнику округа. Волнения в Ялаке были подавлены силой оружия и крестьян заставили вернуться к “законному порядку”.

Широкой волной прокатилось движение раят в Кайтаго-Табасаранском округе. В конце XIX в. в округе было крупное аграрное движение. Табасаранские беки с тревогой писали председателю Государственного совета, что в 1895 г. раяты “открыто восстали против нас”. Из донесения Казанов-бека Табасаранского военному губернатору видно, что с “1897 г. все раяты Кайтаго-Табасаранского округа сообща стали враждовать с нами, уклоняться от своих повинностей и всячески стараются обижать нас и принести материальные убытки нам, потравляя наши сады, покосы, посевы, увозя наших лошадей и скотину, поджигая саман, сено, истребляя леса для продажи в Дербенте. Некоторые захватывали силой наши земли”.

В 1898–1899 гг. почти все раяты округа не исполняли бекские повинности. Дело дошло до того, что крестьяне демонстративно не приходили на похороны беков. Нукеров-беков, если даже они их аульчане, выгоняли как со свадьбы, так и с похорон. В 1897 г. начальнику северо-табасаранского участка крестьяне сказали: “По сие время не отдавали и впредь отдавать не намерены”⁵¹. Тогда крестьянские поверенные были посажены в тюрьму, у крестьян в пользу беков отобрали семена, оставленные для посева, продукты, ковры. В тюрьме умерли трое крестьянских поверенных.

Власти полагали, что одна из причин отказа крестьян нести бекские повинности заключается в утере инструкций о податях, составленных в 60-х го-

дах. В срочном порядке написали новые инструкции. В течение трех недель в каждую пятницу при выходе из мечети местные власти объявляли крестьянам содержание инструкций. Было решено прибегнуть к “воздействию на почетных людей”, чтобы они уговорили крестьян прекратить беспорядки. В 1898 г. начальство округа собрало в аулах Хучни, Ерси стариков всех аулов и призвало их “к содействию в мероприятиях местной администрации по успокоению раятов”. Но старики проявили солидарность со своими односельчанами, заявив, что раяты “выбились из сил” из-за бекских податей.

В 90-х годах в Кайтаго-Табасаранский округ неоднократно приезжали царские генералы, чтобы навести там порядок. В 1895 г. генерал Тиханов в селении Марага собрал крестьян шести селений и приказал им исполнять бекские повинности, но получил категорический отказ. Генерал арестовал ряд крестьян и отправил их в дербентскую тюрьму. Он же собрал в селении Ерси раят 25 аулов. Ознакомившись с положением дел на месте, генерал пришел к выводу, что цель крестьянских выступлений “добиться совершенного освобождения от всякой зависимости беков”. В 1899 г. полковник Соловьев собрал в селении Ерси выборных от всех раятских селений Табасарана и предложил впредь сборы бекских повинностей производить в присутствии двух–трех поверенных от раятских селений. Но с этим не согласились. В 1900 г. крестьяне Кадар в суде заявили: “От своего общества слагаем с него бекское бремя, тем более, что само говорит за то, что пора облегчить общество от ненормальных повинностей”.

В 1897 г. вопрос об отказе нести бекские повинности крестьян селения Буркихан обсуждался в окружном суде, который принял решение в пользу беков. Крестьяне опротестовали это решение. Генерал Узбенко отклонил их просьбу и от крестьянских поверенных потребовал подчиниться решению суда. Но они “в грубой форме кричали, что и они требований суда не выполнят”. Начальник округа “за такую дерзость” арестовал поверенных. Выйдя из тюрьмы, они решили отправиться с жалобой в Тифлис. Власти, узнав об этом, арестовали поверенных на пять суток и предупредили, чтобы никто не отлучался из аула. Однако ходоки добрались до Тифлиса, добиваясь правды, и ничего не достигли.

Крестьяне селения Кумтуркала трижды отправляли в Тифлис своих ходоков. Они заявили властям: “В настоящее время бек является для нас как бы пиявкой, сосущей нашу кровь. Администрация поощряла и поддерживала всякие незаконные претензии бека в отношении населения, как по отбытии им повинности, так и владении землей. Мы все надеялись, что придет когда-нибудь конец незаконным претензиям беков; нас обнадеживали, что вот скоро явится сословно-поземельная комиссия и разрушит все сгнившее здание прежнего бекского строя и освободит нас от мучительной зависимости от беков. Но время шло, мы ждем 40–50 лет, а комиссия спасительная все не является к нам”⁵².

Часто борьба крестьян одного аула проходила в разных формах. Так, за 46 лет (1851–1907) крестьяне села Ялак Самурского округа 43 раза жаловались на беков, 14 раз самовольно прекращали платить подати и девять раз оказали явное неповиновение официальным властям, которые принуждали их к исполнению бекских податей. В 1859, 1861, 1883, 1905–1907 гг. выступления крестьян подавили с помощью войск.

Одной из активных форм борьбы крестьян стал захват бекской земли. Так, в 90-х годах XIX в. крестьяне селений Гимейды, Зидян, Митага, Мугарты и Марата захватили большие участки бекских земель. В 1901 г. крестьяне аула Янгикент распахали кутан Палаш, принадлежавший Зубаирбеку Тарковскому, размером 1500 дес. В ряде селений Равнинного Дагестана участилось так называемое порубочное движение, т.е. массовая заготовка древесины в бекских лесах. Местные власти считали основной причиной крестьянского движения “подстрекательство некоторых лиц, которые на почве общего нерасположения к бекам встречали сочувствие в народе”. Власти отмечали, что имеются в аулах “агитаторы”, “зачинщики” и “главные агитаторы”, которые действуют во многих аулах, и принимали к их поимке меры, чтобы обезглавить крестьянское сопротивление. И действительно, они, разъезжая по аулам, призывали крестьян захватить бекские земли, не платить им подати, нападать на их имения, не поддерживать с беками никаких связей. Это было результатом возросших элементов сознательности и организованности в борьбе крестьян. Крестьянские вожаки часто прибегали к распространению слухов, которые отвечали крестьянским чаяниям. Власти констатировали, что эти слухи “мутили” общества раятских селений.

Военная администрация выяснила в некоторых аулах фамилии крестьянских вожаков. В 1899 г. табасаранский наиб выявил 30 зачинщиков беспорядков. Подполковник Шосте доносил, что удалось найти 21 подстрекателя. В донесении приведены фамилии “самых главных подстрекателей в 15 селениях”. Начальник округа писал, что к ним надо применить строгие меры в пример другим и “можно надеяться на восстановление порядка в раятских селениях”.

В селении Буркихан виновниками крестьянских волнений названы: Ибрагим Мазай-оглы, Кади Бузукай-оглы, Мазай Гаджи-Гусейн-оглы, Абдулла Азиз-Рамазан-оглы, Курбан-Шабан-оглы, Абас Роджаб-оглы, Гасан Гусейн-Рамазан-оглы и Айша Омари-кызы. Все крестьянские вожаки были арестованы. Военный губернатор донес в Тифлис следующее: “Оставление без наказания подстрекателей к неповиновению может послужить дурным примером, и жители селения Буркихан будут упорствовать в своем нежелании уплачивать бекские повинности, пока не увидят, что стоящие во главе этого сопротивления не понесут строгой кары”. Далее он просил разрешения всех “виновников в подстрекательстве” из Буркихана выслать во внутреннюю Россию под надзор полиции сроком от двух до трех лет. Примечательно, что среди вожаков крестьян была мужественная Айша, которая призывала крестьян покончить с бекской зависимостью, заслужила любовь односельчан. Она заставила колонизаторов заговорить о себе. В рапортах высокопоставленных царских сатрапов многократно фигурирует ее имя.

Значительный интерес представляет борьба крестьян против нарождающейся сельской буржуазии и сельских старшин. В среде самого крестьянства началась борьба между его полярными прослойками, что было совершенно новым явлением. В 1886 г. крупные овцеводы аула Турчи Казикумухского округа запрещали односельчанам распахивать свои земли. Крестьяне силой удалили отары богатеев. В 1898 г. крестьяне аула Карата выступили в защиту своих земель от притязаний барановодов. Большой спор разгорелся между аулом Ботлих Андийского округа и богатыми узденями из-за садов и

полей. Богачи требовали поливки своих земель вне очереди и в большом количестве. Сельское общество решительно отвергало притязания богачей. В 1887 г. крестьяне Кюринского округа препятствовали арендаторам пользоваться казенными ятагами на участке Карблугский, более того, они отняли у них арендованные земли и с помощью оружия удалили их с казенных земель и тем самым нанесли ущерб “казенному интересу”.

Крестьяне боролись против земельных спекулянтов, предпринимателей кулаков, торгово-ростовщических элементов. Потрава казенных пастбищ и земельные конфликты с арендаторами – это одна из форм крестьянского протеста. В 1887 г. богач селения Гиляр Кюринского округа арендовал казенный ятаг “Гиляр” сроком на один год за 178 руб. Между тем этим ятагом пользовались крестьяне аулов Цехюль и Зейхюр. Крестьяне пригнали туда свой скот и стали нарочито выпасать его на арендных пастбищах и силой удалили скот кулака-арендатора.

Крестьяне выступали и против сельских старшин, которые были проводниками колониального влияния на аулы и в то же время многие из них сами стали представителями разбогатевшей узденской верхушки. Нередко крестьяне в своих жалобах просили власти отстранить их от занимаемой должности. В жалобе села Кара-Кюре Самурского округа говорится, что старшина и его помощник заставляют пахать землю, косить сено, возить дрова, присвоил 1000 руб., собранных обществом для строительства водопровода.

Аналогичную жалобу подали жители Ахты на старшину. Немало было случаев убийств ненавистных старшин. В 1894 г. при использовании служебных обязанностей убили старшину села Дургели. В 1899 г. старшина селения Кочхюр Кюринского округа был убит прямо на сходе. В 1902 г. односельчане убили старшину Касумкента, в 1903 г. – старшину Кули Казикумского округа, в 1904 г. – старшину села Хахита Даргинского округа⁵³.

Борьба крестьян не была полностью безрезультатной. С 1882 по 1907 г. крестьяне 27 селений в количестве 10 тыс. человек получили независимость от беков.

26 марта 1888 г. жители Дербента восстали. Его возглавили “происходившие из податного сословия” Гаджи-Ибаид Имамкули-оглы, Гаджи Мюгура Мамед-оглы, Мамед Мирза Абу-талиб-оглы, Самед Муса-кули-оглы. Восставшие выступили против торговцев. Хозяевами положения в городе стали восставшие. Срочно принятые военные меры привели к прекращению восстания, его руководителей посадили в тюрьму.

Особенность крестьянского движения Дагестана в рассматриваемое время состояла в том, что больше всего (80%) им было охвачено три округа (Кайтаго-Табасаранский, Кюринский и Темир-Хан-Шуринский), где сохранились зависимые отношения крестьян к бекам. Другая особенность в том, что антифеодальная борьба не была острой на большей территории Дагестана, что объясняется отсутствием там значительной прослойки беков и феодальной формы земельной собственности. В новых условиях, когда интенсивно разрушалось натуральное хозяйство, усилилась социальная дифференциация крестьянства, приведшая к формированию сельской буржуазии, началась внутрикрестьянская, внутриузденская или “вторая социальная борьба” против капиталистических форм эксплуатации.

- ¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Д. 54. Л. 5.
- ² Там же. Л. 76.
- ³ Там же. Оп. 4. Д. 2770. Л. 85.
- ⁴ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.
- ⁵ Известия Министерства земледелия государственных имуществ. СПб., 1896. С. 270.
- ⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. (1887 г.). Оп. 223. Д. 140. Л. 13.
- ⁷ Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан в XIX – начале XX века. Махачкала, 1998. С. 39.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Рамазанов Х.Х. Освоение производственного опыта России в Дагестане // Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1978. С. 58.
- ¹⁰ Кривенко В.С. По Дагестану. Путевые заметки. Тифлис, 1896. С. 144.
- ¹¹ Рамазанов Х.Х. Мареноводство Дагестана в XIX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 2. С. 130.
- ¹² РГИА. Ф. 1268. (1884 г.). Оп. 10. Д. 137. Л. 385.
- ¹³ Каменецкий Е.И. Культура шафрана в Закавказском крае // Сборник сведений по культуре ценных растений на Кавказе. Тифлис, 1895. Вып. II. С. 93.
- ¹⁴ Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С. 101–102.
- ¹⁵ Государственный архив Республики Дагестан (ГАРД). Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 72.
- ¹⁶ Там же. Ф. 150. Оп. 11. Д. 17. Л. 30; Ф. 2. Д. 24. Л. 72.
- ¹⁷ История Дагестана. М., 1968. Т. II. С. 177.
- ¹⁸ Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. С. 54.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 479. Л. 13.
- ²⁰ ГАРД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
- ²¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 75.
- ²² Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. Нальчик, 1995. С. 110.
- ²³ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 230.
- ²⁴ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 154–155.
- ²⁵ Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный, 1963. С. 123.
- ²⁶ ГАРД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.
- ²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 128. Л. 4–5.
- ²⁸ Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 58.
- ²⁹ ГАРД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 2.
- ³⁰ Рамазанов А.Х. Международные экономические связи и культурное развитие Дагестана в составе России в XIX – начале XX в. Махачкала, 1997. С. 4, 14.
- ³¹ Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 126.
- ³² Кавказ. 1858. № 5.
- ³³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 1602. Л. 150.
- ³⁴ Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан... С. 80–81.
- ³⁵ ГАРД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 8, 64; Терский сборник. Владикавказ, 1890. Вып. 1. С. 158.
- ³⁶ Формирование рабочего класса в Закавказье. Тбилиси, 1974. С. 138–139.
- ³⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905.

- 38 РГВИА. Ф. 400. Д. 45. Л. 226; ГАРД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24^а. Л. 52.
- 39 ГАРД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4^б. Л. 90.
- 40 *Белобородов А.* Земледелие в Терской области // Терские областные ведомости. 1895. № 107.
- 41 РГИА. Ф. 573. Оп. 1. Д. 14195. Л. 11.
- 42 Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906. Т. I. С. 250.
- 43 Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1972. Вып. 3. С. 88–89.
- 44 РГВИА. Ф. 1300. Оп. 18. Д. 7. Л. 178.
- 45 Там же. Ф. 400. Д. 92. Л. 12.
- 46 *Кузнецов И.Д.* Терские речные и притеречные рыбные промыслы. СПб., 1898. С. 163.
- 47 Красный архив. 1936. № 6(79). С. 116.
- 48 РГВИА. Ф. 400. Д. 45. Л. 242.
- 49 ГАРД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 83–86; Д. 142^г. Л. 42.
- 50 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.
- 51 Там же. Ф. 90. Оп. 2. Д. 28. Л. 7.
- 52 Центральный государственный исторический архив Республики Грузии. Ф. 12. Оп. 7. Д. 3792. Л. 2.
- 53 РГВИА. Ф. 400. Д. 54. Л. 5.

Глава седьмая

Культура народов Дагестана в конце XVIII–XIX веков

§ 1. Образование

Конфессиональная школа. В XIX в. в духовной жизни народов Дагестана произошли важные изменения. Они были обусловлены как объективно-историческими процессами внутри дагестанского общества, так и новыми социально-экономическими и политическими реалиями, вызванными к жизни присоединением края к России, постепенным втягиванием его в российскую общественную систему.

Перемены затронули, хотя и в неодинаковой степени, все сферы духовной жизни дагестанцев.

В народном образовании наблюдается (в мирные годы) численный рост конфессиональных мусульманских школ, делаются попытки, правда робкие, совершенствовать традиционную учебную систему. Большое распространение получили “домашние” коранские школы и мектебы при мечетях. Во второй половине XIX – начале XX в. возросло число школ типа медресе. В медресе, функционировавших в некоторых крупных аулах, изучались катехизис, арабская грамматика, логика, мусульманское право, а также в доступном объеме география, астрономия. Однако система обучения и методы преподавания в мусульманских конфессиональных школах существенно не изменились.

Продолжительная и изнурительная антиколониальная борьба горцев сказалась на веками складывавшейся системе просвещения в Дагестане, в частности в районах, которые находились под управлением Шамиля.

Имамы, в особенности Шамиль, уделяли значительное внимание вопросам воспитания и обучения детей и молодежи. Перед школами в имамате Шамиля четко ставилась определенная задача: воспитывать из подрастающего поколения верных приверженцев шариата. Шамиль строго следил, чтобы мусульманская школа выполняла это свое предназначение. Горцам подвластных ему районов вменялось в обязанность, наряду с активным участием в военных действиях, воспитывать детей в духе газавата, верности предписаниям ислама. Несмотря на тяжелейшие условия военного времени, он заботился о мусульманской школе, принимая меры, чтобы дети не прерывали обучение в тыловых районах.

Хотя имамат и испытывал большую нужду в средствах для ведения войны против такого сильного противника, как царская Россия, и Шамиль вынужден был изыскивать все новые источники для пополнения казны, закята он оставил в распоряжении духовенства. За счет закята материально поддерживались не только бедные горцы, но и мечети, и религиозные школы. Кроме того, в пользу религиозных школ и ученых в имамате Шамиля выделялась еще пятая часть военной добычи и трофеев. Правда, ее поступление

по назначению зависела, по свидетельству некоторых современников Кавказской войны, от успехов военных действий горцев и состояния казны имамата¹.

Шамиль считал, что учащиеся мусульманских школ должны прежде всего в совершенстве изучить Коран, а затем другие религиозные книги. Один из современников Шамиля отмечал, что он, даже будучи главой имамата, часто “отправлялся по аулам учить народ шариату”². Правда, уроки его, признавал он, были очень суровые. В школах, семьях, общественных местах преподавались “истины низама” (кодекса) Шамиля³.

Одним из звеньев в образовательной системе имамата стало обучение на “мюрида по тарикату”. Обучаться могли горцы независимо от возраста, состояния и даже образования. Учащийся получал наставления, книги для чтения с указанием мест в них, заслуживающих особого внимания. Такие мюриды посвящали свою жизнь изучению тариката и отказывались от связи с внешним миром. Ни житейская суета, ни даже военные действия для них не существовали. “Только изредка являлся он (учащийся. – Г.К.) к своему учителю для беседы, для разъяснения представлявшихся ему недоразумений”⁴.

Однако Шамиль понимал, что для ведения изнурительной войны нужны люди закаленные, физически сильные. Поэтому в имамате особое внимание обращалось на воспитание в молодых горцах выносливости, привитие качеств, необходимых воину, сражающемуся в суровых горных условиях. Обучение военному делу стало в имамате одной из важнейших составных частей системы воспитания и образования.

Пока продолжалась борьба горцев, Шамиль не допускал и мысли о контактах с русскими в сфере образования и воспитания. Завоз и распространение русских книг были запрещены под страхом строжайшего наказания.

Имамы, в частности Шамиль, старались окружать себя учеными – теологами, толкователями шариата, заботились об обеспечении благосостояния духовенства. Последние не без основания считались силой, способной воодушевлять горцев на ведение войны с “неверными”, возвеличить власть имамов. Ведая всем делом традиционного мусульманского образования, духовенство оказывало огромное влияние на умы подрастающего поколения, воспитывало его в духе предначертаний ислама, шариата, неприятия тех, кто их не исповедовал.

В период Кавказской войны известный ученый Лачинилау предпринял попытку распространить среди аварцев разработанную им родную письменность, которая основывалась на арабской графике с добавлением соответствующих знаков для обозначения звуков аварского языка. Попытка Лачинилау была встречена с настороженностью и не имела тогда успеха. По свидетельству некоторых современников, Шамиль открыто не выступал против попыток распространения аварской письменности, но и не симпатизировал им⁵.

Во второй половине XIX в., после подавления антиколониального движения горцев, в системе конфессионального образования Дагестана сохранились традиционные приемы и методы воспитания и образования. Мусульманские школы Дагестана позднее и медленнее становились на путь приближения к светским школам, чем в Крыму или ряде мусульманских районов Кавказа и Поволжья.

По мнению ряда деятелей просвещения, в улучшении обучения особенно нуждались мектебы. Они выражали сожаление, что в примечетских мектебах обучение грамоте осуществляется на основе “старого притупляющего буквенного способа”. Звуковой же метод обучения грамоте, значительно облегчающий труд детей и намного сокращающий время на ее усвоение, не проник в эти школы⁶. Предлагалось ввести в мектебах “преподавание арифметики и, где возможно, русского языка”⁷.

Важнейшими составляющими реформы мектебов должны были стать, по мнению ее приверженцев, применение в мектебах “новых приемов преподавания, организация правильного курса обучения, а также улучшение гигиенических условий”⁸.

Ввиду неудовлетворительного состояния дореволюционной официальной статистики исследователю трудно проследить эволюцию сети религиозных школ в XIX в. Даже после образования Дагестанской области местные органы царской военно-народной администрации не сразу стали представлять о них уточненные сведения. Данные, представлявшиеся начальниками округов военному губернатору и включавшиеся в ежегодные (с 1892 г.) обзоры Дагестанской области, по-видимому, несколько занижены и не отражают полной картины деятельности религиозных школ. Можно предполагать, что вне официальной статистики оставались многие “домашние” коранские школы, которые, возникая в любое время года в зависимости от наличия преподавателя и учащихся и неожиданно закрываясь, плохо поддавались регистрации. По данным упомянутых “Обзоров”, к началу XX в. в Дагестанской области насчитывалось 853 мусульманские школы, в которых обучалось 5719 учащихся.

Светские общеобразовательные и профессиональные школы. После присоединения к России начинается новый период в истории просвещения Дагестана. В крае появляются первые светские школы на русском языке, где местные жители, преимущественно дети привилегированной верхушки, обучаются, хотя и в ограниченных пределах, основам современных знаний.

Первым по времени русским учебным заведением было Дербентское училище, основанное в 1837 г. Это училище, как и уездные училища Закавказья, открытые на основании Положения от 12 мая 1835 г., имело целью распространение в крае “начальных сведений и приготовление учащихся к продолжению курса учения в Тифлисской гимназии”⁹. Дербентское училище открылось в составе трех классов, из которых один – приготовительный. Наряду с другими предметами, в этом заведении преподавались азербайджанский и армянский языки.

В первый год существования число учащихся в нем едва достигло 35 человек, спустя десять лет – 57, а в 1878 г., после преобразования уездного училища в трехклассное городское – 125 человек¹⁰.

В конце 40-х годов в Дербенте открывается второе учебное заведение – мусульманская школа, в которую в отличие от уездного училища, принимались только дети мусульман “всех свободных сословий”.

Для обучения в мусульманской школе Дербента со всех концов Дагестана съехались аварцы, даргинцы, кумыки, табасаранцы и представители других

дагестанских народностей, среди которых, наряду с детьми школьного возраста, были 23–25-летние молодые люди. Большинство учащихся в первый год учебы в школе изучали, помимо арабского, и русский язык, причем некоторые из них научились читать по-русски довольно свободно¹¹.

В 1851 г. в школе обучалось 56 учащихся, из которых 8 – жители Дербента, остальные из других мест Дагестана.

В 1855 г. мусульманская школа переводится в Темир-Хан-Шуру и несколько лет спустя (1861 г.) вливается в состав открывшейся тогда же Темир-Хан-Шуринской горской школы. Согласно, уставу горских школ цель нового учебного заведения определялась так: “Распространение гражданственности и образования между покорившимися горцами и доставление служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей”¹².

Горская школа содержалась за счет средств российского военного ведомства и находилась в ведении командования вооруженными силами на Кавказе. При школе был учрежден пансион на 65 воспитанников, из них 40 казеннокоштных, в том числе 25 горцев из “почетных фамилий” Северного и Южного Дагестана и 15 детей русских чиновников. 25 воспитанников пансиона содержались за счет средств, находившихся в распоряжении кавказского наместника и средств родителей¹³.

Однако вследствие ограниченности программы трехклассная горская школа не могла служить подготовительной ступенью к поступлению ее питомцев в средние учебные заведения. Дети зажиточных горцев и царских чиновников, служивших в Дагестане, после окончания горской школы фактически были лишены возможности продолжать свое образование. Кроме того, горская школа не могла удовлетворить потребности населения в силу ограниченности контингента приема. Поэтому еще в 60-х годах возник вопрос о преобразовании школы в прогимназию.

Темир-Хан-Шуринская прогимназия открылась в сентябре 1874 г. Уже в 1876 г. в ней обучалось более 200 учащихся¹⁴. Прогимназия располагала квалифицированными педагогическими кадрами, необходимыми учебными и учебно-наглядными пособиями, фундаментальной и ученической библиотеками.

После трех выпусков (1878, 1879, 1880 гг.) Темир-Хан-Шуринская прогимназия закрылась¹⁵. Вместо нее с 1880/81 учебного года открылось реальное училище, являвшееся первым и до 1897 г. единственным светским средним учебным заведением в Дагестане.

В 50–60-х годах несколько школ было открыто при воинских частях, дислоцированных в различных пунктах Дагестанской области. Такие школы, в частности, существовали в селении Ахты (при линейном батальоне), Дешлагаре (при Апшеронском полку), в Нижнем Дженгутае (при Дагестанском конно-иррегулярном полку). В некоторых из этих школ обучались и горские дети, часть которых продолжала свое образование в других учебных заведениях.

Однако школы при воинских частях были непостоянными и работали, как правило, с перерывами, плохо обеспечивались средствами, имели незначительный контингент учащихся и, просуществовав некоторое время, закрывались.

60-е годы XIX в. ознаменовались также открытием в Дербенте и Темир-Хан-Шуре первых женских школ, содержащихся за счет средств общественной благотворительности и имевших небольшой контингент учащихся. В 1875 г. в Темир-Хан-Шуре открывается четырехклассная женская прогимназия. Появились также частные школы для девочек.

Школы, о которых шла речь, находились, как мы видели, в городах и пунктах дислокации войск. Но в начале 60-х годов школы для обучения детей горцев появляются и в сельской местности. Первой из них была Ахтынская школа в Самурском округе, открывшаяся в сентябре 1861 г. В ней обучалось 44 ученика. Детей обучали грамоте на русском и азербайджанском языках¹⁶.

К 60-м годам относится открытие вакансий для уроженцев Дагестана в средних учебных заведениях за пределами области. В 1866 г. такие вакансии открылись в Ставропольской гимназии и в 1868 г. – в Бакинской.

С 1866 по 1890 г. в Ставропольскую гимназию было определено 124 дагестанца, окончили курс 32 человека, в том числе по гимназическому отделению – 3, и по реальному (горскому) отделению – 29 человек. 13 выпускников гимназии поступили в вузы и 15 – на военную службу¹⁷.

В 1869 г. первые дагестанцы-выпускники Ставропольской гимназии были посланы в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга и Харькова.

В Бакинскую гимназию были отправлены (1868–1888 гг.) 47 дагестанцев, окончили курс десять человек, все они поступили затем на военную службу¹⁸.

В самой области в 1870 г. открывается “одноклассное начальное училище грамотности и ремесел” (Порт-Петровск) и в 1872 г. – начальное училище в Чирюрте, населенном русскими отставными военными служащими. Порт-Петровское начальное училище содержалось на средства города и частной благотворительности. Финансирование Чирюртовского училища осуществлялось на средства слободского общества¹⁹.

В 1878 г. сельские школы открылись в Дешлагаре и Касум-кенте, в 80–90-х годах в окружных центрах и ряде крупных аулов: Кумухе, Хунзахе, Ботлихе, Маджалисе, Хаджал-Махи и др. К исходу XIX в. в Дагестанской области имелось 26 русских школ, из них – 14 в городах и 12 – в сельской местности. Средних школ было две – обе в областном центре, Темир-Хан-Шуре. Во всех школах области обучалось 1896 учащихся, в том числе 495 девочек. В сельской местности, где проживало около 95% населения Дагестана, обучением в школах было охвачено всего 493 ребенка, или менее 26% всех учащихся²⁰. В сельских школах обучались всего 25 девочек.

Характеризуя состояние народного образования в крае, попечитель Кавказского учебного округа писал 22 января 1896 г. исполняющему делами главноначальствующего гражданской частью на Кавказе: “Что мы видим вокруг себя, сколько местностей на Кавказе остаются вовсе без школ, сколько еще местностей, где тысячи жителей, стремящихся привести детей к свету истины, не находят для них места в тесных, темных, бедных народных школах! Сколько есть людей, жаждущих света и не находящих его”²¹.

В Кубанской области, отмечал попечитель учебного округа, где “народное образование наилучше поставлено, почти 70% детей школьного возраста остаются вне учения. Что ж сказать о Дагестанской и Карской областях...

о многих частях Северного Кавказа?.. Образование народное на Кавказе слабее, чем на острове Гаити”!²²

Оставаясь в общем крайне медленным, развитие школьного образования в Дагестане с конца XIX в. все же несколько оживляется. Происходит некоторое расширение сети школ, финансируемых за счет государственной казны. Это было вызвано социально-экономическими и общественно-политическими процессами, происходившими в России, на ее национальных окраинах в тот период. Развитие промышленности, ее техническое совершенствование, рост сельскохозяйственного производства усиливали потребность в грамотных работниках. Этот объективный процесс вынуждал царизм идти на уступки усилившейся буржуазии, толкал на путь хотя бы и половинчатых, сопровождавшихся оговорками, реформ в области просвещения.

Дискриминационный характер политики царского правительства в области образования проявлялся в игнорировании родных языков дагестанских народностей. Обучение в школах велось только на русском языке.

§ 2. Наука

Социально-экономические и политические изменения, происходившие в Дагестане после окончательного вхождения его в состав России, оказали глубокое и разностороннее влияние на развитие науки.

Развитие традиционной мусульманской научной мысли Дагестана в XIX в. было связано с именами плеяды ученых – филологов, философов, историков-хроникеров, правоведов. Это, прежде всего, Саид Араканский, Джамалутдин Казакумухский, Юсуф Аксайский, Гасан-Эфенди Алкадари и др.

Широкую известность получили труды профессора Казанского, затем Петербургского университетов, уроженца г. Дербента Мирзы Мухаммед Али Казембека. Исключительно велика его роль в подготовке русских ориенталистов. Академик В.В. Бартольд отмечал: “Семковский и Казембек своими лекциями создали русское востоковедение: почти все русские ориенталисты последующих поколений были учениками одного из этих ученых или учениками их учеников”²³.

Преподавателем Петербургского университета был и другой дагестанец – Магомед-Эфенди Османов. Он был приглашен туда для чтения курса лекций по мусульманскому законоведению. В 1883 г. Османов издал в Петербурге сборник кумыкских и ногайских песен.

Заметный след в науке оставил Девлет Мурза Шихалиев (1811 – ок. 1880), уроженец селения Эндирей Темир-Хан-Шурина округа. Наибольшую известность получила его работа “Рассказ кумыка о кумыках”, опубликованная в 1848 г. “Рассказ кумыка о кумыках” дает разносторонний и в большей своей части достоверный фактический материал для изучения общественных отношений кумыков в XVII–XVIII вв. Особенную ценность представляют сведения, сообщаемые автором о быте кумыков, их занятиях, хорошо известных ему как местному уроженцу. Публикуя работу Шихалиева, редакция газеты “Кавказ” аттестовала ее автора как “просвещенного кумыка”, приславшего прекрасную статью, знакомящую читателей “с его родиной и фактами для истории, географии и этнографии края”. И действительно, Д.М. Шихалиев

был первым европейски образованным местным писателем, составившим обстоятельный историко-этнографический очерк об одном из народов Дагестана и внесшим ценный вклад в изучение своей родины²⁴.

Большой научный труд о горских евреях опубликовал в 1888 г. в Москве Илья Анисимов, еврей, уроженец селения Тарки. Это было серьезным научным исследованием по этнографии одного из дагестанских народов, которое опиралось на большой источниковый материал.

Серьезные исследования по аварскому языкознанию были подготовлены Магомедом Хандиевым. Им были составлены грамматика аварских наречий, хрестоматия на аварском языке со словарем, разговорник на аварском языке. Известный языковед-кавказовед П.К. Услар хорошо знал и высоко ценил труды М. Хандиева. Говоря о значении хрестоматии аварского языка, составленной Хандиевым, он отмечал, что она «весьма полезна для изучения гидатлинского наречия. В ней много переведено с русского, между прочим, весьма удачно – сказка Пушкина “О рыбаке и рыбке”»²⁵.

Исключительное значение имеют труды Мухаммед Тахира ал-Карахи. Основная его работа – “Хроника”, завершенная в 1856 г. В дореволюционное время она, как крамольная, была запрещена царской цензурой к изданию. Тем не менее, “Хроника” в многочисленных списках широко распространялась и получила большой общественный резонанс. Исследование посвящено Кавказской войне. Мухаммед Тахир ал-Карахи на протяжении пяти лет служил личным секретарем руководителя антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев Шамиля. Труд написан на основе рассказов очевидцев событий, Шамиля и его приближенных, отражает точку зрения руководителей борьбы горцев. Несмотря на это, “Хроника” Мухаммеда Тахира является ценным источником о Кавказской войне, имеет большое историко-познавательное значение.

В различных периодических изданиях и сборниках печатались статьи, труды дагестанских исследований Абдулы Омарова, Гаджимурада Амирова, Айдемира Чиркеевского, Максуда Алиханова-Аварского и др.

Включение Дагестана в состав России привело к усилению интереса царизма к освоению природных ресурсов, знакомству с историей и культурой народов края. С целью изучения Дагестана в XIX в., как и в предшествующий период, организовывались научные экспедиции, поездки отдельных исследователей. Эта работа особенно усилилась во второй половине века, в период обострения интереса русских предпринимателей к освоению природных богатств национальных окраин Российской империи.

Несмотря на военно-политические, экономические и иные цели, поездки и работа русских ученых имели большое значение в научном изучении Дагестана, не потеряли свое значение и сегодня. Русские ученые внесли заметный вклад в изучение истории, географии, этнографии, литературы, языков, животного и растительного мира, природных ресурсов Дагестана. В этой работе особой активностью отличались С.М. Броневский, М.Б. Лобанов-Ростовский, Н.И. Андрусов, Д.В. Голубятников, Г.В. Абих, Д.Н. Анучин, А. Берже, П.К. Услар, А.И. Пирогов, В.В. Докучаев, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Леонтович и многие другие.

В конце XIX – начале XX в. плодотворную научную деятельность вел преподаватель Темир-Хан-Шурина реального училища и секретарь да-

гестанского областного статистического комитета Е.И. Козубский, автор многих насыщенных богатым фактическим материалом исторических исследований. К числу наиболее значительных работ Козубского относятся “Очерк истории города Темир-Хан-Шура”, “История города Дербента”, “История Дагестанского конного полка”, два выпуска (1902 и 1904 гг.) “Дагестанского сборника” и работы по истории Темир-Хан-Шурина реального училища. Козубский был также основным автором ежегодных (с 1892 г.) “Обзоров Дагестанской области” и “Памятной книжки – адрес календаря Дагестанской области”, содержащих ценный справочный материал о Дагестане конца XIX – начала XX в.²⁶

Большое значение в культурном развитии и научном изучении Дагестана, как и в целом народов Северного Кавказа, имело издание научных и научно-популярных изданий конца XIX в., газет “Кавказ”, “Тифлисский листок”, “Голос Кавказа”, “Акты, собранные Кавказской археографической комиссией”, “Сборник сведений о кавказских горцах”, “Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа” и т.д. В них публиковались очерки, научные статьи, заметки и наблюдения ученых, общественных деятелей, путешественников по истории, этнографии, языкам народов Дагестана.

XIX век стал важным этапом развития науки и научного изучения Дагестана. Появляется первая плеяда ученых – представителей дагестанских народов, внесших существенный вклад в научное осмысление дагестанской и общекавказской проблематики. Усиливается и плодотворная деятельность русских ученых по изучению и научному обобщению проблем Дагестана.

§ 3. Здравоохранение

Народная медицина. В первой половине XIX в. в Дагестане медицинских учреждений не было. Лечение больных, как и в предшествующий период, осуществляли народные лекари. В своей врачебной деятельности они широко применяли травы, лечебные средства животного происхождения (сыворотку, курдючное сало и т.д.), кровопускание, прижигание и др. Травы и другие лекарственные средства использовались для лечения ревматизма, желудочно-кишечного тракта, при язвах, ожогах, переломах, вывихах и т.д.

В процессе накопления многовекового опыта были выработаны приемы лечения конкретных заболеваний. Несмотря на определенные их различия и нюансы, у дагестанских народов было немало общего, сходного при лечении тех или иных заболеваний. Так, у кумыков, как отмечает С.Ш. Гаджиева, различные травы, а также мед, масло, воск, яичный желток и т.д., применялись и при лечении ран. Свежую рану накрывали салом только что зарезанного барана, перевязывали и оставляли до следующего дня. На второй день приготавливали особые тампоны – бальгям. Чтобы получить бальгям, в кипятке заваривали пшеничную муку. Из полученной массы, слегка замесив ее, делали калач, затем его сверху смазывали маслом и клали на рану в виде тампона. Время от времени эти тампоны менялись. Наряду с тампонами из пшеничной муки употреблялись тампоны, приготовленные из волокна кендыря с яичным белком. Если рана была на голове, то тампоны делали из ваты, промоченной в масле. Тампоны вставлялись и в застарелые ра-

ны с тем, чтобы, как говорили кумыки, “заставить рану работать”, т.е. вызвать выход из раны гноя и омертвевших тканей. Когда рана начинала заживать, на нее клали листья подорожника и мать-и-мачехи. Врачеватели постоянно следили за тем, чтобы на ране не росло “чирик эт”, т.е. так называемое дикое мясо. Чтобы не допустить роста такой ткани, рану засыпали порошком, приготовленным из особых сухих целебных трав²⁷.

Табасаранцам было хорошо известно действие конопляного масла при ожогах. Вареный или пропеченый лук прикладывали для вскрытия нарыва. Для лечения кровоточащих ран, зудящих волдырей рекомендовали в расплавленный в топленом масле воск обмакнуть чистую тряпку и приложить к больному месту. С этой же целью растопленный курдюк в горячем виде закапывали на больное место²⁸.

Народные лекари Дагестана особого искусства достигли при лечении переломов, вывихов конечностей. Было много лекарей-костоправов, известных далеко за пределами своих населенных пунктов. Так, в середине XIX в. большой известностью пользовался народный лекарь из Табасарана – Уста-Халил, о котором газета “Кавказ” писала, что “некоторые из пациентов его заставляют удивляться искусству и смелости, с которыми делались операции. Уста-Халил – врач ампутаций и никогда не отнимает членов”²⁹.

В роли костоправов и хирургов, как правило, выступали мужчины. Другие же болезни лечили как мужчины, так и женщины. Искусство врачевания требовало многолетнего кропотливого труда. Нередко умение и навыки лечения различных заболеваний передавались по наследству.

Народные врачеватели много делали для улучшения состояния здоровья населения. Однако их было мало, и они не в состоянии были обеспечить помощь и лечение всем нуждающимся в них.

Наряду с народной медициной у народов Дагестана в XIX в. было распространено и знахарство, или лечебная магия, которое ничего общего не имело с медициной и являлось откровенным шарлатанством.

Появление медицинских учреждений. В самый разгар Кавказской войны (1847 г.) Дагестан посетил выдающийся русский хирург Николай Иванович Пирогов. Главная цель его поездки на Кавказ состояла, как писал ученый, в том, чтобы “испытать эфирование при производстве операций на поле сражений”. Кроме того, Н.И. Пирогов хотел обучить врачей, служивших в русских войсках на Кавказе, технике наркоза и всем своим “усовершенствованиям в проведении операций”. Он намеревался также ознакомить врачей с тогда еще новой в медицинской практике крахмальной повязкой, испытать алжирские носилки для транспортировки раненых, оказать помощь русским военным госпиталям в улучшении лечебной помощи.

Около двух месяцев (август–сентябрь 1847 г.) ученый провел под аулом Салты, который был осажден русскими войсками. Здесь он впервые в полевых условиях провел испытания эфирного наркоза при операциях. В 1847 г. в Дагестане Н.И. Пирогов впервые в истории медицины стал применять при лечении ран йодную настойку, неподвижную (крахмальную) повязку³⁰.

В 1849 г. впервые в Дагестане правительственным указом в Дербенте (являвшемся тогда губернским городом) были учреждены должности город-

ского врача, старшего лекаря и повивальной бабки “с жалованием с городских доходов”³¹.

Во второй половине века работа по созданию медицинских учреждений в крае получила определенное продолжение. В 1896 г. в Дагестанской области имелся приемный покой в селении Касумкент на пять кроватей. Штатный городской врач находился только в Дербенте, его обязанности в г. Петровск выполнял врач тюремного ведомства, а в Темир-Хан-Шуре – врач военного ведомства. По частному соглашению они получали особое вознаграждение за свои труды из бюджета Темир-Хан-Шуры и Петровска. Кроме того, в городах имелось по одной повивальной бабке, также получавшей вознаграждение из городских средств³².

В 1899 г. были открыты новые сельские приемные покои в селениях Каякент Кайтаго-Табасаранского округа, Тилитль Гунибского округа и Карабудахкент Темир-Хан-Шуринского округа. Каждый из приемных покоев был на пять кроватей. В Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте имелись городские врачи по одному в каждом для оказания медицинской помощи, медико-полицейского и санитарного надзора. При врачах состояло по одному фельдшеру и повивальной бабке. В округах области были девять окружных врачей, при каждом из которых находилось два фельдшера и три оспопрививателя. В Темир-Хан-Шуринском округе при окружном враче состояла также вольнонаемная повивальная бабка. В городах кроме больниц военного ведомства, железнодорожных и больницы при Темир-Хан-Шуринском реальном училище были амбулатории. В трех городах области – Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте – и в каждом из девяти округов были аптеки³³.

Открытие медицинских учреждений имело позитивное значение в улучшении врачебного обслуживания населения Дагестана. К концу XIX в. они полностью были укомплектованы приезжими специалистами, прежде всего русскими. Русские врачи И.С. Костемеровский, К.М. Трипольский, Е. Ефремов и другие много сил отдавали улучшению медицинского обслуживания населения области.

И.С. Костемеровский большую часть своей жизни провел в Дагестане. Здесь он работал врачом Дагестанского конно-иррегулярного полка, окружным врачом Гунибского и Казикумухского округов. С 1854 по 1860 г. включительно на приеме у И.С. Костемеровского, помимо чинов полка и членов их семей, побывало 15 332 больных.

Свое призвание Иван Семенович видел не только в социальной врачебной практике, но и в оказании посильной помощи горцам в их общекультурном росте и развитии грамотности. Его волновало отсутствие грамотных местных людей для подготовки фельдшеров, оспопрививателей, которые помогли бы распространять сведения о научной медицине и проводить профилактические мероприятия. И.С. Костемеровский создает при аптеке конно-иррегулярного полка школу для обучения русской грамоте сыновей и малолетних братьев всадников полка. Вскоре весть об открытии школы разнеслась по Дженгутая, где был расквартирован полк, и привлекла столько желающих учиться, что аптека не могла их вместить. Пришлось подыскать другое, более просторное помещение. Временами число обучающихся горцев достигало 45 человек. Преподавали в ней сам И.С. Костемеровский и фельдшера.

Умер И.С. Костемеровский в 1891 г. в Темир-Хан-Шуре в возрасте 77 лет. Большую часть своих трудовых сбережений Костемеровский завещал на содержание существующих и открытие новых учебных заведений в Дагестане, учреждение стипендий нуждающимся учащимся, оказание помощи престарелым³⁴.

Несмотря на самоотверженный труд отдельных энтузиастов, медицинских учреждений и врачебного персонала в крае к концу XIX в. остро не хватало, ими не охватывалась подавляющая часть населения области. В Дагестане свирепствовали оспа, сыпной тиф, дизентерия и другие эпидемические заболевания.

Вторая половина XIX в. наряду с развитием в Дагестане народной медицины характеризуется появлением первых медицинских учреждений.

§ 4. Культура

Народное творчество. Устное народное творчество народов Дагестана характеризуется как "мощный, самостоятельный и устойчивый поток многокрасочного эстетического мышления и многослойных идеологических представлений, поток, идущий из глубин истории и послуживший начиная с XVII в. основой литературной традиции (Г.Г. Гамзатов)³⁵. Специалисты отмечают такие черты устного творчества, как историческая причастность к судьбам народа, социальность, насыщенность антифеодальными и антиклерикальными мотивами, а также преобладание определенных жанровых потоков, в частности эпической песни и лирики³⁶.

Несмотря на продолжавшееся распространение письменности на языках народов Дагестана, устно-поэтическое творчество и фольклор в XIX в. продолжали занимать достаточно большое место в культуре этносов горного края. В традиционных жанрах фольклора, бытовавших у народов Дагестана, в XIX в. усиливается тематическое разнообразие, обусловленное разрыванием экспансии в регионе, многолетней Кавказской войной, усилением социального неравенства в дагестанском обществе и нарастанием протеста против феодального гнета и капиталистической эксплуатации трудящихся масс.

Важнейшим жанром устно-поэтического творчества дагестанских народов оставалась историческая песня, в которой прославлялись воинская доблесть и отвага, осмеивалась трусость и предательство. В исторической песне XIX в. на первый план выходят личности, противодействующие колониальной экспансии царизма в Дагестане, организаторы и руководители этой борьбы. Историческая песня отражала изменение в художественном мышлении горца, его обостренный интерес к событиям, происходившим в жизни дагестанского общества.

Событиям, связанным с колониальной экспансией царизма в Дагестане, посвящены такие исторические песни, как "О разорении Мехтуллы", "Про поход Ермолова в Акушу в 1819 г.", "О Курахской битве" и др. В их основе лежат реальные исторические факты и события. В этих песнях в художественно-образной форме показаны зверства царских войск, разорение дагестанских аулов, гибель ни в чем не повинных людей. Дается крайне отрица-

тельная характеристика генералу Ермолову, под командованием и по прямому приказу которого творились эти бесчеловечные акции.

В исторических песнях перечисляются подвиги героев. Народ их идеализирует. Героя, по мнению авторов исторических песен, не берет ни пуля, ни сабля. Тем самым выражалось отношение горцев к народному заступнику, их мечта о свободе.

Благоприятные условия для расцвета героических жанров создала тридцатилетняя Кавказская война. В Дагестане возникают произведения устного народного творчества, пронизанные антиколониальными и свободолюбивыми идеалами (песни о взятии Ахульго, о боях за Салты и Чох и т.д.). Кроме песен, посвященных ярким военным событиям, подвигам целых аулов, народ создал песни о героях Кавказской войны, снискавших признание и любовь народа (песни о Шамиле, Хаджи-Мурате, Бек-Мухаммеде, Гази-Магомед и др.)³⁷. В этих произведениях прославляется массовый героизм горцев в борьбе за свободу и независимость, дается высокая оценка героям и руководителям антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни.

Однако следует отметить, что устно-поэтическое творчество горцев периода Кавказской войны неоднородно, звучат разные социальные молитвы и цели. Среди исторических песен встречаются такие, в которых отразилось мировоззрение феодалов и их приближенных. Таковы песни “Гибель хунзахских князей”, “Убиение Хамзата”, “Шайх и Аглар”, в которых осуждаются действия руководителей восставших горцев³⁸.

В исторических песнях народов Дагестана второй половины XIX в. значительное место отводилось событиям, связанным с восстанием горцев в 1877 г. Произведения о восстании 1877 г. близки к лирическим жанрам: в них широко использованы элементы плачей, проклятий, исторических и лирических песен. Так, в лакской песне, записанной А. Каяевым, использованы традиции народного плача:

Наденут ли оружие новые лакские герои,
Если оружие ржавеет без лакских удалцов?
Съедят ли пшеничный хлеб матери?
У скольких матерей в утробе огонь!
У скольких отцов сгорает грудь!

Аналогичная картина наблюдается и в песнях других народов Дагестана. Комментарии сказателей позволяют отнести к периоду восстания 1877 г. и кумыкский йыр “О колбасды”. Во всех вариантах йыр “О колбасды” наиболее устойчивой и эмоционально насыщенной является часть, где говорится о покорении эндиреевцев и об отказе в помощи соседям Эндирея.

“Что сделают бедные эндиреевские ребята – нет оружия, нет сторонников”, – горько восклицают жители Эндирея. Далее следует едкая, переходящая в злую иронию насмешка над соседями, которые в трудную минуту, изменив договору, не пришли на помощь восставшему Эндирею. Здесь как бы “от противного” утверждается тема дружбы и взаимовыручки. При этом главное не национальная принадлежность, а соседство населенных пунктов с Эндиреем и единство их целей³⁹.

Известны и авторы многих ставших народными песен о восстании 1877 г. Так, аварскую песню “Об ушедших в каре” сочинил А. Хамзатов, “Захват Цудахара” приписывается М. Сагит-Хаджиеву из Ругуджи и т.д.⁴⁰

После поражения восстания 1877 г. крупных вооруженных выступлений горцев в Дагестане не было. В крае свирепствовала царская администрация, которая действовала заодно с местными феодалами. Народ, изнывая под двойным гнетом, не терял надежду на освобождение, на лучшую долю. Выразителями интересов обездоленных выступают смельчаки и бунтари, которые открыто выступают против произвола местных ханов и беков. Простые горцы складывают песни, в которых прославляются народные герои. Такие исторические песни второй половины XIX в. известны у всех народов Дагестана.

Особым эмоциональным накалом и выразительностью отличаются кумыкские исторические йыры второй половины XIX в. “Об Арсланбеке”, “О Казбеке”, “Дели Османе” и др. В йыре “Об Арсланбеке” отмечается, что герой служит у феодала и открыто не выступает против своего бия, но в каждом его поступке, слове сквозит вызов хозяину и другим феодалам. Показывается моральное превосходство Арсланбека над богачами и их прислужниками. В йыре “Дели Осман” герой открыто, презирая опасность, выступает против биев. Он пользуется популярностью и поддержкой в народе, является выразителем их интересов и чаяний. Бии Аксая, боясь народного гнева, науськивают на Османа царскую администрацию, которая ссылает героя на каторгу в Сибирь. Содержание йыра “Дели Осман” свидетельствует, что классовый антагонизм в дагестанском обществе во второй половине XIX в. дошел до крайнего обострения.

Один из центральных сюжетов фольклора XIX в. – тема о положении женщины-горянки. В многочисленных песнях, плачах, пословицах ярко отражалась горькая участь дагестанской женщины, ее экономическое и политическое бесправие и угнетенное положение. “Если я подымусь на вершину горы, пусть меня унесет ветер, если я опущусь на равнину, пусть меня унесет вода”, – пела горянка, оплакивая смерть отца или брата, когда она, бесправная и беспомощная, оставалась одна. В устном творчестве горцев имеются и образы волевых женщин, боровшихся за свои права. Девушка, насильно заставанная своим отцом за княжеского сынка, дает себе клятву быть верной своему возлюбленному. “Если я выйду за княжеского сына, пусть я лишусь своих черных кос”, – поет она⁴¹.

Обострение социальных противоречий в дагестанском обществе усиливало внимание поэтов к личности. Одна из важнейших тем жанра – столкновение личности и общества, которое в значительной степени заканчивалось трагическим исходом, порождая жизненные драмы. В дагестанской балладе XIX в. героем наряду с мужчиной выступала и женщина-горянка. В горской среде широкую известность получили такие произведения, как “Давди из Балхара”, “Проданная Меседу”, “Бедный парень из Кубачи”, “Горец Али”, “Погибшие от любви” и др. В них отражается столкновение героя с феодальной аристократией, заканчивавшееся, как правило, трагически для основного персонажа, хотя не всегда раскрываются социальные корни конфликта в дагестанском ауле.

В лирических песнях любовная лирика в известной мере отступает на задний план, вернее получает новые фабульные аспекты в выражении лирических чувств. После 1877 г. и ссылки многих горцев в дальние губернии России появился лирический цикл о неволе на чужбине. В связи с увеличением отходничества входит в поэзию еще цикл об отходниках, в котором соединены два разнородных мотива: тема разлуки любимых, чаще всего это оставшаяся тоскующая девушка, и тема тоски, трудности жизни, нищеты, жалобы на каторжную жизнь самого отходника.

Продолжают развиваться и прозаические жанры. В XIX в. продолжают бытовать прозаические жанры устного народного творчества горцев. Так же, как и раньше, широко распространены сказки о животных, волшебные и бытовые. Проникновение капиталистических отношений в Дагестан, социальное расслоение аула во второй половине XIX в. дают толчок развитию жанра бытовых сказок. Возникают новые бытовые сказки о богатом и бедном, о торговцах, об охотниках, о царских чиновниках. В них народ смеется над глупым богачом, жадным торговцем, осуждает несправедливых царских чиновников, превозносит бедняка, труженика⁴².

Для многих прозаических жанров фольклора народов Дагестана XIX в. была характерна антирелигиозная проблематика, сатирическая струя. В этом плане особо выделялись пословицы и поговорки горцев: “Аллах Аллахом, а сыт будешь, если в Хурджуке запасешься едой” (кумыкская), “Не наевшись, и лиса не молится” (табасаранская), “И укор певца лучше похвалы муллы” (аварская), «Мулле “дай” скажешь, – не услышит, “на” скажешь – руку протянет» (лакская) и др.

В прозаическом фольклоре горцев, ввиду высокой религиозности населения края, в XIX в. сохранялось немало рассказов и преданий о волшебных существах, добрых и злых духах. По-прежнему популярен был анекдот, причем в нем отмечаются сатирические мотивы, обличительство по отношению к богачам, власть имущим, муллам. Наиболее популярные персонажи – Насреддин, Заллал-Киши, Акул-Али, Кара-Гиши и др.

Этот жанр в значительной мере восполняет недостаток исторической информации из-за отсутствия летописных традиций. Особенно много их было в это время о Шамиле и Хаджи-Мурате. Хотя в преданиях много романтического, героизированного, эмоционально-окрашенного, но поскольку они посвящены конкретным событиям, первоначальную фактическую событийную основу в них можно выявить.

И, наконец, афористический жанр – пословицы и поговорки, в которых находят выражение моральные и этические (и этикетные) нормы и установки населения.

Доброта, щедрость, мужество, любовь к отечеству, свободолюбие, осуждение корысти, себялюбия, жадности, чванства, предательства и т.п. – таковы основные мотивы этого вида творчества.

Веяние времени “его величества купона” сказалось в усилении сюжетов, осуждающих стяжательство, имущественное лихоимство, скупость, обирание бедных и др.

В устном народном творчестве дагестанцев и русских главное содержание составляли жанры и мотивы общерусского характера – былинный эпос, баллады, легенды, песни, сказки, пословицы и поговорки. Однако были и

местные особенности: в свадебных песнях невелик состав специальных ритуальных песен, в казацкой среде бытуют горские песни героико-трагического характера, связанные с Кавказской войной, в сказках встречается кавказский колорит (природа, отдельные ситуации, герои), в анекдотах встречаются сюжеты, связанные с Насреддином, значительно меньше, чем в общерусском фольклоре, антибарских и антипоповских сюжетов и мотивов, что связано с особенностями истории местного русского населения, казацкой вольницей⁴³.

Музыка и танцы. Самым массовым видом искусства народов Дагестана в XIX в. оставались танцы. В период имамата были введены ограничения на танцы. С учетом норм шариата они были разрешены только на свадьбах и в празднование обрезания. Непременным условием было то, чтобы мужчины и женщины танцевали в разных помещениях.

Однако эти ограничения не соблюдались, горцы продолжали следовать вековым традициям и не собирались отказываться от танцев и музыки. Как отмечал Н. Дубровин, “Шамиль сколько ни старался вывести пляску, как строго ни преследовал за нее, но туземцы все-таки не оставляли этого рода увеселения. Собираясь по ночам в подвалах и конюшнях, они тайком от шпионов предавались полному разгулу и веселью – устраивали танцклассы и плясали лезгинку”⁴⁴.

Во второй половине XIX в. танцевальное искусство у горцев получило дальнейшее развитие. На свадьбах и других торжествах у народов Дагестана нередко были состязания танцоров, игры. Так, у кумыков существовала молодежная игра “суйдум таяк” (палочка любви). Вот ее описание. Молодежь танцует в сопровождении барабана, зурны или гармошки. И вдруг в группе юношей раздается голос запевалы:

Серые олени бегут с поляны.
Прекрасные девушки любятя ими,
Скажи, что будет, если я тебя поцелую?

Последние строфы песни подхватывает весь мужской хор. Ему отвечает хор девушек:

Если ты решился поцеловать,
Я превращусь в белого голубя,
И улечу под небеса, – тогда что ты сделаешь?

В кругу танцующих появляется стул или табуретка, на которой лежит небольшая, украшенная лентами и цветами палочка – суйдум таяк. Из мужской группы, танцую, выходит запевала. Легким ударом палочки по плечу он приглашает выйти в круг нравящуюся ему девушку. Хор продолжает:

Если улетишь под небеса голубем,
Я ястребом нагоню тебя,
И там схвачу тебя, – что ты тогда сделаешь?

Так целыми вечерами длилась эта любимейшая молодежная игра – песня, сопровождаемая танцами и мимическими сценами⁴⁵.

В XIX в. одним из самых массовых видов искусства горцев стало искусство канатоходцев. Канатоходцы выступали, как правило, на массовых на-

родных праздниках и других торжествах, вызывая своими головокружительными трюками и танцами восхищение зрителей. В Дагестане получили распространение и кукольные представления “нини”.

Богатой и разнообразной оставалась музыкальная культура народов Дагестана. В песенном творчестве горцев при наличии определенной специфики и различий сохранялось много общего, сходного. Получили дальнейшее развитие трудовые, обрядовые, лирические и иные песни, которые исполнялись в музыкальном сопровождении и без него. Большим уважением и любовью у горцев пользовались ашуги, которые выступали хранителями музыкального фольклора, создателями и пропагандистами новых песен.

Декоративно-прикладное искусство. В XIX в. дальнейшее развитие в Дагестане получает декоративно-прикладное искусство. В кустарно-ремесленном производстве Дагестана сохранялась традиционная специализация и ориентация на производство тех или иных видов изделий. В области производства ковров и паласов выделялся Южный Дагестан, бурочный промысел концентрировался в ауле Анди, значительное развитие гончарное производство получило в аулах Балхар и Сулевкент, традиционным центром производства ювелирных изделий стал Кубачи.

Высокого уровня развития в крае достигли оружейное, ювелирное, гончарное, ковровое, бурочное производства. В Дагестане производилось более 40 видов кустарных изделий⁴⁶. Художественные изделия дагестанских ювелиров, златокузнецов, оружейников, чеканщиков, ковровщиц пользовались широкой известностью далеко за пределами Дагестана. Они получали высокую оценку на выставках и ярмарках в Париже, Лондоне, Вашингтоне и других городах.

Одним из самых массовых оставалось оружейное производство. В XIX в., по различным источникам, насчитывалось около 30 центров оружейного дела в Дагестане. В условиях широкого притока российского железа в этот период получили развитие известные центры оружейных промыслов (села Кубачи, Амузги). Одновременно появляются и новые промышленные центры: даргинские села Харбук, Акуша, Цудахар, Мулебки, Кадар, ряд чеченских селений (“аухи”), кумыкские села Тарки, Казанище, Аксай, Казийорт, Костек, южнодагестанские села, Кюснетбала, Икра “Ерфи и Кулах Кубинской провинции”, села в каракайтагских владениях, лакское село Казикумух, другие места Дагестана⁴⁷.

На рост числа оружейных промыслов и увеличение производства оружия в Дагестане значительное влияние оказала Кавказская война. Во второй половине XIX в. широкое производство заводского оружия и запретительные меры царских властей привели к резкому сокращению оружейного производства в Дагестане. В этот период дагестанские мастера в основном производили холодное оружие, которое отличалось богатой художественной отделкой и служило атрибутом украшения мужского костюма.

Широкой известностью пользовались изделия дагестанских ювелиров. Признанным центром ювелирного производства был аул Кубачи. Как отмечал известный специалист А.С. Башкиров, “в художественных мотивах производства и в технических навыках кубачинцев сказывается богатая историческая традиция, передаваемая из поколения в поколение. Среди кубачин-

цев имеются мастера, обладающие удивительной техникой, виртуозностью⁴⁸.

Дагестанские ювелиры изготавливали женские украшения, наборные пояса, газыри, галантерейные изделия, украшали оружие. В XIX в. число и характер украшений, изготавливаемых дагестанскими мастерами, значительно меняется. Возникают новые направления ювелирного мастерства, получают распространение новые формы украшений, обогащается декоративный стиль бытующих до этого изделий. Складываются художественные стили ювелирного искусства, характерные для целых регионов⁴⁹. Широкое распространение у дагестанских ювелиров XIX в. получили насечка золотом и серебром по стали, гравировка, червление, филигрань.

XIX век оказался весьма благоприятным для гончарного ремесла Дагестана. В этот период возрастает производство ремесленных центров, происходит их дальнейшая специализация на выпуске конкретных видов изделий. Мастера гончарного производства практически полностью удовлетворяли потребность населения в керамических изделиях.

Во второй половине XIX в. расширяется производство ковров. Ковровое производство развивается теперь не только у лезгин и табасаранцев. В Аварии ткнут двусторонние безворсовые ковры "туруты". У лакцев распространяется производство валяных узорных войлоков, у кумыков производятся "арбабаши" с врезанным, вшитым узором (селения Казанище, Дженгутай, Эрпели, Кумторкала). В селении Тлярата ткнутся шерстяные циновки⁵⁰.

Развитие декоративно-прикладного искусства характеризовалось ростом общей численности кустарей в Дагестане, увеличением реализованной ими продукции. В 1901 г. в Дагестанской области насчитывалось 17 430 учетных ремесленников⁵¹. В начале 80-х годов XIX в. в Дагестане было произведено оружия, медной посуды и серебряных изделий на общую сумму 500 тыс. руб.⁵² В 1903 г. произведенная продукция только кубачинских ювелиров оценивалась в 660 тыс. руб.⁵³ В целом художественное творчество народов Дагестана в XIX в. получило дальнейшее развитие. В нем наряду с традиционными произошли новые процессы, обусловленные социально-экономическими изменениями в крае, ростом духовно-эстетических запросов горцев.

Литература. Социально-экономические процессы, бурные политические события XIX в. оказали глубокое воздействие на духовную жизнь дагестанского общества. Они нашли отражение в литературе народов Дагестана. XIX столетие для дагестанской литературы становится веком бурного развития, она превращается в стройную художественную систему, опирающуюся на традиции и представленную почти всеми поэтическими жанрами. К этому периоду относятся зарождение художественной прозы и дифференциация творческих направлений⁵⁴.

XIX век выдвинул ряд замечательных поэтов и певцов, вышедших из народа, тесно связанных с жизнью народа и запечатлевших в своем творчестве его думы и чаяния: Йирчи Казак (1830–1879), Етим Эмин (1838–1889), Омарла Батырай (1831–1910), Али-Гаджи из Инхо (1846–1891), Тажудин из Батлаича (Чанка) (1860–1909), Гасан Гузунов (1854–1944) и др. Главная тема их произведений – тяжелая, беспросветная жизнь бедного труженика в усло-

(1817–1909) - А. Шейх.⁶⁰²

виях колониального господства царизма и феодально-крепостнического гнета. Поэты и певцы осуждали местную феодальную знать, нещадно угнетавшую зависимое население, высмеивали и бичевали проделки непорядочных слугителей культа, которые, используя свое положение, обманывали и обирали верующих.

Демократическая направленность творчества поэтов XIX в. делала их произведения близкими и понятными массам. В условиях, когда отсутствовало печатание книг на родном языке, лучшие образцы дагестанской поэзии широко распространялись в народе. Они передавались устно, а зачастую переписывались и в рукописях переходили из рук в руки.

Виднейшим представителем дагестанской литературы XIX в. стал родоначальник кумыкской литературы Йирчи Казак. Начало его литературной деятельности относится к середине века. Это был период обострения социальных противоречий в дагестанском обществе, и, будучи выходцем из народа, Казак не мог не отразить в своих произведениях борьбу обездоленных против феодальной знати. Реалистическое осмысление быта, нравов, чаяний горского крестьянства привело его к резкому осуждению социальной несправедливости. Казак создал образ своего современника, образ мыслителя-бунтаря, гуманистический идеал которого – в утверждении таких качеств, как честность и достоинство, бедняцкая солидарность и мужская дружба.

В острых сатирах Казака слышны суровая правда жизни, отзвук обозначившегося “обуржуазивания” кумыкского аула, на фоне которого вырисовывается сущностное противоречие собственнического мира – конфликт между трудом и “хозяевами жизни”. “Чужую землю пашем на равнине”, – пишет Казак, отражая трагедию безземельных кумыкских крестьян. Наряду с обобщенными оценками действительности (“настали новые времена”, “времена перевернулись”, “все продается в этом мире”), Казаку свойственна и вполне определенная тенденция к концентрации явления и образа. В “Письме к Магомед-Эфенди Османову” поэт жалуется:

Люди низкими стали, душою кривят,
Друга друг продают: сын – отца, брата – брат.
Всюду злоба, доносы, наветы, разврат.
Все пошло кверху дном, Магомед-Эфенди.

Социальная направленность произведений Казака, его выступления в защиту обездоленных вызывали ненависть и злобу у биев-князей. Они добились его ссылки в Сибирь. Трехлетняя ссылка не сломила поэта. По возвращению остро сатирическая направленность произведений Казака еще более усилилась. В 1879 г. поэт был убит шамхальскими наемниками. Однако враги Йирчи Казака просчитались. Его творчество стало широко известно и любимо трудовыми массами.

Другим видным представителем дагестанской литературы XIX в. был лезгинский поэт Етим Эмин. Свободно владея арабским и азербайджанским языками, он создавал свои произведения на родном языке. Эмин стал основоположником лезгинской литературы.

Полифонично и многообразно творческое наследие поэта. Он – автор емких и лаконичных поэтических миниатюр, рубаятов и газели, он – тончай-

ший и изысканный лирик, автор философских размышлений и раздумий, острой, бичующей сатиры⁵⁵. Етим Эмин, начав свой путь в литературе с любовной лирики, в последующем обращается к социальной тематике. В ней он отражает жизнь простых людей, говорит об их тревогах и надеждах. В своих произведениях Эмин, осуждая классовый гнет, стремился утвердить в людях добрые начала.

Поэт реагировал на общественные явления. В цикле стихов (точнее, поэме), посвященном восстанию 1877 г., наглядно проявляются взгляды Эмина на общество, его видение мира. Хотя в основе этих произведений лежат реальные факты, имевшие место в действительности, поэт приходит к глубоким социальным обобщениям. Стихи эти свидетельствуют об усилении критического начала в реализме Етима Эмина, об определенной аналитичности в подходе поэта к действительности⁵⁶.

С творчеством выдающегося даргинского поэта-демократа Батырая связано зарождение реалистического направления в даргинской литературе XIX в.⁵⁷ По определению известного поэта Н. Тихонова, «Батырай может быть назван отцом даргинской поэзии»⁵⁸. Творчество Батырая неразрывно связано с народными фольклорными традициями даргинцев. В его произведениях значительное место занимает любовная лирика. В песнях Батырая воспеваются женская красота. Для него женщина – человек, заслуживающий любви и уважения.

В его произведениях дается реалистическая картина жизни дагестанского аула, дается образ простого труженика, который противопоставляется деревенским богачам. Батырай всецело на стороне горской бедноты, осуждает алчность и стяжательство богачей. Говорит ли поэт о величии подвигов храбреца, раскрывает ли многообразный и богатый духовный мир своего влюбленного героя, повествует ли о своей печальной жизни, поражает предельная лаконичность его стихов, яркость образов, простота изображения и глубина мысли. В его стихах нет ни фальши, ни приукрашивания, ни равнодушия: они полны огня, темперамента. Поэзия Батырая – поэзия больших чувств⁵⁹.

“Бунтарский” дух поэзии Батырая не нравился местной феодальной верхушке. Но простые сельские труженики, которым были понятны и близки его песни, готовы были уплатить огромный штраф (быка) за каждое выступление, но только послушать прославленного певца. Благодаря близости к народной жизни, высокому художественному совершенству, стихи и песни Батырая передавались из поколения в поколение⁶⁰.

Особое место в дагестанской литературе XIX в. занимает Али-Гаджи из Инхо. Получив духовное образование, он на протяжении многих лет был проповедником исламского богословия. Тем не менее, несмотря на религиозную оболочку значительной части общественных и политических идей, в его произведениях преобладает не потусторонняя трактовка смысла жизни. Человек в его поэзии является высшей ценностью. Этим обусловлен протест поэта против социальной несправедливости и антиклерикальные настроения во многих произведениях. Однако как и многие другие просветители XIX в., Али-Гаджи считал, что устранение социальной несправедливости должно быть достигнуто нравственным совершенствованием личности.

Наряду с любовной лирикой обращает на себя внимание сатирическая направленность многих произведений поэта. Он критикует человеческие пороки, стремится утвердить среди них нравственные начала. “Морем разума” назвал Али-Гаджи свой нравоучительный цикл, представляющий собой развернутый кодекс норм поведения и правил приличия, основная идея которых устремлена к искоренению человеческих пороков. Социальность этих проповедей состоит в развитии идеи имущественного равенства людей, выдвинутой еще представителями прогрессивной общественной мысли: честность, чистота души, светлый ум несовместимы с излишествами в материальном бытии. “В оба гляди за теми, у кого богатства полно”, – говорил Али-Гаджи, который проповедовал равенство, но не перед богом, как это было принято в соответствии с религиозной точкой зрения средневековья, а перед жизнью. Рваная папаха – это не человеческий порок, и нарядная черкеска – не признак достоинства его – вот этический принцип Али-Гаджи⁶¹.

Выходцем из бедной крестьянской семьи был Тажутдин из Батлаича (Чанка), который в силу обстоятельств воспитывался в религиозной среде. Он проявлял большой интерес к устному народному творчеству и собирал фольклорные произведения. В зрелый период творчества, который падает на 90-е годы XIX в., значительное место в его поэзии занимает любовная лирика. В его лирических стихотворениях с большой художественной выразительностью отображается любовь горянки, которая в силу засилья религии и адатов в дагестанском обществе того времени оказалась неразделенной. Чанка стал зачинателем нового жанра в аварской поэзии – элегии⁶².

Лакский поэт Гасан Гузунов начинал свою литературную деятельность с любовной лирики. Однако большого художественного мастерства и выразительности он достиг в сатире. В баснях Гузунов в аллегорической форме отображает тему народной жизни, показывает бесправное, униженное положение народа, осуждает алчность богачей. В этом плане показательна его басня “Петух Юсуп-хана”. В ней автор описывает бедственное положение трудящихся масс, общность интересов местных эксплуататоров и царской администрации.

Таким образом, XIX век стал периодом значительного развития художественной литературы народов Дагестана. В ней усиливается критическая составляющая. Художественная литература отражала изменения в социально-экономическом развитии, усиление дифференциации дагестанского общества, протест трудящихся масс против засилья феодалов. В поэзии все более находят отражение социальные мотивы, отстаиваются права бедняков на лучшую долю.

Материальная культура. Развитие материальной культуры народов Дагестана в этот период происходило под знаком воздействия и реализации общих закономерностей двоякого рода. С одной стороны, продолжают развиваться культурные традиции, обусловленные социально-экономическими процессами, произошедшими после постоянных нападений кочевников и периодическими крупными нашествиями XV–XVI вв.: новое географическое разделение (перераспределение) труда, ускорение роста производительных сил, интенсификация зонально специализировавшихся отраслей хозяйства (земледелие, скотоводство, домашние промыслы – ремесло), расту-

щий обмен (в том числе и культурный) между населением разных зон и этнических общностей, рост населения и его миграций (с гор на равнину), распространение более производительных орудий труда (отвальный передковый плуг, коса и т.д.). С другой – нарастающее воздействие экономических и политических факторов (присоединение к России, война, умиротворение и устранение внутренних конфликтов, междоусобиц) и влияние культуры России и русских.

Поселение. Это тот элемент культуры, в котором с достаточной полнотой обнаруживаются особенности, связанные как с природно-географическими условиями, так и с общественным строем и бытом.

Соответственно их деление и классификация имеют два фактора: физико-географический (по зонам) и общественно-политический (по различиям в общественном строе). Однако, помимо особенностей, обусловленных этими факторами, поселения имеют и общие (общедагестанские, или “общезональные”) черты, которые вызваны общими генетическими корнями, сходством исторических судеб, а также экономических и социальных процессов, близкими культурными и этническими традициями.

Характеристика поселения начинается обычно с описания его расположения на местности, в связи и зависимости от физико-географических условий, главным образом рельефа и ландшафта (тип заселения). Поселения равнины располагаются на ровных площадях, в предгорье – на склонах холмов, у подножий гор, в горной части – на склонах и гребнях гор, плоских вершинах и небольших плато, речных террасах, скальных массивах.

В Приморской низменности, в отличие от обширных равнин Терско-Сулакского приречья, селения равнины и нижнего предгорья обосновываются на склонах предгорий (Карабудахкент, Губден, Уллу-Буйнак, Утамыш, Башлыкент и др.).

При выборе места поселения старались выбрать солнечную сторону, учитывали близость водного источника, малодоступность и неприступность места с учетом оборонительного фактора. В горной части расположение селений на крутых каменистых склонах нередко было вызвано соображениями экономии угодий, пригодных для сельскохозяйственных нужд.

Солнечная ориентация играла существенную экономическую и бытовую роль (использование солнечной радиации для сушения и вяления фруктов, мяса; для подогрева воды; собственного обогрева в зимнюю пору и т.п.). Учитывалась также сохранность деревянных конструкций, особенно в помещениях для скота, которые быстро гнивали на теневой стороне.

На протяжении изучаемого периода значительные, даже коренные изменения претерпел оборонительный фактор. Достигнув своего апогея в период Кавказской войны (вспомним аулы-крепости Ахульго, Салта, Гергемиль, Чох и др.), он потерял свое значение в пореформенный период, с исчезновением войн, прекращением феодальных распрей и междоусобиц, установлением твердой централизованной власти.

Большие изменения произошли и в форме поселения, заключающейся в архитектурной планировке, предметно-вещевой структуре поселения. Первоначально преобладала кучевая форма, в некоторых горных селениях – террасообразная, ступенчатая (иногда эти ступени очень четко выделяются

и просчитываются, например в селениях Чох, Анчих, Хуштада, Согратль и др.), но чаще смешанная, ступенчато-кучевая. Для нагорья господствующей была вертикальная планировка селения, предгорья – умеренно склоновая, для равнины – горизонтальная. В Терско-Сулакском приречье кучевая форма уступает место рассредоточенно-усадебной, напоминающей адыгские аулы и казачьи станицы.

Планировка стала изменяться в связи с прекращением войн и междоусобиц, ослаблением родственно-тухумных связей и централизаторской роли общины, что выразилось, в частности, в ослаблении кучности, переезде части жителей на более свободные открытые окраины селения.

Хотя правильной планировки селения не было, как не было и никакого плана застройки, однако некоторые правила, отражающие общесельские интересы, соблюдались: крайние дома селения должны были строиться на возвышенной линии границы села и образовывать сплошную линию напоподобие крепостной. Кроме того, они должны были иметь амбразуры, определялось место центрального годекана и соборной мечети, места кладбища, сельского схода и даже сельских игрищ. Некоторые из этих принципов в пореформенный период потеряли свое значение, другие, например оборонительные, не допускались администрацией.

Социальное лицо поселений, видовая классификация (тип расселения), определяется внутренней общественной группировкой поселения, характером землепользования (и владения) и хозяйства, структурой поселения (характер общины, гентильность кварталов, общественные места и здания и др.). В рассматриваемый период виды поселений, сложившиеся в XI–XIV вв. и четко утвердившиеся в XV–XVI вв., приобрели законченную форму.

В Дагестане преобладали традиционные поселения (росо – ав., ши – дарг., хур – лезг., юрт, кент – кум., шар – лак., кзул – таб., гюр – агул., мухь – рут., хив – цах.). Они делились на кварталы, иногда – тухум-кварталы. Их черты: многодворность, в которой нашла отражение скученность расселения, полный суверенитет над всем фондом сельских угодий, крепкая сельская территориальная община с выборными органами власти и управления (сельский сход с постоянным местом сбора). Община имела исключительное право на обзаведение джума-мечети и сельским кладбищем. Это, как правило, старинные селения, многие из них известны по письменным источникам еще со времен раннего средневековья (например, Кумух, Хунзах, Акуша, Эндери, Цудахар, Утамыш, Ахты, Цахур, Рутул, Анди, Чох, Согратль и др.).

В организации власти и управления, а также землепользования этих феодальных образований имелись определенные ограничения, здесь некоторые права и функции общины узурпировались феодальной властью.

Второй вид поселений – хутор (махьи – авар., дарг., кум., лак., цах., марху – авар., ая – дарг., михь – агул., мехьи – рут.). Он был базой для микроурочища, которое при освоении его жителями новых земель и росте населения приобретает и поселенческие функции. Это однодворное поселение, с разбросанным характером расселения, без права использования окружающих земельных угодий, здесь нет общины (жители – члены общины селения) и, соответственно, ни схода, ни мечети, ни кладбища. В пореформенное время в связи с интенсификацией хозяйства и развитием капиталистических отношений усилился рост хуторского хозяйст-

ва, особенно в местах, имевших резервы неосвоенных угодий (например, в Терско-Сулакском приречье).

Третий вид поселений – отселок; как правило, это хутор, который приобрел статус поселения. Поэтому его названия в местных языках созвучны (кули – авар., махьи – кум., дарг., цах., казмаляр – лезг., маши – лак., сувахулар – агул.). Он малодворный, но экономически более развит, чем тухумные поселения, с неполными правами на землепользование, с субобщинной, независимой в своих внутренних делах, с мечетью, но без схода, соборной мечети и кладбища.

Хутора-отселки в наибольшей степени были распространены в районах с комплексным хозяйством с преобладанием стационарного скотоводства, в местах же с развитым отгонным скотоводством их мало (Самурский округ, Бохнадальский, Тлейсерухский участки Гунибского, Дидойский – Андийского, Курахский – Кюринского округов и др.).

В социальном отношении сеть хуторов и отселков была более развита в независимых сельских обществах и почти не развита в феодальных владениях. Другая особенность социальной сущности поселений, отражающая в основном формационное содержание, – это тип поселений (формы землевладения, общественно-политическое положение, характер власти и т.п.).

В Дагестане рассматриваемого периода выделяются три типа поселений: 1) раннефеодальное свободное сельско-общинное поселение (вольные общества), независимое от феодалов; 2) феодально-патриархальное общинное полузависимое от феодалов с определенными (иногда взаимообусловленными) формами зависимости поселения или союзы обществ; 3) феодальное, ханское (бекское), полностью зависящее от феодалов.

Поскольку вид и тип поселения фактически отражают однородные социально-политические аспекты, наблюдаются определенные закономерности их соотношения. В пределах политического образования один тип охватывает все три вида поселения, так как у них единые социально-экономическая сущность и политическое состояние. Тип может влиять на вид (расселение). Так, в полузависимых и зависимых типах слабо развита система хуторов и отселков. В то же время один и тот же вид может входить в разные типы (Цудахар – раннефеодальный, Рича – феодально-патриархальный, Кадар – феодальный).

С конца XVIII до начала XX в. в поселениях происходили как эволюционные, так и радикальные изменения. В равнинной части Дагестана в период имамата произошла централизация власти, упала роль общины и ее установлений, базирующихся на обычном праве, власть сосредоточивалась в руках набобов.

После присоединения к России и в пореформенный период, наряду с подчинением царской администрации, происходит восстановление прав и прерогатив общины, обычного права, института общинного самоуправления. С ликвидацией ханств исчезает и тип ханских зависимых и полузависимых селений, все они стали зависеть от государства⁶³.

До окончания Кавказской войны русское население в Дагестане представляли терские казаки, и лишь в пореформенный период, особенно к концу XIX в. северную часть Терско-Сулакского приречья стали заселять переселенцы из центральных губерний России. Казаки называли их иногородцами.

Типы поселений казаков – станицы и хутора. Первые были административными, хозяйственными и торговыми центрами крупных земельных общин. Хутора располагались на станичных землях. Административно и экономически они были связаны со станицами.

На планировке станиц сказались как оборонительный фактор (поначалу), так и правительственная регламентация – все они строились по улично-квартальному плану. Дома ставили свободно, отступя от улицы, за оградой двора⁶⁴.

Жилище. Эволюция жилища происходила во взаимодействии (и зависимости) с поселенческой структурой.

Основными особенностями жилища принято считать материал постройки, конструкцию стен, форму крыши, этажность, камерность, планировку⁶⁵. Этот набор признаков в известной мере универсален, он позволяет классифицировать жилище в разных аспектах: природно-географическом (зональном), хозяйственном, социальном, а во многих случаях и культурно-этническом. Более общий и универсальный характер имеет такой перечень признаков: материал, крыша, этажность.

На основе этих классифицирующих признаков в Дагестане выделяются три основных типа жилища: равнинный, предгорный и горный.

Для равнинного характерны глиняные постройки (турлук и саман), горизонтальная планировка (один этаж), скатная глиняная кровля (двускатная).

Для горного – каменные постройки, вертикальная планировка (два–четыре этажа), плоская земляная крыша.

Предгорное жилище характеризуется переходными чертами: материал – турлук и саман (на севере данной зоны) и камень (центр и юг предгорья), планировка горизонтальная (саман, но чаще турлук) и вертикальная (не больше двух этажей), кровля плоская, но встречается и скатная, особенно в хозяйственных постройках.

В пределах этих зональных типов выделяются и более частные формы, обусловленные как спецификой местных природно-хозяйственных особенностей, так и своеобразием культурного и этнического развития. Так, в горно-долинных селениях преобладал верандный тип жилища, в горных – лоджийный, более закрытый тип, нередко с внутренним двориком, а в высокогорье можно встретить и многоэтажные дома, с тенденцией заключить все жилые и хозяйственные постройки и помещения в рамки единой каменной коробки. Как правило, это было в селениях, жители которых содержали много крупного рогатого скота и заготавливали много кормов на зиму (например, союзы обществ Тлейсерух, Джурмут, Тланада, Капуча, Сирха, Ихрек и др.).

Можно отметить и другие местные особенности. Для северной части равнины характерна каркасная конструкция (при турлуке), тип жилища северного предгорья можно назвать предгорно-лесным вариантом равнинного, в центральном предгорье жилище ближе к горному (каменные стены, плоская кровля), чем к равнинному. В южном предгорье выделяются даргинский тип (закрытый комплекс), лезгино-кайтагский (дом с двором и верандой), табасаранский, также закрытый, с сенями–коридором посередине, делящим дом на две равные половины, потому его можно назвать сдвоенным.

В горной и отчасти предгорной зоне отметим наличие каркасной конструкции при каменных стенах (Гидатль, Годобери, Карата). Характерно было и вынесение хозяйственных построек за черту аула (Гидатль, Багулал, Табасаран, Верхний Кайтаг, Буркун-Дарга и др.). Наиболее распространенный в горной части тип жилья – закрытый дом с лоджией (двухэтажный), а также многоэтажный террасный дом, внутри которого находились как жилые комнаты, так и хлев и сеновал. Как вариант, в горах мог быть построен башнеобразный многоэтажный дом, внутри которого встроены два этажа жилых помещений, а внизу – хлев.

В жилище рассматриваемого периода преобладала двухчастная и трехчастная планировка: средняя комната – сени – хозяйственная, другая – повседневного обихода (семейная), третья – парадная, нередко ошибочно именуемая кунацкой (которая была только у кумыков).

Окна были маленькие, у закрытых домов бывали небольшие лоджии.

Строительная техника (такие операции, как компонование сложных больших каркасов, кладка каменных стен всухую), выполнялась настолько искусно, что не было видно швов, и на протяжении периода саморазвивалась и мало изменилась. Арочные конструкции, каменные колонны были на уровне лучших образцов мировой архитектуры.

Зато в строительных материалах изменений произошло немало, появились новые, особенно в пореформенный период, и они в немалой степени повлияли на облик и санитарно-гигиеническое состояние жилища дагестанцев. Это стекло, листовое железо, всевозможные скобяные изделия, готовые пиломатериалы для плотников, масляные краски и пр. Хотя массовым их применение трудно назвать, особенно в отдаленных селениях горной части.

Украшение жилища дагестанцев не отличалось броскостью и яркостью. Особенно слабо было распространено специальное украшение жилища. Наиболее часто встречающиеся формы украшения: арочные конструкции, формование и обтесывание строительного камня, колонны каменные и деревянные, фигурное дерево и резьба по дереву, резной камень, художественное оформление очага, ларей, амбаров, центрального столба и капители, балок, окон. Украшение зависело и от особенностей используемых материалов. На равнине оно осуществлялось наращиванием и тиснением фигурных украшений при обмазке, в предгорье, богатом деревом и удобным для обработки камнем, – обтесыванием фигурной и плоской резьбе; в долинах – формованием камня и обработкой центрального столба и капители; в горных, богатых лесом местах – художественной обработкой (фигуры и резьба) больших площадей ларей, столбов, мебели и т.д. В отношении отдельных местностей, например горно-долинной, безлесной, горной и высокогорной части Дагестана, представляется справедливым наблюдение русского наблюдателя А.Г. Васильева, что дома здесь “без всяких украшений снаружи и внутри”⁶⁶.

Во внутреннем убранстве равнинного жилища большое место (и роль) занимает возвышение, иногда с подпорками. Много ниш, полок, лари вынесены под навес двора.

В предгорье, напротив, амбары и лари, большие, художественно выполненные, с богатой резьбой, с вделанными шкафами выступают на первый план. Много деревянных кроватей, табуреток-трехножек, утвари. В Южном

Дагестане важным элементом интерьера были ковры. В горной части также немалую роль играют лари, пусть даже привозные, здесь увеличивается значение полок для постелей и крупной гончарной (и иногда медной) посуды. Особенно колоритен был интерьер гидатлинского жилища с его громадными во всю длину ларями (цагурами), центральными столбами с капителями и мощными матицами.

Хозяйственные постройки и помещения имели несколько основных форм расположения и планировки: на первом этаже жилища (хлев, сенник, сарай) по периметру двора, в закрытом жилищно-хозяйственном комплексе, в том числе закрытом дворе, в высокогорье – по этажам (хлев–сенник–жилье), на равнине – по периметру двора и в его дальнем углу (для скота) в ряде мест всех зон на окраинах селений.

Для русского населения равнины характерно смешение южно-русско-украинских и кумыкских строительных традиций. Как и в кумыкском жилище, русская “хата” имела два варианта: столбово-каркасный, с несущими продольными стенками, переросший в саманный, и балочный, с несущими торцовыми стенами и несколькими балками, с четырехскатной соломенной или камышовой крышей.

В первой половине XIX в. при возведении жилищ учитывался прежде всего оборонительный фактор, и это было не только на территории имамата. В пореформенный период жилище получает более “мирный” вид, чаще стали строить лоджии, балконы, веранды, галереи, появляются внутренние дворики, увеличивается площадь жилья и трехчастная планировка, а также размер хозяйственных построек, начали строить кровли, покрытые железом, и применять новые строительные материалы, новые предметы быта и интерьера (сундуки, комоды, шкафы, столы, кровати, настенные зеркала и др.).

Одежда. В отличие от поселения и жилища, она считается более этническим, этноразличительным (этнодифференцированным) элементом культуры, в котором “наиболее ярко находит выражение национальная самобытность народов”⁶⁷. Однако более взвешенной выглядит точка зрения, согласно которой “старинные элементы одежды, особенно простейших форм”, сходны у разных народов, особенно если это сходство совпадает с общностью хозяйственно-культурного типа.

В целом можно считать, что одежда народов Дагестана, несмотря на его этническую пестроту, в своей основе однотипна, отражая единые генетические корни народов, исторические и культурные взаимодействия и взаимовлияния.

Таким образом, можно говорить об общем типе дагестанской одежды, разумеется, не забывая о культурных и этнических традициях и контактах.

Нательную одежду мужчин составляли туникообразная рубаша и штаны “навыпуск” простого покроя. Поверх рубашки носили бешмет из домашнего сукна на подкладке, в талию, с длинными узкими рукавами, с невысоким стоячим воротником и нагрудными карманами. В торжественных случаях поверх бешмета надевали почти такого же покроя (она шире, длиннее, с широкими рукавами) одежду (чуха), известную повсюду под названием черкески. С ней обязательны узкий пояс с пластинами, желательны серебряными, и кинжал. Головной убор – мохнатая овчинная папаха, у состоятельных – из

каракуля. Обувь – вязаные шерстяные узорчатые носки, легкие сафьяновые сапоги (маси), башмаки на кожаной или деревянной подошве, кожаные калоши, чарыки из сыромятной или дубленой кожи, войлочные сапоги на толстой подошве (тоже войлочной), вязаная обувь на подошве с загнутыми носками, кожаные сапоги (у зажиточных).

Важной частью одежды была овчинная шуба, сшитая в талию. Ее носили жители равнинных районов. В горах надевали накидную шубу с ложными рукавами и без рукавов с пелериной.

Одеждой для непогоды служила наплечная бурка наподобие плаща. Пешеходы носили простую бурку, в виде куска сложенного войлока без швов, с завязкой на шее. У всадников была сшитая бурка, с плечами, большая, из лучшей шерсти, выполнявшая и роль доспехов. На весь Кавказ, а после Кавказской войны и у русского офицерства, славились андийские бурки из высококачественной шерсти андийских овец.

Намного разнообразнее и богаче была одежда женщин. При известном единстве комплекса мужской одежды, женская, напротив, обнаруживает значительное многообразие, как в составе элементов одежды, так и в разнообразии их форм, а также в способах их сочетания, комбинирования, образования комплексов, костюмов.

Нательная одежда женщин была двух видов – туникообразная и составная, из лифа и пришитой к нему широкой юбки. Под рубаху надевали длинные (до ступней) шаровары.

Туникообразная рубаха служила у ряда народов (аварская, даргинская группы) и верхним платьем, которое подпоясывалось широким матерчатым или кожаным с большими металлическими пряжками и нашитыми украшениями (чаще монетами) поясом.

У других народов поверх рубахи надевалось платье в талию нескольких модификаций.

Парадным платьем было расшитое платье къабалай, с двойными (узкими кистевыми и широкими) рукавами и передником вместо разреза.

Верхней одеждой служили шубы, наподобие мужских, только несколько более нарядные. Обувь почти тех же видов и форм, как и мужская, но более изящная, с использованием разных вышивок и аппликаций.

Основные головные уборы – платок-покрывало, окутывающее почти всю женскую фигуру, и чухта – вид чепчика, представляющий собой сквозной мешочек, закрепленный лентами на лобной части с обхватом головы и доходивший до талии. Другой вариант – полотнище на подкладке, закрывающее волосы, темя и лоб украшались серебром (бляхи, тяжелые цепочки сложного плетения, монисты и др.).

Наиболее оригинальные чухты были у женщин Анди и Ботлиха. Поверх чухты носили платок или покрывало.

Очень распространены были серебряные украшения – кольца, серьги, браслеты, монисты, бусы, подвески, нагрудники и передники, сплошь покрытые монетами и др.

Несмотря на общую однотипность, костюм дагестанских женщин имел много локальных, в том числе этнических вариантов. По особенностям одежды, отдельным деталям, способам ношения, типу головного убора и украшения можно было определить не только этническую при-

надлежность, но и союз обществ, и даже аул, где жила та или иная женщина, особенно горянка.

С.Ш. Гаджиева выделяет в XIX в. следующие костюмные комплексы дагестанских женщин: Аварский (с субкомплексами Андалалский, Гидатлинский, Карахский, Чамалалский, Багулалский, Гиндальский, Андийский, Ботлихский, Дидойский, Бежтинский); Лезгинский (собственно лезгинский, табасаранский, Рутульский, Цахурский, Агульский); Лакский (несколько выделяются комплексы Казикумуха, Вицхи, Вихли, Балхара); Даргинский (Кайтагский, Каба-Даргинский, или Урахинский, Муэринский, Сюргинский, Кубачинский, Буркун-Даргинский, Цудахарский, Акушинский, Усишинский, Чирагский, предгорных селений Губден-Мюрего-Кадар); Кумыкский; Татский; Ногайский⁶⁸. Следует добавить еще Чеченский (Вайнахский) комплекс, отличительной чертой которого среди костюмов северокавказских женщин является, по мнению Е.Н. Студенецкой, “особый головной убор чухта и платье рубаха”, явный результат дагестанского влияния⁶⁹.

Что касается русского населения, то характерное утверждение мы встречаем у известного специалиста по одежде М.Н. Шмелевой: “У терских казаков довольно много было общего с одеждой кавказских народов”. Это проявилось в заимствовании бешметов, черкесок, папах, ношении кинжалов. Казачки носили поневу (распашная несшитая юбка из трех полотнищ, собранных на шнуре) и кичку (головной убор на твердой подкладке) с рогами, местами сарафан и кокошник⁷⁰.

После присоединения к России изменения происходили прежде всего в составе материалов, тканей для одежды. Дешевые фабричные ткани оказывали воздействие и на структуру одежды, ее внешний вид, начинают проникать и элементы городской одежды, прежде всего у отходников, интеллигенции, их семей и родственников (привозные подарки): фабричные шелковые и кашемировые платки, калоши, тесемки, украшения, нитки и т.п. Однако радикальных изменений, особенно в женской одежде, не произошло.

Пища. Это один из самых чутких, связанных как с природно-географическими условиями, так и особенностями хозяйства и социального положения, элементов материальной культуры. Вместе с тем сложившиеся привычки и предпочтения в питании весьма живучи.

Пища дагестанцев рассматриваемого периода по своему характеру, основным продуктам (сырье, полуфабрикат, снесь) и блюдам вполне отражала свою двойственную природу – она обусловлена природой и хозяйством, она подчиняется закономерностям сложения и развития культурно-этнических традиций.

Несмотря на производственную слабость земледелия в горной части, пищевые традиции дагестанцев, отражая глубокие земледельческие традиции народов, носили отчетливо выраженный земледельческий характер. Поэтому к Дагестану полностью применима формула С.А. Арутюнова о двуединой зерно-молочной модели питания, сложившейся в Восточной и Передней Азии при образовании производящего хозяйства. По его словам, для Дагестана характерна главная из двух “наиболее сложных вариаций обеих компонентов этой двуединой модели питания – высокоразвитое дрожжевое хлебопечение”. Кроме того в Дагестане практиковалось характерное для этой модели “упот-

ребление пахтанья или разведение кислого молока как напитка” и особенно “обычай приготовления запасов из сухих творожных сырков”⁷¹.

Однако следует отметить, что традиции питания в это время обусловлены и большой ролью скотоводства в хозяйстве горцев в последние столетия, после перераспределения географического разделения труда (с XV–XVI вв.).

Таким образом, имелись две естественные основы питания – растительная и животноводческая, с преобладанием первой.

Основными продуктами (сырьем) были: зерно (пшеница, ячмень, рожь, кукуруза, голозерный ячмень, полба, просо, рис), бобовые (фасоль, горох, чечевица), молоко (коровье, овечье для сыра), мясо (мелкий и крупный рогатый скот, птица), зелень, овощи, фрукты, ягоды.

Главные полуфабрикаты – мука, крупа, вяленое мясо и колбасы, сушеные творожные сырки, сушеная зелень и фрукты; снедь – хлебные изделия, толокно.

Хлеб был пшеничным (в том числе слоеный, из смазанных маслом пластин теста), ячменный, кукурузный, просяной, ржаной (чаще в смеси), как пресный, так и дрожжевой. Готовили и солодовый хлеб. Хлебопекарных устройств было шесть: 1) каменный под (позднее лист железа, сковорода, две сковороды с жаром и золой); 2) двухсекционная подовая печь; 3) такая же печь, но двух-трехэтажная, не подовая, а плиточная; 4) противень (садж) на треножнике; 5) тондыр – устройство ямного типа, полом служат стенки ямы, огонь и жар на дне; 6) тарум – печное устройство со стенкой-подом, это вроде вынесенного наверх тондыра.

Очень распространенным было мучное блюдо хинкал (клецки, галушки) с разными приправами, наилучшим считалось сочетание хинкала со свежей бараниной и чесночной подливой. Хинкал был самых разнообразных форм – тонкие квадратики, утолщенные цилиндры из теста – колбаски, галушки разных размеров (от 50 до 300 г.), ракушки и т.д. В отсутствие мяса использовали сыр, простоквашу, поджарки жирного вяленого мяса, сала, курдюка, яичную баланду с поджаркой и др.

Большое распространение имели вареники и пироги, особенно престижными и лакомыми считались они с мясным фаршем, помимо него использовали творог, зелень, сыр, яйца, зеленый лук, тыкву, картофель, птицу, курагу, топинамбур и др. В качестве приправы употребляли лук, чеснок, творог (к зелени), уксус, барбарис, грецкий орех, разные поджарки, масло, сметану, кислое молоко, тмин, перец, урбеч (масса смолотого зерна льна “кудряш”) и др.

Несмотря на всеобщее (где больше, где меньше) бытование хинкала, важное место в питании занимали супы. Самый массовый из них – хинкальный бульон, независимо от того, что в нем кроме хинкала варилось или добавлялось. Известен рассказ о великом русском хирурге Н.И. Пирогове, который в ответ на сообщение о готовности к отправлению сказал: “Подождите, этим людям сейчас может понадобиться помощь” (рядом сидели горцы и кушали огромные галушки с бараниной). Но когда горцы, покончив с хинкалом, достали большие ложки и стали хлебать бульон, он рассмеялся и сказал: “Оказывается, у них есть противоядие (лекарство?), можно отправляться”.

Повсеместно готовили также фасольевый суп, мясной, молочный (и с лапшой), чечевичный, рисовый, кураговый, кизилловый (из сушки), крупяной, картофельный, тыквенный, зеленый суп типа окрошки на кислом молоке и др.

Основным мясом была баранина, для вяления на зиму во многих местах резали крупную скотину; конину традиционно не употребляли, но покалеченную лошадь резали на мясо. Из мясных блюд самым популярным был шашлык, готовили долма (голубцы в виноградных листьях), плов, ковурма, “крученку” из вывернутого желудка или листьев нутряного жира с фаршем из печени, лука, душистой травы и соли и др.

Немалое место в рационе дагестанцев занимали каши: мучные и из разных круп, приправленные маслом, медом, урбечем (обычно в смеси с маслом и медом), сметаной, кислым молоком, разными поджарками. Готовили также каши из абрикосов, кураги, тыквы, кураги с толокном, солода (особенно для рожениц). Особое место занимала зерновая каша с бобовыми, она часто носила ритуально-обрядовый характер и должна была состоять из семи видов зерна и бобовых (панспермия).

Цельное молоко употреблялось редко (только для детей), были кислое молоко, айран, йогурт, творог, в целом молоко и молочные продукты занимали второе место после растительных (зерново-молочно-мясная модель питания).

Из сладостей наиболее распространенная – халва. Ее варили из муки, замешенной на масле и меде. Очень популярны были сладости наподобие “казенак” из зерен (конопля, рис), ядер орехов и косточек, запеченных на меду или фруктовым и виноградном сиропе (позднее сахарном).

Напитки преобладали, безусловно, земледельческие, хлебные, наиболее массовый из них – брага (буза), приготавливаемый сбраживанием солодового хлеба. Было много безалкогольных и слабоалкогольных напитков, приготовленных из солода и толокна, употреблялись в этом качестве и сыворотка, айран, а также вино, вареное вино (мусти).

Алкогольные напитки потреблялись редко, преимущественно на торжествах, в высокогорье были целые союзы обществ, в которых вообще не производились даже слабоалкогольные напитки.

Терцы использовали в пище главным образом кислый хлеб. Они пекли также много пирогов, булок, блинов и оладий. Ели каши из круп, с добавлением овощей – моркови и тыквы; употребляли и “кашу с рыбой”. Важная часть питания – молочные блюда, приготовленные, как правило, на основе кислого молока.

Самое популярное блюдо – борщ с мясом, готовили блюда из баклажанов, перца, помидор, добавляли в блюда пряные приправы из местных трав. Варили из кукурузы мамалыгу. Из напитков употребляли квас, узвар (компот), бузу, чихирь (молодое виноградное вино).

Значительные изменения в пище на протяжении рассматриваемого периода произошли только в пореформенный период. Одно из радикальных новшеств – массовое внедрение блюд с применением картофеля. Так, он вытесняет из пирогов многие виды начинок, занимает твердое место в супах, образует с мясом новое блюдо с оригинальным названием “соус”. Внедряются и блюда из капусты, борщ с мясом, голубцы, появляются макароны, соленые овощи, котлеты и пр. Но массовым этот процесс не был, особенно в горной части. Известную роль сыграли и традиционные предпочтения и консерватизм в пищевых традициях сельского, особенно горского, населения⁷².

§ 5. Семейный и общественный быт

Семейный быт. Большие политические сдвиги и потрясения, особенно Кавказская война и присоединение к России, существенным образом сказались на семейном и особенно общественном быте дагестанских народов. Господствующей формой семьи была малая (простая, нуклеарная) семья, со средней численностью четыре–семь человек, включающая одну супружескую пару, ее не состоящих в браке детей и иногда отдельных родственников (чаще всего одного из овдовевших родителей). Однако даже в конце рассматриваемого периода еще встречалось немало семей, представлявших собой крупную структуру в виде неразделенных семей (несколько супружеских пар с не состоящими и состоящими в браке детьми). В Дагестане была распространена форма большой семьи, расширенная вертикальная (отцовская, корневая), образованная несколькими поколениями родственников.

По Дагестану они составляли в конце XIX в. 13,4% семей, но их удельный вес был намного выше в отдельных этнорайонах (кумыки, табасаранцы, лезгины, народы южного высокогорья – агулы, рутулы, цахуры).

Семьи входили в родственную группу семей патрилинейного характера, ведущих происхождение от одного предка. Группа имела четко выраженное родственное, общественно-бытовое и идеологическое единство (но не экономическое). Тухум не был замкнутой, закрытой группой, он мог делиться на подобные же структуры низшего порядка, так же как ряд патронимических групп мог образовывать некое подобие “супертухума”. Таким образом, тухумы находились в процессе постоянного роста, деления, объединения, могли образовывать патронимические подразделения разного иерархического уровня.

Тухумы не были экзогамными группами, но и эндогамия в них не носила абсолютного характера. Напротив, очень часто имели место кросстухумные браки, легче это осуществлялось между малыми патронимическими группами, но это не было исключением и для более крупных патрилинейных объединений.

Система родства в тухуме была арабского типа (отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, внук, дед, баба, дядя по отцу, дядя по матери, по степени родства – родной, двоюродный, троюродный). Чаще всего родство обозначалось по отцовской линии до 12-го колена, начиная от “родного” отца до “в доме бывающего” (или “реку переходящего”).

Браки преобладали в целом внутритухумные, идеальным возрастом для этого считался 25 лет для мужчин и 17 – для женщин.

Решающее (разрешительное) слово в выборе брачного партнера принадлежало отцу, однако в знакомстве, подготовительных действиях неофициальной “разведки” и дипломатии, прощупывании другой стороны главную роль играли мать, сестры, тети предполагаемых партнеров.

Брак заключался согласно шариатским предписаниям, с участием муллы жениха и отца невесты, чаще их поверенных, причем формально выражение согласия девушки было обязательно. Локализация брака была патрилокальная, развод по шариату, по инициативе мужа. Жена имела право на требование развода в двух случаях: в случае физиологической недееспособности мужа или его экономической несостоятельности (необеспечение жены, семьи средствами существования).

Этапы брачного процесса: сватовство, сговор, обручение, пребывание в “другом доме” (до и после свадьбы), свадьба. При обручении сторона жениха вносила своеобразный брачный залог – кебин, предназначенный для обеспечения жены на случай вдовства или развода по инициативе мужа. У части народов, как правило, с более феодализированным бытом (кумыки, ногайцы, азербайджанцы, табасаранцы, лезгины, часть предгорных даргинцев) существовал выкуп за невесту – калым.

Фабула свадьбы всех дагестанских народов имела много общего, более своеобразна она была у ногайцев, азербайджанцев и татов. Обычно ее справляли поздней осенью, когда все сельскохозяйственные работы завершены, весь урожай обработан и стал достоянием семьи. На свадьбу приглашались все родственники, или же только самые старшие и уважаемые из них, остальные обязаны были принять участие без приглашения. Во многих местах, особенно в небольших селениях, в свадьбе участвовали все сельчане. Обрядность свадьбы была очень богатая, в ней было много доисламской ритуальности. Главным событием торжества был переезд невесты в дом жениха, со специальным поездом – шествием, сопровождаемым всевозможными ритуальными и увеселительными действиями. Ввод невесты в дом жениха был ритуализирован: встреча матерью жениха, мазание части лица невесты медом и др. Всеми действиями на свадьбе руководил избранный из мудрых и почетных людей тамада, шах, хан, власть которого (особенно в равнинной части Дагестана) была очень велика. Он мог, например, приказать действительному хану, князю совершить определенный добрый поступок, не входящий в рамки свадьбы (к примеру, помиловать провинившегося, отпустить на волю крепостного и т.п.).

Свадьба длилась несколько дней, на другой день по окончании был обряд “открывания”, “лицезрения” невесты, при котором происходило и ее одаривание (с ответными небольшими символическими подарками).

После свадьбы было несколько этапов приобщения новобрачной к новой семье и ее хозяйству: ввод ее в общую семейную комнату, первый ритуальный вывод за водой к сельскому роднику, снятие запретов, связанных с избеганием.

В свою очередь родственники невесты, пригласив к себе молодых, совершали некоторые обряды проверки жениха (например, могли предложить расколоть кряжистый сучковатый пень). После этого, одарив новобрачных, они также как бы официально признавали жениха “своим”.

Семья была авторитарной, хозяином в доме считался муж и отец, жена во всем повиновалась ему, но уже после некоторого времени совместного проживания хозяйственная и практичная жена брала в свои руки весь домашний и семейный быт, оставив мужу формальное и внешне подчеркиваемое главенство.

В случае преждевременной кончины жены, если были дети, нередко практиковался брак на сестре умершей, чтобы сиротство детей не было тяжелым (сорорат). Если же умирал муж, при хорошем хозяйстве и малых детях считалось разумным и желательным женить на вдове его брата (леви-рат). Разумеется, в обоих случаях было необходимо согласие обеих сторон.

В воспитании детей главное внимание уделялось приучению их к будущим занятиям: пахаря (скотовода), отца-кормильца и воина для мальчиков.

хозяйки дома и матери – для девочек. Большое внимание уделялось воспитанию трудовых и нравственных качеств, уважения к старшим, самоотверженности, любви к семье, очагу, родине.

Семья и семейный быт терцев в главном сохранили свою первоначальную основу русского крестьянского быта, но “проявлявшего себя в особых исторических условиях и в особом этническом окружении, что дополнительно накладывало на него своеобразный кавказский колорит” (Л.Б. Заседателя)⁷³. К ним можно, например, отнести умыкание всадников и стрельбу во время свадебного шествия, осыпание невесты орехами и сладостями и др. Авторитаризм отца и мужа, перегруженность женщины хозяйственными и бытовыми работами были характерны и для казаков, что лишней раз показывает обусловленность этого явления традициями воинского быта.

На протяжении рассматриваемого периода значительное усиление шариатских норм и установлений произошло в период имамата и не только на его территории. После присоединения к России, несмотря на политику, направленную в целом против шариата, в сфере семьи и семейного права, видимо, как далекой от политики и власти, были сохранены шариатское право и судопроизводство. Сыграло роль и то обстоятельство, что в этой сфере шариатские нормы были во многом ближе к цивилизованным, чем адатные⁷⁴.

Общественный быт. В основе общественной организации дагестанцев рассматриваемого времени лежала сельская территориальная община – джамаат. Эта община основывалась на совокупности общинных и частновладельческих мульков. Общины образовывали союзы общин (сельских обществ), которые делились на независимые (вольные) и находящиеся в разной степени зависимости от феодальных владетелей.

Внутри союза обществ основные функции управления принадлежали сельской общине, исключая касающиеся интересов всего союза. Были также союзы союзов (Дидо, Ункратль, Антль-Ратль, Девек-делеми и др.), наиболее крупным и сильным из них был Акуша-Дарго. Функции союза были в основном военно-политические и правовые.

В общине хозяйственная деятельность и общественный быт регулировались адатом и нормами шариата. Адатные нормы, как социального, так и общественно-политического порядка, были обязательны для всех без исключений. Адаты свели в своды по союзам обществ, некоторые из них кодифицировали. И в XIX в. наиболее известными были кодексы XVII в. катагского уцмья Рустем-хана аварского правителя и Умма-хана (Справедливого). Управление осуществляли кадий, старшины, старейшины (надзор), исполнители. Наиболее важные вопросы решались сельским сходом. Тяжбы, гражданские споры, уголовные дела решались по адату судьями из старейшин, дела по религии, семейным отношениям, наследству, завещаниям – кадием по шариату.

В феодальных владениях самоуправление общин и их союзов ограничивалось властью, у которой были как военные и политические рычаги, так и экономические (обширные сельхозугодья, в горах – главным образом пастбища, разные поборы и торговые сборы и т.п.).

Общественный быт регулировался не только обычным правом, но и традициями, обычаями, установлениями (прецедентами) морально-эти-

ческого кодекса. Многие его нормы были воплощены в обычае гостеприимства, заключавшемся в обязанности принимать жителя другого села, чужеземца независимо от его этнической или конфессиональной принадлежности, из дружеской он или враждебной страны, его настоящего положения (больной, раненый, преследуемый кровниками, властями, бежавший узник и т.п.), даже если он пришел в дом своего кровника. Приоритет долга гостеприимства хорошо отражен в кумыкском предании о народном герое Айгази: на его вопрос, обращенный к матери, как ему поступить с тремя внезапно свалившимися на него делами (убить кровника, защитить любимую, принять гостей), мать обязывает его в первую очередь принять с почетом гостей⁷⁵.

Гость имел право на постой, ночлег, стол, неприкосновенность и охрану жизни, имущества, чести, достоинства, которые обеспечиваются хозяином, а в случае необходимости – его тухумом и даже общиной. Обычай гостеприимства в свою очередь оказал значительное влияние на культуру и нормы межэтнического и межрегионального общения, укрепил и приумножил многие традиции дагестанцев – обязательности, взаимовыручки, коллективизма, добрососедства, этнотерпимости и др.

Традиция гостеприимства породила его своеобразный вариант – куначество, в котором институт гостеприимства обретает форму постоянных семейно-бытовых и экономических связей, осуществляемых семьями на межсельском (межрегиональном, межэтническом) фоне посредством взаимных посещений, бытовых и экономических акций. Кунак уже не просто гость, это личный друг, фактически родственник, он принимает участие в важнейших событиях семьи своего кунака, а у себя представляет все его интересы как свои собственные. Куначество переходило от отца к сыну (и даже к дочерям), отцовский кунак считался более близким и почетным, нежели свой, самым обретенный (в приведенном предании о Айгази речь шла именно о отцовском кунаке).

Много общего с куначеством имело аталычество, в котором, правда, много элементов социальной иерархии. Эта традиция заключалась в том, что сыновья феодальных фамилий отдавались на воспитание и воинскую выучку людям, известным своей мудростью, доблестью, воинским мастерством. Бравший на воспитание (аталык) стоял ниже по своему социальному статусу, чем отец воспитанника, но он тоже должен был быть благородного происхождения, родовитым, пусть даже рядовым узденем. Воспитание завершалось своеобразным обрядом инициации, во время которой юноша показывал свои знания, мужской характер, воинское мастерство, усвоение норм поведения и менталитета, а аталык получал щедрую награду, повышение своего статуса и почитался после этого как второй отец своего воспитанника.

Обязательным атрибутом быта дагестанцев была кровная месть, следование которой считалось важным элементом менталитета и мужской чести и достоинства. В условиях отсутствия центральной власти и особенно ее элементов правопорядка и принуждения на местах кровная месть в определенной мере ограничивала безудержность и применение оружия. смертоубийства при столкновениях. Община постоянно стремилась ограничивать массовость столкновений на почве кровной мести, устанавливала

очередность права мщения по кровной близости (в случае нарушения его мстивший сам становился кровником и подлежал акту мщения), круг родственников, на которых распространялась месть, практиковала изгнание убийцы, применяла разные формы примирения (маслахата). Особенно преуспевали в подобных действиях сильные общины, которые могли призвать к порядку и кровников, и их тухумы, если это потребуется. Характерно, что община бывала просто беспощадна, когда кровная месть наносила вред общественным интересам. Так, в Гидатле убийство кровника во время общей тревоги или боевых действий против неприятеля считалось тягчайшим преступлением наряду с сожжением Гидатлинского моста, связывавшего селение с внешним миром.

В имамате кровная месть не поощрялась, вопросы ее решались строго по шариату, с заменой мести на материальное вознаграждение. И, естественно, она категорически не должна была мешать делу священной войны.

Главное положение русского судопроизводства заключалось в абсолютном непризнании правомочности кровной мести и суровом наказании любых ее проявлений как тяжелых уголовных преступлений.

В общественном быту дагестанцев большое место занимали разные обряды и праздники, причем большинство из них были языческими, домусульманскими, но синкретизированными в духе исламской традиции и идеологии.

Самым массовым, престижным, богатым, демократичным (в нем принимали активное участие все, в том числе женщины и дети) был весенний праздник первой борозды (первого плуга). Его предназначением было обеспечение богатого урожая, изобилия в новом году посредством исполнения целого ряда ритуальных действий имитативной, умиловительной, карпогонической (обеспечивающей плодородие), мимистической (подражательной) и других видов магии. В празднике много обрядов, игрищ, состязаний и т.п., имеющих глубокие корни. Они восходили к раннеземледельческой культуре.

Были и другие обряды – праздник Нового года (весной) с персонификацией и диалогом зимы и лета, вызывания дождя, солнца, завершения уборки урожая, начала выпаса скота, весенних работ в виноградниках, приведения в порядок угодий (особенно террас), очистки водных источников и протоков и др.

Главным мусульманским праздником были день жертвоприношения (курбан байрам) и разговения (ураза байрам). В праздниках и обрядах немалое место занимали народные виды спорта. Самым массовым и доступным из них было метание тяжелого камня. Популярны были бег наперегонки (по возрастным категориям), скачки, поднятие тяжестей, борьба, кулачный бой (один на один), плавание в приречных селениях, метание камня в мишень, своеобразные скачки и родео на ослах и др.

В общественном быту русского, в том числе и казачьего населения, также большую роль играли община (мир, круг) и сельский сход. В организации досуга большое место занимали посиделки, хороводы и игрища. Так же, как и у дагестанцев велика была роль религиозных функционеров, церкви. Особенно показательна большая роль куначества у казаков, во взаимоотношениях с коренным населением, причем даже с обменными браками и аталычеством.

Общественный быт претерпел больше изменений, чем семейный. В имаме общину и ее функции подмяли под себя наибы с шариатом. После присоединения к России, несмотря на видимое возрождение общины и обычного права, все это было под властью администрации.

Усиление обменных и иных связей способствовало оживлению гостеприимства и куначества, хотя в них уже начинают проглядывать черты делового капиталистического мира. Ликвидация ханской власти и их привилегий ослабила аталычество в обрядах, в формах досуга стали заметны усиление исламизма и бытового меркантилизма, все чаще любимым состязанием становятся скачки.

- 1 Военный сборник. СПб., 1862. Т. XXIII. С. 377.
- 2 Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1902. Т. XII. С. 1415.
- 3 *Вердеревский Е.А.* Плен у Шамиля. СПб., 1856. Ч. II. С. 40.
- 4 Военный сборник. Т. XXIII. С. 362.
- 5 Этнография Кавказа. Тифлис, 1888. Т. II: Языкознание. С. 39.
- 6 Кавказ. 1893. 6 окт.
- 7 Там же. 12 сент.
- 8 Там же.
- 9 *Козубский Е.И.* К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1. С. 198.
- 10 Там же. С. 192.
- 11 Там же. С. 200.
- 12 Там же. С. 205.
- 13 *Козубский Е.И.* Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища. Петровск, 1899. С. 3.
- 14 Там же. С. 59.
- 15 Прогимназию окончило всего 38 человек.
- 16 Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71. Л. 19.
- 17 *Козубский Е.И.* К истории народного образования... С. 194.
- 18 Там же. С. 195.
- 19 Там же. С. 215.
- 20 *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 72.
- 21 Там же. С. 73.
- 22 Там же.
- 23 *Бартольд В.В.* Историческое изучение Востока в Европе и в России. Л., 1925. С. 283.
- 24 *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 83.
- 25 *Услар П.К.* О распространении грамотности между горцами // Кавказские горцы: Сб. сведений. М., 1992. Вып. 3. С. 20.
- 26 История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 335–336.
- 27 *Алимова Б.М.* Табасаранцы, XIX – начало XX в. Махачкала, 1992. С. 200.
- 28 *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 120–121.
- 29 *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 120–121.
- 30 *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 328.
- 31 Обзор Дагестанской области за 1896 г. Темир-Хан-Шура, 1897. С. 30.
- 32 Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 126–128.
- 33 *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 121–123.

- ³⁴ Османов М.-З.О. Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 1988. С. 6–22.
- ³⁵ Гамзатов Г.Г. Дагестанский феномен возрождения. Махачкала, 2000. С. 60.
- ³⁶ Юсупова Ч.С. Дагестанская поэма: Становление и развитие жанра. М., 1989. С. 30–31.
- ³⁷ История Дагестана. Т. 2. С. 318.
- ³⁸ Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 84–86.
- ³⁹ Там же. С. 83.
- ⁴⁰ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 2. С. 268.
- ⁴¹ История Дагестана. Т. 2. С. 321.
- ⁴² Там же. С. 317–322. См. также: Ахлаков А.А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М., 1981; Жанры фольклора народов Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1979; Фольклор и историческая действительность: Тез. докл. Всесоюзн. науч. конференц. Махачкала, 1976; Аджиев А.М. Дальние дороги песни: Заметки о кумыкском героическом эпосе. Махачкала, 1977; Халилов Х.М. Лакский песенный фольклор (Традиционное наследие). Махачкала, 1959; и др.
- ⁴³ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. С. 570.
- ⁴⁴ Говоров С. Кумыкский театр. Махачкала, 1955. С. 5–6.
- ⁴⁵ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 97.
- ⁴⁶ Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. Махачкала. 1999. С. 45.
- ⁴⁷ Башкиров А.С. Искусство Дагестана. М., 1951. С. 12.
- ⁴⁸ Магомедов А.Дж. Указ. соч. С. 54–55.
- ⁴⁹ История Дагестана. Т. 2. С. 317.
- ⁵⁰ Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. Табл. № 7.
- ⁵¹ Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 238.
- ⁵² Яковлев Н.Ф. О ювелирной промышленности в Дагестане. Махачкала, 1928. С. 3.
- ⁵³ Гамзатов Г.Г. Дагестан: историко-литературный процесс // Вопросы истории, теории, методологии. Махачкала, 1990. С. 65.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Гашаров Г.Г. К вопросу о творческом методе поэта Етима Эмина // Творческое наследие Етима Эмина. С. 45.
- ⁵⁶ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 98.
- ⁵⁷ Тихонов Н. Поэты старого Дагестана // Батырай: Заметки, статьи о творчестве. Махачкала, 1976. С. 9.
- ⁵⁸ Абакарова Ф. Очерки даргинской дореволюционной литературы. Махачкала, 1963. С. 17.
- ⁵⁹ Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 99.
- ⁶⁰ Гамзатов Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978. С. 303.
- ⁶¹ Магомедов Б.М. Очерки аварской дореволюционной литературы. Махачкала. 1961. С. 78.
- ⁶² Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 331.
- ⁶³ Русские. М., 1997. С. 219, 229 (сер. “Народы и культуры”); Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские, XIX–XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. С. 54–57.
- ⁶⁴ Кобычев В.П. Типология кавказского народного жилища // VII Междунар. конф. археологических и этнографических наук. М., 1964; Кобычев В.П., Робакидзе А.И. Основы типологии и картографирование жилища народов Кавказа // Сов.

- этнография. 1967. № 2; *Грацианская Н.Н., Листова Н.М.* Вопросы типологии традиционного жилища Центральной и Юго-Восточной Европы // VII МКАЭН; *Османов М.-З.О.* К вопросу о принципах классификации жилища // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1969. Т. 19, кн. 2: Сер. общественных наук.
- ⁶⁵ *Васильев А.Г.* Казикумухцы // Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 69.
- ⁶⁶ *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин, XIX – начало XX в. М., 1978. С. 202.
- ⁶⁷ *Терентьева Л.Н., Шлыгина Н.В.* К вопросу о формировании этнографических границ Прибалтийского региона // Проблемы типологии в этнографии. М., 1978. С. 34.
- ⁶⁸ *Гаджиева С.Ш.* Одежда // Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971. С. 122–134; *Она же.* Одежда народов Дагестана. XIX – начало XX в. М., 1981. С. 126–131.
- ⁶⁹ *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа, XVIII–XIX вв. М., 1989. С. 212.
- ⁷⁰ Русские. С. 344; Этнография питания народов стран Зарубежной Азии: Опыт сравнительной типологии. М., 1981. С. 133.
- ⁷¹ См.: *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура кумыков, XIX–XX вв. Махачкала, 1960; *Она же.* Кумыки: историко-этнографическое исследование; *Она же.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1967; *Она же.* Одежда народов Дагестана, XIX – начало XX в.; *Гаджиева С.Ш., Османов М.-З.О., Пашаев А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; *Ихилов М.М.* Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967; *Агаширинова С.С.* Указ. соч.; *Булатова А.Г.* Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.). Махачкала, 2000; Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX в.; *Османов М.-З.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). Махачкала, 1996.
- ⁷² *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 288.
- ⁷³ См.: Современная культура и быт народов Дагестана. С. 153–166; *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985; *Сергеева Г.А.* Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане // Кавказский этнографический сборник. М., 1969; *Рагимова Б.Р.* Женщина в традиционном дагестанском обществе, XIX – начало XX в. Махачкала, 2001.
- ⁷⁴ *Гаджиева С.Ш.* Кумыки... С. 291.
- ⁷⁵ См.: *Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Современная культура и быт народов Дагестана. С. 212–214; *Агларов М.А.* Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988; *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999; *Ислам-Магомедов А.И.* Общественный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. // Рукописный фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 717.

Оглавление

Введение	5
Раздел первый	
Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества на территории Дагестана	
Глава первая. Дагестан в эпоху становления первобытного общества	9
§ 1. Естественно-географические условия Дагестана в четвертичном периоде	9
§ 2. Эпоха праобщины	10
Глава вторая. Дагестан в период расцвета первобытного общества	16
§ 1. Раннепервобытная община охотников и собирателей	16
§ 2. Позднепервобытная родовая община земледельцев и скотоводов	22
§ 3. Демографические и этнокультурные процессы в Дагестане в период первобытной родовой общины	40
Глава третья. Дагестан в эпоху разложения первобытного общества	47
§ 1. Земледельческо-скотоводческие племена Дагестана в бронзовом веке	47
§ 2. Дагестан в период ранней бронзы	49
§ 3. Эпоха средней и поздней бронзы	62
§ 4. Хозяйство населения эпохи средней и поздней бронзы	79
§ 5. Развитие общества. Верования, культы и искусство бронзового века	83
§ 6. Демографические и этнокультурные процессы в бронзовом веке	90
Глава четвертая. Зарождение классового общества в Дагестане	97
§ 1. Начало освоения железа и его социально-экономические последствия	97
§ 2. Племена Дагестана в VII–IV веках до н.э.	107
Глава пятая. Возникновение государства на Восточном Кавказе	126
§ 1. Дагестан в составе Кавказской Албании	126
§ 2. Бытовые и погребальные памятники, материальная культура	130
§ 3. Хозяйство Дагестана в III веке до н.э. – IV веке н.э.	133
§ 4. Социальное и политическое положение	141
§ 5. Культура и идеология	147

Раздел второй

Дагестан в IV–XV веках

Глава первая. Дагестан в IV–VI веках	157
§ 1. Этнополитическая карта Дагестана	157
§ 2. Экономическое развитие	166
§ 3. Социальный строй	169
Глава вторая. Дагестан и Арабский халифат в VII–X веках	176
§ 1. Арабские завоевания в Дагестане	176
§ 2. Последствия арабских завоеваний	181
§ 3. Ислам в раннесредневековом Дагестане	185
Глава третья. Социальная структура, экономическая и политическая жизнь Дагестана в XI – первой половине XIII века	193
§ 1. Политическая карта Дагестана	194
§ 2. Хозяйственное развитие	207
§ 3. Города Дагестана. Формирование крупных населенных пунктов	209
§ 4. Социальный строй	213
Глава четвертая. Борьба народов Дагестана за независимость. Хозяйство и общественный строй в XIII–XV веках	224
§ 1. Походы монголов на Кавказ	224
§ 2. Борьба народов Дагестана с полчищами Тимура	230
§ 3. Экономическое и политическое развитие Дагестана	234
§ 4. Политическое устройство и социальный строй	240
§ 5. Второй этап исламизации Дагестана (вторая половина X–XVI века)	250
Глава пятая. Древнерусское государство и Дагестан	263
Глава шестая. Взаимоотношения народов Дагестана с другими народами Кавказа	270
§ 1. Дагестан и Ширван	270
§ 2. Дагестан и Грузия	276
§ 3. Тюркский мир и Дагестан	279
Глава седьмая. Культура народов Дагестана в IV–XV веках	285

Раздел третий

Дагестан в XVI–XVIII веках

Глава первая. Экономическое, политическое и культурное развитие Дагестана в XVI–XVII веках	299
§ 1. Этническая карта	299
§ 2. Политическая карта	303
§ 3. Экономическое развитие	328
§ 4. Культура народов Дагестана	337
Глава вторая. Социальные отношения и классовые выступления в Дагестане в XVI–XVII веках	357
§ 1. Социальные отношения	357
§ 2. Классовая борьба	362

Глава третья. Политическое положение Дагестана и борьба его народов за независимость в XVI–XVII веках	376
§ 1. Международное положение Дагестана	376
§ 2. Народы Дагестана в борьбе против иранской агрессии в XVI веке	377
§ 3. Выступления народов Южного Дагестана против турецкого гнета в конце XVI – начале XVII века	380
§ 4. Взаимоотношения народов Дагестана с Россией в XVI – начале XVII века	382
§ 5. Народы Дагестана в борьбе против агрессии иранских шахов в XVII веке ...	388
§ 6. Дагестано-российские отношения в XVII веке	402
Глава четвертая. Международное положение и внутривнутриполитическая обстановка в Дагестане в конце XVII – начале XVIII века	414
§ 1. Внешнеполитическое положение Дагестана	414
§ 2. Антииранское движение в Дагестане и Азербайджане в первой четверти XVIII века	417
§ 3. Каспийский поход Петра I и его значение	421
§ 4. Последствия присоединения Прикаспия к России	428
Глава пятая. Освободительная борьба народов Дагестана против иранских завоевателей	437
§ 1. Нашествие шаха Надира на Дагестан	437
§ 2. Провал захватнических планов Надира в 1743–1745 годах	446

Раздел четвертый

Дагестан в составе России

Глава первая. Объединение Дагестана и России	453
§ 1. Международное положение Дагестана в конце XVIII – начале XIX века	453
§ 2. Дагестан и Россия в первой четверти XIX века	467
Глава вторая. Дагестан в первой трети XIX века	473
§ 1. Внутреннее положение Дагестана	473
§ 2. Внешнеполитическая обстановка в 20-х годах XIX века	483
Глава третья. Антифеодальная и антиколониальная борьба народов Северного Кавказа во второй четверти XIX века	494
§ 1. Освободительное движение народов Дагестана и Чечни в 1829–1839 годах ...	494
§ 2. Второй этап борьбы горцев Дагестана и Чечни за свободу и независимость в 1840–1852 годах	510
Глава четвертая. Дагестан накануне и в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов	516
§ 1. Внутривнутриполитическая обстановка. Обострение классовой борьбы	516
§ 2. Антиколониальные выступления в 60-х годах XIX века	519
§ 3. Восстание 1877 года	524
Глава пятая. Административная, судебная и аграрная реформы 60-х годов XIX века	534
§ 1. Административно-судебная реформа	534
§ 2. Крестьянская реформа	541

Глава шестая. Социально-экономическое развитие Дагестана в 60–90-х годах XIX века	550
§ 1. Развитие сельского хозяйства	551
§ 2. Развитие капиталистической промышленности	560
§ 3. Изменения в социальной структуре и земельно-правовых отношениях	571
§ 4. Аграрное движение в 70–90-х годах XIX века	578
Глава седьмая. Культура народов Дагестана в конце XVIII–XIX веков	586
§ 1. Образование	586
§ 2. Наука	591
§ 3. Здравоохранение	593
§ 4. Культура	596
§ 5. Семейный и общественный быт	616

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Научное издание

**История Дагестана
с древнейших времен
до наших дней**

В двух томах

Том I

**История Дагестана
с древнейших времен
до XX века**

Утверждено к печати

Ученым советом

Института истории, археологии и этнографии

Дагестанского научного центра

Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.Д. Лебедев*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор

Т.В. Болотина

Технический редактор

О.В. Аредова

Корректоры *З.Д. Алексеева,*

А.Б. Васильев, Г.В. Дубовицкая

Подписано к печати 19.10.2004

Формат 70 x 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.леч.л. 51,4

Усл.кр.-отт. 51,4. Уч.-издл. 50,6

Тираж 1010 экз. (РФФИ – 400 экз.)

Тип. зак. 11088

Издательство “Наука”

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Буряты / Отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. – 60 л. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-009856-6 (в пер.)

Издание является наиболее полным на сегодняшний день собранием сведений по этнической истории и культуре бурят, которые рассматриваются на исконной территории расселения – Предбайкалье и Забайкалье. После присоединения Восточной Сибири к России история бурят продолжается на территории нескольких воеводств или уездов – Енисейского, Красноярского, Иркутского, Илимского, Нерчинского. Авторы рассматривают диалекты и говоры бурятского языка, относящегося к северной группе монгольских языков алтайской семьи, прослеживают численность народа с 1851 г. по настоящее время, дают обстоятельную характеристику скотоводческого хозяйства этноса, исследуют традиционную религию – шаманизм, а также распространившийся в Бурятии с XVI в. буддизм. В монографии прослеживается развитие культуры бурят до наших дней.

Для этнологов, историков, археологов и широкого круга читателей.

В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / Отв. ред. Е.А. Пивнева, Д.А. Функ. – М.: Наука, 2005. – 10 л. – ISBN 5-02-033518-5

В книге рассматриваются проблемы поиска аборигенными народами Севера оптимальных форм диалога с иными культурами и властными структурами, поиска новых и своих исторических имен, поиска утраченной веры, самих себя. Очерченный круг проблем анализируется на основе новейших материалов, полученных в ходе экспедиционных работ среди хантов, манси, ненцев, эвенков, камчадалов, якутов, алтайцев, хакасов-сагайцев.

Для специалистов-этнологов и широкого круга читателей, интересующихся современным положением и культурой народов Сибири.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

Магазины “Академкнига” с указанием “Книга-почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга-почтой”); (код 4232) 45-27-91
antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”); (код 3433)
50-10-03 KNIGA@SKY.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20
val@igc.irk.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnet.ru;
akadkniga@nm.ru; http://akadkniga.nm.ru
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru

akadkniga@voxnet.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

---

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru*
